

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

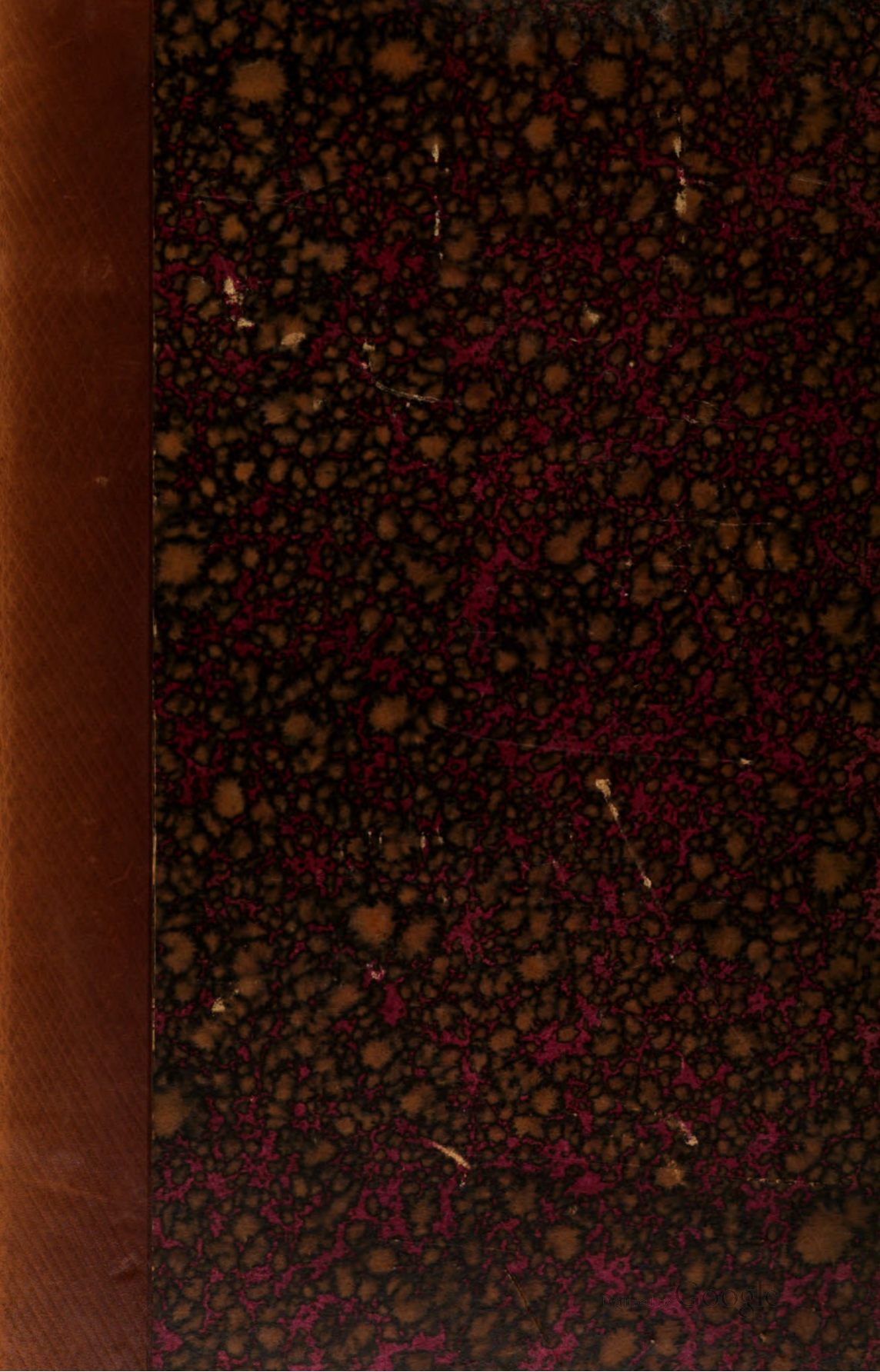
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

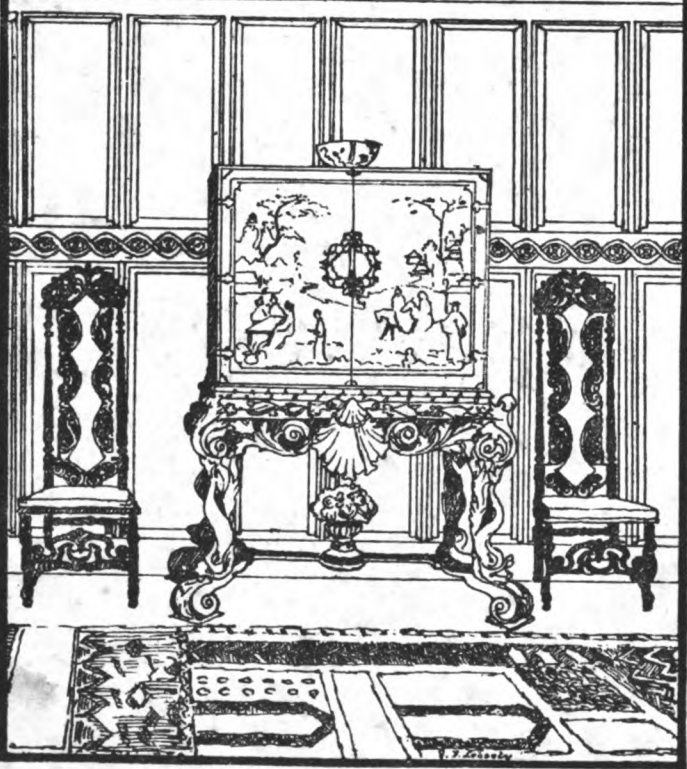
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

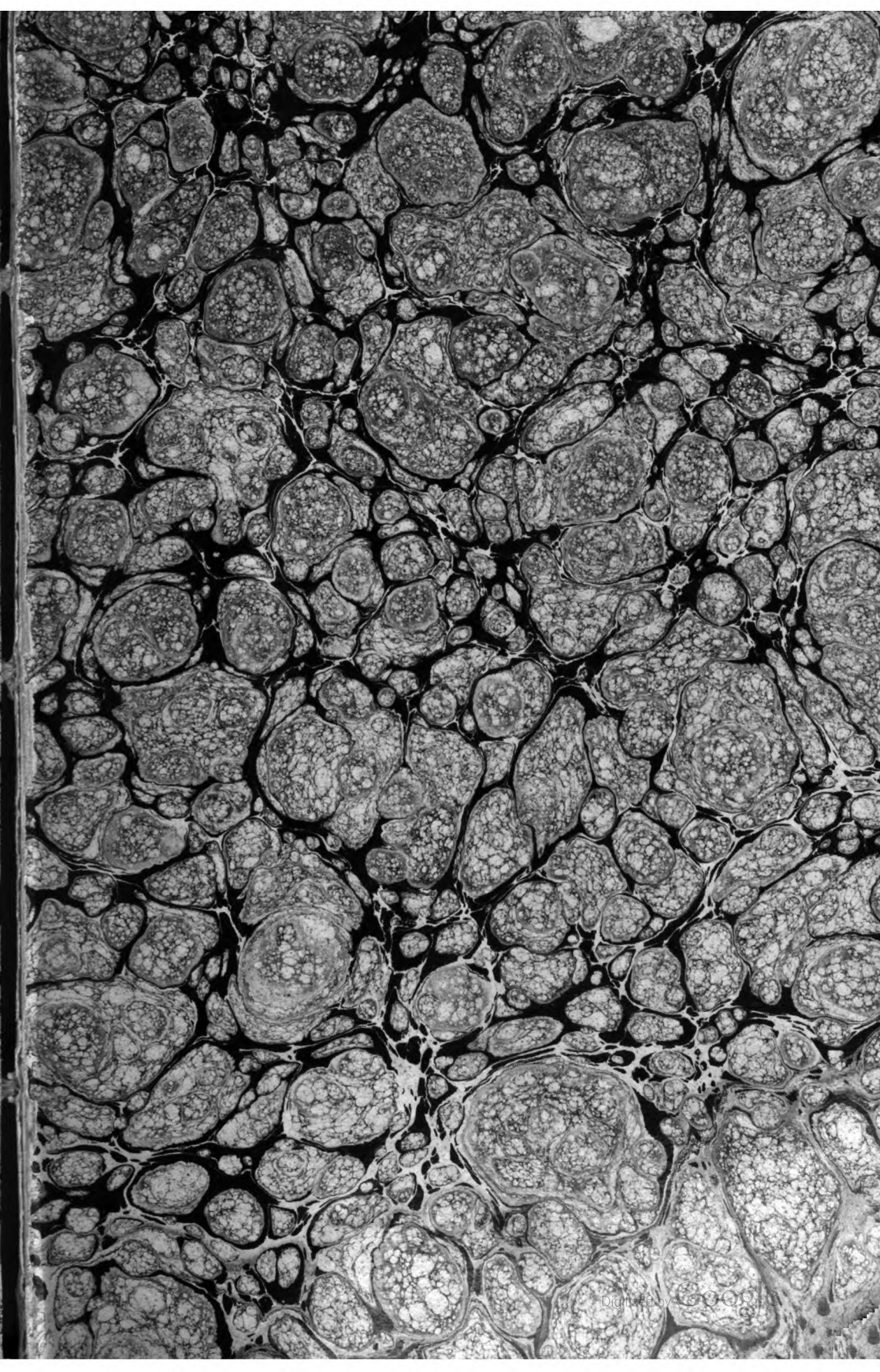

Ex Libris

W.E.D. Allen

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать второй. **ЯНВАРЬ.**

1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Россія и русскій дворъ въ 1839 г. Записки путешественниковъ — нбца Гагерна и француза — маркиза де-Кюстина . . . 1 и 145	0
II. Дневникъ академика-профессора Александра Васильевича Никитенко, 1861 годъ: Освобожденіе крестьянъ. — Университеты. — Аксаковъ. — Крестьяне. — Отставка Ковалевскаго. — Графъ Строгановъ. — Графъ Пугачинъ. — Въ Ливавъ и родной усадьбъ. — Закрытіе университета. — «Русское Слово» и Писаревъ. — Бар. М. А. Корфъ. — «Сѣверная Почта». — П. А. Вагуевъ, Кляжевичъ, гр. Дн. Андр. Толстой, А. В. Головинъ. . . 39	0
III. Бородино и Москва въ 1839 г. Записка кн. Голицына. Сообщ. Н. К. Шильдеръ . . . 105	0
IV. Дворянскій полкъ въ 1840-хъ годахъ. Воспоминанія А. М. Миклашевскаго . . . 111	0
V. Воспоминанія Михаила Ивановича Венюова, 1852—1854 гг. 127	0
VI. Профессоръ Александръ Дмитриевичъ Градовскій. Воспоминаніе рѣчь А. Ф. Кош. . . . 199	0
VII. Присужденіе большой золотой медали Императорскимъ Вольно-Экономическимъ обществомъ доктору русской исторіи Василию Ивановичу Семевскому . . . 185	0
VIII. Материалы, замѣтки и стихотв.: Къ исторіи Остроумова Евангелія. Очеркъ гр. Н. С. Данскаго (209). — Кн. Ромодановскій и кн. Меншиковъ. Сообщ. Д. П. Струковъ (126). — Устьесольская старина (214). — Д. В. Ломоносовъ (219). — Историческія пѣсни (221). — Л. И. Неклюдовъ (223). — Андр. Мих. Фадѣевъ (227). — Стихотв. Ю. В. Жадовской (198). — А. Д. Шумахеръ (228). — Поправки и замѣтки (226 и 226 и 727). — Н. Д. Хвоцинскій (В. Крестовскій).	0
IX. Библиографическій листокъ. Сообщ. профессоръ В. С. Пконниковъ.	0

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ писательницы Надежды Дмитриевны Хвоцинской, по мужу Заіончиковская, въ литературѣ псевдонимъ Крестовскій. Гравюра на мѣди, исполнилъ художникъ Федоръ Ивановичъ Веревкинъ.

Принимается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1891 г.

Двадцать второй годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Альбомъ гравюръ на мѣди, портреты русскихъ дѣятелей, выпускъ четвертый. Въ январѣ будетъ разсылаться **ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ** портретовъ, художественно выполненныхъ гелиографуръ. Цѣна каждаго выпуска **ОДИНЪ** руб. и три почтов. марки за перес. (21 к.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1891.

Исторія Россіи. Соч. Д. И. Иловай-скаго. Томъ III. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI вѣкъ. М. 1890 г. 717 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Въ дополненіе къ сдѣланному уже отзыву (изд. 1890 г. № 12 «Русская Старина») помѣщаемъ о трудѣ Д. И. Иловайскаго замѣтку проф. В. С. Иконникова, именно о настоящемъ томѣ труда нашего историка;

— «Спокойное, ровное изложеніе, не нарушаемое излишними или мелочными подробностями, не уклоняющееся въ сторону по поводу того или другаго спорнаго вопроса и въ то-же время дающее полную картину событій—таковы несомнѣнные достоинства разсматриваемаго труда, выступающія съ особенною рельефностью въ настоящемъ томѣ. Обзоръ литературы и важнѣйшихъ частныхъ вопросовъ отнесенъ авторомъ въ отдѣльные примѣчанія, помѣщенные въ концѣ книги и заключающія въ себѣ свыше 100 стр. мелкаго шрифта. Въ очеркахъ внутренняго состоянія общества авторъ даетъ мѣсто юридическимъ отношеніямъ и важнѣйшимъ литературнымъ памятникамъ искусства. Въ послѣдней главѣ, посвященной отношеніямъ различныхъ элементовъ западно-русскаго общества, впервые представленъ обстоятельный очеркъ возникновенія, распространенія и утвержденія вліянія еврейства, дающаго уже чувствовать себя въ разсматриваемую эпоху, въ связи съ другими характерными явлениями западно-русской жизни.

Отмѣчая выходъ въ свѣтъ этого, несомнѣнно выдающагося по своимъ достоинствамъ, тома обширнаго труда автора, мы позволяемъ, однако, себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, вызванныхъ, такъ сказать, первымъ впечатлѣніемъ послѣ общаго обзора книги. Мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора, что Иванъ IV весьма легко смотрѣлъ на завоеваніе Ливоніи и что въ то уже время возможна была со стороны Россіи болѣе активная политика противъ Крыма (218—219, 223 и особенно стр. 626). Стремленіе утвердиться на Балтійскомъ поморьи проходить, можно сказать, красною нитью чрезъ все сношенія Ивана Грознаго съ западною Европою. «Ничѣмъ не умолишь меня, если не откажешься отъ Ливоніи», писалъ онъ королю шведскому, отъ котораго желалъ получить 200 конныхъ воиновъ по нѣмецкому образцу, искусныхъ металлурговъ,

не малое количество военныхъ запасовъ и т. п. На защиту Ливоніи со стороны императора Максимилиана, кн. Сугорскій долженъ былъ отвѣчать: «Государю ни за что такъ не стоять, какъ за свою вотчину, Лифляндскую землю». Уже во время переговоровъ Поссевина, Иванъ IV выставлялъ на видъ невозможность отдать всю Ливонію, такъ какъ иначе ему нельзя будетъ имѣть сношеній съ папою, императоромъ, Италіей и приморскими странами, какъ черезъ Польшу, которая постоянно слѣдила за этими сношеніями, не пропускала въ Московію опасныхъ людей и указывала западнымъ державамъ на возрастаніе могущества и искусствъ въ Московіи. Иванъ Грозный хлопочетъ привлечь къ своему союзу Англію, чтобы, при ея содѣйствіи, отнять у Литвы и Швеціи Ливонію, и оттуда въ большомъ количествѣ доставляются военные припасы. Какой-бы получила характеръ политика московскаго государства съ утвержденіемъ завоеваній въ Ливоніи, конечно, сказать трудно; но осуществленію его много вредила несовершенство военнаго искусства, бунты на востокъ и набѣги татаръ, отвлекавшія значительныя силы съ западной границы, внутреннія тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ находился самъ Иванъ IV, и, наконецъ, появленіе во главѣ противниковъ такого опытнаго полководца, какъ Стефанъ Баторій... Ординъ-Нащokinъ при Алексѣ Михайловичѣ (хотя личныя качества этого царя составляли прямую противоположность Грозному) слѣдовалъ тѣмъ же взглядамъ на ливонскій вопросъ и въ концѣ концовъ все-таки долженъ былъ потерпѣть неудачу. Многолѣтняя борьба Петра Великаго лучше всего показываетъ, чего стоило даже тогда осуществленіе этой задачи. Также точно и вся послѣдующая исторія отношеній Россіи къ Крыму, неудачи Петра Великаго, судьба походовъ Миниха, несомнѣнно обладавшаго военнымъ талантомъ, и т. п., лучше всего могутъ служить предостереженіемъ противъ категорическаго утвержденія, что при Иванѣ IV въ отношеніи Крыма была возможна «вмѣсто системы пассивной обороны»—«болѣе активная политика». Припомнимъ, что одновременно съ этимъ возможна была и дѣйствительно активная политика со стороны султановъ Солимана II и Селима II, причѣмъ и Литва едва-ли

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

АР. МИТОВС
БОРГОУМНЬ
ГОЛОВИНЫ

ПОСШКОВ
ШАФИРОВЪ
МАКАРОВЪ

ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ

ЯК. ДОЛГУЖКОВ. МЕНШИКОВ. ШЕРЕМЕТЬЕВ. БЕЛАН. ПРОКОПОВ.

ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ ВТОРОЙ

ИМПЕРАТРИЦА
АННА-ЮАННОВНА

ДОМОШОВ. ЯК. ШАХОВЪ. БЕЛЖЕВ. РОМ. КИРИЛ. ШУВАЛОВ.

ИМПЕРАТОРЪ
ПЕТРЪ ТРЕТИЙ

В. ВОЛКОВЪ
СУМАРОВЪ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСКІЙ
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ-КУТУЗОВЪ

БЕЛКОВ. НОВАКОВ. ДАШКОВА. ОРЛОВЫ. ПОТЕМКИНЪ. РАМНИНОВЪ. СУВОРОВЪ. БЕЗБОРОДКО. БЕЛКОВ.

ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД-МИЛЛЕР
М.ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ

СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОЕДОВЪ
ПУШКИНЪ

ЖУКОВСКІЙ. ПАСКЕВИЧЪ. ВОРОНОВЪ. ИРЯНИНОВЪ. ГОЛДОВЪ. М.СЛИНКА. А.КУРСКІЙ.

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛА ПЕРВЫЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

RB

DK

1891.

1 R 89

v. 69

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

Состав. Д. Шараповъ.

Digitized by Google

ПИС. К. БРОУНЪ.

2 - 11 - 16

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 г.

1891 г.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1891.

А. Рвангунин

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1891 г. т. LXIX.
ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 7 СЕНТЯБРЯ 1890 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

РОССІЯ И РУССКІЙ ДВОРЪ въ 1839 г.

Записки нѣмецкаго путешественника Гагерна.

Полковникъ Гагернъ въ свитѣ принца Александра (род. 1817 года, † 1849 г.), старшаго сына принца Оранскаго и вел. княгини, впоследствии королевы, Анны Павловны, въ 1839 г. посѣтилъ Россію; онъ былъ въ Петербургѣ, Москвѣ, осмотрѣлъ лагерь русскихъ войскъ при Бородинѣ и заѣзжалъ въ Варшаву. Человѣкъ даровитый, весьма образованный и наблюдательный, Гагернъ сохранилъ въ своемъ дневникѣ, изданномъ въ 1857 г. на нѣмецкомъ языкѣ, много любопытныхъ замѣтокъ о видѣнномъ и слышанномъ въ Россіи. Нѣсколько выдержекъ изъ этого дневника мы уже помѣстили въ „Русской Старинѣ“¹⁾, здѣсь представляемъ окончаніе всего того, что относится въ „Дневникѣ“ до Россіи. Переводъ и его сообщеніе принадлежитъ Николаю Карловичу Шильдеру.

Ред.

Сегодня, 3-е сентября 1839 г., былъ обѣдъ на 300 кувертовъ во вновь отстроенной громадной столовой залѣ. На немъ были императоръ Николай Павловичъ и почти всѣ главнѣйшіе представители русской арміи; князь Паскевичъ и генераль Ермоловъ были самыми выдающимися, и мнѣ еще часто придется возвращаться къ нимъ; затѣмъ были князь Голицынъ, московскій генераль-губернаторъ, принцъ Александръ Вюртембергскій, генералы Крейцъ, Розенъ, Ротъ, Ридигеръ, Ушаковъ, Нейгардтъ, Потаповъ и др.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. LI, стр. 21—54, изд. 1890 г., т. LXV, стр. 321—339.

Послѣ обѣда производили рекогносцировку поля сраженія; мы отправились къ Шевардинскимъ редутамъ, гдѣ находился Наполеонъ во время сраженія. Въ императорѣ опять сказался любитель военнаго дѣла; онъ самъ разставлялъ войска для того дня, въ которой должна произойти примѣрная битва. При этомъ я услышалъ отъ него педантичное замѣчаніе: „до сихъ поръ думали, что русская армія въ день битвы была сильнѣе, чѣмъ оказывалось въ дѣйствительности; сегодня-же я самъ убѣдился, что поле битвы слишкомъ тѣсно для того числа, которое обыкновенно принимаютъ“.

На полѣ сраженія приказано поставить памятникъ, похожій на кеглю, увѣнчанную луковицей; это принятая форма въ Россіи. Затѣмъ, чтобы лучше произвести смотръ и облегчить прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ, приказано засыпать ложину передъ памятникомъ, хотя она и играла важную роль въ сраженіи.

Оба армейскіе корпуса, соединившіеся подъ Бородинымъ, находятся подъ командой генераловъ Крейца и Нейгардта; драгунскимъ корпусомъ командуетъ генераль Потановъ, частями гвардіи—великій князь Михайлъ.

Въ общемъ всего сосредоточено около 140,000 чел.; на многихъ смотрахъ подъ ружьемъ находилось 120,000 чел. и болѣе.

Въ баталіонѣ среднимъ числомъ отъ 700 до 750 человекъ; въ кавалерійскомъ до 800 лошадей, въ драгунскомъ до 1000 лошадей и болѣе.

4-го сентября. Большой маневръ втораго армейскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Крейца. Прибылъ принцъ Альбертъ прусскій, адъютантами его—графъ Весторпъ, зять генерала Мюф-флинга, и фонъ-Фаерстъ (Vaerst); затѣмъ отъ генеральнаго штаба генераль Тиле и майоръ Гогенгорстъ—все пруссаки. Принцу Альберту я не понравился: я держалъ себя съ нимъ нѣсколько свободно, какъ онъ и заслуживаетъ этого своимъ обхожденіемъ. Не особенно понравился я также генералу Тиле; онъ пѣтистъ, обо всемъ разсуждаетъ съ тяжелою серьезностью, между тѣмъ какъ я нарочно часто вель съ русскими нескромные разговоры.

Для генерала крайне тяжело маневрировать въ присутствіи императора, потому что послѣдній очень часто измѣняетъ диспозиціи или предположенія, слѣдуя только внушеніямъ своего воображенія. Поэтому-же генералы принуждены держать свои войска сосредоточенными массами, потому что только такимъ образомъ они могутъ быстро исполнять приказанія императора безъ большой потери времени. Императоръ вмѣшивается во все, и хотя при самомъ началѣ маневровъ и говорилъ, что предоставляетъ все генераламъ, но не

пройдетъ и часа, какъ онъ фактически принимаетъ командованіе на себя: *c'est plus fort que lui*. Адъютанты его въ постоянномъ движеніи. Великій князь Михаилъ жаловался сегодня на тотъ свободный тонъ, съ которымъ адъютанты императора передаютъ приказанія генераламъ; въ данномъ случаѣ жалоба была направлена противъ молодаго князя Багратіона, мнимаго наслѣдника грузинскаго престола.

Я не желаю входить въ подробности маневра и предоставляю это маіору Браухичу, обязанному посылать ежедневно своему королю длиннѣйшіе рапорты объ этихъ пустякахъ. Сегодня мы получили топографическую карту окрестностей Бородина и нѣсколько таблицъ, относящихся до дислокаціи и предстоящаго смотра.

Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ, гдѣ всѣхъ принималъ графъ Шуваловъ въ качествѣ гофмаршала.

Послѣ обѣда я гулялъ съ Сухтеленемъ, который въ чинѣ гвардейскаго поручика былъ раненъ въ Бородинской битвѣ. Затѣмъ мы вмѣстѣ смотрѣли башкирскую палатку или кибитку, присланную сюда генераломъ Перовскимъ, оренбургскимъ генераль-губернаторомъ; но самому Перовскому нельзя было пріѣхать.

Вечеромъ я забавлялся перелистываніемъ списка начальствующихъ въ Бородинскомъ лагерѣ; онъ содержитъ около 300 фамилій, начиная съ генераловъ и кончая командирами батальоновъ и кавалерійскихъ дивизіоновъ. Изъ этихъ 300 фамилій болѣе 70 было чисто нѣмецкихъ (отсюда я исключилъ всѣ спорныя).

5-го сентября. Маневръ шестаго армейскаго корпуса подъ командою генерала Нейгардта на той-же мѣстности. Производили переправу черезъ одну рѣку. Послѣ маневра кавалерія и артиллерія прекрасно проходили черезъ оврагъ шагомъ, рысью и галопомъ.

Во время маневра принцъ Александръ имѣлъ длинный разговоръ съ министромъ государственныхъ имуществъ, генераль-адъютантомъ Киселевымъ, отличнымъ генераломъ, который безъ сомнѣнія будетъ еще играть роль. Киселевъ говорилъ о вредѣ военныхъ поселеній, о вредѣ ландверной системы: эта прусская выдумка никуда не годится, должно бросить ее, иначе никакое правительство не можетъ оставаться хозяиномъ въ своей странѣ. Затѣмъ онъ высказался противъ представительнаго правленія,—все это совершенно въ духѣ принца Александра ¹⁾. Я только слушалъ и молчалъ.

Пыль стояла такая, что просто можно было задохнуться. Послѣ

¹⁾ „См. характеристику принца Александра, сына принца Оранскаго въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г., т. LI, стр. 23—24. Н. Ш.

маневра императоръ обратился къ ветеранамъ, выстроеннымъ передъ его палаткою. Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ; сосѣдомъ моимъ былъ опять англійскій генераль Арбутнотъ; сюда пріѣхало нѣсколько англійскихъ офицеровъ.

Послѣ обѣда мы въ подробностяхъ осмотрѣли Новороссійскій драгунскій полкъ, затѣмъ сводный кирасирскій. Генераль Глазенапъ, командиръ драгунской бригады, слышалъ, что у насъ въ Голландіи хотятъ организовать драгуновъ по русскому образцу, и всячески увивался около меня, надѣясь, что я предложу принцу Александру просить короля поручить ему организацію драгунъ у насъ. Всѣ эти русскіе, но болѣе русскіе нѣмцы, желаютъ и стараются при всякой возможности покинуть Россію, хотя-бы и на время. Генераль Глазенапъ *est souvent revenu à la charge*. Онъ очень сочувствуетъ драгунамъ (или выставляетъ себя таковымъ), но не отрицаетъ при этомъ, что это нововведеніе встрѣчаетъ сильную оппозицію въ русской арміи; но такъ какъ это идея и созданіе самого императора, то очень немногіе рѣшаются вслухъ высказываться и указывать на вредъ и недостатки его.

6-го сентября. Большой маневръ драгунъ, употребляемыхъ обыкновенно для обхода. Императоръ хотеть показать сегодня, какъ Наполеонъ долженъ былъ-бы маневрировать противъ русской позиціи подъ Бородинымъ. Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ; сосѣдомъ моимъ Вильбрахамъ, англійскій офицеръ, находившійся при англійскомъ посольствѣ въ Персіи.

Во время маневра мнѣ пришлось услышать разговоръ князя Лихтенштейна съ русскимъ генераломъ Реадомъ, состоящимъ въ Польшѣ при князѣ Паскевичѣ въ качествѣ инспектора кавалеріи. Они говорили о калишскомъ лагерѣ и о неудовольствіи императора, вызванномъ кавалерійскою дивизіею русскаго генерала Ностица. Реадъ признаетъ для кавалеріи только одинъ родъ рыси и не одобряетъ того, что императоръ требуетъ слишкомъ быстрой рыси.

Послѣ обѣда поѣздка въ Городокъ, нарочно для лагеря выстроенное мѣстечко, стоящее почти пустымъ. Посѣщеніе австрійцевъ. Всѣ иностранные офицеры считаются гостями императора, хотя-бы и не были специально приглашенными.

Вечеромъ *soirée* въ кибиткѣ оренбургскаго губернатора. Много разговоровъ о Хивѣ и объ экспедиціи туда. Хивинцы—пираты пустыни. Трудность похода на Хиву за недостаткомъ всего необходимаго. Киргизы могутъ быть при этомъ крайне полезны.

Въ кибиткѣ, освѣщенной разноцвѣтными (національными) фонарями, башкиры играли и пѣли. Инструментами имъ служатъ стран-

ныя камышевыя дудки; музыка ихъ въ неизмѣнно минорномъ тонѣ, даже веселыя пѣсни носятъ тотъ-же отпечатокъ грусти. Офицеръ изъ шотландцевъ, присутствовавшій при этомъ, нашель, что эти мелодіи поразительно похожи на его родныя. Одинъ изъ башкиръ безъ всякихъ инструментовъ, однимъ только ртомъ, произвелъ своеобразныя, перекатывавшіеся и дрожавшіе звуки, точно во рту у него находился варганъ; этого, однако, не было.

Братъ Сухтеленя долгое время былъ оренбургскимъ губернаторомъ и тамъ-же умеръ. Его очень любили, и онъ сдѣлалъ много хорошаго, на примѣръ, учредилъ школы для магометанъ. Еще теперь магометане ходятъ на поклоненіе его могилѣ и говорятъ: „онъ былъ слишкомъ хорошъ, чтобы быть христіаниномъ; безъ сомнѣнія, онъ тайный послѣдователь Магомета“.

Я забылъ упомянуть, что на сегодняшнемъ маневрѣ сломалось нѣсколько деревянныхъ осей у орудій.

7-го сентября. Сегодня большой смотръ у Бородина и освященіе памятника. Было собрано болѣе 130,000 человекъ. Стояла такая ужасная пыль, что за шагъ передъ собою ничего не было видно.

Молебенъ отслуженъ 100 священниками *in pontificalibus*; пѣніе ихъ прекрасно. Прохожденіе войскъ въ пыли продолжалось три часа; князь Паскевичъ съ фельдмаршалскимъ жезломъ въ рукѣ проходилъ во главѣ ихъ.

Во время молебна маленькая птичка сѣла на мои поводья, а затѣмъ и на мою руку; авгуры могли-бы истолковать какъ-нибудь это маленькое происшествіе: оно застигло меня въ тотъ моментъ, когда я совершенно былъ погруженъ въ мысли о русскомъ могуществѣ и русской заносчивости. Сосѣдомъ моимъ былъ младшій лордъ Paget, съ которымъ во время прохожденія войскъ я имѣлъ длинный разговоръ объ Англии.

Сегодня императоръ приказалъ обнародовать пресловутую прокламацію, надѣлавшую столько шума и подавшую французскому послу, графу Баранту, поводъ къ протесту. Безъ сомнѣнія, ее написалъ самъ императоръ Николай: его стиль. Онъ сознавалъ, что иностранцамъ манифестъ покажется страннымъ и почти оскорбительнымъ, а потому не желалъ, чтобы его переводили. Въ сущности это однѣ высокопарныя фразы. Сухтеленъ перевелъ намъ его, и Риго послалъ переводъ въ Гагу принцессѣ Оранской. Хотя прокламація мнѣ не понравилась, я, однако, не думалъ, чтобы изъ-за нея вышло столько шума.

Длинный разговоръ съ генераломъ Реадомъ о русской кавалеріи.

Очень вредить дѣлу, что въ гвардіи могутъ служить (1839 г.) только богатые люди: награждается богатство, а не заслуги.

Русскіе полки, пѣхотные и кавалерійскіе, постоянно расположены на обывательскихъ квартирахъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые содержатъ гарнизоны въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ Россіи полки мѣняють мѣста стоянки въ большинствѣ случаевъ каждые три года, въ Польшѣ-же—ежегодно. Обыкновенно одинъ армейскій корпусъ смѣняетъ другой. Реадъ говорить, что полки слишкомъ велики и части ихъ слишкомъ раскинуты, такъ что командиру трудно ихъ осматривать.

Ремонты, принимаемые на себя богатыми офицерами, уѣзжающими при этомъ въ свои имѣнія съ правомъ годоваго отпуска, исполняются, конечно, лучше тѣхъ, которые доставляются въ Петербургъ подрядчиками; богатые офицеры зачастую сами приплачиваютъ изъ своихъ-же собственныхъ денегъ, чтобы только хорошо зарекомендовать себя.

На ремонтъ для драгунъ и легкой кавалеріи отпускается 300 руб., для кирасиръ—400 руб., для гвардіи еще на 100 болѣе; на лошадей гвардейскихъ кирасирскихъ полковъ назначается часто значительно болѣе 500 руб.

Какъ я уже говорилъ, крайне трудно ознакомиться съ внутреннимъ устройствомъ русской администраціи и способомъ продовольствія арміи,—будешь одураченъ, какъ выразился добродушный баварскій капитанъ Шу.

Послѣ смотра обѣдъ у принца Альберта прусскаго; обѣдали австрійцы, мы и пруссаки. Комическое возобновленіе стараго, избитаго спора о преимуществахъ пѣхоты и кавалеріи. Напыщенные мудростью, пруссаки считали ниже своего достоинства принять участіе въ немъ.

Во время сегодняшняго смотра императоръ пожаловалъ эрцгерцогу Альбрехту уланскій полкъ покойнаго нассаускаго герцога; принцу Александру—Новороссійскій драгунскій. Мундиры были сдѣланы тотчасъ же, и съ этихъ поръ всѣ три принца—Альбрехтъ австрійскій, Альбертъ прусскій и Александръ нидерландскій—появлялись постоянно въ русской формѣ. Мнѣ было жаль не видѣть болѣе эрцгерцога въ его бѣломъ мундирѣ.

8-го сентября. Воскресенье. Сегодня присутствовали на литургіи въ шестомъ армейскомъ корпусѣ; затѣмъ разводъ съ церемоніей и ученіе коннымъ ординарцамъ, произведенное самимъ императоромъ—*more consueto*. Одинъ прусскій ротмистръ объяснялъ мнѣ этотъ фокусъ: 3 или 4 красивѣйшихъ и лучшихъ лошади въ каждомъ эскадронѣ выѣзжаются нарочно для этой цѣли особыми берейто-

рами и даются лучшимъ ѣздокамъ, которые постоянно и назначаются ординарцами. Всѣ прекрасно знаютъ это, но хотятъ пустить иностранцамъ пыль въ глаза. Сегодня сосѣдомъ моимъ за гофмаршальскимъ столомъ былъ прусскій полковникъ Раухъ; онъ слыветъ за довѣренное лицо императора, и тѣмъ возбуждаетъ въ русскихъ большую зависть. Онъ очень милый человѣкъ, долго былъ боленъ, а потому до сихъ поръ у меня мало было случаевъ завязать съ нимъ сношенія. Первымъ его вопросомъ было: „измѣнили-ли вы теперь свои взгляды на Россію послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ ней?“ Отвѣтъ мой былъ уклончивъ. Затѣмъ онъ говорилъ объ успѣхахъ образованія въ Россіи: въ правленіе нынѣшняго государя Россія широко шагнула по пути прогресса. Я сказалъ: „все-таки остается замѣтнымъ отсутствіе средняго сословія; оно не создается такъ скоро“. О Кавказѣ, который онъ посѣтилъ въ свитѣ государя, онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „никто не можетъ предвидѣть, чѣмъ станетъ эта провинція для Россіи лѣтъ черезъ сто; она больше, чѣмъ вся Франція, и надѣлена чуднымъ климатомъ. Женщины тамъ очень красивы, но крайне апатичны; онѣ вполнѣ зависямы отъ мужчинъ. Разъ я увидѣлъ на балу замѣчательную красавицу, не принимавшую участія въ танцахъ; грузинъ, которому я замѣтилъ объ этомъ, схватилъ ее за руку и тиснулъ въ толпу танцовавшихъ“.

Раухъ рассказывалъ также о крайне трудномъ положеніи тамошняго губернатора: онъ долженъ быть солдатомъ и администраторомъ одновременно и соединять энергію съ честностью, такъ какъ облеченъ неограниченною властью.

Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ какъ стали слѣдовать твердой, опредѣленной системѣ въ покореніи черкесовъ; раньше-же это была суровая, лишенная всякаго плана, истребительная война. Еще лишь нѣсколько сотъ тысячъ храбрецовъ сражаются за свою независимость; рѣшено преградить имъ доступъ къ Черному морю, и черезъ нѣсколько лѣтъ это будетъ осуществлено. Береговья крѣпости, расположенныя большею частью у устьевъ рѣкъ или въ мѣстахъ, удобныхъ для стоянки на якорѣ, представляютъ изъ себя голые земляные валы, окруженные водяными рвами или палисадомъ, но безъ всякихъ каменныхъ прикрытій; внутри нѣсколько каменныхъ домовъ; все построено самими солдатами.

Селенія черкесовъ ютятся обыкновенно въ горахъ, съ трехъ сторонъ они совершенно недоступны, съ четвертой-же хорошо защищены. Крайне затруднительна доставка орудій для атаки этихъ горныхъ гнѣздъ.

Черкесы рѣдко употребляютъ для одной экспедиціи болѣе 2,000 человекъ, въ крайнемъ случаѣ 3,000 — 4,000. Нѣтъ почти примѣра, чтобы имъ удалось взять русское укрѣпленіе, хотя и это все-таки случалось. Гарнизоны русскихъ укрѣпленій не смѣютъ слишкомъ далеко отдаляться отъ своихъ фортовъ: они находятся тамъ какъ въ блокадѣ.

Когда черкесы будутъ совершенно отрѣзаны отъ моря и не будутъ въ состояніи заниматься торговлею, что доставляетъ имъ порохъ и соль, имъ останется одно — покориться. Въ такомъ родѣ говорилъ со мною Раухъ.

Вечеромъ мы смотрѣли гимнастическія упражненія, введенныя теперь въ русской арміи впервые. Составленъ сводный баталіонъ, и обучавшіеся въ немъ молодые люди будутъ опредѣляться инструкторами въ полки. Мы присутствовали при спускѣ и подъемѣ ихъ на крутую возвышенность, представлявшую собою почти отвѣсную стѣну; затѣмъ была переправа черезъ рѣку, причемъ пловцы добыли плотъ съ противоположнаго берега; переходъ по разобранному мосту (*le tablier est enlevé, il n'y a plus que les longerons*), затѣмъ лазаніе по лѣсамъ и мачтамъ.

Когда солдаты стали раздѣваться, императоръ сказалъ окружавшимъ его дамамъ: „*Mesdames, je dois vous prévenir que les hommes vont se déshabiller*“. Онъ охотно ведетъ разговоры. Намъ же онъ сказалъ: „*Messieurs, il est de principe chez nous que l'officier doit être l'instructeur en tout, donc il faut qu'ils apprennent la gymnastique*“.

У Риго былъ длинный разговоръ съ капитаномъ Вильбрахамомъ, обрисовавшимъ ему печальное положеніе Персіи.

Полковникъ Раухъ сказалъ мнѣ еще: „Я слышалъ отъ самого государя, что имѣются письменныя доказательства тому, что Петръ Великій первоначально не имѣлъ намѣренія сдѣлать Петербургъ столицей, онъ искалъ лишь хорошей гавани для развитія торговли; впоследствии же одно обусловило другое, и мы засѣли на этой благодарной почвѣ“.

9-го сентября. Погода дождливая. Сегодняшнимъ утромъ мы посѣтили женскій монастырь, основанный Тучковой, вдовой генерала, павшаго на этомъ мѣстѣ въ сраженіи при Бородинѣ и здѣсь же погребеннаго.

Монахини носятъ въ высшей степени уродливую одежду, такъ что еле отличишь мужчину отъ женщины. По преимуществу это все старыя уже женщины; только одна была молодая, красивая, еще послушница, глядѣвшая очень весело и привѣтливо. Платье все черное.

Монастырь построенъ передъ селомъ Семеновскимъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ были три русскихъ укрѣпленія; брустверь ихъ цѣль еще.

Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ; вечеромъ заря съ церемоніей у памятника; участвовали и пѣвчіе.

Во время стола англійскій флотскій капитанъ, лордъ Clarence Paget, долго разговаривалъ со мною о русскомъ флотѣ. Суть разговора слѣдующая: императору Николаю дѣйствительно принадлежитъ заслуга, что русскій флотъ въ столь короткое время приведенъ въ настоящій видъ, между тѣмъ какъ въ царствованіе Александра Павловича имъ пренебрегали. Николай-же положилъ основаніе прочному образованію среди моряковъ, хотя еще далеко до того, чтобы русскій флотъ сдѣлался опаснымъ англійскому:

1) Русскимъ недостаетъ опытныхъ матросовъ и торговаго флота; у нихъ гораздо болѣе судовъ, чѣмъ экипажей. Большинство матросовъ иностранцы (?); по условію, смѣнять ихъ нельзя.

2) Гаваней мало, да и тѣ крайне неудобны. Балтійское море и особенно Финскій заливъ на шесть мѣсяцевъ въ году замерзаютъ, и флотъ бываетъ запертъ льдомъ.

3) Гавани и рейды такъ неглубоки, что суда необходимо строить широкими и плоскими; вслѣдствіе этого они не могутъ быстро ходить.

4) Суда построены изъ дурнаго матеріала, т. е. изъ ели вмѣсто дуба; они держатся лишь десять лѣтъ, тогда какъ англійскіе 45; ель не выдерживаетъ ядеръ: они легко пробиваютъ ее.

Пароходы, вооруженные съ носа и съ кормы бомбовыми пушками, а съ фланговъ коронадами, имѣютъ преимущество надъ парусными судами только при полномъ безвѣтріи.

Вечеромъ опять разговоръ; я слышалъ: „oui, il y a des progrès, mais il y a aussi du mécontentement. On tend trop les ressorts et cela les use,—ils pourraient finir par se rompre. Beaucoup de personnes sont fatiguées“.

10-го сентября. Сегодня великій день, въ который еще разъ произошла бородинская битва. Впрочемъ, представляла ее одна русская армія, непріятель только предполагался. Былъ составленъ планъ, по которому все сраженіе раздѣлялось на четыре момента.

Погода благопріятствовала этому прекрасному зрѣлищу, длившемуся съ 8 часовъ утра до 4 пополудни. Командовалъ фельдмаршалъ Паскевичъ, пока это было только возможно, и сначала довольно вѣрно воспроизводилъ сраженіе, но по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, т. е. около полудня, самъ императоръ взялъ фактически

команду въ свои руки, и исправлялъ ошибки, якобы сдѣланныя нѣкогда, т. е. онъ произвелъ съ драгунами большое обходное движеніе противъ лѣваго фланга и тыла французской арміи.

Во время битвы я ѣздилъ преимущественно съ княземъ Лихтенштейномъ, затѣмъ съ Толстымъ, внукомъ генерала Кутузова. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: „Кутузовъ былъ призванъ въ главнокомандующіе голосомъ народа; императоръ Александръ не любилъ его еще со времени Аустерлицкой битвы, данной Александромъ вопреки совѣтамъ Кутузова, имъ самимъ веденной и проигранной

. Впрочемъ Кутузовъ умеръ въ самое благопріятное для своей славы время: онъ не хотѣлъ преслѣдовать французовъ далѣе границъ Германіи“. Такъ говорилъ Толстой. Я уже не разъ замѣчалъ, что въ Россіи никто не стѣсняется порицать императора Александра; это господствующее направленіе: умершіе еще болѣе виноваты, чѣмъ отсутствующіе. Въ Россіи вообще выражаются крайне свободно обо всемъ прошломъ, даже о самомъ близкомъ; только объ интересахъ дня хранятъ скромное, почти боязливое молчаніе.

Во время сраженія цѣлый часъ я проговорилъ съ генераломъ Ермоловымъ, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ человѣкомъ, хотя-бы по одному тому, что, находясь въ немилости и не у дѣлъ, онъ пользуется громаднымъ авторитетомъ въ русской арміи. Онъ всегда окруженъ, и всѣ, даже люди высокопоставленные, усердствуютъ въ оказаніи ему почтенія. Его признаютъ за человѣка, на которомъ покоятся надежды всѣхъ недовольныхъ, и когда онъ говорить, всегда по близости окажется адъютантъ, наблюдающій и подслушивающій. Прежде Ермоловъ служилъ въ артиллеріи, былъ начальникомъ главнаго штаба при Бородинѣ, а позднѣе командовалъ на Кавказѣ, откуда былъ отозванъ, почему — не знаю. Его считаютъ фальшивымъ и очень хитрымъ. Въ его наружности есть что-то суровое, солдатское (притомъ онъ толстъ и съ совершенно краснымъ лицомъ), но научно онъ хорошо образованъ и въ совершенствѣ обладаетъ талантомъ разговаривать съ солдатами и воодушевлять ихъ въ храбрости. *C'est beaucoup, c'est presque tout.*

Ермоловъ говорилъ частью объ артиллеріи, частью-же о происходившемъ сраженіи. Онъ жаловался порусски близъ стоявшимъ знакомымъ: „я нахожусь въ затрудненіи относительно иностранцевъ; не хочу лгать, но долженъ признаться, что это зрѣлище содержитъ

много совершенно произвольныхъ уклоненій отъ дѣйствительнаго хода битвы“. Мнѣ-же онъ замѣтилъ потомъ очень тонко: „с'est la représentation de la bataille avec les corrections, que Monsieur le Maréchal a jugé convenable d'y introduire“.

Ермоловъ очень интересно рассказывалъ, какъ формировались тайно французскія наступательныя колонны въ оврагѣ передъ батареей Раевского и какъ затѣмъ неожиданно бросились оттуда впередъ.

Утромъ было поручено толстому князю Голицыну, адъютанту императора, сопровождать иностранцевъ; но скоро онъ былъ оставленъ всѣми, очутился совершенно одинъ и подвергся насмѣшкамъ своихъ товарищей.

Обѣдъ за гофмаршальскимъ столомъ; сосѣдями моими—маіоръ Браухичъ и лордъ Clarence Paget. Не знаю отчего, но въ продолженіе всѣхъ бородинскихъ маневровъ мы, иностранцы, старались всегда сѣсть за столомъ вмѣстѣ, т. е. по одной сторонѣ стола, русскіе-же сидѣли напротивъ. Вечеромъ я сыгралъ партію въ шахматы съ В. и спорилъ съ X. о германскихъ интересахъ; онъ говорилъ: „прусская армія желаетъ тѣснаго союза съ Австріей, и ей отъ души надобла руссоманія прусскихъ принцевъ“.

11-го сентября. Торжественныя поздравленія и литургія по случаю Александрова дня; сегодня преимущественно носятъ орденъ Александра Невского; разводъ съ церемоніей и ученіе ординарцамъ; производство и раздача орденовъ; Сухтеленъ въ немилости, и его обошли при производствѣ.

Большой *dîner-gala* на 300 кувертовъ. Императоръ пригласилъ сегодня всѣхъ инвалидовъ и всѣхъ отставныхъ пенсіонеровъ-офицеровъ; награды всѣмъ участвовавшимъ въ сраженіи и оставшимся еще въ живыхъ. Сосѣдями моими во время обѣда были лордъ Paget и князь Меншиковъ; напротивъ—генералы Ермоловъ и Ротъ.

Князь Меншиковъ, морской министръ, очень хитрый, вѣжливый человѣкъ и, какъ говорятъ, малый не промахъ. Онъ служилъ прежде въ арміи; императоръ поручилъ ему морское министерство, которымъ онъ, какъ рассказываютъ, занялся съ большимъ талантомъ и настойчивостью. При Варнѣ онъ былъ тяжело раненъ; ядро пролетѣло у него между ногъ въ тотъ моментъ, когда онъ слѣзъ съ лошади и стоялъ, нѣсколько растопыривъ ихъ. Я часто имѣлъ случай говорить съ нимъ и о дарданельскомъ вопросѣ, и о Востокѣ. Онъ сказалъ совершенно откровенно: „Турецкая имперія въ своемъ настоящемъ положеніи вполнѣ удовлетворяетъ насъ, но мы не можемъ потерпѣть, чтобъ она окрѣпла вновь подъ

защиту прочихъ государствъ. Въ такомъ видѣ, какъ теперь, мы охотно позволимъ ей существовать“.

12-го сентября. Большой парадъ: болѣе 122.000 человекъ стояло въ 5 линіяхъ на небольшомъ пространствѣ въ долинѣ рѣки Москвы.

До сихъ поръ я забылъ упомянуть, что въ русской арміи существуетъ особый родъ желонеровъ, собираемыхъ во время маневра отъ каждаго полка, и каждый батальонъ, каждая рота могутъ узнать ихъ по цвѣту значка. Они назначаются, чтобы заранѣе намѣчать ими расположеніе войскъ. Но въ виду непріятели это непрактично и даже невозможно. Говорятъ, что это выдумка Дибича.

Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ; сосѣдями моими—Лихтенштейнъ и Браухичъ, напротивъ—Ермоловъ, Воронцовъ и Меншиковъ. Вечеромъ поѣздка въ Городокъ, чтобы посмотрѣть русскій спектакль, но онъ не состоялся.

13-го сентября. Сегодня послѣдній маневръ при Бородинѣ; императоръ еще разъ даетъ сраженіе à sa façon и такъ обойдетъ французовъ, что они будутъ пойманы какъ въ мѣшокъ.

Гофмаршалскій столъ; князь Лихтенштейнъ и Весторпъ—моими сосѣдями; прощальные визиты; каждый радъ, что наконецъ-то все кончилось. Я имѣлъ еще длинный разговоръ съ принцемъ Александромъ о Россіи и Востокѣ.

14-го сентября. Отъѣздъ въ Москву; мученія лошадей; везутъ насъ татары. Эти татары остались въ Россіи еще со временъ монгольскаго ига; они магометане и составляютъ приниженную и угнетенную часть населенія, почти такъ-же, какъ у насъ раньше евреи; ихъ легко узнать по бритой головѣ, по фізіономіи и по платью. Однообразіе мѣстности и культуры; время отъ времени все-таки попадаются дубы. Видъ на Москву издали прекрасенъ.

Во время моего пребыванія въ Бородинѣ, въ день Александра Невского, 11 сентября, случилось обстоятельство, обратившее на себя всеобщее вниманіе и о которомъ я забылъ упомянуть. Послѣ парада императоръ подозвалъ англійскаго посла лорда Clanricarde и проговорилъ съ нимъ добрыхъ полчаса, хотя въ отдаленіи, но на глазахъ собравшейся толпы. Можно было замѣтить, что разговоръ шелъ о важныхъ дѣлахъ и велся съ обоюднымъ удовольствіемъ. Это подало поводъ къ разнаго рода догадкамъ, тѣмъ болѣе, что было извѣстно, что въ настоящее время императоръ крайне недоволенъ Франціей и ея политикой на Востокѣ.

При этомъ случаѣ я разговаривалъ съ однимъ очень компетентнымъ лицомъ, увѣрившимъ меня, что у императора Николая есть своя *idée fixe*—войти еще разъ въ Парижъ во главѣ войскъ, подобно

брату своему Александру; *quod deus avertat*, такъ какъ дорога туда идетъ черезъ Германію. Николай Павловичъ питаетъ сильную ненависть къ Луи-Филиппу и его политикѣ.

М о с к в а.

15-го сентября. Воскресенье. Мы сдѣлали визиты князю Сергѣю Голицыну и коменданту, катались по городу и отправились затѣмъ во французскую реформатскую церковь. Князь Александръ ревностный протестантъ. Я еще не доискался, что руководить имъ—религіозность или политическія воспоминанія. Церковь мала и проста; проповѣдникъ выбралъ текстъ: нельзя служить Господу и мамону и говорилъ о презрѣніи къ міру и его благамъ.

Послѣ церковной службы мы осматривали Кремль и жилища царей и царицъ; они реставрированы въ древне-византійскомъ стилѣ; были и въ древнихъ кремлевскихъ соборахъ. Одна необыкновенно низенькая церковь стоитъ на мѣстѣ, гдѣ, по разсказамъ, жилъ отшельникъ, котораго легенда считаетъ основателемъ Москвы.

Обѣдали за гофмаршальскимъ столомъ; принималъ баронъ Бодэ въ качествѣ гофмейстера. У барона Бодэ, стараго товарища и пріятеля Сухтелена, очень милая семья, въ средѣ которой я часто проводилъ вечера въ бытность мою въ Москвѣ.

Сегодня императоръ скромно прибылъ въ Москву. Послѣ обѣда мы отправились съ принцемъ Александромъ въ Петровскій дворецъ или вокзалъ, гдѣ слушали цыганскую музыку. Сначала принцы не хотѣли войти въ вокзалъ, это казалось имъ ниже ихъ достоинства, но, наконецъ, вошли. Вообще у иностранцевъ проявляется дѣтская боязнь не понравиться императору. Утверждаютъ, что онъ не любитъ, чтобы иностранные офицеры, находящіеся въ свитѣ принцевъ, выходили въ статскомъ платьѣ. Австрійцы и мы никогда не тревожились этимъ и, когда не должны были сопровождать принцевъ, постоянно выходили въ статскомъ.

Видъ Москвы красивъ и своеобразенъ. Масса церквей съ ихъ башнями, луковичеобразными куполами, позолоченными, высеребренными или же окрашенными въ зеленый, въ голубой или въ пестрый цвѣтъ, придаютъ городу восточный характеръ. Улицы широки, дома очень низки, рѣдко болѣе, чѣмъ въ два этажа, большею-же частью въ одинъ, не считая *rez-de-chaussée*. Дома преимущественно деревянные, но всѣ свѣже выкрашенные въ бѣлый, сѣрый или желтый цвѣтъ. Сплошная масса голубей покрываетъ улицы и крыши; имъ

покровительствуетъ старый предрасудокъ, такъ что никто не убиваетъ ихъ.

Въ Москвѣ вообще видишь русскій народъ не смѣшаннымъ съ иностранцами, и такъ какъ здѣсь не все зависитъ отъ двора и правительства, то замѣтно и болѣе независимости. Говорятъ однако, что Москва падаетъ и ея населеніе уменьшается; на нее смотрятъ, какъ на средоточіе недовольныхъ. Петербургъ же походить на домъ, гдѣ кушаешь папшеты, но не найдешь хлѣба.

16-го сентября. Утромъ императоръ былъ въ соборахъ и на поклоненіи мощамъ; затѣмъ парадъ. Повсюду тѣснился народъ, чтобы взглянуть на императора. Это былъ неподдѣльный энтузіазмъ: ни полиціи, ни солдатъ, стоящихъ шпалерами, ни купленныхъ „ура“, ничего этого не было; виднѣлись однѣ лишь тѣсно сплоченныя массы народа, часами, даже днями выстаивавшаго на площади передъ дворцомъ, чтобы взглянуть и привѣтствовать своего государя.

Сегодня у московскаго губернатора, князя Голицына, большой *diner-gala*, на которомъ былъ и императоръ; вечеромъ балетъ въ Большомъ театрѣ; давали „Donau-Weibchen“, декораціи очень хороши. Театръ этотъ больше, чѣмъ della Scala въ Миланѣ; размѣры его таковы, что ничего не услышишь и не увидишь хорошенько, но русскіе все-таки очень довольны: лишь бы можно было сказать — у насъ самый большой.

Послѣ театра вмѣстѣ съ Сухтеленемъ посѣтилъ Бодэ; тамъ я встрѣтилъ князя Волконскаго съ сестрою, проводящею обыкновенно свои вечера у Бодэ.

17-го сентября. Утромъ приѣмъ у великаго князя Михаила по случаю дня тезоименитства одной изъ его дочерей; греческая литургія въ придворной церкви; затѣмъ поѣздка съ эрцгерцогомъ въ госпитали, въ малый императорскій дворецъ; обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ.

Послѣ обѣда поднимались на колокольню Ивана Великаго; эта башня самая высокая въ Москвѣ; приближающіеся къ городу пѣшеходы снимаютъ свою шапку, какъ только завидятъ ее. Съ нея открывается лучшая панорама Москвы; заходившее солнце особенно благоприятствовало намъ.

Вечеромъ мы смотрѣли оригинальную русскую оперу „Тоска по родинѣ“ (Heimweh); — скучная, плачевная музыка. Мнѣ кажется, что сюжетъ оперы не чисто русскій; русскіе, по крайней мѣрѣ образованные, всегда очень довольны, когда имѣютъ возможность покинуть свое отечество. Вечеромъ въ многочисленномъ обществѣ мы отправились поужинать въ первый

въ Москвѣ ресторанъ; были все знакомые—адъютанты императора или придворные. Нѣкоторые antécédents много способствовали взаимному сближенію другъ съ другомъ.

Барятинскій (кн. Александръ Ив.?), пробывшій нѣсколько лѣтъ въ кавказской арміи, рассказывалъ о войскахъ и о мѣстныхъ обычаяхъ; во всемъ хвалилъ черкесовъ. Это чисто рыцарскій народъ, оказывающій большое уваженіе женщинамъ; для друга черкесь готовъ идти на смерть. Нужно остерегаться въ домѣ туземца какъ-нибудь похвалить какую-либо вещь или найти ее красивою; онъ почтетъ своею обязанностью подарить ее вамъ, а отказаться вскорѣ невозможно: это будетъ сочтено за обиду. Но черкесь, впрочемъ, не стѣсняется въ подобномъ случаѣ и вскорѣ самъ потребуеъ себѣ что-либо взаимѣнъ.

Лучшее описаніе черкесовъ сдѣлано однимъ нѣмцемъ и вышло въ Лейпцигѣ; сочиненіе Клапрота, говорятъ, нехорошо.

Если рота отличится въ стычкѣ, императоръ жалуетъ обыкновенно 4 георгіевскихъ креста; три раздаются по выбору самихъ солдатъ, четвертый же предназначается командиру.

Уже 60 лѣтъ какъ черкесы противятся русскому колоссу; императрица Екатерина нашла лучший способъ обращенія съ ними: она подкупала ихъ предводителей различнаго рода соблазнами, подарками, приглашеніями ко двору; такимъ образомъ они становились фактически зависимыми, и русскія арміи имѣли безопасный, свободный проходъ черезъ эту страну. Императоръ-же Павелъ — считалъ постыднымъ выплачивать долѣ такую дань; онъ желалъ поработенія горцевъ, и такимъ образомъ было положено начало истребительной войнѣ, въ которой русская армія теряетъ такъ много храбрыхъ солдатъ. Г. прибавилъ: императоръ приказываетъ воспитывать въ русскихъ кадетскихъ корпусахъ дѣтей знатныхъ черкесскихъ фамилій и учить ихъ военному искусству, но они дезертируютъ при первой же возможности. Впрочемъ, императоръ правъ: коль скоро черкесы познакомятся съ русскими ученіями, они не замедлятъ покориться.

Затѣмъ въ разговорѣ зашли такъ далеко, что стали открыто говорить о нерасположеніи императора къ аристократіи, объ его пристрастіи къ нѣмцамъ, сильно ненавидимымъ всѣми русскими. Охотнѣе желали-бы, чтобы резиденція была въ Москвѣ; климатъ здѣсь здоровѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, и большая часть старинныхъ русскихъ фамилій имѣютъ свои помѣстья около Москвы; но владѣльцы ихъ желаютъ держаться въ отдаленіи.

Я долженъ былъ улыбаться той наивности и откровенности, съ какою эти господа выражали свою ненависть къ нѣмцамъ въ моему

присутствіи; у меня явилось даже внутреннее самодовольство при этомъ. Мы служимъ на чужбинѣ, гдѣ могли-бы господствовать, если-бы положили конецъ нашимъ политическимъ разногласіямъ.

18-го сентября. Утромъ долгое выжиданіе въ пріемной императора; затѣмъ онъ отправился съ нами въ арсеналь, гдѣ собрано оружіе, кожаныя вещи и полевыя принадлежности для 160 баталіоновъ; для кавалеріи и артиллеріи тоже заготовлено соотвѣтствующее количество запасовъ.

Все устроено такъ, что батальонъ можетъ быть снаряженъ въ одинъ моментъ, т. е. все необходимое для него находится въ одной залѣ. Императоръ показывалъ все иностранцамъ съ самодовольствомъ Подобныя-же запасы устроены въ Петербургѣ, Кіевѣ и Севастополѣ, главныхъ военныхъ центрахъ Россіи.

Передъ арсеналомъ находятся французскія орудія, отнятыя въ 1812 г. Какъ извѣстно, при выступленіи изъ Москвы французы взорвали Кремль и арсеналь по приказанію Наполеона. Но мѣра эта не была цѣликомъ приведена въ исполненіе, можетъ быть и преднамѣренно. При реставраціи арсенала трещины не были задѣланы, т. е. все зданіе было выкрашено бѣлымъ, но на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ были, нарисованы кирпичи.

Изъ арсенала мы отправились въ кадетскій корпусъ, чтобы посмотрѣть на ученіе кадетъ. Кадетскіе корпуса всей Россіи воспитываютъ въ общемъ 10,000 ч., причемъ 2,000—3,000 выпускаются офицерами въ полки ежегодно, и то едва удовлетворяютъ этимъ потребностямъ арміи. Въ то время, какъ въ другихъ странахъ не знаютъ, что дѣлать съ массой молодыхъ людей, ищущихъ офицерскаго чина, въ Россіи въ нихъ чувствуется еще недостатокъ. Быстрота производства и карьеры—вотъ главная причина, почему въ Россіи нечего опасаться революціи: здѣсь не существуетъ главной причины недовольства. Однако въ Россіи тоже производятъ опасныя опыты. Кантонисты (т. е. дѣти солдатъ) получаютъ образованіе, но только въ значительно большемъ объемѣ, чѣмъ того требуетъ ихъ ближайшее назначеніе (быть унтеръ-офицерами и писарями); великій князь Михайлъ справедливо замѣтилъ, что это можетъ имѣть очень пагубныя послѣдствія.

Обѣдъ за гофмаршальскимъ столомъ; сосѣдъ мой—баронъ Бодэ; звѣздки съ Грюни и Риго на базаръ; прогулка по городу.

Вечеромъ балъ у губернатора, князя Голицына; принимала г-жа Апраксина; нѣсколько дѣйствительно хорошенькихъ дамъ; мои знакомыя—Бодэ, Бибилова, Ланская и др.

Императоръ долго разговаривалъ съ ген. Ермоловымъ, что обратило на себя общее вниманіе.

19-го сентября. Утромъ длинный разговоръ съ Р. о Польшѣ; онъ сказалъ, что поляки относятся къ русскимъ, какъ французы къ нѣмцамъ: „Les polonais sont braves, très braves, mais fanfarons, ils sont lâches et rampans dans le malheur et se trahissent l'un l'autre; les femmes sont gracieuses, souvent très distinguées, mais intrigantes, ayant la tête chaude et le coeur froid“.

Тотъ-же господинъ приписываетъ польское возстаніе всецѣло ошибкамъ великаго князя Константина Павловича, и въ этомъ здѣсь всѣ сходятся. Николай хотѣлъ двинуть польскую армію въ 1828 г. въ Турцію, чтобы тѣмъ сблизить ее съ русской арміей; кромѣ того, представлялся случай удовлетворить честолюбіе поляковъ раздачей орденовъ и чиновъ; но Константинъ не пожелалъ этого, ибо армія была необходима ему для парадовъ, а кромѣ того онъ держался убѣжденія, „que rien ne gâte une armée comme la guerre“.

Императоръ изъ уваженія къ старшему брату уступилъ. Константинъ особенно гордился своею польскою арміею; онъ постоянно хвалилъ ее и радъ былъ выставлять ее превосходство надъ русскою въ образованіи, способностяхъ, исправкѣ, маневрированіи etc. Онъ-же, во вредъ русскимъ интересамъ, снова ополячилъ Литовскій корпусъ и ввелъ въ немъ команду на польскомъ языкѣ. Увлеченіе Константина простиралось до того, что онъ даже радовался, когда его поляки побѣждали русскихъ, и восклицалъ: „вотъ та армія, которую я создалъ“. Польская армія, дѣйствительно, была превосходна, частью потому, что полякъ вообще способнѣе, ловчѣе, честолюбивѣе русскаго, частью же потому, что она находилась подъ командой начальниковъ, прошедшихъ Наполеоновскую школу. Я еще возвращусь къ этому, теперь-же замѣчу только, что поляки выставили во время возстанія 160,000 человекъ и что Литовскій корпусъ готовъ былъ идти съ ними за общее дѣло. Случись это, величіе Россіи, вѣроятно, исчезло-бы.

Мы отправились съ эрцгерцогомъ и осмотрѣли университетъ: здѣсь показывали намъ русскія и славянскія старопечатныя книги. Мы видѣли кабинетъ естественныхъ наукъ и въ немъ цѣльный скелетъ мамонта (*elephas primigenius*). Р. досталъ мнѣ пучекъ волосъ мамонта, найденнаго съ кожей и волосами во льду Лены въ Сибири; я сохранилъ эти волосы; быть можетъ, они самыя старшіе въ этомъ мірѣ; отъ льда они сдѣлались нѣсколько рыжеватыми.

Оттуда мы отправились въ различныя воспитательныя заведенія: Александровскій институтъ, основанный во время холеры для бѣдныхъ дѣтей-сиротъ, стоить ежегодно 300,000 рублей; воспитывается тамъ 300 мальчиковъ и дѣвочекъ. Дѣвушки дѣлаются

обыкновенно гувернантками и учительницами, и ихъ разбираютъ очень охотно. Я долженъ замѣтить, что многія изъ этихъ дѣвушекъ были красивы, съ очень пріятнымъ выраженіемъ; такъ какъ я не замѣчалъ этого нигдѣ въ Россіи среди бѣднѣйшихъ классовъ, то думаю, что причиной этому, главнымъ образомъ, лучшій уходъ.

Потомъ мы осматрѣли женскій пансіонъ или институтъ св. Екатерины для 300 дѣвушекъ-дворянокъ. Пенсіонерка стѣитъ 700 р. (асс.). Я замѣтилъ среди нихъ очень мало хорошенькихъ, большею частью все блѣдныя лица. Здѣсь мнѣ рассказывали, что дѣвушки легче и быстрѣ выучиваются французскому, чѣмъ нѣмецкому (наоборотъ, чѣмъ въ Царскомъ-Селѣ), по всей вѣроятности потому, что на французскомъ болѣе говорятъ и упражняются. Даже въ этихъ женскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ выправка военная и натянута, ни одного свободного движенія.

Осматривали пожарныя команды и главный резервуаръ для воды, употребляемой въ пищу и проведенной туда при помощи длиннаго водопровода.

Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ; сосѣдями моими генералъ Пирэ и князь Лихтенштейнъ. Вечеромъ Петровское и вокзалъ иллюминированы; императоръ вмѣстѣ съ принцами посѣтилъ вокзалъ, чтобы поднять его значеніе и соединить тамъ общество. До сихъ же поръ высшій классъ общества не желалъ въ немъ показываться.

20-го сентября. Утромъ императоръ, въ сопровожденіи своей свиты и всѣхъ иностранцевъ, выѣхалъ на встрѣчу гвардіи, шедшей изъ Бородинскаго лагеря; она дефилировала передъ императоромъ.

Послѣ этого мы посѣтили Воспитательный домъ: огромное зданіе, могущее помѣстить въ себѣ до 8,000 человекъ. Онъ содержитъ 800 дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, но въ общемъ ежегодно до 28,000 найденнышей получаютъ въ немъ или воспитаніе, или пріютъ, или, по меньшей мѣрѣ, помощь. Ежегодныя издержки превышаютъ 3 милліона рублей. Большая часть дѣтей находится въ деревняхъ на попеченіи мамокъ; большинство дѣтей и кормилицъ, видѣнныхъ нами, крайне безобразно; у многихъ цвѣтъ лица оливковый. Насъ увѣряли, что въ Россіи на счетъ государства воспитывается до 58,000 найденнышей.

Въ другихъ странахъ существуетъ сомнѣніе въ цѣлесообразности и нравственномъ значеніи воспитательныхъ домовъ, въ Россіи же нисколько, потому что желаютъ приращенія народонаселенія и нуждаются въ немъ. Найденныши свободны отъ военной службы, почему—сказать не могу. Бѣдныя женщины или-же желающія родить секретно находятъ пріютъ здѣсь: послѣднія, если желаютъ,

могутъ быть въ маскѣ. Выплативши 100 рублей, можно потребо-
вать своего ребенка изъ воспитательнаго дома обратно.

В... разсказывалъ мнѣ, какъ производится въ Россіи наборъ.
Рекруты берутся изъ имѣній по числу душъ, причемъ считаются
однѣ только мужскія; затѣмъ семейства подраздѣляются на классы
по числу сыновей,—на семейства, имѣющія четырехъ или трехъ сыно-
вей, двухъ или-же одного. Отъ семействъ съ 4 сыновьями идетъ
непремѣнно одинъ, и то не отъ каждаго, а изъ прочихъ разрядовъ
ни одного, если они сами не отдають субъектовъ, отъ которыхъ
хотятъ отдѣлаться. Женатыя тоже должны идти, жена-же съ дѣтьми
остаются на попеченіи волости. Послѣ 6-ти лѣтъ замужнія жен-
щина можетъ опять выйти замужъ, если она не имѣетъ никакихъ
извѣстій о своемъ первомъ мужѣ. Обыкновенно самъ отецъ семей-
ства выбираетъ сына для военной службы, но въ сущности это
право принадлежитъ помѣщику.

Вечеромъ, послѣ обѣда, мы были въ Большомъ театрѣ на ба-
летѣ „Сильфида“.

21-го сентября. Утромъ поѣздка въ статскомъ платьѣ по магази-
намъ, затѣмъ осмотрѣли церковь Василия Блаженнаго, замѣчатель-
ную своею причудливою архитектурою; снаружи она походитъ сво-
ими башнями на разставленныя кегли, а внутри состоитъ изъ ряда
часовенъ, соединенныхъ тѣсными проходами; каждой часовнѣ соот-
вѣтствуетъ башня.

Разсказываютъ, что тиранъ Иоаннъ приказалъ умертвить архи-
тектора, чтобы онъ не имѣлъ возможности выстроить еще что-либо
подобное; въ тѣ времена эта церковь считалась великимъ произве-
деніемъ архитектурнаго искусства.

Прогулка по саду императрицы. Общество состояло изъ эрцгер-
цога, принца Альбрехта прусскаго, принца Александра, герцога
Лейхтенбергскаго, Новосильцева, Сухтелена, Будберга и меня.
Эрцгерцогъ отправился вскорѣ въ концертъ; онъ приглашалъ съ
собою и принца Александра, но тотъ предпочелъ остаться съ про-
чими принцами и былъ за это наказанъ. Вольный разговоръ принца
Альбрехта прусскаго, приводившій принца Александра въ большое
замѣшательство, мастерски поддерживали Сухтеленъ и въ особен-
ности Новосильцевъ, (состоявшій при принцѣ Альбрехтѣ).

Затѣмъ я осматривалъ въ Кремлѣ ¹⁾ такъ называемую сокровищ-
ницу, собраніе драгоценностей и историческихъ достопримѣчательно-
стей и проч.; тамъ хранятся короны различныхъ царствъ, покоренныхъ

¹⁾ Оружейную палату.

Россіей, тронъ царей Ивана и Петра съ нишею позади, въ которой скрывалась царевна Софія, старшая сестра царей, и подсказывала отвѣты братьямъ. Впрочемъ Петру Великому скоро наскучило это подсказыванье. Больше всего заинтересовали меня носилки Карла XII, съ которыхъ, раненый, онъ управлялъ полтавскимъ боемъ.

Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ; Раухъ и Весторпъ—моими сосѣдами. Поѣздка съ Риго въ англійскій клубъ; наше нетерпѣніе и замѣшательство, такъ какъ никто не могъ понять насъ. Въ Москвѣ намъ постоянно недоставало нѣмецкаго или французскаго лакея, и мы никакъ не могли добыть его.

Вечеромъ балъ у князя Сергѣя Голицына, тратившаго свои 700,000 рублей дохода на щедрыя и добрыя дѣла; на другой день утромъ онъ получилъ отъ императора св. Андрея.

Вечеромъ длинный разговоръ съ Р. о Польшѣ и черкесахъ: „Les deux cautières de la Russie. Il faut 100.000 hommes à peu près dans chacun de ces deux pays“. Среди черкесовъ еще около милліона независимыхъ; покорить ихъ невозможно, остается одно—истреблять. Многіе русскіе смотрятъ на обладаніе Польшею, какъ на зло для Россіи: „с'était un coup de maitre de Metternich de nous en laisser l'embarras“.

Такъ расходятся людскія воззрѣнія.

22-го сентября. Воскресенье. Сегодня было большое и дѣйствительно великолѣпное религиозное торжество: императоръ положилъ первый камень въ основаніе новому храму Христа Спасителя.

Войска стояли шпалерами вокругъ Кремля и того мѣста, гдѣ былъ положенъ фундаментъ. Торжественная процессія—духовенство въ полномъ облаченіи, императоръ и вся свита слѣдовали верхами; все московское населеніе, разряженное, высыпало наружу; улицы, окна, кровли—все было полно народомъ; прекрасная погода благопріятствовала празднику.

Митрополитъ—человѣкъ, по рассказамъ, очень умный, хитрый, пользующійся большимъ уваженіемъ—сказалъ рѣчь, какъ мнѣ передавали, очень хорошую. Я стоялъ недалеко отъ него, и, признаюсь, мнѣ очень понравилась манера его рѣчи; простота и достоинство выражались въ чертахъ его лица и во всей осанкѣ, но во взглядѣ все-таки проглядывала хитрость.

Еще императоръ Александръ рѣшилъ воздвигнуть этотъ храмъ, но Николаю досталось осуществить его намѣреніе. Митрополитъ сравнилъ, это построеніе съ построеніемъ храма Іерусалимскаго, начатаго Давидомъ, но выстроеннаго лишь Соломономъ. При этомъ онъ вос-

пользовался случаемъ сказать о бренности земнаго величія, и что все находится въ волѣ Божіей. Соборъ этотъ — благодарственный памятникъ за освобожденіе отъ нашествія французовъ. Раздавали большую медаль съ надписью: „не намъ, не намъ, а имени Твоему“.

Во время церемоніи принцы находились подлѣ императора, и каждый изъ нихъ положилъ по камню. Принцъ Альбрехтъ прусскій поцѣловалъ при этомъ руку императора; онъ всегда пресмыкается передъ нимъ; прочіе не дѣлали этого. Императоръ былъ очень доволенъ, и это можно было прочесть на его лицѣ.

Вечеромъ прекрасная иллюминація Кремля; я почти примирился здѣсь съ иллюминаціями.

Въ Москвѣ бороды купцовъ исчезаютъ, такъ какъ сыновья слѣдуютъ уже новымъ обычаямъ.

Генералъ Кавелинъ слѣдующимъ образомъ выразился о пожарѣ Москвы: „Il y a eu un ordre du gouvernement pour bruler les magasins et tout ce qui pouvait offrir des ressources à l'ennemi; Rostopschin a brûlé lui-même son chateau à quelque distance de Moscou; les Français eux-mêmes, le vent et les accidents on fait le reste“.

23-го сентября. Утромъ прогулка пѣшкомъ; дѣлали покупки съ Сухтеленемъ и его Фигаро. Магазины издѣлій Тулы и Торжка (татарскіе сѣдельники).

Большой обѣдъ, данный городомъ гвардіи въ экзерциргаузѣ; подъ одной кровлей обѣдало 3.000 чел.; стоило все это 50.000 рублей. Тамбуръ-мажоръ Преображенскаго полка—самый большой изъ великановъ, когда-либо видѣнныхъ мною.

Знакомства; я видѣлъ милыхъ дамъ, на балу имѣвшихъ блестяще бѣлый, при дневномъ-же свѣтѣ совершенно желтый цвѣтъ лица; русскія женщины рѣдко выглядятъ свѣжими.

Багговуть, полковникъ лейбъ-гусарскаго полка; онъ былъ трепанированъ; его вѣжливость и дружелюбіе относительно меня; мы вмѣстѣ завтракали.

Вечеромъ большой балъ въ Дворянскомъ собраніи; роскошное зало прекраснѣйшихъ размѣровъ (5:9); богатое освѣщеніе изъ 5.000 восковыхъ свѣчей.

Вѣжливость эрцгерцога; политическій разговоръ объ общихъ интересахъ Англіи и Австріи; приглашеніе побывать въ Вѣнѣ.

Любезность императора, проговорившаго со мною четверть часа; въ это время все собраніе образовывало около насъ большой кругъ. Онъ выражалъ свое удовольствіе о пребываніи въ Москвѣ. Я сказала: „le ciel même s'est chargé d'embe llir cette fête“. Онъ: „J'aime à le croire“.

Его довольству не суждено было быть очень продолжительнымъ. Графъ Гудовичъ, предводитель дворянства, говорилъ мнѣ объ энтузіазмѣ народа къ императору: „Vous voyez que nous n'avons pas besoin de constitutions, nous sommes plus heureux comme cela“.

Ужинъ. Австрійцы появились въ русскихъ орденахъ; князю Лихтенштейну императоръ пожаловалъ почетную саблю, стоящую, по рассказамъ, 20.000 рублей; мнѣ кажется, что князю Лихтенштейну, очень любимому императоромъ, было-бы пріятнѣе не получать подарка, имѣющаго денежное значеніе.

24-го сентября. Смотръ прибывшимъ рекрутамъ; затѣмъ прощальные визиты великому князю Михаилу, наслѣднику, эрцгерцогу, Орлову, Волконскому, Чернышеву, Клейнмихелю, Нейгардту, Ермолову, Меншикову, Кавелину, Адлербергу, Воронцову, Киселеву, Паскевичу, Гудовичу и князю Голицыну. Большинство не принимало.

Орловъ, бывшій дома, долго разговаривалъ съ принцемъ объ униатахъ, какъ разъ въ это время исторгнутыхъ изъ рукъ папства.

.....
Постепенно уничтожали формы, составлявшія отличительную особенность униатовъ отъ православныхъ, и прежде всего позаботились о замѣнѣ при богослуженіи латинскаго языка церковно-славянскимъ. Когда все внѣшнее, что могло-бы оттолкнуть народъ при переходѣ, было уже устранено, съумѣли убѣдить и склонить на свою сторону духовенство, такъ что оно само, путемъ петицій, требовало соединенія съ греко-русскою церковью.

Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ. Императоръ пригласилъ принца Александра остаться еще нѣсколько дней по отъѣздѣ австрійцевъ. Вечеромъ въ театрѣ на „Цампъ“. Затѣмъ визитъ къ барону Бодэ; партія въ вистъ съ барономъ Бодэ и княгиней Черкасской.

25-го сентября. Покупки въ лавкахъ: отправился съ принцемъ къ антикваріямъ, имѣющимъ много замѣчательнаго, затѣмъ въ церковь св. Василія; обѣдалъ за гофмаршалскимъ столомъ; былъ во французскомъ театрѣ и бесѣдовалъ съ Ф. о положеніи русскихъ крестьянъ. Онъ говорилъ мнѣ: „они не платятъ никакихъ податей, но вся страна раздѣлена на двѣ части: одна принадлежитъ помѣщикамъ, другая-же крестьянамъ для пользованія. Крестьянинъ работаетъ три дня въ недѣлю на себя и три дня на помѣщика.“

Затѣмъ онъ рассказывалъ объ уменьшеніи и упадкѣ большихъ имѣній и о раззореніи многихъ семействъ. Онъ приписываетъ это

роскоши и расточительности, государственному банкротству, раздѣламъ между дѣтьми и тому обстоятельству, что крупныя землевладѣльцы не сами управляютъ помѣстьями, а живутъ вдали отъ нихъ, у двора императора.

26-го сентября. Утромъ, еще въ постели, мы были поражены извѣстiемъ, что императоръ уѣхалъ совершенно неожиданно, не оставивъ относительно насъ никакихъ распоряженiй и переговоривши только съ графомъ Орловымъ. Каждый былъ удивленъ, и всѣ перешептывались объ этомъ; хотя подобныя неожиданныя рѣшенiя государя, въ родѣ путешествiя неизвѣстно куда и зачѣмъ, и не рѣдкость, но все-же было крайне любопытно узнать, въ чемъ дѣло. Рассказывали, что къ неожиданному отъѣзду императора побудили крайне тревожныя извѣстiя о здоровьѣ императрицы, но большинство предполагало политическую подкладку. Если бы болѣзнь императрицы сдѣлалась такъ опасна, то наследникъ не остался-бы въ Москвѣ. По всей вѣроятности, поводомъ къ ускоренному отъѣзду послужили происшествiя въ корпусѣ Гейсмара, о которыхъ я узналъ только позднѣе; поговаривали также объ арестахъ, и маршрутъ эрцгерцога, направленный прежде на Кiевъ (главную квартиру корпуса Гейсмара), былъ измѣненъ и направленъ на Брестъ-Литовскъ, чему удивился самъ эрцгерцогъ Альбрехтъ; при прощанiи онъ сказалъ мнѣ: „я не знаю, почему заставляютъ меня ѣхать по другой дорогѣ, чѣмъ было рѣшено раньше, но я подчиняюсь этому“.

Принцъ Александръ, благодаря отъѣзду императора, очутился въ крайне неловкомъ положенiи: его отъѣздъ въ Смоленскъ и Вильну былъ уже назначенъ на 27 число, и сегодня мы должны были откланяться императору. Принцъ обратился за совѣтомъ къ великому князю Михаилу, и тотъ вполне разумно посовѣтовалъ ему обождать еще дня два, потому что въ это время навѣрное выяснится что-нибудь опредѣленное. Были затруднены, какъ насъ развлечь и занять.

Мы осмотрѣли школу для кантонистовъ и присутствовали близъ Москвы на травлѣ *au chien courant et au lévrier*. Бѣдныя зайцы были заперты въ клѣткѣ и затѣмъ постепенно выпускались и травились. У насъ были очень плохiя лошади, и потому забава была не велика.

Обѣдали за гофмаршалскимъ столомъ; вечеромъ въ честь принца балъ у Апраксиной; я сыгралъ партiю въ вистъ съ генералами Кавелинымъ, Анненковымъ и еще съ третьимъ лицомъ, фамилю котораго позабылъ. Игра была небольшая по здѣшнему, т. е. въ вечеръ нельзя было проиграть болѣе 100 рублей.

Принцъ Альбрехтъ прусскій до сихъ поръ всегда находилъ удовольствіе оставаться послѣднимъ на балу, къ величайшей скукѣ и замѣшательству хозяина и хозяйки. Обыкновенно, подъ конецъ оставались только принцъ Альбрехтъ прусскій со своею свитой и принцъ Александръ съ Риго и со мною. Принцъ Александръ считалъ погрѣшностью противъ этикета оставить балъ раньше своего дяди, хотя я и говорилъ ему, что вовсе не считаю его обязаннымъ обращать много вниманія на забавы и невѣжливость своего дяденьки. Къ тому-же было очевидно, что принцъ Альбрехтъ дѣлалъ это съ цѣлю помучить насъ. Сегодня я набрался смѣлости и ушелъ одинъ, оставивъ принцевъ на произволь судьбы; принцъ Альбрехтъ не могъ переварить этого.

27-го сентября. Довольно долго поспавъ, мы отправились на бой быковъ и медвѣдей. Съ нами очень затруднялись: программа развлеченій уже истощилась, и такъ какъ пребываніе принцевъ Александра и Альбрехта прусскаго затянулось еще на нѣсколько дней, то всячески старались наполнить какъ-нибудь время. Итакъ, на сегодня придумали бой медвѣдей и быковъ. Меня очень заинтересовало, что это такое, я вспомнилъ объ испанскихъ торреадорахъ и т. п. Смотрю—большой сарай съ ложами кругомъ; пара слѣпыхъ заморенныхъ медвѣдей съ вырванными зубами и когтями, пара быковъ съ притупленными рогами и дюжина беззубыхъ волкодавовъ, самымъ плачевнымъ образомъ жавшихся другъ къ другу и только ударами побуждаемыхъ къ храбрости. Противно было смотрѣть.

Затѣмъ мы прощались съ принцемъ Альбрехтомъ, т. е. Риго и я отправились къ нему; онъ заставилъ насъ прождать нѣкоторое время въ пріемной, наконецъ, принялъ. Во время этой прощальной аудіенціи онъ говорилъ афектированно съ однимъ лишь Риго, и оставилъ меня въ сторонѣ. Когда прошло минутъ 10, я сдѣлалъ поклонъ и пошелъ обратно къ дверямъ, сопровождаемый его адъютантомъ, разсерженнымъ на неучтивость своего принца.

Прощальная аудіенція у наследника, какъ и всегда, милаго и любезнаго.

Вечеръ провелъ въ семействѣ барона Бодэ, относившагося ко мнѣ всегда крайне радушно. Одна изъ барышень Бодэ нарисовала очень милыя каррикатуры на всѣхъ иностранцевъ, въ особенности на австрійцевъ. Князь Лихтенштейнъ поразительно похожъ; точно также и принцъ Альбрехтъ прусскій. Напрасно упрашивалъ я ее показать карриатуру на меня, m-lle Бодэ упорно отказывала; на

память она подарила мнѣ картиночку: *le costume des demoiselles d'honneur de S. M. l'impératrice.*

Прощай, Москва, гдѣ мнѣ такъ нравилось.

Возвращеніе въ Петербургъ и Царское село.

28 и 29-го сентября. Принцъ съ Сухтеленемъ опередилъ насъ; не случилось ничего замѣчательнаго на уже знакомомъ и довольно однообразномъ пути изъ Москвы въ Петербургъ. Дорогой видѣли слона и двухъ верблюдовъ для двора.

Князь (П. Мих.) Волконскій, слывшій за челоуѣка очень экономнаго, противился, когда узналъ, что императоръ желаетъ держать слона, который обойдется ежегодно въ 10.000 рублей. Императоръ настоялъ на своемъ; Волконскій сказалъ тогда (если вѣрить путникамъ): „*et bien Sire, permettez moi de solliciter la place d'éléphant de la cour; elle est bonne*“.

Путешествіе наше было величайшимъ мученіемъ для лошадей; обыкновенно выбившуюся изъ силъ или павшую лошадь выпрягали и оставляли на дорогѣ на произволь судьбы.

Рано утромъ 30-го числа мы пріѣхали въ Царское-Село и заняли прежнія квартиры. Здоровье императрицы стало лучше. Наши экипажи требовали починки, и вслѣдствіе этого явилась отсрочка нашего отъѣзда на нѣсколько дней.

30-го сентября. За столомъ сосѣдомъ моимъ съ одной стороны былъ Раухъ, а съ другой—статскій совѣтникъ Шабо, секретарь императрицы. Они оба описывали мнѣ роскошь и дороговизну петербургской жизни. Раухъ признался, что, не смотря на хорошее содержаніе, не можетъ существовать въ Петербургѣ съ небольшимъ своимъ семействомъ, а потому принужденъ былъ отослать его обратно въ Берлинъ. Ему необходимо держать, по крайней мѣрѣ, 15 челоуѣкъ прислуги: камердинеръ, лакеи, полотеры, кучеръ, конюхи, водовозъ, швейцаръ, посыльный, камеръ-юнгферы, горничныя, прачка, швед, служанки.

Вечеромъ отдыхъ. Пріѣхалъ нидерландскій повѣренный въ дѣлахъ Геверсъ и привезъ письма и газеты; разговоръ о восточномъ вопросѣ: Россія сильно желаетъ принять участіе на совѣщаніяхъ въ Вѣнѣ, нисколько не желая при этомъ связывать себя какими-либо рѣшеніями. Положеніе Турціи ближе касается интересовъ Россіи, чѣмъ интересовъ прочихъ державъ; кромѣ того, при помощи трактатовъ, Россія выговорила себѣ дѣйствительныя выгоды, отказаться отъ которыхъ вовсе не намѣрена. И на будущее время она

будетъ поступать согласно своимъ интересамъ. Вотъ какъ разсуждалъ Геверсъ.

1-го октября. Длинная прогулка съ принцемъ Александромъ; разговоръ о Брюсселѣ и атакѣ принца Фридриха.

Науендорфъ, нассаускій генераль, посѣтилъ меня съ капитаномъ Гольбахомъ. Науендорфъ присланъ съ извѣстіемъ о кончинѣ герцога нассаусскаго. Среди прочихъ подробностей, онъ разсказалъ, что мой отецъ, зять Брейдбахъ и сестра Амалия были въ Киссингенѣ, когда тамъ умеръ герцогъ. Длинный разговоръ съ княземъ Николаемъ Долгорукимъ.

2-го октября. Послѣ обѣда мы съ Геверсомъ отправились въ статскомъ платьѣ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ; императоръ, ѣхавшій туда одновременно съ нами, замѣтилъ меня. Живу я у Геверса и знакоплюсь съ направлениемъ политическихъ дѣлъ. Англія и Франція объявили, что ихъ флоты будутъ форсировать Дарданеллы, какъ только русскій военный флотъ пройдетъ черезъ Босфоръ.

Самой интересной моей добычей въ Петербургѣ были спеціальныя и вѣрные документы о русской арміи, ея силѣ, расположеніи и дислокаціи. Я самъ видѣлъ 160.000 человекъ, въ точности ознакомился съ ихъ боевыми силами, командирами, и такъ какъ все, что показывали тѣ документы, вполне согласовалось съ имѣвшимися у меня данными, то я и заключилъ отсюда о вѣрности списочнаго состава частей арміи, мной не видѣнныхъ.

Нечего удивляться, что показанія иногда сильно расходятся, и сила арміи опредѣляется то въ 400,000, то въ 1.000,000: и то и другое справедливо; спрашивается только, что понимать подъ словомъ армія?

Если все то, что носить мундиръ и оружіе—кадеты, кантонисты, гарнизонные баталіоны, резервы, иррегулярная войска, если все это причислить къ арміи, то она перейдетъ за 1.000.000; но дѣйствующая армія, та, которую Россія можетъ выставить въ европейскую войну, не переходитъ за 400.000.

30-го октября. Возвращеніе изъ Петербурга. Я пропустилъ приглашеніе (Алекс. Ив.) Чернышева; онъ долженъ былъ тогда именемъ императора вручить намъ (Ригю и мнѣ) командорскіе кресты и ордена св. Станислава. Знакъ этотъ не имѣетъ особеннаго значенія и обыкновенно раздается направо и налево всѣмъ иностраннымъ штабъ-офицерамъ, появляющимся при петербургскомъ дворѣ съ какимъ-бы то ни было официальнымъ поручениемъ.

Сегодня мы были у императора въ прощальной аудіенціи, продолжительной и милостивой. Сначала онъ говорилъ о своемъ вне-

запною отъѣздѣ изъ Москвы и что причиною тому была болѣзнь императрицы: „Vous n'êtes pas mariés, sans cela vous comprendriez ce que j'ai souffert“. Затѣмъ: „je regrette de ne pas vous avoir vus plus souvent, mais il y avait trop d'étrangers cette fois“.

Когда мы благодарили за ордена: „Bah, ne m'en parlez pas, je regrette que les circonstances ne m'aient pas permis de faire davantage. Mais il y avait trop d'étrangers“.

Очень хвалилъ принца Александра: „D'abord il parait un peu trop sévère, mais il gagne infiniment à être connu. Il est tout à fait correct et dans les bons principes, dès qu'on lui parle d'affaires majeures“.

Затѣмъ объ арміи: „Vous avez vu à peu près la moitié de ce que nous avons, près de 200 mille hommes“.

Потомъ о драгунахъ, и что для нихъ не существуетъ еще никакого правильнаго положенія. На прощаніе онъ подаль намъ руку.

Послѣ этого мы отправились къ великому князю Михаилу; со мною онъ былъ особенно любезенъ.

Пообѣдали мы одни съ Геверсомъ, и въ 4 часа послѣдоваль отъѣздъ въ присутствіи императора, великаго князя Михаила и герцога Лейхтенбергскаго.

Прощай Петербургъ и Россія! Я не чувствую ни малѣйшей потребности увидѣть васъ вновь. Сухтеленъ поѣхаль съ принцемъ, я—съ Риго.

Изъ Царскаго Села въ Варшаву.

3-го—8-го октября. Мнѣ хотѣлось-бы ѣхать черезъ остзейскія провинціи, но принцъ Александръ избралъ кратчайшій путь. Путь этотъ—вновь проложенное шоссе, идущее прямою лентою, подобно полету ядра, нисколько не заботясь о томъ, что находится вправо и влево отъ него, такъ что оно минуетъ многіе значительные города, лежащіе лишь въ нѣсколькихъ миляхъ въ сторону. До Ковно шоссе не проходитъ ни черезъ одинъ значительный городъ; оно идетъ черезъ Лугу, минуя Псковъ, черезъ Островъ, минуя Динабургъ, черезъ Вилькоміръ, Ковно, Ломжу. Мы были въ дорогѣ 5 дней, не останавливаясь въ продолженіе четырехъ ночей, а пятую провели въ Ломжѣ. Дорога эта стратегическая; всюду устроены телеграфныя станціи, черезъ каждыя три почтовыя станціи—гостинница, принадлежащая правительству и отданная въ аренду.

Мы остановились на короткое время въ Яшерехъ, въ 4 часа утра позавтракали въ Лугѣ, а вечеромъ четвертаго числа проѣхали

мимо Пскова; передъ Островомъ застряли ночью на разобранномъ мосту; пятого обѣдали въ Вышгородѣ. Въ ночь съ пятого на шестое переправились у Динабурга черезъ Двину, ничего не выдавши. По ту сторону Динабурга мѣстность мѣняется, растительность становится болѣе роскошной. Въ Литвѣ впервые появляются евреи, которыхъ не встрѣтишь собственно въ Россіи. Бороды русскихъ крестьянъ исчезаютъ и замѣняются польскими усами. Всѣ литвянки одѣваются въ бѣлое; ихъ головной и шейный уборъ похожъ на монашеское покрывало. Лица попадаютъ уже другія, болѣе энергичныя.

Въ Курляндіи ландшафты живѣе: тамъ они разнообразятся всюду пѣвыми холмовъ и маленькихъ озеръ; мѣстами сохранились еще слѣды польской войны.

Въ Ковно мы пріѣхали ночью (съ 6-го на 7-е); напились чаю и переправились черезъ Нѣманъ. Вопреки нашимъ убѣжденіямъ, принцъ не согласился подождать утра, чтобъ посмотрѣть на мѣсто переправы Наполеона съ его великою арміею.

По ту сторону, за Ковно, начинается Царство Польское. Завтракали на почтовой станціи Цапличекъ. Познакомился съ одною молодою полькою; я увидѣлъ ее въ національномъ костюмѣ, погруженною въ чтеніе исторіи Польши. На мой вопросъ: „охотно-ли вы читаете историческія сочиненія“, она отвѣтила: „развѣ полька не должна интересоваться исторіей своего отечества?“ Я: „конечно, тѣмъ болѣе, что польки играли въ ней такую видную роль, можно сказать даже, что онѣ наполовину создали ее“. Это понравилось, и мы стали хорошими знакомыми. Она со слезами рассказывала мнѣ, что ея два брата изгнаны: въ качествѣ варшавскихъ студентовъ, они взяли за оружіе; одинъ изъ нихъ теперь священникомъ въ Римѣ.

Въ Райгородѣ мы нашли еще слѣды сраженія между польскими генералами Гельгудомъ и Дембинскимъ и русскимъ генераломъ Сакеномъ, вынужденнымъ къ отступленію. Многіе сожженные тогда дома лежатъ въ развалинахъ. Польскіе евреи, водившіе насъ туда, сознавались, что евреи служили русскимъ шпионами, и вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ были повѣшены.

Ночь съ 7-го на 8-е мы провели въ Ломжѣ. Риго былъ крайне несчастливъ, потому что клопы мѣшали ему спать.

Утромъ 8-го числа мы посѣтили поле сраженія при Остроленкѣ, мость и видѣли ядра въ церкви. Одинъ польскій интендантъ рассказывалъ намъ о храбрости двухъ польскихъ баталіоновъ, которые послѣдними защищали городъ и всетаки проложили еще себѣ путь къ

Нареву, хотя русскіе были уже на той сторонѣ. Русскіе отрицаютъ этотъ фактъ, хотя воздаютъ полную справедливость храбрости поляковъ. Дибичъ не могъ воспользоваться побѣдой, такъ какъ отказалъ подвергнуть опасности гвардію.

Русскій комендантъ Остроленки былъ нѣкогда пажемъ великой княжны Анны, нынѣшней (1839 г.) принцессы Оранской.

Обѣдали въ Пултускѣ, имѣющемъ прекрасное мѣстоположеніе. Поля битвы (1807) не видѣли.

Старое французское предмостное укрѣпленіе при Сироцкѣ развалилось; мы съ принцемъ обозрѣвали его очертанія.

Во вторникъ вечеромъ, 8-го октября, мы пріѣхали въ Варшаву и остановились въ Бельведерѣ, прежнемъ дворцѣ великаго князя Константина Павловича, гдѣ вспыхнула революція. Намъ встрѣтили съ торжественностью. Князь Паскевичъ со своимъ многочисленнымъ и блестящимъ штабомъ первый сдѣлалъ визитъ принцу Александру, на который тотъ тотчасъ отвѣтилъ. Князь (Мих. Дм.) Горчаковъ ¹⁾, начальникъ штаба фельдмаршала, сдѣлался скоро моимъ хорошимъ знакомымъ. Отправились въ театръ, видѣли „Любовный напитокъ“; затѣмъ давался національный балетъ, въ которомъ исполнялись мазурка и краковякъ въ польскихъ національныхъ костюмахъ подъ громовые аплодисменты многочисленной публики. Зала была биткомъ набита.

Вечеромъ веселый ужинъ en partie sautée. Мнѣ было очень пріятно снова уснуть на хорошей постели,—удовольствіе, котораго я былъ лишень въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

В а р ш а в а.

9-го октября. Утромъ принцъ принималъ корпусъ офицеровъ и городскія власти. Затѣмъ мы осмотрѣли Волю, гдѣ происходило сраженіе, и вновь выстроенную въ Варшавѣ цитадель. Нашими провожатыми были русскіе генералы, князь (Мих. Дм.) Горчаковъ и (Фед. Фед.) Бергъ; оба они играли въ этомъ сраженіи значительную роль. Горчаковъ былъ начальникомъ русской артиллеріи, дѣйствовавшей въ этотъ день такъ рѣшительно, а Бергъ, какъ мнѣ кажется, состоялъ генераль-квартирмейстеромъ. Оба они были настолько любезны, что на мѣстѣ объясняли намъ они ходъ дѣла съ любопытнѣйшими подробностями. Побѣда главнымъ образомъ зависѣла отъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

¹⁾ Главнокомандующій русской арміей въ только-что окончившейся войнѣ 1853—1856 гг.

1) отсутствія 20.000 чел. польской арміи, отряженныхъ за Вислу для распространенія мятежа и доставки продовольственныхъ припасовъ, такъ какъ поляки были убѣждены, что на штурмъ русскіе не рискнутъ; 2) огромнаго численнаго перевѣса русской артиллеріи (на 400 орудій), и наконецъ, 3) ошибочнаго расположенія польскихъ укрѣпленій, большею частью не фланкировавшихся.

Съ другой стороны, въ положеніи русскихъ было то невыгодно, что они не знали точно о родѣ и расположеніи польскихъ укрѣпленій и вообще не имѣли хорошихъ шпионовъ. Польская артиллерія стрѣляла съ барбетовъ и черезъ это сильно пострадала; русская артиллерія, болѣе легкаго калибра, выдвинулась на 400 шаговъ отъ непріятельскихъ верковъ и стрѣляла картечью.

Цитадель выстроена по Монталамберо — прусской системѣ, нашедшей себѣ сторонника въ лицѣ императора. При прощаніи въ Царскомъ Селѣ, великій князь Михаилъ разговаривалъ со мною объ этой системѣ и сказалъ при этомъ: „à l'école du génie à Mézières on cite ce système comme un exemple de faux principes qu'il ne faut pas suivre“.

Послѣ этой поѣздки меня посѣтилъ адъютантъ генерала Берга, финляндецъ, принесшій мнѣ планъ Варшавы и донесеніе о сраженіи; онъ много рассказывалъ мнѣ о Швеціи и финляндцахъ.

Обѣдъ у фельдмаршала въ лѣтнемъ дворцѣ, выстроенномъ послѣднимъ королемъ польскимъ, Станиславомъ-Августомъ; здѣсь останавливается императоръ Николай въ свои пріѣзды въ Варшаву. Множество гостей, большею частью русскихъ генераловъ; были однако и поляки, въ томъ числѣ графъ Потоцкій, заговорившій со мною. Въ послѣднемъ мятежѣ онъ не принималъ никакого участія и жилъ въ то время въ Парижѣ. Разговоръ его учтивъ, и онъ съ приличною случаю скорбью выразился о положеніи и несчастіи своего отечества (*decenter mori*). Онъ хорошій знакомый нидерландскаго генерала Роберта Фагеля.

Во время обѣда сосѣдями моими были князь Горчаковъ и генералъ Бергъ. Первый—чистосердечный, разговорчивый, охотно разсуждавшій о военныхъ вопросахъ. Прежде всего предметомъ разговора послужило веденіе войны на востокѣ. Онъ сказала: „*Tout l'art de la guerre en Orient consiste à faire vivre son armée; le reste n'est rien. On marche avec de petites armées et d'énormes convois, qu'il faut couvrir. Donc tout ordre de marche ressemble à l'escorte d'un convoi. C'était là l'art du maréchal Paskewitsch.*

„*On ne campe pas en position, comme en Europe, mais en carré, ou au moins réuni. L'avant garde ne peut être poussé fort loin en avant, elle doit être très à portée pour ne pas être surprise.*

„Surtout il ne faut pas ménager l'argent dont l'Oriental est très avide. En payant bien on a des entrepreneurs qui se chargent du transport des vivres, on a aussi pour de l'argent de bons espions.

L'eau est rare. L'eau et les fontaines décident ordinairement du choix des bivouacs. Toute la cavalerie vit du fourage au vert, qui se fait régulièrement d'après l'ancienne méthode.

Les maladies moissonnent beaucoup de monde, ce sont surtout les fièvres, la dysenterie, la peste, tout cela est plus dangereux que le fer des ennemis.

On ne forme plus de grands carrés de brigade ou de division contre la cavalerie orientale; un carré, formé par une colonne d'attaque par bataillon, suffit“.

Затѣмъ князь Горчаковъ говорилъ о прусской ландверной системѣ и о военныхъ поселеніяхъ; говорилъ онъ очень ясно, безъ предубѣжденій, но съ чисто-политической точки зрѣнія, какъ о средствѣ къ достиженію извѣстной цѣли.

„L'Empereur Alexandre était un peu idéologue; le système des colonies militaires, tel qu'il l'avait introduit en Russie, était trop dangereux pour l'état, mais il avait encore l'inconvénient d'empêcher tout développement industriel. On en est revenu dans l'intérieur de la Russie, surtout pour l'infanterie; mais on l'a conservé pour la cavalerie parce qu'il est combiné avec les haras et l'éducation des jeunes chevaux, qui de cette manière sont fournis très bon marché“.

Вечеромъ въ театрѣ; комедія съ варшавскими и краковскими костюмами; потомъ балетъ, причѣмъ были исполнены штирійскіе танцы.

Въ театрѣ фельдмаршалъ Паскевичъ былъ особенно любезенъ со мною, по всей вѣроятности, благодаря рекомендаціи Горчакова. Онъ выигрываетъ гораздо болѣе, являясь намѣстникомъ, чѣмъ находясь въ свитѣ императора. На первый взглядъ онъ непріятно поражаетъ производимымъ имъ впечатлѣніемъ высокоумія и лживости (большая часть его портретовъ очень похожи). Конечно, въ высокоуміи у него нѣтъ недостатка, но это впечатлѣніе лживости является слѣдствіемъ косаго взгляда. Фельдмаршалу теперь 59 лѣтъ: еще въ 1812 году, въ чинѣ генераль-маіора, онъ съ успѣхомъ командовалъ дивизіею въ сраженіи при Бородинѣ. Онъ выглядитъ нѣсколько моложе своихъ лѣтъ, но болѣзненно, такъ какъ къ нему сильно привилась восточная лихорадка. Онъ можетъ быть очень любезнымъ, и разговоръ его о военномъ дѣлѣ крайне интересенъ. Основательнымъ научнымъ образованіемъ онъ, повидимому, не обладаетъ, если судить по нѣкоторымъ вопросамъ, сдѣланнымъ имъ

князю Горчакову, но то, какъ откровенно и естественно онъ дѣлаетъ ихъ, доказываетъ, что у него нѣтъ и никакихъ претензій на него.

Вечеромъ въ театрѣ, въ небольшой залѣ, примыкающей къ его ложѣ, фельдмаршалъ говорилъ о восточной войнѣ. Когда я выразилъ сожалѣніе, что у насъ нѣтъ ни одного хорошаго описанія его походовъ, онъ обѣщалъ прислать мнѣ нѣмецкій переводъ, недавно лишь появившійся въ печати. Онъ уже послалъ его эрцгерцогу Карлу, принявшему книгу очень милостиво. На слѣдующее утро адъютантъ его передалъ мнѣ роскошный экземпляръ отъ имени фельдмаршала. На русскомъ востокѣ старѣются такъ-же скоро, какъ въ нашей Индіи; иногда молодые становятся сѣдыми въ нѣсколько лѣтъ.

10-го октября. Утромъ отправились на поле близъ Варшавы, гдѣ происходила Гроховская битва. Фельдмаршалъ, Горчаковъ, Бергъ и генераль Рихтеръ показывали намъ его. Горчаковъ и Бергъ сами участвовали въ этомъ сраженіи. Объясненіе ошибокъ, сдѣланныхъ въ немъ:

1) Ожидали гренадерскій корпусъ князя Шаховскаго, который, вмѣсто того чтобы примкнуть къ арміи раньше, соединился съ нею только на полѣ битвы. Поляки отдѣлили отрядъ, чтобы уничтожить его до соединенія, это побудило фельдмаршала Дибича начать сраженіе раньше, чѣмъ предполагалось, и когда еще не были приведены въ исполненіе всѣ распоряженія.

2) Атаковали съ фронта небольшой лѣсокъ, который легко можно было-бы обойти съ тыла или атаковать съ фланга. Въ этомъ лѣсу находился широкій мокрый ровъ; поляки прикрыли его досками, которыя сбрасывали, какъ только русскіе доходили до него.

3) Дибичъ не воспользовался побѣдою по причинѣ наступленія вочи; онъ хотѣлъ избѣгнуть безпорядковъ и поджидалъ депутаціи отъ города, но въ городѣ настроеніе измѣнилось: болѣе ярые одержали верхъ, и наступившая оттепель сдѣлала невозможнымъ переходъ черезъ Вислу по льду.

.....

Маневры между гарнизономъ и наступающимъ корпусомъ по заранѣ составленной программѣ. Всѣ движенія и распоряженія очень просты; очевидно, намъ хотѣли внушить лучшее мнѣніе о военномъ искусствѣ русскихъ, чѣмъ вынесенное нами изъ Краснаго-Села и Бородина.

Всѣ лучшіе генералы съ Паскевичемъ и Горчаковымъ во главѣ

для назиданія дали понять принцу о своемъ нерасположеніи къ педантизму вахтъ-парадовъ и ко всеѣмъ мелочамъ военной выправки, и о томъ ничтожномъ значеніи, которое они придаютъ имъ.

Атака на Варшавскій замокъ; эскалада по лѣстницамъ; карабинеры (воспитанники солдатскихъ школъ) очень опытни въ ней; эскалада по лѣстницамъ на стѣны въ 30 футъ вышиною производилась быстро и безъ приключеній; все устроено просто и правично.

Фальдмаршалъ Паскевичъ сказалъ въ моеѣ присутствіи принцу Александру: „Dans une grande armée, où le soldat sert 20 ans, il faut inventer beaucoup de choses inutiles à la guerre, pour occuper le soldat; dans une petite ou lorsque le soldat sert moins longtemps ces minuties sont inutiles“.

Обѣдъ у фельдмаршала. Горчаковъ опять взялъ меня подъ руку, чтобы я сѣлъ подлѣ него. Я былъ пораженъ его широкими и свободными взглядами. Онъ благопріятно выражается о теперешней видѣнной имъ французской арміи. Горчаковъ не сторонникъ *artillerie montée* и системы Цоллерна, и вотъ почему: она слишкомъ дорого обходится, такъ какъ нужно имѣть и содержать въ каждой батареѣ на 30—40 лошадей болѣе. Артиллеріи, сопровождающей пѣхоту, и крѣпостной артиллеріи, рѣдко случается на войнѣ производить очень быстрыя передвиженія. Поэтому и старые французскіе артиллеристы противъ нея. Pour boucher un trou существуетъ конная артиллерія, которая однако не можетъ быть замѣнена *artillerie montée*. Онъ сознаетъ, что деревянныя оси и подъемныя клины русской артиллеріи имѣютъ недостатки и должны-бы быть уничтожены. „J'ai été moi-même dans le dernier comité où ces questions ont été débattues, mais la routine et le préjugé ont eu le dessus etc.“.

Затѣмъ Горчаковъ объяснилъ мнѣ сложную систему рекрутскаго набора въ Россіи. Военное министерство само распредѣляетъ рекрутъ по полкамъ, сообразно потребностямъ, а главное—сообразно политическимъ соображеніямъ. Извѣстны какъ провинціи, такъ и свойства поставляемыхъ ими рекрутъ, и разница между ними велика, какъ въ нравственныхъ и физическихъ достоинствахъ, такъ и въ способностяхъ къ назначенію въ извѣстные роды оружія. По различнымъ соображеніямъ, причемъ во вниманіе принимается и разстояніе, рекруты посылаются или прямо въ полки, или же въ резервные батальоны; каждый полкъ, состоящій изъ 4 батальоновъ, имѣетъ два резервныхъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ, что имѣетъ, такъ какъ часто это бываетъ не что иное, какъ кадры. „Il n'y a que les régiments de cavallerie colonisés, qui soient provinciaux en Russie, le reste est mêlé!“

Горчаковъ сознаетъ также, что срокъ службы русскаго солдата слишкомъ великъ; 15 лѣтъ для него maximum; прослуживъ дольше, онъ получаетъ отвращеніе и неспособность быть годнымъ на что-либо другое.

У Горчакова очень просвѣщенные взгляды на политику и на Германію въ частности. Онъ говоритъ: „не должно сравнивать другія страны, ихъ нужды и обстановку съ Россіей. Въ Россіи восходящее движеніе (mouvement ascendant) совершается очень легко и вполне естественно. Между тѣмъ какъ другія государства переполнены молодыми образованными людьми, ищущими занятій, въ Россіи наблюдается совершенно обратное. Всякому, годному на что-либо, легко составить себѣ карьеру. Il y a chez nous une grande facilité de parvenir sans distinction de rang et de naissance“ (онъ назвалъ и указалъ мнѣ на многихъ еще молодыхъ штабъ-офицеровъ, находившихся въ залѣ и начавшихъ прямо съ солдатства) „pourvu qu'on sache lire et écrire et qu'on se conduise bien, cette facilité de faire sa carrière préserve la Russie du mécontentement et des révolutions; elle la préservera encore longtemps“.

Брестъ—самая большая русская крѣпость послѣ Модлина или нынѣшняго Ново-Георгіевска; третья крѣпость заложена на Вислѣ выше Варшавы, при впаденіи въ нее Вепржа.

Театръ. Балетъ. Прекрасныя дѣвушки, au goût des sommités de l'armée russe. Раутенштраухъ — настоящая карикатура. Ceux qui sont à Varsovie ne se soucient pas de retourner à Pétersbourg.

11-го октября. Рано утромъ мы отправились въ Модлинъ, большую крѣпость, заложенную русскими при впаденіи въ Вислу Буга. Еще въ 1807 году, при Наполеонѣ, французы заложили здѣсь большое предместное укрѣпленіе, валами котораго воспользовались для новой крѣпости, названной Ново-Георгіевскомъ.

Князь Горчаковъ, составившій примѣрный журналъ атаки, вычислилъ продолжительность осады въ 85 дней (въ томъ числѣ 10 дней обложенія). Громадная казарма въ редюитѣ (опять самая большая въ свѣтѣ) имѣетъ въ окружности 1,600 туазовъ, значить болѣе получаса ходьбы.

Въ Модлинѣ былъ устроенъ déjeuner dinatoire, и при этомъ князь Паскевичъ, подлѣ котораго я сидѣлъ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ обращался и склонялъ на свою сторону горцевъ и мусульманъ: „Ils m'ont trahi jusqu'à trois fois et je leur ai toujours pardonné—parce que ces peuples n'ont aucune idée de devoirs envers nous. Il fallait d'abord les gagner et se les attacher“.

Возвращеніе въ Варшаву; принцъ Александръ даетъ большой обѣдъ.

Польскій генералъ Росницкій, организовавшій польскую кавалерію при Наполеонѣ, теперь уже очень-старый человекъ, высказался противъ управленія кавалерійскою лошадыю при помощи внутренняго повода; того-же мнѣнія русскій генералъ Оффенбергъ.

Цѣна дикой лошади на Украинѣ 300—400 рублей. Росницкій говорилъ о Наполеонѣ и его отвращеніи къ чистымъ теоретикамъ: „On lui parlait d'une demoiselle très instruite qui avait lu 500 volumes. Il demande a-t-elle raccomodé 500 paires de bas“. Послѣ обѣда отправились въ театръ и видѣли отличную польскую актрису. Ложа фельдмаршала Паскевича между колоннъ приходилась прямо противъ ложи танцовщицъ; такимъ образомъ мы имѣли передъ глазами прекрасный bouquet de fleurs. Лорнетки фельдмаршала (жена въ Парижѣ) и принца Александра часто направлялись въ ту сторону.

Среди прочихъ въ ложѣ появился генералъ Раутенштраухъ, уродъ въ бѣлокуромъ завитомъ парикѣ; онъ директоръ театра, и увѣряетъ, что всѣ его танцовщицы добродѣтельны. Эти удостовѣренія онъ давалъ въ моемъ присутствіи нѣкоторымъ адъютантамъ фельдмаршала, знающимъ, какъ мнѣ кажется, лучше его, истинное положеніе дѣла. „Enfin elles sont vertueuses pour ou contre le générale Rautenstrauch“.

Жандармскій полковникъ Абрамовичъ—хорошей польской фамиліи; онъ проклиняетъ свою обязанность.

Послѣ театра мы простились съ фельдмаршаломъ и, поге consueto, въ полночь выѣхали изъ Варшавы.

Вотъ чистосердечныя слова побѣдителя, между тѣмъ какъ въ Германіи достаточно тупы: требуютъ отъ поляковъ покорности по чистой совѣсти и хотятъ вмѣнить имъ это въ обязанность.

12-го и 13-го октября мы ѣхали безостановочно днемъ и ночью безъ выдающихся происшествій. Вечеромъ 12-го числа прибыли на прусскую границу и распрощались съ Сухтеленемъ, сопровождавшимъ насъ въ теченіи цѣлыхъ 2¹/₂ мѣсяцевъ. Я съ нимъ близко сошелся, умѣлъ цѣнить его достоинства и не особенно большое значеніе придавалъ его недостаткамъ, а потому прощаніе было грустное.

13-го пріѣхали въ Познань и остановились въ Вѣнской гостинницѣ.

Маіоръ Притвицъ и одинъ прусскій инженеръ сопровождали насъ въ цитадель и при осмотрѣ укрѣпленій.

Грольманъ сказалъ мнѣ съ гордостью: „вотъ что мы противо-

ставимъ русскому Модлину“ (Ново-Георгиевску). Во всѣхъ частяхъ прусской арміи сказывается отвращеніе (?) къ русскимъ.

Грольманъ говорилъ о столкновеніи съ архіепископомъ, нѣсколько дней передъ этимъ арестованнымъ и отправленнымъ въ Кольбергъ. Грольманъ сказалъ: „онъ не фанатикъ и не честолюбецъ, но слабъ характеромъ и позволяетъ руководить собою“. Говорилъ объ ихъ возбужденности, о траурѣ, особенно носимомъ дамами, у которыхъ политическая оппозиція совпадаетъ съ религіозною, такъ какъ онѣ не покидаютъ надеждъ на возстановленіе Польши.

Принцъ пригласилъ пруссаковъ въ гостинницу къ *déjeuner d'adieu*; велся очень живой и интересный разговоръ; затѣмъ мы продолжали нашъ путь.

Ночью проѣхали черезъ Кюстринъ, ничего не выдавши, и 14-го числа, рано утромъ, приѣхали въ Берлинъ, гдѣ остановились въ домѣ нидерландскаго посольства.

Берлинъ и Потсдамъ.

14-го октября, послѣ завтрака, поѣхали въ Потсдамъ.

По всему можно было замѣтить, что въ Берлинѣ прекрасно извѣстна руссоманія сыновей принца Оранскаго; разговоръ въ высшей степени незначущій. Въ приѣмной встрѣтилъ русскаго полковника Долгорукаго, посланнаго въ Бибрихъ.

15-го октября. Принцъ Александръ посѣтилъ сегодня кронпринца по случаю дня его рожденія. Я сопровождалъ его въ Сансуси, резиденцію кронпринца.

Въ продолженіи вечера я болѣе всего сидѣлъ съ Александромъ Гумбольдтомъ, разговоръ котораго постоянно оживленъ и содержателенъ: анекдоты не изсякаютъ. Онъ много говорилъ о Луи-Филиппѣ и о несогласіяхъ между французскимъ и русскимъ дворами.

..... Говорилъ Гумбольдтъ о двучинной роли художника Гораціо Верне, въ Парижѣ смѣявшагося надъ русскимъ дворомъ, а въ Петербургѣ надъ французскимъ. Мнѣ кажется, что другіе поступаютъ подобнымъ-же образомъ.

Вечеромъ со мною заговорилъ король и спрашивалъ о бродинскихъ маневрахъ. Извѣстная странность въ обращеніи короля привела меня въ замѣшательство: онъ подходитъ къ вамъ бокомъ, почти проходитъ мимо и вдругъ, полу-обернувшись, произноситъ нѣсколько трудно понятныхъ словъ. Нужна привычка, чтобы знать, что онъ говоритъ съ вами. Гумбольдтъ долженъ былъ сказать мнѣ: „*Sa Majesté vous parle*“.

Вотъ еще слова Гумбольдта: l'Empereur Nicolas a voulu ou cru avoir un éprouvantail en choisissant le duc N. N., comme le duc de Reichstadt était un éprouvantail entre les mains de l'Autriche“.

16-го октября. Утромъ сдѣлали визиты принцу Карлу прусскому въ Гиннинѣ и принцу Вильгельму въ Бабельсбергѣ. Принцъ Карлъ очень забавно передразнивалъ русскихъ ординарцевъ, ихъ манеру держаться и говорить при рапортахъ; по рассказамъ, онъ вообще обладаетъ талантомъ представлять другихъ и хорошо владѣетъ мимикой...

Déjeuner dinatoire у кронпринца въ Сансуси.

Принцъ Вильгельмъ разспрашивалъ меня о бородинскихъ маневрахъ, и на его вопросъ—много-ли тамъ было иностранцевъ, я отвѣчалъ, что большею частью были англичане.

Княгиня Лигницъ спрашивала меня о бракѣ эрцгерцога Альбрехта..... Повидимому, моя похвала эрцгерцогу удивила адъютанта принца Карла, и потому мнѣ стало болѣе понятнымъ, почему это, казалось, порадовало княгиню Лигницъ.

Кронпринцъ былъ опять любезенъ; онъ сожалѣлъ, что мы не остаемся здѣсь дольше, и нѣсколько насмѣшливо говорилъ о руссо-маніи принца Александра и его обыкновеніи не говорить по-нѣмецки...

17-го октября. Отправились въ Берлинъ, гдѣ должны были обѣдать у принца Вильгельма, показывавшаго намъ свой прелестный дворецъ, вновь омеблированный во вкусъ эпохи Возрожденія. За обѣдомъ были генералы Мюффлингъ, Редеръ и принцъ Вюртембергскій.

Мюффлингъ долго говорилъ о Россіи, о Лейхтенбергскомъ и о бракѣ наслѣдника престола съ принцессою дармштатскою. Инструкціи графа Орлова разбились о безыскусственную, чарующую простоту принцессы, между тѣмъ какъ хорошо обученныя и выдрессированныя принцессы другихъ дворцовъ (выраженіе генерала Мюффлинга) не произвели никакого впечатлѣнія..... Мюффлингъ говорилъ, что императоръ хотѣлъ отложить этотъ бракъ, но этого не пожелала императрица..

18-го октября. По дорогѣ изъ Берлина въ Потсдамъ видѣли русскую колонію, къ счастью (?), теперь уже вымирающую. Это не что иное, какъ на русскій образецъ выстроенные крестьянскіе домики, гдѣ живутъ русскіе, выписанные сюда изъ любезности къ императору Николаю (?!)..

19-го октября. Осматривали въ Берлинѣ новую казарму одного прусскаго гвардейскаго полка. Я съ радостью замѣтилъ, что,

въ сравненіи съ Петербургомъ, здѣсь все говоритъ въ пользу прусской арміи. Не только прусскій солдатъ содержится въ общемъ лучше русскаго, что должно было и предвидѣть, но меня порадовало, что я не нашель здѣсь обычнаго тамъ казарменнаго педантизма. Въ небольшихъ комнатахъ помѣщается вмѣстѣ не болѣе 8 или 10 человѣкъ; прекрасныя желѣзныя кровати; онѣ могутъ быть помѣщаемы одна на другую, такъ что днемъ комната просторна и удобна; только эти подниманія должны быть затруднительны. У каждаго солдата небольшой шкафикъ съ замкомъ, гдѣ онъ можетъ держать все, что ему угодно. Требуются порядокъ и чистота, но не педантическое однообразіе.

Веймаръ.

22-го октября. Великая герцогиня была очень любезна. Меня спрашивали, не знаю-ли я чего-нибудь о заговорѣ въ корпусѣ Гейсмара? Я долженъ былъ сознаться въ своемъ невѣдѣніи...

Вечеромъ въ 7 часовъ чай; тамъ я встрѣтилъ русскаго *chargé d'affaires* Санти.

Эрцгерцогиня была неисчерпаема въ разспросахъ о Россіи и въ похвалахъ ей, такъ что я едва могъ приходить въ себя отъ постоянныхъ восклицаній и восхищеній. Когда-же я уставалъ говорить объ этомъ, она снова возбуждала тотъ-же разговоръ. Этотъ недостатокъ общій у нея съ принцессой Оранской.

Такъ, она сказала мнѣ: „*M-me de Staël a dit, en Russie, si on n'atteint pas le but, on le dépasse toujours. Cette pensée, peut-être plus brillante que juste, a cependant son côté vrai. C'est que tout est grand et immense dans cet Empire*“. Она хвалила императора Николая и все имъ сдѣланное, но въ заключеніе прибавила: „*mais c'est une rude tâche, une rude tâche*“.

За столомъ я опять былъ ея сосѣдомъ. Она говорила о бельгійской революціи: „*je ne peux pas m'en consoler, je ne peux pas même m'y soumettre*“.

Почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ обратился императоръ Николай къ принцу Александру въ Красномъ Селѣ за торжественнымъ обѣдомъ, предлагая ему тостъ за обратное завоеваніе Бельгіи. Всѣ эти пожеланія ни къ чему не повели и сдѣлали лишь то, что, напрасно поддерживая иллюзіи, только ухудшили наше положеніе. Я былъ очень доволенъ, когда улегся въ постель—мнѣ просто нездоровилось...

Перевелъ съ нѣмец. и сообщ. въ 1886 г. Н. Е. Шильдеръ.

конецъ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1861 г. ¹⁾.

нварь 4. Среда. Нынѣшняя зима очень постоянна въ холодахъ. Почти каждый день не меньше 15° мороза, а сегодня, напримѣръ, такъ и 23°.

Обѣдъ у графа Блудова. Тамъ былъ, между прочимъ, Кудрявцевъ, назначенный преподавателемъ философіи Наслѣднику. Онъ изъ Троицко-Сергіевской лавры. Говорилъ онъ такъ мало, что я не могъ составить себѣ о немъ никакого понятія.

5. Четвергъ. Толки о воскресныхъ школахъ....

Но, конечно, это одна сторона дѣла и воскресныя школы съ своей стороны не безупречны и даютъ нѣкоторый поводъ правительству къ нападкамъ на нихъ. Но въ такомъ случаѣ пусть правительство возьметъ на себя руководство ими, но отнюдь не закрываетъ ихъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186.; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614.

6. Пятница. Видѣлся съ Владиславомъ Максимовичемъ Княжевичемъ. Очень обрадовались другъ другу. Я искренно люблю и уважаю этого благороднаго и просвѣщеннаго человѣка. Онъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ о процедурѣ выселенія татаръ изъ Крыма. Выселеніе было допущено въ широкихъ размѣрахъ и вдругъ, безъ всякой постепенности. Въ заключеніе, Крымъ остался безъ рукъ, а теперь хотятъ возвращать ушедшихъ. Замѣчательная дальновидность.

Побѣда за воскресными школами. Вчера было преніе о нихъ въ совѣтѣ министровъ. Нашъ министръ, говорятъ, горячо и прекрасно защищалъ школы. Главнымъ виновникомъ ихъ гоненія былъ не графъ Строгановъ, какъ въ публикѣ ходили слухи, а Игнатъевъ.

Да, побѣда за воскресными школами: на этотъ разъ ихъ отстоялъ министръ, но сами-то онѣ постоятъ-ли за себя и на долго-ли удержатся на высотѣ своего призванія? Или, какъ большинство всѣхъ благихъ начинаній въ настоящее время, вмѣстѣ съ добрыми сѣменами начнутъ сѣять и плевелы?

7. Суббота. Всего важнѣе для человѣка не быть жертвой уклоненій, какія уже искажали человѣчество, или какія возможны для него по его природѣ. Въ этомъ настоящая нравственность. Невѣдѣніе зла и лицемѣріе равно противны ея требованіямъ, а большею частью только объ этомъ и думаютъ нынѣшніе воспитатели и охранители общественной нравственности.

8. Воскресенье. Утромъ былъ у Буслаева, который очень доволенъ своими лекціями у наслѣдника. Потомъ зашелъ къ Д. П. Хрущову, а въ заключеніе къ Г. У послѣдняго встрѣтилъ Боткина старшаго, который пріѣхалъ изъ Парижа недѣли полторы тому назадъ. Онъ говорилъ о страшныхъ холодахъ вездѣ за границую (въ Парижѣ 18°, въ Кельнѣ 12°, въ Берлинѣ 18°) и о всеобщихъ приготовленіяхъ къ войнѣ.

10. Вторникъ. Въ самомъ дѣлѣ, это истина, неопровержимая какъ аксіома, что наибольшаго недоброжелательства можно ожидать отъ тѣхъ людей, кому оказывалъ наибольше пріязни и услугъ.

12. Четвергъ. Написалъ и отправилъ письмо К. И. Морозову, моему доброму старому учителю.

Нѣкоторымъ изъ нашихъ дѣятелей пріятнѣе слышать то, что они молоды, чѣмъ то, что они разсудительны.

14. Суббота. Ужаснѣйшіе холода. Морозъ за двадцать градусовъ, со свирѣпымъ вѣтромъ.

Былъ въ засѣданіи академіи. Разсуждали о сопряженіяхъ и ничего не разсудили.

Вечеромъ засѣданіе въ обществѣ пособія нуждающимся литераторамъ. Происходили перемѣны въ составѣ правленія общества: четыре члена должны были по жребію выбыть, а четыре новые избраны. Я очень желалъ быть въ числѣ первыхъ: силы мои все плохи и всякое лишнее дѣло на нихъ отзывается, о чемъ я и говорилъ уже Ковалевскому и другимъ. Желаніе мое исполнилось. Первый-же вынутый номеръ былъ съ моимъ именемъ. Потомъ вышли имена Кавелина, Краевского, Галахова. Правленіе много потерпѣть, лишась двухъ послѣднихъ. Краевскій прекрасно исполнялъ должность казначея, а Галаховъ—секретаря. Не скоро найдешь такихъ усердныхъ и порядочныхъ дѣятелей въ этомъ кругу.

17. Вторникъ. Поутру въ католической церкви реквиемъ, по случаю кончины Ганки. Было довольно студентовъ. Изъ профессоровъ, кромѣ меня, были, кажется, только Срезневскій, Костомаровъ, Мухлинскій. Однако и я не дослушалъ всего реквиема до конца: въ церкви было холодно, а мнѣ очень не по себѣ.

19. Четвергъ. Юбилей министра финансовъ А. М. Княжевича, по поводу пятидесятилѣтія его службы. Шумъ, толпа, музыка, тосты, съ криками ура, рѣчь Греча, стихотвореніе Бенедиктова, которыхъ никто не слышалъ, обильная ѣда и обильное питье. Въ этомъ прошло нѣсколько часовъ. Усердія въ словахъ было много. Впрочемъ, Княжевичъ дѣйствительно человѣкъ очень хорошій и добрый, и кто такъ о немъ думалъ и говорилъ сегодня, тотъ не лгалъ, какъ лгутъ обыкновенно на официальныхъ обѣдахъ. Государь пожаловалъ ему Владиміра первой степени.

21. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. Продолжалось очень долго, почти до четырехъ часовъ, и это сильно отозвалось на моей бѣдной головѣ. Гоненіе со стороны московскаго комитета или, вѣрнѣе, его предсѣдателя, на Павлова,

редактора газеты „Новое Время“. На меня возложено щекотливое порученіе рассмотреть это дѣло.

Баронъ Медемъ говорилъ мнѣ о своемъ проектѣ газеты, подобной той, о которой у меня уже было дѣло. Онъ передалъ мнѣ, что говорилъ объ этомъ съ государемъ и его величество отвѣтилъ, что о газетѣ уже дѣлаются соображенія (тутъ разумѣлся мой планъ). Итакъ, дѣло о газетѣ, значитъ, опять думаютъ поднять. Я сказалъ Медему, что переговорю съ графомъ Адлербергомъ и сообщу ему о послѣдующемъ.

Обѣдалъ у Александра Максимовича (Княжевича) по случаю дня рожденія его брата, Владислава Максимовича. Министръ доволенъ своимъ юбилеемъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ было много для него лестнаго. Государь сказалъ ему, что съ большимъ удовольствіемъ видитъ общее къ нему расположеніе.

22. Воскресенье. Утро у князя В. Ѳ. Одоевскаго. Я давно съ нимъ не видался. Княгиня была чрезвычайно любезна. У нихъ по средамъ вечеромъ собирается общество, и я даль слово бывать у нихъ.

23. Понедѣльникъ. Такіе головные толчки, какъ въ нынѣшнюю ночь, невольно наталкиваютъ на мысль, что въ одну непрекрасную ночь случится толчокъ, который столкнетъ меня въ пропасть, гдѣ уже никакіе толчки невозможны. До сихъ поръ всѣ усилія медицины противъ моей болѣзни безсильны. Мой добрый почтенный Валъцъ отдѣлывается общими мѣстами: „это ничего, будьте спокойны“, съ примѣсю маленькихъ добродушныхъ шуточекъ. Очевидно, онъ ничего не знаетъ или ничего не можетъ. Я и не виню его: нельзя-же винить человѣка за то, чего онъ не знаетъ и чего не можетъ. А между тѣмъ дневнику моему грозитъ опасность превратиться въ одинъ нескончаемый скорбный листъ.

27. Пятница. Въ римско-католической академіи. Распутица. Отъ высокаго до смѣшнаго одинъ шагъ. О нашемъ климатѣ можно сказать, что у него отъ двадцатипяти, двадцати семи градуснаго мороза до оттепели одинъ прыжокъ.

28. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. Въ первомъ или во второмъ номерѣ „Искры“ напечатана шутка: „слышно, будто въ нынѣшнемъ году явится новая планетная система въ млечномъ пути: новое солнце съ 14-ю спутниками

главными и 208-ю малыми; что въ теченіе десяти лѣтъ, отсюда каждый мѣсяць по четыре раза будетъ падать на землю, и именно на Россію, такое огромное количество печатныхъ листовъ, что они покроютъ все наше отечество“ и т. д., и т. д.—Эти слова истолкованы невозможнымъ образомъ. Объясняютъ: 14 главныхъ спутниковъ—это члены высокопоставленной семьи, 208 малыхъ—столько-же генераловъ и флигель-адъютантовъ; печатные листы—это кредитные билеты. Въ обществѣ разнеслись даже слухи, будто цензоръ, пропустившій это, посаженъ на гауптвахту.

Въ главномъ управленіи цензуры тоже была объ этомъ рѣчь. Нѣкоторые члены готовы были сами сдѣлать такое точно примѣненіе статьи. Я постарался объяснить, что въ ней и тѣни ничего подобнаго, и что все это относится къ изданію „Энциклопедическаго Лексикона“, гдѣ главное лицо (солнце) Краевскій, а у него 14 редакторовъ и 208 сотрудниковъ; 10 лѣтъ—срокъ изданія, которое въ теченіи этого времени будетъ выходить выпусками—по четыре ежемѣсячно. Съ этимъ объясненіемъ согласились. Не знаю удовлетворится-ли имъ также князь Долгорукій. Этотъ фактъ любопытенъ тѣмъ, что показываетъ, какъ настроено наше общество и чего оно ищетъ въ современной литературѣ.

Затѣмъ пошли нападки на разные журналы, доказывающіе одно—что нѣкоторые господа страшно боятся печати и готовы изъ каждой мухи дѣлать слона.

29. Воскресенье. Важный для всей Россіи день. Дѣло объ освобожденіи крестьянъ внесено въ государственный совѣтъ. Въ засѣданіи присутствовалъ самъ государь. Оно длилось отъ часу до $\frac{1}{2}$ или до $\frac{1}{4}$ седьмого. Государь, говорятъ, сказалъ прекрасную рѣчь, въ которой, между прочимъ, произнесъ слова: „самодержавная власть утвердила крѣпостное право въ Россіи, она-же должна и прекратить его“. Онъ съ большою твердостью выразилъ непремѣнную державную волю свою о томъ. Нѣкоторые члены протестовали противъ главныхъ основаній свободы и между ними, говорятъ, жалко отличился одинъ, который выразилъ скорбь о прекращеніи нѣжныхъ патріархальныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Клейнмихель, обратясь къ государю, сказалъ:—„Ваше величество изволили обѣщать предоставить помѣщикамъ полицейскую вотчинную власть надъ крестьянами“.

Проектъ правительства сильно поддерживали великій князь Константинъ Николаевичъ, графъ Панинъ и Чевкинъ. На противной сторонѣ, между прочимъ, былъ и просвѣщенный, либеральный графъ Строгановъ. Видно, не далеко ушли его либерализмъ и просвѣщеніе.

Партія противниковъ свободы, кажется, готова въ своемъ безсиліи на всякія гадости. Она выдумываетъ и распускаетъ по городу разные нелѣпные слухи, въ расчетѣ напугать правительство. Теперь, на примѣръ, пущена въ ходъ глупая выдумка о явленіи Путятину тѣни Якова Ивановича Ростовцева и пр. Изъ рукъ вонъ пошло и достойно только мельчайшихъ сердецъ и умовъ.

30. Понедѣльникъ. Все утро занимался приготовленіемъ доклада о спорѣ московскаго цензурнаго комитета съ Павловымъ.

Февраль 2. Четвергъ. Годичное собраніе общества для пособія нуждающимся литераторамъ. Ковалевскій прочиталъ отчетъ или рѣчь, которую онъ только одинъ, кажется, и слышалъ. Надо отдать ему справедливость, онъ удивительный мастеръ читать себѣ подъ носъ.

5. Воскресенье. На дняхъ прочелъ я въ первомъ номерѣ „Отечественныхъ Записокъ“ статью Лаврова: „Три бесѣды о философіи“. Это тѣ самыя лекціи, которыя были читаны въ пассажѣ. Боже мой! и это философія! Я не говорю уже о томъ, что тутъ все одинъ материализмъ, но что за путаница, что за хаосъ мыслей! Что за безтолковое изложеніе! Развѣ только на Сандвичевыхъ островахъ можно признать за философію весь этотъ бредъ, все это шатаніе неустановившейся мысли. И этого Лаврова хотятъ навязать намъ въ университетъ въ профессоры. Меня особенно огорчаетъ то, что его, между прочимъ, поддерживаетъ Кавелинъ.

8. Среда. Актъ въ университетѣ, неожиданно окончившійся большой демонстраціей со стороны студентовъ. Костомаровъ долженъ былъ читать рѣчь. Онъ написалъ родъ біографіи Аксакова. Министръ отмѣнилъ чтеніе этой рѣчи. И вотъ теперь, по окончаніи акта, въ залѣ вдругъ раздались крики: „Рѣчь, рѣчь Костомарова!“ Крики сопровождались топаньемъ, стучаньемъ и скоро превратились въ дикій ревъ. Начальство скрылось. Одинъ инспекторъ, какъ тѣнь, бродилъ по корридору. Ко мнѣ обра-

тилось нѣсколько благоразумныхъ студентовъ съ просьбою, чтобы я уговорилъ ректора придти и образумить какъ нибудь расходившуюся толпу. Я пошелъ къ ректору и засталъ его встревоженнаго, но онъ тотчасъ-же согласился идти. Я отправился вслѣдъ за нимъ, видѣлъ какъ онъ вошелъ въ толпу, но за шумомъ ничего не могъ слышать. Между тѣмъ я увидѣлъ жену его, блѣдную, испуганную, въ сопровожденіи двухъ студентовъ. Я предложилъ ей руку и увелъ ее. Немного спустя, къ намъ вернулся ректоръ и я уѣхалъ домой. Прескверное дѣло! Молодежь теряетъ всякій смыслъ...

9. Четвергъ. Не будемъ слишкомъ сѣтовать на тѣ нелѣпныя стремленія, которыми волнуются люди нашего времени. Это безуміе, но только однимъ безуміемъ люди вразумляются въ чемъ-нибудь умномъ. Надо противодѣйствовать безобразнымъ порывамъ, исполняя требованія разума, даже и не питая надежды на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, ты, можетъ быть, сможешь хоть сколько-нибудь умѣрить послѣдствія зла, если не силу самаго зла.

11. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. Читалъ мое мнѣніе по дѣлу о Павловѣ. Одобрено и положено считать его руководствомъ для цензоровъ. Дѣло о фразѣ Лаврова въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (№ 1) обошлось, сверхъ моего чаянія, совсѣмъ хорошо.

Разговоръ съ графомъ Адлербергомъ о томъ, что произошло на университетскомъ актѣ. Защищать поступки студентовъ я по совѣсти не могъ, но сказалъ, что здѣсь, во всякомъ случаѣ, нужна умѣренная строгость. Главная причина всему—неразвитость нашего юношества, которому поэтому и надо больше учиться и пр.

12. Воскресенье. У Кавелина сынъ умеръ, мальчикъ четырнадцати лѣтъ, прекрасно одаренный, отрада и гордость родителей. Ужасное несчастіе! Я хотѣлъ сегодня поѣхать къ нему, чтобы раздѣлить его великое горе. Но говорятъ, бѣдное дитя умерло отъ сварлатины и я долженъ отказаться отъ моего намѣренія, изъ опасенія за моихъ собственныхъ дѣтей.

Вечеромъ былъ у Княжевича. Длинная дружеская бесѣда съ Владиславомъ Максимовичемъ. Министръ входилъ къ намъ только на минуту: онъ собирался на балъ къ Штиглицу.

15. Среда. Какъ спасти наши университеты отъ грозящей имъ полной деморализаціи? Вѣдь въ нихъ вся наша сила, всѣ наши надежды на будущее!

Сегодня въ сборномъ университетскомъ залѣ были разные толки о происшествіи на актѣ. Я высказалъ нѣкоторыя истины начальству, но, къ сожалѣнію, оно лишено возможности дѣйствовать съ энергіей и съ достоинствомъ. Да и министръ не лучше въ этомъ отношеніи. Нѣкоторые изъ профессоровъ готовы даже защищать поступки студентовъ. Съ однимъ я сильно сегодня спорилъ. Ахъ, господа! нѣтъ, не любовь къ юношеству и къ наукѣ говоритъ въ васъ, а только стремленіе къ популярности среди студентовъ. Въмѣсто того, чтобы читать имъ науку, вы пускаетесь въ политическое заигрываніе съ ними. Это правится неразумной молодежи, которая, наконецъ, начинаетъ не на шутку думать, что она сила, которая можетъ предлагать правительству запросы и контролировать его дѣйствія. . . .

И чего хотите вы, господа красные—если только вы имѣете опредѣленные цѣли? Вы хотѣли-бы уничтожить настоящее правительство: но кого-же поставите на мѣсто его? Разумѣется, вы не затруднитесь поставить себя. Но другіе могутъ не захотѣть этого. Тогда что: борьба, война?— „Конечно, пусть повоюютъ, порѣжуются маленько: это полезно для человѣчества“. Но кто-же далъ вамъ право распоряжаться чужими жизнями и человѣческую кровь считать за воду...

18. Суббота. Умы въ сильномъ напряженіи по случаю крестьянскаго дѣла. Всѣ ожидали манифеста о свободѣ 19-го числа. Потомъ начали ходить слухи, что онъ на время отлагается. Въ народѣ возбудилась мысль, что его обманываютъ. Вчера генераль-губернаторъ пустилъ черезъ газеты объявленіе, что, несмотря на разнесшіеся слухи, „никакихъ правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу объявлено не будетъ“. Это странное объявленіе, безъ всякихъ объясненій, что дѣло отлагается только на короткое время, приводитъ въ раздраженіе умы. Опасаются тревогъ и вспышекъ.

Въ сегодняшней газетѣ (петербургской) пишутъ о погушеніи на бунтъ въ Варшавѣ.

Что-то зловѣщее чувствуется въ атмосферѣ. Дай Богъ, чтобы все прошло благополучно.

20. Понедѣльникъ. Баронъ Медемъ написалъ инструкцію цензорамъ. Сегодня прислана она мнѣ для прочтенія. Говорятъ, тунисскій бей вводитъ нѣкоторыя либеральныя реформы въ своемъ государствѣ. Безъ сомнѣнія, однако, реформы эти составляютъ смѣшную каррикатуру на свободныя учрежденія. Вотъ такую-то либеральную реформу предлагаетъ въ своей инструкціи баронъ. Сегодняшній день я занимался проектомъ опроверженія этой инструкціи. Ее всячески надо отвергнуть. Главное, я буду доказывать, что подобныя правила для цензуры невозможны. Когда это удастся доказать, инструкція сама собой падеть.

22. Среда. Заѣзжалъ утромъ къ Д. поговорить съ нимъ о проектѣ инструкціи цензорамъ барона Медема. Онъ также, какъ и я, находитъ ее невозможною. Вотъ ужъ одинъ голосъ въ мою пользу при будущихъ преніяхъ.

23. Четвергъ. Наше дворянство должно съ освобожденіемъ крестьянъ стать въ новое отношеніе къ правительству. Оно должно приобрѣсти новый нравственный и политическій авторитетъ. Первый зависитъ отъ него самого, отъ степени его ума, образованія и нравственной силы: ему предстоитъ теперь опереться на нихъ и на нихъ однихъ. Авторитетъ политическій возникаетъ самъ собой изъ новыхъ обстоятельствъ, въ которыя дворянство вовлечено реформой. Правительство, освобождая крестьянъ, не могло не совѣщаться объ этомъ съ дворянствомъ, не могло не призвать его къ участію въ своихъ предначертаніяхъ. Это зародышъ, изъ котораго могутъ развиваться болѣе обширныя права дворянства, разумѣется, если оно сумѣетъ воспользоваться этимъ первымъ выпавшимъ ему на долю моментомъ участія въ дѣлахъ правительственныхъ, но сумѣетъ не иначе, какъ опираясь на нравственный авторитетъ. Тогда оно получитъ политическое значеніе, собственно не какъ дворянство (для этого у него нѣтъ достаточной юридической и исторической почвы), но какъ лучшая часть народа, болѣе образованная, болѣе развитая, болѣе способная понять какое-бы то ни было право и поддержать его передъ авторитетомъ верховной власти.

24. Пятница. Занимался проектомъ объ уничтоженіи постороннихъ цензоровъ. Дѣло это поручено комиссіи, состоящей изъ меня, Тройницкаго и Берте.

25. Суббота. Засѣданіе главнаго управленія цензуры отъ 12-ти до четверти 5-го часа. Много текущихъ дѣлъ. Нѣсколько просьбъ о разрѣшеніи изданій новыхъ журналовъ, которые теперь возникаютъ въ безчисленномъ множествѣ въ Россіи. Вернадскій, по словамъ члена барона Бюлера, неистовствуя въ своемъ „Указателѣ“ противъ правилъ цензуры, дошелъ, наконецъ, до того, что началъ ясно говорить о необходимости конституціи въ Россіи. Рѣшено: призвать его въ слѣдующее засѣданіе главнаго управленія цензуры и объявить, что такъ какъ онъ уже неоднократно доказалъ, что не заслуживаетъ довѣрія правительства, то ему при первой новой выходкѣ запрещено будетъ издавать журналъ. Нѣкоторые изъ членовъ требовали немедленнаго запрещенія, но я уговорилъ Т., сидѣвшаго возлѣ меня, удовольствоваться на этотъ разъ выговоромъ. Съ нами согласились и другіе.

26. Воскресенье. Всѣ эти господа добиваются вліянія. Дѣло не въ томъ, чтобы устранять ихъ — если только они не стремятся прямо ко злу, — а въ томъ, чтобы не допускать ихъ до исключительнаго перевѣса, ибо это значило-бы породить деспотизмъ.

Мартъ 2. Четвергъ. Не то худо, когда говорятъ что-нибудь наперекоръ кому-нибудь и чему-нибудь, но и когда говорятъ ложь, когда ничего не говорятъ или мѣшаютъ другъ другу говорить.

Обѣдъ, данный академіею нѣкоторыми литераторами и знакомыми князю П. А. Вяземскому, который пріобрѣлъ литературную извѣстность и всеобщую любовь и уваженіе. Я охотно согласился принять участіе въ этой оваціи и даже приготовилъ маленькую рѣчь, но не сказалъ ея, потому что и безъ нея было много рѣчей и стиховъ. Лучшее изъ всего читаннаго здѣсь были стихи Бенедиктова. Но еще лучше было благодарственное слово самого князя, проникнутое чувствомъ и искрящееся остроуміемъ. Стиховъ Тютчева я не слышалъ, но ихъ многіе хвалили. Праздникъ вообще былъ довольно оживленъ. Я встрѣтилъ много знакомыхъ. На эстрадѣ, огороженной великолѣпными растеніями и цвѣтами, зрительницами сидѣли дамы.

5. Воскресенье. Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ. Мнѣ принесли его около полудня. Съ невыразимо

отраднѣмъ чувствомъ прочелъ я этотъ драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ-ли что есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей, дѣтямъ и одной нашей пріятельницѣ въ кабинетѣ передъ портретомъ Александра II, на который мы всѣ взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить, какъ можно понятнѣе, сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему навѣки въ своемъ сердцѣ 5-е марта и имя Александра II Освободителя.

И не могъ усидѣть дома. Мнѣ захотѣлось выйдти побродить по улицамъ и, такъ сказать, слиться съ обновленнымъ народомъ. На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генералъ-губернатора и возлѣ каждаго толпились кучки народа: одинъ читалъ, другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя. Въ разныхъ мѣстахъ читали манифестъ. До слуха безпрестанно долетали слова: „Указъ о вольности— свобода“. Одинъ, читая объявленіе и дочитавъ до мѣста, гдѣ говорится, что два года дворовые должны еще оставаться въ повиновеніи у господъ, съ негодованіемъ воскликнулъ:— „Чортъ дерн эту бумагу! Два года—какъ бы не такъ, стану я повиноваться!“ Другіе молчали.

Изъ знакомыхъ я встрѣтился съ Галаховымъ.— „Христось воскрес!“ сказалъ я ему.— „Воистину воскрес!“ отвѣчалъ онъ, и мы взаимно передали другъ другу нашу радость.

Потомъ я зашелъ къ Ребиндеру. Онъ велѣлъ подать шампанскаго и мы выпили по бокалу, въ честь Александра II.

7. Вторникъ. Въ Россіи не служить—значить не родиться; оставить службу—значить умереть.

11. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Выговоръ Вернадскому, издателю „Экономическаго Указателя“, съ угрозой прекратить его журналъ, если онъ не будетъ осторожнѣе. Вернадскій былъ смущенъ и оправдывался довольно неловко.

13. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ факультетѣ. Дѣло о судѣ надъ студентами, о которомъ мнѣ уже говорилъ Д., принимаетъ нехорошій видъ. А все профессора, добивающіеся у студентовъ популярности и не руководящіе, а подстрекающіе ихъ. Тутъ виновать С.

Всякій деспотизмъ скверенъ. Но деспотизмъ анархическій еще несравненно хуже монархическаго.

16. Четвергъ. Судьба нашихъ университетовъ должна-бы обратить на себя вниманіе нашихъ мыслящихъ людей и общества, если-бы они способны были заниматься такими бездѣлицами. Университеты наши, очевидно, клонятся къ упадку. Юношество въ нихъ деморализовано; профессора лишены всякаго значенія... Многія каѳедры пусты, другія скоро будутъ пусты и негѣмъ ихъ замѣстить, потому что молодые даровитые люди службѣ университета предпочитаютъ другія карьеры — однимъ словомъ, полное оскудѣніе. Право, никогда еще, кажется, даже при Николаѣ I въ 1848 году, университеты наши не были въ такомъ критическомъ положеніи, какъ теперъ.

Читалъ сегодня въ академіи мои замѣтки „О преподаваніи философіи въ нашихъ университетахъ“. Особенное сочувствіе выразилъ мнѣ Билярскій. Ему, какъ онъ говоритъ, очень нравятся мягкость, ясность и осязательность, съ какими выражены у меня самые отвлеченные предметы.

18. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Мнѣ поручено написать родъ наказа цензорамъ по нѣкоторымъ текущимъ вопросамъ щекотливаго свойства. Дѣлу этому угрожало попасть въ руки великаго инструкмейстера барона Медема или канцеляриста Берте, этого великаго возбуждателя вопросовъ, о которыхъ само правительство охотно забываетъ. О послѣднемъ уже говорить нечего, а первый думаетъ, что можно подвести подъ цензурныя правила всѣ отправления ума человѣческаго, и такимъ образомъ разомъ освободить человѣчество отъ всякихъ нехорошихъ мыслей. Пришлось взять это дѣло на себя.

Вечеромъ у Шульмана. Тутъ было безчисленное множество артиллерійскихъ офицеровъ, много генераловъ и нашъ министръ, тестъ Шульмана. Вечеръ давался по случаю именинъ Александры Евграфовны, жены Шульмана. Я много говорилъ съ министромъ объ университетскихъ скандалахъ, о литературѣ, о князѣ Щербатовѣ. Министръ считаетъ его человѣкомъ недалкимъ и называетъ первымъ виновникомъ безпорядковъ въ нашемъ университетѣ.

Въ засѣданіи Главнаго управленія цензуры сдѣлано „Современнику“ предостереженіе, что если онъ не перемѣнитъ направленія, то будетъ запрещенъ. Это по докладу Берте.

21. Вторникъ. То, что касается устройства вещей на землѣ, превосходно, но нельзя того-же сказать о судьбѣ живущихъ на ней. Природѣ совершенно все равно—страдаетъ-ли какое-либо созданіе или не страдаетъ. Все это немножко похоже на наши казенныя заведенія. Во внѣшнемъ устройствѣ послѣднихъ все чисто, порядочно, безукоризненно, но то, для чего именно учреждено заведеніе, не достигается. Снаружи—благочиніе и благолѣпіе, внутри—смятеніе, беспорядокъ и всякаго рода крадства. Если это больница, то тамъ больныхъ не лечатъ или дурно лечатъ; если это школа, то въ ней никто не заботится о воспитаніи.

22. Среда. Вечеромъ былъ у Ребиндера. Занимались проектомъ о раздѣленіи факультетовъ. Много толковали о министрѣ. Ковалевскій послѣднее время оказывается не на высотѣ своего положенія. У него способности рутинера, человѣка приспособленнаго къ внѣшнему устройству вещей и къ благоразумному веденію текущихъ дѣлъ, но у него не оказывается способностей быть человѣкомъ государственнымъ и особенно министромъ народнаго просвѣщенія.

28. Вторникъ. Былъ у Д., чтобы удостовѣриться въ томъ, справедливъ-ли разнесшійся слухъ, будто онъ подаетъ въ отставку. Слухъ оказался невѣрнымъ. Толковали о введеніи новаго управленія въ университетъ.

30. Четвергъ. Сегодня моя послѣдняя лекція въ университетѣ. Съ перваго апрѣля начинаются экзамены. Я простился со студентами, сказавъ имъ нѣсколько привѣтливыхъ искреннихъ словъ. Они выслушали меня внимательно и учтиво — и этого довольно, такъ какъ въ моихъ словахъ не было ни лести, ни одобренія ихъ дѣйствіямъ.

31. Пятница. Обѣдалъ у графа Блудова. Тамъ были, между прочимъ, Тютчевъ, Ковалевскій Егоръ, Анненковъ съ молодой женой. Графиня восхищалась стихами Хомякова, а Анненковъ не находилъ въ нихъ ничего хорошаго. Графъ нападалъ на нынѣшнихъ писателей за то, что они не умѣютъ писать, и въ сотый разъ повторялъ свою любимую фразу: „они, то есть нынѣшніе писатели, не понимаютъ, что есть на свѣтѣ нѣчто, называемое искусствомъ писать“. Ковалевскій и я молчали. Оспаривали графа Анненковъ, впрочемъ очень слабо, и Тютчевъ.

Тутъ встрѣтилъ я также К. К. Г., бывшаго губернатора самарскаго, а нынѣ директора департамента податей и сборовъ.

Вечеромъ были у меня Вороновъ (Анд. Ст.), Семейскій (Мих. Ив.), Тимоѣевъ (Конст. Ак.). Семейскій передавалъ намъ свои прелюбопытныя изысканія въ архивѣ Петровскаго времени. Выходить, что Устряловъ упустилъ множество чрезвычайно важныхъ источниковъ въ Исторіи Петра, отчего исторія эта не представляетъ ни Петра, ни вѣка его въ настоящемъ свѣтѣ.

Говорили еще о лекціяхъ Л. Онъ читаетъ о Ломоносовѣ. Я ожидалъ отъ него чего-нибудь новаго, дѣльнаго. Между тѣмъ, онъ главнымъ образомъ потѣшается надъ нѣмцами-академиками и доказываетъ, что Ломоносовъ, ссорясь съ ними, хорошо дѣлалъ. Интересна также мысль, что дѣтство и юность Ломоносова прошли въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для развитія его генія, потому что живущій на Двинѣ народъ очень смышленъ, и т. д.

Апрѣль 1. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Министру сегодня точно хотѣлось выставить себя передъ графомъ Адлербергомъ строгимъ и бдительнымъ стражемъ литературы. Напримѣръ, онъ усиливался опять запретить Некрасова, хотя всѣ, кромѣ Пржецлавскаго, готовы были пропустить его, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ. Наконецъ, уже и графъ Адлербергъ заступился за него.

4. Вторникъ. Вечеръ у Лъховскаго, сдѣлавшаго кругосвѣтное путешествіе и побывавшаго въ Японіи съ нашимъ посольствомъ. У него цѣлый музей японскихъ вещей и вещицъ. Механическія искусства, какъ видно, находятся въ Японіи на высокой степени развитія; но сами японцы, тѣмъ не менѣе, стоятъ еще на очень низкой степени умственнаго развитія и образованія. У нихъ почти до совершенства доведена спеціальность рукъ, глазъ и навыка; эстетическаго-же чувства, идеала—у нихъ нечего и спрашивать.

Майковъ прочелъ намъ свое новое стихотвореніе: „Бабунка“. Хорошо!

7. Пятница. Недѣли двѣ уже длится коварнѣйшая погода: солнце свѣтитъ ярко, какъ лѣтомъ, а между тѣмъ стоитъ страшный холодъ съ провзительнымъ вѣтромъ; постоянно три, четыре градуса мороза.

Вчера занимался цѣлый день проектомъ циркуляра цензорамъ, которымъ желалъ-бы вытѣснить знаменитую инструкцію барона Медема: у нея есть сторонники, а между тѣмъ она крайне запретительна. Должно быть отъ усиленнаго напряженнаго состоянія головы весь день, ночью налетѣлъ на меня такой сильный шквалъ. Вся ночь была преисполнена страшныхъ мерзостей: стукотня въ головѣ страшная, какой давно уже не было; а толчковъ пять или шесть. Едва поуспокоюсь и задремлю—толчокъ; изъ нихъ три—точно обухомъ въ голову. Сегодня отправляюсь къ Вальцу за совѣтомъ—конечно бесполезнымъ.

8. Суббота. Весьма замѣчательное для меня засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры: я одержалъ побѣду. Дѣло въ томъ состояло, чтобы отклонить инструкцію барона Медема, и для этого я написалъ циркуляръ цензорамъ, въ духѣ противоположномъ Медемовской инструкціи. Онъ стоилъ мнѣ много размысленій и времени. Я опасался, что мнѣ придется много бороться съ нѣкоторыми изъ членовъ. Однако побѣда была полная. Циркуляръ мой былъ выслушанъ со вниманіемъ и въ заключеніе былъ всѣми одобренъ, даже Пржецлавскимъ — чего я уже никакъ не ожидалъ.

Министръ сильно промахнулся. Онъ прямо отъ себя, помимо Главнаго управленія цензуры и помимо III-го отдѣленія, исходатайствовалъ у государя дозволеніе Аксакову издавать журналъ. Объ этомъ намъ было объявлено въ прошломъ засѣданіи съ указаніемъ того, какимъ образомъ было испрошено согласіе государя. Это сильно оскорбило Т., а слѣдовательно и князя Долгорукова: они успѣли переубѣдить государя. Когда Ковалевскій сегодня явился къ нему съ докладомъ, между прочимъ и по дѣлу Аксакова, государь уже другимъ тономъ началъ о немъ говорить и велѣлъ, чтобы оно—это дѣло—было разсмотрѣно въ Главномъ управленіи цензуры на законномъ основаніи. Министръ говорилъ мнѣ объ этомъ съ прискорбіемъ. Но дѣло всетаки, кажется, не проиграно: большинство голосовъ было за Аксакова.

Обѣдалъ у Д. Тамъ были Погодинъ, Костомаровъ, Спасовичъ. Послѣ обѣда явились Шлетневъ и Тютчевъ.

9. Воскресенье. Поутру, между прочимъ, заходилъ къ Дружинину. Бѣдный боленъ и нехорошо боленъ. У него, кажется,

развивается чахотка. Вечеромъ прїѣзжалъ ко мнѣ В. М. Княжевичъ. Мы съ нимъ хорошо побесѣдовали.

10. Понедѣльникъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ разныхъ уѣздахъ, уже произошли волненія среди крестьянъ, которые отказываются отъ выполненія всякихъ повинностей въ отношеніи къ помѣщикамъ. Помѣщики, въ свою очередь, сильно раздражаются. Надо опасаться столкновеній при надѣлѣ земель. Между тѣмъ, такъ называемый, образованный классъ и передовые — какъ они сами себя называютъ — люди бредятъ конституціей, социализмомъ и проч.; юношество въ полной деморализаціи; Польша кипитъ—и не одно Царство Польское, но и Литва. Все это угрожаетъ чѣмъ-то зловѣщимъ...

12. Среда. Экзаменъ въ университетѣ изъ русской исторіи. Надо отдать справедливость этимъ юношамъ: они прескверно экзаменовались. Они совсѣмъ не знаютъ—и чего не знаютъ?—исторіи своего отечества. Въ какое время?—когда толкуютъ и умствуютъ о разныхъ государственныхъ реформахъ. У какого профессора не знаютъ?—у наиболѣе популярнаго и котораго они награждаютъ одобрительными криками и аплодисментами. Кто не знаетъ?—историко-филологи, у которыхъ наука считается всетаки въ наибольшемъ почетѣ и которые слывуть лучшими студентами, не знаю, впрочемъ, почему. Невѣжество ихъ, вялость, отсутствіе логики въ ихъ рѣчахъ, неясность изложенія превзошли мои худшія ожиданія.

Вечеромъ у Ребиндера. Государь призывалъ къ себѣ министра и объявилъ ему, что такіе беспорядки, какіе нынѣ волнуютъ университеты, не могутъ быть долѣе терпимы, и что онъ намѣренъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ—закрыть нѣкоторые университеты. Министръ на это представилъ, что такая мѣра произведетъ всеобщее неудовольствіе, и просилъ не прибѣгать къ ней.— „Такъ придумайте-же сами что дѣлать“, сказалъ государь:— „но предупреждаю васъ, что долѣе терпѣть такіе беспорядки нельзя и я рѣшился на строгія мѣры“. Министръ растерялся совсѣмъ: онъ ни о какихъ мѣрахъ до сихъ поръ и не думалъ, какъ будто все обстоитъ благополучно. Не счастливится въ выборѣ людей нашему доброму, хорошему государю. Три года ежедневно на глазахъ у Ковалевскаго совершаются вопіющія скверности—и онъ до сихъ поръ не могъ себѣ представить, что тутъ надо что-нибудь предпринять.

13. Четвергъ. Если искусство зависитъ отъ окружающей его природы и среды, то каково должно быть наше? Ему остается одно изъ двухъ: или постоянно воспроизводя пошлыя и грязныя явленія, самому стать пошлымъ и грязнымъ, или удариться въ отчаянный идеализмъ.

14. Пятница. Вечеромъ, между прочимъ, прїѣзжали дѣвицы Старынкевичъ. Ихъ три. Онѣ миловидныя и очень хорошо образованныя; разсуждаютъ о предметахъ серьезныхъ, много читаютъ на пяти языкахъ, но вовсе не педантки. Мои дочери съ ними очень сошлись.

15. Суббота. Въ четвергъ, въ совѣтъ министровъ происходили пренія объ университетахъ. Министръ нашъ встрѣтилъ страшныя нападки на безпорядки, производимыя студентами. Онъ сослался на духъ времени, но это не помогло. Государь назначилъ графа Строганова, Панина и князя Долгорукова разсмотрѣть записку министра о мѣрахъ, которыя онъ предлагаетъ. Собственно говоря, это значитъ подвергнуть министерство контролю и ввѣрить попеченіе о дѣлахъ его постороннимъ силамъ.

Засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. Страшная путаница въ понятіяхъ нашихъ главъ цензуры. Мнѣ удалось однако помочь графинѣ Сальясъ. Зотову только уже никакъ не могъ помочь: ему, кажется, придется оставить редакцію „Иллюстраціи“. Да правду сказать, онъ таки безпрестанно ссорился съ цензорами.

16. Воскресенье. Т. говорилъ мнѣ, что вчера получена телеграфическая депеша изъ Казанской губерніи, извѣщающая о бунтѣ тамъ крестьянъ. Кто-то увѣрилъ ихъ, что читанный ими манифестъ о свободѣ—не настоящій, и что есть другой, представляющій имъ гораздо больше правъ и выгодъ, на примѣръ, отдающій имъ всю помѣщичью землю. На этомъ основаніи крестьяне отказались отъ повиновенія не только помѣщикамъ, но и властямъ. Была употреблена военная сила. Шестьдесятъ человѣкъ крестьянъ убито.

Вообще ходятъ слухи о вспышкахъ въ разныхъ губерніяхъ.

Поутру былъ у меня Погодинъ. Жалобы на министра, распустившаго студентовъ. Вечеръ просидѣлъ у меня Сафоновичъ (Валерьянъ Ивановичъ), бывшій орловскій губернаторъ,

человѣкъ умный и образованный. Отъ него я получилъ любопытныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и о состояніи умовъ въ провинціи.

17. Понедѣльникъ. Мой старый пріятель, сенаторъ Х—въ, сошелъ съ ума. Его уже отвезли въ домъ умалишенныхъ къ Штейну. Вслѣдъ за нимъ сошла съума и жена его. Еще одно лишнее доказательство шаткости и несообразности въ дѣлахъ человѣческихъ. Х—овъ былъ честный, умный и просвѣщенный человѣкъ, какихъ немного у насъ. Послѣдніе два—три года его преслѣдовали постоянныя неудачи по службѣ. За нѣкоторыя смѣлыя мнѣнія его, особенно противъ Игнатьева и Муравьева, кое-кто сталъ прославлять его крайнимъ либераломъ, даже краснымъ—какъ онъ однажды самъ мнѣ это говорилъ. Это сильно и губительно подѣйствовало на его воспримчивую, честолюбивую душу, особенно, когда онъ увидѣлъ, что ему преградили путь къ широкой дѣятельности, на который онъ уже было вступилъ.

23. Воскресенье. День пасхи. У заутрени былъ въ министерской церкви. Послѣ обѣдни министръ позвалъ меня къ себѣ разговляться. И мы отправились къ нему вмѣстѣ съ Г.

Министръ подалъ въ отставку, но государь пожелалъ, чтобы онъ остался пока прицѣтъ ему преемника. Ковалевскій говорилъ мнѣ, что оставляетъ свой постъ съ огорченіемъ, но не можетъ не оставить его, такъ какъ отъ него требуютъ, чтобы онъ приводилъ въ исполненіе чужіе планы. Валугевъ сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Ланской—графомъ и оберъ-камергеромъ; Чевкину и Панину пожалованы Андреевскія ленты; графу Блудову аренда въ двѣнадцать тысячъ на двѣнадцать лѣтъ. Вообще, награды бездна.

24. Понедѣльникъ. Нѣкоторые визиты: у Княжевича, у Муханова и пр. У Муханова встрѣтилъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ Валугева, который былъ лучезаренъ, какъ восходящее свѣтило. Онъ наговорилъ мнѣ кучу любезностей.

Вечеръ у Егора Петровича Ковалевскаго. Это были его именины, на которыя онъ обыкновенно сзываетъ самое пестрое общество—отъ Чернышевскаго до министра иностранныхъ дѣлъ. Я нашелъ тамъ много знакомыхъ и такихъ, которыхъ не видалъ лѣтъ двадцать, напримѣръ, Мухина, долго жившаго на Востокѣ, то въ Каирѣ, то въ Константинополѣ. Много тол-

ковъ о предстоящемъ кризисѣ въ нашемъ министерствѣ. Д. тоже подалъ въ отставку. Лавровъ благосклонно кивнулъ мнѣ головой и поговорилъ о равнодушїи публики къ Энциклопедическому лексикону.

Когда большинство гостей разъѣхалось, нѣсколько человѣкъ прїютилось въ кабинетѣ хозяина и тутъ еще проболтали до часу. Панаевъ по обыкновенію съ кокетливыми ужимками рассказывалъ анекдоты объ извѣстныхъ лицахъ. Чернышевскій, тоже по обыкновенію, смотрѣлъ великимъ мыслителемъ, публицистомъ, философомъ.

25. Вторникъ. Прїемъ у министра. Безконечныя толки о кризисѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Тутъ все видятъ торжество реакціонной партїи и Ковалевскій мало по малу вырастаетъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ не только оскорбленъ, но озлобленъ. Я однако полагаю, что онъ не совсемъ правъ: ему давно и серьезно слѣдовало бы подумать объ университетскихъ беспорядкахъ. Теперь же, когда для разсмотрѣнія его предположеній назначенъ триумвиратъ, ему, конечно, ничего больше не остается, какъ выйти въ отставку. Ковалевскій человѣкъ не довольно сильной воли и не довольно, по настоящимъ временамъ, смѣлаго и обширнаго ума. Но всетаки онъ уменъ, а главное честенъ—и этого уже много. Прочіе далеко не такъ умны, а о добросовѣстности уже и говорить нечего. Каково, однако, положеніе государя: не имѣтъ возможности положиться ни на умъ, ни на честность окружающихъ его.

Говорятъ, Строганову предложено было министерство: онъ отказался. Говорятъ также, что онъ очень силенъ при дворѣ и что его интрига произвела нынѣшній кризисъ. Сюда прїѣзжалъ московскій попечитель Исаковъ. Государь далъ ему прочитатъ предположенія Ковалевскаго и спросилъ его мнѣніе. Исаковъ отвѣчалъ, что онъ слово отъ слова раздѣляетъ его.—„Поѣзжай же, скажи это графу Строганову“, сказалъ государь.

Но въ чемъ состоятъ эти предположенія? Главная мысль ихъ, какъ говорятъ, въ томъ, что никакія репрессивныя мѣры, никакія строгости не приведутъ къ добру, но что надобно усовершенствовать университеты въ финансовомъ отношеніи и дать имъ возможность дѣйствовать въ наукѣ соотвѣтственно потребностямъ времени и успѣхамъ ея въ Европѣ. Но это все общія

положенія, а гдѣ же мѣры, которыя должны и могли бы осуществитъ ихъ?

26. Среда. Вчера узналъ я, что бѣдный Куторга (старшій) умеръ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ. Два года уже, какъ онъ быстро падалъ умственно и физически. Онъ какъ-то очень невыгодно купилъ имѣніе, запутался въ долгахъ, и это потрясло его духъ и тѣло. Послѣ него осталось семеро дѣтей. Онъ былъ три раза женатъ.

Смотря на страданія, глупости человѣческія, на всю эту жалкую процедуру жизни, оканчивающуюся смертью, невольно спрашиваешь себя—съ какою цѣлью все это сдѣлано или сдѣлалось. Въ отчаяніи, право, иногда кажется, что это дѣйствительно сдѣлалось, а не сдѣлано, а потому тутъ о цѣли и спрашивать нечего.

Май 1. Понедѣльникъ. Весь апрѣль былъ очень холоденъ. Стояли ясные, но крайне суровые дни. Вообще и признаковъ весны нѣтъ.

Въ Казанской губерніи, какъ извѣстно, крестьяне забунтовали. Тамъ объявился самозванецъ. Кто-то назвался однимъ изъ великихъ князей и распространилъ въ народѣ манифестъ своего издѣлія, предоставляющій крестьянамъ неслыханныя льготы, а именно, что вся помѣщичья земля—ихъ, что они не обязаны ни платить помѣщикамъ оброка, ни работать на нихъ. Принуждены были прибѣгнуть къ военной силѣ. Человѣкъ пятьдесятъ убито. Это не осталось безъ отраженія и на университетъ. Студенты отправили по убитымъ панихиду. Во главѣ ихъ былъ какой-то профессоръ. Другой профессоръ, Щаповъ, сказалъ рѣчь.

Безчисленные толки о назначеніи министра народнаго просвѣщенія. Теперь бродятъ по городу имена Литке и Корфа.

3. Среда. Однако добродушный русскій народъ, который, по словамъ Погодина, встрѣтилъ свободу съ умиленіемъ сердца, кротко и благодарно, начинаетъ въ разныхъ мѣстахъ проявлять свое вѣковое невѣжество и грубое непониманіе закона и права. Вчера опять тамбовскій помѣщикъ рассказывалъ мнѣ, что у него въ имѣніи тоже были сцены неповиновенія властямъ: „не хотимъ работать и дай намъ земли сколько хотимъ“. Опять принуждены были призвать солдатъ для растолкованія имъ, что работать должно и что земля не вся ихъ. Въ другомъ имѣніи

крестьяне бросились съ топорами въ барскій лѣсъ и еще до раздѣла весь вырубили.

4. Четвергъ. А болѣзненные симптомы у меня не прекращаются. Опять возникаютъ толки о необходимости повторить морскія купанья. На этотъ разъ доктора соглашаются ограничиваться Либавой, такъ какъ я наотрѣзъ отказался отъ болѣе далекаго путешествія.

5. Пятница. Приемный экзаменъ въ университетѣ. Экзаменовались въ русскомъ языкѣ гимназисты. Нельзя сказать, чтобы блистательно.

Вечеромъ были Г., Краевскій, Лъховскій и другіе. Краевскій вчера пріѣхалъ изъ Москвы. Тамъ студенты, по его словамъ, распущены еще хуже, чѣмъ въ Петербургѣ. Они явно требуютъ смѣны такихъ-то лицъ, чтобы начальство не мѣшалось въ ихъ дѣла, а главное—совершенно не хотятъ ничему учиться. Дворянство въ Москвѣ,—все по словамъ Краевскаго,—сильно негодуетъ на нынѣшнее положеніе вещей. Словомъ, все приходитъ въ разладу и безобразіе.

6. Суббота. Прелестные майскіе дни, нечего сказать. Три градуса тепла, пронизывающіе до мозга костей зефиры, грязь, а сегодня ночью даже выпалъ снѣгъ. Надѣвай опять шубу.

Засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. Пропастъ дѣла, просидѣли до четырехъ часовъ. Пренія о Зотовѣ, которыя я опять возбудилъ, стараясь доказать, что нельзя такъ легко лишать писателя права быть редакторомъ журнала. Берте, главный виновникъ этого рѣшенія, утверждалъ, что Зотовъ его заслужилъ, нарушивъ цензурныя правила. Я возразилъ, что все-таки не слѣдовало постановлять такого суроваго рѣшенія, не истощивъ прежде болѣе умѣренныхъ средствъ. Кончилось тѣмъ, что, не отмѣняя уже постановленнаго рѣшенія, согласились дать Зотову возможность оставаться редакторомъ „Иллюстраціи“ неопредѣленное время, въ которое онъ можетъ поправить свою ошибку.

8. Понедѣльникъ. Экзаменъ въ университетѣ изъ русской словесности. Экзаменовался IV курсъ. Отвѣчали хорошо.

10. Среда. Ночь, какой давно не бывало: на этотъ разъ уже совсѣмъ не знаю чѣмъ заслужилъ я такую немилость природы.

Мы всё готовы быть благоразумны, трудолюбивы, честны при благопріятныхъ условіяхъ и всегда ссылаемся на неблагопріятныя при недостаткѣ въ насъ вышеупомянутыхъ качествъ.

12. Пятница. Вчера рѣшалась въ совѣтѣ министровъ судьба университетовъ. Графъ Строгановъ читалъ свой проектъ. Въ чемъ именно состоитъ этотъ проектъ—я въ точности не знаю. Но говорятъ, что онъ клонился къ тому, чтобы сдѣлать университеты доступными только дворянству и имущимъ классамъ. Ковалевскій, разумѣется, сильно опровергалъ проектъ. Его поддержали рѣшительно всё члены совѣта; особенно много возражалъ графу Строганову — Чевкинъ. Проектъ съ шумомъ провалился.

16. Вторникъ. Май, наконецъ, смилостивился: вотъ уже четвертый день тепло, деревья быстро распускаются.

Въ сегодняшнемъ номерѣ „С.Пб. Вѣдомостей“, наконецъ, напечатаны извѣстія о казанскихъ беспорядкахъ среди крестьянъ. Убито пятьдесятъ пять человекъ, раненыхъ семьдесятъ одинъ. Да, въ исторіи человечества ничто не дается даромъ; людямъ за все приходится платить цѣною пота и крови своей.

Окончательно утверждаютъ, что министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ графъ Путятинъ, а товарищемъ его—Ганъевъ.

19. Пятница. Вечеромъ были гг. Щебальскій, Струговщиковъ, Тимковскій и пр. Толки о новомъ министрѣ (впрочемъ еще не утвержденномъ) графѣ Путятинѣ. Никакой возможности по этимъ толкамъ составить себѣ какое нибудь опредѣленное понятіе объ этомъ человекѣ: такъ разпорѣчивы сужденія о немъ. У насъ въ обществѣ вообще рѣдко кто является съ явственно очерченною фізіономією. Репутаціи, большею частью, устанавливаются на лживыхъ данныхъ — возвышаются, падаютъ безъ достаточныхъ причинъ или, по крайней мѣрѣ, безъ причинъ основательныхъ и справедливыхъ. Никто, кажется, не заботится объ истинѣ и всякій хочетъ только, во что-бы то ни стало, пустить въ оборотъ и свое слово. Проклятая наша привычка во всемъ видѣть поводъ къ выставкѣ себя, къ показу.

Ковалевскаго всё восхваляютъ за то, что онъ оставляетъ министерство съ такимъ блескомъ, поддерживавъ въ совѣтѣ министровъ принципъ прогресса, и пр. Я не совсѣмъ раздѣляю

это мнѣніе. На меня это производитъ впечатлѣніе, какъ будто онъ пожертвовалъ государемъ за добрую молву, за лестный отзывъ со стороны людей извѣстнаго лагеря. Слѣдовало-ли ему въ такую серьезную минуту покидать добраго, честнаго, благонамѣреннаго государя, вся вина котораго въ томъ, что вокругъ него нѣтъ людей достойныхъ. Но, возражаютъ мнѣ, что-же было дѣлать Ковалевскому, если государь не приглашалъ его остаться и видимо склонялся на сторону противной партіи?—Такъ, но Ковалевскій еще раньше, послѣ Аксаковскаго дѣла, самъ оттолкнулъ его отъ себя. Да и въ университетскомъ вопросѣ онъ дѣйствовалъ, по меньшей мѣрѣ, перадиво. Университеты уже года три видимо падали въ экономическомъ, учебномъ и нравственномъ отношеніи: предпринялъ-ли Ковалевскій что-нибудь для ихъ улучшенія? Ковалевскій точно боялся приняться за это дѣло, какъ-бы изъ боязни нареканія, что онъ противится либеральному движенію, если-бы ему пришлось прибѣгнуть къ какой-нибудь ограничительной мѣрѣ въ отношеніи студентовъ. Онъ, если можно такъ сказать, поставилъ себя въ положеніе нейтральное, заботясь только о томъ, чтобы въ публикѣ его бездѣйствіе не было приписано его винѣ. Не знаю, но на мой взглядъ онъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ не какъ государственный человѣкъ, который долженъ бороться съ трудностями, а какъ человѣкъ, ожидающій благоприятныхъ обстоятельствъ, чтобы дѣлать что-нибудь хорошее. Теперь онъ попалъ въ мученики за правое дѣло. Но что скажетъ объ этомъ будущее?...

22. Понедѣльникъ. Подалъ просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ на два мѣсяца. Здоровье мое въ теченіи всей зимы стояло на одной и той же точкѣ плохаго состоянія и ночныхъ страданій. Врачи предписываютъ новый походъ къ морю.

Новый министръ, графъ Путятинъ, еще не вступилъ въ должность. Онъ сперва ѣдетъ въ Англію за своимъ семействомъ.

Обѣдалъ у графа Блудова. Толки о Ковалевскомъ, что онъ слабъ характеромъ: оставилъ по себѣ зародышъ язвы, который можетъ отравить все управленіе новаго министра—Кисловскаго, будто теперь метящаго въ директоры департамента министерства народнаго просвѣщенія. Я молчалъ: на душѣ уныло, мрачно, безнадежно.

23. Вторникъ. Вечеромъ былъ у меня профессоръ Соловьевъ, и мы съ нимъ долго бесѣдовали о современныхъ дѣлахъ, о новомъ министрѣ и пр. Онъ принесъ мнѣ два послѣднихъ тома своей исторіи, X и XI.

25. Четвергъ. Ѣздилъ на Каменный островъ къ Княжевичу. Александра Максимовича видѣлъ только мелькомъ. Онъ готовилъ докладъ государю.

Май изумительно хорошъ. Но что за пыль, за смрадь и духота въ Петербургѣ! Дышешь не воздухомъ, а мерзостью, которой и имени нѣтъ.

27. Суббота. По утру былъ у Муханова проститься передъ отъѣздомъ. Онъ не остается товарищемъ министра. Потомъ зашелъ къ министру тоже проститься. Та же пѣсня, что онъ жалѣеть о томъ, чего онъ не успѣлъ сдѣлать или докончить для министерства и пр.

Іюнь 3. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Я сильно поспорилъ съ Пржецлавскимъ по поводу его проекта объ инструкціяхъ цензорамъ, который онъ называетъ „философіей цензуры“. Въ сущности это самыя ретроградныя идеи. Меня поддерживали Д. и Тройницкій. Мухановъ предсѣдательствовалъ и велъ себя очень хорошо. Онъ предполагаетъ употребить проектъ какъ матерьялъ при составленіи новаго устава, если таковой будетъ составляться. Этого мнѣ и надо было. Я рѣшительно объявилъ, что буду возражать письменно на проектъ Пржецлавскаго. Проектъ этотъ пока положено отложить.

Сегодня болѣзненный пароксизмъ незаконно вторгся въ принадлежащій ему день и сильно таки помучилъ меня.

7. Среда. Со вчерашняго дня погода перемѣнилась и отъ неестественныхъ жаровъ вдругъ перешла къ неестественному холоду, дождю, а сегодня былъ градъ.

Ѣздилъ на Каменный островъ къ Княжевичу проститься. Министръ и за чаемъ все подписывалъ бумаги. Я по обыкновенію много бесѣдовалъ съ Владиславомъ Максимовичемъ и съ дамами. Немного погуляли. Вечеръ былъ тихій и безоблачный съ чудеснымъ луннымъ свѣтомъ, но очень холодный.

8. Четвергъ. Сегодня весь день ушелъ на укладку. Бумаги въ портфель и всякая умственная работа должна прекратиться.

по крайней мѣрѣ—я такъ общался доктору, моей семьѣ и самому себѣ.

Прощай на три мѣсяца мой милый кабинетъ.

9. Пятница. Около полудня я съ дочерью отправился въ Либаву на пароходъ „Леандръ“. Пассажировъ множество. Пароходъ хорошъ на ходу. Каюты опрятны, койки просторны. Зато кормятъ на немъ прегнусно и прислуга груба и неповоротлива. За все берутъ страшныя цѣны. Даже стакана чистой воды нельзя достать: вмѣсто нея даютъ морскую воду—разумѣется для того, чтобы брали вино или пиво. Къ ночи море разыгралось; начались сцены укачиванія. Почти всѣхъ укачало. Осталось очень немного привилегированныхъ и въ томъ числѣ мы. Мы долго сидѣли на палубѣ—ходить отъ качки нельзя было, потомъ рѣзкій вѣтеръ прогналъ насъ въ каюту, гдѣ я повергся на койку и заснулъ спокойно безъ всякихъ толчковъ и томленій.

10. Субботта. Въ половинѣ пятаго утра мы вошли въ Ревельскую гавань. Нѣкоторые изъ пассажировъ тутъ совсѣмъ покинули пароходъ, другіе съѣхали на берегъ погулять. Мы не захотѣли. Дулъ рѣзкій вѣтеръ; небо было сумрачно и Ревель, едва проснувшійся, смотрѣлъ непривѣтливо. Часа черезъ четыре мы опять очутились въ морѣ. Теперь оно было довольно спокойно, а къ вечеру совсѣмъ стихло. Волны улеглись, зайчики скрылись и тихая зыбь едва рябила широкое пространство.

Въ пятомъ часу пароходъ опять остановился, чтобы высадить пассажировъ въ Гапсаль и сложить часть груза въ прибывшія за нимъ лодки. Мы простояли тутъ часа три. Былъ чудный вечеръ. Солнце на дальнемъ горизонтѣ огненнымъ шаромъ величественно погружалось въ волны. Съ другой стороны на чистомъ небѣ выплывала полная серебристая луна, какою рисуютъ ее живописцы и поэты. Передъ Аренсбургомъ новая остановка пассажировъ, по это было уже ночью, когда мы спали.

11. Воскресенье. Мы въ Ригѣ, куда прибыли часовъ около двѣнадцати. Остановились въ гостинницѣ du Nord. Насъ еще на пароходѣ встрѣтилъ служивый Бубновъ, приставленный къ намъ для услугъ, на все время нашего пребыванія въ Ригѣ, моимъ старымъ пріятелемъ К. И. Рудницкимъ, который самъ въ это время отсутствовалъ. Бубновъ доставилъ наши вещи въ гостинницу и ухаживалъ за нами такъ толково и добродушно,

какъ умѣютъ только старые солдаты. Съ нами вмѣстѣ остано-
вилась одна молоденькая дама, ѣхавшая на свиданіе съ род-
ными въ Митаву—настоящій ребенокъ и по наружности и по
понятіямъ. Она еще на пароходѣ применила къ намъ и просила
не оставлять ее одну.

Гуляли въ саду Верманъ, гдѣ была музыка, а потомъ въ
Кейзергартенѣ. Съ этой стороны Риги вообще много зелени,
садовъ съ прекрасными аллеями и разводится еще новый обшир-
ный паркъ. Рига въ общемъ производитъ пріятное впечатлѣніе.
Но это совершенно иностранный городъ.

12. Понедѣльникъ. День въ Ригѣ. Намъ хотѣлось отдох-
нуть. Вечеромъ заходили въ католическую церковь, противъ
нашихъ оконъ, отъ нечего дѣлать поглазѣть на свадьбу. Ока-
залось совсѣмъ не интересно. Невѣста была стара и очень
неизящна.

13. Вторникъ. Въ восемь часовъ утра отправились въ
дилижансѣ въ Митаву. Дорога непривлекательная. Кругомъ то
песокъ, то болото и мѣстами лѣсъ.

Въ Митаву прибыли въ полдень—и очень неудачно: попали
въ самый разгаръ ярмарочной сутолоки. Гостинницы всѣ биткомъ
набиты: нигдѣ ни щели пустой. Мы въ уныніи бродили по го-
роду, не зная буквально гдѣ преклонить голову. Но вотъ, пытливо
всматриваясь въ насъ, подходитъ къ намъ какой-то человекъ—
очевидно жидъ—и предлагаетъ указать намъ удобное помѣщеніе.
Идемъ за нимъ. Онъ дѣйствительно указываетъ намъ двѣ сносныя
комнаты и требуетъ за ночлегъ пять рублей. Что дѣлать? Конечно,
согласились. Черезъ минуту является солдатъ, тоже изъ жидовъ,
съ плутѣйшею изъ плутовскихъ рожей, и предлагаетъ: не надо-ли
чего сдѣлать, куда сбѣгать, чего добыть? Я послалъ его въ
гимназію къ Траутфетеру, который не замедлил явиться къ
моему великому удовольствію и облегченію. Онъ уже нанялъ
для насъ коляску въ Либаву и обратно за десять рублей. Я
осмотрѣлъ ее и она оказалась удовлетворительной. Потомъ онъ
водилъ меня въ казначейство, гдѣ я взялъ подорожную.

Вечеръ я провелъ у окошка, изъ котораго наблюдалъ ярмо-
рочное движеніе. Тутъ сидѣли торговки съ копченою рыбой, а
вокругъ нихъ сновали покупатели. Купля производилась, вмѣсто
звонкой монеты, посредствомъ какихъ-то бумажонокъ, которыя

вызывали безконечные и громкіе споры. Очевидно, не всѣ эти бумажки пользуются здѣсь одинаковымъ кредитомъ. Вообще, картина передъ глазами была оживленная, но нельзя сказать, чтобы привлекательная, и воздухъ далеко не благоухаль.

Митава вовсе не интересна, грязна и скучна. Но среди женскихъ еврейскихъ лицъ много красивыхъ и промелькнуло два, три даже прекрасныхъ.

14. Среда. Рано утромъ и не безъ удовольствія выѣхали изъ Митавы. Ночевали въ Фрауенбургѣ, въ грязной почтовой гостинницѣ, сильно смахивающей на жидовскую корчму.

15. Четвергъ. Приѣхали въ Либаву въ восемь часовъ вечера. У заставы, при вѣздѣ въ городъ, намъ подали записку отъ господина Ш. съ адресомъ нанятой для насъ квартиры, но увы! насъ тамъ ожидало сильное разочарованіе. Квартира оказалась нелѣпою, въ скверной улицѣ, на грязномъ дворѣ, съ неопрятной обстановкою и съ какимъ-то невыносимымъ затхлымъ запахомъ. Насъ это очень огорчило. Мы провели ночь, кое-какъ размѣстившись на стульяхъ: кровати смотрѣли слишкомъ непривлекательно. На слѣдующее утро рѣшились искать другую квартиру. Неприятныя объясненія съ хозяйкой. Она сильно разворчалась, говоря, что нашъ переѣздъ отъ нея обезчеститъ ея домъ и требовала всей уплаты сполна за ея квартиру. Я не отказывался отъ выдачи ей неустойки, но такое требованіе нашель чрезмѣрнымъ. Она настаивала. Я предложилъ обратиться за разрѣшеніемъ нашего дѣла къ бургомистру, обѣщаясь со своей стороны безусловно покориться его рѣшенію. Но хозяйка на это не согласилась и поспѣшила понизить свои претензіи до болѣе скромной суммы, а именно до пятнадцати рублей. Я больше не спорилъ. Послѣ непродолжительныхъ поисковъ мы нашли премилую, пречистую и преудобную квартирку у доктора Югансена, къ которому у меня было рекомендательное письмо отъ Вальда. Съ какою радостью перебрались мы сюда изъ сырой, мрачной, вонючей конуры, которую намъ было приготовили. Теперь лучшаго и желать нельзя. Три вполне приличныя комнатки съ зеленью, которая просится въ окна, съ бѣльемъ и всякою посудой—за шестьдесятъ рублей за шесть недѣль. Цѣна та же, что и за прежнюю квартиру.

Июль 10. Понедѣльникъ. А въ концѣ концевъ Либава

очень миленькій, чистенькій городокъ. Въ немъ десять тысячъ жителей и онъ, очевидно, принадлежитъ къ весьма достаточнымъ городамъ. Тѣмъ не менѣе, жители нынѣ жалуются на упадокъ торговли, которая, по ихъ словамъ, до послѣдней войны была гораздо дѣятельнѣе. Настоящій упадокъ торговли они приписываютъ англичанамъ, которые захватили здѣсь нѣсколько кораблей и въ томъ числѣ восемнадцати-пушечные. Захватъ этотъ происходилъ на глазахъ у жителей, но они не могли противиться: у нихъ не было другаго войска, кромѣ ихъ такъ называемой національной гвардіи, состоявшей всего изъ нѣсколькихъ десятковъ людей—да и тѣ едва умѣли владѣть ружьемъ.

Крестьяне, являющіеся сюда на рынокъ, имѣютъ зажиточный видъ. Да и сосѣдніе деревни, въ которыя случалось заглядывать, тоже производятъ скорѣй пріятное впечатлѣніе: по крайней мѣрѣ, нищета не бьетъ здѣсь въ глаза и мало видно пьяныхъ. Замѣтилъ я еще одну особенность: здѣшній народъ, кажется, очень любитъ пѣть. Возвращаясь съ работы группами, люди эти почти всегда поютъ, и, право, не дурно.

На улицахъ Либавы полная тишина и спокойствіе. Даже присутствіе въ ней жидовъ не портитъ ее. Сами они и жилища ихъ какъ-то здѣсь опрятнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ городахъ нашихъ западныхъ губерній.

Въ Либавѣ есть музыкальная городская капелла. Она по три раза въ недѣлю даетъ концерты въ паркѣ, въ нарочно воздвигнутомъ для того павильонѣ, за что беретъ съ пріѣзжихъ по четыре рубля съ мужчинъ и по два съ дамъ.

Кстати о паркѣ. Онъ не великъ, но очень не дуренъ, съ тѣнистыми каштановыми и липовыми аллеями, съ бесѣдкой изъ зелени и съ насыпной горкой по срединѣ. На одной изъ прогулокъ въ паркѣ я встрѣтился съ моимъ университетскимъ товарищемъ, профессоромъ турецкаго языка, Березинымъ, и съ тѣхъ поръ мы часто гуляемъ вмѣстѣ. Онъ пріѣхалъ сюда тоже купаться въ морѣ.

Морское купанье здѣсь очень хорошее, но, къ сожалѣнію, только плохо или, лучше сказать, вовсе не устроено, особенно для дамъ. Мужчинамъ всетаки лучше, потому что имъ открытъ доступъ въ павильонъ, гдѣ въ прошломъ году купался наслѣдникъ. Этимъ павильономъ пользуюсь и я за три рубля въ сезонъ.

Но у Либавы есть и обратная сторона: она мила, но крайне прозорлива и глотаетъ рубли такъ быстро, что вы едва успѣваете вынимать ихъ изъ кармана.

14. Пятница. Вечеръ въ гостяхъ у доктора. Тутъ собралось нѣсколько почтенныхъ либавскихъ гражданъ. Мнѣ понравилось это простое и не лишенное образованія общество, которое къ тому же держало себя съ достоинствомъ. Ко мнѣ всѣ они были очень внимательны и вѣжливы, но съ тактомъ, безъ навязчивости и излишней предупредительности. Нѣкоторые порядочно говорятъ по русски и я съ ними бесѣдовалъ о дѣлахъ городскихъ, о торговлѣ, промышленности, но больше всего говорилъ объ учебной части съ учителемъ здѣшней гимназiи, гдѣ онъ преподаетъ древнiе языки.

Въ этой маленькой Либавѣ есть все, что характеризуетъ цивилизованныя мѣстности: школы, приютъ для сиротъ, заведенiе для призрѣнiя дряхлыхъ и убогихъ, больница, клубъ—все это незатѣйливое, нероскошное, но содержится въ порядкѣ и въ довольствѣ. Есть двѣ книжныя лавки.

Горожане очень не расположены къ курляндскому дворянству. Они обвиняютъ его въ духѣ касты, въ надменности, въ эгоизмъ и въ готовности всегда и вездѣ притѣснять слабыхъ. Либавцы очень довольны статьей, которая недавно напечатана въ рижской газетѣ, и гдѣ доказывается, что курляндское дворянство незаконно завладѣло землей и незаконно пользуется разными привилегiями. Авторъ статьи все это подтверждаетъ фактами.

15. Суббота. Въ воспитанiи мы больше всего должны думать о томъ, о чемъ у насъ вовсе не думаютъ—объ образованiи характеровъ. Этого, конечно нельзя достигнуть нравоученiями или дидактикою, но всякiй преподаватель и наставникъ можетъ этому косвенно содѣйствовать и наука, болѣе чѣмъ когда-либо, должна быть призвана здѣсь на помощь. Вотъ хоть бы преподаватель русской словесности можетъ, со своей стороны, много сдѣлать, если захочетъ. Пусть онъ задаетъ учащимся сочиненiя и настаиваетъ на томъ, чтобы учащiеся выражали свои мысли съ строгою точностью и логическою послѣдовательностью. Прочъ всякое щегольство фразою, всякое пусторѣчiе. Это можетъ постепенно отучить учащихся отъ неопредѣленнаго

шатанія мысли и направить умъ ихъ къ сосредоточенности въ самихъ себѣ. При разборѣ писателей тоже много можно содѣйствовать правильному, строгому развитію мысли, а это несомнѣнно можетъ отразиться и на общемъ складѣ ума и характера учащихся. Въ этомъ духѣ должны-бы дѣйствовать и другіе преподаватели.

17. Понедѣльникъ. Сегодня ночью разразилась великолѣпная гроза. Недалеко отъ нашей квартиры упала молнія и произвела такой трескъ, что моментально подняла на ноги весь домъ. Докторъ говорилъ намъ, что въ два прошедшіе дня, когда тоже были сильныя грозы, въ окрестныхъ деревняхъ произошло много пожаровъ отъ молніи.

Августъ 1. Вторникъ. Вчера было послѣднее мое купанье. Завтра уѣзжаю изъ Ливавы. Этимъ кончается и мое лѣтнее леченіе. Что оно принесетъ мнѣ впереди—не знаю. А пока пароксизмы, меня преслѣдующіе, сдѣлались только сильнѣе. Я было зашалился, зазнался, возложилъ слишкомъ большія надежды на море и это на время ослабило мои худшія опасенія. Докторъ увѣряетъ, что настоящее ухудшеніе есть совершенно естественное послѣдствіе отъ возбужденія, какое всегда производитъ морское купанье на организмъ человѣка. Но дѣло въ томъ, что я большой скептикъ. Я мало вѣрю въ какое-нибудь положительное знаніе. Судьба человѣческая для меня запечатлѣна семью апокалипсическими печатями. Что-же могу я знать изъ того, что мнѣ благодворитъ или угрожаетъ въ этой безконечной игрѣ явленій, которыя если и не случайны, если и основаны на законахъ, то законы эти опять-таки для меня тайна, запечатлѣнная семью апокалипсическими печатями. Мы знаемъ гораздо болѣе о губительныхъ силахъ, которыя на насъ дѣйствуютъ разрушительно, чѣмъ о средствахъ, какъ помочь себѣ въ горѣ. Одно вѣрно: надо прямо въ глаза смотрѣть бѣдѣ и не смущаться духомъ, а для этого надо быть всегда на сторожѣ, всегда вооруженнымъ съ ногъ до головы и не давать воли пустымъ надеждамъ. Или, лучше сказать, надо не считать слишкомъ важнымъ ни жизни, ни своей особы. Въ этомъ настоящая мудрость человѣческая.

2. Среда. Сегодня получилъ множество писемъ, между прочимъ отъ Воронова (Андрея Степановича). Онъ сообщаетъ мнѣ

неутѣшительныя вѣсти о нашемъ новомъ министрѣ (Шутягинѣ). Во первыхъ, Кисловскій опять входитъ въ силу и готовится играть роль, какую игралъ при взбалмошномъ и ребячливомъ Норовѣ. Во вторыхъ, у министра бродятъ странныя идеи, на-примѣръ: что преподаваніе въ нашихъ училищахъ надо подчинить духовенству; что въ университетахъ слѣдуетъ отдѣлить вольно-слушающихъ отъ студентовъ. Первое показываетъ человѣка, который не знаетъ нашего духовенства, второе—просто нелѣпость. Хуже всего, что онъ щетинится на такихъ людей, какъ Ребиндеръ и Вороновъ, и обнаруживаетъ наклонность къ Кисловскому. Это значить, что онъ не понимаетъ своего положенія и думаетъ, что министерство должно опираться не на идеи и разумъ государственный, а на бюрократію. Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ, что онъ въ нынѣшнемъ движеніи умовъ видитъ только пошлый либерализмъ, а не видитъ въ немъ настоящихъ потребностей народа и времени, и что онъ хочетъ стать въ упоръ этому движенію. Очень жаль, если это правда, потому что настоящее призваніе министра народнаго просвѣщенія въ нынѣшнее время именно въ томъ и состоитъ, чтобы отдѣлять плевелы отъ пшеницы и не только не мѣшать расти послѣдней, но всячески воздѣлывать ее—и на этомъ основать систему народнаго образованія. Ковалевскій послѣднее время добивался популярности въ кругу либераловъ, не твердо понималъ дѣло отдѣленія плевелъ отъ пшеницы и дѣйствовалъ слабо, боясь съ одной стороны нареканія отъ крикуновъ и не стараясь съ другой послѣдовательно и мужественно выдвигать лучшіе элементы развитія — словомъ, онъ былъ слабъ съ обѣихъ сторонъ. Опять повторяю: дѣло въ томъ, чтобы сдерживать крайнихъ разнужданныхъ прогрессистовъ, но стоять во главѣ умѣренныхъ и благоразумно руководить послѣдними, не допуская ихъ до отчаянія и до того, чтобы они, отказавшись отъ дѣла, въ силу обстоятельство, не примкнули также къ крайнимъ. Дѣло управленія въ наши дни становится сложнѣе, чѣмъ прежде, когда слѣдовали одной системѣ: руби съ плеча.

Я весь принадлежу принципу нашего политическаго возрожденія, но съ тѣмъ, чтобы оно шло рука объ руку съ нравственнымъ: первое не бываетъ прочно безъ втораго.

Нація не можетъ оставаться въ застоѣ, въ неподвижности.

Настоящее движеніе есть движеніе естественное. Его принципъ: развиваться въ нравственномъ, умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ согласно духу и способностямъ національнымъ. Это движеніе началось съ Петра, но настоящій сознательный и опредѣленный характеръ его наступаетъ только теперь. Нынѣшній государь далъ ему санкцію освобожденіемъ крестьянъ. Естественно, что съ этимъ событіемъ національное движеніе становится и неизбѣжнымъ и вопіющею потребностью. Но въ этомъ движеніи надо отличать два элемента или двѣ стороны—искусственную, проистекающую изъ духа подражанія и поверхностнаго образованія, что доселѣ было нашимъ удѣломъ, и истинную—ту, о которой я сказалъ выше. Искусственный элементъ породилъ у насъ стремленіе къ такъ называемому прогрессу съ девизомъ: впередъ очертя и сломя голову; другой элементъ породилъ тоже стремленіе къ прогрессу, но умѣренному, постепенному и потому самому—болѣе прочному и плодovitому благими послѣдствіями. Задача правительства—отличить одно направленіе отъ другаго; одно ограничивать, другому содѣйствовать и направлять его, чтобы оно съ отчаянія тоже не впадо въ крайность.

Государственный человѣкъ не долженъ пугаться каждаго симптома, которымъ проявляется искусственный утопическій прогрессъ, и не считать его поводомъ къ принятію репрессивныхъ мѣръ противъ прогресса вообще—противъ прогресса въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ.

Завтра уѣзжаемъ изъ Либавы. Итакъ,

Прощай-же море!...
Я долго, долго помнить буду
Твой шумъ въ купальные часы!

и помяну тебя благодарнымъ словомъ, если наши здоровья получатъ отъ тебя хоть малую толику пользы.

3. Четвергъ. Выѣхали изъ Либавы утромъ по страшно бурной погодѣ. Море провожало насъ громкимъ гуломъ и точно пушечными выстрѣлами. У павильона насъ ожидалъ Березинъ. Мы простились съ нимъ и на прощаніи выпили по рюмкѣ вина. Со всѣми либавскими мы разстались очень дружелюбно, оставивъ, кажется, всѣхъ довольными—по крайней мѣрѣ, я всегда стараюсь, чтобы такъ было.

На первой-же станціи отъ Либавы произошла остановка изъ-за лошадей. Между тѣмъ, либавскій вѣтеръ превратился въ настоящую бурю, которая буквально подталкивала нашъ экипажъ, пока мы стояли на мѣстѣ. Въ Газенпортѣ въ пять часовъ обѣдъ, на грязной почтовой станціи. Обѣдъ состоялъ изъ яичницы и какой-то маринованной рыбы, до которой мы не рѣшились дотропуться, хотя намъ ее подавала поразительной красоты златогудрая молоденькая хозяйская дочка, но — увы! до крайности неопрятная, какъ и всѣ здѣшнія жидовки. Ночевали, но не спали въ Шрунденѣ, въ гнуснѣйшей корчмѣ, гдѣ чувствовали себя не спокойно и даже, какъ будто, не совсѣмъ безопасно.

Сегодня днемъ въ Добленѣ. Здѣсь развалины замка, построеннаго въ XIV вѣкѣ начальникомъ ордена Меченосцевъ Монгеймомъ. Развалины и самое мѣстечко Добленъ живописны. Прекрасная станція, чистенькая—что большая рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ—даже съ комфортомъ и чрезвычайно пріятнымъ ласковымъ смотрителемъ.

Въ Митаву пріѣхали въ семь часовъ вечера. На заставѣ намъ подали письмо отъ добраго Траутфетера, который убѣдительно просилъ остановиться у него въ домѣ, гдѣ предлагалъ двѣ комнаты. Но мы намѣревались только переночевать въ Митавѣ и не рѣшились на такое короткое время беспокоить добрыхъ людей. Итакъ мы остановились въ гостинницѣ Курландъ и тотчасъ отправились къ Траутфетеру. Онъ ужасно сѣтовалъ, что мы не у него остановились, угостилъ насъ чаемъ и какой-то очень хорошей освѣжительной шипучкой изъ березовыхъ почекъ. Все семейство Траутфетеръ премилое, не исключая и четырехъ крошечныхъ удивительно красивыхъ малютокъ.

4. Пятница. Вчера Траутфетеръ прочиталъ мнѣ изъ Аугсбургской газеты статью объ открытомъ будто бы заговорѣ въ Петербургѣ съ конституціонными тенденціями и пр. Это должно быть какой-нибудь вздоръ.

Въ Ригу мы отправились въ дилижансѣ, но изъ Риги уже надѣялись ѣхать по желѣзной дорогѣ до Динабурга. Путь этотъ еще не открытъ, но по немъ ходятъ какіе-то поѣзда и въ одномъ изъ нихъ мнѣ были обѣщаны мѣста.

Это, однако, не удалось. Поѣзда пришлось бы ждать до понедѣльника и я предпочитаю безъ дальнѣйшихъ ухищреній ѣхать, какъ прежде, по торному пути на лошадяхъ.

10. Четвергъ. Добравшись до Пскова съ грѣхомъ пополамъ, по плохой дорогѣ и въ тряскомъ экипажѣ, мы по желѣзной дорогѣ продолжали путь до Острова, а тамъ поплелись опять на лошадахъ до Витебска, куда и прибыли вчера поздно вечеромъ. Отсюда осталось еще тридцать верстъ до нашего деревенскаго уголка. Рано утромъ отправились мы туда на почтовыхъ. Не доѣзжая станціи Гановки, мы встрѣтили Марка (Николаевича Любоцинскаго) съ племянницей Генриеттой¹⁾: они возвращались отъ моихъ, у которыхъ нѣсколько дней гостили.

Въ полдень я, наконецъ, въѣхалъ въ мои, такъ называемыя, владѣнія. На опушкѣ березовой рощи встрѣтили насъ остальные члены моей семьи. Всеобщая радость, объятія, шумныя восклицанія и разпросы. Мы всѣ пѣшкомъ отправились къ дому, который я теперь уже могу назвать вполне нашимъ. Домикъ оказался небольшой, но очень миленькій, уютный, удобный. Мой кабинетъ чистенькій, свѣтлый—прелесть. Во всемъ видна заботливость милой жены моей, которая употребила всѣ усилія, чтобы сдѣлать жилище мое пріятнымъ. И все это съ ничтожными средствами.

11. Пятница. Вчерашній день заключился шумно и очень оригинально. Подъ вечеръ, на площадкѣ передъ нашимъ домомъ, собрались крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ одеждахъ, которыя, впрочемъ, очень незатѣйливы: онѣ состоятъ почти исклю-

¹⁾ Уроженка Витебской губерніи, дочь одного изъ тамошнихъ помѣщиковъ, Генриетта Казиміровна Жудро, по мужу Салозъ, въ настоящее время занимаетъ мѣсто среди самыхъ выдающихся женщинъ врачей. Это одна изъ тѣхъ отважныхъ и благородныхъ пионерокъ, которыя, горячо любя людей, рѣшились отдаться служенію имъ на поприщѣ, дѣйствовать на которомъ онѣ, вопреки установившимся предрасудкамъ, сознаютъ въ себѣ достаточно мужества и силъ. Къ сожалѣнію, равныя усложненія въ ея судьбѣ, и между прочимъ семейныя обстоятельства, помѣшали ей посвятить себя Россіи—русской деревнѣ, куда она особенно стремилась. Тогда она, скрѣпя сердце, перенесла свою дѣятельность въ Женеву, въ самый дорогой для нея послѣ родины городъ: въ немъ она училась, стала на ноги и приобрѣла право на самостоятельную дѣятельность. Съ тѣхъ поръ -- а тому уже лѣтъ двѣнадцать— имя госпожи Жудро-Салозъ пользуется въ Женевѣ завидною извѣстностью, особенно среди бѣднѣйшаго населенія города. Мы сами, въ нашу бытность тамъ, могли наглядно убѣдиться во всеобщей къ ней любви и уваженіи. Разъ какъ-то намъ пришлось идти съ ней по одной изъ улицъ рабочаго квартала города: почти не было прохожаго—мужчины, женщины, ребенка — которые не привѣтствовали-бы ее поклономъ или улыбкою. С. Н.

чительно изъ длинныхъ бѣлыхъ кафтановъ. Одна молоденькая дѣвушка принесла огромный вѣнокъ изъ колосевъ и, при громкомъ пѣніи подругъ, подала его мнѣ. Это ихъ обычный способъ праздновать конецъ жатвы. Началось угощеніе виномъ и яблоками, явилась скрипка и пошли танцы, которые продолжались до поздней ночи. Я говорилъ съ нѣкоторыми крестьянами, которые подходили ко мнѣ и благодарили за хорошее съ ними обращеніе. Ну, этого я ужъ никакъ не могу принять на свой счетъ и долженъ вполнѣ отнестись на умное и доброе управленіе арендатора. Въ заключеніе были зажжены два большихъ костра и крестьяне разошлись при ихъ яркомъ дрожащемъ пламени.

Сегодня вечеромъ я ходилъ на деревню. Оттуда прехорошенькій видъ на нашу усадьбу, которая граціозно выглядываетъ изъ зелени.

13. Воскресенье. У обѣдни. Наша церковь каменная, но очень обветшавшая и требуетъ большихъ поправокъ. Утвари церковной, однако, вполнѣ достаточно. Нѣкоторые предметы, какъ-то: ризы, хоругви, два-три образа, паникадила, священные сосуды были-бы хороши даже и не для маленькой деревушки. Служба, пѣніе за-то какъ-то безжизненны и неосмысленны. Священникъ первый, кажется, совсѣмъ не сочувствуетъ тому, что дѣлаетъ и что читаетъ. Особенно дурно читано было Евангеліе, хотя дикція и голосъ читающаго не представляютъ ничего непріятнаго. Главная бѣда въ полной безучастности священнослужителя и въ тупомъ равнодушіи прихожанъ. Но внѣшнія приличія были тутъ всѣ на лицо. Ими даже какъ будто старались щегольнуть передъ нами. Не было забыто и поученіе къ народу, заимствованное изъ какой-то книги, но произнесенное безъ малѣйшаго приспособленія къ слушателямъ и такъ вяло, что оно не могло возбудить ничего, кромѣ скуки. Жалко и досадно! Священника тутъ нельзя винить: онъ такъ воспитанъ, такъ направленъ, такъ руководимъ.... Слава Богу еще, что онъ не пьяница. Вопросъ о жалкомъ состояніи нашего сельскаго духовенства поистинѣ вопіющій вопросъ.

Послѣ обѣдни я пошелъ въ алтарь. Бѣдный священникъ видимо смутился. Я старался его обласкать и ободрить, выразивъ все мое уваженіе къ его сану, и пригласилъ его къ себѣ вечеромъ на чай. Въ свое время онъ явился; сначала очень конфузился,

но потомъ, какъ говорится, обошелся и разговаривалъ очень толково. Я завелъ рѣчь о необходимости поучать народъ простымъ и удобопонятнымъ внушеніемъ ему вѣры и христіанской нравственности. Онъ жаловался на то, что крестьяне очень неохотно посѣщаютъ церкви и вообще крайне неразвиты.

Одновременно была у насъ родственница моей жены, госпожа Б., сосѣдняя помѣщица, владѣлица трехсотъ пятидесяти душъ и огромнаго количества земли. Она, какъ и большинство здѣшнихъ дворянъ, очень недовольна настоящимъ положеніемъ вещей. По мнѣнію ея и многихъ другихъ помѣщиковъ, слѣдовало-бы дать крестьянамъ свободу безъ земли. Я пробовалъ доказывать ей противное съ точки зрѣнія нравственной и государственной, но безуспѣшно. Утѣшалъ ее тѣмъ, что все со временемъ уладится и выгоды будутъ обоюдны—но также тщетно. Помѣщикамъ въ настоящую минуту, конечно, приходится круто, но такая огромная реформа не могла быть совершена иначе, а они не хотятъ этого понять и сильно негодуютъ на правительство.

16. Среда. Можно надѣвать на себя личину какого угодно свойства, какой угодно добродѣтели. Но подъ любовь и подъ умъ никакъ нельзя поддѣлаться. Чтобы заставить повѣрить нашей любви, надо имѣть въ сердцѣ хоть сколько-нибудь этого чувства; чтобы прикидываться умнымъ, надо имѣть хоть малую толику ума.

Я всегда былъ того мнѣнія, что не должно ни въ чью голову вбивать убѣжденій и идей или заставлять людей насильственно идти по извѣстному пути. Образуйте ихъ умы, сдѣлайте ихъ способными къ разумной и правильной дѣятельности и пусть они сами устанавливають себѣ свои нравственныя убѣжденія, идеи, цѣли; пусть сами избираютъ себѣ дорогу для выполненія своего назначенія въ жизни, потому что въ человѣкѣ лишь то существенно и плодотворно, что онъ дѣлаетъ самъ и по собственному своему выбору, согласно своимъ природнымъ склонностямъ и дарованіямъ. Но если онъ неспособенъ къ самостоятельной выработкѣ въ себѣ основныхъ, такъ называемыхъ высшихъ понятій дѣятельности, то вы ничего путнаго, ничего хорошаго не достигнете вбиваніемъ ему ихъ въ голову и въ сердце. Пусть онъ останется при своемъ ограниченномъ образѣ мыслей и заботится только о томъ, чтобы быть честнымъ человѣкомъ: это лучше всякихъ фальшивыхъ высокостей.

Оттого у меня не было ни своей партіи, ни своей школы, несмотря на то, что я могъ имѣть ихъ, потому что нерѣдко дѣйствовалъ на умы сильно и увлекалъ ихъ съ одною цѣлью, чтобы возбуждать ихъ нравственныя силы и устремлять ихъ ко всему благородному, правдивому и прекрасному, не предписывая имъ никакого опредѣленнаго круга дѣйствій, не внушая имъ догматовъ и заботясь только о томъ, чтобы сдѣлать ихъ по возможности вообще способными къ лучшему, а не о томъ, чтобы формулировать это лучшее и заставлять ихъ думать, что внѣ круга такихъ-то понятій или внѣ такого-то образа мыслей ничто лучшее невозможно. У кого были дѣйствительныя, а не мнимыя силы, тотъ возбуждался и находилъ себѣ дорогу; у кого ихъ не было, тотъ и не лѣзъ въ гору, чтобы на ней спотыкаться и падать.

Я питалъ всегда и питаю глубокое, непреодолимое отвращеніе ко всякой лжи и особенно къ лживымъ, лицемѣрнымъ нравственнымъ ухищреніямъ. Мнѣ всегда казался лучшимъ самый грубый и невоздѣланный умъ и простое сердце безъ претензій, чѣмъ умъ поверхностно или фальшиво образованный и сердце, изнѣженное разными сентиментальными утонченностями—то есть, умъ и сердце, полные высокомѣрныхъ притязаній безъ всякихъ правъ и заслугъ, и я сильно боялся распложать такія личности, что, какъ извѣстно, такъ легко при нашемъ поверхностномъ и шаткомъ образованіи.

17. Четвергъ. Ходилъ въ деревню съ карманами, полными пряниковъ для ребятишекъ и для того, чтобы навѣстить больного крестьянина Тереху. Этотъ Тереха замѣчательнѣе тѣмъ, что, прописанное ему докторомъ на три дня лекарство, онъ выпилъ вчера въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, думая ускорить этимъ свое выздоровленіе. Мы ужаснулись, узнавъ объ этомъ. Бѣдный Тереха очень ослабѣлъ; не знаемъ, останется-ли онъ живъ. Послали опять за докторомъ. Что касается ребятишекъ, которые сбѣжались ко мнѣ за пряниками, то никакое воображеніе не можетъ представить себѣ ничего грязнѣе ихъ. Миловидныя мордочки нѣкоторыхъ изъ нихъ почти совсѣмъ исчезали подъ слоями грязи. Но всѣхъ ихъ превзошелъ нѣкій Титъ, который представляетъ изъ себя классическій образецъ мальчишачкуна. Я роздалъ имъ пряники, сѣлъ на бревно и разговорился

съ ними. Только не многіе знаютъ по одной или по двѣ молитвы, большинство же едва, едва слышало о Богѣ. Всѣ они совершенные дикаренки. Въ деревняхъ нашихъ еще долго будетъ царить непроницаемый мракъ, если правительство не озабочится открытіемъ тамъ школъ и не обяжетъ родителей посылать въ нихъ дѣтей, да священники не будутъ лучше подготавливаться для деревенскихъ приходоу и не будутъ поставлены въ другія отношенія къ прихожанамъ.

18. Пятница. Сегодня я говорилъ со старостой о тѣхъ важныхъ выгодахъ, которыя дарованы нынѣ крестьянамъ вмѣстѣ со свободой. Я не убѣдилъ его. Онъ слушалъ меня, повѣсивъ голову, и твердилъ, что до сихъ поръ имъ было хорошо, а теперь еще Богъ знаетъ, что съ ними будетъ. Я указывалъ ему на одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ новаго порядка вещей— что у нихъ будутъ свои суды, что они сами будутъ выбирать свое начальство и не будутъ зависѣть ни отъ чьего произвола. На это староста мой возражалъ одно, что все это поведетъ только къ обремененію ихъ, что до сихъ поръ они благодарили Бога за свое житье и молили за свою помѣщицу. Въ заключеніе онъ сослался на казенныхъ крестьянъ, и тутъ-то я понялъ причину его страха. Здѣшніе крестьяне думаютъ, что отнынѣ у нихъ все будетъ такъ, какъ у казенныхъ, слѣдовательно, они отъ сносной, въ данномъ случаѣ, зависимости отъ помѣщика перейдутъ къ гораздо болѣе тяжелой зависимости отъ чиновниковъ. Вотъ что наводитъ на нихъ паническій страхъ.

Русскій чиновникъ—ужасная личность. Что будетъ впереди— еще неизвѣстно, а до сихъ поръ (1861 г.) онъ былъ естественный злѣйшій врагъ народнаго благосостоянія.

19. Суббота. Человѣкъ, подобно пауку, извлекаетъ и выводитъ изъ самого себя нити, сплетаетъ изъ нихъ множество различныхъ отношеній, чувствованій, идей и пр. и пребываетъ въ средѣ ихъ благополучно пока толчокъ дѣйствительности не разорветъ его хитросплетенія и не докажетъ ему, что все это— только паутина.

20. Воскресенье. Человѣка не удовлетворяетъ земной порядокъ вещей. Въ немъ неотразимо живетъ и господствуетъ мысль о лучшемъ, совершеннѣйшемъ. Для возможнаго удовлетворенія этой потребности ему даны религія и поэзія. Одна

переносить его идеалы въ будущее и тамъ полагаетъ залогомъ ихъ осуществленія; другая стремится поставить ихъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ въ настоящемъ.

Прекрасное или изящное есть не иное что, какъ гармоническое соотвѣтственное воплощеніе идеала въ формахъ жизни.

25. Пятница. Холодно, мрачно; небо сѣтеть дождемъ. Деревня принимаетъ осенній видъ.

Вчера получилъ пріятное письмо отъ Д., который сдѣланъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія.

30. Среда. Сегодня послѣ обѣдни на нашемъ дворѣ были разставлены столы, а на нихъ пироги, вино и разныя сласти, и все это предложено крестьянамъ. Послѣ обѣда запиликала скрипка и начались танцы, которые продолжались до пяти часовъ вечера. День благопріятствовалъ веселью: было довольно свѣжо, но ясно и тихо. Вначалѣ обѣда я подошелъ къ одному изъ столовъ, налилъ рюмку вина и провозгласилъ тостъ за Государя Императора, нашего общаго отца и освободителя крестьянъ. „Дай Богъ ему долго жить и царствовать“, сказалъ я. Но увь, и эта моя попытка вызвать въ этихъ добрыхъ людяхъ сочувствіе къ новому порядку вещей ни къ чему не привела. Они все вертѣлись около меня и ко мнѣ одному обращали свои пожеланія и свою благодарность. Мужички были очень довольны угощеніемъ, вели себя пристойно и твердили одно: что Богъ знаетъ еще каково имъ будетъ отъ новыхъ порядковъ и что лучшаго житья, какимъ они пользовались за послѣднія десять лѣтъ, то есть, время, когда имѣніе поступило въ настоящее владѣніе моей жены, они не желали бы и впереди. Очевидно, желанія ихъ не простирались и не простираются далѣе нѣкотораго матеріальнаго довольства, да безобиднаго обращенія со стороны начальства; понятія ихъ о свободѣ, политической или какой-бы то ни было, очень смутны. Женщинамъ были розданы подарки: чепцы, передники и ленты, а дѣтей я взялъ на свое попеченіе и угощалъ ихъ яблоками и пряниками, а когда вышли тѣ и другіе, то сахаромъ, который они принимали не съ меньшимъ удовольствіемъ.

31. Четвергъ. Сегодня посѣтилъ здѣшняго посредника Ряфала Осиповича Богдановича. Весь разговоръ мой съ нимъ,

разумѣется, относился къ крестьянскому дѣлу. Посреднику много заботъ, особенно въ истолкованіи разныхъ вопросовъ крестьянамъ, которые, кромѣ своихъ насущныхъ матерьяльныхъ выгодъ, ничего рѣшительно не понимаютъ въ новомъ порядкѣ вещей, въ чемъ, впрочемъ, я и самъ успѣлъ увѣриться. Затрудненія также въ нѣкоторыхъ окрестныхъ помѣстьяхъ по урочному положенію, которое крестьянамъ не кажется обязательнымъ закономъ, потому что находится не въ книгѣ, а напечатано отдѣльнымъ листкомъ. Впрочемъ, какихъ нибудь серьезныхъ усложненій нѣтъ; все пока ограничивается нѣкоторымъ нерадѣніемъ въ господскихъ работахъ.

Сентябрь 1. Пятница. Осень окончательно вступаетъ въ свои права. Все вокругъ уныло, мрачно, безнадежно. Пора въ Петербургъ.

7. Четвергъ. Сегодня въ пять часовъ утра пріѣхали въ Петербургъ. Весь день никуда не выходилъ и занимался приведеніемъ въ порядокъ моего кабинета. Но кое-кто уже узналъ о моемъ пріѣздѣ, и было не мало посѣтителей.

8. Пятница. Представлялся новому министру (кн. Путятину). Онъ несдѣлалъ на меня пріятнаго впечатлѣнія. Какая-то сухая, холодная сдержанность съ учтивостью тоже холодною, сухою—вотъ все, что я успѣлъ замѣтить въ двѣ, три минуты, что продолжался мой визитъ. Правда и то, что у него передо мною былъ съ докладомъ Кисловскій. Отъ министра я отправился къ Д., но не засталъ его дома, а отъ него поѣхалъ къ нашему новому попечителю Филипсону, карточку котораго я нашелъ у себя по пріѣздѣ. Вотъ совсѣмъ другой человѣкъ. Отъ него такъ и вѣетъ добротой и человѣчностью. Два эти визита показались мнѣ похожими на то, какъ если-бы я побывалъ въ темномъ погребѣ и оттуда вышелъ на теплый Божій свѣтъ. Прозябнувъ до костей у Путятина, я отогрѣлся у Филипсона.

10. Воскресенье. Визиты Д. и Княжевичу. Съ Д. разговоръ объ университетскихъ дѣлахъ. Мнѣ показалось страннымъ, почему университетъ не хочетъ избирать проректора или, что все равно, никто не хочетъ быть избраннымъ, взамѣнъ нынѣ существующаго инспектора. По моему мнѣнію, это значить отъязываться отъ самоуправленія. Д. не объяснилъ мнѣ всего, а объяснилъ уже Ребиндеръ, къ которому я поѣхалъ отъ него.

....¹⁾
 Странную вещь сообщил мнѣ кievскій ученый, когда я заговорилъ съ нимъ о Пироговѣ. Послѣднему, какъ извѣстно, тамъ дѣлали всевозможныя оваціи, а тѣмъ не менѣе студенты (польскаго происхожденія) готовили ему крупную непріятность, и это не состоялось единственно потому только, что Юзефовичъ, узнавъ какъ-то о томъ, что грозило Пирогову, предупредилъ его....

12. Среда. Роль честнаго, зрѣлаго человѣка въ этой сумятицѣ: стоять посреди крайностей, стараясь умѣрять то ту, то другую, соблюдать законъ равновѣсія между тѣмъ, что слишкомъ слѣпо и неразумно рвется впередъ, и между тѣмъ, что тянетъ назадъ. Неуклонный, но разумный либерализмъ, не разрушающій, а созидающій—вотъ мой девизъ, вытекающій прямо изъ моихъ убѣжденій и моего характера и на мой взглядъ всего болѣе соотвѣтствующій существеннымъ, не выдуманымъ и не экзальтированнымъ потребностямъ моихъ согражданъ. Ничего слишкомъ—по выраженію одного изъ древнихъ мудрецовъ...

Вечеромъ пріѣзжалъ ко мнѣ проститься мой старый и одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ друзей моихъ Ребиндеръ, который ѣдетъ въ Москву сенаторствовать. Грустно мнѣ разстаться съ нимъ! Много дѣлили мы съ нимъ по-поламъ, и горе и радости—конечно больше первое—особенно нашей общественной жизни. Къ нему, обыкновенно, обращался я, когда душа переполнится впечатлѣніями отъ какого-нибудь событія, отъ какой-нибудь идеи, а иногда и такъ просто, когда душѣ захочется отдохнуть отъ житейскаго тревоженія. Какъ я ни привыкъ погружаться въ самого себя, питаться самимъ собою, не бросаясь на чужой хлѣбъ мысли и сердца, однако съ Ребиндеромъ мы часто ѣли этотъ хлѣбъ—то мой, то его. И такъ въ теченіи многихъ лѣтъ.

16. Суббота. Всѣми силами надо спасти университетъ отъ такого философа, какъ Лавровъ, котораго извѣстная партія всячески старается провести въ профессора философіи.

Продлись долго такое направленіе въ нашемъ юношествѣ, наша молодая наука быстро станетъ увядать и мы рѣшительными шагами пойдемъ къ варварству.

¹⁾ По обстоятельствамъ, отъ редакціи не зависящимъ, здѣсь и въ разныхъ мѣстахъ дальнѣйшаго изложенія дневника академика А. В. Никитенко за 1861 г.—опущено до полутора печатныхъ листовъ (23 печ. страницы).

18. Понедѣльникъ. Вечеромъ у попечителя. Искренно и откровенно объяснялся я съ нимъ объ университетскихъ дѣлахъ и напелъ въ немъ человѣка, вполне сочувствующаго, благороднаго, разсудительнаго, горячо любящаго и юношество и науку. Особенно много говорили мы о кафедрѣ философіи. Онъ вполне вошелъ въ мои мысли и также серьезно смотритъ на это дѣло. На эту кафедру, болѣе чѣмъ на всякую другую, требуется ученый съ установившимся образомъ мыслей и глубоко, всесторонне изучившій свой предметъ.

....20. Среда. Моя первая лекція въ университетѣ. Набралось много слушателей, которые казались внимательными и хорошо настроенными. Я чувствовалъ себя воодушевленнымъ.

Былъ у меня главный распорядитель „Энциклопедическаго лексикона“ Гершельманъ, съ просьбою содѣйствовать выдачѣ имъ двадцати пяти тысячъ рублей серебромъ, о которыхъ я уже ходатайствовалъ въ бывшемъ комитетѣ по дѣламъ печати, и на что тогда было изъявлено Высочайшее соизволеніе съ тѣмъ, чтобы это пособіе было выдано редакціи по выходѣ первыхъ томовъ изданія.

Засѣданіе у министра изъ попечителя, Д. и профессоровъ: Ленца, Срезневскаго, Воскресенскаго, Горлова и меня. Дѣло шло о нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся измѣненія университетскаго устава: опредѣленіе доцентовъ, учрежденіе новыхъ кафедръ и пр. Министръ, между прочимъ, предложилъ странную мѣру: установить жалованье профессорамъ по часамъ, на подобіе того, какъ это существуетъ въ корпусахъ и другихъ заведеніяхъ—ибо профессора читаютъ розно: одинъ можетъ преподавать восемь, а другой только пять часовъ. Всѣ члены нашей комиссіи возстали единодушно, не исключая и попечителя. Такое распредѣленіе жалованья должно подѣйствовать очень вредно на духъ сословія. Съ одной стороны, оно будетъ поводомъ для каждаго добиваться большаго числа часовъ, и это непременно возбудитъ антагонизмъ между профессорами, зависть, распри; съ другой, превратитъ профессоровъ въ поденщиковъ, получающихъ опредѣленную плату за извѣстную долю труда, а не вознагражденіе за всю сложную, обширную и тяжелую дѣятельность, посвященную наукѣ и образованію гражданъ. Тогда

на какомъ основаніи отказать профессору въ особой платѣ за всякое занятіе по университету—за засѣданіе въ совѣтъ и въ факультетѣ, за экзамены, за разсмотрѣніе разныхъ сочиненій и диссертаций и пр.

21. Четвергъ. Вторая лекція въ университетѣ. Хотя я самъ менѣе доволенъ ею, чѣмъ первою,—она имѣла большой успѣхъ. Слушателей набралось такое множество, что многимъ не хватило мѣста и иные сидѣли даже на окнахъ.

22. Пятница. Студентамъ запрещены сходки, но они сегодня опять устроили одну и сильно напумѣли. Что-то сдѣлаетъ начальство? Удивительно, какъ нѣкоторые профессора становятся на сторону безчинствующихъ студентовъ и готовы не только защищать, но и поощрять подобныя продѣлки.....

23. Суббота. Засѣданіе въ главномъ управленіи цензуры. Новый министръ въ большомъ затрудненіи относительно цензуры. Онъ не имѣетъ никакого установившагося взгляда на нее. Главнымъ предметомъ нынѣшняго засѣданія былъ вопросъ о „Современникѣ“, возбужденный Берте. По его словамъ, журналъ этотъ проповѣдуетъ революціонныя идеи. Положено, чтобы всѣ члены прочли страницы и статьи, указанныя Берте, и выразили свое мнѣніе.....

.... 24. Воскресенье. Печальный день! У министра (кн. Путятина). Онъ обратился къ намъ съ маленькою рѣчью, въ которой приглашалъ содѣйствовать ему въ водвореніи порядка. Затѣмъ онъ толковалъ о необходимости и справедливости установленія платы со студентовъ за слушаніе лекцій. Но это мимоходомъ. А главное, намъ тутъ-же сдѣлалось извѣстнымъ, что, вслѣдствіе беспорядковъ, произведенныхъ вчера студентами, университетъ закрывается на нѣкоторое время.

28. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи.

Октябрь 2. Понедѣльникъ. Вчера я былъ у вице-президента медико-хирургической академіи Глѣбова. Онъ мнѣ говорилъ, что ихъ студенты, хотя и не отличились открытыми подвигами, какъ наши, но внутренно за одно съ послѣдними. Въ четвергъ предполагалась у нихъ союзная сходка на дворѣ академіи. Но

мѣры были приняты: академическій дворъ заперли и не велѣли пускать никого посторонняго. Нѣсколько каретъ, колясокъ, дрожекъ подъѣзжало къ воротамъ, изъ нихъ выскакивали юноши, направлялись къ воротамъ, но тѣ оставались глухи и нѣмы. Непрошенные посѣтителы принуждены были удалиться.

Я предполагалъ бы: 1) разъ что университетъ :закрѣтъ—не открывать его нѣкоторое время, 2) тѣмъ временемъ составить комиссію изъ людей истинно просвѣщенныхъ; пригласить туда въ видѣ экспертовъ—ну хоть двухъ профессоровъ и двухъ академиковъ и возложить на эту комиссію изысканіе средствъ къ лучшему устройству нашихъ университетовъ, сообразно требованіямъ времени и состоянія государства, и начертать правила новаго устава, и 3) тогда начать, благословясь, дѣло новое.

Есть одно обстоятельство, которое производитъ страшную путаницу въ умахъ: это страшныя лжи, которыя разносятся по городу недобросовѣстными прогрессистами о всякомъ происшествіи, о всякой мѣрѣ правительства. Все это до такой степени искажается, что и людей умѣренныхъ невольно вовлекаетъ въ усиленную оппозицію. Я безпрестанно принужденъ бываю опровергать нелѣпѣйшіе вымыслы этого рода передъ людьми, которые готовы повѣрить имъ. Такъ, напримѣръ, распространены слухъ, что у студентовъ начальство насильно отняло ихъ кассу, которую они собрали для пособія нуждающимся своимъ товарищамъ; что имъ запрещено посѣщать лекціи другихъ профессоровъ, кромѣ своихъ факультетовъ; что во время смятенія двадцать пятаго сентября солдаты били студентовъ прикладами, а жандармы преслѣдовали ихъ съ обнаженными палашами и пр. Право, правительству слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы закрыть уста клеветѣ. Для этого одно средство—гласность. Пусть бы правительство о всякомъ необыкновенномъ происшествіи печатало небольшія извѣщенія безъ дальнихъ разсужденій, но съ точностью излагая факты и опровергая ложные слухи. Для этого можно бы избрать хоть академическія вѣдомости.

Около университета опять толпятся студенты и собираются массы всякаго народа. Приведены въ движеніе войска. Въ зданіе университета никого не пускаютъ.

Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что студенты ягнята, которыхъ направляютъ стороннія силы—не настоящіе пастухи, а волки въ пастушьемъ платьѣ.

Главная трудность въ настоящихъ обстоятельствахъ — добиться истины фактовъ. Чего самъ не видѣлъ или въ чемъ самъ не участвовалъ, того никакъ нельзя считать не только за достоверное, но даже и за полудостоверное. А между тѣмъ на истинѣ фактовъ должна опираться истина мнѣній и дѣйствій.

Былъ у меня епископъ католическій, ректоръ академіи, Берестневичъ. Рѣчь шла, разумѣется, о настоящихъ событіяхъ. Онъ разсуждалъ съ большою терпимостью, вовсе не какъ католикъ-консерваторъ.

3. Вторникъ. Обѣдалъ у графа Блудова. Тамъ были: Ковалевскій (сенаторъ, недавно пожалованный) и Костомаровъ. Рѣчь вертѣлась около городскихъ событій. Графъ судилъ вяло — ему, очевидно, нездоровилось. Графиня, по обыкновенію, замыкалась въ славянство: она и была обложена вся газетами чешскими, галиційскими и пр. Костомаровъ молчалъ. Мнѣ тоже не хотѣлось говорить. Разговоръ вообще плохо клеился. Всѣ были какъ-то удручены

4. Среда. Встрѣтилъ **, который совѣтовалъ быть осторожнымъ. Вчера онъ обѣдалъ въ клубѣ и слышалъ какъ нѣкоторые порицали меня за то, что я не одобряю студентовъ. — „А вы ихъ одобряете?“ — спросилъ я его. — „Нѣтъ,“ — отвѣчалъ онъ. — „Значить, и васъ порицали?“ Онъ замаялся.

Совѣтъ университета. Происходилъ выборъ членовъ университетскаго суда. Я получилъ только два голоса. Видимое неблаговоленіе ко мнѣ большинства. Но это меня не удивляетъ и больше ужъ не огорчаетъ: я прямо заявилъ себя противъ этого большинства въ студенческихъ беспорядкахъ — слѣдовательно вполне естественно, что они со своей стороны противъ меня. Но гнусное лицемѣріе иныхъ способно было бы меня раздражить, если-бы я менѣе зналъ, а подчасъ и презиралъ человѣка. Эти люди съ вами за одно на словахъ, вмѣстѣ съ вами порицаютъ демагогическіе порывы и замашки противной партіи и въ то-же время склоняются передъ ней, готовые покинуть васъ одного среди самаго жаркаго боя и обратить тылъ, да еще выдать васъ головою — и все это изъ подлой трусости, готовности служить вашимъ и нашимъ.

.... Филиппсонъ передалъ мнѣ просьбу министра составить записку о преобразованіи университетовъ. Я передалъ Филиппсону свои соображенія по этому поводу и общался изложить ихъ въ особой запискѣ.

8. Воскресенье. Въ двѣнадцать часовъ попечитель собралъ совѣтъ университета. На обсужденіе предложенъ былъ вопросъ: какія мѣры принять, чтобы при предстоящемъ открытіи университета не повторились скандалы, подобные бывшимъ. Послѣдовали нескончаемыя словопренія о томъ, что правила матрикуль требуютъ измѣненій, и что только подъ условіемъ этихъ измѣненій можно ожидать, что въ университетѣ все будетъ мирно и тихо. На это попечитель, разумѣется, не могъ согласиться. Наговорено было много всего. Иные, какъ напримѣръ N., пускались въ юридическую схоластику и даже прибѣгали къ юридически крючковатымъ придиранкамъ

. Словомъ, дѣло, которое попечитель хотѣлъ уладить или устроить, взывая къ благородному содѣйствію членовъ университета, не только не уладилось и не устроилось, но запуталось больше и затянулось въ узелъ, который развязать теперь нѣтъ возможности, и впереди предстоитъ уже развѣ только разсѣчь авторитетомъ власти. К. предложилъ слѣдующій компромиссъ: объявить, что студенты получаютъ желаемое не сейчасъ, а когда заслужатъ это хорошимъ поведеніемъ. Я согласенъ, чтобы было объявлено, но не это, а то, что университеты вообще будутъ преобразованы и тогда многое, безъ сомнѣнія, измѣнится. Особенно удивительно велъ себя П. Во-первыхъ, онъ ни къ селу ни къ городу сказалъ длинную рѣчь о любви: ему, видимо, хотѣлось угодить большинству, чтобы и волки были сыты и козы цѣлы. Но вотъ что просто непостижимо: онъ упомянулъ про скандалъ на актѣ. Казалось-бы, это не слишкомъ говорить въ пользу сходокъ и вообще поведенія студентовъ. Но умыселъ тутъ былъ другой. Ему хотѣлось показать, что онъ любовью смирилъ въ тотъ день студентовъ и велѣлъ имъ разойтись. Но какъ онъ усмирилъ студентовъ? Объявивъ имъ, что рѣчь всетаки будетъ прочитана въ собраніи студентовъ, то есть, сдѣлавъ именно то, что они дерзко требовали.

Засѣданіе совѣта продолжалось два часа и, разумѣется, кончилось ничѣмъ.

11. Среда. Сегодня открытъ университетъ. Караулъ въ швейцарской снятъ.

. Студентовъ собралось очень не много. У меня на лекціи было четыре человѣка, у Благо-вѣщенскаго два, у Ленца тоже человѣка три, у Косовича ни одного. Я прочиталъ лекцію съ жаромъ и одушевленіемъ, какъ ни въ чемъ не бывало; мои немногочисленные слушатели слѣдили за ней съ обыкновеннымъ своимъ вниманіемъ. Я ими былъ совершенно доволенъ, да и они, кажется, мною.

Между тѣмъ небольшія толпы студентовъ скитались то у главнаго входа, то у малаго съ Невы, какъ души грѣшниковъ у порога рая, въ который имъ воспрещенъ входъ. Это, кажется, были тѣ, которые не подали просьбъ и не приняли матрикулъ. Говорятъ, что они похаживали тутъ съ умысломъ затѣять опять какую-нибудь демонстрацію.

Итакъ, первый день открытія университета, котораго такъ боялось начальство наше, прошелъ благополучно. Каковы-то будутъ послѣдующіе?

... На лекціи явилось очень немного студентовъ. Большая часть изъ нихъ, предвидя скандалъ, не пошла на лекціи, изъ опасенія подвергнуться непріятностямъ отъ товарищей противной партіи. У меня было однако болѣе, чѣмъ вчера, и лекція состоялась безъ малѣйшаго нарушенія порядка, какъ всегда.

14. Суббота. Не тѣ виноваты, у которыхъ едва начинается пробиваться пухъ на верхней губѣ, а тѣ, у которыхъ уже начинается сѣдѣть щетина на бородѣ.

Какъ ни нелѣпы эти безпорядки, которые вотъ уже три недѣли держатъ въ тревогѣ весь городъ, однако и пренебрегать ими нельзя. Вѣдь сколько пожаровъ случается отъ того, что какому-нибудь мальчишкѣ вздумается для своей потѣхи подбросить зажженные спички подъ заборъ или сарай.

Въ главномъ управленіи цензуры. Министръ не предсѣдательствовалъ: онъ былъ въ совѣтѣ министровъ и его замѣнилъ Д.

Въ „Русскомъ Словѣ“ появился новый пророкъ въ модномъ направленіи—Писаревъ. Онъ въ прошедшемъ году кончилъ курсъ въ нашемъ университетѣ, и теперь помѣстилъ въ „Русскомъ Словѣ“ статью: „Схоластика XIX вѣка и процессы жизни“. Прочитавъ ее, признаю, я даже раздражился и въ этомъ распо-

ложеніи духа я говорилъ слишкомъ горячо, дѣлая мой докладъ, за что подлежу сильному упреку отъ самого себя. Не должно въ важныхъ случаяхъ отдаваться увлеченію, хотя-бы источникъ его былъ благородный. Правда, уже болѣе двухъ недѣль, какъ я принужденъ бороться съ пошлымъ и грубымъ стремленіемъ, которое, какъ мутныя волны, все больше и больше насъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ и которое угрожаетъ намъ въ будущемъ потопомъ. Не мудрено въ такомъ положеніи вещей придти въ нехорошее расположеніе духа. Я не могу не бороться съ этимъ духомъ разрушенія и, сложа руки, сидѣть и только смотрѣть на этотъ бурный потокъ. Но конецъ концовъ, каково-бы ни было положеніе вещей, дурному настроенію не слѣдуетъ давать ходу; не надо допустить его перейти въ постоянное, ни даже повторяющееся расстройство. Самообладанія, самообладанія!

15. Воскресенье. Надо не имѣть ни малѣйшаго понятія о Россіи, чтобы сломя голову добиваться радикальныхъ переворотовъ. Стоить только послушать какъ разсуждаютъ о современныхъ происшествіяхъ люди, даже пожилые, чтобы убѣдиться, что тутъ нѣтъ ни опытности лѣтъ, ни здраваго смысла, ни образованія. Сужденія совершенно 'дѣтскія! И имъ нѣтъ ни малѣйшей нужды, что факты, о которыхъ они судятъ и изъ которыхъ выводятъ свои умозаключенія, искажены нелѣпѣйшимъ образомъ, до невозможности вѣрить имъ хоть на іоту. Они произносятъ рѣшительные приговоры о дѣлахъ и лицахъ, о которыхъ ничего никогда не думали. И это люди, мѣтящіе въ избиратели и представители наши! „Ничего“, говорятъ красные, „выучатся на практикѣ“. Да вѣдь я сапогъ не дамъ шить челоуѣку, который ничего не смыслить въ этомъ ремеслѣ и съ моихъ ногъ начинаетъ свое ученье, а здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы издавать законы для государства, направлять политику— словомъ, управлять не однимъ даже, а цѣлыми народами. Для всего этого общество должно быть воспитано, подготовлено. Не мѣшайте-же, господа, учиться тѣмъ, которые еще могутъ и должны учиться.

Корфъ написалъ книгу: „Жизнь Сперанскаго“. Сегодня я слышалъ отъ одного умнаго челоуѣка такое о ней сужденіе: „подлая, скверная книга“. — „Отчего“, спросилъ я, „такое немилостивое сужденіе?“ Строгій судья рѣшительно ни одного

слова дѣльнаго не сказалъ о ея недостаткахъ, а только общія мѣста, что книга не полна, что Сперанскій былъ величайшій человекъ и пр. „Книга, конечно“, сказалъ я, „имѣетъ и даже значительные недостатки; но чтобы назвать ее подлою и скверною, надо было прочесть ее съ предвзятымъ намѣреніемъ найти ее такою“.

Бѣда! у насъ кто получилъ отъ природы умъ на 10%, тотъ думаетъ, что ему отпущено его на 100%, а всѣмъ другимъ на 1 или на 0. Нѣтъ никакой правильной мѣры въ сужденіяхъ о самихъ себѣ и о другихъ; ни малѣйшей заботливости быть справедливымъ. Кричать, чтобы перекричать другихъ и сдѣлать свою мыслишку господствующей надъ мыслями своихъ знакомыхъ, пріятелей, незнакомыхъ и непріятелей—въ этомъ главная цѣль наша, а тамъ хоть трава не расти. Чортъ съ ней съ правдой: вѣдь отъ нея я не покажусь гениемъ ни въ собственныхъ своихъ глазахъ, ни въ глазахъ другихъ. Правда слишкомъ проста. У гениевъ все не такъ, какъ у обыкновенныхъ смертныхъ—а мы гени!

16. Понедѣльникъ. Не Россія для университетовъ, а университеты для Россіи.

17. Вторникъ. Поутру сильно нездоровится. Я не поѣхалъ въ римско-католическую академію: это очень далеко, да и въ корридорахъ и въ залѣ тамъ бываетъ очень холодно.

...„Вы говорите, что надо разрушать все старое, все, все, чтобы потомъ создалось новое. Поразвѣ это возможно? Старое въ человѣчествѣ: и наука, и искусство, и всякіе опыты и открытія вѣковъ; старое все то, откуда изъ чего вытекаетъ новое. Разрушить все старое значитъ уничтожить исторію, образованіе, начать съ Адама и Евы, съ звѣриной шкуры, съ дубины дикаря, съ грубой физической силы“.

Въ общественномъ порядкѣ бываютъ перестройки, а не постройки съизнова всего такъ, какъ будто ничего не было прежде. А когда перестраиваютъ, то иное оставляютъ, другое исправляютъ, а до кое-чего даже вовсе не дотрогиваются, потому именно, чтобы не разрушить всего. Тутъ нужны разсудокъ, осмотрительность, а не безуміе, страсти, попыхи и скачка сломя голову.

Говорить дурно о правительствѣ, обвинять его во всемъ сдѣлалось нынѣ модою. А я думаю, что стоитъ только прави-

тельству показать, что съ нимъ шутить нельзя—и мода эта быстро пройдетъ“.

Въ сегодняшнихъ „Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ изложены университетскія событія. Описаніе сдѣлано въ очень умѣренномъ духѣ. Нѣкоторыя обстоятельства не въ пользу студентовъ смягчены, другія совсѣмъ выпущены, напримѣръ, то, что депутаты требовали отгѣны матрикultz отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, и что большинство положило не исполнять честнаго слова относительно исполненія правилъ матрикultz—хотя-бы и давъ его. Всему этому я самъ былъ свидѣтель.

Вечеромъ были М. и Г. Тѣ-же безконечные разговоры о современныхъ происшествіяхъ. На этотъ разъ, впрочемъ, оба судили о нихъ какъ зрѣлые люди, а не какъ студенты.

18. Среда. Отнимая у человѣка религію, нравственность, идеалы и оставляя за нимъ только эгоизмъ съ расчетливостью бобра, да натуральныя влеченія къ матеріальнымъ благамъ, вы низводите его рѣшительно до скота. Но если по вашему это истина, хотя и прискорбная, то почему-же не истина то отрадное чувство, которое человѣкъ почерпаетъ въ высшихъ вѣрованіяхъ и стремленіяхъ? Вы требуете вездѣ фактовъ: но развѣ не фактъ это чувство, съ его благими послѣдствіями? Ваши ученія развѣ дѣлаютъ возможнымъ довѣріе къ какой-нибудь изъ вашихъ истинъ? Ежели по вашему существенно одно тѣло, то какъ же вы хотите, чтобы я призналъ къ чему-нибудь годнымъ хоть одно понятіе, сотканное головой человѣческой, хотя-бы то эта голова принадлежала Молашоту, Фохту, а наипаче Лаврову, столь краснорѣчиво читавшему лекціи о философіи въ пассажѣ, а не то Писареву, знаменитому философу „Русскаго Слова“.

Говорятъ, что во время студенческихъ демонстрацій въ Москвѣ, студенты были побиты чернью, которая сочла ихъ бунтующими противъ начальства. Если это правда, то это фактъ очень знаменательный.

На лекціи сегодня у меня было человѣкъ шесть слушателей. Въ другихъ аудиторіяхъ еще меньше. Нѣкоторые профессора совсѣмъ не читаютъ лекцій, потому что не для кого читать. . . .

....Былъ у Д. Онъ сообщилъ мнѣ, что, подъ предсѣдательствомъ министра, назначается изъ нѣсколькихъ профессоровъ комиссія для обсужденія вопросовъ о преобразованіи университетовъ и

что я назначенъ членомъ ея. Итакъ, вотъ опять вторая комиссія, гдѣ мнѣ приходится работать. Первая касается преобразованія Ришельёвскаго лица въ университетъ.

.... 21. Суббота. При отсутствіи у насъ самостоятельности, намъ, кажется, слѣдовало-бы особенно уважать другъ въ другѣ его свое, свою мысль, свое мнѣніе и помогать такимъ образомъ выработываться опредѣленному, своеобразному характеру. Но этого-то намъ и недостаетъ. Мы готовы съ яростью преслѣдовать каждаго, кто захочетъ думать и поступать независимо. Духъ нетерпимости и страсть въ умственному и нравственному деспотизму составляютъ язву нашего такъ называемаго передоваго общества.

Вечеромъ засѣданіе у министра. Совѣщались о преобразованіи университетовъ по поводу проекта барона М. А. Корфа. Онъ предлагаетъ сдѣлать университеты совершенно открытыми для всѣхъ и каждаго, черезъ что уничтожается самое имя студентовъ и такимъ образомъ прекращается ихъ корпоративное значеніе. Не будетъ переводныхъ экзаменовъ и курсовъ—словомъ, университеты лишаются своего школьнаго характера. Я подалъ голосъ въ пользу этого проекта, полагая, что въ настоящее время это чуть-ли не единственное средство борьбы съ корпоративнымъ духомъ молодыхъ людей въ университетахъ. Духъ этотъ въ своемъ настоящемъ видѣ такое глубокое и опасное зло, что я не считаю излишними никакія жертвы для его ослабленія. П. говорилъ въ такомъ-же духѣ, а больше и сильнѣе всѣхъ Савичъ. Министръ возражалъ, что онъ сомнѣвается въ дѣйствительности этихъ средствъ и защищалъ переводные экзамены. Но всѣ остальные были рѣшительно въ пользу проекта, предложеннаго барономъ Корфомъ. Д. тоже сильно поддерживалъ насъ. Министру видимо не хотѣлось согласиться съ Корфомъ.

Въ четвергъ будутъ объ этомъ пренія въ совѣтѣ министровъ.

24. Вторникъ. Къ чему можетъ привести идея безусловной личной свободы, составляющая одинъ изъ основныхъ догматовъ новѣйшихъ политическихъ ученій?

25. Среда. Лекція въ университетѣ. Слушателей человекъ двѣнадцать.....

.... Кавелинъ подалъ въ отставку. Это, по крайней мѣрѣ, честнѣе, чѣмъ не читать лекцій.

Д. говорилъ мнѣ, что министръ не склоняется на мѣру, предложенную нѣкоторыми членами университета въ засѣданіи у него въ понедѣльникъ.....

Положено быть у министра въ слѣдующую субботу.

Откровенно спросить у Валюева: увѣренъ-ли онъ въ томъ, что самъ не встрѣтитъ противодѣйствія въ либеральныхъ видахъ, въ которыхъ должна издаваться газета.

26. Четвергъ. Лекція въ университетѣ. Слушателей меньше, чѣмъ вчера. Засѣданіе въ академіи. Дубровскій читалъ мало интересную для меня статью о переводахъ Библии на польскій языкъ.

28. Суббота. Обѣдалъ у Д. Тамъ, между прочимъ, былъ Павловъ (Николай Филипповичъ). Онъ торжествуетъ: по ходатайству министра внутреннихъ дѣлъ, Валюева, государь дозволилъ ему издаваемую имъ еженедѣльную газету „Новое Время“ превратить въ ежедневную, съ политикою — чего такъ трудно теперь добиться и чего, вѣроятно, онъ не достигъ-бы, если-бы дѣло шло черезъ главное управленіе цензуры. Кажется, газета будетъ полуофициальная.

Послѣ обѣда я отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ предложилъ мнѣ быть редакторомъ газеты, которую министерство рѣшило издавать съ новаго года. Я высказалъ ему мое мнѣніе, что газета должна, прежде всего, имѣть свой опредѣленный характеръ, должна выражать какое-нибудь направленіе. А направленіе это, я полагаю, не можетъ быть иное, какъ умѣренно-либеральное. Если я возьму на себя редакцію газеты, буду-ли я въ состояніи поддерживать это направленіе въ видахъ самого правительства? Министръ отвѣчалъ, что тутъ надо будетъ дѣйствовать осторожно. — „Вы знаете“, прибавилъ онъ, — „что само правительство не уяснило себѣ своихъ видовъ“.

Послѣ довольно продолжительнаго разговора, министръ далъ мнѣ на размышленіе сорокъ восемь часовъ. Въ понедѣльникъ надо будетъ дать рѣшительный отвѣтъ.

29. Воскресенье. Утромъ я просидѣлъ часа три у (Н. Ф.) Павлова. Что-бы тамъ ни было, а умный человекъ этотъ Павловъ. Онъ очень вѣрно судилъ о нынѣшнемъ направленіи умовъ, о студенческихъ агитаціяхъ, о неразуміи тѣхъ профессоровъ, которые выступили на защиту претензій студен-

товъ и пр. Сверхъ того, Павловъ и пріятный человѣкъ: тонъ разговора, манеры, языкъ, все показываетъ въ немъ человѣка образованнаго.

Сильный морозъ; пронзительный сѣверо-восточный вѣтеръ. Сѣверно—холодно. У меня еще не готова шуба и я принужденъ былъ ѣздить въ ватной шинели поверхъ теплаго пальто, что дѣлало изъ меня толстяка, въ родѣ моего пріятеля Ивана Карловича (Геггардта).

30. Понедѣльникъ. У министра внутреннихъ дѣлъ. Я отдалъ ему записку, заключающую въ себѣ родъ условій, на которыхъ можетъ быть предпринято изданіе газеты. Онъ прочиталъ ее при мнѣ и на все согласился. Итакъ, жребій брошенъ. Я буду редакторомъ этой газеты и наконецъ попытаюсь осуществить мою завѣтную мысль о проведеніи въ обществѣ примирительныхъ началъ. Въ пятницу министръ доложитъ обо мнѣ государю.

Ноябрь 1. Среда. На лекцію не явилось ни одного студента. Такъ какъ съ самаго открытія университета студенты-филологи постоянно посѣщали аудиторіи то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, то ихъ отсутствіе въ настоящемъ случаѣ не является-ли демонстраціей, уже лично противъ меня направленной. Въ продолженіе всей моей университетской дѣятельности это былъ-бы рѣшительно первый случай. Но не надо ни этому удивляться, ни этимъ огорчаться. Деморализація въ нашемъ университетѣ такъ велика, что всего можно ожидать. Однако, кажется, и у другихъ профессоровъ нашего факультета тоже никого сегодня не было.

2. Четвергъ. Сегодня студенты опять не явились на лекцію (ни ко мнѣ, ни къ другимъ профессорамъ нашего факультета).

Отправилъ въ Валуеву проектъ объявленія объ изданіи газеты и получилъ отъ него записку съ приглашеніемъ явиться къ нему завтра, въ половинѣ восьмага часа вечера.

3. Пятница. Вечеромъ у Валуева. Онъ сказалъ мнѣ, что докладывалъ государю о назначеніи меня главнымъ редакторомъ газеты и государь „съ особеннымъ удовольствіемъ“ на это согласился.

Совершенно неожиданно явился В. И. Барановскій, который сегодня же пріѣхалъ изъ Крыма. Очень отрадно было увидѣться съ тридцатилѣтнимъ добрымъ другомъ.

5. Воскресенье. Утромъ у Филипсона. Разговоръ о министрѣ, то есть о трудностяхъ вести съ нимъ дѣло.

Потомъ у графини Блудовой.

Тамъ былъ, между прочимъ, бывшій губернаторъ самарскій, а нынѣ директоръ департаменга податей и сборовъ К. К. Гротъ. Умный и благомыслящій человекъ. Продолжительный разговоръ объ университетахъ. Общія мысли о неспособности Путятина. Графъ Строгановъ вмѣшивается во все. Онъ же вытѣснилъ изъ головы Путятина мысль о созваніи профессоровъ изъ всѣхъ университетовъ для разсужденія объ устройствѣ послѣднихъ.

Толкуютъ о назначеніи В. П. Титова на его мѣсто.

Князь Суворовъ назначенъ генераль-губернаторомъ въ Петербургѣ на мѣсто П. Н. Игнатьева. Въ публикѣ одобряютъ этотъ выборъ.

Получилъ отъ министра Валуева официальную бумагу о назначеніи меня главнымъ редакторомъ газеты: „Сѣверная Почта“.

8. Среда. Невоздержанность мысли такъ-же вредна, какъ и невоздержанность тѣла. Воздерживаться отъ нѣкоторыхъ мыслей все равно, что воздерживаться отъ пьянства.

Ограниченные умы часто обольщаются вѣрностью исходной точки и логичностью прямыхъ изъ нея выводовъ. Отправляясь отъ начала справедливаго, они идутъ послѣдовательно все по одной линіи—и приходятъ наконецъ—къ пропасти. Надо умѣть стать на другую точку зрѣнія и не терять изъ виду другихъ линій. Тогда увидишь ихъ множество, увидишь, что онѣ то сходятся, то пересѣкаютъ одна другую, и такимъ образомъ, умѣряя и ограничивая себя, взаимно мѣшаютъ заключеніямъ быть крайними и односторонними. Нѣтъ истины въ одномъ опредѣленіи: она состоитъ въ совокупности многихъ опредѣленій.

Вечеромъ совѣщаніе съ Варадиновымъ, который данъ мнѣ въ помощники по редакціи.хлопотъ предстоитъ многое множество.

9. Четвергъ. Въ университетѣ лекцій не было: студентовъ въ приходѣ не оказалось.

Заѣхалъ къ Краевскому. У него сборище литераторовъ. Мнѣ стало страшно. Все такія знаменитости или смотрятъ знаменитостями. Просто я попалъ въ Пантеонъ великихъ людей и

мнѣ стало совѣстно, зачѣмъ я такой маленькій. Поговоривъ немного съ Краевскимъ о новой газетѣ, я скоро ушелъ.

10. Пятница. Вечеромъ въ шесть часовъ засѣданіе у министра народнаго просвѣщенія. Совѣщанія объ открытіи университета въ Одессѣ. Университету тамъ положено быть изъ двухъ факультетовъ: историко-филологическаго и физико-математическаго. Дворянство того края просило объ открытіи отдѣленія наукъ сельско-хозяйственныхъ. Долго спорили о томъ: должно-ли преподавать агрономію практически и для этого устроить нѣчто въ родѣ фермы, хутора—или нѣтъ? Совѣтовъ, Ильенко и нѣкоторые другіе высказались противъ этого. Только зачѣмъ же эти профессора не сами отъ себя выражали свое мнѣніе, а все прятались за Либиха.

11. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры въ восемь часовъ вечера. Представленіе о „Русскомъ Словѣ“. Министръ настаивалъ на запрещеніи этого журнала. Другіе члены и я полагали ограничиться предостереженіемъ. На этомъ и порѣшили.

12. Воскресенье. Являлся кое-кто предлагать свои услуги по газетѣ.

13. Понедѣльникъ. Вечеромъ совѣтъ университета. Министръ поднялъ вопросъ о доцентахъ: не слѣдуетъ-ли подчинить ихъ профессорамъ? Совѣтъ отвѣчалъ, что это противно духу университетскаго преподаванія. Другой вопросъ: объ учрежденіи особой экзаменаціонной комиссіи, которая-бы объѣзжала университеты въ періодъ экзаменовъ и подвергала студентовъ испытанію вмѣсто самихъ профессоровъ. Тоже отвергнуто.

15. Среда. Сказать министру Валуеву: мы стоимъ на пути широкомъ—на пути чести и опасностей. Предстоитъ приобрѣсти общественное довѣріе—но приобрѣсти его можно только правдивостью.

16. Четвергъ. Д. подалъ въ отставку. Онъ сегодня самъ рассказывалъ мнѣ о своей стычкѣ съ графомъ Путятинымъ, по поводу которой выходъ его въ отставку сдѣлался неизбежнымъ. Путятину не понравился вице-директоръ А. С. Вороновъ, который нѣсколько разъ высказывалъ мысли, противныя мыслямъ министра объ устройствѣ гимназій. И вотъ онъ рѣшился сдѣлать его помощникомъ попечителя въ Вильно, о чемъ и объявилъ Д.

Послѣдній воспротивился такому назначенію, • которомъ даже не спросили Воронова: хочетъ-ли онъ этого. Путятинъ, повидимому, уступилъ; но затѣмъ тайкомъ сдѣлалъ докладъ государю и Вороновъ былъ назначенъ въ Вильно. Это, разумѣется, привело въ негодованіе честнаго и прямодушнаго Д—ва. Онъ горячо объяснился съ министромъ и, несмотря ни на какія его убѣжденія, просьбы, даже слезы, остался вѣренъ своему рѣшенію объ отставкѣ.

Вечеромъ кн. Путятинъ присылалъ за мной. Онъ просилъ меня изложить ему письменно главные вопросы, касающіеся существенныхъ потребностей университетовъ и требующіе немедленнаго обсужденія и рѣшенія. Очевидно, онъ не въ состояніи самъ обнять ни задачъ университетовъ, ни нужды ихъ, ни средствъ какъ ихъ преобразовать и улучшить. Я обѣщала ему сдѣлать это.

17. Пятница. Утромъ занимался окончаніемъ статьи объ университетахъ, которую хочу напечатать въ „Спб. Вѣдомостяхъ“.

18. Суббота. Ультра-либералы надѣлали и, вѣроятно, надѣлаютъ еще много вреда дѣлу свободы. Въмѣсто того, чтобы дѣйствовать благоразумно въ развитіи принциповъ, идей законности, права, честной свободы, они начали угрожать.... дразнить его и гадить ему.

Докладъ министру внутреннихъ дѣлъ о газетѣ. Разрѣшены нѣкоторые вопросы. Главное, мнѣ хотѣлось еще объясниться насчетъ направленія. Я рѣшительно и опредѣлительно высказала мои мысли относительно правдивости. Мнѣ сказано, что это быть иначе не можетъ и дано торжественное увѣреніе, что министерство ничего противнаго этому не потребуетъ. Я замѣтилъ, что „кромѣ убѣжденій вашего высокопревосходительства и моихъ, того требуютъ и выгоды самого дѣла“.

Мнѣ поручено снестись съ Тройницкимъ, который назначенъ товарищемъ Валуева.

19. Воскресенье. Просидѣлъ цѣлое утро у Д—ва. Туда пріѣзжалъ и назначенный на его мѣсто управляющимъ департаментомъ народнаго просвѣщенія графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, мнѣ коротко знакомый человѣкъ. Разговоръ былъ о Путятинѣ. Н. не щадилъ его; графъ Толстой защищалъ со стороны честности. Потомъ рѣчь склонилась къ нынѣшнему

состоянію Россіи, которое представляется въ самомъ неутѣшительномъ свѣтѣ. Графъ лѣтомъ жилъ въ деревнѣ, ѣздилъ по разнымъ губерніямъ и наблюдалъ состояніе вещей и умовъ....

...Не есть-ли все это процессъ перерожденія—и это всеобщее шатаніе умовъ и быстрая, тревожная разладица общественныхъ отношеній, деморализація, безтолковое увлеченіе молодыхъ умовъ, тупое бездѣйствіе зрѣлыхъ и возмужалыхъ—это всеобщее броженіе, лихорадка честолюбій безъ всякихъ правъ на отличіе, бредъ умовъ такими теоріями, которыя едва коснулись ихъ мысли, но не выдержали ни анализа, ни испытанія. Не есть-ли это тяжелый и тревожный процессъ перерожденія народа, который не жилъ до сихъ поръ жизнью естественнаго и здороваго развитія — народа, котораго исторія мучила, а не воспитывала?...

Тутъ не должно волноваться ни страхомъ, ни негодованіемъ, тутъ надо отбросить обыкновенныя предубѣжденія. Тутъ должно мужественно мыслить, мужественно хотѣть и дѣйствовать.

Но все это невольно надламываетъ во мнѣ вѣру въ нашу національную способность самимъ устраивать свою судьбу. Невольно приходитъ на умъ, что русскій народъ въ самомъ существѣ своемъ носитъ невозможность самообладанія, невозможность нравственной и политической самозидительности. Не общее-ли это на всѣхъ славянахъ проклятіе? Спаси, Боже!

20. Понедѣльникъ. А личныя мои дѣла куда какъ нехороши. Все одно и то-же. Мнѣ кажется, что уже и самъ Вальцъ перестаетъ вѣрить своимъ ободрительнымъ рѣчамъ. Хочу посоветоваться еще съ Эккомъ, который пользуется большою извѣстностью. Можетъ быть, наука тутъ и ничего не можетъ сдѣлать, но утопающій хватается за соломинку. Никто, утопая, не опускается прямо на дно, не барахтаясь. Вѣдь это инстинктъ живаго существа.

21. Вторникъ. Поутру былъ у Тройницкаго, съ которымъ мнѣ приходится часто имѣть дѣло по газетѣ. Мы, засѣдая съ нимъ въ главномъ управленіи цензуры, были хороши, и теперь почти во всемъ согласились. Какъ товарищъ министра, онъ будетъ содѣйствовать доставленію намъ изъ министерства матеріаловъ для газеты, будетъ посредникомъ между нимъ и редакціей.....

Отъ Тройницкаго отправился я къ Муханову, у котораго

довольно долго просидѣлъ. Онъ далъ мнѣ прочитатъ отъ кого-то письмо изъ Москвы къ кн. Горчакову о нынѣшнемъ хаотическомъ состояніи Россіи и о средствахъ выйти изъ него. Средства эти: власть и либерализмъ, то есть правительство должно стать на сторону умѣреннаго либерализма, но дѣйствовать съ силою и властью. Тутъ говорится также о платѣ со студентовъ: мѣра эта признается вредною и не политичною. Письмо написано хорошо. Въ немъ много правды.....

....Но кто займетъ мѣсто кн. Путятина? Толкуютъ объ (А. В.) Головиннѣ. Будетъ-ли это находка?

22. Среда. Поутру былъ у Краевского. Совѣтовался съ нимъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ изданія газеты. Онъ человѣкъ очень опытный по этой части. Я получилъ отъ него много полезныхъ указаній.

Оставилъ у него для помѣщенія въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ мою статью объ университетахъ.

Многимъ журналамъ и газетамъ на будущій годъ угрожаетъ банкротство. Такъ плохо идетъ подписка. Ни у кого нѣтъ денегъ.....

Тройницкій сообщилъ мнѣ, когда я былъ у него въ воскресенье, любопытный статистическій фактъ, извлеченный имъ изъ официальнаго источника: что изъ 80,000 чиновниковъ имперіи ежегодно открываются вакантныхъ мѣстъ 3,000. Въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ съ 1857 года изъ всѣхъ университетовъ, лицеевъ и школы правовѣдѣнія выпускалось ежегодно 400 человѣкъ, кромѣ медиковъ. Выводъ изъ этого: какъ велико у насъ число образованныхъ людей для занятія мѣстъ въ государственной службѣ. Я былъ пораженъ.

Отправилъ письмо къ Глѣбову, прося его предупредить доктора Экка о моемъ желаніи съ нимъ посовѣтоваться.....

Удивительно-ли, что мы не обладаемъ правдою въ судахъ, когда вовсе не заботимся о ней въ нашихъ сужденіяхъ и рѣчахъ.

Обѣдалъ у министра финансовъ А. М. Княжевича: онъ сегодня именинникъ. Тутъ увидѣлся съ бывшимъ министромъ Ковалевскимъ, который упрекнулъ меня, что я у него не бываю. Но у меня точно что-то оторвалось отъ сердца въ отношеніи этого человѣка: изъ мелкаго-ли желанія быть популярнымъ или просто вслѣдствіе органической неспособности къ смѣ-

лону, самостоятельному образу дѣйствія — только въ немъ нельзя не видѣть одной изъ главныхъ причинъ того печальнаго состоянія, до котораго доведены наши университеты. Говорилъ, между прочимъ, съ Гречемъ и очень много съ другимъ Ковалевскимъ, братомъ бывшаго министра. Тутъ встрѣтился также съ Бутовскимъ, съ которымъ не видѣлся лѣтъ десять. Онъ теперь великъ и силенъ: онъ директоръ департамента мануфактуръ.

25. Суббота. Продолжительный разговоръ съ графомъ (Дм. Андр.) Толстымъ.

28. Вторникъ. Вы говорите, что надо до тла разрушить все старое, чтобы построить лучшее новое. Но кто-же будетъ строить? Люди? И вы думаете, что они не внесутъ въ новое зданіе своихъ страстей, предразсудковъ, заблужденій. Зло переменить только кожу и останется тою-же змѣею.

29. Среда. Видѣлся съ Ребиндеромъ, который дня на два пріѣхалъ сюда изъ Москвы. Къ нему зашелъ тоже Языковъ. Разговоръ о современномъ положеніи вещей. Увѣренность въ неизбежности (смуты).....

Декабрь 1. Пятница. За мною прислалъ министръ на роднаго просвѣщенія. Я отправился къ нему. Онъ просилъ меня доставить ему программу потребностей университетскихъ, о чемъ онъ уже и прежде просилъ. Между прочимъ, онъ много говорилъ о печальномъ состояніи университетовъ. Говорилъ, что одною изъ главныхъ причинъ неустройства онъ считаетъ соглашеніе нѣсколькихъ профессоровъ, чтобы поставить правительство въ затрудненіе. Они препятствуютъ даже новымъ лицамъ поступать въ юридическій факультетъ, въ примѣръ чему приводилъ Р., который сначала вызвался быть у министра, назначилъ день и часъ и не явился, объявивъ, что онъ съ такимъ какъ нынѣшній министръ, никакого дѣла не хочетъ имѣть. Это самъ графъ Путятинъ мнѣ и пересказалъ.

2. Суббота. Заднія мысли ужасно вредятъ всякому дѣлу.

Люди гораздо рѣже пользуются поводами къ одобренію или похвалѣ другихъ, чѣмъ поводами къ ихъ осужденію и порицанію, и какъ въ послѣднихъ никогда не бываетъ недостатка, то, раздувая и преувеличивая ихъ, они могутъ представить чуть не чудовищемъ того, кто въ сущности человѣкъ очень почтенный и порядочный.....

3. Воскресенье. Нѣтъ большихъ враговъ у свободы, какъ яростные и неразумные ея глашатаи и защитники... Кажется, свободы никто не дарить, а она заслуживается и пріобрѣтается тѣми самими, кто ее хочетъ и достоинъ.

Есть отважныя мысли разнаго рода: по влеченію однихъ идутъ и открываютъ Америку, по влеченію другихъ—попадаютъ въ домъ сумасшедшихъ.

4. Понедѣльникъ. Отдалъ министру записку объ университетахъ. Я радъ, что спустилъ съ рукъ эту бесплодную работу. Между тѣмъ, мнѣ хотѣлось сдѣлать дѣло, полезное для **. Я предложилъ министру назначить его членомъ Главнаго управленія цензурою на мѣсто Тройницкаго, который сдѣланъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и потому выбылъ изъ управленія. Конечно, лучшаго выбора сдѣлать невозможно. Но что-же отвѣчалъ мнѣ министр, который самъ хорошо знаетъ **. „Я уже назначилъ“, сказалъ онъ. — „Кого-же?“ спросилъ я. — „Кисловскаго“. Кисловскій способенъ судить о литературныхъ дѣлахъ — этотъ (человѣкъ), никогда не выходившій изъ канцелярской рутинны! Министръ вытѣсняетъ Д. и Воронова и даетъ ходъ Кисловскому!..

5. Вторникъ. Въ восьмомъ часу утра получилъ записку отъ Филипсона съ просьбою въ девять часовъ быть у него. Дѣло состоитъ въ томъ, что меня просятъ быть членомъ комиссіи, назначенной для пересмотра университетскаго устава. Порученіе это такъ важно, что я не могу отъ него отказаться, несмотря на множество теперешнихъ моихъ занятій. Дай Богъ силъ!

Былъ у Брадке, у котораго нашель попечителя казанскаго университета, князя Вяземскаго, съ великолѣпными волосами и оригинальнымъ бульдогообразнымъ лицомъ. Брадке съ виду кажется развалиною. Онъ сидѣлъ, или, лучше сказать, лежалъ, съ обернутыми фланелью ногами. Но онъ удивилъ меня бодростью, силою и ясностью своихъ сужденій. Видно, что духъ его бодръ, хотя плоть немощна. Онъ принялъ меня очень любезно, вспомнилъ наше прежнее знакомство при Норовѣ. Все, что онъ говорилъ о предстоявшемъ намъ дѣлѣ, отличалось опытностью, знаніемъ и умомъ. Позже къ намъ присоединился Фойхтъ, назначенный отъ Харькова присутствовать въ комиссіи.

7. Четвергъ. Первое засѣданіе комиссіи. Брадке началъ

очень умнымъ и яснымъ изложеніемъ задачи ея. Филипсонъ немножко неловко и слишкомъ горячо распространился о преимуществахъ открытыхъ университетовъ передъ другими, въ томъ смыслѣ, какъ я писалъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Но я писалъ, желая противодѣйствовать корпоративному духу студентовъ въ его настоящемъ видѣ. Между тѣмъ, есть другія не менѣе важныя условія, которыя должны быть приняты въ соображеніе при устройствѣ университетовъ. Депутаты отъ московскаго университета, Соловьевъ и Бабстъ, явились въ засѣданіе довольно поздно: они только что пріѣхали изъ Москвы. Въ этомъ засѣданіи, послѣ довольно продолжительныхъ преній между предсѣдателемъ и Филипсономъ, принято было приступить къ пересмотру устава 1835 года и проектовъ нашего университета, кievскаго, московскаго, исправляя и измѣняя уставъ, сообразно новымъ потребностямъ.

Былъ Ржевскій, будущій редакторъ отдѣла внутренней лѣтописи (въ „Сѣверной Почтѣ“). Человѣкъ бойкій.

8. Пятница. Въ 10 часовъ засѣданіе комиссіи для устройства университетовъ. Еще до этого я долженъ былъ написать и разослать нѣсколько писемъ. Въ комиссіи, идя шагъ за шагомъ по параграфамъ устава 1835 г., причемъ цитировался и проектъ устава петербургскаго университета, мало измѣнили первый изъ нихъ. Но главное, установленіе каедръ по университетамъ. Намъ объявили, чтобы мы были не слишкомъ щедры на новыя каедры, такъ какъ правительство всего можетъ дать на университеты только 500,000 рублей. Положено въ каждомъ къ нынѣ существующимъ каедрамъ прибавить по одной. Мы долго работали надъ приведеніемъ въ согласіе каедръ по каждому факультету съ будущими штатами, и все-таки вышло, что денегъ потребуется больше, несмотря на нашу скромность.

Еще важная вещь: признана полная автономія университетовъ относительно распредѣленія наукъ по разрядамъ и проч.— словомъ все, относящееся къ свободному и широкому ходу науки. Не требуется даже разрѣшенія начальства, а только заявляется ему.

Послѣ труднаго и продолжительнаго (до трехъ часовъ) засѣданія въ комиссіи, мнѣ тотчасъ послѣ обѣда предстояло ѣхать въ университетъ, гдѣ попечитель назначилъ собраніе для совѣщанія

по поводу преобразованія университета. Филипсонъ таки охотникъ совѣтываться — даже тамъ, гдѣ долженъ рѣшить авторитетъ собственнаго убѣжденія или власти. Филипсонъ заболѣлъ, и я долженъ одинъ переговариваться съ профессорами. Часа два прошло въ толкахъ и преніяхъ. Оттуда забѣжалъ домой, выпилъ чашку чаю — и къ министру внутреннихъ дѣлъ въ десять часовъ вечера. Тамъ собраны были частные редакторы, и происходили совѣщанія до половины перваго ночи.

9. Суббота. Третье засѣданіе въ комиссіи. Большія пренія по вопросу: нужно-ли доцентовъ назначать общимъ числомъ для университетовъ, или распредѣлить ихъ по факультетамъ и вакантныя мѣста одного факультета не предоставлять другимъ? Былъ также возбужденъ Бабстомъ вопросъ: подлежатъ-ли сочиненія студентовъ общей цензурѣ или могутъ печататься съ разрѣшенія факультетовъ? Московскіе депутаты сильно настаивали на послѣднемъ. Собрали голоса. Большинство осталось за ними. Я былъ противъ; предсѣдатель также. Положено разногласіе это внести въ протоколъ. Князь Вяземскій поспорилъ съ предсѣдателемъ.

Тутъ я познакомился съ барономъ А. П. Николаи, попечителемъ Кіевскаго университета.

Я заявилъ въ комиссіи желаніе восточнаго факультета имѣть особаго профессора исторіи востока.

Вечеромъ явился ко мнѣ Илья А. Арсеньевъ отъ министра въ сотрудники газеты. Онъ будетъ сдѣланъ редакторомъ политическаго отдѣла.

10. Воскресенье. Утромъ писаніе отчета. Вечеромъ на раутѣ у министра внутреннихъ дѣлъ. Множество всякаго народа. Видѣлся со многими изъ старыхъ моихъ знакомыхъ.

11. Понедѣльникъ. Не помню, чтобы я былъ когда-нибудь такъ занятъ.

Комиссія. Сегодня довольно подвинулись впередъ. Министръ сказалъ намъ, что милліона прибавки на министерство народнаго просвѣщенія не будетъ; но Брадке противнаго мнѣнія. Послѣдній сообщилъ намъ виды относительно дисциплинарной части. Университетскіе студенты, гдѣ есть генераль-губернаторы, то есть въ большихъ городахъ—въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ, будутъ подчинены генераль-губернаторамъ, при которыхъ для надзора за ними будутъ особые чиновники. Харьковскіе и ва-

занскіе депутаты объявили, что они сами справятся со студентами и отвѣчаютъ за порядокъ въ университетахъ. Это замѣчательно!

12. Вторникъ. Засѣданіе комиссіи. Рѣшенъ важный вопросъ объ ограниченіи власти попечителя. Бродке самъ возбудилъ его. Баронъ А. П. Николаи противился и говорилъ умно и основательно съ своей точки зрѣнія. Съ его мнѣніемъ согласился и Н. В. Исаковъ. Остальные приняли мысль предсѣдателя.

13. Среда. Утро съ десяти до половины третьяго, по обыкновенію, работалъ въ комиссіи. Вотъ, какъ говорится, духа, перевести некогда. Много было преній, но дѣла сдѣлали не много.

Вечеромъ рѣшился послушать музыки и хоть не много дать отдыха головѣ. Поѣхалъ въ оперу. Давали „Маскарадъ“ Верди. Въ театрѣ былъ онъ самъ. Его вызывали въ третьемъ актѣ и по окончаніи спектакля.

14. Четвергъ. Комиссія. Пренія о доцентахъ. Вечеромъ у меня собраніе частныхъ редакторовъ газеты. До 12-ти часовъ. Бездна разныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ инья должно объяснить, по другимъ самому дать рѣшеніе, а по третьимъ испросить его у министра. Многое однако, кажется, слажено.

15. Пятница. Въ комиссіи сильныя пренія по поводу двухъ вопросовъ: 1) допустить-ли женщинъ къ слушанію лекцій или нѣтъ? и 2) о платѣ за студентовъ. Первый вопросъ большинство рѣшило отрицательно. О второмъ—пренія еще не кончились. Мало, однако, какъ-то сочувствія облегченію платы. Я стоялъ за смягченіе, особенно въ отношеніи къ способнымъ бѣднымъ людямъ.

У графа Адлерберга (Ал. Вл.). Передалъ ему докладъ о пособіи „Энциклопедическому Лексикону“.

16. Суббота. Въ комиссіи. Окончательно рѣшенъ вопросъ о платѣ со студентовъ.

Въ редакціи отъ трехъ до пяти часовъ. Бездна разныхъ затрудненій, которыя предстоитъ уладить. Терпѣнія и мужества.

Засѣданіе въ комиссіи отъ десяти часовъ до трехъ, потомъ отъ трехъ до пяти въ редакціи сильно утомило меня. Вечеромъ обычный пароксизмъ, а ночью толчки, толчки, толчки.

17. Воскресенье. Говорятъ о назначеніи министромъ на мѣсто графа Путятина (Александра Васильевича) Головнина. Въ публикѣ общее къ нему нерасположеніе. Всѣ считаютъ его момъ довольно мелкимъ и фальшивымъ.

Вечеромъ у Валуева. Многое множество звѣздоносцевъ. Сегодня я уже не сдѣлалъ ошибки, какъ въ прошлый разъ — пріѣхалъ въ бѣломъ, а не въ черномъ галстухѣ. Масса знакомыхъ.

18. Понедѣльникъ. Мой академическій отчетъ приведенъ къ концу.

Засѣданіе въ комиссіи. Сильнѣйшія пренія о томъ: избирать ли изъ профессоровъ проректора для наблюденія надъ студентами въ стѣнахъ университета или опредѣлять для этого инспектора изъ постороннихъ лицъ? Московскіе и я настаивали на послѣднемъ. Прочіе желали перваго. Большинство осталось за послѣдними. Но мы намѣрены еще поднять этотъ вопросъ, ибо дѣло весьма важное.

Вечеромъ у меня собраніе изъ депутатовъ и двухъ лицъ нашего университета. Толки шли о проректорѣ и инспекторѣ. Положено приступить къ соглашенію. Бабстъ заготовилъ редакцію параграфовъ къ завтешнему засѣданію.

19. Вторникъ. Сегодня довольно много пройдено параграфовъ устава безъ особенныхъ преній.

20. Среда. Въ комиссіи. Дѣло шло о штатахъ, къ которымъ надо было приспособить уставъ. На университеты ассигновано правительствомъ 500 т. р., въ чемъ, впрочемъ, иные сомнѣваются. Цифра эта, однако, намъ сообщена оффиціально. Изъ комиссіи въ два часа отправился въ редакцію и тамъ до пяти часовъ. Тутъ набрался всякихъ хлопотъ, крупныхъ и мелкихъ. Всѣ идутъ ко мнѣ за разрѣшеніями, что, разумѣется, меня чрезвычайно затрудняетъ, особенно матеріальная часть.

21. Четвергъ. Дописалъ, наконецъ, отчетъ по академіи. Итакъ, хоть эта ноша съ плечъ долой. Отчетъ писалъ я урывками, минутами.

Въ комиссіи читана общая редакція устава.

Высочайшее повелѣніе о закрытіи спб. университета. Фактически онъ былъ уже закрытъ самими студентами, которые не посѣщали лекцій.

22. Пятница. Въ комиссіи. Начало подходит уже къ тремъ часамъ. Я не выдержалъ; почувствовалъ себя дурно. Трудно таки въ теченіе вотъ уже тринадцати дней каждое утро засѣдать въ комиссіи отъ десяти до трехъ часовъ—не считая массы другихъ дѣлъ.

Вечеромъ къ П. Читаль ему академическій отчетъ. Онъ одобрилъ и весьма похвалилъ. Итакъ, это великолѣпное разглагольствіе о томъ, что въ сущности очень мало стоитъ, эта фальшь, облеченная въ одежду пышныхъ словъ—все это, наконецъ, кончено. Ахъ нѣтъ! не кончено. Еще надо прочесть президенту, графу Блудову, который, вѣроятно, найдетъ что-нибудь поправить въ слогѣ: онъ это любитъ, такъ какъ считаетъ себя прямымъ наслѣдникомъ Карамзина.

23. Суббота. Сегодня засѣданія въ комиссіи не было, но, не смотря на это, бедна выдалась хлопотъ, особенно по редакціи.

24. Воскресенье. Заѣзжалъ ко мнѣ Ф., редакторъ по отдѣлу „разныхъ извѣстій“. Вышелъ безпорядокъ: Р. врѣзался въ его отдѣлъ и распорядился самовольно. Надо принять мѣры на будущее время.

25. Понедѣльникъ. Праздникъ Рождества Христова. Маленькій отдыхъ. Впрочемъ, нельзя этого назвать настоящимъ отдыхомъ, потому что отъ меня безпрестанно требуютъ объясненій и разныхъ разрѣшеній по редакціи. Между прочимъ, между частными редакторами начинаютъ возникать несогласія и споры о предѣлахъ ихъ редакцій. Иные врѣзываются въ имъ принадлежащіе отдѣлы и захватываютъ чужой матеріалъ. Всѣ эти дразги надо разбирать и улаживать.

27. Среда. Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ (А. В.) Головинъ.

Газета крайне меня беспокоитъ. Тамъ чортъ знаетъ, что напутали и придется многое передѣлывать, а 1-е января уже у порога.

Засѣданіе въ комиссіи. Филипсонъ поспорилъ съ предсѣдателемъ и довольно неловко. Онъ читалъ свое мнѣніе, въ которомъ защищалъ совершенно открытые университеты на основаніи журнальныхъ толковъ. Видно по всему, что тутъ нѣтъ своего цѣльнаго, строго обдуманнаго, мнѣнія. Здѣсь и я грѣшенъ. Филипсонъ взялъ нѣсколько и моихъ мнѣній, выраженныхъ въ печати, которыя впрочемъ очень далеки отъ его крайней теоріи и которыя я примѣнялъ совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ, въ нашихъ комиссіонныхъ засѣдательныхъ совѣщаніяхъ. Филипсонъ не понимаетъ разницы между истиною, логически вытекающею изъ извѣстнаго принятаго начала, и истиною, примѣ-

няемою къ различнымъ условіямъ и требованіямъ жизни. Впрочемъ, въ изъясненіи причинъ студенческихъ волненій у него сказано много вѣрнаго и справедливаго. Нехорошо однако то, что онъ своей бумагѣ далъ характеръ полемическій или, лучше сказать, обвинительный противъ дѣйствій комиссіи, которую онъ упрекаетъ въ отступленіи отъ высочайшихъ повелѣній и пр. Предсѣдатель объявилъ, что онъ напишетъ на это свое возраженіе.

Затѣмъ въ комиссіи не происходило ничего особенно важнаго, и мы разошлись въ половинѣ втораго, такъ что я могъ сдѣлать еще кое-что по редакціи—побывать въ типографіи и пр.

28. Четвергъ. Изъ комиссіи ушелъ въ двѣнадцать часовъ. Собраніе редакторовъ, съ которыми протолковалъ до пяти часовъ. Газета настраивается къ первому январю. Но бездна еще мелочей, которыя надобно уладить.

29. Пятница. Актъ въ академіи наукъ. Я читалъ отчетъ.

Вечеромъ у министра (Валуева) съ докладомъ, потомъ въ типографіи. Приѣхалъ домой поздно, но еще засталъ у себя нѣсколько знакомыхъ.

30. Суббота. Комиссія. Потомъ цѣлый день въ хлопотахъ и вознѣ съ газетой.

31. Воскресенье. Несмотря на воскресенье, получилъ повѣстку, что и сегодня засѣданіе въ комиссіи, только не въ десять, а въ одиннадцать часовъ. Ужасный, неугомонный чловѣкъ этотъ Брэдкэ! Это, конечно, ничего для тѣхъ, у кого только одно это дѣло на рукахъ, а у меня завтра должна выйти газета. Можетъ быть, придется немного опоздать въ комиссію.

Обдѣлалъ дѣла по редакціи, кажется, удачно; былъ у N.; потомъ поѣхалъ въ засѣданіе комиссіи. Сегодня послѣднее засѣданіе. Въ пятницу подпишемъ новый уставъ. Всего было семнадцать засѣданій.

А. В. Никитенко.

БОРОДИНО и МОСКВА въ 1839 году.

Записка витебскаго, могилевскаго и смоленскаго генераль-губернатора князя Голицына ¹⁾).

Бородино, 26-го августа 1839 г.

Въ теченіе послѣдней четверти столѣтія на Бородинскихъ поляхъ царило безмолвіе. Ничто не нарушало послѣдняго покоя павшихъ жертвами своей любви къ отечеству или гнавшихся за тщетнымъ призракомъ славы. Самодержцу, умѣющему соединять воспоминанія о великомъ прошломъ съ славными происшествіями, дѣлами настоящаго, предопредѣлено было судьбою освятить, устройствомъ памятника, это поле сраженія, ставшее столь знаменитымъ въ лѣтописяхъ исторіи... На самой возвышенной мѣстности, въ центрѣ самой батареи Раевского, столько разъ переходившей изъ рукъ въ руки въ продолженіе этой невѣроятной рѣзни, поднимается колонна въ византійскомъ стилѣ, увѣнчанная крестомъ. На одной изъ сторонъ ея находится надпись: „2-го сентября Москва занята непріателемъ. 19-го марта 1814 г. императоръ Александръ вошелъ въ Парижъ“.

Великій и тяжкій урокъ для народовъ и завоевателей... У подножія памятника погребено тѣло Багратіона, командовавшего тогда второю арміею. Оно было перенесено туда недавно, по приказанію императора. Умершій отъ послѣдствій раны, онъ долженъ покоиться на полѣ битвы, которое защищалъ такъ храбро... Его имя, рядомъ съ именами Кутузова, Барклая и Бенигсена, героевъ этого достопамятнаго дня, начертано на колоннѣ.

¹⁾ Записка князя Голицына была представлена императору Николаю. Она заключаетъ въ себѣ воспоминанія князя о 1839 годѣ по случаю открытія памятника Бородинской битвы и закладки храма Спасителя въ Москвѣ.

26-го августа, въ годовщину этой великой борьбы народовъ, когда Россія собственными средствами выдержала натискъ двенадцати языкъ, набросившихся на нее, въ этотъ день знойное, но тускло свѣтящее солнце, солнце битвъ, поднялось надъ равниной, покрытой 120.000 человѣкъ, явившихся воздать своимъ предшественникамъ послѣднюю дань скорби и удивленія. Среди нихъ еще были замѣтны нѣкоторые обломки великой арміи, нѣкоторые ветераны былой славы.

Фельдмаршалъ Паскевичъ, покрытый еще свѣжими лаврами, пожатый имъ въ подобный же день, но двадцать лѣтъ позже, подъ стѣнами Варшавы, здѣсь находилъ прежніе лавры, заслуженные имъ во главѣ 28-й дивизіи при защитѣ и взятіи этой знаменитой батареи Раевского. Ермоловъ—тогда начальникъ штаба арміи, уже заставлялъ предвидѣть свои побѣды при Кульмѣ. Воронцовъ вновь могъ увидѣть мѣсто, гдѣ ядро, когда его, израненнаго штыками во главѣ гренадеръ второй арміи, уносили на повозкѣ, оторвало колесо у нея—такъ сильно преслѣдовали его ядра. Принцъ Евгенийъ покинулъ свое мирное убѣжище въ Силезіи для этого поля, столь знакомаго ему и гдѣ, съ отличающей его храбростью, онъ взялъ обратно съ 4-ю дивизіей батареи лѣваго фланга. Графъ Толь, имя котораго неразрывно съ воспоминаніями 1812 года, и который, не смотря на свою молодость, исполнялъ тогда однако обязанности генераль-квартирмейстера и самъ избралъ позицію при Бородинѣ, князь Димитрій Голицынъ, столь любимый губернаторъ Москвы, командовавшій тогда кирасирами, князь Горчаковъ, съ 4-ю дивизіею и корпусомъ Дохтурова твердо выдержавшій атаку лѣваго фланга, генералы Крейцъ, Шаховской, Орловъ-Денисовъ—всѣ эти славныя имена, связанные съ тогдашними подвигами, соединились тутъ. Къ нимъ не было храбрѣйшаго изъ храбрыхъ—графа Остермана, такъ доблестно выдержавшаго съ 4-мъ корпусомъ неустрашимую атаку всей непріятельской кавалеріи на нашъ центръ и позднѣе, на равнинахъ Кульма, оставившаго свою руку, какъ памятникъ своей славы. Слѣдуетъ назвать еще нѣсколько знаменитыхъ лицъ, присутствовавшихъ при этомъ торжествѣ и хотя не принимавшихъ участія въ сраженіи, но чьи имена связаны со всѣми воспоминаніями этой славной войны: князя Волконскаго, позднѣе начальника главнаго штаба всѣхъ этихъ побѣдоносныхъ армій, князя Щербатова, генераловъ Рота, Ридигера, Палена, князя Чернышева, уже составлявшаго себѣ блестящую репутацію партизана, подвизаясь въ тылу французской арміи. Прискорбное происшествіе не позволило графу Бенкендорфу, вѣрному спутнику императора и тоже знаменитому партизану, при-

быть на это торжество, вдали от котораго былъ также задержанъ и князь Васильчиковъ, чье имя гремитъ еще и теперь на берегахъ Катубаха. Въ числѣ присутствующихъ, уже оставившихъ службу и привлеченныхъ воспоминаніями славы и любовью къ отечеству на это открытіе, можно было замѣтить одного отличавшагося скромностью, но котораго выдавало само его имя; это былъ храбрый Карпенко, на котораго обрушился первый натискъ непріятельской арміи. Императоръ, замѣтивши его, тотчасъ-же приказалъ ему опять одѣть эполеты, говоря, что онъ одно изъ лучшихъ украшеній для нихъ.

Ко дню великихъ воспоминаній этотъ великій монархъ приказалъ пригласить всѣхъ сражавшихся въ рядахъ. Сгруппированные вокругъ памятника, какъ одно изъ лучшихъ его украшеній, они, казалось, въ то же время были его подпорой.

Въ уединенномъ уголку этого поля, близъ села Семеновскаго, среди батарей, существующихъ и понынѣ, одна вдова уже 27 лѣтъ оплакиваетъ потерю своего мужа, безстрашнаго Тучкова, убитаго во главѣ 3-ей дивизіи и тѣло котораго никогда не удалось найти. Время не коснулось ея печали! На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, предполагается, погибъ ея мужъ, она воздвигла убѣжище для слезъ и молитвы, и тамъ ежегодно, въ это время, скорбь и молитвы возносятся къ небу за покой всѣхъ тѣхъ, кто, подобно ея мужу, обрѣли на этомъ полѣ славу и вѣнецъ мученичества.

120,000 человекъ, собранныхъ здѣсь и состоявшихъ изъ 3-го и 6-го армейскихъ корпусовъ, драгунъ, корпуса частей гвардіи и гренадеръ и находившихся подъ командой славнаго фельдмаршала, князя Варшавскаго, были построены сомкнутыми колоннами вокругъ памятника, пѣхота съ двухъ сторонъ, а кавалерія и артиллерія съ третьей. Въ тотъ моментъ, когда процессія, во главѣ которой находился высокочтимый митрополитъ московскій Филаретъ, въ сопровожденіи императора и благочестивой игуменьи монастыря, вышла изъ бородинской церкви и при громѣ барабановъ, при звукахъ музыки и пѣніи церковныхъ пѣсней, поднималась къ памятнику, солнечный лучъ прорѣзалъ тучи и величественно озарилъ эту великолѣпную картину.

Чудное зрѣлище представляла прекрасная фигура императора, склонившагося на колѣни во главѣ своихъ храбрыхъ сыновъ, чтобъ благословить память безсмертнаго Александра, спасаго Россію, и призвать милость Всемогущаго на народы и арміи, довѣренные его власти. Россія сожалѣла только, что рядомъ съ нимъ не могла видѣть высокую покровительницу всѣхъ несчастныхъ, мать всѣхъ

сиротъ, вѣрную спутницу своего августѣйшаго супруга въ дни славы и тяжелыхъ испытаній, которой здоровье не позволило предпринять этого путешествія.

Во время молебна, въ моментъ освященія памятника, грохотъ сто двадцати пушечныхъ выстрѣловъ слился съ криками ура 120-ти тысячной массы, казалось, подобнымъ образомъ обязавшейся, въ свою очередь, слѣдовать блестящему примѣру. Церковная церемонія окончилась. Императоръ во главѣ обширной свиты, состоявшей частью изъ славныхъ обломковъ великой эпохи, первый проѣхалъ передъ памятникомъ и склонилъ свой мечъ передъ этимъ великимъ воспоминаніемъ.

Вслѣдъ за императоромъ прошла вся армія, и каждый корпусъ, каждый полкъ, каждое знамя склонялось тоже передъ колонной... Въ два часа окончилась эта церемонія, глубоко взволновавъ сердца всѣхъ этими великими воспоминаніями и наполнивъ ихъ чувствомъ благодарности къ монарху, заставившему ихъ вновь прожить прошедшую славу.

Утромъ былъ прочтенъ войскамъ приказъ императора, имъ самимъ написанный и такъ хорошо обрисовывающій его:

Приказъ войскамъ.

Лагерь при Бородинѣ, 26-го августа 1839 г.

„Ребята! Предъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славномъ подвигѣ вашихъ товарищей! Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить Русское войско, стоявшее за Вѣру, Царя и Отечество! Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ—и мы вошли въ Парижъ.

Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ императору Александру I,—его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ вашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждою и оплотомъ вашему государю и общей матери нашей Россіи.

Николай“.

29 августа. Три дня спустя, была воспроизведена Бородинская битва, именуемая сраженіемъ подъ Москвой. Войска были разставлены на тѣхъ же мѣстахъ; какъ тогда, стояла холодная погода. Сраженіе

начатое атакой селенія Бородино, съ полною точностью воспроизвело всѣ фазы этого памятнаго дня. Всѣ сохранившіяся его укрѣпленія брались и отбивались по нѣсколько разъ обратно. По всей линіи поддерживался сильный огонь, напоминавшій убійственный и страшный огонь этой битвы гигантовъ. Единственное отличіе этого сраженія состояло въ томъ, что императоръ, съ драгунскимъ корпусомъ повторявшій передвиженія кавалеріи Уварова на правомъ флангѣ, повель его настолько рѣшительно, что онъ зашелъ въ тылъ непріятельской арміи, движеніе, которое, будь оно тогда исполнено, быть можетъ, и привело бы къ этому результату. Но Богъ судилъ иначе! Москва должна была быть взята и сожжена, чтобы открыть намъ ворота Парижа.

Москва, 11 сентября. Послѣ открытія Бородинскаго памятника въ Москвѣ была произведена закладка большаго храма, посвященнаго Христу Спасителю въ знакъ благодарности за чудесное избавленіе Россіи. Эта прекрасная мысль явилась императору Александру, какъ бы избравшему императора Николая наслѣдникомъ всей своей славы, которому онъ довѣрилъ закончить великія начинанія. Нужно было видѣть какъ все населеніе Москвы, столь преданное вѣрѣ своихъ отцовъ и полное любви къ своимъ государямъ, покрыло всѣ крыши города, весь путь, по которому должна была слѣдовать процессія. Она вышла изъ святыхъ кремлевскихъ соборовъ при участіи благочестиваго московскаго митрополита и въ сопровожденіи императора и членовъ августѣйшей фамиліи. Ветераны гвардіи и гренадеръ, вернувшіеся изъ-подъ Бородина вмѣстѣ съ 6-мъ корпусомъ, стояли шпалерами по обѣ стороны. Прибывши на мѣсто закладки обширнаго (храма? ¹⁾), послѣ обычныхъ молитвъ, императоръ твердою рукою, той самой рукою, которой онъ такъ умѣетъ держать бразды правленія, положилъ первый камень и закрѣпилъ его на вѣчность. Послѣ него положили камни его августѣйшій наслѣдникъ, юная надежда всей Россіи, родившійся въ этой самой Москвѣ, едва охладившейся средѣ пепла, великій князь Михаилъ, командовавшій въ этотъ день всѣми войсками, соединенными съ частями гвардіи, которыя онъ самъ столько разъ водилъ къ побѣдамъ. Затѣмъ пришла очередь молодаго герцога Лейхтенбергскаго, приѣмнаго сына императора, довѣрившаго ему близкую его сердцу судьбу. Странная игра случайности. Этотъ принцъ, сынъ человѣка съ незапятнанной славой одного изъ баярдовъ, и въ несчастіи оставшихся безупречными, связалъ свою судьбу съ судьбою Россіи, и императоръ отличилъ

¹⁾ Это слово въ оригиналѣ не разобрано.

въ немъ качества, могущія составить счастье его любимой дочери, и, наслѣдникъ всѣхъ достоинствъ императора Александра, онъ унаслѣдовалъ также и его уваженіе къ принцу Евгенію, который, болѣе вѣрный несчастью, чѣмъ удачѣ, оставался всегда вѣренъ своей присягѣ. Молодой принцъ, кладя и свой камень въ основаніе этого искупительнаго храма, казалось, закрѣплялъ въ то-же время свою связь съ новымъ отечествомъ. По окончаніи церемоніи митрополитъ увѣренно приблизился къ императору и нѣсколькими словами сумѣлъ взволновать сердца всѣхъ. Онъ сказалъ ему, что, какъ Давидъ возымѣлъ мысль о построеніи храма Иерусалимскаго, но только Соломонъ окончилъ его, такъ точно Господу было угодно, чтобы мысль объ этомъ великомъ сооруженіи посѣтила Александра, но чтобъ выполнилъ ее Николай. Онъ кончилъ, призывая благословеніе Всевышняго на августѣйшую голову и на всю августѣйшую фамилію. Всѣ присутствовавшіе, со слезами на глазахъ, повторили ту-же молитву, и она поднялась къ престолу Всевышняго, какъ выраженіе любви, связывающей русскій народъ съ его государемъ и составляющей могущество и славу ихъ обоихъ.

Этимъ кончилось освященіе воспоминаній великаго двѣнадцатаго года,—года, памятнаго избавленіемъ Россіи и явившагося зарей освобожденія Европы.

Сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

ДВОРЯНСКІЙ ПОЛКЪ въ 1840-хъ гг.

Посвящается товарищамъ въ день 83 годовщины учрежденія полка,

14-го марта 1891 г.

былъ коренной „дворянинъ“ ¹⁾, и въ 1848 г. былъ въ 1-й гренадерской ротѣ, которою командовалъ капитанъ Герцыгъ, директоромъ былъ генералъ Г—ръ.

Не стану распространяться о томъ, какъ не до-любливали Герцыга и до чего былъ не симпатиченъ Г—ръ. Еще меньше буду говорить о томъ вѣчномъ антагонизмѣ, который разъ единялъ въ то время воспитателей и воспитанниковъ. Эти два поколѣнія, между которыми была, нерѣдко, полустолѣтняя разница, эти отцы и дѣти не уживались; да и не мудро: отцы чуть ни за каждую провинность карали, карали и пороли, и нерѣдко расправа съ дѣтьми доходила до инвизиціонныхъ пытокъ.

Что можетъ быть ужаснѣ публичнаго тѣлеснаго наказанія? А тогда это было совершенно зауряднымъ дѣломъ: всыпать юношѣ отъ 50 до 100 горячихъ—ничего не значило. Стыдъ отодвигался на задній планъ, одни истязанія возбуждали затаенную злобу, молчаливую и непримиримую вражду.

Бывало, стоишь во фронтѣ, растянуть передъ твоими глазами товарища и два заслуженныхъ гвардейскихъ унтера лупятъ несчастнаго, что называлось тогда, съ двухъ сторонъ; нерѣдко

¹⁾ Кореннымъ дворяниномъ назывался тотъ, который поступалъ прямо въ Дворянскій полкъ, а не переведенный изъ провинціального кадетскаго корпуса.

несчастная жертва закусить руку и не издастъ ни одного звука, ни одного стога. Подобное молчаливое перенесеніе позорнаго наказанія остервеняло насъ присутствующихъ: такъ-бы вотъ и кинулся, такъ-бы и разорвалъ на клочки истязателей, но мы поневолѣ уходили въ себя. Читатель пойметъ ту нравственную пытку, которая выпадала на нашу долю, и какіе могли быть результаты отъ этого перемогательства, отъ этого сдерживанія молодой кипучей натуры....

Кто знаетъ, быть можетъ эти суровыя мѣры и образовали тѣ закаленные и стальные характеры, которые проявлялись потомъ, въ особенности въ боевомъ мѣрѣ. Дворянскій полкъ далъ не мало героевъ отечеству!...

Тѣмъ не менѣе, однако-же, наказанія эти вызывали и тогда исторіи самаго непріятнаго и драматическаго свойства: кто не помнитъ, напримѣръ, изъ моихъ товарищей происшествія съ Хамратомъ. Ихъ было въ Дворянскомъ полку три брата,—дѣти артиллерійскаго генерала; младшій изъ нихъ прелестный мальчикъ и настолько кроткій съ виду, что отъ него нельзя было ожидать ничего рѣзкаго.

Былъ онъ во 2-й гренадерской ротѣ у извѣстнаго тогда Р....скаго, извѣстнаго и по надоѣдливости, и по жестокости обращенія съ воспитанниками. Онъ давно подбирался къ маленькому Хамрату, Хамратъ-же, какъ рассказывали товарищи, въ свою очередь, натачивалъ перочинный ножикъ съ двухъ сторонъ, конечно, никто не зналъ зачѣмъ.

Въ одинъ злополучный день Р....скій потащилъ Хамрата въ цейхгаузъ, гдѣ учинялась не офиціальная порка; розги и скамья явились моментально.

— „Раздѣвайся, м—цъ“, закричалъ Р....скій.

„Не раздѣнусь“, отвѣчалъ совершенно спокойно Хамратъ.

— „Раздѣть его!“ закричалъ Р....скій архаровцамъ, которые производили порку.

„Кто подойдетъ ко мнѣ, тому вотъ что будетъ“, и Хамратъ показалъ маленькій, обоюдоострый ножичекъ.

— „Я тебя не боюсь, я и въ Турціи бывалъ, и въ Персіи бывалъ, ничего не боюсь“, и съ этими словами Р....скій кинулся на Хамрата.

На этотъ разъ Р....скій ошибся въ расчетѣ, Хамратъ пыр-

нуль его пожемъ въ бокъ; раниль-ли онъ его или нѣтъ, это, конечно, осталось тайной для воспитанниковъ, но Р...скій не ходилъ мѣсяць въ роту, а бѣдный Хамратъ былъ высланъ въ солдаты.

Помню, какъ мы, вырвавшись въ отпускъ, ходили навѣщать его уже въ Аракчеевскія казармы, откуда онъ и отправился солдатомъ въ полкъ.

Этотъ несчастный случай, какъ и много другихъ, поневолѣ формировали тотъ оппозиціонный духъ въ воспитанникахъ, который и руководилъ ихъ въ разныхъ проказахъ съ преступными отѣнками, которые нельзя уже было назвать дѣтскими шалостями. Невозможно забыть, такъ называемыхъ, „вареоломеевскихъ ночей“ въ Петергофѣ... Не описываю ихъ потому, что одно воспоминаніе наводитъ на тяжелыя размышленія.

Всѣ офицеры и ротные командиры имѣли особенныя прозвища, даваемая очень мѣтко остроумною молодежью; тутъ были: Пѣтухъ, Котъ, Баранъ, Морковь и Каланча, всего, конечно, не упомяну.

Какая масса ходила анекдотовъ про каждого изъ нихъ; многіе изъ нихъ правдоподобны, нѣкоторые-же были плодами молодого остроумія воспитанниковъ; для характеристики помѣщу нѣкоторые изъ нихъ. Былъ дежурный по ротѣ нѣто, кажется, уже капитанъ, С.....; фигура его уподоблялась какой-то тонкой и длинной жерди; говорилъ онъ пискливымъ голосомъ и къ каждому слову прибавлялъ букву „у“.

Вечеромъ, когда всѣ занимались въ ротѣ, подходитъ къ нему одинъ воспитанникъ и проситъ пустить его во 2-ю или какую-то роту (въ то время безъ разрѣшенія дежурнаго офицера нельзя было ходить изъ одной роты въ другую).

— У зачѣмъ тебѣ, любезный другъ, идти у во вторую роту? спрашиваетъ его С...ій.

„Хочу заняться съ однимъ товарищемъ корнями квадратными, завтра меня спросятъ“.

— У братецъ, лучше не ходи, еще станешь заниматься корнями, да насоришь у въ чужой ротѣ, тебѣ и достанется, лучше не ходи.

Конечно, воспитанникъ фыркнулъ и ретировался.

Вотъ еще одинъ рассказъ, который покажется анекдотомъ, но это было истинное происшествіе.

Во время годичныхъ экзаменовъ, для наблюденія за порядкомъ назначался одинъ изъ ротныхъ командировъ.

Былъ экзаменъ изъ математики, на которомъ присутствовалъ знаменитый Остроградскій; для наблюденія-же за порядкомъ былъ назначенъ командиръ 4-й дворянской роты С...евъ. Экзаменовались изъ тригонометрии и логариѳмовъ, отыскивая ихъ по книгѣ.

На другой день рота построена, передъ ней С...евъ дѣлаетъ наставленія.

„Господа, забасилъ С...евъ,—я вчера былъ на экзаменѣ; до чего нѣкоторые безсовѣстны... Помилуйте, что-жь это такое?... Я не зналъ куда дѣваться отъ стыда! ну! я понимаю, подсказать, ну, такъ, сигурсь какой-нибудь, что-ли!... а то безсовѣстно беретъ книгу и въ глазахъ всѣхъ списываетъ съ книги прямо на доску, что-же это такое?..“.

— „Да вѣдь это логариѳмы, закричалъ кто-то изъ воспитанниковъ,—вѣдь такъ и слѣдуетъ“.

„Молчать! забасилъ снова С...евъ, — я знаю, что логариѳмы, и знаю, что вы должны были ихъ выучить наизусть, а не списывать съ книги, что вы меня дурачите!“

Фельдфебель что-то долго шепталъ на ухо С...ву, и онъ, покраснѣвъ до ушей, сейчасъ-же ушелъ.

Подобные рассказы ясно характеризуютъ громадную разницу въ научныхъ знаніяхъ между воспитателями и воспитанниками, что было очень вредно и давало нѣкоторое право послѣднимъ подтрунивать надъ первыми.

Возмездіе со стороны молодежи проявлялось въ разныхъ видахъ.

Дворянскій полкъ состоялъ, большею частью, изъ взрослыхъ молодыхъ людей и, понятно, всегда отличался и былъ первымъ по фронту. Нерѣдко мы добивались у начальства нѣкоторыхъ льготъ тѣмъ, что на ученіяхъ и смотрахъ, какъ тогда называлось, „гадили“. И вотъ, бывало, отправляемся на плацъ 1-го кадетскаго корпуса; слово „гадить“, какъ электрическая искра, пролетѣло по всѣмъ ротамъ; смотръ или репетиція майскаго парада обыкновенно дѣлалась въ присутствіи отряднаго начальника, генерала Сутгофа.

На первыхъ репетиціяхъ мы обыкновенно отличались, по

затѣмъ, если начальство насъ притѣсняло и гладило не по шерсти, ружейные приемы, вмѣсто поразительнаго единства, которое было на предшествующихъ репетиціяхъ, дѣлались чуть не порознь каждымъ; церемоніальный маршъ и каждое движеніе исполнялось чуть не разсыпнымъ строемъ. Наше начальство выходило изъ себя, оглядывалось, чтобы подмѣтить виновнаго,— все было напрасно, это никогда не удавалось. Сутгофъ, въ свою очередь, бѣсился, распекалъ и кричалъ на наше начальство, грозя гауптвахтой.

„Дворяне всегда по фронту лучше всѣхъ, а сегодня хуже всѣхъ. Что это значить?“ выкрикивалъ Сутгофъ пискливымъ голосомъ.

Цѣль была достигнута, начальство возвращалось домой сконфуженное, повѣся носъ; мы торжествовали втайнѣ.

Конечно, по возвращеніи домой начиналась разборка и разыскиваніе виновныхъ, но все это было безуспѣшно и начальство поневолѣ самымъ незамѣтнымъ образомъ переходило въ другой тонъ заигрыванія и задобриванія.

Намъ дѣлали большія уступки: лучше кормили, лучше обращались и не такъ строго смотрѣли на разныя наши продѣлки, даже смотрѣли сквозь пальцы на куреніе, которое тогда строго преслѣдовалось.

Торжество наше было понятно. На сторонѣ начальства была грубая карательная сила, мы платили ему за это полнымъ презрѣніемъ и глумленіемъ—таковы права учащейся и развивающей молодежи.

Наказанія, переносимыя съ полнымъ равнодушіемъ, никогда не достигали исправительной цѣли; вставшій съ позорной скамейки, не испустившій ни одного стона, послѣ тяжкаго и позорнаго наказанія, становился героемъ въ глазахъ товарищей, и вопросъ о возмездіи при удобномъ случаѣ былъ на первомъ планѣ.

Такъ шло воспитаніе, ученіе-же шло совсѣмъ иначе. Чуткая молодежь совсѣмъ иначе относилась къ ученію и учителямъ и, конечно, за нѣкоторыми исключеніями, любила учиться, хотя и въ этомъ случаѣ дѣло не обходилось безъ противорѣчій!

Образованіе будущихъ военныхъ людей предполагалось общее; хотя и имѣлось два, а впослѣдствіи три спеціальныхъ класса, но спеціальность ихъ была чисто военная.

Предполагалось, что будущій военный долженъ знать все, хотя-бы настолько, чтобы могъ, въ случаѣ надобности, продолжать дальнѣйшее изученіе извѣстнаго предмета; цѣль, безспорно, прекрасная, но достигалась она съ большимъ трудомъ; знать все—значило не знать почти ничего; были, однако-же, талантливыя натуры, которыя оканчивали курсъ и сдавали блестящимъ образомъ послѣдній, такъ называемый, выпускной экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ; но такихъ было немного. Затѣмъ учащаяся молодежь видимо сама собою распадалась какъ-бы на факультеты: одни съ полнымъ усердіемъ занимались естественными науками и математикой, другіе отлично шли по исторіи, третьи—по военнымъ наукамъ, и, наконецъ, по языкамъ и литературѣ.

Время, которое я описываю, были 1840-е года. Это была самая блестящая пора русской литературы—зарожденіе натуральной школы.

„Записки доктора Крупова“, романъ „Кто виноватъ“, „Обыкновенная исторія“, „Полинька Саксъ“, „Антонъ Горемыка“, „Записки охотника“ и много другихъ произведеній читались и перечитывались нами на расхватъ.

Возвращаюсь, однако, къ своимъ воспоминаніямъ.

Иринарху Ивановичу Введенскому мы обязаны нашимъ литературнымъ развитіемъ. Это былъ человѣкъ съ огромными научными свѣдѣніями, но главное его достоинство и заслуга заключались въ томъ, что онъ умѣлъ увлечь молодежь своимъ предметомъ. Въ его классѣ всѣ мы были—вниманіе и слухъ; тишина была необыкновенная, мы чувствовали и сознавали, что этотъ человѣкъ идетъ самъ и насъ ведетъ по совершенно новому пути.

Въ это-же время, по этому-же предмету былъ и другой преподаватель, Кирилло Васильевичъ Смирновъ, но, да проститъ намъ Господь Богъ, мы надъ нимъ шибко глумились, а онъ, по его собственному изреченію, ставилъ намъ за это „вѣхи“.

Введенскій не придавалъ никакого значенія балламъ, и его предметъ изучался съ наслажденіемъ. Этотъ преподаватель былъ нашъ идеаль; мы не только изучали основательно его предметъ, но многіе старались говорить его языкомъ, перенимали его манеры, употребляли его поговорки, однимъ словомъ, сами хотѣли

сдѣлаться Введенскими; это хотя и не былъ геній, но образовалъ около себя школу.

Самымъ ревностнымъ его послѣдователемъ, хотя ихъ было много, былъ, конечно, Киневичъ. Со всею страстью онъ привязался и къ Введенскому, и къ наукѣ, забылъ военное призваніе, вышелъ въ штатскіе; съ запасомъ огромныхъ свѣдѣній, онъ остался до конца вѣренъ избранному призванію, умеръ преподавателемъ литературы одного изъ военно-учебныхъ заведеній и составилъ себѣ извѣстность, какъ превосходный переводчикъ англійскихъ писателей и какъ комментаторъ великаго баснописца И. А. Крылова.

Незадолго до смерти Киневича, мы встрѣтились; онъ живо воскресилъ въ моей памяти образъ Введенскаго, не смотря на то, что между ними не было никакого наружнаго сходства...

Введенскій, читая исторію русской литературы, познакомилъ насъ и съ литературой всей западной Европы. Обширныя записки русской литературы его каждый взялъ съ собою, по выходѣ въ офицеры...

Помню, что намъ пришла въ голову мысль издавать журналъ, и вотъ, въ одну изъ лекцій Введенскаго, мы поднесли ему довольно объемистую тетрадь, величиною въ листъ писчей бумаги; на верхнемъ листѣ перомъ была нарисована хорошенькая виньетка, съ крупною надписью: „Дворянскій Вѣстникъ“. На первой страницѣ сіяли стихи В. С. Курочкина, потомъ какой-то рассказъ въ прозѣ Д. Д. Минаева и, наконецъ, критическій отдѣлъ былъ мой; я же подписался „редакторомъ“; конечно, на второй уже мѣсяцъ журналъ не вышелъ, за недостаткомъ матеріала.

Въ этой попыткѣ издавать журналъ видно было одно желаніе угодить любимому профессору; это не было прислуживаніемъ учениковъ учителю за хорошія отмѣтки, нѣтъ, это было желаніе доказать, что любовь къ наукѣ приноситъ уже плоды; я помню тотъ восторгъ, который выразился на лицѣ Введенскаго, при чтеніи импровизованнаго журнала.

Нельзя не упомянуть, хотя вкратцѣ, о литературной дѣятельности Введенскаго. Знаменитые переводы его англійскихъ романистовъ Диккенса и Теккерея оставили за нимъ славу и литератора, и человѣка съ сильной волей, такъ какъ знаніе

англійскаго языка досталось Введенскому съ большимъ трудомъ: безъ всякихъ учителей, онъ добился этого самообученіемъ. Переводы этихъ романовъ были настолько вѣрны, что Диккенсъ и Теккерей, узнавъ о переводахъ столь отличныхъ, пригласили Введенскаго въ Лондонъ, и желаемое свиданіе состоялось. Кромѣ переведенныхъ романовъ, Введенскій много трудился на поприщѣ исторіи русской литературы въ тогдашнихъ журналахъ, и знаменитая его статья въ защиту В. К. Тредьяковскаго надѣлала въ свое время шуму. Тредьяковскій, какъ извѣстно, былъ постоянно предметомъ всеобщаго глумленія. Въ обществѣ, чтобы разсмѣшить публику, достаточно было прочесть нѣсколько строкъ его стихотвореній; Введенскій, въ своей защитѣ, фактически доказалъ, что Тредьяковскій былъ образованнѣйшимъ челоукомъ своего времени, что онъ писалъ прекрасно стихи на французскомъ языкѣ, что онъ не умѣлъ усвоить себѣ размѣра русскаго стиха и что, наконецъ, не смотря на это, нѣкоторые стихи его, приведенные въ брошюрѣ, были лучше нѣкоторыхъ стиховъ Державина. Этой статейкой Введенскій хотя нѣсколько возстановилъ литературную репутацію Тредьяковскаго.

Я былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ по литературѣ; на выпускномъ экзаменѣ Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой, состоявшій во враждѣ съ Ир. Ив. Введенскимъ, сбавилъ мнѣ изъ 12 одинъ баллъ.

Помню мое прощаніе съ Иринархомъ Ивановичемъ. Онъ крѣпко обнялъ меня. „Пишите, пишите и пишите“, вотъ были послѣднія его слова ко мнѣ; эта минута и эти слова еще живы въ моей памяти и теперь.

Спустя много лѣтъ я узналъ, что незабвенный Введенскій ослѣпъ, но и слѣпаго его жена водила на лекціи, а затѣмъ онъ въ скоромъ времени умеръ, кажется, около 1856 года.

Память объ этомъ преподавателѣ не умерла и будетъ жить, пока сохранится въ живыхъ хотя одинъ воспитанникъ Дворянскаго полка его времени.

Не такъ давно переселился также въ вѣчность нашъ обожаемый законоучитель, приснопамятный отецъ Іоаннъ Рождественскій. Еще одинъ изъ тѣхъ преподавателей, передъ которыми мы благоговѣли.

Отецъ Іоаннъ преподавалъ законъ Божій въ спеціальныхъ классахъ, мы чрезвычайно любили его лекціи.

Огромнаго роста, совершенно сухощавый, съ очень жиденькой, по довольно длинной бородкой, широкой, красный расплюснутый носъ, все лицо покрыто красными пятнами,—представляли отца Иоанна далеко не красивымъ. Высокая-же нравственная красота, необыкновенная сила свѣтлаго ума и обширныя богословскія познанія совершенно заслоняли физическіе недостатки этого обожаемаго всѣми наставника. Когда отецъ Иоаннъ читалъ лекцію, или въ особенности выходилъ говорить проповѣдь, всѣ мы толпились въ церкви около него, стараясь пробраться поближе къ нему, чтобы не проронить ни одного слова. Выходилъ онъ всегда безъ книги, безъ малѣйшаго лоскутка бумаги, подготовки не было никакой; онъ, видимо, вдохновлялся во время самой рѣчи; это была не простая, заурядная проповѣдь, не было ни паѳосу, никакихъ литературныхъ приемовъ, это была душевная бесѣда, охватывающая сразу все вниманіе слушателей, благодѣтельно дѣйствующая на умъ и сердце молодежи, и лицо его, освѣщенное умомъ и кротостью пастыря, было прекрасно. Отецъ Иоаннъ обладалъ поразительною памятью, онъ зналъ всѣхъ по фамиліи, чего не было съ другими, потому что насъ было очень много, и уже впоследствии, по прошествіи многихъ лѣтъ, встрѣчаясь съ кѣмъ-нибудь, онъ называлъ прямо по фамиліи, припоминая разныя мельчайшія подробности. Мы долго горевали, когда его перевели отъ насъ во дворецъ, кажется, къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Сложившись всѣ, кто сколько могъ, мы поднесли достойнѣйшему отцу Иоанну серебряное вызолоченное блюдо и на немъ былъ положенъ наперсный золотой крестъ, на золотой цѣпи.

Перехожу теперь къ разсказу настолько характернаго происшествія, что оно осталось навсегда въ памяти у воспитанниковъ 1-й гренадерской роты 1848 года и выдвинуло значительно впередъ нашего товарища [Василія Степановича] Курочкина.

Какъ я говорилъ, ротой нашей командовалъ Герцыгъ, полкомъ—генераль Г***.

По какимъ-то экономическимъ или гигиеническимъ соображеніямъ, при Г—рѣ очень плохо кормили, и главное не топили, а зимы были въ тѣ годы прехолодныя, нерѣдко морозы отъ 25 до 30° выдерживали по два мѣсяца.

Бывало, вечеромъ, Г—ръ придетъ въ роту, руки запрятеть

въ рукава сюртука, плечи подняты вверхъ, онъ идетъ съ неизбѣжной свитой дежурныхъ сзади.

„Здѣсь душно! жарко—отворить всѣ форточки“, скажетъ онъ.

Форточки всѣ открыты и мы, озлобленные, зябнемъ напропалую.

Въ царствованіе императора Николая Павловича, каждое воскресенье производился разводъ съ церемоніей, на которомъ присутствовалъ всегда самъ императоръ. Отъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и отъ Дворянскаго полка, отправлялось непременно по одному взводу въ Михайловскій манежъ, гдѣ и производились всегда разводы. Нечего и говорить о томъ блескѣ и роскоши, о томъ чудномъ военномъ экстрактѣ, если можно такъ выразиться, который представлялся императору каждое воскресенье, и въ особенности въ ординарцахъ; въ нихъ всегда выбирались самые лучшіе фронтовики, самые красивые мальчики, одѣтые всегда съ иголки; нерѣдко на вѣсти императору представлялись отъ маленькихъ ротъ чуть не дѣти, а государь, оставшись довольнымъ, собственноручно подымалъ за локти такого ординарца и награждалъ его царскимъ поцѣлуемъ.

Обыкновенно мы выходили въ разводъ часовъ въ 10 утра, и съ Петербургской стороны, со Ждановки, нерѣдко въ трескуій морозъ, поспѣшали въ Михайловскій манежъ, одѣтые въ полной парадной формѣ, во всей аммуниціи, имѣя шинели въ накидку; шинели эти тоненькія, такъ называемаго, сѣро-нѣмецкаго сукна, только въ талии подшитыя холстомъ, нисколько не придавали тепла; въ четыре же часа мы уже возвращались домой, конечно прозябшіе и голодные.

Въ описываемое злополучное воскресенье разводъ былъ отъ нашей роты; государь почему-то въ особенности былъ въ духѣ и доволенъ разводомъ. Морозъ былъ въ этотъ день нестерпимый, такъ что, возвратясь домой, мы совсѣмъ окоченѣли отъ холоду; всѣ старанія обогрѣться дома въ ротѣ были напрасны... было или вовсе не топлено, или протоплено настолько слегка, что, назябшись, мы не могли согрѣться.

Кому, не знаю и не упомню, пришла нелѣпая мысль вытопить, во что бы то ни стало; эту мысль подхватили другіе, а чрезъ полчаса печи уже пылали крайне привѣтливимъ огнемъ, маня къ себѣ обогрѣться прозябшихъ. вмѣсто дровъ были упо-

треблены табуреты, ясневаго или березоваго дерева, которые составляли нашу единственную мебель—на ней мы сидѣли во время занятій и ужина. Пробыло 9 часовъ вечера, часть ужина.

„Строиться къ ужину!“ закричалъ дежурный по ротѣ унтеръ-офицеръ.

Оказалось, что большей половины табуретовъ не достаетъ. Офицеръ, дежурный по ротѣ, былъ штабсъ-капитанъ Романовъ; обойдя всѣ столы, онъ убѣдился, что бѣлая половина воспитанниковъ ужинаютъ стоя.

„Гдѣ-же табуреты?“ закричалъ онъ.

— „Въ печкѣ!“ раздался чей-то голосъ изъ воспитанниковъ.

Не спрашивая кто это сказалъ, не учиня никакого предварительнаго разслѣдованія, Романовъ отправился прямо на квартиру къ директору Г***, а директоръ, какъ мы узнали уже потомъ, въ тотъ-же моментъ полетѣлъ къ великому князю Михаилу Павловичу и донесъ ему о случившемся.

Слово „не выдавать“ было нашимъ девизомъ; Дворянскій полкъ отличался самымъ стойкимъ товариществомъ, которому нерѣдко завидовали прочія военно-учебныя заведенія. Сплоченное такимъ образомъ товарищество нерѣдко переносило сѣченіе черезъ одного, но „не выдавало“. Это имѣло и худыя, и хорошія стороны.

Но на этотъ разъ вышло не такъ; нѣкто воспитанникъ Гуюсъ, кажется изъ ревельскихъ бароновъ, но навѣрное нѣмецъ, участвуя самъ въ сожиганіи табуретовъ, вѣроятно, струсилъ и, предполагая, что его участь будетъ облегчена—выдалъ въ этотъ-же вечеръ всѣхъ зачинщиковъ, передавъ Романову ихъ фамиліи, такъ что съ Гуюсомъ ихъ было четыре; фамиліи двухъ я забылъ, помню только Гуюса и Бирюкова.

Пробужденіе на другой день было ужасное! Мы чуяли приближеніе чего-то очень и очень не добраго, такъ оно и вышло.

Въ 10 часовъ утра рота была выстроена: двери, выходившія на лѣстницу и въ слѣдующую роту, были растворены на обѣ половины, что дѣлалось только въ особо торжественныхъ случаяхъ. Мы были въ угнетенномъ состояніи духа, тѣмъ болѣе, что еще съ вечера узнали о выдачѣ Гуюсомъ всѣхъ зачинщиковъ.

Утро было пасмурное, на душѣ у cadaго изъ насъ было еще пасмурнѣе; тучи надвигались все ближе и ближе, и вдругъ,

изъ-за тучъ, какъ отдаленный раскатъ грома, услышали мы голосъ великаго князя; медленными шагами шель онъ по сосѣдней ротѣ, его голосъ доходилъ уже до нашего уха.

„Зачинщики впередъ! прогремѣлъ голосъ великаго князя.— Ахъ вы!“

Передъ нами былъ великій князь; никогда мы не видали ничего ужаснѣе этого гнѣвнаго лица,—сади его Г*** и многочисленная свита нашихъ офицеровъ. Герцыгъ вызвалъ по фамиліямъ зачинщиковъ—они вышли впередъ. Тогда только мнѣ бросилось въ глаза, что Гуюсь—огненно-рыжій, значить, подумалъ я, судьба всѣмъ рыжимъ быть предателями.

„Всѣхъ ихъ наказать розгами передъ ротой, грянулъ опять голосъ великаго князя—и въ солдаты, въ солдаты! Всѣхъ выпускныхъ оставляю на годъ отъ выпуска, унтеръ-офицерамъ и ефрейторамъ галуны долой, всѣмъ сбавить по баллу за поведение и не пускать со двора всѣхъ впредь до моего приказанія, и доложу объ этомъ государю императору“.

Не поздоровавшись и не попрощавшись, великій князь круто повернулся и быстрыми шагами удалился изъ нашей роты.

Засимъ мгновенно явились скамейка и громадная куча розогъ. Началась экзекуція.

Жаль было Бирюкова; это былъ красивый, симпатичный, съ необыкновенно добродушною фізіономією юноша; онъ перенесъ наказаніе стойко, не издавъ ни одного стона; Гуюсь же оралъ безпощадно. Послѣ наказанія мы болѣе не видали несчастныхъ товарищей, ихъ отправили въ солдаты не знаемъ куда и когда.

Мы всѣ очутились подъ сильной опалой, самое, конечно, ощутительное наказаніе было—не выходить со двора, сидѣть по воскресеньямъ и праздникамъ въ казенныхъ стѣнахъ, а главное, Рождество было не за горами, и насъ ожидало то-же томительное сидѣніе; на всѣхъ напало уныніе.

Былъ, должно быть, уже ноябрь на исходѣ; приближалось какое-то торжество въ честь великаго князя Михаила Павловича, чуть-ли ни его 25-лѣтній юбилей. Мы ничего не ожидали и ни на что не рассчитывали; погруженные въ свое опальное положеніе, утѣшались только тѣмъ, что товарищи, у которыхъ были деньги, хранившіеся у ротнаго командира, записывались

по воскресеньямъ на таѣъ называемую „пирушку“, которую и дѣлили съ неимущими товарищами.

Нельзя пройти молчаніемъ слово „пирушка“.

Въ воскресенье или праздничный день, дежурный по ротѣ унтеръ-офицеръ обыкновенно провозглашалъ:

„Кто записывается на „пирушку“, подайте записки!“

Всѣ, у кого хранились деньги, подавали записку, приблизительно слѣдующаго содержанія:

1) Ситнаго, 2) масла чухонск., 3) сыру зелен. или др., 4) патоки, 5) бумаги лист., 6) сапожн. щет., 7) гербовка (щетка для чистки пуговицъ), 8) колбасы, 9) ветчины, и такъ даѣе.

Всѣ подаваемыя записки, съ небольшими вариациями, были почти одного содержанія. Часа въ 4 послѣ обѣда, приказчикъ изъ мелочной лавки въ громадной корзинѣ приносилъ всѣ эти предметы, все раздавалось на руки; около каждого, получившаго всѣ эти припасы, образовывались кружки и начиналась — пирушка... Это имѣло хорошую сторону, подготавливая въ будущемъ то радушіе, которымъ отличается военный человѣкъ, дѣлаясь по-братски послѣднимъ кускомъ съ товарищемъ. Пирушка обыкновенно заканчивалась пѣніемъ, пѣніемъ заунывнымъ и крайне мелодичнымъ, и дѣйствительно, какіе у насъ были прекрасные голоса: Краснопѣвцевъ, Давыдовъ, Ритчеръ, Радзишевскій и много другихъ; кто не помнитъ романсовъ: „Ночной зефиръ“, „Скажите мнѣ“, „Тучи черныя“ и проч. Церковное пѣніе было доведено до совершенства; директоръ придворной капеллы, генераль Львовъ, очень часто посѣщалъ наши пѣвческіе классы и восхищался. Умѣнью пѣть мы обязаны были сначала знаменитому Г. А. Ломакину, а потомъ А. И. Рожнову.

Такъ коротали мы праздничные дни до послѣднихъ чиселъ ноября.

Наконецъ, насталъ юбилейный день его высочества Михаила Павловича. Не помню ни дня, ни числа, когда это было. Класовъ по этому случаю не было.

Замѣтили мы съ утра, что (Василій Степановичъ) Курочкинъ что-то особенно суетился; ему дали все новенькое, все блестящее; онъ уже одѣлся. Герцыгъ пріѣхалъ тоже въ полной парадной формѣ, со всею тщательностью осмотрѣлъ Курочкина и всю его аммуницію, обративъ вниманіе даже на сапоги.

Оказалось, наконецъ, что Вас. Курочкинъ сочинилъ ко дню юбилея великаго князя стихи; его вмѣстѣ со стихами везли во дворецъ представить юбиляру. Всѣхъ стиховъ не помню, но вотъ ихъ первый куплетъ:

Въ великій день воспоминанія
Твоихъ дѣяній и заслугъ,
Прійми, какъ дань, символъ признанія
Твоихъ младыхъ, но вѣрныхъ слугъ и т. д.

Стихи были написаны очень хорошо и хорошимъ языкомъ, мы, однако-же, не придавали этому никакого особеннаго значенія и ничего хорошаго для себя не ждали.

Въ 4 часа Курочкинъ вернулся изъ дворца вмѣстѣ съ Герцыгомъ. Мы, конечно, его обступили; прелестный бриллиантовый перстень красовался на правой рукѣ Курочкина, самъ онъ сіялъ необыкновеннымъ восторгомъ и радостью.

Намъ дана была полная амнистія. Герцыгъ объявилъ, что его высочество приказалъ снять наложенное имъ наказаніе, и мы сейчасъ-же, хотя на нѣсколько часовъ, полетѣли со двора.

Восторгъ былъ полный, каждый чувствовалъ что-то особенное къ Курочкину, тутъ была и благодарность, и уваженіе, и нѣкоторая гордость, что-де и между нами явился поэтъ.

Итакъ, первый шагъ Василя Степановича Курочкина на литературномъ поприщѣ ознаменовался еще и тѣмъ, что онъ спасъ своихъ товарищей отъ опалы ¹⁾.

Василій Курочкинъ, какъ товарищъ, былъ очень странный, какой-то непонятный: то, бывало, отъ души, простодушно хохочетъ отъ какихъ-нибудь пустяковъ, то бродигъ угрюмо, и всегда около стѣнки, ни съ кѣмъ не разговариваетъ, и тогда его уже ничѣмъ не разсмѣшите; что-то болтаетъ и бормочетъ самъ съ собой. На его лицѣ была какая-то иронія, такъ-бы вотъ, кажется, и осмѣялъ всѣхъ и все; онъ какъ будто всѣхъ чуждался, всѣхъ избѣгалъ; но въ сущности это была очень мягкая, дѣтски прямодушная и далеко не заносчивая натура.

По ночамъ онъ кричалъ и обыкновенно призывалъ имя матери, которую любилъ до обожанія; у него проявлялись даже

¹⁾ Это стихотвореніе В. С. Курочкина было тогда-же напечатано въ „Журналѣ военно-учебныхъ заведеній“.

нѣкоторые припадки лунатизма. Нерѣдко онъ вскакивалъ съ постели, подходилъ къ пирамидѣ съ ружьями, вскидывалъ ружье на плечо и маршировалъ по ротѣ. Когда это замѣтили, то товарищи начали наливать воды около его кровати.

Переводить Беранже онъ началъ еще въ стѣнахъ Дворянскаго полка, скрывая объ этомъ отъ всѣхъ; весьма немногимъ читалъ онъ свои произведенія; вообще закадычныхъ друзей, какъ у каждаго изъ насъ, у Василя Курочкина не было.

Въ переводахъ своихъ и переложеніяхъ Беранже и другихъ французскихъ поэтовъ В. Курочкинъ выказалъ впоследствии необыкновенно сильный талантъ. Его, по справедливости, можно назвать русскимъ Беранже.

За нѣсколько дней до кончины Василя Степановича, я его встрѣтилъ; онъ жаловался на нездоровье, но не могло быть и рѣчи о близкой смерти; потомъ уже говорили, что по ошибкѣ доктора, его лечившаго, сдѣлано было ему усиленное подкожное впрыскиваніе морфія, что и вызвало преждевременную смерть.

Миръ-же праху всѣмъ тѣмъ, кого я здѣсь вспомнилъ и кого ужъ нѣтъ въ живыхъ, а живыхъ осталось немного! Миръ праху нашимъ всѣмъ учителямъ и воспитателямъ; если нѣкоторые изъ васъ и были жестоки, то въ этомъ было виновно, конечно, время, а не вы; тѣлесныя наказанія практиковались въ то время и въ частномъ быту, въ „благородныхъ“ семействахъ; пороли, да приговаривали: „ничего, братъ, за двухъ небитыхъ даютъ одного битаго“.

Не могу я обойти признательностью нашихъ бывшихъ воспитателей, ротныхъ командировъ и офицеровъ уже и потому, что не мало труда и вниманія вложили они въ дѣло нашего воспитанія. Оставивъ стѣны заведенія, мы съ удовольствіемъ встрѣчались съ каждымъ изъ нихъ, совершенно забывъ ихъ невольныя и не злонамѣренныя ошибки, такъ какъ мы сдѣлались людьми, благодаря все-таки ихъ попеченію.

А. М. Миклашевскій.

1890 года, марта 14-го дня.

КНЯЗЬ РОМОДАНОВСКІЙ и КНЯЗЬ МЕНШИКОВЪ

1709 г.

1709 годъ, къ которому относится помѣщаемая ниже переписка, застаётъ князя Ѳ. Ю. Ромодановскаго въ то время, когда Меншиковъ и Брюсъ находились въ дѣйствующей арміи — начальствующимъ за послѣдняго въ Приказѣ Артиллеріи, гдѣ онъ и натолкнулся въ своей административной практикѣ на случай, причинившій ему безпокойство.

Но объ этомъ пусть говоритъ онъ самъ ¹⁾.

„Государь мой Яковъ Вилимовичъ, здравствуй! Благодаренъ за твое писаніе и впредь прошу пожалуй забвенно не учини.

„Увѣдомился я, нѣкакой есть Шмага ²⁾, пріѣхаль въ армію и жаловался на меня князю ³⁾, будто я его билъ за зятя его и по доношенію будто иныхъ людей. Прошу у тебя, пожалуй донеси князю истинну (sic) мою, солгалъ онъ на меня, бить онъ не за зятя и ни по чьему доношенію: пришелъ ко мнѣ въ Приказъ не знаю съ какимъ человѣкомъ, тутъ были подъячіе и челобитчики многіе и колодники, сталъ меня лаять скаредною лаю, и капитанъ его взялъ за караулъ, отписалъ ко мнѣ; и я на завтра пріѣхаль въ Приказъ, сталъ его спрашивать какого онъ чину и за что меня лаялъ и онъ сталъ виниться; я его за такую скаредную лаю высѣкъ. А зятя его и его, Шмагу, никогда у меня знакомства съ обѣими не было и не знаю обоихъ, не такъ что будто билъ я его за зятя. И что князь изволить по твоему доношенію сказать, пожалуй, отпиши ко мнѣ, чтобъ я вѣдалъ. Во всемъ надѣяніи моемъ полагаюсь на тебя какъ на себя“.

— „Государь мой милостивый, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, отвѣчалъ Я. В. Брюсъ,—многолѣтно и благополучно здравствуй!

„По письму вашего благородія о Шмагѣ я его свѣтлости господину князю Меншикову доносилъ, и его свѣтлость изволилъ мнѣ сказать, что наплевать на него, что онъ бить, только немилостиво, что знаки уже съ спины не сойдутъ и Его Царское Величество раздѣвалъ и осматривалъ его.

„Засимъ остаюсь вашего благородія должнымъ слугою.

Іаковъ Брюсъ“ ⁴⁾.

Сообщ. Д. П. Струковъ.

¹⁾ Письмо его Брюсу. Архивъ старыхъ дѣлъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго музея. Дѣла шт. ген. фелд. св. 12, л. 451.

²⁾ Вѣроятно, фамилія.

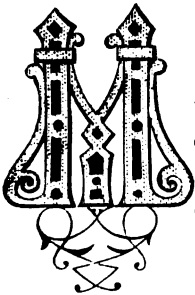
³⁾ Меншикову.

⁴⁾ Ibid.. л. 452.

ВОСПОМИНАНІЯ М. И. ВЕНЮКОВА

1852—1854 гг. ¹⁾

въ Петербургѣ.

нѣ шелъ 21-й годъ, когда я изъ Серпухова, гдѣ стояла наша батарея, вернулся въ Петербургъ, оставленный за два съ небольшимъ года назадъ. Само собою разумѣется, что за эти два года я отвыкъ отъ вида большаго, европейски построеннаго города, и что Петербургъ произвелъ на меня впечатлѣніе самую виѣшностью, особенно газовымъ освѣщеніемъ, котораго тогда не было не только въ Серпуховѣ, но даже въ Москвѣ, гдѣ администрація, отъ оберъ-полицеймейстера до послѣдняго ламповщика, находила, что „масло выгоднѣе“. Я не догадывался тогда, что лѣтъ черезъ пятнадцать, послѣ Парижа и Лондона, Петербургъ мнѣ будетъ казаться городомъ второстепеннымъ, чѣмъ-то въ родѣ Ливерпуля или Глазгова, и что даже великолѣпный видъ на Неву поблекнетъ передъ видами на Босфоръ или Неаполитанскій заливъ. О нравственномъ значеніи для меня „столицы“ я и не говорю: въѣхавъ въ нее, я почувствовалъ, что легче дышу...

Опредѣленіе мое въ репетиторы при томъ-же Дворянскомъ полку, гдѣ я учился, состоялось безъ большихъ хлопотъ, послѣ краткаго и чисто формальнаго экзамена предъ лицомъ какой-то комиссіи. Но Петербургъ не былъ-бы Петербургомъ, если-бы канцелярія его не проволочила дѣла мѣсяца два-три, такъ что формальное опредѣленіе мое на „должность“ репетитора состоялось лишь позднѣе. Эти два-три мѣсяца я почти безвыходно жилъ въ публичной библіотекѣ, и такъ какъ ночлеги-то мнѣ приходилось имѣть на Петербургской сторонѣ, въ Большой Гребецкой улицѣ, то я еже-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., томъ II, стр. 81—104.

дневно совершалъ пѣшеходную прогулку верстъ въ десять. Это, конечно, имѣло свои гигиеническія выгоды, но, очевидно, предполагало, во-первыхъ, существованіе въ Петербургѣ чистаго „воздуха“, а во-вторыхъ, обильное питаніе устававшаго организма; на самомъ-же дѣлѣ ни того, ни другаго не было. О климатическихъ вліяніяхъ я уже не говорю: они извѣстны всякому; но о желудочныхъ стоило-бы сказать два слова, если-бы не было достаточно вспомнить, что все мое содержаніе въ годъ простиралось до 224 рублей, т. е. до 61 копейки въ день. На нихъ надо было нанимать квартиру, одѣваться, отапливаться, освѣщаться и пр., много-ли же могло оставаться на продовольствіе? По счастью, вблизи публичной бібліотеки, внутри Гостиного двора, была пирожная, въ которой за пятиалтынный можно было имѣть днемъ три пирожка; присоединивъ сюда булку съ ветчиной при утреннемъ чаѣ, оказывалось возможнымъ существовать. А когда обнаружилось, что платѣе отъ такой практики стало широкимъ, то я повторялъ себѣ русскую поговорку: „Что-жъ дѣлать! люби кататься (т. е. учиться), люби и саночки возить“.

Должно быть, скудость моихъ средствъ не укрылась отъ вниманія инспектора классовъ Дворянскаго полка, Дм. Мих. Павловскаго, постоянно поступавшаго со мной очень благородно и деликатно. Лѣтомъ 1853 года онъ назначилъ меня на съемку съ кадетами 1-го спеціального класса, тогда какъ мои два товарища-гвардейца, Л. и Д., какъ пользовавшіеся высшимъ окладомъ жалованья, получили въ свое вѣдѣніе 4-й общій классъ, что доставило мнѣ на 40 рублей больше вознагражденія, чѣмъ имѣлъ за съемку каждый изъ нихъ. А сорокъ рублей были тогда для меня немалыми деньгами. Помощникъ Павловскаго, Вл. Ник. Р—нъ, поступилъ почти столь-же любезно: онъ заказалъ мнѣ двѣ небольшія статьи изъ физики (репетиторомъ которой я считался) и заплатилъ за нихъ пятьдесятъ рублей. Но тутъ произошло нѣчто странное. На спросъ мой, какого рода должны быть эти статьи, можно-ли употреблять въ нихъ математическія формулы? и т. п., онъ отвѣчалъ: „Конечно, вѣдь эти статьи будутъ считаться за сочиненія двухъ воспитанниковъ 3-го спеціального класса (тогда только-что учрежденнаго), и чѣмъ онѣ будутъ серьезнѣе, тѣмъ будетъ лучше“. Я улыбнулся слегка на такое своеобразное участіе въ трудахъ воспитанниковъ двухъ чиновниковъ класснаго вѣдомства; но все-таки былъ очень благодаренъ Р—ну, давшему мнѣ возможность хоть нѣсколько поправить мой гардеробъ, сильно расходившійся съ петербургскими требованіями.

Но денежная поддержка со стороны корпуснаго начальства не была самым дорогимъ знакомъ его вниманія. Несравненно важнѣе было ходатайство этого начальства о допущеніи меня вольнослушателемъ въ петербургскій университетъ. Мысль эта была общею у меня съ Д—мъ и Л—мъ, и мы всё трое попросили Д. М. Павловскаго помочь намъ въ ея осуществленіи. Человѣкъ самаго скромнаго образованія, онъ, однако, съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ нашему желанію, и черезъ директора Воронца, начальника штаба военно-учебныхъ заведеній Ростовцева, и главнаго начальника ихъ, Вел. кн. Цесаревича Александра Николаевича, выхлопоталъ намъ согласіе министерства народнаго просвѣщенія.

Я не помню бѣльшей радости за все время моей петербургской жизни, какъ та, которую я ощущалъ при объявленіи мнѣ Павловскимъ, что университетъ намъ открытъ. Тотчасъ началось мною посѣщеніе лекцій, и какъ физика и естественныя науки не могли однѣ занять собою всё тридцать часовъ въ недѣлю (ежедневно отъ 10-ти до 3-хъ), которые я проводилъ въ университетѣ, то весь избытокъ времени мною посвящался слушанію лекцій у нѣкоторыхъ профессоровъ юридическаго и историко-филологическаго факультетовъ. А какъ подобныя лекціи составляли роскошь, десертъ въ официальномъ мени моего духовнаго питанія, то, разумѣется, я посѣщалъ лишь тѣхъ профессоровъ, которые пользовались у студентовъ репутаціею хорошихъ преподавателей, или науки которыхъ были для меня особенно интересны. Такимъ образомъ я прослушалъ курсы: международнаго права—Ивановскаго, энциклопедіи законовѣднія—Калмыкова, исторіи русской литературы—А. В. Никитенко, исторіи времени возрожденія—М. С. Куторги, и проч. А изъ своихъ профессоровъ-натуралистовъ я не ходилъ только къ „травовѣду“ или „онтологу“ Шиховскому, но это лишь потому, что къ нему никто не ходилъ, такъ что онъ даже не всегда имѣлъ утѣшеніе говорить себѣ и слушателямъ свое любимое изреченіе: „насъ трое, слѣдовательно, коллегія есть“. Усердіе мое въ посѣщеніи аудиторій было такъ велико, что инспекторъ А. И. Фицтумъ увѣрялъ, будто ставитъ насъ, меня и Д***, въ примѣръ студентамъ. Я скоро втянулся въ университетскую жизнь, въ теоретическіе вопросы, которыми она волновалась, въ задачи, которыя себѣ ставила молодежь и которыя мнѣ были родными задачами. Не могу поэтому удержаться, чтобы не вспомнить обо всемъ этомъ нѣкоторыхъ подробностей и, разумѣется, прежде всего о двигателяхъ университетскаго просвѣщенія, его руководителяхъ, покровителяхъ и лицахъ, къ нему не расположенныхъ.

Первымъ изъ нихъ, по чину и мѣсту, былъ, конечно, министръ,

Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, благочестивый бородинскій инвалидъ и авторъ „Путешествія въ Іерусалимъ“ или чего-то подобнаго. Но за все время посѣщенія мною университета, я видѣлъ его лишь два раза: однажды во время курса, когда онъ посѣтилъ лекцію Куторги-историка, а въ другой разъ на годовомъ собраніи академіи наукъ, которое происходило въ университетскомъ актовомъ залѣ. Въ обоихъ случаяхъ самую видную его стороною было ковыляніе на деревяшкѣ, которая замѣняла ему одну изъ ногъ. Говорилъ онъ мало, повидимому, стѣсняемый высокостью своего сана, но говорилъ симпатично, по крайней мѣрѣ, не бранясь, какъ это было въ обычаѣ у многихъ сановниковъ того времени, ради внушенія страха. Студенты его не трепетали, даже, пожалуй, любили; но основное ихъ мнѣніе было, что онъ—ни рыба, ни мясо, не довольно ученъ и дѣйствуетъ съ чужаго голоса.

Рѣдкое присутствіе Норова въ стѣнахъ университета возмѣщалось и, съ точки зрѣнія начальственныхъ разгромленій, съ избыткомъ вознаграждалось пріѣздами или, пожалуй, наѣздами „баскака“ Мусина-Пушкина, бывшаго попечителемъ университета и округа. Этотъ кураторъ, или, точнѣе, обскураторъ, хорошо извѣстенъ теперь образованному русскому міру по своей дѣятельности на мѣстахъ попечителя въ Казани и Петербургѣ, особенно-же въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ; но объ отношеніи его къ университетскому обществу, т. е. къ профессорамъ и студентамъ, обстоятельныхъ данныхъ мнѣ мало встрѣчалось въ печати. А между тѣмъ оно было своеобразно, такъ что даже меня, воспитанника военно-учебнаго заведенія и строеваго офицера, приводило въ негодованіе. Какъ теперь вижу эту надутую фигуру, съ большими нахмуренными бровями и длиннымъ костылемъ въ рукахъ, который, для пущей важности, не выпускалъ онъ изъ десницы даже на лекціяхъ. Этотъ неотесанный, а вмѣстѣ и намѣренно-грубый и наглый гаситель просвѣщенія считалъ необходимымъ въ каждый пріѣздъ въ университетъ кого-нибудь обругать, кого-либо упечь подъ арестъ за неформенную одежду, длинные волосы или непочтительный поклонъ. Онъ не стѣснялся дѣлать замѣчанія и профессорамъ, иногда при концѣ лекціи, но еще въ присутствіи студентовъ, иногда даже во время самаго чтенія. Оттого профессора столько-же его ненавидѣли, сколько и мы, слушатели. Наиболѣе храбрые изъ нихъ старались выживать его изъ своихъ аудиторій разными способами, иногда довольно забавными. Профессоръ химіи, А. А. Воскресенскій, бывший потомъ самъ попечителемъ въ Харьковѣ, устроилъ, на примѣръ, слѣдующую штуку тотчасъ послѣ того, какъ Мусинъ-Пушкинъ сдѣлалъ

ему замѣчаніе, что „у васъ въ лабораторіи студентъ Савичъ работаетъ безъ форменнаго сюртука, въ пиджакѣ“. Профессоръ наполнилъ аудиторію селенистымъ водородомъ, настолько вонючимъ, что свирѣпый кураторъ не выдержалъ и немедленно вышелъ, послѣ чего Воскресенскій, ухмыляясь, попросилъ студентовъ отворить форточки, прибавивъ, что, вѣроятно, они не посѣтуютъ на вторгнувшійся, такимъ образомъ, „свѣжій воздухъ“ (въ—20° R.). И студенты со смѣхомъ отвѣчали, что „конечно, нѣтъ, что атмосферу нужно очищать отъ присутствія вредныхъ тѣлъ“. Цензурные подвиги Мусина-Пушкина тоже были извѣстны въ университетѣ и, конечно, усиливали общую злобу къ нему. Даже престарѣлый швейцаръ, Савельичъ, настоящій типъ честнаго гренадера, относился къ савновому куратору съ нѣкоторымъ негодованіемъ, нисколько его не скрывая отъ студентовъ и называя нѣкоторыя распоряженія „генерала“ начальственной „блажью“, иногда даже „дурью“. А нравственный авторитетъ Савельича въ университетѣ былъ очень великъ ¹⁾, я думаю, не меньше, чѣмъ ***, о которомъ только говорили, что онъ былъ другомъ Пушкина и Жуковскаго, а подъ старость совсѣмъ обезличился.

Послѣ Мусина-Пушкина, величины отрицательной въ нравственномъ смыслѣ, Савельича — положительной и *** — нейтральной и, повидимому, небольшой, наиболѣе замѣтнымъ лицомъ въ университетѣ былъ Фицтумъ, инспекторъ, и до того педагогъ по существу и формѣ, что я по немъ выучился различать эту зоологическую разновидность рода *Homo sapiens* L., столь многочисленную напр. въ Швейцаріи и Германіи. Онъ чуть не спалъ во фракѣ съ бронзовыми пуговицами и съ Анной на шеѣ, которые ему были нужны для внушенія респекта со стороны студентовъ. Впрочемъ-кажется, его уважали и независимо отъ внѣшнихъ отличій, а музыканты даже любили, потому что онъ самъ былъ скрипачъ или пѣянистъ и собиралъ ихъ иногда для концертовъ. У меня отъ Фицтума остались въ памяти, главнымъ образомъ, два обстоятельства во-первыхъ, необычно высокіе буфы, „грибы“, на плечахъ его фрака, почти непосредственно прилегавшіе къ его ушамъ, то же не маленькимъ, а во-вторыхъ, умѣнье его сажать студентовъ подъ арестъ безъ шума, такъ что арестуемый самъ, повидимому, согла-

¹⁾ Когда старикъ умеръ, ему посвящена была въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ цѣлая статья, гдѣ именно выставлялось его нравственное вліяніе на студентовъ; портретъ Савельича былъ изданъ студентами въ очень хорошо исполненной литографіи.

шался, что его слѣдовало сутокъ на двое запереть въ пустую аудиторію. Чаще всего тюрьмою служила аудиторія № 2, гдѣ помѣщался минералогическій кабинетъ, и я не думаю, чтобы заключенные тамъ студенты очень скучали. По крайней мѣрѣ, иные увѣряли, что когда въ ту-же аудиторію приходилъ профессоръ минералогіи Гофманъ, то въ ней становилось гораздо скучнѣе. Многіе засыпали у него на лекціяхъ, не смотря на то, что смѣшная русско-нѣмецкая рѣчь его увеселяла иногда остальныхъ.

Между профессорами петербургскаго университета 1850-хъ годовъ было, однако, не мало людей достойныхъ и по научнымъ ихъ познаніямъ, и по умѣнью ихъ излагать. Назову, во-первыхъ, на физико-математическомъ факультетѣ, обстоятельнаго, отшлифовывавшаго лекціи высшей математики и очень въ ней свѣдущаго, В. Я. Буняковского, высоко-даровитаго П. Л. Чебышева, нѣсколько соннаго и разсѣяннаго О. И. Сомова, старательныхъ Ленца и А. Н. Савича. Къ нимъ примыкали: даровитый преподаватель, хотя въ наукѣ нѣсколько фантазеръ, зоологъ С. С. Куторга, бурсаковидный и облѣнившійся, но когда-то знающій химикъ А. А. Воскресенскій, химико-технологъ Ильенковъ и нѣкоторые другіе. Деканомъ факультета числился Ленць, физикъ, конечно, невеликій, но кое-что сдѣлавшій на пользу теоріи гальванизма, а главное, какъ преподаватель, человекъ вполне добросовѣстный. Я у него слушалъ, сверхъ земной физики, теорію свѣта, обставленную множествомъ математическихъ выкладокъ. Чтобы не сбиться въ нихъ, онъ заранѣе приготовлялъ всю лекцію на бумагѣ и потомъ заглядывалъ въ тетрадку для поправки своего изложенія, всегда яснаго и серьезнаго. Однажды, когда рѣчь шла о теоріи двойнаго преломленія, онъ открыто сказалъ, покраснѣвъ до ушей: „строгое доказательство этой теоремы, господа, мнѣ не по головѣ, и тѣ изъ васъ, которые пожелаютъ узнать его, могутъ обратиться къ сочиненію Коши“. Эта откровенность дѣлала ему большую честь и нисколько не уменьшала уваженія студентовъ, хотя они и не чувствовали къ нему любви. Аудиторія его посѣщалась аккуратно, отъ начала до конца года, чего нельзя было сказать про многихъ другихъ профессоровъ.

Ст. Сем. Куторга былъ свѣтиломъ естество - историческаго факультета по многосторонности знаній (впрочемъ, нѣсколько поверхностныхъ), а главное, по блестящему преподавательскому таланту. Онъ, небольшой и худощавый, походилъ въ этомъ отношеніи на массивнаго Карла Фохта, съ которымъ имѣлъ общимъ и ѣдкій, скептическій складъ ума и рѣчи, но отъ котораго отличался поклоненіемъ Кювье, а не Ламарку и, слѣдовательно,

Дарвину. Слушателей у него всегда была пропасть, и онъ оправдывалъ это отличіе нагляднымъ и вмѣстѣ философскимъ изложеніемъ такихъ сухихъ предметовъ, какъ описательная зоологія и сравнительная анатомія. „Благодарю васъ, господинъ профессоръ, за доставленное удовольствіе васъ послушать: ваше изложеніе такъ вразумительно, что сразу открываетъ смыслъ въ животномъ царствѣ“, сказалъ ему съ наивною нашъ корпусный директоръ Воронежъ, пріѣзжавшій какъ-то въ университетъ, чтобы посмотрѣть не бьемъ-ли мы, его репетиторы, тамъ баклушъ, и заставшій меня на лекціи у Куторги. „Я всегда стараюсь, ваше превосходительство, сдѣлать такъ, чтобы звѣри сами у меня говорили о степени своего развитія, а слѣдовательно и о мѣстѣ, которое имъ подобаеъ между другими животными“, отвѣчалъ съ ехидной, но почтительной улыбкой Степанъ Семеновичъ. И Воронежъ послѣ этого нашелъ, что мы дѣйствительно занимаемся въ университетѣ дѣломъ полезнымъ и для ума наставительнымъ. Спасибо ему.

Изъ преподавателей наукъ „неточныхъ“, по словамъ одного бывшего студента-математика, даже „пустословныхъ“, а по болѣе умѣренному выраженію графа Л. Н. Толстаго, „полу-наукъ“, занимающихся не изученіемъ явленій природы и вытекающихъ изъ него вѣчныхъ, непреложныхъ законовъ, а разными схоластическими теоріями, которыя измѣняются чуть ни съ каждымъ новымъ поколѣніемъ и даже мѣстомъ,—помню профессоровъ М. Куторгу, Устрялова, Ивановскаго, Калмыкова, Никитенку, Сухомлинова, Казембека, носившаго, не смотря на чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, турецко-пасторскій казакинъ и большую бороду, да какихъ-то арабскихъ шейховъ, являвшихся не только съ отпущенными бородами, но въ чалмахъ и халатахъ. Послѣднее свидѣтельствовало, что въ Россіи, не смотря на массу инородцевъ, трудно было найти ученыхъ оріенталистовъ, принявшихъ европейскія формы; и въ самомъ дѣлѣ у халатниковъ было мало слушателей, отъ чего, я думаю, и зависѣло то обстоятельство, что на всемъ востокѣ, въ посольствахъ и консульствахъ нашихъ, долго жаловались на недостатокъ хорошихъ драгомановъ изъ русскихъ, хотя министерство иностранныхъ дѣлъ, сверхъ петербургскаго восточнаго факультета, имѣло еще свой институтъ.

Самая дѣльная изъ „пустословныхъ“ наукъ есть, конечно, исторія, особенно когда она излагается безъ искаженія и скрадыванія фактовъ и съ пониманіемъ общихъ законовъ чело-вѣческаго развитія: ее довольно толково читалъ М. Куторга, ученикъ Ранке, Савиньи, Раумера и проч. Къ сожалѣнію, ему

недоставало голоса, чтобы быть слышиму во всей аудиторіи, да и взгляды его на событія не отличались той шириной и гуманностью, какъ напр. взгляды Грановскаго, въ Москвѣ. При томъ-же, я думаю, читая „философски“ политическую исторію Европы черезъ пять лѣтъ послѣ революціи 1848 года, да еще въ Петербургѣ, Куторга долженъ былъ излагать событія съ оглядкой, не слишкомъ, на примѣръ, хвалить вѣкъ президента афинской республики Перикла, и порицать вѣкъ французскаго короля-солнца, Людовика XIV, или не очень увлекаться образами Лютера, Меланхтона, Эразма, Ульриха Гуттена, Рейхлина и т. п., которые вѣдь все-таки были ересіархи и даже, пожалуй, бунтовщики, хоть и начинатели великаго дѣла... Во всякомъ случаѣ аудиторія Мих. Сем. Куторги была всегда многолюдна, хоть и не такъ, какъ его „зоологическаго“ брата. Вотъ у Устрялова другое дѣло. Хотя онъ „излагалъ“ самый симпатичный для русскаго предметъ, отечественную исторію, но изложеніе его называлось не симпатичнымъ, а казеннымъ, да въ придачу и скучнымъ: студенты посѣщали его почти исключительно по обязанности, чтобы не попасть на замѣчаніе. Казеннымъ преподавателемъ былъ и профессоръ энциклопедіи законовѣдѣнія, Калмыковъ, зычнымъ, но лѣнивымъ и монотоннымъ голосомъ пережевывавшій свой предметъ. Но предметъ-то этотъ былъ такъ интересенъ, что, не смотря на неудовлетворительное изложеніе ¹⁾, слушателей у Калмыкова всегда было довольно. Дѣло въ томъ, что въ сущности онъ читалъ исторію философіи, которая подъ настоящимъ своимъ именемъ была изгнана изъ университетовъ. Въ Москвѣ 1830—1840-хъ годовъ ее преподавалъ профессоръ сельскаго хозяйства Павловъ, въ Петербургѣ 1850-хъ гг.—юристъ Калмыковъ, а въ Харьковѣ, говорятъ, даже одинъ частный приставъ. Въ помощь Калмыкову, по теоретическимъ вопросамъ о духѣ и умѣ, служилъ нѣкто Райковскій, изъ семинаристовъ, который читалъ для студентовъ всѣхъ курсовъ психологію и логику... понятно, какія. Студенты надъ нимъ смѣялись, особенно когда замѣтили, что онъ лекціи свои именно читаетъ по литографированнымъ запискамъ, и притомъ такъ, что когда у него стащили, для шутки, одинъ-два листа, то онъ будто-бы этого не замѣтилъ и пропустилъ ихъ въ изложеніи. Я его не слушалъ, ограничиваясь въ нужныхъ случаяхъ у Калмыкова воспоминаніями о корпусныхъ психологіи и логикѣ, читанныхъ каретнымъ гайдукомъ, Кириллой Смирновымъ,

¹⁾ Благодаря „Энциклопедіи законовѣдѣнія“ Неволіна, которую читалъ не разъ прежде, я лично отъ Калмыкова узналъ очень немного новаго, но укрѣпился въ знаніи прежняго.

тоже изъ семинаристовъ. Но зайдя разъ въ 5-ю аудиторію, гдѣ обыкновенно Райковскій „преподавалъ“, и, просидѣвъ слишкомъ часъ, пожалѣлъ молодежь, которую почти загоняли въ эту аудиторію.

Загоняли, впрочемъ, не къ однимъ Райковскому и Устрялову, а отчасти и къ Горлову, профессору политической экономіи и статистики, декану своего факультета и фавориту попечителя, Мусина-Пушкина. Это можетъ показаться удивительнымъ, потому что обѣ данныя науки имѣли особую прелесть въ Европѣ 1840—1850-хъ годовъ; но причина понятна: Горловъ даже между послѣдователями смитовской школы былъ однимъ изъ самыхъ бездарныхъ. А тутъ проникали къ студентамъ книги Пьера Леру, Виктора Консидерана, Луи Блана, Сень-Симона, Фурье, даже Прудона, которыя хотя и были безусловно запрещены, но находили читателей. Строгая рецензія на „Статистику Россіи“ Горлова, напечатанная въ изданіяхъ русскаго географическаго общества, окончательно подорвала авторитетъ этого профессора, и его посѣщали, повторяю, почти изъ одной боязни получить дурной баллъ на экзаменѣ. Я ходилъ къ нему черезъ лекцію, потому что надобно было наполнить чѣмъ-нибудь пустые часы между двумя естество-историческими уроками: не ходить же было домой? Читенія были размѣренныя и діалектически недурныя, но казенщина сквозила къ каждомъ ихъ словѣ, въ противоположность лекціямъ А. В. Никитенки, гдѣ хоть и было не мало лишнихъ фразъ, но слышалась задушевность. Правда, предметъ-то Никитенки, исторія русской литературы, былъ ближе къ сердцу, да и въ немъ самомъ студенты читали бывшаго крестьянина, вышедшаго въ люди собственными усиліями. Никитенку я тоже, какъ и Горлова, посѣщалъ черезъ лекцію, такъ какъ другая его еженедѣльная лекція совпадала съ одной изъ естество-историческихъ, которыми я не манкировалъ; но большой бѣды въ этомъ не было: вслѣдствіе растянутаго изложенія, третья, пятая, седьмая лекціи были почти прямымъ продолженіемъ одна другой, минуя вторую, четвертую и шестую. Никитенко въ своемъ недавно обнародованномъ „Дневникѣ“ говоритъ съ удовольствіемъ о „нравственной связи“, существовавшей между нимъ и слушателями. Я готовъ согласиться, что эта связь — самая дорогая награда профессору за его труды — была, но лишь въ небольшомъ кругу слушателей — челоуѣкъ 18—20, и притомъ въ степени „сердечной теплоты“, но не „горячаго увлеченія“: для возбужденія послѣдняго надо было имѣть побольше внутренняго огня и энергіи самому Александру Васильевичу.

Я записалъ здѣсь то, что пришло на память о преподавателяхъ петербургскаго университета 1852—1854 годовъ; ну, а о самомъ пре-

подаваніи что скажу? Разумѣю притомъ не болѣе или менѣе изящную фразеологию профессоровъ, а передачу ими молодому поколѣнію умѣнья научно трудиться, любить науку для науки, а не для карьеры, и чувствовать себя въ ея средѣ дома. Увы! мнѣ стыдно сравнивать въ этомъ отношеніи университетъ столицы огромнаго государства съ университетами нѣкоторыхъ маленькихъ городовъ западной Европы, наприм. Женевскимъ, который я хорошо узналъ въ 1870-хъ годахъ. О практическихъ работахъ студентовъ почти не было рѣчи, а между тѣмъ онѣ однѣ обеспечиваютъ серьезное знаніе дѣла. Минералогъ Гофманъ, напримѣръ, показывалъ на лекціяхъ образчики минераловъ и горныхъ породъ; но затѣмъ они запирались въ шкафъ, и никогда ни одинъ студентъ, даже желавшій, не былъ допущенъ къ самостоятельному опредѣленію ихъ по признакамъ, изложеннымъ въ книгѣ. Профессоръ видимо думалъ, что это лишнее и что, притомъ, кристаллы и камни — казенная собственность, которая могла-бы и распродать, если-бы вручать ее студентамъ для наблюдений. Въ зоологическомъ кабинетѣ, гербаріи — то-же самое, такъ что оставалось изучать животныхъ и растенія по рисункамъ, которые притомъ доставать было тоже не легко, потому что въ учебникахъ обыкновенно ихъ помѣщается мало. Да и что за изученіе природы по однимъ рисункамъ и книгамъ? Вотъ посмотрите въ Женевѣ лабораторію Фоля: у него прежде и послѣ лекціи всегда сидитъ за микроскопами кучка молодыхъ людей, работающихъ самостоятельно надъ избранными ими самими предметами, подъ дѣятельнымъ руководствомъ опытнаго препаратора или даже самого профессора. А началась лекція, тѣ-же микроскопы, съ готовыми аппаратами, переходятъ въ аудиторію и показываются всѣмъ слушателямъ съ предметами, относящимися къ содержанию чтенія. Отъ того эмбриологіи, нынѣ самая интересная изъ естественныхъ наукъ, усваивается слушателями легко и безповоротно. Посмотрите Лукаса Дютерса въ Парижѣ: зоологъ онъ не великій, не Кювье, не Ламаркъ, а ученики его — будущіе самостоятельные ученые, какихъ не найдешь во многихъ другихъ странахъ на профессорскихъ кафедрахъ. Въ зоологической лабораторіи они изучаютъ не только скелеты, раковины и чучелы, но живыхъ животныхъ, привозимыхъ изъ зоологическихъ станцій въ Роскофъ и Баньюльсъ, по заказу профессора. А лѣтомъ, т. е. въ каникулярное время въ Сорбоннѣ, тѣ-же молодые люди нерѣдко переселяются въ самые Роскофъ и Баньюльсъ и тутъ находятъ не только всѣ необходимые инструменты и препараты, но отдѣльный для каждаго столь со всѣмъ необходимымъ, и даже помѣщеніе для жительства. Или

вотъ въ Женевѣ химическая лабораторія Грёба: тамъ во всякое время дня можно найти нѣсколько химиковъ, молодыхъ и старыхъ, погруженныхъ въ свою „стряпню“, и не только въ пиджакахъ, а даже въ однихъ жилетахъ, съ засученными рукавами рубашки... за что, конечно, у Мусина-Пушкина они не только сидѣли-бы подъ арестомъ, но и были-бы выгнаны изъ университета. Я у Грёба встрѣчалъ нашего химика Д—го, человѣка однихъ лѣтъ съ самимъ Грёбомъ, даже, быть можетъ, постарше его, и уже извѣстнаго своими изслѣдованіями объ азотистыхъ веществахъ: онъ работалъ какъ ученикъ, но самостоятельно, по собственному почину. Профессоръ только помогалъ ему совѣтами, когда тѣ требовались. Или возьмемъ палеонтолога Годри, въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Онъ палеонтологію читаетъ три семестра, стало быть, очень пространно. Двѣ лекціи въ недѣлю идутъ на теоретическое изложеніе предмета, съ черченіемъ ископаемыхъ на доскѣ и показываніемъ ихъ съ кафедръ. Но этого мало: третья лекція производится въ музеѣ, передъ толпою безъ мѣстъ, т. е. имѣющею возможность ходить и видѣть предметы вблизи, наблюдать въ лупу, переворачивать во всѣ стороны, спрашивать при этомъ поясненій, даже высказывать свои мнѣнія, не всегда тождественныя съ профессорскими: какъ-же тутъ не быть между слушателями нѣсколькимъ самостоятельнымъ дѣятелямъ науки, будущимъ, а то даже и настоящимъ? Ничего подобнаго въ петербургскомъ университетѣ 1850-хъ годовъ не было. А когда студенты и допускались въ лабораторіи и кабинеты, то должны были прежде всего быть въ скруткахъ съ застегнутыми бортами и воротниками, а не въ пиджакахъ... Остальное было дѣломъ второстепеннымъ.

Ну, а что-жъ студенты? каковы были: ихъ умственное, нравственное и эстетическое развитіе? ихъ вкусы и идеалы? ихъ взаимныя отношенія? Трудно мнѣ на это отвѣчать, потому что я вѣдъ былъ вольнослушатель, да еще офицеръ, сближеніе котораго съ собственно студентскими кружками было нелегко. Однако, кое-что сохранилось въ памяти. И, во-первыхъ, замѣчу, что у многихъ интересъ къ наукѣ былъ серьезень, такъ что они не только не манкировали лекціями, но и занимались въ библіотекахъ, университетской и даже публичной, писали сочиненія на профессорскія и собственныя темы и, главное, усердно дебатировали спорные вопросы по разнымъ отраслямъ знанія. „Студентскіе споры“ замѣняютъ, какъ извѣстно, у современной молодежи олимпійскія игры и перипатетическія бесѣды молодежи античной. Это—діалектическія битвы, тѣмъ болѣе симпатичныя, чѣмъ остроумнѣе ведутся онѣ и

чѣмъ оживленнѣе участіе въ нихъ сражающихся и даже только присутствующихъ. Кто не принималъ въ нихъ участія и не упивался на нихъ своими побѣдами, въ возрастѣ отъ 17 до 22 лѣтъ, тотъ не знакомъ съ однимъ изъ высшихъ наслажденій юности, и даже вообще человѣческой жизни. Я готовъ назвать такого индивидуума умственнымъ недорослемъ, даже уродомъ, какъ уродомъ нравственнымъ, того, кто никогда не любилъ дѣвушку, хотя-бы только платонически, и уродомъ эстетическимъ того, кто не трепеталъ отъ восторга при чтеніи оды Баратынскаго „На смерть Гёте“, или не таялъ отъ наслажденія при хорошемъ исполненіи увертюры къ „Вильгельму Теллю“, Россини, или при видѣ изящно танцующей, подъ звуки Шопена, мазурки. Студентскіе споры всегда вертятся около самыхъ важныхъ, самыхъ коренныхъ вопросовъ знанія, гдѣ широкое поле догадкамъ, гипотезамъ и діалектической изворотливости. Они обыкновенно кончаются ничѣмъ, т. е. никакимъ ясно, безспорно установленнымъ, результатомъ; но въ процессѣ спора, въ пріисканіи и изложеніи доводовъ, въ сознаніи умственной побѣды или даже только находчивости — столько прелести, что не увлекаться ими нельзя, развѣ ужъ если юноша рожденъ или выдѣланъ совершеннымъ тупицею. О пользѣ споровъ для прочнаго усвоенія научныхъ фактовъ я ужъ не говорю: это ясно само собою, потому что вѣдь дружескія студентскія препирательства всегда опираются на эти факты, которые и нужно при спорѣ освѣжать въ памяти, чтобы употреблять въ дѣло. У меня въ „Воспоминаніяхъ“ записанъ, для образца, одинъ изъ такихъ споровъ, бывший въ 1853 году, я и теперь перечитываю его съ наслажденіемъ, какъ превосходное произведеніе діалектики: въ родѣ Платоновыхъ „Разговоровъ“, но, по нѣкоторымъ причинамъ, пусть онъ останется подъ спудомъ до XX-го вѣка... Замѣчу только, что споръ шелъ между естественникомъ и правовѣдомъ; послѣдній отстаивалъ безусловность основъ этики, а первый ставилъ ему вопросъ: „какъ-бы, по какому критериуму, различалъ добро отъ зла Робинзонъ на островѣ, если-бы онъ цѣлую жизнь провелъ тамъ одинъ, безъ спутника—Пятницы?“

Я нерѣдко принималъ участіе въ этихъ спорахъ, и пріобрѣлъ на нихъ нѣкоторую діалектическую ловкость, которую и примѣнялъ иногда въ бесѣдахъ съ своими непосредственными товарищами, военными. Благодаря, главнымъ образомъ, имъ, а также и общей гуманности университетскаго образованія, выработалъ я и свои личные идеалы практическаго счастья. Все, что отзывалось командованіемъ надъ другими, безъ нравственнаго надъ ними превосходства, или обогащеніемъ на счетъ другихъ, хотя-бы самымъ „юри-

дически "безукоризненнымъ способомъ, стало окончательно противнымъ моею натурѣ и почти не приходило мнѣ въ голову, а если и приходило, то лишь чтобы вызвать чувство негодованія. Я твердо убѣдился, что не созданъ ни для строительныхъ училищъ, ни для коммерческихъ академій и открываемыхъ ими карьеръ. Противна мнѣ стала роль начальниковъ, военныхъ и статскихъ, вѣчно обязанныхъ быть важно-надутыми, строгими, даже когда судьба надѣлила добрымъ, впечатлительнымъ сердцемъ. Мой личный идеалъ, до такой степени мнѣ дорогой, что я скрывалъ его отъ всѣхъ въ самой глубинѣ души, было званіе академика и профессора. И симпатично мнѣ по роду занятій, и производительно въ самомъ широкомъ, общечеловѣческомъ смыслѣ, и почетно. Да и никому на этой дорогѣ не сдѣлаешь зла. Любопытно, однако, что мечтая объ академическомъ креслѣ, я какъ-то все оставлялъ на себѣ военный мундиръ... изъ своего рода шика, тщеславія. Я зналъ изъ исторіи Наполеона, что онъ ничѣмъ не былъ такъ польщенъ, какъ избраніемъ,—послѣ цѣлаго ряда военныхъ побѣдъ,—въ члены французскаго института; читая романъ „Walverwandschaft“, я видѣлъ, что самъ Гёте признавалъ „образованнаго воина“ чуть ни за вѣнецъ созданія. Немногіе, я увѣренъ, въ зрѣломъ возрастѣ признаются, даже передъ самими собою, въ подобномъ „ребячествѣ“; но думаю, что сходныя мечты тревожатъ не одинъ молодой мозгъ. Мнѣ думалось такъ: вотъ, черезъ полтора года я учитель физики, общей и земной, потомъ изслѣдователь, путешественникъ, открыватель и, лѣтъ черезъ двѣнадцать-пятнадцать, академикъ. Мое имя стоитъ на одной изъ книгъ въ родѣ Гумбольдтовыхъ „Asie Centrale“ или „Relation historique du voyage en Amérique“, меня знаетъ вся Европа, весь свѣтъ. И самый надменный генералъ или министръ ведетъ себя въ моемъ присутствіи скромно, сознавая мое превосходство... Бѣдныя мечты юности! имъ недолго пришлось оставаться нетронутыми, и даже очень скоро онѣ разлетѣлись въ прахъ. Однимъ изъ поводовъ къ такой внутренней перемѣнѣ былъ ничтожный случай въ концѣ 1853 года.

Въ газетахъ было объявлено, что 29-го декабря будетъ происходить годовое публичное засѣданіе академіи наукъ. Время было праздничное, занятій ни въ университетѣ, ни въ корпусѣ нѣтъ, и мы пустились вдвоемъ, я и Д***, на ученое торжество. На лицо былъ весь сонмъ академиковъ, съ шитыми золотомъ воротниками и въ креслахъ, разставленныхъ на возвышеніи, точно для выставки, на-показъ. Въ первомъ ряду стульевъ для публики сидѣлъ министръ народнаго просвѣщенія, Норовъ, и нѣсколько

другихъ высшихъ чиновниковъ того-же вѣдомства; затѣмъ огромная актовая университетская зала, уставленная стульями, была совершенно пуста. Собственно публику, т. е. постороннихъ, неприглашенныхъ письмами лицъ, составляли трое: я, Д*** и Воскресенскій, университетскій профессоръ. Это заставило сжаться мое сердце; отъ разочарованія или стыда, я уже теперь не могу сказать. Мнѣ, стало жутко, какъ-то не по себѣ. Но вотъ началось засѣданіе, читались обычные отчеты о дѣятельности отдѣленій, о трудахъ академиковъ. Такъ какъ время было военное, то докладчикъ втораго отдѣленія, т. е. бывшей россійской академіи, прочелъ небольшое патріотическое стихотвореніе академика князя Вяземскаго. Министръ и его титулованные сосѣди, пріятели автора и патріоты ex-officio, конечно, проаплодировали, а Норовъ даже попросилъ повторить пьеску, небольшую и довольно посредственную. Это мнѣ показалось ниже достоинства академіи; а что и того хуже, я замѣтилъ, что рукоплесканія пробудили нѣкоторыхъ академиковъ отъ сна. Вотъ тебѣ и любовь, уваженіе къ наукѣ, вниманіе къ ея успѣхамъ! Но всего своеобразнѣе былъ отчетъ объ этомъ засѣданіи, появившійся на завтра въ газетахъ. Въ немъ говорилось, что „стихотвореніе знаменитаго академика-поэта возбудило общій восторгъ, что небывалая дотолѣ по своей многочисленности публика громко и долго рукоплескала и требовала повторенія стиховъ“. Публика, да еще небывалая дотолѣ по своей многочисленности! Это было ложью, вполне недостойною академіи, и мы съ Д—мъ не мало надъ нею смѣялись. Прибавивъ къ этому обстоятельству все дѣйствительно видѣнное и слышанное, не исключая и пробужденія отъ сна академиковъ, я почувствовалъ, что у меня что-то повернулось внутри. Давно сказано французами: „Ce qui devient ridicule est déconsidéré et perdu“; мой внутренній голосъ отчасти покорился силѣ этого психологическаго закона.

Другой случай, тоже изъ жизни людей науки, хотя и не академиковъ, произвелъ на меня еще болѣе разочаровывавшее впечатлѣніе и понизилъ въ моихъ глазахъ сословіе „ученыхъ“, да еще въ придачу именно тѣхъ, къ разряду которыхъ я собирался причислиться въ скоромъ времени. Было время перемены между классными уроками въ корпусѣ. По заведенному изстари обычаю, эту перемену возвѣщаль горнистъ отбоемъ; черезъ пять минутъ онъ-же, новымъ сигналомъ на рожкѣ, возвѣщаль начало новыхъ уроковъ, и тогда преподаватели расходились изъ общей учительской комнаты по классамъ. Замѣчу, что между этими преподавателями были полковники, статскіе совѣтники, профессора университета. Случилось

какъ-то, что второй сигналъ горниста оставленъ былъ большинствомъ ихъ безъ вниманія. Тогда инспекторъ Павловскій послалъ сказать горнисту, чтобы игралъ вторично, а вслѣдъ затѣмъ раскричался на него самымъ полковничьимъ голосомъ:

— „Какъ ты смѣешь, болванъ, играть во второй разъ? Развѣ господа преподаватели не знаютъ, что имъ подается всего одинъ сигналъ, по которому они обязаны быть на своихъ мѣстахъ? Я вотъ велю тебѣ всыпать пятьдесятъ розогъ, такъ ты у меня затрубишь лишній разъ!“

И преподаватели, расходясь кучками по класснымъ корридорамъ, въ полслуха говорили: „Это вѣдь онъ въ нашъ огородъ кидаетъ камни!“, и ни одинъ не дерзнулъ замѣтить расходившемуся инспектору, что самъ-же онъ приказывалъ черезъ кантониста трубить вторично и что вся эта продѣлка недостойна сословія воспитателей!

Но это еще не все. Въ Дворянскомъ полку былъ старый преподаватель фортификаціи, инженеръ-полковникъ А. И. Шмитъ. Разъ, недовольный отвѣтомъ или невниманіемъ къ уроку одного воспитанника, и даже ефрейтора, 1-го спеціальнаго класса, онъ поставилъ его къ двери. Проходитъ Павловскій по корридору, видитъ наказаннаго и молча входитъ въ классъ. Ш., человѣкъ добрый, зная, что выставленному имъ къ двери ученику можетъ крѣпко достаться отъ строгаго инспектора, начинаетъ объяснять послѣднему причину выставки, прибавляя, что ему очень жаль, ибо воспитанникъ хороший и т. п. Тогда Павловскій, молча пожавъ плечами, какъ-бы въ знакъ удивленія, что съ хорошимъ воспитанникомъ одного изъ старшихъ классовъ поступлено такъ по школьнически, поворачиваетъ къ Ш.—у спину и выходитъ изъ класса, приказавъ наказанному сѣсть на мѣсто. Я случайно былъ по близости въ корридорѣ, видѣлъ всю сцену, видѣлъ Ш.—а сконфуженнымъ до послѣдней степени, и сконфузился самъ. Что-же это такое? чортъ возьми! Полковнику, старшему по лѣтамъ и въ чинѣ, такъ нагло утереть носъ! И почему? Потому лишь, что бѣдный старикъ обремененъ семьею и не можетъ дать энергической отпоръ изъ опасенія потерять мѣсто.

Два послѣдніе случая, бывшіе почти сряду, въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1854 года, заставили меня задуматься относительно избранной мною дороги. Впрочемъ, говорилъ я самъ себѣ, взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Да и не со всѣми-же преподавателями инспекторъ позволяетъ себѣ обходиться грубо: надо лишь умѣть поставить себя. Притомъ, гдѣ и что могу найти лучшаго я, человѣкъ безъ протекціи и средствъ?.. Подъ вліяніемъ

этих „практических“ соображеній, я на первое время никому не довѣрялъ моихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ учебной среды, и продолжалъ себѣ усердно заниматься приготовленіями къ будущей пробной лекціи въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, которая должна была доставить мнѣ званіе учителя физики. Чтобы ознакомиться съ требованіями, предъявляемыми аспирантамъ на такое званіе, я посѣтилъ нѣсколько бывшихъ около того времени пробныхъ лекцій и видѣлъ, что онѣ, благодаря, главнымъ образомъ, такту К. Д. Кавелина ¹⁾, происходили въ самыхъ благопріятныхъ для кандидата условіяхъ, не теряя, впрочемъ, научной строгости. Достоинство учительскаго диплома чрезъ это возвысилось въ моихъ глазахъ, и я почти забылъ мои нравственные сомнѣнія. Но только почти, а не совсѣмъ, и поведеніе Павловскаго, Мусина-Пушкина и академикова у меня все-же не выходило изъ головы. Новый случай даль этимъ сомнѣніямъ совершенно неожиданный мною самимъ исходъ.

Мы, бывшіе корпусные „химисты, по формуламъ доходившіе до сотворенія міра“, какъ говорилъ нашъ ротный командиръ, воспитатель Р., были въ 1850 году разсѣяны по лицу чуть не всей русской земли, отъ финскихъ скалъ до Колхиды. Но въ 1853 г. трое изъ насъ, Г—въ, Р—ъ и я, уже снова были обитателями Петербурга, и хоть не составляли болѣе одного цѣльнаго кружка, но все-же встрѣчались пріятелями и даже друзьями. Личныя свойства, вкусы и внѣшнія обстоятельства сказались нѣсколько въ выборѣ дорогъ; но все-же мы шли пока рядомъ. Р—ъ проходилъ артиллерійскую академію, Г—въ — академію генеральнаго штаба, я—университетъ, все заведенія, хоть и отстали отъ подобныхъ имъ европейскихъ, но такъ или иначе признававшіе богами Минерву и Аполлона. Въ моемъ „храмѣ“ послѣдній даже окруженъ былъ ex-officio нѣкоторыми изъ музъ. Вліяніе старой дружбы сказалося почти немедленно: мы съ полною откровенностью анализировали свое положеніе, свои виды на будущее, и вотъ я услышалъ такой совѣтъ:

— „Пора тебѣ, однако, позаботиться, пока время не ушло, объ обезпеченіи себѣ болѣе или менѣе широкаго круга практической дѣятельности. Что такое учитель? Человѣкъ, котораго уважають, точнѣе, боятся ученики въ классѣ, пожалуй, цѣнить школьное на-

¹⁾ Онъ былъ начальникомъ ученаго отдѣленія въ управленіи военно-учебныхъ заведеній у Ростовцева.

чальство, но совершенно обходитъ вниманіемъ, чтобы не сказать, презираетъ, какъ ремесленника, какъ портнаго, сапожника, все остальное общество въ цѣлой Россіи. Зачѣмъ-же тебѣ оставаться на этой низкой ступени, когда ты можешь подняться на высшую? Вѣдь если ты чувствуешь призваніе къ преподавательской дѣятельности, то никто тебѣ не помѣшаетъ заняться ею по окончаніи курса въ одной изъ военныхъ академій; даже труды твои будутъ дороже цѣниться, вслѣдствіе независимости твоего служебнаго положенія. Захочешь ты путешествовать—служба въ штабѣ дастъ тебѣ къ этому больше случаевъ, чѣмъ должность учителя. А теперь, смотри, ты нуждаешься въ кускѣ хлѣба“...

Но и этотъ совѣтъ, очевидно, дѣльный практически, не заставилъ-бы меня свернуть съ намѣченнаго пути, если-бы еще не случай, этотъ *Sa Majesté le Hasard*, какъ выражался Фридрихъ Великій. Былъ конецъ марта 1854 года, готовилась война съ Англіею и Франціею. Про насъ, артиллеристовъ, прикомандированныхъ къ кадетскимъ корпусамъ, стали говорить, что лѣтомъ мы будемъ употреблены на боевую службу по береговымъ батареямъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Но зайдя въ штабъ артиллеріи, чтобы сдать свои годовые „вопросы“, безъ представленія которыхъ могъ быть обойденъ чиномъ, я услыхалъ нѣчто худшее: „Да, теперь, покамѣстъ, на береговыя батареи, но въ случаѣ формировація резервныхъ и запасныхъ бригадъ и парковъ, васъ откомандируютъ вовсе отъ корпуса въ строй“. Тутъ задумываться было уже трудно, и я въ концѣ апрѣля подалъ заявленіе о желаніи моемъ поступить въ академію генеральнаго штаба... Павловскій поворчалъ немного, но немедленно представилъ бумагу „по командѣ“, а мнѣ пожелалъ скорѣйшаго возвращенія на ученое поприще, послѣ успѣшнаго окончанія академическаго курса.

— Что, милордъ, вы, говорятъ, поступаете въ академію генеральнаго штаба? спросилъ меня при первой встрѣчѣ Д***, тѣмъ временемъ уже ставшій учителемъ артиллеріи.

— Точно такъ, сэръ, думаю отъ Аполлона бѣжать къ Марсу.

— Хорошо, но смотрите, готовьтесь къ экзамену хорошенько, особенно изъ строевыхъ уставовъ, а то (Александръ Петровичъ) Карцевъ зарѣжетъ.

Я послушался, и лѣтомъ на береговыхъ батареяхъ почти больше ничего не дѣлалъ, какъ учился командовать эскадронами, батареями и батальонами по книжкамъ устава, изрѣдка лишь посѣщая городъ и старательно обходя зданіе университета, видъ котораго возбуждалъ во мнѣ положительныя сожалѣнія и угрызения совѣсти.

Но однажды все-таки пришлось пройти мимо, и тогда вотъ что случилось. Вижу, идетъ кучка студентовъ и между ними одинъ знакомый:

— Что, сдаете экзамены?

— Да, и притомъ сегодня покончилъ съ самымъ главнымъ, а черезъ недѣлю буду кандидатомъ.

— Какъ кандидатомъ? Да вѣдь вы кончили только третій курсъ, а не четвертый.

— Это ничего: я держу экзаменъ изъ всѣхъ выпускныхъ предметовъ и выдержу... разумѣется, подъ условіемъ немедленнаго поступленія въ военную службу.

— И поступите на самомъ дѣлѣ?

— Конечно, я уже и имѣю въ виду одну конную батарею.

— Для командованія?

— Ну, покажѣсть, не для командованія, а лишь юнкеромъ, но черезъ полгода я буду офицеромъ. И какъ только получу кандидатскій дипломъ, такъ закажу себѣ здѣсь офицерскую форму и повезу ее съ собою, чтобы не шить потомъ гдѣ-нибудь въ жидовскомъ мѣстечкѣ.

— Честь имѣю поздравить и пожелать вамъ скорѣйшаго полученія если не Георгія, то хоть Анны на шпагу.

Такъ вотъ они, юноши съ горячею любовью къ наукѣ! И мой знакомый былъ не одинъ. Всѣ они обрадовались, что въ 1854 году введено было на время въ университетѣ преподаваніе военныхъ наукъ, и бѣжали отъ астрономіи, физики, химіи, зоологіи „подъ знамена“, — „для защиты отечества“... Меня это нѣсколько мирило съ моимъ собственнымъ бѣгствомъ.

М. И. Венюковъ.

РОССІЯ И РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1839 г. ¹⁾.

Записки французскаго путешеств. Кюстина.

Когда Вольтеръ началъ писать исторію Петра Великаго, Фридрихъ II разгнѣвался и обратился къ нему съ вѣпросомъ: „съ чего это вы вздумали писать исторію волковъ и медвѣдей сибирскихъ?... Я не буду читать исторіи этихъ варваровъ, мнѣ-бы хотѣлось даже вовсе не знать, что они живутъ на нашемъ полушаріи“.

Но скромнымъ желаніямъ прусскаго короля не суждено было осу-

¹⁾ „La Russie en 1839“, второе изданіе, 4 ч. Парижъ. 1844 г. См. нашу замѣтку о Кюстинѣ и его сочиненіи въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г., т. LI июль, стр. 21—22.

Вотъ что, между прочимъ, говорится въ ней: „безпристрастная историческая критика должна признать, что, не смотря на неблагопріятные отзывы о Россіи 1839 года обоихъ путешественниковъ,—нѣмца Гагерна и француза Кюстина,—составленные ими записки исполнены для русскихъ читателей высокаго интереса. Ошибочныя сужденія ихъ обусловлены отчасти западно-европейскими предрасудками, отчасти же непониманіемъ явленій открывшагося передъ ними новаго міра, съ чуждыми имъ стремленіями, вѣрованіями и идеалами. Рядомъ съ повѣствованіями, искажающими смыслъ многихъ событій,—у Гагерна и Кюстина встрѣчаются мѣтко подмѣченные явленія тогдашней жизни и удачныя характеристики главныхъ историческихъ дѣятелей той эпохи; нерѣдко оба путешественника воспроизводятъ цѣлыя разговоры, служащія прекрасною характеристикой описываемаго времени и русскаго общества. Въ настоящее время, когда прошлая жизнь Россіи не скрыта болѣе отъ вниманія изслѣдователей нашей старины, все это не должно долѣе оставаться чуждымъ исторической любознательности современнаго поколѣнія“.

Н. К. Шильдеръ.

пещиваться, и въ XIX вѣкѣ просвѣщенной Европѣ нельзя уже было относиться съ прежнимъ высокомѣріемъ къ сибирскимъ варварамъ. Волки и медвѣди въ глазахъ многихъ стали даже похожими на людей. При такъ сильно измѣнившихся взглядахъ, лѣтомъ 1839 г. одному французскому маркизу вздумалось предпринять поѣздку по Россіи. На бѣду католическое міросозерцаніе путешественника воспрепятствовало безпристрастному отношенію его къ русскому міру. Для того, чтобы убѣдиться, насколько сильны были въ любознательномъ маркизѣ католическія предубѣжденія, сквозь призму которыхъ онъ смотрѣлъ на всѣ явленія русской жизни, достаточно остановиться на нѣкоторыхъ выдержкахъ изъ пространнаго и многорѣчиваго введенія, которое Кюстинъ предпослалъ своему труду. Вотъ образчики его клерикальной мудрости:

„Слѣдуетъ быть вполне католикомъ или не быть таковымъ вовсе; нельзя исповѣдывать католицизмъ на половину или на новый ладъ“. — „Истинная церковь едина и имѣетъ своего видимаго главу“. — „Дѣлать изъ вѣротерпимости догматъ и замѣнять этимъ человѣческимъ догматомъ всѣ божественные догматы, это значитъ разрушать религію, подъ предлогомъ дѣлать ее пріятною (aimable)“.

Съ подобными убѣжденіями вступилъ Кюстинъ на русскую землю и, конечно, тотчасъ-же нашелъ во всемъ, видѣнномъ имъ здѣсь, подтвержденіе своихъ клерикальныхъ воззрѣній: „Я-бы послалъ въ Россію всѣхъ не-католическихъ христіанъ, говоритъ онъ,—чтобы они убѣдились въ участи, которая ожидаетъ нашу религію, при преподаніи ея путемъ національной церкви, подъ руководствомъ національнаго духовенства. Картина униженія (!), въ которое можетъ впасть духовенство обширной страны, зависящее только отъ государства, заставитъ отшатнуться всякаго послѣдовательнаго протестанта. Национальная церковь, національное духовенство—суть два несомѣстимыя между собою понятія; церковь, по существу своему, выше всякаго человѣческаго общества; покинуть всемірную церковь, чтобы присоединиться къ какой-либо политической церкви, это значитъ болѣе, чѣмъ заблуждаться въ религіи, это равносильно отверженію вѣры, сдѣлавъ ее невозможною и совершивъ паденіе съ небесъ на землю“.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что Кюстинъ предчувствовалъ неудовольствіе, съ которымъ будутъ встрѣчены въ Россіи его воспоминанія, и приписывалъ это явленіе чувству оскорбленнаго самолюбія. „Между тѣмъ, никто болѣе меня не былъ пораженъ величіемъ ихъ націи и ея политическимъ значеніемъ. Высокая судьба этого народа“

явившагося послѣднимъ на міровой сценѣ стараго свѣта, занимала меня во все время моего пребыванія среди него. Русскіе, взятые въ массѣ, показали мнѣ великими даже въ ихъ самыхъ выдающихся порокахъ; взятые отдѣльно, они показали мнѣ любезными; народный характеръ признавъ мною интереснымъ; эти лестныя истины достаточно сильны, чтобы вознаградить собою другіе менѣ пріятныя отзывы. Но до сихъ поръ большая часть путешественниковъ относилась къ русскимъ, какъ къ балованнымъ дѣтямъ. Если разладъ, замѣчаемый среди современнаго русскаго общества, и духъ, присущій его правительству, существенно противоположный моимъ взглядамъ и моимъ привычкамъ, вызвали съ моей стороны упреки и какъ-бы вопли негодованія, то мои похвалы, одинаково не преднамѣренныя, получаютъ тѣмъ большее значеніе. Но эти люди востока, съ ихъ привычкой вдыхать и курить еиміамъ самой грубой лести, считая дѣйствительными похвалы, взаимно расточаемыя другъ другу, чувствительны только къ порицанію. Каждое неодобреніе представляется имъ измѣной; они зовутъ ложью каждую горькую истину, и подъ кажущеюся критикою не замѣтятъ робкаго восхищенія, сожалѣнія, а иногда и сочувствія въ моихъ самыхъ строгихъ сужденіяхъ“.

Н. К. Шильдеръ.

Письмо первое къ * * *

Эмсъ, 5 іюня 1839 г.

„Вчера я какъ будто началъ свое путешествіе по Россіи: великій князь наслѣдникъ прибылъ въ Эмсъ, предшествуемый 10 или 12 каретами и сопровождаемый многочисленнымъ дворомъ.

. . . . Я находился въ толпѣ любопытныхъ, собравшейся около великаго князя при выходѣ его изъ кареты; передъ тѣмъ какъ войти въ домъ, онъ долго разговаривалъ у дверей купальни съ одной русской дамой, графиней***, и я свободно могъ разглядѣть его. Ему лѣтъ двадцать, и, судя по наружности, ему можно дать эти годы: высокаго роста, онъ показался мнѣ нѣсколько полонъ для столь молодаго чело-вѣка; черты лица были-бы прекрасны, если-бъ не опухлость, сглаживающая ихъ выраженіе; оно заставляетъ предполагать, чѣмъ былъ въ эти-же годы императоръ Александръ Павловичъ. Оно будетъ еще много измѣняться, прежде чѣмъ приметъ свой окончательный характеръ; присущее ему теперь выраженіе—кроткое и доброжелательное, но между юною улыбкою глазъ и постояннымъ сокращеніемъ рта

замѣчается противорѣчіе, служащее признакомъ недостатка откровенности и, быть можетъ, какого-нибудь нравственнаго страданія. Огорченія юности, возраста, когда счастье должно улыбаться человѣку, составляютъ тайну, тѣмъ болѣе оберегаемую, что она необъяснима даже для испытавшаго ихъ. Взглядъ молодаго князя выражаетъ доброту; его поступъ граціозна, легка и благородна, — это истинный князь; у него скромный, но не застѣнчивый видъ, за что ему должно быть благодарнымъ: замѣшательство великихъ міра сего до того стѣснительно для всѣхъ, что ихъ ненатянутость кажется намъ любезностью, какъ оно и есть въ дѣйствительности. Когда они сами себя считаютъ божествами, они связаны своимъ собственнымъ мнѣніемъ о себѣ.

Великій князь вовсе не одержимъ этимъ страннымъ безпокойствомъ; его присутствіе прежде всего производитъ впечатлѣніе человѣка хорошо воспитаннаго; если когда-либо онъ будетъ царствовать, онъ заставитъ повиноваться себѣ не страхомъ, а своею привлекательностью, присущей граціи.

На другой день, 6-го іюня. Вечеръ.

„Я опять видѣлъ великаго князя наслѣдника и разсматривалъ его еще больше и ближе, чѣмъ въ прошлый разъ; онъ снялъ мундиръ, стѣснявшій его и придававшій ему надутый видъ; мнѣ кажется, обыкновенное платье идетъ къ нему лучше; у него пріятныя манеры, благородная безъ военной принужденности поступъ, а отличающій его особый родъ изящества напоминаетъ своеобразную прелесть, присущую славянской расѣ. Это не живая страстность странъ теплыхъ, но и не безстрастная холодность сѣверныхъ обитателей, — это смѣсь простоты, южной непринужденности и скандинавской меланхолии. Славяне—бѣлые арабы.

... Лицо молодаго князя, не смотря на его молодость, не настолько пріятно, какъ его фигура, и цвѣтъ его не свѣжій; видно, что онъ страдаетъ: его вѣки опускаются на глаза съ грустью, свидѣтельствующею о заботахъ болѣе поздняго возраста; его граціозный ротъ не безъ кроткаго выраженія; греческій профиль напоминаетъ собою античныя медали и портреты императрицы Екатерины, но сквозь наружный видъ доброты, почти постоянно дающійся красотою и молодостью; нельзя не признать въ немъ сильной скрытности, пугающей въ столь молодомъ человѣкѣ. Эта черта, безъ сомнѣнія, печать рока; она заставляетъ меня думать, что этотъ князь взой-

дети на престолъ. Его голосъ мелодиченъ, что составляетъ рѣдкость въ его семействѣ: говорятъ, онъ получилъ его въ даръ отъ матери.

Великій князь блистаетъ въ кругу молодыхъ людей своего общества, и не знаешь, чему приписать замѣчаемое между ними разстояніе, если не безусловной прелести его личности. Она всегда служитъ признакомъ привѣтливаго расположенія духа; душа такъ проявляется въ походкѣ, выраженіи лица, въ манерахъ человѣка! Князь-же въ одно и то-же время внушительенъ и пріятенъ. Русскіе путешественники рассказывали мнѣ объ его красотѣ, какъ о чемъ-то феноменальномъ: безъ этихъ преувеличеній я былъ-бы пораженъ ею; впрочемъ, я вспомнилъ рыцарскій видъ и лица архангеловъ у его отца и дяди, великаго князя Михаила, въ 1815 г., когда они пріѣзжали въ Парижъ, гдѣ ихъ прозвали сѣвернымъ сіяніемъ, и я сдѣлался строгъ, потому что былъ обманутъ. Таковъ, какъ онъ есть, русскій великій князь представляется мнѣ однимъ изъ прекрасѣйшихъ представителей принцевъ крови, когда-либо видѣнныхъ мною.

Я былъ пораженъ недостаткомъ изящества въ его экипажахъ, беспорядкомъ въ багажѣ и неряшливостью слугъ. Сравнивъ я этотъ императорскій кортежъ съ великолѣпною простотою англійскихъ экипажей и съ особенною заботливостью обо всемъ англійскихъ слугъ, видишь, что недостаточно заказывать свои экипажи у лондонскихъ мастеровъ, чтобъ достигнуть матеріальнаго совершенства, обеспечивающаго Англии преобладаніе въ такой положительный вѣкъ, какъ нашъ.

Черезъ два дня отправляюсь въ Берлинъ и Петербургъ“.

Письмо четвертое.

Травемюнде, 4-го іюля 1839 г.

„Сегодня утромъ хозяинъ гостинницы въ Любекѣ, узнавъ, что я намѣренъ отплыть въ Россію, вошелъ ко мнѣ въ комнату съ такою сострадательною миною, что заставилъ меня разсмѣяться; это человѣкъ съ болѣе живымъ, проницательнымъ и насмѣшливымъ умомъ, чѣмъ можно было-бы предположить это по плаксивому тону его голоса и манерѣ произносить по французски.

Узнавъ, что я путешествую для своего лишь удовольствія, онъ принялся съ чисто нѣмецкимъ добродушіемъ уговаривать меня отказаться отъ своего намѣренія.

„Вы знаете Россію?“ спросилъ я его.

— „Нѣтъ, но я знаю русскихъ; ихъ много проѣзжаетъ черезъ Любекъ, и по физиономіямъ обитателей я заключаю объ ихъ странѣ“.

„Что-жь такое замѣтили вы въ выраженіи ихъ лицъ, что должно было-бы удержать меня посмотриѣть на нихъ на ихъ родинѣ?“

— „Видите-ли, у нихъ два рода физиономій; я не говорю о лакеяхъ, имѣющихъ только одну, но о господахъ: когда они переправляются, чтобы посѣтить Европу, у нихъ веселый, свободный и довольный видъ: они напоминаютъ лошадей, выравшихся на свободу, птицъ, которымъ открыли клѣтку; мужчины, женщины, старые и молодые—всѣ счастливы, какъ школьники на каникулахъ; но тѣ-же самыя лица, при возвращеніи, становятся мрачными, вытянутыми, тревожными; ихъ разговоръ рѣзокъ и отрывистъ, выраженіе озабоченное; изъ этой-то разницы я и вывелъ заключеніе, что страна, которую покидаютъ съ такою радостью и куда, наоборотъ, возвращаются съ такимъ сожалѣніемъ, должна быть дурною страню“.

„Быть можетъ, вы правы, возразилъ я, — но ваши замѣчанія доказываютъ мнѣ только, что русскіе вовсе не такъ скрытны, какъ намъ рисуютъ ихъ; я считалъ ихъ болѣе непроницаемыми“.

— „Они таковы тамъ, у себя, но не остерегаются насъ, добрыхъ нѣмцевъ“, сказалъ содержатель гостинницы, удаляясь и улыбаясь хитрою улыбкой.

„Вотъ человѣкъ, который боится быть принятымъ за простака“, подумалъ я, смѣясь про себя. Завтра, не смотря на свое отвращеніе къ морю, я сажусь на корабль, радостно пренебрегая всѣми его неудобствами, лишь-бы онъ несъ меня къ пустынямъ и степямъ!.. степямъ!.. Это восточное слово, само по себѣ, заставляетъ меня предчувствовать что-то чудесное и невѣдомое; оно пробуждаетъ во мнѣ желаніе, замѣняющее молодость, храбрость и напоминающее мнѣ, что я явился на этотъ свѣтъ подъ однимъ условіемъ—путешествовать; такова фатальная потребность моей природы. Признаться-ли вамъ?—Быть можетъ, никогда не предпринялъ-бы я этого путешествія, не будь въ Россіи степей; я серьезно боюсь, не слишкомъ-ли я молодъ для вѣка и страны, гдѣ мы живемъ!“

Кюстинъ сѣлъ въ Любекѣ на русскій пароходъ „Николай I“, почти заново построенный послѣ случившагося на немъ пожара. Николай Павловичъ смѣнилъ капитана—русскаго, и назначилъ новаго—голландца, не пользовавшагося властью надъ своимъ экипажемъ. Рассказывая объ этомъ, Кюстинъ прибавляетъ: „иностранцы всегда сбываютъ Россіи лишь тѣхъ лицъ, которыхъ не хотятъ имѣть у себя“.

Письмо пятое.

8-го іюля 1839 г., написанное въ полночь, безъ свѣчи, на пароходѣ „Николай I“ въ Финскомъ заливѣ.

Въ началѣ письма путешественникъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него сѣверною природою. Его поражаютъ свѣтлыя ночи.

„Забываешь волшебную силу свѣта, говоритъ онъ, — религиозную темноту ночей, и не вѣришь больше чудесамъ благословенныхъ климатовъ, гдѣ солнце всемогуще. Здѣсь все неясно и неопредѣленно; контуры вещей сливаются, и невольно спрашиваешь себя, гдѣ ты и куда идешь; дневной свѣтъ теряетъ здѣсь свою напряженность, распространяясь повсюду равномерно; тѣнь теряетъ свою силу, свѣтъ блѣднѣетъ: ночью не темно, но днемъ сѣро. Нѣтъ, это міръ не художниковъ, а рисовальщиковъ. Свѣтъ этихъ равнинъ какъ нельзя лучше отвѣчаетъ голубымъ глазамъ, не рѣзко обрисованнымъ чертамъ лица, бѣлокурымъ волосамъ и робкому, романическому воображенію сѣверянокъ. Онѣ вѣчно мечтаютъ о томъ, что другія приводятъ въ исполненіе; къ нимъ лучше всего примѣняются слова, что жизнь есть тѣнь какого-то сна. Здѣсь, въ этихъ странахъ, вы раздѣляете непонятную вамъ до сихъ поръ меланхолію жителей сѣвера и чувствуете такъ-же, какъ они, прелесть ихъ монотонной поэзіи“.

Въ зависимость отъ характера этой природы путешественникъ ставитъ и характеръ обитателей сѣвера, ея вліяніе на общественный строй ихъ жизни. „Я признаю роковую силу широты и охотно присоединяюсь къ теоріи Монтеスキ“.

На пароходѣ Кюстинъ познакомился съ нѣкимъ русскимъ княземъ К***. Его поразила легкость, съ которою послѣдній завязалъ съ нимъ знакомство и заговорилъ о различномъ пониманіи русскими и англичанами цѣлей и сущности истиннаго дворянства. „Въ Англіи дворянство дается богатствомъ, между тѣмъ какъ по понятіямъ русскихъ, истинный дворянинъ—лишь дворянинъ природный, котораго нельзя ни купить, ни продать. Такъ понималъ дворянство и императоръ Александръ, и по этому поводу князь К*** рассказалъ слѣдующій анекдотъ.“

„Въ 1814 году я сопровождалъ императора Александра въ его путешествіи въ Лондонъ. Въ это время его величество почтилъ меня своимъ особеннымъ довѣріемъ, и этой мимолетной милости и

былъ обязанъ многими знаками вниманія со стороны принца Валлійскаго ¹⁾). Послѣдній отвелъ меня какъ-то въ сторону и сказалъ:

„Я хотѣлъ-бы сдѣлать что-либо пріятное императору; кажется, онъ очень любитъ сопровождающаго его врача; могу-ли я оказать этому человѣку милость, которая доставила-бы удовольствіе вашему государю?“

— „Да, ваше высочество“, возразилъ я.

„Что-же такое?“

— „Пожаловать ему дворянство“.

На другой день докторъ ** ²⁾) получилъ званіе Knight (chevallier).

„Императоръ заставляя сначала меня, а потомъ и другихъ объяснить себѣ, что это за отличіе, которое давало его доктору право именоваться титуломъ сэра, а женѣ его — лэди, но, не смотря на свойственную ему большую проницательность, онъ умеръ, не понявъ ни нашихъ объясненій, ни важности новой милости, оказанной его доктору. Онъ говорилъ со мною объ этомъ еще десять лѣтъ спустя, въ Петербургѣ“.

Нашему путешественнику понравился самый тонъ разговора князя, крайне вѣжливый, секретъ котораго, по его словамъ, уже почти утерялся въ современной ему Франціи. Въ то-же время его поражала либеральность высказанныхъ имъ воззрѣній, за которыя, правда, и боялся и становился сдержаннѣе, какъ только замѣчалъ, что Кюстинъ въ чемъ-нибудь расходится съ нимъ, или что его слушаетъ кто-либо изъ русскихъ. Между прочимъ, этотъ-же князь сдѣлалъ ему небольшой очеркъ нашей исторіи; на этомъ знакомствѣ съ русской исторіей Кюстинъ строитъ многіе свои выгоды относительно характера русскихъ и задачъ ихъ историческаго существованія.

„Россія въ настоящее время отодвинулась отъ эпохи нашествія монголовъ лишь на четыре столѣтія, тогда какъ западъ пережилъ этотъ кризисъ четырнадцать столѣтій тому назадъ: тысячелѣтнее замедленіе въ развитіи цивилизаціи создаетъ неизмѣримую пропасть между обычаями націй“.

Характеризируя нашихъ первыхъ князей: Рюрика, Олега, Владиміра святаго, Святополка, Владиміра Мономаха, Кюстинъ говоритъ: „въ нихъ нѣтъ ничего рыцарскаго: это попросту библейскіе короли; нація, прославленная ими, осталась близъ предѣловъ Азіи и, не будучи

¹⁾ Тогда принца регента, а позднѣе короля подъ именемъ Георга IV.

Прим. авт.

²⁾ Лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе.

Н. III.

знакома съ нашими рыцарскими понятіями, сохранила свои патриархальные нравы“.

„Русскіе не прошли той блестящей школы искренности, которую рыцарская Европа сумѣла до того хорошо воспользоваться, что слово „честь“ оставалось долгое время синонимомъ вѣрности данному обѣщанію, и что выраженіе „честное слово“—выраженіе священное даже во Франціи, гдѣ забыто такъ много славнаго. Благородное вліяніе крестовыхъ походовъ вмѣстѣ съ католицизмомъ остановилось на Польшѣ; русскіе воинственны, но лишь для завоевательныхъ цѣлей; они сражаются изъ повиновенія или изъ жадности, польскіе-же рыцари сражались изъ-за любви къ славѣ; такимъ образомъ, не смотря на то, что по своему происхожденію обѣ эти націи имѣли между собою много общаго, результатъ исторіи, служащей воспитательной школой народовъ, разъединилъ ихъ такъ глубоко, что русской политикѣ, чтобы снова слить ихъ, потребуется несравненно болѣе столѣтій, чѣмъ потребовалось для ихъ разъединенія....

— „Князь, возразилъ я, выслушавъ этотъ длинный рядъ выводовъ,—я не вѣрю вамъ. Лишь вашъ блестящій умъ ставитъ васъ выше національныхъ предразсудковъ и заставляетъ привѣтствовать подобнымъ образомъ иностранца у себя дома, но я не болѣе до вѣряю самоуниженію, чѣмъ излишнимъ претензіямъ“.

„Черезъ три мѣсяца вы отдадите мнѣ справедливость; до тѣхъ же поръ и пока мы одни,—при этомъ онъ посмотрѣлъ во всѣ стороны,—я хочу обратить ваше вниманіе на одно важное обстоятельство: я дамъ вамъ ключъ, который послужитъ для разгадки страны, куда вы являетесь“.

„Думайте о каждомъ шагѣ, дѣлаемомъ вами среди этого азіатскаго народа; помните, что русскимъ не достаетъ рыцарскаго и католическаго (!) вліяній; они не только не подчинялись, но съ враждебностью противодѣйствовали ему въ теченіе длинныхъ войнъ съ Литвой, Польшей, съ Тевтонскимъ орденомъ и меченосцами“.

.... „Вы совершенно угадали то, что увидите; вы не можете составить себѣ вѣрнаго представленія о глубокой нетерпимости русскихъ; тѣ-же изъ нихъ, которые обладаютъ просвѣщеннымъ умомъ и состоятъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ западомъ Европы, прилагаютъ величайшія старанія скрыть свою господствующую идею—торжество греческаго православія, синонимъ для нихъ русской политики. Безъ этой мысли ничего нельзя объяснить ни въ нашихъ нравахъ, ни въ нашей политикѣ. Вы не вѣрите, на примѣръ, чтобы преслѣдованіе Польши было проявленіемъ личнаго чувства императора: оно есть результатъ

холоднаго и глубокаго разчета. Эти акты жестокости (?) составляют заслугу въ глазахъ истинно вѣрующихъ.... Ваши легитимистскіе журналы не понимаютъ хорошенько въ чемъ дѣло, когда ищутъ союзниковъ среди схизматиковъ. Римъ и все, связанное съ римскою церковью, не имѣютъ болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ глава церкви въ Россіи, и меня удивляетъ только, что итальянская прогнипательность не открыла еще опасности, угрожающей намъ съ этой стороны ¹⁾. По этой картинѣ, крайне вѣрной, вы можете судить объ иллюзіяхъ, которыми убаюкиваетъ себя часть парижскихъ легитимистовъ“.

Этотъ разговоръ даетъ вамъ понятіе о прочихъ; всякій разъ, какъ только предметъ его становился тревожнымъ для московскаго самолюбія, князь К*** приостанавливался, если не былъ совершенно увѣренъ, что никто не можетъ слышать насъ.

Эта откровенность заставила меня призадуматься, и мнѣ стало страшно отъ своихъ размышлений.

За эту страну, которую наши новѣйшіе мыслители (1839 г.) ни во что не ставятъ (!), до того показалась она имъ отсталою, громадное будущее, быть можетъ, даже большее, чѣмъ у англійскихъ обществъ, насажденныхъ на американской почвѣ и столь прославленныхъ философами, ученіе которыхъ породило нашу нынѣшнюю демократію со всеѣмъ ея зломъ.

„Если царящій въ Россіи военный духъ не перодилъ ничего подобнаго нашему культу чести (?), это не значитъ, чтобы нація имѣла, менѣе силъ потому только, что солдаты ея менѣе блестящи, чѣмъ наши; честь—человѣческое божество, но въ практической жизни долгъ то же, что честь, если не больше; это менѣе эффектно, но болѣе выдержанно, болѣе прочно. Русскіе не дадутъ міру героевъ Тасса или Аріоста, но лица, достойныя вдохновить новаго Гомера или Данта, могутъ возродиться изъ развалинъ втораго Иліона, осажденнаго новымъ Ахилломъ, который, какъ воинъ, превзойдетъ всѣхъ героевъ Иліады, вмѣстѣ взятыхъ.

Когда наша космополитическая демократія, выполнивъ свое назначеніе, сдѣлаетъ изъ войны что-то ненавистное всеѣмъ народамъ, когда нація, называемая самыми цивилизованными въ мірѣ, ослабѣютъ отъ своихъ политическихъ оргій и въ своемъ постепенномъ паденіи дойдутъ до внутренней снѣчки и презрѣнія извнѣ,

¹⁾ „Князь К*** католикъ. Въ Россіи все независимое (!?) по уму и религіозное склоняется (!?) къ римской церкви“.

Прим. авт.

когда всякій союзъ съ обществами, разрушенными эгоизмомъ, будетъ признанъ невозможнымъ, тогда-то прорвутся раздѣляющія насъ съ сѣверомъ плотины, и мы подвергнемся послѣднему нашествію, но уже нашествію не невѣжественныхъ варваровъ, но покорителей хитрыхъ, просвѣщенныхъ, даже болѣе просвѣщенныхъ, чѣмъ мы, потому что изъ нашихъ-же собственныхъ увлеченій они постигнуть какъ можно и должно управлять нами.

Не безъ цѣли накапливаетъ Провидѣніе на востокъ Европы столько бездѣйствующихъ силъ. Когда-нибудь заснувшій гигантъ проснется, и сила положить конецъ царству слова. Напрасно растерявшееся равенство призоветъ на помощь къ себѣ старую аристократію; оружіе, схваченное слишкомъ поздно, находящееся въ рукахъ, слишкомъ долго оставшихся бездѣятельными, окажется безсильнымъ. Общество погибнетъ за слишкомъ большое довѣріе къ пустымъ или противорѣчивымъ словамъ; а обманчивое эхо общественнаго мнѣнія — журналы, желая во что бы то ни стало сохранить читателей, будутъ толкать его къ пропасти, хотя-бы для того только, чтобы еще въ продолженіе мѣсяца имѣть что рассказывать. Они убьютъ общество, чтобы питаться его трупомъ. Возвратъ къ религіозному единству спасъ-бы еще Европу...

Мое любопытство видѣть Россію и преклоненіе передъ духомъ порядка, долженствующимъ стоять во главѣ при управленіи этимъ громаднымъ государствомъ, не препятствуютъ мнѣ судить безпристрастно (!) о политикѣ ея правительства. Господство Россіи, хотя-бы оно ограничивалось одними дипломатическими требованіями, даже не доходя до завоеваній, кажется мнѣ самымъ ужаснымъ изъ всего. Ошибаются относительно роли этой страны въ Европѣ; по своему основному принципу она — представитель порядка, но по характеру своихъ обитателей — представитель тираніи подъ предлогомъ подавленія анархіи. Этой націи не достааетъ нравственнаго начала; со своими военными нравами и воспоминаніями о нашествіяхъ, она находится еще въ періодъ завоевательныхъ войнъ, между тѣмъ какъ Франція и другія западныя государства ¹⁾ ведутъ войны исключительно для пропаганды“.

Приводя затѣмъ восторженные рассказы нѣкоторыхъ русскихъ путешественниковъ о какомъ-то докторѣ въ Грейфенбергѣ, излѣчивающемъ всѣ болѣзни холодною водою, Кюстинъ прибавляетъ: „у славянъ есть еще другая страсть, кромѣ страсти къ холодной водѣ,

¹⁾ Изъ числа послѣднихъ путешественникъ исключаетъ Пруссію, король которой, по его словамъ, „сдѣлался передовымъ застрѣльщикомъ Россіи“.

это страсть ко всѣмъ новшествамъ. Умъ этого народа подражателей изощряется на изобрѣтеніяхъ другихъ“.

Иногда русскіе путешественники для развлеченія пѣли, и его очаровываетъ грусть и своеобразіе ихъ пѣсенъ; особенно поражаетъ его сложное голосоведеніе русскихъ пѣсенъ, доказывающее, что онѣ дѣйствительно создались въ деревнѣ. Онъ слышалъ также пѣсни русскихъ цыганъ, и онѣ напомнили ему испанскія болеро.

Разсказывая снова о своей страсти путешествовать, онъ между прочимъ говоритъ, что въ Россіи надѣется изучать очень отдаленную историческую эпоху.

Письмо шестое.

9-го іюля 1839 г. На пароходѣ „Николай I“.

„Что всего болѣе забавляло меня во время этого слишкомъ короткаго переѣзда, это то, что я былъ принужденъ безпрестанно оправдывать Россію передъ княземъ К***. Я дѣлалъ это безъ всякаго расчета, единственно повинуюсь присущему мнѣ чувству справедливости, и такимъ образомъ пріобрѣлъ себѣ благорасположеніе слышавшихъ насъ русскихъ. Искренность сужденій этого милаго князя К*** о своей странѣ доказываетъ мнѣ, впрочемъ, что въ Россіи есть люди, имѣющіе возможность говорить откровенно. Когда я высказывалъ ему это, онъ возражалъ, что онъ не русскій! Странное притязаніе!...

Я былъ пораженъ чрезмѣрною боязливостью русскихъ мнѣнія, которое можетъ высказать о нихъ иностранецъ; нельзя, кажется, проявить менѣе независимости; впечатлѣніе, которое можетъ произвести на путешественника ихъ страна, занимаетъ ихъ безпрестанно. Что случилось-бы съ нѣмцами, англичанами, французами, со всѣми народами Европы, еслибы они поддавались такому ребячеству? Если эпиграммы князя К*** возмущаютъ его соотечественниковъ, то не потому, чтобы онѣ оскорбляли въ нихъ серьезное чувство любви, а потому только, что они боятся того вліянія, которое онѣ могутъ произвести на меня, человѣка въ ихъ глазахъ важнаго, потому что имъ сказали, что я опишу свое путешествіе.

— „Не поддавайтесь предубѣжденію противъ Россіи, благодаря этому негодному русскому, не пишите подъ впечатлѣніемъ его вранья; онъ говоритъ такъ лишь для того, чтобы на нашъ счетъ блеснуть французскимъ остроуміемъ, но въ глубинѣ души не вѣритъ ни одному сказанному имъ слову“.

Вотъ что десять разъ въ день повторяютъ мнѣ потихоньку. Моя мысль—точно сокровищница, откуда каждый считаетъ себя въ правѣ черпать въ свою пользу, и, благодаря этому, я чувствую, какъ мысли мои перепутываются, и къ концу дня я самъ сомнѣваюсь въ своемъ мнѣніи, что русскимъ и нравится: когда мы не знаемъ что сказать и подумать объ ихъ странѣ, они торжествуютъ.

Мнѣ кажется, что они согласились-бы быть дѣйствительно варварами и покориться худшей участи, лишь-бы ихъ считали лучше и цивилизованнѣе.

„По крайней мѣрѣ, не называйте насъ варварами сѣвера, какъ дѣлаютъ ваши соотечественники“... Вотъ что говорятъ мнѣ, какъ только увидятъ меня развлеченнымъ или тронутымъ какимъ-либо интереснымъ рассказомъ, какой-либо національной мелодіей, прекрасной чертой патріотизма или благороднымъ и поэтическимъ чувствомъ, приписываемымъ русскому.

Я отвѣчаю на всѣ эти страхи незначущими комплиментами, но думаю про себя, что мнѣ болѣе понравились бы варвары сѣвера, чѣмъ обезьяны юга.

Можно найти средства противъ первобытной дикости, но ихъ нѣтъ противъ страсти казаться не тѣмъ, что есть“.

Письмо седьмое.

Петербургъ, 10-го іюля 1839 г.

О своемъ приближеніи къ Кронштадту Кюстинъ говоритъ: „еще не коснувшись этого мало привлекательнаго берега, ужъ хочется удалиться отъ него, и съ улыбкой вспоминаешь слова одного фаворита императрицы Екатерины, жаловавшейся ему на дурное вліяніе петербургскаго климата на ея здоровье: „это не вина милостиваго Господа, государыня, если упорство людей заставляетъ ихъ строить столицу обширной имперіи на землѣ, предназначенной природой служить логовищемъ медвѣдямъ и волкамъ“.

Мои товарищи по путешествію съ гордостью объясняли мнѣ недавніе успѣхи русскаго флота. Я удивляюсь имъ, не оцѣнивая ихъ, какъ они. Самый флотъ есть созданіе или, лучше сказать, развлеченіе императора Николая I. Этотъ монархъ забавляется осуществленіемъ главной идеи Петра I, но какъ-бы могуществененъ ни былъ человекъ, рано или поздно онъ принужденъ будетъ сознать, что природа сильнѣе всѣхъ. Пока Россія не выйдетъ изъ своихъ естественныхъ границъ, русскій флотъ будетъ служить игрушкой (?) и ничѣмъ болѣе“.

Мнѣ объясняли, что, при наступленіи навигаціи, самые юные воспитанники Морскаго училища остаются для производства ученій вблизи Кронштадта, болѣе же искусные доходятъ въ своихъ развѣдочныхъ поѣздкахъ до Риги, а иногда и до Копенгагена. Что возразить мнѣ на это? Два русскихъ корабля, безъ сомнѣнія, подъ управленіемъ иностранцевъ, уже совершили или готовятся совершить кругосвѣтное плаванье!

Не смотря однако на гордость придворныхъ, съ какою они расхваливали чудеса, производимыя волею государя, пожелавшаго и создавшаго императорскій флотъ, но съ того момента, какъ я узналъ, что корабли, видѣнные мною, служатъ единственно для упражненій учениковъ, какая-то тайная тоска успокоила мое любопытство. Я подумалъ, что нахожусь въ школѣ, и видъ этого залива, исключительно оживленнаго ученіемъ, причинилъ мнѣ необъяснимое чувство грусти.

Это оживленіе, не вызванное ни силою событій, ни результатами войны или состояніемъ торговли, показалось мнѣ парадомъ. Но русскимъ должно быть извѣстно—удовольствие-ли парады?! Охота къ смотрамъ доходить у нихъ (1839 г.) до маіи, и вотъ, даже до вступленія моего въ эту страну военныхъ эволюцій, судьба заставляетъ меня присутствовать при ученіи на водѣ!... Я не хочу смѣяться надъ этимъ: ребячество въ грандіозныхъ размѣрахъ—вещь ужасная!

Лордъ Durham высказалъ это лично императору Николаю Павловичу и своею откровенностью поразилъ его въ самое чувствительное мѣсто его властолюбиваго сердца: „русскіе военные корабли—игрушка русскаго императора“¹⁾.

Закончивая описаніе своего приближенія къ Кронштадту, путешественникъ говоритъ: „такова мѣстность, прилегающая къ Петер-

¹⁾ Лучшимъ доказательствомъ всей безосновательности этихъ словъ Кюстина можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ опроверженія, написаннаго Гречемъ на книгу Кюстина: „Россія—держава морская и обязана содержать флотъ. Неоспоримо, что эта необходимость существуетъ для нея, и было-бъ смѣшно подбирать доказательства противному. Наваринъ, Варна, блокада Константинополя—воспоминанія еще свѣжія, и въ еще болѣе близкое время появленіе русскаго флота въ Босфорѣ не освободило развѣ султана отъ египетскаго пани? Чѣмъ короче лѣто, тѣмъ необходимѣе дѣятельно производить маневры, чтобъ поддерживать въ нашихъ моряхъ привычку къ ихъ профессіи. Напротивъ, упущенія въ этихъ упражненіяхъ были-бъ непростительны. Очень возможно, что лордъ Durham назвалъ наши корабли игрушками, но вѣдь есть игрушки, шутить которыми очень опасно.“ (Examen de l'ouvrage de M. le Marquis de Custine intitulé: „La Russie en 1839“ par N. Gretschn.)

бургу; все, что только было въ выборѣ этого мѣста противнаго цѣлямъ природы, истиннымъ потребностямъ великаго народа, пронеслось, значить, въ умѣ Петра Великаго, не поразивъ его? Моря, во что-бы то ни стало, вотъ что говорилъ онъ! Странная для русскаго идея основать столицу славянской имперіи среди финновъ для защиты отъ шведовъ!—Напрасно Петръ говорилъ, что онъ хотѣлъ только дать портъ Россіи; еслибы онъ былъ, какъ говорятъ, гениемъ, онъ долженъ былъ-бы сознать важность этого дѣла, и, что касается меня, я не сомнѣваюсь, что онъ сознавалъ его. Политика и, какъ мнѣ кажется, самолюбіе царя, раздраженное независимостью старыхъ москвитянъ, подготовили судьбы новѣйшей Россіи.

Россіи, подобно человѣку, полному силъ и задыхающемуся отъ ихъ избытка, не достаетъ выходовъ. Петръ I общалъ ей ихъ; онъ открылъ ей Финскій заливъ, не понимая, что море, неизбѣжно закрытое въ теченіе восьми мѣсяцевъ года, не то, что другія моря. Но ярлычекъ для русскихъ все. Усилія Петра I, его подданныхъ и преемниковъ, какъ-бы удивительны они ни были, дали въ результатъ лишь трудно обитаемый городъ, у котораго Нева оспариваетъ каждую пядь земли при малѣйшемъ порывѣ вѣтра со стороны залива, и откуда всѣ стремятся бѣжать къ югу, хоть на одинъ шагъ, который позволить имъ сдѣлать война. Для бивуака гранитныя набережныя излишни, а эта страна именно изъ тѣхъ, гдѣ могутъ быть затрачены громаднѣйшія усилія для достиженія самыхъ жалкихъ результатовъ“.

Затѣмъ описывается строгость и проволочки таможенныхъ чиновниковъ, овладѣвшихъ пароходомъ. Они дѣлали свое дѣло спокойно, крайне вѣжливо, но съ напускною важностью и съ сознаниемъ значенія выполняемыхъ ими обязанностей, но Кюстинъ готовъ былъ видѣть въ нихъ новыхъ шпионовъ. Они возмущали его; ему не нравилась ихъ механичность. „Видь этихъ добровольныхъ автоматовъ“, говоритъ онъ, „пугаль меня. Что-то неестественное представляетъ собою человѣкъ, низведенный на степень простой машины“.

Онъ съ нѣкоторою внутреннею болью замѣтилъ, что, не смотря на интимность, установившуюся во время переѣзда между нимъ и русскими пассажирами, здѣсь, на своей родинѣ, они стали ему совершенно чуждыми, и уѣхали, даже не простившись съ нимъ; пытаясь объяснить причину этого, Кюстинъ говоритъ между прочимъ: „Обитатели сѣвера обладаютъ колеблющимся сердцемъ, неопредѣленностью чувствъ; ихъ привязанности также блѣдны, какъ лучи ихъ солнца: не связанные ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ, охотно покидаютъ землю, на которой родились, созданные для нашествій, народы эти

исключительно предназначены для того, чтобы въ намѣченные Господомъ Богомъ эпохи спускаться отъ полюса для возрожденія южныхъ народовъ, сжигаемыхъ свѣтомъ солнца и огнемъ своихъ собственныхъ страстей“.

Письмо восьмое.

Петербургъ, 11 іюля 1839 г. Вечеръ.

Описывая наружный видъ Петербурга, Кюстинъ довольно долго останавливается на архитектурѣ зданій. Ему не нравится подражаніе русскихъ греческому стилю. Если ужъ нельзя создать чего-нибудь своего, чисто русскаго, національнаго, то не лучше-ли было-бы поискать образцовъ въ Византіи, съ которою русскихъ связываетъ религія, но не въ Афинахъ. Древне греческія постройки строго гармонировали съ характеромъ мѣстности, на которой воздвигались, а здѣсь, въ Петербургѣ, на огромныхъ плоскихъ, монотонныхъ площадяхъ онѣ походятъ на груды гипсу и извести. „Здѣсь природа требовала отъ людей какъ разъ противнаго тому, что они создавали; вмѣсто подражанія языческимъ храмамъ, слѣдовало-бы соорудить зданія со смѣлыми очертаніями, съ вертикальными линіями, чтобы прорѣзать туманъ полярнаго неба и нарушить однообразіе влажныхъ и сѣроватыхъ степей, опоясывающихъ Петербургъ до безконечности. Архитектура, свойственная подобной странѣ — не колоннады Парѳенона, не куполь Пантеона, а башни Пекина. Человѣку надлежитъ создавать горы тамъ, гдѣ природа отказала въ малѣйшемъ разнообразіи почвы“.

„Какъ-бы вы ни были неприятно поражены подражаніями, портящими видъ Петербурга, нельзя не смотрѣть безъ нѣкотораго удивленія на этотъ городъ, возникшій изъ моря по манію одного человѣка и для своей защиты ведущій непрерывную борьбу съ водой и періодическими наводненіями: это результатъ громадной силы воли, и если не восхищаешься имъ, то бойшься: это почти то же, что и уважать“.

Кюстина поражаетъ быстрота постройки Зимняго дворца, но онъ ни на минуту не можетъ отдѣлаться отъ мысли, сколькихъ жертвъ все это стоило. Его возмущаютъ слова русскихъ: „вотъ видите, у васъ три года разсуждаютъ о перестройкѣ театральной залы, а у насъ въ одинъ годъ выстраиваютъ самый огромный дворецъ въ мірѣ“¹⁾. . . .

¹⁾ Кюстинъ увѣряетъ, что много гибло работниковъ при постройкѣ курьезно, что, по его увѣренію, Богъ вѣсть на чемъ основанному, рабочіе, по

Письмо девятое.

Петербургъ, 12 іюля 1839 г. Утро.

Въ Петербургѣ Кюстинъ остановился въ гостинницѣ Кулона (нынѣ Европейская). Его поразили встрѣченная тамъ нечистота и масса насѣкомыхъ. Пришлось особеннымъ образомъ помѣстить свою кровать, чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ нихъ.

Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ первой прогулки по городу, крайне разнообразны. „Прогулка по улицамъ Петербурга въ сопровожденіи лакея, увѣряю васъ, очень интересна и вовсе не походить на прогулки по столицамъ другихъ цивилизованныхъ государствъ міра“.

„Движенія людей, встрѣчаемыхъ мною, говоритъ онъ, казались угловатыми и стѣсненными; каждый жестъ выражалъ волю, но не того, кто дѣлалъ его: всѣ, кого я видѣлъ, шли съ приказаніями“.

На улицахъ онъ восхищается всѣмъ чисто русскимъ: и платьемъ русскаго крестьянина, и его манерой носить его, и русскою упряжью и т. д. По этому поводу онъ пишетъ: „русскому народу присуще чувство живописнаго: его привычки, его обстановка, его утварь, его костюмъ и самая фигура поддаются живописи; поэтому на каждомъ углу въ Петербургѣ можно напасть на сюжетъ для милой жанровой картинки“. Но въ общемъ видъ Петербурга наводитъ его на печальныя размышленія: „воздухъ этой страны враждебенъ искусству; все, что въ другихъ странахъ естественно по своему происхожденію, здѣсь оно удается только въ теплицѣ. Русское искусство всегда будетъ оранжерейнымъ цвѣткомъ“.

Кюстинъ, конечно, побывалъ и въ католической церкви, въ которой погребены Станиславъ Понятовскій и Моро. „Рядомъ съ тѣломъ изгнаннаго короля лежитъ изуродованное тѣло Моро. Императоръ Александръ приказалъ перенести его сюда изъ Дрездена. Мысль соединить останки двухъ людей, столь достойныхъ сожалѣнія, чтобы слить въ одну молитву воспоминаніе объ ихъ неудавшихся судьбахъ, кажется мнѣ одною изъ самыхъ благородныхъ мыслей этого монарха, который, никогда не должно забывать этого, казался великимъ даже при вѣздѣ въ Парижъ, откуда только что выѣхалъ Наполеонъ“.

его мнѣнію, гибли отъ того, что, переходя изъ натопленныхъ до 30° комнатъ на 30° морозъ, они простужались отъ 60° разницы температуръ внутренней и наружной! Чтобы предохранить себя отъ этого, они надѣвали на голову родъ какихъ-то ледяныхъ (?) колпаковъ“.

Н. Ш.

11

Описывая домикъ Петра Великаго, Кюстинъ замѣчаетъ: „эта славная суровость на столько-же обрисовываетъ эпоху и страну, какъ и самого человѣка: тогда въ Россіи все приносилось въ жертву будущему; строили зданія не зная, что дѣлать съ ними, потому что государи, для которыхъ строились эти дворцы, еще не родились, а сами строители столькихъ великолѣпныхъ зданій, не испытывая потребности въ роскоши, довольствовались ролью провозвѣстниковъ цивилизаціи, задолго предшествуя неизвѣстнымъ властелинамъ, для которыхъ съ такою гордостью воздвигали они эти чертоги. Конечно, въ этихъ заботахъ главы и народа о могуществѣ и даже тщеславіи грядущихъ поколѣній сказывается величіе души; эта вѣра живущихъ въ славу своихъ потомковъ заключаетъ въ себѣ что-то благородное и своеобразное. Это чувство безкорыстное, поэтическое и стоящее выше обычнаго уваженія людей и націй къ своимъ предкамъ.

Въ другихъ странахъ большіе города строятся въ память великаго прошлаго, или-же создаются сами собою въ силу сложившихся обстоятельствъ и хода исторіи, безъ посредства, по крайней мѣрѣ внѣшняго, человѣческихъ соображеній; Петербургъ-же со своимъ великолѣпіемъ и обширностью является трофеемъ, воздвигнутымъ русскими своему будущему могуществу. Надежда, возбуждающая такія усилія, представляется мнѣ божественною! Со времянь постройки храма іерусалимскаго никогда еще вѣра народа въ свои судьбы не исторгала изъ земли чуда, подобнаго Петербургу. И что дѣлаетъ особенно удивительнымъ это завѣщаніе, сдѣланное человѣкомъ своей честолюбивой странѣ, это то, что оно было принято исторіей“. Но этотъ какъ-бы по мановенію волшебства созданный Петербургъ пробуждаетъ въ немъ и другія мысли: „пусть эта столица, безъ корней въ исторіи и почвѣ, хоть на одинъ день забудется своимъ властелиномъ, пусть новая политика перенесетъ мысли государя въ другое мѣсто—гранитъ, скрытый подъ водою, разрушится, низменная земля зальется водою и вернется въ свое естественное положеніе, а хозяева пустыни снова вступятъ въ обладаніе своими логовищами“.

Письмо десятое.

12 іюля 1839 г. Вечеръ.

Въ началѣ письма Кюстинъ описываетъ прогулку на острова. „Русскіе“, говоритъ онъ, „справедливо гордятся этимъ садомъ, съ такимъ трудомъ вырваннымъ изъ болотистой петербургской почвы; но если природа побѣждена, она помнитъ о своемъ пораженіи и

покоряется лишь съ неудовольствіемъ: болота начинаются по другую сторону изгороди парка. Я меньше останавливался-бы на неблагоприятномъ характерѣ этой отдѣленной природою почвы, не такъ сожалѣлъ-бы солнце юга, путешествуя по сѣверу, если-бы русскіе усвоили себѣ привычку менѣе пренебрегать тѣмъ, чего недостаетъ ихъ странѣ: ихъ самодовольство простирается даже на климатъ, на землю; естественно склонные къ хвастовству, они сдѣлались фатами по отношенію къ природѣ, точно также какъ гордятся окружающимъ ихъ обществомъ. Ничто не сравнится въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ съ роскошью цвѣтовъ на ихъ дачахъ, остальное время года остающихся подъ снѣгомъ, но все-таки и подъ этимъ искусственнымъ изяществомъ проглядываетъ природный характеръ туземцевъ: страсть блистать — преобладающая страсть русскихъ; поэтому и въ ихъ гостинныхъ цвѣты ставятся не такъ, чтобы сдѣлать видъ комнатъ болѣе приятнымъ, но такъ, чтобы имъ удивлялись извнѣ; совершенно противное наблюдается въ Англіи, гдѣ прежде всего боятся рисовки на улицѣ ¹⁾).

Цѣль сѣверной цивилизаціи серьезна. Въ этомъ климатѣ общество является не плодомъ удовольствій челоуѣка, его интересовъ и страстей, легко удовлетворяемыхъ, но упорствующей и встрѣчающей противодѣйствіе воли, наталкивающей его на невообразимыя усилія. Если отдѣльныя особи и соединяются здѣсь, то лишь для борьбы съ мятежной природой, не легко поддающейся предъявляемымъ къ ней требованіямъ. Эта бѣдность, скудость физическаго міра поражаетъ скуку.... Драма здѣсь разыгрывается въ дѣйствительной жизни, и театръ предоставляется водевилю, никому не причиняющему страха; въ области сцены здѣсь предпочитаютъ Gumpase, а изъ чтенія—Польде Кока. Пустыя развлеченія—единственныя, дозволенныя въ Россіи. При такомъ порядкѣ вещей дѣйствительная жизнь слишкомъ важна, чтобы создалась серьезная литература (!!). Слова: миръ, счастье настолько-же неопредѣленны здѣсь, какъ слово рай. Безпробудная лѣнь, тревожная бездѣятельность—вотъ неизбѣжный результатъ сложившихся условій русской жизни“.

Кюстинъ называетъ русскій народъ красивымъ и находитъ даже, что профиль русскаго крестьянина напоминаетъ профиль греческихъ статуй; женщины, по его мнѣнію, менѣе красивы.

Затѣмъ онъ знакомитъ читателя съ русскимъ крѣпостнымъ пра-

¹⁾ Такъ много говоря о нашемъ климатѣ, Кюстинъ какъ разъ упускаетъ изъ виду, что именно недостатокъ необходимаго для цвѣтовъ свѣта и заставляеть выставять ихъ на окна

вомъ. Интересно слѣдующее его замѣчаніе: „освободите вдругъ этихъ людей—и вы поднимете всю страну. Въ тотъ моментъ, когда рабы, отдѣленные отъ земли, увидѣли-бы, что ее продаютъ, нанимаютъ, обрабатываютъ безъ нихъ, они поднялись-бы массами, крича, что отъ нихъ отнимаютъ ихъ собственность“. Участь этихъ несчастныхъ постоянно преслѣдуетъ Кюстина, и вся встрѣчаемая имъ роскошь не радуетъ его: она представляется ему оплаченной не деньгами, а живыми душами.

„Я не ставлю въ вину русскимъ того, каковы они, но я порицаю въ нихъ притязаніе казаться тѣмъ-же, что мы. Они еще не культивированы; это состояніе даетъ широкій просторъ надеждамъ, но я вижу ихъ безпрестанно занятыми обезьяничаньемъ съ другихъ націй, къ тому-же и подражаютъ-то они имъ чисто какъ обезьяны, смѣясь надъ перенимаемымъ, и я говорю себѣ: вотъ люди, пропавшіе для дикаго состоянія и потерянные для цивилизаціи“; мнѣ невольно вспоминаются страшныя слова Вольтера или Дидро, забытыя во Франціи: „русскіе сгнили прежде, чѣмъ созрѣть“.

„Въ Петербургѣ все имѣетъ роскошный, блестящій, довольный видъ, но вы ошиблись-бы, если-бы о дѣйствительности судили по этой внѣшности. У русскихъ есть названія всего, но у нихъ нѣтъ самихъ вещей: они богаты лишь рекламами; прочтите этикетки, и у нихъ есть цивилизація, общество, литература, театры, искусства, науки, но у нихъ нѣтъ докторовъ. Находящіеся-же при дворѣ могли-бы скорѣе служить хорошими хроникерами придворной жизни“....

— „Я замѣчаю, что меня здѣсь боятся, потому что знаютъ, что я пишу съ убѣжденіемъ“.

По возвращеніи вечеромъ домой, Кюстинъ нашель у себя разрѣшеніе безъ предварительнаго представленія государю присутствовать на бракосочетаніи великой княжны Маріи Николаевны. Это послужило признакомъ особой милости къ нему со стороны монарха.

Письмо одиннадцатое.

14-го іюля 1839 г., какъ разъ въ день пятидесятилѣтія разрушенія Бастиліи (14-го іюля 1789 г.).

„Обратите, прежде всего, вниманіе на числа, совпаденіе которыхъ кажется мнѣ довольно интереснымъ. Начало нашихъ революцій и бракосочетаніе сына Евгениі Богарне совпадаютъ въ одинъ и тотъ-же день по прошествіи пятидесяти лѣтъ.“

Я возвратился изъ дворца, гдѣ присутствовалъ въ придворной церкви при всѣхъ церемоніяхъ вѣнчанія по греческому обряду вел. кн. Маріи Николаевны съ принцемъ Лейхтенбергскимъ. Я не замедлю описать вамъ все это въ подробностяхъ, но прежде всего хочу поговорить объ императорѣ Николаѣ.....

...Однако изрѣдка проблески доброты смягчаютъ повелительный или императорскій взоръ ¹⁾ властелина, и тогда выраженіе привѣтливости проявляетъ вдругъ природную красоту этой античной головы. Въ сердцѣ отца и мужа человѣчность торжествуетъ моментами надъ политикой государя. Когда онъ самъ отдыхаетъ отъ ига, тяготящаго надъ всѣми по его волѣ, онъ кажется счастливымъ. Эта борьба прирожденнаго чувства человѣческаго достоинства съ усвоеннымъ имъ себѣ видомъ строгости правителя представляется мнѣ очень интересной для наблюденій, и вотъ чѣмъ была занята у меня бѣльшая часть времени въ церкви.

Императоръ на полъ головы выше обыкновеннаго роста; его фигура благородна, хотя нѣсколько сурова; онъ съ молодости усвоилъ себѣ привычку стягиваться выше поясицы, чтобъ заставить желудокъ втягиваться въ грудь; вслѣдствіе этого происходитъ расширеніе боковъ, и эта выпуклость, не очень естественная, вредитъ здоровью и красотѣ туловища. Добровольная неправильность, стѣсняя свободу движеній, уменьшаетъ изящество фигуры и кладетъ на нее отпечатокъ суровости.

У него греческій профиль, высокій, но откинутый назадъ лобъ, прямой и прекрасной формы носъ, очень красивый ротъ, благородное овальное, но нѣсколько продолговатое лицо, военный и — славянскій видъ.

Его походка и манера держать себя непринужденно—внушительны.

Онъ всегда подготовленъ къ тому, что на него будутъ смотрѣть, и ни на минуту не забываетъ никогда, что на него смотреть; вы скажете даже, что онъ хочетъ быть цѣлью всѣхъ взоровъ. Ему слишкомъ часто повторяли или слишкомъ часто давали поводъ предполагать, что онъ красивъ и пріятель взорамъ друзей и недруговъ Россіи.

Бѣльшую часть своего времени императоръ проводитъ на открытомъ воздухѣ, на смотрахъ или въ непродолжительныхъ путешествіяхъ; поэтому лѣтомъ тѣнь отъ его военной шляпы проводитъ по его загорѣлому лицу косую линію, показывающую дѣйствіе солнца на

¹⁾ Игра словъ: „impérieux“ и „impérial“.

кожу, бѣлизна которой начинается съ мѣста, защищаемаго головнымъ уборомъ; линія эта производитъ странное впечатлѣніе, но далеко не непріятное, потому что тотчасъ угадывается ея происхожденіе.

Внимательно всматриваясь въ прекрасную фигуру этого человѣка, отъ воли котораго зависитъ жизнь столькихъ тысячъ людей, я съ невольнымъ сожалѣніемъ замѣтилъ, что онъ не можетъ улыбаться глазами и ртомъ одновременно: противорѣчіе, свидѣтельствующее о постоянной принужденности и заставляющее сожалѣть о тѣхъ отлѣнкахъ естественной граціи, которыми восхищались на менѣе правильно, но болѣе пріятномъ лицѣ его брата, императора Александра. Послѣдній, всегда очаровательный — видъ, императоръ Николай чисто-сердечнѣе, но обычное выраженіе строгости придаетъ ему иногда суровый и непреклонный видъ; если онъ менѣе обворожителенъ, у него болѣе воли, и онъ очень часто принужденъ бываетъ проявлять ее: грація охраняетъ власть, предупреждая противодѣйствіе. Эта искусная осторожность въ употребленіи власти—тайна, неизвѣстная императору Николаю. Онъ всегда остается человѣкомъ, желающимъ, чтобы ему повиновались....

У императрицы фигура менѣе изящна, но, не смотря на ея чрезмѣрную худобу, полна, по моему мнѣнію, неувимой граціи. Ея манера держаться, далеко не горделивая, какъ говорили мнѣ, обнаруживаетъ въ гордой душѣ привычку покорности. При входѣ въ церковь, она была сильно взволнована и казалась мнѣ просто умирающей: нервная судорога проходила по ея лицу, а иногда даже заставляла ее трясти головой; ея впавшіе глубокіе и кроткіе глаза выдають сильныя страданія, переносимыя съ ангельскимъ спокойствіемъ; ея взглядъ, полный чувства, производитъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что она менѣе всего заботится объ этомъ; преждевременно разрушенная, она не имѣетъ возраста, и, увидѣвъ ее, нельзя отгадать ея лѣтъ; она до того слаба, что можно было-бы сказать, что ей не хватаетъ необходимаго въ жизни; она впадаетъ въ сухотку и уже не отъ міра сего: это одна лишь тѣнь. Императрица никогда не могла оправиться отъ волненій, испытанныхъ ею въ день воцаренія....

Всѣ видятъ состояніе императрицы, и никто не говоритъ о немъ; императоръ любитъ ее; лихорадка-ли у ней, лежитъ-ли она въ постели, онъ самъ ухаживаетъ за нею, проводитъ возлѣ нея ночи, приготовляетъ ей питье, какъ сидѣлка, заставляетъ проглатывать его, но какъ только она оправится, онъ вновь утомляетъ ее волненіями, празднествами, путешествіями; правда, какъ только опасность проявится, онъ отказывается отъ своихъ намѣреній

но боится предосторожностей, которыя могли-бы предотвратить зло; жена, дѣти, слуги, родные, фавориты—все должно кружиться въ императорскомъ вихрѣ, съ улыбкой на устахъ, до самой смерти... ..

Что касается цивилизаціи, то до сихъ поръ русскіе довольствовались только внѣшностью, но если когда-либо они будутъ въ состояніи отмстить за свою дѣйствительную отсталость, то жестоко заставятъ насъ искупить наши преимущества“.

При выходѣ изъ кареты у Зимняго дворца, съ Кюстиномъ случилось забавное несчастье: онъ зацѣпилъ шпорой о подножку кареты, и каблукъ отлетѣлъ вмѣстѣ со шпорой.

„Это приключеніе, случившееся какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я долженъ былъ предстать на глаза человѣку, по рассказамъ, настолько-же педантичному въ мелочахъ, насколько онъ выше и могущественнѣе всѣхъ,—показалось мнѣ истиннымъ несчастьемъ. Что дѣлать? Спрятаться въ толпѣ? Но въ Россіи нигдѣ не бываетъ толпы, до того здѣсь всюду много мѣста; отъ взгляда придворныхъ тоже не ускользнешь, а между тѣмъ русскіе холодны, хитры, насмѣшливы, остроумны и, по природѣ своей, мало деликатны, какъ всѣ вообще честолюбцы, и мнѣ не хотѣлось-бы подвергнуться ихъ смѣху съ перваго-же моего появленія. Они особенно недоувѣрчивы къ иностранцамъ, мнѣнія которыхъ опасаются, потому что считаютъ ихъ дурно расположенными къ нимъ; это заранее дѣлаетъ ихъ враждебными намъ, колкими и раздраженными, хотя по наружности они гостепріимны и вѣжливы“.

Все-таки пришлось явиться въ церковь безъ одного каблука но всѣ были настолько заняты блестящимъ зрѣлищемъ, что лишь немногіе замѣтили недостатокъ его туалета.

Хотя Кюстину совѣтовали явиться на торжество бракосочетанія великой княжны въ мундирѣ національной гвардіи, но онъ побоялся сдѣлать этимъ непріятное государю и явился въ мундирѣ генеральнаго штаба. Рассказывая о самомъ обрядѣ службы, онъ замѣчаетъ: „обряды греческаго бракосочетанія продолжительны и величественны. Они тѣмъ болѣе внушительны, что напоминаютъ обычаи первобытной церкви. Въ восточной церкви все служитъ символомъ“.

Великолѣпіе обстановки произвело на него ослѣпляющее впечатлѣніе: „Здѣсь было столько сокровищъ, что они могли бы порази́ть самое непоэтическое воображеніе. Это зрѣлище подобно самымъ фантастическимъ описаніямъ изъ „Тысячи и одной ночи“; это поэтично, какъ Лала-Рукъ, какъ Чудесная Лампочка; это родъ восточной поэзіи, гдѣ ощущеніе служитъ источникомъ чувства и

мысли. Я мало что видѣлъ подобное, по великолѣпію и торжественности, появленію императора въ церкви, блистающей золотомъ. Молодые супруги сіяли. Бракъ по наклонности въ шитыхъ золотомъ платьяхъ и при столь пышной обстановкѣ такая рѣдкость, что это возбуждало еще большее любопытство. Вотъ что слышалось вокругъ меня, но мнѣ не вѣрится этому чуду, и я не могу отдѣлаться отъ наклонности видѣть какое-либо политическое намѣреніе во всемъ, что дѣлается и говорится здѣсь. Императоръ, пожалуй, и самъ обманывается; онъ хотѣлъ поступить съ отеческою нѣжностью, но въ глубинѣ его души этотъ выборъ былъ обусловленъ надеждою на какую-либо выгоду въ будущемъ. Честолюбіе подобно скупости: скупой разсчитываетъ даже тогда, когда поддается безкорыстному влеченію.

Все великолѣпно здѣсь, но еще болѣе должно удивлять насъ, если вспомнимъ то не такъ еще отдаленное время, когда бракъ царской дочери былъ-бы почти неизвѣстенъ Европѣ, и когда Петръ I объявлялъ, что ему принадлежитъ право оставить престолъ кому вздумается. Какой шагъ впередъ въс толь немногіе годы!

Когда размышляешь о дипломатическихъ и другихъ побѣдахъ этой дѣржавы, еще такъ недавно не имѣвшей значенія въ судьбахъ цивилизованнаго міра, невольно является сомнѣніе — не сонъ-ли все это. Казалось, самъ императоръ не совсѣмъ привыкъ ко всему, происходившему передъ нимъ, потому что ежеминутно оставлялъ свой напой (??) и направлялся то въ ту, то въ другую сторону, чтобы исправлять погрѣшности своихъ дѣтей или духовенства противъ этикета. Если зять его не стоялъ на надлежащемъ мѣстѣ, онъ заставлялъ его то нѣсколько отступить, то поддаться впередъ ¹⁾.

Августѣйшая молодая полна граціи, невинности; она бѣлокура, съ голубыми глазами; цвѣтъ лица нѣжный и блистаетъ первою молодостью; выраженіе лица умное и чистосердечное. Она и ея сестра, великая княжна Ольга, показались мнѣ самыми красивыми изо всего двора. Счастливое сочетаніе преимуществъ положенія съ дарами природы!

Когда совершавшій службу митрополитъ подвелъ молодыхъ къ ихъ августѣйшимъ родителямъ, послѣдніе обняли ихъ съ трогательною сердечностью. Моментъ спустя, императрица бросилась въ

¹⁾ Что необыкновеннаго могъ видѣть Кюстинъ въ томъ, что Николай Павловичъ дѣлалъ указанія своему будущему зятю, католику, незнакомому съ обрядами православной церкви?

объятія своего мужа: проявленіе нѣжности, болѣе подходящее къ комнатѣ, чѣмъ къ церкви. Впрочемъ, растроганность императрицы казалась вполнѣ произвольной
 Горе тѣмъ, которые способны назвать страннымъ волненіе, возбужденное истиннымъ чувствомъ. Подобный порывъ чувствительности сообщителенъ...

Передъ благословеніемъ два сѣрыхъ голубка были впущены, по обычаю (?), въ церковь; они тотчасъ-же помѣстились на золоченномъ карнизѣ, выступавшемъ какъ разъ надъ головами молодыхъ, и тамъ въ продолженіе всей службы ворковали другъ съ другомъ.

Голуби очень счастливы въ Россіи: ихъ чтутъ, какъ символъ Святаго Духа, и убивать ихъ запрещено; хорошо, что вкусъ ихъ мяса не нравится русскимъ.

Герцогъ Лейхтенбергскій — молодой человѣкъ, высокаго роста, хорошо и крѣпко сложенный; черты его лица вовсе не носятъ отпечатка знатности; глаза хороши, но ротъ слишкомъ выдается и не очень правильной формы; фигура прекрасна.
 мундиръ вполнѣ идетъ къ нему

Изъ его родственниковъ никто не явился въ Петербургъ для присутствованія на торжествѣ.

Во время службы, онъ, казалось, чувствовалъ особенное нетерпѣніе очутиться наединѣ съ своей женою, и взоры всего общества невольнo обращались къ группѣ двухъ голубей, взмостившихся надъ алтаремъ.

Во время длиннаго обряда вѣнчанія есть минута, когда всѣ присутствующіе должны стать на колѣни. Императоръ, прежде чѣмъ послѣдовать общему примѣру, бросилъ на все общество не очень милостивый, наблюдательный взглядъ. Мнѣ казалось, онъ хотѣлъ удостовѣриться, не остался-ли кто-либо стоять,—предосторожность излишняя, потому что хотя тамъ и были католики и протестанты, никому изъ нихъ, конечно, и въ голову не пришло-бы не подчиниться вѣншпимъ образомъ всѣмъ обрядамъ восточной церкви.

Въ тотъ моментъ, когда духовенство и хоръ начали молебенъ, выстрѣлы изъ пушекъ возвѣстили городу о совершеніи бракосочетанія. Дѣйствіе этой небесной музыки, сопровождаемой пушечными выстрѣлами, звономъ колоколовъ и отдаленными кликами народа—не поддается выраженію. Всякій музыкальный инструментъ изгнанъ изъ греческой церкви, и одни лишь человѣческіе голоса

воздають тамъ хвалу Господу. Эта строгость восточнаго обряда благоприятна искусству и, сохраняя всю его простоту, производитъ впечатлѣніе истинно божественное. Миѣ казалось, я слышалъ біеніе сердець шестидесяти милліоновъ подданныхъ. Живой оркестръ сопровождалъ торжественно радостное пѣніе духовенства, не заглушая его. Я былъ взволнованъ: музыка способна заставитьъ забыть на время все, даже деспотизмъ.

Я могу сравнить эти хоры только съ Miserere въ святую недѣлю въ Римѣ въ Сикстинской капеллѣ, съ тою только разницею, что теперешняя капелла папы есть только тѣнь того, чѣмъ она была когда-то. Среди развалинъ Рима одною развалиною стало болѣе.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія, когда итальянская школа находилась еще во всемъ своемъ блескѣ, древне греческіе напѣвы были передѣланы, безъ искаженія ихъ, нарочно выписанными изъ Рима въ Петербургъ композиторами; эти иностранцы создали chef-d'oeuvre, потому что ихъ умъ и все ихъ искусство были склонны уважать твореніе древности. Ихъ трудъ сталъ классическимъ твореніемъ, и исполненіе достойно замысла: голоса сопрановъ, т. е. дѣтей, потому что ни одна женщина не входитъ въ составъ императорской капеллы, поютъ совершенно правильно; басы сильны, густы и чисты. Я не помню, чтобы слышалъ прежде что-нибудь подобное.

Для любителей искусства императорская капелла стѣбитъ того, чтобы ради ея одной предпринять путешествіе въ Петербургъ; piano, forte, самые нѣжные оттѣнки въ экспрессіи соблюдались съ глубокимъ чувствомъ, поразительнымъ искусствомъ и удивительнымъ ensembl'емъ: русскій народъ музыкаленъ; въ этомъ нельзя сомнѣваться, услыхавъ его церковное пѣніе. Я слушалъ, не смѣя перевести дыханія, и всѣми силами призывалъ нашего ученаго друга Мейерберга для объясненія красотъ, глубоко прочувствованныхъ, хотя и не понятыхъ мною; онъ понялъ-бы ихъ, вдохновившись ими: потому что его способъ восхищаться образцами творчества заключается въ достиженіи ихъ совершенствъ.

Во время молебна, въ моментъ, когда одинъ хоръ отвѣчаетъ другому, растворяются царскія врата и видны священники въ ихъ блистающихъ драгоценными каменьями одѣяніяхъ, на которыхъ величественно выдѣляются ихъ серебристо-бѣлыя бороды; у нѣкоторыхъ онѣ ниспадають до пояса. Присутствующіе также блестящи, какъ и священнослужители. Этотъ дворъ великолѣпенъ, и военный мундиръ блистаетъ въ немъ во всей своей силѣ. Я съ восхищеніемъ видѣлъ, какъ всѣ почитали Господа всѣмъ этимъ блескомъ, всѣми этими сокровищами. Священная музыка

была выслушана непосвященной аудиторіей молчаливо, со сре до точностью, способною сдѣлать прекраснымъ и менѣе божественное пѣнье.

Совершавшій службу митрополить не нарушалъ величія этой картины; онъ некрасивъ, но старъ; его маленькая фигура походить на страждущую ласочку; голова его убѣлена годами, и онъ кажется истомленнымъ и больнымъ: старый и слабый священникъ не можетъ быть (однако не на мѣстѣ). Въ концѣ молебна императоръ подошелъ къ нему и, наклонившись, съ уваженіемъ поцѣловалъ его руку. Я восхищался этимъ бѣднымъ митрополитомъ, казалось, умиравшимъ среди своей славы, этимъ императоромъ съ величественною фигурою, благороднымъ лицомъ, склонявшимся передъ духовною властью, — а тамъ далѣе, два молодыхъ супруга, семейство, толпа, наконецъ весь дворъ, наполнявшій и оживлявшій церковь—все это представляло хорошій сюжетъ для картины.

Передъ началомъ службы я боялся, что митрополить упадетъ въ обморокъ: дворъ заставилъ долго прождать себя, вопреки изреченію Людовика XVIII: „точность — вѣжливость королей“.

Несмотря на хитрое выраженіе лица у него, этотъ старикъ. возбудилъ во мнѣ чувство жалости: онъ былъ такъ немогъ, выдерживалъ усталость съ такимъ терпѣніемъ, что я сожалѣлъ его. Не все-ли равно, въ чемъ источникъ этого терпѣнія—въ благочестіи или въ честолюбіи, оно было подвергнуто жестокому испытанію...“

На обратномъ пути, всматриваясь въ наружность города, Кюстинъ замѣчаетъ: „пустота, царящая здѣсь повсюду, заставляеть всѣ зданія и памятники казаться слишкомъ ничтожными, въ сравненіи съ пространствомъ; они теряются среди неизмѣримости. Александровская колонна, благодаря размѣрамъ своего пьедестала, значительно выше Вандомской, ея стержень изъ цѣльнаго куска гранита, самаго громаднаго изъ всѣхъ, когда-либо обработанныхъ рукою человѣка.... И что-же? Эта гигантская колонна производитъ на васъ впечатлѣніе кола, а окружающія площадь зданія кажутся до того плоскими и низкими, что напоминаютъ собою заборъ... Часть площади, противоположная Зимнему дворцу, идетъ полукругомъ и замыкается зданіями, гдѣ помѣщены нѣсколько министерствъ; они построены большею частью, въ древне-греческомъ стилѣ. Станный вкус!.. Храмы—воздвигнутые чиновникамъ! На другомъ концѣ этой огромной площади, противоположномъ Александровской колоннѣ, высится

Исакиевскій соборъ со своей громадной колоннадой, съ позолоченнымъ куполомъ, еще на половину скрытый подъ лѣсами; далѣе видны сенать и другія зданія, напоминающія языческіе храмы, хотя они и служатъ помѣщеніемъ для военнаго министерства. Затѣмъ, на выдающейся части, образуемой площадью и обращенной къ Невѣ: видишь или пытаешься различить статую Петра Великаго на гранитномъ пьедесталѣ, теряющуюся въ этой безграничности, какъ камышекъ на морскомъ берегу. Статуя героя стала слишкомъ извѣстной, благодаря гордости женщины, воздвигшей ее, но она несравненно ниже своей репутаціи. Всѣми зданіями, находящимися на этой площади, можно было-бы застроить цѣлый городъ, а между тѣмъ они даже не заполняютъ ея. Петербургъ—это поле, но не хлѣба, а колоннъ. Усилія русскихъ напрасны. Древніе строились на высокихъ и не разбросанныхъ мѣстахъ, гдѣ живописность мѣстности усиливала впечатлѣніе твореній рукъ человѣческихъ. Русскіе-же, думая воспроизвести древнихъ и только неумѣло подражая имъ, наоборотъ, раскидываютъ свои, такъ называемыя, греческія и римскія, постройки, на безграничныхъ поляхъ, гдѣ онѣ еле замѣтны глазу. Вотъ почему въ этихъ городахъ, гдѣ имѣли притязаніе возсоздать римскій форумъ, невольно вспоминаешь о степяхъ Азіи ¹⁾. Старанія ихъ будутъ напрасны и въ будущемъ: „Россія всегда будетъ болѣе примыкать къ Азіи, чѣмъ къ Европѣ. Духъ востока паритъ надъ Россіей, отрекающейся отъ самой себя, когда она начинаетъ идти по стопамъ запада.

Древніе строили изъ трудно поддающагося вліянію времени матеріала, подъ благопріятнымъ небомъ, а здѣсь, хотя всѣ условія совершенно другія, а все-таки неутомимо подражаютъ сооруженіямъ странъ теплыхъ! Полярныя пустыни покрываютъ статуями, барельефами, долженствующими увѣковѣчить исторію, забывая, что въ этой странѣ зданія кратковременнѣе самихъ воспоминаній.

Скульптуры на открытомъ воздухѣ напоминаютъ мнѣ экзотическія растенія, которыя необходимо укрывать каждую осень.

Этотъ городъ съ его гранитными набережными—чудо, но ледяной домъ, въ которомъ императрица Елизавета ²⁾ давала праздники, тоже чудо; онъ существовалъ столько-же времени, какъ и хлопья снѣгу, эти розы Сибири. Русскіе принимаютъ за все, но можно сказать, что, еще не кончивши начатаго, они уже думаютъ: „когда-же мы бросимъ

¹⁾ Этотъ упрекъ относится только къ зданіямъ, построеннымъ со временъ Петра I; русскіе среднихъ вѣковъ, когда они строили свой Кремль, прекрасно сумѣли найти архитектуру, отвѣчающую странѣ и духу.

²⁾ Не Елизавета, а Анна Иоанновна.

Прим. авт.

все это?“ Петербургъ похожъ на лѣса какого-либо зданія: лѣса падутъ, когда само зданіе будетъ готово. Это *chef-d'oeuvre*, но не архитектуры, а политики; въ глубинѣ тайныхъ помысловъ русскихъ новая Византія—вотъ будущая столица Россіи и всего міра.

До сихъ поръ въ созданіяхъ русскихъ императоровъ и видѣлъ не любовь къ искусству, а человѣческое самолюбіе.

Среди разнаго хвастовства, я слышалъ отъ многихъ русскихъ, что климатъ ихъ смягчается. Неужели-же самъ Богъ причастенъ честолюбію этого жаднаго народа? Неужели Ему угодно отдать даже небо, даже воздухъ юга, и мы увидимъ Афины въ Лапландіи Римъ въ Москвѣ и богатства Темзы на Финскомъ заливѣ?!... Или исторія народовъ сводится къ простому вопросу широты и долготы, развѣ міръ всегда будетъ видѣть однѣ и тѣ-же сцены, только на различныхъ театрахъ?

Это притязаніе, какъ-бы смѣшно оно ни было, доказываетъ вамъ до чего можетъ дойти честолюбіе русскихъ“.

Кюстинъ уѣхалъ изъ церкви послѣ окончанія греческаго обряда вѣнчанія, такъ какъ у него не было приглашенія ни на католическій обрядъ, ни на имѣвшій послѣдовать затѣмъ обѣдъ. Въ это время какъ разъ разразилась страшная гроза. Описывая ее, онъ говоритъ: „таково было зрѣлище, ниспосланное небомъ на время свадебнаго обѣда царской дочери“.

Въ концѣ письма онъ дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: „между Франціей и Россіей стоитъ китайская стѣна: славянскій языкъ и характеръ. Вопреки всѣмъ притязаніямъ русскихъ, порожденнымъ Петромъ Великимъ, Сибирь начинается отъ Вислы“.

Продолженіе одиннадцатаго письма.

14-го іюля.

„Вчера вечеромъ, въ семь часовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими иностранцами, я вернулся во дворецъ. Мы должны были представиться императору и императрицѣ.

Видно, что императоръ ни на минуту не можетъ забыть ни того кто онъ, ни постоянно возбуждаемаго имъ вниманія; онъ позируетъ безпрестанно и, слѣдовательно, никогда не бываетъ естествененъ, даже и тогда, когда бываетъ чистосердеченъ; его лицу присущи три рода выраженій, но ни одно изъ нихъ не проявляетъ доброты самой по себѣ. Самымъ обычнымъ выраженіемъ представляется мнѣ строгое; второе, болѣе рѣдкое, но, быть можетъ, болѣе подходящее къ этой прекрасной фигурѣ—торжественное; третье-же — выраженіе учти-

ности и въ немъ-то проглядываютъ иногда оттѣнки граціи, смягчающіе холодное удивленіе, вызываемое двумя первыми....

Мнѣ кажется, что это замѣчаніе можно обратить въ его пользу: онъ добросовѣстно служитъ своему долгу. Со своимъ ростомъ, превосходящимъ ростъ обыкновенныхъ смертныхъ, какъ его престолъ возвышается надъ всѣми прочими сидѣніями, онъ обвинилъ-бы самого себя въ слабости, еслибы хоть на минуту держалъ себя совершенно запросто и позволилъ замѣтить, что и онъ живетъ, думаетъ и чувствуетъ какъ всѣ прочіе смертные. Но не раздѣляя, повидимому, ни одной изъ нашихъ наклонностей, онъ постоянно является начальникомъ, судьей, генераломъ, адмираломъ, наконецъ монархомъ, но ни болѣе, ни менѣе. Къ концу своей жизни, онъ почувствуетъ себя 'сильно утомленнымъ, но зато высоко станетъ въ памяти своего народа, а, быть можетъ, и цѣлаго міра, потому что толпа любитъ усилія, вызывающія удивленіе у нея; она чувствуетъ невольную гордость, видя старанія, прилагаемыя для ея ослѣпленія.

Лица, знавшія императора Александра, хвалятъ въ немъ совершенно другое: какъ достоинства, такъ и недостатки обоихъ братьевъ были противоположны; въ нихъ не было ничего общаго, и они не чувствовали никакой симпатіи другъ къ другу.

Нынѣшній императоръ только въ кругу своего семейства забываетъ свое верховное величіе. Только тамъ вспоминаетъ онъ, что человѣкъ имѣетъ присущія его природѣ удовольствія, независимыя отъ его государственныхъ обязанностей. Но крайней мѣрѣ, относительно его я полагаю, что именно это безкорыстное чувство привязываетъ его къ семейному очагу; безъ сомнѣнія, его семейныя добродѣтели облегчаютъ ему управленіе, обезпечивая всеобщее уваженіе, но я увѣренъ, что онъ остался бы вѣренъ имъ и безъ этихъ соображеній.

У русскихъ верховную власть почитаютъ подобно религіи, влияніе которой остается независимымъ отъ личныхъ достоинствъ священнослужителей, и такъ какъ при подобномъ взглядѣ добродѣтели государя остаются въ сторонѣ, то слѣдовательно онъ вполне искренни, когда проявляются.

Еслибы я жилъ въ Петербургѣ, я сдѣлался-бы придворнымъ, не изъ любви къ власти, не изъ жадности и не изъ дѣтскаго тщеславія, но лишь изъ желанія открыть какъ-нибудь способъ проникнуть въ душу этого исключительнаго человѣка, такъ сильно отличающагося отъ всѣхъ прочихъ; неотзывчивость у него не природный недостатокъ, но неизбѣжный результатъ положенія, не имъ избраннаго.

которое онъ и покинуть не можетъ. Отказаться отъ оспариваемой власти часто значить отомстить, отказаться-же отъ власти неограниченной — просто трусость.

Не знаю, дано-ли природой императору Николаю сердце, открытое для дружбы, но я чувствую, что надежда проявить безкорыстную привязанность къ человѣку, которому общество отказывало въ равныхъ ему, можетъ замѣнить честолюбіе. Неограниченный монархъ болѣе всѣхъ страдаетъ нравственно отъ неравенства положеній, и его горе тѣмъ значительнѣе, что, возбуждая зависть толпы, оно должно казаться неизлѣчимымъ тому, на кого обрушилось.

Опасность даже придавала-бы моему усердію прелесть энтузіазма. Какъ, скажутъ, привязанность къ человѣку, неимѣющему ничего человѣческаго, строгое лицо котораго внушаетъ постоянно уваженіе, смѣшанное съ боязнью, чей твердый и упорный взглядъ, исключая возможность фамиллярности, принуждаетъ къ повиновенію, чей ротъ, улыбаясь, никогда не гармонируетъ съ выраженіемъ глазъ, къ человѣку, ни на минуту не забывающему, что онъ неограниченный властелинъ! Почему-же нѣтъ? Во всемъ этомъ я вижу вынужденную привычку, но не сущность характера, и мнѣ кажется, что я разгадалъ этого человѣка, на котораго вы клеветеете вашимъ страхомъ, вашими предосторожностями и лестью, и вижу, чего стоитъ ему выполнение его обязанностей, какъ государя.

Что касается двора, то онъ производитъ впечатлѣніе театра, гдѣ актеры проводили-бы свою жизнь въ генеральныхъ репетиціяхъ.

.....
 Я предпочитаю Азію: тамъ болѣе гармоніи. Въ Россіи-же, съ каждымъ сдѣланнымъ вами шагомъ, вы поражаетесь послѣдствіями, обусловленными новизной порядка и учреждений и неопытностью людей. Все это старательно скрывается, но путешественнику не много нужно наблюдательности, чтобъ замѣтить то, что не желаютъ ему показывать.

.....
 Представьте же себѣ, что долженъ былъ перестрадать онъ, чтобы выработать въ себѣ главу славянъ? — Принужденность постоянно одерживать побѣду надъ самимъ собою, чтобы царствовать надъ другими, не объясняетъ-ли намъ напряженности новаго патріотизма императора Николая?..

Чтобы ускользнуть отъ налагаемаго имъ самому себѣ гнета, онъ ѣздитъ верхомъ, ходитъ, дѣлаетъ смотры, ведетъ маленькія войны, даетъ праздники, производитъ ученые флоту—и все это въ одинъ и тотъ же день; болѣе всего опасаются при этомъ дворъ отдыха, и отсюда

я заключилъ, что зато нигдѣ и не скучаютъ такъ, какъ здѣсь. Императоръ безпрестанно путешествуетъ; онъ проѣзжаетъ, по крайней мѣрѣ, полторы тысячи миль въ каждое время года, и не допускаетъ, чтобы у прочихъ не было столько-же силъ, какъ у него. Императрица любитъ его, боится оставлять его одного, повсюду слѣдуетъ за нимъ, насколько позволяютъ ей силы, и умираетъ отъ утомленія; она привыкла вести жизнь чисто внѣшнюю. Этотъ родъ разсѣянія, сдѣлавшійся необходимымъ ея уму, убиваетъ ея тѣло“.

Кюстинъ былъ представленъ Николаю Павловичу не французскимъ посломъ, а, по личному приказанію государя, оберцеремоній-мейстеромъ двора въ числѣ прочихъ представлявшихся иностранцевъ.

„Императоръ принялъ насъ всѣхъ съ крайнею вѣжливостію. Съ перваго взгляда въ немъ можно было узнать человѣка, обязаннаго и привыкшаго щадить самолюбіе другихъ. Всякій сразу почувствовалъ себя поставленнымъ на свое мѣсто во мнѣніи царя, а слѣдовательно и во мнѣніи всѣхъ.

Чтобы дать понятіе мнѣ, что онъ безъ неудовольствія смотритъ на мое намѣреніе объѣхать его имперію, онъ милостиво сказалъ мнѣ, что нужно проѣхать, по крайней мѣрѣ, до Москвы и Нижняго, чтобы составить себѣ истинное понятіе о странѣ; „Петербургъ—русскій“, прибавилъ онъ, „но это не Россія“.

Эти нѣсколько словъ были произнесены голосомъ, который никогда нельзя позабыть, такъ много въ немъ было повелительности, такъ онъ былъ важенъ и твердъ. Всѣ говорили мнѣ о внушительномъ видѣ, о благородствѣ чертъ и фигуры императора, но никто не предупреждалъ меня о мощи его голоса; голосъ этотъ принадлежитъ человѣку, рожденному повелѣвать. Въ немъ неслышно ни усилій, ни заученности; это даръ, развитый привычкою пользоваться имъ.

Императрица обладаетъ крайне плѣняющею наружностью, и звукъ ея голоса настолько-же мягокъ и проникаетъ вамъ въ душу, насколько голосъ императора повелителенъ отъ природы.

Она спросила меня, явился-ли я въ Петербургъ въ качествѣ простаго туриста. Я отвѣчалъ ей, что да. „Я знаю, что вы любопытны“, возразила она.

„Да, государыня“, возразилъ я, „любопытство привело меня въ Россію, но на этотъ разъ я не раскаиваюсь, что поддался своей страсти объѣзжать свѣтъ“.

— „Вы думаете?“ проговорила она съ очаровательной граціей.

„Мнѣ кажется, что въ этой странѣ такъ много удивительнаго, что, чтобы повѣрить этому, нужно видѣть все собственными глазами“.

— „Я желала бы, чтобы вы очень многое увидѣли здѣсь, и притомъ хорошо“.

„Желаніе вашего величества служить мнѣ поощреніемъ“.

— „Если вы составите себѣ хорошее мнѣніе, вы его выскажете, но это будетъ бесполезно, такъ какъ вамъ не повѣрять: насъ плохо знаютъ и не хотятъ знать лучше“.

Эти слова поразили меня въ устахъ императрицы въ виду безпокойства, обнаруженнаго ими. Въ то же время мнѣ казалось, что они служатъ знакомъ нѣкотораго благоволенія ко мнѣ, выраженнаго съ рѣдкими вѣжливостью и простотою.

Императрица съ перваго-же взгляда внушаетъ къ себѣ столько-же довѣрія, какъ и уваженія; сквозь принужденную сдержанность языка и придворныхъ привычекъ видишь, что у нея есть сердце. Это несчастіе придаетъ ей безотчетную очаровательность: она болѣе, чѣмъ императрица—она женщина.

Она показалась мнѣ до крайности утомленной, ея худоба ужасна. Всѣ говорятъ, что тревоженія жизни, которую ведетъ она, погубятъ ее, но что скука жизни болѣе спокойной, тоска, убили-бы ее.

Праздникъ, послѣдовавшій за нашимъ представленіемъ, былъ однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ зрѣлищъ, когда-либо мной видѣнныхъ“.

Кюстинъ смѣется „надъ скучнымъ, медленнымъ и чопорнымъ полонезомъ, которымъ открылся балъ“, и вспоминаетъ другой полонезъ въ Вѣнѣ въ 1814 г., во время конгресса. „Никакой этикетъ не соблюдался тогда на этихъ европейскихъ празднествахъ; каждый помѣщался гдѣ ему угодно, среди монарховъ всей земли. Судьба поставила меня между императоромъ Россіи, Александромъ, и его супругой, урожденной принцессой Баденской. Я танцевалъ, но чувствовалъ себя нѣсколько стѣсненнымъ отъ невольнаго сосѣдства столь высокихъ особъ. Вдругъ цѣпь танцующихъ остановилась неизвѣстно почему, хотя музыка продолжала играть. . . .“

Говоря о крайне послѣшней постройкѣ Зимняго дворца въ одинъ годъ, путешественникъ пишетъ: „Послы цѣлой Европы были приглашены туда восхищаться волшебнымъ могуществомъ этого правительства, тѣмъ съ большею горечью осуждаемаго людьми обыденными, что ему особенно завидуютъ и удивляются политики, люди чисто практическіе, которыхъ прежде всего должна поражать при единодержавіи простота государственнаго механизма“.

Сравнивая Парижъ съ Петербургомъ, онъ говоритъ: „все-таки въ Парижѣ ведутъ самую пріятную жизнь. Тамъ всѣмъ пользуются для веселья, браня все, въ Петербургѣ-же скучаютъ, хваля все.“

Среди тысячъ лицъ, болѣе или менѣе блиставшихъ золотомъ и брилліантами, находился киргизскій ханъ, видѣнный мною утромъ; онъ явился съ своимъ сыномъ, котораго привезъ для опредѣленія въ Пажескій корпусъ, и съ цѣлою свитою; замѣтилъ я также старую грузинскую царицу, лѣтъ тридцать тому назадъ лишенную престола. Эта несчастная женщина томится (?) теперь при дворѣ своихъ побѣдителей. Ея костюмъ и прическа возбуждали общій смѣхъ.

Національное платье русскихъ придворныхъ дамъ—стариннаго фасона; оно придаетъ всей фигурѣ величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ восточный характеръ.

Вообще, какъ я уже говорилъ вамъ, женская красота рѣдкость въ Петербургѣ; но въ большомъ свѣтѣ грація и очаровательность очень часто замѣняютъ собою правильность чертъ и тонкость очертаній. Есть, впрочемъ, нѣсколько грузинокъ, соединяющихъ оба преимущества. Эти свѣтила блистаютъ среди дамъ сѣвера, подобно звѣздамъ на совершенно темномъ небѣ южныхъ странъ.

Довольно странный случай показалъ мнѣ степень изысканной вѣжливости императора.

Во время бала церемоніймейстеръ указалъ иностранцамъ, впервые появившимся при дворѣ, мѣста, назначенныя для нихъ за столомъ во время ужина. „Когда балъ пріостановится, сказалъ онъ каждому изъ насъ, вы послѣдуете за толпою до самой галлерей; тамъ увидите огромный сервированный столъ; направьтесь къ правой сторонѣ его и сядьте на первыхъ свободныхъ мѣстахъ“.

Былъ накрытъ только одинъ большой столъ на тысячу кувертовъ для дипломатическаго корпуса, иностранцевъ и всѣхъ придворныхъ, но при входѣ въ залу, направо и нѣсколько впереди, стоялъ небольшой и круглый столъ на восемь персонъ.

Одинъ женевецъ, молодой человѣкъ, образованный и умный, представлялся императору въ тотъ-же вечеръ вмѣстѣ со мною въ мундирѣ національной гвардіи, не пользующемся расположеніемъ императора; тѣмъ не менѣе, молодой швейцарецъ чувствовалъ себя совершенно хорошо; природное-ли самодовольство, республиканская-ли развязность или, наконецъ, сердечная простота, но онъ, кажется, вовсе не думалъ ни объ окружавшихъ его, ни о производимомъ имъ на всѣхъ впечатлѣніи. Нашъ способъ держаться, далеко не одинаковый, имѣлъ одинъ и тотъ-же успѣхъ: императоръ обходился съ обоими нами совершенно ровно.

Одинъ опытный и умный человѣкъ совѣтовалъ мнѣ полусерьезно-полушутливо, если хочу понравиться государю, принять робкій и почтительный видъ, но совѣтъ его былъ-бы бесполезенъ, и вотъ вамъ примѣръ природнаго достоинства этого монарха.

Я уже говорилъ, что женевецъ, далеко не раздѣляя моей скромности, внушенной старинными понятіями о вѣжливости, вовсе и не беспокоился этимъ. Онъ молодъ и сынъ своего времени — вотъ и все; поэтому я съ нѣкоторою завистью смотрѣлъ на его непринужденность всякій разъ, какъ съ нимъ заговаривалъ императоръ.

Любезность императора была скоро подвергнута молодымъ швейцарцемъ болѣе рѣшительному испытанію. При входѣ въ залъ для ужина, направляясь согласно полученной инструкціи вправо, онъ обратилъ вниманіе на небольшой круглый столъ и безстрашно усѣлся за нимъ одинъ, такъ какъ столъ этотъ былъ совершенно свободенъ. Нѣсколько минутъ спустя, когда всѣ разсѣлись, вошелъ императоръ, въ сопровожденіи самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, и сѣлъ за тотъ-же круглый столъ, противъ счастливаго. Я долженъ прибавить, что императрицы за этимъ столомъ не было. Молодой путешественникъ оставался на своемъ мѣстѣ съ тѣмъ-же непоколебимымъ спокойствіемъ, которымъ я такъ восхищался въ немъ.

Однаго мѣста однако не хватало, потому что императоръ вовсе не рассчитывалъ на этого неожиданнаго девятаго гостя, но съ вѣжливостью изысканность которой граничить съ мягкостью добраго сердца, шепотомъ приказалъ лакею принести лишній стулъ и приборъ, что было исполнено тихо, безъ замѣшательства ¹⁾. Между тѣмъ счастливый молодой человекъ хотя и замѣтилъ, что онъ усѣлся тамъ помимо желанія императора, съ невозмутимостью поддерживалъ во время ужина разговоръ со своими двумя ближайшими сосѣдями. Я думалъ, что есть-же у него тактъ, что онъ не захочетъ возбуждать общаго вниманія и, безъ сомнѣнія, выжидаетъ лишь момента, когда императоръ встанетъ чтобы подойти къ нему и объяснить недоразумѣніе. Но не тутъ-то было!...

По окончаніи ужина, мой простакъ, далекій отъ мысли извиняться, нашелъ, казалось, вполне естественною оказанную ему честь. Вернувшись вечеромъ домой, онъ, вѣроятно, попросту отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „ужинъ съ императоромъ“. Тѣмъ не менѣе его величество сократилъ ему это удовольствіе и, поднявшись изъ-за стола ранѣе сидѣвшихъ за большимъ, началъ обходить насъ, требуя, чтобы

¹⁾ По другимъ разсказамъ, Николай Павловичъ, крайне пораженный этой наивной дерзостью, сказалъ улыбаясь: „насъ должно было быть восемь за нашимъ столомъ, но чтоже, насъ будетъ девять, потому что случай посылаетъ намъ однимъ гостемъ болѣе“. Во время ужина государь нѣсколько разъ благосклонно заговаривалъ съ нимъ.

всѣ оставались сидѣть; великій князь цесаревичъ сопровождалъ своего отца; я видѣлъ какъ онъ остановился за стуломъ одного англійскаго вельможи, маркиза ***, и шутилъ съ молодымъ лордомъ, его сыномъ. Иностранцы, какъ и всѣ прочіе, продолжали сидѣть передъ императоромъ и наслѣдникомъ и отвѣчали имъ, повернувшись спиною и не переставая кушать.

Этотъ образчикъ англійской вѣжливости доказываетъ вамъ, что императоръ Россіи болѣе простъ въ обращеніи, чѣмъ многія частныя лица“.

Отъ жары въ залѣ Кюстинъ ушелъ въ амбразуру открытаго окна: „тамъ, совершенно забывъ все окружающее, я былъ пораженъ вдругъ однимъ изъ тѣхъ свѣтовыхъ явленій, которыми наслаждаешься только на сѣверѣ и только въ волшебныя свѣтлыя полярныя ночи. Я совершенно погрузился въ глубокое созерцаніе, когда вдругъ былъ выведенъ изъ него звукомъ женскаго голоса, нѣжнаго и проникающаго въ душу. „Что вы дѣлаете здѣсь?“... „Государыня, я восхищаюсь, сегодня я только и занимаюсь этимъ“.

Это была императрица. Она очутилась одна со мною въ амбразурѣ окна, въ формѣ павильона, открытаго на Неву. „Я же задыхаюсь“, продолжала ея величество: „это менѣ поэтично. Вы правы, люблюсь этой картиной: она великолѣпна“. Она стала смотрѣть вмѣстѣ со мною.

— „Я увѣрена, прибавила она; что только вы и я и наблюдаемъ это“.

„Все, что я вижу здѣсь, ново для меня, государыня, и я никогда не примирюсь съ мыслью, что не приѣхалъ въ Россію въ молодости“.

— „Всегда можно быть молодымъ сердцемъ и воображеніемъ“.

Я не посмѣлъ возражать, потому что у императрицы, какъ и у меня, оставалась только одна эта молодость, и мнѣ не хотѣлось дать ей почувствовать это; она не дала-бъ мнѣ времени, а у меня не хватило-бы смѣлости сказать ей сколько у нея вознагражденій, чтобы утѣшиться въ быстромъ теченіи времени. Удаляясь, она сказала мнѣ съ исключительно присущей ей граціей: „я вспомню, что страдала и восхищалась вмѣстѣ съ вами“. Потомъ прибавила: „я не ухожу совсѣмъ, мы еще увидимся въ этотъ вечеръ“.

Изъ другаго окна Кюстинъ видѣлъ безмолвно стоявшія массы народа, какъ-бы пораженныя блескомъ дворца своего властелина. Это громадное стеченіе народа вызываетъ у него слѣдующее замѣчаніе: „коверь изъ головъ на дворѣ дворца былъ лучшимъ украшеніемъ дворца императора въ первую свадебную ночь его дочери“.

„Я вернулся къ себѣ, пораженный величіемъ и великолѣпіемъ императора, и еще болѣе удивленный безкорыстнымъ восхищеніемъ народа благами, которыхъ онъ не имѣетъ, никогда имѣть не будетъ

и о которыхъ даже не смѣетъ сожалѣть. Еслибы я не видѣлъ ежедневно сколько честолюбивыхъ эгоистовъ поражаетъ свобода, мнѣ трудно было бы повѣрить, что самодержавіе можетъ создать столько безкорыстныхъ философовъ“.

Письмо двѣнадцатое.

Петербургъ, 19 іюля 1839 г.

„Надо быть русскимъ и даже самимъ императоромъ, чтобы противостоять усталости петербургской жизни въ настоящее время: вечеромъ—празднества, какихъ никогда и не увидишь въ Россіи; утромъ—поздравленія при дворѣ, приемы, парады на сушѣ и морѣ, спускъ 120 пушечнаго корабля на Неву въ присутствіи двора и сего города, — вотъ что поглощаетъ мои силы и занимаетъ мое любопытство.

Я видѣлъ вѣнскій конгрессъ, но не припомню собранія, которое можно было-бы сравнить по богатству драгоцѣнностей, костюмовъ, разнообразію и роскоши мундировъ, величію и гармоніи общаго впечатлѣнія, съ праздникомъ, даннымъ императоромъ въ вечеръ свадьбы его дочери въ Зимнемъ дворцѣ, сгорѣвшемъ годъ тому назадъ и теперъ возставшемъ изъ пепла по манію одного человѣка.

Петръ Великій не умеръ; его нравственная сила живетъ и постоянно дѣйствуетъ. Николай—единственный (?) русскій императоръ, котораго имѣетъ Россія со дня смерти основателя ея столицы.

Вечеромъ, къ концу бала, я, по своему обыкновенію, держался въ сторонѣ и любовался у окна сѣверной природой. Здѣсь нашли меня посланные императрицей офицеры. Передъ цѣлымъ дворомъ она милостиво сказала мнѣ:

— „Я уже давно спрашиваю васъ, маркизъ; почему вы бѣгаете отъ меня?“

„Я два раза становился по пути вашего величества, но вы не изволили замѣтить меня“.

— „Это ужъ ваша вина, потому что я ищу васъ съ тѣхъ поръ, какъ вернулась въ большую залу. Мнѣ хочется, чтобы вы осмотрѣли здѣсь все въ подробностяхъ и вынесли о Россіи мнѣніе, могущее исправить сужденія людей не умныхъ и злыхъ“.

„Я не приписываю себѣ, государыня, этой власти, но еслибы отъ моихъ впечатлѣній зависѣли убѣжденія другихъ, скоро вся Франція смотрѣла-бы на Россію, какъ на страну волшебствъ“.

— „Не надо придерживаться вѣщности; вы должны судить о

сущности вещей, и у васъ есть всѣ данныя для этого. Прощайте, я не говорю до свиданія; жара сильно утомляетъ меня; не забудьте велѣть показать себѣ мои новые апартаменты; они передѣланы по мысли императора. Я прикажу все показать вамъ“.

Уходя, она оставила меня предметомъ всеобщаго любопытства и наружнаго расположенія присутствующихъ.

Эта придворная жизнь до того нова для меня, что даже забавляетъ меня: это точно путешествіе въ давно прошедшія времена, и иногда я думаю: ужъ не въ Версали-ли я, сто лѣтъ тому назадъ? Изысканная вѣжливость вполнѣ естественна здѣсь; вы видите насколько далеко Петербургъ отъ нашей современной Франціи“.

На другой день былъ балъ у великой княгини Елены Павловны.

„Передъ ужиномъ императрица, сидѣвшая подъ навѣсомъ изъ экзотическихъ растений, сдѣлала мнѣ знакъ приблизиться къ ней; едва я повиновался ему, какъ императоръ подошелъ къ волшебному бассейну, фонтанъ котораго освѣщаль насъ и освѣжалъ воздухъ своими блестящими благоухающими брызгами. Онъ взялъ меня за руку, отвелъ на нѣсколько шаговъ отъ кресла императрицы и тамъ болѣе четверти часа соизволилъ разговаривать со мной о вещахъ интересныхъ, такъ какъ этотъ монархъ не разговариваетъ, подобно другимъ, лишь для виду.“

Сначала онъ сказалъ нѣсколько словъ о прекрасномъ устройствѣ праздника. Я отвѣчалъ, что „при столь дѣятельной жизни, какъ его, я удивляюсь, что онъ можетъ находить время для всего, даже для участія въ удовольствіяхъ толпы“.

— „Къ счастью, возразилъ онъ,—административная машина въ моей странѣ крайне проста, иначе при разстояніяхъ, и безъ того служащихъ препятствіемъ всему, да будь еще сложная система, было бы недостаточно головы одного человѣка“.

Я былъ удивленъ и польщенъ этимъ откровеннымъ тономъ; императоръ, лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимающій то, чего не договариваютъ ему, продолжалъ, какъ-бы отвѣчая на мою мысль:

— „Я говорю вамъ подобнымъ образомъ, потому что увѣренъ, что вы въ состояніи понять меня: мы продолжаемъ дѣло Петра Великаго“.

„Онъ не умеръ, государь, его геній и воля управляютъ еще Россіей“.

Когда императоръ разговариваетъ съ кѣмъ-либо въ обществѣ, большой кругъ придворныхъ опоясываетъ его на почтительномъ разстояніи. Оттуда никто не можетъ слышать словъ государя, на котораго, однако, устремлены всѣ взоры.

Не монархъ стѣсняетъ васъ, когда дѣлаетъ вамъ честь разговаривать съ вами, но его дворъ.

Императоръ продолжалъ: „очень трудно заставить выполнять эту волю; общая покорность даетъ вамъ поводъ заключать объ однообразіи, но разувѣрьтесь: нѣтъ страны, гдѣ было-бы такое разнообразіе народностей, нравовъ, религіи и ума, какъ въ Россіи. Разнообразіе здѣсь въ сущности: однообразіе чисто лишь поверхностное и единство только кажущееся. Вотъ видите тамъ человѣкъ двадцать офицеровъ: только первые два изъ нихъ русскіе, три слѣдующіе—примирившіеся съ нами поляки, прочіе—частью нѣмцы, а есть даже киргизскіе ханы, привозящіе своихъ сыновей воспитываться среди моихъ кадетъ — вотъ вамъ одинъ“,—сказалъ онъ, указывая пальцемъ на маленькую китайскую обезьяну въ странномъ бархатномъ одѣяніи, покрытомъ золотомъ. Это дитя Азіи было укутано высокимъ прямымъ, остроконечнымъ головнымъ уборомъ съ большими округленными и загнутыми краями,—похожимъ на шутовской колпакъ.

— „Двѣсти тысячъ дѣтей воспитываются на мой счетъ вмѣстѣ съ этимъ мальчикомъ“.

„Въ Россіи, государь, все дѣлается въ огромныхъ размѣрахъ; здѣсь все колоссально“.

— „Слишкомъ колоссально для одного человѣка“.

„Кто стоялъ ближе всѣхъ къ своему народу“.

— „Вы намекаете на Петра Великаго?“

„Нѣтъ, государь!“

— „Я надѣюсь, вы не ограничитесь однимъ Петербургомъ; каковъ планъ вашего путешествія по моей странѣ?“

„Я рассчитываю, государь, отправиться тотчасъ-же послѣ петергофскихъ праздниковъ“.

— „Куда-же?“

„Въ Москву и Нижній“.

— „Это хорошо, но вы собираетесь туда слишкомъ рано: вы оставите Москву раньше моего приѣзда, а я былъ-бы очень радъ видѣть васъ тамъ“.

„Слова вашего величества заставляютъ меня измѣнить свой планъ“.

— „Тѣмъ лучше. Мы покажемъ вамъ новыя работы, производимыя въ Кремлѣ. Мнѣ хочется приблизить архитектуру этихъ старинныхъ зданій къ современному типу; къ тому-же слишкомъ дворецъ сдѣлался и неудобенъ для меня. Вы будете присутствовать также при любопытной церемоніи въ Бородинѣ: я долженъ положить тамъ первый камень въ основаніе памятника, воздвигаемаго, по моему повелѣнію, въ память Бородинской битвы“.

Я хранилъ молчаніе, и, безъ сомнѣнія, выраженіе моего лица

стало серьезно. Императоръ пристально посмотрѣлъ на меня и затѣмъ продолжалъ тономъ доброты, съ оттѣнкомъ деликатности и даже чувства, тронувшими меня:

— „По крайней мѣрѣ, хоть видъ маневровъ заинтересуетъ васъ“.
„Меня все интересуесть въ Россіи, государь“.

На этомъ-же балу у великой княгини Елены Павловны произошелъ слѣдующій случай. Императоръ разговаривалъ съ австрійскимъ посломъ. Недавно назначенный молодой камергеръ получилъ отъ великой княгини Маріи Николаевны приказаніе пригласить посла отъ ея лица танцовать съ нею; въ своемъ усердіи, несчастный новичекъ, прорвавъ кругъ, о которомъ я говорилъ выше, безстрашно подошелъ къ императору и при его величествѣ сказалъ австрійскому послу:

— „Графъ, герцогиня Лейхтенбергская проситъ васъ танцовать съ нею первый полонезъ“.

Императоръ, недовольный поступкомъ новаго камергера, сказалъ ему очень громко: „вы только назначены на вашу должность, такъ научитесь-же выполнять ее. Прежде всего, моя дочь не герцогиня Лейхтенбергская, а великая княгиня Марія Николаевна, а во вторыхъ, вы должны знать, что меня не прерываютъ, когда я разговариваю съ кѣмъ-либо“.

Императоръ не ограничился этимъ и сдѣлалъ выговоръ и обер-камергеру.

Сегодня я обѣдалъ у одного русскаго офицера, молодаго графа ***, показывавшаго мнѣ утромъ минералогическій кабинетъ, лучший, какъ мнѣ кажется, въ Европѣ, потому что богатства Урала ни съ чѣмъ несравнимы... Вы, быть можетъ, подумаете, что я преувеличиваю, сказавши, что въ Петербургѣ знакомисься съ Россіей не лучше, чѣмъ во Франціи. Здѣсь, безъ протекціи, вы ни о чемъ не получите понятія, а между тѣмъ, покровительство часто стѣсняетъ васъ или-же даетъ о дѣлѣ ложное представленіе“¹⁾.

Перевелъ К. Плавинскій.

Сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

¹⁾ Чего, впрочемъ, и желаютъ здѣсь.

Присужденіе императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ большой золотой медали В. И. Семевскому за его трудъ:
<Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка>.

Императорское вольное экономическое общество со времени своего возникновенія относилось съ живѣйшимъ интересомъ къ вопросамъ сельскаго хозяйства и къ положенію крестьянъ, какъ къ кореннымъ условіямъ развитія народнаго богатства въ нашемъ отечествѣ. Для выясненія подобнаго рода вопросовъ, общество, въ продолженіе своего существованія, устраивало экспедиціи для изслѣдованія разныхъ раіоновъ, выражало одобреніе выдающимся дѣятелямъ и награждало почетными наградами труды, посвященные разработкѣ подобнаго рода вопросовъ. Къ числу сочиненій, обратившихъ на себя въ послѣднее время вниманіе многихъ членовъ общества, относится трудъ доктора русской исторіи В. И. Семевского: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“.

Этотъ вопросъ близокъ обществу не только по самой идеѣ, но и исторически связанъ съ нимъ, такъ какъ державная покровительница общества, императрица Екатерина II, первая обратилась въ общество, насчитывавшее въ своей средѣ землевладѣльцевъ, съ вопросомъ: что полезнѣе для народнаго хозяйства—освобожденіе крестьянъ съ землею или безъ земли; въ царствованіе-же

императора Александра I общество объявило задачу о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда, при чемъ государемъ были даны средства для увѣнчанія лучшаго труда на эту тему.

Такъ какъ В. И. Семевскій въ своемъ трудѣ выяснилъ дѣятельность общества по крѣпостному вопросу во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, то его трудъ былъ переданъ въ III отдѣленіе общества, которое для его разсмотрѣнія выбрало изъ своей среды комиссію. Въ составъ комиссіи вошли: авторъ исторіи хлѣбныхъ цѣнъ въ Россіи А. Н. Егунновъ, сенаторъ Ѳ. Л. Барыковъ, въ 1858—1861 гг. принимавшій участіе въ трудахъ по крестьянскому дѣлу, а затѣмъ многіе годы управлявшій земскимъ отдѣломъ, и магистрантъ императорскаго Московскаго университета В. Т. Судейкинъ.

Въ засѣданіи III отдѣленія императорскаго вольно-экономическаго общества 20 января 1890 г. былъ прочитанъ печатаемый ниже отзывъ комиссіи, въ заключеніе котораго комиссія ходатайствовала о награжденіи В. И. Семевскаго большою золотою медалью.

Отдѣленіе, единогласно признавъ трудъ В. И. Семевскаго вполне заслуживающимъ такого поощренія со стороны и. в. э. общества, постановило: ходатайство по сему предмету представить въ совѣтъ общества, который утвердилъ представленіе III отдѣленія.

Въ общемъ собраніи общества 15 марта 1890 г. А. Н. Егунновъ прочелъ отзывъ комиссіи о трудѣ В. И. Семевскаго, вызвавшій горячія рукоплесканія, послѣ чего г. президентъ общества, баронъ П. Л. Корфъ, заявилъ: „Вопросъ, очевидно, слѣдуетъ признать рѣшеннымъ. Собраніе единогласно присуждаетъ В. И. Семевскому большую золотую медаль“.

Отзывъ комиссіи приложенъ къ журналу общаго собранія императорскаго вольнаго экономическаго общества 15 марта 1890 г. и напечатанъ въ „Трудахъ“ общества ¹⁾.

„Русская Старина“ перепечатываетъ этотъ отзывъ вслѣдъ за симъ цѣликомъ.

Ред.

¹⁾ „Труды Имп. Вольно-Эконом. общ.“ 1890 г. № 3, май—іюнь, стр. 91—99.

Ред.

„Скоро исполнится 29 лѣтъ съ того достопамятнаго дня, въ который совершилась у насъ великая реформа освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ отличіе отъ другихъ европейскихъ странъ, крестьяне наши были освобождены съ земельнымъ надѣломъ и съ сохраненіемъ искони-сложившагося общиннаго порядка землевладѣнія. Этотъ фактъ имѣетъ не только мѣстное, но міровое значеніе, съ двухъ точекъ зрѣнія: съ экономической, такъ какъ на всемірный рынокъ выступила крупная производительная сила, скоро наводнившая Европу дешевыми сельскохозяйственными продуктами, и съ социальнo-физиологической, такъ какъ, въ силу здраваго смысла русскаго народа, громаднѣйшій культурный переворотъ совершился у насъ мирнымъ, спокойнымъ и законнымъ путемъ, чему не даромъ завидовалъ и дивился весь западноевропейскій міръ.

По однимъ этимъ причинамъ, едва-ли какой другой вопросъ можетъ представить для русскаго историка столь животрепещущій интересъ, какъ выясненіе роли cadaго изъ общественныхъ элементовъ въ постепенномъ разрѣшеніи крѣпостнаго вопроса. До сихъ поръ въ этомъ отношеніи хотя и предпринимались попытки разными лицами, но большею частью они останавливались только на отдѣльныхъ эпизодахъ. Несравненно полнѣе, шире и глубже поставилъ и разрѣшилъ эту задачу извѣстный нашъ историкъ В. И. Семевскій въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“. Здѣсь впервые въ возможно-полномъ объемѣ разработанъ вопросъ о постепенномъ развитіи официальныхъ и неофициальныхъ мѣръ, клонившихся къ ограниченію крѣпостнаго права и завершившихся его упраздненіемъ.

На основаніи богатѣйшаго печатнаго и архивнаго, тщательно имъ разысканнаго рукописнаго матеріала, авторъ вполне выяснилъ не только роль цѣлыхъ общественныхъ классовъ, но и разныхъ отдѣльныхъ лицъ, подчасъ и неизвѣстныхъ, разъ только они проявили себя чѣмъ нибудь оригинальнымъ въ интересовавшемъ его вопросѣ, причемъ съ большою пытливостью изучалъ каждую отдѣльную записку и каждый отдѣльный трудъ и подробно оцѣнивалъ самые мотивы, въ силу которыхъ данное лицо или данная группа лицъ являлись защитниками или противниками освобожденія крестьянъ, съ землею, или безъ земли. Особенность

разработки у насъ такихъ жизненныхъ вопросовъ заключается обыкновенно въ томъ, что тутъ очень не легко сохранить полное безпристрастіе при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ явленій; однако г. Семевскій и въ этомъ отношеніи блистательно сѣумѣлъ выйти изъ затрудненій, такъ какъ, съ подобающимъ историкѣ спокойствіемъ, ничего не преувеличилъ, никого не умалилъ, добросовѣстно изложилъ и здравыя, и нелѣпыя мнѣнія боровавшихся направленій, и тѣмъ самымъ воздалъ коекомуждо по дѣламъ его, отнюдь въ то же время не скрывая ни личнаго сочувствія къ стремленіямъ передовыхъ русскихъ людей, ни отрицательнаго отношенія къ запоздавшимъ крѣпостникамъ.

Благодаря этимъ высокимъ качествамъ, капитальное изслѣдованіе г. Семевского рѣзко отличается тѣмъ чуждымъ всякаго педантизма характеромъ, который не только внушаетъ читателю живѣйшій и ни на минуту не прерывающійся интересъ къ самому предмету изложенія, но и возвышаетъ его собственный нравственный уровень, невольно подогрѣвая въ немъ чувства безпредѣльной признательности къ работникамъ и зиждителямъ обновленной послѣ 19-го февраля русской земли.

Такъ какъ едва ли найдется въ нашей средѣ человѣкъ, который не былъ бы уже знакомъ съ почтеннымъ изслѣдованіемъ г. Семевского, то мы считаемъ достаточнымъ возобновить въ памяти гг. сочленовъ нашихъ лишь краткіе изъ него выводы.

Крѣпостное право не есть созданіе спеціально-русской исторіи. Это та фаза историческаго развитія, съ которою знакомы болѣе или менѣе всѣ народы. Въ силу ея водворенія и укрѣпленія, естественно является въ народѣ неравенство, а съ нимъ болѣе и болѣе обостряющаяся противоположность классовыхъ интересовъ, которая сама въ себѣ носитъ и зачатки болѣе или менѣе скорого разложенія, такъ какъ на подобныхъ устояхъ человѣческое общество долго существовать не можетъ. Предоставляя полный произволъ однимъ классамъ въ распоряженіи личностью и собственностью другихъ, крѣпостное право вліяетъ равно деморализующимъ образомъ и на тѣхъ, и на другихъ. Явная несправедливость и глубокая безнравственность, присущія господству такого института въ странѣ, естественно побуждаютъ лучшихъ ея представителей не закрывать глазъ на всестороннюю его злобредность. Само правительство, какъ представитель высшаго начала справедливости, не можетъ долго

оставаться безучастнымъ къ страдальческому положенію большинства населенія и самъ собою выдвигается на очередь вопросъ—какъ провести реформу, не нарушая, по возможности, сложившихся частныхъ интересовъ? Въ короткихъ чертахъ, такъ жило и умирало крѣпостное безправіе вездѣ; такой же путь совершило оно и у насъ въ Россіи, гдѣ первыми сторонниками освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости явились въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія лучшіе представители обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ—князь В. В. Голицынъ и крестьянинъ Посошковъ. Самъ Петръ Великій отчетливо сознавалъ весь вредъ крѣпостнаго состоянія и лишь въ виду болѣе важныхъ государственныхъ задачъ ограничился немногими мѣрами, направленными къ уменьшенію особенно рѣзкихъ злоупотребленій. Съ большею настоятельностью развитіе освободительныхъ идей выдвинулось при Петрѣ III, когда само дворянство было освобождено отъ обязательнаго несенія государственной службы и когда логически возникъ поводъ обратить вниманіе и на сословіе, которое было закрѣпощено въ интересахъ той же государственной службы. Рѣшимость поднять брошенную судьбою перчатку возымѣла императрица Екатерина II, съ небольшою группою окружавшихъ престолъ ея образованныхъ русскихъ людей, естественно остановившихся, прежде всего, на экономической подкладкѣ вопроса, и именно на вопросѣ—можетъ-ли развиваться народное богатство, когда масса населенія не только ничего своего не имѣетъ, но даже и трудомъ своимъ не можетъ пользоваться? Время какъ нельзя болѣе благопріятствовало постановкѣ вопроса въ такой именно формѣ: не забудемъ, что то было время сильнѣйшей реакціи меркантилизму со стороны вновь народившагося въ Европѣ ученія физиократовъ, энергически возставшихъ противъ искусственнаго направленія производительныхъ силъ страны, съ присущими ему привилегіями и монополіями немногихъ отдѣльныхъ лицъ въ ущербъ всей народной массѣ, не менѣе энергически выдвинувшихъ на первый планъ земледѣліе, „какъ основу народнаго благосостоянія“, не отвергавшихъ и мануфактуръ, но поощрявшихъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя направлены къ обработкѣ землею производимаго сырья. Понятно, что въ такой земледѣльческой странѣ, какъ Россія, подобное ученіе не могло не найти сознательныхъ приверженцевъ, и въ ихъ ряду, по всей справедливости, первое мѣсто

должно быть отведено императрицѣ Екатеринѣ, одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего вѣка, близко ознакомленной съ идеями всѣхъ передовыхъ людей того вѣка ¹⁾). По ея же почину, возникшему „патріотическому обществу для поощренія въ Россіи земледѣльчества и экономіи“ (вслѣдъ затѣмъ императорскому вольному экономическому), императрица сама предложила для обсуждения вопросъ: „въ чемъ состоитъ или состоятъ должно для твердаго распространенія земледѣльчества имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашцевъ“, причемъ довольно прозрачно подсказала и отвѣтъ, мотивированный простѣйшимъ соображеніемъ, что „всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченіе о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отыметъ“ (I, 46). Но какъ предложеніе императрицы было подписано лишь буквами И. Е., а во главѣ общества стояли крупнѣйшіе душевладѣльцы того времени, то на него не обратили вниманія. Когда же обществу было прислано новое письмо, подъ тѣми же инициалами, но и съ приложеніемъ тысячи червонцевъ на расходы, то догадались, что отмалчиваться невозможно и волей-неволей щекотливый вопросъ былъ поставленъ. На него, хотя и откликнулось съ разныхъ концовъ Европы 167 человѣкъ, приславшихъ обществу свои отвѣты, но изъ этого крупнаго числа русскихъ оказалось не болѣе 7. Г. Семевскій воспользовался архивомъ нашего общества и съ большимъ вниманіемъ остановился на анализѣ присланныхъ записокъ, посвятивъ обзору ихъ цѣлыя двѣ главы своего изслѣдованія. Теперь уже не секретъ, что большинство приславшихъ отвѣты авторовъ, а въ ихъ числѣ и Вольтеръ, отнеслись отрицательно къ крѣпостному праву, справедливо признавъ его главнѣйшимъ тормазомъ въ развитіи земледѣльчества.

Болѣе видное мѣсто получилъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ комиссіи по составленію наказовъ. Въ средѣ депутатовъ раздавались голоса въ пользу предоставленія права владѣть крестьянами и другимъ сословіямъ, хотя въ то же время слышались и заявленія въ пользу воспрещенія продажи крестьянъ въ одиночку. Крѣпостники однако были гораздо сильнѣе и настойчиво высказывались въ пользу сохраненія крѣпостныхъ

¹⁾ Ср. статью «Екатерина и народное богатство» въ Эконом. журналѣ 1889 г., кн. 5—6.

правъ, между прочимъ и потому, что крестьяне, будучи предоставлены самимъ себѣ, растрачатъ свое имущество (I, 114). Скоро, впрочемъ, обстоятельства на-долго задержали рѣшеніе поставленнаго вопроса: нескрываемое противодѣйствіе окружающей среды, лѣта императрицы, Пугачевскій бунтъ, воочію показавшій, до какой звѣрской разнузданности способны доходить люди, лишеныя человѣческихъ правъ, а затѣмъ и французская революція привели не только къ запрету обсуждать вопросы крѣпостнаго права, но и къ ссылке въ Сибирь такого виднаго въ свое время человѣка, какимъ былъ Радищевъ. Задавшись, послѣ всего этого, вопросомъ — сдѣлала-ли что-нибудь Екатерина для облегченія судьбы крѣпостныхъ крестьянъ, г. Семевскій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, указываетъ, напротивъ, на закрѣпощеніе ею и малороссійскихъ крестьянъ, но въ то же время ставитъ ей въ несомнѣнную заслугу, что, подвергнувъ крѣпостной вопросъ гласному обсужденію, она проложила первый officialный путь къ той великой реформѣ, совершить которую суждено было Царю-Освободителю, и не безъ большаго основанія высказываетъ какъ-бы даже удовольствіе, что реформа эта не была проведена въ царствованіе Екатерины, такъ какъ едва-ли въ то время крѣпостной вопросъ могъ-бы быть разрѣшенъ въ томъ видѣ, въ какомъ разрѣшился 19 февраля.

Своеобразное четырехлѣтнее царствованіе императора Павла ознаменовано, съ одной стороны, новымъ закрѣпощеніемъ 600 тысячъ душъ крестьянъ, розданныхъ въ частную собственность; а съ другой—опредѣленіемъ законныхъ размѣровъ барщины и воспрещеніемъ продавать крестьянъ Малороссіи безъ земли. Сопоставленіе этихъ фактовъ приводитъ нашего историка къ заключенію, что въ дѣйствіяхъ правительства той эпохи не было опредѣленной системы.

Съ наступленіемъ новаго царствованія, освободительныя идеи настолько уже проникли въ общее сознаніе, что сдѣлалась возможною подача императору Александру I записокъ, специально направленныхъ къ постепенному упраздненію крѣпостнаго права. Починъ былъ сдѣланъ въ 1802 г. графомъ Румянцевымъ, съ легкой руки котораго и послѣдовалъ извѣстный законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Вскорѣ однако всѣ внутренніе вопросы отошли на задній планъ, благодаря непрерывнымъ

войнамъ, и только со второй половины царствованія пошли въ ход новыя для государя записки, составленіемъ которыхъ были заняты Сперанскій, Аракчеевъ, Канкринъ, Тургеневъ и др. Практически коренной вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, если не считать безземельнаго освобожденія остзейскихъ поселенъ, не сдѣлалъ послѣ изданія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ особенныхъ успѣховъ, такъ какъ за время съ 1804 по 1825 годъ воспользовались свободой въ силу этого закона не болѣе 47,153 душъ мужскаго пола. Но, по совершенно вѣрному замѣчанію нашего историка, „законъ этотъ имѣлъ въ высшей степени важное значеніе, такъ какъ для освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями ставилъ непремѣннымъ условіемъ надѣленіе ихъ землею и такимъ образомъ препятствовалъ обезземеленію народа, пагубныя послѣдствія котораго такъ скоро сказались въ Остзейскомъ краѣ“ (II, 209).

Съ этой точки зрѣнія болѣе плодотворное воздѣйствіе на рѣшеніе крестьянскаго вопроса оказало царствованіе императора Николая. Прослушавъ курсъ политической экономіи у извѣстнаго сторонника эманципаціи, профессора Шторха, государь этотъ не могъ въ глубинѣ совѣсти своей не затаить чувства отвращенія къ крѣпостному безправію, тѣмъ болѣе, что чувство это непрестанно питала и разжигала сама жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, дозволенныхъ и недозволенныхъ, законныхъ и незаконныхъ. Съ одной стороны, прогрессивно возраставшее число крестьянскихъ волненій (а ихъ во все царствованія насчитывалось болѣе 500), въ огромномъ большинствѣ вызывавшихся крайностями нерѣдко самаго дикаго произвола помѣщичьей власти, съ другой духъ времени, съ большей и большей прозрачностью сказывавшійся даже въ подцензурной литературѣ тридцатыхъ годовъ, имѣли послѣдствіемъ, что уже во второй ихъ половинѣ государь рѣшился изъять крестьянскія дѣла изъ вѣдѣнія министерства финансовъ, взять ихъ въ свои собственныя руки и призвать къ ближайшему завѣдыванію ими незабвеннаго государственнаго челоуѣка—графа П. Д. Киселева, котораго не даромъ называлъ въ шутку „начальникомъ своего штаба по крестьянскому дѣлу“; а въ засѣданіи государственнаго совѣта 30 марта 1842 года прямо высказалъ, между прочимъ, „что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бы-

вали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда, и если рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры безъ общаго потрясенія невозможны, то необходимо по крайности приуготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и, не утрущаясь передъ всякой переменой, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія“ (II, 61). Эти вѣщія слова и были, какъ извѣстно, программой всего царствованія, обзору котораго, именно какъ подготовительнаго къ полному освобожденію крестьянъ, г. Семевскій посвятилъ весь второй томъ своего капитальнаго изслѣдованія въ 625 страницъ убористой печати (въ первомъ томѣ 570 страницъ), гдѣ подробнѣйшимъ образомъ разсмотрѣлъ дѣятельность всѣхъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, указалъ какъ отнеслись къ начинаніямъ и попыткамъ правительства съ одной стороны дворянство и помѣщики, съ другой представители науки, литературы и журналистики и разныя частныя лица, извѣстныя и неизвѣстныя, не упустивъ изъ вида и западныхъ губерній, гдѣ и политическія причины побуждали правительство къ болѣе энергичной защитѣ народа отъ высшаго сословія.

Остановливаясь на всѣхъ этихъ подробностяхъ мы, конечно, не будемъ уже потому, что это завело бы насъ слишкомъ далеко. Отмѣтимъ только, въ возможно краткихъ чертахъ, чѣмъ завершилось царствованіе императора Николая по отношенію къ крѣпостному праву, и какимъ образомъ разъяснилъ нашъ историкъ тотъ, съ перваго взгляда противорѣчивый, но во всякомъ случаѣ крайне интересный фактъ, что съ одной стороны самодержавный и самовластный государь (какъ назвалъ себя самъ онъ въ государственномъ совѣтѣ) несомнѣнно и вполне сознательно желалъ „вести процессъ противъ рабства, чтобы, когда наступитъ время, освободить крестьянъ во всей имперіи“; а съ другой ни разу въ тридцатилѣтнее царствованіе не имѣлъ рѣшимости признать, что время уже наступило, и ограничился лишь заботами о томъ, чтобы великое дѣло это „передать сыну, съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи“ (II, 530).

Отвѣчая на первый изъ этихъ вопросовъ, г. Семевскій при-

водитъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ уменьшенію числа крѣпостныхъ людей и къ возможному улучшенію ихъ быта, каковы: прекращеніе раздачи крестьянъ по всемилостивѣйшимъ пожалованіямъ, запрещеніе водворять русскія крѣпостныя поселенія въ Бессарабіи и за Кубанью; покупка населенныхъ помѣщичьихъ имѣній въ казну и конфискація многихъ таковыхъ въ 1831 году въ западныхъ губерніяхъ; ограниченіе числа лицъ и учреждений, имѣвшихъ право владѣть крѣпостными людьми, и въ этихъ цѣляхъ съ одной стороны возвышеніе съ 1845 г. чиновъ, дававшихъ право потомственного дворянства, а съ другой усиленіе наказаній за противозаконное владѣніе крѣпостными; запрещеніе отдавать крѣпостныхъ людей на горные заводы и уступать ихъ въ постороннія руки по дарственнымъ записямъ; запрещеніе давать и принимать крѣпостныхъ людей безъ земли въ обезпеченіе и на удовлетвореніе частныхъ долговъ; запрещеніе раздроблять семьи крѣпостныхъ людей при ихъ продажѣ и совершать купчія о продажѣ крестьянъ и дворовыхъ людей на имя покупателей, не имѣющихъ собственныхъ населенныхъ имѣній; дозволеніе въ 1847 году (отнятое впрочемъ въ реакцію 1849 года) выкупаться на свободу крестьянамъ имѣній, продаваемыхъ съ публичнаго торга; болѣе точное опредѣленіе правъ помѣщика на расправу съ порочными крестьянами; ограниченіе крестьянскихъ повинностей въ юго-западномъ краѣ и повсемѣстное запрещеніе чинить сборы съ крестьянъ на воспитаніе дворянскихъ дѣтей, и т. п. Въ подтвержденіе общей цѣлесообразности этихъ мѣръ, нашъ авторъ приводитъ и цифровыя данныя, изъ которыхъ видно, что, не взирая на крупный въ Россіи естественный приростъ населенія, число крѣпостныхъ людей въ Николаевскую эпоху замѣтно пошло къ пониженію: въ восьмую ревизію 1835 года ихъ числилось 10.872,229 душъ, въ девятую 1851 года 10.708,856, а въ десятую 1859 года 10.696,139 душъ мужскаго пола, что и составило въ промежутокъ 25 лѣтъ уменьшеніе слишкомъ на полтора процента. Не отрицая высокой важности этого факта, признавая таковую же и въ томъ, и другомъ, что именно вслѣдствіе личнаго нерасположенія императора Николая къ способу освобожденія остзейскихъ крестьянъ (416,013 душъ мужскаго пола), выработалось за его время и въ правительственныхъ сферахъ убѣжденіе

въ необходимости надѣлать крестьянъ землю при упраздненіи крѣпостнаго права и оставить за ними общинное само-управленіе, г. Семеvскій все же находитъ, что, въ сравненіи съ принципиальнымъ взглядомъ этого государя на самое существо крѣпостнаго права, онъ сдѣлалъ въ видахъ его упраздненія очень мало, или по крайней мѣрѣ не все то, что могъ сдѣлать въ силу своего „самодержавія“. „Одною изъ главныхъ причинъ такого явленія (говоритъ авторъ) была крайняя боязнь гласности, столь необходимой въ этомъ дѣлѣ, и неосновательная увѣренность, что такое сложное дѣло, какъ ограниченіе крѣпостнаго права, можетъ быть обсуждено и подготовлено исключительно бюрократическими средствами, безъ содѣйствія общества и печати: отсюда и нежеланіе допустить какую бы то ни было общественную самодѣятельность въ дворянствѣ и воспрещеніе представителямъ науки, литературы и журналистики оказать съ своей стороны содѣйствіе правительству въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое оно бралось такъ нерѣшительно“ (II, 535). Съ этимъ воззрѣніемъ почтеннаго историка мы можемъ согласиться лишь при оговоркѣ, что едва ли не главнѣйшую еще причину нерѣшительности императора Николая надлежитъ искать въ личномъ его характерѣ и въ той обстановкѣ, при которой довелось ему, неожиданно для самого себя, управлять судьбами громадной имперіи. По отношенію къ этимъ сторонамъ его царствованія, пора исторіи, правда, еще не наступила; множество цѣнныхъ матеріаловъ остается еще подъ спудомъ, въ безвѣстномъ отсутствіи; однако и факты, уже извѣстные, даже самимъ авторомъ приведенные въ разныхъ мѣстахъ его изслѣдованія, съ достаточною на нашъ взглядъ ясностью подтверждаютъ нашу оговорку.

Не слѣдуетъ терять изъ вида, что уже въ 1834 году императоръ Николай, стяжавшій себѣ, какъ извѣстно, и славу отличнаго семьянина, жалуется Киселеву, что въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ „онъ не встрѣчаетъ сочувствія не только со стороны министровъ, которые боязливо отступаютъ передъ этимъ вопросомъ, но и со стороны своихъ братьевъ Константина и Михаила“ (II, 530). Не слѣдуетъ забывать также, что „среди высшей администраціи (по словамъ автора) Чернышевы, Орловы, Перовскіе тормозили инициативу Киселева, единственнаго энергическаго человѣка

въ крестьянскомъ дѣлѣ, и сводили на нуль его благія начинанія“ (535); а наконецъ, что бывали даже факты и болѣе рѣзкіе: уже въ 1839 году (говоритъ авторъ) состоялось высочайшее повелѣніе „ни въ какомъ случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибири допущено быть не можетъ“; но до начала 1850-хъ годовъ самъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири не имѣлъ понятія объ этомъ повелѣніи, такъ какъ узналъ о его существованіи не въ общемъ порядкѣ опубликованія законовъ и правительственныхъ распоряженій, а совершенно случайно, по возникшему частному дѣлу (546). При такой обстановкѣ цѣльный характеръ императора Николая, впредь до дальнѣйшаго его разъясненія, получаетъ достаточно яркое освѣщеніе: не могъ онъ не сознавать, что одинъ въ полѣ не воинъ: „но и на смертномъ одрѣ не позабылъ внушить наслѣднику своему, что гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу“ (534),—и завѣтныя мечты его блестяще были осуществлены его наслѣдникомъ при участіи самаго общества.

Какъ бы то впрочемъ ни было, мы не можемъ не закончить возложеннаго на насъ отзыва о книгѣ г. Семевского выраженіемъ глубочайшей и вдвойнѣ, такъ сказать, обязательной для насъ признательности почтенному автору за его капитальный трудъ, пролившій такъ много свѣта на одну изъ важнѣйшихъ эпохъ нашего культурнаго развитія. Въ званіи членовъ императорскаго вольнаго экономическаго общества, мы не можемъ забывать, что, по волѣ державной его учредительницы, оно-то и было инициаторомъ великой реформы и что не мало потрудился нашъ историкъ надъ разработкой тѣхъ матеріаловъ, которые радушно открыты были ему нашимъ архивомъ; а съ другой стороны не можемъ мы упускать изъ вида и того, что нашимъ же обществомъ, еще въ 1879 году, „исторія вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“ поставлена особой жонкурсной задачей на срокъ 1911 года. Сколь ни вѣроятнымъ представляется, что къ этому сроку многое разъяснится еще болѣе, чѣмъ въ настоящее время; но и сейчасъ мы не затрудняемся предсказать, что во всякомъ случаѣ книга почтеннаго нашего изслѣдователя ляжетъ прочной основой при разрѣшеніи названной задачи и намъ же сослужитъ столь же полезную, сколько и почетную службу.

По изложеннымъ основаніямъ мы считаемъ себя имѣющими не только право, но и нравственную обязанность ходатайствовать предъ Обществомъ о награжденіи В. И. Семевского большою золотою медалью. Мы полагаемъ, что послѣ того, какъ книга его премирована уже императорскою академіею наукъ, испрашиваемая нами медаль будетъ лишь слабымъ выраженіемъ почета со стороны общества, близко принимающаго къ сердцу вопросы экономической жизни Россіи и во всякомъ случаѣ ближе къ нимъ стоящаго, чѣмъ учрежденія общаго характера.

Члены комиссіи: А. Егунъ, В. Судейкинъ, Ѳ. Барыковъ.

Ноября 12 дня 1889 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ Ю. В. ЖАДОВСКОЙ.

I.

Стремленіе.

Туда, высоко къ небесамъ!
 Мнѣ тѣсно.. Сердце воли просить,
 И дума вдаль меня уносить
 Туда, къ безчисленнымъ звѣздамъ!

Я тамъ забыла-бъ все земное,
 Людей съ ихъ жалкой суетой,
 Одно сокровище святое
 Взяла-бы въ небеса съ собой!

Оно отъ нихъ, дано мнѣ ими,
 Ему пріюта въ мірѣ нѣтъ,
 Его пороками своими
 Мрачить лицепріятный свѣтъ!

Туда, высоко къ небесамъ!
 Мнѣ тѣсно.. Сердце воли просить,
 И дума вдаль меня уносить
 Туда, къ безчисленнымъ звѣздамъ!

II.

Любовь усыплю я, пока еще время холодной рукою
 Не вырвало чувства изъ трепетной груди,
 Любовь усыплю я, повуда безумно своей клеветой
 Святыню ея не унизили люди!

Любовь усыплю я! Пусть чувства святого
 Ничто недостойное здѣсь не коснется!
 Ее усыплю я для міра земного—
 Пускай въ небесахъ она сладко проснется!

Примѣчаніе. Стихотворенія эти покойной поэтессы напечатаны въ „Яросл. губ. Вѣд.“ 1889 г. № 93.

А. Кулешовъ.

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ ГРАДОВСКІЙ

† 1889 г.

Ноября 6-го прошлаго 1890 года исполнился годъ со дня смерти талантиваго и выдающагося профессора государственнаго права, много лѣтъ составлявшаго украшеніе С.-Петербургскаго университета — Александра Дмитриевича Градовскаго. Ко дню этой годовщины Юридическое Общество при С.-Петербургскомъ университетѣ надало изящную брошюру, съ портретомъ покойнаго, содержащую въ себѣ пять рѣчей, произнесенныхъ въ память усопшаго, въ виду еще свѣжей его могилы, въ торжественномъ засѣданіи этого общества, происходившемъ 18 ноября 1889 г., подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, и посвященномъ памяти Александра Дмитриевича. Рѣчами этими покойному воздана вполне заслуженная хвала и кромѣ того его дѣятельность и симпатичная личность рассмотрѣны съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, профессоръ И. Я. Фойницкій говорилъ о немъ, какъ объ учителѣ и товарищѣ,—профессоръ Н. М. Коркуновъ—какъ о дѣятелѣ на кафедрѣ русскаго государственнаго права,—профессоръ М. И. Свѣшниковъ, какъ о преподавателѣ государственнаго права иностранныхъ державъ,—А. К. Арсеньевъ говорилъ о немъ, какъ о публицистѣ и А. О. Кони—какъ о человѣкѣ въ его частной и общественной жизни.

„Русская Старина“, поставивъ себѣ, между прочимъ, задачею оживлять и воскрешать въ русскомъ обществѣ память объ его достойныхъ членахъ, къ несчастію иногда столь рано похищаемыхъ безжалостною смертію изъ среды, гдѣ силы ихъ были полезны и даже необходимы,—привѣтствуетъ счастливую мысль почтить память ученаго такихъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ, какъ Градовскій—теплымъ и содержательнымъ словомъ. Юридическое общество прекрасно сдѣлало, печатно закрѣпивъ это слово для всѣхъ, кто пожелаетъ ознакомиться съ личностью покойнаго или освѣжить свои о немъ воспоминанія. Всегда глубоко цѣнивъ дарованія и труды А. Д. Градовскаго въ области науки и публицистики, „Русская Старина“, со своей стороны, присоединяется къ характеристикѣ его, сдѣланной въ рѣчи А. О. Кони, приводимой ниже въ наиболѣе существенныхъ отрывкахъ.

Р с л.

„Мнѣ хочется сказать о немъ, говорилъ А. Ө. Кони,—не какъ объ ученомъ и специалистѣ, а какъ о человѣкѣ вообще,—какимъ онъ представлялся тѣмъ, кто имѣлъ честь знать его лично,—кто имѣлъ радость пользоваться его дружбою. Отрывая отъ его безвременной могилы невольно прикованный къ ней мысленный взоръ и переносясь за немного лѣтъ назадъ, я вижу его бодрого, высокаго, хотя нѣсколько сторбленнаго, съ живыми темными глазами на выразительномъ, смугломъ лицѣ, съ мягкою улыбкою подъ большими украинскими усами; я слышу его прерывистую, горячую рѣчь и его добродушный, тихій смѣхъ, и невольно вспоминается мнѣ стихъ напрасно забываемаго поэта, обращенный къ памяти перваго русскаго критика: „упорствуя, волнуясь и спѣша!“... Эти слова такъ примѣнимы и къ Градовскому... Да! упорствуя, волнуясь и спѣша, прожилъ онъ свой недолгій вѣкъ,—упорствуя и волнуясь, успѣшилъ онъ дойти до своей ранней могилы. И личная его жизнь, и общественная его дѣятельность характеризуются этими словами. При первой встрѣчѣ, при первой бесѣдѣ съ нимъ было видно, что это человѣкъ не только умный, очень умный,—но человѣкъ, выдающійся въ смыслѣ духовнаго развитія. Мы слишкомъ часто раздаемъ эпитеты умныхъ людей, мы такъ щедры на нихъ, что одной ссылки на умъ становится уже мало для опредѣленія личности. Да и что такое умъ самъ по себѣ? Оружіе, средство, одинаково пригодное для достиженія всякихъ цѣлей—и высокихъ, и низменныхъ,—хорошо отточенный ножъ, необходимый, чтобы рѣзать хлѣбъ на мирной семейной трапезѣ, и нужный для успѣха разбоя на глухой лѣсной дорогѣ. Поэтому умный человѣкъ значитъ лишь—человѣкъ, хорошо вооруженный. Въ сущности, такой человѣкъ—величина несомнѣнная, но величина неопредѣленная, загадочная, до тѣхъ поръ, пока не дано уразумѣть тѣхъ внутреннихъ стремленій, которымъ служить его умъ.

Градовскій всегда былъ доступенъ изученію съ этой стороны, и его больное, сведшее его въ могилу, сердце было чуждо мелочныхъ и узкихъ интересовъ. Оно билось въ груди неизмѣннаго идеалиста, душевныя силы котораго до конца были направлены на служеніе началамъ нравственнаго развитія и справедливости. Его идеализмъ не былъ беспочвеннымъ и отвлеченнымъ, хотя и возвышеннымъ идеализмомъ сороковыхъ годовъ.

Идеализм Градовскаго черпалъ силы и опору для своего существованія, для предъявленія нравственныхъ требованій въ реальныхъ условіяхъ и задачахъ той жизни, въ которую онъ вступилъ въ началѣ шестидесятихъ годовъ. Это время было ознаменовано великими реформами, обновившими нашъ общественный бытъ. Въ основѣ ихъ лежало глубокое довѣріе къ духовнымъ силамъ русскаго народа, къ его воспримчивой способности къ совершенствованію. Этому чувству довѣрія остался до конца своей жизни вѣренъ Градовскій. Онъ не закрывалъ глазъ на нѣкоторыя частичныя неудачи или погрѣшности обширныхъ преобразованій, но онъ упорно вѣрилъ въ благотворность началъ, положенныхъ въ „камень угла“ ихъ. Онъ ясно сознавалъ и неоднократно, въ разныхъ формахъ, настойчиво выражалъ, что преобразованія эти наложили на образованное общество русское великія и отвѣтственныя нравственныя обязанности. Только усерднымъ служеніемъ родинѣ „въ великомъ государевомъ дѣлѣ“, какъ выражались въ старину, только принесеніемъ личныхъ выгодъ въ жертву нуждамъ государства, только искреннимъ, во всѣхъ проявленіяхъ жизни, уваженіемъ къ закону и къ человѣческому достоинству можно было оправдать довѣріе, которымъ были проникнуты преобразованія, можно было дать на него требуемый отвѣтъ. Но нельзя обладать свойствами, необходимыми для такого служенія, не имѣя идеаловъ, не имѣя „sursum corda!“ Такого „sursum corda“ требовалъ Градовскій и отъ цѣлаго общества, и отъ отдѣльныхъ дѣятелей. Знатокъ народнаго быта, вдумавшійся во внутренній смыслъ кажущейся безформенности народной жизни, Градовскій глубоко вѣрилъ въ массу русскаго народа, въ его корень, походя въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, на Кавелина. Его тревожилъ всякій упадокъ или отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, которое должно просвѣщать и непосредственно руководить народъ. Онъ часто выражалъ желаніе, чтобы государственная власть, держа „честно и грозно“ знамя національнаго достоинства и неуклонно ведя народъ къ цѣлямъ его историческаго призванія, могла встрѣчать въ своемъ трудѣ помощь общества, которое не погрязаетъ въ тинѣ ежедневныхъ мелочей, не отдается своекорыстно и близоруко злобѣ дня нынѣшняго,—ничтожной выгодѣ дня завтрашняго. И онъ упорно проповѣдывалъ необходимость идеаловъ во

всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни. Увлекающійся и впечатлительный, онъ горячо привѣтствовалъ все, что намекало на ихъ существованіе. Въ этомъ отношеніи онъ высказался и проявилъ себя особенно ярко въ срединѣ семидесятыхъ годовъ. Когда въ нашемъ обществѣ съ особою силою пробудились симпатіи къ угнетеннымъ славянскимъ народностямъ, Градовскій съ жаромъ примкнулъ къ движенію общественнаго чувства и прочелъ двѣ лекціи въ пользу славянъ Балканскаго полуострова, привлекая многочисленную публику. Лекціи имѣли предметомъ значеніе идеала въ общественной жизни и были посвящены памяти Юрія Ѳедоровича Самарина. Оживленіе, охватившее общество предъ восточною войною, восхищало его. Онъ видѣлъ въ немъ симптомъ здороваго состоянія общества и возрожденія въ немъ идеаловъ. „Стану-ли говорить—заклучилъ онъ послѣднюю лекцію—о мотивахъ, вызвавшихъ это движеніе? Стану-ли говорить объ этомъ взрывѣ всѣхъ лучшихъ челоѳческихъ чувствъ, о негодованіи на вѣковую неправду, о самоотверженіи, о крови нашихъ соотечественниковъ, пролитой въ защиту праваго дѣла, о добровольномъ налогѣ въ пользу славянъ, принятомъ на себя нашимъ обществомъ, о пожертвованіяхъ, гдѣ сотенныя бумажки богатыхъ сходились съ грошами крестьянскими, объ этомъ единодушій, обратившемъ дѣло славянское въ русское, земское дѣло? Хвалить народовъ нельзя—они сами знаютъ себѣ цѣну. Кто разъ принималъ участіе въ такихъ національныхъ движеніяхъ, кто переживалъ великія минуты, тотъ возвратился къ своей „злобѣ дня“ не прежнимъ челоѳкомъ, а челоѳкомъ просвѣтленнымъ и нравственно обновленнымъ“.

Въ рѣчи А. Ѳ. Кони приведенъ рядъ интересныхъ писемъ къ нему Градовскаго, чрезвычайно живыхъ, исполненныхъ остроумія и глубокой наблюдательности. Изъ нихъ видно съ какимъ жаромъ и съ какою тревогою относился онъ ко всему, что происходило на поляхъ битвъ, и какъ не довѣрялъ тому, что можетъ произойти въ дипломатическихъ канцеляріяхъ.

Приведя эти письма, А. Ѳ. Кони говоритъ: „Таковъ былъ Градовскій во время наибольшаго увлеченія своего восточною войною. Каковъ онъ былъ во время и послѣ берлинскаго конгресса, можетъ себѣ представить всякій, кто хоть немного его зналъ...“

Его умъ, живой и чуткій, не могъ примириться со своеобразнымъ судомъ надъ побѣдителемъ, съ превращеніемъ знаменитаго „*vae victis!*“ въ злорадное „*vae victoribus!*“ Его сердце возставало противъ холодной дипломатической перекройки того, что заработано было рѣками крови и трудового пота русскаго человѣка. Въ это именно время, если я не ошибаюсь, онъ горячо отдался идеѣ добровольнаго флота и участвовалъ, въ Москвѣ, въ первыхъ попыткахъ провести ее въ жизнь. Хотя несоотвѣтствіе внѣшнихъ результатовъ войны съ принесенными жертвами и быстрое обращеніе общества къ прежнимъ мелочнымъ и эгоистическимъ интересамъ и оставили въ Градовскомъ чувство глубокаго разочарованія, но его вѣра въ призваніе, въ нравственную силу народа—только окрѣпла отъ созерцанія того, что пережилъ, вынесъ и совершилъ русскій человѣкъ въ эти мѣсяцы борьбы, за которой съ трепетомъ слѣдила вся Россія. Среди насмѣшливаго скептицизма и равнодушія, смѣнившихъ недавній энтузіазмъ, онъ остался упорнымъ консерваторомъ, который, порицая, иногда очень горячо, отдѣльную личность, отдѣльное общественное или бытовое явленіе,—никогда не колебался въ томъ, во что онъ увѣровалъ по отношенію къ свойствамъ цѣлаго народа.

Отвлеченные вопросы науки, разрѣшаемые внѣ условій мѣста и времени, вопросы чистаго искусства—мало занимали его, по крайней мѣрѣ, въ частной бесѣдѣ. Эта бесѣда—веселая, остроумная и живая—всегда была направлена на практическіе вопросы народной и общественной жизни, всегда отражала въ себѣ горячую заботу и тревогу о счастьи родины. Къ родинѣ Градовскій приросъ всѣми корнями души, о ней говорилъ онъ постоянно, то серьезнымъ тономъ мыслителя, то съ любящимъ юморомъ, слегка задыхаясь и смѣясь глазами. — Я посѣтилъ его четыре мѣсяца назадъ въ горныхъ окрестностяхъ Гейдельберга. Тяжкій недугъ приковалъ его къ креслу; грудь, истомленная долгими страданіями, дышала трудно и прерывисто,—вокругъ него чулось вѣяніе смерти,—она уже коснулась его концомъ крыла и унесла навсегда живую краску лица и блескъ умныхъ глазъ. Предъ нимъ разстилалась чудная прирейнская равнина, залитая солнцемъ, но мысли его неудержимо уносились въ далекую Русь и любовно воскрешали ея сѣрыя картины, заставляя то переживать прошлое, то пытливо заглядывать въ будущее. Все, для

него лично близкое и дорогое, — было съ нимъ, окружало его, но самъ онъ стремился всѣми силами домой, туда, гдѣ витали его думы, гдѣ осталось его дѣло...

Онъ жилъ, волнуясь, — онъ никогда не былъ спокоенъ. Тихое, подчасъ сонное равновѣсіе впечатлѣній и ощущеній было ему совершенно чуждо. Постоянно увлекаясь чѣмъ или кѣмъ-нибудь, тревожно относясь къ вопросамъ общественнымъ, онъ не умѣлъ равнодушно и объективно относиться ни къ чему яркому, цѣльному или живому. Эти увлеченія ставились ему нерѣдко въ вину. Иныхъ поражали порывы Градовскаго, его „влюбчивость“ въ людей иногда совершенно различныхъ лагерей. „Можно-ли, говорили они, быть поклонникомъ Петра и его преобразованій и въ то же время любить Аксакова и восторгаться Юріемъ Самаринымъ, — быть знаткомъ и толкователемъ западно-европейской науки и „носиться“ съ статьями Н. Я. Данилевскаго, вошедшими впослѣдствіи въ книгу „Россія и Европа“, и т. д.? — Они забывали, что для воспримчивой и умственно-широкой природы покойнаго — содержаніе человѣка, его искренность, его оригинальность — шли далеко впереди того ярлыка, который часто произвольно и непродуманно наклеенъ на него молвою или односторонними противниками. Градовскій сознавалъ справедливость словъ Фауста, что „Gefühl ist Alles, — Name ist Schall und Rauch“ и тепло относился ко всякой личности безъ различія лагерей, — если ему только казалось, въ данный моментъ, что она проводитъ въ жизнь то, что „есть на потребу“. Всякій отгѣнокъ идеализма подкупалъ его и иногда вводилъ въ заблужденіе относительно цѣлесообразности той или другой системы, того или другаго взгляда на общественныя отношенія. Но чистые и строгіе принципы Градовскаго оставались нетронутыми и при этомъ изысканіи для нихъ наиболѣе жизненнаго примѣненія. Онъ измѣнялъ взглядъ на пути, по отправная точка и идеальная цѣль всегда оставались у него неизмѣнными. Эти колебанія, эти увлеченія свѣтлыми сторонами въ чуждыхъ другъ другу явленіяхъ и въ людяхъ разныхъ направленій были проявленіемъ его волнуемой души. Простой, прозаическій человѣкъ легче и вѣрнѣе становится законченнымъ цѣлымъ, чѣмъ человѣкъ съ большими способностями, — ему и легче дается поверхностное дѣленіе другихъ на „елииновъ и іудеевъ“.

Но не въ однихъ увлеченіяхъ упрекали и, быть можетъ, еще упрекнутъ Градовскаго. Въ его сдержанности съ мало-знакомыми людьми, въ его строгости на экзаменахъ склонны были видѣть отсутствіе искренности и сердечности. Простой и откровенный въ бесѣдахъ съ тѣми, кого онъ зналъ, онъ дѣйствительно бывалъ замкнуть въ себѣ съ людьми новыми или чужими. Но не былъ-ли онъ правъ, не пуская къ себѣ въ душу всякаго мимо идущаго? Внутренній міръ человѣка — „святая святыхъ“ его души—не можетъ, не долженъ быть отверстъ для всякаго, кому изъ празднаго любопытства захочется туда заглянуть,—съ тѣми, быть можетъ, чтобы затѣмъ съ глупымъ или злораднымъ смѣхомъ потѣшать другихъ разсказами о затаенныхъ страданіяхъ, о дѣтскихъ вѣрованіяхъ, о трепетныхъ надеждахъ, найденныхъ тамъ... въ глубинѣ... Для тѣхъ, кто близко зналъ Градовскаго, упрекъ въ отсутствіи сердечности покажется смѣшнымъ. Это былъ человѣкъ несомнѣнно добрый, но чуждый сентиментальности. У насъ же обыкновенно за доброту принимаютъ именно сентиментальность, относящуюся часто черство къ дѣйствительному страданію, имѣющему полное право на участіе, и слезливо къ тому, что нравственно уродливо и болѣзненно. По этой причинѣ онъ не былъ „сердеченъ“ и на экзаменахъ и, видя въ экзаменуемомъ будущаго дѣятеля жизни, за котораго онъ, какъ учитель, нравственно отвѣтственъ предъ родиной, — требовалъ отъ него строго и настойчиво необходимыхъ для этого знаній... Онъ былъ, какъ говорятъ, даже очень требователенъ на экзаменахъ,—но многочисленныя ученики его могутъ засвидѣтельствовать громче моего о полномъ участіи отношеніи его къ ихъ дальнѣйшимъ шагамъ на ученомъ и жизненномъ поприщѣ, объ его готовности научить, помочь, облегчить...

Я говорю, что Градовскій спѣшилъ жить, спѣшилъ наполнить свои дни содержаніемъ и трудомъ въ ущербъ ихъ продолжительности. Обширные томы его ученыхъ работъ, непрерывныя годы труда на кафедрѣ въ университетѣ и въ лицейѣ свидѣтельствуютъ объ упорномъ напряженіи его физическихъ и умственныхъ силъ. Другіе сказали вамъ, милостивые государи, вѣское и краснорѣчивое слово о достоинствѣ того, что сдѣлалъ Градовскій для науки, о глубинѣ его самостоятельныхъ изслѣдованій, объ оригинальной разработкѣ имъ и систематизаціи

накопленнаго другими ученаго матеріала. Еще Беконъ замѣтилъ, что есть два рода ученыхъ: одни набираютъ матеріалъ, какъ муравьи,—другіе распредѣляютъ его, какъ пчелы. Но покойный былъ одновременно и муравьемъ и пчелою, и то, что набралъ и распредѣлил онъ, навсегда займетъ почетное мѣсто въ русской наукѣ. Человѣкъ живой, онъ не могъ, однако,—не умѣлъ и не хотѣлъ замѣниться въ рамки одной ученой дѣятельности. Его манила другая арена, гдѣ возможно немедленное обсужденіе животрепещущихъ вопросовъ и запросовъ жизни, его манило волнующееся море журнальной дѣятельности. Каѳедра публициста представлялась ему не менѣе важною, чѣмъ та, на которую поставили его научныя заслуги. Онъ горячо отдавался возможности говорить съ обществомъ объ обществѣ и дѣлалъ это въ разнообразной формѣ, внося въ нее не только глубину мысли, всегда направленной къ нравственному идеалу, но и выдающійся талантъ. Кто слѣдилъ за его статьями, за его бесѣдами „Виленскаго жителя“, за его полемикою, тотъ, конечно, помнить, сколько ума и остроты, знанія и образованности, сколько вылившихся изъ сердца красотъ и сравненій было разсѣяно въ этихъ строкахъ, написанныхъ красивымъ, мужественнымъ языкомъ. Но удовольствіе читать самого себя по всѣмъ выдающимся вопросамъ быстро текущей жизни — не дается даромъ. Это удовольствіе ядовитое. „Читатели,—говоритъ Н. Н. Страховъ, —любующіеся хорошими писаніями, едва-ли имѣютъ понятіе о томъ, какою дорогою цѣною нерѣдко покупаются всѣ эти мѣткіе взгляды, живыя и тонкія замѣчанія, весь этотъ пламень мысли, бѣгущій по строчкамъ“. Этотъ „пламень мысли“ поддерживалъ и согрѣвалъ Градовскаго, но онъ же незамѣтно сожигалъ его и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣже, въ послѣдніе годы его жизни, ему приходилось вырываться наружу. Не одна публицистическая дѣятельность еще занимала Градовскаго и выводила его изъ рамокъ регулярнаго научнаго труда. Ему пришлось быть призваннымъ къ разнымъ законодательнымъ работамъ. Участіе его въ нихъ доставитъ интересный матеріалъ для будущаго его біографа. Мнѣ лично знакомы его интересные труды по разработкѣ вопросовъ желѣзно-дорожной политики въ извѣстной комиссіи графа Баранова, призванной къ упорядоченію нашего желѣзнодорожнаго дѣла начертаніемъ общаго устава желѣзныхъ дорогъ.

Вся эта разнообразная дѣятельность требовала большой траты силъ. Силь у Градовскаго, съ его физически больнымъ сердцемъ, было немного, а способность страстно вкладывать въ каждое дѣло всю свою душу, конечно, не способствовала ихъ накопленію. Да и жизнь не щадила его и наносила ему не всегда видные для постороннихъ, но глубокіе удары. Впечатлительный, нервный и гордый, онъ съ трудомъ оправлялся отъ нихъ, хотя старался примириться съ ихъ неизбежными результатами и сохранить наружное спокойствіе. Но оно не обманывало дружескій глазъ, который видѣлъ, что въ немъ „Vivit sub pectore vulnus!“ Стародавній недугъ сердца шель быстрыми шагами и „судьбой отсчитанные дни“ оказывались отпущенными съ жестокою скупостью. Послѣдній годъ жизни Градовскаго былъ сплошною агоніею, безнадежною для окружающихъ борьбою его душевныхъ силъ съ грозно надвигавшеюся смертию. Пришлось оставить университетъ и, послѣ безплодныхъ и отяготительныхъ странствованій по Германіи, слечь въ Петербургѣ, чтобы уже больше не вставать. Печаленъ закатъ человѣка въ расцвѣтѣ умственныхъ силъ, готовыхъ на плодотворную дѣятельность! Но на этотъ „закатъ печальный“ блеснула, выражаясь словами поэта, „любовь улыбкою прощальной“ и смягчила его горечь, и облегчила его боль... Пусть простить мнѣ это напоминаніе та, чье сердце растерзано его безвременною кончиною и истомлено годами заботъ и неумолкающихъ тревогъ, когда приходилось безъ устали, съ нѣмымъ достоинствомъ скрываемой печали, заслонять его отъ смерти чуткимъ и нѣжнымъ уходомъ! Если сознаніе свято исполненнаго долга можетъ когда-либо послужить ей утѣшительнымъ воспоминаніемъ, то это утѣшеніе будетъ ей дано „мѣрою полною, утраченной“...

Многіе изъ насъ слышали на-дняхъ возгласеніе „вѣчной памяти“ Александру Дмитріевичу. Но вѣчная память о физической оболочкѣ человѣка не переживаетъ его современниковъ, а чело-вѣчество проноситъ чрезъ вѣка память о личности лишь тѣхъ, кто поразилъ мысль современниковъ и потомства величіемъ своихъ дѣлъ, глубиною своихъ благодѣяній или ужасомъ своихъ злодѣйствъ. Для остальныхъ вѣчная память олицетворяется въ живучести, въ прочной высотѣ тѣхъ идей, тѣхъ началъ, которыми была проникнута ихъ дѣятельность. „Wer für die Besten seiner

Zeit gelebt—der hat gelebt für alle Zeiten“—говоритъ великій германскій поэтъ. Сегодня весь вечеръ говорилось о томъ, чему былъ вѣренъ во всю свою жизнь Градовскій, чему служилъ онъ всѣмъ сердцемъ, и можно быть увѣреннымъ, что „вѣчная память“ о немъ не изсякнетъ, пока въ русскомъ обществѣ сохранится уваженіе къ наукѣ и человѣческому достоинству и любовь къ родинѣ и справедливости.

Пора кончить мои отрывочныя воспоминанія... Мнѣ приходятъ въ голову слова одного нѣмецкаго писателя, который, описывая Петербургъ, восклицаетъ: „Какъ можно жить въ городѣ, гдѣ улицы всегда мокры, а сердца—всегда сухи!“ Этотъ писатель не правъ... Былъ сѣрый, сырой, унылый день, когда мы сопровождали къ мѣсту послѣдняго упокоенія Александра Дмитриевича. Моросилъ дождикъ и туманъ окутывалъ насъ, застилая намъ глаза. Да! улицы были мокры... Но мы отнесли въ могилу не сухое сердце! Мы положили въ нее сердце благородное и любящее... и не одинъ туманъ застигалъ многимъ изъ насъ глаза. Да и не сухость сердца привела сегодня всѣхъ васъ, господа, на нашу словесную тризну по усопшемъ“...

КЪ ИСТОРИИ ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ.

ЗАМѢТКА.

Въ 1858 году Е. Д. Филимоновъ нашелъ въ черновыхъ описяхъ Воскресенской дворцовой церкви ¹⁾, хранящихся въ архивѣ Оружейной палаты, нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи Остромирова Евангелія. Свѣдѣнія эти заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что Остромирово Евангеліе принадлежало Воскресенской дворцовой церкви, и, во-вторыхъ, въ томъ, что оно „послано по указу въ Санктъ-Петербургъ ноября 13 ²⁾ нынѣшняго 1720 года“ ³⁾. Въ этомъ-же архивѣ, въ „описи книгамъ и дѣламъ о ризницахъ верховныхъ соборовъ и патриаршей“ имѣются нѣсколько болѣе подробныя данныя, касающіяся отправки Евангелія въ С.-Петербургъ: „Великаго государя указъ изъ государственной штатсъ-конторъ коллегіи: велѣно книгу Евангеліе, писанное на пергаментѣ, которому 560 лѣтъ, (отправить) въ Питеръ-Бурхъ, за рукою графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, октября 27 дня 1720 года, полученъ ноября въ 3-е, писанъ на двухъ страницахъ.

Подъ тѣмъ указомъ, по помѣтѣ статскаго совѣтника Аѳанасія Тимофѣевича Совелова, по приговору для посылки того Евангелія въ Санктъ-Петербургъ, на обертку и на обшивку, о припасахъ и о выдачѣ денегъ, за закрѣпами судейскими. Писано на страницѣ.

Подъ тѣмъ приговоромъ, отпущкъ черной съ доношенія въ штатсъ-

¹⁾ Воскресенская церковь, что у государей вверху, состояла при мастерской оружейной палатѣ.

²⁾ Изъ дальнѣйшаго видно, что здѣсь ошибка. Евангеліе отправлено въ Петербургъ 3-го ноября.

³⁾ Е. Д. Филимоновъ. Дополнительныя свѣдѣнія объ исторіи Остромирова Евангелія. Лѣтописи русской литературы и древности 1859 г., кн. I, стр. 147.

контору о посылкѣ того Евангелія въ Санктъ-Петербургъ, ноября 3 дня 1720 году; писано на страницѣ¹⁾).

Самаго указа г. Филимонову въ архивѣ найти не удалось и, такимъ образомъ, вопросъ: по какому поводу Остромирово Евангеліе было вытребовано въ Петербургъ, оставался открытымъ. Въ настоящее время этотъ вопросъ можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ. Въ приложеніяхъ къ „Исторіи Разряднаго архива“ А. А. Гоздаво-Голомбѣевскимъ издано очень интересное письмо Познякова къ Окунькову и отвѣтъ послѣдняго. И. Д. Позняковъ²⁾ съ 1719 г. занималъ въ Сенатѣ мѣсто секретаря. Въ 1723 году, будучи уже оберъ-секретаремъ, онъ былъ разжалованъ въ копиисты по дѣлу Михаила Шафирова³⁾. Г. О. Окуньковъ⁴⁾, дякъ канцеляріи сенатскаго правленія, послѣ смерти И. Уланова, послѣдовавшей въ 1719 году, завѣдывалъ Разряднымъ архивомъ. Первое письмо я привожу цѣликомъ:

„Государь мой Гаврила Осиповичъ!

„О книгѣ въ Сенатѣ тайный совѣтникъ графъ Иванъ Алексѣевичъ объявилъ, копію съ писанія, которое въ Евангеліи паргаминономъ письма Григорья дякона 6524 года⁵⁾, а та копія къ его сіятельству прислана отъ Васъ, въ которой многія рѣчи знатно отъ спищика неисправны. Того ради извольте приказать съ той надписи списать копію слово въ слово, и повѣрить за спищикомъ старому подъячому, дабы можно было о всѣхъ слогахъ видѣть, и тую копію прислать въ канцелярію Сената.

„Также писалъ я къ Вамъ о присылкѣ вѣдомости о Ругодевскомъ нарядѣ: сколько наряжено въ тотъ походъ шляхетства и другихъ чиновъ людей, по которымъ Ваша милость на тѣ мои письма отвѣтствовала, что по разряднымъ дѣламъ несыскано. Того ради паки вамъ напоминаю, дабы оную вѣдомость пріискать, справясь по полковымъ столпамъ, и по тетрадямъ, и по записнымъ книгамъ, и въ черни, какъ возможно и..... и подъячихъ принудить, и выписавъ прислать немедленно. А здѣсь послѣ пожарнаго случая того несы-

¹⁾ Idem, стр. 148.

²⁾ С. Петровскій „О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“ въ Описаніи документовъ и бумагъ М. А. М. Ю., кн. III, стр. 71.

³⁾ Idem, стр. 330.

⁴⁾ Описаніе документовъ и бумагъ М. А. М. Ю., кн. 5, стр. 29.

⁵⁾ Годъ написанъ неправильно, вѣроятно, Позняковымъ. Ошибка въ цифрѣ десятковъ: вмѣсто 2 надо поставить 6.

скано; а сего къ сочиненію исторіи въ Кабинетъ необходимая нужда требуетъ.

„Впрочемъ остаюсь покорный Вашъ слуга

Иванъ Позняковъ“¹⁾.

Декабря 1-го, 1720 года.

Письмо Познякова имѣетъ очень важное значеніе, оно показываетъ, что Остромирово Евангеліе взято въ Петербургъ для составленія исторіи. Если эта причина не можетъ быть выведена изъ послѣдней фразы письма: „а сего къ сочиненію исторіи въ Кабинетъ необходимая нужда требуетъ“, которая могла относиться только къ нарвскому походу, то эта причина ясно видна изъ просьбы прислать копію „съ писанія“, „съ надписи“, т. е. съ записи, историческое значеніе которой общеизвѣстно²⁾. На свое письмо Позняковъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Государь мой Иванъ Давыдовичъ!

„Желаю Вашей милости добраго здравія на лѣта многа. Сего декабря 1-го въ письмѣ за рукою Вашей милости ко мнѣ, которое я получилъ 7-го числа, писано: объявилъ-де въ Сенатѣ тайный совѣтникъ графъ Иванъ Алексѣевичъ копію съ надписанія, которое въ Евангеліи пергаминаномъ письма Григорья дьякона 6524 года, а та-де копія къ его сіятельству прислана отъ насъ, въ которой многія рѣчи знатно отъ спищика неисправныя, чтобъ съ той надписи списавъ копію слово въ слово и повѣрить старому подъячему, дабы можно было о всѣхъ слогахъ видѣть, и тое копію прислать въ канцелярію Сената.

„Также и о Ругодевскомъ нарядѣ, сколько наряжено въ тотъ походъ шляхетства и другихъ чиновъ людей, чтобъ ту вѣдомость пріискать у разрядныхъ дѣлъ по полковымъ столпамъ, и по тетрадямъ, и по записнымъ книгамъ, и въ черни, какъ возможно, и выписавъ прислать немедленно. И на оное Вашей милости отвѣтствую, въ канцеляріи Сенатскаго правленія съ помянутой Евангелія копіи отпуску и никакого извѣстія о томъ нѣтъ. Мастерской палаты дьякъ Герасимъ Невѣжинъ сказалъ мнѣ словесно, что такое Евангеліе было въ Мастерской палатѣ, и по указу, присланному изъ штатсъ-конторы коллегіи послано въ оную коллегію съ присланнымъ изъ той коллегіи курьеромъ съ Семеномъ Емельяновымъ ноября 3 дня сего 720 года“³⁾.

¹⁾ Описаніе документовъ и бумагъ М. А. М. Ю., кн. 5, стр. 125.

²⁾ И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія. Стр. 107.

³⁾ Описаніе документовъ и бумагъ М. А. М. Ю., кн. 5, стр. 126.

Далѣе излагаются нѣкоторыя подробности о первомъ Нарвскомъ походѣ. Подъ письмомъ дата: декабря 8-го дня 1720 г. Показанія дьяка Невѣжина совершенно совпадаютъ съ свѣдѣніями, извлеченными г. Филимоновымъ изъ „описи книгамъ и дѣламъ“ и т. д. Упоминаемый въ этихъ письмахъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ однимъ изъ первыхъ девяти сенаторовъ ¹⁾. Съ учрежденіемъ коллегій въ 1717 г. онъ назначенъ президентомъ штатсъ-конторъ коллегіи и управлялъ ею до 1722 г. Въ одинъ изъ четверговъ, когда по генеральному регламенту президенты коллегій собирались въ Сенатъ для засѣданій, графъ Иванъ Алексѣевичъ, принимавшій большое участіе въ заботахъ Петра Великаго о написаніи русской исторіи ²⁾, сообщилъ, вѣроятно, своимъ товарищамъ о прибытіи Остромирова Евангеліа въ Петербургъ; а Позняковъ, разслышавъ только на половину слова графа, поспѣшилъ написать Окунькову вышеприведенное письмо. Если-бы Позняковъ дослушалъ сообщеніе Мусина-Пушкина до конца, то онъ, конечно, зналъ-бы и объ указѣ, посланномъ въ Москву, и объ исполненіи этого указа.

Теперь разъясняется и недоумѣніе Востокова, выраженное имъ между прочимъ, въ письмѣ къ Іосифу Добровскому: „Евангеліе сіе въ послѣдующія времена находилось въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, какъ явствуетъ изъ надписи, на бѣлой страницѣ перваго листа, на оборотѣ изображенія Іоанна Евангелиста: *Εὐαγγέλιον σοφίνσκωε ἀπράκτ.* Неизвѣстно, когда и черезъ кого попало оно въ гардеробъ ³⁾ императрицы Екатерины II, гдѣ оно найдено послѣ кончины ея Яковомъ Александровичемъ Дружининымъ (нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ канцеляріи министра финансовъ), и бывъ поднесено въ 1806 г. государю императору, отдано его величествомъ въ С.-Петербургскую публичную бібліотеку“ ¹⁾. По всей вѣроятности, Остромирово Евангеліе разыскано въ Сенатѣ или въ бумагахъ кабинета Петра Великаго сыномъ перваго президента штатсъ-конторъ коллегіи графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, ставшимъ впоследствии знаменитымъ археологомъ. Свою ученую карьеру графъ Алексѣй Ивановичъ началъ собираніемъ

¹⁾ С. Петровскій. О сенатѣ и т. д., стр. 50.

²⁾ П. Пекарскій. Наука и литература и т. д. Т. I, стр. 317.

³⁾ Въ предисловіи къ своему изданію Остромирова Евангеліа А. Х. Востоковъ былъ принужденъ, по настоянію оберъ прокурора синода графа Н. А. Протасова, замѣнить слова „въ гардеробѣ“ словами „въ покояхъ“. П. И. Савванитовъ. Объ изданіи Остромирова Евангеліа. Чтенія общества любителей духовнаго просвѣщенія. 1884 г., февраль, стр. по отдѣльному оттиску 46--48.

¹⁾ Переписка А. Х. Востокова. Изд. И. И. Срезневскаго, стр. 101, 102.

источниковъ для историческихъ трудовъ императрицы Екатерины II, чему особенно способствовало назначеніе его въ 1791 году оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго синода. Какъ матеріаль для русской исторіи Остромирово Евангеліе и могло быть доставлено Екатеринѣ II, которая, однако, не воспользовалась въ своей извѣстной „Запискѣ касательно Россійской исторіи“ записью дьякона Григорія, и о посадникѣ Остромирѣ или Стромилѣ¹⁾ говорить ровно столько, сколько извѣстно о немъ по лѣтописямъ.

18-го ноября 1840 г. А. Х. Востоковъ²⁾ представилъ въ синодъ для цензуры списокъ Остромирова Евангелія съ приложеніемъ греческаго Евангеліаго текста и съ грамматическими объясненіями. Синодъ передалъ трудъ знаменитаго филолога въ С.-Петербургскій комитетъ для цензуры духовныхъ книгъ. Въ мартѣ 1841 г. было получено мнѣніе комитета, по которому Остромирово Евангеліе могло быть одобрено къ изданію только въ такомъ случаѣ, если издатель: 1) сдѣлаетъ замѣчанія на всѣ мѣста Остромирова Евангелія, несходныя съ обыкновеннымъ текстомъ; 2) изберетъ греческій текстъ наиболѣе сходный съ Остромировымъ; 3) объяснить неточности въ мѣсяцесловѣ; и 4) оговорить, въ примѣчаніяхъ, несообразности въ надписяхъ на изображеніяхъ Евангелистовъ. Такія требованія надолго замедлили-бы изданіе Остромирова Евангелія. Къ счастью, графъ Н. А. Протасовъ, относившійся съ живымъ участіемъ къ труду Востокова, не удовлетворился отзывомъ комитета и препроводилъ все дѣло на разсмотрѣніе московскаго митрополита Филарета. Митрополитъ Филаретъ не согласился съ замѣчаніями цензуры, призналъ возможнымъ разрѣшить изданіе Остромирова Евангелія и указалъ только на нѣкоторыя дополненія, которыя необходимо было сдѣлать въ предисловіи. 31-го декабря 1841 г. Синодъ, исполнѣ раздѣливъ мнѣніе митрополита Филарета, разрѣшилъ изданіе Евангелія. Наконецъ, въ 1843 году вышло первое и лучшее изданіе Остромирова Евангелія.

Графъ Н. С. Ланской.

¹⁾ Записка касательно Россійской исторіи. Изд. 1801 г., стр. 202.

²⁾ П. И. Саввантовъ. Объ изданіи Остромирова Евангелія.

УСТЬСЫСОЛЬСКАЯ СТАРИНА.

Разбойники.

Рѣка Печера до впаденія въ нее съ правой стороны рѣки Илыдзи, называется малою Печерою. Илыдзь несетъ свои воды въ Печеру съ Уральскаго хребта и, не уступая этой послѣдней въ ширинѣ и глубинѣ, увеличиваетъ ее послѣ своего впаденія болѣе, нежели вдвое, и Печера затѣмъ уже называется Большою. Она принимаетъ видъ громадной, величественной рѣки, неся на себѣ характеръ спокойнаго, солиднаго теченія, пролегающаго между ровными, обросшими лѣсомъ, берегами. И чѣмъ ближе къ океану, тѣмъ шире и шире становится царственная рѣка; а при самомъ впаденіи въ него, она, раздробляясь на рукава, занимаетъ своими гирлами болѣе шестидесяти верстъ поперечнаго пространства.

По берегамъ Печеры мало селъ и деревень; а уединенность края его, изолированное положеніе, отсутствіе заводской и фабричной дѣятельности, замкнутая торговля, не выходящая изъ круга мѣстныхъ потребностей, ставятъ эту окраину русскаго сѣверовостока на степень затолшнаго края. Можно сомнѣваться, чтобы въ этой странѣ, дикой и лѣсистой, малонаселенной и бѣдной по торговымъ оборотамъ, существовали шайки разбойниковъ, грабившія при-Печерскія селенія и отнимавшіе у зырянъ предметы ихъ охотничьихъ промысловъ, добываемыхъ мѣстными жителями тяжелымъ трудомъ и дальнимъ странствованіемъ по дикимъ лѣсамъ уральскихъ отроговъ.

Однако, разбойники были, а это наводитъ на мысль, что здѣсь существовала когда-то значительная торговля: шайки разбойниковъ не заведутся даромъ въ отдаленной безплодной труппѣ: имъ нечего тамъ дѣлать. Вѣроятно, въ старину, во время участія Великаго Новгорода въ заграничной торговлѣ, по Сухонѣ и Вычегдѣ шли черезъ переволокъ между Мылвами, на Печеру и въ Сибирь евро-

пейскіе товары и по этому-же пути вывозились произведенія Зауралья. Такимъ-же образомъ двигалась торговля черезъ Сойву, Усу на Печерѣ, Ижмѣ и Ухтѣ, черезъ переволокъ, по Вычегдѣ и Сухонѣ къ Великому Новгороду. Есть еще старинное преданіе о древнемъ торговомъ пути отъ Каспійскаго моря къ Сѣверному океану; онъ будто-бы тянулся по Волгѣ и Камѣ, черезъ Чердынь, и оттуда одна вѣтвь—къ устью Двины, другая къ устью Печеры. Вѣроятность торговли въ прежнія времена въ Печерскомъ краѣ подтверждается еще тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ находили здѣсь болгарскія серебряныя монеты. Иначе какъ-бы они могли быть занесены на глубокой сѣверъ.

Главнымъ поприщемъ разбойниковъ были рѣчки Ильдзъ и Малая Печера, гдѣ они безбоязненно совершали свои преступныя дѣла. И до сихъ поръ двѣ или три крутоберегія рѣчки, впадающія въ Ильдзъ и Печеру, называются Разбойничьими. Въ указѣ, выданномъ въ 1748 году изъ Яренской воеводской канцеляріи печерскому мірскому посольщику—на привилегированное право печерскими угодьями, рыбными и звѣринными промыслами и брусянными горами, говорится, что право это печерцамъ дано было грамотою царя Михаила Ѳеодоровича и подтверждено „указомъ блаженной и вѣчно достойной памяти великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича. А въ 745 году, бывшіе въ тѣхъ Устьнемской и Печерской волостяхъ воры и разбойники оную грамоту и указъ и прочія мірскія письма и въ платежи подушныхъ денегъ (квитанціи) и прочихъ по указамъ податей взяли къ себѣ и оной указъ изодрали на мелкія части и съ того числа оставили дрянныхъ пять лоскутовъ—и грамоту, и письма, и квитанціи унесли съ собой“ ¹⁾. Это несомнѣнное историческое свидѣтельство, подтверждающее существованіе разбойниковъ на Печерѣ. Но зыряне, по преданіямъ, сохранили, кромѣ того, нѣсколько о нихъ сказаній, которыя, переходя черезъ сферу народной фантазіи, украшаютъ героевъ ножа и кистеня чудодѣйственными доблестями, а послѣдствія ихъ дѣяній—заповѣдными кладами, зарытыми въ разныхъ мѣстахъ и хранящимися донинѣ подъ печатью таинственныхъ заклатій.

Разсказываютъ, былъ разбойникъ, по прозвищу Туръ-пуръ-янъ, крестьянинъ съ Вычегды, Деревянскаго селенія; онъ имѣлъ небольшую шайку и грабилъ суда, плававшія по Малой Печерѣ и Ильдзѣ. Въ шайкѣ его находился есауломъ какой-то Антонъ. Разсорившись съ атаманомъ, онъ, улучивъ удобную минуту, отрубилъ

¹⁾ Извлечено изъ грамоты Яренской воеводской канцеляріи.

ему голову, послѣ чего самъ принялъ начальство надъ шайкою и сталъ грабить на Печерѣ. Въ деревнѣ Подчерской онъ завелъ себѣ притонъ и любовницу, къ которой, по временамъ, приходилъ даже одинъ.

Боясь грознаго разбойника, хорошо вооруженнаго, крестьяне не смѣли взять его. Какъ-то во время сна атамана, пріятель его похитилъ изъ-подъ подушки ножъ, прибралъ кистень и передалъ все это мѣстнымъ крестьянамъ. Тѣ напали на обезоруженнаго разбойника, скрутили по ногамъ и по рукамъ и утопили въ четырехъ верстахъ отъ деревни Подчерской.

Басни о разбойничьихъ кладахъ, зарытыхъ съ заклинаніями въ разныхъ мѣстахъ Припечерья, передаются изъ рода въ родъ между мѣстными зырянами. Особенно опредѣленно говорятъ даже въ настоящее время о кладѣ на горѣ Лазъ-чукъ, на лѣвомъ берегу Печеры, близъ Тройцко-Печерскаго погоста, подъ тремя березами, растущими на курганѣ. На рѣчкѣ Додъ, впадающей въ Илычъ, говорятъ, есть кладъ, который стережетъ медвѣдь, безъ пощады разрывающій всякаго посягающаго овладѣть скрытымъ сокровищемъ. На рѣчкѣ Ичь-ю, впадающей въ Илыдзь, подъ старымъ кедромъ, зарытъ цѣлый сундукъ съ золотомъ. На кедрѣ сдѣланы зарубины: сверху одна большая, продольная, означаетъ атамана; съ обѣихъ боковъ, внизу—двѣ параллельныя—его есауловъ, и потомъ еще сорокъ продольныхъ, въ два ряда, число разбойниковъ, составлявшихъ шайку. Объ этомъ кладѣ ходитъ въ народѣ слухъ, что существуетъ особенная записка. Въ самой рѣчкѣ Илыдзя всыпанъ разбойникомъ Сухановъ мѣшокъ денегъ, а на берегу этой рѣчки имъ-же зарытъ кладъ. Сухановъ считается однимъ изъ значительнѣйшихъ печерскихъ разбойниковъ. Онъ грабилъ сначала отдаленныя отъ Печеры страны и, говорятъ, доходилъ до Казани. Шайка его состояла изъ пятидесяти человѣкъ. Преслѣдуемые правительствомъ, они кинулись въ сѣверные лѣса, гдѣ и заблудились. Сухановъ, для спасенія своей шайки и себя, далъ обѣтъ—въ первую рѣчку, которая имъ попадется, всыпать золото и въ первую церковь сдѣлать вкладъ и потомъ жить смиренно. Послѣ такого обѣщанія, первая блуждавшимъ разбойникамъ попавшаяся рѣчка была Илыдзь, въ которую они и всыпали мѣшокъ денегъ и положили подъ сосну кладъ. Затѣмъ пришли они съ Илыдзя въ Печерскій погостъ, гдѣ и начали было жить мирно; но это продолжалось только нѣсколько дней: двое есауловъ не выдержали мирной жизни и нанесли какое-то оскорбленіе жителямъ. Атаманъ Сухановъ, въ негодованіи за дурной поступокъ своихъ подчиненныхъ, убилъ есауловъ, а шайка, возму-

тившись за такую расправу атамана, убила его самого. Въ этомъ убійствѣ атамана игралъ главную роль третій есаулъ, то-же по фамиліи Сухановъ, можетъ быть, ближайшій родственникъ атамана, а по передачѣ нѣкоторыхъ этого преданія—родной сынъ его. Онъ будто-бы отомстилъ Суханову не за казнь своихъ товарищей, а чѣмъ-то лично недовольный атаманомъ, подговорилъ шайку убить его, для чего выбралъ удобное время и напалъ на него съ возмущенными разбойниками, которые окружили атамана со всѣхъ сторонъ. Но онъ, сильный и отважный, перескочилъ черезъ всю партію и кинулся въ Печеру, намѣреваясь перемахнуть черезъ нее вплавь и убѣжать въ лѣса. Но атамана не допустили далеко отплыть отъ берега, захвативъ огромнымъ багромъ. Его долго и варварски мучили; наконецъ, закопали живаго въ землю, гдѣ онъ былъ трое сутокъ. Выкопанный и истерзанный, онъ попросилъ, чтобъ его застрѣлили въ щеку. Убитаго атамана похоронили близъ Печерскаго погоста, на береговой окраинѣ Печеры, въ урочищѣ „Пела-му“ (Дѣдушкино поле). Нынѣ это мѣсто снесено водою.

Начальство надъ шайкою принялъ взбунтовавшій ее Сухановъ второй. Мирная жизнь забыта, завѣтъ остался втунѣ, и снова начались на Печерѣ и Илычѣ грабежи и разбои. Говорятъ, этотъ Сухановъ отыскалъ мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ всыпано было золото, и прикарманилъ его себѣ. Видя положеніе свое вполне обезпеченнымъ этими деньгами, а можетъ быть, и вновь награбленнымъ добромъ, онъ оставилъ шайку, перебрался въ селеніе Устьсысольское, нынѣ городъ Устьсысольскъ ¹⁾, и поселился въ немъ, въ качествѣ смирнаго обывателя. Какъ человекъ предприимчивый и имѣющій капиталъ, онъ вышелъ въ купцы и завелъ здѣсь довольно обширную торговлю, окончательно отрѣшившись отъ своихъ разбойническихъ дѣяній. Народное преданіе сохранило объ этомъ Сухановѣ память, какъ о человекѣ необыкновенномъ, съ чародѣйскими способностями, обладавшемъ знаніемъ заговоровъ и имѣвшемъ силу повелѣвать стихіями. Сухановъ имѣлъ на устьѣ рѣчки Чевья, впадающей въ Вычегду, въ семи верстахъ отъ Устьсысольскаго селенія—отдѣльное землевладѣніе, съ усадебнымъ хозяйствомъ. Тамъ устроенъ у него былъ винный заводъ. Изъ Устьсысольска въ Чевье по хозяйству онъ ѣздилъ не обычнымъ порядкомъ, какъ ѣздить всѣ обыкновенныя смертныя, а запряжетъ пару лошадей въ телѣжку, спустится около своего дома въ рѣку, на дно, да такъ подъ водою и ѣдетъ, сперва по р. Сысолѣ, а потомъ по Вычегдѣ, до самаго Чевья, гдѣ

¹⁾ Учрежденіе Евкатерины II-й.

изъ рѣки поднимается къ своей усадьбѣ въ гору сухохонекъ; не даромъ прозывался онъ Сухановъ: вода его не брала. Шайка не могла простить Суханову отступничества и измѣны. Въ 1739 году, въ отомщеніе за побѣгу и похищеніе ихъ артельной казны, разбойники расправились съ нимъ въ самомъ Устьсысольскѣ: совершенно по разбойничьи, открытымъ нападеніемъ. Сухановъ, говоритъ сказочное преданіе, не утрашился своихъ враговъ: первымъ дѣломъ онъ напустилъ столько воды около своего дома, что нападающіе разбойники не могли къ нему подойти. Они начали стрѣлять въ окна, двери и стѣны Сухановскаго дома изъ пищалей пулями. Сухановъ, въ отвѣтъ на эту пальбу, вышелъ изъ дома на крыльцо, въ наглухо застегнутой синей сибиркѣ, молодцовато сталъ противъ нападающихъ и началъ правою рукою ловить ихъ выстрѣлы; тѣ пальнуть, а онъ хватить руками пулю и покажетъ имъ, совершенно какъ магикъ Эбштейнъ. Такъ тянулась осада очень долго. Мѣстные жители встревожились. Старый пономарь поднялся на колокольню и ударилъ въ набать, но дорого поплатился за это; разбойники спустили его съ колокольни внизъ головою, причѣмъ онъ и убится до смерти. А Суханова все взять не могутъ: хотѣли поджечь домъ, но кругомъ вода и все заговорено. Одному изъ нападающихъ, съ задворковъ какъ-то удалось пробраться на чердакъ, а тамъ висятъ связки вѣшниковъ, что полъ которыми метуть. Вѣшники не были заговорены. Сухановъ не догадался этого сдѣлать. Зажгли вѣшники, вспыхнулъ чердакъ, загорѣлась крыша, огонь обнялъ и домъ. Нечего дѣлать было Суханову, попался онъ въ руки нападающимъ, на расправу своихъ бывшихъ товарищей разбойниковъ и мученически былъ ими убитъ. Объ этой-то расправѣ и сохранился весьма интересный документъ, какъ памятникъ устьсысольской старины: „Челобитная сына бывшаго атамана Суханова, Елисея Суханова, къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ“¹⁾.

Ф. А. Арсенъевъ.

10-го августа 1889 г.
г. Устьсысольскъ.

¹⁾ Этотъ интересный документъ мы представимъ въ слѣдующей книгѣ „Русской Старины“. Ред.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВЪ ЛОМОНОСОВЪ,

Братъ М. В. Ломоносова.

I.

1741 г. марта 17 дня, по указу Его Императорскаго Величества, архангелогородская губернская канцелярія слушала нарядъ по присланнымъ минувшихъ января 27, да февраля 24 чиселъ изъ Каргополя отъ слѣдствія о соляныхъ дѣлахъ доношеніямъ, которыми требовано о справкѣ съ архангелогородскою портовою или внутреннею таможеню: Въ прошломъ 1735 г. Двинскаго уѣзда, крестьянинъ Дмитрій Васильевъ, а которой волости и чей крестьянинъ, того не показано, въ той таможи съ рыбою трескою съ мурманскаго промысла на новоманерномъ гукорѣ Двинскаго уѣзда крестьянина Котова, которому также имени и прозванія не показано, въ августѣ или сентябрѣ мѣсяцехъ, явился-ль и та рыба треска въ таможенныхъ книгахъ записана-ль и сколько пудъ, а потомъ и того крестьянина Дмитрія Васильева въ покупкѣ имъ Каргопольскаго уѣзда, Крестнаго монастыря у крестьянъ Ивана Галасьева съ товарищи мимо казны соли 30 пудъ, о допросѣ и о томъ о всемъ къ тѣмъ дѣламъ о сообщеніи писменно. А сего марта 3 дня поданнымъ въ губернскую канцелярію изъ архангелогородской портовой таможи на посланный отъ той канцеляріи указъ рапортомъ объявлено: по справкѣ же прошлаго 1735 г. архангелогородской таможи внутренняго сбора съ книгами Двинскаго уѣзда крестьянина Дмитрія Васильева съ рыбою трескою съ мурманскаго промысла и на новоманерномъ гукорѣ крестьянина Котова въ томъ 1735 г. въ явѣ ни съ чѣмъ не имѣлось; а понеже по извѣстію губернской канцеляріи имѣется въ Двинскомъ уѣздѣ въ Куроостровской волости крестьянинъ Василій Дорофеевъ сынъ Ломоносовъ, онъ-же прозваніемъ и Котовъ, приказали учинить слѣдующее: 1) по оноу крестьянина Василя Ломоносова въ показанную Куроостровскую волость послать нарочнаго архангелогородскаго гарнизона солдата, по инструкціи которому велѣтъ оноу Ломоносова взявъ, привести къ г. Архангельскому и объявить въ губернской канцеляріи при доношеніи того-жъ числа 21. А какъ онъ Ломоносовъ привезенъ будетъ, то въ чемъ надлежитъ противъ присланнаго изъ Каргополя отъ слѣдствія о соляныхъ дѣлахъ доношенія допросить обстоятельно, и что по допросу покажетъ, доложить. Марта 18 дня 1741 г.

II.

Указъ Его Величества, Императора и Самодержца Всероссийскаго, изъ архангелогородской губернской канцелярїи въ Каргополь, къ слѣдствію о соляныхъ дѣлахъ. Присланными въ губернскую канцелярїю отъ оныхъ слѣдственныхъ соляныхъ дѣлъ доношенїями, требовано о справкѣ съ архангелогородскою портовою или внутреннею таможенею въ прошломъ 1735 году, Двинскаго уѣзда крестьянинъ, Дмитрій Васильевъ, а которой волости и чей крестьянинъ не показано, въ той таможи съ рыбкою трескою съ мурманскаго промысла на новонамерномъ гукорѣ Двинскаго уѣзда крестьянина Котова, которому также имени и прованїа не показано. Въ августѣ или въ сентябрѣ мѣсяцахъ, явился-ль и та рыба треска въ таможенныхъ книгахъ записана-ль и сколько пудъ, а потомъ и оногo крестьянина, Дмитрія Васильева, въ покупкѣ имъ Каргопольскаго уѣзда, Крестнаго монастыря у крестьянъ, Ивана Галасьева съ товарищи мимо казны соли тридцати пудъ, о допросѣ, и о томъ о всемъ къ тѣмъ дѣламъ о сообщенїи писменно. А понеже на посланный указъ изъ архангело, городской губернской канцелярїи марта 3 дня изъ архангелогородской-же портовой таможи отвѣтствовано: прошлаго-де 1735 года архангелогородской таможи внутренняго сбора съ книгами Двинскаго уѣзда крестьянина Дмитрія Васильева съ рыбкою трескою съ мурманскаго промысла и на новонамерномъ гукорѣ крестьянина-же Котова въ томъ 1735 году въ явкѣ ничего не имѣлось. А оный Котовъ, онъ - же и Ломоносовъ, въ губернской канцелярїи допросомъ показалъ, въ прошломъ-де 1735 году, лѣтнимъ временемъ, по найму Кемскаго городка обывателей, отвозилъ онъ, Ломоносовъ, въ тотъ городокъ хлѣба, ржи, а сколько четвертей, о томъ онъ не упомянуть, на бывшемъ тогда своемъ суднѣ гукорѣ, именуемомъ „Михаилъ Архангелъ“, и по отвозѣ во оной Кемскій городокъ того хлѣба на томъ-же суднѣ отбылъ на морской мурманскій промыселъ, на которомъ промыслѣ имѣлся дней съ пять, и въ то судно грузилъ купленную отъ тамошнихъ обывателей сухую рыбу треску, и, по нагруженїи съ того промысла, поѣхалъ къ городу Архангельскому обратно, и тогда съ промышленною сырою рыбою трескою на то свое судно изъ найму пустилъ онъ, Ломоносовъ, вкладчиковъ, въ томъ числѣ имѣлся Двинскаго уѣзда, Николаевской-Матигорской волости, крестьянинъ Дмитрій Васильевъ Четверикъ, который нынѣ отбылъ на тотъ-же мурманскій промыселъ и со оными вкладчиками тогда онъ, Ломоносовъ, на показанномъ своемъ суднѣ къ городу и прїѣхалъ, и въ архангелогородской портовой таможи съ собою явился, а оныя вкладчики, крестьяне, во оной таможи съ тою рыбою явились-ли, и оной ихъ рыбѣ какой осмотръ отъ той таможи былъ-ли, про то-де онъ не упомянуть, также и какою солюю оныя крестьяне тое рыбу солили, изъ казны-ль купленною или корчемною, о томъ не знаетъ, понеже той рыбѣ отъ нихъ соленіе имѣлось прежде грузу въ то судно, того ради, по Его Императорскаго Величества указу, и по опредѣленїю губернской канцелярїи велѣно, съ прописанїемъ означенной справки, въ Каргополь, къ слѣдствію о соляныхъ дѣлахъ за повѣстїе послать указъ, въ которомъ объявить, что о покупкѣ показаннымъ крестьянномъ Дмитріемъ Васильевымъ на соленіе рыбы потаенной соли губернской канцелярїи слѣдовать болѣе вышеозначеннаго нечѣмъ, понеже-де его, Васильева, пѣтъ у города Архангельскаго и въ уѣздѣ въ сыскѣ не явилось, и въ Каргополѣ у слѣдствїа о соляныхъ дѣлахъ о вышеписаннымъ вѣдать. 1741 г. іюня 18 дня.

Губернскїя Канцелярїи, д. 18, № 2, л. 48.

Сообщ. 6 февр. 1877 г. В. А. Альфонскаго.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

13 ¹⁾.

Пишетъ король прущій
Государинѣ въ Москву:
„Милосердая Государушка,
Замиреньица прошу.
Ты отдай мои города,
Отдай Гиверъ, отдай Ливеръ,
Отдай славный мой Кронштатъ.
Не зампришься, государыня,
Супротивъ тебя пойду.
Я въ Москвѣ переночую,
Въ Петербургъ дневать пойду;
Я поставлю адъютантовъ
Въ государевомъ дворцѣ,
А во городѣ по квартирушкамъ
По двѣнадцати Ганджаръ“ (?).
Милосердая Государыня
Призадумалась въ стулу ²⁾.
Какъ приходитъ къ ней
Любимый генералушка:
„Да и что же ты, государыня,
Призадумалась въ стулу?
Соберемъ мы всѣ лизертные полки,
Мы попросимъ короля прущаго
Погостить въ гости къ себѣ,
Мы вытянемъ дороженьку
Кармазиннымъ сукномъ,
Кармазиннымъ сукномъ,
Что ружейнымъ огнемъ,
Приготовимъ мы закусочки,
Что мѣдныя пушечки“.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1890 г., т. LXVII, стр. 468, 570—572, 656, т. LXVIII, стр. 136, 278, 469, 584.

²⁾ То есть на тронѣ.

14.

Всѣ полки-то весело идутъ,
 Какъ одинъ полкъ не весель идетъ,
 Не весель идетъ, онъ не въ радости;
 Напередъ-то полка и коня ведутъ,
 Неосѣдланнаго и неубраннаго,
 На конѣ-то Краснощокковъ-сынъ
 Пьянъ сидитъ, пьянъ шатается.
 Какъ подѣхалъ онъ ко двору—дворцу,
 Сустрѣтила его родимая матушка:
 „Ты зачѣмъ, дитя мое, дитятко,
 Ты зачѣмъ, дитя, пьешь—напиваешься?“
 — „Ты, мать моя, родимая матушка,
 Не тебѣ бы было меня спрашивать,
 И не мнѣ бы было тебѣ сказывать,
 Напоилъ меня прудкій король,
 Напоилъ меня тремя пойлами,
 Тремя пойлами, тремя разными:
 Первое пойло—пулечка свинчатая,
 Другое пойло—сабля булатная,
 Третье пойло—копье вострое“ .

Сообщ. въ 1874 г. Д. Е. Морозъ.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ НЕКЛЮДОВЪ.

сподвижникъ Суворова.

екабря 11-го 1890 г. праздновалась столѣтняя годовщина взятія славными русскими войсками крѣпости Измаила.

По поводу этого торжества привожу на страницахъ уважаемой „Русской Старины“ нѣкоторыя воспоминанія, касающіяся одного изъ видныхъ участниковъ славнаго штурма, именно тогдашняго маіора Леонтія Яковлевича Неклюдова, воспоминанія, переданныя мнѣ женою моею Елисаветою Алексѣевною, рожденною Неклюдовою, единственною родною внучкою того сподвижника знаменитаго полководца, громкія побѣды котораго составляютъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ исторіи нашего дорогаго отечества.

Маіоръ въ 1790 году, Леонтій Яковлевичъ Неклюдовъ, потомокъ древняго дворянскаго рода (родился въ 1750 г., женатъ былъ на Чариковой), въ послѣдствіи генераль-маіоръ, заявившій начальству, въ день штурма крѣпости Измаила, о желаніи своемъ быть въ числѣ охотниковъ, принялъ командованіе одной изъ колоннъ назначенныхъ штурмовать эту неприступную турецкую твердыню. Онъ, во главѣ своей колонны, первый перешелъ по фашинамъ ровъ, первый самъ приставилъ лѣстницу къ крѣпостной стѣнѣ, первый взошелъ по ней на стѣну, первый водрузилъ полковое знамя на стѣнѣ и затѣмъ палъ, пораженный 18-ю огнестрѣльными и штыковыми ранами. Этотъ подвигъ увѣковѣченъ текстомъ сохранившейся у насъ, всемилостивѣйше пожалованной маіору Неклюдову императрицею Екатериною II, собственноручно подписанной ею, богато

отдѣланной грамоты, содержащей также и рисунокъ, изображающій моментъ водруженія доблестнымъ Л. Я. Неклюдовымъ полковаго знамени на крѣпостной стѣнѣ. Независимо отъ золотого креста въ память взятія Измаила, Леонтій Яковлевичъ, имѣвшій уже прежде орденъ св. Владиміра съ бантомъ за военные заслуги, награжденъ былъ императрицею орденомъ св. Георгія 4-й степени, чиномъ полковника и пожалованъ 300 душъ крестьянъ въ Себежскомъ уѣздѣ Витебской губерніи.

Молодость и крѣпкое сложеніе Леонтія Яковлевича сохранили его жизнь, но тяжкія раны, въ особенности правая рука, совсѣмъ высохшая, подорвали его здоровье и лишили его возможности продолжать строевую службу, которой онъ себя всецѣло посвятилъ. Онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Донской. Въ Москвѣ онъ былъ очень популяренъ, теперь еще тамъ находятся лица, которыя помнятъ его развѣзжавшимъ въ экипажѣ, запряженномъ четверкою бѣлыхъ (георгіевскихъ) лошадей.

Жена моя, смутно помня своего дѣда, передавала мнѣ, слышанный ею въ дѣтствѣ неоднократно отъ отца своего Алексѣя Леонтьевича Неклюдова ¹⁾, рассказъ о необычайной чести, которой удостоился Леонтій Яковлевичъ отъ государя императора Николая Павловича, въ бытность сего послѣдняго въ Москвѣ для священнаго коронованія,—рассказъ, свидѣтельствующій въ тысячный, можетъ быть, разъ, какъ государь Николай Павловичъ умѣлъ цѣнить и награждать старыхъ воиновъ, не щадившихъ крови своей для славы царя и отечества. Дѣло было такъ: Леонтій Яковлевичъ, въ числѣ прочихъ московскихъ дворянъ, представлялся государю, явившись во дворецъ въ своемъ полковничьемъ мундирѣ екатерининскихъ временъ. Государь, замѣтивъ Измаильскій на немъ крестъ, обратилъ особенное на него вниманіе и затѣмъ, узнавъ его фамилію, приказалъ ему на другое утро явиться къ разводу съ перемоніею отъ какого-то, кажется гвардейскаго, полка. Тутъ на разводѣ государь Николай Павловичъ скомандовалъ полку на-караулъ, взялъ Леонтія Яковлевича за руку и провелъ его по всему фронту полка. До слезъ разстроганный старикъ не помнилъ себя отъ сча-

¹⁾ Служилъ въ лейбъ-гвардіи Конно-Егерскомъ полку, былъ губернскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Симбирскѣ и въ Калугѣ, женатъ былъ на дочери медынскаго уѣзднаго предводителя дворянства Аннѣ Александровнѣ Лопатиной, умеръ въ 1845 году въ Саратовѣ, въ чинѣ полковника.

стія и умиленія за оказанную ему воинскую честь. Фактъ этотъ живо сохранился въ семейныхъ преданіяхъ и повторенъ лично мнѣ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, нѣкоторыми московскими старожилами и подтверждается послужнымъ Леонтія Яковлевича спискомъ. изъ котораго видно, что въ годъ коронованія императора Николая Павловича полковникъ Леонтій Яковлевичъ Неклюдовъ вновь принятъ на службу съ производствомъ въ генералъ-майора, награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени и назначенъ членомъ московской провіантской комиссіи; состоя въ этой должности, онъ умеръ въ 1837 году, 87 лѣтъ отъ роду, и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ. Портретъ его, писанный въ 1829 году художникомъ Тропининымъ, находится у меня въ числѣ семейныхъ портретовъ.

Е. Гааъ.

Портретъ Николая Васильевича Гоголя

кисти профессора Э. А. Моллера

1841 г.

Федоръ Антоновичъ Моллеръ съ Гоголя писалъ три портрета: одинъ послѣ смерти автора „Мертвыхъ Душъ“ находился у матери его, въ настоящее время онъ у сестры Гоголя—Анны Васильевны; второй—у меня; третій былъ у Иванова, а послѣ смерти Сергѣя Андреевича проданъ Боткинымъ, кажется, Рейтерну; всѣ три портрета сильно разнятся одинъ отъ другаго; по времени, думаю, первый у Рейтерна, второй—у сестры, третій—у меня. Мой экземпляръ приобрѣтенъ лично у Федора Антоновича Моллера, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ. Экземпляръ, который былъ выставленъ въ книжномъ магазинѣ „Русской Старины“, есть копія съ находящагося у сестры, хорошо мнѣ извѣстнаго, каковой портретъ былъ въ Москвѣ выставленъ на выставкѣ Общества любителей художествъ, проѣздомъ отъ Э. И. Иордана (послѣ сдѣланія гравюры) обратно къ матери писателя. Копію эту я видѣлъ у профессора Федора Антоновича Моллера и затѣмъ въ послѣднее время у академика М. О. Микѣшина, у Бегрова, въ Обществѣ поощренія художествъ. Кѣмъ она дѣлана — не знаю, очень

можетъ быть, что самимъ профессоромъ **Ө. А. Моллеромъ**, но только это не есть портретъ съ натуры.

П. М. Третьяковъ.

Отъ Ред. Помѣщая замѣтку уважаемаго обладателя превосходной картинной и портретной галереи въ Москвѣ **П. М. Третьякова**, считаемъ необходимымъ замѣтить, что **П. М.** здѣсь предположительно, а въ устномъ сообщеніи чрезъ брата своего **С. М. Третьякова** положительно утвердилъ, что копія помянутаго выше портрета Гоголя выполнена кистью даровитаго профессора **Ө. А. Моллера**, и что онъ, **П. М.**, это слышалъ отъ самого покойнаго профессора-художника; но писанъ-ли портретъ Гоголя съ натуры или это копія самого художника съ портрета. имъ-же снятаго съ натуры, во всякомъ случаѣ работа до того хороша, что портретъ признали высоко художественнымъ произведеніемъ профессоръ **Н. Н. Ге**, посѣтившій насъ въ декабрь 1890 года, и **С. М. Третьяковъ**; при этомъ **Сергій Михайловичъ** приобрѣлъ означенный портретъ въ собственность, за цѣну, объявленную владѣлицею портрета, г-жею **Ю. Леонтьевой**, родною племянницею покойнаго профессора **Ө. А. Моллера**, т. е. за шестьсотъ рублей.

Погость Слауй.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 года, т. LXVIII, книга ноябрь, стр. 578, строка 6-я сверху, упоминается погость Великолуцкаго уѣзда Славя. Это опечатка, читай Слауй, т. е. славный по своему мѣстоположенію; и точно, какъ справедливо замѣчено нами, мѣстность тамъ чрезвычайно красивая. Въ слауйскомъ приходѣ находится родовое имѣніе Корвинъ-Круковскихъ. Кстати отмѣтимъ, что по дорогѣ къ этому погосту отъ Великихъ Лукъ, въ 12-ти верстахъ отъ города, находится погость Кушуй. Въ каменной церкви этого погоста слушалъ когда-то литургію императоръ Александръ Павловичъ и подарилъ священнику сто рублей, а причетникамъ пятьдесятъ рублей.

А. С. Князевъ.

Арсеньевъ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., томъ LXVIII, ноябрь, стр. 398, въ „Дневникѣ **А. В. Никитенко**“—нами указанъ **К. К. Арсеньевъ**, какъ составитель статьи о необходимости гласнаго судопроизводства;—нынѣ сообщаютъ намъ, что то былъ дѣйствительно **Арсеньевъ**, но не **Константинъ Константиновичъ**—а другой (Илья?) **Арсеньевъ**.

Ред.

Надежда Дмитріевна Хвощинская,

В. Крестовскій-псевдонимъ.

Даровитая русская писательница, подарившая русскую словесность цѣлымъ рядомъ прелестныхъ произведеній, Н. Д. Хвощинская — извѣстная подъ псевдонимомъ В. Крестовскій—родилась 20 мая 1825 г., въ Рязанской губерніи, выступила на литературное поприще въ 1847 году, скончалась въ Петергофѣ, въ ночь съ 7-го на 8-е іюня 1889 г., гдѣ и погребена. Въ слѣдующей книгѣ „Русской Старины“ мы помѣщаемъ очеркъ жизни и литературной дѣятельности этой талантливой писательницы, при настоящемъ-же выпускѣ нашего изданія представляемъ портретъ Н. Д. Хвощинской превосходною гравюру на мѣди молодого художника Федора Ивановича Веревкина, ученика покойнаго профессора Ф. И. Гордана.

Гравюра выполнена съ дагеротипа, снятаго съ натуры въ 1852 году, и весьма обязательно сообщеннаго намъ уважаемымъ В. Р. Зотовымъ.

Ред.

Андрей Михайловичъ Фадѣевъ и его архивъ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 года, томъ LXVIII, ноябрь, стран. 559 напечатано: „Саратовская комиссія получила отъ частныхъ лицъ не мало-важные вклады, вслѣдствіе опубликованнаго ею въ газетахъ воззванія о присылкѣ документовъ, относящихся къ исторіи саратовскаго края. Между таковыми приношеніями особую важность представляютъ присланный изъ Одессы Надеждою Михайловною Фадѣевою частный архивъ ея покойнаго брата, бывшаго саратовскаго губернатора, Андрея Михайловича Фадѣева“. Эти бумаги присланы мною. Андрей Михайловичъ Фадѣевъ былъ мой отецъ, а не братъ, и потому и не Надежда Михайловна, а Надежда Андреевна. Отъ предѣдателя саратовской ученой архивной комиссіи, въ свое время, имѣла удовольствіе получить отвѣтъ съ выраженіемъ признательности и правильно написаннымъ мною именемъ.

Надежда Фадѣева.**Къ указателю личныхъ именъ**

„Русской Старины“ изд. 1890 года.

Въ декабрьской книгѣ „Р. Ст.“ 1890 г. въ Указателѣ личныхъ именъ допущены слѣдующія небольшія неточности: 1) на стр. 66-й показано „Такимъ, патр. 1695 г.“. Патр. Іоакимъ скончался въ 1690 г., а упоминается подъ 1689 г.; 2) на стр. 68-й „Калайдовичъ, Петръ, сообщ.: „На погребеніе императрицы Маріи Феодоровны“. Это стихотвореніе сообщено мною, а Петръ Калайдовичъ—его авторъ.

Леонидъ Савеловъ.

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ ШУМАХЕРЪ,

полувѣковая годовщина его государственной службы

1840 $\frac{\text{Января}}{4\text{-го}}$ 1890.

4-го января 1891 года минетъ полъ-вѣка со дня вступленія на государственную службу А. Д. Шумахера.

Александръ Даниловичъ родился въ 1820-мъ году и кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1840 г.—со степенью кандидата юридическаго факультета. Въ слѣдующемъ году онъ поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Отличное образованіе, необыкновенное трудолюбіе и замѣчательныя способности быстро выдвинули Шумахера; въ 1855-мъ году онъ уже вице-директоръ хозяйственнаго департамента, а въ 1861 году — директоръ. Извѣстно, какія громадныя работы выполнены въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ годы реформъ царствованія Государя-Освободителя. Въ первомъ ряду тружениковъ министерства за это памятное время былъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, Александръ Даниловичъ Шумахеръ; имя его въ особенности тѣсно связано съ устройствомъ городского самоуправления въ Россіи—одной изъ самыхъ важныхъ реформъ императора Александра II-го, давшей и дающей до сихъ поръ неисчислимо благотворныя результаты для нашего отечества.

Нынѣ одинъ изъ старѣйшихъ, по времени назначенія, сенаторовъ, предсѣдатель Совѣта управленія учрежденіями великой княгини Елены Павловны и членъ Совѣта по тюремнымъ дѣламъ А. Д. Шумахеръ—пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью за свои отличное знаніе дѣла, строго-добросовѣстное отношеніе къ нему и за свой ровный, любезный характеръ...

Сердечно привѣтствуемъ этого всѣми уважаемаго государственнаго дѣятеля съ полувѣковымъ юбилеемъ его службы Государю и Отечеству.

21-го декабря 1890 г. с.-петербургская городская Дума единогласно постановила — поручить городскому головѣ поздравить, 4-го января 1891 г., А. Д. Шумахера съ пятидесятилѣтіемъ его высоко-полезной для отечества государственной дѣятельности.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1891 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ выходитъ въ 1891-мъ году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными лучшими художниками на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ, между прочими вполне интересными записками (мемуарами), статьями и матеріалами, относящимися къ двумъ послѣднимъ столѣтіямъ,—также много данныхъ для исторіи минувшаго царствования императора Александра II Освободителя и для біографій и характеристикъ его достопамятныхъ сподвижниковъ.

12 книгъ съ портретами, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Обширное собраніе Записокъ (мемуаровъ), Воспоминаній, историко-біографическихъ очерковъ и самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, относящихся къ отечественной исторіи, исторіи русской литературы, художествъ и искусствъ, — постоянно возрастающее въ редакціи «Русской Старины», — многіе уже годы освобождаетъ насъ отъ необходимости заявлять предъ нашими читателями о томъ, что книги «Русской Старины» предстоящаго года будутъ, по прежнему, по возможности, полны живаго интереса и значенія. Тѣмъ не менѣе, мы доводимъ до свѣдѣнія читателей, что въ книгахъ «Русской Старины» 1891 года будутъ, между прочимъ, напечатаны: «Записки А. М. Тургенева», — «Дневникъ академика А. В. Никитенко (1862—1872 гг.)», — «Записки профессора Н. В. Берга» († 1884 г.), — «Записки <Н. А. Огаревой-Тучковой (1856—1878 гг.)»; — Очерки и воспоминанія: ген.-отъ-инф. А. А. Одицова; Н. В. Веригина; Штрандмана (1769—1790 гг.); кн. И. Горчакова; кн. Явизля; М. А. Вестужева; В. К. Кюхельбекера; Маркиза де-Кюстина; Печерина; Третьякова (о московскомъ университетѣ); П. Д. Шестакова (о гр. Д. А. Толстомъ и казанскомъ университетѣ); Хржановскаго и Мохначкаго (1831 г.); архимандрита Терлецкаго; проф. Ростиславова, и многихъ другихъ; — «Исслѣдованіе о царствованіи Александра I», Н. К. Шильдера,—и проч.

[См. на оборотѣ].

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ЯНВАРЬ 1891 г.

I

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1891 г. принимается для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Цинзерлинга (Невскій пр., д. № 20 у Полицейскаго моста). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Жарбасникова (Моховая, д. Коха) и Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., а иногородные, переходя въ городскіе—50 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки присылаются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на получение журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1891 года получаютъ за **ОДИНЪ** руб., при чемъ на пересылку прилагаютъ 21 коп. (почтов. марками):—

Пятое собраніе портретовъ, превосходно выполненные, весьма точныя снимки *гелиографуры* съ лучшихъ старинныхъ гравюръ на металлѣ, портреты: императрицъ — Екатерина I, — Анна Иоанновна, — Елисавета Петровна, — Екатерина II, — Марія Ѳеодоровна (два портрета), — Елисавета Алексѣевна, — Александра Ѳеодоровна (фототипія) и Марія Александровна, — великая княгиня Елена Павловна, († 1873 г.), — эти снимки вполне художественно исполнены—девять портр. въ Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ художникомъ Г. Н. Скамони въ Спб. и одинъ—фирмою *Набоумцовъ* и *Шереръ* въ Москвѣ. Портреты съ биографическими очерками. Спб. 1891 г.

Цѣна V-го вып. Альбома для подписчиковъ „Русской Старины“ на 1891 г. одинъ руб., за пересылку 3 почт. марки (21 коп.), для прочихъ лицъ три руб. [Альбомъ будетъ разосланъ, по заявленіямъ, желающимъ съ *наложеніемъ платежа* въ январѣ 1891 года. Напечатано всего лишь 1,600 экз.]. Альбомы выпуски III и IV, цѣна по рублю, пересылка 3 почтовыхъ марки (21 коп.).

Изд.-Ред. «Русской Старины» Мих. Ив. Семѣвскій.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ многогороднымъ всё книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Гюйо, М.—Воспоминаніе и наследственность. Соціологическій этюдъ. Перевелъ съ французскаго К. Толстой. Съ предисловіемъ и примѣчаніями переводчика. Спб. 1891. 8°, XXIV+329+II стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

Гюйо, М.—Задачи современ. эстетики. (M. Guyau. Les problèmes de l'esthétique contemporaine). Переводъ А. Н. Чудинова. Спб. 1891. 8°. 146 стр. Ц. 1 р.

Гюйо, М.— Происхожденіе идеи времени. Психологическій этюдъ. Переводъ съ французскаго А. И. Е-ва. Смоленскъ. 1891. 8°. 128+1 нен. стр. Ц. 75 коп., съ перес. 1 руб.

Ибервергъ-Гейнце.—Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ (Grundriss der Geschichte der neuen Philosophie). Перевелъ съ 7-го нѣмецкаго изданія Я. Колубовскій. Въ приложеніи очерки исторіи у славянъ и два указателя. Спб. 1890. 8°. IV+631. Ц. 5 р.

Здорь, капит.—Систематическій сборникъ разъясненій за послѣднія пять лѣтъ разнаго рода законоположеній, объявленныхъ по военному вѣдомству. (Разъясненія собраны за время съ 1-го января 1885 года по 1-е января 1890 г.). Казань. 1890. 8°. XLV+362 стр. Ц. 3 р. 75 к. съ перес.

Клоповъ, А. А.—Отчетъ по изслѣдованію

волжской хлѣбной торговли въ 1889 и 1890 гг. Тверь. 1890. 8°. X+VIII+113+115 стр. Ц. 70 коп.

Корнуновъ, Н.—Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. Часть 1-я. Государство и его элементы. Спб. 1890. 8°. 163 стр. Ц. 1 р

Першике, Л. Л.—Акцизно-бандерольная система табачнаго налога въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Исслѣдованіе. Рига. 1890. 8°. X+439 стр. Ц. 3 р.

Поповъ, В. В.—Сборникъ циркулярныхъ указовъ министерства юстиціи. Изд. 2-е Спб. 1890. 8°. 606+26+XVI+76 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Сводъ мѣстныхъ узаконеній Прибалтійскихъ (Остзейскихъ) губ. Законы гражданскіе, дополненные узаконеніями по 1890 годъ и согласованные съ преобразованиемъ судебной части и крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Спб. 1891. 8° XXXIV+864 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Современная Россія. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 3-е. Томъ I. Спб. 1891. 8°. XXII+334 стр. Томъ II. Спб. 1891. 8°. 363+IV стр. Ц. за два тома 2 р. 50 к.

Федоровъ, С. А., штабсъ-капит.—Справочная книжка по производствамъ ми ровыхъ разбирательствъ и дознаній, въ

трехъ раздѣлахъ, въ которыхъ изложены: 1) правила составленія донесеній о совершенныхъ нижними чинами преступленіяхъ, производствъ мировыхъ разбирательствъ, дознаній и распоряженій по нимъ военнаго начальника; 2) вопросы, подлежащіе разрѣшеніямъ производящими дознанія, и 3) примѣрные формы изложеній и представленій мировыхъ разбирательствъ и дознаній. Кронштадтъ 1890. 8°. II+109+3+14+13 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чуловъ, Ив.—Систематическій сборникъ узаконеній (до 6000 ст.) по преобразованію мѣстныхъ крестьянскихъ и судебныхъ учреждений. Въ 3-хъ частяхъ. Москва. 1890. 8°. X+сѣ 723 по 897 стр. Ц. за три части 5 р. 50 к.

Бубновъ, Ник.—Сборникъ писемъ Гербертака какъ историческій источникъ (983—997). Критическая монографія по рукописямъ. Часть II. Отдѣлъ II. Спб. 1890. 8°. Сѣ 439 по 1038 стр. Ц. 2 р.

Зерцаловъ, А.—О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ, 1648, 1662 и 1771 гг. (Изъ „Чтеній въ Имп. обществѣ исторіи и древностей руссійскихъ при [московск. университетѣ“ за 1890 г.). Москва. 1890. 8°. 439 стр. Ц. 2 р.

Иловайскій, Д. Ив.—Исторія Россіи. Томъ 3-й Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI вѣкъ. Москва. 1890. 8°. VIII+717 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Историческая портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г., съ краткими ихъ біографіями. Фототипія съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXXVI. Спб. 1891. 4°. 8 фототипій и 7 стр. текста. Ц. 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 73-й (Булаги гр. Арсенія Андреевича Закревскаго. Изданы подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина). Спб. 1890. 8°. XIV+XVI+616+VII стр. Ц. 3 руб.

Старинскъ, Ф. М.—Краткій историческій очеркъ оренбургскаго казачьяго войска.

Съ приложеніемъ статьи о современномъ бытѣ оренбургскихъ казаковъ и карты. Оренбургъ. 1890. 8°. VIII+181 стр. Ц. 1 р.

Максимовъ, С. В.—Крылатая слова. Не спроста и не спуста слово молвится и до вѣку не сломится. Спб. 1890. 12°. XV+486 стр. Ц. 3 р.

Марновъ, Евг. Л.—Путешествіе по Святой землѣ (Иерусалимъ и Палестина Самарія, Галилея и берега Малой Азіи). Спб. 1891. 8°, 523 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Остроумовъ, Н. П.—Сарты. Этнографическіе матеріалы. Вып. 1-й. Ташкентъ. 1890. 8°. 137 стр. Ц. 1 р.

Чистяковъ, капит.—Руководство для обученія нижнихъ чиновъ кавалеріи развѣдывательной и сторожевой службъ. Часть практическая. Вып. 1-й. Обученіе эскадронныхъ и сотенныхъ охотниковъ-развѣдчиковъ, съ дополнительными указаніями относительно порядка, пріемовъ и послѣдовательности веденія годовыхъ занятій передовой службой съ старослужащими и съ людьми послѣдняго призыва. Изд. 4-е, вновь переработанное и исправленное. Спб. 1891. 8°. 142 стр. Ц. 1 р.

Ботаническія записки, издаваемыя при ботаническомъ садѣ Имп. с.-петербургскаго университета проф. А. Бекетовымъ и проф. Хр. Гоби. Томъ III. Вып. 1-й. Съ 1-мъ рисункомъ. Спб. 1890. 8°. 64+118 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Матеріалы къ познанію фауны и флоры Россійской Имперіи. Отдѣлъ ботаническій. Вып. I. (Приложеніе къ „Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou“). Москва. 1890. 8°. 1 нен+231+ стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ферьеръ, Э.—Дарвинизмъ. Общеизвестное изложеніе теории Дарвина и ея приложеній къ жизни растений, животныхъ и человѣка. Переводъ съ 2-го франц. изданія М. Шимарева. (Популярно-научная бібліотека). Спб. 1891. 8°. VI+158 стр. Ц. 60 к.

Бокъ, К., д-ръ. Совершенство и краса природы. Человѣческое тѣло, его строеніе и жизнь. Настольная книга для любителей естествознанія. Съ 44-мя рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1890. 8°. VIII+251 стр. Ц. 1 р.

Вѣрюжскій, Дм. И., прив. доц.—Болѣзни крови и методы клиническаго ея изслѣдованія. Лекціи, читанныя студентамъ имп. воен.-мед. академіи въ 1889—90 гг. Спб. 1890. 8°. 129 стр. Ц. 1 р.

Оттъ, Дм., проф.—Избранные отдѣлы практической гинекологіи. Лекціи, читанныя въ клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны. Отд. I. Патологія и терапія неправильныхъ положеній матки. Съ 97-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1890. 8°. 172 стр. Цѣна 1 руб. 70 коп.

Фейгинъ, Ф., д-ръ.—Руководство для фельдшеровъ, фельдшерницъ и фельдшерскихъ учениковъ. Въ 5-ти частяхъ. Съ 144 рисунками. Москва. 1891. 8°. XVI+12+359 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Штеръ, Ф., д-ръ, проф.—Учебникъ гистологіи и микроскопической анатоміи человѣка и микроскопическая техника. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія студентовъ дерптскаго университета. Подъ ред. И. Огнева. Съ 209 рисунками въ текстѣ. Москва. 1891. 8°. XVI+361 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Некрасовъ, П. А.—Линейныя дифференціальныя уравненія, интегрируемыя посредствомъ опредѣленныхъ интеграловъ. (Математическій Сборникъ, томъ XV). Москва. 1890. 8°. 119 стр. Ц. 90 к.

Шапошниковъ, Н. А.—Учебникъ алгебры, приспособленный къ новымъ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній, 2-е переработанное изданіе прежняго курса алгебры. (Въ 2-хъ частяхъ). Часть 1-я. Курсы 3-го и 4-го классовъ гимназій съ дополнительными статьями. Москва. 8°. 170 стр. Ц. 70 к.

Дементьевъ, П.—Практическое руководство къ новѣйшей фотографіи. Съ 2

таблицами рисунковъ. Спб. 1891. 8°. VIII+311 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Lehner, S.—Клей и замазки. Переводъ съ 3-го дополненаго нѣмецкаго изданія съ краткими добавленіями инж.-техн. А. И. Коренблита. Москва. 1891. 16 VIII+133 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мельниковъ, О. И.—Отопленіе и вентиляция. Специально-практическое руководство къ устройству всевозможныхъ печей топокъ, паровыхъ котловъ, приспособленій для прачешныхъ и кухонь. Полное знакомство съ различными способами отопленія, вентиляціи и осушенія жилыхъ помѣщеній при самой незначительной затратѣ топлива. Настольная книга для домовладѣльцевъ, сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и др. Въ 6 частяхъ. Съ 485 чертеж. и 13 таблиц. Сост. по Шинцу, Іеенъ, Редтенбахеру и др. Москва. 1891. 8°. 436+IV стр. Ц. 4 р.

Флоренсовъ, В. Я.—Динамо-машины для токовъ постояннаго направленія, основанія устройства и дѣйствія ихъ. Спб. 1890. 8°. III+II+146 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Худяковъ, П. К., проф. — Графическій методъ расчета много цилиндровыхъ машинъ (съ 9-ю таблицами чертежей). Изд. 2-е. Москва. 1890. 8°. 80 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Петрова, М. Ю.—Комнатное цвѣтоводство. Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ, какъ луковичныхъ, такъ древесныхъ, цвѣточныхъ и плодоносныхъ, а также и травянистыхъ растений. (Съ рисунками въ текстѣ). Изд. 5-е, совершенно переработанное и переработанное, съ значительными дополненіями по новѣйшимъ опытамъ. Спб. 1891. 8°. 335 + II + III стр. Ц. 2 р.

Ивановъ, Ив. Мир.—Трагедія Софокла Электра. Въ 2-хъ частяхъ. Часть 1. Греческій текстъ. Часть II. Объясненія къ тексту съ введеніемъ, 6-ю рисунками и приложеніемъ разбѣровъ лирическихъ партій трагедіи. Сост. для употребленія

въ гимназіяхъ. Спб. 1890. 8°. 48+20+63+9' стр. Ц. 1 р.

Лебединскій, И.—Латинско-русскій словарь къ сочиненіямъ Корнелія Непота *Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici*. Съ приложеніемъ латинскаго текста, очерка жизни Корнелія Непота, хронологическаго указателя къ жизнеописаніямъ, таблицы римскаго календаря, 21 рисунка военныхъ орудій и осадныхъ машинъ съ объясненіями и статьи о противорѣчіяхъ въ сказаніяхъ Корнелія Непота съ другими писателями. Изд. 6-е. Спб. 1890. 8°. XIX+87+186+34 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Миттельштейнеръ, Э.—Учебникъ нѣмецкаго языка по новой методѣ. Методика и учебникъ. Курсъ 2-й, для III и IV классовъ реальныхъ училищъ. Москва. 1891. 8° VII+212 стр. Ц. 80 коп.

Михельсонъ.—Объяснительный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ съ объясненіемъ ихъ корней. Сост. по словарямъ Гейзе, Рейфа и друг. Изд. 11-е, испр. и дополненное. Москва. 1891. 8°. 752 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Нагуевскій, Д. И.—Учебное изданіе латинскихъ классиковъ съ русскими примѣчаніями. Томъ VII. Энеида *Виргилія*. Часть 4-я. Книжки X—XII. Казань. 1891. 8°. 138 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Поливановъ, Левъ.—Учебникъ русской грамматики. Русскій синтаксисъ для II, III, IV и V классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ матеріаломъ для упражненій, избраннымъ изъ образцовыхъ писателей, и предметнымъ указателемъ. Москва. 1890. 8°. XIX+157 стр. Ц. 70 к.

Политаевъ, Т.—Самоучитель французскаго языка, выучивающій, безъ посторонней помощи, правильно читать, писать и говорить по французски. Спб. 8°. 93 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Фурманъ, Е.—Полнѣйшій и новѣйшій самоучитель живаго нѣмецкаго слова, или руководство научиться безъ посто-

ронней помощи читать, писать и говорить по-нѣмецки. Сост. по новѣйшимъ источникамъ. Спб. 1891. 8°. 189+2 нен. стр. Ц. 75 к.

Бѣлоруссовъ, И.—Учебникъ теоріи словесности. Москва. 1890. 8°. 85 стр. Ц. 70 к.

Гаймъ, Р.—Романическая школа. Вкладъ въ исторію нѣмецкаго ума. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Невѣдомскій. Москва. 1891. 8°. IX+774+XI стр. Ц. 5 р.

Смирновскій, П.—Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Часть 4-я (вып. 5-й). Новый періодъ. Отдѣлъ III. (Отъ Пушкина до новѣйшаго времени). Москва. 1890. 8°. 266 стр. Ц. 80 к.

Страховъ, Н. Н.—Изъ исторіи литературнаго нигилизма 1861—1865. (Письма Н. Косицы.—Замѣтки лѣтописца и проч.). Спб. 1890. 8°. XII+596 стр. Ц. 2 р.

Любке.—Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура—скульптура—живопись—музыка. (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 140 рисунками и съ 16-ю портретами композиторовъ XIX вѣка. 2-е дополненное изданіе перевода О. И. Булгакова, съ очеркомъ исторіи музыки М. М. Иванова. Спб. 8°. XXVIII+304 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Оболенскій, В.—Рысское дѣло за границей. Тренированіе, содержаніе и воспитаніе рыскака по американской системѣ. (Съ иллюстраціями и рисунками). Москва. 1890. 8°. 81 стр. Ц. 2 р.

Анисимовъ, А., С.—Петерб. нотаріусъ.—Алфавитный указатель совершеннолѣтнимъ лицамъ, ограниченнымъ въ правоспособности. (Свѣдѣнія по 1-е октября 1890 г.). Спб. 1890. 2°. 72 печатн. листа. Ц. 5 руб.

* **Вочаговъ, А. Д.** Наша торговля и промышленность въ старину и нынѣ, историческіе очерки. Выпускъ I — Торговля предметами потребления. Спб., 1891 г., 8 д., стран. 193. Ц. 1 р.

* **Великолукское Городское трехклассное училище въ истекшее столѣтіе 1790 ^{сентября}/_{22-го} 1890 гг.** Историческій очеркъ. Составилъ учитель-инспекторъ училища С. Р. Дмитріевъ. г. Великіе Луки, 1890 г., 16 д., стран. 192.

* **Воспоминанія объ осадѣ Пскова польскимъ королемъ Стефаномъ Ваторіемъ въ 1581 году.** Псковъ, 1881 г., 8 д., стран. 17.

* **Головщиковъ, К. Д.** Городъ Даниловъ (Ярославской губерніи) и его уѣздъ. Ярославль, 1890 г., 8 д., стран., 30. Цѣна 25 коп.

* **Головщиковъ К. Д.** Городъ Рыбинскъ, его прошедшее и настоящее. Ярославль, 1890 г., 8 д., стран. 88.

* **Дневникъ послѣдняго похода Стефана Ваторія на Россію. (Осада Пскова).** Переводъ съ польскаго дѣйствительнаго члена псковскаго археологическаго общества О. Н. Милевскаго. Съ двумя рисунками. Изданіе псковскаго археологическаго общества. Псковъ, 1889 г., 8 д., стран. 261+11.

* **Историко-археологическій очеркъ Псковъ-Градскаго Георгіевскаго со взвоза храма.** Собралъ по документамъ и составилъ священникъ Псковъ-Градской Николаевской со Усохи церкви А. Березскій. Псковъ, 1887 г., 8 д., стран. 36.

* **Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества съ 1865 до 1890 г.** Составленный по порученію общества секретаремъ его А. Н. Бекетовымъ. Спб., 1890 г., 8 д., стран. 200.

* **Коховскій, Всев. Порф.** Педагогическій Музей военно-учебныхъ заведеній въ 1889—1890 учебномъ году. XXVII годъ (двадцать-первый обзоръ). Спб., 1890 г., 8 д., стран. 355.

* **Лебедевъ, от. Гавріиль.** Погость Люботово. 8 д., стран. 14.

* **Лѣтописное разъясненіе о владычныхъ палатахъ въ Псковѣ построенныхъ архіепископомъ новгородскимъ и псковскимъ Макаріемъ.** Псковъ, 1881 г., 8 д., стран. 44.

* **Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ, Томъ шестой.** Исторія Академіи наукъ Г.-Ф. Миллера съ продолженіями I.-Г. Штриттера (1725 — 1743). Спб. 1890 г., 6. 8 д., стран. 635.

* Этимъ знакомъ отмѣнены заглавія книгъ поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины“ въ теченіи послѣдняго мѣсяца.

* **Нижегородскій Сборникъ**, издаваемый Нижегородскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, подъ редакцію дѣйствит. члена и секретаря-комитета А. С. Гацискаго. Т. X. Нижній Новгородъ, 1890 г., 8 д., стран. 672+XIX. Цѣна 1 р. 50 к.

* **Описаніе и изображеніе древностей Псковской губерніи**. По-смертное изданіе сочиненія инженеръ-полковника И. Годовикова. Выпускъ 3-й. Псковъ, 1882 г., 16 д., стран. 61.

* **Описи русскихъ библиотекъ и библиографическія изданія**, находящіяся въ исторической и археологической библиотекѣ Н. Бокачева, Спб. 1890 г., 8 д., стран. 316+53+23. Цѣна 5 рублей.

* **Павловскій, И. Ф.** Историческій очеркъ Петровскаго Полтавскаго Кадетскаго Корпуса (1840—1890). Составл. по официальнымъ даннымъ. Полтава, 1890 г., 8 д., стран. 113+VIII. Цѣна 1 р. 50 к.

* **Пыпинъ, А. Н.** Исторія русской этнографіи. Томъ II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. Спб., 1891 г., 8 д., стран. VIII+428. Цѣлое сочиненіе въ четырехъ томахъ. Цѣна, съ подпискою на III—IV томы, 10 руб.

* **Рѣчь**, произнесенная въ засѣданіи псковскаго археологическаго общества 8-го сентября 1881 года дѣйствительнымъ членомъ С. В. Кохомскимъ въ воспоминаніе славной обороны гор. Пскова отъ войскъ Стефана Баторія въ 1581 году. Псковъ, 1881 г., 8 д., стран. 15.

* **Современный календарь** на 1891 годъ. А. Д. Ступина. Годъ второй, б. 8 д., стр. 72. Съ приложеніемъ стѣннаго календаря и карты Россіи, печатанной красками. Цѣна 15 коп.

* **Токмаковъ, И. Ф.** Святогорскій монастырь (библиографія и матеріалы). Псковъ, 1887 г., 8 д., стран. 87.

* **Хорошавинъ, С. А.** Объ осадѣ города Пскова польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ (разсказъ). Псковъ, 1881 г., 16 д., стран. 23.

* **Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ**. 1890 г., кн. 2-я (153-я), изд. подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. Москва, 1890 г., б. 8 д. Ц. 2 руб.

* **Шенрокъ, В. И.** Ученическіе годы Гоголя. Біографич. замѣтки. Москва, 1887 г., 8 д., стр. 130. Ц. 75 коп.

По желанію и заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетъ, цѣна переплетовъ: шагреновый съ каленкоромъ—80 коп., сабьяннокорешковый—50 коп.

„ПОМОЩЬ САМООБРАЗОВАНИЮ“

1890 годъ.

Открыта подписка на этот иллюстрированный популярно-научный и литературный журнал, издаваемый въ Саратовѣ.

6 октября 1890 года, врачу, надворному совѣтнику Апполинарію Фодотовичу Тельнихину, разрѣшено издавать въ городѣ Саратовѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, подъ его редакторствомъ, четыре раза въ годъ, иллюстрированный популярно-научный и литературный журналъ, подъ названіемъ «Помощь Самообразованію», по слѣдующей программѣ: 1) Публичныя лекціи и популярно-научныя статьи по естествознанію, исторіи, географіи, политической экономіи, гражданскому и уголовному праву, литературѣ, медицинѣ и другимъ отраслямъ науки. Біографіи ученыхъ. Классическія творенія великихъ писателей, какъ посвященіе къ статьямъ по всеобщей исторіи и исторіи литературы. 2) Прикладныя знанія. Статьи о разныхъ техническихъ производствахъ, описаніе машинъ и изобрѣтеній съ біографіями изобрѣтателей и другихъ дѣятелей въ области промышленности. Описаніе промысловъ и ремеселъ. 3) Искусство. Исторія искусствъ, снимки съ художественныхъ произведеній, біографіи художниковъ, ноты лучшихъ музыкальныхъ произведеній, виды и планы театровъ, біографіи артистовъ. 4) Отдѣлъ посредничества, въ которомъ будутъ помѣщаться подписчиками интересующіе ихъ вопросы и даваемые на нихъ другими подписчиками отвѣты. 5) Описаніе путешествій, изображеніе замѣчательныхъ мѣстностей и народовъ. 6) Объявленія. Срокъ выхода четыре раза въ годъ. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою за годъ 6 рублей. Задача изданія дать сводъ систематически расположенныхъ, публичныхъ лекцій и популярно-научныхъ статей по всемъ отраслямъ знанія, знакомыхъ съ которыми недоучка могъ-бы сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ, образованный-же человѣкъ могъ-бы, безъ большой затраты времени, пополнять пробѣлы своего знанія и слѣдить за новыми научными работами. Съ этою цѣлью статьи по каждой отрасли науки будутъ располагаться такимъ образомъ, чтобы всѣ вмѣстѣ могли дать въ удобопонятной формѣ полное ознакомленіе съ главными основами науки, каждая-же отдѣльная статья будетъ разъясненіемъ какого либо вопроса съ самаго его возникновенія до настоящей поры. При обдуманно-последовательномъ подборѣ статей, такое изданіе, соединивъ труды популяризаторовъ знанія всего міра, можетъ послужить руководителемъ и матеріаломъ для систематическаго чтенія «Помощью Самообразованію». Предпринимая такое изданіе, редакція сознавала, что выполненіе обширной, намѣченной задачи возможно только при содѣйствіи значительнаго числа сотрудниковъ изъ разныхъ уголковъ міра и потому, черезъ посредство редакцій главныхъ журналовъ и газетъ, русскихъ и иностранныхъ, обратилась ко всемъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу популяризаціи знанія, съ просьбой о доставленіи напечатанныхъ на разныхъ языкахъ публичныхъ лекцій по всемъ отраслямъ наукъ, искусствъ и ремеселъ. Собрать значительный матеріалъ и получивъ обѣщаніе содѣйствія профессоровъ: И. М. Догеля, И. М. Любимова, Ипполита Тона, Георга Эберса (египтолога), В. Н. Гасеро, Н. В. Корокина, Ѳ. И. Успенскаго, основателя Чаутюкескаго университета д-ра Кисента, М. Ловеля, (изъ Бостона), М. А. Мензбира, Д. Н. Кайгородова, А. Ѳ. Врандта, И. М. Сѣченова, А. С. Ѳаминцина, Г. Ѳ. Ярцева, Д. И. Менделѣева, члена географическаго общества А. В. Елисѣева, Гг.: К. Н. Бѣгичева, А. М. Бѣльева Г. Ѳ. Кожевникова, Д. А. Тесмина, А. П. Новицкаго, В. О. Португалова, Н. С. Иванова, О. Ф. Вильчинекаго, В. С. Грейденберга, І. Р. Стецевича, М. И. Демкова

(См. на оборотѣ)

П. И. Первова, П. И. Логинова, В. П. Быстренна, П. В. Засодимский и Г. А. Мачтета, редакция выпустила два номера «Помощь Самообразованию» в виде сборника, а в настоящее время продолжает то же издание, выпуская первый номер журнала и 3-й издания в составъ слѣдующихъ статей: «Нѣсколько словъ отъ редактора-издателя». «Бытовые періоды жизни народовъ» проф. Клем. Ройса. «Что сдѣлали древніе Египтяне для человѣческаго прогресса» Вильчинскаго и Тельнихина. «Географическія свѣдѣнія въ эпоху среднихъ вѣковъ» Иванова, «Жизнь и смерть» профессора А. Ф. Брандта, «Исторія искусственнаго освѣщенія и его роль въ развитіи культуры» Люиса. «Краткое извлечение изъ теоріи электричества» К. Тельнихина. «Воздухъ и вѣтры» профес. Жамена. «Переселенія млекопитающихъ», «Любовь и браки птицъ» и «Обезьяны» профес. Э. Брема. «Политическо-экономическое учение Маркса», Каутскаго, «Обзоръ исторіи искусствъ», Байе, главы 2 и 3. «Ромео и Джульета». Т. (фотогипія и текстъ). «Мужская красота въ представленіи древнихъ грековъ» Д. Новицкаго. «Объ устраниніи сырости въ жилыхъ помѣщеніяхъ» инженера І. Стеценнча. «Набивка чучель», Д. Теймера. Посредничество. «Альпійскій клубъ». Въ первомъ, вышедшемъ въ 1889 году номерѣ сборника было помѣщено: «Популяризація знанія въ Англии и Америкѣ». Е. Вормъ. «Голосъ у чловѣка и животныхъ». Профес. Бланшара. «Краткій очеркъ развитія способовъ передачи мысли». А. Тельнихина «Очеркъ психической дѣятельности здороваго чловѣка». Его же. «Умъ и сердце». Публичная лекція профессора И. М. Догеля «Идеалы чловѣка» ***. «Смѣхъ и его значеніе» Н. «Положеніе земли въ міровомъ пространствѣ». Ив. Пол. «Флора и фауна до-исторической эпохи». А. Тельнихина «Долговѣчность растений». Профессора Н. В. Сорокина. «Новый способъ обученія плаванію». Д. М. Велеветнова. О приготовленіи вина изъ фруктовъ и ягодъ». А. Фридолина. «Садовая гусеница и борьба съ нею». А. Теймеръ. «О всемірной выставкѣ 1889 г.». Сьево Маркъ «Обзоръ исторіи искусствъ». К. Байе. Введеніе Д. Тесмина. «Швейная машина». Г. Карамышевой. «Мѣры противъ распространенія чохотки». «Подарокъ на новый годъ». «Бумъ Бумъ». Разсказъ Жюля Кларетти «Однодумъ». Разсказъ Н. Л. Лѣвова. «Моя гробница въ Фивахъ». Разсказъ Георга Эберса. Перечень періодическ. изданій въ Россіи. Во второмъ № сборника, вышедшемъ въ іюлѣ 1890 г., было помѣщено:—«Первые наблюдатели въ микроскопъ». Проф. Бланшара. «Свѣтъ и жизнь». Профессора Панильона «Порубежники животнаго и растительнаго царствъ» Г. К.—ва. «Бактеріи и ихъ вліяніе на здоровье чловѣка». Профес. Н. М. Любимова. «Психическая жизнь простѣйшихъ организмовъ». Профессора А. Фаминцина. «Каменный, бронзовый и желѣзный періоды до исторической жизни» А. Тельнихина и О. Вильчинскаго. «Географическія свѣдѣнія древнихъ». А. Иванова. «Сохраненіе здоровья органа зрѣнія». А. Тельнихина. «Обзоръ исторіи искусствъ» Э. Байе. (Искусство древнихъ народовъ востока). Картина Вандика «Даная». Фотогипія и текстъ съ биографіей Вандика. Иванова. «Венера Таврическая» Рисунокъ и текстъ Д. Повицкаго. «Пишущая машина Ремингтона». «Несгара емья постройки». Приготовленіе чучель». Посредничество. «Матрена». Разсказъ Д. Быстренна. Цѣна каждаго выпуска 2 руб. съ пересылкою. Каждый выпускъ журнала будетъ имѣть размѣръ большихъ русскихъ журналовъ. Въ подписной цѣнѣ допускается разсрочка при взноскѣ: при подпискѣ въ январѣ 2 руб., въ мартѣ 2 руб., и въ іюлѣ 2 руб. Отказы о первыхъ двухъ выпускахъ «Помощь Самообраз.» помѣщены въ «Сѣвер. Вѣстникѣ» № 1 и 9, «Гражданинѣ» № 1 и 223, «Новор. Телегр.» № 1, «Недѣли» № 4 и 34, «Кроншт. Вѣстн.» № 5, «Крымск. Вѣстн.» № 5, «Екатеринбургск. Недѣля» № 7 и 31, «Владивостокѣ» № 8, «Донской Рѣчи» № 8, «Сѣверн. Кавказѣ» № 14, «Сынъ Отечества» № 23, «Свѣтъ» № 29, «Русской Старинѣ» № 9, «Кавказѣ» № 198, «Одесскомъ Вѣстникѣ» № 199, «Московскихъ Вѣдомостяхъ» № 215, «Русской Мысли» № 3, «Книжномъ Вѣстникѣ» № 9, «Астраханскомъ Вѣстникѣ» № 333, «Рижскомъ Вѣстникѣ» № 184 и «Новомъ Времени» № 5184 за 1890 г.

— Подписная цѣна за годъ съ пересылкою 6 руб. Лица, подписывающіяся на журналъ и требующія, кромѣ того, два уже вышедшихъ номера сборника, высылаютъ десять руб. Допускается разсрочка: 4 руб. при подпискѣ и 2 руб. въ іюлѣ. Лица, сочувствующія цѣли изданія и внесшія сто рублей, пріобрѣтаютъ

право полученія журнала «П. С.» во все время его существованія, хотя число выходящихъ въ годъ книгъ современемъ будетъ увеличено и сообразно этому будетъ повышена подписная цѣна.

Приглашаются агенты по приему подпискѣ на журналъ «Помощь Самообразованію» съ вознагражденіемъ въ десять процентовъ съ сдѣланной ими выручки и по продажѣ 1-го и 2-го выпуска сборника «Помощь Самообразованію», съ вознагражденіемъ въ двадцать процентовъ.

Условія агентуры.

1) Агентомъ считается лицо, доставившее не менѣе 10 годовыхъ подписчиковъ на журналъ и продавшій не менѣе 20 экземпляровъ сборника. 2) До полученія подписныхъ денегъ редакціею, единственнымъ отвѣтчикомъ передъ подписчикомъ является самъ агентъ. 3) Переславъ въ редакцію журнала подписныя деньги съ точными адресами подписчиковъ, агентъ удерживаетъ въ свою пользу деньги, слѣдующія съ каждаго одиннадцатаго подписчика, выслая только его адресъ. 4) Редакція высылаетъ агенту квитанціи во взносѣ денегъ, а подписчикамъ оплаченные экземпляры изданія. 5) Агентъ, доставившій въ теченіи перваго полугодія существованія изданія пятьдесятъ годовыхъ подписчиковъ, получаетъ право на бесплатное полученіе журнала со всѣми прибавленіями къ нему во все время его, существованія, уплачивая только пересылочныя деньги. 6) Опредѣливъ число лицъ, желающихъ купить уже вышедшіе 1-й и 2-й выпуски сборника «Помощь Самообразованію», агентъ требуетъ ихъ изъ редакціи, прилагая по 1 р. 50 коп. за каждую требуемую имъ книгу, получаетъ выписан. экземпляры и самъ раздаетъ ихъ лицамъ, уплатившимъ деньги. Первый номеръ журнала выйдетъ въ январѣ, 2-й въ апрѣлѣ, 3-й въ августѣ, а 4-й въ ноябрѣ 1891 года.

Редакторъ-издатель журнала «Помощь Самообраз.» Врѣч. А. Телѣхін

Адресъ редакціи: г. Саратовъ.

Открыта подписка на 1891 годъ на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Годъ. 9 мѣс. 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс.

Цѣна: съ доставкою и пересылкою

во всѣ мѣста Россіи 12 р. 9 р. — к. 6 р. 3 р. — к. 1 р. — к.
Заграницу 14 „ 10 „ 50 „ 7 „ 3 „ 50 „ 1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **3 рубля.**

Книгопродавцамъ дѣлается уступка **50** коп. съ годоваго экземпляра. кредита и разсрочекъ не допускается.

Подписна принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала Леонтьевскій, 21
Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій.

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

КРИТИКО--БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(отъ начала образованности и до нашихъ дней)

С. А. ВЕНГЕРОВА.

Словарь состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ о писателяхъ, отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или (если они наши современники) недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ болѣе или менѣе пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе.

Кромѣ С. А. Венгерова, которому принадлежать статьи критическаго и историко-литературнаго характера, въ Словарѣ принимаютъ участіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія. Въ вышедшихъ 28 выпускахъ приняли участіе слѣдующія лица: проф. В. Александренко, проф. Д. И. Багалъй, проф. А. Д. Бодуень-де-Нуртенэ, А. Н. Бороздинъ, проф. Н. П. Вагнеръ, проф. В. Г. Васильевскій, академикъ В. П. Васильевъ, В. В., проф. П. В. Владиміровъ, прив. доц. Г. М. Герценштейнъ, проф. Н. Х. Гоби, М. Ю. Гольдштейнъ, В. А. Гольцевъ, проф. И. М. Догель, проф. В. С. Ионниковъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, проф. Н. О. Новалевскій, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, М. О. Меньшиковъ, проф. Н. А. Меншуткинъ, проф. Ф. Г. Мищенко, проф. И. В. Мушкетовъ, проф. В. В. Пашутинъ, А. Н. Петровъ, П. Н. Петровъ, проф. Н. Н. Поссе, Э. Р., Л. З. Слонимскій, Владиміръ Соловьевъ, А. А. Титовъ, проф. С. И. Чирьевъ, В. А. Яковлевъ.

Съ сентября 1890 г. «Критико-біографическій словарь» выходитъ ежемѣсячными выпусками въ 3 печатныхъ листа (48 страницъ). Цѣна каждаго выпуска 35 коп. съ пересылкой 45 коп. При подпискѣ-же на 10 выпусковъ цѣна понижается до 2 р. 50 к. безъ пересылки и 3 р. съ пересылкою и доставкой.

Цѣна I тома (вып. 1—21) 5 р. 25 к., съ пересылкою 6 р. 30 к.

Для подписывающихся на 10 или болѣе выпусковъ допускается разсрочка платежа, но не менѣе какъ по 1 р. въ мѣсяцъ, причемъ служащимъ, представляющимъ ручательство казначеевъ, высылаются разомъ все вышедшіе выпуски, не представляющимъ-же такового ручательства—по мѣрѣ взносов.

Изгородные обращаются исключительно по адресу: *С.-Петербургъ, Серпуховская, 2. Семелу Афанасьевичу Венгерову.*

ТРУДЫ ИВАНА ЕГОРОВИЧА ЗАБѢЛИНА.

- I. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII см. Ц. 4 р.
- II. Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время. Ц. 1 р. 50 к.
- III. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. 2 части. Ц. 4 р.
- IV. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ (древне-русская исторія съ русской точки зрѣнія). 2 части. Ц. 7 р. 50 к.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ И МАГАЗИНѢ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

можно получить, какъ вышеназванныя, такъ и нижеслѣдующія книги:

- I. Архивъ князя Федора Алексѣевича Куракина, томъ I-й, издаваемый кн. Ф. А. Куракинымъ, подъ редакцію М. И. Семева, изд.-ред. «Русской Старины». Спб. 1890 г. 8 д. стр. XXVI+387, съ приложеніями: портретъ кн. В. И. Куракина и два снимка съ его рукописи. Цѣна экз. на веленовой бумагѣ 3 руб., на простой—2 руб. съ пересылкою.
- II. Систематическая Роспись содержанія «Русской Старины» за первыя пятнадцать лѣтъ, 1870—1884 гг. Книга въ 8 д., 300 стр. украшенная многими гравюрами. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.
- III. Первое прибавленіе къ этой Росписи, 1885—1887 гг., съ 12 гравюрами. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- IV. Второе прибавленіе къ этой Росписи, 1888—1890 гг., съ 12 гравюрами. Спб. 8 д., 1890 г. Цѣна 2 руб. пересылка 21 коп. марками.
- V. Слово и дѣло! Историческіе очерки М. И. Семева изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8 д., 350 стр. съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- VI. Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллиамъ Монсъ. Историческій очеркъ М. И. Семева изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8 д., 350 стр. Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ. Цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- VII. Описаніе Венгерской войны 1849 г., сочиненіе генерала И. И. Ореуса, съ приложеніемъ 14 картъ и плановъ, составленное по архивнымъ неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ б. 8 д. Стр. 546+118. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- VIII. Записки Сельскаго Священника, о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб. 1882 г., въ 8 д., изд. второе, дополненное (всего 132 экз.). Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- IX. Путевыя Записки по Сибири архіепископа Нила. Ярославль. 2 части. 497 стр.+XIV стр. алфавитнаго указателя и фотолитографическій портретъ автора. Цѣна безъ перес. 65 к., съ перес. 1 руб.

- X. «Знакомые»—альбомъ М. И. Семеваго, издателя-редактора историческаго журнала «Русская Старина»—автобиографическія замѣтки 850 извѣстныхъ дѣятелей, людей государственныхъ, ученыхъ, писателей, артистовъ и друг. Спб., 450 стр. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- XI. Третье собраніе портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей. Гравюры лучшихъ русскихъ художниковъ (на деревѣ). Содержаніе третьяго сборника гравюръ «Русской Старины»: Владиміръ св.—П. Еропкинь.—Графъ Тотлебенъ.—Кн. М. Шербаговъ.—А. Фигнеръ.—А. Сеславинъ.—М. Муравьевъ-Апостоль.—Гр. В. Панинъ.—Гр. С. Строгоновъ.—Я. Соловьевъ.—С. Зарудный.—Гр. Н. Евдокимовъ.—П. Зотовъ.—К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Кукольникъ.—М. Глинка.—М. Каченовскій.—Д. Бантышъ-Каменскій.—В. Нарѣжный.—А. Бестужевъ.—М. Лермонтовъ.—И. Аксаковъ.—Гр. Л. Толстой.—М. Розенгеймъ.—С. Макарова.—Г. Ломакинъ.—Э. Стоговъ.—Отшельникъ Ѳедоръ.—Памятникъ и барельефъ на общей могилѣ Волинскаго, Еропкина и Хрущева.—Памятникъ Славы.—Цѣна 1 руб., на пересылку прилаг. 21 к. почт. марками.
- XII. Четвертое собраніе портретовъ русскихъ дѣятелей. Гравюры исполнены на мѣди проф. И. П. Пожалостиннымъ и художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ. Въ этомъ альбомѣ помѣщены особенно хорошо исполненные портреты: Александръ II.—Великій Князь Константинъ Николаевичъ.—Митрополитъ московскій Филаретъ (Дроздовъ).—Гр. Д. А. Милютинъ.—Статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ.—Гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ.—Графъ М. Х. Рейтеръ.—Н. И. Костомаровъ.—Графъ Л. Н. Толстой.—А. Г. Рубинштейнъ.—Цѣна 1 руб., на пересылку прилагается 21 коп. почтовыми марками.
- XIII. Пятое собраніе портретовъ русскихъ дѣятелей. Сборникъ превосходныхъ гелиографуръ. Спб. 1890 г. См. выше стр. II.
- XIV. Портретъ Императора Александра II. Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бristolской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись: «Александръ II, Императоръ Всероссійскій. Рисоваль и гравироваль на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ, граверъ Его Императорскаго Величества» (Величина гравюры— $\frac{3}{4}$ аршина высоты). Цѣна 50 коп. (почтовыми марками) съ пересылкою въ хорошо укупорежномъ картонѣ.

- XV. Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса. Историческій очеркъ П. А. Матвѣева, съ приложеніемъ также Тырновской конституціи. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- XVI. Записки Никиты Ивановича Толубѣева (1780—1809 гг.). Спб. 1888 г., изданіе «Русской Старины», въ 8 д. стр. 168. Руккопись изъ собранія А. А. Титова. Цѣна 1 р., пересылка 21 к.
- XVII. Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г. Состав. Л. М. Чичаговъ. Второе изданіе, дополненное многими весьма интересными подробностями. Спб. 1887 г. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- XVIII. Воспоминанія А. Г. Рубинштейна; второе изданіе ред. «Русской Старины» — автобіографическія записки. Спб., 1889 г., въ 8 д. Съ портретомъ А. Г. Рубинштейна. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- XIX. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в. Соч. доктора рус. ист. В. И. Семеновскаго. Два тома, ц. по 3 р. т.
- XX. Василій Ивановичъ Водовозовъ. Біографическій очеркъ В. И. Семеновскаго. Спб. 1888 г. 169 + VIII стр. Цѣна 50 коп.
- XXI. Жизнь Европейскихъ народовъ, соч. Е. Н. Водовозовой, ч. I, II и III. Изданіе дополненное и вновь переработанное. Съ рисунками. Цѣна каждой части 3 руб. 75 коп., въ изящномъ переплетѣ 4 руб. 55 коп.
- XXII. Александръ I на молодости въ Парижѣ, въ 1814-мъ году. Весьма рѣдкая, въ 8 д., современная гравюра художника Ческаго. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Въ магазинѣ „Русской Старины“ можно получить всѣ книги и изданія, о которыхъ гдѣ либо было объявлено, и, между прочими, труды и изданія—Ив. Егор. Забѣлина, Дмитрія Александр. Ровинскаго, акад. Ник. Фед. Дубровина, Елисаветы Николаевны Водовозовой, академика А. Ф. Бычкова, проф. Н. И. Барсова и многихъ другихъ лицъ.

Всѣ выписываемыя книги и изданія высылаются, по заявленіямъ, съ наложеннымъ платежомъ немедленно по полученіи требованія.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1890 г.

съ гравированными портретами: кн. М. М. Шербаговъ, — Емельянъ Пугачевъ, — А. Н. Оленинъ, — В. К. Кюхельбегеръ, — П. Θ. Соколовъ, — А. Пальменбахъ, — Е. А. Аракчеева, — В. И. День, — гр. Н. П. Игнатьевъ (грав. на мѣди), — С. В. Ковалевская (фототипія), — А. Θ. Бычковъ (грав. на мѣди). — Планъ и рисунки древнихъ стѣнъ Смоленска.

Содержаніе: Записки А. И. Золотухиной: 1812 г.; — Москва въ 1812 г., восп. кн. Козловскаго, сообщ. ген.-отъ-инф. П. А. Степановъ; — Восп. царскос. лицеиста, г. Бѣлухи-Кохановскаго, 1820—1826 г.; — Зап. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго о вступл. на престолъ Николая I; — Зап.: Мохнацкаго и А. Θ. Лишина о 1830—1831 гг., ген.-лейт. М. А. Маркова: служба въ л.-гв. Павл. п. 1828—1835 гг., Г. М. Толстаго: Поѣздка въ Туринскъ къ декабристу В. П. Ивашеву, 1838 г.; — Русскій дворъ въ 1839 г., въ зап. Гагерна; — Восп. Теобальда (А. В. ф.-Роткирха) объ имп. Николаѣ I; — Зап. И. С. Жиркевича, 1789—1848 гг.; — На Дунаѣ и подъ Силестрією въ 1854 г., изъ зап. ген. А. О. Стрелга; — Восп.: кн. Н. С. Голицына, тайн. сов. О. А. Пржедавскаго, акад. Н. И. Кокшарова, Н. А. Дмитріева-Мамонова; — Зап. Н. А. Огаревой-Тучковой, 1828—1856 гг.; — Записки М. Н. Кирѣева, 1808—1830 гг.; — Памяти замѣтки Е. Н. Моллеръ, 1820—1872 гг.; — Проф. С. В. Ковалевская въ восп. І. И. Малевича; — Гр. Л. Н. Толстой въ восп. Евг. Скайлера; — Дневникъ акад. А. В. Никитенко, 1844—1860 гг.; — Посм. зап.: Н. В. Берга, ген.-отъ-инф. А. А. Одицова; — Зап. ген.-л. В. И. Дена; — Очеркъ моего дѣтства и юношества, сообщ. е. и в. кн. Николай Максиміановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.

Исслѣдованія, историч. и биограф. очерки: Историко-критич. замѣтки проф. Д. И. Иловайскаго; — Тайна противонелѣпнаго общества; — Пугачевъ у киргизъ-кайсаковъ; — Кн. П. Д. Цицановъ; — Валдайская старина, 1777—1797 гг.; — Марія Теодоровна въ заботахъ о Смольномъ мон. 1797—1802 гг.; — Изъ Аустерл. боя, 1805 г.; — Гр. А. А. Аракчеевъ, 1799—1808 гг.; — Очерки кн. Н. С. Голицына: Тѣлесныя наказанія въ Россіи и ихъ отмена, 1240—1863 гг.; Наводненія въ Спб.; — Подъ арестомъ въ III-мъ отд. въ 1848 г., разск. Жеденова; — Осажденный Севастополь; — Кн. И. Θ. Паскевичъ, послѣдніе дни его жизни; — Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, въ 1848—1861 гг.; — Еп. Кирилл Мелитопольскій, 1857—1865 гг.; — Гр. П. И. Евдокимовъ, оч. И. И. Ореуса. — Л.-гв. Павловскій полкъ, 1790—1890 гг.; — Псковъ и его достопримѣч., очеркъ А. С. Князева; — Путевые очерки М. И. Семевского: поѣздка по Россіи въ 1890 г.; — Архивъ кн. Θ. А. Куракина; — Губ. уч. архивн. комиссіи въ 1889 г., сообщ. проф. П. Е. Андреевскій.

Писатели въ ихъ произвед.: писемъ и биогр.: Н. И. Новиковъ, — М. М. и Е. В. Херасковы, — А. Е. Измайловъ, — И. И. Дмитріевъ, — И. А. Дмитревскій, — П. М. Строевъ, — Н. М. Карамзинъ, — В. Т. Нарѣжный, — Д. В. Давыдовъ, — И. А. Крыловъ, — Е. А. Ганъ и О. И. Сенковскій, — А. С. Пушкинъ, — М. Ю. Лермонтовъ, — Н. П. Огаревъ, — М. Т. Каченовскій, — В. Θ. Раевскій, — Н. В. Гоголь, — А. И. Михайловскій-Данилевскій, — И. В. Турчаниновъ, — П. А. Федотовъ, — Т. Н. Грановскій, — С. П. Шевыревъ, — В. И. Туманскій, — А. П. Шаповъ, — В. А. Слѣпцовъ, — К. Д. Ушинскій, — Н. И. Костомаровъ, — М. Е. Салтыковъ, — О. Θ. Миллеръ, — А. А. Андро, — Ю. В. Жадовская, — Н. Г. Чернышевскій, — А. Н. Яхонтовъ, — академикъ А. Θ. Бычковъ, — К. К. Р.—въ. — Художники: Рейсигъ, — П. Θ. Соколовъ, — А. Г. Рубинштейнъ, — А. И. Вилуанъ (очеркъ А. А. Неустроева) и др.

Цѣна за 12 книгъ **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою.

осталась-бы равнодушною зрительницею въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ своего опаснаго соперника—Москвы. Какъ известно, присоединеніе Крыма при Екаториѣ II все-таки привело ко второй турецкой войнѣ... А между тѣмъ, на чемъ основывались эти «крыжскія» влеченія «умныхъ совѣтниковъ» (и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительныхъ противниковъ ливонскаго похода) Ивана IV? (Ничто такъ не пользуетъ благочестивыхъ царей, какъ то, чтобы обращать невѣрныхъ въ христіанство, хотя-бы они и не восхотѣли того», говорить одинъ изъ этихъ совѣтниковъ. Но, какъ известно, религиозное воодушевленіе не всегда гармонируетъ со средствами политики. Достаточно, напримѣръ, вспомнить крестовые походы. «Если-бы Иванъ IV хотѣлъ имѣть гавани на Балтійскомъ морѣ, говоритъ авторъ, для непосредственныхъ морскихъ сношеній съ западною Европою, то онъ могъ-бы воспользоваться принадлежавшею тогда Россіи частью береговъ Финскаго залива (отъ устья р. Сестры до устья Наровы); но онъ не подумалъ о томъ» (626). Слѣдуетъ, однако, сказать, что всѣ означенныя требованія Ивана IV, обращенныя къ разнымъ державамъ, имѣли въ своемъ основаніи именно стремленіе добиться возможности установить прямыя сношенія съ западною Европою. Такъ и въ утвержденной грамотѣ съ Густавомъ Вазою, въ условіи, внесенномъ по требованію царя, выражено было: «а которые гости и купцы захотятъ идти изъ шведской земли въ Любекъ и Антропъ (Антверпенъ), въ испанскую землю, Англію, Францію, тѣмъ была-бы воля и береженье, и корабли были-бы имъ готовы». Напомнимъ, что въ 1662 г. возникла была мысль о заведеніи своихъ кораблей на Балтійскомъ морѣ, для отправки ихъ въ западныя морскія государства за товарами, почему московское правительство вступило въ сношенія съ герцогомъ Куряндскимъ, но онъ совѣтовалъ царю строить корабли лучше въ Архангельскѣ; а флотилія, заведенная Ординымъ-Нащокинымъ на Западной Двинѣ, по кардисскому договору была уничтожена.

Намъ кажется, что авторъ, сообщая известный рассказъ (стр. 210, 249, 625) о смерти царевича Дмитрія († 1553 г.) во время путешествія Ивана Грознаго, напрасно не сопоставилъ его съ извѣстіями объ этомъ событіи, сообщенными во «Вре-

меникѣ» Тимофеева (Платоновъ, Сказанія, 138) и «Сказаніяхъ Массы» (13), которыя могутъ бросить иной свѣтъ на разсказъ Курбскаго объ этомъ эпизодѣ, въ связи съ бесѣдою Максима Грека. Достоуважаемый авторъ въ литературной борьбѣ Ивана IV видитъ лишь «страсть къ сочинительству» (283), хотя и признаетъ въ немъ «рѣзкій образецъ государя, щедро одареннаго отъ природы умственными силами и обнаружившаго недюжинныя правительственныя способности» (330). И даже выражался объ извѣстномъ посланіи Ивана IV въ Кирилловъ монастырь, какъ «о лучшемъ изъ дошедшихъ до насъ писаній Грознаго по силѣ слова и сравнительной ясности изложенія» (285), въ другомъ мѣстѣ умалчиваетъ цѣну этихъ похвалъ (283, 286). Однако, нѣкоторые писатели, отрѣшившись отъ чисто историческихъ соображеній въ данномъ случаѣ, въ посланіяхъ Ивана Грознаго находятъ совершеннѣйшіе образцы ироніи и ставятъ ихъ даже наравнѣ съ лучшими западно-европейскими образцами этого рода (см. «Источники о соиетахъ», А. Н. Гилярова, «Университетскія Извѣстія», Кіевъ, 1890, № 10, стр. 79, примѣч.).

Русская историческая Библіотека, изд. Археогр. комиссіею. Т. XII. Спб., 1890 г., 1480+126 столбц. Ц. 2 р.

Вышедшій недавно новый томъ «Библіотеки» имѣетъ значительный интересъ. Это первая часть обширнаго собранія «Актовъ Холмогорской и Устюжской епархій» (за 1500—1699 гг.). Относіея вполнѣ къ сѣверному краю Россіи, они даютъ возможность возстановить въ болѣе рельефныхъ чертахъ бытъ сѣвернаго населенія Россіи, во многомъ отличный отъ быта центральныхъ областей московскаго государства. Не смотря на преобладаніе документовъ позднѣйшаго періода (XVII в.), акты этого собранія показываютъ, какъ долго удерживались и съ какою настойчивостью поддерживались традиціи вѣчеваго строя сѣверныхъ общинъ. Черты эти сказывались въ устройствѣ церковныхъ приходовъ, въ отношеніяхъ общины къ вотчинникамъ, къ монастырскому хозяйству, въ отношеніяхъ вотчинниковъ (которыхъ въ означенномъ районѣ было вообще мало) и въ особенности къ крестьянамъ, которыя существенно отличались отъ отношеній, установившихся въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ. В. С. Игнатьевъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1891 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К^о).

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), **Н. Печковской** (Петровская линия). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжн. магаз. **Н. Я. Сглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать съ конторамъ редакцій слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (23 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (72 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (37 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (19 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (77 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кв. изд. второе (68 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (78 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (105 экз.) съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать второй. **ФЕВРАЛЬ.** 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Посмертныя записи Николая Васильевича Берга. Гл. III и IV	229	IX. Петръ Александр. Плетневъ и Александръ Вас. Никитенко: переписка 1856—1857 гг. Сообщ. А. В. Плетнева и С. А. Никитенко	431
II. Записки Мохначаго: Польское возстаніе въ 1830—1831 гг. Глава VI.	281	X. Надежда Дмитріевна Хвоцинская-Заичковская, В. Крестовский—псевдонимъ	449
III. Воспоминанія Н. К. Пономарева, мирового посредника перваго призыва, 1861—1863 гг.	303	XI. Николай Ивановичъ Ностомаровъ. Автобиографич. очеркъ, 1860 г. Сообщ. И. С. Ремезовъ.	483
IV. Изъ эпохи освобожденія крестьянъ. Разсказъ ген.-лейт., бывшаго флигель-адъютанта, М. Л. Дубельта, 1861 г.	469	XII. Александръ Даниловичъ Шумахеръ: полувѣковой юбилей его государств. службы, 1841—1891 гг.	475
V. Дневникъ академина-профессора Александра Васильевича Никитенко, 1862 годъ	329	XIII. Матеріалы, замѣтки и стихотв.: В. К. Кюхельбекеръ (280 и 502).—Ив. С. Тургеневъ и Тарасъ Шевченко (406).—Къ исторіи освобожденія крестьянъ: Архивъ редакціонныхъ комиссій и главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, 1857—1861 гг. (491).—Кн. Ѳ. А. Куракинъ (466).—Могилъ М. Д. Спобелева (467).—Уставъ кассы взаимопомощи при «Литер. фондѣ» (504).—А. О. Смирнова (501).—Замѣтки и поправки (490 и 503).	
VI. Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой въ 1866—1880 гг. Посмертныя записки П. Д. Шестакова.	387	XIV. Библиографическій листокъ. Замѣтки: проф. В. С. Иконникова, г. В. и Ред.	
VII. Россія и русскій дворъ въ 1839 г. Записки французскаго путешественника Кюстина. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	407		
VIII. Дмитрій Дмитріевичъ Нееловъ. Биографическій очеркъ. Сообщ. ст.-секрет. В. П. Вешняковъ.	421		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ А. О. Смирновой, рожд. Россетъ, 1845 г., гравировальщикъ Г. И. Грачевъ.—II. Портретъ сенатора Дмитрія Дмитріевича Неелова, гравировальщикъ И. И. Матюшинъ.

Принимается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1891 г.

Двадцать второй годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Альбомъ гравюръ на мѣди, портреты русскихъ дѣятелей, выпускъ четвертый. Въ февралѣ будетъ разсылаться ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ портретовъ, художественно выполненныхъ гелиографуры. Цѣна каждаго выпуска ОДИНЪ руб. и три почтов. марки за порос. (21 в.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1891.

Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. Сост. гр. Александръ Бобринскій. Часть I (до конца XVI столѣтія). Часть II (отъ начала XVII столѣтія до 1885 г.). Спб., 1890 г., б. 8 д., стр. XXXVIII+756; XLII+797. Цѣна за двѣ части 8 рублей.

Генеалогическія изысканія, вообще родословія, являются, какъ извѣстно, весьма важнымъ вспомогательнымъ предметомъ для исторіи. Въ послѣднія двадцать лѣтъ отечественная наука обогатилась тремя сборниками родословій русскаго дворянства, въ томъ числѣ двумя выпусками, составленными княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ и нами изданными въ 1873—1875 гг. Въ истекшемъ году появился названный выше сборникъ, въ высокой степени почтенный трудъ, бывшаго предводителя с.-петербургскаго дворянства, графа Александра Алексѣевича Бобринскаго, отца и предшественника по предводительству графа Алексѣя Александровича. Двѣ громадныя книги, изданныя графомъ, вмѣщаютъ въ себя, въ строго-хронологическомъ порядкѣ, дворянскіе роды, по происхожденію этихъ родовъ, съ 575 года по 1885 г., въ краткихъ замѣткахъ, каковыя внесены въ Гербовникъ. Хотя гербовникъ, какъ и выясняетъ издатель-редакторъ настоящаго сборника, самъ по себѣ далеко не полонъ, такъ какъ представители многихъ родовъ, нрвѣдо весьма древнихъ, не предъявляютъ въ департаментъ герольдіи своихъ документовъ и не просятъ о внесении родовъ своихъ въ гербовникъ, тѣмъ не менше и въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, гербовникъ представляетъ весьма важный источникъ для историко-генеалогическихъ свѣдѣній. Благодаря заботливому и весьма усердному труду графа А. А. Бобринскаго, этотъ источникъ дѣлается общимъ достояніемъ. Сборнику предпосланы подлежащія объясненія: о происхожденіи литовскихъ князей, о родахъ, записанныхъ подъ 1685 г., о лейбъ-кампанскихъ гербахъ и проч., и проч. Оглавленія весьма подробны, азбучный указатель вполне точенъ, при массѣ именъ и годовъ, почти на 1600 страницахъ, всего лишь 16 описокъ и опечатокъ: лучшее свидѣтельство той образцовой внимательности, съ которою составленъ и изданъ сборникъ. При этомъ необходимо замѣтить, что

гр. Бобринскій не ограничивается передачею историко-генеалогическихъ замѣтокъ о томъ или другомъ родѣ въ томъ видѣ, какъ представляетъ эти замѣтки Гербовникъ, но дополняетъ ихъ подлежащими выписками изъ печатныхъ родословныхъ книгъ, перечисляетъ лицъ, павшихъ на полѣ брани, и именуетъ кавалеровъ Св. Георгія съ указаніемъ на года, когда этотъ высокій знакъ отличія пожалованъ представителю того или другаго дворянскаго рода. Сказаннаго нами довольно, чтобы признать настоящее изданіе за одно изъ весьма полезныхъ при подлежащихъ справкахъ, и оно должно занять мѣсто въ бібліотекахъ всѣхъ лицъ и учреждений, сколько нибудь интересующихся русскимъ народомъ въ его высшемъ словѣ—дворянствѣ.

Д. И. Эварницкій-Яворницкій. Волности Запорожскихъ казаковъ. Историко-топографическій очеркъ. Съ прилож. трехъ картъ. Спб. 1890 г., стран. 384. Цѣна 2 р. 50 к.

Г. Эварницкому принадлежитъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій о Запорожѣ, таковы: «Запорожье въ остаткахъ старины» (два тома); «Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ»; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ казаковъ»; «Число и порядокъ Съчей съ топографическимъ очеркомъ» и проч. Выше озаглавленная книга представляетъ одинъ изъ лучшихъ трудовъ молодого-ученаго и изслѣдователя. Книга основана на массѣ источниковъ, съ приложеніемъ подлинныхъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ казаковъ и съ указаніемъ главнѣйшихъ собственныхъ именъ. Отъ пытливаго вниманія г. Эварницкаго не ускользнула, кажется, ни одна замѣтка, хотя-бы появившаяся въ мало извѣстномъ изданіи и сколько-нибудь относящаяся къ изслѣдуемому имъ предмету. Само собою разумѣется, непосредственное знакомство изслѣдователя съ рѣками, порогами, островами, плавнями, словомъ сказать, со всею топографіею въ предѣлахъ Запорожскихъ волностей, придаетъ изслѣдованію чрезвычайный интересъ. Горько желаемъ, дабы г. Эварницкій находилъ полную поддержку, и нравственную, и матеріальную, въ своихъ дальнѣйшихъ розысканіяхъ въ области отечественной археологіи и исторіи.

АЛЕКСАНДРА ОСИПОВНА СМЕРНОВА,
РОЖДЕННАЯ РОССЕТЬ.
1837 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» ПЭД. 1891 г.

ДОВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 ДЕКАБРЯ 1890 г.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Digitized by Google

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА.

Род. 24-го марта 1823 г., † 16-го июня 1884 г.

III ¹⁾.

Переѣздъ въ Тамбовскую деревню.—Шандроша.—Поступленіе въ гимназію.—Учителя.—Переходъ въ московскую гимназію.—Знакомство съ писателями.—Первые литературные труды.—Бывшій директоръ Кяхтинской таможни.—Первыя увлеченія.—Кружокъ славянофиловъ.—Редакція „Москвитянина“.—Смерть антиковъ.

а полгода до выхода моего отца въ отставку, по выслугѣ полнаго пенсіона, матушка моя рѣшила отправиться съ нами (со мною и съ моей сестрой) въ нашу тамбовскую деревню, чтобы приготовить тамъ все для нашего постоянного житья. Выѣхали мы въ послѣдніе мѣсяцы зимы 1833 года, въ просторной зимней повозкѣ, взявъ въ провожатые сибирскаго казака, рослаго и здороваго парня, лѣтъ 25. Онъ устроилъ себѣ особое сидѣнье сзади, говоря, что ему тамъ лучше будетъ. Лучше было собственно только съ той стороны, что онъ могъ напиться спирту, который помѣщался сзади повозки въ баулѣ, служа въ помощь нашей дорожной кухнѣ, гдѣ мерзлые пельмени, которыхъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1890 г., т. LXV, февраль, стр. 293—319.

ѣхалъ съ нами цѣлый мѣшокъ, играли не послѣднюю роль. Изъ нихъ, при участіи бульона и кипятка, устраивался весьма сносный супъ. Въ Казани спирту уже не хватило. Надо было покупать новаго, но казакъ скоро выпилъ и этотъ.

Въ деревню вѣхали мы уже съ наступленіемъ весны и заняли старый ветхій домъ, который матушка начала сейчасъ-же перестраивать. Мы жили въ банѣ, въ большомъ саду. Для меня наступили совершенно новыя впечатлѣнія русской деревни. Я бѣгалъ цѣлый день по всему имѣнію, съ ордой крестьянскихъ мальчишекъ, которые учили меня лазить по высокимъ деревьямъ, играть въ клешъ, отыскивать въ травѣ суръпицу, купари и ихъ ѣсть. Чего-чего тогда не ѣлось въ теченіи цѣлаго дня, какихъ огородныхъ и полевыхъ произрастеній, и все это, впрочемъ, варилъ богатырскій желудокъ. Въ числѣ моихъ деревенскихъ развлеченій были наблюденія надъ однимъ рѣдкостнымъ типомъ старыхъ богатырскихъ временъ, Прокофіемъ Львовичемъ Давыдовымъ, котораго всѣ звали Шандроша. Онъ происходилъ отъ бѣдныхъ дворянъ, но въ немъ не было ничего дворянскаго: ни фیزیономіи, ни образованія, ни ухватокъ. Онъ смотрѣлъ отставнымъ солдатомъ и былъ въ самомъ дѣлѣ „отставнымъ солдатомъ“—Суворовскихъ дружинъ, бился съ турками подъ Кинбурномъ и въ другихъ мѣстахъ Балканскаго полуострова, но не помнилъ ровно ничего изъ всѣхъ кампаній, въ которыхъ участвовалъ, кромѣ поединка своего съ какимъ-то турецкимъ богатыремъ, на Кинбурной косѣ. Главное, что отличало Прокофія Львовича отъ всѣхъ другихъ, были чрезвычайная физическая сила и здоровье; и тѣмъ и другимъ онъ страшно злоупотреблялъ, потѣшая грубыхъ и дикихъ помѣщиковъ деревни Лопатиной (гдѣ жилъ изъ милости на хлѣбахъ у богатаго инженера Кисловскаго) и другихъ окрестныхъ деревень, гдѣ онъ слонялся, не имѣя никакого дѣла, а думая только о томъ, какъ-бы напиться. Ему подносили, но требовали, чтобы онъ поджидалъ таковаго-то и задавалъ ему тренку. Обыкновенно травили такимъ образомъ заѣзжихъ купцовъ или мелкопомѣстныхъ дворянъ—и никто не жаловался.

Одинъ богатый помѣщикъ, отставной кавказскій полковникъ, который не считалъ себѣ равнымъ никого на значительномъ пространствѣ,—про него окрестные мужики говорили, что „судъ

весь у него: стало, куда-же съ нимъ тягаться!“—задалъ отъ скуки Шандрошу такую задачу: позволить себя облить водою изъ колодца въ трескучій морозъ,—разумѣется, въ костюмѣ праотца Адама,—и затѣмъ идти шагомъ въ кабакъ, гдѣ напиться водки, сколько ему угодно, и одѣться. Шандрошъ исполнилъ это — и не занемогъ. Я нашелъ еще въ деревнѣ стариковъ-свидѣтелей этой безобразной сцены, которые рассказывали о ней, какъ о происшествіи самомъ обыкновенномъ и ихъ ничуть не поразившемъ.

Въ мое время, т. е. въ годъ пріѣзда нашего изъ Сибири и нѣсколько позже, — восьмидесятилѣтній Шандрошъ былъ еще крѣпкій, не знавшій никакихъ недуговъ старикъ. Лицо его было постоянно красное, какъ-бы вѣчно горѣвшее. Надо полагать, что и во всемъ тѣлѣ носилъ онъ вѣчный жаръ. Онъ не зналъ никакихъ теплыхъ одеждъ; и зимою и лѣтомъ его видѣли въ одномъ и томъ-же синемъ сюртукѣ, когда въ шапкѣ, когда безъ шапки, которую онъ какъ-нибудь терялъ, не то оставлялъ въ кабакѣ. Говорили еще, будто-бы его не кусала ни одна собака, будто-бы онъ бралъ иныхъ цѣпныхъ собакъ на руки, какъ телятъ, онъ ласкался къ нему и лизали у него руки. Я ни разу не видалъ этого, но слышалъ отъ людей, которымъ можно было вѣрить. Однажды я спросилъ у Шандроша: „почему его собаки не кусаютъ?“

—„Я суворовскую молитву читаю“—былъ отвѣтъ.

Будь я постарше, я бы записалъ эту молитву, ради курьеза, но тогда и въ голову не пришло. Шандрошъ былъ для меня любопытенъ, какъ одинъ изъ немногихъ уже представителей ушедшей отъ насъ далеко эпохи; какъ сила, какъ человѣкъ, у котораго, въ 80 лѣтъ, трещали кулаки, когда онъ ихъ сжималъ (явленіе, какового я послѣ никогда не видывалъ), который не зналъ, что такое морозъ, что такое болѣзни, наконецъ, какъ человѣкъ, который забавлялъ меня, изображая атаку суворовскихъ гусаръ... Какъ онъ былъ живъ въ то время, какъ бѣгалъ по комнатѣ, махая палкой! Конечно, такого спектакля не въ состояніи былъ-бы представить мнѣ молодой парень лѣтъ двадцати.

Поздно осенью 1833 года пріѣхалъ въ деревню мой отецъ и сейчасъ-же взглянулъ на порядки нашей жизни съ другой, такъ сказать, юридической точки зрѣнія, которая матушѣ моей

была недоступна. Оказалось, что четыре наши дѣвки обвиняны насильно однимъ сосѣдомъ на его крестьянахъ, отбита часть принадлежащихъ намъ луговъ... Отецъ мой сейчасъ-же завелъ тяжбу и выигралъ. Луга сейчасъ-же перешли опять въ наше владѣніе, а полученіе назначеннаго вознагражденія за дѣвокъ тянулось долго—и кончилось какимъ-то возкомъ, якобы стоящимъ четырехъ дѣвокъ.

Вглядѣлся мой отецъ и въ мою деревенскую жизнь. Знакомство съ ребятами, учившими меня лазить по деревьямъ и отыскивать по лугамъ гарлюпу и купыри, прекратилось. Шандрошъ былъ удаленъ. А весной слѣдующаго 1834 года отецъ отвезъ меня въ Тамбовскую гимназію и помѣстилъ на житье у инспектора Булаха, гдѣ былъ пансіонеромъ также сынъ одного нашего сосѣда по имѣнію.

Порядки тогдашней Тамбовской губернской гимназіи были немногимъ чѣмъ выше только-что оставленнаго мною Томскаго училища. Ученики до прихода учителей дѣлали въ классѣ, что угодно. Единственный надзиратель, отставной офицеръ временъ Екатерины II, Василій Никифоровичъ (фамиліи не помню), называвшійся обыкновенно гимназистами Буланый, (вѣроятно по цвѣту лица), долженъ былъ смотрѣть за порядкомъ во всѣхъ классахъ вдругъ. Онъ входилъ туда, гдѣ слышалось болѣе шуму, грозился безмолвно, выслушивалъ иногда крики: „буланый!“ и уходилъ. Точно тоже совершалось, когда гимназисты, послѣ перваго часа занятій, выбѣгали всей массой на такъ называемый огородъ, длинную полосу земли, между конюшнями и заборомъ, отдѣлявшимъ гимназическія владѣнія отъ садовъ чиновника Герасимова. Буланый показывался на одну минуту изъ-за строеній, въ своемъ старомъ форменномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, грозилъ опять пальцемъ бѣгавшей въ разныхъ направленіяхъ толпѣ учениковъ и уходилъ. Такую форму исполненія своихъ надзирательскихъ обязанностей считалъ онъ совершенно достаточной. Начальство болѣе ничего не требовало.

Созданные позже (когда я былъ уже въ третьемъ классѣ), въ помощь Буланому, старшіе,—одинъ на классъ,—немного прибавили порядку. Ихъ „записываній“ никто не боялся. А иногда они и сами разрѣшали какой-нибудь легкой и, по ихъ мнѣнію, приличный беспорядокъ, напримѣръ: бѣганье отъ лавки до лавки

одного довольно стараго гимназиста Абрамова, прозывавшагося „дѣдушкой“, который во время бѣганья какъ-то особенно смѣшно хромалъ, (такъ что самъ старшій помиралъ со смѣху), либо сокращенное представленіе „Филатки и Миропки“, не то „Стряпчача подь столомъ“, чтеніе юмористическихъ стиховъ. А до прихода этихъ старшихъ классъ дѣлалъ, разумѣется, по прежнему, что хотѣлъ.

Что касается нашихъ гимназическихъ учителей—большинство ихъ были люди весьма немудрые. Наиболѣе выдавался учитель математики, Левицкій, который зналъ свой предметъ превосходно и преподавалъ его ясно и хорошо. Онъ могъ быть профессоромъ математики въ любомъ университетѣ—и тамъ бы не ударилъ лицомъ въ грязь. Видъ онъ имѣлъ въ высшей степени оригинальный: крѣпышъ, сбитый какъ камень, всегда въ форменномъ старомъ вицмундирѣ, кое-какъ причесанный, сумрачный, съ толстой палкой въ рукѣ. Со всѣми, кто ему оказывалъ сопротивленіе или дѣлалъ что-либо непріятное,—онъ расправлялся лично, тутъ-же на улицѣ или гдѣ случится. Иногда припускался за учениками и непременно догонялъ и начиналъ возить. Бѣгалъ удивительно.

За нимъ непосредственно шли учителя латинскаго языка, оба семинаристы, знавшіе свое дѣло какъ слѣдуетъ. Учитель французскаго языка былъ тоже не дурень и понималъ, что ученики переводили ему по-русски; но нѣмецкій—формально ничего не понималъ и удовлетворялся какими угодно практическими упражненіями учениковъ. Обыкновенно писалась на одной половинкѣ листа басня по-нѣмецки, на другой—ея русскій переводъ. Учитель прочитывалъ нѣмецкій текстъ, а въ русскій и не заглядывалъ. Если по-нѣмецки было написано сносно—подписывалось „хорошо“. По-русски могло быть вовсе не хорошо. Одинъ шутъ гороховый изъ гимназистовъ подалъ упражненіе: Die Blume. По-русски переводъ начинался такъ: „Цвѣтъ! А какой цвѣтъ—не вѣмъ, и басни сей перевода не имамъ“.... Учитель аттестовалъ: „хорошо“. Исторія и географія преподавались кое-какъ по книгамъ. Учитель прочитывалъ, ученики отмѣчали въ своихъ книжкахъ—и потомъ „вызубривали“.

Всего небрежнѣе читался русскій языкъ учителемъ Петромъ Абрамовичемъ Преображенскимъ, по фамиліи, надо думать,

семинаристомъ, но онъ нисколько не былъ похожъ на семинариста. Обыкновенно, говорили, что онъ очень „талантливъ“. Въ чемъ именно выражался его талантъ—ужь не знаю. Читалъ онъ что ему вздумается, по книгамъ и безъ книгъ, и вѣчно былъ пьянъ.

Ходили учителя кто въ вицмундирѣ, кто въ какомъ случится сюртукѣ—коричневомъ, сѣромъ, черномъ. Директоръ Петровъ являлся въ гимназію, много-много разъ въ мѣсяцъ, всегда въ сѣренькомъ сюртукѣ, обходилъ классы, ни съ кѣмъ не говоря ни о чемъ, и удалялся. Инспекторъ ходилъ чаще, но также безмолвно. Однажды былъ какой-то ревизоръ, остался не очень доволенъ положеніемъ гимназіи, сдѣлалъ какія-то замѣтки въ записной книжкѣ, даже записалъ туда одного ученика, показавшагося ему большимъ шалуномъ. Разумѣется, этой ревизіи мы не видѣли. На праздники и всякіе отдыхи гимназистовъ начальство смотрѣло такимъ образомъ, что разъ уволило воспитанниковъ отъ ученія единственно по тому поводу, что черезъ городъ проходилъ въ парадной формѣ кирасирскій полкъ.

Разъ въ году бывалъ въ гимназіи торжественный актъ. Говорились рѣчи, раздавались наиболѣе отличившимся ученикамъ книги, похвальные листы, имена самыхъ лучшихъ записывались на золотую доску. На одномъ изъ такихъ актовъ я читалъ свое стихотвореніе: „Ночь“. Въ четвертомъ классѣ я застрялъ. Отецъ мой, по совѣту одного пріятели, петербургскаго жителя, Алексѣя Аванасьевича Андреева, который былъ проѣздомъ въ Тамбовской губерніи, рѣшился отвезти меня въ Москву. Это имѣло очень важное значеніе въ моей жизни.

Первая московская гимназія (у Пречистенскихъ воротъ), куда меня отдали на полный пансіонъ, съ платою 300 руб. въ годъ, была похожа на гимназію, даже считалась, изъ всѣхъ четырехъ московскихъ гимназій, лучшею, вслѣдствіе чего ей даны особыя права: выпускать послѣдній 7-ой классъ въ университетъ безъ экзамена, чѣмъ пользовались тогда немногія гимназіи Россіи (между прочимъ, Рязанская).

Иные порядки, иные учителя, иной взглядъ на науку, иной кругозоръ подѣйствовали на меня сразу благотворно. Поэзія моя развилась подъ общими впечатлѣніями столицы. Учитель греческаго языка, читавшій его съ увлеченіемъ и поэтически, и притомъ самъ поэтъ, Игнатій Андреевичъ Коссовичъ (братъ извѣст-

наго ориенталиста Каэтана Андреевича Коссовича), узнавъ о моей склонности къ воспроизведенію разныхъ иноземныхъ поэтовъ въ переводахъ на русскомъ языкѣ, предложилъ мнѣ познакомиться съ польскимъ поэтомъ Мицкевичемъ. Я сталъ къ нему ходить и читать съ нимъ Дзядовъ, потомъ Конрада Валенрода и разныя мелкія стихотворенія, по виленскому изданію Завадскаго, въ 16-ю долю. А нѣсколько позже прочелъ кое-что изъ Пана Тадеуша, по изданію Еловицкаго, въ двухъ томахъ, которыми снабдилъ меня М. Н. Катковъ, тогда еще безвѣстный гражданинъ Москвы, не имѣвшій никакого мѣста, жившій стѣсненно. О немъ говорили, однако, что это очень талантливый человѣкъ, переводчикъ „Ромео и Юліи“ Шекспира, кое-какихъ мелкихъ стихотвореній изъ Гейне; что онъ скоро будетъ профессоромъ философіи въ московскомъ университетѣ. Финансы Каткова были тогда въ такомъ плачевномъ состояніи, что онъ пришелъ разъ ко мнѣ и спрашивалъ, кто мнѣ дѣлаетъ статское, не форменное платье. Я рекомендовалъ ему своего крѣпостнаго портнаго, жившаго въ Москвѣ по паспорту.

Поэзія Мицкевича сильно увлекала меня. Я учился по-польски страстно, какъ ни одному предмету въ гимназіи, хотя и въ гимназіи учился сносно (въ шестомъ и седьмомъ классахъ былъ то первымъ, то вторымъ ученикомъ по пересадкѣ). Я много переводилъ изъ Мицкевича. Объ этомъ узнали вдругъ директоръ гимназіи, Матвѣй Алексѣевичъ Окуловъ, и профессоръ русскаго языка и словесности въ московскомъ университетѣ Шевыревъ. Окуловъ устроилъ специально для меня нѣсколько литературныхъ вечеровъ, гдѣ я читалъ переводы съ польскаго, съ чешскаго и съ сербскаго. Шевыревъ письменно приглашалъ меня участвовать въ „Москвитянинѣ“; потомъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ, познакомилъ съ Погодинымъ, Гоголемъ, Павловымъ, Аксаковыми, Карновичемъ, Хомяковымъ, Кошелевымъ... Окуловъ познакомилъ съ Загоскинымъ, Шаховскимъ (бывшимъ директоромъ московскихъ театровъ).

Кругу этихъ литераторовъ и любителей словесности (болѣе всего Шевыреву) обязанъ я народнымъ, точнѣе сказать, славянскимъ направленіемъ моей музы. Я изучалъ съ любовью славянскихъ поэтовъ, переводилъ съ польскаго, чешскаго, сербскаго. Первымъ серьезнымъ трудомъ былъ переводъ Краледворской руко-

писи, напечатанный въ сборникѣ Панова. Тамъ-же, черезъ годъ, напечатаны были мои переводы сербскихъ народныхъ пѣсенъ, изъ собранія Вука Стеф. Караджича. Переводы съ польскаго я печаталъ въ „Москвитянинѣ“, прикрывая иное маскою, которую никогда не умѣла поднять тогдашняя безграмотная цензура. Мнѣ подмигивали только студенты-поляки, которые всегда знали, какъ, что и откуда.

„Домой“, въ отпускъ, я ходилъ изъ гимназiи къ одному старому прiятелю и сослуживцу моего отца по Сибири, Н. А. З., который въ послѣднiе годы своей службы (въ концѣ 1820-хъ и отчасти 1830-хъ годовъ) имѣлъ весьма „кормное“ мѣсто директора кяхтинской таможи, которое получилъ (какъ самъ признавался) за большую взятку какому-то высокопоставленному лицу въ Петербургѣ.

Женатъ онъ никогда не былъ; въ Кяхтѣ было ему нестерпимо скучно — одному какъ персть въ богатыхъ директорскихъ покояхъ; хозяйство шло безтолково, некому было присмотрѣть за бѣльемъ, за обѣдами; при наплывѣ гостей онъ просто-напросто терялся. А денегъ и чаю, самаго рѣдкостнаго, много. Можно было-бы запаливать пирушки хоть куда, но какъ это сдѣлать?.. Взять сожнительницу изъ мѣстныхъ купчихъ или мѣщанокъ и ей вручить бразды домашняго правленiя — старику не хотѣлось: пойдутъ сплетни, шалости, найдется огромная родня... это пуще иной жевитьбы!.. Директоръ (довольно практичный и осторожный въ жизни человѣкъ) припомнилъ, что у него осталось въ Россiи тьма-тьмущая бѣдной родни. Есть между прочимъ довольно пожилая сестра О. А. З. Онъ написалъ ей, чтобы она прiискала ему въ Москвѣ молодую и прiятную подругу жизни, и прiѣзжала-бы вмѣстѣ съ нею править его хозяйствомъ въ Кяхту. О. А. обрадовалась неслыханно: прiискала красивую скромную дѣвушку лѣтъ 18—20, въ одной бѣдной семьѣ московскихъ мѣщанъ, расписала ей блистательное положенiе своего брата въ Кяхтѣ (одно изъ первыхъ лицъ въ городѣ, генералъ; денегъ куры не клюютъ, можетъ обезпечить и ее и всѣхъ ея родныхъ на всю жизнь). Собрались живо и поѣхали. Домъ Н. А. въ Кяхтѣ принялъ совсѣмъ другой видъ. О. А. имѣла страусовый желудокъ, способный поглощать какую угодно тяжелую пищу круглый Божiй день, вслѣдствiе чего кухня значительно

улучшилась. Самовары не сходили со стола. Чай пились такіе, какіе не всегда, можетъ статья, подавались богдыхану.

Въ 1833 г. Н. А. счелъ своевременнымъ подать въ отставку. Говорили иные, будто-бы послѣдовало нѣкоторое побужденіе... Тронулись въ путь въ двухъ огромныхъ экипажахъ: въ одномъ ѣхалъ самъ директоръ съ сестрою, сожительницею и двумя небольшими дѣтьми. Въ другомъ—прислуга, между прочимъ двое молодыхъ калмычатъ, купленныхъ незадолго до отъѣзда за какую-то бездѣльную сумму (рублей за 10) и сейчасъ-же окрещенныхъ въ православную вѣру. Одинъ, Александръ, на дорогѣ захворалъ и умеръ, а другой, Платонъ Евграфовичъ (по крестному отцу), доѣхалъ благополучно до Москвы, въ званіи камердинера Н. А. и имъ оставался до конца.

Бывшій директоръ кяхтинской таможи остановился въ Москвѣ въ одной изъ лучшихъ гостинницъ и началъ прискивать себѣ для постоянного житья собственный домъ. Скоро одинъ деревянный, но весьма помѣстительный домъ съ антресолями и двумя особыми флигелями, на Поварской, въ приходѣ Бориса и Глѣба (нынѣ—1884 г.—Бѣлевцова, между Хлѣбнымъ и Скатертнымъ переулкомъ), понравился всей семьѣ сибирскихъ антиковъ—былъ приобрѣтенъ, отдѣланъ въ лучшемъ видѣ, снабженъ хорошею мебелью, въ числѣ которой находились рояль и органъ оркестріонъ, работы первыхъ московскихъ органистовъ Бругера и Фуртвенглера. Стѣны въ гостинной увѣшаны картинами, яко-бы старинныхъ мастеровъ, изъ мѣняльной лавки Волкова. На столахъ въ простѣнкахъ фронтальной стѣны стояли, передъ длинными зеркалами, двое бронзовыхъ часовъ.

Послѣ этого старики отслужили какъ слѣдуетъ молебенъ и въѣхали въ свои владѣнія. Какъ-то довольно скоро отыскались у нихъ еще родственники и родственницы, и притомъ довольно близкіе: дѣти трехъ братьевъ директора, круглыя сироты, жившія неизвѣстно какъ и чѣмъ. Н. А. приютилъ у себя въ новомъ домѣ сейчасъ же трехъ племянницъ и двухъ племянниковъ. Кромѣ того четверо племянниковъ (трое военныхъ и одинъ статскій) ходили временами къ старикамъ, обѣдали, а иногда и ужинали и даже ночевали.

Что сѣдаль ежедневно этотъ домъ—трудно себѣ представить. Говорили будто-бы однѣхъ сливокъ выходило въ мѣсяцъ на 200 рублей.

Старики жили сначала очень открыто. По воскресеньям сходились у них человекъ 20—30 обѣдать. Вечеромъ музыка, парадный чай. Раскупоривались рѣдкостные цыбики, привезенные изъ Кяхты. Особыми ароматами наполнялись отъ этого покой. Время отъ времени дѣлались балы и вечера—собственно для молодыхъ племянницъ. Былъ случай, что приглашали изъ театра танцора позабавить публику танцами.

Я уже не засталъ всѣхъ этихъ блесковъ и тресковъ. Остались только воскресные обѣды. Старики видимо стали думать о большемъ сбереженіи гроша; дошли даже до нѣкоторой скарденности, занимали зачѣмъ-то деньги и были туги на расплату. Дорогие чаи были распроданы. Оставлены только два-три свинцовыхъ ящика, изъ числа привезенныхъ изъ Кяхты. Ихъ откупоривали очень рѣдко, не болѣе одного раза въ годъ. Чаи для ежедневнаго употребленія покупались цыбиками у Боткина и сортировались дома, на большихъ простыняхъ, при помощи его прикащиковъ. Пилось чаю всетаки очень много. Въ чемъ другомъ, а въ хорошемъ чаѣ и столѣ старики не могли себѣ отказать. Ъли отлично до конца жизни и любили ѣсть не одни.

Удивительно для посторонняго наблюдателя проходила жизнь антиковъ. Большаго однообразія и монотонности трудно спрашивать. Утро, послѣ чая въ компаніи трехъ племянницъ, а иногда и двухъ-трехъ племянниковъ, проводили старики въ спальнѣ О. А., на диванѣ, поставленномъ такъ, что можно было видѣть, въ два большія окна, улицу и противоположный тротуаръ съ домами. Подлѣ стариковъ всегда играли ихъ собачки. Старикъ держалъ постоянно въ правой рукѣ синій платокъ, чтобы утирать носъ. Такъ они просиживали цѣлое утро часовъ съ одиннадцати до трехъ, говоря всякій вздоръ и наблюдая за проѣзжими и за прохожими. Иной прохожій до такой степени заинтересовывалъ хозяйку, что она кликала человекъ, который обязанъ былъ находиться большую часть дня въ передней, единственно для отпиранія дверей и разрѣшенія разныхъ мудреныхъ вопросовъ въ родѣ слѣдующаго: „не видѣлъ-ли ты, батюшка, сейчасъ прошелъ тутъ человекъ, несъ что-то зеленое на плечахъ и повернулъ направо?“

— Нѣтъ-съ, не видѣлъ!

„Хорошо, ступай!“

И опять сидѣніе, ласканіе собачекъ и разговоры о всякихъ пустякахъ. Если раздавался звонокъ, старикъ большею частію вскакивалъ на ноги и потомъ его уносило какимъ-то вѣтромъ въ сторону, гдѣ зазвонили. Бѣда, если человѣка въ передней не было и дверей долго не открывали: старикъ выказывалъ самое дѣтское нетерпѣніе, хотѣлось узнать что это такое, кто прибылъ? Нѣтъ-ли чего интереснаго? Такъ какъ почти всегда дѣло оканчивалось вздоромъ (письмо или записка къ племяннику, не то къ племянницѣ... какая-нибудь газета, билетикъ.)—старикъ сердито усаживался на прежнее мѣсто, опять смотрѣли въ окошки, опять болтали вздоръ, ласкали собачекъ.

Въ три часа акуратно сервировался домашній обѣдъ человѣкъ на шесть, на семь. Обѣдъ составлялъ нѣчто весьма существенное для обоихъ стариковъ, въ особенности для старухи. Она наливала себѣ супу въ тарелку, столько, что, казалось, налито двѣ тарелки, а не одна. Обо всѣхъ другихъ блюдахъ можно сказать то же самое. Кости обгрызались и объѣдались такъ, что потомъ трудно было найти что-нибудь погрызть даже собакѣ. Однажды человѣкъ убралъ тарелку съ костями раньше, нежели слѣдовало, и бросилъ собакамъ. Поднялись крики: „гдѣ кости? что вы никогда не спросите? Сейчасъ ужъ и хватать!“

Человѣкъ сказалъ: „кости? вотъ онѣ: я сейчасъ подамъ!“

Отогналъ собакъ, уложилъ кости въ тарелку, какъ были, и принесъ; старуха еще съ полчаса ихъ обгрызала, сосала и возилась съ ними...

Затѣмъ слѣдовалъ довольно серьезный отдыхъ. Старики спали каждый у себя со своими собачками вплоть до вечерняго чая, который распивался точно также, какъ утренній, въ компаніи племянниковъ и племянницъ, а иногда и постороннихъ гостей. За чаемъ очень много съѣдалось булокъ, сухарей и другаго печенья. Послѣ чая, часовъ въ девять, устраивалась неизбѣжная игра въ преферансъ. Партію старикамъ составляла которая-нибудь изъ племянницъ. Племянники садились играть рѣдко, такъ какъ это было неимовѣрно-скучно. За отсутствіемъ или нездоровьемъ обычныхъ партнеровъ, ихъ замѣняла сожительница—тогда уже баба лѣтъ тридцати слишкомъ, но еще румяная и здоровая. Она была начальница дѣвичьей, завѣдывала устройствомъ чаевъ, даже

сама ихъ разливала. Характера она была спокойнаго, хорошаго, держала себя въ отношеніи разныхъ лицъ съ большимъ тактомъ, оттого ее всѣ любили и уважали.

Она-ли составляла партнера для стариковъ въ вечернемъ преферансѣ или другія лица—всѣмъ слѣдовало играть такъ, чтобы никакъ не выиграть. Иначе старики всакивали со своихъ мѣстъ въ заключеніи игры, сердитые, бросали карты и бранились.

Въ 12 часовъ ночи подавали ужинъ, такой-же серьезный, какъ обѣдъ. Старуха ѣла съ тѣмъ-же азартомъ, также обгрызала и обсасывала кости. Надо знать, что зубы у нея были въ чрезвычайномъ порядкѣ всѣ до одного, какъ у молоденькой здоровой барышни, никогда не болѣли и сама она не знала что такое значить хворать.

Послѣ ужина всѣ расходились спать. Старуха тутъ-же и засыпала, а старикъ довольно долго читалъ какой-нибудь новый или старый романъ, какого угодно писателя. Онъ говаривалъ мнѣ не разъ, что ему рѣшительно все равно что ни читать: первую часть, третью часть мимо второй и первой, лишь-бы читалось.

Слѣдующій день стариковъ былъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на тотъ, который прошелъ....

Молодежь занималась въ это самое время своими дѣлами. На женской половинѣ шли толки болѣе всего о томъ, какъ-бы поскорѣ выпрыгнуть изъ тяжелаго, зависимаго положенія. Мужская половина совершала утреннія свои похождения на службу и куда придется, потомъ, пообѣдавъ со стариками и поспавши, отправлялась на вечернія похождения, совершенно непохожія на утреннія, не то въ театръ (насколько позволяли доходы, т. е. жалованье, которое у самаго старшаго племянника В. Е. З., малаго уже лѣтъ 30 слишкомъ, простиралось только до 35 р. въ мѣсяцъ) или, наконецъ, оставалась дома, читала повѣсти Марлинскаго, старыя и новыя, Лермонтова и что удавалось достать. Если не было чтенія, болтали о театрѣ, о разныхъ городскихъ происшествіяхъ; чаще всего предметомъ разговоровъ

Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ казакъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежный

Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италиі своей.....

Василій Евграфовичъ и его гости, такіе-же небольшіе чиновники, какъ и онъ самъ, рассказывали другъ другу о своихъ успѣхахъ въ томъ или другомъ домѣ, о какихъ-то красавицахъ. Я прислушивался къ этимъ рассказамъ съ замираніемъ сердца; они занимали меня больше, чѣмъ всякія повѣсти Марлинскаго и всѣхъ другихъ писателей. Въ скоромъ времени отыскались и предметы обожанія, прежде всего—одна молоденькая голландка въ магазинѣ съ разными буттербродами, сырами, колбасами, ветчиной, масломъ. Я написалъ ей множество стиховъ и вспоминаю о ней въ „Книгѣ любви“ на стр. 64, въ одномъ польскомъ стихотвореніи, написанномъ гораздо позже, въ Варшавѣ. Потомъ меня плѣняли разныя актрисы, которыхъ я видѣлъ изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, и потому судить объ ихъ красотѣ настоящимъ образомъ не могъ. Просто нравилось неизвѣстно что, пришла такая пора; я влюблялся чуть не всякій день.... Пріѣхала къ 3—мъ изъ Рязани одна помѣщица съ дочерью-невѣстой. Онѣ узнали, что я немного поэтъ, хорошо читаю свои и чужіе стихи и стали приглашать меня по вечерамъ къ себѣ на чтенія. Старуха дремала на диванѣ, а я подлѣ читалъ за маленькимъ столомъ и скоро выучилъ дочку ставить мнѣ, во время чтенія, на ноги свои маленькія ножки, подавать руку; потомъ мы стали цѣловаться, завели переписку и были пойманы.... Мать поспѣшила уѣхать въ деревню. Я былъ скоро утѣшенъ пріѣздомъ другой барышни изъ Оренбурга, потомъ еще другой изъ Смоленска.... нашлось нѣсколько мѣстныхъ. В. Е. вмѣсто того, чтобы устранять меня отъ такихъ раннихъ донжуанскихъ похожденій, напротивъ, всячески мнѣ помогалъ, старался одѣть меня къ лицу, причесывалъ мнѣ волосы, душилъ меня своими духами.... даже бывалъ иногда моимъ повѣреннымъ, передавая письма, стихи.

Когда я сдѣлался студентомъ, получилъ полную свободу, ходилъ куда и куда хотѣлъ, никого не спрашиваясь,—похожденія, разумѣется, увеличились.... Въ числѣ моихъ новыхъ наставниковъ по этой части очутился одинъ студентъ, страстный охотникъ съ ружьемъ, немного поэтъ, немного пѣвецъ и любитель итальянской оперы, Н. Н. В. Онъ былъ некрасивъ, рыжій, но

неимовѣрно ловокъ и счастливъ въ своихъ ухаживаньяхъ за разными женщинами: барынями, барышнями, горничными, деревенскими бабами и дѣвками. Впрочемъ, за инья похождения ему приходилось серьезно расплачиваться...

По выходѣ изъ университета я сталъ сближаться съ разными литературными кружками Москвы, уже какъ человекъ, принадлежащій свѣту, не мальчикъ, не воспитанникъ учебнаго заведенія. Ближе всѣхъ былъ для меня кружокъ славянофиловъ, гдѣ первымъ, наиболѣе выдающимся, лицомъ считался поэтъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, человекъ очень богатый, имѣвшій нѣсколько деревень и большой каменный домъ въ Москвѣ на Собачей площадкѣ, гдѣ жилъ съ семействомъ, и другой на углу Петровки и Хамовнаго переулка, нанимаемый постоянно одной изъ лучшихъ кондитерскихъ. Говорили одно время, что Хомяковъ продалъ какую-то часть своихъ имѣній за миллионъ рублей... Легко понять отсюда, что глава Славянофильскаго кружка ни въ чемъ не нуждался; въ службѣ не нуждался, жилъ въ свое удовольствіе, дѣлая временами набѣги на Европу. Болѣе всего любилъ онъ Англию. Впрочемъ и другіе члены этого кружка могли назваться людьми независимыми.

Александръ Ивановичъ Кошелевъ былъ прямо богачъ, имѣя кареты, нѣсколько деревень въ Рязанской губерніи и большой каменный домъ въ Москвѣ на Поварской. Ходили слухи, что онъ нажилъ деньги откупами въ доброе старое время, а потомъ бросилъ заниматься этимъ дѣломъ, неприличнымъ для образованнаго дворянина, сталъ корчить московскаго барина, помѣщика, получая будто-бы до ста тысячъ рублей годоваго дохода. Разъ заплатилъ за долги своего единственнаго сына, армейскаго кутилы и поклонника цыганокъ, 6000 р., а въ другой разъ — 100.000!... Такъ рассказывали!

Самарины были извѣстные богачи. Аксаковы (старикъ, Сергѣй Тимоѣевичъ съ сыновьями Константиномъ, Иваномъ и Григоріемъ) были тоже не бѣдные люди. Затѣмъ Елагины, Кирѣевскіе, Пановъ, Свербѣевы, Павловъ, (стоявшій одной ногой въ кружкѣ славянофиловъ, а другой—у западниковъ),— не нуждались и не служили. Только Свербѣевъ направилъ своихъ дѣтей по юридической дорогѣ.

Естественнѣе всего для меня было пристать къ этому кружку,

можно сказать, единственному солидному кружку московской интеллигенціи; западниковъ въ Москвѣ было такъ мало, что ихъ нельзя было назвать кружкомъ. Сердце ихъ было далеко отъ славянофиловъ, но они, тѣмъ не менѣе, поневолѣ съ ними вязались,—однако-же странно: я никакъ не могъ съ ними сблизиться, чувствуя, что въ этомъ кружкѣ, не смотря на его солидность, на почтенныя, извѣстныя вездѣ, фамиліи его членовъ, людей, безъ сомнѣнія, честныхъ и хорошихъ — есть какая-то фальшь; что они, въ сущности, только толкутъ усердно воду, что-то хотятъ сказать и не договариваютъ, ничего не выходитъ. Выходитъ отсутствіе настоящей почвы, безцвѣтность, натянутость, неясность стиховъ и прозы, извергаемыхъ въ избыткіи Хомяковымъ. Кого убѣждали всѣ эти Бѣлградъ и Софіи, всѣ эти воздыханія въ речахъ Константина Аксакова и отчасти Ивана. Все это было, увы, безталанно или, по крайней мѣрѣ, малоталанно и если восхищало кого, такъ только авторовъ и ихъ друзей, да и то не всѣхъ. Самыя одежды славянофиловъ мнѣ были не по нутру. Было даже непріятно, что обстоятельства втянули меня въ редакцію „Москвитянина“,—журнала, считавшагося славянофильскимъ, хотя онъ славянофильскимъ, въ строгомъ смыслѣ, никогда не былъ. Меня тянуло постоянно въ Петербургъ въ „Отечественныя Записки“, въ „Современникъ“, но близость моя съ Шевыревымъ и съ Погодинымъ, (не бывшими славянофилами, какъ Аксаковы, Хомяковъ, но стоявшими къ нимъ всетаки ближе, чѣмъ къ западникамъ), дѣлали переходъ въ другой лагерь для меня совершенно невозможнымъ. Потомъ я какъ-то свылся съ „Москвитяниномъ“, въ особенности послѣ того, какъ тамъ стали появляться талантливые люди, совсѣмъ инаго закала: Аполлонъ Григорьевъ, Мей, Эдельсонъ, составившіе кучку людей, которымъ одряхлѣвшій и погруженный въ свои историческія изслѣдованія Погодинъ ввѣрилъ до нѣкоторой степени завѣдываніе дѣлами редакціи.

Появленіе въ свѣтъ комедіи „Банкруть“ (позже названной: „Свои люди—сочтемся“) выдвинуло мгновенно изъ всѣхъ литературныхъ именъ Москвы имя Островскаго. Комедія эта была прочтена при большомъ стеченіи народа у Погодина, въ кабинетѣ его, на Дѣвичьемъ полѣ. Была тамъ только-что пріѣхавшая изъ Петербурга на прочное житіе въ Москву графиня Ростопчина

(послѣ исторіи съ „Насильственнымъ Бракомъ“—потеря способствовала ей много въ украшенію). Былъ Гоголь, кажется, Грановскій. Авторъ „Банкрута“ пристроился, естественно, къ кружку молодыхъ редакторовъ „Москвитянина“. Пьесы Писемскаго: „Ипохондрикъ“, „Тюфякъ“ тоже читались у Погодина и тоже приобрѣтены имъ для „Москвитянина“, какъ приобрѣтены и самъ Писемскій.

Съ этихъ поръ нашъ кружокъ получилъ болѣе опредѣленный обликъ. Молодые силы работали усердно, кто во что гораздъ. Скоро очутились тамъ-же: Рамазановъ (профессоръ скульптуры въ училищѣ живописи и ваянія на Мясницкой, только что пріѣхавшій изъ Италіи, гдѣ воспитывался на казенный счетъ, какъ талантливый ученикъ Петербургской академіи художествъ); * * * — талантливый пѣвецъ русскихъ пѣсень; Сергѣй Калошинъ, повихнувшійся отъ разныхъ обстоятельствъ, гусаръ въ отставкѣ, сынъ декабриста, могшій, и даже весьма могшій, служить литературѣ, по его голова была устроена такъ, что въ ней роились планы не повѣстей, не критикъ, не комедій, а только скандалы и выпивки, препровожденіе времени на квартирѣ брата, въ домѣ родителей, на Смоленскомъ рынкѣ, въ одной рубахѣ по цѣлымъ недѣлямъ въ обществѣ такихъ-же забулдыгъ, какъ онъ самъ. Надо удивляться, какимъ образомъ „Москвитянинъ“ могъ еще добыть отъ этого безпутнѣйшаго малаго какія-нибудь работы. Ихъ было немного, но всетаки были, и самъ безпутнѣйшій малый одно время состоялъ членомъ молодой редакціи „Москвитянина“. Потомъ онъ опредѣлился, черезъ своего отдаленнаго родственника, Н. В. Сушкова (дядю графини Ростопчиной) въ сибирскіе казаки подъ начальство графа Муравьева-Амурскаго, но скоро принужденъ былъ оттуда бѣжать. Опять скитался по Москвѣ уже одинокій, устраивалъ скандалы и издавалъ сухощавый журнальчикъ „Зритель“.

Изъ этихъ лицъ довольно долгое время слагалась кучка помощниковъ Погодина по изданію единственнаго Московскаго журнала, гдѣ, не смотря на чрезвычайный хаосъ въ редакціи и въ типографіи, всетаки появлялись нерѣдко дѣльные и талантливыя вещи Островскаго, Писемскаго, Григорьева, Эдельсона, Мея и кое-кого изъ славянофиловъ. Гоголь, сколько помнится, подарилъ своему старому приятелю только одну статью: „Римъ“, (1849).

Были въ числѣ усердныхъ и полезныхъ работниковъ „Москвитяина“ и другіе вкладчики: Кореневъ, По—вскій, люди съ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, но какъ-то, по своимъ житейскимъ приемамъ, свойствамъ и скромности, державшіеся отдѣльно, иногда мелькавшіе на одну минуту.

Они принадлежали къ редакціи, но никакъ не къ кружку. Тамъ имъ было какъ-то жутко....

Антиковъ своихъ я во все это время не только не покидалъ, напротивъ, это былъ по прежнему (болѣе всего черезъ племянниковъ) одинъ изъ самыхъ близкихъ для меня домовъ, гдѣ я считался почти родственникомъ, значилъ то же, что и настоящіе ихъ родные, могъ придти и оставаться сколько мнѣ угодно; гостемъ никогда не былъ.

Быстро угасали старики. Кружокъ посѣтителей ихъ дома уменьшался съ каждымъ часомъ. Изъ множества знакомыхъ осталось десятокъ фигуръ, которыя ходили изрѣдка, отчасти по привычкѣ, отчасти изъ жалости. Обѣды и чай уже не играли прежней роли ни для хозяевъ, ни для гостей. Хозяева становились скучнѣе, капризнѣе, несноснѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Даже антресоли женскія и мужскія измѣнили свой характеръ. Одна племянница, покрасивѣе и помоложе, вышла замужъ. Двѣ остальные были очень неинтересны. Изъ племянниковъ уцѣлѣлъ въ прежнихъ условіяхъ относительно стариковъ и дома только одинъ: самый старшій В. Е. Прочихъ разнесло разными вѣтрами кого куда. Двое женились и должны были, разумѣется, устраивать свои собственные углы.

Около 1847 г. старикъ захворалъ и умеръ, завѣщая все свое имущество сестрѣ, О. А. Она тоже стала припадать и скончалась какъ-то вдругъ, черезъ годъ послѣ брата, не сдѣлавъ никакого духовнаго завѣщанія. Говорили, будто-бы всѣ имѣвшіяся у нея деньги (довольно большія) она передала старшему своему племяннику на томъ основаніи, что онъ одинъ до конца не покидалъ стариковъ, а за нею даже прямо ухаживалъ, когда они остались въ домѣ только вдвоемъ, вслѣдствіе чего получилъ прозвище „семьянина, домостроителя“.

Какъ именно произошла эта передача и была-ли она въ дѣйствительности, — это неизвѣстно, только оставшійся чѣмъ-то въ родѣ хозяина въ домѣ, В. Е., объявилъ наѣхавшимъ родствен-

никамъ и родственницамъ, что послѣ смерти ихъ тетки оказалось наличными всего-на-всего 500 рублей.

Поднялись крики, не имѣвшіе никакого результата. Общюю добычею были сказанные 500 рублей и домъ, гдѣ жили старики, который вскорѣ проданъ генералу Бѣлевцову, а деньги пошли въ раздѣлъ между громадною семьею.

IV.

Поступленіе на службу. — Кружокъ Ѳ. Н. Глипки. — Четверги Вельтмана. — Изданія Вельтмана. — Ростопчины. — Субботы Ростопчиной. — Соболевскій, Мицкевичъ и Ржевусскій. — Исторія съ портретомъ Пушкина. — Щербина. — Кружокъ Павловыхъ. — Вторая жена Павлова. — Ссылка его. — Собранія у Погодина. — Его коллекція. — Отношеніе къ Погодину московскаго общества. — Черты его характера.

Въ 1848 году я былъ приглашенъ однимъ семействомъ въ качествѣ преподавателя русскаго языка и словесности къ ихъ дочери, которую извѣстный санскритологъ, К. А. Коссовичъ, училъ классическимъ языкамъ. Я описалъ этотъ эпизодъ моей жизни въ особой статьѣ, подъ названіемъ „К. А. Коссовичъ“ — вскорѣ послѣ того, какъ этого замѣчательнаго и почтеннаго человѣка не стало. Близъ того-же времени я опредѣлился на службу, при помощи моего друга, С. П. Шевырева, въ Московскую контору Государственнаго Коммерческаго Банка, писцомъ съ жалованьемъ во сто рублей, но черезъ полгода былъ уже зачисленъ секретаремъ конторы съ возвышеніемъ жалованья и вскорѣ затѣмъ помощникомъ бухгалтера съ новымъ возвышеніемъ жалованья, которое однако никогда не было велико. Сами директора банка, (которыхъ было трое), получали по полторы тысячи рублей и квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Управляющій получалъ 3000 р. и квартиру. Въ 1849 году и я получилъ квартиру, при содѣйствіи разныхъ моихъ друзей, имѣвшихъ кое-какія связи съ управляющимъ.

Литературныя знакомства мои объ эту пору увеличились двумя особыми кружками, нисколько не похожими одинъ на другой, оригинальными, московскими, о которыхъ считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Первый былъ кружокъ литератора не нашихъ временъ, человѣка уже немолодаго (лѣтъ

за 50) Федора Николаевича Глинки, прозаика и поэта, женатаго на дочери князя Павла Васильевича Голенищева-Кутузова, Авдотьѣ Павловнѣ, тоже нелишенной литературныхъ дарованій. Она много переводила изъ разныхъ нѣмецкихъ поэтовъ—на свой бабій пай недурно. Прозой написала: „Жизнь Богородицы“. Отецъ ея, князь Павелъ Васильевичъ, былъ въ свои молодые годы большой либераль

. Имѣлъ онъ или не имѣлъ вліянія на своего зятя,—сказать трудно, только зять пошелъ по той-же либеральной дорогѣ и былъ въ числѣ крупныхъ декабристовъ 1825 года, состоя адъютантомъ при графѣ Милорадовичѣ, который, какъ кажется, не подозрѣвалъ ничего. Послѣ смерти графа, Федоръ Глинка, позванный къ допросу, все свалилъ на покойника, говоря, что онъ приказалъ ему сойтись съ революціонерами, слѣдить за ихъ дѣйствіями и передавать все, что замѣтитъ. Отвѣты Федора Николаевича на всевозможные вопросы высочайше учрежденной комиссіи были таковы бойки, ловки и естественны, что его велѣно оставить въ подозрѣніи, но никуда не опредѣлять.

Глинка уѣхалъ съ женою въ Москву и купилъ на Садовой улицѣ, близъ Сухаревой башни, крохотный домикъ съ антресолями, комнатъ въ 5—6, но совершенно для нихъ достаточный. Въ 1840-хъ годахъ, Глинки (какъ ихъ обыкновенно звали) завели у себя литературные вечера по понедѣльникамъ, куда созывали преимущественно писателей прежняго времени, людей солидныхъ и серьезнаго направленія. Изъ молодыхъ (въ концѣ 1840-хъ годовъ) попалъ туда одинъ лишь я и еще переводчикъ съ разныхъ языковъ Федоръ Богдановичъ Миллеръ—черезъ близкаго своего пріятеля, такого-же нѣмца, какъ и самъ, стараго, забытаго художника Карла Ивановича Рабуса, неизмѣннаго участника вечеровъ Глинки. Онъ, впрочемъ, имѣлъ и свои дни, четверги, и свой кружокъ, преимущественно артистическій.

Почему никто, кромѣ меня, изъ нашего кружка (т. е. изъ молодой редакціи „Москвитянина“) не проникъ къ Глинкамъ—я не берусь разрѣшить этого вопроса никакъ. Можетъ быть, они и звали кого-нибудь, но никто не пошелъ, такъ какъ отъ понедѣльниковъ Глинокъ несло нѣкоторою затхлостью; они не давали новому поколѣнію ничего ровно или очень мало. Я пошелъ

потому, что имѣлъ съ раннихъ лѣтъ страсть сближаться со всѣмъ, что было хоть когда-нибудь замѣчательно, разсматривать внимательно всякія развалины....Притомъ нельзя сказать, чтобы Глинки не давали для молодежи ничего ровно: они были хорошіе и вѣрные цѣнители всего изящнаго. „Объѣхать на кривой“ нельзя было ни старика, ни старуху.

Главными посѣтителами вечеровъ Глинки были: сенаторъ М. А. Дмитріевъ, древній поэтъ, прославленный эпиграммой Пушкина: „Михайла Дмитріевъ умре“. Потомъ: переводчикъ „Освобожденнаго Іерусалима“ Раичъ; художникъ Рабусъ и его неизмѣнный сопутникъ Миллеръ; кое-когда директоръ оружейной палаты А. О. Вельтманъ, его хорошая знакомая Е. И. Крутникова (впослѣдствіи его жена), М. Н. Лихонинъ— поклонникъ нѣмецкой, англійской и испанской литературы и, отчасти, переводчикъ (болѣе всего нѣмецкихъ поэтовъ, плохими стихами), покровительница всѣхъ поэтовъ и художниковъ, богатая вдова ген. Карлгофъ, вездѣ искавшая себѣ мужа. Бываль изрѣдка любопытный старикашка Сангленъ, начальникъ тайной полиціи, при Александрѣ I, во время войнъ его съ Наполеономъ. Онъ рассказывалъ много всякихъ курьезовъ про знаменитую эпоху. Вралъ или нѣтъ—кто его знаетъ. Какую именно роль игралъ Сангленъ у Глинокъ, можно или нельзя его было вытурить декабристу, оставшемуся въ подозрѣніи у правительства—Богъ вѣсть...Сангленъ, впрочемъ, заглядывалъ также и къ Дмитріеву, и Рабусу. Въ другихъ домахъ я его не видѣлъ.

Федоръ Николаевичъ былъ тогда еще крѣпышъ, живой, маленькій человекъ безъ усовъ и бороды, но съ черными бакенбардами и густыми тоже черными съ просѣдью волосами, у которыхъ онъ поправлялъ поминутно височки. Маленькая круглая головка его была какъ будто приплюснута сильнымъ ударомъ въ темя. Щеки были вѣчно розовыя. Все лицо розовое. Черныя глазки вѣчно смѣялись. Говорилъ онъ нѣсколько картавя, и никогда не могъ быть спокойнымъ: все въ немъ и самъ онъ ходилъ ходенемъ. Поговорить тутъ, бѣжить въ другую сторону—тамъ опять говорить и поправляетъ височки... Читалъ онъ рѣдко. Это были дни торжественные для его поклонниковъ, которые относились къ нему, какъ къ настоящему, но не приз-

нанному поэту. Читая, Федоръ Николаевичъ никогда не садился, а стоялъ передъ столомъ, обратясь лицомъ къ главнымъ слушателямъ, сидѣвшимъ на диванѣ и боковыхъ креслахъ. Сзади были тоже слушатели, помѣщавшіеся въ разныхъ углахъ комнаты. Наиболѣе желательнымъ предметомъ чтенія для поклонниковъ бывала поэма духовнаго содержанія: „Божественная Капля“, написанная что-то давно и много разъ исправлявшаяся и дополнявшаяся. Цѣлой этой поэмы, кажется, не слыхалъ никто, или очень немногіе изъ старыхъ пріятелей хозяина. Новые удовлетворялись отрывками и не выражали никогда желанія услышать все, а если и выражали, то не очень искренно. Мнѣ случилось слышать два небольшихъ отрывка, гдѣ были мѣстами хорошіе стихи, но только стихи; содержаніе меня не занимало. Я даже его путемъ не понималъ.

Прозой Федоръ Николаевичъ читалъ при мнѣ только одинъ отрывокъ: воспоминаніе о какомъ-то боѣ съ французами подъ Москвой. Тутъ говорилось кратко и о Москвѣ, и объ ея значеніи для русскаго народа и Россіи. Авторъ сравнивалъ ее съ вудрявой старопечатной буквой и, кажется, думалъ, что это сравненіе оригинально и удачно. Замѣтивъ, что его какъ-будто не всѣ надлежащимъ образомъ услышали, что до этой буквы, онъ пріостановлялся, поглядывалъ кругомъ, поправлялъ височки — и повторялъ: „она красуется въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ вудрявая старопечатная буква“...

Читалъ онъ постоянно старину, — написанное Богъ-вѣсть когда. Новаго, повидимому, ничего не производилось. Авдотья Павловна тоже читала старые свои переводы изъ Шиллера. Мнѣ случилось слышать „Колоколъ“ и „Кубокъ“. Другіе читала рѣдко. Литературные понедѣльники Глинокъ обходились большею частію безъ литературы. Посидятъ, потолкуютъ о томъ, о семъ, напьются чаю, иногда поужинаютъ на нѣсколькихъ небольшихъ столикахъ въ той-же зальцѣ, гдѣ происходили чтенія и бесѣды — и расходятся часу въ первомъ.

Четверги Вельтмана, съ которымъ я познакомился у Глинокъ, были также простыя вечернія собранія друзей и знакомыхъ хозяина и хозяйки, гдѣ акуратно всякій разъ бывалъ нѣкій Владиміръ Петровичъ Горчаковъ, не князь, а простой Горчаковъ, сослуживецъ Вельтмана по генеральному штабу нашей

южной армии въ кампаніи 1828—1829 годовъ, пріятель Пушкина, одинъ изъ его „собутельниковъ“, когда Пушкинъ жилъ въ изгнаніи у Новороссійскаго губернатора Инзова. Горчаковъ самъ немного писалъ прозой, но все, что онъ рѣшилъ огласить было пытанно, вяло, безталанно. Въ сущности былъ человекъ, добрый, честный и не глупый. Всѣ его любили. Еще на четвергахъ Вельтмана бывали: Лихонинъ, Рабусъ, Миллеръ, Загоскинъ (который изрѣдка читалъ отрывки изъ не напечатанныхъ романовъ), два брата жены Вельтмана, статскій и военный, генералъ Менгденъ съ женою (тоже сослуживецъ хозяина по южной армии 1828—1829 гг.), М. А. Дмитриевъ, Погодинъ, изрѣдка заглядывалъ изъ своей ссылки тайкомъ Американецъ-Толстой. Кромѣ того бывали и экстраординарные гости: Коссовичъ, Островскій, какіе-то малоизвѣстные сенаторы и генералы... Изъ извѣстныхъ сенаторовъ бывалъ Казначеевъ, который вывелъ въ люди ѳеодосійскаго цирюльника (?) Айвазовскаго, бывъ тогда въ ѳеодосіи виднымъ лицомъ.

Самъ Вельтманъ былъ человекъ въ высшей степени милый и симпатичный, съ открытой фізіономіей, какъ-то оригинально вскакивалъ съ дивана при появленіи всякаго гостя, бѣжалъ къ нему на встрѣчу, раскрывъ объятія, усаживалъ, заводилъ бесѣду. Былъ, что называется, душа человекъ. Въ немъ, сверхъ литературнаго, извѣстнаго всѣмъ читателямъ тѣхъ временъ, (преимущественно москвичамъ), таланта, — таились еще и другіе, скрытые отъ публики, таланты: онъ дѣлалъ очень искусно изъ алебаstra копію небольшихъ античныхъ статуй, умѣлъ сообщать имъ бронзовый, серебряный, золотой и всякіе другіе цвѣта. Иногда его копію отличить отъ настоящей статуи, отъ оригинала, было очень трудно. Онъ игралъ довольно искусно на гитарѣ и еще на какомъ-то изобрѣтенномъ имъ инструментѣ, названіе котораго я не помню. Умъ его былъ въ постоянной работѣ: онъ все что-нибудь выдумывалъ, открывалъ. Выдумалъ однажды свѣтильникъ безъ всякаго фитиля; горѣло на кончикѣ загнутой немного въ верхнемъ концѣ тонкой стеклянной трубки одно масло (деревянное или прованское). Этотъ изобрѣтенный имъ свѣтильникъ онъ называлъ Альма. Такія „Альма“ всегда горѣли у него въ кабинетѣ, штуки три-четыре, требуя, конечно, немного горючаго матеріалу, но и немного принося пользы. Очень трудно сказать,

сколько-бы такихъ „альмъ“ потребовалось на освѣщеніе хоть самой небольшой комнаты. Возился онъ одно время немало надъ изображеніемъ саней, которыя-бы не знали что такое московскіе ухабы—и увѣрялъ знакомыхъ, будто-бы изобрѣлъ такія волшебныя сани и показывалъ нѣсколько бумажныхъ моделей разной величины, которыя возилъ по ухабамъ изъ картонной бумаги, но... никто не убѣждался, что такія сани въ натуральную величину, на ухабахъ Столешниковскаго, Газетнаго и тому подобныхъ переулковъ не будутъ бить подъ конецъ зимы, а временами и выбрасывать пассажировъ на мостовую, какъ всякія другія.

Наконецъ, Вельтманъ любилъ чертить карты съ изображеніемъ древнихъ славянскихъ земель; рисовалъ, перерисовывалъ, издавалъ... опять перерисовывалъ и опять издавалъ. При этомъ слѣдовалъ всякій разъ объяснительный текстъ,—иногда весьма увѣсистый томъ. Воображеніе его было самое необузданное, упрямое, смѣло скакавшее черезъ всякія пропасти, которыя другихъ устрашили-бы, но не было такой пропасти, которая устрашила-бы почтеннѣйшаго Александра Өомича. Кажется, никто не пускался въ серьезныя критическія изслѣдованія этой, въ большинствѣ случаевъ, ужаснѣйшей чепухи. На словахъ съ Вельтманомъ спорить было трудно: онъ никого не слушалъ и вѣрилъ, какъ въ Бога, въ непреложность и непогрѣшность своихъ открытій. Разъ онъ мнѣ сказалъ, что печатаетъ новый переводъ „Слова о полку Игоревѣ“, гдѣ многое передѣлалъ. Между прочимъ, для него стало яснымъ, что Боянъ, упоминаемый тамъ, вовсе не Боянъ, а Янъ, а приставка „бо“ есть не что иное, какъ союзъ. Сколько я ни спорилъ, что союзъ „бо“ такимъ образомъ употребленъ при имени быть не можетъ, онъ остался при своемъ: „помилуйте, это ясно, какъ день!... И какой тамъ Боянъ! Никакого Бояна въ тѣ времена не было, а былъ Янъ вѣщій!“ Такъ и напечаталъ.

Изъ самыхъ серьезныхъ изданій Вельтмана лучшее — это „Древности Россійскаго государства“, изданныя казною, in folio, съ превосходными хромолитографическими рисунками [Өедора Григорьевича Солнцева ¹⁾] въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Все, что изъ этихъ экземпляровъ было послано на Лондонскую выставку (1851)—куплено въ одинъ день.

¹⁾ Нынѣ дѣйств. статскій совѣтникъ, почетный членъ академіи художествъ, профессоръ археологической живописи, род. въ апрѣлѣ 1801 г. Ред.

Жена Вельмана (*primo voto* Крутникова) была женщина поэтическая, съ романтическими наклонностями, провела первую молодость въ Одессѣ, много разъ любила, многимъ нравилась, (между прочимъ поэту Подолинскому), писала недурно прозой— и на этомъ пути сошлась съ Вельманомъ, еще при жизни его первой жены, родомъ молдаванки.

Какъ жена Вельмана, она значительно поддерживала давно заведенные ими четверги, сообщала имъ то, что можетъ сообщить образованная изящная женщина, выдавшая виды. Одинъ Александръ Ѳомичъ едвали-бы съ ними сладилъ.

Жили они скромно, но весьма прилично, въ большой квартирѣ директора оружейной палаты, у Покрова, въ Левшинѣ. Всѣ комнаты, особенно кабинетъ хозяина, представляли смѣсь востока съ западомъ: персидскіе ковры на всякомъ шагу; чубуки съ янтарями, оттоманы; картины съ изображеніями битвъ южныхъ славянъ съ турками. Самъ Вельманъ привезъ изъ похода въ Турцію кое-какія восточныя привычки: курилъ съ утра до ночи дорогой турецкій табакъ изъ дѣланныхъ черешневыхъ и жестяныхъ чубуковъ. Въ повѣстяхъ своихъ часто касался востока или полувостока: Молдавіи, Бессарабіи...

Вскорѣ послѣ появленія „Банкрута“, открыла у себя литературныя субботы графиня Ростопчина, познакомившаяся съ авторомъ этой пьесы у Погодина. Тамъ же ей была представлена вся молодая редакція „Москвитянина“ и это были первые ея гости по субботамъ, до нѣкоторой степени *habitués* субботъ. Къ славянофиламъ сердце ея не лежало, да они были и потяжелѣе и повзыскательнѣе молодежи, которая, не долго разсуждая и не имѣя формально никакихъ заднихъ мыслей, наполняла салоны Ростопчиной. Надо думать, что, послѣ исторіи съ „Насильственнымъ Бракомъ“, Ростопчины, привыкшіе время отъ времени показываться при дворѣ и вообще витать въ тѣхъ сферахъ, гдѣ легко было встрѣтить государя и другихъ членовъ императорской фамиліи,—измѣнясь въ отношеніяхъ ко всѣмъ этимъ лицамъ, даже просто „изгнанные изъ дворца“—сочли за лучшее скрыться, если не навсегда, то хоть на нѣкоторое время изъ Петербурга.... Въ Москвѣ жила мать графа; кромѣ того, было прекрасное подмосковное имѣніе, Вороново, лежавшее всего-навсего въ 60 верстахъ отъ Москвы. Въ имѣніи этомъ находился когда-

то громадный дворецъ съ флигелями, съ садомъ и съ паркомъ; необитаемый съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ сожженъ графомъ Федоромъ Васильевичемъ Ростопчинымъ (московскимъ генералъ-губернаторомъ во дни Наполеона I), когда графъ услышалъ, что въ Вороново направляется какая-то французская дивизія. Сынъ его, Андрей Федоровичъ, (мужъ Ростопчиной), переѣзжая на прочное жительство въ Москву, въ концѣ 1840-хъ годовъ, велѣлъ отдѣлать нижній этажъ центрального зданія, для приѣздовъ туда жены съ ея гостями въ лѣтнее время, а себѣ (такъ какъ онъ любилъ во всемъ отдѣльное независимое существованіе) построилъ особый деревянный домъ, куда пускалъ немногихъ.

Въ Москвѣ у нихъ былъ тоже домъ, на углу Лубянки и Фурнасовскаго переулка, но графъ успѣлъ его спустить за безцѣнокъ одному зажиточному москвичу. Жить въ нанятой квартирѣ графъ считалъ неприличнымъ по своему общественному положенію и потому купилъ собственный домъ на Садовой, у Ермолова, довольно большой, каменный, въ два этажа, съ садомъ и обширнымъ дворомъ; когда кто проѣзжалъ по улицѣ, дома этого было почти невидно, за широкими каменными воротами, на которыхъ сидѣли какія-то птицы, (кажется, гербъ прежняго владѣтеля Небольсина), длиннымъ дворомъ и садомъ. Графъ занялъ верхнюю половину, графиня—нижнюю. Каждый отдѣлалъ свою часть апартаментовъ по собственному вкусу. Наслѣдственная старая мебель съ богатымъ севрскимъ фарфоромъ поставлена была въ покояхъ графини. Картинная галерея помѣщена въ самыхъ большихъ салонахъ верхняго этажа.

Графъ и графиня жили съ нѣкоторыхъ поръ почти врознь. Видѣлись только за обѣдомъ, (составлявшимъ предметъ главнѣйшаго попеченія графа). Общихъ гостей было у нихъ чрезвычайно немного. Средства, которыми графиня располагала по милости мужа, были весьма не велики, такъ не велики, что графиня очень-очень рѣдко могла оставить гостей на ужинъ. Незыскательный кружокъ постоянныхъ ея посѣтителей по субботахъ довольствовался и чаемъ.

Сначала вечеръ графини (имя которой звучало тогда особеннымъ звукомъ, было невольнымъ притяженіемъ для многихъ) посѣщались сказаннымъ кружкомъ довольно усердно. Иному просто было пріятно думать и рассказывать знакомымъ, что онъ

также бывает у Ростопчиной, принадлежит къ рѣдкимъ, исключительнымъ личностямъ.

Потомъ мало-по-малу стало собираться на этихъ вечерахъ меньше и меньше гостей. Появилось нѣсколько дамъ необыкновенно безцвѣтныхъ и пустыхъ. Литературныя чтенія (бывавшія, впрочемъ, не часто и не представлявшія ничего интереснаго для серьезнаго литератора), бесѣды, имѣвшія болѣе или менѣе литературный оттѣнокъ, смѣнились праздною свѣтскою болтовней съ игривымъ содержаніемъ. Бабе хохотало. Если былъ какой-нибудь свѣтскій вертопрахъ — онъ тоже хохоталъ, а литераторы только улыбались и поглядывали на тѣ мѣста, гдѣ у нихъ лежали шапки. Года черезъ два изъ первыхъ habitués кружка остались вѣрными субботамъ Ростопчиной очень немногіе. Пришли даже и такія субботы, когда зажигались свѣчи и сгорали, не освѣтивъ ни одной посторонней фізіономіи. Вслѣдствіе этого была допущена всякая смѣсь: Юрій Никитичъ Бартенева, всю жизнь корчившій шута и говорившій особымъ шутовскимъ языкомъ, дававшій всѣмъ прозвища (Ростопчину онъ называлъ „Лапка“), человѣкъ не глупый, но скучный и непріятный. Уставшій скиталецъ по бѣлу свѣту, бібліоманъ, англоманъ, другъ поэтовъ и артистовъ всего міра, Сергѣй Александровичъ Соболевскій, который умѣлъ составить себѣ литературное имя еще въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія, близкій дружкой и кутежами съ Пушкинымъ, который любилъ его преимущественно за неистощимое остроуміе, живые экспромты, щеголявшіе оригинальными риомами, неизмѣнную веселость и готовность кутить и играть въ карты когда угодно.

Когда совершилось назначеніе Грибоѣдова министромъ-посланникомъ въ Персію (1828 г.) онъ предложилъ совмѣстную съ собою службу двумъ пріятелямъ: Мальцову и Соболевскому. Мальцевъ согласился и уѣхалъ съ Грибоѣдовымъ, а впоследствии, въ критическую минуту знаменитаго автора „Горе отъ ума“, остался единственнымъ русскимъ, который, изъ 36 человѣкъ, составлявшихъ наше посольство въ Тегеранѣ (считая тутъ же и прислугу), уцѣлѣлъ и воротился въ Петербургъ. А Соболевскій (обладавшій значительными денежными средствами, полученными отъ богатаго отца его, помѣщика Соймонова, и еще болѣе богатой матери, купчихи, (Карской), отправился

странствовать по Европѣ. Онъ жилъ въ Италиі, Франціи, Испаніи, Англии. Вездѣ сближался съ самымъ интеллигентнымъ народомъ. Въ Римѣ близко сошелся съ Мицкевичемъ (котораго зналъ еще въ Петербургѣ) и съ другомъ его, гр. Генрихомъ Ржевускимъ, впоследствии известнымъ авторомъ „Listopada“ и „Pamiętników Sopolicy“, а тогда просто милымъ собесѣдникомъ и неподобнымъ рассказчикомъ всего имъ видѣннаго, а видѣлъ онъ очень много. Эти-то чудесные рассказы и настроили Мицкевича, что ни день, убѣждать друга взяться за перо, сѣсть и написать что знаетъ и помнить. Ржевускій сѣлъ и сталъ писать, но писалъ не мудро, сначала сильно исправляемый друзьями, болѣе всего Мицкевичемъ, потомъ одинъ.

Подошедшій 1830-й годъ измѣнилъ отношенія трехъ пріятелей. Ляхи стали хитрить, не выполнѣ высказываться, особенно Ржевускій; Мицкевичъ держался проще. Онъ открылъ Соболевскому, что его зовутъ соотчичи въ край воодушевлять ихъ своими пѣснями; что ему сильно не хочется, такъ-какъ онъ не раздѣляетъ ихъ взглядовъ на революцію, однако...ѣхать всетаки придется. Потомъ сталъ готовиться въ путь, но былъ такъ не ловокъ и не опытенъ въ этомъ дѣлѣ, до такой степени требовалъ няньки, что Соболевскій рѣшилъ помочь его бѣдѣ,—размѣнялъ ему деньги, выправилъ паспортъ, купилъ необходимыя въ дорогѣ вещи и посадилъ поэта въ мальпость, но Мицкевичъ, по прибытіи на мѣсто (куда именно—неизвестно) напелъ, что играть роль одушевителя воиновъ поздно: воины бѣжали въ нестройныхъ толпахъ въ Европу ¹⁾). Мицкевичъ застрялъ на нѣкоторое время въ имѣннїи стараго пріятеля Грабовскаго, недалеко отъ Познани, и тутъ задумалъ свою знаменитую поэмю „Панъ Тадеушъ“...

О переѣздѣ его потомъ въ Парижъ и тамошней жизни я говорю довольно подробно въ предисловіи къ переводу моему этой поэмы на русскій языкъ.

Ржевускій тоже куда-то уѣхалъ. Соболевскій остался въ Римѣ одинъ, сталъ скучать и перебрался во Францію, гдѣ сблизился очень скоро съ нѣкоторыми литературными знаменитостями, болѣе всего съ Мериме. Потомъ уѣхалъ въ Испанію,

¹⁾ Слышалъ отъ самого Соболевскаго.

познакомился какимъ-то образомъ съ эксцентричною княжною Монтихо (впослѣдствіи императрица Евгенія) и устраивалъ для нея русскія тройки.

Можно рассказать, пожалуй, что, уѣзжая изъ Россіи, Соболевскій заказалъ извѣстному московскому портретисту Тропинину портретъ Пушкина, какимъ онъ бываетъ за-просто, дома, въ халатѣ, съ кабалистическимъ перстнемъ на большомъ пальцѣ правой руки. Приглашенный и припомаженный портретъ Пушкина работы Кипренскаго не удовлетворялъ близкихъ знакомыхъ и друзей поэта; они его такимъ никогда не видали.

Заказъ послѣдовалъ между 1827—1828 гг. Пушкинъ, уже прощенный (въ іюль 1824 г.), жилъ большею частію въ своей псковской деревнѣ Михайловскомъ, но время отъ времени заглядывалъ то въ Москву, то въ Петербургъ. Въ Москвѣ онъ заходилъ къ Тропинину, на Лѣнскую (коротенькая улица между Моховою и Каменнымъ мостомъ) и давалъ ему сеансы. Когда портретъ былъ готовъ, художникъ приказалъ одному изъ своихъ помощниковъ, Смирнову, уложить его, какъ можно осторожноѣе и внимательнѣе, въ ящикъ и отправить къ Соболевскому въ Италію. Смирновъ снялъ копію, подлинникъ оставилъ у себя, а копію, своей работы, послалъ по данному адресу. Обманъ открылся позже, въ концѣ 1840-хъ годовъ, когда заказчикъ воротился въ Россію и узналъ отъ начальника московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, князя Оболенскаго, что „настоящій портретъ Пушкина въ халатѣ, работы Тропинина, у него купленъ въ мѣняльной лавкѣ Волкова, а Волкову достался отъ вдовы Смирновой“. Тропининъ, которому показали портретъ, подтвердилъ его подлинность. Оболенскій просилъ исправить испорченныя небрежнымъ обращеніемъ и полинявшія отъ времени мѣста, но Тропининъ отъ этого отказался, сказавъ, что всякую поправку того, что сдѣлано по оригиналу, считаетъ святотатствомъ, а почистить портретъ, пожалуй, почистить и покроетъ снова лакомъ. Соболевскій сильно зарился на этотъ портретъ и говорилъ, что Оболенскому, по правамъ европейской деликатности, слѣдовало-бы подарить портретъ законному его владѣльцу, виновнику того, что онъ явился на свѣтъ. Однако, портретъ остался у Оболенскаго и донинѣ у него пребываетъ ¹⁾.

¹⁾ Слышалъ отъ Соболевскаго и Тропинина.

Этотъ-то самый Соболевскій, въ своемъ родѣ маленькая знаменитость, человѣкъ бывалый, утомясь отъ 20-лѣтнихъ скитаній по чужой сторонѣ и можетъ быть соскучившись по Россіи, явился вдругъ на горизонтѣ Москвы, уже порядочно устарѣлымъ, обрюзгшимъ; сталъ по старому заглядывать по вечерамъ въ англійскій клубъ (гдѣ былъ, разумѣется, членомъ съ давнихъ поръ). Посѣтилъ нѣсколькихъ старыхъ знакомыхъ, отыскалъ и Ростопчину, съ которою встрѣчался за границую. Онъ рѣзко отдѣлялся отъ всего, что у ней собиралось изъ молодежи, манерою говорить обо всемъ небрежно, презрительно, съ какою-то вѣчною ядовитою усмѣшкою; также небрежно и презрительно разваливаться въ креслахъ (какъ никто изъ гостей Ростопчиной не разваливался); однажды онъ даже такъ развалился, что сломалъ ручку кресла, которая упала на полъ, и при этомъ сказалъ самодовольнымъ тономъ: „Какая еще сила! Не могу сѣсть на кресла, чтобы ихъ не сломать!“ Кружокъ Москвитянина былъ недоволенъ вторженіемъ, такъ сказать, въ „свои владѣнія“ этого стараго фанфарона и брюзги. Когда онъ бывалъ у графини, всѣ москвитянины умолкали, нето поглядывали на часы и на шапки.

Такимъ-же точно пугаломъ былъ для нашего кружка появлявшійся изрѣдка въ салонахъ Ростопчиной, верченый и ломанный великосвѣтскій шутъ, всегда франтовски одѣтый, изящнѣйшей всей Москвы—Константинъ Булгаковъ, другой сынъ московскаго почтдиректора, воображавшій о себѣ очень много, имѣвшій необходимыя *talents de société*, чтобы правиться барынямъ: онъ и пѣлъ, и игралъ на фортепiano, и рассказывалъ особымъ, милошутковскимъ тономъ разныя исторіи своей молодости, когда онъ былъ еще военнымъ. Исторій этихъ у него было много, цѣлые короба на каждый вечеръ. Для свѣтскихъ вертопраховъ онъ служилъ образцомъ по части умѣнья быть всегда въ своей тарелкѣ, остроумнымъ, веселымъ, даже изящнымъ, когда нужно—выпить очень солидно съ хорошею компаніею, сыграть въ банкъ... Отъ этого кружокъ бѣгалъ еще пуще. Не особенно жаловали простодушные москвичи нашего закала почти такого-же свѣтскаго вертопраха Бѣгичева, весьма красиваго молодаго человѣка, думавшаго много о своихъ костюмахъ, въ которыхъ являлся вечеромъ передъ дамами. Онъ кажется собственно за красоту и былъ допущенъ... а черезъ годъ онъ ввелъ къ Ростопчиной

своего пріятеля Вонлярлярскаго, въ качествѣ странника и писателя, только-что вернувшася тогда изъ заграницы, какъ и Соболевскій, послѣ долгихъ скитаній по Африкѣ, гдѣ онъ, между прочимъ, охотился съ извѣстнымъ Жюлемъ Жераромъ на львовъ.

Это была тоже ягода не нашего поля.

Появился потомъ у Ростопчиной орнитологъ Сѣверцовъ, говорившій только о птицахъ, нескладный, неладный. Онъ у всѣхъ находилъ сходство съ птицами. Когда Ростопчина спросила у него: „а я на какую птицу похожа?“

— На трясогузку, отвѣтилъ ту же минуту Сѣверцовъ.

Его находили чрезвычайно умнымъ и глубоко знающимъ свой предметъ, и вслѣдствіе именно этихъ обстоятельствъ терпѣли въ салонахъ, но собственно онъ былъ невозможный, impossible, скучный, однообразный. Одинъ птичій голосъ его, громче всѣхъ раздававшійся въ покояхъ, могъ раздражить какіе угодно нервы.

Въ числѣ лицъ, появлявшихся у графини около того же времени, былъ довольно извѣстный поэтъ тѣхъ временъ, Николай Ѳедоровичъ Щербина, прибывшій въ Москву съ юга Россіи, кажется изъ Одессы, откуда былъ родомъ, маленькій, неказистый, напоминавшій грека, которымъ и былъ по матери. Отсюда его раннія симпатіи къ Греціи, къ ея мѣологии—и первые стихи, гдѣ на всякомъ шагѣ встрѣчаешься или съ Эгейскимъ моремъ или съ Хиосомъ, съ Мореей, съ Зевесомъ, Аполлономъ...

Щербина имѣлъ несомнѣнный поэтический талантъ, который размѣнялъ на мелкую монету: все кусочки, небольшіе отрывочки, намеки, напоминанія... а серьезнаго ничего нѣтъ; какъ человекъ, по темпераменту до крайней степени раздраженный, болѣзненно-самолюбивый, хотѣвшій славы, поклоненія и невидѣвшій ни отъ кого въ Москвѣ (менѣе всего отъ нашего кружка) даже обыкновенныхъ симпатій и пріязни, болѣе всѣхъ терявшійся въ толпѣ, нелюбимый ни женщинами, ни мужчинами, формально ни съ кѣмъ не умѣвшій сойтись по пріятельски, искренно—онъ постоянно кипѣлъ и клокоталъ точно маленький вулканчикъ, ходилъ ходенемъ, какъ земля его предковъ, отъ множества скрытыхъ въ ея почвѣ огней—и сталь, не замѣчая самъ какъ это дѣлается, извергать поминутно противъ всѣхъ выдающихся сколько-нибудь личностей, тихихъ и спокойныхъ,

никогда и ничѣмъ его необижавшихъ (развѣ обижавшихъ полнымъ къ нему равнодушіемъ)—разныя ѣдкія сатиры, двустипіа, четверостишія, сочинялъ, такъ названныя имъ, акаѣисты. Все это отзывалось талантомъ, имѣло зачастую форму самую изящную, легко запоминалось, повторялось цѣлымъ городомъ, но тѣмъ не менѣе—было бранью, сатирой, памфлетомъ, выжимками недовольства, оскорбленнаго самолюбія—и еще больше отталкивало гостя отъ хозяевъ. Наиболѣе извѣстными изъ тогдашнихъ стихотворныхъ экспромтовъ и акаѣистовъ были грубое четверостишіе противъ Островскаго, гдѣ онъ названъ: „Гостинодворскимъ Коцебу“—(риѣма: въ погребу); стихи на Сушкова (дядю Ростопчиной)—собственно пародія на стихи Жуковскаго:

Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ невзвѣхъ рокъ шадитъ!
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Тирситъ!

Слышны жалобныя клики
Вѣлокаменной сыновъ:
Умеръ Гоголь нашъ великій,
Живъ и здравствуетъ Сушковъ!

Эпиграмма на Гербея, въ видѣ старинной загадки:

„Что рѣдко видитъ царь, пастухъ то зритъ всегда,
А Гербель не видалъ отъ вѣка никогда?“

Отвѣтъ: „себѣ подобнаго“.

Акаѣистъ въ честь Авдотьи Петровны Глинки; акаѣистъ въ честь Вас. Петровича Боткина—начало было такое:

„Радуйся, Испаніи описаніе!
Радуйся, въ Испаніи небываніе“!...

Послѣдній стихъ: „Плѣшивыйч аепродавче, радуйся“!—намекъ на происхождение Боткина изъ дому, который велъ съ давнихъ поръ торговлю чаями и былъ извѣстенъ всей Москвѣ.

Изъ прозаическихъ сатиръ Щербина наиболѣе извѣстны: „Поѣствованіе о путешествіи священныхъ влашъ (т. е. колошъ) новопреставленнаго угодника ***“ (разсказываетъ одна ста-

руха другой). Рядъ рассказовъ о знаменитомъ писателѣ Григоріи (Данилевскомъ): „Григорій въ Петропавловской крѣпости“, „Григорій въ Курскѣ, въ гостяхъ у губернатора“ и другіе. Наконецъ „Прошеніе семинариста“.

Одно время Щербина занимался составленіемъ литературныхъ каррикатуръ, съ портретами московскихъ литераторовъ, куда входили: Ростопчина, Погодинъ, Островскій. Наболѣе удачной изъ этихъ каррикатуръ надо считать: „Чтеніе пяти-актной драмы“. Чтобы оно кончилось благополучно и всё выслушали драму до конца—приняты надежныя мѣры: два бульдога, лежащіе у дверей. Эти каррикатуры печатались въ юмористическомъ листкѣ Неваховича, въ Петербургѣ.

Придуманъ былъ еще для потѣхи публики Сонникъ, составлявшійся долго. „Что значить увидѣть во снѣ такого-то или такую-то“?— Тутъ же слѣдовалъ и отвѣтъ....

Жилъ Щербина очень стѣсненно, трудно даже понять на какія средства и что именно онъ проживалъ. Службы никакой достать онъ себѣ не умѣлъ, литература давала очень-очень не много. „Москвитянинъ“ платилъ немудро, да и за что было платить? За греческія элегіи, которыя являлись не часто. Щербина постоянно жаловался: „вотъ пиши тутъ! живешь далеко, на чердакѣ, никакихъ удобствъ, не достаетъ самаго существеннаго!.... Еслибъ у меня былъ вѣрный кусокъ хлѣба, сегодня, завтра, послѣ-завтра, кругомъ статуи, картины: муза бы моя развернулась, стихи-бы полились сами собою!.... а теперь что!“

Какой-то пролетающій добрый геній подслушалъ ропотъ поэта, все быстро измѣнилось какимъ-то волшебствомъ: одинъ изъ московскихъ магнатовъ, князь Грузинскій, покровитель Никулина, мужа актрисы Косицкой, о которой мы упоминали кратко въ одномъ рассказѣ ¹⁾, живя по обстоятельствамъ службы въ селѣ Павловскѣ, рѣдко заглядывалъ въ свой московскій домъ. Тамъ жилъ его управляющій, занимая только часть комнаты, а часть изъ нихъ всегда была пуста. Князь велѣлъ отдать эти комнаты Щербинѣ. Обѣдалъ онъ и завтракалъ съ управляющимъ и это ничего ему не стоило. Были даже въ нѣкоторыхъ

¹⁾ „Русская Старина“ изд. 1884 г., т. XLII, июнь, второе изд., стр. 654—656.

комнатахъ и статуи и картины—и чтоже? Муза поэта вовсе умолкла!.. „Такъ себѣ невѣрны мы!“...

Въ концѣ 1850-хъ годовъ Щербина переѣхалъ въ Петербургъ, досталъ себѣ какое-то мѣсто, но ему, какъ говорили, повредилъ тамъ продолжаемый имъ Сонникъ... Въ 1869 г., въ апрѣлѣ, онъ умеръ отъ нарыва въ горлѣ.

Между послѣдними гостями Ростопчиной, когда habitués поотшатнулись, были артисты сцены, между прочими Щепкинъ, Самаринъ, который потомъ игралъ съ нею въ театрѣ Пановой, на Собачьей площадкѣ, піесу ея сочиненія „Домашнее укореніе“ (1853), онъ—графа, она—графиню. Мелькалъ иногда массивный старикъ, помнившій Богъ-знаетъ какія времена, Филиппъ Филипповичъ Вигель, почему-то нелюбимый москвичами. Наконецъ, его почти выгнали изъ Москвы. Н. Ф. Павловъ написалъ о немъ тогда такіа строки:

Ахъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель!

Тяжела судьба твоя:

По вѣмцки ты Schweinwigel,

А по русски ты—свинья!

* *
*

Счастливъ домъ, а съ нимъ и флигель,

Въ коиxъ свинства не любя,

Ахъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель,

Въ шею выгнали тебя!

* *
*

Въ Петербургѣ, въ Керчи, въ Ригѣ-ль

Нѣтъ нигдѣ тебѣ житья:

Ахъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель,

Тяжела судьба твоя!

Иные (ошибочно) говорили, что это стихи Соболевскаго.

Вигель любилъ смертельно читать свои записки—навязался съ ними къ Ростопчиной. Записки эти были, можетъ быть, любопытнѣе всего, что читалось когда-либо у Ростопчиной и ею, и ея гостями, но непріятная личность автора и отчасти старые приемы чтенія сообщали прекрасному матерьялу какую-то безцвѣтность, отсутствіе интереса. Никто не хотѣлъ скучать,—а скучали.... Великое дѣло—личность автора и его ревомме. Нелюбимые, непопулярные не должны читать публично. Изъ петербургскихъ ея гостей помню: Тургенева, Григоровича,

Самойлова, Маркова; изъ иноземныхъ Фанни Эльснеръ, Віардо, Рашель, Шульгофа, Маріо. Послѣдняго графиня считала образцомъ мужской красоты.

Въ числѣ тогдашнихъ литературныхъ кружковъ Москвы, можно, пожалуй, упомянуть еще о кружкѣ Павловыхъ, Николая Филиповича и Каролины Карловны, состоявшемъ по преимуществу изъ славянофиловъ, но гдѣ были и западники.

Николай Филиповичъ былъ человекъ замѣчательный, талантливый, выдавшій виды, но жившій какъ-то такъ, что у него постоянно все разстраивалось, а не устраивалось. По своимъ размахистымъ пріемамъ, по страсти къ картамъ, онъ могъ проиграть въ самое короткое время—Россію, нѣсколько домовъ, деревню, большой капиталъ.... Происхожденіе его покрыто туманомъ. Гдѣ онъ и какъ учился—неизвѣстно, но кое-чему выучился; между прочимъ—французскому языку, на которомъ говорилъ изрѣдка. Зналъ и понималъ Шекспира и главныхъ нѣмецкихъ поэтовъ, но, кажется, не въ подлинникѣ.

По-русски зналъ очень хорошо, довольно писалъ. Повѣсти его: Милліонъ, Ятаганъ, Аукціонъ, Имянины... (въ 1830-тыхъ и 1840-выхъ годахъ) въ свое время сильно читались и даже переведены на нѣмецкій языкъ, одна (Аукціонъ) на польскій; онъ даже могъ бы сдѣлаться прямо замѣчательнымъ русскимъ писателемъ и критикомъ, (лучшая критика его—разборъ пьесы гр. Сологуба: „Чиновникъ“), еслибы.... не зеленый столъ. За этимъ столомъ онъ провудилъ всѣ свои таланты, проигралъ свое и своего семейства счастье.... даже двухъ семействъ.

Въ 1830-хъ годахъ онъ былъ актеромъ, потомъ по любви женился на деньги типографщика Степанова. Свадьба была у Бориса и Глѣба, на Арбатѣ. Степановъ, давшій пріятелю половину скопившихся у него печально грошей (около 75 р.), съ удивленіемъ глядѣлъ изъ окошка на всю эту исторію, (самъ рассказывалъ автору, въ той-же самой квартирѣ на Арбатѣ), не могъ путемъ понять что такое и зачѣмъ творится. Финансовыя средства Павлова были ему хорошо извѣстны, средства невѣсты—тоже... Эта первая семейная жизнь принесла немного пріятныхъ минутъ Николаю Филиповичу. Жена его не любила... онъ описываетъ кое-что изъ эпохи этихъ дней въ одной своей повѣсти... По счастью, страдалца скоро умерла. Дѣтей не

осталось. Николай Филиповичъ началъ опять какъ-бы новую холостую жизнь. Вышелъ изъ театра, сблизился съ литераторами; какъ очень умный, тонкій и просвѣщенный человѣкъ, онъ не былъ нигдѣ лишнимъ. Его можно было видѣть во многихъ аристократическихъ салонахъ, еще довольно крѣпкимъ, свѣжимъ, румянымъ, но уже въ полу-сѣдомъ парикѣ... Что его въ особенности портило, такъ это—частое (не)произвольное подергиваніе всего лица. Знакомые къ этому скоро привыкли и какъ-бы не замѣчали въ немъ такого важнаго недостатка, но встрѣтившій его въ первый разъ невольно всматривался и не зналъ что подумать.

Какъ-то случилось, что Николай Филиповичъ, въ концѣ 1830-хъ годовъ, женился вторично на единственной дочери доктора Яниша, скопившаго себѣ докторской практикой и разными денежными изворотами весьма изрядный капиталецъ, такъ что онъ могъ приобрѣсть деревню въ 1000 душъ и каменный трехъ-этажный домъ, на Срѣтенскомъ бульварѣ въ Москвѣ. Каролину Карловну Янишъ, экзальтированную, чопорную, надутую нѣмку, писавшую стихами и прозой по русски, по нѣмецки и по французски почти одинаково, нѣмку уже въ извѣстномъ возрастѣ, съ неглупымъ, но не очень красивымъ смуглымъ и сухощавымъ лицомъ—соединила съ Павловымъ болѣе всего литература. Впрочемъ, кто разберетъ, какъ и почему бываютъ иногда подобныя соединенія. Такъ-ли, не такъ-ли, они стали—мужъ и жена и поселились въ томъ домѣ, на Срѣтенскомъ бульварѣ, про который было уже сказано. Павловъ впервые увидѣлъ у себя въ рукахъ большія денежные средства. Можно было зажить, какъ слѣдуетъ. Жизнь онъ понималъ не дурно. Воображеніе у него было игривое. У него много разъ въ жизни текли, что называется, слюнки, когда онъ видѣлъ близко, какъ иные живутъ. Теперь онъ могъ утереться, и самъ стать, въ нѣкоторомъ родѣ, магнатомъ, человѣкомъ независимымъ, могущимъ себѣ во многомъ не отказывать. Прежде всего, онъ завелъ себѣ чудеснаго повара, лично занимался кухней, осмотромъ, а иногда и покупкой провизіи, зналъ гдѣ эти раки въ Москвѣ зимуютъ. Его столъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ столовъ въ Москвѣ. Говядина, телятина, пулярды, икра... подавались у него постоянно такія, какія трудно было встрѣтить въ домахъ самыхъ

первыхъ обѣдалъ, даже... у Рахменова! Обѣды устраивались не просто, а гастрономически, по всѣмъ правиламъ искусства, и одинъ никогда не былъ похожъ на другой. Само собою разумѣется, что это привлекло въ ихъ домъ разныхъ рѣдкихъ тузовъ. Ѳедотовъ сказалъ не даромъ: „штука важная—обѣдь!“... Въ 1840-хъ годахъ Павловъ сдѣлался такъ извѣстенъ въ литературныхъ кружкахъ своимъ умнымъ распорядительнымъ обѣдомъ, что его всегда просили устраивать общественныя угощенія въ честь какого-нибудь прославленнаго артиста, героя, не то вслѣдствіе какого-либо особеннаго событія, и онъ никогда не ударилъ лицомъ въ грязь.

Что касается большаго имѣнія г-жи Янишъ,—Павловъ нашелъ его „разстроеннымъ“ и взялся устроить: ѣздилъ туда часто, распекалъ приказчиковъ, на первыхъ порахъ очень трудно было сказать что именно онъ дѣлаетъ: устраиваетъ или разстраиваетъ имѣніе, особенно женѣ Павлова, Каролинѣ Карловнѣ, не имѣвшей никакого понятія о русскихъ деревняхъ, о русскомъ хозяйствѣ. Денегъ получалось довольно. Жить можно было хорошо. Давать обѣды, литературные вечера, до которыхъ хозяйка была смертная охотница, во первыхъ, какъ литераторъ, во вторыхъ—на этихъ литературныхъ вечерахъ читались непременно ея произведенія. Читалъ обыкновенно кто-нибудь изъ друзей, на примѣръ, Константинъ или Иванъ Аксаковы. Авторъ, т. е. Каролина Карловна, сидѣла въ это время на особомъ высокомъ креслѣ съ подножіемъ въ видѣ лодочки, чтобы плавающіе вокругъ полуботы и бриги огибали мысомъ и не беспокоили гички царицы.

Произведенія госпожи Павловой имѣли нѣкоторое достоинство, но никогда не были такими, чтобъ ихъ долго помнить. Но сама госпожа Павлова постоянно думала, что она пишетъ какъ русскій поэтъ-мужчина. Во всякомъ случаѣ, русскій стихъ этой нѣмки былъ гораздо совершеннѣе стиха русской барыни Ростопчиной.

Павловъ, когда читали стихи его супруги, обыкновенно стоялъ подлѣ ея стула, опустивъ въ землю глаза—какъ-бы слушая и соображая. Онъ никогда, ни однимъ словомъ и ни однимъ движеніемъ не измѣнилъ въ этомъ отношеніи себѣ, но безъ всякаго сомнѣнія отлично понималъ настоящее значеніе стиховъ своей Каролины Карловны.

Такъ спокойно и пріятно текла ихъ жизнь. Конечно, было много такихъ, которые даже завидовали такой жизни... Вдругъ налетѣли тучи. А налетѣли онѣ, прежде всего, отъ непрактическаго распоряженія госпожи Павловой: она взяла къ себѣ въ домъ бѣдную родственницу, изъ остзейскихъ губерній, такую-же нѣмку, какъ сама, и если не столько, то значительно интеллигентную и хорошо воспитанную—г-жу Г***, курносенькую пріятную блондинку, которая любила заниматься литературой и живописью. Писать не писала, но знала міровыхъ европейскихъ поэтовъ; по русски говорила хорошо и свободно, читала и русскихъ поэтовъ. А въ живониси дошла до масляныхъ картинъ. Съ нею было пріятно болтать: Павлова имѣла, такимъ образомъ, изящную, естественную компаньонку, которая могла быть съ нею во всѣ часы, при гостяхъ и безъ гостей, какъ дѣвушка того-же круга, тѣхъ-же понятій и образованія, что и хозяева.

Все бы это ничего, но вдругъ старикашка-хозяинъ, въ сѣдомъ парикѣ, паралитически моргавшій и, кромѣ того, еще носившій какую-то шишку на шеѣ, которая не поддавалась никакимъ операціямъ и не могла быть достаточно-хорошо укрыта отъ наблюдателей никакимъ хитрымъ галстухомъ—этотъ старикашка влюбился на-смерть въ свою отдаленную родственницу! Мало этого: спустя нѣкоторое время произошло что-то такое, что заставило эту родственницу переѣхать на другую квартиру. У Николая Филипповича явилось два семейства: въ одномъ былъ сынъ, въ другомъ—два сына и дочь! Онъ долженъ былъ разрываться на двѣ части, изъ которыхъ законной доставалось несравненно менѣе вниманія, чѣмъ незаконной...

Разумѣется, строгая правами (хотя тоже что-то рассказывали.....)—пѣмка, Каролина Карловна, и ея отецъ, маститый старецъ, импозантная высокая фигура съ бѣлыми локонами по плечамъ, что-то между Гёте и Гриммомъ, возмутились страшно. И тутъ было замѣчено, что управленіе имѣніемъ, принятое Николаемъ Филипповичемъ въ свои руки, идетъ вовсе не такъ, какъ онъ докладывалъ иногда женѣ и тестю въ семейныхъ бесѣдахъ: не устраивается, а разстраивается, что оно даетъ довольно, но меньше, чѣмъ прежде давало; что давно не дѣлается никакихъ улучшеній, не ремонтируются строенія, ничего не заводится вновь. Всѣ лишнія деньги идутъ куда-то, ухаютъ въ какую-то

бездну. Открылась для глазъ наблюдателей и самая бездна: клубная и домашняя картежная игра, большею частію азартная. Шло немало денегъ и на другое семейство.

Кто-то сказалъ раздраженной до послѣдней степени супругѣ, что если она не остановитъ беспорядка какимъ-нибудь энергическимъ дѣйствіемъ, то въ самомъ непродолжительномъ времени и она, и сынъ ея увидятъ себя въ затруднительномъ положеніи. Можетъ статься, имъ просто-за-просто будетъ нечего ѣсть!

„Да какое-же энергическое дѣйствіе?“ спрашивала бѣдная женщина, у которой вся поэзія бѣжала изъ головы и изъ дому, Богъ вѣдаетъ куда, и осталась одна проза,—гадкая, жестокая, сварливая, самая прозаическая проза, не знавшая никакой мягкости, уступки и пощады: „какое-жъ энергическое дѣйствіе?... это такъ трудно!“.....

— „Поѣзжайте къ генераль-губернатору, объяснитесь съ нимъ откровенно и попросите помощи. Онъ одинъ въ состояніи вамъ помочь; что для другаго трудно—для него не трудно. Вы знаете: у него есть бланки“... Такъ обыкновенно говорили въ городѣ о новомъ (послѣ Щербатова) генераль-губернаторѣ графѣ Закревскомъ, что онъ якобы имѣетъ бланки съ подписью Государя и все, что внесется въ такой бланкъ—будетъ немедля исполнено, какъ высочайшее повелѣніе. На самомъ дѣлѣ никакихъ бланковъ не было, а были даны самыя страшныя полномочія: Закревскій (былъ) снабженъ, при назначеніи его московскимъ генераль-губернаторомъ, почти неограниченною властію; могъ дѣлать, что хотѣлъ. Вспомнимъ, какое было время: 1848-й годъ—французская революція и ея послѣдствія во всей Европѣ! — нужно было не зѣвать...

Во время метенія города новой метлой принимались мѣры противъ всего, лечились болѣзни неизлечимыя, всякой правительственной, бюрократической суеты была тьма тьмущая, всѣ глядѣли во всѣ глаза, не очень понимая что такое творится. Мирная Москва не привыкла къ наѣздамъ хотя бы и съ самою лучшею цѣлію; ей лучше грязь и сонъ, чѣмъ хлопоты о порядкахъ, до которыхъ...не дойдешь.

Николай Филипповичъ Павловъ, занимавшійся (какъ мы видѣли) временами произведеніемъ на свѣтъ экспромтовъ и сти-

хотворений въ юмористическомъ духѣ, написалъ довольно неосторожные стихи на всякія ломки Закревскаго („Ты не молодежь, не глупъ“). Долго не знали имени автора.

Неизвѣстно почему распространился по Москвѣ слухъ, что это писала Ростопчина. Закревскій къ ней измѣнился. Какъ находившуюся и безъ того подъ опалой, недавно выведенную оберъ-полицеймейстеромъ Лужинымъ изъ дворца, во время официальнаго бала, — ее сильно беспокоилъ этотъ говоръ, эта напраслина, холодность Закревскаго и его семьи. Она рѣшила во что бы то ни стало раскопать секретъ и объясниться съ этимъ лицомъ глазъ-на-глазъ. Большой трудности тутъ не было: поэты были наперечетъ и Павловъ не особенно скрывался. Ему льстило, что стихи его скоро разошлись, переписываются всѣми въ запуски, читаются во всѣхъ домахъ, Закревскій и Берингъ (оберъ-полицеймейстеръ, зацѣпленный въ стихахъ болѣе другихъ) сердятся, ищутъ автора—и не находятъ! Генераль-губернаторъ скоро овладѣлъ тайною, черезъ Ростопчину или иначе—въ точности неизвѣстно. Извѣстно только, что Ростопчина ѣздила къ графу и между ними произошелъ какой-то искренній дружескій разговоръ.....—Еслибы Закревскій былъ побольше литераторъ, такъ и безъ объясненій Ростопчиной зналъ-бы, что это совсѣмъ не она. Стихи были вполне грамотны и лишены всякихъ галлицизмовъ и небрежныхъ риѣмъ, такъ свойственныхъ графинѣ.

Разумѣется, съ этой поры Закревскій сталъ имѣть противъ Павлова зубъ; онъ только и думалъ какъ-бы уязвить автора сатиры, уязвить прилично, законно, но... чувствительно.

И вдругъ судьба отдала жертву въ его руки!

Выслушавъ жалобы жены и матери, опасавшейся раззоренія не столько за себя, сколько за малолѣтняго сына (котораго воспитывала какъ сына магната, какъ сына двухъ литераторовъ, набивала всякими языками... и вдругъ это оборвется и онъ останется нищимъ!)—выслушаны жалобы и опасенія, а также и намеки на то, куда могли идти большіе доходы съ серьезнаго имѣнія, Закревскій спросилъ: „а вы не полагаете, чтобы игра велась всегда... честно, всегда была коммерческая?“

— Ничего не знаю, ничего не знаю, ваше сіятельство, былъ

отвѣтъ: мой мужъ игралъ постоянно на своей половинѣ и не любилъ, чтобы въ это время кто-нибудь къ нему входилъ. Какое дѣло мнѣ было мѣшаться въ его развлечения, которыя я считала невинными и непердосудительными, не наносящими нашему дому никакого ущерба!

„Въ такомъ случаѣ необходимо познакомиться съ дѣломъ ближе, назначить внезапную ревизію, обыскъ“, сказалъ За-
крескій.

— Ужъ какъ вамъ будетъ угодно! отвѣчала Павлова, не имѣвшая точныхъ понятій о томъ, что такое внезапный обыскъ. Еще менѣе она могла знать отдаленныя мысли генераль-губернатора.

По отъѣздѣ ея былъ приглашенъ въ кабинетъ графа чиновникъ его для особыхъ порученій, Иванъ Михайловичъ Бакунинъ, и ему приказано нагрнуть въ домъ Павлова съ надлежащимъ количествомъ полицейскихъ, завтра-же въ восьмомъ часу утра.

Бакунинъ былъ человѣкъ въ высшей степени порядочный. Онъ былъ убѣжденъ, что Павловъ шулеромъ не былъ и не будетъ; что обыскъ кончится ничѣмъ. Тѣмъ не менѣе его надо было произвести по всѣмъ формамъ. Павлова нашли, разумѣется, еще въ постели, спавшаго сномъ праведнаго и не предчувствовавшаго никакой грозы. Онъ вскочилъ, перетрусился и предложилъ незваннымъ гостямъ осмотрѣть его кабинетъ, а если нужно и цѣлый домъ, во всѣхъ подробностяхъ. Никакихъ крапленыхъ картъ, ничего подобнаго найдено не было. Но окружавшіе Бакунина чиновники, производившіе обыскъ, (по тайному приказанію или по собственному вдохновенію,—кто ихъ знаетъ) обратили вниманіе на бібліотеку ревизуемаго: тутъ, что ни полка: Герценъ, князь Долгорукій, сборникъ „Полярная Звѣзда“, и разные иностранныя зажигатели, противъ которыхъ въ то время было самое пущее гоненіе. Особенно былъ преслѣдуемъ Герценъ. Извѣстно, что на границахъ обшаривали не только карманы, но лазили даже и въ сапоги. Извѣстно, что въ послѣдствіи Писемскій, осмотрѣнный такимъ образомъ въ Александровѣ, даже расплакался. Вообще, строго на строго запрещалось держать на дому какія-либо недозволенные цензурой сочиненія и въ законахъ находили параграфъ, по которому можно было сослать въ Сибирь лицо, у кого будетъ найдена запрещенная книга.

Вотъ эту-то статью и вытащили и примѣнили къ дѣлу противъ несчастнаго Николая Филипповича, когда другихъ никакихъ не было! (слышалъ отъ него самого).

Въ одно прекрасное утро подъѣхала къ его дому почтовая телѣжка съ жандармомъ, въ телѣжку посадили раба Божій Николая и отвезли въ Пермь!... Жена его уѣхала въ Константинополь. Танненбергъ—за границу. Соболевскій сочинилъ стихи, несовсѣмъ оригинальные, а связанные съ его-же стихами, произнесенными довольно давно, когда г-жа Янишъ была еще дѣвицей и, какъ злые языки говорятъ, будто-бы увѣряла знакомыхъ, что извѣстный Александръ фонъ-Гумбольдтъ, отправляясь для разныхъ научныхъ изслѣдованій въ Сибирь, заѣзжалъ въ Москву единственно затѣмъ, чтобы увидѣться съ нею, съ Каролиной Карловной, которую зналъ по ея нѣмецкимъ стихамъ. Соболевскій сказалъ тогда:

„Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факирь, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ. (*Пушкинъ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“*).

„Но тотъ блаженнѣй, Каролина,
Кто миръ и нѣгу возлюбя,
Нарочно ѣдетъ изъ Берлина,
Чтобъ только посмотрѣть тебя!“

На этотъ разъ, при ссылкѣ Ник. Филип. Павлова, сказалось:

„Ахъ, куда ни взглянешь,
Все —любви могила!
Каролина Янишъ—
И та намѣнила!“

Плачетъ эта дама,
Молится о мужѣ:
Будь ему, о яма,
Уже, туже, хуже!

Въ ней его держите
Лѣтъ хоть до десятку,
А потомъ сошлите
Вы его въ Камчатку!“

Въ Перми было Павлову не дурно: тамъ правилъ тогда губерніей генераль Огаревъ, человѣкъ очень добрый и благо-

воспитанный. Онъ любилъ знакомиться съ политическими ссыльными, лично, близко; приглашалъ ихъ къ себѣ обѣдать, за просто бесѣдовалъ съ ними. Павловъ бывалъ у него почти всякій день, все находилъ прекраснымъ, только въ обѣдахъ усматривалъ нѣкоторое незнаніе самыхъ простыхъ вещей; въ особенности картофель подавался уже черезъ-чуръ простецкій... (отъ самого Павлова).хлопоты разныхъ друзей въ Петербургѣ (которыхъ у Павлова было вездѣ множество) значительно сократили ссылку. Ровно черезъ годъ (кажется, зимою въ 1851 г.) Николай Филипповичъ воротился въ Москву и попалъ какъ-разъ на именины къ Шевыреву въ ту минуту, когда всѣ собравшіеся подошли къ закускѣ, которая была устроена противъ входныхъ дверей. Обертываются, а Павловъ (о которомъ незадолго передъ тѣмъ говорили и воображали его далеко)—стоитъ на порогѣ!

Первые два года Николай Филипповичъ былъ крайне раздраженъ, даже прямо несносенъ: ругалъ всѣхъ и все; отъ него бѣгали. Потомъ поуспокоился—и сталъ думать объ основаніи газеты, на томъ основаніи, что надо было чѣмъ-нибудь жить, притомъ не одному, а съ семьей. Имѣніе жены его поступило въ полное ея распоряженіе, но ее обязали выдавать Николаю Филипповичу какую-то небольшую часть годовыхъ доходовъ. Этого весьма недоставало на всѣ нужды избалованнаго барина. Игру онъ бросилъ, но все-таки ѣздилъ въ клубъ и сидѣлъ по цѣлымъ часамъ подлѣ иныхъ, интересовавшихъ его, партнеровъ, дрожалъ замиралъ, какъ пьяница, смотрящій на бутылку съ хорошимъ виномъ, до которой нельзя дотронуться.

Неопредѣленные сборища у Кошелева, у Чаадаева (того самаго, который прославился статьями въ „Телескопъ“ и стихами къ нему Пушкина), у Рабуса, у Н. Х. Кетчера (переводчика Шекспира прозой и друга богатаго кушца Солдатенкова), у этого Солдатенкова, у Грановскаго, у генеральши Карлгофъ — нельзя назвать сборищами какихъ-нибудь кружковъ или партій. Это были сборища всякаго разнокалибернаго народа, чтобы только гдѣ-нибудь посидѣть, поболтать. У Солдатенкова сходились для того, чтобы хорошо поѣсть; у Кетчера—хорошо и серьезно выпить.

Сборища у Погодина, весьма несчастныя, всегда по какому нибудь исключительному обстоятельству, ради чтенія новаго,

выдающагося сочиненія, о которомъ вездѣ кричали (какъ напр. о „Банкрутѣ“ Островскаго), именинъ Гоголя, чествованія проѣзжаго артиста, выѣзда изъ Москвы далеко и на-долго какого-либо извѣстнаго лица, — эти сборища имѣли свой особый характеръ, согласно тому, какъ и для чего устраивались. Иногда это было просто-за-просто публичное собраніе всякой интеллигенціи, по подпискѣ, обѣдъ-спектакль, гдѣ сходились лица не только разныхъ партій и взглядовъ, но прямо недруги Погодина, кто его терпѣть не могъ, а ѣхалъ—самъ не зная какъ— и чувствовалъ себя какъ дома, и послѣ былъ очень доволенъ, что превозмогъ себя и побѣдилъ предрасудки. Надо знать, что Погодина вообще въ городѣ не любили. Какъ это устроилось, что онъ имѣлъ такъ много непріятелей и недоброжелателей, этотъ почтенный человѣкъ и патріотъ — Богъ вѣсть, только устроилось. Главнымъ основаніемъ тутъ лежала его чрезвычайная расчетливость, скупость, которая имѣла свое законное происхожденіе: Погодинъ родился крестьяниномъ графа Ростопчина, видѣлъ кругомъ себя довольно долгое время нужду и бѣдность, съ необычайнымъ трудомъ выбрался на ту дорогу, которой искала его душа,—дорогу бѣльшаго и высшаго образованія, нежели среда, въ какой сначала онъ вращался. Случилось, что выучась по-латыни, онъ давалъ даже уроки маленькому сыну своего барина, графу Андрею Ѳедоровичу Ростопчину, впоследствии весьма знаменитому мужу знаменитой или, по крайней мѣрѣ, очень извѣстной въ Россіи жены.

Окончивъ, при содѣйствіи добрыхъ людей (разумѣется, уже свободнымъ человѣкомъ) курсъ въ московскомъ университетѣ, Погодинъ, уроками и изданіями полезныхъ книгъ, а главное чрезвычайною расчетливостью въ жизни скопилъ кое-какія деньжонки, которыя дошли, наконецъ, до такихъ размѣровъ, что онъ могъ пріобрѣсть продававшійся по случаю на Дѣвичьемъ полѣ большой барскій домъ, съ садомъ и нѣсколькими флигелями, изъ которыхъ иные были похожи на дома. Праздные люди сочинили изъ этой покупки цѣлую исторію, которая была потомъ рассказана талантливымъ писателемъ Герценомъ въ одномъ ѣдкомъ памфлетѣ, подъ названіемъ: „Какъ Вѣдринъ купилъ въ Москвѣ домъ“. (Вѣдринъ, отъ вѣдро — хорошая погода, было черезъ-чуръ прозрачнымъ анонимомъ). Да если-бы и не было

этого прозрачнаго анонима—всѣ бы узнали въ чемъ дѣло, кто и какъ.

Заживши въ этомъ домѣ съ женой, урожденной Вагнеръ (на имя которой домъ и былъ купленъ), и вскорѣ обложившись семействомъ, Погодинъ, уже профессоръ русской исторіи въ московскомъ университетѣ, сталъ собирать старопечатныя книги и рѣдкія рукописи, потомъ монеты, картины, портреты, оружіе, что ни попало, лишь бы это касалось русской исторіи, и довольно скоро составилъ очень рѣдкую коллекцію замѣчательныхъ предметовъ. Въ особенности выдавался рукописный и старопечатный отдѣлы, гдѣ были прямо (весьма рѣдкіе) фоліанты. Имя дина какъ собирателя-знатока всякой старины сдѣлалось извѣст-Погонымъ въ Москвѣ всѣмъ и каждому. Кто-бы ни добирался какимъ ни на есть путемъ до рѣдкой рукописи, монеты, картины,—несъ ее прежде всего къ Погодину, а потомъ уже къ купцу Царскому, хотя Царскій былъ собиратель и знатокъ съ большими средствами, но не такъ компетентный, нѣсколько безтолковый, дававшій иногда за вещь, которой цѣны не было—какіе нибудь пустяки; а Погодинъ сразу говорилъ чего принесенный предметъ стоитъ, и дѣло большею частью кончалось безъ особенно длинныхъ разговоровъ, иной разъ даже черезъ лакея, а не лично.

Думая о своей семьѣ, состоявшей изъ жены, двухъ сыновей и двухъ дочерей, объ ихъ воспитаніи, объ ихъ будущемъ, а главное—о приданомъ дочерей, Погодинъ рѣшился разстаться со своими сокровищами, стоившими ему столькихъ хлопотъ, лишений, жертвъ,—пристроить ихъ въ хорошему мѣсту, получить серьезныя деньги и раздѣлить ихъ между дѣтьми.

Знакомыхъ у него въ разныхъ кругахъ Петербурга и Москвы была тьма-тьмушая—всякихъ ранговъ и положеній. Практической и сообразительный „мужичокъ“ Дѣвичьяго поля направился по этому дѣлу прямо къ такому лицу, которое могло представить собраніе отечественныхъ рѣдкостей надежнѣйшему приобрѣтателю: Государю Николаю Павловичу. Лицо это было—извѣстный баронъ (позже графъ) Модестъ Андреевичъ Корфъ, тогда директоръ императорской публичной бібліотеки, статсъ-секретарь, авторъ книги: „Первые дни царствованія императора Николая Павловича“, которому Государь, при встрѣчахъ,

обыкновенно протягивалъ руку. Корфъ уладилъ дѣло скоро: „древлехранилище“ Погодина приобрѣтено казною за полтораста тысячъ рублей и поступило извѣстною частію (рукописей и старопечатныхъ книгъ) въ вѣдѣніе императорской публичной библіотеки; наряжена комиссія изъ знатоковъ составить подробный каталогъ наирѣдчайшимъ книгамъ и рукописямъ, но, какъ это у насъ бываетъ постоянно, знатоки работали усердно годъ или два, а потомъ...устали, охладѣли; контроля надъ ними никакого не было—и каталога Погодинскимъ рѣдкостямъ до сихъ поръ нѣтъ... ¹⁾).

Между тѣмъ явились завистники и просто праздные болтуны, которые трубили вездѣ, что Погодину заплачена черезъ чуръ большая сумма; что все это старое, ничего не стоящее тряпье. Кто повѣритъ, что къ этой фалангѣ пустыхъ болтуновъ и невѣждъ, съ маленькими средствами, присоединился также одинъ очень богатый человѣкъ (по крайней мѣрѣ тогда, въ самомъ началѣ 1850-хъ годовъ), графъ Андрей Ѳедоровичъ Ростовчинъ: и ему было завидно, что полтораста тысячъ вѣрныхъ казенныхъ денегъ употреблены такъ глупо, достались... бывшему его мужику, который не съумѣетъ съ ними надлежащимъ образомъ обойтись, а не ему, барину, знавшему лучше всякаго другаго, какъ и гдѣ ихъ пристроить! Авторъ этихъ строкъ не разъ слышалъ такіа грозныя сѣтованія отъ графа.

И вотъ, изъ всѣхъ этихъ сплетень, статей Герцена, отчасти разсказовъ Щербини „о безсребреникѣ Дѣвичьяго поля, рабѣ Божиѣмъ Михаилѣ“; изъ зависти и болтовни людей, которымъ просто нечего было дѣлать, составилось, мало-по-малу, то невыгодное понятіе о Михаилѣ Петровичѣ, которое подавило разсказы другаго свойства. Была одно время мода ругать Погодина. Говорили, что фамилія его происходитъ не отъ погода, а погадити; что онъ не Погодинъ, а Погадинъ. Затащить къ нему какое-нибудь свѣжее лицо было не легко и большею частію случалось, что это лицо, переступавшее очень неохотно и съ какою-то боязнію

¹⁾ Здѣсь покойный Ник. Вас. Бергъ пишетъ по наслышкѣ и совершенно ошибается: рукописное отдѣленіе Императорской Публичной Библіотеки, а въ немъ-и древлехранилище Погодина, много уже лѣтъ какъ превосходно описано и малѣйшій листокъ въ немъ отыскивается весьма скоро и удобно.

и отвращеніемъ почтенный порогъ Михаила Петровича, послѣ третьяго, четвертаго визита становилось его поклонникомъ, партизаномъ, другомъ и дивовалось, какъ это такъ выходило, что Погодинъ представлялся ему бирюкомъ, кащеемъ безсмертнымъ, думавшимъ только о деньгахъ и о деньгахъ, разсчитывавшимъ каждую копѣйку.... А. Н. Островскій, получивъ приглашеніе отъ Погодина прочесть у него „Банкрута“, съ трудомъ на это согласился, а подъ конецъ жизни Погодина (съ половины 1850-хъ до половины 1870-хъ годовъ, т. е. въ теченіи 20-ти лѣтъ) — былъ къ нему однимъ изъ ближайшихъ людей, очень любилъ его и уважалъ.

Популярность Погодина (не смотря на пустые толки, которые о немъ ходили и которымъ масса вѣрила) была въ эпоху, нами изображенную—чрезвычайна. Это было имя извѣстное не только у насъ, но и за границей, особенно въ земляхъ славянъ: въ Прагѣ, Бѣлградѣ, Софіи. Онъ вездѣ былъ свой. И эта популярность дѣлала, главнѣйшимъ образомъ, то, что Погодину удавалось многое, о чемъ другому нельзя было и подумать. Онъ могъ собрать къ себѣ, по тому или другому поводу, рѣшительно всю Москву, если-бъ въ этомъ была надобность. Мы уже не разъ говорили, что къ нему ѣхалъ всякій, даже его недругъ. Лѣтомъ помогали дѣлу прекрасныя условія, внѣшняя обстановка пиршества: огромный садъ, какого у другихъ и богатыхъ людей не было. Обѣдали въ старой липовой аллеѣ, безъ сомнѣнія помнившей французовъ. Потомъ въ ней же и гуляли, не то по боковымъ, то-же тѣнистымъ, аллеямъ и вокругъ обширнаго пруда.

Справедливость историка требуетъ, однако, замѣтить, что Погодинъ былъ дѣйствительно скупенекъ и расцетливъ. Знакомство съ нуждой въ первые годы существованія сообщило его житейскимъ приемамъ такія черты, которыя не могли никому нравиться, даже его партизанамъ. Онъ былъ иногда мелочень въ скупости, думалъ о всякой полушкѣ, выходящей у него изъ рукъ. Если нужно было написать нѣсколько строкъ къ пріятелю, онъ, постоянно обложенный бумагами, бумажками, которыя валялись на всѣхъ столахъ и стульяхъ его кабинета, никакъ не шель и не бралъ первую, которая на него взглядывала, а искалъ чего-то невозможнаго на полу, подъ стульями, въ корзинкахъ со всякимъ соромъ, гдѣ лежали груды старыхъ конвер-

товъ, брошенныхъ записокъ, повидимому никуда негодныхъ и ни къ чему не нужныхъ,—но они были нужны хозяину: отъ нихъ отрывался клочекъ, уголочекъ, на немъ писались два-три слова къ пріятелю; на отыскиваніе такого влочка тратилось пропасть времени, о которомъ англичане говорятъ: *time is money*. Погодинъ никогда не зналъ этой премудрой пословицы практическаго народа.

И этотъ-то самый, мелочно-скупой и расчетливый человѣкъ вдругъ расшибался, становился щедръ, давалъ деньги небогатымъ людямъ на изданія хорошихъ сочиненій, или издавалъ ихъ самъ; не то помогалъ бѣднякамъ, и всегда негласно; даже рискнулъ однажды положить серьезный капиталъ на невѣрное предпріятіе (80.000 р.): на копаніе золота въ Сибири, и всѣ эти денежки, какъ говорится, „закопалъ“...

Въ цѣломъ, Погодинъ представлялъ любопытный и рѣдкій типъ ученаго, который развился не спекуляціями, а самымъ благороднымъ трудомъ, воздержаніемъ и лишеніями, къ которымъ пріучилъ себя съ раннихъ лѣтъ; представлялъ лицо, какового въ Москвѣ до тѣхъ поръ не было и скоро не будетъ. Его оцѣнили когда его не стало. Всѣ поняли, что Погодинымъ, въ томъ смыслѣ и значеніи, какое онъ имѣлъ для Москвы и отчасти для славянскихъ земель,—быть не такъ легко, какъ это казалось со стороны; что для этого недостаточно имѣть большой домъ и большой садъ. Этотъ домъ и этотъ садъ существуютъ и донынѣ (1884 г.) въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ полѣ; есть и еще сады, гдѣ-бы можно собираться разнымъ кружкамъ и толковать, но... никто и нигдѣ не собирается, ибо нѣтъ собирателя, къ кому-бы всѣ поѣхали. Смотрящіе теперь на историческую аллею, которая видала столько даровитыхъ русскихъ людей Москвы и Петербурга, столько славянскихъ и другихъ гостей изъ Европы и слышала ихъ рѣчи, смотрящіе на эту аллею только молятъ боговъ, чтобы она, по крайней мѣрѣ, ушла отъ топора и доставила возможность, хотя очень отдаленнымъ потомкамъ теперешнихъ ея владѣтелей, собрать подъ ея благоуханною сѣнію хотя не такую вучу столичной интеллигенціи, какую собиралъ тамъ первый владѣлецъ, а какую случится....

Такія же моленія слышатся и о собраніяхъ рѣдкихъ пред-

метовъ, явившихся у Погодина послѣ продажи „древлехранилища“. Сюртукъ Пушкина, въ которомъ онъ дрался съ Дантесомъ, покрытый драгоценною намъ кровью поэта; сюртукъ, которымъ такъ дорожилъ старикъ Погодинъ и который достался ему не легко—исчезъ куда-то, въ первый же день послѣ смерти Михаила Петровича. Говорятъ, его кто-то пропилъ.

Для меня Погодинъ представлялъ нѣчто совершенно исключительное: и друга, и наставника, и второго отца. Безъ него я не рѣшалъ никакихъ важныхъ вопросовъ. При открытіи военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, весной 1853 года, мнѣ нужно было, по разнымъ обстоятельствамъ, непременно уѣхать куда-нибудь на-долго изъ Москвы, радикально измѣнить жизнь. Ничего не могло быть радикальнѣе, какъ бросить прозаическую, монотонную, необщавшую ничего въ будущемъ, службу въ банкѣ и вступить въ ряды воиновъ, шедшихъ впередъ и впередъ и дошедшихъ до Силистріи, гдѣ лежитъ столько русскихъ костей, гдѣ лежали кости и дѣда моего по отцѣ, штыкъ-юнкера Владиміра Берга, о которомъ я упоминалъ выше.

Я пріѣхалъ къ Погодину, рассказалъ ему подробно все и получилъ отеческое благословеніе. Мы вмѣстѣ поплакали (у русскихъ людей безъ этого нельзя), вмѣстѣ помолились. Онъ сказалъ: „надо ковать желѣзо, пока горячо! Бѣгите вотъ съ этой запискою къ Вельтману: у него пропасть знакомыхъ въ дѣйствующей арміи: все вѣдь это съ нимъ когда-то служило въ 1828—1829 гг.! Я со своей стороны попрошу еще когонибудь“.

Дѣло уладилось чрезвычайно быстро. Въ особенности хлопоталъ Вельтманъ, точно для какого роднаго. Онъ упросилъ одного генерала, близко знакомаго съ начальникомъ штаба южной арміи, генераль-маіоромъ Коцебу, написать ему письмо о назначеніи меня въ главный штабъ чѣмъ случится, а потомъ имѣть въ виду. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ пришло назначеніе меня журналистомъ въ 4-е отдѣленіе главнаго дежурства, потому въ 4-е (иначе—казначейское), что предполагали во мнѣ особенныя математическія способности, такъ какъ я былъ въ Москвѣ бухгалтеромъ коммерческаго банка! А я только считалъ довольно скоро и бойко деньги разныхъ сортовъ. Для улаженія кое-какихъ бумагъ и подъема до мѣста назначенія, я долженъ былъ съѣздить лично въ Петербургъ, иначе дѣло затянулось-бы бесконечно.

Въ Петербургѣ я сошелся ближе съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ, тогдашнимъ ректоромъ университета. Онъ пригласилъ меня прожить у него нѣсколько дней на исторической его дачѣ, въ Лѣсномъ, которая видала въ своихъ стѣнахъ многихъ русскихъ литераторовъ. Съ Плетневымъ и Изм. Ив. Срезневскимъ (жившемъ тамъ-же, въ Лѣсномъ, шагахъ во ста отъ Плетневской дачи) мы ходили пѣшкомъ въ Парголово, къ Аполлону Николаевичу Майкову, только-что женившемуся. Онъ провожалъ насъ потомъ домой и дорогой прочелъ, наизусть, новое свое очень милое стихотвореніе.

По возвращеніи моемъ въ Москву, со всѣми необходимыми для отъѣзда въ армію документами, я долженъ былъ поневолѣ задержаться, болѣе чѣмъ на мѣсяць, вслѣдствіе печатанія моихъ пѣсень разныхъ народовъ, которое близилось къ концу. Не поставивъ на книгѣ, стоявшей мнѣ большихъ хлопотъ и многолѣтняго труда, — собственноручно: *Finis*, я не могъ выѣхать, тѣмъ болѣе, что не зналъ опредѣленно, ворочусь-ли. Поручить завершеніе изданія кому-либо другому—было немыслимо. Оно требовало исключительно авторскихъ корректуръ, любви и добросовѣстности. Бывали такіе листы, которые требовали семи-восьми корректуръ, да и послѣ этого я все-таки заглядывалъ въ типографію и находилъ иное не поправленнымъ. Не лишнимъ считаю рассказать при этомъ, что тогдашняя университетская типографія изобиловавшая передъ всѣми прочими московскими типографіями самыми разнообразными шрифтами и единственно для меня возможная (я печаталъ на двадцати восьми языкахъ *texte en regard*) существовала на основаніи особыхъ, исключительныхъ, можно сказать невѣроятныхъ, условіяхъ: она имѣла крѣпостныхъ наборщиковъ, жившихъ подъ Москвой, въ Бутырской слободѣ. Причиною такого страннаго явленія надо считать безпорядочное поведеніе наборщиковъ во всѣхъ частныхъ типографіяхъ; никто изъ ремесленниковъ не велъ себя такъ безпутно, какъ наборщики: они пьянствовали, крали шрифты, уходили изъ типографіи неизвѣстно куда. Начальники частныхъ типографій бились съ этимъ народомъ, что называется, какъ рыба объ ледь. Казенная университетская типографія должна была какъ-нибудь выйти изъ этихъ обще-бѣдственныхъ условій типографскаго существованія; ея изданія должны были выходить исправно, не зная

никакихъ задержекъ, не быть иной разъ въ безвыходномъ положеніи частныхъ типографій. Высшія власти, отъ кого зависѣли существенныя перемѣны быта этой типографіи, придумали: закрѣпить за ней Бутырскую слободу, на основаніи обыкновенныхъ крѣпостныхъ русскихъ владѣній, на вѣчныя времена. Типографія явилась, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ помѣщика, а крестьяне Бутырской слободы — ея крѣпостными людьми, съ которыми можно было дѣлать что угодно: наказывать тѣлесно, пожалуй — запарывать на смерть, отдавать въ солдаты, ссылатъ въ Сибирь, бить ежеминутно по зубамъ, словомъ: все то, что дѣлали тогда помѣщики (или ихъ управляющіе) съ крестьянами. Бутырская слобода (гдѣ сынъ наборщика былъ тоже наборщикомъ и не видѣлъ передъ собой никакой другой дороги, даже не смѣлъ о ней и думать) привыкла къ такому положенію дѣлать, считала его естественнымъ, какъ-бы „природнымъ“ — иначе нельзя! И разговаривать нечего! Конечно, не типографія, отвлеченное понятіе, а ея директоръ, его помощникъ, экспедиторъ, наблюдавшій за покупкою и цѣлостію типографскаго имущества, даже редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (которыя неизбѣжно тамъ печатались) — представлялись крѣпостному наборщику его господами, помѣщиками. Каждый изъ этихъ лицъ могъ, по ихъ понятію, треснуть когда ему захочется любаго наборщика въ зубы. И это кое-когда, чаще всего со стороны экспедитора, приводилось въ дѣйствіе. Съ чѣмъ другимъ, а съ зуботычками наборщика университетской типографіи были очень близко знакомы. Колотилъ временами даже и таковой „начальникъ“, который вовсе не былъ „начальникомъ“ и не имѣлъ никакого права командовать бутырцами.

Однажды я, послѣ седьмой корректуры, счелъ необходимымъ заглянуть въ типографію ночью (когда шло печатаніе). Кое-гдѣ станки уже стучали, при слабомъ озареніи маленькихъ лампочекъ. Станокъ, гдѣ печаталась моя книга, стоялъ безъ движенія, въ потьмахъ, но движеніе могло начаться всякую минуту. Я кликнулъ старшаго наборщика, Смирнова, съ фонаремъ, велѣлъ ему разыскать наборщика, который исправлялъ послѣднюю мою корректуру: это оказался его сынъ. Мы пошли къ станку втроемъ. Съ нами увязалось еще двѣ-три фигуры въ грязныхъ блузахъ, — тоже наборщики-бутырцы.

„Поправлена ошибка?“ спросилъ я. (Только одна и была въ этой седьмой корректурѣ).

— Какъ-же, поправлена!—отвѣчалъ мнѣ какой-то голосъ.

„Отбей экземпляръ!“

Машина стукнула, листъ вылетѣлъ. Я взялъ его и увидѣлъ что ошибка вовсе не поправлена.

„Вотъ какъ у васъ исправляютъ корректуры!“ сказалъ я Смирнову-отцу: „одну ошибку поправить лѣны!“

Смирновъ отецъ засуетился, взглянулъ свирѣпо на сына, потомъ взглянулъ на меня и сказалъ самымъ серьезнымъ тономъ:

— „Катайте его въ зубы!“

И еслибъ я исполнилъ это, никто-бы не удивился и Смирновъ-сынъ не возразилъ-бы ни однимъ жестомъ, ни однимъ словомъ...

Н. В. Бергъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

* *
*

Христось родился—съ неба Онъ
 Принесъ намъ жизньъ, принесъ законъ
 Любви, спасенья, благодати,
 И образъ воспріялъ дитяти—
 Чтобъ нашу гордость побороть,
 Младенцемъ слабымъ сталъ Господь.
 Онъ грозный Судія всесвѣтной,
 Въ дому родительскомъ возросъ ...
 Послушный отрокъ и смиренный,—
 И началъ проповѣдывать Христось.
 И чтожь? Божественный Учитель,
 Владыко Ангеловъ и силъ,
 Сынъ Божій, смертныхъ Искупитель,
 Ласкалъ младенцевъ и любилъ.
 Дѣтей въ объятя принимая,
 Лобзая ихъ, Онъ говорилъ:
 „Внемли надменный! въ двери рая
 Вступишь желашь-ли? вотъ путь—
 Инаго нѣтъ: младенцемъ будь!“
 И я младенецъ! мой Спаситель
 Меня и любить и хранить.
 Такъ! нинѣ тамъ Его обитель,
 Но Онъ и слышитъ все, и зритъ:
 Онъ наши мысли, чувства знаетъ,
 Онъ въ мракѣ нашихъ душъ читаетъ,
 Мою молитву приметъ Онъ:
 Пусть соблюду Его законъ,
 Пусть будутъ чужды мнѣ до гроба
 Пронырство, лесть, коварство, злоба!
 Пусть до могилы буду я
 И сердцемъ и душой дитя!

В. К. Кюхельбекеръ.

Декабря 1841 г.

Примѣчаніе. Это стихотвореніе написано павѣстнымъ поэтомъ Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ, декабристомъ, въ бытность его на поселеніи въ Сибири. Живя въ Баргузинѣ, Кюхельбекеръ навѣщалъ иногда, въ Верхнеудинскѣ, родители моей матушки, Разгильдѣева, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Стихотвореніе сохранилось въ нашемъ семейномъ альбомѣ.

П. Труневъ.

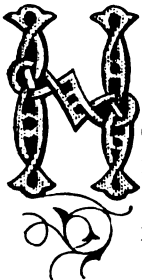
г. Верхнеудинскъ.
 2-го декабря 1890 года.

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ въ 1830—1831 гг.

Записки Мохнацкаго.

VI ¹⁾.

Занятіе Модлина.—Временное правленіе. — Противуреволуціонный духъ. — Засѣданіе клуба.—Рѣчь Воловскаго.—Актъ, установившій временное правленіе. — Стража безопасности. — Распоряженія исполнительнаго отдѣленія.—Предложеніе Шанецкаго. — Сованіе сейма. — Болѣзнь Хлопицкаго. — Диктатура. — Въ оперѣ.

Но при всей пользѣ, какую произвело воззваніе Цесаревича, главные интересы возстанія: установленіе власти революціонной, задержаніе Константина Павловича, война, вторженіе съ войскомъ въ забранныя (?) области, были еще не рѣшены, были весьма сомнительны. Администратіонный совѣтъ посылалъ повсюду приказанія не мѣшать отступленію русскихъ, — будучи самъ при послѣднемъ издыханіи. Онъ показывалъ видъ, будто занятъ великими дѣлами, а между тѣмъ царствовало въ немъ совершенное бездѣйствіе. Городъ революціонировался часъ отъ часу болѣе; а революція не

¹⁾ См. „Русск. Ст.“ изд. 1884 г., т. XLIII, стр. 157—202; 341—362; 546—566; изд. 1890 г., т. LXV, стр. 681—711.

Помѣщая Записки Мохнацкаго на страницахъ „Русской Старины“ въ давнемъ и превосходномъ переводѣ тайнаго совѣтника С—ча, мы уже говорили, что знакомимъ съ этимъ источникомъ къ исторіи польской смуты—въ видахъ всесторонняго ея освѣщенія.—Въ повстанцѣ Мохнацкомъ читатель видитъ одного изъ враговъ Россіи, одного изъ крайнихъ вожаковъ смуты, похоронившей „конгресувку Польшу“; этотъ вожакъ въ своемъ сказаніи пытается быть безпристрастнымъ, но вовсе не достигаетъ этого безпристрастія, столь однако

имѣла еще своего правленія. Примѣръ 1794 года совѣтоваль не тратить времени. Кому и какъ управлять возстаніемъ? этотъ важный вопросъ надлежало рѣшить прежде всего. Уже были двѣ явныя партіи—аристократія и ея противники. 1-я удерживала ходъ возстанія; другая влекла возстаніе впередъ, и хотѣла увлечь еще далѣе! Лелевель, изъ опасенія, чтобы не приписали ему участія въ тайныхъ замыслахъ и насильственныхъ порывахъ клуба, не предлагалъ, при упадкѣ администраціоннаго совѣта, ни малѣйшаго старанія обезпечить себѣ въ составлявшемся временномъ правленіи рѣшительный перевѣсъ, снисканіемъ равнаго съ другими значенія обоимъ клубистамъ, мнѣ и Брониковскому—натуральнымъ его союзникамъ. Въ этомъ отношеніи, политика Лелевеля была ошибочна и слаба: безъ такой подпоры въ правленіи, какъ могъ бы онъ успѣть въ томъ, чего требовалъ клубъ, для спасенія народнаго дѣла, и что отчасти соглашалось съ собственнымъ его убѣжденіемъ; какъ могъ бы успѣть, чтобы рѣшено было приступить къ дѣйствіямъ наступательнымъ, къ вторженію въ Литву?... Власть, утвердись на клубѣ, втянувъ, посредствомъ его, всю столицу въ свой кругъ была-бы очень сильна. Варшава, горнило возстанія, вошла-бы тотчасъ въ завѣдываніе дѣлами края, какъ въ 1794 г., хотя-бы и не въ томъ самомъ видѣ и порядкѣ. Но этихъ простыхъ понятій ничья голова не хотѣла тогда схватить. Дорогія минуты проходили безъ пользы. Любецкій, въ этомъ бездѣйствіи, находилъ и время и способы къ новымъ уловкамъ. Онъ твердо стоялъ въ томъ мнѣніи, что не должно разрывать союза съ Россіею, а только въ границахъ конгресснаго царства, подъ вліяніемъ событій выторговать у русскаго правительства нѣкоторыя конституціонныя улучшенія. Подобно Любецкому, мыслили и другіе. Клубъ явно возставалъ противъ этого. Клубъ могъ довести дѣло до совершеннаго

необходимаго для историка; впрочемъ, какъ мы уже и говорили („Русская Старина“ 1890 г., т. LXV, мартъ, стр. 681), наиболѣе важныя ошибки Мохнацкаго исправлены въ примѣчаніяхъ покойнаго переводчика его Записокъ, тайнаго совѣтника С—ча, другія-же и вообще общій тонъ разсказа Мохнацкаго совершенно ослабляются для читателя „Русской Старины“, если онъ вспомнить обширную, въ высокой степени замѣчательную, переписку императора Николая Павловича съ гр. Дибичемъ, а также интересные разсказы о тѣхъ же событіяхъ 1830—1831 гг. Дениса Давыдова, П. А. и К. П. Колваковыхъ, Александр. Павл. Петрова, Андрея Ник. Липина и другихъ русскихъ людей,—разсказы, равно временно помѣщенные въ наше же изданіе „Русская Старина“. Мы не замедлимъ также напечатать имѣющіяся у насъ записки о томъ же времени генерала-отъ-инфантеріи А. Одицова.

Ред.

разрыва, итакъ—надлежало уничтожить клубъ. Это было рѣшено—рѣшено единомысленно. Составили актъ, устанавлиющій временное правленіе. Назначили членами: князя Чарторыскаго, графа Паца, сенаторовъ каштеляновъ: Кокановскаго, Леона, Дембовскаго и польсь Владислава Островскаго и Лелевеля,—а обоимъ клубистамъ, допущеннымъ въ администраціонный совѣтъ, предложили только присутствовать въ новомъ правленіи, съ голосомъ совѣщательнымъ. Хотѣли единодушно отдѣлаться отъ нихъ всѣми способами, à tout prix.

Но открытію новаго правленія помѣшало по-утру вступленіе войска, а вечеромъ неприбытіе членовъ администраціоннаго совѣта для подписанія акта, которымъ устанавливалось временное правленіе; ибо назначенные въ это правленіе не имѣли довольно отваги установить его сами собою. Имъ хотѣлось непременно быть произведеніемъ администраціоннаго совѣта, — т. е. съ соизволенія русскаго правительства управлять возстаніемъ противъ Россіи. Лелевель, впадая изъ одной ошибки въ другую, изъ одного обмана въ другой, смудрилъ тогда свою извѣстную фразу: „пускай Николай Павловичъ—конституціонный царь Польши—воюетъ съ Николаемъ Павловичемъ, царемъ самодержавнымъ всея Россіи!“ И это всѣмъ чрезвычайно понравилось!... Не случилось, на бѣду, предсѣдательствовавшаго въ совѣтъ, графа Соболевскаго, для подписанія акта. Отложили до слѣдующаго дня.

Засѣданіе въ правленіи мое и Брониковскаго, непріятное для предсѣдателя клуба, еще менѣе могло нравиться тѣмъ, которые и на самаго Лелевеля, при всемъ уваженіи, какимъ онъ пользовался, посматривали искоса. Путь, которымъ пошолъ клубъ, былъ опасенъ: онъ открывалъ то же поприще и другимъ заговорщикамъ. Боялись больше всего, чтобы зачинщики возстанія не пріобрѣли въ немъ большаго значенія. Чтобы ихъ устранить, надобно было ихъ обезславить. Въ этой цѣли, умышленно, систематически, распространяли страхъ, на счетъ терроризма, грабежей, на счетъ общественной революціи (*revolution sociale*), о которой клубу и во снѣ не грезилось. Лица высшаго класса, опутанныя теоріями Любецкаго, хотѣли невозможнаго—хотѣли Польши, установленной дипломатическимъ протоколомъ. Но быстрый ходъ событій увлекалъ ихъ за собою. Не предвидя способа воздержать его, они предприняли управлять имъ, но управлять по своему минутному взгляду на отечественное дѣло. Они поляки, и поляки вовсе не худые, но проявили въ себѣ увѣренность, что только то, чего имъ хочется, хорошо и полезно для отечества, а все прочее—безумство. На 1-й разъ (а они люди момента) не хотѣлось имъ ничего, кромѣ конституціоннаго царства,

съ управленіемъ больше независимымъ, чѣмъ прежнее, больше отдѣльнымъ отъ Россіи: ничего другаго не обнимали ихъ головы. Для себя лично они желали только: рѣшительнаго въ томъ управленіи участія. Ихъ честолюбіе ограничивалось 8-ю воеводствами: дальше они его не простирали. Но между тѣмъ, съ другой стороны, дѣло отчизны, общій духъ народа, мнѣніе войска, свойство послѣдовавшихъ событій, стремились къ чему-то иному. Итакъ, ни въ характерѣ, ни въ образѣ мыслей, ни въ политическомъ образованіи, ни въ интересахъ людей, бравшихся управлять челномъ революціоннымъ, не было качествъ, потребныхъ для завѣдыванія дѣломъ народа. Вліяніе ихъ въ Царствѣ было велико (не такъ однакожь велико, какъ они воображали), оно имѣло свой вѣсъ; — но ихъ идеи, но сближеніе ихъ съ видами революціи развивались очень медленно. Обыкновенный умъ еще не то, что разумъ высокій, который объемлетъ вещи быстро и широко. Много было у нихъ ума, много знанія, свѣта, много хорошихъ качествъ, хорошихъ для края намѣреній, но мало понятій обширныхъ. Россія не уважала польской аристократіи—ставила ее ни во что. Паны польскіе не могли благопріятствовать Россіи: ошибался кто подозрѣвалъ ихъ въ этомъ. Остановить революцію старались вначалѣ только потому, что „не знали, чего хочеть революція“, — когда-же революція сказала ясно, чего хочеть и что мыслить,—стали спрашивать: „да кто они такіе, эти революціонисты?“

Люди сего рода, разсуждалъ я, не направятъ дѣла на прямой путь. Одни его начали, другіе берутся вести его далѣе!.. Я предвидѣлъ въ этомъ нашъ неминуемый упадокъ; ибо революція, только революція спасти можетъ. Въ простотѣ души моей я разсуждалъ тогда, что у насъ никто не захочеть и не сумѣетъ обольстить умы—подготовить народъ, чтобы дѣйствовалъ противъ собственной пользы. Но кто-жъ не ошибался, особенно при вступленіи на политическое поприще? Безошибочность толпы есть также одна мечта: толпу можно увлечь столь-же легко, если еще не легче, какъ обмануть одного человѣка... Видя ясно, какой оборотъ берутъ дѣла съ упраздненіемъ административнаго совѣта, читая на кислыхъ, недовольныхъ лицахъ, что подъ названіемъ временнаго правленія замышляютъ новыя проволочки, новыя затѣи, или только легкое измѣненіе прежняго порядка, — замѣчая, что совсѣмъ не имѣютъ въ виду тѣхъ основныхъ, государственныхъ (!?) мѣръ, какія предложены клубомъ, я рѣшился пойти опять на засѣданіе клуба, принести народу еще сильнѣйшую на все это жалобу и попытаться нельзя-ли вывести правленіе прямо изъ клуба, а точнѣе сказать,

изъ заговора, имѣвшаго еще оружіе въ рукахъ. Я сдѣлалъ шагъ слишкомъ скорый, слишкомъ опрометчивый, и онъ сильно повредилъ и мнѣ, и клубу, и даже общему дѣлу.

Администраціонный совѣтъ былъ уничтоженъ. Предстояло теперь: ограничить, а если-бы удалось, то и совсѣмъ устранить вліяніе людей, поддерживавшихъ совѣтъ своимъ кредитомъ. Съ этою мыслию пошелъ я въ клубъ. Но я слишкомъ считалъ на вліяніе, которое въ клубѣ удалось мнѣ приобрести безъ особенныхъ стараній—почти случайно; я слишкомъ считалъ на твердость въ предпріятіи, на логическую основательность шаткой, легковѣрной толпы, которая стояла плотно и дружно, пока цесаревичъ стоялъ за заставою, но рассыпалась въ мигъ, какъ скоро минула первая опасность. Нашъ клубъ не былъ систематически устроенъ. Всякій, кто хотѣлъ, записывался въ члены клуба; войти въ него и выйти не воспрещалось никому. На это именно и ударилъ Любецкій. Всякое учрежденіе можно испортить; всего легче—посредствомъ его самого. Въ духѣ сего правила подослано было, въ тотъ вечеръ, на засѣданіе клуба, множество лицъ, чтобы, во имя любви къ отечеству, противиться дальнѣйшимъ мѣрамъ къ спасенію отечества. Засѣданіе было чрезвычайно многолюдно; всѣ, по прежнему, были вооружены. Чиновники Любецкаго, которые тароватаго министра финансовъ любили больше, чѣмъ Польшу Сигизмундовъ,—его пріятели, его домочадцы, его всегдашніе гости, а съ ними кузены большихъ пановъ, которые всѣ дерзкую революцію ненавидѣли еще больше, чѣмъ чуждую власть,—университетскіе студенты (сердца добраго, но ума, благодаря Шинявскому, довольно темнаго), одуренные профессоромъ Ширмою, который изъ личнаго ко мнѣ негодованія ¹⁾, возмущалъ ихъ головы, выставляя послѣдствія домашней распри который приказывалъ имъ вѣровать въ Любецкаго и Хлопицкаго какъ въ евангеліе,—за ними причетъ лавочниковъ и обывателей Ѳомы Лубѣнскаго,—далѣе множество агентовъ тайной полиціи, еще неизобличенныхъ, дрожавшихъ за свою жизнь и въ клубѣ висѣлицу для себя предчувствовавшихъ,—наконецъ, адъютанты, вся штабная знать и члены какой-то конгрегаціи, основанной маркизомъ Александромъ Веліопольскимъ для противодѣйствія клубу: все это, словно по данному знаку, дало другъ другу руку и собралось разомъ въ редутныхъ залахъ. Революціонистовъ, радикалистовъ,

¹⁾ Причиною негодованія была колкая критика, не помню, на какое-то сочиненіе г. Ляха-Ширмы,—до революціи напечатанная, которой авторомъ онъ почиталъ меня.

Прим. авт.

заговорщиковъ было числомъ гораздо меньше. Не проникая этой внезапно послѣдовавшей переменѣ, я началъ говорить съ тою же смѣлостію, съ тою-жъ откровенностію, какъ говорилъ на первомъ засѣданіи.

— „Приношу вамъ, господа, прискорбное извѣстіе. Требованія ваши остались безуспѣшны. Хотя и упраздненъ администраціонный совѣтъ, но безъ его дозволенія не хочется, назначенное вмѣсто него, временное правленіе приступить къ открытію своихъ засѣданій, не смѣть даже признать себя установленнымъ, и, по мнѣнію моему, не будетъ лучше совѣта. Проходитъ драгоцѣнное время, со вредомъ для края. Цесаревичъ идетъ свободно въ забранныя губерніи. Люди съ именами историческими воспрещаютъ затруднять (?!) ему отступленіе. Люди, извѣстные либерализмомъ, вошли въ явный союзъ съ врагами отечества. Перестанемъ вѣрить именамъ историческимъ!... Не вѣрьте никакой знаменитости, никакимъ заслугамъ. Генераль Хлопицкій не исполняетъ своего долга“... тутъ начали перебивать меня—начали шумѣть. Въ порывѣ, котораго я не могъ удержать, который не далъ мнѣ распознать состава собранія, вскричалъ я неосторожно: „Господа! Хлопицкій измѣняетъ революціи! Я пришелъ объявить вамъ, что я выхожу изъ правленія, которое ставитъ народъ на край пропасти. Довершимъ начатое нами, пойдемъ опять, пойдемъ всѣ вмѣстѣ, съ оружіемъ въ рукѣ, и установимъ правленіе революціонное!“ Лишь только я кончилъ, возстали вмгъ громкіе крики однихъ—противъ меня, другихъ—въ мою защиту; эта ужасная тревога сопровождалась свистомъ, топаньемъ и стукомъ оружія. Грозили мнѣ смертью со всѣхъ сторонъ: „погибнешь, погибнешь—долой со стола!“

Среди этого шума началъ говорить статсъ-референдарій Альбертъ Гржимало, утверждая, что отступленіе великаго князя съ войскомъ принесетъ Польшѣ большую пользу, что распространитъ либеральныя идеи (!?) въ коренныхъ русскихъ областяхъ, что и тамъ сыщется намъ много партизановъ. Я поссорился съ Гржималою. За нимъ выступилъ Войцехъ Воловскій, ловкій адвокатъ: „Единодушіе“, вскричалъ онъ, „согласіе, довѣріе да будетъ, господа, нашимъ девизомъ! Несогласіемъ, недовѣріемъ мы погубимъ себя!... И кому-жъ совѣтуютъ намъ не довѣрять?... Какіе люди, вопрошаю я, взяли бразды правленія? Довольно назвать ихъ: воевода князь Адамъ Чарторыскій, полякъ прямой, добродѣтельный, Нѣмцевичъ, достигшій глубокой старости, безъ всякаго упрека, Хлопицкій, великій воинъ Наполеона!... А въ измѣнѣ кто обвиняетъ ихъ?... Человѣкъ неизвѣстный, молодой, опрометчивый, честолюбивый, побуж-

даемый только желаніемъ возвысить себя ¹⁾! Я противнаго ему мнѣнія! Его заносчивость вредитъ больше всего нашему дѣлу! Надобно дѣйствовать, но дѣйствовать обдуманно. Надо дать время людямъ, объявшимъ кормило правленія. Впрочемъ, находится другой здѣсь членъ правленія, Ксаверій Брониковскій. Пускай онъ скажетъ: дѣйствуетъ-ли правленіе, дѣйствуютъ-ли названныя мною лица революціонно или нѣтъ? Пускай скажетъ по совѣсти—подъ честнымъ словомъ! "... Рѣчь Воловскаго прервали рукоплесканія, столь же шумныя, какъ ропоть, заставившій меня молчать. Глаза всѣхъ устремились на предсѣдательствующаго Ксаверія Брониковскаго. Наступила глубокая тишина. Брониковскій влѣзъ на столъ и сказалъ: „какъ свидѣтель теперешнихъ дѣйствій правленія, объявляю подъ честнымъ словомъ, что правленіе дѣйствуетъ революціонно“. По сихъ словахъ онъ замолчалъ. Это былъ смертный приговоръ для клуба. Какъ на полѣ колосья, такъ волны умовъ уступаютъ вѣтру. Тутъ возстали уже на меня съ грозными криками, и даже съ грозными жестами обступили кругомъ. Я хотѣлъ подкрѣпить мое мнѣніе, объяснить слово—измѣна, но общее негодованіе не дозволило мнѣ начать рѣчи. Не смотря на это сопротивленіе, я вскочилъ на столъ съ ружьемъ въ рукѣ. Меня стащили со стола и приставили штыки къ груди. Ярость дошла до того, что самымъ спасеніемъ моей жизни я обязанъ только друзьямъ, которые окружили меня въ ту минуту и вывели изъ залы на дворъ. „Клеветникъ!... Террористъ!... Польскій Робеспьеръ!“ Одни эти отголоски доходили до меня, когда я пустился бѣжать. Изъ чего же Брониковскій, съ которымъ я издавна былъ въ тѣсной дружбѣ, съ которымъ вмѣстѣ сидѣлъ предъ революціей въ Кармелитской тюрьмѣ, изъ чего обвинилъ онъ меня публично въ клеветѣ? Этого я и теперь еще не могу хорошо понять. Не ужъ-ли онъ не постигалъ, что революціонными дѣйствіями направляли люди, позволявшіе (!) русскимъ отступить. Можетъ быть, пошелъ онъ противъ меня, только уступая тогдашнему составу клуба; можетъ быть онъ былъ и убѣжденъ въ томъ, что говорилъ; можетъ

¹⁾ Послѣдній упрекъ былъ несправедливъ. Если бы я думалъ о возвышеніи себя, то не было мѣста, котораго не далъ бы мнѣ Любецкій, лишь бы я вошелъ въ его систему. Я могъ оставаться въ правленіи, могъ быть министромъ, могъ быть чѣмъ-нибудь, какъ многіе другіе. Но я предпочелъ добиваться установленія чистой (!) революціонной власти. Впрочемъ, я той вѣры, что нѣтъ никакого грѣха искать во время революціи большаго участія во власти для того, чтобы дать ходъ нашему мнѣнію, коль скоро мы убѣждены, что мнѣніе наше полезно (!) общественному дѣлу. Грѣшно скорѣе не имѣть никакого мнѣнія и браться за власть безъ мысли, только для карьеры.

Прим. авт.

быть не хотѣлъ такъ низко возстать противъ людей, которыхъ (будучи гораздо осмотрительнѣе меня) не надѣялся одолѣть: но какъ бы то ни было, этотъ поступокъ съ его стороны былъ весьма не политическій, ибо вслѣдъ затѣмъ начали кричать: „Прочь съ клубистами! Не нужно клуба! Да здравствуетъ князь Чарторьскій, да здравствуетъ Хлопицкій!“... Академики погасили свѣчи и догаравшія лампы. Адъютанты, обнаживъ сабли, кричали: „смерть неспокойнымъ, бѣшеннымъ!“... Хотѣвшихъ продолжать засѣданіе разогнали штыками.

На другой день явилась новая газета, подъ названіемъ: „Совѣстный Полякъ“, изъ банковской типографіи, состоявшей подъ начальствомъ министра финансовъ. Партія Любецкаго оказала мнѣ ту честь, что первыя страницы своего оффиціального журнала посвятила нападкамъ на меня, не весьма однако-жъ совѣстнымъ. Сверхъ того, распустили множество другихъ пасквилей по Варшавѣ и по воеводствамъ. Не теряя нисколько духа ни отъ вчерашней сцены въ клубѣ, ни отъ газетной статьи, и видя, что клубъ, потрясенный въ основаніи, отчасти силою, отчасти коварствомъ, не можетъ далѣе служить орудіемъ революціи, я вознамѣрился прибѣгнуть къ послѣднему средству — рѣшился попробовать, не удастся-ли сокрушить всѣ преграды однимъ ударомъ, сильнѣйшимъ, чѣмъ всѣ прежніе. Въ этой цѣли, доставъ себѣ верховую лошадь, я развѣзжалъ на другой день цѣлое утро по улицамъ Варшавы, и толковалъ офицерамъ и солдатамъ, какъ дурно идутъ дѣла. Представленіе мое: „что должно догнать русскую гвардію, а выпустившихъ (!) ее выгнать изъ правленія“ было многими одобрено. Начальники малыхъ отрядовъ недоброжелательствовали Любецкому, а отчасти и самому Хлопицкому. Я намекалъ, гдѣ только было можно, чтобы взяли въ главнокомандующіе Шембека, какъ храбраго воина и отличнаго поляка. Мнѣ обѣщали помощь въ случаѣ нужды. Я занесся слишкомъ далеко, чтобы можно было отретироваться. Въ моихъ замыслахъ было почти столько же внутренняго убѣжденія, что дѣло будетъ спасено совершеніемъ того, чего я хотѣлъ, сколько горячки, а отчасти и желанія отвратить личную опасность. Я отправился потомъ, не теряя ни минуты, къ школѣ подпрапорщиковъ, которая стояла на улицѣ Орля, подъ открытымъ небомъ. Здѣсь царствовало величайшее негодованіе противъ хода, какой взяла революція. Школа подпрапорщиковъ была тогда всемогуща. Имѣя въ ней голосъ посредствомъ брата и многихъ друзей, я объявилъ напрямикъ этой дѣльной (!?) молодежи: „что Хлопицкій обманываетъ народъ, что Любецкій, употребляя во зло довѣріе къ нему князя Чарторы-

скаго, Нѣмцевича и прочихъ патріотовъ, дѣйствуетъ противъ возстанія; что если школа, начавшая революцію, не спасетъ ее тотчасъ насильнымъ напоромъ то возвратится все прежнее положеніе“; подпрапорщики послушались меня и стали заряжать ружья. Я хотѣлъ идти съ ними тотчасъ въ банкъ,—зачѣмъ?—Отвѣчаю на это чистосердечно, какъ было у меня тогда на умѣ: затѣмъ, чтобы прыснулъ одинъ финансовый мозгъ (кн. Любецкаго), если не подъ самыя звѣзды—по выраженію Гейне—то, по крайней мѣрѣ, подъ банковый сводъ, и образумилъ этимъ прочіе мозги, еще не такъ затвердѣлые; мертвые же не только не говорятъ, но имѣютъ еще и то хорошее качество, что не ошибаются и ошибками своими не увлекаютъ отечества въ пропасть. Этотъ послѣдній доводъ могъ доказать краснорѣчивѣе клуба—„чего революція хочетъ“. Но Петръ Высоцкій (тогдашній предводитель школы), встрѣтивъ ее и меня на улицѣ Лѣшно, началъ колебаться, когда мы ему объявили, куда и зачѣмъ идемъ: „кого-жъ намъ уважать“—сказалъ онъ—„если не тѣхъ, которые теперь дѣйствуютъ за одно съ Любецкимъ? Знаю, что дѣла идутъ худо, но безъ большого пролитія крови мы не одолѣемъ встрѣчаемыхъ нами препятствій“. Не смотря на безиредѣльное довѣріе школы къ благородному характеру Высоцкаго, слова его не вдругъ на нее подѣйствовали. Я просилъ Высоцкаго взять надъ ними начальство и вести насъ въ банкъ; старался внушить ему, что именно онъ, какъ виновникъ революціи, долженъ учредить новое правленіе въ ея духѣ. Нѣкоторые изъ подпрапорщиковъ, понимавшіе ближе общее дѣло, представляли ему, что обойдется и безъ пролитія крови; я шепнулъ ему на ухо, „что надобно пожертвовать одною только головою, которая управляетъ контръ-революціею“. Тогда Высоцкій, ставъ среди улицы на колѣни передъ школою, вскричалъ подпрапорщикамъ: „не иначе, какъ по моему трупу вы пойдете въ банкъ!“ Школа воротилась тотчасъ на свое мѣсто. Предпріятіе кончилось ничѣмъ, но меня подвергло оно величайшей опасности.

Борьба мнѣній въ разныхъ пунктахъ столицы, публичныя засѣданія клуба, сближеніе солдата съ народомъ, часъ отъ часу большее, ослабленіе военной дисциплины, естественное того сближенія слѣдствіе, — все это приводило генерала Хлопицкаго въ такую ярость, что въ послѣдніе два дня онъ нѣсколько разъ хотѣлъ сложить съ себя званіе главнокомандующаго. Онъ былъ въ непрерывномъ, раздраженіи въ постоянной горячкѣ. Великому князю гарантированъ былъ свободный выходъ изъ Царства, а между тѣмъ отрядъ гвардейскихъ конныхъ егерей, подъ командою капитана

Скаролинскаго, напалъ на арьергардъ Константина Павловича. Хлопицкій узнаеть о выходѣ ихъ изъ Варшавы, и въ самыхъ горькихъ выраженіяхъ вопіеть на ослушаніе¹⁾. Разказы и, вѣроятно, преувеличенные, о толкахъ противъ него въ клубѣ, о послѣднемъ порывѣ школы подпрапорщиковъ, расшевелили въ немъ желчь. Въ Варшавѣ назначено было собраться только 2-мъ полкамъ Шембека и Скримнецкаго (1-му егерскому и 8-му пѣхотному), прочимъ дано было повелѣніе оставаться въ воеводствахъ, на своихъ мѣстахъ: но Курковецкій (начальникъ 2-й пѣхотной дивизіи) какъ на зло является въ Варшаву. Хлопицкій видитъ его, ругаетъ послѣдними словами, слышитъ отъ него наоборотъ такія-же ругательства, приходитъ въ страшное бѣшенство, получаетъ родъ апоплексическаго удара и ложится въ постель. Виною этой болѣзни выставили меня. Партія Любецкаго велѣла тотчасъ разгласить „будто-бы я пришелъ къ генералу Хлопицкому и назвалъ его измѣнникомъ, отъ чего онъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что опасно занемогъ и чуть было не умеръ“. Эта вѣсть разнеслась съ быстротою молніи и вмигъ собралось множество народа и войска на Банковой площади и на дворѣ дома Замойскихъ, гдѣ Хлопицкій, какъ говорили, догораетъ. Ожесточеніе было велико; черныя и зеленыя шторы, опущенныя въ знакъ траура на окнахъ комнатъ больнаго генерала, свидѣтельствовали объ опасности. Тотчасъ въ разныхъ мѣ-

¹⁾ Капитанъ Скаролинскій не самовольно и не для преслѣдованія великаго князя вышелъ изъ Варшавы съ отрядомъ гвардейскаго конно-егерскаго полка. Самъ Хлопицкій послалъ его, какъ надежнѣйшаго изъ офицеровъ того полка, для побужденія мѣстныхъ властей къ оказанію войскамъ цесаревича, на пути къ границѣ имперіи, всѣхъ возможныхъ пособій, для воздержанія польскихъ военныхъ отрядовъ, которые могли-бы встрѣтиться на томъ пути, отъ всякаго непріятельскаго дѣйствія, а въ особенности для обузданія и отраженія мятежническихъ шаекъ, которыя начинали составляться въ Варшавѣ въ той дѣли, чтобы пуститься вслѣдъ за цесаревичемъ, чтобы вездѣ возбуждать народъ къ возстанію, беспокоить войско его высочества, истреблять приготовленные ему припасы и схватить гдѣ-нибудь самого цесаревича. Куда и съ какою именно дѣлю посланъ былъ капитанъ Скаролинскій съ отрядомъ конныхъ егерей, Хлопицкій не могъ огласить при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Варшавѣ: онъ принужденъ былъ даже распустить слухъ, будто-бы Скаролинскій самовольно ушелъ изъ Варшавы съ конными егерями. Если-бы автору не было это извѣстно въ самое время выступленія Скаролинскаго, то не могъ онъ не свѣдать позже изъ объясненій Скаролинскаго, что онъ былъ отправленъ Хлопицкимъ. О сей экспедиціи упоминалъ авторъ, конечно, для того только, чтобы ослабить свою вину, показавъ больше поводовъ къ гнѣву и негодованію на Хлопицкаго.

Прим. переводчика.

стахъ города принялась чернь ставить для меня висѣлицы, военные хотѣли изрубить меня, а профессор Лях-Ширма, начальникъ академикомъ—разстрѣлять. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, составилъ на меня военный судъ, окружилъ карауломъ домъ, въ которомъ я жилъ, велѣлъ забрать мои бумаги и отъ имени академической гвардіи писалъ пламенные желанія князю Чарторьскому, къ Хлопицкому, къ Любецкому, къ Нѣмцевичу, ручаясь, что академія утопить свой кинжалъ въ груди бѣшеннаго буяна, дерзнувшаго оскорбить сихъ знаменитыхъ мужей. Я не могъ нигдѣ укрыться въ Варшавѣ. Преслѣдуемый повсюду, я былъ внезапно окруженъ у банка чернью и солдатами, и въ этомъ положеніи принужденъ былъ принять убѣжище, предложенное мнѣ въ правленіи,—въ покояхъ того самаго министра, который поднялъ противъ меня всю столицу¹⁾. Контръ-революція вышла побѣдителемъ изъ борьбы съ клубомъ, который, надѣлавъ много страха, изнемогъ и разсыпался, какъ всякое нестройное сборище: его кончина была похожа на кончину осы, которая тотчасъ по укушеніи теряетъ жало и умираетъ. Система Любецкаго взяла перевѣсъ, принявъ только другой видъ. Временное правленіе Царства Польскаго (а слова „Царства Польскаго“, какъ знаменованія, что дѣло идетъ только о восьми воеводствахъ, прибавлены не безъ основанія). Временное правленіе, говорю я, составившееся изъ исполнительнаго отдѣленія админи-

¹⁾ Съ этого только времени, т. е. по истощеніи всѣхъ способовъ къ дѣйствию, я началъ считать себя совершенно побѣжденнымъ. Оставленный друзьями преданный въ клубъ Брониковскимъ, въ правленіи—Лелевелемъ, я палъ подъ бременемъ общаго негодованія, и чуть было не сгорѣлъ въ томъ огнѣ, который развести было предметомъ моихъ усилій. Какъ плѣнникъ революціи, дѣйствовавшей противъ собственной своей пользы, я имѣлъ случай узнать короче князя Любецкаго, въ квартирѣ котораго я скрывался. Онъ обходился со мною весьма благосклонно, и разговаривалъ по нѣскольку часовъ. Я удостовѣрился, что въ цѣлой Польшѣ не было человека ловче его, но вмѣстѣ и упрямѣе въ своей системѣ, состоявшей въ томъ, чтобы благосостояніе всего нашего края основывать на самомъ тѣсномъ союзѣ съ Россією. Я старался увѣрить его, что мы возстали въ самое время безсилія (?) Россіи; онъ не хотѣлъ этому вѣрить. Я говорилъ ему, что однимъ нашимъ могуществомъ—если бы вмѣстѣ съ нами возстали и забранныя области—мы успѣли-бы вытѣснить Россію (!) изъ Европы; выставлялъ ему въ особенности какую роль играетъ раздѣлъ Польши въ политической системѣ Россійскаго государства. На это онъ молчалъ. Когда-же я сказалъ, что намъ должно было задержать Константина Павловича, провозгласить его въ Варшавѣ королемъ, и съ его прокламаціями двинуться въ Литву,—то онъ понялся отъ меня на нѣсколько шаговъ. Онъ былъ всегда министр—и только министр... человекъ не изъ обыкновенныхъ, но не полякъ.

Прим. соч.

страціоннаго совѣта, не успѣвъ вывести происхожденія своего изъ совѣта родословнаго за скрѣпою Соболевскаго, которой тщетно и отъ него и отъ Любецкаго домогались, принуждено было наконецъ, (4-го декабря), установиться само собою. Оно предположило себѣ за правило: во 1-хъ, пріобрѣтать довѣріе народа, а во 2-хъ, не шадить къ укрощенію всякаго движенія снизу, которое могло-бы увлечь правленіе далѣе той цѣли, которую оно себѣ предназначило. Языкъ новой власти въ ея публичныхъ актахъ, столько-же осторожный, столько же двусмысленный, какъ и языкъ администраціоннаго совѣта, имѣлъ въ виду больше Петербургъ, нежели Варшаву. Любопытны побужденія, которыми временное правленіе прикрывало взятіе государственнаго дѣла въ свое завѣдываніе—любопытно видѣть какъ изъяснялись князь Чарторьскій, Нѣмцевичъ, Пацъ, Кохановскій, Дембовскій, Островскій и Лелевель въ актѣ, которымъ установлено ими временное правленіе. Вотъ точныя ихъ слова:

„Администраціонный совѣтъ, въ увеличенномъ вслѣдствіе постановленія, отъ 30 ноября, составѣ, усматривая изъ единогласныхъ со всѣхъ сторонъ донесеній, что не пользуется онъ довѣріемъ народа, и убѣждаясь часъ отъ часу болѣе, что въ настоящихъ обстоятельствахъ, онъ не въ состояніи управлять Царствомъ, призналъ дѣломъ, для блага общаго необходимымъ, объявить рѣшительно, что онъ не можетъ вѣдать далѣе управленіемъ Царства. А какъ независимо отъ разныхъ самоважнѣйшихъ побужденій и польза народа, и польза царя, не могущаго, по отдалѣнію мѣста своей резиденціи, принять мѣръ, соотвѣтственныхъ нуждамъ края, требуютъ безотлагательнаго установленія правительства для завѣдыванія высшею властію, то симъ уваженіемъ, члены, призванные администраціоннымъ совѣтомъ, для засѣданія въ немъ, побуждаясь крайнею потребностію народа и для предупрежденія бѣдственныхъ послѣдствій безначалія, постановляютъ слѣдующее: Ст. 1-я. Учреждается временное правленіе“ и т. д.

Администраціонный совѣтъ не отпѣлъ самъ своей отходной, не упразднилъ самъ себя; онъ призналъ за лучшее предоставить другимъ донести, вмѣсто его, Польшѣ и царю, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ не имѣлъ силы потребной для удержанія порядка. Итакъ, тѣ самые, коимъ возстаніе открыло путь въ администраціонный совѣтъ, не имѣли духа, даже отдѣлясь отъ совѣта, стать твердою ногою на новомъ революціонномъ грунтѣ,—и всѣ входили въ политику, которыхъ характеръ посреднической я объяснилъ выше.

Вопреки неоднократнымъ, самымъ сильнымъ, самымъ выразительнымъ изъявленіямъ духа народа и войска, все одна и та же мысль брала перевѣсъ—мысль сохранить Россіи конгресный край, снискать конституціонныя улучшенія для Царства. Администраціонный совѣтъ, эта власть эластическая, расширяясь и сжимаясь, вбирая въ себя новые элементы, все разнаго калибра, то изъ сената, то изъ посольской палаты, то, наконецъ, изъ клуба, ни на минуту среди сихъ политическихъ напряженій не выпускала изъ вида единственной своей цѣли — снисканія улучшеній, скажу больше онъ началъ вооружать Царство, чтобы оказаніемъ готовности къ защитѣ придать в'са тому, что для Польши надвислянской постановилъ выторговать въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Посредничество Любецкаго между 29-мъ ноябремъ и царемъ предполагали, въ случаѣ нужды, подрѣпить (!) оборонительнымъ оружіемъ! — Изъ сихъ-то замысловъ пронстекли распоряженія администраціоннаго совѣта на счетъ устройства стражи безопасности во всемъ Царствѣ — распоряженія превосходныя, изданныя еще 2-го декабря, исполненныя чрезвычайно быстро, живописующія всю изворотливость министра финансовъ, даже смѣлость, съ какою свой колебавшійся кредитъ онъ предпринималъ спасти у петербургскаго двора. Онъ призывалъ къ оружію во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, въ 3-хъ дневный срокъ, всѣхъ мужчинъ отъ 18 до 45 лѣтъ, за исключеніемъ духовенства и чиновниковъ, состоящихъ въ государственной службѣ. Президентамъ городовъ и бургомистрамъ мѣстечекъ дана была особая инструкція на счетъ формировація этой стражи. Ее составляли: 1) владѣльцы недвижимой собственности, 2) купцы, 3) начальники фабрикъ, ремеселъ и мастерскихъ, 4) подмастерья и работники; первые обязаны были избрать промежду себя сотниковъ, а вмѣстѣ съ начальниками фабрикъ и ремеселъ десятниковъ. Устроенные такимъ образомъ сотни и десятки стражи безопасности, снабженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, косами и пиками, имѣли повелѣніе собираться два раза въ недѣлю, а кромѣ того всякій день, поочередно, для содержанія ночныхъ патрулей, карауловъ на заставахъ и т. п. Хотя въ самомъ началѣ министр финансовъ и предсѣдательствовавшій въ администраціонномъ совѣтѣ графъ Соболевскій удостовѣрили въ газетахъ официально, что стража безопасности учреждается только „для обезпеченія общественнаго спокойствія и для охраненія собственности и личной безопасности, при имѣющей послѣдовать перемѣнѣ квартиръ войска“; хотя впоследствии, администраціонный совѣтъ, сходя со сцены, и изъявлялъ „чувствительную бла-

годарность войску, стражѣ безопасности и академической молодежи за преодоленіе ими всѣхъ трудностей, когда они обременены были возстановленіемъ ослабѣвшаго порядка“, но не менѣе того самое образованіе стражи было сильною со стороны Любецкаго мѣрою, которой цѣль состояла въ томъ, чтобы дать почувствовать, что изъ учрежденной стражи безопасности могутъ возникнуть добрыя линейныя полки, и что поэтому, на самый худой конецъ, должно непремѣнно сдѣлать что-нибудь для конгрессной Польши, для любимаго министра, а отчасти и для забранныхъ областей, которыя этотъ министр, какъ я уже сказалъ, имѣлъ въ виду прибрать въ свое финансовое управленіе, безъ малѣйшаго нарушенія границъ Имперіи и Царства. Воеводскія комиссіи разослали распоряженія совѣта съ эстафетами къ ободовымъ комиссарамъ, а ободовые комиссары передали ихъ въ 40 часовъ бургомистрамъ самыхъ отдаленныхъ мѣстечекъ. Сверхъ того, исполнительное отдѣленіе совѣта предписало ободовымъ комиссарамъ, чтобы они, безъ малѣйшаго отлагательства, приказали всѣмъ отставнымъ нижнимъ чинамъ польскаго войска собраться въ мѣстахъ, гдѣ находились тогда цейхгаузы и полковые штабы. Сіе послѣднее распоряженіе не было опубликовано исполнительнымъ отдѣленіемъ, но вышло наружу изъ мазовецкой воеводской комиссіи, которой предсѣдатель Рембелинскій, опытный и дѣятельный формировщикъ, припомнивъ себѣ времена варшавскаго герцогства, оказывалъ сначала необыкновенную энергію, вѣроятно, въ надеждѣ великаго и знаменитаго поприща въ возстаніи. Наконецъ, администраціонный совѣтъ пригласилъ обывательскіе совѣты всѣхъ воеводствъ собраться къ 15-му декабря „для подкрѣпленія мѣстныхъ начальствъ своимъ содѣйствіемъ“.

Такимъ образомъ все Царство двинуто было въ мгновеніе ока. Временное правленіе вошло въ духъ этихъ учреждений и сдѣлало еще одинъ шагъ впередъ: оно подвинуло вооруженіе изъ городовъ въ селенія, и поручило генералу Хлопицкому начальство не только надъ регулярнымъ войскомъ, но и надъ всѣми военными силами, надъ стражею безопасности и надъ возстаніями (слово, въ первый разъ вымолвленное правительствомъ). „Поляки! говорило временное правленіе,—пришло счастливое время, когда всѣ силы народа должны развиться со всею энергіею и стать въ защиту народныхъ вольностей“. Только въ защиту народныхъ вольностей, замѣтимъ это хорошо, а не въ защиту давнихъ границъ!.. Домогаться уступокъ и ручательства въ ихъ ненарушимости, не переступая границъ Царства

. . . . Отломокъ сейма, собравшійся (какъ сказано выше) 1-го декабря (19-го ноября) въ Варшавѣ и пославшій отъ себя депутацію въ администраціонный совѣтъ, тогда-же, по предположенію одного изъ наличныхъ пословъ, Ольриха Шанецкаго, коснулся было идеи послать адресъ къ императору: что мы желаемъ твердаго союза съ Россією, лишь-бы допущены были въ конституціи тѣ измѣненія, какія постановитъ сеймъ средствами-же къ предохраненію могли-бы служить: непремѣнное каждые два года собраніе сейма, выборъ маршала самою палатою посольскою и предоставленіе обѣимъ палатамъ равнаго съ королемъ права предлагать проекты законовъ ¹⁾. Въ этихъ словахъ заключается все: и исторія потери двухъ мѣсяцевъ, и весь ходъ несчастій нашихъ отъ вещи понятной народу,—отъ Польши къ пустой теоріи, къ непонятной метафизикѣ монархическо-представительной. Помянутое предложеніе посла Шанецкаго, само по себѣ малозначущее, имъ однимъ случайно учиненное, не знаю даже подкрѣпленное-ли кѣмъ-либо другимъ, быть можетъ, и забвенію тогда-же преданное, доказывало, однакожь, выразительно, позволяло, по крайней мѣрѣ, предусматривать какія понятія могли имѣть сеймовыя палаты о свойствѣ, нуждахъ и ходѣ нашего дѣла. Временное правленіе, состоявшее изъ членовъ сената и посольской палаты и, слѣдовательно, бывшее частію сейма, помышляло, какъ мы уже видѣли, только о конституціи. Только о конституціи и помышлялъ и отломокъ сейма (мною предъ симъ упомянутый), не совѣщавшійся вовсе съ правленіемъ. Итакъ, чего-жь инаго, чего особаго захочетъ и цѣлый сеймъ, вершины котораго поддерживаютъ Любецкаго въ Варшавѣ? Отсюда родилась, должна была естественно родиться мысль: „созвать сеймъ, потому что не можетъ и не будетъ (желать) сеймъ ничего инаго, какъ только конституціи“. Предстояло въ отношеніи къ этому одно затрудненіе: кто созоветъ сеймъ? Любецкій не хотѣлъ участвовать въ созваніи, ибо, по конституціи, только монарху принадлежало право созывать сеймъ. Созваніе безъ воли царя было актомъ мятежнымъ, а Любецкій только усиливался наклонять революцію къ своимъ видамъ, отъ участія-же въ дѣлахъ, несогласныхъ съ именемъ царскимъ, постоянно отговаривался. Съ 1822 г. происходили выборы на сеймъ подъ вліяніемъ правительства, каждый

¹⁾ Все это заимствовано изъ статьи г. Ольриха Шанецкаго, напечатанной въ газетѣ „Dziennik Powszechny“ („Всеобщія Вѣдомости“), подъ заглавіемъ: „Дѣйствія посольской палаты“. Прим. соч.

разъ сильнѣйшимъ ¹⁾. Любецкій былъ увѣренъ, да и не могъ имѣть иной мысли, что когда соберется сеймъ, то или онъ или другіе успѣютъ настроить его такъ, что какое-бы ни было вліяніе революціоннаго мнѣнія на засѣданія сейма, не выйдутъ дѣла изъ границъ конгресснаго statu-quo. Но при всемъ этомъ онъ не хотѣлъ сзывать сейма, потому что созваніе его безъ воли царя считалъ актомъ мятежнымъ.

Исторія, при недостаткѣ доказательствъ матеріальныхъ, имѣетъ свой приблизительный расчетъ, и нерѣдко должна только на немъ основываться. Находясь въ такомъ положеніи, безъ доказательствъ матеріальныхъ, я могу, однакожъ, сказать почти навѣрное, что сеймъ не для объявленія трона свободнымъ былъ созванъ. Къ такому заключенію ведутъ всѣ факты, всѣ характеры, ведутъ положеніе, званіе и политика людей, дѣйствовавшихъ на этой сценѣ. Что произошли послѣдствія совершенно противныя тѣмъ, какія были въ виду—ихъ-ли было это виною?..

Чего не хотѣлъ сдѣлать Любецкій, то могло сдѣлать временное правленіе, которое хотя уже не отъ имени, но, по собственнымъ словамъ, еще „на пользу царя“ (w interesie króla) дѣйствовало. Такъ и случилось: временное правленіе, сославшись на нѣкоторыя статьи конституціонной хартіи и устава о народномъ представительствѣ, пригласило членовъ обѣихъ палатъ собраться въ Варшавѣ 18-го (6-го) декабря. Въ универсалѣ (законной грамотѣ) оно отдало на волю сенаторовъ и пословъ назначить, по прибытіи своемъ въ Варшаву, день открытія сейма ²⁾, а особою статьею предо-

¹⁾ Авторъ весьма ошибается. Правительство не имѣло ни малѣйшаго вліянія на выборы пословъ и депутатовъ, даже вовсе не занималось выборами,—и въ этомъ была великая со стороны его ошибка.

Прим. переводчика.

²⁾ Оказывается изъ актовъ администраціоннаго совѣта, что еще имъ, и именно исполнительнымъ его отдѣленіемъ, предположено было созвать сеймъ на 18 (6) декабря 1830 г. Проектъ постановленія о созваніи составленъ былъ въ помянутомъ отдѣленіи 2 декабря (20 ноября), когда еще цесаревичъ Константинъ Павловичъ находился у Варшавы съ русскими полками и съ тѣми отрядами польскаго войска, которые оставались вѣрными, ибо только 3 декабря (21 ноября) пополудни отпустилъ его высочество польскіе отряды и отправился съ русскими полками къ предѣламъ имперіи. Но изготовленный 2 декабря проектъ постановленія не былъ въ тотъ день утвержденъ. Не видно изъ актовъ совѣта, почему онъ не былъ тогда же принятъ: видно изъ оныхъ только то, что универсалъ, конимъ созванъ сеймъ, издавъ и разославъ 3 декабря (21 ноября) бывшимъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Мостовскимъ, „вслѣдствіе постановленія“—какъ сказано въ универсалѣ „Временнаго Правленія“. Но здѣсь представляется вопросъ (котораго также

ставило рѣшенію сейма: дальнѣйшее свое существованіе яко власти и условія сего существованія. Что-жъ могло быть условіемъ существованія временнаго правленія? Не что иное, какъ возстаніе, какъ происшествія 29-го ноября, изъ которыхъ это правленіе возникло. Итакъ, своею особою статьею, если вникнуть глубже въ смыслъ ея замысловатыхъ, извилистыхъ выраженій, правленіе объявляло Царству какъ нельзя внятьѣ: „все, что произошло до сихъ поръ, есть, въ нашемъ мнѣніи, неправильно, незаконно, а потому приостанавливаемъ инсуррекцію до открытія сейма; онъ рѣшитъ, была-ли ночь 29 ноября чѣмъ-нибудь выше простаго, площаднаго смятенія, была-ли происшествіемъ прискорбнымъ?“ Но умы были еще такъ неопытны въ дѣлахъ государственныхъ, такъ заняты событіями, одно за другимъ слѣдовавшими, что это сомнѣніе на счетъ существованія инсуррекціи, что этотъ розыскъ о ней, о правдѣ, что эта, такъ сказать, аппеляція противъ акта силы (мятежа) въ судъ самый несвойственный—въ судъ представителей части Польши, избранныхъ подъ вліяніемъ (временнаго правительства).

не объясняютъ акты совѣта (какимъ образомъ постановленіе временнаго правленія о созваніи сейма могло послѣдовать 3-го декабря (21-го ноября), когда то постановленіе, коимъ временное правленіе учреждено, само состоялось только 4-го декабря (22-го ноября)? Учиненные на сей счетъ верховнымъ уголовнымъ судомъ разысканія обнаружили, что дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: проектъ постановленія о созваніи сейма, приготовленный 2-го декабря въ исполнительномъ отдѣленіи, не былъ въ тотъ день принятъ администраціоннымъ совѣтомъ, потому что предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ графъ Валентинъ Соболевскій, отказался подписать оный, напомнивъ представлявшимъ его къ утвержденію, что на основаніи конституціонной хартіи не можетъ быть сейма безъ воли монарха. По отбытіи графа Соболевскаго изъ засѣданія совѣта, члены, настаивавшіе на созваніи сейма, положили: преобразовать администраціонный совѣтъ во временное Царства Польскаго правленіе, составить въ семь правленій актъ о созваніи сейма и, на основаніи этого акта, издать универсалъ, съзывающій сеймъ. Трактацію по обоимъ предметамъ отложили до слѣдующаго дня, а между тѣмъ, какъ заключать должно, велѣли печатать универсалъ, предполагая, что будетъ принятъ на засѣданіи слѣдующаго дня. Когда-же и 3-го декабря (21-го ноября) графъ Валентинъ Соболевскій не только остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, но и отказался отъ званія предсѣдателя и отъ присутствованія во временномъ правленіи, то, по долгимъ преніямъ, окончилось засѣданіе 3-го декабря безъ тѣхъ послѣдствій, какихъ отъ него ожидали, и не прежде, какъ 4-го (22-го) состоялось постановленіе и объ учрежденіи временнаго правленія и о созваніи сейма.

При временномъ правленіи остались министрами изъ прежнихъ Мостовскій и кн. Любецкій, но безъ засѣданія во временномъ правленіи.

Примѣч. пере водчика.

Временное правленіе отперло костелы, открыло училища. Клубъ, понимавшій возстаніе, постигшій его въ видѣ потока, никогда не стоящаго на мѣстѣ, былъ обращенъ въ ничто. У всѣхъ на умѣ былъ только сеймъ. Онъ и прежде, какъ мы видѣли, занималъ самыхъ заговорщиковъ, потомъ занялъ столицу и, наконецъ, всю конгрессную Польшу.

Революція остановилась; временное правленіе сказало ей: „ты не пойдешь дальше, пока не соберутся послы и сенаторы“. Но потрясенная событиями 29-го ноября, ободренная клубомъ и отсутствіемъ цесаревича, не могла-ли столица пойти между тѣмъ далѣе, нежели указывало правленіе, далѣе, нежели требовала политика министра финансовъ? Кому-жъ удастся не допустить до этого, кто до назначеннаго правленіемъ срока успѣетъ воздержатъ вырвавшихся . . .

. а паче всего клубы демагогическіе, которые могли вновь возникнуть, кто успѣетъ воздержатъ польское войско разнужданное и головы распаленныя?.. Въ этихъ мысляхъ обратились глаза правителей, глаза всѣхъ боязливыхъ на Хлопицкаго: онъ одинъ могъ отвратитъ справедливый страхъ, овладѣвшій контръ-революціею, онъ одинъ могъ, до собранія сейма, до 18-го декабря, удержатъ вещи въ томъ порядкѣ, какой уладила заключенная съ цесаревичемъ конвенція, какой устроила потомъ временное правленіе.

Отъ ссоры съ Круковецкимъ и отъ многихъ другихъ причинъ, мною выше объясненныхъ, Хлопицкій, человекъ вспыльчивый, характера чрезвычайно задорнаго, занемогши сильно, велѣлъ пустить себѣ кровь, и цѣлый день 4-го декабря прохворалъ. Онъ сложилъ званіе главнокомандующаго и увѣрялъ торжественно, что не приметъ его уже на себя. Просьбы, моленія были бесполезны. Въ войскѣ господствовала та мысль, что никто кромѣ Хлопицкаго не можетъ повести его на поле славы (!!). Весь народъ раздѣлялъ это предубѣжденіе. Чѣмъ ярче сіяла въ постели слава героя, тѣмъ сильнѣе возставало все на клубистовъ, какъ на виновниковъ его болѣзни. Всякая популярная знаменитость, когда грозитъ ей опасность, приобрѣтаетъ, какъ извѣстно, еще болѣе могущества. Такимъ образомъ клубъ, въ этомъ несчастномъ происшествіи, игралъ роль адской машины, которая, выстрѣломъ своимъ, не только не взорвала власти на воздухъ, но еще сильнѣе укрѣпила ее въ общемъ мнѣніи.

Отъ опасности до поклоненія переходъ не далекъ. Хлопицкій сдѣлался колоссомъ. 5-го декабря, по утру, временное правленіе, имѣвшее нужду въ военной подпорѣ, отправляетъ къ нему послами, послѣ многихъ предварительныхъ стараній, князя Чарторьскаго и

Нѣмцевича. Они оба, вмѣстѣ съ графомъ Владиславомъ Замоискимъ, входятъ къ великому страдальцу революціи, и заклинаятъ его именемъ отечества не оставлять народнаго дѣла. Но Хлопицкій не вдругъ открылъ имъ свою мысль. Онъ упорно отказывался отъ пріятія начальства надъ войскомъ даже съ неограниченною властію, которую предлагали ему оба члена правленія. Долго продолжались уговариванія, увѣренія, что все будетъ ему послушно. Нѣмцевичъ, когда просьбы его остались безуспѣшны, заплакалъ. Тутъ Хлопицкій подымается вдругъ съ постели и говоритъ: „такъ вы этого непременно хотите? Хорошо! Я возьму власть въ руки, но власть неограниченную, диктаторскую—другой я не хочу. Мнѣ нужна диктатура для удержанія порядка“. Князю Чарторыскому и Нѣмцевичу понравилась эта мысль, которую однакожь они не совѣмъ поняли. Владиславъ Замоискій обнималъ колѣна Хлопицкаго, благодаря его, отъ имени отечества, за открытіе намъ столь спасительнаго средства. „Я возьму диктатуру, пока соберется сеймъ“, продолжалъ Хлопицкій—„но, Господа! намѣреніе мое должно быть въ величайшей тайнѣ. Васъ, г. Нѣмцевичъ, прошу написать мнѣ тотчасъ прокламацію къ войску!“—Всѣ трое ушли съ большою въ сердцѣ отрадою.

Мысль диктатуры, конечно, не въ то время родилась въ головѣ Хлопицкаго, когда посольство къ нему явилось. Еще наканунѣ была о ней рѣчь, на вечерѣ у г-жи Вонсовичевой. Въ Римѣ, какъ гласятъ самыя лѣтописи, имѣли женщины большое вліяніе на важнѣйшія перемѣны не только въ правленіи, но и въ общественномъ составѣ республики. Наши польки, столько-же дѣятельныя, столько-же изворотливыя, какъ и древнія римлянки, всегда питали въ себѣ духъ политическій: ихъ страсть—заправлять дѣлами. Говорили на вечерѣ у г-жи Вонсовичевой, что временное правленіе намѣрено дать Хлопицкому неограниченную власть. Вонсовичева, какъ утверждаютъ отвѣчала на то, что „диктатура принадлежитъ къ числу вещей, которыя берутся, а не даются“. Сіе остроумное замѣчаніе, быть можетъ, навело Хлопицкаго на мысль. Да и въ самомъ дѣлѣ: кто могъ власть неограниченную, право жизни и смерти, предоставить человѣку, который былъ могущественнѣе всѣхъ—любимцу народа? Человѣку, который былъ уже *de facto* диктаторомъ? Откуда бы, впрочемъ, ни возникла мысль диктатуры, а достовѣрно то, что Хлопицкій, до прибытія еще князя Чарторыскаго и Нѣмцевича, велѣлъ Круковецкому, Шембеку и Скримнецкому быть у него въ 11 часовъ утра. Онъ позвалъ ихъ въ свою комнату тотчасъ по выходѣ посольства отъ правленія, и взявъ съ нихъ честное слово, что все

будеть ему послушно, приказалъ имъ собрать находившіяся въ Варшавѣ войска на Марсово поле, къ 2-мъ часамъ пополудни.

Между тѣмъ, произошло странное недоразумѣніе. Показалось Чарторьскому и Нѣмцевичу, что подъ словомъ диктатура разумѣть Хлопицкій неограниченную власть только надъ войскомъ, для скорѣйшаго возстановленія въ немъ порядка, потрясеннаго въ послѣдніе дни. Въ такомъ понятіи объясняли они, возвратясь въ правленіе, желаніе Хлопицкаго, и вмѣстѣ съ прочими членами изложили постановленіе, которымъ давали ему самую обширную власть, какая быть можетъ, но только надъ войскомъ. Подписавъ это постановленіе, они послали его въ домъ Замоискихъ, гдѣ жилъ Хлопицкій. Не пришло на умъ ни одному изъ членовъ правленія, что диктаторская власть должна была простирается и на дѣла гражданскія, правительственныя ¹⁾.

Хлопицкій получаетъ то постановленіе и снова приходитъ въ ужасный гнѣвъ: поступокъ Чарторьскаго, написаніе постановленія, называетъ измѣною. Онъ просилъ о тайнѣ, а Чарторьскій и Нѣмцевичъ объявили эту государственную тайну цѣлому правленію! Придумалъ, сверхъ того, Хлопицкій, что это была хитрость со стороны Чарторьскаго, что мысль Чарторьскаго была та, чтобы, предложивъ ему, Хлопицкому, неограниченную власть, оторвать часть сей власти, чтобы именно управленіе краемъ оставить за собою, а его сдѣлать просто начальникомъ военныхъ силъ. Онъ хотѣлъ себя симъ провозгласить диктаторомъ, а его назначили! И такъ были люди выше его. Отсюда главная причина его ярости чрезвычайной, неизъяснимой. Онъ надѣваетъ тотчасъ генеральскій мундиръ, ругаетъ все правленіе по солдатски, прицѣпляетъ всѣ свои ордена, французскіе, польскіе и русскіе, бѣжитъ въ правленіе, кидаетъ съ презрѣніемъ присланное ему постановленіе, и, ударивъ кулакомъ по столу, объявляетъ: „что не нужно ему ничего постановленія; что онъ самъ беретъ неограниченную власть, что останется она въ его рукахъ нѣсколько дней, пока соберется сеймъ“ ²⁾.

¹⁾ Но кому-жъ такъ казалось, тотъ весьма ошибался. Всякій главнокомандующій—а Хлопицкій былъ главнокомандующимъ съ 30 ноября—имѣетъ полную, неограниченную власть надъ войскомъ, и не нужно ему никакой другой для удержанія порядка. Диктатура надъ войскомъ есть выраженіе, не имѣющее никакого смысла: диктатура, какъ власть, объемлетъ все, иначе она не была-бы диктатурою. Прим. авт.

²⁾ Съ этого времени наступила нѣкоторая холодность между Чарторьскимъ и Хлопицкимъ, хотя и прежде не было между ними большой дружбы. Пока неограниченная власть оставалась въ рукахъ Хлопицкаго, титуловалъ его Чарторьскій въ разговорѣ съ нимъ: „панъ диктаторъ“,—а Хлопиц-

Высказавъ это остро, подтвердивъ членамъ временнаго правленія быть ему послушными, вышелъ онъ изъ присутствія, сѣлъ на коня, и со всѣмъ штабомъ своимъ отправился на Марсово поле, гдѣ ожидало его войско.

Онъ прибылъ туда часу въ четвертомъ пополудни, окруженный многочисленною свитою. Осанка величавая, выраженіе лица мужественное, взоръ быстрый, голосъ громкій—все знаменовало богатыря, хватающаго желѣзною рукою бразды правленія, для пораженія враговъ. За нимъ высыпала толпою вся Варшава. Его встрѣчали радостные клики народа и войска, призвукахъ полковыхъ музыкъ, игравшихъ народныя пѣсни. Варшавская стража или, какъ называли ее уже тогда, народная гвардія, имѣла также свою музыку. Обѣхавъ ряды, Хлопицкій обратился сперва къ школѣ подпрапорщиковъ Благодарилъ народъ и войско за мужество ихъ, за любовь къ вольностямъ, объяснилъ потомъ сколь нужно правленіе сильное, и, провозгласивъ себя диктаторомъ, спрашивалъ находившихся вокругъ него: согласны-ли на это народъ и войско? Дружные крики: „да здравствуетъ диктаторъ!“ раздались на обширной площади; послѣ сего Хлопицкій, давъ слово, что не употребить во зло своей власти и отдастъ ее сейму, снялъ шляпу и съ чувствомъ воскликнулъ: „да здравствуетъ отечество!“ Музыка снова повсюду загремѣла, все войско проходило церемоніальнымъ маршемъ передъ диктаторомъ и частями исчезало съ площади. Послѣ сего торжественнаго акта, Хлопицкій обѣхалъ всю почти столицу, какъ бы для оглашенія диктатуры, подтвержденной народомъ и войскомъ, и вовсе не думалъ, какъ писали послѣ, возвращаться съ Марсова поля боковыми улицами, боявшись будто послѣдствій похищенія власти. Вечеромъ вышла прокламація, обѣщавшая диктатуру всей Польшѣ, въ слѣдующихъ словахъ: „Принимая во вниманіе, что настоящее критическое положеніе наше требуетъ величайшей во всемъ энергіи и поспѣшности и что малѣйшая остановка въ дѣйствіяхъ можетъ быть пагубною для общаго дѣла, я не изъ тщеславія и не изъ властолюбія, кои мнѣ чужды, но единственно по уваженію обстоятельствъ, слѣдуя примѣру римлянъ, которые, въ опасную годину отечества, диктатору одному ввѣряли верховную власть, объявляю вамъ, поляки, вамъ, храбрые польскіе рыцари, что

кій, въ минуты гнѣва, называлъ князя „Wasan“ (сокращенное Ваць-панъ—Вы, сударь). Хлопицкій принялъ близко къ сердцу обиду, которую приписывалъ Чарторыскому, и тотчасъ выѣхалъ изъ дома Замойскихъ, родственниковъ князя Чарторыскаго. Прим. авт.

только на нѣсколько дней, т. е. до собранія сеймовыхъ палатъ, принимаю на себя званіе диктатора, съ открытіемъ же сейма сложу предъ нимъ сіе званіе. Вѣрьте, соотчичи, что власть диктаторскую я употреблю единственно для блага вашего“.

Принятіе Хлопицкимъ званія диктатора обрадовало, осчастливило Варшаву. Единство власти, война съ Россією наиупорнѣйшая, Польша цѣлая по самый Днѣпръ, — занимали попеременно воображеніе инсургентовъ, уже весьма высоко настроенное. Диктатура соотвѣтствовала всеобщему желанію: она была издавна въ мысли народа. Въ ней видѣли оружіе наступательное, а не узду. Пятый день декабря, — день такъ важный въ исторіи нашего возстанія, обѣщавшій намъ близкую будущность, полную геройской славы, — принесшій полную бѣдствій и обманутыхъ надеждъ, — кончился общимъ восторгомъ, какъ-бы торжественнымъ празднествомъ Польши, какъ-бы свадебнымъ ея пиромъ. Съ наступленіемъ вечера продолжался тотъ-же энтузіазмъ въ публичныхъ зрѣлищахъ, открытыхъ въ первый разъ послѣ 29-го ноября 1830 г. Въ народномъ театрѣ, многочисленная публика не могла удержать своего воинственнаго восторга, когда явились на сценѣ знамена съ изображеніемъ гербовъ Польши, Литвы и Руси (!). Эту мысль обратили тотчасъ къ диктатурѣ, какъ предвѣстницѣ соединенія разорванныхъ земель. Актеры и актрисы окружили знамена и запѣли величественные геройскіе гимны. Вся публика однимъ огромнымъ хоромъ соединяетъ съ ними свой голосъ, и вмѣстѣ съ ними повторяетъ припѣвы: „къ оружію“! — По окончаніи оперы, „Краковяки и гурале“ (Krokowiaсу и Goralе), оркестръ заигралъ танецъ Костюшки, потомъ унылый и важный танецъ Домбровскаго, наконецъ мазурку италіанскихъ легионовъ. Подняли вдругъ занавѣсъ, и на сценѣ начали танцовать актеры и актрисы. Ихъ пляски приводятъ въ искушеніе партеръ: онъ соединяется со сценою, и цѣлый теартъ превращается въ одинъ кругъ танцующихъ. Изъ залы вынесли скамьи и кресла Подпрапорщики, солдаты, офицеры, женщины, академики, національные гвардіанты, — все это смѣшалось въ одну массу и продолжало танцы до того, что устали, наконецъ, пальцы у музыкантовъ, и воинственный, веселый народъ долженъ былъ то припѣвать, то подыгрывать самъ себѣ. Такимъ вечеромъ привѣтствовала Варшава диктатуру! Этотъ восторгъ, эти пляски, эта радость, эти громкіе клики въ честь Хлопицкаго, „въ честь храбрѣйшаго изъ храбрыхъ“ были, конечно, побужденіемъ къ войнѣ, а не къ договорамъ, воззваніемъ къ стремленію далѣе, а не къ бездѣйствію.

Мохнацкій.

ВОСПОМИНАНІЯ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА ПЕРВАГО ПРИЗЫВА

1861—1863.

Въ послѣднее время все чаще и чаще вспоминается въ печати о мировыхъ посредникахъ перваго призыва; при разговорѣ съ молодымъ поколѣніемъ, хотя-бы окончившимъ высшее образованіе, нельзя не убѣдиться, что это молодое поколѣніе очень мало знакомо съ событіями недавняго прошлаго—какъ совершилась величайшая изъ реформъ прошлаго царствованія и кто принималъ въ ней, въ смыслѣ практическаго приведенія ея въ дѣйствіе, наибольшее участіе.

Это обстоятельство навело меня на мысль написать мои, какъ бывшаго мироваго посредника перваго призыва, воспоминанія, сохранившіяся частью въ отрывочныхъ запискахъ, въ памяти и въ документахъ.

Первые мировые посредники утверждались правительствующимъ сенатомъ, отъ котораго должно было зависѣть и ихъ увольненіе. На практикѣ же установился для этого иной, особо изобрѣтенный, порядокъ: губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе въ журналѣ своемъ постановляло, что оно находитъ необходимымъ и полезнымъ въ такомъ-то уѣздѣ такіе-то участки упразднить; съ этого момента прекращалась и дѣятельность посредника упраздняемаго участка, въ который нерѣдко назначался новый посредникъ такъ называемаго втораго призыва. Первые мировые посредники назначались на три года, а служили $3\frac{1}{2}$, посредники-же втораго призыва оставались безсрочно до образованія уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Въ виду крайней многосложности обя-

занностей посредника, мало находилось лицъ, изъявлявшихъ желаніе занять подобный постъ; ихъ искали губернаторы, употребляя для этого много времени и настояній. Губернаторамъ представлялись списки дворянъ, имѣющихъ имущественный цензъ въ 500 д.; образовательнаго ценза не требовалось.

Озабоченный дѣлами собственнаго, не мало разстроенаго за время моей военной службы, имѣнія и занимая очень выгодное мѣсто по завѣдыванію и управленію крупнымъ имѣніемъ, я долго отказывался отъ предложенія губернатора принять на себя обязанности посредника, пока, наконецъ, не уступилъ его настоятельной просьбѣ.

Первымъ дѣломъ мировыхъ посредниковъ, по утвержденіи ихъ правительствующимъ сенатомъ, было сдѣлать раздѣлъ мировыхъ участковъ между собою. Мнѣ достался наибольшій участокъ по протяженію и числу грамотъ, и какъ впоследствии оказалось—самый хлопотливый, потому что прилегалъ къ границѣ другой губерніи, въ которой вводилось малороссійское, а у насъ—при тѣхъ же условіяхъ крестьянскаго быта—великороссійское положеніе. Это обстоятельство долго поддерживало въ крестьянахъ недовѣрчивое сомнѣніе въ правильности моихъ объясненій; они говорили обыкновенно: „чи таки може такъ быть, щобъ у одного царя та бувъ не одинъ законъ!“

Проникнутый величіемъ святаго дѣла и тѣхъ обязанностей, какія возлагалъ законъ на мировыхъ посредниковъ, первой своей задачей я поставилъ намѣтить программу дѣйствій, которую принялъ также одинъ изъ моихъ товарищей.

Эта программа въ виду крайней бѣдности сознанія и совершенной приниженности крестьянъ, порожденной вѣковымъ фактическимъ рабствомъ,—программа эта, естественно, должна была заключаться въ слѣдующемъ:

По открытіи сельскихъ и волостныхъ правленій и по избраніи сельскаго и волостнаго начальства, объяснить крестьянамъ права, дарованныя имъ государемъ и возложенныя на нихъ обязанности передъ государствомъ, обществомъ и помѣщикомъ; останавливаться при этомъ въ особенности на разъясненіи источниковъ, изъ которыхъ эти обязанности вытекаютъ; съ возможною строгостью внушить крестьянамъ, что они обязаны исполнять распоряженія избраннаго ими начальства, указавъ и на отвѣтственность за уклоненіе или прямое неповиновеніе приказаніямъ этого послѣдняго; съ другой стороны поставить на видъ и выборному начальству, чтобы оно, подъ угрозой ареста, штрафовъ и смѣщеній, не допускало злоупо-

треблений, произвола и не поддавалось соблазну всевозможных угощений и въ особенности взятокъ; выяснить крестьянамъ такъ мало привычное для нихъ понятіе и значеніе закона, исполненіе котораго, подѣ страхомъ одинаковой отвѣтственности, равно обязательно для всѣхъ подданныхъ государя отъ высшихъ начальниковъ и до послѣдняго крестьянина; особенно настойчиво и при всевозможныхъ случаяхъ толковать о различіи между волей, дарованной имъ для ихъ счастья, и своеволіемъ, которое всегда, въ виду своихъ разрушительныхъ послѣдствій, должно быть подавляемо наиболѣе тяжкими наказаніями; указывая волостнымъ судьямъ на высокую и святую ихъ обязанность, поставить за правило, чтобы открытію суда предшествовала молитва „Отче нашъ“, какъ всѣмъ извѣстная; объяснить крестьянамъ значеніе уставныхъ грамотъ, приводя при этомъ наглядное сравненіе относительной выгоды издѣльной повинности, оброка и выкупа надѣла при содѣйствіи правительства; вмѣстѣ съ тѣмъ, не щадя усилій, исчерпывать всѣ убѣжденія, чтобы крестьяне не отказывались отъ земли и не уменьшали своихъ надѣловъ, но гдѣ только возможно съ полнымъ надѣломъ переходили на выкупъ прилагать при этомъ стараніе, чтобы крѣпостная связь крестьянъ; съ помѣщикомъ замѣнилась отношеніемъ добрыхъ сосѣдей; поддерживать крестьянскія общества на первыхъ шагахъ ихъ самостоятельной жизни; приучить крестьянъ къ систематической повѣркѣ поступающихъ съ нихъ различныхъ сборовъ; въ видахъ огражденія обществъ отъ эксплуатаціи кабатчиковъ, держать этихъ послѣднихъ подѣ угрозой постоянного надзора; главнѣйшей же нашей заботой было не останавливаться ни передъ какими средствами въ предупрежденіи печальной необходимости содѣйствія войскъ или тѣлесныхъ наказаній, для чего постоянные разъѣзды, возможно частое посѣщеніе волостей, продолжительныя бесѣды съ крестьянами были признаны нами первою нашею обязанностью. Чтобы слѣдить за правильнымъ исполненіемъ крестьянами обязанностей передъ помѣщикомъ, установленъ былъ такой порядокъ: за всякую прошедшую недѣлю сельскій староста обязанъ былъ получить отъ помѣщика или довѣреннаго лица квитанцію по данной формѣ въ томъ, что повинность въ пользу помѣщика исполнена крестьянами добросовѣстно или, въ противномъ случаѣ, должны быть обозначены неотработанные дни или указана беспорядочность работы вообще. Волостному старшинѣ было вмѣнено въ обязанность доставлять посреднику эти квитанціи за всю волость не позже воскресенья. Неудовлетворительная квитанція обязывала насъ къ немедленному разбору дѣла, при чемъ судъ скорый, строгій и справедливый всегда оказывался первымъ

условіемъ умиротворенія сторонъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для возстановленія порядка.

При разборѣ подобныхъ дѣлъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда возможно было оказать снисхожденіе или прощеніе, съ просьбой о такомъ, по совѣту посредника, крестьяне обращались къ помѣщику и въ большинствѣ случаевъ не встрѣчали отказа. Изобличенная лѣнь, небрежность или умышленная порча подвергались взысканію безъ снисхожденія; пропущенные дни обрабатывались, ущербъ, причиненный владѣльцу, возмѣщался трудомъ или деньгами, а виновные наказывались строгимъ арестомъ на хлѣбъ и на воду, который и отбывали въ праздничные дни.

До введенія уставной грамоты, крестьяне обязаны были отбывать въ недѣлю три мужскихъ и два женскихъ дня отъ тягла. Въ своемъ участкѣ я просилъ помѣщиковъ назначать крестьянамъ работы на цѣлую недѣлю, если это оказывалось возможнымъ по характеру повинности, при чемъ, по исполненіи недѣльнаго урока, крестьяне должны были немедленно отпускатся. Этотъ способъ отбыванія повинности былъ очень удобенъ для крестьянъ: на работы они являлись цѣлыми семействами и нерѣдко въ одинъ день справлялись съ недѣльной задачей.

Весь 1861 годъ былъ посвященъ водворенію порядка въ сельскихъ и волостныхъ правленіяхъ, равно и въ волостныхъ судахъ ввѣреннаго мнѣ участка. Для этой цѣли приходилось каждую недѣлю объѣзжать правленія, преимущественно волостныя, что давало возможность говорить съ крестьянами и путемъ непрерывныхъ разъясненій и толкованій достигать спокойствія, такъ необходимаго при осуществленіи высокой задачи реформы. Къ концу 1861 года уже рѣже получались квитанціи, вызывавшія насъ къ немедленному разбору дѣлъ. Переходъ отъ рабскаго состоянія крестьянъ къ полной отмѣнѣ помѣщичьей власти надъ ними, къ дарованію крестьянамъ всѣхъ правъ свободнаго состоянія, переходъ этотъ, являясь самой величавой стороной крестьянской реформы, представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ крупную перемѣну, чтобы можно было рассчитывать на успѣшный ходъ ввода уставныхъ грамотъ, хотя-бы послѣ безустанной подготовительной работы цѣлаго года. И дѣйствительно, едва весной 1862 года я приступилъ къ этому дѣлу, какъ встрѣтилъ препятствія не только со стороны крестьянъ, но и въ лицѣ крупныхъ и просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ. Помѣщики-же средняго достатка вслѣдствіе своей близости и болѣе благопріятныхъ отношеній къ крестьянамъ обыкновенно оказывались сговорчивѣе и во всякомъ случаѣ для

противодѣйствія сравнительно были ограничены въ средствахъ вліянія. Одни крестьяне говорили: „мы ни на що не согласни!“, другіе упорствовали въ желаніи получить даровой надѣль, т. е. $\frac{3}{4}$ д. на душу съ усадебною осѣдлостью; иные ссылались на слухъ о царскомъ указѣ, повелѣвающемъ отрубить правую руку всѣмъ, кто подпишетъ грамоту...

Надо было снова толковать крестьянамъ, призывая Бога во свидѣтели, увѣрять ихъ, что разъясненія мои, чуждыя какой-бы то ни было своекорыстной мысли, внушены единственно горячимъ желаніемъ содѣйствовать ихъ благополучію, что всякое слово неправды влечетъ для меня тяжкую отвѣтственность и передъ совѣстью и передъ закономъ... Въ подтвержденіе своихъ увѣреній я снималъ передъ ними шапку, крестился и клялся, что сообщаю имъ только то, что изображено въ законѣ, при этомъ заставлялъ писаря прочитывать изъ „Положенія“ статьи, относящіяся къ волнующему крестьянъ вопросу...

Какъ и въ тревожные годы 1858 и 1859, волненіе крестьянъ, не выходя изъ предѣловъ напряженнаго отношенія къ вопросу, затрогивавшему глубокіе жизненные интересы, мало по малу стихло, уступая мѣсто спокойной разсудительности и серьезности. Въ особенности всевозможные слухи, которымъ такъ быстро поддавалась крестьянская масса въ періодъ конфиденціальной циркуляціи рескриптовъ, теперь, видимо, теряли свое обаяніе, что, разумѣется, въ значительной степени обусловливало успѣшность дальнѣйшаго хода реформы. Такъ, въ 1862 году губернаторъ объѣзжалъ уѣзды и бесѣдовалъ съ крестьянами. Я ожидалъ его въ одной волости своего участка. Волость вся въ сборѣ. Старшина докладываетъ мнѣ объ арестѣ одно крестьянина сосѣдней губерніи, который, проѣзжая мимо собравшихся, остановилъ лошадей и, подошедши къ крестьянамъ, спросилъ—кого они ожидаютъ?

„Губернатора“.

— Якого? Я его бачивъ! Це васъ паны обманывають: вони нарядили своего человіка (лакея), тай послали васъ дурить!“

Никого не взволновавъ, встрѣченный полнымъ негодованіемъ со стороны крестьянъ, составитель этой нелѣпицы понесъ надлежащую кару: по распоряженію губернатора онъ былъ наказанъ предъ волею розгами.

Введеніе уставной грамоты проходило слѣдующія операціи: не всѣ помѣщики представляли посреднику, какъ слѣдовало по закону, готовую уставную грамоту. Въ большинствѣ случаевъ посреднику передавался частный планъ на крестьянскій надѣль

и ревизская сказка. Первымъ дѣйствіемъ посредника было — осмо- трѣть крестьянскій надѣлъ съ старшиной и стариками, при чемъ, по достаточномъ выясненіи желаній крестьянъ, неосновательныя заяв- ленія прямо отклонялись, а болѣе или менѣе основательныя пере- давались помѣщику съ просьбой возможныхъ уступокъ. Согласивъ взаимныя требованія крестьянъ и помѣщика, посредникъ состав- лялъ уставную грамоту, которая, при свидѣтеляхъ, скрѣплялась подписью сторонъ и утвержденіемъ посредника.

Подлинная уставная грамота отправлялась въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, а стороны получали засвидѣ- тельствованныя копіи. Одновременно съ вводомъ уставной грамоты заключался и выкупной договоръ. Правительство принимало на себя $\frac{2}{5}$ стоимости выкупаемаго надѣла, предоставляя $\frac{1}{5}$ добро- вольному соглашенію помѣщика съ крестьянами. Были случаи, когда помѣщики дарили крестьянамъ всю пятую часть выкупа, но такіе случаи рѣдки, какъ рѣдки и тѣ, чтобы помѣщикъ ни- чего не уступалъ. Большею частью дарили помѣщики половину $\frac{1}{5}$ выкупа, при чемъ составлялось дополнительное къ выкупному дого- вору условіе, въ которомъ точно опредѣлялась вся сумма пятой части выкупа и подробно обозначался срокъ и способъ расчета за неуступленную долю пятой части.

Не смотря на везоможныя затрудненія, съ какими естественно сопряжено осуществленіе вѣками назрѣвавшей реформы, не смотря на обманчивую подвижность крестьянскаго настроенія съ одной стороны и эгоистически упорную подчасъ неподвижность помѣщиковъ съ другой, въ моемъ участкѣ всѣ грамоты (около 70), за исключеніемъ трехъ—четырехъ, введены были по обоюдному согласію крестьянъ съ помѣщиками, съ полнымъ надѣломъ и, во всякомъ случаѣ, съ не меньшимъ противъ того, какимъ пользовались крестьяне при крѣпостномъ правѣ. Нечего говорить о тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда обоюдное согласіе крестьянъ и помѣщиковъ являлось естест- веннымъ результатомъ ихъ взаимныхъ благопріятныхъ отношеній; такъ не могу пройти молчаніемъ трогательнаго отношенія крестьянъ къ своей помѣщицѣ, не задолго до 19 февраля овдовѣвшей.

Вдовѣ и ея дѣтямъ принадлежало въ моемъ участкѣ два круп- ныхъ имѣнія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ имѣніи отношенія владѣлицы къ крестьянамъ были одинаковы. Вводъ этихъ грамотъ былъ не трудъ для меня, а искреннее удовольствіе. Крестьяне сразу согласились на выкупъ, кое-какіе изъ нихъ заявляли просьбы, какъ-то: уступить имъ пустопорожную усадьбу, кусокъ лужка, имъ необходимый, которымъ они не пользовались, и получали удовле-

твореніе, но за то съ своей стороны они отказались отъ уступки имъ какой-либо суммы изъ пятой части, заявивъ, что половину пятой части они въ непродолжительный срокъ заплатятъ, а половину также въ опредѣленный срокъ отработаютъ.

Въ три съ половиною года моей дѣятельности я не получалъ изъ этихъ имѣній ни одной жалобы на крестьянъ. Были жалобы на дворовыхъ людей за пьянство. Не имѣя никакихъ дѣйствительныхъ въ моемъ распоряженіи средствъ къ искорененію этого зла, я совѣтовалъ всѣхъ пьяницъ до срока уволить отъ обязательныхъ отношеній. Не прошло и года, какъ уволенные явились къ прежней владѣлицѣ и остались служить за небольшое жалованье. Большинство изъ нихъ служили до смерти, а нѣкоторые и теперь остаются у той-же владѣлицы—старики и старухи, въ видѣ пансіонеровъ. Большею-же частью, даже при добромъ желаніи обѣихъ сторонъ, къ обоюдному соглашенію приходили послѣ болѣе или менѣе тяжелаго процесса всевозможныхъ колебаній: тамъ нужно было поддержать боязливую нерѣшительность, разсѣять тревожное недоразумѣніе, нелѣпное опасеніе ошибиться въ своихъ интересахъ... тамъ хлопотать объ уступкахъ, умолять о согласованіи права съ возможностью... Если-же отношенія крестьянъ къ помѣщицѣ были подорваны хроническою непріязнью, если къ дѣлу соглашенія примѣшивалось эгоистическое желаніе повыгоднѣе осуществить свое право, въ лучшемъ случаѣ приходилось ограничиться выполненіемъ наименьшихъ требованій закона, да и то подѣ страхомъ извѣтговъ, подозрѣній, докучливыхъ жалобъ... Впрочемъ, факты всегда говорятъ сами за себя, къ нимъ я и перейду.

Въ началѣ 1861 года, одинъ богатый помѣщикъ заявилъ о своемъ желаніи перевести крестьянъ на выкупъ, при чемъ обѣщавалъ подарить имъ пятую часть выкупа. Имѣя въ виду, что уступка пятой части можетъ благопріятно повліять на другихъ владѣльцевъ, я рѣшилъ начать вводить уставныхъ грамотъ съ этого имѣнія. При ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ обществомъ, я былъ пораженъ его бѣдностію и полнымъ непріязни отношеніемъ къ своему помѣщику. Изъ 317 домохозяевъ только 102 имѣли рабочій скотъ; нѣсколько семействъ, лишенныхъ своихъ жилищъ, проживали у своихъ сосѣдей... Но такъ какъ при добровольномъ соглашеніи обѣихъ сторонъ на выкупъ надѣла не требовалось отъ мирового посредника удостовѣренія въ состоятельности крестьянъ, то я и не измѣнялъ своего намѣренія ввести первую уставную грамоту въ этомъ имѣніи. Передъ вводомъ грамоты, я долго бесѣдовалъ съ крестьянами, стараясь выяснитъ къ чему удобнѣе и выгоднѣе имъ приступать.

Приводя сравненіе относительной тяжести и соотвѣтствующихъ выгодъ издѣльной повинности, оброка и выкупа, я не щадилъ усилій убѣдить крестьянъ въ неизмѣримыхъ преимуществахъ этого послѣдняго, при этомъ указывалъ подробный расчетъ работъ по издѣльной повинности платежа при оброкѣ и выкупѣ. Убѣжая изъ этого имѣнія, я объявилъ крестьянамъ, что черезъ десять дней возвращусь для ввода уставной грамоты, и совѣтовалъ имъ воспользоваться тѣмъ временемъ и обстоятельно подумать надъ всѣмъ, что я имъ говорилъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ священника внушать крестьянамъ, что выкупъ надѣла—наилучшій и выгоднѣйшій способъ окончательнаго расчета съ помѣщикомъ.

По прїѣздѣ въ это имѣніе, я прежде всего освѣдомился у священника относительно настроенія крестьянъ. замѣчу, что я ни священнику, ни крестьянамъ не говорилъ о намѣреніи владѣльца подарить крестьянамъ пятую часть выкупа. Я желалъ, чтобы крестьяне получили этотъ даръ изъ первыхъ рукъ, что могло-бы способствовать улучшенію ихъ взаимныхъ отношеній. Отъ священника я узналъ, что на его совѣты приступать къ выкупу крестьяне отвѣчали боязливою нерѣшительностью:

— „Вы, батюшка, совѣтуете на выкупъ и посредникъ такъ совѣтуетъ, той панъ такъ каже! а влнъ зроду вамъ правды не казавъ“.

На другой день я объявилъ крестьянамъ о предстоящемъ введѣніи уставной грамоты, и послѣ продолжительныхъ разсужденій, крестьяне, наконецъ, пришли къ тому убѣжденію, что выкупъ надѣла наилучшій для нихъ исходъ. При обсужденіи вопроса о пятой части я посовѣтовалъ крестьянамъ обратиться къ помѣщику съ просьбой подарить ее. Совершенно для меня неожиданно, два или три голоса заявляютъ:

— „Мы просить не будемъ, лучше -ему отробимъ!“

— „Какъ-же вы отробите? вѣдь пятой части около 20,000 р.“

— „А такъ и отробимъ: обробляли-жъ мы ему больше, чѣмъ по 1,000 десятинъ въ годъ, будемъ еще оброблять года четыре 1,000 десятинъ! положить по 5 руб. за десятину — вотъ мы и отробимъ въ четыре года пятую часть!“

— „А какимъ скотомъ вы обрабатывали эту землю—своимъ чи паньскимъ?“

— „Ни, у насъ своего скота нема! извѣстно, паньскимъ: мы народъ тощій!“

— „А если панъ не дастъ своего скота, чѣмъ вы будете оброблять?“

Эта сторона дѣла, повидимому, впервые предстала предъ крестьянами, и они на мой вопросъ отвѣчали молчаніемъ. Я посовѣто-

валь имъ собраться завтра въ 10 часовъ и идти къ пану съ низкимъ поклономъ просить его согласія на выкупъ.

— „Какъ панъ согласится, то вы еще ниже поклонитесь и попросите подарить вамъ пятую часть, скажите ему, что и до віку не забудете такой его милости и постараетесь и вы и дѣти ваши всегда быть благодарными“.

Съ этими словами я распустилъ сходъ.

Въ тотъ-же вечеръ я былъ у помѣщика. Казалось, что онъ доволенъ такимъ ходомъ дѣла.

На другой день я въ квартирѣ пью чай (во избѣжаніе возможныхъ подозрѣній со стороны крестьянъ, я никогда не останавливался у помѣщика). Входитъ старшина и сообщаетъ, что самъ помѣщикъ къ крестьянамъ не вышелъ, а выслалъ конторщика объявить о своемъ несогласіи на выкупъ. Пораженный этимъ извѣстіемъ, я отправился къ помѣщику. Ни просьбы мои воспользоваться согласіемъ крестьянъ, ни напоминанія о вчера выраженныхъ обѣщаніяхъ ничто не помогало!

Помѣщикъ твердилъ одно: „какъ сдѣлаютъ другіе, такъ сдѣлаю и я!“ Послѣ двухдневнаго безуспѣшнаго толкованія съ помѣщикомъ, я ввелъ уставную грамоту. Крестьяне остались на издѣльной повинности. Приѣхавъ въ эту волость недѣли черезъ двѣ, я узналъ, что при обсужденіи крестьянами вопроса о выкупѣ присутствовалъ конторщикъ, который и сообщилъ помѣщику о тѣхъ двухъ—трехъ голосахъ, которые предлагали пятую часть отработать. Это-то обстоятельство и смутило помѣщика: онъ надѣялся получить даже невозможное! вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщикъ изъявлялъ согласіе пустить крестьянъ на выкупъ, но съ условіемъ, чтобы пятая часть была отработана. Крестьяне, конечно, принуждены были отклонить подобное предложеніе. Неудача, повидимому, раздражила помѣщика въ такой степени, что онъ не остановился даже предъ притѣсненіемъ крестьянъ. Вскорѣ по введѣ уставной грамоты, помѣщикъ сталъ требовать, чтобы всѣ мужскіе дни отработывались со скотомъ, котораго у двухъ третей домохозяевъ не было. Не оспаривая подобнаго права за помѣщикомъ, я просилъ его войти въ положеніе крестьянъ. Тѣмъ не менѣе владѣлецъ настаивалъ на своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи, чтобы крестьянское общество приняло на себя разницу между пѣшаго (20 к.) и коннаго (50 к. въ день) рабочаго, т. е. 30 к., и высылало, вмѣсто коннаго, пѣшаго рабочаго. Я доказывалъ, что такого расчета „Положеніе“ не допускаетъ и, не убѣдивъ помѣщика, долженъ былъ довести до свѣдѣнія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое и согласилось съ моимъ заключеніемъ.

Помѣщикъ не измѣнялъ своего плана дѣйствій. Не получивъ желаемаго удовлетворенія по требованію подводъ, онъ черезъ нѣкоторое время заявилъ новое требованіе, чтобы водопой крестьянскаго скота былъ отдѣльно, хотя по уставной грамотѣ водопой показанъ общимъ изъ пруда, находящагося въ томъ-же селѣ. Для достиженія и исполненія своего желанія, онъ въ концѣ села вырылъ сажалку, весьма недостаточную, огородилъ съ одной стороны прудъ и какъ-бы въ добавокъ къ сажалкѣ оставилъ проходъ къ пруду, но настолько узкій, что едва двѣ скотины могли пройти рядомъ. Желая, чтобы его распоряженіе было утверждено, онъ представилъ его для утвержденія въ сѣздѣ мировыхъ посредниковъ. Я объяснилъ въ сѣздѣ положеніе водопоевъ. Сѣздъ постановилъ: расширить до извѣстнаго предѣла проходъ скота къ пруду, т. е. къ водопою.

Я надѣялся, что это послѣднее требованіе владѣльца; но я горько ошибся. Вскорѣ на сѣздѣ посредниковъ онъ обратился ко мнѣ съ просьбой поспѣшить прїѣздомъ въ его имѣніе для засвидѣтельствованія полюбовнаго соглашенія съ крестьянами на обмѣнъ ихъ надѣла. Тутъ-же я далъ предписаніе волостному старшинѣ, чтобы въ воскресенье все общество было собрано при волостномъ правленіи, при чемъ причины сбора не объяснилъ. Подъѣзжая къ волости, я не могъ не замѣтить крайне возбужденнаго состоянія крестьянъ; жестикуляція рукъ, крики: „нехай насъ стрѣляютъ, нехай насъ ссылають, а мы несогласни!“ — характеризовали положеніе дѣла... Подъѣхавъ къ волости, я строго приказалъ замолчать. На мой вопросъ о причинѣ шума, смущенный старшина уклонился отъ отвѣта и предложилъ разспросить стариковъ. Эти послѣдніе объяснили:

— „Нашъ помѣщикъ желаетъ отобрать нашъ надѣлъ, дать намъ другую землю и насъ совсѣмъ раззорить. Онъ сказалъ, что ваше высокородіе прїѣдете отбирать землю“.

— „Кому это онъ сказалъ?“

— „Говорилъ старшинѣ, а старшина намъ!“

Я объяснилъ крестьянамъ, что каждый владѣлецъ въ первыя шесть лѣтъ по ввводѣ уставной грамоты имѣетъ право просить о размежеваніи его съ крестьянами, гдѣ это является необходимымъ, но съ общаго согласія.

— „Вы знаете хорошо ту землю, которую помѣщикъ желаетъ промѣнять?“

— „Знаемъ!“

— „Чѣмъ-же она неудобна?“

— „Помилуйте! Нашъ надѣль кругомъ нашихъ усадебъ: выйдеть-ли скотина, она идетъ на нашу землю, а та земля за мостомъ тянется верстъ на восемь довгою полосою и безъ воды; если у насъ отберутъ нашъ надѣль, мы совсѣмъ пропали! За всякую скотину или птицу, за все должны будемъ платить штрафъ! Лучше пускай насъ высылаютъ въ Сибирь, но мѣняться мы не согласны!“

Послѣднее слово подхватило все общество.

— „Если не согласны, такъ не о чемъ намъ и разсуждать! Помните одно: если я вамъ что говорю, то говорю такъ, какъ написано въ законѣ. Мимо закона я ничего сдѣлать права не имѣю!

Я распустилъ сходъ. Народъ расходился успокоеннымъ. Чтобы составить представление о предположенномъ помѣщикомъ обмѣнѣ, я съ старшиной отправился взглянуть на землю. Надѣль оказался неудобнымъ не только потому, что не приурочивался къ крестьянской осѣдлости, но и потому, что этотъ участокъ земли около 2,000 дес. тянулся узкой полосой на много верстъ и оказался-бы крайне раззорительнымъ для крестьянскаго хозяйства. Послѣ осмотра земли, старшина мнѣ сказалъ:

— „Доложу в. в., что если-бы крестьянъ стали стрѣлять, то и тогда-бы они не согласились мѣняться“.

Я объяснилъ помѣщику—въ какомъ возбужденномъ состояніи я засталъ крестьянское общество и передалъ ему все, что слышалъ отъ стариковъ относительно предположеннаго обмѣна. Нисколько не смущаясь, помѣщикъ отвѣтилъ:

— „Скажите пожалуйста?! Что-же это значить?... Крестьяне были согласны, хотя спросите...“

Тутъ онъ назвалъ лицъ низшей экономической администраціи... Я предложилъ помѣщику собрать сходъ и въ моемъ присутствіи поговорить съ крестьянами, но послѣдовать моему совѣту онъ не согласился, сказавъ:

— „Если не согласны, то я и не настаиваю“.

Спустя нѣкоторое время послѣ описаннаго случая, я былъ у губернатора (замѣчу, что губернаторъ, который упрасивалъ меня принять должность посредника, получилъ высшее назначеніе). Послѣ привѣтствія, губернаторъ мнѣ сказалъ:

— „А на васъ опять жалоба“.

— „Отъ кого и за что?“

— „N пишетъ, что онъ сошелся съ крестьянами на обмѣнъ ихъ надѣла, но вы пріѣхали и разстроили это соглашеніе“.

Я объяснилъ губернатору подробно какъ было дѣло и просилъ его разслѣдовать.

— „Помилуйте, какое слѣдствіе! Онъ даже не жалуется, а говорить только какъ о неудавшемся соглашеніи“.

— „Но писать объ этомъ вамъ, какъ непосредственному моему начальнику, писать завѣдомо самую гнусную ложь, это настолько преступно, что я почтительнѣйше прошу ваше превосходительство командировать кого угодно и только спросить у крестьянъ—были-ли они согласны на обмѣнъ своего надѣла? Тогда только ваше превосходительство убѣдитесь насколько накопилось у господъ, жалующихся на меня, желчи за то только, что дѣйствія мои строго законны“.

На это губернаторъ, улыбаясь, сказалъ:

— „Что ни говорите, а еслибы вы захотѣли, то соглашеніе остоялось-бы“.

Тогда мнѣ ничего не оставалось, какъ откланяться и выйти. Въ началѣ 1862 года одинъ изъ посредниковъ оставилъ службу и участокъ его былъ раздѣленъ между остальными посредниками. Къ моему участку присоединилась еще одна волость: волость эта состояла изъ двухъ поселеній, т. е. села и деревни, принадлежавшихъ одному владѣльцу, а потому составляла одно сельское общество. Грамота введена была безъ согласія крестьянъ и крестьяне остались на издѣльной повинности. Ознакомившись съ этою новою волостью, я нашелъ въ ней не малую запущенность дѣлъ, въ особенности по исполненію издѣльной въ пользу владѣльцевъ повинности. Однако, съ избраніемъ новаго старшины, удалось ввести нѣкоторый порядокъ, не смотря на исключительныя обстоятельства, какія я здѣсь встрѣтилъ. Я узналъ, что тутъ находится крестьянинъ-фанатикъ Демко, успѣвшій пріобрѣсть безграничное довѣріе своего общества. Охваченный безумною мыслью, онъ внушалъ крестьянамъ ни на что не соглашаться „до случайнаго часа“, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда выходилъ на работу и безпрекословно выполнялъ всѣ обязанности. Я чаще сталъ пріѣзжать въ эту волость, осматривалъ производимыя крестьянами работы, при чемъ требованія мои по поводу тѣхъ или другихъ упущеній никогда не встрѣчали ни малѣйшаго протеста. Попытка вызвать крестьянина Демка на откровенность, всѣ убѣжденія съ моей стороны въ полномъ безразсудствѣ приписываемой ему мысли, угрозы законною отвѣтственностію за возмущеніе общества— все оказалось тщетнымъ. 19-го февраля 1863 г. волостной старшина донесъ мнѣ, что въ этотъ день ни одинъ крестьянинъ не вышелъ на работу. Я тотчасъ прибылъ въ волость. Собравные на сходъ, крестьяне заявили, что, исполняя всѣ обязанности по царскому указу „до случайнаго часу“, т. е. до 19-го февраля

1863 года, дальше они работать не обязаны. Это была попытка: „А може и справді Демко правду казавъ?“ Повторивъ крестьянамъ то, что я такъ часто говорилъ имъ при объясненіяхъ „Положенія“, я закончилъ бесѣду съ ними такими словами:

— „Я остаюсь здѣсь нѣсколько дней; если кто изъ васъ не выйдетъ завтра на работу, тотъ не можетъ рассчитывать на какое-бы то ни было снисхожденіе. Вы знаете, какъ поступаю я съ тѣми, кто не исполняетъ закона, къ охраненію котораго я призванъ царскою волею. Еще разъ убѣждаю васъ слушать только меня, иначе вамъ придется понести жестокое наказаніе, а можетъ быть—и подвергнуться раззоренію“.

Не безъ тревоги провелъ я ночь. Утромъ старшина доложилъ, что сельчане вышли на работу, а вся деревня куда-то ушла, оставивъ въ домахъ женъ и дѣтей. По наведеннымъ справкамъ не оставалось сомнѣнія, что деревня ушла въ губернской городъ съ жалобой на меня. Крестьянъ я не преслѣдовалъ, во-первыхъ, во избѣжаніе возможнаго столкновенія, а во вторыхъ, изъ боязни подать поводъ къ подозрѣнію, что посредникъ „злякався“ (испугался). По прибытіи въ губернской городъ, два вожака принесли губернатору жалобу на требованія со стороны посредника дальнѣйшихъ работъ, выполненіе которыхъ съ наступленіемъ „случнаго часа“ по царскому указу для нихъ не обязательно. На вопросъ губернатора объ уставной грамотѣ, вожаки отвѣчали: „Про таку мы ничего не чулы, ничего не бачилы, ни на що не соглашались и ничего не подписывали“.

На другой день къ квартирѣ губернатора были собраны всѣ бѣглецы и губернаторомъ лично была прочтена три раза уставная грамота, доставленная изъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Каждый разъ по прочтеніи, губернаторъ спрашивалъ: „поняли, крестьяне, уставную грамоту?“ и каждый разъ встрѣчалъ гробовое молчаніе; но когда послѣ третьяго чтенія крестьяне воскликнули: „мы ничего ни чулы и ни на що не согласни!“ вожаки были арестованы, а всѣ остальные крестьяне подъ прикрытіемъ двухъ полицейскихъ отправлены домой.

Одновременно съ возвратившимися бѣглецами прибылъ въ волость и жандармскій генераль, для разслѣдованія дѣла. Поступокъ крестьянъ генераль разсматривалъ какъ бунтъ; для меня же, располагавшаго всѣми фактами дѣла, въ дѣйствіяхъ крестьянъ ясно было только упорство въ неисполненіи моихъ приказаній, что было такъ естественно при рѣшеніи вопроса, затрогивающаго жизненные интересы общества. Давши генералу подробное объясненіе о состояніи

волости, я старался убѣдить его, что крестьяне въ данномъ случаѣ, чуждые какой-бы то ни было злонамѣренности, дѣйствовали лишь подѣ влияніемъ боязни ошибиться въ своихъ выгодахъ, а къ губернатору обратились, какъ къ источнику высшей справедливости. желая выяснитъ себѣ настоящую суть дѣла. Обращая вниманіе лишь на одну сторону, генераль былъ готовъ подвергнуть крестьянъ строгому взысканію за „самоволіе“; однако, по разъясненіи всѣхъ обстоятельствъ, склонился къ предложенному мною плану дѣйствій. Планъ состоялъ въ слѣдующемъ: на другой день собрать всѣхъ крестьянъ этого имѣнія и, приготовивъ для вящаго внушенія розги, отдѣлить сельчанъ отъ бѣглецовъ; генераль, поздоровавшись съ сельчанами, разспросилъ ихъ—какимъ порядкомъ вводилась уставная грамота, были-ли объяснены посредникомъ смыслъ ея и значеніе и вообще права и обязанности крестьянъ; говорить неправду въ моемъ и волостнаго старшины присутствіи они не могли; затѣмъ двое бѣглецовъ по моему вызову должны были быть проэкзаменованы насколько они ознакомились съ „Положеніемъ“ по моимъ толкованіямъ, чѣмъ и обнаружится ложь, которую они сообщили губернатору; уличенныхъ въ винѣ генераль освободитъ отъ наказанія подѣ условіемъ моего поручительства за дальнѣйшее поведеніе крестьянъ, которые тутъ-же подтвердятъ клятвенно свое обѣщаніе слѣдовать всегда моимъ приказаніямъ. Нечего говорить, что этотъ планъ вполне удался къ великой радости моей и генерала, не ожидавшаго встрѣтитъ въ крестьянахъ такое разумное пониманіе ихъ правъ и обязанностей. По выѣздѣ генерала, я немедленно приступилъ ко взысканію прогульныхъ дней. Крестьяне такимъ образомъ потеряли всякое довѣріе къ Демко, а по прибытіи вожаковъ—преисполнились къ нимъ такимъ негодованіемъ, что тѣ должны были нѣкоторое время скрываться отъ нихъ. Такъ окончилась эта исторія, надѣлавшая въ свое время много шуму и названная бунтомъ.

Еще слово о третьей уставной грамотѣ, которая хотя закончилась поднятіемъ задравныхъ чарокъ, но по послѣдствіямъ своимъ была для меня крайне непріятна. При обсужденіи вопроса о пятой части выкупа супругъ владѣлицы имѣнія объявилъ крестьянамъ, что имъ уступается изъ пятой пятая часть. Крестьяне, не удовлетворяясь такой уступкой, просили владѣлицу уступить всю пятую часть, которая въ моемъ присутствіи и была подарена. Правда, супругъ владѣлицы тутъ-же сказалъ: „я имъ уступилъ уже изъ пятой части пятую долю и остальнаго не потребую, если крестьяне будутъ вести себя какъ подобааетъ добрымъ сосѣдямъ“. Сообразно съ этимъ въ дополнительномъ условіи значилось, что изъ пятой

части уступлена только пятая доля, а остальная сумма разсрочена на 4 или 5 лѣтъ. Крестьяне, вѣря торжественно выраженному обѣщанію помѣщика, подписали условіе. На замѣчаніе мое, что подобное условіе не даетъ никакой гарантіи крестьянамъ, послѣдовалъ успокоительный отвѣтъ, что все это дѣлается только ради „острастки“ крестьянамъ. Я засвидѣтельствовалъ условіе. Но какъ скоро утверждёнъ былъ выкупной договоръ, немедленно была потребована уплата извѣстной части по дополнительному условію. Я пытался поставить на видъ, что крестьяне, насколько мнѣ извѣстно, не нарушали отношений добрыхъ сосѣдей, но мнѣ отвѣчали:

„Что написано перомъ, того не вырубишь и топоромъ!“

Долго не покидало меня чувство стыда за излишнюю довѣрчивость.

Введеніе уставныхъ грамотъ, составляя центральный моментъ въ ходѣ реформы, сопровождалось, естественно, наиболѣе рѣзкими явленіями, наибольшимъ напряженіемъ заинтересованныхъ лицъ. Насколько серьезна и нерѣдко тяжела была въ этомъ случаѣ роль посредника, съ достаточною ясностью говорятъ изложенные факты. Но и другія обязанности, лежавшія на посредникѣ, сравнительно менѣ существенныя, требовали однако неослабѣвающей дѣятельности. Нужно сказать, что законъ для крестьянъ представлялъ нѣчто, полное таинственнаго обаянія; къ чтенію закона они относились съ трогательнымъ чувствомъ дѣтской радости; они употребляли на ознакомленіе съ статьями „Положенія“ все свое свободное время... Разрѣшеніе возникавшихъ при этомъ недоразумѣній лежало, естественно, всецѣло на обязанности посредника. Затѣмъ еще оставалась постоянная, при требовательности помѣщиковъ, томительная работа судебного характера, непрерывный надзоръ за ходомъ крестьянскаго управленія... Но какъ ни маловажны сравнительно факты, сопровождавшія эту дѣятельность посредника, каждый въ отдѣльности, въ общемъ они представляютъ обильный матеріалъ для характеристики того времени.

Вскорѣ по объявленіи въ церквахъ высочайшаго манифеста, ко мнѣ явилось сельское общество ближайшаго села за совѣтомъ — должны-ли высылать крестьяне и теперь дѣтей на фабрику ихъ помѣщика? Не будучи еще утверждёнъ въ должности посредника, я тѣмъ не менѣ объяснилъ крестьянамъ, что они имѣютъ право не высылать своихъ дѣтей; при этомъ сказалъ: „вы теперь не крѣпостные крестьяне, а временно-обязанные, т. е. сосѣди вашего бывшего владѣльца; хорошіе же сосѣди должны помогать другъ другу: если вашъ бывший помѣщикъ нуждается въ васъ, то весьма вѣроятно,

во многихъ случаяхъ вамъ трудно будетъ обойтись безъ содѣйствія помѣщика; помѣщикъ пріѣдетъ (онъ жилъ тогда въ Петербургѣ) и навѣрно не захочетъ оставаться въ долгу передъ вами за вашу помощь и довѣріе къ нему". Фабрика дѣйствовала безостановочно до переработки всего запаса матеріаловъ, и владѣлецъ дѣйствительно былъ не мало тронутъ такимъ отношеніемъ крестьянъ и не замедлилъ надлежаче ихъ отблагодарить.

Но подобныя случаи гуманнаго отношенія къ крестьянамъ были крайне рѣдки и только потому удерживаются въ памяти, обремененной тяжелыми воспоминаніями, что стоятъ въ рѣзкомъ контрастѣ съ грубыми проявленіями эгоистически-черствой, ни передъ чѣмъ не останавливавшейся заботы о собственныхъ интересахъ, для которой законъ лишь неприятная помѣха, а право и достоинство другаго—мѣрило фактической силы. Въ одномъ подобномъ случаѣ богатая помѣщица просила меня, чтобы я „приказалъ“ крестьянамъ высылать дѣтей въ садъ для чистки дорожекъ и цвѣтниковъ... Сославшись на отсутствіе подобнаго права въ полномочіи посредника, я предложилъ посовѣтывать крестьянамъ высылать дѣтей подъ условіемъ объявленія хотя-бы незначительной платы. Мое предложеніе было принято, тѣмъ не менѣе, послѣ двухъ-недѣльной работы, дѣтямъ было отказано въ какомъ-бы то ни было вознагражденіи, и крестьяне перестали ихъ высылать. И почтенная дама не поставила себѣ въ трудъ заподозрить посредника въ желаніи возстановить крестьянъ противъ помѣщиковъ!

Въ волостномъ правленіи я разбиралъ жалобы. Является крестьянка лѣтъ 45 и объясняетъ: „я, в. в., записана въ крестьянкахъ. Но будучи мастерицей, 30 лѣтъ жила въ барскомъ домѣ. У меня есть отецъ и братъ; мать умерла уже два года, а жена брата передъ самой волей; такъ какъ у отца и брата некому борцу сварить, то отецъ приказалъ мнѣ отпроситься у барыни домой. Барыня очень разгнѣвалась: „ты, говорятъ, хочешь быть кухаркой, такъ ступай въ людскую, вари людямъ и корми экономическихъ свиней!“ Я два мѣсяца варила для людей и кормила свиней, пока мнѣ въ волости не сказали, что, будучи записанной въ крестьянкахъ, я могу отойти и безъ согласія барыни. Когда я спросила объ этомъ барыню, то она приказала отобрать у меня все, что мнѣ было жаловано: свитку, двѣ сподницы, холста на двѣ рубахи, башмаки, двѣ шитыхъ рубахи и даже ту, что была тогда на мнѣ, и еслибы не помогли подруги, мнѣ не въ чемъ было бы и выйти! Такъ прошу в. в., чтобы мнѣ возвратили мои вещи: вѣдь 30 лѣтъ я барынѣ служила!“ Обративши вниманіе на ея хромоту, я освѣдомился о при-

чинѣ и узналъ тяжелую исторію систематическаго, въ недѣлю два раза, сбѣченія, при которомъ и была выломана ея нога... Въ это время въ волостномъ правленіи былъ и главный распорядитель имѣнія. Убѣдившись въ справедливости жалобы и спѣша выѣхать въ другую волость, черезъ управляющаго я передалъ владѣлицѣ свою покорнѣйшую просьбу возвратити крестьянкѣ вещи. Не успѣлъ я выѣхать, какъ меня пригласили въ домъ помѣщицы.

Не выяснивъ въ чемъ состояла грубость крестьянки, за которую владѣлица такъ жестоко хотѣла ее наказать, я предупредилъ помѣщицу, что ограничиваясь пока просьбой, долженъ буду разобрать жалобу, вызвать свидѣтелей и постановити рѣшеніе. Какъ ни тяжело было для владѣлицы примириться съ подобной перспективой,—она впала даже въ истерику!—однако послѣ нѣкотораго колебанія вещи крестьянкѣ были возвращены. Этотъ случай до того раздражилъ противъ меня не совсѣмъ добрую помѣщицу, что свое нерасположеніе ко мнѣ она унесла въ могилу, а при жизни старалась вредити мнѣ всѣми зависящими отъ нея средствами и лишь благодаря случайности—не имѣла успѣха. Находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ супругой министра, помѣщица представила ей дѣятельность мою въ столь ужасномъ видѣ, что министръ серьезно былъ встревоженъ за участокъ, гдѣ я былъ мировымъ посредникомъ; но, къ счастью, одинъ изъ государственныхъ дѣятелей, владѣвшій имѣніемъ въ моемъ участкѣ и знавшій меня съ ранней моей молодости, очень скоро имѣлъ случай разсѣять опасенія министра.

Какъ ни былъ глубокъ и могучъ потокъ гуманныхъ идей, поддерживавшихъ возвышенное настроеніе трогательнаго великодушія въ лучшей части тогдашняго общества, въ массѣ еще живо было воспоминаніе о потерянномъ рабѣ, еще сильны были нравы и обычаи, вспоенные крѣпостничествомъ. И не рѣдко это своеобразное міросозерцаніе крѣпостничества уживалось рядомъ съ несомнѣнною образованностью!

Такъ, одинъ изъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, занимавшій нѣкогда значительную должность, просилъ меня наказать розгами работавшихъ у него 15-ть женщинъ за жестокое оскорбленіе, нанесенное его эконоmkѣ. Я замѣтилъ, что желаніе его, даже въ случаѣ виновности женщинъ, не можетъ быть исполнено, такъ какъ по высочайшему повелѣнію женщины безусловно освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Видимо обиженный моимъ замѣчаніемъ, почтенный интеллигентъ поспѣшилъ отвѣтити, что съ закономъ этимъ онъ знакомъ не менѣе меня, но не можетъ не выразити своего удивленія, что я придаю ему значеніе: „кто-же узнаетъ, что жен-

щины наказаны розгами?" прибавилъ онъ, снисходя очевидно къ моей непонятливости. Разобравъ жалобу, я установилъ несомнѣнность факта обоюднаго оскорбленія, первый шагъ къ которому былъ сдѣланъ экономкой, и ограничился строгимъ внушеніемъ сторонамъ.

Иногда выпадали періоды, когда помѣщиками, по крайней мѣрѣ большинствомъ изъ нихъ, овладѣвала какая-то горячечная жажда наказывать крестьянъ „примѣрно“, при чемъ въ поводахъ не стѣснялись: точно подталкиваемые злобою или местию, пользовались малѣйшимъ случаемъ взвести на крестьянина обвиненіе, не преминувъ, конечно, по старой памяти подвергнуть предварительному патриархально - келейному внушенію.... И насъ, мировыхъ посредниковъ, засыпали пустыми жалобами, предъявляли громадные требованія, мало заботясь о доказательствахъ.... Оставляя безъ послѣдствій малоосновательныя просьбы или, въ лучшемъ случаѣ, найдя почву для примиренія, приходилось такъ или иначе отдать свою репутацію въ жертву всевозможнымъ пересудамъ, подозрѣнію въ желаніи разрушить довѣріе крестьянъ къ помѣщику... Слишкомъ мелки эти факты и такъ естественны для той среды, изъ которой исходили, чтобы останавливаться на нихъ. Расскажу теперь случай, заключившій мою посредническую дѣятельность. Въ нашемъ уѣздѣ было одно имѣніе, рѣзко отличавшееся отъ другихъ по устройству крестьянъ. Эти послѣдніе размѣшались въ огромныхъ избахъ, раздѣленныхъ сѣнями на двѣ половины, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, была разгорожена на двѣ части для двухъ крестьянскихъ семействъ. Определеннаго надѣла крестьяне не имѣли, землю обрабатывали экономическимъ скотомъ, за что получали часть урожая. Но кромѣ того, всѣ крестьяне и крестьянки знали какое-либо мастерство. Супругъ владѣлицы, которой не задолго досталось это имѣніе по наслѣдству, будучи членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, на мировомъ сѣздѣ просилъ меня признать вмѣстѣ съ другими посредниками вышеупомянутыхъ крестьянъ не имѣющими права на надѣлъ. При обсужденіи этого вопроса я защищалъ имѣніе, которое шло въ разрѣзъ съ желаніемъ члена, и сѣздъ призналъ за крестьянами право на надѣлъ. Этотъ-то фактъ и былъ роковымъ для моей мировой дѣятельности по слѣдующему случаю.

Въ 1853 году помѣщица нашего уѣзда продала свое имѣніе одному изъ моихъ сосѣдей подъ условіемъ обмѣна нѣсколькихъ крестьянскихъ семействъ въ проданномъ и другомъ имѣніи той-же

владѣлицы. Отправляя семейства изъ оставленнаго имѣнія въ данное, помѣщица отослала вмѣстѣ съ дядями крестьянами Саламашниковыми ихъ племянницу, круглую сироту, не задолго передъ тѣмъ потерявшую отца. Послѣ смерти этого послѣдняго осталась пара воловъ, которые были проданы помѣщицею за 137 руб. 15 к. ассигнаціями, каковая сумма, какъ объявила владѣлица, будетъ возвращена сиротѣ по достиженіи ею совершеннолѣтія или при выходѣ замужъ. Объ этомъ же обстоятельствѣ помѣщица подтвердила письменно и новому владѣльцу сироты Саламашниковой. Въ 1862 году Саламашникова, достигши совершеннолѣтія и будучи засватанной, въ сопровожденіи своихъ дядей явилась ко мнѣ съ просьбой ходатайствовать о возвращеніи ей вышеупомянутыхъ денегъ. Изложивъ просьбу сироты, подтвержденную тогда-же новымъ ея владѣльцемъ и указавъ на фактъ достиженія ею совершеннолѣтія, я просилъ помѣщицу выслать деньги для врученія ихъ по принадлежности. Но въ то время уже существовало „Положеніе“, въ которомъ можно было подыскать статьи въ родѣ 18 и 58, и нѣкогда принятое помѣщицей, по внушенію совѣсти, обязательство оказалось въ очевидномъ противорѣчій съ закономъ! Помѣщица отвѣтила на мою просьбу, что дѣло Саламашниковой моему вѣдѣнію не подлежитъ. Въ виду возбужденнаго недоразумѣнія я обратился въ сѣздъ мировыхъ посредниковъ съ просьбой указать путь, который открылъ-бы сиротѣ Саламашниковой возможность получить принадлежавшія ей деньги. Рассмотрѣвъ мое представленіе, сѣздъ поручилъ мнѣ, какъ участковому посреднику, разобрать дѣло Саламашниковой и постановить соотвѣтствующее рѣшеніе.

На вызовъ отвѣтчица не явилась и не прислала повѣреннаго. На основаніи точныхъ и неоспоренныхъ фактовъ дѣла, я постановилъ заочное рѣшеніе въ пользу Саламашниковой, которое, по вступленіи въ законную силу, обращено было къ исполненію чрезъ мѣстную полицію уѣзда, гдѣ проживала помѣщица. Вышеупомянутый членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія принялъ отвѣтчицу подъ свое покровительство, составилъ ей жалобу на меня въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, докладывалъ эту жалобу и самъ-же по поводу ея редактировалъ рѣшеніе.

Ссылаясь на статьи 18 и 58 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе „Положенія“, коими воспрещается крестьянамъ подавать, а мировымъ посредникамъ принимать жалобы на помѣщиковъ по дѣламъ, имѣвшимъ мѣсто до обнародованія Положенія, и ст. 31-ю общаго Положенія, по которой движимое имущество, оказавшееся

у крестьянъ въ качествѣ собственности въ моментъ обнародованія Положенія, вполнѣ имъ принадлежитъ,—членъ губернскаго присутствія нашель въ моемъ рѣшеніи просьбы Саламашниковой не только противорѣчіе съ указанными статьями, но и произволь, доходящій до отмѣны существующихъ законовъ. „Быть ложеть, помѣщица“, продолжаетъ членъ, „и взяла въ 1853 году деньги, принадлежащія ей бывшей крестьянкѣ“ (о чемъ непрерываемо говорила имѣвшаяся при дѣлѣ росписка владѣлицы), но, въ виду изложеннаго пониманія статей 18 и 58, „нѣтъ никакой возможности оградить Саламашникову въ ущербъ закона и права, стоящихъ на сторонѣ владѣлицы“... Мнѣніе свое по этому дѣлу почтенный членъ закончилъ выраженіемъ „убѣжденія, что путеводнымъ началомъ всѣхъ лицъ, призванныхъ къ служенію по крестьянскому дѣлу, должно быть уваженіе къ праву и закону, такъ какъ подобнымъ способомъ укрѣпится въ народѣ понятіе о законности“.

Подпавъ тяжкому обвиненію въ превратномъ толкованіи закона и незнаніи своихъ обязанностей,¹ и чувствуя себя глубоко оскорбленнымъ въ сознаніи чистоты побужденій, руководившихъ мной въ посредничествѣ по этому дѣлу, я подалъ въ губернское присутствіе свое оправданіе съ просьбой напечатать его въ „Журналѣ“, на что мнѣ дано было губернаторомъ обѣщаніе.

Оправданіе, поданное мною 24 мая 1863 года № 391, слѣдующаго содержанія:

„Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, слушая въ засѣданіи своемъ 15 февраля сего года докладъ члена присутствія Д. А. Хруцова по жалобѣ г-жи Ольшевской и соглашаясь съ его мнѣніемъ, опредѣлило: отмѣнить постановленіе, сдѣланное мною какъ посредникомъ 3 участка Лебединскаго уѣзда, и объявить объ этомъ г-жѣ Ольшевской.

Каждое присутствіе имѣетъ право отмѣнять постановленіе подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ, но въ своемъ рѣшеніи и въ производствѣ дѣла оно соблюдаетъ узаконенную форму и приличіе, и каждый разъ, отмѣнивши постановленіе, присутственные мѣста не берутъ на себя обязанности дѣлать замѣчаній, выговоровъ или наставленій, если въ отмѣненномъ постановленіи не видно явнаго нарушенія закона, злоупотребленій или потери для одной изъ тяжущихся сторонъ.

„Въ дѣлѣ г-жи Ольшевской губернское присутствіе, основываясь на докладѣ г-на Хруцова, отмѣнило мое рѣшеніе, но въ дѣлѣ этомъ допущены выраженія оскорбительныя для званія мироваго посредника: докладчикъ косвенно сдѣлалъ мнѣ рѣзкія замѣ-

чанія. Въ то время, когда, разбирая дѣло г-жи Ольшевской, я защищалъ только осиротѣвшую крестьянку, жалующуюся на бывшую свою госпожу за отнятое у нея приданое, и разрѣшая споръ— я руководствовался человѣколюбіемъ, совѣстью и неоспоримымъ правомъ сироты на ея собственность,—я дѣйствовалъ по моему крайнему убѣжденію, и обвиняемый просительницею и докладчикомъ въ превратномъ толкованіи закона, въ незнаніи своей обязанности. я имѣю право представить губернскому присутствію мое оправданіе. Дѣло во всѣхъ подробностяхъ изложено въ журналѣ губернскаго присутствія за № 13, и я считаю излишнимъ повторять его. Г-жа Ольшевская въ жалобѣ своей губернскому присутствію, между прочимъ, выразилась такимъ образомъ: „я желаю обратить вниманіе губернскаго присутствія на всѣ неправильныя дѣйствія г. мирового посредника Пономарева, незнаніе правилъ и обязанностей, присвоенныхъ занимаемой имъ должности, произвольное и не основанное на здоровомъ смыслѣ толкованіе 31 ст. общаго Положенія“.

„Прошеніе это, наполненное поносительными и укорительными словами, принято присутствіемъ противно 267 ст. 3 п. 2 ч. X тома свода законовъ. — Оно не только принято, но, согласно желанію просительницы, за произвольныя, по мнѣнію ея, мои дѣйствія, за превышеніе власти и за порицанія, опубликовано съ подробностію въ журналѣ присутствія. Если неправильныя и незаконныя желанія въ женщинѣ не извинительны, тѣмъ еще менѣе извинительны незаконныя приемы члена присутствія, который, усвоивши слогъ и мысли г-жи Ольшевской, продолжалъ укорять меня. Г-жа Ольшевская, какъ сказано выше, „желала обратить вниманіе губернскаго присутствія на всѣ неправильныя дѣйствія г. Пономарева, незнаніе правилъ и обязанностей занимаемой имъ должности“, и г. Хрущовъ, согласно этому желанію, въ докладѣ своемъ выразился: „такимъ образомъ, нельзя не придти къ заключенію, что г. Пономаревъ въ настоящемъ случаѣ постановилъ свое рѣшеніе въ противность буквального содержанія приведенныхъ статей Положенія и руководствовался притомъ превратнымъ толкованіемъ 31 ст. общаго Положенія. Но какъ онъ, кромѣ того, обнаружилъ неточное воззрѣніе на признаніе и значеніе мировыхъ посредниковъ, то посему необходимо подвергнуть этотъ важный предметъ ближайшему обсужденію“, и затѣмъ докладчикъ изложилъ свое воззрѣніе, въ которомъ видны замѣчаніе, укоръ и путеводное начало для всѣхъ лицъ, призванныхъ къ служенію по крестьянскому дѣлу. Ясно, что на меня взведено тяжкое обвиненіе въ незнаніи своей обязанности и превышеніи власти даже до от-

мѣны существующихъ законовъ, за что меня слѣдовало-бы предать уголовному суду; но г. Хрущовъ, въ докладѣ своемъ оправдывая вполнѣ мнѣніе г-жи Ольшевской, ограничился только рѣзкимъ укоромъ; очевидно, впрочемъ, что жалоба г-жи Ольшевской и докладъ г-на Хрущова, по слогу и по мысли, тождественны. Если настоящее дѣло по формѣ неправильно, производство его незаконно, то оно еще хуже по своей исторіи: г-жа Ольшевская продала малолѣтнюю крестьянскую сироту Саламашникову помѣщику Пушкинскому, съ тѣмъ вмѣстѣ она продала пару воловъ принадлежащихъ малюткѣ по наслѣдству, и вырученныя деньги удержала у себя до совершеннолѣтія ея; въ настоящее-же время, когда Саламашникова достигла совершеннолѣтія, г-жа Ольшевская не выдаетъ ей денегъ.

„Я не ссылаюсь на статьи Положенія, приводимыя въ прошеніи г-жи Ольшевской и въ докладѣ г. Хрущова,—онѣ здѣсь вовсе неприемлемы.

„Сущность дѣла состоитъ въ томъ: 1-е, что дѣвица Саламашникова съ 1853 года уже не принадлежала г-жѣ Ольшевской; 2-е, что здѣсь возникъ споръ не между помѣщицею и ея крестьянкою, но между помѣщицею и крестьянкою другаго владѣльца; 3-е, что г. Пушкинскій, ходатайствуя за свою крестьянку Саламашникову, спрашивалъ г-жу Ольшевскую о деньгахъ, ею взятыхъ, и получилъ отвѣтъ такого содержанія: деньги племянницы Тихона Саламахи находятся дѣйствительно въ конторѣ и не прежде должны быть ей возвращены по совѣсти какъ при выходѣ ея въ замужество, а иначе Тихонъ Саламаха (также проданный Пушкинскому) воспользуется оными.

„При видѣ этой записки кажется вовсе излишнимъ главный и единственный аргументъ г-жи Ольшевской: „не буду подтверждать доказательствами несправедливость жалобы крестьянки Саламашниковой, хотя таковыхъ найдется достаточно къ опроверженію ея претензіи, потому что эти доказательства, за силою ст. 24 общаго Положенія и ст. 18 и 58 правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній, оказались-бы лишними“.

„Такъ-же несправедливы слова г. Хрущова въ его воззрѣніи на обязанности мировыхъ посредниковъ, когда онъ говоритъ: „если-же они (посредники) будутъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ не уваженіемъ къ закону и праву, то ихъ высокое назначеніе останется недостижимымъ“, а потомъ: „такъ, въ настоящемъ случаѣ, хотя, быть можетъ, г-жа Ольшевская и взяла въ 1853 году деньги, принадлежавшія ея бывшей крестьянкѣ дѣвицѣ Саламашниковой, но какъ статьи Положенія воспрепятствуютъ входить въ разбиратель-

ство дѣлъ, возникшихъ до освобожденія крестьянъ, то посему нѣтъ никакой возможности оградить Саламашникову въ ущербъ закона и права, стоящихъ на сторонѣ г-жи Ольшевской,“ — изъ предыдущаго понятно, что г-жа Ольшевская и членъ присутствія, прикрываясь оба вмѣстѣ закономъ, не принимая никакихъ доказательствъ, не ссылаясь даже на совѣсть, единомысленно приходятъ къ одной цѣли,—именно отнять у дѣвицы Саламашниковой ея приданое.

„Я ходатайствовалъ о дѣлѣ беззащитной сироты и оба названные лица одинаково упрекаютъ меня въ незнаніи правилъ и обязанностей занимаемой мною должности, въ превратномъ толкованіи законовъ. Не кстати было-бы мнѣ говорить о моемъ служеніи, и полагаю, что г-жа Ольшевская съ г. Хрущовымъ не имѣютъ на то права— пусть высшая власть и общество будутъ моими законными судьями, но въ разбирательствѣ дѣла ходатайствуя за сироту, я дѣйствовалъ по совѣсти, по человѣколюбію, на основаніи ясныхъ доказательствъ и былъ на то уполномоченъ мировымъ съѣздомъ. Я рѣшаюсь теперь говорить о правильности моего взгляда на ст. 31 и другія статьи Положенія; тѣмъ болѣе, что докладчикъ самъ не объяснилъ: подлежитъ-ли дѣло Саламашниковой суду по общимъ законамъ или должно быть рассмотрѣно на основаніи законоположенія 19-го февраля. Членъ присутствія, по выбору отъ дворянства, оставилъ крестьянку внѣ закона и права.

„Представляя при семъ засвидѣтельствованную копію съ записки г-жи Ольшевской, предъявленной мнѣ въ то время, когда уже постановленіе губернскаго присутствія состоялось, я покорнѣйше прошу: 1-е, возстановить право дѣвицы Саламашниковой на искъ принадлежащаго ей приданого и указать законный путь, которымъ она можетъ отыскать принадлежащія ей деньги; 2-е, опубликовать мое оправданіе съ подробностію въ томъ-же журналѣ, гдѣ отпечатаны обвинительныя статьи по просьбѣ г-жи Ольшевской и гдѣ г. Хрущовъ выразилъ свое сужденіе, обидное для каждаго изъ мировыхъ посредниковъ и лишающее несчастную сироту родительскаго достоянія, пріобрѣтеннаго тяжелымъ трудомъ“.

Оставляя безъ отвѣта оскорбительныя замѣчанія, какими исполнены были жалоба владѣлицы и докладъ члена, въ своемъ объясненіи я доказывалъ, что статьи 18 и 58 имѣютъ въ виду дѣла не между крестьянами и помѣщиками вообще, а между помѣщиками и принадлежавшими имъ крестьянами и несомнѣнно только дѣла, вытекавшія изъ крѣпостныхъ, а не иныхъ отношеній; что повнимаемая въ этомъ смыслѣ статьи 18 и 58 со статьей 31

общаго Положенія стоять на сторонѣ сироты Саламашниковой, такъ какъ эта послѣдняя съ 1853 года не принадлежала отвѣтчицѣ и собственноручной роспиской владѣлицы была признана собственницей 137 р. еще задолго до обнародованія Положенія.

Имѣя въ виду лишь сущность дѣла, дѣйствуя по внушенію справедливости, я не настаивала на протестѣ противъ процессуальной ошибки, допущенной губернскимъ присутствіемъ въ ходѣ дѣла Саламашниковой, такъ какъ жалоба владѣлицы, вопреки 267 ст. 3 п. 2 ч. X т., была не только принята губернскимъ присутствіемъ помимо мирового съѣзда, но и подвергнута рассмотрѣнію. Однако, вмѣсто своего оправданія, въ журналѣ я прочелъ, что губернское присутствіе находитъ необходимымъ и полезнымъ 1-й и 3-й участки упразднить... Это были участки мой и моего товарища, съ которыхъ мы шли въ нашей мировой дѣятельности рука объ руку

Преодолювая всевозможныя затрудненія, выдерживая безъ всякаго посторонняго содѣйствія иногда грозное волненіе крестьянъ, предупреждая нерѣдко, казалось, неразрѣшимыя недоразумѣнія, въ теченіе двухъ лѣтъ, мы съ счастливымъ успѣхомъ расчищали почву для новаго порядка жизни и, въ сознаніи полного безпристрастія и законности своихъ дѣйствій, могли игнорировать извѣты и подозрѣнія, пока не столкнулись съ интересами крупнаго землевладѣнія, которымъ намъ и пришлось уступить. Объ этомъ такъ ясно говорилъ журналъ губернскаго присутствія, въ которомъ значилось, что наша дѣятельность признана бесполезной.

Вскорѣ въ бывшій мой участокъ былъ назначенъ мировой посредникъ, такъ называемаго втораго призыва, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потребовались и эскадроны для усмиренія крестьянъ того имѣнія, въ которомъ вводилась первая уставная грамота.

Зато трудъ нашъ, возбуждавшій столько неудовольствія со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, сторицею былъ вознагражденъ со стороны крестьянъ ихъ признательностью, сохранившеюся и по прошествіи четверти вѣка. Спустя десять лѣтъ послѣ мировой дѣятельности, мнѣ пришлось быть въ той волости, куда пріѣзжалъ жандармскій генералъ. День былъ воскресный. Я подѣхалъ къ волостному правленію въ то время, когда народъ выходилъ изъ церкви, находящейся не вдалекѣ отъ волостнаго правленія. Разговаривая съ старшиной, я замѣтилъ, что масса народа подошла къ дому правленія и, снявъ шапки, стояла. Я спросилъ у старшины—по какому поводу у нихъ сегодня волостной сходъ; старшина, взглянувъ въ окно, вышелъ на крыльцо и, возвратившись, объяснилъ, что крестьяне, узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ волость, собрались повидаться со мной. Я вышелъ. При-

вѣтъ этихъ людей тронулъ меня до слезъ.... Они говорили: „когда былъ у насъ порядокъ, мы работали и работать хотѣлось, а теперь сами руки опускаются! Такого порядка у насъ не будетъ и до вѣку!“ Припомнилось старое—и дѣла и лица. Изъ послѣднихъ тутъ былъ и Демко. Замѣтя его, я спросилъ, не сердится-ли онъ на меня?

— „Чого мені на васъ сердиться?“ — отвѣчалъ онъ — „самъ дурный бувъ, що васъ не слухавъ!“

Закончу мои воспоминанія такимъ заключеніемъ: мнѣ 66 лѣтъ. Говорить неправду было-бы грѣшно предъ Богомъ, собственною совѣстью и тѣми, которые еще живы и помнятъ нашу дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго призыва, До принятія должности мирового посредника, я занимался управленіемъ крупными имѣніями и получалъ въ четыре раза болѣе того, что получали мировые посредники; мною дорожили.

Только за два года кипучей нашей дѣятельности мы сдѣлали то, что сдѣлано нами, а нами сдѣлано не мало, именно— устройство крестьянскаго самоуправленія, которое, какъ намъ казалось, было заложено на прочномъ законномъ фундаментѣ. Мы размежевали за то же время крестьянскія земли отъ земель помѣщичьихъ; жалобъ на это размежеваніе за все прожитое время не было слышно ни одной. Но какъ только былъ упроченъ порядокъ и введены уставныя грамоты, дѣятельность наша измѣнилась. Пошла борьба, недостойная и утомительная. Не имѣя возможности упрекнуть насъ въ какомъ-либо незаконномъ дѣйствіи, насъ называли „красными“. Пусть укажетъ кто-либо хоть одну черту изъ нашей дѣятельности, подходящую подъ этотъ цвѣтъ! Мы не могли не видѣть, что только въ строго-законныхъ и справедливыхъ нашихъ дѣйствіяхъ лежалъ успѣхъ самого дѣла; дѣйствуй мы иначе,—и результаты были-бы иные. Я поставлю вопросъ такъ: кто подходитъ больше къ „краснымъ“,—тотъ-ли, кто просилъ наказать 15 женщинъ розгами, тогда какъ законъ освободилъ ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, или тотъ, кто безпристрастно разобралъ дѣло и постановилъ извѣстное рѣшеніе? А вѣдь почтенный интеллигентъ, бывшій крупнымъ чиновникомъ, не стѣсняясь называлъ меня „краснымъ“, потому только, что, я выполняя свято законъ, не былъ, да и не могъ быть, исключительно на сторонѣ дворянскихъ интересовъ, не смотря на то, что самъ былъ дворяниномъ по происхожденію.

Выскажу мой взглядъ на то, какою должна быть дѣятельность дворянина, и съ этимъ взглядомъ я сойду и въ могилу. Дѣятельность дворянина должна быть строго законною, справедливою и со

всѣхъ сторонъ безупречною. Принимая на себя какую-либо обязанность, содержаніе по штату, онъ не долженъ ставить его главною цѣлю; онъ долженъ развить въ себѣ трудъ и энергію до послѣдней степени; только такая дѣятельность внушитъ къ нему довѣріе и только при такой дѣятельности онъ будетъ стоять на подобающей дворянину высотѣ и будетъ дѣйствительною опорю Престолу и Отечеству. Народъ нашъ хорошъ, его нельзя не любить; онъ не только не боится, а и самъ оправдываетъ употребленіе хотя-бы суровыхъ, но только справедливыхъ взысканій. Въ народѣ очень развито критическое отношеніе ко всякому дѣйствию своего ближайшаго начальства; но, находясь подъ вліяніемъ кулаковъ, кабатчиковъ и всякаго званія и состоянія проходимцевъ, онъ самъ не можетъ сладить съ дѣломъ и устроить у себя порядокъ. Для него нужна власть, но нужно помнить, что власть—обоюдоострое орудіе.

Никол. Конст. Пономаревъ,
бывшій мировой посредникъ перваго призыва.

Харьковъ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВИКИТЕНКО

1862 г. ¹⁾.

Январь 1. Понедѣльникъ. До половины третьяго ночи въ типографіи, гдѣ и принялъ новорожденнаго младенца: „Сѣверную Почту“. Вмѣстѣ со мною работали и частные редакторы. Выходъ изъ-подъ прессы перваго листа мы привѣтствовали бокаломъ шампанскаго въ подвалахъ типографіи, гдѣ начальникъ типографіи представилъ мнѣ этотъ листъ во второмъ часу. Домой вернулся къ тремъ.

Въ десять часовъ утра былъ уже у министра внутреннихъ дѣлъ и представилъ ему первый номеръ газеты.

Я недоволенъ этимъ номеромъ. Чтò въ немъ лучшаго, то не наше: это объявленіе о предпринимаемыхъ правительствомъ реформахъ. Оно прислано въ редакцію отъ государственнаго секретаря.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь; стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160, августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186.; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. 1891 г., т. LXIX, январь, стр. 39—104.

2. Вторникъ. Сдѣлалъ наскоро нѣсколько визитовъ, потомъ въ типографію и редакцію провелъ до пяти часовъ, подготавливая слѣдующій номеръ газеты.

Пріѣхалъ домой около шести, а въ девять снова отправился въ типографію, гдѣ и оставался до двухъ часовъ ночи.

3. Среда. Чортъ знаетъ что напутано въ сегодняшнемъ номерѣ газеты. Страшная неисправность корректуры. Мы положили съ товарищемъ министра перестроить совсѣмъ типографію и усилить корректуру и проч.

Отвратительный пароксизмный день. Въ типографіи до часу ночи. Ждалъ заграничныхъ депешъ: ихъ еще не было въ часъ. Велѣлъ безъ нихъ верстать, а когда они придутъ—тиснуть особое прибавленіе.

5. Пятница. Все съ газетой. Страшное неустройство во всемъ. Изъ этого хаоса надо образовать порядокъ и стройность. Типографія особенно отличается классической неурядицей. Я призывалъ Н., чтобы онъ помогъ добрѣйшему и усерднѣйшему Петру Ермолаевичу устроить порядокъ технической, а товарищъ министра,—надо отдать ему справедливость,—помогаетъ всѣмъ со стороны министерства. Бездна всякихъ хлопотъ и мелкихъ и важныхъ. На меня со всѣхъ сторонъ летятъ упреки за всякую ошибку, опечатку. Но я не унываю, зная, что всякое дѣло вначалѣ представляетъ большія трудности и неустройства.

6. Суббота. Въ Россіи бездна способностей, но людей, приспособленныхъ къ дѣлу, очень мало. Отчего это?

Вечеромъ съ докладомъ у министра внутреннихъ дѣлъ.

7. Воскресенье. Получилъ вечеромъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валуева) любопытное письмо, которое можетъ меня съ нимъ посорить... Нужно отвѣчать и я намѣренъ отвѣчать сильно.

10. Среда. Утромъ письмо отъ Валуева умное и совершенно примирительное. Вечеромъ у него. Объясненія. Дѣло кончилось удовлетворительно.

Позже въ типографіи. Засталъ тамъ Тройницкаго и Ржевскаго. Съ новымъ метранпажемъ дѣло, кажется, идетъ лучше.

13. Суббота. Въ восемь часовъ вечера засѣданіе главнаго управленія цензуры—первое подъ предсѣдательствомъ новаго министра (А. В. Головнина). На первый разъ достоинства ми-

нистра выразились въ быстротѣ, съ какою онъ велъ и, кажется, намѣренъ вести наши засѣданія. Прежде три четверти времени уходило на болтовню и пустыя словопренія. Теперь-же читается бумага, приводится справка и если всѣ мнѣнія согласны, то дѣлу и конецъ; если же несогласны, то собираются голоса. Что требуетъ разсужденія, о томъ разсуждается, но безъ отклоненій и обращеній къ такимъ-то примѣрамъ и воспоминаніямъ изъ своей собственной жизни, безъ умозрѣній, въ которыхъ и умато никакого нѣтъ, и т. д. Мы въ два часа бездну дѣлъ пересмотрѣли и произнесли рѣшеній. Въ заключеніе министръ объявилъ, что Государю угодно, чтобы цензура усилила свою бдительность и строгость противъ періодической литературы. Въ этомъ смыслѣ уже даны цензорамъ циркуляры. Что скажете вы, господа красные: на чьей душѣ грѣхъ?

Замѣчены въ „Днѣ“ особенно статьи: о самоуничтоженіи дворянъ и о земскихъ соборахъ.

Въ одиннадцать часовъ заѣзжалъ въ типографію. Тамъ все обстояло благополучно.

16. Вторникъ. Ъздилъ въ римско-католическую академію объясняться по поводу того, что я за это послѣднее время въ ней часто не бывалъ. Сегодня я просилъ епископа и ректора уволить меня, такъ какъ я не выполняю какъ слѣдуетъ моихъ обязанностей. Но онъ объ этомъ и слышать не хочетъ, и вся академія волнуется при одной мысли, что я хочу оставить ее. Кажется, меня тамъ дѣйствительно любятъ; можетъ быть, и не безъ примѣси своихъ расчетовъ, по крайней мѣрѣ, со стороны начальства—но и за то спасибо. Тутъ я наткнулся на приготовленія къ поздравленію митрополита Варшавскаго: онъ изъ нашихъ воспитанниковъ и на дняхъ возведенъ въ этотъ санъ. Это неслыханное возвышеніе. Онъ всего шесть лѣтъ какъ священствуетъ и былъ духовникомъ академіи. Я вмѣстѣ съ другими пошелъ его поздравить, какъ моего бывшего ученика. Такого умнаго, кроткаго, плѣнительнаго лица я между мужчинами, кажется, никогда не видалъ. Имя его Феликсъ Фелинскій. Онъ наговорилъ мнѣ очень много любезностей—какъ меня любить всѣ мои слушатели и пр.

17. Среда. День безъ особенныхъ заботъ и приключеній по редакціи. Однако, я все-таки пріѣхалъ домой лишь послѣ полу-

ночи. Хлопочу, чтобы мнѣ дали помощника по матеріальной части.

18. Четвергъ. Большая суматоха въ редакціи по поводу замѣченныхъ опечатокъ и проч.

20. Суббота. Вечеромъ докладъ у министра Валуева. Выхлопоталъ себѣ помощника по матеріальной части, Артемьева, человекъ очень дѣльнаго. Повидимому, Валуевъ все сердится на меня за мое письмо. Но я отъ этого не унываю. Онъ, несмотря на наши предварительные разговоры, кажется, хотѣлъ видѣть во мнѣ чиновника, а я этого не хотѣлъ и не хочу—вотъ и все. А если я въ письмѣ говорилъ отъ сердца и высказался съ нѣкоторою твердостью и независимостью духа, то—какъ-же иначе? Я иначе не говорю.

21. Воскресенье. Я радъ воскресенью какъ школьникъ. Не ѣхать ни въ редакцію, ни въ типографію и вечеръ могу остаться дома. Словомъ, воскресенье для меня настоящій день седьмой—субботній.

Въ жизни выдаются особенно трудные и трудовые моменты. Одинъ изъ такихъ переживаю я теперь. Вокругъ все бурлитъ и хлопочетъ. Я похожъ на кормчаго, который долженъ вести свой корабль среди мелей и подводныхъ камней. Неурядицы по изданію газеты, съ которыми я долженъ ежедневно бороться; недостатокъ въ честныхъ сотрудникахъ; бѣдность матеріала, способнаго оживить газету и придать ей литературное значеніе; безконечныя стѣсненія со стороны министерства; взыскательность публики, требующей, чтобы вдругъ все было сдѣлано, что дѣлается мѣсяцами и годами; непріязненные крики крайнихъ партій; надломленное здоровье—и посреди всего этого хаоса я одинъ, безъ всякой другой опоры, кромѣ чистоты моихъ намѣреній... Вотъ нѣкоторыя, но далеко не всѣ прелести моего нынѣшняго положенія.

Да, у меня есть враги, которые всячески стараются мнѣ вредить. Лучше, конечно, если-бы этого не было. Однако, я надѣюсь, что во мнѣ найдется довольно нравственной силы, чтобы поборотъ это зло, не уступивъ ни на шагъ изъ того, что я считаю честнымъ и справедливымъ.

22. Понедѣльникъ. Въ Думѣ нѣкоторые профессора соби-

раются читать лекціи, говорятъ, по желанію бывшихъ студентовъ. На это уже получено разрѣшеніе.

23. Вторникъ. Обнародованіе въ „Сѣверной Почтѣ“ государственнаго бюджета, и потому я пробылъ въ типографіи до часу ночи.

Разнеслись слухи, что министръ финансовъ вышелъ въ отставку, и на мѣсто его назначенъ М. Х. Рейтернъ.

24. Среда. Сегодня получилъ отъ государственнаго секретаря для напечатанія въ „Сѣверной Почтѣ“ указъ объ увольненіи Княжевича отъ должности министра финансовъ и о назначеніи на его мѣсто Рейтерна.

28. Воскресенье. Парадное представленіе министру. Вотъ мое опредѣленіе (А. В.) Головнина: сухъ, холоденъ, уменъ, изворотливъ. Вотъ и все пока.

29. Понедѣльникъ. Борьба и все только борьба: борьба съ недугомъ, съ безконечными затрудненіями въ дѣлахъ, по службѣ, съ человѣческими мерзостями. Вотъ что называется жизнь боевая. Да гдѣ-же лавры? Кромѣ сосновыхъ иглъ ничего не растетъ на нашемъ болотѣ. Но все-таки надо крѣпиться и мужаться изъ уваженія къ самому себѣ.

Жестокое былъ истязуемъ все утро: налетѣлъ особенно сильный пароксизмъ. Поѣхалъ въ типографію. Тамъ въ хлопотахъ какъ будто стало полегче. Въ три часа поѣхалъ въ университетъ; изъ университета домой пѣшкомъ — немного расходился. Припадки теперь приняли точно лихорадочный характеръ: они аккуратно посѣщаютъ меня черезъ день.

Сегодня былъ въ историко-филологическомъ факультетѣ выборъ трехъ членовъ въ правительственную комиссію университета до его открытія. Я получилъ изъ шести—два шара. Итакъ, у меня есть два благопріятеля. Чудо! Вѣдь противъ меня всѣ красные и всѣ пестрые...

Февраль 2. Пятница. Сегодня было у меня особенно много посѣтителей. Разошлись въ три часа.

3. Суббота. Вечеръ въ типографіи.

5. Понедѣльникъ. Непрїятное, о какое непрїятное дѣло! Министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ циркуляръ губернаторамъ, чтобы тѣ, посредствомъ полиціи, заставляли подписываться на „Сѣверную Почту“, такъ какъ эта газета правительственная и

должна противодѣйствовать русской прессѣ! Такъ сказано въ циркулярѣ. Это меня глубоко огорчило. Надо принять противъ этого мѣры.

6. Вторникъ. Я прочиталъ сегодня двумъ моимъ главнымъ сотрудникамъ, Ржевскому и Арсеньеву, проектъ моего письма къ министру съ изложеніемъ нашего протеста противъ принудительной подписки на газету и особенно противъ того, какъ въ его циркулярахъ мотивирована эта нелѣпая мѣра. Они безъ малѣйшаго колебанія согласились подписать мое письмо. Завтра оно будетъ отправлено по назначенію.

7. Среда. Отправилъ письмо къ Валугеву за подписями: моею, Ржевскаго и Арсеньева. Письмо, мнѣ кажется, написано убѣдительно и сильно. По крайней мѣрѣ, я не стѣснялся.

Письмо было отправлено около четырехъ часовъ, а отвѣтъ я получилъ въ шесть. Отвѣтъ показываетъ, что министръ почувствовалъ неприличіе своего поступка, но, какъ поправить его трудно, то онъ кое-какъ изворачивается. Впрочемъ, онъ обѣщается дать циркуляру поясненіе, благопріятное для нашихъ идей.

8. Четвергъ. Мои товарищи очень благодарили меня за оборотъ, какой я далъ дѣлу о министерскихъ циркулярахъ.

11. Воскресенье. Вечеромъ у министра Валугева. Говорено было о нашемъ протестѣ. Валугевъ выражался очень любезно и еще разъ подтвердилъ свои обѣщанія.

13. Вторникъ. Нельзя сказать, чтобы я принадлежалъ къ смертнымъ слишкомъ облагодѣтельствованнымъ судьбою. Тяжелый, непрерывный трудъ, болѣзнь, враги, изъ которыхъ каждый ежеминутно готовъ бросить въ тебя грязью, необезпеченная будущность — право, все это вмѣстѣ взятое и еще въ прибавку кое-что другое составляетъ ношу жизни довольно порядочной тяжести. Да какъ быть? Надо нести. Да и почему бы жизни быть лучше здѣсь, когда она скверна, очень скверна въ тысячи другихъ мѣстахъ? Всѣ эти послѣдніе дни я ношу внутри себя какую-то пустоту и глубокое презрѣніе ко всему окружающему. Чувство это впрочемъ становится у меня почти хроническимъ, какъ и мои болѣзненные припадки. Кстати о послѣднихъ. Вальцъ, въ сущности такъ же мало знающій, какъ и всѣ его собраты, все хочетъ увѣрить меня, что это такъ, нервное

состояніе, даже не болѣзнь, а слегка непріятное препровожденіе времени.

14. Среда. Боже мой, что это за люди! Какъ шакалы такъ около тебя и шныряютъ, чтобы поживиться, оторвать отъ тебя кусочекъ или твоего спокойствія или твоей репутаціи. Кажется, на что бы имъ это нужно было?

15. Четвергъ. Даже некогда хорошенько побесѣдовать съ самимъ собою въ этомъ дневникѣ.

16. Пятница. Въ Твери, говорятъ, произошло какое-то волненіе среди дворянства. Туда послали для изслѣдованія и для водворенія порядка Анненкова, нѣсколько жандармскихъ офицеровъ, оберъ-прокурора сената. Тверь городъ либеральный. Онъ со времени крестьянскаго дѣла не разъ уже выражалъ требованія довольно смѣлыя.

18. Воскресенье. Холоду 13°. Походилъ, погулялъ передъ обѣдомъ по выюгѣ. Встрѣтилъ (Ив. Ив.) Панаева, который очень похудѣлъ. Жалуются на своихъ сотоварищей-литераторовъ и журналистовъ, на тѣхъ передовыхъ людей, которые такъ много вредятъ дѣлу настоящей свободы. Вотъ теперь начинаетъ убѣждаться въ этомъ Панаевъ. Между прочимъ, новый министръ Головинъ требовалъ отъ нихъ мнѣнія по цензурнымъ дѣламъ, а они такъ этимъ вознеслись, что начали разглашать, что и цензура и самъ министръ теперь у нихъ въ рукахъ.

19. Понедѣльникъ. Сію минуту, около четырехъ часовъ, узналъ я, что Ив. Ив. Панаевъ умеръ. Вчера въ это самое время я встрѣтилъ его на Невскомъ проспектѣ и гулялъ съ нимъ болѣе получаса. Онъ показался мнѣ похудѣвшимъ и я замѣтилъ ему это.—„Да я чуть было не умеръ недавно“, сказалъ онъ мнѣ—„въ груди у меня что-то такое сдѣлалось, что чуть было не задушило меня. И это продолжалось часа три“.— Затѣмъ онъ говорилъ со мною о тверскомъ происшествіи, о литературѣ и литераторахъ, которыхъ онъ укорялъ за ихъ безалаберность и крайній образъ мыслей. Я подивился такой скромности и умѣренности сужденій. И вотъ; бѣднаго Панаева уже нѣтъ на свѣтѣ!

Сегодня также получилъ приглашеніе на похороны А. П. Алимпіева, одного изъ моихъ самыхъ давнишнихъ пріятелей и доброжелателей. Грустно.

Былъ у доктора Экка, съ которымъ совѣтовался о моемъ здоровьѣ...

20. Вторникъ. Кончилъ статью: о прогрессѣ для „Сѣверной Почты“. Она очень меня занимала. Вся она написалась легко, но конецъ сильно затруднилъ меня тамъ, гдѣ приходилось говорить о нашихъ крайнихъ прогрессистахъ, и выходило очень рѣзко. А я врагъ всякихъ рѣзкостей и личностей въ печати. Я рѣшилъ это оставить и заключилъ статью только легкимъ о нихъ упоминаніемъ.

Прислалъ министръ для напечатанія въ газетѣ объявленіе о тверскомъ дѣлѣ. Дѣло нехорошее: тринадцать человекъ дворянъ вздумали выразить протестъ противъ „Положенія о крестьянахъ 19-го февраля“. Ихъ привезли и посадили въ крѣпость и предали суду сената.

21. Среда. Переговоры съ товарищемъ министра (Тройницкимъ). Тутъ какая-то интрига. Кому-то хочется опрокинуть Ротчева, который составляетъ намъ и переводитъ телеграфическія депеши, и посадить на его мѣсто другаго. Между тѣмъ, я не имѣю никакой причины быть недовольнымъ Ротчевымъ. Кромѣ того, я рѣшилъ сильно воспротивиться этимъ набѣгамъ на редакцію и сегодня вечеромъ серьезно объяснилъ товарищу министра, что я и мои товарищи очень недовольны такимъ вмѣшательствомъ въ наше дѣло; что газета начинаетъ приобрѣтать авторитетъ; что мы и безъ того заняты очень много, чтобы еще хлопотать о пустякахъ, которыми намъ надѣдаютъ и пр. Съ товарищемъ министра мнѣ вскорѣ удалось договориться такъ, что, когда явился Арсеньевъ, котораго депеши преимущественно и касаются, никакихъ complications уже не могло послѣдовать: все уладилось и всѣ остались довольны.

22. Четвергъ. На похоронахъ у Панаева. Его отпѣвали въ церкви Спаса Преображенія. Я однако не достоялъ обѣдни. Народу было много и въ церкви духота. Тутъ между прочимъ я встрѣтилъ государственнаго секретаря (Влад. Петр.) Буткова.

Засѣданіе вечеромъ въ главномъ управленіи цензуры. Давно уже его не было. Тутъ, между прочимъ, очень смѣшнымъ образомъ выказалъ себя Кисловскій, мой старый недругъ, который вообразилъ себѣ, что онъ можетъ и здѣсь подставлять мнѣ ногу.

Подъ его наблюденіемъ находится „Сѣверная Почта“. Кисловскій не понялъ, что это только соблюденіе формы и что газета, издаваемая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ сущности не подлежитъ его контролю. Объявивъ, что подвѣдомственные ему журналы и газеты неукоризненны, онъ прибавилъ, что вотъ только развѣ „Сѣверная Почта“ подлежитъ его замѣчаніямъ—и за что-же? за статьи объ архіепископѣ Фелинскомъ. Онъ не могъ догадаться, что такіа статьи иначе не могли печататься, какъ по распоряженію высшаго правительства. Я выслушалъ это спокойно и, не обращаясь къ Кисловскому, объяснилъ только съ улыбкою министру (Головнину) какого рода эти статьи. Министръ тоже улыбнулся и, сказавъ, что до газеты „Сѣверная Почта“ касаться нечего: это газета оффиціальная — тотчасъ всталъ съ мѣста и засѣданіе кончилось. Кисловскій остался ни при чемъ.

24. Суббота. Надобно достигнуть того состоянія духа, въ которомъ-бы всѣ неизбѣжныя превратности жизни принимались не только безъ ропота и унынія, но и съ нѣкоторымъ внутреннимъ довольствомъ. Вѣдь ежели человѣкъ существо, способное въ усовершенствованію, то почему не достигнуть ему этой степени нравственнаго совершенства? Бываютъ высшіе умы, почему-же не быть 'характерамъ высшимъ?

28. Среда. Стычка съ Р. Онъ безжалостно засыпаетъ редакцію своими статьями, которыя далеко не всѣ хороши, да къ тому-же еще и не подписываетъ подъ ними своего имени. Мало того, онъ вздумалъ самовольно распоряжаться въ типографіи, приказывая метранажу набирать и печатать свои статьи, не заботясь достанетъ-ли для нихъ мѣста, не пострадаютъ-ли отъ того другіе отдѣлы и въ состояніи-ли типографія дѣлать это съ такою быстротою, какъ ему хочется. Объ этомъ доложено было мнѣ, и я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы безъ моего вѣдома и согласія никакая статья не набиралась.

Во вчерашнемъ номерѣ Р. напечаталъ въ фельетонѣ статью: „Обозрѣніе русскихъ журналовъ за январь мѣсяцъ“. Статья наполнена ругательствами на Чернышевскаго, шутками дубоваго свойства и вообще плоха. Сильно не по душѣ мнѣ всѣ эти ругательства и плоскости!.. Сегодня Р. принесъ продолженіе съ тѣмъ, чтобы оно было набрано и напечатано въ завтрашнемъ

номерѣ. Было уже три часа. Метранпажъ пришелъ въ отчаяніе и явился со мною объясняться. Р. разгнѣвался, не допуская, чтобы его статья, даже не подписанная, могла подвинуться, уступить мѣсто другой, каковы-бы ни были соображенія общей или главной редакціи. Онъ ушелъ въ крайнемъ раздраженіи.

Мораль этого факта: у насъ невозможно соединеніе людей для какого-нибудь общаго дѣла, потому что каждый изъ участниковъ считаетъ для себя закономъ не интересы дѣла, а свои собственные выгоды, свое я, свое самолюбіе. Впрочемъ, о Р. меня предупреждалъ Валуевъ. — „Имѣйте въ виду съ этимъ человѣкомъ“, сказалъ онъ мнѣ, „что онъ охотникъ запускать лапу въ чужія дѣла“.

Мартъ 1. Четвергъ. Многое приходится сносить тому, кто хочетъ быть вполне честнымъ человѣкомъ. Стоитъ только немного изучить и узнать людей, чтобы почувствовать глубокое презрѣніе къ тому, что въ большинствѣ случаевъ отнимаетъ у васъ или даетъ вамъ ихъ сердце.

2. Пятница. Вечеромъ приходилъ ко мнѣ Арсеньевъ. Онъ очень испуганъ: ему кто-то сказалъ, что противъ меня и его существуетъ заговоръ. Хотятъ свергнуть меня съ редакторства, а на мое мѣсто посадить Артемьева. Арсеньева тоже хотятъ удалить. За себя мнѣ нечего бояться. Я со времени извѣстнаго циркуляра (объ обязательной подпискѣ на газету) только одною ногою стою въ редакціи. Мой выходъ изъ нея только вопросъ времени. Впрочемъ, слухи, переданные мнѣ Арсеньевымъ, на этотъ разъ кажутся мнѣ просто грубою шуткою, которою хотѣли напугать его, зная его легковѣріе и тревожный нравъ. Я ему это такъ и растолковалъ и успокоилъ его.

3. Суббота. Въ мыслящемъ существѣ жизнь безъ мысли есть нелѣпость. Жизнь въ мысли значитъ жизнь по законамъ, по идеямъ цѣлаго, добра, порядка. Жизнь не въ мысли значитъ жизнь по слѣпымъ влеченіямъ матеріи, природы. Эгоизмъ есть безсмысліе, потому что онъ удаляется отъ главныхъ основаній и атрибутовъ мысли—отъ общаго. Права жизни велики, столь же велики въ глазахъ человѣка должны быть и права мысли. Три элемента образуютъ характеръ: природа (природныя предрасположенія, наклонности), воля и среда.

5. Понедѣльникъ. Если правительство само себѣ не помо-

гаетъ, ободряя честный либерализмъ и направляя умы къ разумнымъ и полезнымъ реформамъ, то кто-же можетъ ему помочь?..

Профессоръ Павловъ за рѣчь свою на публичномъ чтеніи, бывшемъ въ пятницу въ пользу литераторовъ, высланъ въ отдаленный уѣздный городъ подъ надзоръ полиціи.

Арсеньевъ продолжаетъ волноваться. Онъ утверждаетъ, что дѣйствительно существуетъ заговоръ о низверженіи всѣхъ нынѣшнихъ редакторовъ „Сѣверной Почты“ и что главное дѣйствующее лицо здѣсь Мельниковъ (Павель Ивановичъ).

6. Вторникъ. У министра (Валуева). Интересный разговоръ. Я мало вѣрю тому, что передавалъ мнѣ Арсеневъ о подкупѣ подъ весь составъ нашей редакціи, но опасеніе его и страхъ за самого себя могутъ быть и основательны. Притомъ надо также взять въ расчетъ и слова товарища министра о дороговизнѣ изданія газеты и о дефицитѣ, который ожидаетъ министерство. Все это заставило меня поѣхать къ министру. Онъ былъ очень любезенъ, говорилъ, что доволенъ газетою, но что его тоже смущаетъ будущій дефицитъ и что онъ желалъ-бы, чтобы мы соблюдали побольше экономіи въ гонорарахъ, особенно по политическому отдѣлу. Я воспользовался этимъ, чтобы заговорить объ Арсеневѣ и засвидѣтельствовать объ его усердіи, трудолюбіи и искусствѣ, съ какимъ онъ ведетъ отдѣлъ. Министръ съ этимъ совершенно согласился. Что-же касается вообще до дефицита, то я замѣтилъ, что его надо было предвидѣть и что изданіе газеты съ такою цѣлью и въ такихъ размѣрахъ не можетъ обойтись безъ значительныхъ издержекъ и пожертвованій. Затѣмъ министръ объявилъ, что намѣренъ похерить В.: это дастъ намъ экономію въ 4,000 рублей. Рѣчь перешла на цензуру, то есть на превращеніе ея изъ предупредительной въ карательную. Онъ кажется, доволенъ тѣмъ, что она перейдетъ въ его руки.

Если похереніе В. состоится, то надо будетъ просить, чтобы его не оставили и безъ должности и безъ средствъ къ существованію. Надо также будетъ заявить и о Б., который работаетъ очень толково и усердно.

7. Среда. Академическая газета („С.-Петербургскія Вѣдомости“) стоила въ прошедшемъ году 184,000 рублей. Обыкновенно расходъ ея простирался отъ 140 до 150 тысячъ рублей; печатаніе стоило 32 тыс., бумага нѣсколько больше. Корреспон-

денты заграничныя получаютъ въ годъ тысячи полторы; гонораръ за переводъ въ политическомъ отдѣлѣ 1¹/₂ копейки со строки; за оригинальныя статьи—отъ 4-хъ до 6-ти копеекъ. Въ прошедшемъ году Академическая газета расходилась въ числѣ 9,600 экземпляровъ.

Опять возня со шрифтомъ. Министръ объявилъ Петру Ермолаевичу, что онъ недоволенъ шрифтомъ и проч. Непріятная забота о сокращеніи гонораровъ.

Мнѣ кажется, Головинъ сдѣлалъ большую ошибку, открывъ университетъ въ Думѣ: онъ этимъ только какъ-бы утвердилъ въ юношахъ мысль, что учиться можно налегкѣ, на бѣгу, въ публичныхъ собраніяхъ, а не въ школѣ, не въ университетѣ. Это опасный шагъ по направленію къ легкому, поверхностному знанію, вмѣсто серьезной науки, въ которой мы чувствуемъ такую настоятельную потребность.

10. Суббота. Толки о происшествіи въ думской залѣ на лекціи Костомарова. Вотъ что случилось. Послѣ высылки Павлова въ Ветлугу, между профессорами, читавшими лекціи въ Думѣ, и бывшими студентами послѣдовало соглашеніе о прекращеніи лекцій. Съ этимъ не согласились Б. и Костомаровъ. Послѣдній явился въ положенный часъ на лекцію. Его приняли дурно. Онъ сказалъ рѣчь къ собравшейся толпѣ, гдѣ объявилъ, что онъ не намѣренъ быть гладиаторомъ въ потѣху тѣмъ, которые собираются для зрѣлища и демонстрацій, а не для науки; что онъ не намѣренъ угождать ихъ пустому либеральничанью. Вслѣдъ за этимъ раздались крики, свистки, ругательства. Но Костомаровъ удалился, не очень трогаясь этими выраженіями уличнаго негодованія. Только уходя, Костомаровъ еще сказалъ:

— „Вы, господа, начинаете свое поприще Репетиловыми, а окончите его Расплюевыми“.

Вотъ теперь уже и въ публикѣ начинаютъ толковать, что во всѣхъ продѣлкахъ молодыхъ людей не столько виноваты они, сколько наставники и руководители, возбуждающіе въ нихъ преждевременное либеральное движеніе вмѣсто того, чтобы сообщать здоровыя и точныя идеи науки. Давно пора-бы.

11. Воскресенье. Главное управленіе цензуры уничтожено. Цензура окончательно переходитъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и устанавливается на особыхъ началахъ.

Вечеръ у Валуева. Ничего кромѣ скуки и духоты.

12. Понедѣльникъ. Вчера гнусный холодъ до десяти градусовъ съ пронзительнѣйшимъ вѣтромъ. Сегодня выпалъ снѣгъ, какъ въ декабрѣ или въ январѣ.

Одиннадцатый часъ вечера. Сейчасъ отъ Головнина. Разговоръ о цензурѣ. Просилъ меня помочь ему въ томъ, чтобы „Географическое Общество“ было изъято изъ цензуры.

14. Среда. Одинъ хозяинъ у насъ въ Малороссіи послалъ двухъ парней (хлопцевъ) на бакчу принести пару большихъ арбузовъ къ обѣду. Хлопцы сорвали и несутъ каждый по арбузу въ полѣ своей свитки. Дорогой они заспорили: кто сорвалъ и несетъ лучшій арбузъ? Отъ спора они перешли къ ссорѣ, а отъ ссоры къ дракѣ. Арбузы были выложены на землю, а хлопцы вцѣпились другъ другу въ чубъ. Пока происходила эта битва, прибѣжала свинья и съѣла оба арбуза.

15. Четвергъ. Опять возня съ Р. Теперь онъ письменно жалуется мнѣ на одного изъ чиновниковъ редакціи, который сдѣлалъ ему грубость. Ыздилъ къ нему, толковалъ, объяснялся и дѣло, кажется, по крайней мѣрѣ повидимому, уладилось.

16. Пятница. Надъ способностью хорошо мыслить и хорошо чувствовать есть еще высшая способность или сила организовывать эти мысли и чувства, сосредоточивать ихъ, возводить въ творческій актъ постоянной, систематически развивающейся, рѣшимости дѣйствовать въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Это характеръ, всегда вѣрный самому себѣ и всегда готовый господствовать и надъ понятіями и надъ чувствами во имя одной глубоко запечатлѣнной въ душѣ идеи. Вотъ этой-то силы, этого характера можетъ недоставать цѣлымъ націямъ, какъ и отдѣльнымъ лицамъ. Движеніе, волненіе тогда хороши, когда въ потокѣ ихъ вырабатываются твердыя и опредѣленные начала, на которыхъ впоследствии можетъ построиться новое лучшее положеніе вещей. Настоящее поколѣніе признаетъ одно начало — оппозицію противъ всякой руководящей власти, всякаго нравственнаго авторитета. Оно признаетъ за собою — и только за самимъ собою — безусловную свободу. Есть-ли это начало плодотворное? Тутъ только одно отрицаніе, а зиждительнаго ничего нѣтъ. Пусть-бы оно, это поколѣніе, рвалось впередъ; но пусть-же оно несло-бы съ собой и какіе-нибудь зачатки

новаго, лучшаго порядка вещей. Быть способнымъ къ одному отрицанію значитъ быть ни къ чему неспособнымъ. Но, возражать мнѣ, отрицаніе только первый шагъ: изъ него само собою выработается положеніе. Нѣтъ! сперва надо быть чѣмъ-нибудь, чтобы внести что-нибудь и поставить на мѣсто отринутаго. Пустота родитъ пустоту, изъ ничего—ничего не бываетъ.

17. Суббота. Есть умы до того крѣпкіе, что могутъ переваривать огромную массу принятаго ими знанія, не впадая отъ того въ замѣшательство, въ судороги или опьяненіе. Но, наоборотъ, есть такія слабыя головы, которыя не переносятъ и самаго слабого приѣма знанія: они пьянѣютъ отъ него, какъ дѣти отъ нѣсколькихъ капель вина, путаются, впадаютъ въ хаосъ, но полные надменности несутъ вздоръ, считая его за великія, будто-бы ими открытыя, истины.

18. Воскресенье. Сейчасъ (двѣнадцать часовъ ночи) съ рауга отъ Валугева. Собраніе было огромное. Наслушались разныхъ новостей. Утѣшительнаго ничего. Хаосъ въ понятіяхъ усиливается. Валугеву, кажется, не долго оставаться на своемъ посту....

19. Понедѣльникъ. Впереди перспектива становится все мрачнѣе и мрачнѣе. Если извѣстная партія одолѣетъ, тогда всѣмъ разумно-либеральнымъ, умѣреннымъ началамъ конецъ и представители этихъ началъ будутъ смяты скачущею сломя голову и ломящею все толпою. А затѣмъ что? новый гнетъ, новый деспотизмъ?...

Головнинъ тоже, кажется, хочетъ больше думать о своей популярности, чѣмъ о правильномъ направленіи дѣлъ. Не для этого-ли, между прочимъ, онъ спихнулъ со своихъ рукъ цензуру на руки министра внутреннихъ дѣлъ? Открылъ университетъ въ Думѣ?...

20. Вторникъ. У министра Валугева вечеромъ съ докладомъ. Утвердили корреспондента въ Лондонъ по случаю всемірной выставки—московскаго профессора Китара.

Правительство правительствомъ, да хороши и мы! Развѣ не случается сплошь и рядомъ: человѣкъ учится гдѣ-нибудь въ университетѣ или въ какомъ-нибудь другомъ высшемъ учебномъ заведеніи; какъ говорится у насъ—прекрасно образованъ; толкуетъ горячо о высшихъ истинахъ, о свободѣ, о честности и

чести и пр. Получаетъ онъ видное мѣсто—смотришь, сдѣлался деспотомъ и воромъ. Изъ кого же вырабатывается—какъ не изъ народа, не изъ общества? Не есть ли оно плоть отъ плоти ихъ и кость отъ костей ихъ?

22. Четвергъ. Зима въ настоящемъ смыслѣ слова. Опять санная дорога.

Вчера было собраніе у товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Собраніе состояло изъ членовъ бывшаго Главнаго управленія цензуры и чиновниковъ онаго. Странное положеніе нынѣ цензуры. Она какъ-то раздвоилась: одною ногою стоитъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а другою въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. За первымъ собственно остается власть предваряющая, цензирующая; другому принадлежитъ наблюдательная, контролирующая и, какъ говорятъ, впоследствии будетъ принадлежать и карательная.

На дняхъ три самоубійства: какой-то сотрудникъ журнальный Піотровскій застрѣлился, какой-то бывший студентъ зарѣзался и профессоръ Медицинской Академіи Беккеръ отравился.

Курочкинъ, издатель „Искры“, вызвалъ на дуэль Писемскаго. Они сильно обругали другъ друга и теперь хотятъ драться—по крайней мѣрѣ первый.

Ко мнѣ обращался Вейнбергъ, бывший редакторъ „Вѣка“, съ просьбою принять его въ сотрудники газеты.

25. Воскресенье. Возвышенныя умозрѣнія необходимы для человѣка, какъ пища для его духа, какъ сила, возносящая его надъ тревоженіями дня, какъ просвѣтленіе ума, которому безъ нихъ все кажется какъ-то туманно, тѣсно и безжизненно: именно, даже безжизненно—хотя повидимому какая жизнь въ идеяхъ? Я не принимаю въ этихъ умозрѣніяхъ ничего за догматъ: я только питаюсь ими какъ укрѣпляющею и оживляющею меня пищею. Надо добросовѣстно и строго отдѣлать въ современныхъ стремленіяхъ истинныя потребности отъ мнимыхъ или мечтательныхъ и преувеличенныхъ—отдѣлать возможное къ осуществленію отъ утопическаго и возможное къ осуществленію безъ проволочки времени отъ того, что исторія по необходимости откладываетъ на будущее время.

26. Понедѣльникъ. Въ нравственно - психологическомъ

внутреннемъ мірѣ человѣка одни только тѣ явленія заслуживаютъ вниманія, значеніе которыхъ опредѣляется разумнымъ созданіемъ и воспринимается волею. Все прочее похоже на облака, гонимыя и разгоняемыя вѣтромъ, или на пѣну, мгновенно возникающую и исчезающую въ волнахъ потока. Радости-ли, горе-ли приносятъ такія явленія, они не заслуживаютъ вниманія мужественнаго человѣка или заслуживаютъ на столько насколько они представляютъ эстетическаго интереса, подобно явленіямъ внѣшней природы.

27. Вторникъ. Вечеръ у А. Кажется, мнѣ и его надо остерегаться, какъ и Р. Эти господа, какъ большинство людей, способны одинаково нагадить человѣку отчасти изъ-за дрянной какой-нибудь выгоды, отчасти такъ, оттого что пріятно искусно нагадить: этимъ выказывается умъ, ловкость.

30. Пятница. Почему школа отрицанія находитъ такъ много послѣдователей? Потому что она льститъ самолюбію людей легкаго ума, ничему основательно не учившихся. Они не хотятъ подчиниться авторитету, который всегда выказывается въ положительныхъ принципахъ, тогда какъ отрицая, они имѣютъ право думать, что они сами господа своихъ мнѣній. Имъ кажется, что они выше всѣхъ тѣхъ, кого не признаютъ, а въ самомъ дѣлѣ они похожи на тѣхъ нищихъ, которые ни во что цѣнятъ всякое пріобрѣтеніе, потому что имъ собственно нечего терять.

Былъ у меня Ч. Посѣдѣлъ, но бодръ и свѣжъ, съ тѣми же добрыми качествами и слабостями, какъ и прежде. Онъ ни крошки не подвинулся впередъ и не ушелъ назадъ. То-же самодовольство своею гордостью, та-же вѣра въ тонкость своего ума, способнаго всѣхъ провести, то-же умѣнье, когда нужно притвориться.

Вотъ уже дня три или четыре, что я, кромѣ обычныхъ припадковъ, испытываю какую-то вялость, тяжесть въ тѣлѣ и въ головѣ, крайнюю усталость, однимъ словомъ, чувствую себя довольно нелѣпо.

31. Суббота. У товарища министра. Объясненіе по поводу замѣчанія министра о томъ, что въ газетѣ нашей неосторожно будто-бы говорено о нынѣшнемъ положеніи Пруссіи. На самомъ дѣлѣ у насъ рѣшительно ничего не сказано, чего не было бы

въ другихъ газетахъ. Товарищъ самъ несогласенъ съ замѣчаніемъ министра.

Апрѣль 2. Понедѣльникъ. Былъ въ редакціи товарищъ министра и объявилъ мнѣ, что „Сѣверная Почта“ не будетъ имѣть особаго цензора.

6. Пятница. Вчера и сегодня свирѣпый холодъ. Опять за шубы.

Вечеромъ были у меня Чивелевъ и Г. Первый уже началъ преподаваніе политической экономіи Наслѣднику. Онъ весьма утѣшительныя вещи о немъ рассказываетъ. Молодой человѣкъ этотъ уменъ, добръ и, что очень важно, не гнушается труда мысли.

8. Воскресенье. День Пасхи. У заутрени въ церкви удѣловъ. Очень недоволенъ службой. Быстрота этой службы доведена здѣсь до *non plus ultra*. Все кончилось не болѣе какъ въ полтора часа. Въ церкви было много разряженныхъ дамъ и щеголеватыхъ кавалеровъ, которые все время службы вели между собой оживленную бесѣду. Мы вернулись домой съ Г. и проболтали за куличемъ и ветчиной до трехъ часовъ утра.

9. Понедѣльникъ. Снаряжая корабль въ плаваніе, никто не валитъ груза на одинъ бортъ его. Необходимо сохранить равновѣсіе, иначе корабль потонетъ.

11. Среда. Работалъ въ редакціи: завтра снова выходитъ газета.

12. Четвергъ. Опять обругали „Сѣверную Почту“. Я былъ бы совершенно равнодушенъ къ этимъ грубымъ нападеамъ, еслибы, къ сожалѣнію, не нужно было отвѣчать на нихъ. Это скучная и неблагоприятная трата времени. Надѣюсь, однако, что этимъ кончится. Во всякомъ случаѣ, нашъ отвѣтъ не долженъ выходить изъ границъ строгаго приличія.

13. Пятница. Кажется, окончательный конецъ зимѣ. Идетъ сильный и теплый дождь.

Министръ внутреннихъ дѣлъ собралъ сегодня въ два часа всѣхъ, принадлежащихъ къ наблюдательному вѣдомству по дѣламъ книгопечатанія. Ну, право же большая нелѣпость и весь этотъ наблюдательный синклитъ, и самая идея наблюденія, и все это нынѣшнее состояніе цензуры. Вотъ Валуевъ какъ попался со своими проектами преобразованія цензуры! Онъ

хотѣлъ установить карательную цензуру, взялся за это, не съумѣлъ сдѣлать и проволочилъ дѣло до появленія на сцену Головнина: этотъ его теперь и обошелъ. Сущность цензуры Головнинъ забралъ себѣ, а ея темную, невыгодную сторону оставилъ Валугеву. Вышла совершенно басня: „Ворона и лисица“.

14. Суббота. Страшную будущность готовятъ Россіи всѣ эти ультра-прогрессисты. И чего хотятъ они? вмѣсто постепенныхъ, конечно безотлагательныхъ, реформъ, вмѣсто разумнаго движенія впередъ, они хотятъ крутаго переворота, хотятъ революціи и пытаются произвести ее искусственнымъ образомъ. Безумные слѣпцы! Имъ хочется порисоваться на сценѣ, хочется поиграть въ исторію: исторія ихъ первыхъ смелеть, какъ мельничный жерновъ дрянное жито или овесъ, и унесеть въ своемъ водоворотѣ. Развѣ Россіи необходимо то, что они замышляютъ?

Р. получилъ по городской почтѣ анонимное письмо, полное ироническихъ похвалъ его либеральному образу мыслей въ статьяхъ „Сѣверной Почты“. Къ письму приложена возмутительная прокламація... съ просьбою напечатать ее съ его, Р., комментаріями....

15. Воскресенье. Свобода и законъ—вотъ что должно бы составлять исключительную основу управления человѣческими обществами. Но какъ въ этихъ обществахъ всегда будутъ злоупотребленія первою и нарушенія послѣдняго, то къ нимъ надобно присоединять еще и охранительную силу власти. У насъ особенно трудно устроиться правильному общественному порядку самому, безъ участія внѣшней руководящей силы. Патриотизма у насъ очень мало, а самолюбіе вмѣстѣ съ кровью, наполняетъ всѣ жилы и жилки нашего организма.

18. Среда. Валугеву дали Владиміра 2-ой степени. Онъ, говорятъ, огорченъ. Министру и въ самомъ дѣлѣ это какъ будто не по чину.

20. Пятница. Великолѣпная погода. Паралъ на Царицыномъ лугу. Мы смотрѣли на него съ типографскаго балкона. Искусство убивать людей не лишено своего рода поэзіи: ея много въ стройномъ движеніи этихъ огромныхъ массъ. Особенно хороши артиллерія и кавалерія.

21. Суббота. Славянофильство начинаетъ принимать характеръ не простой школы или ученія, а настоящей секты, со всѣми правами и обязанностями истыхъ фанатиковъ.

22. Воскресенье. Боже сохрани насъ испытать деспотизмъ толпы, массы—деспотизмъ полудикій варварской демократіи.

27. Пятница. Всѣ послѣдніе дни сіяющіе, но прехолодные.

Нерѣдко чувствуется сильная неурядица въ душѣ—недостатокъ въ увѣренности во всемъ: въ чловѣчествѣ, въ жизни, въ самомъ себѣ и въ своей судьбѣ. Большой частью, конечно, это есть слѣдствіе слишкомъ эгоистической заботливости о самомъ себѣ, о своей будущности, а кажется пора утвердиться въ мысли, что чѣмъ больше ты погружаешься въ личные интересы своего маленькаго я, каковы бы они ни были, тѣмъ духъ твой болѣе стѣсняется, мельчаетъ, ослабѣваетъ въ силѣ и мужествѣ.

28. Суббота. Сегодня, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, были собраны профессора не существующаго университета для обсужденія вопроса: можетъ-ли и на какихъ основаніяхъ можетъ быть открытъ университетъ? Въ собраніи поднялся страшный шумъ. Наконецъ, кое-какъ, среди нестерпимаго гвалта, добрались до самаго вопроса, который кое-какъ былъ поставленъ Ленцомъ: вѣдь и споръ-то весь былъ изъ-за того, что не знали о чемъ разсуждать и какъ взяться за вопросъ. Но тутъ всѣ единогласно согласились съ тѣмъ, что „при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нельзя открывать университета до изданія новаго устава“.—А можно-ли открыть университетъ съ принятіемъ только нѣкоторыхъ измѣненій въ нѣкоторыхъ правилахъ? Противъ этого оказалось четыре или пять голосовъ и въ томъ числѣ мой. Я ушелъ тотчасъ послѣ этого, но шумные толки, кажется, еще долго продолжались.

Что у насъ за странный министр. Онъ рѣшительно не приходитъ ни къ какому опредѣленному результату, а все вертится на одномъ мѣстѣ: то одну ногу подниметь, то другую, сдѣлаеть движеніе рукой, сладко улыбнется—вотъ и все.

29. Воскресенье. Вотъ, между прочимъ, какую хитрость употребилъ министр. Ему хочется угодить (!) студентамъ и защитникамъ ихъ буйныхъ выходокъ и открыть университетъ. Но самому взять инициативу въ этомъ опасномъ дѣлѣ не хочется. Вотъ онъ всячески вертится около университета, побуждая его самого дать голосъ въ пользу открытія. Между прочимъ вотъ еще что приписываютъ (одному лицу): онъ внушилъ сперва нѣмецкимъ, а потомъ, говорятъ, и русскимъ Спб. Вѣдомостямъ,

напечатать, что въ публикѣ очень желаютъ открытія университета и что послѣднему нечего ужъ больше бояться студентовъ, такъ какъ они переводятъ свои сходы изъ стѣнъ университета въ „Общество пособія нуждающимся литераторамъ“. Вѣдь если это правда, то это верхъ самаго низкаго угодничества толпѣ.....

** . вчера требоваль, чтобы университетъ самъ составилъ себѣ новыя правила—и такъ, чтобы министерство не имѣло на это никакого вліянія: не нужно даже и санкціи его на эти правила. На это кто-то возразилъ: такъ вы университету хотите присвоить диктатуру?—„Да“, отвѣчалъ онъ.—„Ну“, замѣтилъ я Куторгѣ, сидѣвшему противъ меня,—„этотъ далеко идетъ; уйдетъ-ли только далеко—не знаю“. А когда я сказалъ, что всякія правила, какія мы ни составимъ, будутъ сочтены за произволь и что лучше подождать новаго устава, который все-таки будетъ закономъ органическимъ и, такъ сказать, законнымъ закономъ, то Б. на это возразилъ:—„Да развѣ теперь кто-нибудь уважаетъ законъ?“—„Ну, такъ нечего и открывать университетовъ“, отвѣчалъ я.

... Надо, однако-жъ, понять значеніе всего этого и не быть трусомъ.

Если предполагаемыя временныя правила будутъ составлены въ духѣ ограничивающемъ произволь студентовъ, то студентамъ это не понравится и они опять набуянятъ. Если правила эти будутъ слабыя и потворствующія, то они понравятся студентамъ и они опять-таки будутъ дѣлать все, что угодно, только не учиться.

Былъ у Д. Разговоръ объ открытіи университета и о вчерашнемъ собраніи. Д. прекрасный человекъ, но колеблется.

Май 1. Вторникъ. Объясненіе съ министромъ Валуевымъ. Онъ принялся сокращать расходы по газетѣ. Съ этою цѣлью уволены редакторы Р. и В. Это сохраняетъ 7,500 рублей. Безъ Р., пожалуй, можно обойтись, но гдѣ границы этихъ сокращеній? Министръ можетъ не остановиться на этомъ и простереть свои урѣзки на гонораръ сотрудниковъ, а это неизбѣжно парализовало-бы литературную сторону газеты. Вслѣдствіе этого и рѣшился всѣми силами сопротивляться новымъ урѣзкамъ; въ

случаѣ-же неудачи, подать въ отставку. Министръ нападалъ на расширеніе политическаго отдѣла; я защищаль его. Положено уничтожить въ газетѣ петить. Впрочемъ, мы пока разстались довольно дружелюбно.

Мнѣ въ подмогу данъ Б. для отдѣла, которымъ завѣдываль Р.

3. Четвергъ. Вчера, третьяго дня и сегодня свѣтло, тепло, словомъ, похоже на весну.

Вчера прощанье съ графомъ Блудовымъ. Собрались почти всѣ академики. Старикъ все еще вспыхиваетъ и оживляется, хотя уже слабъ. Онъ ѣдетъ за границу.

7. Понедѣльникъ. Съ Валувымъ сильно не ладится. Если я со времени знаменитаго циркуляра (губернаторамъ объ обязательной подпискѣ) только одною ногою стоялъ въ редакціи, то теперь вишу въ ней на волоскѣ, который самъ ежеминутно готовъ подрѣзать. Валувъ все сердится на дефицитъ газеты, точно онъ при самомъ началѣ дѣла не говорилъ сто разъ мнѣ и другимъ, что онъ этимъ не будетъ стѣсняться, что нужны пожертвованія и т. д. Вчера онъ призываль В—на и сурово напалъ на него опять за шрифтъ.

Это меня сильно разстраиваетъ. Я подозреваю, что нападая на типографію, министръ косвенно бросаетъ стрѣлы въ меня. Ему не нравится мое желаніе удержать за редакціею извѣстную степень самостоятельности, безъ которой, однако, нельзя дать газетѣ сколько-нибудь характеръ, заслуживающій вниманія и довѣрія общества. Были у меня съ нимъ и нѣкоторыя столкновения. Онъ все жалуется, что его не слушаютъ. Да, становится очевидно, что министръ, послѣ всѣхъ благихъ памфленій и разглагольствованій о широкихъ взглядахъ и задачахъ, хочетъ въ вонецъ съузить первоначальный планъ газеты. Если онъ дѣйствительно такой вѣтренникъ, то я ему больше не помощникъ.

9. Среда. Нѣтъ! Всѣ наши государственные люди рѣшительно ниже посредственности; люди бездарные, неспособные ни къ какой свѣтлой, широкой мысли, ни къ какому благородному усилю воли. Какаядуховенная сила въ состояніи поддержать администрацію, состоящую изъ такихъ гнилыхъ элементовъ, изъ этихъ бюрократическихъ ничтожествъ.

10. Четвергъ. Размысливъ хорошенько, я рѣшился написать Валуеву письмо съ объясненіемъ, что при такихъ порядкахъ или, лучше сказать, беспорядкахъ и постоянныхъ тревогахъ и перемѣнахъ газета не можетъ идти честно и успѣшно. Я хочу еще предложить ему, не согласится-ли онъ опредѣлить цифру, ниже которой въ расходахъ по содержанію газеты идти нельзя, не уронивъ газеты, а если онъ на это не согласится— подать въ отставку.

13. Воскресенье. Поутру отослалъ письмо къ Валуеву.

15. Вторникъ. Драка Писарева съ Гарднеромъ на желѣзной дорогѣ недѣли полторы тому назадъ.

Время беретъ свое, время дѣлаетъ свое. Люди совершаютъ неподобныя дѣла, а время употребляетъ эти дѣла какъ умный пахарь навозъ и возвращаетъ изъ нихъ добрые плоды! Значитъ, не люди заслуживаютъ уваженія, а время и принципъ, который вырабатывается временемъ.

Собраніе совѣта или профессоровъ, потому что собственно совѣта нѣтъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя Д. Предложенъ былъ вопросъ: когда долженъ быть открытъ университетъ? Положено: открыть совѣтъ въ августѣ, а университетъ къ первому октября приблизительно.

Къ концу произошла сцена. Костомаровъ подалъ въ отставку и сегодня полученъ уже приказъ о его увольненіи. Нѣкоторые изъ профессоровъ захотѣли сдѣлать ему овацію. Поднялся Горловъ и началъ упрашивать его остаться въ университетѣ. За Горловымъ поднялись и другіе и тоже начали упрашивать. Костомаровъ всталъ и какъ-то несвязно заговорилъ о своемъ разстроенномъ здоровьѣ, потомъ перешелъ въ откровенности. — „Я, сказалъ онъ,—получилъ болѣе двадцати ругательныхъ писемъ отъ студентовъ; мнѣ угрожаютъ побить меня, если я останусь въ университетѣ: что-же мнѣ дѣлать?“ Наконецъ, онъ склонился на убѣжденія, чтобы ему, по крайней мѣрѣ, числиться на своей кафедрѣ, авось студенты отдумаютъ и не захотятъ его больше ругать. Я ушелъ: мнѣ было и жалко и стыдно.

16. Среда. Большую часть жизни мы проводимъ въ томъ, что собираемся жить—и наконецъ рѣшаемся жить, когда уже

поздно и для жизни остается не больше времени, какъ сколько нужно, чтобы проститься съ ней.

Объясненіе съ Тройницкимъ по газетѣ, вслѣдствіе моего письма къ Валуеву. Валуевъ сердитъ на меня за письмо. Онъ говоритъ, что я будто лишаю его права заниматься интеллектуальною стороною газеты. Это несправедливо. Я только стою за то, чтобы не отступать отъ первоначальнаго плана газеты и отъ тѣхъ задачъ, держаться которыхъ мнѣ было торжественно обѣщано. Тройницкій прочиталъ мнѣ предполагаемыя цифры. Можетъ быть, онѣ и окажутся удовлетворительными, но я просилъ сначала допустить ихъ въ видѣ опыта.

17. Четвергъ. Наконецъ совершенно лѣтній день, а мы еще не на дачѣ. Впрочемъ, нынѣшній годъ мы не далеко ѣдемъ: перебираемся всего только на Черную рѣчку.

Въ человѣкѣ и въ человѣческой жизни очень мало счастья, еще меньше мудрости и очень много необходимостей, изъ которыхъ вытекають то бѣдствія, то пороки.

22. Вторникъ. На дачѣ. Вчера переѣхали. Домикъ такъ себѣ, какъ говорится, ни то, ни сѣ—ни дурень, ни хорошъ. Я пріѣхалъ въ шесть часовъ. Меня задержали въ редакціи корректуры статьи Р. и Леонтьевъ, который пріѣхалъ изъ Москвы. Онъ очень жалуется на тамошнюю цензуру, которая совершенно сбита и съ послѣдняго толка. Валуевъ дѣлаетъ замѣчаніе, а Головинъ пишетъ отношеніе.

Сегодня обѣдалъ у меня Маркъ (Николаевичъ Любоцинскій), который ѣдетъ въ четвергъ за границу на воды лѣчиться послѣ тяжелой болѣзни, которую вынесъ недавно по милости тетеревей. Вечеромъ мы пошли гулять: скверно—холодно. Въ Строгановомъ саду однако пѣлъ какой-то дуракъ соловей, какъ будто можно здѣсь что-нибудь дѣлать другое, какъ не каркать по-вороньи.

23. Среда. По утру. Уфъ, какъ холодно! Я сижу за письменнымъ столомъ въ тепломъ пальто и въ калошахъ. Передъ глазами у меня торчитъ нѣсколько березокъ, изъ которыхъ не хотя тянется тощая зелень. Немного далѣе лугъ, на которомъ всеми неправдами кое-какъ пробивается изъ полумерзлой земли травка. Гдѣ-то вдали каркаетъ ворона. По небу бродятъ тучи, изъ которыхъ такъ и ожидаешь, что посыплеть снѣгъ: вотъ и

прелести здѣшней майской природы. Я, какъ Ричардъ III-й, ходя по комнатамъ, кричу: „дровъ, дровъ—всю дачу за дрова!“ Топите печи.

Люди бываютъ вообще чрезвычайно щедры на одолженія которыя имъ ничего не стоятъ.

24. Четвергъ. Вчерашній день къ вечеру потеплѣлъ. Сегодня тоже тринадцать градусовъ по-утру: и за то спасибо.

Вчера въ Петербургѣ было разомъ четыре пожара въ разныхъ частяхъ города. Одинъ, и всѣхъ сильнѣе, недалеко отъ меня, около Лиговки. Толкуютъ о поджогахъ...

27. Воскресенье. А пароксизмы своимъ чередомъ продолжаютъ презрѣдно трепать меня, особенно по ночамъ.

Моя статья о прогрессѣ перепечатывается въ разныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Есть же, значить, люди, раздѣляющіе мой образъ мыслей. Впрочемъ, знаетъ-ли бѣольшая часть нашихъ, такъ называемыхъ мыслящихъ людей, чего они хотятъ и къ чему стремятся! Въ этой анархіи идей нѣтъ ничего опредѣленнаго.

28. Понедѣльникъ. День, полный тревогъ и страха для всего Петербурга.

Послѣдніе четыре или пять дней подъ рядъ въ городѣ были пожары, а иногда и по нѣскольку разомъ. Въ пятницу, на-примѣръ, ихъ было одновременно шесть въ разныхъ мѣстахъ. Носились слухи, что поджигаютъ. Меня даже увѣрили, что поймано нѣсколько разбойниковъ-поджигателей.

Сегодня часу въ первомъ поѣхалъ я въ городъ на свою квартиру. Тамъ швейцаръ разсказалъ мнѣ, что вчера на углу Владимірской и Стремянной поймали кого-то съ горючими и зажигательными снарядами въ карманахъ. Онъ самъ видѣлъ всю суматоху этой ловли. Удивительная безпечность (полиціи). Городъ въ очевидной опасности... Войска у насъ, слава Богу, довольно. Не слѣдовало-ли бы учредить усиленные патрули и даже оцѣпить болѣе опасныя и подозрительныя мѣста? Ничего этого нѣтъ. Я не встрѣтилъ даже обыкновенныхъ казачьихъ разъѣздовъ. При такой слабости власти, разумѣется, слѣдовало опасаться еще бѣольшихъ несчастій. Такъ и случилось.

Я вернулся домой, то есть на дачу, часовъ около четырехъ. Въ шесть разнесся слухъ, что Петербургъ жгутъ, что пожаръ вспыхнулъ въ лучшей части его, около Невскаго проспекта. Я

вышелъ на Строгановъ мостъ: надъ Петербургомъ висѣла огромная туча дыма. Приѣхала дочь моя, которая гостила у своей подруги, и сообщила, что все около нашей квартиры, Щукинъ и Апраксинъ дворы въ огнѣ. Я съ женой тотчасъ-же отправился въ городъ. У меня въ квартирѣ лежала тысяча рублей денегъ, все мое богатство, и нѣкоторые документы. Мы были въ большой тревогѣ пока доѣхали до Владимірской. На улицахъ вездѣ стояла сумятица, но о грабежахъ не было нигдѣ слышно. Домъ Фридрихса атакованъ былъ огнемъ съ двухъ сторонъ: со стороны Щербакова переулка, который, казалось, весь пылалъ, и со стороны Троицкаго переулка, гдѣ тоже горѣло. Щукинъ дворъ и Апраксинъ уже не существовали. Было въ огнѣ и министерство внутреннихъ дѣлъ. Сила пожара напирала на министерство просвѣщенія и на Пажескій корпусъ. Ихъ всячески старались отстоять. Изъ нашего дома почти всѣ выносили свои пожитки. Чтò намъ дѣлать? Спасать больше всего надо было мой кабинетъ — но какъ? Насъ съ женой было только двое. Рабочіе люди разбирались на расхватъ. Мы собрали мои бумаги, да кое-какой скарбъ и связали въ узлы, но вынести ихъ было некому. Ко мнѣ зашли князь Волконскій, Капнистъ и Струговщиковъ. Всѣ они предлагали свои услуги. Но домъ Фридрихса такъ геройски сопротивлялся напору двухъ огней, что мы рѣшились быть на готовѣ, но не торопиться съ выноской вещей. Послѣ полуночи, когда опасность для нашей квартиры нѣсколько уменьшилась, я, оставивъ жену вмѣстѣ съ подошедшимъ тѣмъ временемъ Целинскимъ, поѣхалъ на дачу, чтобы успокоить дѣтей и прислать оттуда Иванова и пяню—что и было сдѣлано. Лишь подъ утро, не раздѣваясь, бросился я на диванъ и кое-какъ заснулъ.

Весь день прескверно себя чувствовалъ; сильный пароксизмъ и головная боль.

29. Вторникъ. Пожаръ произвелъ страшное опустошеніе. Въ Чернышевомъ переулкѣ и въ Троицкомъ еще догораютъ дровяные дворы, и домъ Фридрихса еще не въ безопасности. Общее мнѣніе, что поджигаютъ. Рассказываютъ, что въ разныхъ мѣстахъ задержаны люди съ горючими веществами.

Часть моихъ вещей перевезена въ редакцію и сложена въ кладовую. Серебро, котораго впрочемъ у меня немного, я взялъ

къ себѣ на дачу. Библиотеку-же и часть бумагъ пришлось оставить въ кабинетѣ запертыми.

30. Среда. Пожаръ на Пескахъ. Я поѣхалъ въ городъ въ 11 часовъ утра. На Царицыномъ лугу были войска и Государь. Городъ въ большомъ волненіи. Въ поджигательствѣ никто не сомнѣвается. Разсказамъ, слухамъ, толкамъ нѣтъ конца.

Вчера и сегодня вѣтеръ ревѣлъ и по временамъ превращался въ бурю. Сильно холодно.

31. Четвергъ. Несомнѣнно, кажется, что пожары въ связи съ послѣдними прокламаціями. Еслибы поджоги производились простыми мошенниками, то были-бы покушенія къ грабежу: ихъ нигдѣ не оказалось...

Объявлено отъ полиціи, что по высочайшему повелѣнію составлена комиссія для оказанія пособія пострадавшимъ отъ пожара. Многіе совершенно все потеряли. Между такими находится и добрый мой благородный (Андрей Степановичъ) Вороновъ. Семейство его отправилось на лѣто въ Псковъ. Самъ онъ тоже ѣздилъ туда на Троицынъ день и когда вернулся въ понедѣльникъ вечеромъ, то засталъ квартиру свою въ пламени: уже ничего нельзя было спасти.

Объявлено отъ правительства, что всѣхъ, кто будетъ взятъ съ поджигательными снарядами и веществами или задержанъ по подозрѣнію въ поджигательствѣ, а равно и подстрекателей къ беспорядкамъ судить будутъ военнымъ судомъ въ двадцать четыре часа.

Приняты мѣры: всѣ дворы заперты; у воротъ сидятъ дворники, которые обязаны смотрѣть, чтобы во дворъ не проходили люди подозрительные. Усилены патрули. Вечеромъ былъ на дачѣ у министра Валугева. Однако, объясненія по дѣламъ редакціи не состоялись. Министръ готовился къ докладу Государю.

Юль 2. Суббота. Ужасно холодно въ комнатахъ; на воздухѣ семь градусовъ. Пожары укротились. Въ восемь часовъ вечера получилъ отъ товарища министра статью для завтрашняго номера объ открытіи въ Сампсоніевскомъ и въ Введенскомъ училищахъ злоумышленническаго преподаванія о томъ, что надо Петербургъ жечь и пр. Это проповѣдывалось въ воскресныхъ школахъ, заведенныхъ въ этихъ училищахъ для рабочаго класса. Наряжена комиссія для изслѣдованія. Я поѣхалъ тотчасъ въ типографію, и при мнѣ набрали статью.

Разговоръ съ радикаломъ:

— Надо все разрушить: бей направо и налево.

— Для чего же?

— Разумѣтся, чтобы истребить все накопившееся зло и достигнуть чего-нибудь лучшаго.

— Но кто же построить на мѣсто разрушеннаго это лучшее?

— Сама жизнь.

— Хорошо, но, во-первыхъ, кто же вамъ далъ право насильственно вести людей къ этому лучшему? Они не хотятъ имѣть васъ своими вождями: васъ никто къ тому не уполномочивалъ. Кто вы? Гдѣ ваши кредитивы? А во-вторыхъ, гдѣ гарантіи, что это лучшее, ради котораго вы требуете столько жертвъ, будетъ дѣйствительно достигнуто?

3. Воскресенье. Утромъ у товарища министра. Объяснялся о кое-какихъ дѣлахъ по редакціи. Просилъ и его доставить кое-какіе факты о пожарѣ: иначе мы не можемъ ничего напечатать. Обѣщаль.

Пойманы и признались двое поджигателей: мужикъ и баба, которымъ кто-то далъ по 25 рублей за это (ужасное) дѣло. Но этого кто-то или этихъ не могутъ отыскать. А въ нихъ-то и вся сила.

Государь не соглашается на смертную казнь. Народъ все думаетъ, что поджигаютъ студенты. Головинъ писалъ Валуюву, чтобы тотъ сдѣлалъ объявленіе въ томъ смыслѣ, что напрасно обвиняютъ студентовъ. Валуювъ отвѣчалъ отказомъ.

Флигель-адъютантъ графъ Р. арестованъ. Очевидно, существуетъ какой-то заговоръ, вѣтви котораго распространены далеко. Бѣдная Россія! Какимъ хаосомъ тебѣ угрожаютъ!

5. Вторникъ. Разумѣтся, ультра-прогрессисты хотятъ сломить все старое: тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Но разумѣтся также и то, что они должны встрѣчать противодѣйствіе со стороны умѣренныхъ. Двѣ силы должны уравновѣшивать себя взаимно. Смерть безъ жизни была бы только смерть; жизнь безъ смерти лишилась бы обновленія, одѣпенѣла бы, сдѣлалась бы минераломъ, не болѣе. Во всемъ этомъ есть своя логика, своя правильность.

Виновныхъ въ поджоги велѣно судить полевымъ уголовнымъ уложеніемъ, а право конфирмаціи государь предоставилъ военному генераль-губернатору.

9. Суббота. Бѣдное мое отечество! Видно придется тебѣ сильно пострадать: темныя силы становятся въ тебѣ все отважнѣе, а честные люди все трусливѣе... Передо мной программа двухъ лекцій изъ нравственной философіи, которыя намѣренъ читать публично Лавровъ. Программу эту я взялъ, какъ членъ факультета, для того, чтобы представить на нее свои замѣчанія. Боже мой! что за философія... Я написалъ протестъ и послалъ его въ факультетъ.

Вы хотите кровавыми буквами написать на вашихъ знаменахъ: свобода и анархія. Мы напишемъ на своихъ: свобода, законъ и власть, охраняющая свободу и законъ.

... Умъ и трудъ—вотъ въ чемъ состоитъ гарантія человѣческаго существованія и самое право на него человѣка. Потому-то, если вы не развили своего ума, если вамъ недостаетъ знанія, которое, какъ извѣстно, есть сила, и если вы не трудитесь—вы непремѣнно должны впасть въ зависимость или отъ природы, или отъ подобнаго себѣ, болѣе знающаго и болѣе трудящагося. Чтѣ не уступаетъ уму и труду, то уже выходитъ изъ-подъ власти человѣка; тутъ остается только терпѣть.

10. Воскресенье. Былъ у П. на дачѣ за Лѣснымъ корпусомъ. Онъ все еще боленъ. Рана на груди его до сихъ поръ не закрывается. Онъ очень измѣнился. Ужъ не начало-ли это конца? Мнѣ стало грустно...

Погулялъ немного по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ лѣтъ пятнадцать мирно протекали наши дачные дни. Еще грустнѣе стало. Вечеръ очень холодный. Когда вернулся домой, было всего восемь градусовъ. Ночь исполнена всякихъ мерзостей. Заснулъ только подъ утро.

11. Понедѣльникъ. Извѣстны слова Шварценберга: „Мы (то-есть, австрійцы) удивимъ міръ нашею неблагодарностью“. Не пришлось-бы намъ удивить міръ бессмысліемъ нашихъ драгъ, нашихъ пожаровъ, нашего поклоненія бѣглому апостолу революціи Герцену, изъ Лондона, изъ безопаснаго приюта командующаго!

Находятъ сходство между временемъ Людовика XIV и Николая I, между временемъ Людовика XVI и нашимъ временемъ...

...Ложь, ложь и ложь,—даже не заблужденіе, а ложь. По-

знакомился въ редакціи съ Китара, нашимъ будущимъ корреспондентомъ съ Лондонской выставки.

Еще прекрасная новость: говорятъ о подметныхъ письмахъ, въ которыхъ обѣщаютъ отравлять пищу и питье жителей.

12. Вторникъ. Вотъ она и реакція, какъ и слѣдуетъ быть послѣ такихъ безмысленныхъ и гадкихъ дѣлъ, какія надѣлали наши красные. Воскресныя школы вѣрно закрыты; женскій пансіонъ въ Вильнѣ также. Школы будутъ преобразованы и подчинены строгому правительственному контролю. Журналы „Современникъ“ и „Русское Слово“ закрыты на восемь мѣсяцевъ. Но главное неудобство всякой реакціи — а особенно нашей, будетъ въ томъ, что тутъ правое потерпитъ наравнѣ съ виноватымъ. Мысли грозить опять застой и угнетеніе, а мыслящимъ людямъ, писателямъ, ученымъ—непріязненные нападки невѣждъ и ретроградовъ.

Вечеромъ у товарища министра. Комиссія для открытія поджоговъ дѣйствуетъ плохо. Она очень мало до сихъ поръ открыла.

Программа Лаврова—это верхъ безстыдства и шарлатанства. Я написалъ мои замѣчанія и отправилъ въ факультетъ.

13. Среда. Въ „Нашемъ Времени“, въ 122-мъ номерѣ, напечатана довольно откровенная статья о пожарахъ. Тамъ, между прочими о нихъ толками въ обществѣ, говорится о пыткѣ, будто-бы предложенной однимъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи.

Скверно, сумрачно, холодно, сыро.

14. Четвергъ. Лѣто и для Петербурга даже изумительное. Отвратительный холодъ и дождь. Температура колеблется между шестью, семью градусами тепла. Живущіе на дачахъ особенно терпятъ. На этотъ разъ и намъ попался прескверный домъ, хотя и съ печами, но очень ветхій. Топимъ каждый день и притомъ березовыми дровами, какъ зимою, а тепло не держится. Ко всѣмъ прелестямъ еще сильный вѣтеръ, насквозь пронизывающій.

Дурное свойство реакціи то, что она, какъ коса, проходитъ полосами и срѣзываетъ все—и дурныя травы и хорошія.

Въ массѣ надолго подорвано уваженіе къ именамъ ученаго, литератора, студента.

15. Пятница. Болѣе тридцати лѣтъ я въ Петербургѣ и ничего подобнаго не помню: весь почти іюнь свирѣпствуетъ холодъ и такіе переходы, напримѣръ, какъ отъ тринадцати градусовъ вдругъ въ нѣсколько часовъ до девяти, восьми, семи и шести. Сегодня съ самаго утра буря, дождь, а тепла только на пять градусовъ. Невыносимая мерзость. Мы топимъ по два раза въ день. Я работаю въ калошахъ, въ сюртукѣ и въ тепломъ пальто.

Приказано въ сентябрѣ открыть физико-математическій факультетъ при здѣшнемъ университетѣ. А черезъ годъ и остальные.

Ну право-же, это просто общественное бѣдствіе въ родѣ пожаровъ: теперь уже только 4° на воздухѣ, а у меня въ кабинетѣ послѣ вторичной топки едва дотягиваетъ до 8°.

16. Суббота. Есть одна истина — Богъ. Все прочее или полуистины, истины относительныя, или чистая ложь.

Въ литературѣ у насъ привыкають всякую умную статью или сужденіе называть безцвѣтными, если въ нихъ нѣтъ рѣзкаго тона и выраженій радикальнаго свойства. Такъ приучають общество къ спирту и мѣшаютъ ему находить вкусъ въ томъ, что не опьяняетъ сразу.

Ну право-же, главный редакторъ официальной газеты сильно смахиваетъ на каторжника. Онъ отвѣчаетъ за каждую букву, за каждую запятую, которыя поставлены или выпущены. Пока не вышелъ номеръ, онъ въ тревогѣ; вышелъ номеръ—онъ еще въ болѣе тревогѣ. Тамъ можетъ быть сдѣлана ошибка, здѣсь она уже сдѣлана и поправить ее нельзя. Публика недовольна тѣмъ, что номеръ не весь по ея вкусу; начальство тѣмъ, что вы редакторъ или ученый, а не чиновникъ. Словомъ, надо имѣть большой запасъ мужества и еще болѣе большой запасъ той философіи, которая учитъ многое презирать... Я разумѣю, конечно, редактора, который хочетъ добросовѣстно вести дѣло, который имѣетъ свои опредѣленные виды и не хочетъ, не можетъ отступать отъ однажды признанныхъ за нимъ полномочій...

19. Вторникъ. Эти мнимые народные учителя вмѣсто того, чтобы учить народъ—навязываютъ ему свои мысли. Для сѣянія нѣкоторыхъ истинъ, надо прежде удобрить, подготовить почву ума. И потому эти пресловутые учителя наши очень по-

хожи на пустыхъ болтуновъ, которые заботятся не о томъ, чтобы сдѣлать дѣло, а о томъ, чтобы поскорѣ выболтать то, чего они начитались или слышались.

Я забылъ отмѣтить въ моемъ дневникѣ, что я въ субботу поздно вечеромъ получилъ для напечатанія въ „Сѣверной Почтѣ“ депешу о томъ, что Лидерсъ раненъ пулею въ Саксонскомъ саду въ Варшавѣ на минеральныхъ водахъ. Мѣстность, гдѣ это произошло, и обстановка заставляютъ думать, что выстрѣлъ сдѣланъ не изъ личныхъ видовъ, но что онъ слѣдствіе какого-нибудь заговора. Преступникъ не схваченъ. Значитъ, ему среди бѣла дня дали способъ уйти.

Сегодня въ половинѣ двѣнадцатаго получилъ депешу, что Лидерсу хуже.

22. Пятница. Депеша утромъ изъ Варшавы, что въ Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича сдѣланъ выстрѣлъ изъ пистолета при выходѣ его изъ театра. Пуля пробила мундиръ на груди, однако до тѣла едва коснулась. Виножникъ схваченъ на мѣстѣ.
. Однако, что-же такое будетъ съ обществомъ, если всякій присвоитъ себѣ право осуществлять свои политическія идеи, свои проекты о благѣ народовъ и челоѣчества посредствомъ пистолета, пожаровъ и т. п.?

...Онъ пріѣхалъ, чтобы постучаться въ двери службы; но нашелъ, что двери эти для него заперты на замокъ. Посмотрѣлъ въ щелочку замка: видитъ, что хозяйева дома, значитъ не хотятъ принять. Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ опять за границу.

23. Суббота. Человѣкъ гадокъ, жизнь гадка, а еще гаже, зная это, не умѣтъ сносить ихъ такими, каковы они есть.

Выстрѣлившій въ великаго князя какой-то подмастерье, портной Ярошинскій.

26. Вторникъ. Вчера выдался день порядочный, безъ вѣтра, безъ дождя и съ 13° тепла. Сегодня опять заворотило на прежнее. Вѣтеръ, дождь и холодъ.

Опять неурядица въ типографіи, впрочемъ все по части корректуры. Сдѣлана ошибка въ поправкѣ ошибки по поводу запрещенія Аксакову издавать газету „День“. Министръ придалъ этому чрезмѣрное значеніе и сдѣлалъ типографіи и редакціи несоотвѣтственно строгій выговоръ. Это съ нѣкоторыхъ

поръ его обыкновенная привычка выражать лично мнѣ свое не-расположеніе. Нѣтъ, рѣшительно надо подавать въ отставку. Всякое живое слово въ газетѣ вызываетъ въ немъ досаду, которую онъ срываетъ на опечаткахъ и тому подобныхъ мелочахъ. Газетѣ грозитъ ограничиваться простою перепечаткою его циркуляровъ и другихъ оффиціальностей.

Третьяго дня я переимѣнилъ главнаго корректора. Первый вздумалъ было по своему усмотрѣнію исправлять статьи газеты. Въ одномъ номерѣ онъ не напечаталъ нѣсколькихъ строкъ, говоря, что такъ лучше. Теперь я опредѣлилъ кандидата нашего университета.

27. Среда. По утру предварительно объяснялся съ Тройницкимъ. Онъ подтверждаетъ, что министръ недоволенъ газетою, придирается ко всему и придаетъ особенную важность бездѣлицамъ, въ родѣ опечатокъ, упуская изъ виду главнсе или не желая на немъ останавливаться. Я объявилъ Тройницкому о своемъ рѣшеніи подать въ отставку. Онъ не отговаривалъ меня отъ этого, соглашаясь, что такъ дѣло долше вести нельзя.

Пріѣхавъ домой, я написалъ просьбу объ увольненіи и коротенькое письмо къ министру съ изъясненіемъ причинъ, заставляющихъ меня отказаться отъ должности главнаго редактора. Былъ уже часъ, когда я поѣхалъ въ редакцію и оттуда послалъ просьбу и письмо къ Валуеву.

Оказывается, что у Валуева гораздо болѣе бюрократическій складъ ума и гораздо болѣе узкій взглядъ на вещи, чѣмъ онъ заставилъ меня думать сначала. На нашу газету, о которой вначалѣ онъ такъ много и высокопарно толковалъ, онъ въ концѣ концовъ смотритъ какъ на вмѣстилище только циркуляровъ и указовъ. Онъ вовсе пересталъ говорить о существенныхъ интересахъ или задачахъ ея.

Кромѣ того, онъ хотѣлъ-бы, чтобы газета сразу пріобрѣла чуть не десять тысячъ подписчиковъ. Онъ не понялъ, что довѣріе общества можетъ быть заслужено только постепенно.

Когда-же мнѣ случалось папирать на важность дѣла и ссылаться на его собственныя первоначальныя намѣренія, онъ сердился, жаловался, что я его учу.

Что-же въ самомъ дѣлѣ мы, люди пожившіе, благомыслящіе, друзья прогресса, въ состояніи сказать по совѣсти молодому,

нетерпѣливому, волнующемуся поколѣнію—что можемъ мы сказать ему о нашихъ дѣтеляхъ?

28. Четвергъ. Выходитъ старая пѣснь: что честный и прямодушный образъ дѣйствій почти всегда обращается въ невыгоду тѣхъ, которые такъ дѣйствуютъ.

29. Пятница. По-утру у Тройницкаго. Продолжительный разговоръ о дѣлахъ „Сѣверной Почты“ и о моей отставкѣ. Выходитъ все то-же: министръ желаетъ дать газетѣ такой оборотъ, что мнѣ рѣшительно въ ней нечего дѣлать.

Министръ повезъ сегодня докладъ Государю о моемъ увольненіи.

30. Суббота. Получилъ письмо отъ министра (Валуева) объ увольненіи меня отъ званія главнаго редактора „Сѣверной Почты“. Письмо исполнено самыхъ лестныхъ для меня вещей. Мы расстаемся съ нимъ „въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ“. Да, а дѣла все-таки не могли вмѣстѣ дѣлать!

А врачи опять гонятъ меня къ морю. Теперь, пожалуй, это и можетъ состояться.

Вечеромъ многіе съѣхались ко мнѣ, въ томъ числѣ Тройницкій и Небольсинъ. Мы пили чай на балконѣ, а вокругъ насъ шумѣли великолѣпная гроза и дождь. Было очень тепло—необычайно для нынѣшняго лѣта.

Іюль 1. Воскресенье. Былъ у Валуева. Принять очень хорошо. Просилъ объ отпускѣ. Онъ согласенъ.

4. Среда. Вчера былъ у Д. Разговоръ о Головиннѣ. Дурно: деть (?) управленіе министерствомъ: шаткость, вмѣшательство постороннихъ лицъ, незнакомыхъ съ дѣломъ, исканіе популярности. Баронъ Николаи, какъ человѣкъ благородный и способный, былъ-бы, полагають многіе, лучшимъ министромъ въ настоящее время.

Сегодня не безъ грустнаго чувства передалъ я мои обязанности новому редактору. Дѣло это было мнѣ дорого; я многого отъ него ожидалъ, какъ оказывается напрасно. Я не могъ продолжать его долѣе, не утративъ моей самостоятельности.

Страшная сырость на этой Черной Рѣчкѣ! Да и дожди-же одолѣли.

5. Четвергъ. Странные и страшные слухи ходятъ по городу..... Разумѣется, имъ не вѣрю, но распусканіе подобныхъ слуховъ уже имѣетъ свое значеніе.

7. Суббота. Поздно вечеромъ прїѣхалъ ко мнѣ Арсеньевъ и мы вмѣстѣ составили телеграфическую депешу къ Г. въ Москву, приглашая его скорѣе вернуться въ Петербургъ. У Валуева есть намѣреніе поручить ему главную редакцію „Сѣверной Почты“.

8. Воскресенье. Ѣздилъ навѣщать П. Здоровье его не улучшается: все та же рана на груди. Это очень его ослабляетъ; при этомъ ноги плохо служатъ. Я посидѣлъ у него часа два. На возвратномъ пути меня преслѣдовалъ сильный дождь, а вѣтромъ сломало зонтикъ, такъ что я съ трудомъ укрывался его лоскутьями. Къ счастью, было тепло.

П—въ мнѣ рассказывалъ о томъ, какой радушный прїемъ сдѣлала императрица Марія Александровна — писательницѣ Кохановской: послѣдняя была восхищена ея добротой. Прощаясь, императрица сказала ей: „Желаю вамъ всего лучшаго на свѣтѣ“. — „Такъ позвольте же, государыня, попросить у вашего величества теперь же исполненія этого желанія: благословите меня“, сказала Кохановская, тронутая ласковымъ обращеніемъ всего царскаго семейства.

Удивительно, какъ при видѣ приближенія къ роковой развязкѣ близко стоявшаго къ вамъ человѣка [П—ва], въ памяти вашей отчетливо возникаетъ ваше общее съ нимъ прошлое, и какъ при томъ жало зла притупляется, все темное ступшевывается, а свѣтлое выступаетъ и освѣняетъ васъ отраднымъ чувствомъ примиренія.

10. Вторникъ. Холодно, сыро, бурно. Въ сердцѣ тоска. Говорятъ, арестовали Серно-Соловѣвича, Чернышевскаго и Писарева.

11. Среда. Создать вѣрованія мы не въ силахъ, а потрясти ихъ можемъ.

13. Пятница. Приготовленія къ отъѣзду. Опять новый походъ къ морю. Не скажу, чтобы мнѣ улыбалась эта, третій разъ предпринимаемая, погоня за призракомъ здоровья. Но врачи требуютъ, мои настаиваютъ и упрашиваютъ—ѣдемъ.

14. Суббота. Сегодня выѣзжаю по желѣзной дорогѣ на Эйдкуненъ въ Булонь.

За границей.

19. Четвергъ. Еще въ Берлинѣ встрѣтились мы со Стра-

ховымъ и до сихъ поръ все бродимъ вмѣстѣ и по Дрездену. До наивности добрый, мягкій и умный—онъ очень пріятный спутникъ. Сегодня мы вмѣстѣ посѣтили картинную галерею. Вотъ опять божественная Мадонна Рафаэля. Нынѣшній разъ она мнѣ показалась еще совершеннѣе. Я около часу смотрѣлъ на нее, разбирая каждую черту картины отдѣльно и потомъ снова соединяя ихъ. Нѣтъ! ничего подобнаго еще не производило искусство, да врядъ-ли въ состояніи произвести еще когда-нибудь. Для созданія такого лика нужна дѣтская беззавѣтная вѣра, время для которой навсегда миновало. Я было всталъ, чтобы идти смотрѣть на другія картины, и опять вернулся къ Мадоннѣ, да такъ и просидѣлъ передъ ней все время, что пробылъ въ галереѣ. Затѣмъ только мелькомъ взглянулъ на Мадонну Гольбейна, на Корреджіеву ночь, на бракъ въ Канѣ Галилейской Веронеза, на Мадонну Мурильо.

Здѣсь же (въ Дрезденѣ) встрѣтилъ я князя Г. П. Волконскаго съ сыномъ его, юношею двадцати лѣтъ, который ѣдетъ продолжать ученіе въ Боннскій университетъ. Онъ уже пять лѣтъ учился въ Веве и сдалъ въ Женевѣ пріемный экзаменъ въ университетъ. Молодой человѣкъ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Князь-отецъ возлагаетъ на него большія надежды.

20. Пятница. Остроуміе такой спиртъ, который очень скоро выдыхается, если его часто откупориваютъ.

По-утру у Вольфсона. Онъ принялъ меня дружески. Жаловался, что ему не высылаютъ изъ Петербурга субсидій, книгъ, журналовъ. Разсказалъ мнѣ анекдотъ о Бакунинѣ, когда тотъ бушевалъ въ Лейпцигѣ, въ 1848 году. Бакунинъ находился въ большой опасности: его преслѣдовали и если-бъ онъ былъ пойманъ, то его разстрѣляли-бы. Спасаясь отъ преслѣдователей, Бакунинъ явился къ Вольфсону и просилъ у него убѣжища на ночь. Вольфсонъ скрылъ его у себя. Въ слѣдующее утро, на прощанье, Бакунинъ сказалъ ему: — „Ты оказалъ мнѣ услугу, потому предупреждаю тебя: если наша возьметъ верхъ— не попадайся мнѣ: повѣшу или разстрѣлю“. Во время рѣзни въ Дрезденѣ, въ томъ же году, Бакунинъ, по словамъ того-же Вольфсона, направлялъ пушки на картинную галерею.

Вечеромъ заѣзжалъ за мной князь Волконскій, и мы вмѣстѣ отправились за городъ на народный праздникъ и немного

побродили тамъ въ толпѣ, среди ярмарочныхъ палатокъ и столовъ съ пряниками и разными другими сладостями. Затѣмъ проѣхали на Брюлевскую террасу, посидѣли тамъ, а въ заключеніе и на террасѣ отеля Бельвю, и въ ночномъ полумракѣ любовались Дрезденомъ, усѣяннмъ сверкающими огоньками.

22. Воскресенье. Вечеръ у Вольфсона, гдѣ познакомился съ актрисою Янаушекъ. Она чешка и, по словамъ Вольфсона, великая артистка. Наружность у нея изящная и эффектная. Она собирается въ Петербургъ.

25. Среда. Въ Брюсселѣ. Вечеромъ успѣли еще побывать въ саду, который не лучше и не больше нашего Лѣтняго, но содержится гораздо менѣе чисто, а между тѣмъ, оттуда уже съ десяти часовъ вечера изгоняется публика: это въ іюнѣ и въ іюлѣ, а въ августѣ и въ сентябрѣ съ девяти часовъ. Кромѣ того, по саду и среди бѣла дня запрещается ходить съ узлами и пакетами. Мы несли съ собой бумажный мѣшечекъ съ двумя фунтами вишень. Къ намъ подошелъ блюститель порядка, въ форменной одеждѣ, и учтиво, но внушительно попросилъ насъ удалиться, такъ какъ въ городской садъ не допускаютъ никого съ „ношею“. — Дворецъ противъ сада ни величественъ, ни богатъ.

Впрочемъ, вообще Брюссель на видъ прекрасный — одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ городовъ. Общая его фizioномія сильно напоминаетъ Парижъ. Но окрестности его мало привлекательны: страна кругомъ плоская и мѣстами болотистая. Бельгійцы тоже напоминаютъ собой французовъ: та-же живость въ языкѣ и въ движеніяхъ.

26. Четвергъ. Ровно въ полночь пріѣхали въ Булонь. Благодаря позднему часу, у станціи желѣзной дороги не оказалось экипажей и мы, взявъ носильщика, пѣшкомъ отправились въ отель Брайтонъ. Бушевала страшная буря. Вѣтеръ безжалостно рвалъ и трепалъ насъ. Но мнѣ было хорошо. Я съ жадностью глоталъ влажный, іодистый, бодрящій воздухъ. Съ океана, среди рева волнъ, иногда раздавались пушечные выстрѣлы.

27. Пятница. Въ отелѣ такая дороговизна, что нѣтъ возможности оставаться въ немъ. Я рѣшился отправиться въ пансіонъ госпожи Вильбенъ, гдѣ останавливался въ первый разъ. Мадамъ Вильбенъ меня тотчасъ признала и выразила большую

радость: я чуть не задохся въ благоуханной атмосферѣ розовыхъ улыбокъ, которыхъ она напустила на меня цѣлую тучу. Но главное оказалось, что у нея есть двѣ свободныя комнаты и тѣ самыя именно, которыя мы занимали прежде. Прекрасно! Мы тотчасъ ихъ взяли и сладили дѣло по прежней цѣнѣ, то-есть за восемьдесятъ франковъ съ двоихъ въ недѣлю, что ровно въ половину дешевле, чѣмъ въ отелѣ.

Какъ-то странно и грустно видѣть себя въ томъ-же жилищѣ, гдѣ жилъ два года тому назадъ, но при другихъ условіяхъ. Здѣсь все по-старому: та же мебель, тѣ-же постели, вся прежняя обстановка. Такъ и кажется, вотъ войдетъ К. со своей добродушной и нѣжной заботливостью обо мнѣ и спроситъ: не идти-ли намъ на жете, или погулять по городу, или на рынокъ за плодами.

29. Воскресенье. Мы провели препріятный вечеръ на жете. Было тихо; луна выплыла изъ-за тучъ и бросала свой серебристый свѣтъ на городъ и океанъ. Вдали мелькали огоньки маяка. Пришелъ слѣпой пѣвецъ съ гитарою и, подъ аккомпаниментъ ея и шума волнъ, звучнымъ и пріятнымъ голосомъ пропѣлъ прощаніе матроса съ сушею. Все это было чрезвычайно эффектно, и для довершенія живости впечатлѣнія—мимо насъ пронесся англійскій пароходъ въ даль океана, а на встрѣчу ему плылъ другой изъ Англіи.

Августъ 3 (15). Пятница. Ровно въ шесть часовъ утра пушечные выстрѣлы возвѣстили о сегодняшнемъ праздникѣ — именины Наполеона. У домовъ вывѣшены трехцвѣтные флаги. Увидимъ, что будетъ далѣе. Но празднику, кажется, угрожаетъ дождь, хотя очень тепло. Да вотъ ужъ и пошелъ — теперь 9 часовъ.

Вечеромъ всѣ казенные дома были иллюминированы; особенно хорошо былъ иллюминированъ домъ супрефекта. Флаги пестрѣли у всѣхъ домовъ. Толпы народа весело, живо волновались по улицамъ. Мы отправились къ верхнему городу, гдѣ и безъ того теперь довольно шумно, потому что тутъ ярмарка. Но сегодня стеклись сюда, кажется, тысячи народа,—и старъ и младъ, мужчины и женщины. Тутъ въ балаганахъ даютъ разныя представленія; музыка въ разныхъ мѣстахъ то реветъ съ барабаннымъ стукомъ и трубами, то дребезжитъ и гудитъ какъ-то дико и

нелѣпо; крикъ, гамъ, пискъ, пѣнье, говоръ, пусканье ракетъ— словомъ, какъ говорится у насъ, свѣтопреставленіе. Самое большое и пестрое сборище и хаосъ лицъ, словъ, движеній—у карусели. Вечеръ былъ тихій и теплый, слѣдовательно, какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ веселью. Да и мастера-же французы веселиться! На одной площадкѣ заиграли польку. Нѣсколько рыбацекъ и горничныхъ, обхвативъ другъ друга за талію, вдругъ выскочили изъ толпы и, прыгая подъ тактъ музыки, живо завертѣлись вокругъ водоема. Это было очень оригинально, весело и живо. Здѣшнія французенки изъ простаго класса особенно цвѣтуши и красивы. Лица ихъ чисты и какъ-будто отчеканены легкимъ, деликатнымъ рѣзцомъ. Черные оживленные, влажные глаза, черные волосы, необыкновенная живость и грація движеній—все это очень привлекательно, даже почти во всякой дѣвочкѣ-замарашкѣ.

4. Суббота. Я встрѣтился въ Дрезденѣ съ княземъ Юсуповымъ. Рѣчь у насъ зашла о Герценѣ и его революціонныхъ листкахъ, которыми онъ наводняетъ Россію. Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ по этому случаю:—„Въ Берлинѣ покупалъ я въ книжномъ магазинѣ кое-какія нѣмецкія книги. А не хотите-ли вы русскихъ?—спросилъ у меня услужливый книгопродавецъ.—Какихъ-же?—Да вотъ, напримѣръ, Герценовскихъ: у меня есть всевозможныя его сочиненія: и прежнія и самыя новыя.—Нѣтъ, отвѣчалъ я,—у насъ нынѣ очень строго преслѣдуются эти вещи, и я боюсь, что не доведу ихъ до Петербурга: у меня отберутъ на границѣ.—Вотъ пустяки! я вамъ доставлю въ Петербургъ сколько угодно, прямо въ вашъ домъ, въ вашъ кабинетъ.—Это удивительно! Но если я вздумаю задержать того, кто мнѣ ихъ принесетъ?—Не безпокойтесь! вы не въ состояніи будете этого сдѣлать: вы и не увидите того, кто вамъ принесетъ ихъ“.

5. Воскресенье. Вопросъ: общество-ли дѣлаетъ человѣка негоднымъ или человѣкъ общество?

Въ четыре часа пошли смотрѣть церковную процессію. Нѣсколько дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ покрывалахъ и съ бѣлыми вѣнками на головѣ держали голубой покровъ и сопровождали огромную корзину съ цвѣтами. Впереди несли хоругви, позади ихъ отрядъ зуавовъ—музыкантовъ. У нѣкоторыхъ домовъ, особенно у казенныхъ, были вывѣшены флаги—бѣлые

съ голубымъ. Процессія эта вошла въ церковь въ Готевилѣ, гдѣ и началась служба. Служилъ епископъ. Мы вошли въ церковь, но не дождались конца. Между тѣмъ пошелъ дождь и испортилъ процессію.

8. Среда. Надобно вездѣ являться на помощь и всегда, сколько есть нашихъ силъ, поддерживать все честное, истинное и справедливое. Вотъ мой девизъ и я во всю мою жизнь старался слѣдовать ему и по влеченію моихъ нравственныхъ инстинктовъ и сознательно. Ибо мы можемъ только помогать созиданію, а не созидать.

Человѣкъ ничуть не лучше животнаго, когда онъ ѣсть, пьетъ, спитъ, размножаетъ родъ свой; онъ становится немного лучшимъ, когда мозгъ его вырабатываетъ цѣпь понятій и занимается отправленіями мысли. Но онъ становится положительно выше животнаго — существомъ особаго рода, когда рѣшается на одно истинное, честное и справедливое.

Послѣ обѣда мы отправились въ концертъ. Зала была биткомъ набита. Пѣла какая-то Луиджи — ученица, какъ сказано на афишѣ, Россини. Это и видно было: она уже очень молода. Пѣла она усердно и, какъ кажется, по хорошей методѣ; но голосъ ея уже потерялъ свѣжесть и чистоту. Тальбергъ игралъ на фортепіано, по выраженію сидѣвшаго возлѣ меня француза, какъ принцъ искусства, и на скрипкѣ игралъ какой-то неслышанный еще скрипачъ Сидичелли, — и игралъ превосходно.

9. Четвергъ. Каждый день процессіи въ честь Божіей Матери. Вотъ сейчасъ прошли съ хоругвью женщины, повидимому, рыбачки, въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ чепцахъ.

10. Пятница. Здоровье здоровьемъ, а дѣло дѣломъ. Сіе должно дѣлать и онаго не оставлять, какъ очень умно сказано въ весьма умной книгѣ. Меня сильно занимаетъ мысль написать сочиненіе въ видѣ письма изъ заграницы о нынѣшнихъ нашихъ дѣлахъ и послать для напечатанія въ „Сѣверную Почту“. Я накидалъ уже на бумагу нѣсколько идей и продолжаю каждое утро заниматься этимъ. Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. Голосъ честнаго человѣка можетъ что-нибудь значить въ настоящее время, когда такъ сильно кричатъ демагоги и друзья Герцена.

Сильно надоѣдаютъ эти частые трубные звуки, которые раздаются по городу отъ марширующихъ зуавовъ. Вѣроятно, это

исполненіе какихъ-нибудь служебныхъ требованій; но къ чему-же это непрерывное хожденіе по улицамъ и трубленіе? А вотъ также и духовныя процессіи. Говорятъ, что они обыкновенно продолжаются здѣсь недѣли три сряду.

12. Воскресенье. Великолѣпная религіозная процессія. Изъ собора въ Готевиль въ четыре часа потянулись ряды дѣвиць—маленькихъ, среднихъ и большихъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, съ вѣнками изъ бѣлыхъ розъ на головѣ. Ихъ было не менѣе, а можетъ быть и болѣе, тысячи. Онѣ шли отрядами: каждый отрядъ сопровождалъ какой-нибудь символъ, относящійся къ Божіей Матери, или-же ея изображеніе на хоругви. Нѣкоторые отряды состояли изъ мальчиковъ, старухъ убогихъ, призрѣваемыхъ какимъ-то обществомъ, монахинь, матросовъ, [несшихъ модель лодки и посреди нея маленькую статую Божіей Матери, духовенства, и въ заключеніе—епископъ, который нарочно сюда пріѣхалъ для этого праздника. Нѣкоторые отряды дѣвиць пѣли гимны, а сверхъ того, процессію сопровождали два оркестра военной музыки. Шествіе началось ровно въ четыре часа, обошло главныя улицы, набережную и опять возвратилось въ соборъ. Мы съ двухъ пунктовъ видѣли эту процессію — на площади противъ крѣпости, когда она только-что показалась изъ воротъ послѣдней, и на набережной, возлѣ нашей квартиры. Все это великолѣпно, даже во многомъ изящно, но не величественно. Это больше зрѣлище для развлеченія, на что французы такъ жадны, чѣмъ религіозное торжество для возбужденія благочестія. Все это слишкомъ обременено символами, слишкомъ нарядно, слишкомъ внѣшне, дѣйствуетъ гораздо больше на внѣшнія чувства, чѣмъ на сердце. Католическое духовенство не знаетъ, кажется, мѣры въ обрядности. Стеченіе народа здѣсь было огромное, но толпа вела себя такъ чинно, что тремъ полицейскимъ сержантамъ, которыхъ я замѣтилъ, казалось, вовсе нечего было дѣлать.

13. Понедѣльникъ. Сегодня опять процессія. Вотъ раздаются свѣжіе женскіе голоса и ревъ вчерашняго какого-то попа, у котораго неслыханной свирѣпости голосъ. Я выглянулъ въ окно: вотъ опять повалили толпы отъ желѣзной дороги къ Готевиллю.

15. Среда. Вотъ что важно въ этихъ странахъ: всякій

человѣкъ сознаеть здѣсь свое достоинство и послѣдній поденщикъ, подметающій соръ на улицѣ, также мало способенъ допустить, чтобы его оскорбили, поступили съ нимъ несправедливо и незаконно, какъ и какой-нибудь депутатъ, засѣдающій въ законодательномъ собраніи.

17. Пятница. Въ Петербургѣ у насъ все кажется порядочно и тихо. Я заключаю это изъ того, что въ здѣшнихъ газетахъ рѣшительно ни слова о Россіи (кромѣ телеграфическихъ депешъ о смутахъ въ Варшавѣ), какъ-будто она не существуетъ на европейской картѣ. Дай Богъ, чтобы она меньше подавала и повода говорить о себѣ въ газетахъ, ибо для газетныхъ рѣчей нужны пожары, рѣзня, висѣлицы и тому подобныя возбудительныя вещи. Теперь довольно и одной Италіи. Бѣдный Гарибальди, кажется, сдѣлалъ фальшивый шагъ. Не попасть-бы Италіи прямо въ руки Наполеону III-му! Вотъ ужъ здѣсь, говорятъ, изъ Шалонскаго лагеря зуавы двигаются къ Ниццѣ.

19. Воскресенье. Сегодня въ „Constitutionnel“ я прочиталъ, что Гарибальди взять въ плѣнъ войсками Виктора Эммануила. Гарибальди по всѣмъ законамъ долженъ быть осужденъ на смерть. Но само собой разумѣется, что его предшествовавшія заслуги, весь характеръ его дѣятельности ставятъ его внѣ закона, то-есть выше закона. Онъ, конечно, будетъ помилованъ.

29. Среда. Человѣкъ—первый виновникъ всѣхъ своихъ бѣдъ, хотя всегда готовъ обвинять въ нихъ судьбу или кого угодно, хоть папу Римскаго, только не себя.

Сентябрь 1. Суббота. Вечеръ проведенъ въ семействѣ лондонскаго русскаго священника Попова, Евгенія Ивановича. Это весьма образованный человѣкъ. У него двѣ милыя дочери. Но странно какъ-то, зная, что онѣ русскія, слышать въ разговорѣ ихъ иностранный выговоръ. Онѣ родились и воспитывались въ Лондонѣ.

5. Среда. Сборы въ дорогу. Довольно подличать съ океаномъ. Каждый день по нѣскольку разъ ходилъ я къ нему на поклонъ, восхищался имъ во всякое время и во всѣхъ его видахъ—въ грозномъ величии и въ безмятежномъ покоѣ, доврчиво погружался въ его волны: чѣмъ-то онъ мнѣ за все это воздастъ?

7. Пятница. (Въ Парижѣ.) Заѣзжалъ сегодня въ канцелярію

нашего посольства узнать, не будетъ-ли завтра какого-нибудь торжества у живущихъ здѣсь русскихъ, по случаю празднованія завтра тысячелѣтія Россіи. Не будетъ ничего, кромѣ обѣдни и молебна.

8. Суббота. По утру въ церкви. Нашелъ тамъ не такъ много русскихъ, какъ ожидалъ. Киселевъ былъ въ парадной формѣ, также, какъ и члены посольства. Здѣсь я неожиданно встрѣтилъ графа Блудова, съ графиней Антониной Дмитріевной, Батюшкова, графа Апраксина, доктора Каталинскаго.

Церковь наша, дѣйствительно, очень хороша, особенно внѣшній видъ. Внутри она расписана въ византійскомъ стилѣ. Французскіе пѣвчіе пѣли хорошо и только немногія слова выговаривали, нѣсколько смягчая ихъ.

Послѣ обѣда былъ у меня Франчески, которому обо мнѣ писали. Онъ мнѣ очень любезно предложилъ разныя услуги въ путешествіи по Парижу и хотѣлъ доставить мнѣ билеты въ нѣкоторыя общественныя учрежденія. Разговоръ о политикѣ въ весьма умѣренномъ тонѣ. Франчески очень щеголеватый французъ, съ изысканными манерами и нѣсколько приторною любезностью. Сегодня же были въ саду акклиматизаціи. Тутъ много любопытнаго—между прочимъ, такіе громадныя страусы, какихъ можно видѣть развѣ только въ Африкѣ. Ихъ семь штукъ; они, какъ чопорныя дамы, расхаживали въ своемъ отдѣленіи.

9. Воскресенье. Во всякомъ французѣ первая мысль при встрѣчѣ съ вами—сдѣлать впечатлѣніе, произвести эффектъ.

Если подумаешь, что въ милліонахъ этихъ улыбокъ, этихъ обязательныхъ пожеланій и увѣреній, расточаемыхъ съ такою роскошью, въ этихъ горячихъ, дружескихъ рукопожатіяхъ нѣтъ ни капли правды; что во всемъ этомъ скрывается затаенное: „чортъ тебя возьми; мнѣ нѣтъ до тебя никакого дѣла“; или: „сколько я могу содрать съ тебя денегъ?“—когда все это сообразить, тогда естественно приходишь къ мысли, что человѣкъ получаетъ отъ цивилизаціи все: богатство, комфортъ, внѣшній лоскъ, блескъ и пр. и пр., кромѣ одного: кромѣ возможности быть лучшимъ.

11. Вторникъ. Получилъ отъ Франчески кучу билетовъ въ тѣ мѣста, куда безъ билетовъ не пускаютъ. Были въ Люксембургѣ. Осматривали комнаты и картины, изображающія под-

виги Наполеоновъ I-го и III-го, напимѣрь, когда послѣдній принимаетъ императорскій титулъ, вѣнчается съ Евгеніей, посылаетъ рабочихъ и т. д. Внизу любопытна комната Маріи Медичи, сохраненная въ томъ видѣ, какъ была при пей. Но самое любопытное въ Люксембургскомъ дворцѣ—это зало засѣданій сената. Она, дѣйствительно, великолѣпна и достойна хоть-бы не нынѣшнихъ холодевающихъ французскихъ сенаторовъ.

13. Четвергъ. Обозрѣвали въ Луврѣ музей. Въ галлерей антиковъ мы, само-собой разумѣется, больше всего времени посвятили Венерѣ Милосской. Но то, чего я не видалъ прошедшій разъ въ Луврѣ—это чрезвычайно интересное собраніе историческихъ вещей. Тутъ: мечъ и скипетръ Карла Великаго, кресло Дагоберта, нѣкоторыя туалетныя принадлежности и даже поношенный башмакъ Маріи Антуанетты. Очень интересны еще вещи, находившіяся въ употребленіи у Наполеона I, именно: его кресло, довольно потертое; походный столикъ, чрезвычайно простой, со складнымъ стуломъ; бюро; походная кровать съ пологомъ, тюфякомъ и одѣяломъ, знаменитый его сѣрый сюртукъ и треугольная шляпа, которую онъ носилъ на островѣ Святой Елены; туника и мантія, въ которыхъ онъ короновался; колыбель короля Римскаго и пр. Все это осматривалъ съ двѣнадцати до трехъ и порядочно усталъ, такъ что не могъ уже вѣхать въ Кюни, какъ предполагалъ было. На сегодня довольно.

14. Пятница. Я познакомился съ нашимъ умнымъ священникомъ отцомъ Іосифомъ Васильевымъ. Засталъ у него нѣсколько русскихъ: Бутурлина, Малоземова, Евреннова. Въ часъ въ Тюльерійскій дворецъ. Входъ дозволенъ только въ парадныя комнаты. Все это, разумѣется, великолѣпно. Но всего лучше видъ изъ Маршалльской залы на площадь Конкордь и на Триумфальную арку. Да и сама зала Маршаловъ очень хороша. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на дощечкахъ надпись, что строго воспрещается давать деньги служителямъ. Но должно быть имъ запрещено и говорить: иные изъ посѣтителей обращались къ нимъ съ вопросами о нѣкоторыхъ предметахъ, но служители были глухи и нѣмы. Отчего не пускаютъ въ жилия комнаты Наполеона? Говорятъ, что тамъ что-то передѣлываютъ. Но я подозреваю другую причину: можетъ быть, Наполеонъ не

хочетъ, чтобы всякому было извѣстно, гдѣ его можно найти. Потомъ осматривали Клюни. Всего интереснѣе само зданіе Клюни по своей древности, которая восходитъ до временъ римлянъ. Много барельефовъ, статуй, разныхъ обломковъ XI и XII вѣковъ. Намъ, русскимъ, интересны еще: образъ Божіей Матери, взятый при разрушеніи Бомарзунда—складной, старинной суздальской живописи, въ мѣдной оправѣ. Потомъ въ саду, какъ трофей, чугунный крестъ изъ Севастополя, попорченный видно ядрами и снятый съ церкви.

Пасмурно, но тихо и тепло какъ въ іюнѣ или іюлѣ. А у насъ въ Петербургѣ, кому-то писали оттуда, десятаго выпалъ снѣгъ.

15. Суббота. Въ одиннадцать часовъ въ Сенклу. День очаровательный, только жарко. Въ Сенклу мы ходили въ паркѣ, дошли по аллѣе до башни и оттуда любовались Парижемъ, который тутъ почти также виденъ, какъ съ Бельвю или съ Медонской террасы. Затѣмъ мы отправились въ Севръ, въ сопровожденіи какого-то увріе, шедшаго съ боченкомъ за пивомъ по одной съ нами дорогѣ. Въ Севрѣ осмотрѣли знаменитую фабрику фарфоровую и видѣли почти всѣ ея сокровища, кромѣ тѣхъ, которыя увезены на лондонскую выставку—слѣдовательно, главныхъ-то и не видѣли. Но и видѣнаго довольно, чтобы составить себѣ понятіе о совершенствѣ, до котораго доведена здѣсь отдѣлка матеріала и живопись. Но и дороги же всѣ эти вещи. Одна тарелка столовая—350 франковъ. Есть вазы по 30, 20 и 18 тысячъ франковъ.

Изъ Севра въ Бельвю, гдѣ мы посидѣли на скамейкѣ и посмотрѣли на Парижъ, оттуда представляющійся океаномъ зданій, береговъ котораго не видно и среди котораго, съ лѣвой стороны, зеленѣетъ только одинъ островъ—Булонскій лѣсъ.

Вотъ, наконецъ, и Медонская терраса, которая мнѣ нравится больше всѣхъ другихъ пунктовъ, откуда можно наслаждаться великолѣпнымъ зрѣлищемъ города, незнающаго, повидимому, границъ своему объему, своей производительной мелкой и крупной дѣятельности. кипучести своихъ страстей, города, поставившаго себя такъ высоко въ исторіи и спустившагося въ настоящее время такъ низко къ подножію Наполеонова трона—словомъ, города, который и видѣть и узнать необходимо для

полноты знанія чловѣка, то-есть того, какъ онъ можетъ возвыситься и пасть, какихъ мерзостей и ужасовъ онъ можетъ надѣлать и до какой нравственной оцѣпенѣлости можетъ дойти.

17. Понедѣльникъ. Jardin des Plantes. Здѣсь особенно насъ заняли: самый садъ, который мы весь обходили, прогулка въ лабиринтѣ, съ восхожденіемъ на башню, откуда видна значительная часть Парижа. Далѣе, дромадеры, тигръ огромнаго роста и свирѣпѣйшаго вида, которому, кажется, не нравилось, что онъ былъ предметомъ общаго любопытства, тогда какъ онъ не имѣлъ возможности употребить въ дѣло надъ любопытными своихъ зубовъ и когтей; левъ, который въ это время покоился сномъ невинности; слонъ, весьма граціозно обращавшій свой хоботъ къ зрителямъ за подачками хлѣба; морда гиппопотама, высунувшаяся изъ воды,—самъ же онъ весь былъ въ нее погруженъ, а другой изъ сарая показывалъ свой огромный задъ, и пр. Обезьянъ мы пропустили, спѣша къ теплицамъ. Здѣсь особенно привлекло наше вниманіе *Victoria regina*, только своими листьями, потому что въ нынѣшнемъ году она не цвѣла; огромныя пальмы. Впрочемъ, у насъ въ Ботаническомъ саду не меньше замѣчательныхъ экзотическихъ растений. Въ теплицѣ одинъ изъ рабочихъ обратился къ намъ съ русскою рѣчью. Оказалось, что онъ воспитанникъ одесскаго училища садоводства, изъ евреевъ, и здѣсь учится. Изъ сада въ фіакрѣ поѣхали въ *Sainte-Chapelle* въ *Palais de Justice*. Это замѣчательное зданіе готической архитектуры, построенное Людовикомъ Святымъ. Внутренность вся изъ разноцвѣтныхъ стеколъ; линіи легки и граціозны. Намъ показывали на правой сторонѣ въ стѣнѣ окошечко: тамъ, никѣмъ не видѣнный и самъ ничѣмъ земнымъ неразвлекаемый, молился и слушалъ обѣдню святой король. Изъ *Sainte-Chapelle* мы отправились пѣшкомъ и осмотрѣли дорогой одно изъ полезнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ зданій Парижа—рынокъ. Говорю „прекраснѣйшихъ“ не напрасно. Оно легко, величественно. Древніе непременно сдѣлали-бы изъ него храмъ и посвятили его Помонѣ, потому что большая часть лавокъ, по крайней мѣрѣ намъ такъ показалось, была наполнена овощами и плодами. Мы также принесли нашу жертву въ этомъ храмѣ, оставивъ въ немъ около двухъ франковъ и взамѣнъ ихъ получивъ отъ царствующаго тамъ божества три великолѣпнѣйшія груши—дюшессы и полтора

фунта фонтенеблосскаго винограду. Затѣмъ по улицѣ Мон-мартръ мы вышли на бульваръ того-же имени и усталые сильно возвратились домой уже въ три часа.

18. Вторникъ. Версаль, въ половинѣ перваго. Два часа безъ отдыха ходили по комнатамъ и осмотрѣли весь дворецъ. Всего интереснѣе та часть его, гдѣ жилъ Людовикъ XIV: его спальня съ кроватью въ томъ видѣ, какъ при немъ; двѣ комнаты по бокамъ, сообщающіяся съ Геркулесовою залою; комнаты наверху, съ потретами знаменитостей вѣка Людовиковъ XIV и XV — королей, министровъ, принцевъ, принцессъ, писателей, красавицъ и другихъ чѣмъ-либо замѣчательныхъ женщинъ. Тутъ нашель я и нашу Екатерину II, и Софью Алексѣвну. Не знаю почему послѣдняя представлена красавицей. Есть также портретъ Петра III и картина смотра войскъ въ Парижѣ съ изображеніемъ Петра Великаго. Большинство залъ въ первомъ и во второмъ этажахъ (кромѣ тѣхъ, гдѣ жилъ Людовикъ XIV) составляютъ родъ картинной галереи съ изображеніемъ подвиговъ французскихъ войскъ. Всего больше картинъ приходится, разумѣется, на долю Наполеона I-го. Изъ царствованія нынѣшняго Наполеона здѣсь есть и Альмская битва, и сраженіе при Аккерманѣ, и осада и взятіе Севастополя, и Сольферино, и Мадженто. Очень интересны еще залы съ изображеніями крестовыхъ походовъ, со взятіемъ Иерусалима и съ портретами рыцарей того времени. Впрочемъ, осматривать Версаль не два часа надо, а развѣ двѣ недѣли. Къ тому же въ залахъ было ужасно душно, и я съ радостью вышелъ въ садъ. Обойдя цвѣтникъ, мы спустились вправо съ террасы и приютились на скамейкѣ передъ бассейномъ, достали маленькій, взятый изъ Парижа, паштетъ, да пару дюшессъ, и позавтракали. Потомъ опять поднялись на террасу и оттуда любовались садомъ. Внизу играла военная музыка и пестрѣли толпы народа. Между тѣмъ съ запада подвигались живописныя и грозныя тучи: все это вмѣстѣ было дѣйствительно полно поэзіи. Солнце скрылось; мрачная тѣнь повисла надъ паркомъ и дворцомъ и заслонила собою еще такъ недавно лучезарную даль. Не также-ли точно померкли передъ кровавымъ образомъ революціи и слава и блескъ царившаго здѣсь двора?..... Однако, пора подумать и о возвращеніи: тучи медленно, но вѣрно надвигались на насъ. Да

вотъ уже и упало нѣсколько тяжелыхъ капель дождя, свергнула молнія. Всѣ бросились изъ сада. Къ счастью, мы у самого дворца нашли фіакръ и сухіе добрались до желѣзной дороги.

19. Среда. Вотъ уже, кажется, и здѣсь водворяется осень. Цѣлую ночь лиль дождь и теперь утромъ продолжаетъ свое дѣло, превращая улицы Парижа въ мутные потоки жидкой грязи.

Позднѣе посѣтили фабрику гобелановъ. Мы осмотрѣли и готовые уже ковры и обои и видѣли приготовленіе ихъ въ мастерскихъ. Удивительныя произведенія прихотливаго искусства! Ткань имѣетъ всю правильность и экспрессию, всю свѣжесть колорита и тончайшія видоизмѣненія тѣней какъ въ картинахъ лучшихъ мастеровъ. Вотъ, на примѣръ, семейство Дарія у ногъ Александра или Преображеніе Рафаэля и его Мадонна: это воплощеніе идеаловъ въ шерстяныя нитки, посредствомъ механическаго перебрасыванія коклюшекъ на туго натянутой основѣ. Мы видѣли самое производство работъ. Я полагалъ, что это дѣло женскихъ рукъ, а между тѣмъ тутъ работаютъ все мужчины.

Отсюда мы отправились въ Пантеонъ и ѣхали туда по той части Парижа, которую можно назвать изнанкою его, то-есть по крайне непривлекательнымъ, грязнымъ и вонючимъ улицамъ. Тутъ обитаютъ рабочіе и вообще недостаточный людъ. Это, кажется, все пещеры, гдѣ зарождаются и откуда вырываются революціонныя бури. Но вотъ императорскій лицей, а возлѣ него Пантеонъ. Чудное, величественное зданіе, на фронтонѣ котораго еще красуются слова: „великимъ мужамъ благодарное отечество“, хотя теперь оно посвящено не великимъ мужамъ, а высшему существу.

20. Четвергъ. Можетъ-ли существовать хорошее, благоустроенное, истинно человѣческое общество безъ вѣрованій?

22. Суббота. Приготовленія къ отъѣзду. Нетерпѣніе скорѣе увидѣть своихъ все растеть. Да и цѣли нѣтъ дольше оставаться въ Парижѣ. Къ тому-же и погода, кажется, окончательно повернула на осень, а бульвары совсѣмъ обезобразились: на нихъ роютъ какія-то канавы, для газа что-ли, а въ иныхъ мѣстахъ поливаютъ какимъ-то гнуснымъ смраднымъ составомъ. Особенно пострадалъ отъ всего этого ближайшій къ намъ Итальянскій бульваръ.

27. Четвергъ. (Въ Берлинѣ). Прочиталъ брошюру Александра Ивановича Кошелева: „Конституція, самодержавіе и земская дума“, которую купилъ въ здѣшнемъ магазинѣ

Прочиталъ также послѣдній номеръ „Колокола“. Герценъ называетъ Мадзини и Гарибальди „святыми Донъ-Кихотами“. Бакунинъ жетъ о Польшѣ. Напечатано приглашеніе о пособіи Михайлову, съ увѣреніемъ, что оно непременно дойдетъ до него.

30. Воскресенье. Ровно въ одиннадцать часовъ ночи прибыли мы въ Петербургъ, гдѣ были встрѣчены всѣми остальными членами моей семьи. Черезъ полчаса я былъ дома — и съ удовольствіемъ. Безъ меня случилась бѣда: насъ жестоко обокрали. Исчезло все платье, а у меня изъ кабинета все сколько-нибудь цѣнное. И это случилось среди бѣла дня. Тринадцать замковъ взломано. Полиція дѣйствовала гнусно. Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Октябрь 1. Понедѣльникъ. Съ великою радостью чувствую я себя дома, посреди своей милой семьи, любящей и любимой. Надоѣло скитаться по чужимъ мѣстамъ, среди чужихъ людей. Надо однако замѣтить, что путешествіе оказало мнѣ пользу. Отдыхъ и море сдѣлали свое и вотъ уже нѣсколько времени я не испытываю обыкновенныхъ припадковъ. Я второй день дома и мнѣ тоже хорошо.

Воровство на моей квартирѣ произошло при такихъ условіяхъ, а полиція при изслѣдованіи его вела себя такъ гнусно, что я не могу оставить этого дѣла безъ послѣдствій. Да и самыя потери наши гораздо больше, чѣмъ я понялъ сперва. У насъ изъ квартиры вынесено все платье, все бѣлье, всѣ вещи, какія только можно было унести. Изъ кабинета у меня пропали разныя серебряныя и золотыя вещи (двѣ табакерки, медали, старинныя монеты), даже ордена мои и шифръ моей дочери. Бумаги приведены въ хаосъ: воры вездѣ искали чего-нибудь цѣннаго или денегъ.

5. Пятница. Всѣ эти дни занимался приведеніемъ въ порядокъ моего кабинета и нѣкоторыми визитами. Сегодня ѣздилъ въ оберъ-полицмейстеру съ жалобой на неправильныя дѣйствія

полиціи въ разслѣдованіи совершеннаго у меня въ мое отсутствіе воровства—и особенно на слѣдственнаго пристава Купріянова, который, вмѣсто оказанія законной помощи и содѣйствія моей женѣ, дѣлалъ ей всевозможныя затрудненія и требовалъ ее для показаній въ участки.

10. Среда. Прочиталъ высочайше утвержденный проектъ новаго судопроизводства и судоустройства. Какіе невѣроятные успѣхи сдѣлала Россія въ нынѣшнее царствованіе. Если-бы въ (прежнія) времена кто-нибудь вздумалъ-бы только пометать о подобныхъ вещахъ и мечта его какъ-нибудь вылетѣла-бы изъ его устъ—тотъ былъ-бы сочтенъ за сумасшедшаго или за государственнаго преступника. А тутъ вотъ публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобожденіе суда отъ (вліянія) администраціи, и все это созданіе того государя, котораго упрекаютъ въ слабости... Нѣтъ, господа красные, послѣдователи Герцена, вы не поняли этого человѣка и въ васъ нѣтъ ничего, кромѣ желанія играть роль и рисоваться передъ толпой, чтобы она рукоплескала вамъ. Нѣтъ, вы не двигатели Россіи на ея пути къ успѣху, а тормазы ея!

Въ трудахъ по новому судопроизводству преобладала и преобладаетъ здравая либеральная партія.

11. Четвергъ. Мужественное помышленіе о жизни, мужественное помышленіе о смерти.

Въ засѣданіи академіи.

15. Понедѣльникъ. Безчисленные толки объ адресѣ, поданномъ государю подольскимъ дворянствомъ.

17. Среда. Тиранія свободы не менѣе опасна и пагубна, какъ и тиранія деспотизма.

Насчетъ безсмертія души въ нынѣшней наукѣ ходять дурные слухи.

А вотъ и мои старые враги опять начинаютъ понемножку подкрадываться ко мнѣ, особенно въ ночной тишинѣ. Ночью и теперь пароксизмъ со всѣми его забытыми прелестями.

Да, мужество въ помышленіи о жизни, мужество въ помышленіи о смерти.

21. Воскресенье. Я ненавижу всякій деспотизмъ—столько-же

черни, сколько и одного; деспотизмъ мнѣнія, какъ и грубой физической силы; деспотизмъ, превращающій меня въ рабочую машину посреди какой-нибудь мастерской для выгодъ коммуны, какъ и деспотизмъ богача, который думаетъ овладѣть мною, моимъ трудомъ и знаніемъ, потому что у него много денегъ.

Живуть я, ты, онъ—то есть живутъ индивидуальныя личности. Общество—отвлеченное понятіе, а социалисты и коммунисты хотятъ, чтобы общество состояло изъ индивидуальностей, изъ которыхъ каждая была-бы порабощена ему и жила въ немъ и только для него. Не наоборотъ-ли? Не должно-ли общество быть устроено такъ, чтобы каждый могъ жить свободно, свободно располагать собой, а общество только охраняло эту возможность?

22. Понедѣльникъ. У заблужденія есть своя логика.

У насъ рѣдко кто разсуждаетъ, рѣдко кто имѣетъ терпѣніе разсуждать и терпѣніе выслушивать разсужденія другихъ. У насъ хотятъ только рѣшать.

** давалъ обѣдъ у Дюссо нѣкоторымъ изъ своихъ пріятелей. Обѣдъ хорошъ, но приправленный плохими разговорами и остротами безъ соли. Удивительно какъ люди, слывущіе умными, да и дѣйствительно умные, могутъ находить удовольствіе въ такихъ пустякахъ и—гнусностяхъ.

27. Суббота. Иной считаетъ себя чрезвычайно умнымъ человекомъ потому только, что, ни во что не мѣшаяся и ничего не дѣлая, онъ умѣлъ избѣжать ошибокъ и столкновеній съ людьми.

29. Понедѣльникъ. Вчера былъ у Д. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующую вещь: когда недавно онъ представлялся Государю, то рѣчь коснулась безпорядковъ въ университетѣ и либераловъ вообще.

— „Нельзя отвергать“, — сказалъ Д., — „что существуютъ партіи съ самыми разрушительными демагогическими стремленіями“.

— „Никто“, — отвѣчалъ на это Государь, — „подробнѣе и точнѣе меня не знаетъ этого“.

Наши ультра-либералы готовы Стеньку Разина и Емельку Пугачева счесть за глубокомысленныхъ политиковъ и народныхъ героевъ.

30. Вторникъ. Большая ошибка со стороны государственнаго человѣка ставить зависящихъ отъ него людей въ такое положеніе, что они или должны измѣнить своимъ правиламъ и убѣжденіямъ или отказаться отъ дѣятельности подъ его управленіемъ.

31. Среда. Человѣкъ безъ нѣкоторыхъ добрыхъ свойствъ со всѣмъ своимъ умомъ никуда негоденъ. Онъ это чувствуетъ и, не имѣя этихъ свойствъ, всячески старается показаться имѣющимъ ихъ. Смѣшно въ такихъ случаяхъ видѣть какъ это ему не удастся и какъ всѣ его усилія проходятъ мимо цѣли. Онъ точно, подобно извѣстному греку, упражняется въ бросаніи горошиной въ цѣль, съ тою только разницею, что грекъ былъ счастливѣе его и попадалъ, куда мѣтилъ, за что и получилъ отъ Александра въ награду цѣлую мѣру гороху.

Вечеромъ въ театрѣ на представленіи новой оперы Верди: „Сила судьбы“. Сюжетъ смахиваетъ на плохую мелодраму, но въ музыкѣ много блеску и энергіи. Барбо и Граціани, кажется, превзошли самихъ себя. Со времени Віардо и Рубини музыка не производила на меня такого дѣйствія. Особенно Граціани: иные звуки его голоса точно шелестъ крыльевъ въ полетѣ души, когда она возносится въ горнія къ своимъ идеаламъ.

Ноябрь 1. Четвергъ. Когда люди въ массѣ не знаютъ куда идти и почему они идутъ туда, а не въ другое мѣсто, и между тѣмъ чувствуютъ, что идти необходимо,—тогда они называютъ такое влеченіе духомъ времени. Духъ времени есть повелительная сила исторіи, влекущая людей къ разрѣшенію задачи, основанія которой положены въ предшествовавшемъ ходѣ вещей.

Одни только страданія и бѣдствія имѣютъ способность придавать жизни серьезный характеръ. Безъ нихъ жизнь была-бы какая-то шутовская процессія или, какъ говоритъ Шекспиръ, сказка, рассказываемая старухой у очага.

Шумите, спорьте, сочиняйте теоріи какія угодно, только не запутывайте народъ во все это. Вѣдь ему-то приходится расплачиваться за все слезами, кровью, а онъ, несчастный, даже не имѣетъ удовольствія сказать, что понимаетъ что-нибудь въ вашихъ воззваніяхъ и ученіяхъ. Поучите его, просвѣтите, пусть онъ

самъ скажетъ за себя слово. Чтобы имѣть удовольствіе управлять имъ и вести его куда вамъ угодно, вы готовы перерѣзать его.....

Толчки нужны, только безъ ломанія костей.

Общее засѣданіе въ академіи наукъ. Объявлено о Берѣ, что онъ увольняется, по просьбѣ его, отъ званія ординарнаго академика съ 3.000 рублей пенсіона, единовременною выдачею 1.000 рублей и съ чиномъ тайнаго совѣтника. Потомъ Беръ избранъ въ почетные члены почти единогласно, кромѣ одного голоса. Былъ прочтенъ списокъ сочиненій, поступившихъ на Демидовскую премію. Ихъ всего тридцать.

3. Суббота. Мужественное помышленіе о жизни, мужественное помышленіе о смерти.

4. Воскресенье. Наклонность къ ничегонедѣланію, вмѣстѣ съ празднымъ безрезультатнымъ разгуломъ мысли и фантазіи, кажется, лежитъ въ натурѣ нашей. Удивительнѣе всего, что эти стремленія къ пустотѣ, прикрываемыя вычурнымъ умозрѣніемъ или умничаньемъ, мы готовы вмѣнить себѣ въ достоинство и восхищаться этимъ, какъ истинно самородною чертою нашей широкой, дѣльной природы. Въ самомъ дѣлѣ: великая, широкая натура! Англичанинъ что-нибудь сдѣлалъ и дѣлаетъ, французъ что-нибудь сдѣлалъ и дѣлаетъ, нѣмецъ тоже, а мы создаемъ свою исторію изъ ничегонедѣланія, или преслѣдуемъ такія отчаянныя фантастическія задачи дѣланія, что дѣланіе по нимъ опять-таки превращается въ ничего.

Освященіе читальной залы въ Императорской Публичной библіотекѣ. Тутъ было много посѣтителей, между которыми много и моихъ знакомыхъ. Д. прочиталъ небольшой, умно составленный, отчетъ о постройкѣ залы, потомъ былъ отслуженъ молебенъ. Зала, да и все внѣшнее устройство библіотеки дѣйствительно превосходно. Всѣмъ этимъ обязаны бывшему директору барону Корфу ¹⁾.

¹⁾ Добавимъ—вполнѣ согласно съ истиною—не только барону (графу) Корфу, но и его ближайшимъ помощникамъ, въ челѣ которыхъ многіе и многіе годы стоялъ академикъ Аванасій Федоровичъ Бычковъ, а подлѣ него—В. И. Соболевичъ (+), В. В. Стасовъ, а въ новѣйшее время помощникъ А. Ф. Бычкова акад.—Л. Н. Майковъ.

Ред.

9. Пятница. Мужественное помышление о жизни, мужественное помышление о смерти.

Теоріи, навязывающія государству свои идеи о благосостояніи его, забываютъ одно весьма важное обстоятельство, что государство должно-бы для осуществленія этихъ идей вдругъ пріостановить всю текущую дѣятельность народа.

Что учрежденія нынѣшнія должны носить на себѣ либеральный характеръ — въ томъ никто не сомнѣвается. Но либерализмъ министра долженъ быть государственный, а не журнальный.

11. Воскресенье. По-утру былъ у Шульмана.

12. Понедѣльникъ. Мужественное помышление о жизни, мужественное помышление о смерти.

14. Среда. Сегодня утромъ всталъ совсѣмъ больной. Къ обычнымъ пароксизмамъ присоединилась еще довольно сильная простуда: флюсъ, лихорадка и тому подобныя прелести.

Въ человѣкѣ существуетъ множество неопредѣленныхъ инстинктовъ, которые готовы сдѣлать изъ него самое жалкое игралище своихъ стремленій. Но въ немъ-же есть сила, способная ихъ сдерживать, обуздывать и ограничивать, если не совсѣмъ уничтожать. То, что моралисты называютъ внутреннею борьбою, вовсе не есть вымыселъ: эта борьба не иное что, какъ актъ самоуправленія, которымъ приводятся къ единству, обуздываются и устраиваются различныя силы и влеченія нашей натуры, нашего темперамента, нашихъ естественныхъ наклонностей.

Вся задача образованія должна состоять въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ къ самообладанію. Природа снабжаетъ насъ расположеніемъ, наклонностями, силами, образованіе научаетъ насъ извлекать изъ нихъ истинно человѣческую личность. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть творецъ самого себя. Ему даны матеріалы, стихіи: образъ-же, въ которомъ они должны сосредоточиться и проявить себя, есть плодъ его художественной дѣятельности. Воздѣлывай разумно самого себя—вотъ истинная задача духа.

15. Четвергъ. Нѣтъ позорнѣе вещи какъ то, когда человѣкъ, уступая натиску партіи или желая понравиться толпѣ, дѣлаетъ не то, что признаетъ за лучшее и справедливое. Всякая партія безсильна, когда она не имѣетъ корней въ народѣ, который-бы

ей сочувствовалъ и поддерживалъ ее, и когда она разсчитываетъ только на возбужденіе дикихъ и неистовыхъ страстей. Всякая партія должна опираться хоть на частичку истины.

16. Пятница. Всѣ добродѣтели человѣческія чрезвычайно способны прокиснуть, испортиться и сдѣлаться ни къ чему негодными. Чтобы уберечь ихъ отъ этой порчи, ихъ нужно какъ можно чаще просаливать солью разума и совѣсти или хорошаго религіознаго чувства.

17. Суббота. Нѣтъ ничего лживѣе, неосновательнѣе, несправедливѣе и поверхностнѣе сужденія одного человѣка о другомъ. Человѣкъ принадлежитъ къ породѣ существъ разумныхъ, но безнравственныхъ.

19. Понедѣльникъ. Весь ноябрь мѣсяцъ постоянно сухо и не очень холодно: градусовъ пять, шесть. Были и прекрасные свѣтлые дни, но снѣгу нѣтъ.

....NN. рудникъ, въ который также трудно проникнуть, какъ и разработать его. А тамъ не одно олово и камни — есть и золото.

24. Суббота. Вчера вечеръ просидѣлъ у меня (Андрей Степановичъ) Вороновъ и разсказывалъ о разныхъ постановленіяхъ по цензурѣ; о предполагаемомъ сліяніи школъ военнаго вѣдомства съ гражданскими; объ уставѣ университета, который обѣщаль мнѣ прислать въ новой исправленной редакціи.

25. Воскресенье. Главная ошибка нашихъ демагоговъ въ томъ, что они всѣ наши безпорядки и бѣдствія приписываютъ одному правительству и ничего не оставляютъ на долю исторіи и самой испорченности общества, которое есть естественное послѣдствіе хода нашей жизни и невѣжества.

26. Понедѣльникъ. Честный трудъ и независимость — вотъ единственное благо, если на землѣ что-нибудь можно назвать благомъ.

27. Вторникъ. Деньги не должны быть цѣнными ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко. Первое приводитъ къ гнусному корыстолюбію, къ скупости; второе часто ставитъ въ такія затрудненія, которыя приводятъ не только къ нищетѣ, но и къ пороку — къ низости, плутовству и пр. Я увѣренъ, что у насъ въ Россіи большая часть казенныхъ крадствъ и разныхъ

мошенничествъ происходитъ оттого, что: „все тринь трава и послѣдняя копейка ребромъ“.

Такъ какъ человѣкъ уже не можетъ быть скотомъ, то надо ему стараться сдѣлаться человѣкомъ.

Декабрь 1. Суббота. Сильные морозы, а снѣгу все нѣтъ.

Я не перестану повторять, что всякій деспотизмъ гадокъ, но хуже всего деспотизмъ, таеъ называемаго, крайняго либерализма. Послѣдній уже оковываетъ не тѣло, не внѣшнюю жизнь, но силится проникнуть внутрь васъ и наложить цѣпи на ваше убѣжденіе, на мысль вашу и совѣсть.

4. Вторникъ. Небо разступилось и уронило нѣсколько пушинокъ снѣгу. Всѣ обрадовались—поѣхали на саняхъ, но нельзя сказать, чтобы ѣздить было пріятно.

Обѣдалъ у графа Блудова. Никого не было, кромѣ А. А. Воейкова. Старикъ былъ удивительно бодръ и, по обыкновенію, говорливъ; читалъ наизусть отрывки изъ „Вадима“ Княжнина и рассказывалъ литературныя преданія Екатерининскаго времени.

7. Пятница. Общее засѣданіе въ академіи наукъ. Потомъ экзамень кандидату Бильбасову на степень магистра изъ всеобщей исторіи. Экзаменовалъ Куторга.

8. Суббота. Безсмысленное управленіе—вотъ тема, которую варьируютъ на разные лады всѣ министры народнаго просвѣщенія послѣ Уварова до Головнина влючительно.

Вечеромъ у Чивилева. Тамъ были Г. и Соловьевъ (профессоръ). Разговоръ, между прочимъ, о Головнинѣ. Всѣ одного мнѣнія о немъ, какъ о человѣкѣ, который помѣшанъ на тонкостяхъ и лишень (?) производительной силы ума....

9. Воскресенье. Здоровье и силы ума его не таковы, чтобы онъ въ состояніи былъ вынести этотъ пріемъ истины.

Написалъ къ Тройницкому письмо съ вопросомъ: могу ли я, какъ экс-редакторъ „Сѣверной Почты“, ходатайствовать о награжденіи къ празднику бывшихъ при мнѣ участниковъ въ редакціи.

10. Понедѣльникъ. Не будь человѣкъ способенъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь хорошимъ—онъ не былъ-бы такъ гадовъ. Званіе человѣка ко многому обязываетъ.

11. Вторникъ. Когда на поверхности человѣческихъ дѣяній вамъ все представляется такъ гладко, прилично, изящно; когда передъ вами возникаютъ и рисуются изящные образы и такія привлекательныя слова, какъ, напримѣръ, дружба, искренность, преданность, безкорыстіе и пр.—вѣрьте, что тамъ, внутри этой поверхности, движутся и работаютъ самыя тайныя силы: всевозможныя ненависти, эгоизмы хлопочутъ и потрясаютъ цвѣтущую поверхность, какъ вулканическіе смертоносныя газы въ нѣдрахъ земли колеблютъ ея кору и готовятъ цѣлыя потоки лавы и грязи.

Опять моментъ внутренняго безпокойства и недовольства духа. Этотъ моментъ уже продолжается нѣсколько дней. Я самъ себѣ кажусь ужасною гадостью, а жизнь моя безсвязнымъ, пустымъ, бесплоднымъ сновидѣніемъ, облакомъ благородныхъ, возвышенныхъ замысловъ, которые вѣтеръ обстоятельствъ и собственное безсиліе уносятъ, вотъ и теперь, въ безконечное пространство. И внѣшнія мои обстоятельства таковы, что я остаюсь какимъ-то нелѣпымъ отрывкомъ, какъ-бы случайно попавшимъ въ ходъ общественныхъ дѣяній. Всякій можетъ похвастаться, что онъ что-нибудь значитъ, что-нибудь дѣлаетъ вмѣстѣ съ другими; а вотъ я съ моими честными намѣреніями и поступками выхожу совершенно бесплоднымъ и ни къ чему негоднымъ идеаломъ. Выходить, что сказано въ малороссійской пѣснѣ:

А вже сусидь жито сіе,
А въ сусида зеленіе—
А у мене не орано и не сіяно.

Правду сказать, орано-то много и сѣяно не мало, только ничего не выросло—сѣяно должно быть на вѣтеръ или самое сѣмя такое, что изъ него ничего вырости не можетъ.

А все таки не могу я не питать глубокаго презрѣнія къ современнымъ мнѣ людямъ. Они чуть-ли еще не хуже меня. Я, по крайней мѣрѣ, рѣшительно неспособенъ желать или дѣлать кому-нибудь изъ нихъ зло, уважаю честность и справедливость.

13. Четвергъ. Во всей нашей администраціи есть только одинъ человѣкъ, честности и патріотизму котораго можно довѣрять—это Александръ Николаевичъ.

24. Понедѣльникъ. Когда человѣкъ стремится къ какой-нибудь цѣли, онъ считаетъ важнымъ все, что имѣетъ отношеніе къ этой цѣли. Но когда цѣль не существуетъ или уже достигнута, тогда онъ вдругъ видитъ себя какъ бы перенесеннымъ въ какую-то безпредѣльную сферу, гдѣ все исчезаетъ и жизнь перестаетъ имѣть значеніе.

Считать слишкомъ важнымъ дѣло, которымъ вы занимаетесь, значить подвергаться опасности или никогда его не сдѣлать, или сдѣлать дурно.

Нѣкоторая доля легкомыслія необходима для того, чтобы часто не впадать въ отчаяніе.

Когда все проходитъ, то почти не о чемъ жалѣть.

26. Среда. Я имѣю несчастную слабость—вѣрить въ доброту и пользу нравственныхъ принциповъ даже тогда, когда почти никто имъ не вѣритъ.

По заведенному обычаю, надо было предварительно прочитать президенту [академіи наукъ—гр. Д. Н. Блудову] отчетъ, который долженъ быть читанъ на актѣ въ академіи 29 декабря. Онъ назначилъ мнѣ сегодняшній вечеръ, въ восемь часовъ. Только я развернулъ тетрадь и едва успѣлъ прочесть нѣсколько строкъ, почтенный старикъ заснулъ. Что мнѣ было дѣлать? Прекратить чтеніе не ловко. Я продолжалъ, будто не замѣчая, скомкалъ все кое-какъ и въ десять минутъ кончилъ чтеніе.— „Хорошо“,—сказалъ онъ проснувшись, — „очень хорошо“. Поговоривъ съ нимъ еще кое о чемъ, я и ушелъ.

28. Пятница. Мы должны противодѣйствовать напору новыхъ разрушительныхъ идей, стремящихся ниспровергнуть все старое, не для того, чтобы остановить этотъ потокъ или обратить его вспять — что и невозможно и было-бы противно закону вещей — но для того, чтобы умѣрить его сокрушительное дѣйствіе и спасти для человѣчества то, что можетъ и заслуживаетъ быть спасеннымъ. Уже одно то полезно, что, задерживая умы въ ихъ бурныхъ порывахъ, мы ихъ самихъ нѣсколько отрезвляемъ, заставляемъ одумываться, не считать себя во всемъ непогрѣшимыми и смирять свои деспотическія покушенія.

Я не могу никакъ понять, какое мы право имѣемъ обрекать гибели и бѣдствіямъ настоящее поколѣніе во имя блага и усовершенствованія будущихъ.

Комиссія, учрежденная Головиннымъ, подъ предсѣдательствомъ князя [Дм. Александр.] Оболенскаго для устройства цензуры и цензурнаго устава, кончила свои работы и представила министру свой проектъ. Баронъ [Александръ Павловичъ] Николаи раскритиковалъ его въ пухъ. Увидя изъ этого, что проектъ не пройдетъ въ государственномъ совѣтѣ, Головинъ опрокинулся на него самъ и нашелъ его невозможнымъ по чрезмѣрной строгости. Между тѣмъ князь Оболенскій имѣеть у себя кучу записокъ отъ него, въ которыхъ онъ одобряетъ идеи комиссіи, такъ что очевидно, что проектъ весь развивался подъ его руководствомъ и вліяніемъ. Что-жъ это значить? То, что въ случаѣ утвержденія проекта, Головинъ передъ ультра-либералами умываетъ руки: вотъ, дескать, несмотря на мое противодѣйствіе, ретроградный законъ постановленъ; въ случаѣ-же неутвержденія, онъ припишетъ себѣ заслугу, что успѣлъ остановить такое зловерное дѣло. Вотъ въ такихъ-то эволюціяхъ, въ этой гимнастикѣ интригъ (!) Головинъ проводитъ свое время. Бѣдная Россія! Оболенскій, бывший другомъ Головина и отчасти его твореніе, теперь (бранить) его вездѣ наповаль.

Актъ въ академіи наукъ. Я прочиталъ мой отчетъ въ 20 минутъ—весь актъ кончился часовъ около двухъ, начавшись въ двѣнадцать.

31. Понедѣльникъ. 1862-й годъ конченъ.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФЪ ДМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

какъ министръ народнаго просвѣщенія.

Посмертныя Записки бывшаго попечителя Казанскаго учебнаго округа

Петра Дмитріевича Шестакова

1866—1880.

Печатаемая вслѣдъ засимъ Записки-Воспоминанія принадлежать покойному Петру Дмитріевичу Шестакову, въ теченіе многихъ лѣтъ стоявшаго во главѣ казанскаго учебнаго округа, въ званіи его попечителя. Записки эти были сообщены намъ П. Д. Шестаковымъ 15-го сентября 1889 года, т. е. за два мѣсяца до его кончины, и появляются здѣсь какъ одинъ изъ матеріаловъ для біографіи графа Д. А. Толстаго.

Напомнимъ нѣсколько данныхъ изъ жизни составителя настоящихъ записокъ: П. Д. Шестаковъ родился въ 1826 году, въ Калужской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Воспитаніе онъ получилъ послѣдовательно—въ уѣздномъ училищѣ и гимназіи въ Твери и затѣмъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1846 году. Тогда же выступилъ онъ на педагогическое поприще—учителемъ, воспитателемъ, затѣмъ инспекторомъ и, наконецъ, директоромъ въ гимназіяхъ. Въ 1862 году онъ командированъ за границу для ознакомленія съ иностранными учебными заведеніями; въ 1863 опредѣленъ помощникомъ попечителя казанскаго учебнаго округа, а въ 1865 году—назначенъ попечителемъ этого округа, каковой постъ и занималъ до 18-го іюня 1883 года, когда уволенъ, по прошенію, въ отставку. Кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго, П. Д. Шестаковъ былъ председателемъ совѣта братства Св. Гурія (1867—1870 г.),—общества вспоможенія бѣднымъ студентамъ казанскаго университета (1871—1883 гг.),—общества археологіи, исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ со времени учрежденія этого общества до сентября 1883 года; былъ почетнымъ членомъ казанскихъ университета и духовной академіи и проч. ¹⁾.

Человѣкъ ученый, администраторъ, онъ былъ истый педагогъ, всю жизнь отдавшій долгу своей службы. Въ самомъ началѣ 1860-хъ годовъ мы видимъ

¹⁾ „Знакомые“. Альбомъ М. И. Семевскаго“. Спб., 1888 г., стр. 384—386.

Петра Дмитріевича постояннымъ сотрудникомъ педагогическихъ журналовъ, а на службѣ въ Казани онъ, между прочими своими заслугами, оставилъ по себѣ память попечителя—обратившаго серьезное вниманіе на вопросъ объ образованіи инородцевъ,—вопросъ, которому П. Д. посвятилъ рядъ работъ, печатавшихся въ разныхъ журналахъ. Человѣкъ высоко уважавшій науку и всегда стоявшій за ея подвижниковъ,—П. Д. Шестаковъ былъ попечителемъ весьма заботливымъ, полнымъ энергіи и вообще дѣятельнымъ попечителемъ, въ самомъ хорошемъ смыслѣ этого слова, вѣреннаго ему учебнаго округа.

Чувства всеобщаго уваженія и признательности къ П. Д. Шестакову—населенія Казани ярко выразились въ день его погребенія. Вотъ что мы читаемъ въ газетахъ, въ телеграммѣ въ этотъ день:

Казань, 27 ноября 1889 г.

„Похороны бывшаго попечителя казанскаго учебнаго округа Петра Дмитріевича Шестакова проходили съ особенною торжественностью. Въ день похоронъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ были прекращены занятія. Университетская церковь была переполнена профессорами, студентами, воспитанниками и воспитанницами разныхъ учебныхъ заведеній и представителями городского управления. Отгѣваніе совершалъ архіепископъ казанскій и свѣяжскій въ сослуженіи съ высшимъ мѣстнымъ духовенствомъ. На гробъ покойнаго было возложено множество вѣнковъ. Воспитанники старшихъ классовъ учебныхъ заведеній проводили гробъ до самой могилы“.

I.

Solum veritas.

Народное просвѣщеніе не имѣетъ и не должно имѣть ничего общаго съ политикой: у политики есть свои цѣли, весьма важныя и сложныя; народное просвѣщеніе преслѣдуетъ свою не менѣе важную задачу—образованіе народа, которое достигается школами различныхъ разрядовъ, начиная отъ школокъ грамотности и оканчивая высшими учебными заведеніями.

Политическія цѣли, на нашъ взглядъ, не должны руководить устройствомъ школы.

Можно-ли указать въ ряду учебныхъ предметовъ на такіе, которые могутъ служить специфическимъ средствомъ противъ нигилизма, социализма и т. п.? Было время, когда древніе языки подвергались остракизму за то, что ученики изъ чтенія классиковъ будто-бы впитывали въ себя республиканскія идеи; обвинялась даже одна гимназія въ томъ, что въ ней учитель открыто

въ классѣ (*horribile dictu!*) трактуеть съ учениками о заговорѣ какого-то Катилины. Было время, что древнимъ языкамъ приписывалась чудодѣйственная сила, уничтожающая всяческіе безпорядки и волненія между учащеюся молодежью, поборающая нигилизмъ, социализмъ и другія вредныя ученія, сила успокаивающая и смягчающая, дисциплинирующая и вводящая въ надлежащія границы умъ, сердце и волю. Можетъ-ли заслуживать признанія который-нибудь изъ этихъ взглядовъ на древніе языки? Не представляетъ-ли исторія примѣровъ, что и во времена преподаванія древнихъ языковъ въ школахъ никакія республиканскія идеи не входили въ головы учениковъ; что, съ другой стороны, въ эпоху насажденія и процвѣтанія или, точнѣе, преобладанія классическихъ языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, разливалось волненіе и дѣйствовала террористическая, подземная шайба, увлекавшая въ свою среду юношей и губившая ихъ сотнями.

Не видѣли-ли мы примѣра въ исторіи, что ради политическихъ тенденцій доходили до чудовищныхъ несообразностей—изгоняли имя и изображеніе Бога изъ народныхъ школъ. Чѣмъ менѣе учебныя заведенія имѣютъ общаго съ политикой, чѣмъ больше они занимаются своимъ специальнымъ дѣломъ—ученіемъ, тѣмъ лучше для нихъ, тѣмъ болѣе они выигрываютъ.

Въ этомъ отношеніи время, когда мы учились и которое мы назовемъ Уваровскимъ, по имени тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, было самымъ спокойнымъ для школъ временемъ. О политикѣ, нигилизмѣ, социализмѣ и студенческихъ волненіяхъ и слуху не было; школы безпрепятственно дѣлали свое тихое, чуждое политическихъ бурь и тревоженій, дѣло. С. С. Уваровъ стяжалъ себѣ громкое имя въ исторіи русскаго народнаго просвѣщенія, какъ ученый и какъ администраторъ.

Въ уваровскихъ гимназіяхъ не было такого громаднаго числа уроковъ древнихъ языковъ, какъ въ настоящее время, но, благодаря тому, что преподаваніе, говорю конечно о хорошихъ учителяхъ, не останавливалось слишкомъ долго на грамматикѣ, а обращало преимущественное вниманіе на переводы съ латинскаго и греческаго, ученики, при трехъ урокахъ латинскаго языка во всѣхъ классахъ съ I до VII включительно и при

трехъ-же урокахъ греческаго съ IV-го до VII класса, успѣвали достаточно.

По воспоминаніямъ М. К. Чаито („Кіевская Старина“) въ срединѣ 1830-хъ годовъ въ Новгородъ-сѣверской гимназіи, въ эпоху министерства Уварова, между учениками V-го класса были такіе бойкіе латинисты, которые довольно свободно переводили георгики Виргилія, элегіи Овидія и даже нѣкоторыя изъ рѣчей Цицерона. Въ то-же время въ Тверской гимназіи, гдѣ мы учились, учитель греческаго языка К. А. Коссовичъ, впослѣдствіи извѣстный санскритологъ, доводилъ учащихся до того, что въ VII классѣ переводили Платона и нѣкоторые ученики въ гимназіи прочитывали всего Гомера.

Уваровскія учебныя заведенія образовали людей 1840-хъ годовъ, съ честію и пользою послужившихъ дѣлу народнаго образованія.

Послѣ блестящаго, европейски образованнаго министра народнаго просвѣщенія графа Сергія Семеновича Уварова, который самъ зналъ древніе классическіе языки и написалъ на французскомъ языкѣ сочиненіе о греческихъ трагикахъ, доставившее ему извѣстность въ ученomъ мѣрѣ, который первый былъ насадителемъ умѣренной классической системы въ нашихъ гимназіяхъ, слѣдовалъ рядъ министровъ, постепенно своими распоряженіями ослаблявшихъ классическую систему графа Уварова.

Дошло до того, что греческій языкъ, за успѣхи въ которомъ, при графѣ Уваровѣ, давалось окончившимъ гимназическій курсъ ученикамъ право на чинъ XIV класса, изгнанъ былъ почти изъ всѣхъ гимназій и преподаваніе этого языка оставлено только въ одной гимназіи каждаго учебнаго округа, такъ что даже на историко-филологическій факультетъ университета вынуждены были принимать не умѣющихъ читать по гречески.

Министры, слѣдовавшіе за графомъ Уваровымъ, не долго занимали этотъ постъ и не успѣли, кромѣ изгнанія греческаго языка, оставить особо-замѣтныхъ слѣдовъ своего управленія. Была неудавшаяся попытка введенія въ гимназическій курсъ закоповѣднія, которое не привилось, хотя за успѣхи въ немъ и давалось окончившимъ курсъ гимназіи право на чинъ XIV класса.

Пробовали вводить и естественныя науки, которыя при не-

большомъ числѣ часовъ, мало освѣщаемыя и укрѣпляемыя наглядностью и практическими занятіями, только загромаждали память учащихъ массою свѣдѣній, скоро и безслѣдно улетучивавшихся.

Частыя смѣны системъ и быстрые эксперименты болѣе всего вредны въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Болѣе энергичнымъ администраторомъ и реформаторомъ учебныхъ заведеній явился А. В. Головинъ, бывший министромъ народнаго просвѣщенія съ 1861 по 1866 годъ.

Ни при одномъ изъ министровъ дѣло народнаго просвѣщенія не велось такъ гласно, какъ при немъ: проекты уставовъ университета и среднихъ учебныхъ заведеній отдавались на обсужденіе какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ педагоговъ; всѣ мѣропріятія министерства объявлялись во всеобщее свѣдѣніе; отчеты попечителей округовъ и командируемыхъ для осмотра учебныхъ заведеній членовъ совѣта министра печатались; важнѣйшія дѣла по округамъ министр отдавалъ на обсужденіе состоявшаго при немъ совѣта, и рѣшенія совѣта въ видѣ протоколовъ печатались и разсылались попечителямъ округовъ.

Едва-ли бы рѣшился на такую широкую гласность дѣйствій своихъ и своихъ органовъ умный министръ, а ума и враги не оспаривали у А. В. Головина, еслибы онъ имѣлъ недоброкачественныя заднія мысли, какія приписывала ему вліятельная московская газета.

Его обвиняли, между прочимъ, въ либерализмѣ. Въ чемъ-же обнаруживался этотъ либерализмъ? Если въ широкой гласности дѣйствій и распоряженій министерства, то неужели правильнѣе и лучше такой важный законъ, какъ, на примѣръ, уставъ университетовъ, регулирующий высшее научное образованіе въ странѣ, выпускать въ свѣтъ вдругъ, въ неожиданномъ и негаданномъ видѣ?

Если либерализмъ А. В. Головина выразился въ широкихъ правахъ, данныхъ проведеннымъ имъ уставомъ 1863 года университетской профессорской корпораціи, то что правильнѣе: предоставить выборъ профессоровъ корпораціи изъ профессоровъ или единоличной власти хотя-бы и министра? возложить-ли обязанность экзамена студентовъ на преподающихъ профессоровъ или на постороннихъ лицъ, составляющихъ хотя-бы и особую экзаменную комиссію? А. В. Головинъ, создавая университетскій

уставъ 1863 года, по благородству своего характера погрѣшилъ однимъ излишнимъ довѣріемъ, оказаннымъ имъ профессорской корпораціи.

Онъ не забылъ, что профессора то-же люди, а удѣлъ людей ошибаться. Все излишнее, конечно, не хорошо; но смѣемъ думать, что въ дѣлѣ просвѣщенія, когда имѣешь дѣло съ людьми науки, излишнее довѣріе все-же лучше излишняго недовѣрія.

Довѣріе придаетъ энергію и бодрость, успокаиваетъ и возвышаетъ духъ и даетъ силы къ ученой работѣ; недовѣріе-же отнимаетъ всѣ эти качества...

Дѣйствія А. В. Головнина, какъ министра народнаго просвѣщенія, отличались выдающимся умомъ, замѣчательнымъ трудолюбіемъ и благородствомъ характера. Последнее собственно-ручное письмо отъ Александра Васильевича мы получили отъ 16-го апрѣля 1866 года; въ немъ онъ писалъ:

„Вы уже знаете, что для введенія полнаго единства дѣйствій между учебнымъ вѣдомствомъ и духовнымъ управленіемъ, синодальный оберъ-прокуроръ назначенъ одновременно министромъ народнаго просвѣщенія. Это прекращаетъ мои съ вами служебныя отношенія, но я надѣюсь, что вы останетесь добрымъ знакомымъ, и спѣшу душевно благодарить за содѣйствіе, которое вы оказывали моимъ трудамъ“.

Послѣ того, при поѣздкахъ въ Петербургъ, мы имѣли удовольствіе неоднократно видѣть А. В. Головнина, и онъ всегда принималъ насъ привѣтливо. Грустно вспомнить, что этотъ благородный и просвѣщенный государственный дѣятель такъ рано навсегда оставилъ насъ. Мы сохраняемъ о немъ самое искреннее благодарное воспоминаніе.

II.

14-го апрѣля 1866 года на мѣсто А. В. Головнина министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ, съ оставленіемъ въ должности оберъ-прокурора св. синода, графъ Д. А. Толстой, уже извѣстный въ ученomъ мѣрѣ своими сочиненіями. За одно изъ сочиненій „Le catholicisme romain en Russie“ лейпцигскій университетъ возвелъ автора въ званіе доктора философіи.

Графъ Д. А. Толстой родился въ 1823 г., въ деревни отца, Михайловскаго уѣзда Рязанской губерніи, окончилъ курсъ въ императорскомъ царскосельскомъ лицее въ 1843 году, съ золотою медалью.

27-го іюля 1866 года мы получили отъ новаго министра изъ Лѣсищъ, Рязанской губерніи, официальное письмо слѣдующаго содержанія:

„И. Д. Деяновъ сообщилъ мнѣ, что в. п. изъявило желаніе знать, къ какому времени я предполагаю быть въ Казани, такъ какъ вы имѣете намѣреніе предпринять осенью сего года поѣздку по нѣкоторымъ губерніямъ казанскаго учебнаго округа. Вслѣдствіе сего считаю долгомъ увѣдомить, что я надѣюсь прибыть въ Казань 3-го сентября и остаться въ семь городѣ недѣлю, какъ вы изволите усмотрѣть изъ помѣщеннаго на семь-же листѣ маршрута всего предстоящаго мнѣ путешествія“.

Любопытенъ этотъ маршрутъ, исполненный министромъ, нужно замѣтить, въ точности; какъ образецъ его служебныхъ путешествій, мы приведемъ его здѣсь:

„4-го августа — отъѣздъ изъ Лѣсищъ, 5-го — пріѣздъ въ Москву, 6-го — отъѣздъ въ Нижній-Новгородъ, 7-го по 9-е — пребываніе въ Нижнемѣ, 9-го — отъѣздъ въ Астрахань, 14-го по 18-е — пребываніе въ Астрахани, 18-го — отъѣздъ въ Саратовъ, 21-го по 24-е — пребываніе въ Саратовѣ, 24-го — отъѣздъ въ Самару, 25-го по 28-е — Самара, 28-го — отъѣздъ въ Симбирскъ, 29-го августа по 2-е сентября — Симбирскъ, 2-го сентября — отъѣздъ въ Казань, 3-го по 10-е — Казань, 10-го — отъѣздъ въ Нижній, 12-го по 14-е — Нижній, 14-го — отъѣздъ въ Кострому, 15-го по 18-е — Кострома, 18-го по 21-е — Ярославль, 23-го — прибытіе въ Петербургъ“.

Путешествіе, какъ видно изъ маршрута, продолжается болѣе 1½ мѣсяца; въ городахъ, гдѣ есть гимназія, министръ останавливается отъ 3-хъ до 4-хъ дней, въ университетскомъ городѣ — недѣлю.

Какъ только разнесся слухъ, что новый министр собирается обзрѣвать первымъ казанскій учебный округъ, тотчасъ заговорили: „Это графъ Толстой ѣдетъ смѣнять казанскаго попечителя, избраннаго Головиннымъ, съ которымъ новый министр на ножахъ“. Въ этихъ случаяхъ высказалось обычное стремленіе отыскивать недобрыя заднія мысли во всякомъ поступкѣ лица, облеченнаго большою властью.

Мы встрѣтили министра на станціи Нижегородской желѣзной дороги вмѣстѣ съ почетнымъ попечителемъ нижегородскаго дворянскаго института М. Б. Прутченко (впослѣдствіи былъ псковскимъ губернаторомъ), съ директоромъ гимназіи К. И. Садовковымъ (нынѣ ¹⁾) помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа) и съ директоромъ института П. Н. Розингомъ.

Графъ, здороваясь съ нами, сказалъ: „зачѣмъ это вы беспокоились?“ Онъ ѣхалъ съ дѣлопроизводителемъ департамента народнаго просвѣщенія М. Г. Брадке (позднѣе былъ директоромъ департамента). 43-хъ-лѣтній министръ съ своимъ худымъ, блѣднымъ лицомъ, съ своими быстрыми движеніями, съ своею живою рѣчью казался моложе своихъ лѣтъ. „Какой молодой министр“, сказалъ намъ при возвращеніи въ городъ Прутченко.

Графъ остановился въ архіерейскомъ домѣ, въ помѣщеніи преосвященнаго Нектарія, котораго тогда не было въ городѣ. Мы спросили у министра когда ему угодно будетъ выслушать словесный докладъ объ учебныхъ заведеніяхъ округа. Онъ просилъ пріѣхать къ нему въ часъ. Такъ какъ въ 1864 и 1865 гг. мы уже объѣхали весь округъ, то и могли представить министру полную характеристику осмотрѣнныхъ нами учебныхъ заведеній.

Графъ слушалъ докладъ съ большимъ вниманіемъ, сначала сидя, потомъ, очевидно уставши сидѣть, сказалъ: „сдѣлайте одолженіе, продолжайте, а мнѣ позвольте походить,—я буду ходить и слушать“.

Мы продолжали нашъ разговоръ объ учебныхъ заведеніяхъ округа. Графъ, наконецъ, посмотрѣлъ на часы и съ улыбкою проговорилъ: „побойтесь Бога, в. п., отпустите меня. Мнѣ

¹⁾ Сентябрь 1889 г.

нужно быть на обѣдѣ у генераль-губернатора въ 5 часовъ, а теперь уже половина пятого“.

Мы откланялись, сказавъ, что окончимъ свой докладъ на пароходѣ по пути изъ Нижняго до Казани.

— „И прекрасно, отвѣтилъ графъ, очень вамъ благодаренъ“.

Никакое совмѣстное путешествіе не знакомитъ и не сближаетъ такъ, какъ долгая ѣзда на пароходѣ. Здѣсь невольно приходишь въ близкое соприкосновеніе со своими спутниками, цѣлые дни проводишь въ бесѣдѣ и знакомишься съ ихъ взглядами и даже привычками. Поѣздка съ министромъ на пароходѣ представляла для насъ поистинѣ неопцѣненное удобство: на пароходѣ министръ былъ, такъ сказать, нашъ. Мы могли говорить съ нимъ все время, а предметовъ для разговора было такъ много; была возможность хорошо узнать министра и познакомиться его съ университетомъ и округомъ.

Казань графъ проѣхалъ въ первый разъ мимо, слѣдуя, согласно маршруту, изъ Нижняго прямо въ Астрахань.

Мы представили ему на пристани ректора, проректора и директоровъ. Мы не могли ему сопутствовать до Астрахани, такъ какъ въ Казани ожидали прибытія государя наслѣдника цесаревича Александра Александровича и вел. кн. Владиміра Александровича. По отбытіи августѣйшихъ гостей, мы тотчасъ поѣхали внизъ по Волгѣ и настигли министра, на возвратномъ пути изъ Астрахани, въ Самарѣ.

Съ графомъ Д. А. Толстымъ мы вмѣстѣ ѣхали на пароходахъ: въ 1866 году изъ Нижняго до Казани, изъ Самары до Симбирска, изъ Симбирска до Казани, изъ Казани до Нижняго-Новгорода; въ 1867 г., когда графъ ѣхалъ въ одесскій округъ, мы сопровождали его отъ Казани до Царицына; въ 1877 году, когда онъ отправлялся въ новообразованный изъ части казанскаго оренбургскій учебный округъ, мы поѣхали съ нимъ отъ Казани до Елабуги, и, наконецъ, въ 1878 году, при посѣщеніи имъ Вятской губерніи, мы ѣхали съ нимъ на пароходахъ отъ Казани до Вятки, отъ Вятки до Сарапуля, отъ Сарапуля до Казани и отъ Казани до Сызрани.

Сколько дней и вечеровъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ, большею частію глазъ на глазъ или въ присутствіи одного свидѣтеля, сопровождавшаго его чиновника!

Тутъ, въ этихъ поѣздкахъ, при живомъ, впечатлительномъ и экспансивномъ характерѣ графа Дмитрія Андреевича, мы имѣли полную возможность ознакомиться съ его взглядами и направлениемъ, неговоря уже объ его умѣ и знаніяхъ. Предъ нами постепенно выяснялся умственный и нравственный обликъ этого энергичнаго, съ европейскимъ образованіемъ соединившаго искреннюю любовь къ отечеству, замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, въ рукахъ котораго 14 лѣтъ были судьбы русскаго народнаго просвѣщенія, который затѣмъ, послѣ кратковременнаго невольнаго отдыха, 7 лѣтъ управлялъ внутренними дѣлами государства, неусыпно заботясь о государственной безопасности, и въ то же время съ честью занималъ президентское кресло въ академіи наукъ, издавая отъ времени до времени ученныя изслѣдованія.

Мы имѣли случай видѣть его и въ свѣтскихъ и въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, слышать его бесѣды съ архіереями, губернаторами, предводителями дворянства, представителями земства и городскихъ обществъ, съ профессорами, директорами, учителями, съ начальницами гимназій, учительницами и учащимися, и не могли поистинѣ не удивляться разносторонности его знаній, его начитанности, его быстрымъ и находчивымъ отвѣтамъ. Это былъ умъ мыслителя, умъ глубокой, любившей вникать во всѣ тонкости изучаемаго предмета, умъ, работавшій съ увлеченіемъ, съ наслажденіемъ работою.

Умственный трудъ, изученіе занимающаго его вопроса были для него не столько работой, сколько отдыхомъ отъ работы, развлеченіемъ и притомъ единственнымъ развлеченіемъ.

И потому, понятно, онъ постоянно былъ занятъ, постоянно его голова работала надъ какою-нибудь умственною задачею. Онъ не былъ холоднымъ теоретикомъ: нервный по природѣ онъ вносилъ въ свое дѣло страстность увлеченія, и въ чемъ онъ разъ убѣждался путемъ долгой увлеченной работы, того онъ держался фанатически крѣпко, это былъ человѣкъ системы.

Естественно, что при увлеченіи и страстности, съ которыми онъ предавался осуществленію своего завѣтнаго, взлелѣяннаго долгою думою убѣжденія, нелегко было избѣжать ошибокъ.

Но что особенно пріятно поражало всѣхъ и неудержимо влекло къ нему, это—его прямота, веселость и откровенность, которыя дѣйствовали (боятельно, зарачительно.

Въ разговорѣ съ нимъ враги классицизма, къ удивленію нашему, съ похвалою отзывались о древнихъ языкахъ, развязывался языкъ даже у такихъ, которые, по характеру, были скрытны и сдержаны, которые трепетали передъ властію.

Для поддержанія своего престижа власть не имѣетъ надобности прибѣгать къ малодоступности, къ гордости и высокомѣрью, къ угрюмости и натянутости, и безъ этихъ атрибуцій власть оказываетъ, какъ извѣстно, устрашающее, сковывающее уста вліяніе, наводитъ паническій страхъ даже въ минуту самаго веселаго расположенія.

Въ одну изъ поѣздокъ съ графомъ по Камѣ, мы были свидѣтелями такой сцены. На одной пристани въ большомъ селѣ, на пристань, а потомъ и на пароходъ, пришелъ очень развязный, въ очень веселомъ настроеніи сельскій священникъ, съ любопытствомъ оглядывавшій всѣхъ пассажировъ и охотно вступавшій въ разговоръ. Въ это время графъ Д. А. Толстой глядѣлъ въ окно рубки. Священникъ, замѣтивъ это интеллигентное лицо, спросилъ: кто это? Ему сказали: „министръ и обер-прокуроръ св. синода“. Если бы вы посмотрѣли, какое магическое превращеніе сдѣлалось съ веселымъ, развязнымъ сельскимъ батюшкой: онъ поблѣднѣлъ, какъ-то вдругъ осунулся, какъ будто сталъ меньше ростомъ, и, подобравши полы рясы, безъ церемоніи пустился бѣжать съ парохода на пристань, съ пристани на гору и мгновенно исчезъ подъ горою изъ глазъ.

Предъ властію доступною и гуманною открываются сердца и уста. Намъ близко было одно извѣстное по своей просвѣтительной дѣятельности лице, которое терялось при разговорѣ съ властью имѣющими, но этотъ кроткій, робкій человѣкъ, въ нашемъ присутствіи, свободно развивалъ свою излюбленную систему христіанскаго образованія крещеныхъ инородцевъ предъ лицомъ графа Д. А. Толстаго. Куда дѣвалась его робость? Она растаяла отъ теплаго, привѣтливаго, сердечнаго слова министра. Во время первой своей поѣздки графъ Д. А. Толстой былъ полонъ воспоминаніями объ Уваровскомъ времени, и съ большимъ интересомъ слушалъ наши рассказы объ Уваровскихъ гимназіяхъ.

Когда мы передавали подробно объ устройствѣ гимназій того времени, о томъ, что несмотря на небольшое число уроковъ, у хорошихъ учителей достигались значительные результаты, потому,

во 1-хъ, что русскій языкъ шель впереди древнихъ и на немъ основывалось ихъ ученіе, во 2-хъ, потому, что въ то время преимущественно обращалось вниманіе на переводы съ древнихъ языковъ, переводы-же съ русскаго дѣлались только для укрѣпленія учениковъ въ грамматическихъ формахъ, самая грамматика проходила по столько, по сколько нужно было для приступа къ чтенію классиковъ, а за тѣ часы ученики узнавали синтаксическія правила при чтеніи классиковъ: „не то-ли же самое я говорилъ Каткову и Леонтьеву, обратился при этомъ къ своему спутнику графъ, но они противъ этого“. Мы свазали, что система П. М. Леонтьева намъ извѣстна. Онъ того мнѣнія, что для русскихъ дѣтей нѣтъ надобности учиться русской грамматикѣ, что родной языкъ имъ извѣстенъ и безъ нея, а общіе грамматическіе законы они лучше и основательнѣе узнаютъ при изученіи грамматики древнихъ языковъ.

„Вы несогласны съ этимъ?“ спросилъ графъ. Нѣтъ, мы постоянно спорили съ П. М. Леонтьевымъ, доказывая ему, что изученіе чужихъ языковъ, древнихъ и новыхъ, должно корениться на изученіи русскаго языка и что поэтому русская грамматика, какъ базисъ, должна идти впереди грамматики чужихъ языковъ. Горячо спорилъ съ нами П. М. Леонтьевъ, и разъ, увлеченный споромъ, пригласилъ насъ (мы были тогда инспекторомъ студентовъ Московскаго университета) перенести нашъ споръ въ аудиторію университета на часъ заведенной имъ таеъ называемой семинаріи, гдѣ мы въ присутствіи студентовъ и вели нашъ споръ, каждый защищая свое положеніе.

— „И совершенно вашего мнѣнія, замѣтилъ графъ, и удивляюсь, какъ такой умный человѣкъ, какъ Леонтьевъ, отвергаетъ необходимость для русскаго основательнаго изученія грамматики роднаго языка, но онъ упрямъ, переспорить его трудно, а умный человѣкъ съ основательными знаніями. Катковъ за одно съ нимъ“. Точно также графъ согласился, что при изученіи древнихъ языковъ слѣдуетъ преимущественное вниманіе обращать не столько на грамматику, сколько на чтеніе классиковъ.

П. М. Леонтьевъ, напротивъ, желалъ, чтобы ученики основательно изучали языкъ, грамматику, побольше упражнялись въ переводахъ съ русскаго на латинскій и греческій; онъ считалъ такія занятія лучшею гимнастикою для ума и высказывалъ

твердую надежду, что этимъ путемъ можно довести учениковъ до того, что они будутъ вполнѣ владѣть и устно, и письменно.

Графъ Д. А. Толстой тогда былъ преисполненъ уваженія, соединеннаго даже съ нѣкотораго рода сыновнею pietas къ графу С. С. Уварову, у котораго въ домѣ онъ и жилъ нѣкоторое время. Графъ Дмитрій Андреевичъ признавалъ благотворность дѣятельности графа Уварова и ничего такъ не желалъ, какъ быть продолжателемъ его дѣла,—о развитіи и расширеніи Уваровской классической системы у него и рѣчи не было. Тогда хотя онъ и признавалъ знанія и компетентность М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева въ дѣлѣ образованія, но во многомъ существенномъ не соглашался съ ними. Впослѣдствіи они умѣли убѣдить его въ правильности своихъ взглядовъ, а особенно убѣдилъ его, думаемъ мы, примѣръ европейской школы; а разъ убѣжденный—онъ оставался вѣренъ своему убѣжденію до конца дней.

Придя къ убѣжденію, что русское образованіе должно слѣдовать по тому пути, по которому оно насаждалось и принесло плоды на европейскомъ западѣ, графъ настойчиво и упорно осуществлялъ классическую систему и публично провозглашалъ въ своей рѣчи, говоренной имъ въ 1875 году въ Кишиневѣ: „Прежде всего я пламенно желаю величія Россіи въ европейскомъ смыслѣ“, и далѣе „Научное образованіе не заключается только въ приобрѣтеніи необходимыхъ свѣдѣній: оно имѣетъ цѣлію развитіе всего человѣка, и ничто этому не способствуетъ столько, какъ изученіе древняго міра и его образцовъ; они дѣйствуютъ и на умъ, и на сердце, и на волю, словомъ на всего человѣка, чего не можетъ достигнуть никакой предметъ преподаванія. Это испытано въ Европѣ вѣками“.

Въ этихъ словахъ слышится голосъ глубоко-убѣжденного человѣка. Графъ Д. А. Толстой былъ человѣкъ такого основательнаго ума и такого благородства, что онъ могъ дѣйствовать только по убѣжденію.

Разъ ставши на эту точку зрѣнія, графъ не останавливается ни передъ какими препятствіями и классическая система вводится круто, безъ всякой предварительной подготовки, когда не было достаточнаго числа своихъ учителей, такъ что вынуждены были вызывать славянъ, плохо знающихъ русскій языкъ и вслѣдствіе

этого не могшихъ приносить надлежащей пользы своимъ преподаваніемъ.

Въ 1866 году графъ Д. А. Толстой былъ еще новичкомъ въ педагогическомъ дѣлѣ и потому, при посѣщеніи учебныхъ заведеній, болѣе слушалъ и присматривался, а мнѣній своихъ не высказывалъ.

Передъ осмотромъ онъ выслушивалъ отъ насъ подробный докладъ о каждомъ учебномъ заведеніи, и стало-быть приступалъ къ осмотру, уже ознакомившись съ положеніемъ учебной и воспитательной части.

Этотъ порядокъ, принятый имъ, показываетъ его свѣтлый взглядъ; онъ хорошо понималъ, что нельзя приступить къ совершенно новому для него дѣлу безъ предварительной подготовки. Этою подготовкою предупреждались ошибки и недоразумѣнія, столь легко могущія случиться при быстромъ поверхностномъ осмотрѣ учебныхъ заведеній.

Передъ прїездомъ въ Казань министръ пожелалъ имѣть нашъ письменный отзывъ о профессорахъ, который мы и представили ему на пароходѣ.

Въ университетѣ, 4 сентября, при представленіи профессоровъ, графъ обратился къ намъ съ слѣдующею рѣчью:

— „Прежде знакомства съ вами, мм. гг., я употребилъ цѣлый мѣсяцъ на обзоръ нѣкоторыхъ гимназій казанскаго учебнаго округа. Гимназическое образованіе важно не только само по себѣ, но и въ отношеніи его къ университету. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли съ пользою слушать университетскія лекціи юноша, недостаточно къ тому подготовленный, можетъ-ли онъ въ университетѣ пріучиться къ самостоятельному научному труду?“

„Благодаря заботливости попечителя учебнаго округа и лицъ, имъ выбираемыхъ, я убѣжденъ, что уровень гимназическаго обученія съ каждымъ годомъ будетъ подниматься, а это крайне необходимо. Со временемъ вы будете имѣть и больше слушателей, и слушателей хорошо подготовленныхъ для профессорскихъ лекцій. Если распространеніе просвѣщенія необходимо во всѣхъ концахъ имперіи, то едва ли гдѣ эта необходимость чувствуется болѣе, чѣмъ именно здѣсь, на окраинѣ востока. Какихъ племенъ ни видалъ я въ продолженіе кратковременнаго моего путешествія: и калмыковъ, и киргизъ, и мордву, и черемисъ, и

татаръ, все это дико и невѣжественно, все это еще петрунито просвѣщеніемъ, все это непочатый матеріалъ для науки и цивилизаціи.

„Я знаю, что скорыхъ успѣховъ здѣсь ждать невозможно, но была бы большая заслуга положить начало просвѣщенію этихъ восточныхъ племенъ, а съ ними и дальнѣйшаго востока.

„Вотъ достойныя Россіи завоеванія на востокѣ, завоеванія цивилизаціи, самыя прочныя и притомъ самыя дешевыя изъ всѣхъ завоеваній. Пусть православная церковь проложитъ путь Евангеліемъ, а за нимъ послѣдуетъ наука съ своимъ свѣтомъ.

„Это совокупное дѣйствіе вѣры и науки несомнѣнно разсѣветъ восточную темь. Конечно, не намъ, а нашимъ преемникамъ возможно будетъ разрѣшить эту нелегкую задачу; по крайней мѣрѣ—положимъ ей начало.

„Въ недавнемъ времени уже сдѣланъ опытъ устройства татарской школы однимъ изъ вашихъ сослуживцевъ въ самой Казани; я старался помочь ему сколько могъ по православному духовному вѣдомству. Вы также удѣлили ему часть вашихъ собственныхъ денежныхъ средствъ“. (Графъ говоритъ здѣсь о крещено-татарской школѣ, учрежденной преподавателемъ турецко-татарскаго языка Ильминскимъ. Чтобы увѣковѣчить событіе спасенія Государя Императора Александра II (4 апрѣля 1866 года), служащіе въ Казанскомъ университетѣ собрали, по подпискѣ, капиталъ въ 4,068 рублей 10 коп. сер. и пожертвовали въ пользу школы Ильминскаго.—Годичный актъ въ императорскомъ Казанскомъ университетѣ 5 ноября 1866 года, стр. 58).

„Школа пошла весьма удачно и все предвѣщаетъ ей хорошую будущность. Нужно надѣяться, что дѣло на этомъ не остановится, а со временемъ возникнетъ много такихъ школъ и тогда просвѣщеніе между восточными племенами утвердится на прочныхъ основахъ.

„Говоря съ вами о современномъ положеніи просвѣщенія въ Казанскомъ учебномъ округѣ, я былъ-бы неискренень, если-бы умолчалъ о тѣхъ умственныхъ недугахъ, которые въ послѣдніе годы распространились въ молодомъ поколѣніи и, наконецъ, выразились такимъ чудовищнымъ образомъ: я говорю объ ученіяхъ коммунизма и нигилизма, если только возможно удостоить почетнаго названія ученія эти ребяческія бредни.

„Они до того нелѣпы, что безъ сомнѣнія уничтожатся сами собою, но до тѣхъ поръ могутъ надѣлать много вреда молодымъ людямъ, по самому возрасту своему легко увлекающимся всякими новыми взглядами. Поэтому желательно, чтобы наука разсѣдала ихъ скорѣе, что, конечно, не трудно: можетъ-ли устоять какой-нибудь нигилизмъ передъ здоровою философіею, коммунизмъ передъ наукою политической экономіи? Личное вліяніе ваше на слушателей, несомнѣнно, облегчитъ достиженіе этого результата.

„Изъ всего сказаннаго, кажется, достаточно видна вся важность значенія какъ Казанскаго учебнаго округа, такъ и Казанскаго университета; я увѣренъ, что они оправдаютъ это назначеніе и достигнутъ указываемой мною цѣли. Съ своей стороны, общаю въ этомъ мое полное содѣйствіе; это и моя обязанность, какъ министра народнаго просвѣщенія, и влеченіе моего сердца, и, наконецъ, убѣжденіе моего разума“.

Слова свои графъ заключилъ выраженіемъ намѣренія ближе познакомиться съ профессорами и преподавателями университета.

Затѣмъ завѣдующіе учебно-вспомогательными заведеніями университета отправились на свои мѣста, а министръ въ сопровожденіи попечителя, его помощника, испр. д. ректора университета, проректора, оставшихся профессоровъ и служащихъ лицъ, отправился осматривать университетъ. Предварительно онъ осмотрѣлъ церковь университета, и довольно долго оставался въ ней, любуясь ея своеобразнымъ устройствомъ и изящною простотою. Затѣмъ осматривалъ кабинеты, зоологическій, зоотомическій, минералогическій, геологическій, кабинетъ рѣдкостей, аудиторіи, химическую лабораторію, физическій кабинетъ, техническій кабинетъ, анатомическій театръ, бібліотеку и обсерваторію.

Каждое учебно-вспомогательное заведеніе графъ осматривалъ весьма тщательно, внимательно выслушивалъ заявленія завѣдующихъ о средствахъ заведенія и о желаемыхъ улучшеніяхъ этихъ заведеній. Слишкомъ въ 3 часа пополудни (прибылъ въ 12 часовъ) графъ оставилъ университетъ, записавъ въ бібліотекѣ о днѣ своего посѣщенія. Всѣ слѣдующіе дни пребыванія своего въ Казани, за исключеніемъ 8 сентября (праздника) министръ посѣщалъ, насколько позволяло ему время, лекціи про-

фессоровъ. Въ понедѣльникъ онъ посѣтилъ лекцію уголовного права, временно преподававшася и. д. ординарнаго профессора Соколовымъ, во вторникъ лекцію ординарнаго профессора Н. Н. Булича по исторіи русской литературы, въ среду лекцію ординарнаго профессора Осокина по финансовому праву, въ пятницу лекцію преподавателя Левандовскаго по педагогикѣ, въ субботу лекцію преподавателя Н. А. Фирсова по русской исторіи.

Совѣтъ университета, имѣя въ виду отличные ученые труды графа Дмитрія Андреевича Толстаго по исторіи русскаго финансоваго права и по церковной исторіи ¹⁾, въ засѣданіи 9-го сентября, избралъ его своимъ почетнымъ членомъ (Годичный актъ въ императорскомъ казанскомъ университетѣ 5-го ноября 1866 г., стр. 63—65).

Графъ Д. А. Толстой пробылъ въ Казани цѣлую недѣлю; кромѣ лекцій университетскихъ, посѣщалъ лекціи духовной академіи, былъ и на урокахъ въ гимназіяхъ мужскихъ и женской. Дома ежедневно по вечерамъ принималъ по нѣскольку профессоровъ, по заранѣ составленной очереди, и въ бесѣдахъ за стаканомъ чаю знакомился съ ними.

Здѣсь, въ номерахъ Комонена, министръ выслушивалъ подробно изложенную Н. И. Ильминскимъ систему образованія инородцевъ.

Это былъ тотъ единственно-правильный путь, которымъ искали просвѣтителы инородцевъ, которымъ шелъ и св. Стефанъ, первосвятитель пермскій, въ святомъ дѣлѣ просвѣщенія свѣтомъ христіанства язычествующихъ зырянъ.

Обученіе инородцевъ истинамъ христіанской вѣры на ихъ родномъ языкѣ, образованіе учителей изъ нихъ-же, переводъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ на языкъ просвѣщаемаго племени и богослуженіе на понятномъ родномъ народу языкѣ—вотъ тотъ путь, которымъ всегда шли миссіонеры, по которому слѣдовалъ и самоотверженно преданный дѣлу христіанскаго

¹⁾ Графъ Д. А. Толстой—авторъ двухъ извѣстныхъ сочиненій: 1) „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи со времени основанія государства до кончины императрицы Екатерины II“. Спб., 1848 г. (удостоено полной Демидовской преміи), и 2) на французскомъ языкѣ „Le catholicisme romain. Etudes historiques“. T. I et II. Paris. 1864.

просвѣщенія крещенныхъ татаръ нашъ казанскій дѣятель Н. И. Ильминскій.

Графъ Д. А. Толстой тогда-же согласился съ правильностью этого взгляда, тогда-же въ главныхъ чертахъ имъ намѣчена была система инородческаго образованія, которая впослѣдствіи удостоилась высочайшаго утвержденія. Относительно инородцевъ магометанъ рѣшено было на этомъ частномъ совѣщаніи въ Казани, не касаясь ихъ религіи, заботиться о сближеніи ихъ съ русскими путемъ усвоенія ими русскаго языка.

Графъ вполне оцѣнилъ знанія, опытность и благотворную дѣятельность Н. И. Ильминскаго въ дѣлѣ инородческаго образованія, и впослѣдствіи постоянно прислушивался къ его компетентному голосу во всемъ, что касалось этого дѣла. Оцѣнивъ, какъ важно значеніе инородческихъ языковъ въ дѣятеляхъ по образованію инородцевъ, графъ, какъ увидимъ, если встрѣчалъ лицо, знающее основательно инородскій языкъ, всѣми средствами, даже созданіемъ новой должности, старался привлечь его къ дѣлу.

Судьбу крещенно-татарской школы, какъ и вообще все дѣло инородческаго образованія, онъ принялъ очень близко къ сердцу, посѣтилъ молодую еще школу Ильминскаго, обладалъ и учредителя, и учителя школы крещеннаго татарина Василія Тимоѣева; и тому и другому, по нашему представленію, исходатайствовалъ высочайшія награды: Василію Тимоѣеву пожалована была золотая медаль на шею на владимірской лентѣ—огромная небывалая награда для простаго крестьянина.

На обратномъ пути изъ Казани въ Нижній графъ много писалъ, и утромъ, передъ пріѣздомъ въ Нижній-Новгородъ, выйдя къ намъ съ М. Е. Бадке въ общую каюту, сказалъ: „Усталъ, писалъ отчетъ о Казани и васъ разбранилъ“.

Въ чемъ заключалась эта брань, мы узнали послѣ, благодаря обязательности товарища министра, который, письмомъ отъ 25 октября 1866 г., увѣдомлялъ насъ въ такихъ словахъ: „Графъ Димитрій Андреевичъ отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о дѣятельности вашей въ запискѣ своей по обозрѣнію казанскаго и московскаго округовъ. Эта записка была прочтена государемъ императоромъ съ первой строки до послѣдней и затѣмъ, въ при-

сутствии-же его величества, опять прочтена въ совѣтѣ министровъ“.

Изъ письма товарища министра ясно, что государь остался весьма доволенъ какъ предпринятой графомъ Д. А. Толстымъ служебной поѣздкой, такъ и его отчетомъ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ министръ осмотрѣлъ гимназію и дворянскій институтъ, и на пристани, отъѣзжая въ Кострому, при прощаніи расцѣловался съ нами.

Теплое и сердечное отношеніе графа къ его ближайшимъ сослуживцамъ извѣстно всѣмъ имѣвшимъ удовольствіе служить подъ его начальствомъ. Его собственноручныя, всегда весьма длинныя, письма хранятся, безъ сомнѣнія, у попечителей его времени; его телеграммы о всемилостивѣйшихъ наградахъ, его почти дружескія записки во время пребыванія попечителей въ Петербургѣ, его обѣды, на которые онъ приглашалъ пріѣзжавшихъ по дѣламъ службы попечителей, ректоровъ и профессоровъ, а главное его искреннія, задушевные бесѣды памятны и незабвенны намъ всѣмъ.

И. Д. Шестаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. С. Тургеневъ и Т. Г. Шевченко

(1859—1860).

Пятница, 4-го марта.

„Я прїѣзжалъ съ тѣмъ, чтобы сказать вамъ, что комитетъ съ удовольствіемъ и готовностью принялъ на себя написать отъ своего имени письмо къ владѣльцу родственниковъ Шевченки; поручено составить это письмо Кавелину; а я прїѣзжалъ узнать отъ васъ имя этого помѣщика, его адресъ, имена Шевченковыхъ родственниковъ и т. д., чтобы передать все это Кавелину, и потому покорно прошу передать мнѣ всѣ желаемя свѣдѣнія, для того чтобы я ихъ доставилъ Кавелину. Чѣмъ вы скорѣе это сдѣлаете, тѣмъ скорѣе пойдетъ письмо.

„Дружески жму вашу руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.
 Былъ также и Я. Полонскій.

Примѣчаніе. Письмо это Ив. Серг. Тургенева напоминаетъ заботы „Комитета литературнаго фонда“ объ устроеніи положенія родственниковъ славнаго малороссійскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченки; оно писано къ покойному издателю-редактору журнала „Народное Чтеніе“, А. А. Оболенскому и, въ числѣ прочихъ автографовъ, разныхъ писателей, весьма обязательно сообщено намъ его сыномъ, профессоромъ Н. А. Оболенскимъ, въ декабрѣ 1889 года.

Ред.

РОССІЯ И РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1839 г. ¹⁾.

Записки французскаго путешеств. Кюстина.

Письмо тринадцатое.

Петербургъ, 21 іюля 1839 г.

Нѣкоторыя, но очень не многія изъ придворныхъ дамъ пользуются заслуженною репутаціею красавиць, прочія же присвоили ее себѣ при помощи кокетства, изысканности, во всемъ подражая англійскому, такъ какъ русскія великосвѣтскаго круга проводятъ свою жизнь въ исканіи образцовъ моды вдали отъ родины; иногда онѣ ошибаются въ выборѣ своихъ моделей, и это порождаетъ крайне своеобразное изящество — изящество безвкусное. Русскій, предоставленный самому себѣ, все время терзался-бы страхомъ, порождаемымъ неудовлетвореннымъ тщеславіемъ; онъ считалъ-бы себя варваромъ: а ничто не вредитъ такъ естественности, а слѣдовательно и развитію народа, какъ эта постоянная озабоченность соціальнымъ превосходствомъ другихъ націй. Чувствовать себя униженнымъ, краснѣть за самого себя, благодаря лишь собственному своему тщеславію,—одна изъ странностей человѣческаго самолюбія...

Вообще въ различныхъ классахъ общества красота болѣе приуща мужчинамъ, чѣмъ женщинамъ, хотя это и не мѣшаетъ встрѣчать среди первыхъ мною ординарныхъ и лишенныхъ всякаго выраженія фізіономій.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. LI, іюль, стр. 21—22; изд. 1891 г. т. LXIX, январь, стр. 145—184.

Я замѣтилъ, что лица многихъ носятъ слѣды оспы—явленіе, рѣдкое теперь въ остальной части Европы и свидѣтельствующее о небрежности русской администраціи относительно такого важнаго предмета.

Въ Петербургѣ различныя расы до того перемѣшаны, что нельзя составить себѣ представленія о настоящемъ населеніи Россіи: нѣмцы, шведы, лифляндцы, чухны, родъ лапландцевъ, явившихся съ крайняго полюса, калмыки и другія татарскія породы слились со славянами, первобытная красота которыхъ мало-по-малу искажилась среди обитателей столицы, что часто заставляло меня вспоминать справедливыя слова императора: „Петербургъ—русскій, но не Россія“.

Кюстину было предложено кресло въ первомъ ряду на торжественномъ спектаклѣ. „Въ зрительномъ залѣ нѣтъ ни галлерей, ни балкона, которые могли-бы стѣснять замыслы архитектора при постройкѣ; онъ выстроенъ по простымъ и правильнымъ рисункамъ, на образецъ итальянскихъ театровъ, гдѣ дамы не великосвѣтскаго круга ходятъ въ партеръ.

Мой сосѣдъ, замѣтивъ, что я иностранецъ, заговорилъ со мною по французски съ тою радушною вѣжливостью, которая отличаетъ въ Петербургѣ высшее общество. Между прочимъ, на мой вопросъ, какая идетъ пьеса, онъ сказалъ, что даютъ въ переводѣ французскую пьесу „Le Diable boiteux“. Я долго ломалъ себѣ голову, чтобы угадать, какая драма могла быть переведена подъ этимъ заглавіемъ. Судите-же о моемъ удивленіи, когда я узналъ, что переводъ этотъ не что иное, какъ слѣпокъ съ нашего балета: Le Diable boiteux“.

Путешественникъ не слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за ходомъ представленія. Его, главнымъ образомъ, интересовали зрители и дворъ.

„Появленіе императора показалось мнѣ величественнымъ. Когда онъ рядомъ съ императрицей, и сопровождаемый царскою фамиліей и дворомъ, приблизился къ барьеру своей ложи, всѣ присутствующіе встали. Императоръ въ мундирѣ ярко-краснаго цвѣта выглядѣлъ необыкновенно красивымъ. Форма козаковъ идетъ только молодымъ людямъ, эта же, наоборотъ, всего лучше соотвѣтствуетъ возрасту его величества: она еще болѣе оттѣняетъ благородство его чертъ и фигуры. Прежде чѣмъ сѣсть, императоръ съ присущимъ ему достоинствомъ, полнымъ вѣжливости, поклонился всему собранію. Одновременно съ нимъ поклонилась и императрица, но мнѣ показалось недостаткомъ уваженія къ публикѣ, что вмѣстѣ съ ними поклонилась и свита. Вся зала отвѣчала монархамъ покло-

номъ на поклонъ и, кромѣ того, покрыла ихъ аплодисментами и кликами: ура!

Съ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ и которое приходилось между спе-ною и царскою ложею, императоръ показался мнѣ достойнымъ пове-лѣвать людьми, до того наружность его полна благородства и ве-личественности. Я невольно вспомнилъ о его поведеніи при самомъ вступленіи его на престолъ, и эта великолѣпная страница исторіи отвлекла меня отъ представленія, на которомъ я присутствовалъ.

То, что вы прочтете сейчасъ, было мнѣ сказано самимъ импе-раторомъ нѣсколько дней тому назадъ; если я не передалъ вамъ этого разговора раньше, то лишь потому только, что думалъ, что письма, заключающія въ себѣ подобныя подробности, не могутъ быть довѣрены ни русской почтѣ, ни даже кому-либо изъ путеше-ственниковъ.

Въ тотъ день, когда Николай вступилъ на престолъ, вспыхнулъ бунтъ въ гвардіи. При первомъ-же извѣстіи о возмущеніи въ вой-скахъ, императоръ и императрица вдвоемъ отправились въ церковь, и тамъ, павъ на колѣни у ступеней алтаря, поклялись передъ Господомъ умереть на престолѣ, если имъ не удастся восторже-ствовать надъ мятежниками.

Императоръ считалъ опасность серьезною, потому что ему донесли, что митрополитъ тщетно пытался успокоить солдатъ. Въ Россіи тотъ безпорядокъ признается громаднымъ, который не въ силахъ подавить духовная власть.

Сотворивши знакъ крестнаго знаменія, императоръ отправился покорять мятежниковъ своимъ личнымъ присутствіемъ и спокойною энергіею своего лица. Онъ самъ разсказалъ мнѣ эту сцену, но въ выраженіяхъ, болѣе скромныхъ, чѣмъ употребленныя мною; къ со-жалѣнію, я забылъ начало этого разсказа, потому что первоначально былъ нѣсколько смущенъ неожиданнымъ оборотомъ, который принялъ нашъ разговоръ; я точно воспроизведу его съ того момента, который помню совершенно ясно.

„Ваше величество черпали свою силу изъ надлежащаго источника“.

— „Я не зналъ, чтѣ буду говорить и дѣлать, я былъ вдохновенъ“.

„Чтобы имѣть подобныя вдохновенія, нужно заслужить ихъ“.

— „Я не сдѣлалъ ничего необыкновеннаго; я лишь сказалъ сол-датамъ: „вернитесь въ ваши ряды“, и передъ тѣмъ, какъ объѣхать полкъ, крикнулъ: „на колѣни!“ Всѣ повиновались ¹⁾. Меня особенно

¹⁾ Здѣсь Кюстинъ, очевидно, или спуталъ происходившее значительно позже, въ дни холеры, или передалъ слѣдующій фактъ, дѣйствительно слу-чившійся 14-го декабря 1825 года. Когда Николай Павловичъ находился на

ободрило то обстоятельство, что, нѣсколько мгновений передъ этимъ, я вполне примирился съ мыслью о смерти. Я радъ успѣху, но не горжусь имъ, потому что не мнѣ принадлежитъ честь его“.

Вотъ каковы благородныя выраженія, въ которыхъ императоръ разсказалъ мнѣ эту современную трагедію.

По этому вы можете судить о степени интереса его разговоръ съ иностранцами, которыхъ онъ почититъ своимъ расположеніемъ. Этотъ разсказъ такъ далекъ отъ придворной пошлости! Вы поймете также и силу обаянія, производимаго имъ на народъ и на свое семейство. Это Людовикъ XIV славянь.

Очевидцы-свидѣтели передавали мнѣ, что онъ какъ будто выросталъ съ каждымъ шагомъ, приближавшимъ его къ толпѣ бунтовщиковъ. Изъ молчаливаго, грустнаго и мелочнаго, какимъ казался онъ въ дни юности, онъ преобразился въ героя, какъ только сталъ государемъ. Явленіе—обратное часто встрѣчающемуся, когда принцы больше общаются, чѣмъ исполняютъ.

Его поза въ виду возмущившейся гвардіи, по разсказамъ, до того была внушительна, что одинъ изъ заговорщиковъ четыре раза приближался къ нему, чтобъ убить его въ то время, какъ онъ обращался къ войскамъ съ рѣчью, и четыре раза храбрость покидала этого несчастнаго, подобно тому, какъ это было съ кимромъ Маріа. Люди свѣдущіе приписывали этотъ мятежъ тайнымъ обществамъ, раздирающимъ Россію со времени похода союзниковъ во Францію и частныхъ поѣздокъ русскихъ офицеровъ въ Германію.

Я передаю, что слышалъ: факты эти темныя, и у меня нѣтъ возможности провѣрить ихъ.

Средствомъ, которымъ воспользовались заговорщики для возмущенія арміи, послужила смѣшная ложь: распространили слухъ, что Николай насильно захватилъ корону у брата своего Константина, какъ разсказывали, уже направлявшагося къ Петербургу для защиты своихъ правъ съ оружіемъ въ рукахъ. Вотъ средство, которымъ можно было заставить возмущившихся кричать подъ окнами дворца: „ура! конституція!“ Вожаки убѣдили ихъ, что слово „конституція“— имя жены Константина, ихъ мнимой императрицы. Вы видите, что въ

сенатской площади, при одномъ изъ залповъ, сдѣланныхъ мятежниками, его лошадь шарахнулась въ сторону, и тутъ онъ замѣтилъ, что толпа, которую онъ сперва не могъ уговорить накрыться, стала надѣвать шапки и смотрѣть съ какою-то наглостью. „Шапки долой“, закричалъ государь съ невольною строгостью, и въ одно мгновеніе всѣ головы обнажились, и толпа отхлынула отъ него.

Н. III.

глубинѣ солдатскихъ сердець жила идея долга, потому что только при помощи обмана можно было увлечь ихъ къ мятежу.

Исключительно лишь въ интересахъ легитимизма одураченные солдаты возмутились противъ своего законнаго государя.

Замѣьте, что въ теченіе всего времени, которое императоръ оставался передъ войсками, онъ ни разу не пустилъ своей лошади въ галопъ, до того онъ былъ спокоенъ, но въ то-же время и страшно блѣденъ. Онъ испытывалъ свою мощь, и успѣхъ обезпечилъ ему повиновеніе народа.

Къ подобному человѣку нельзя прикладывать мѣрки, годной для людей обыкновенныхъ. Его голосъ, спокойный и повелительный, его взглядъ, магнетическій, пристально всматривающійся въ предметъ привлекшій его вниманіе, но часто становящійся холоднымъ и неподвижнымъ, благодаря привычкѣ скорѣе подавлять, чѣмъ скрывать свои мысли, такъ какъ онъ откровененъ по природѣ, чудный лобъ, черты лица, напоминающія Аполлона и Юпитера, и самое лицо его, малоподвижное, внушительное, повелѣвающее, фигура, болѣе благородная, чѣмъ мягкая, напоминающая скорѣй изваяніе, чѣмъ живаго человѣка—производятъ на каждого, кто-бы ни приблизился къ нему, могущественное дѣйствіе. Онъ становится властителемъ чужой воли, потому что видно, что онъ управляетъ своею собственною.

Вотъ что еще удержалъ я въ памяти изъ нашего разговора:

„По усмиреніи мятежа, ваше величество должны были вернуться во дворецъ далеко не въ томъ уже настроеніи духа, въ какомъ вышли оттуда, такъ какъ, вмѣстѣ съ престоломъ, вы обезпечили себѣ удивленіе міра и симпатіи всѣхъ возвышенныхъ сердець“.

— „Я не думалъ объ этомъ: слишкомъ уже расхваливали сдѣланное мною тогда“.

Императоръ не сказалъ мнѣ, что, вернувшись къ своей женѣ, онъ нашелъ ее пораженною трясеніемъ головы, нервною болѣзнью, отъ которой она никогда не могла вполнѣ вылѣчиться. Эти конвульсіи вообще мало чувствительны; въ дни, когда императрица спокойна и здорова, онѣ пропадаютъ совсѣмъ, но, если она страдаетъ нравственно или физически, боль возвращается и усиливается. Навѣрно эта благородная женщина сильно боролась съ безпокойствомъ въ то самое время, когда мужъ ея такъ смѣло подставлялъ себя ударамъ убійць. Увидѣвъ, что онъ вернулся, она безъ словъ обняла его, но императоръ, успокоивши ее, въ свою очередь, почувствовалъ себя ослабѣвшимъ; на минуту ставши простымъ человѣкомъ, онъ бросился въ объятія

одного изъ преданныхъ ему лицъ, присутствовавшаго при этой сценѣ, и воскликнулъ: „какое начало царствованія! ¹⁾).

Я напечаталъ эти подробности; ихъ полезно узнать невѣждамъ, чтобы научить ихъ не завидовать участи сильныхъ міра сего.

Какъ-бы очевиднымъ ни казалось неравенство, установленное законодателями между различными условіями жизни людей, справедливость Провидѣнія находитъ свое оправданіе въ тайномъ равенствѣ, котораго ничто нарушить не можетъ: это равенство проистекаетъ изъ нравственныхъ страданій, возрастающихъ обыкновенно въ той-же мѣрѣ, какъ физическія уменьшаются. Въ этомъ мірѣ несравненно менѣе несправедливости, чѣмъ полагаетъ толпа: законы природы справедливыѣ законовъ человѣческихъ.

Эти разсужденія быстро мелькали въ головѣ у меня, пока я разговаривалъ съ императоромъ: они пробудили въ моемъ сердцѣ чувство, и онъ никогда не подумалъ-бы, какое чувство могъ онъ пробудить во мнѣ—чувство жалости. Я постарался, насколько возможно, скрыть это волненіе, котораго ни свойствъ, ни причинъ я не осмѣлился-бы объяснить ему, и на его слова о преувеличеніи похвалъ, которыя заслужило ему его поведеніе во время мятежа, возразилъ слѣдующее:

„Но во всемъ этомъ вѣрно только то, государь, что одной изъ главныхъ причинъ моего любопытства, передъ пріѣздомъ въ Россію, было именно желаніе увидѣть монарха, который пользуется такимъ вліяніемъ на людей“.

— „Русскіе прекрасны, но нужно сдѣлаться достойнымъ управлять подобнымъ народомъ“.

„Ваше величество лучше, чѣмъ кто-либо изъ вашихъ предшественниковъ, поняли что нужно Россіи“.

¹⁾ Слова эти составляютъ часть разговора, происходившаго по-французски между Николаемъ Павловичемъ и только что пріѣхавшимъ въ Петербургъ генералъ-адъютантомъ Тодемъ, и не во дворцѣ, а на Сенатской площади

— „Voici ce qui se passe ici“, сказалъ государь, увидѣвъ его: „voilà un joli commencement de règne: un trône teint de sang!“

— „Sire, отвѣчалъ Толь,—le seul moyen d'y mettre fin, c'est mitrailler cette canaille“.

(Вотъ что происходитъ здѣсь; какое начало царствованія: престолъ обгренный кровью!

Единственное средство, государь, покончить со всѣмъ этимъ—осыпать картечью эту сволочь).

Бар. Корфъ. Восшествіе на престолъ императора Николая I.

— „Самодержавіе еще существуетъ въ Россіи, потому что это сущность моего правленія, но оно согласуется и съ духомъ народа“.

„Вы останавливаете, государь, Россію на пути подражаній и дѣлаете ее самостоятельную“.

— „Я люблю свою страну и, какъ мнѣ кажется, понялъ ее; увѣряю васъ, что, когда я сильно устаю отъ различныхъ современныхъ дразгъ, то забвенья отъ всей остальной Европы ищу удаляясь внутрь Россіи“.

„Чтобы почерпнуть силъ въ самомъ источникѣ ихъ?“

— „Именно. Никто не можетъ быть болѣе русскимъ по своей натурѣ, чѣмъ я. Я вамъ скажу то, чего не сказалъ-бы никому другому, но чувствую, что вы, именно вы, поймете меня“.

Дѣйствіе, произведенное имъ на меня, было громадно; я чувствовалъ себя уничтоженнымъ; благородство чувствъ, высказанныхъ императоромъ, откровенность его рѣчи, казалось мнѣ, необыкновенно отбѣняли его всемогущество; я былъ ослѣпленъ—признаюсь въ этомъ. Человѣкъ, который, не смотря на мои идеи о независимости, заставлялъ меня (забывать то), что онъ неограниченный повелитель шестидесяти милліоновъ людей, являлся, на мой взглядъ, чѣмъ-то сверхъестественнымъ; но я старался не довѣрять своему восхищенію; я походилъ на буржуа, уже чувствующихъ себя готовыми поддаться обаянію изящества манеръ людей стараго времени, хорошій вкусъ заставляеть ихъ отдаваться испытываемому очарованію, но этому противятся ихъ принципы, и они остаются суровыми и, насколько возможно, кажутся нечувствительными. Борьба, пережитая мною, походила на это. Не въ моемъ характерѣ сомнѣваться въ истинности словъ человѣка въ тотъ моментъ, когда я слышу его. Говорящій— для меня орудіе Бога; только путемъ размышленій и опыта убѣждаюсь я въ возможности расчета и притворства. Вы назовете это вздоромъ, но мнѣ нравится эта умственная слабость, такъ какъ она является слѣдствіемъ душевной силы.

Красота императора даетъ ему еще новое средство убѣдительности, потому что красота эта настолько-же душевная, насколько и физическая. Дѣйствіе, производимое ею, я приписываю скорѣе искренности чувствъ, рисующихся обыкновенно на его лицѣ, чѣмъ правильности его чертъ.

Этотъ интересный разговоръ я имѣлъ съ императоромъ на балу

у принцессы Ольденбургской. Балъ этотъ былъ настолько своеобразенъ, что стоитъ, чтобы описать его вамъ.

Принцесса Ольденбургская, рожденная принцесса Нассауская, близкая родственница императора по своему мужу, не имѣя возможности соперничать роскошью съ большими придворными балами, но желая и съ своей стороны почтить торжествомъ бракъ великой княгини Маріи Николаевны, устроила балъ на открытомъ воздухѣ на своей загородной дачѣ, и меня забавляла комическая принужденность нѣкоторыхъ лицъ, волей-неволей старавшихся съ самымъ добродушнымъ видомъ усвоить себѣ на время деревенскую простоту; это былъ совершенно своеобразный вечеръ, гдѣ чувствовалась полная свобода, не смотря на присутствіе неограниченнаго монарха“

Кюстина поразило изобиліе экзотическихъ цвѣтовъ.

„Въ этой странѣ изобиліе рѣдкихъ цвѣтовъ замѣняетъ отсутствіе роскошной растительности. Люди, населяющіе ее и явившіеся сюда изъ Азіи, чтобы, какъ въ тюрьмѣ, запереться во льдахъ сѣвера, вспоминаютъ о восточной роскоши ихъ первоначальной родины и прилагаютъ всѣ усилія, чтобы замѣнить чѣмъ-либо безплодіе почвы, производящей лишь сосну и березу. Искусство создаетъ здѣсь въ оранжереяхъ безконечное множество кустовъ и растений, и, такъ какъ все это дѣло рукъ человѣческихъ, то нѣтъ большаго труда заставить распускаться одновременно и цвѣты Америки, и французскія фіалки и лиліи. Не природное плодородіе почвы украшаетъ и разнообразитъ дворцы Петербурга, а цивилизація даетъ ему возможность пользоваться богатствами цѣлаго міра, чтобы скрыть бѣдность земли и скудость сѣвернаго полюса. Не удивляйтесь-же хвастовству русскихъ: природа для нихъ не что иное, какъ лишній врагъ, побѣждаемый ихъ упорствомъ; всѣмъ ихъ развлеченіямъ присуща радость и гордость побѣды.

Императрица, не смотря на нѣжность своего здоровья, съ открытой головой и обнаженной шеей, танцевала всѣ полонезы на изящномъ паркетѣ роскошнаго полеваго бала.

Она пользуется въ Россіи счастьемъ, рѣднымъ вообще и исключительнымъ въ положеніи императрицы: она имѣетъ друга.

Это баронесса ***, урожденная графиня ***. Съ самаго замужества императрицы, эти двѣ женщины, столь различныхъ положеній, почти никогда не разставались. Баронесса, одаренная искреннимъ характеромъ, преданнымъ сердцемъ, вовсе не воспользовалась своимъ вліяніемъ. Мужъ ея—одинъ изъ офицеровъ арміи, которому императоръ въ высшей степени обязанъ, такъ какъ баронъ *** спасъ ему жизнь въ день мятежа, при восшествіи его на престолъ. Ничто не

можетъ достаточно вознаградить подобнаго подвига храбрости, поэтому-то и не награждаютъ его“¹⁾).

Наблюденія надъ массою зрителей изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, стекшихся со всѣхъ сторонъ къ оградѣ парка вызываютъ Кюстина на размышленіе о томъ, что въ Россіи названія вещей такія-же, какъ и всюду, но сущность ихъ не та. „Однако, мои размышленія были непродолжительны, такъ какъ императоръ снова захотѣлъ овладѣть моими мыслями. Открылъ-ли онъ въ глубинѣ меня какое-нибудь предубѣжденіе противъ себя, которое, во всякомъ случаѣ, могло быть лишь результатомъ слышаннаго мною о немъ ранѣе моего представленія ему, такъ какъ впечатлѣніе, произведенное его личностью и рѣчами, было цѣликомъ въ его пользу, развлекать-ли его минутный разговоръ съ человѣкомъ, непохожимъ на тѣхъ, которые постоянно находятся у него подъ глазами, или-же баронесса *** благопріятно подѣйствовала на его мнѣніе обо мнѣ—но я не могу объяснить себѣ истинную причину такихъ милостей.

Императоръ не только привыкъ повелѣвать дѣйствіями другихъ, нѣ умѣетъ властвовать и надъ сердцами; быть можетъ, онъ хотѣлъ покорить и мое, а моя холодная робость служила лишь стимуломъ его самолюбію? Желаніе нравиться присуще ему... Вынудить восхищеніе, это все-таки значитъ заставить повиноваться себѣ. Быть можетъ, онъ хотѣлъ испытать свою власть надъ иностранцемъ, или-же инстинктомъ человѣка, долгое время лишеннаго правды, полагаю, что встрѣтилъ правдивый характеръ, — повторяю вамъ, я не знаю руководившихъ имъ дѣйствительныхъ побужденій, но знаю, что въ этотъ вечеръ, гдѣ бы я ни находился, онъ постоянно завязывалъ разговоръ со мною.

Увидѣвши, что я вернулся изъ-за ограды на балъ, онъ спросилъ меня:

¹⁾ Вотъ что пишетъ объ этомъ Гречъ въ своемъ опроверженіи Кюстина „Нѣтъ, баронъ *** не спасъ въ этотъ день жизни императору, онъ даже не находился въ свитѣ монарха, но былъ при своемъ полку, и здѣсь былъ пораженъ однимъ изъ заговорщиковъ. Баронъ *** высоко стоитъ въ мнѣніи императора, имѣетъ придворное званіе и исполняетъ обязанности оберъ-шталмейстера, съ тѣхъ поръ, какъ эта должность перестала принадлежать князю Долгорукому“.

Суда поэтому, баронъ *** не кто иной, какъ баронъ Петръ Андреевичъ Фредериксъ, командовавшій тогда лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ. Раненный княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ сабельнымъ ударомъ въ шею, онъ упалъ на мостовую; при этомъ Щепинъ пытался пристрѣлить его изъ двухъ бывшихъ при немъ кремневыхъ пистолетовъ, но выстрѣла не послѣдовало, потому что одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, „во избѣжаніе грѣха“, сбросилъ съ полки порохъ.

Н. III.

— „Что дѣлали вы сегодня утромъ?“

„Я осматривалъ, государь, кунсткамеру и пресловутаго сибирскаго мамонта“.

— „Это единственный образецъ въ мірѣ“.

„Да, ваше величество. Въ Россіи встрѣчаешь очень многое, чего не найдешь въ другомъ мѣстѣ“.

— „Вы льстите мнѣ“.

„Я слишкомъ уважаю васъ, государь, чтобы осмѣлиться льстить вамъ, но, быть можетъ, я не слишкомъ боюсь васъ и простодушно высказываю истину даже тогда, когда она походитъ на комплиментъ“.

— „Этотъ комплиментъ очень тонокъ; иностранцы балуютъ насъ“.

„Ваше величество пожелали, чтобы я держалъ себя съ вами совершенно свободно; это удалось вамъ, какъ и все, задумываемое вами: вы излѣчили меня, хоть на время, отъ моей природной робости“.

Принужденный избѣгать всякаго намека на политическія злобы дня, я желалъ навести разговоръ, по крайней мѣрѣ, на такой предметъ, который на столько-же интересовалъ-бы меня; поэтому я прибавилъ:

„Каждый разъ, какъ ваше величество позволяете мнѣ приблизиться къ вамъ, я удостоиваюсь во власти, заставившей враговъ пасть къ стопамъ вашимъ въ день вашего восшествія на престолъ“.

— „У васъ на родинѣ существуютъ предубѣжденія, надъ которыми труднѣе восторжествовать, чѣмъ надъ страстями возмущившейся арміи“.

„На васъ, государь, смотрятъ слишкомъ издалека; еслибы съ вашимъ величествомъ болѣе ознакомились, васъ лучше цѣнили-бы. И у насъ, какъ и здѣсь, вы встрѣтили-бы массу поклонниковъ. Начало царствованія уже обезпечило вамъ справедливыя похвалы, а въ дни холеры вы поднялись на ту-же высоту и даже выше, потому что при этомъ возмущеніи ваше величество выказали ту-же власть, но сдержанную благородною преданностью человѣчеству; силы никогда не покидали васъ посреди опасности“.

— „Минуты, которыя вы оживляете въ моей памяти, безъ сомнѣнія, были лучшими минутами моей жизни; но тѣмъ не менѣе, онѣ показались мнѣ самыми ужасными“.

„Я понимаю это, государь: чтобы покорить природу въ себѣ и въ другихъ, необходимо усиліе...“

— „Страшное усиліе, перебилъ меня императоръ, съ выраженіемъ, поразившимъ меня,— и отчетъ въ которомъ отдаешь себѣ послѣ“.

„Да, но вы были велики“.

— „Я не былъ великъ: я лишь выполнялъ свое ремесло; при подобныхъ обстоятельствахъ никто не можетъ знать что онъ скажетъ; идешь на встрѣчу опасности, не спрашивая какъ выйдешь изъ нея“.

„Самъ Богъ вдохновлялъ васъ, государь, и еслибы можно было сравнивать двѣ столь несходныя вещи, какъ поэзія и правленіе, я сказалъ-бы, что вы дѣйствовали какъ поэтъ, повинувшись голосу свыше“.

— „Въ моемъ поступкѣ не было никакой поэзіи“.

Я замѣтилъ, что мое сравненіе показалось нелестнымъ, потому что слово „поэзія“ не было понято въ латинскомъ его значеніи: при дворѣ привыкли смотрѣть на поэзію, какъ на забаву для ума. Надо было-бы начать длинное разсужденіе для доказательства того, что это самый чистый и живой проблескъ души, и я предпочелъ промолчать; но императоръ не хотѣлъ, безъ сомнѣнія, удаляясь отъ меня, оставить во мнѣ сожалѣніе, что я могъ не понравиться ему, и долго еще продержалъ меня, къ величайшему удивленію всего двора. Онъ возобновилъ разговоръ съ очаровательною добротою.

— „Каковъ именно планъ вашего путешествія?“ сказалъ онъ.

„Послѣ петергофскихъ празднествъ, государь, я рассчитываю отправиться въ Москву, откуда поѣду посмотрѣть на Нижегородскую ярмарку, но такъ, чтобы вернуться въ Москву къ приѣзду вашего величества“.

— „Тѣмъ лучше; я былъ-бы очень радъ, еслибы вамъ удалось осмотрѣть въ подробности мои кремлевскія сооруженія; помѣщеніе тамъ было слишкомъ мало для меня; я приказалъ построить болѣе подходящее. Я самъ объясню вамъ всѣ свои планы относительно украшенія этой части Москвы, которую мы считаемъ колыбелью имперіи. Но терять времени нечего, вамъ предстоитъ проѣхать громадныя пространства; разстоянія—вотъ язва Россіи“.

„Не пеняйте на это, государь, все это возможно заполнить; въ другихъ странахъ люди чувствуютъ недостатокъ въ землѣ, вы же никогда не ошутите его“.

— „У меня не хватаетъ времени“.

„За вами будущее“.

— „Меня слишкомъ мало знаютъ, если упрекаютъ въ честолюбіи. Я далекъ отъ мысли стараться расширить нашу территорію, но мнѣ хотѣлось-бы имѣть возможность сплотить вокругъ себя населеніе всей Россіи. Если я и хочу дѣлать завоеванія, то исключительно въ области нищеты и варварства: стараніе улучшить участь русскихъ несравненно выше, чѣмъ желаніе разрастаться. Если-бы вы

знали, какъ добръ русскій народъ!... Сколько въ немъ кротости, какъ онъ привѣтливъ и милъ отъ природы!... Вы увидите его въ Петергофѣ, но въ особенности я хотѣлъ-бы показать его вамъ здѣсь 1-го января“. Затѣмъ, возвращаясь къ своей любимой темѣ: „но не легко“, продолжалъ онъ, „сдѣлаться достойнымъ управлять подобнымъ народомъ“.

„Ваше величество уже многое сдѣлали для Россіи“.

— „Иногда я боюсь, что не сдѣлалъ всего, что могъ-бы сдѣлать“.

Это христіанское слово, сказанное отъ глубины души, тронуло меня до слезъ; оно произвело на меня тѣмъ большее впечатлѣніе, что я самъ говорилъ себѣ: „императоръ умнѣе меня; еслибы онъ имѣлъ какую-либо выгоду сказать это, онъ понялъ-бы, что лучше не говорить. Слѣдовательно, попросту онъ выказалъ благородное, прекрасное чувство, — сомнѣніе добросовѣстнаго правителя. Этотъ крикъ человѣчности, раздавшійся изъ глубины его души, когда, напротивъ, все способствовало тому, чтобы возгордиться ею, вдругъ тронулъ меня. Мы были на глазахъ всѣхъ, и я всѣми силами старался скрыть свое волненіе; онъ, скорѣе отгадывающій мысли, чѣмъ слова, (и отъ этой могущественной проникаемости болѣе всего зависитъ обаяніе его разговора, осуществленіе его воли), замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе, подошелъ ко мнѣ ближе, взялъ мою руку съ видомъ доброжелательства и, пожавъ ее, сказалъ: „до свиданія“.

Императоръ—единственный человѣкъ въ государствѣ, съ которымъ можно говорить безъ страха доносчиковъ; до сихъ поръ онъ также единственный, у котораго я нашелъ естественное чувство и искренность. Еслибы я жилъ въ этой странѣ и долженъ былъ скрывать какую-либо тайну, прежде всего,—я довѣрилъ-бы ее ему.

Отбрасывая въ сторону всякое обаяніе, этикетъ, всякую лесть, я считаю его однимъ изъ первыхъ людей въ Россіи. Правда, никто другой и не считалъ меня достойнымъ разговора съ тою откровенностью, которая легла въ основу его разговоровъ со мною.

Если въ немъ, какъ мнѣ кажется, больше гордости, чѣмъ самолюбія, болѣе достоинства, чѣмъ высокомерія, въ общемъ онъ долженъ остаться довольнымъ своими характеристиками, постепенно набросанными мною, и въ особенности впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня его рѣчами. Правду говоря, я всѣми силами противился его обаянію. Конечно, я менѣе всего революціонеръ, но я недовольный, и вотъ что значитъ родиться во Франціи и жить тамъ.....

Кромѣ того, мнѣ кажется, что будь я монархомъ, я полюбилъ-бы общество умовъ, признающихъ во мнѣ человѣка подъ оболоч-

вою государя, въ особенности, еслибы, по отнятїи отъ меня всѣхъ моихъ титуловъ, взятый самъ по себѣ, я имѣлъ-бы еще право быть судимымъ, какъ человѣкъ искренній, твердый и честный. Спросите сами себя серьезно и скажите мнѣ—развѣ по прочтенїи всего, разсказаннаго мною объ императорѣ Николаѣ съ самого моего прїѣзда въ Россїю, вы можете вывести заключенїе, что этотъ государь стоитъ ниже представленїя, составленнаго вами о немъ до чтенїя моихъ писемъ? Вашъ отвѣтъ, если только онъ будетъ искрененъ, послужитъ моимъ оправданїемъ.

Наши частые разговоры на глазахъ всего общества доставили мнѣ здѣсь массу знакомствъ. Многіе изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ и въ другихъ мѣстахъ, бросаются мнѣ на шею, но только съ тѣхъ поръ, какъ увидѣли меня предметомъ особаго благоволенїя императора. Забудьте, что все это люди первыхъ придворныхъ званий, но такова ужъ привычка свѣтскихъ людей, особенно официальныхъ, быть сдержанными во всемъ, кромѣ честолюбивыхъ расчетовъ. Чтобы сохранить, живя при дворѣ, чувства, возвышающїяся надъ понятїями толпы, нужно быть одареннымъ высоко благородной душой: природы-же благородныя рѣдки.

Нечего и говорить, что въ Россїи нѣтъ вельможъ, потому что нѣтъ независимыхъ характеровъ, исключая избранныхъ натуръ, которыя слишкомъ немногочисленны, чтобы ихъ влїяніе могло быть ощутительно; независимость характера обусловливается скорѣе гордостью, даваемою высокимъ рожденїемъ, чѣмъ богатствомъ и прїобрѣтеннымъ положенїемъ, а безъ независимости нѣтъ вельможъ.

Эта страна, въ столь многихъ отношенїяхъ отличная отъ нашей, приближается къ Франціи въ одномъ: въ ней нѣтъ социальной іерархіи. Благодаря этому пробѣлу въ политической организаціи Россїи, въ ней, какъ и во Франціи, существуетъ всеобщее равенство; вслѣдствїе этого, и въ той, и въ другой странѣ, масса людей съ безпокойнымъ умомъ: у насъ она волнуется открыто, въ Россїи-же политическія страсти замкнуты.

Во Франціи каждый можетъ достигнуть всего, пользуясь трибуною, въ Россїи-же—дворомъ; самый ничтожный изъ всѣхъ, если онъ счумѣетъ понравиться государю, можетъ стать завтра первымъ послѣ него. Милость послѣдняго служитъ приманкой, заставляющей честолюбцевъ продѣлывать чудеса, точно такъ-же, какъ у насъ желанїе популярности производитъ удивительныя метаморфозы. Въ Петербургѣ становишься глубочайшимъ льстецомъ, какъ въ Парижѣ величайшимъ ораторомъ. Какой талантъ наблюдательности понадобился русскимъ царедворцамъ, чтобы открыть способъ нравиться

императору, прогуливаясь зимой по улицамъ Петербурга въ одномъ скюртукѣ! Эта героическая лесть, обращенная непосредственно къ природѣ и косвенно къ государю, стоила жизни многимъ честолюбцамъ, но сказать — честолюбцамъ слишкомъ сильно, потому что здѣсь льстятъ безкорыстно. Двѣ страсти, болѣе аналогичныя, чѣмъ это кажется, народная гордость и рабское самоотреченіе царедворца, даютъ поразительные результаты: первая поднимаетъ слово на высоту краснорѣчія, вторая-же придаетъ силу молчанію, но обѣ онѣ ведутъ къ одной и той же цѣли. Вотъ какимъ образомъ при неограниченномъ правленіи умы также взволнованы и безпокойны, какъ и при республикѣ, съ тою только разницею, что безмолвное броженіе подданныхъ монарха сильнѣе волнуетъ умы, благодаря той тайнѣ, въ какую должно облекаться честолюбіе, чтобы достигнуть успѣха здѣсь "...

Затѣмъ Кюстинъ возвращается къ описанію впечатлѣнія, произведеннаго на него спектаклемъ, о которомъ онъ говорилъ въ началѣ письма.

„Русскіе не достигли еще той степени цивилизаціи, когда возможно дѣйствительное наслажденіе искусствомъ. До сихъ поръ ихъ энтузіазмъ въ этомъ отношеніи—чистое тщеславіе, претензіи. Пусть этотъ народъ обратится къ самому себѣ, пусть онъ останется вѣренъ своему первоначальному характеру и, если небо одарило его способностью пониманія искусства, онъ откажется отъ подражанія и дастъ міру то, чего Богъ и природа въ правѣ ожидать отъ него; до тѣхъ-же поръ, все это великолѣпіе, въ глазахъ небольшого кружка русскихъ, истинныхъ любителей прекраснаго, прозябающихъ въ Петербургѣ, никогда не сравнится съ посѣщеніемъ Парижа или путешествіемъ въ Италію“.

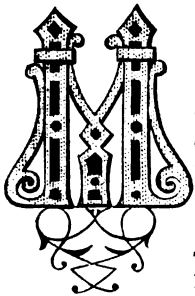
Перевелъ К. Плавинскій.

Сообщ. Н. Е. Шилъдеръ.

ДМИТРІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ НЕЕЛОВЪ.

Біографическій очеркъ ¹⁾.

1819—1890.

арта 12-го 1890 года скончался въ Петербургѣ сенаторъ, тайный совѣтникъ, Дмитрій Дмитріевичъ Нееловъ.

Покойный принадлежалъ къ числу смоленскихъ дворянъ и родился въ 1819 году въ Гжатскомъ уѣздѣ, въ имѣніи своего отца, Пески.

Прадѣдъ Дмитрія Дмитріевича, Иванъ Васильевичъ Нееловъ, при взятіи Шлиссельбурга, въ 1702 году, былъ сержантомъ Преображенскаго полка; сынъ его, Василій Ивановичъ, служилъ придворнымъ архитекторомъ въ Царскомъ селѣ, при знаменитомъ графѣ Растрелли, во время постройки большаго царскосельскаго дворца. По смерти Василя Ивановича, императрица приказала предоставить его мѣсто сперва сыну его Ильѣ Васильевичу, имѣвшему дипломъ архитектора отъ Болонской академіи, а когда онъ умеръ, то вновь пожелала, чтобы придворнымъ архитекторомъ былъ

¹⁾ Печатая настоящій очеркъ, долгомъ считаемъ принести нашу искреннюю благодарность брату покойнаго, Петру Дмитріевичу Неелову, который взялъ на себя трудъ прочесть нашу статью, исправить нѣкоторыя вкравшіяся у насъ неточности и снабдить насъ многочисленными указаніями и свѣдѣніями о семьѣ Нееловыхъ и о Дмитріи Дмитріевичѣ, отчасти извлеченными изъ собственныхъ воспоминаній покойнаго, доведенныхъ имъ только до поѣздки за границу послѣ училища.

В. И. В.

28

назначенъ другой сынъ Неелова, Петръ Васильевичъ, служившій капитаномъ Петербургскаго драгунскаго полка. Онъ сопровождалъ въ Англію своего отца, посланнаго туда для изученія устройства садовъ, и во время путешествія императрицы Екатерины въ Новороссійскій край, будучи еще драгунскимъ капитаномъ, устраивалъ путевые дворцы.

Переименованный въ статскій чинъ, Нееловъ оставался придворнымъ архитекторомъ до самой смерти, хотя и былъ уже освобожденъ при Николаѣ I отъ служебныхъ обязанностей, по случаю преклоннаго возраста. Нееловъ скончался 114 лѣтъ, уважаемый всѣми, знавшими его лично, и осыпанный вниманіемъ и милостями четырехъ монарховъ. Императоръ Павелъ пожаловалъ ему въ собственность архитекторскій домъ въ Царскомъ селѣ, съ большимъ мѣстомъ противъ дворцоваго правленія.

Отецъ Дмитрія Дмитріевича, Дмитрій Васильевичъ, изъ рейтпажей былъ произведенъ въ капитаны Софійскаго пѣхотнаго полка, но рано оставилъ службу маіоромъ, чтобы принять въ свое завѣдываніе имѣнія князя Василя Васильевича Долгорукова, высланнаго императоромъ Павломъ за-границу. За участіе въ милиціи 1812 года Дмитрій Васильевичъ имѣлъ золотую медаль. Поселившись въ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, онъ служилъ уѣзднымъ судьей; по разореніи въ 1812 году устроеннаго имъ для себя имѣнія, онъ продалъ его и купилъ другое въ томъ-же уѣздѣ, на берегу Москвы рѣки, гдѣ выстроилъ свою усадьбу, село Пески.

У Дмитрія Васильевича было большое семейство. Изъ пяти его сыновей—старшій, Александръ, былъ прекрасно образованъ и имѣлъ большое вліяніе на развитіе своего брата Николая и сестры Елизаветы. Онъ умеръ близъ Умани прапорщикомъ Днѣпровскаго пѣхотнаго полка.

Второй сынъ, Николай, по окончаніи юнкерской школы, поступилъ въ Кіевскій гренадерскій полкъ, а затѣмъ былъ прикомандированъ къ генеральному штабу и принималъ участіе въ польской кампаніи 1831—1832 годовъ. Подъ Варшавою онъ былъ контуженъ. Его интересныя воспоминанія о польской войнѣ были напечатаны въ 1878 г. его братомъ, Дмитріемъ Дмитріевичемъ, въ „Военномъ Сборникѣ“, съ значительными сокращеніями. По окончаніи курса наукъ въ академіи генеральнаго штаба, Николай Дмитріевичъ служилъ въ 9-мъ пѣхотномъ корпусѣ въ Москвѣ и здѣсь сблизился съ кружкомъ московскихъ литераторовъ, къ которому тогда принадлежали: Загоскинъ, Вельтманъ, Ѳ. Н. Глинка, М. А. Дмитріевъ, Вадимъ Пассекъ, Макаровъ и другіе. Нееловъ былъ

любимымъ посѣтителемъ этого кружка и самъ занимался литературой. Онъ напечаталъ въ это время романъ: Женщина XIX столѣтія, подъ псевдонимомъ Закамскаго, драму Меншиковъ, рассказы: Партизаны, Семенъ Петровичъ и другіе. Къ двадцатипятилѣтію Бородинской битвы Нееловъ составилъ и издалъ: „Описание Бородинскаго сраженія“. Во все время бородинскихъ маневровъ 1839 г. онъ состоялъ вожатымъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ и, пользуясь особеннымъ вниманіемъ Его Величества, удостоился награжденія, въ чинѣ капитана, орденомъ Владимира 4-й степени и золотою табакеркою. Приглашенный въ адъютанты генеральнаго штаба по части военной исторіи и стратегіи, Нееловъ началъ печатать курсъ стратегіи и оставилъ въ рукописи „Записки военной исторіи“, „Очерки 30-ти-лѣтней войны“ и „Войны за наслѣдство испанскаго престола“. Получивъ на сьемкѣ сильный ревматизмъ, послѣдствіемъ котораго былъ переломъ сперва одной, а потомъ и другой ноги, онъ въ такомъ положеніи, лежа на постели, написалъ свои воспоминанія о польскомъ походѣ. Получивъ отпускъ, онъ былъ перевезенъ, возвратившимся въ это время изъ-за границы, братомъ своимъ Дмитріемъ, въ Смоленскую деревню, гдѣ и умеръ 25-го февраля 1850 года. По отзыву лицъ, знавшихъ Н. Д. Неелова, это былъ человѣкъ свѣтлой души, благородныхъ убѣжденій и замѣчательной энергіи. Собственнымъ трудомъ онъ приобрѣлъ всестороннее образованіе и хорошо изучилъ языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій.

Меньшой сынъ Дмитрія Васильевича, Дмитрій, былъ любимцемъ уже большаго отца, скончавшагося 60-ти лѣтъ, въ 1832 году, отъ той-же болѣзни, отъ которой суждено было впослѣдствіи умереть и Дмитрію Дмитріевичу. Съ ранняго дѣтства онъ былъ друженъ съ старшимъ братомъ своимъ, Петромъ Дмитріевичемъ ¹⁾. Отъ природы живой, умный, впечатлительный мальчикъ, Нееловъ находился подъ благотворнымъ вліяніемъ своей благочестивой матери и поэтически настроенной старшей сестры Елизаветы; въ 1834 году Дмитрій

¹⁾ По скромности, конечно, Петръ Дмитріевичъ не сообщилъ намъ никакихъ подробностей о себѣ. Мы знаемъ только, что, въ бытность брата его директоромъ департамента сельскаго хозяйства, П. Д. былъ короткое время управляющимъ фермою при Петровской академіи, затѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ родовомъ имѣніи, Пески, гдѣ и понынѣ хозяйничаетъ. Онъ достигъ уже очень преклоннаго возраста и пользуется большимъ уваженіемъ своихъ родственниковъ, изъ коихъ многіе обязаны ему своимъ воспитаніемъ.

Дмитріевичъ поступилъ подъ руководство своего брата Николая и былъ подготовленъ имъ въ артиллерійское училище.

Усердно занимался Дмитрій Дмитріевичъ въ артиллерійскомъ училищѣ, а по праздникамъ посѣщалъ семейство своего родственника Алексѣя Семеновича Андреева, воспитателя и преподавателя математики въ только что основанномъ тогда императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Благородный и энергичный характеръ и математическій складъ ума Андреева имѣли большое вліяніе на умственное развитіе Неелова и на пристрастіе его къ техническимъ наукамъ. Въ то-же время онъ былъ очень хорошо принятъ въ домѣ Вѣры Алексѣевны Муравьевой, жены декабриста Артамона Захаровича Муравьева; это знакомство имѣло вліяніе на развитіе въ немъ свѣтскости.

По рекомендаціи начальника артиллерійскаго училища, барона Розена, Дмитрій Дмитріевичъ былъ приглашенъ для занятій съ сыномъ сенатора Аркадія Васильевича Кочубея, Петромъ Аркадіевичемъ, нынѣ предсѣдателемъ императорскаго русскаго технического общества. Затѣмъ, по личному предложенію великаго князя Михаила Павловича, Дмитрій Дмитріевичъ приготовлялъ для поступления въ Пажескій корпусъ сыновей оберъ-гофмаршала графа Андрея Петровича Шувалова, графовъ Петра и Павла Андреевичей. Въ семьѣ графа Шувалова Д. Д. былъ принятъ и обласканъ, какъ родной. Особенно благосклонно и благотворно вліяла на него сама графиня Шувалова, женщина высокаго ума и тонкаго свѣтскаго обращенія, а съ графами Петромъ и Павломъ Андреевичами, какъ и съ П. А. Кочубеемъ, Нееловъ сохранялъ до конца своей жизни самыя дружескія и теплыя отношенія.

Окончивъ блистательно курсъ наукъ въ артиллерійскомъ училищѣ въ 1840 г., съ чиномъ прапорщика, Дмитрій Дмитріевичъ былъ оставленъ въ училищѣ для продолженія курса высшихъ наукъ въ спеціальныхъ классахъ. По выходѣ изъ училища, онъ былъ произведенъ за отличіе въ наукахъ въ поручики и назначенъ репетиторомъ баллистики.

Занимаясь въ училищѣ, Дмитрій Дмитріевичъ, въ свою очередь, вызвалъ къ себѣ своего роднаго племянника, сына своей старшей сестры, Дмитрія Петровича Григорьева (нынѣ артиллеріи генералъ-лейтенантъ, помощникъ товарища генералъ-фельдцейхмейстера) и приготовилъ его для поступления въ училище.

Въ 1844 году, въ чинѣ штабсъ-капитана, Дмитрій Дмитріевичъ былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, за границу, вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ того-же училища, Александромъ

Степановичемъ Платовымъ, подъ руководствомъ генераль-лейтенанта Винспіера, для собранія свѣдѣній по артиллерійской части. Во время пребыванія императрицы Александры Теодоровны въ Палермо, въ 1845—1846 годахъ, А. С. Платовъ и Д. Д. Нееловъ находились въ Италіи и имѣли счастье представляться государю въ Неаполѣ. Д. Д. Нееловъ, по вызову графа А. П. Шувалова, ѣздилъ на нѣсколько дней въ Палермо и удостоился приглашенія къ обѣденному столу императрицы.

Дружескія отношенія съ А. С. Платовымъ Дмитрій Дмитриевичъ сохранилъ до конца своей жизни и трогательно было видѣть, съ какою грустью почтенный А. С. провожалъ до могилы гробъ своего товарища. Поѣздка за границу, помимо пользы для того спеціальнаго дѣла, для котораго она предпринималась, имѣла и вообще общеобразовательное значеніе для Д. Д. Неелова. Его живая и воспримчивая натура не довольствовалась изученіемъ тѣсной спеціальности, а влекла его къ болѣе широкимъ и разностороннимъ занятіямъ. Сближеніе со многими выдающимися по своимъ талантамъ молодыми людьми, посланными въ то время изъ Россіи за-границу для изученія разныхъ наукъ, дало ему возможность познакомиться со многими иностранными учеными и обогатить свой умъ новыми полезными знаніями. Особенно живо интересовался Д. Д. искусствами, изученію коихъ въ лучшихъ галлерейхъ Европы онъ посвятилъ не мало времени. Сохранившіяся въ семьѣ Д. Д. Неелова письма его къ роднымъ изъ-за границы могутъ служить чрезвычайно интереснымъ дополненіемъ къ напечатаннымъ въ 1889 г. ген.-лейт. А. С. Платовымъ запискамъ объ этой поѣздкѣ: „Два года за границей, 1844—1846 гг.“.

По возвращеніи въ Россію, Дмитрій Дмитриевичъ былъ командированъ въ Петрозаводскъ для испытанія рудъ и присутствованія при опытахъ отливки на Александровскомъ пушечномъ заводѣ, по неаполитанскому способу, 36-ти-фунтовыхъ орудій. По окончаніи этой командировки, Дмитрій Дмитриевичъ лично докладывалъ о результатѣ опытовъ императору Николаю. Петрозаводская командировка имѣла рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Дмитрія Дмитриевича, такъ какъ здѣсь онъ познакомился съ тогдашнимъ олонекимъ губернаторомъ Повало-Швейковскимъ и вскорѣ по смерти его женился на его вдовѣ, Натальѣ Александровнѣ, рожденной Гернгросъ. Въ 1848 г. онъ вышелъ въ отставку.

Одиннадцать лѣтъ оставался Дмитрій Дмитриевичъ въ отставкѣ, проживая большею частью въ имѣніи жены своей, сельцѣ Шаталовѣ, въ Смоленскомъ уѣздѣ, и занимаясь практическимъ сельскимъ

хозяйствомъ. Но и въ отставкѣ онъ неоднократно получалъ весьма лестныя предложенія. Такъ, великой княгиней Маріей Николаевной ему было предложено, „по совѣту отца“, какъ выразилась ея высочество, принять на себя руководство воспитаніемъ ея дѣтей; но Дмитрій Дмитріевичъ отелонилъ отъ себя эту высокую честь, не чувствуя призванія къ педагогической дѣятельности.

При открытіи губернскихъ комитетовъ для составленія проектовъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, Д. Д., какъ выдававшійся по своему уму, образованію и нравственному вліянію помѣщикъ, былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ смоленскій комитетъ, но оставался въ этомъ званіи только 4½ мѣсяца (съ 4-го сентября 1858 г. по 14-е января 1859 года) и просилъ объ увольненіи его, когда послѣдовало распоряженіе о недозволеніи членамъ отъ правительства проводить въ губернскомъ комитетѣ собственныя мнѣнія.

Приглашенный затѣмъ во Францію графомъ Павломъ Андреевичемъ Шуваловымъ, который ѣхалъ туда военнымъ агентомъ, Дм. Дм. имѣлъ возможность изучить тамошнія сельско-хозяйственныя учрежденія.

Свои деревенскіе досуги Д. Д. посвящалъ изученію и обсужденію разныхъ современныхъ хозяйственныхъ и экономическихъ вопросовъ и плодомъ этого изученія были двѣ статьи его, напечатанныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, конца 1850-хъ годовъ: „О личномъ и общественномъ владѣніи землею“ и „Что должно разумѣть подъ рациональнымъ сельскимъ хозяйствомъ“. Въ первой онъ явился защитникомъ личной собственности, какъ главнаго залога и условія для развитія сельскаго хозяйства въ каждой странѣ; во второй, по поводу помѣщенной въ „Трудахъ императорскаго вольнаго экономического общества“, 1856 г. (№ 40), статьи г. Арсеньева: „О трудностяхъ при введеніи рациональнаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ“, разбиралъ, какого рода рациональное хозяйство возможно было въ Россіи при тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ, и явился поборникомъ образованія и просвѣщенія, какъ главныхъ орудій для искорененія невѣжества и грубыхъ предрасудковъ, замедляющихъ у насъ успѣхъ сельскаго хозяйства.

Статьи эти въ свое время обратили на себя вниманіе и до извѣстной степени послужили поводомъ приглашенія Д. Д. Неелова, министромъ государственныхъ имуществъ, графомъ М. Н. Муравьевымъ, на службу въ это министерство.

Графъ Муравьевъ, сознавая необходимость усиленія дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ по части сельско-хозяйственной, сообразно потребностямъ времени, 14-го декабря

1859 года докладывалъ о своихъ предположеніяхъ государю и испросилъ высочайшее соизволеніе на опредѣленіе съ этою цѣлю помощникомъ директора, для ближайшаго завѣдыванія сельскохозяйственными дѣлами, находившагося въ Парижѣ отставнаго капитана артиллеріи Неелова, „извѣстнаго, какъ сказано было въ докладѣ, по своимъ способностямъ, благонадежности, а равно и по нѣкоторымъ письменнымъ трудамъ по части сельскаго хозяйства“.

По возвращеніи Д. Д. Неелова изъ Парижа, состоялось, 8-го февраля 1860 года, окончательное опредѣленіе его исправляющимъ должность вице-директора департамента сельскаго хозяйства, съ переименованіемъ въ гражданское званіе и съ производствомъ въ надворные совѣтники. Прибывъ въ Россію, Нееловъ представилъ графу Муравьеву записку „объ учрежденіи и организаціи французскихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній“, которая была напечатана въ № 4 „Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ“ за 1860 годъ.

При назначеніи-же графа П. А. Валуева, въ началѣ 1861 года, управляющимъ дѣлами комитета министровъ, Д. Д., въ чинѣ коллежскаго совѣтника, былъ назначенъ исправляющимъ должность директора, затѣмъ, при выходѣ графа Муравьева изъ министерства, былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и утвержденъ директоромъ департамента сельскаго хозяйства, впослѣдствіи переименованнаго въ департаментъ земледѣлія и сельской промышленности. Онъ оставался въ этой должности во все время управленія генераль-адъютанта Зеленаго и, уже по ходатайству графа Петра Александровича Валуева, былъ назначенъ, высочайшимъ указомъ 30-го августа 1873 года, сенаторомъ.

Во время 13-ти-лѣтняго служенія своего въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, Дмитрій Дмитріевичъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ реформахъ и работахъ по сельско-хозяйственной части, предпринимавшихся съ 1860 г. Онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ въ трудахъ по устройству имп. вольно-экономическимъ обществомъ всероссійской выставки сельскохозяйственныхъ произведеній въ 1860 г.; его трудами совершилось преобразование Горыгорецкаго института и учрежденіе Петровской сельско-хозяйственной академіи. На основаніи осмотра, произведеннаго имъ имѣнію Петровскому-Разумовскому, рѣшено было приобрѣсти это имѣніе и учредить тамъ высшее сельскохозяйственное заведеніе. Всѣ работы по устройству какъ строительной и хозяйственной, такъ и учебной части этого заведенія были организованы при его ближайшемъ участіи. При немъ-же совершилось преобразование и

нѣкоторыхъ другихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній основанныхъ при графѣ Киселевѣ, а именно учебныхъ фермъ и земледѣльческихъ училищъ. При немъ-же, по инициативѣ покойнаго графа М. Н. Муравьева и благодаря энергичной и талантливой дѣятельности покойнаго Николая Васильевича Черняева, возникъ и развился императорскій сельскохозяйственный музей, помѣщавшійся сперва въ Лѣсномъ институтѣ, а затѣмъ въ экзерциргаузѣ у Зимняго дворца; при его-же участіи разработанъ и введенъ уставъ 1865 г. о каспійскихъ рыбныхъ промыслахъ и развился такъ называемый вольный ловъ.

Вмѣстѣ съ графомъ П. А. Валуевымъ, Дмитрій Дмитріевичъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ графа М. Н. Муравьева, въ самую горячую пору работъ по крестьянскому дѣлу. Наконецъ, послѣднимъ актомъ дѣятельности Д. Д. Неелова въ министерствѣ государственныхъ имуществъ было участіе его, въ качествѣ управляющаго дѣлами, въ высочайше учрежденной въ 1872 году, по инициативѣ графа П. А. Валуева, комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи.

Въ сенатѣ Дмитрій Дмитріевичъ Нееловъ присутствовалъ съ 17-го сентября 1873 г. во 2-мъ отдѣленіи 5-го (уголовнаго) департамента, съ 1-го января 1874 года по 31-е декабря 1875 г. въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ, съ 31-го декабря 1875 г. по 9-е января 1876 г. въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента, съ 9-го января 1875 г. по 26-е декабря 1880 г. во 2-мъ отдѣленіи того-же департамента и съ 26-го декабря 1880 г. по день своей смерти, 12-го марта 1890 г., въ 4-мъ департаментѣ.

Въ теченіи своей 38-лѣтней служебной дѣятельности, Д. Д. Нееловъ былъ въ разное время награждаемъ орденами: Св. Владимира 3 ст., Анны 1-й ст., Владимира 2-й ст. и Бѣлаго Орла. Сверхъ того, въ 1863 году, ему было всемилостивѣйше пожаловано 3,000 десятинъ земли въ Самарской губерніи и въ 1873 году аренда въ 2,000 рублей.

Отличаясь характеромъ благороднымъ и возвышеннымъ, умомъ положительнымъ и точнымъ, образованіемъ разностороннимъ и основательнымъ, добросовѣстностью и исполнительностью, доходившими иногда до педантизма, Дмитрій Дмитріевичъ на всѣхъ поприщахъ, которыя онъ проходилъ, обращалъ на себя вниманіе своими практическими и свѣтлыми взглядами, своимъ трудолюбіемъ и умѣніемъ работать легко и излагать ясно. При этомъ онъ отличался необыкновенною скромностью и, можно сказать, застѣнчивостью и избѣгалъ всякой публичности. Назначенный присутствовать въ сенатѣ по

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧЪ НЕЕЛОВЪ,

СЕНАТОРЪ,

РОД. 1819 Г., † 12 МАРТА 1890 Г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» ИЗД. 1891 Г. Т. LXIX.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 18 ЯНВАРЯ 1891 Г.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

уголовному департаменту, Дмитрій Дмитріевичъ прилежно занялся изученіемъ уголовного права, прочелъ лучшія руководства и сочиненія по этой части и былъ всегда сенаторомъ дѣятельнымъ.

Возвратившись въ департаментъ стараго сената, Дмитрій Дмитріевичъ посвящалъ всѣ свои досуги не только любимому имъ чтенію, большею частью историческихъ и философскихъ книгъ, но и изученію нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ. Особенно по смерти жены, въ 1877 году, Дмитрій Дмитріевичъ, не привыкшій къ одиночеству, предался усиленно научнымъ занятіямъ. Въ 1884 году онъ издалъ большое сочиненіе: „Устройство плотинъ“, въ 3-хъ томахъ, съ атласомъ чертежей, изъ 96 таблицъ. Всѣ чертежи были сдѣланы имъ лично. Собственный опытъ деревенской жизни, какъ говоритъ онъ въ предисловіи, убѣдилъ его въ необходимости для нашихъ хозяевъ и заводчиковъ имѣть возможно полное руководство по устройству плотинъ, изложенное просто, въ формахъ, доступныхъ для большинства сельскихъ хозяевъ. Эта задача выполнена имъ въ совершенствѣ и книга, не смотря на свою специальность, имѣла заслуженный успѣхъ.

Въ апрѣлѣ 1889 г. Дмитрій Дмитріевичъ помѣстилъ статью о зерносушилкѣ своего брата, П. Д. Неелова, въ журналѣ „Сельское хозяйство и лѣсоводство“.

Дмитрій Дмитріевичъ, равно какъ и покойная его жена, женщина умная, образованная и добрая, отличались большою общительностью, радушіемъ и гостепріимствомъ. Домъ ихъ былъ всегда открытъ для ихъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ. Въ особенности смоленскіе жители, пріѣзжая въ С.-Петербургъ, почти никогда не уѣзжали, не побывавъ у Нееловыхъ, которые по многочисленнымъ родственнымъ связямъ и долгому пребыванію въ деревнѣ, всегда интересовались всѣмъ, что касалось Смоленской губ. или ея уроженцевъ. При большой сердечности и рѣдкой добротѣ, не имѣя собственныхъ дѣтей, Дмитрій Дмитріевичъ всегда живо интересовался судьбою своихъ и жены своей ближайшихъ родственниковъ, старшаго брата, сестеръ, племянниковъ и внуковъ и былъ всегда ихъ поддержкою и покровителемъ.

Не смотря на свою молодость и цвѣтушій видъ, Дмитрій Дмитріевичъ давно уже жаловался на страданія сердца. Друзья и родные больше приписывали эти жалобы мнительности характера и чрезмѣрной осторожности. Но лѣтомъ 1889 года онъ уже перенесъ довольно сильное воспаленіе оболочекъ сердца, а зиму 1889—1890 годовъ почти не выходилъ изъ дому.

У него явились припадки грудной жабы; въ понедѣльникъ 12-го

марта, за чаемъ, въ присутствіи роднаго племянника, генераль-лейтенанта Д. П. Григорьева, у него сдѣлался припадокъ, отъ котораго онъ и умеръ.

Смерть Дмитрія Дмитріевича Неелова оставляетъ большой пробѣлъ въ жизни тѣхъ близкихъ ему людей, которые привыкли находить радушный пріемъ въ его домѣ. Пишущій эти строки съ 1860 г. до 1873 года былъ ближайшимъ сотрудникомъ и помощникомъ Дмитрія Дмитріевича на служебномъ поприщѣ и имѣлъ полную возможность узнать и оцѣнить его благородный характеръ и прекрасныя качества его души. Сохранивъ съ нимъ близкія дружественныя отношенія до самаго конца его жизни, онъ считалъ своею нравственною обязанностью посвятить покойному Дмитрію Дмитріевичу эти строки, чтобы сохранить воспоминаніе о его свѣтлой и симпатичной личности.

Да будетъ миръ праху его!

В. И. Вешняковъ.

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДР. ПЛЕТНЕВЪ И АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛ. НИКИТЕНКО,

переписка 1856—1857 гг.

Петръ Александровичъ Плетневъ и Александръ Васильевичъ Никитенко въ теченіе долгаго времени были товарищами по кафедрѣ въ петербургскомъ университетѣ и сочленами въ академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Находясь въ живомъ общеніи съ литературнымъ міромъ и дорожа его лучшими преданіями, они не были чужды другъ другу и по своему роду занятій и по своимъ взглядамъ на художественное достоинство произведеній. Понятно, что между двумя дѣятелями на одномъ и томъ-же поприщѣ существовали постоянныя сношенія, вызываемыя потребностью во взаимномъ обмѣнѣ мыслей. Однимъ изъ доказательствъ можетъ служить происходившая между ними переписка.

Въ 1850-хъ годахъ Плетневъ провелъ нѣкоторое время во Франціи. Пребываніе въ Парижѣ оставило глубокіе слѣды въ его воспоминаніяхъ; вниманіе его привлекали къ себѣ преимущественно научныя учрежденія, Collège de France и др. Передавая свои впечатлѣнія, выносимыя изъ аудиторій тогдашнихъ знаменитостей, Плетневъ въ свою очередь проситъ сообщать ему, какъ можно подробнѣе, о томъ, что дѣлается у насъ въ литературѣ, въ наукѣ и въ общественной жизни. Тонъ переписки самый дружескій. Плетневъ пишетъ Никитенко: — „мой добрый, неизмѣнный другъ, Александръ Васильевичъ“; Никитенко Плетневу: — „глубокоуважаемый мною и сердечно любимый Петръ Александровичъ“. Но дружескія отношенія порой ослабѣвали; въ письмахъ одного и въ дневникѣ другаго встрѣчаются инаго рода отзывы.... Жизнь такъ часто разводитъ людей, призванныхъ служить одному дѣлу, что нѣтъ ничего удивительнаго въ смѣнѣ слова участія словомъ укора. Для вѣрной

оцѣнки того и другаго отзыва всего вѣрнѣе обратиться къ хронологическимъ указаніямъ — надо справиться, когда именно онъ высказанъ: и кажущееся противорѣчіе можетъ исчезнуть само собою.

Въ половинѣ 1840-хъ годовъ Никитенко сѣтуетъ на Плетневу, какъ на предсѣдателя цензурнаго комитета, за притѣсненіе журналовъ, непризнанныхъ „Современнику“. Въ концѣ 1850-хъ годовъ „дружескія отношенія замѣняются приличными“. Но въ 1850-хъ годахъ, именно въ 1856 и 1857, къ которымъ и относятся прилагаемыя письма, отношенія между Плетневымъ и Никитенко были вполне дружескія. Плетневъ писалъ Никитенко: — „мнѣ было тяжело перенести столько мѣсяцевъ безъ всякой вѣсти отъ васъ, милый Александръ Васильевичъ“, и т. п.

15 октября 1856 года Никитенко пишетъ Плетневу изъ Петербурга:

I.

Никитенко—Плетневу.

С.-Петербургъ, октября 15-го дня 1856 г.

Благороднѣйшій и высокоуважаемый мною Петръ Александровичъ.... я не утонулъ еще въ морѣ житейскомъ и полонъ къ вамъ тѣхъ-же теплыхъ сердечныхъ чувствованій, какія оно питаетъ уже болѣе четверти столѣтія. Много и обо многомъ хотѣлось-бы съ вами душевно побесѣдовать, но и тутъ, какъ во всѣхъ дѣлахъ человеческихъ, желаннѣйшему надобно предпочесть возможнѣйшее!

На-дняхъ князь П. А. Вяземскій далъ мнѣ прочесть ваше прекрасное письмо къ нему; въ немъ особенно меня заняли двѣ мысли: первая объ единствѣ и силѣ общественнаго духа, которому опорами и выраженіемъ служатъ языкъ и литература, и вторая о томъ, какъ нужно для всего этого содѣйствіе лицъ, которыя-бы хотѣли и могли содѣйствовать всему великому и прекрасному въ отечествѣ. Эти мысли составляютъ заколдованный кругъ, изъ котораго ни вамъ, ни мнѣ, кажется, не выйти до могилы. Объ этомъ-то болѣе всего и хотѣлось-бы съ вами говорить. Почти пять мѣсяцевъ, какъ вы оставили насъ, и вы въ правѣ ожидать, что они не пропали для насъ бесплодно. Не знаю, что вамъ сказать на это. Нельзя сказать, чтобы въ нашемъ умственномъ мірѣ не было движенія, но это движеніе скорѣе похоже на зыбь въ большомъ озерѣ, чѣмъ на послѣдовательно переливающіяся волны рѣки, катящей воды свои извѣстно куда и въ какихъ берегахъ. Но это начало вѣдъ

только, скажетъ кто-нибудь, а будущее впереди. Но будущее-то, къ сожалѣнію, зависитъ всегда отъ начала. Главная бѣда въ томъ, что мы въ литературѣ прежде всего и болѣе всего хотимъ быть умны; для чего и для кого мы хотимъ быть умны — объ этомъ не спрашивается. Но я ошибаюсь: и не спрашивая самъ себя, всякій знаетъ, что онъ хочетъ быть уменъ для самого себя. А что-же истина? Что высшія нравственныя задачи? Что люди? Да ужъ они безъ сомнѣнія, выиграютъ много, когда намъ удастся отличиться и добыть побольше денегъ. Это ужъ сдѣлается само собою. Индустрія говоритъ: промышляйте, фабрикуйте, продавайте и покупайте, а изъ этого само-собою родится такое торжество истины и всякаго нравственнаго добра, какое не снилось ни одному праведнику, ни мудрецу. Увы! игра мелкихъ самолюбій и мелкихъ страстей!—эта зыбь образованности не такого свойства, чтобъ ею можно было придти къ великимъ результатамъ. Въ томъ-то и неудобство, что великаго ничего нѣтъ ни въ мысляхъ, ни въ стремленіяхъ, ни даже въ страстяхъ. Стереотипность—наша стихія и наше наказаніе. Даже подъ ноги кидаютъ вамъ такой соръ, о который споткнуться совѣстно, а который, однако-жъ, мѣшаетъ идти. Книгъ у насъ пока въ виду никакихъ не имѣется, кромѣ, однако-жъ, одной отрасли книгъ учебныхъ, которыя должны сильно процвѣсти подъ покровительствомъ и при содѣйствіи вновь образовавшагося ученаго комитета при главномъ правленіи училищъ. За это ручается дивное назначеніе въ оный членовъ, а именно: С..., В*** и нѣкоего С—ки и въ особенности предсѣдателя П. И. Г., какъ извѣстно вамъ, столь-же великаго ученаго, какъ и эти члены. О Г. новость: племянникъ К. женится на его дочери, чѣмъ и разрѣшаются всѣ недоумѣнія объ учености и великихъ литературныхъ дарованіяхъ П. И. Журналы дѣйствуютъ по прежнему. Вашъ и мой милый „Современникъ“ продолжаетъ отличатьсѣ глубиною и безпристрастіемъ литературной критики. Теперь идетъ нескончаемая статья о гени и необычайныхъ заслугахъ Бѣлинскаго, предъ которымъ значеніе Пушкина и Гоголя становится ничтожнымъ. Около „Современника“ образуется партія, имѣющая въ виду доказать, что всѣ литераторы, не помѣщающіе въ немъ своей прозы и стиховъ, суть ослы, а помѣщающіе — первоклассные поэты и прозаики. „Русскій Вѣстникъ“, видимо, хочетъ быть хорошимъ журналомъ, что ему во многомъ и удастся, а во многомъ пѣтъ. „Библиотека для Чтенія“ поступаетъ подъ редакцію Дружинина; Сенковскій вспомнилъ старину и принялся опять за ремесло смѣхотвора въ „Сынѣ Отечества“. Я не читалъ „Сына Отечества“ и потому не знаю, что больше ему удастся: смѣшить или быть смѣшнымъ.

Въ академію мы по прежнему собираемся всѣ, кромѣ васъ, о которомъ нерѣдко вспоминаемъ, особенно я. Часто взоръ мой обращается къ креслу возлѣ А., но тщетно ожидаешь оттуда радужнаго и симпатичнаго отзыва, когда И. И. взовъется жаворонкомъ въ поднебесѣхъ славянскаго міра и щебечеть, — щебечеть не такъ сладко, какъ жаворонокъ, но такъ-же бесплодно для науки, броса я звуки въ воздухъ.

Боже, Боже! какое во всемъ этомъ отсутствіе живой и плодоносящей мысли! Такъ-ли тамъ, гдѣ вы теперь? Нѣтъ, не такъ, судя по письму вашему къ князю Вяземскому. Слава Богу! иначе пришлось-бы отчаяться въ годности человѣческаго разума къ чему-нибудь путному.

Въ университетѣ все по старому, не исключая почтеннаго Прыткова и двухъ пушечныхъ жерлъ въ проходной залѣ. Курторга старшій сдѣлался дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Кажется, онъ мужественно и бодро выноситъ бремя своего величія. А знаете, что и К — овъ также искалъ дѣйствительнаго. Онъ сдѣлался отъ этого застѣнчивъ и протягиваетъ теперь руку во время разговора уже отъ носа къ уху, а не отъ уха къ носу, какъ прежде, что придаетъ ему нѣкую особенную сладость и грацію. Но полно! Всего глупаго, жалкаго, мелкаго не перечтешь, а говорить не объ этомъ, все равно, что броситься въ область призраковъ или трансцендентальныхъ умозрѣній. Прощайте, до слѣдующаго письма. Если вы хотите, чтобы глубоко васъ уважающій и любящій я озярлся иногда тихимъ и смиреннымъ сіяніемъ утѣшенія, то пишите ко мнѣ. Говорю вамъ безъ малѣйшаго преувеличенія, это будетъ елеемъ моему сердцу. Богъ да благословитъ васъ.

Вашъ А. Никитенко.

II.

Плетневъ—Никитенко.

Со времени отбытія моего изъ Петербурга, никто еще такъ живо не переносилъ меня въ него, какъ вы, мой добрый, неизмѣнный другъ, Александръ Васильевичъ, милымъ письмомъ своимъ отъ 15-го октября. Отъ всего сердца благодарю васъ за это утѣшеніе. Вы не можете представить, какъ все становится занимательнымъ въ положеніи, когда нѣтъ способа добыть какую-нибудь вѣсточку о тѣхъ, съ кѣмъ столько лѣтъ провелъ вмѣстѣ. Отдѣлите отъ обычныхъ своихъ занятій хоть по 10 минутъ въ день и дарите ихъ мнѣ,

впоя въ это время въ письмо разныя разности, безъ меня совершающіяся. Незамѣтно, по окончаніи недѣли, накопится для меня дорогая подачка, отъ которой я оживотворюсь посреди царствующаго кругомъ меня безмолвія въ шумномъ Парижѣ.....

Я слышалъ, что Авраамъ Сергѣевичъ въ Варшавѣ. Возвратился-ли онъ и попрежнему-ли сопровождалъ его вице-директоръ? Вы понимаете, какъ вдали все становится темно и вмѣстѣ завлекательно. То, о чемъ и не думаешь вблизи, представляется изъ отдаленности какъ будто поэтическимъ. Открылись-ли тѣ середи, на которыхъ просвѣщеніе такъ сіяло? Я не считаю нужнымъ вмѣщать здѣсь длинный рядъ вопросовъ о такомъ обширномъ министерствѣ, въ которомъ, сверхъ канцеляріи министра и департамента, процвѣтають высшія учрежденія для разлитія свѣта истины, красоты и благодати: главное правленіе училищъ, съ ученымъ своимъ комитетомъ, главное управленіе цензуры, съ безчисленными цензурными комитетами, академія наукъ въ образѣ трехъ своихъ отдѣленій, нашъ университетъ съ прочими своими товарищами, главный педагогическій институтъ, единственный въ Россіи, и пр. и пр. Чувствуете вы сами, что меня интересуеетъ малѣйшее любопытное движеніе не только вновь начинающихъ тамъ и сямъ лицъ, но и прежнихъ, при новой обстановкѣ, сверху или снизу. Вы по собственному чувству угадаете, какое событіе должно быть внесено въ лѣтопись, о которой я намекнулъ вамъ выше. Слегка, но живописно и мастерски коснувшись этого предмета въ своемъ ко мнѣ письмѣ, вы сильно раздражили жажду любопытства моего. Ради Бога, не переставайте пополнять столь неисчерпаемую рубрику.

Кстати о журналахъ или, точнѣе сказать, о журналистахъ. Здоровы-ли друзья мои: И. И. Панаевъ и Н. А. Некрасовъ? Последній еще при мнѣ собирался за границу, чтобы полѣчить горло. Гдѣ онъ теперь находится? Если въ Петербургѣ, то не забудьте доставить мнѣ вѣрный адресъ квартиры его. О томъ же прошу и въ отношеніи къ Панаеву. Я не могу не быть въ сношеніяхъ съ ними, а сами они не позаботятся поискать меня ласковымъ словомъ.

Чрезвычайно вы одолжили-бы меня, если-бы дружески вступились въ оставенныя мною хозяйственныя дѣла..... Удосужтесь бросить взглядъ на дѣйствительное положеніе всего, что остается безъ моего хозяйскаго надзора. Я знаю, что вы у себя не занимаетесь хозяйствомъ; но нарушьте разъ это правило и утѣшьте издали зывающаго къ вамъ друга.

Безъ меня вступилъ въ управленіе округомъ кн. Щербатовъ.

Безъ меня должность его исправлялъ нашъ добрый Ленць, а его должность В. Я. Буняковскій. Чувствуете ли вы, какъ тутъ много для меня близкаго и занимательнаго. Скажите же нѣсколько словъ о томъ, что сохранилось въ памяти вашей. Безъ меня началъ лекціи Янышевъ. Это можетъ сдѣлаться эпохою, если онъ сумѣетъ вдругъ стать надлежащимъ образомъ. Я, недавно побывавши въ Англии, осматривалъ подробно оксфордскій университетъ и въ томъ же городѣ окружающія его 25-ть высшихъ заведеній, называемыхъ Colleges. Это зрѣлище глубоко поразило меня. Подобнаго ему нѣтъ въ мірѣ. Тутъ еще царствуютъ средніе вѣка, но не въ дурномъ значеніи, а по отношенію къ силѣ нравственно религіознаго образованія. Нельзя тамъ учиться слегка, съ половинными успѣхами, потому что, можно сказать, цѣлое населеніе города только и существуетъ для одной цѣли: для внушенія юношеству неизгладимыхъ напечатлѣній высокихъ истинъ науки, религіи и нравственности. У насъ иногда жалуются на тяжелый педантизмъ. Это развѣ потому можно принять въ соображеніе, что онъ тяготитъ умъ грубыми и бесполезными формами своими. Но оксфордскій педантизмъ состоитъ въ безусловной преданности тѣмъ началамъ, на основаніи которыхъ излагаемые предметы должны сдѣлаться неотъемлемою собственностію учащихся. Эти годы ученія можно сравнить съ годами искуса, безъ котораго нельзя поступить въ монахи. Изъ Оксфорда же переходятъ въ англійскій парламентъ — и мы слишкомъ ясно видѣли и видимъ, что это за постриженники, краснорѣчія, ума и политики. Вотъ почему я и сказалъ, что профессоръ богословія, философіи, нравственности и правъ, если онъ совершитъ достойно призваніе свое, можетъ произвести въ университетѣ эпоху. Безъ меня же было избраніе лектора французскаго языка и литературы. На кого палъ этотъ жребій и что говорить о новоизбранномъ? Я даже слышалъ, что молодой князь Вяземскій, сынъ товарища нашего министра, назначенъ въ помощники попечителю нашему. Это было бы въ томъ особенно отношеніи выгодно для насъ, что оба они слишкомъ хорошо знакомы со всѣмъ въ университетѣ, и потому соединенными силами укрѣпили бы все въ немъ хорошее и удалили бы недостойное.

Касательно упомянутыхъ вами производствъ, я остаюсь въ недоумѣніи, почему младшій К. не уравненъ съ братомъ, и академикъ С. съ адъюнктомъ К., ужъ если необходимо было размножить повсюду генераловъ? Вы не досказали касательно состава ученаго комитета: уже-ли С. и В. съ Павломъ Ивановичемъ только и будутъ засѣдать въ немъ? Или вы упомянули объ однихъ литера-

торахъ? Назовите же мнѣ и по другимъ частямъ учености избранныхъ въ члены.

Я слышалъ будто предпринято нашими студентами изданіе какихъ-то записокъ, которыя подъ вашею и Срезневскаго редакціею будутъ являться въ неопредѣленные сроки. Правда-ли это? А что успѣли сдѣлать вы для „Журнала Мин. Нар. Просв.“?

Совѣтую вамъ достать книжку *Revue des Deux Mondes*, вышедшую 15-го октября 1856 года. Тамъ есть очень замѣчательная біографія Сперанскаго. Я подозреваю, что она писана подъ влияніемъ дочери его; но тѣмъ не менѣе это для насъ замѣчательное явленіе.

Пожалуйста, кланяйтесь отъ меня князю П. А. Вяземскому и К. И. Арсеньеву... Обнимаю васъ отъ всего сердца и нетерпѣливо жду Лѣтописи.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

III.

Никитенко — Плетневу.

С.-Петербургъ, ноября 19-го дня 1856 г.

Вѣсть отъ васъ и объ васъ, глубокоуважаемый мною и сердечно любимый Петръ Александровичъ, повѣяла на меня, какъ теплая живительная струя лѣтняго воздуха, которымъ мы такъ мало дышемъ здѣсь, даже лѣтомъ. Испытали-ли вы на опытѣ, что чувствованія наши къ людямъ вырабатываются разлукою? Вѣрно испытали. Все, что при обычныхъ встрѣчахъ доходить до сердца какъ-то отрывочно, смутно, — въ разлукѣ сливается въ одно нераздѣльное, широкое чувство, чуждое инородной примѣси, образъ любимыхъ нами становится опредѣленнѣе и чище, мы любимъ ихъ какъ-то полнѣе, безпрепятственнѣе. Вотъ это теперь со мною дѣлается, когда я мыслью моею обращаюсь къ вамъ, удаленному отъ меня на такое разстояніе. Такъ все имѣетъ свою хорошую сторону, скажетъ оптимистъ. На это можно, однако-жъ, возразить, что и это доказываетъ только жалкую зависимость человѣка во всемъ, изъ чего хотѣлъ-бы онъ сдѣлать себѣ или добро, или заслугу и славу! Но Богъ съ ними, съ этими діалектическими тонкостями. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что мы не лишились способности любить такъ или иначе, и что другая прекрасная способность — гадить елико возможно другъ другу, въ избыткѣ данная людямъ, — намъ не далась. Извѣстный испанскій король-астрономъ Альфонсъ сказалъ

однажды, что міръ могъ-бы быть устроенъ по простѣйшему плану. Не извинительнѣе-ли сказать, что человѣкъ могъ-бы быть устроенъ такъ, чтобы меньше страдать? Но видно ни то, ни другое невозможно. Впрочемъ, человѣкъ вообще задуманъ не дурно, но исполняется онъ изъ рукъ вонъ плохо. Вѣроятно, это оттого, что задумывалъ его Богъ, исполняетъ-же онъ самъ себя. Да правду сказать, исполненіе и тяжело. Планъ-то, по которому онъ учрежденъ, такъ огроменъ и сложенъ, что немудрено выбиться изъ силъ, стараясь осуществить его хоть десятую долю. Нельзя-ли помочь бѣдѣ, сокративъ и упростивъ елико возможно самый планъ? Но вѣдь это будетъ евангельская притча о рабѣ, зарывшемъ талантъ въ землю. Вотъ ужъ подлинно выходитъ по малороссійской пословицѣ: не довернысь—бьютъ, перевернысь—бьютъ.

Написавъ первое письмо къ вамъ, я чувствовалъ, что оно не удовлетворитъ васъ, потому что я мало касался въ немъ текущихъ вопросовъ нашей петербургской учено-литературной жизни, что, конечно, должно сильно васъ интересовать. Постараюсь исправиться по возможности теперъ-же: но начну, какъ водится, съ самаго близкаго ко мнѣ предмета, т. е. съ самого себя. Безъ васъ я продолжаю жить, какъ жилъ всегда, т. е. на военномъ положеніи, не смотря на то, что нынѣ царствуетъ миръ во всей Европѣ. Дѣло въ томъ, что мнѣ приходится ежечасно биться то съ мерзостями человѣческими, за свое человѣческое-же достоинство, то съ бѣдностью, которая такъ и ломится къ твоему домашнему очагу, стремясь погасить на немъ огонь (а дрова у насъ нынѣ около 6 р. с. за сажень) и изгадить все, что случится на огнѣ. Такъ или иначе, а надобно каждый день быть на готовѣ, вооруженнымъ съ ногъ до головы—то и есть жизнь. Вы спрашиваете объ отношеніяхъ моихъ къ извѣстному лицу. Послѣ всего мною отъ него испытаннаго, я не могъ не прервать съ нимъ всякихъ сношеній, не смотря на то, что ему сильно хочется, чтобы я опять посѣщалъ его вечера. Вотъ, напр., третьяго дня онъ присылалъ нарочно просить меня объ этомъ; я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ времени.

Признаюсь вамъ искренно, что я чувствую какое-то особенное довольство въ сердцѣ, избавившись отъ необходимости стоять близко возлѣ человѣка, который самъ не стоитъ и не ходитъ, а какъ разслабленный, спотыкается и падаетъ на каждомъ шагу, водимый самыми недостойными руками. Вожденіе это, наконецъ, въ отсутствіе ваше приняло огромные, неестественные размѣры—и конца этому не предвидится. Эпоха моей связи съ этимъ человѣкомъ принадлежитъ къ самымъ тяжелымъ эпизодамъ моей жизни, тѣмъ

болѣе, что сносить его я считалъ какимъ-то долгомъ, пока оставалась хоть тѣнь возможности дѣлать что-нибудь полезнаго для общаго дѣла; а вы знаете, какъ грустно исполнять долгъ неудобноисполнимый. Теперь я въ этомъ отношеніи какъ птица Божія свободенъ, ибо и старикъ Лодій на каедрѣ говаривалъ изъ Цейлера, что къ невозможному никто не обязывается.

...Жизнь нашего университета не обогатилась безъ васъ никакимъ особеннымъ замѣчательнымъ проявленіемъ: она попрежнему течетъ въ тѣхъ-же узкихъ берегахъ, тихо, нельзя сказать, чтобы очень свѣтло, но и не мутно, какъ ручей въ пустынѣ, подъ тѣнью сосенъ мало тѣнистыхъ и чрезвычайно однообразныхъ. Воды, впрочемъ, въ этомъ ручьѣ довольно, чтобъ напоить скромнаго путника или его клячку. Впрочемъ, у насъ и не безъ событий. Князь Щербатовъ, человѣкъ, какъ вамъ извѣстно, съ прекрасными намѣреніями и качествами, недавно предложилъ совѣту представить ему свои соображенія объ измѣненіяхъ, какія могли бы быть полезны университету—и мы теперь этимъ и занимаемся. Мало-ли что могло-бы быть полезно, да вѣдь это полезное не зависитъ отъ кн. Щербатова.

Другое событіе—это предпріятіе студентовъ издавать свои труды. Сначала они затѣвали журналъ, но я рѣшительно это отсовѣтовалъ имъ, а внушилъ имъ издавать сборникъ и притомъ не обязываясь сроками. Казалось-бы, это дѣло простое и хорошее, а между тѣмъ оно встрѣтило огромное противодѣйствіе, и въ комъ-бы, вы думаете? Въ нѣкоторыхъ изъ самихъ профессоровъ. Яростнѣе всѣхъ возстали два брата К., особенно меньшей. На-дняхъ собиралась у насъ комиссія по этому дѣлу, въ которую и я назначенъ членомъ. Причины, предъявленные К., до того гнили, что совѣстно было о нихъ говорить и ихъ оспаривать.

И однако-жъ, я провелъ въ преніяхъ отъ 7 часовъ вечера до 12. С., Б. и В., вмѣстѣ со мною, поддерживали предпріятіе студентовъ, и побѣда осталась за нами. Теперь пойдетъ дѣло въ совѣтъ, а тамъ къ попечителю, съ которымъ я уже говорилъ объ этомъ и который всегда готовъ въ пользу ясной, свѣтлой мысли.

Въ академіи насъ занимаютъ болѣе всего извѣстныя вамъ работы о пересмотрѣ устава. Комиссія занимается весьма усердно, я не отстаю отъ прочихъ, хотя совершенно увѣренъ, что результатомъ нашихъ трудовъ будетъ нуль или нѣчто немного больше нуля. Истина печальная, но несомнѣнно, что ученые интересы у насъ не имѣютъ мощнаго и любящаго ходатая, а безъ него какой-же можетъ быть успѣхъ посреди общаго равнодушія, а отчасти и не-

расположенія къ наукѣ? Случается слышать иногда кое-гдѣ и кой отъ кого благосклонное о ней слово, но когда дѣло дойдетъ до дѣла, то всегда оказывается, что или нѣтъ денегъ или встрѣчаются другія непреодолимая препятствія. Чтѣ въ этомъ лицемѣрномъ чествованіи ея, въ этихъ наемныхъ или чиновническихъ ласкахъ? Ей нужно не вниманіе холодное и обидное, а сочувствіе, угожденіе; ей нужна атмосфера общественнаго духа, для которой-бы она сама была составною частью, какъ животворное всепроницающее электричество. Обращаюсь къ комиссіи. Помните-ли вы, какъ, при началѣ нашихъ засѣданій, я говорилъ, что намъ надобно очень осторожно поступать съ мыслью о слияніи 2-го отдѣленія, что мы можемъ легко утратить въ общемъ строю и лишитъ, такимъ образомъ, общество самостоятельнаго единственнаго авторизованнаго дѣятеля въ важнѣйшихъ для него вопросахъ отечественнаго слова и словесности? Я боялся этого не напрасно. Логическимъ и почти неизбѣжнымъ путемъ мы очутились у идеи, что 2-е отдѣленіе должно составлять часть общаго историко-филологическаго отдѣленія, и одинъ изъ членовъ прямо и ясно высказалъ эту идею. Испуганный такимъ поворотомъ дѣла, я съ жаромъ выразилъ мнѣніе, что если наше тѣснѣйшее соединеніе съ академіей возможно только подъ условіемъ подобнаго слиянія, то мы будемъ требовать, чтобы насъ оставили въ настоящемъ нашемъ состояніи, и чтобы дать этому болѣе силы, я въ первое затѣмъ засѣданіе нашего отдѣленія изобразилъ угрожающую намъ опасность, собралъ всѣ голоса и велѣлъ внести это въ протоколъ, что и прочтете вы по возвращеніи. Въ этомъ духѣ мы теперь и дѣйствуемъ. А что выдумалъ было С.? При распределеніи кафедръ во 2-мъ отдѣленіи, онъ всѣ кафедры занялъ было славянствомъ подъ разными видами, и даже русскую словесность хотѣлъ было сдѣлать частью славянской литературы. Тутъ послѣдовала у насъ жаркая схватка, но онъ опомнился и скоро уступилъ. Теперь, къ неопisanному моему изумленію, онъ даже повторяетъ мою мысль, что славянскіе памятники до Петра Великаго у насъ не заключаютъ въ себѣ литературы, и что ихъ изучать можно только филологическимъ, а вовсе не литературнымъ образомъ.

Въ литературномъ нашемъ мірѣ ничего особеннаго нѣтъ. Не знаю, упоминаль-ли я въ письмѣ моемъ о замѣчательной рѣчи Бабста (проф. полит. экономіи), читанной имъ на актѣ казанскаго университета? Кажется, нѣтъ. Эта рѣчь написана съ большою энергіею и высказываетъ многія истины, которыя у насъ не высказывались. Много шуму изъ-за нея было и толковъ, но никакихъ вредныхъ послѣдствій не произошло. Вышло собраніе

стихотвореній Некрасова. Ихъ разобрали въ книжныхъ лавкахъ на расхватъ, такъ что даже мнѣ назначенный экземпляръ чуть-ли не продавъ книгопродавцемъ. Что-жъ это значитъ? спросите вы. Вѣдь Некрасовъ не Богъ знаетъ какой поэтъ. Это значитъ, что поэзія сама по себѣ, а нѣкоторыя современныя идеи для многихъ сами по себѣ. Много-ли отъ этого выигрываютъ искусство и истинная образованность — это другой вопросъ. Впрочемъ, Некрасовъ человѣкъ не безъ дарованія.

Кн. П. А. Вяземскій просилъ меня передать вамъ: не можете-ли вы кое-какихъ изъ вашихъ заграничныхъ наблюденій передать въ печать въ „Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ.“. Нужно-ли вамъ говорить, какъ это будетъ мнѣ по сердцу. Онъ сообщилъ мнѣ даже одно изъ вашихъ къ нему писемъ съ тѣмъ, что не найду-ли я возможнымъ что-нибудь изъ него тиснуть. Само собою разумѣется, что я не могъ этого сдѣлать безъ вашего позволенія. Да и письмо писано не для печати.

Князь Щербатовъ учреждаетъ у себя вечера по пятницамъ. На-дняхъ буду у него. Право, этотъ человѣкъ—даръ Божій нашему университету.

Вашъ вѣрный и сердечно преданный А. Никитенко.

IV.

Плетневъ—Никитенко.

9 (21) дек. 1856. Парижъ. Rue Montaigne, 27.

Спѣшу отвѣчать на милое письмо ваше, добрый и неизмѣнный мой другъ, Александръ Васильевичъ, отъ 19 ноября (1 декабря). Прежде всего благодарю васъ за вниманіе къ моей личности, которую охранили вы отъ опасной печати. Моимъ письмамъ я не придавалъ ни той формы, ни той отдѣлки, ни той полноты, безъ которыхъ стыдно появляться въ публику. Итакъ мнѣ было отрадно узнать, что вы приостановились выборкою изъ нихъ. Мнѣ угрожаетъ И. И. Давыдовъ, объявляя, что ему хочется собрать что-нибудь изъ писемъ моихъ къ разнымъ лицамъ, и эту выборку тиснуть въ листахъ II отдѣленія. Я надѣюсь на вашу дружбу ко мнѣ, и увѣренъ, что вы успѣете уговорить И. И. Срезневскаго приостановиться въ исполненіи подобнаго предпріятія. Выборки не выйдетъ болѣе, какъ на три строки. Да и то лишено для публики всякаго интереса. Къ чему же это и дѣлать? До сихъ поръ я не приступалъ къ какому-

нибудь серьезному труду. Большая разница—взглянуть на хорошее, полюбоваться на него мимоходомъ, или вдаться въ изученіе предмета, чтобы усвоить его, и послѣ размышленія о немъ произнести свое мнѣніе. У меня до послѣдняго еще не доходило... Я не говорю, чтобы у меня не было желанія трудиться для общей пользы. Мы съ вами не начинаемъ жизнь. Трудъ вошелъ въ составъ существованія нашего. Надобно однако же, чтобы душа не была чѣмъ-нибудь подавляема въ тѣ минуты, когда принимаешься за дѣло. А здѣсь, и слегка осмотрѣвшись, не можешь не чувствовать, какъ много предстоитъ для изученія и разсказовъ. Болѣе всего приводятъ въ удивленіе двѣ особенности: первая, что здѣсь образованы публичные курсы всевозможныхъ степеней, такъ что, съ государственнаго человѣка до простолюдина, каждому можно изучать то, въ чемъ онъ желаетъ усовершенствоваться для успѣховъ на своемъ поприщѣ; вторая, что для присутствія въ аудиторіяхъ публичныхъ курсовъ ни отъ кого никто никогда не потребуетъ ни малѣйшей формальности. Безъ объявленія своего званія и имени, безъ различія возраста и даже пола, во всякомъ костюмѣ, не снимая даже верхняго платья, въ началѣ и въ концѣ лекціи, всякій свободно входитъ и занимаетъ любое свободное мѣсто. Но такова сила всеобщаго уваженія къ мѣсту образованія, что эти французы, которыхъ у насъ привыкли считать вѣтренными и безпокойными, сидятъ здѣсь какъ въ храмѣ, собираются иногда за полчаса до открытія лекцій, чтобы занять выгоднѣйшее для слушанія мѣсто; все хранитъ какое-то благоговѣйное молчаніе; при появленіи профессора мгновенно всѣ шляпы снимаются съ головъ—и только при послѣднемъ словѣ оратора, поднимающагося съ кафедры, восторгъ выражается общимъ рукоплесканіемъ. Число посѣтителей опредѣляется здѣсь не десятками, а сотнями, иногда даже тысячами. Послѣднее относится особенно къ Conservatoire des arts et métiers, гдѣ собираются ремесленники, для которыхъ въ простые дни читаютъ лекціи только по вечерамъ—7, 8 и 9 часы, а въ воскресенье съ утра: 10, 11, 1 и 2. Для обѣдни оставленъ 12-й часъ.

Я началъ посѣщать Сорбонну и Collège de France. Въ первомъ, какъ учрежденіи первоначально монашескомъ, дамы не бывають. Это по-нашему университетъ. Здѣсь же университетомъ называютъ все въ государствѣ ученое сословіе, къ какой-бы кто ни принадлежалъ педагогической или ученой іерархіи. Но студентовъ Сорбонны вы не отличите отъ стороннихъ слушателей, потому что званіе студента всякаго изъ нихъ освобождаетъ отъ обязанности ходить въ форменномъ платьѣ, которое видишь только на воспитанникахъ ли-

цевъ и гимназій (Collèges). Collège de France, по степени курсовъ, равняется съ Сорбонною, и его не надобно смѣшивать съ прочими Collèges. По-нашему это университетъ, существующій единственно для публики. Отъ того здѣсь дамы сидятъ равно съ любознательными мужчинами. Но раздѣленія на факультеты и прочихъ ученыхъ формальностей здѣсь нѣтъ. Между тѣмъ, предметовъ преподается здѣсь столько же, если еще и не болѣе, какъ во всѣхъ факультетахъ петербургскаго университета, не исключая и восточныхъ языковъ. Здѣсь даже немедленно открываютъ новую кафедру, если неожиданно является знаменитость, которая принимаетъ на себя обязанность читать лекціи о новомъ предметѣ.

Вообще въ Парижѣ раздѣленіе частей одной и той же науки принято какъ лучшее средство къ усовершенствованію знаній. Годичный курсъ можно ограничить предметомъ, который мы нерѣдко проходимъ въ одну лекцію. Напримѣръ, Низаръ избралъ дипломатическую корреспонденцію Франціи какъ тему чтеній своихъ нынѣшняго года. Онъ не побоялся при этомъ высказать явный парадоксъ, будто этотъ родъ прозы болѣе другихъ выказываетъ состояніе національнаго языка. А слушателей у него явилось не мене 1,000 человекъ. Это было въ Сорбоннѣ. Признаюсь, я сожалѣлъ, что въ лекціяхъ литературы оказывается такая бѣдность содержанія и ошибочность взгляда. За-то по другимъ часямъ—какое иногда является совершенство. Въ Collège de France профессоръ Laboulaye читаетъ *Histoire des législations comparées*. Безъ восхищенія нельзя слушать его. Особенно умѣетъ онъ превосходно оканчивать свои лекціи. На одной, исчисливъ причины упадка въ Римѣ законовъ его, онъ обратился къ характеристикѣ Цицерона, человека-гражданина, не идеальнаго, но умнаго, чувствовавшаго состояніе дѣла въ отечествѣ и нечувствительно высказавшагося въ сочиненіяхъ своихъ. Это неожиданное отступленіе отъ главнаго предмета лекціи, послужившее окончаніемъ ея, было такъ трогательно, такъ залегло въ душу каждаго слушателя, что когда профессоръ удалился, всѣмъ показалось, будто въ его образѣ мы своими глазами видѣли передъ собою римскаго оратора, который въ дружеской бесѣдѣ излилъ передъ нами самыя тайныя помышленія души своей.

Душевно порадовался я, что въ кн. Щербатовѣ мы нашли человека, понимающаго нужды университета. Какъ хорошо было-бы, если-бы министръ сошелся съ нимъ во всемъ, что необходимо для лучшаго устройства и возвышенія округа нашего. Помощникъ попечителя (я увѣренъ) дѣйствуетъ также умно и благородно. Такіе

молодые люди болѣе всего могутъ насъ радовать, потому что имъ предстоитъ прекрасная будущность. Съ ужасомъ и омерзѣніемъ отдается въ ухахъ моихъ скандальная исторія педагогическаго института, если она не оскорбительная сказка. Вы передадите ее мнѣ, надѣюсь, въ нагой истинѣ. А что доходить до меня о N. N.— это почти еще грустиѣ. Въ немъ готовятъ преемника глупостей и, можетъ быть, мерзостей. И такому человѣку поручена новая организація классовъ въ институтахъ. Да развѣ онъ способенъ постигнуть существенныя потребности образованія существъ, посланныхъ Богомъ украшать, утѣшать и облагораживать не только семейства, но и цѣлыя общества? Я очень желалъ-бы, чтобы кн. П. А. Вяземскій принялъ на себя трудъ войти въ храмину души N. N. и ощупалъ-бы въ этой темнотѣ, что попадется тамъ подъ руку.

Вы видите, что меня и здѣсь и у васъ постоянно занимаетъ все. Настойчивость ваша о сохраненіи цѣлости русскаго отдѣленія меня утѣшаетъ. Приведите въ примѣръ, что въ Парижѣ институтъ (то же, что у насъ академія наукъ) содержитъ пять соединенныхъ, но независимыхъ академій, и въ ихъ числѣ одну единственно французскаго языка.

Душевно преданный вамъ П. Плетневъ.

·
V.

Никитенко—Плетневу.

С.-Петербургъ, марта 7-го дня 1857 г.

..... Оба наши акта, и академическій, и университетскій, совершились благополучно. Я на обоихъ читалъ отчеты. Первый актъ былъ гораздо многоядрѣе и блистательнѣе. Университетскіе наши акты никогда не будутъ многоядрны, пока ихъ станутъ дѣлать въ будни и въ часъ (дня), когда всѣ заняты службой. Я знаю многихъ, которые нынѣшній разъ хотѣли присутствовать и не могли по этой причинѣ. Митрополитъ, даже и ни одинъ изъ епископовъ не были: у нихъ въ этотъ день происходило засѣданіе въ синодѣ. Я передаю вамъ запоздалыя новости, но новѣйшихъ нѣтъ.

Въ университетѣ у насъ все обстоитъ благополучно. Вы знаете уже, что студентамъ разрѣшено издавать „Сборникъ“.

Я провозгласилъ объ этомъ и на актѣ, а на-дняхъ прочиталъ имъ съ разрѣшенія властей, лекцію или, скорѣе, назидательное слово, о значеніи и литературныхъ способахъ исполненія этого дѣла. Чтеніе

это происходило въ амфитеатрѣ, который былъ биткомъ набитъ студентами, сторонними слушателями и многими изъ профессоровъ. Зрѣлище было довольно занимательное и у насъ новое: оно меня одушевило. Зато же юношество вышло изъ себя, хлопая руками, топая ногами и крича разными голосами, когда я сошелъ съ кафедры. Вотъ, видите-ли, и у насъ по-парижски!

Авраамъ Сергѣевичъ ѣдетъ за границу.....

А каковы отношенія мои съ извѣстнымъ лицомъ? спросите вы. Престранныя! Оно зазываетъ меня всячески къ себѣ, то такъ, то на совѣтъ о дѣлахъ, а я стою непоколебимо въ моемъ отчужденіи. Да и къ чему было-бы сближеніе? Не должно бездѣйствовать тамъ, гдѣ дѣятельность къ чему-нибудь служить, хотя-бы это и стоило намъ безпокойствъ и трудовъ,—но смѣшно быть Донъ-Кихотомъ.

Многіе вспоминаютъ васъ съ любовію, чаще всѣхъ князь П. А. Вяземскій и Тютчевъ, что меня радуетъ, потому что въ этой памяти есть что-то доброе.

Тютчевъ просилъ меня передать вамъ его душевный теплый привѣтъ. Мы часто видимся съ нимъ у графа Д. Н. Блудова. Князю Петру Андреевичу нынѣ ввѣрено главное наблюденіе надъ цензурою, а я работаю вмѣстѣ съ нимъ надъ приведеніемъ ея въ нѣкоторый порядокъ.

А что дѣлаетъ, спросите вы, наше II отдѣленіе академіи? Недавно одинъ господинъ, перелистывая при мнѣ „Извѣстія“ наши, жалѣлъ, что на заглавномъ листѣ нѣтъ никакого эпиграфа, который былъ-бы знаменіемъ духа и дѣятельности отдѣленія. Я замѣтилъ, что эпиграфъ готовъ, только не знаю, почему редакторъ не печатаетъ его. „Какой-же?“ спросилъ онъ. „Вскую шаташася языци и людіе поучашася тщетнымъ“, отвѣчалъ я.

..... Жду отъ васъ съ нетерпѣніемъ вѣстей, мой благороднѣйшій и искренно любимый мною Петръ Александровичъ! Но вотъ я уже у самой границы писанія. Довольно! Обнимаю васъ преданнымъ сердцемъ, вашъ А. Никитенко.

VI.

11-го (23-го) августа 1857 г. Парижъ.

Вѣсть о васъ, глубоко уважаемый мною и любимый всею душою Петръ Александровичъ, была для меня въ Парижѣ истинно драгоценнымъ событіемъ и въ то-же время совершенно неожиданнымъ.

Можете себѣ представить, какая это была для меня радость. Меня въ Грисбахѣ посѣтилъ добрый и благородный Благовѣщенскій; тамъ объявилъ онъ мнѣ, что вы на короткое время ѣдете въ Булонь, а оттуда прямо, нигдѣ не останавливаясь, въ Петербургъ. Это окончательно убило мою надежду встрѣтить васъ въ Парижѣ. По окончаніи моего грисбахскаго леченія, приѣхавъ въ Парижъ 7-го (19) сего мѣсяца, я уже собирался писать къ вамъ прямо въ Петербургъ. Къ несчастію, я васъ здѣсь все-таки не увижу, но по крайней мѣрѣ знаю, гдѣ вы, что съ вами дѣлается, и мы можемъ не затеряться другъ для друга въ Европѣ, учредивъ теперь правильный и вѣрный способъ сношеній. Съ какою радостью полетѣлъ-бы я къ вамъ по желѣзной дорогѣ въ Булонь, чтобы хоть только обнять васъ, наговориться съ вами о многомъ, о чемъ можно говорить только съ вами. Но увы! Это не первый уже разъ въ моемъ путешествіи, что я долженъ отказывать себѣ въ удовлетвореніи самыхъ естественныхъ и незатѣйливыхъ желаній.

..... Судя по словамъ Благовѣщенскаго, вамъ извѣстно, какъ поступили со мною.... Я поѣхалъ за границу совершенно ограбленнымъ и долженъ былъ занять деньги, чтобы ѣхать, ибо не ѣхать совсѣмъ я уже не могъ, потому что подъячіе, пользуясь моею почти мѣсячною болѣзною, довели дѣла въ Петербургѣ до того, что самъ ихъ начальникъ, присылая мнѣ высочайшее увольненіе въ отпускъ, былъ увѣренъ, что я отпускаюсь съ окладами, — значитъ, у меня все было уже приготовлено къ отъѣзду, и истина открылась только тогда, когда мнѣ надобно было уже садиться, такъ сказать, и ѣхать. Довольно вамъ сказать, что журналъ главнаго правленія училищъ былъ составленъ фальшиво, совершенно вопреки рѣшенію его членовъ, на что у меня есть даже документъ—письмо барона Корфа. Документа этого, разумѣется, я не могъ употребить, иначе я окомпрометировалъ-бы членовъ, подписавшихъ, какъ это водится, протоколь, не прочитавъ его или не просмотрѣвъ какъ слѣдуетъ. Вы можете изъ этого видѣть, какіе успѣхи сдѣлало у насъ зло административное въ ваше отсутствіе. Но довольно объ этомъ—не на лоскуткѣ слѣдуетъ описывать вамъ все, что нынѣ тамъ дѣлается. И нѣтъ

никакой надежды на лучшее! Я это вижу изъ того, что мнѣ пишутъ изъ Петербурга, и пишутъ, разумѣется, далеко не все, слѣдующаго правиламъ мудрой осторожности. Вашъ А. Никитенко.

VI.

17-го (29-го) августа 1857 г. Парижъ.

Прежде всего хотѣлось-бы мнѣ сказать вамъ, Петръ Александровичъ, какъ отрадно мнѣ продолжать снова прерванную на такое долгое время заочную бесѣду съ вами, но думаю, для васъ, такъ хорошо знающаго и меня и мои чувствованія къ вамъ, и мое вольное и невольное душевное одиночество, это было-бы совершенно лишнимъ, какъ и то, если-бы я сталъ благодарить васъ за все, внушаемое вамъ драгоценною для меня вашею дружбою. Дѣло въ томъ, что среди всѣхъ обломковъ сердца и ума живущихъ со мною людей, въ крушеніяхъ жизни, для меня уцѣлѣли одно свѣтлое сердце, одинъ свѣтлый умъ, къ которымъ съ несомнѣнною вѣрою могу прибѣгнуть за участіемъ, за отдыхомъ душевнымъ, за повѣркою или подтвержденіемъ собственной мысли—это ваше сердце и вашъ умъ. Это добро я умѣю цѣнить.

Какъ грустно мнѣ, что я не засталъ васъ въ Парижѣ. Поневолѣ вспомнишь стихи изъ „Шильонскаго узника“: „Я близко былъ и былъ далеко“. Тутъ дѣло не въ одной пользѣ, какую доставила-бы мнѣ ваша опытность и знаніе Парижа, но въ томъ незамѣнимомъ ничѣмъ сочувствіи, которое оживляло-бы всѣ мои воззрѣнія и наблюденія. На-дняхъ я былъ въ Бель-вю; мнѣ очень хотѣлось увидѣть домъ, гдѣ вы жили; я обращался съ вопросами къ тремъ лицамъ, никто ничего не умѣлъ мнѣ сказать. Бесѣду о Парижѣ оставляю до свиданія съ вами, а теперь постараюсь отвѣчать на ваши дружескіе вопросы относительно меня самого. Поѣздкою моею за границу я хотѣлъ достигнуть трехъ цѣлей — отдохнуть, поправить свое здоровье и оживить свои идеи. Судьбѣ было угодно, чтобы только послѣдняя изъ этихъ мыслей была нѣсколько осуществлена.....

..... Французы вообще очень любезны. До отъѣзда моего въ Парижъ, въ Савернской коллегіи былъ актъ, на который былъ приглашенъ и я. Когда я занялъ мѣсто между зрителями, тотчасъ явился одинъ изъ членовъ магистратуры и пригласилъ меня сѣсть на эстрадѣ, возлѣ префекта. Я думалъ, что этимъ и кончится, но они попросили меня увѣнчать двухъ наиболѣе отличившихся воспитанниковъ и вручить имъ призы, что я и исполнилъ, ко всеобщему удо-

вольствію, при громѣ музыки и рукоплесканіяхъ. Русскій, вѣнчающій дѣтей Франціи за успѣхи въ наукахъ—не странно-ли это? Получилъ и я изъ Петербурга извѣстіе о вызовѣ знаменитаго К—го на конгрессъ въ Францбаденѣ. Долго-ли будетъ продолжаться эта позорная комедія униженія русской мысли и русскаго просвѣщенія?... О благородномъ и умномъ князѣ Петрѣ Андреевичѣ можно только сказать, что онъ свидѣтельствуетъ о мерзостяхъ темнаго бюрократизма и свидѣтельство его истинно—но слѣдствій отъ этого никакихъ.

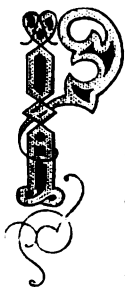
Воображаю себѣ, какія прекрасныя вещи найдемъ мы съ вами по возвращеніи въ Петербургъ. Ко многому надобно будетъ приготовить себя. Но да будетъ воля судьбы, коихъ мы бѣдныя игралица, настолько хоть благосклонна къ намъ, чтобы оставить намъ физическую возможность противустать злу, если не одолѣть его.

Вашъ А. Никитенко.

Сообщ. А. В. Плетнева, рожденная княжна Щетинина,
и С. А. Никитенко.

НАДЕЖДА ДМИТРИЕВНА ХВОЩИНСКАЯ-ЗАЮНЧКОВСКАЯ

В. Крестовскій—псевдонимъ ¹⁾).

одилась Н. Д. Хвощинская 20-го мая 1825 года въ Рязанской губерніи, гдѣ служилъ ея отецъ. Она всегда съ величайшею любовью вспоминала о своихъ родителяхъ и говорила о нихъ, какъ о людяхъ образованныхъ и вполне хорошихъ. Четырехъ лѣтъ она уже умѣла читать и писать и съ тѣхъ поръ хорошо помнила свою жизнь; съ девяти лѣтъ она переписывала и писала подѣ диктовку отца всѣ его письма и дѣловыя бумаги. Служебная карьера отца Н. Д. была неожиданно прервана: его обвинили въ растратѣ денегъ, сдѣланной не имъ, и принадлежавшее ему маленькое имѣніе было продано. Онъ переѣхалъ въ Рязань и болѣе десяти лѣтъ оставался безъ службы и занятій. „Такимъ образомъ“, рассказывала Н. Д., „мнѣ довелось узнать очень рано жизнь со всѣми ея подробностями и нуждой и людей со всѣми ихъ отношеніями и несправедливостями“. Отецъ, „любя и оберегая насъ, не устранялъ насъ отъ своихъ заботъ, не давалъ намъ расти въ невѣдѣніи трудностей жизни, уважая насъ, дѣлалъ насъ участниками того, что испытывалъ самъ. На меня въ дѣтствѣ вліяла не книга, а дѣйствительность, которая меня окружала“.

¹⁾ Этотъ очеркъ составляетъ извлеченіе изъ статьи В. И. Семеновскаго съ такимъ-же заглавіемъ (напечатанной въ „Русской Мысли“ 1890 г., №№ 10—12). Портретъ Надежды Дмитріевны, въ превосходной гравюрѣ на мѣди, приложенъ при этомъ томѣ „Русской Старины“, кн. Января. Ред.

У Над. Дмитр. былъ братъ и три сестры. Учили ихъ въ дѣтствѣ родители, особенно мать, занимаясь сколько было времени и возможности: учителя и гувернантки были не по средствамъ. Н. Д. была старшая изъ сестеръ. Выучившись читать по „Телеграфу“ Полеваго, она съ пяти лѣтъ читала рѣшительно все, что попадалось, — романы, стихотворенія, но преимущественно статьи въ журналахъ, часто разрозненныхъ: книги тогда были рѣдки и дороги, и своихъ книгъ было мало, ихъ брали у знакомыхъ. У Н. Д. была необыкновенная память: прочтя раза два, она запоминала стихи и даже прозу пѣлыми страницами. Нужда въ семьѣ была такъ велика, что приходилось очень экономно обращаться съ бумагой. Даровитая дѣвочка, стоя, набрасывала все, что ей приходило въ голову, на маленькихъ клочкахъ бумаги самымъ мелкимъ почеркомъ, и вслѣдствіе этого, и еще болѣе вслѣдствіе англійской болѣзни въ дѣтствѣ, у нея былъ искривленъ позвоночный столбъ.

Когда брата и вторую сестру отвезли въ учебное заведеніе, Н. Д. осталась съ двумя меньшими сестрами (одна изъ нихъ вскорѣ умерла), училась вмѣстѣ съ ними и сама ихъ учила. Кромѣ того, она рисовала, очень много вышивала и исполняла всякія женскія работы, которыя любила всю жизнь. Нужда заставляла вышивать на продажу экраны и подушки. Младшая сестра, на семь лѣтъ моложе Н. Д., была тогда еще совершеннымъ ребенкомъ, но у Хвоцинской нашлась подруга, такой-же 12—13 лѣтній подростокъ, какъ и она сама. „Мы были неразлучны“, рассказывала Н. Д., „читали, что только могли достать, и, наконецъ, сами принялись сочинять длинные и непремѣнно историческіе романы. Мы были подъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта и французскихъ романовъ сороковыхъ годовъ, только не Жоржъ-Занда и не Гюго“, сочиненія которыхъ имъ не попадались. Знаніе французскаго языка передала Хвоцинской ея мать, отлично имъ владѣвшая; италянскому языку она начала учиться самоучкой и усовершенствовалась въ немъ, гостя, когда ей было 13 лѣтъ, у одного богатаго родственника въ Москвѣ. Въ эти годы Хвоцинская познакомилась съ Шиллеромъ въ русскомъ переводѣ и сильно увлекалась нѣкоторыми изъ его трагедій.

Произведенія В. Гюго сдѣлались ей извѣстны нѣсколько позднѣе; наконецъ, ей какъ-то достали „Le dernier jour d'un condamné“. „Не умѣю сказать“, рассказывала она, „что сдѣлала со мною эта книга. Я читала уже многое, даже нѣкоторыя драмы Шекспира (во французскомъ переводѣ), но поразительнѣе этого я ничего не знала. Съ тѣхъ поръ началось мое поклоненіе Гюго, и я поняла, что искусство должно имѣть цѣль. Я мало видѣла русскихъ книгъ.

Въ Рязани не было библіотеки; никто изъ знакомыхъ не получалъ „Отечественныхъ Записокъ“; я прочла нѣсколько стихотвореній Лермонтова и отрывковъ Гоголя въ какихъ-то враждебныхъ рецензіяхъ и вовсе не знала Бѣлинскаго (выписывать самимъ журналы не было средствъ)“. Но всетаки позднѣе, еще при жизни Бѣлинскаго, Хвоцинской удалось познакомиться съ его произведеніями, которыя имѣли на нее огромное вліяніе, такъ что она считала Бѣлинскаго своимъ учителемъ. Что касается Гоголя, то любопытно, что „Тараса Бульбу“ и „Вечера на хуторѣ“ она прочла только въ Петербургѣ, уже въ весьма зрѣломъ возрастѣ, такъ какъ пріобрѣсти его сочиненія въ годы молодости не могла, за недостаткомъ средствъ, а достать ихъ въ Рязани ей не удалось. Въ ея развитіи слѣдуетъ отмѣтить и элементъ мистическій: она познакомилась съ сочиненіями Сведенборга, читала и Апокалипсисъ. Вся семья была религіозна, но придерживалась не столько буквы, сколько сущности христіанскаго ученія, духа милосердія и любви къ ближнему.

Съ дѣтства Хвоцинская писала стихи. Въ 1847 году, уже 22-лѣтней дѣвицей, она послала въ „Литературную Газету“, издававшуюся въ Петербургѣ подъ редакцію г. Зотова, тетрадь своихъ стихотвореній, и нѣсколько изъ нихъ были напечатаны; затѣмъ нѣкоторыя ея стихотворенія появились и въ „Иллюстраціи“. Отецъ Хвоцинской очень сочувствовалъ ея литературнымъ стремленіямъ: мать, напротивъ, была огорчена, горько плакала и говорила: „Дай Богъ, чтобы у нея это прошло!“ Однако дочь продолжала писать, и нѣкоторыя ея произведенія въ стихахъ были напечатаны въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ въ „Пантеонѣ и репертуарѣ русской сцены“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Библіотекѣ для чтенія“; далеко не всѣ они были удачны (слабѣе другихъ—наиболѣе крупныя по объему), но они интересны, какъ проявленіе тогдашняго настроенія молодой писательницы.

Портретъ Хвоцинской изображаетъ брюнетку съ весьма смуглымъ лицомъ, прекрасными черными волосами и выразительными черными глазами; въ общемъ—наружность чрезвычайно оригинальная, симпатичная и пикантная. Казалось-бы, Хвоцинская могла нравиться, но, по крайней мѣрѣ во время первыхъ выѣздовъ на балы, она не производила своею наружностью благопріятнаго впечатлѣнія. Въ первые годы она выѣзжала довольно часто, но затѣмъ стала все рѣже появляться въ обществѣ и посѣщать балы и хлопотала только о томъ, чтобы веселились ея сестры, чтобы онѣ были нарядно одѣты. Развитію склонности къ уединенію, удаленію отъ шумнаго общества долженъ былъ способствовать и тихій, уступчивый, даже трусливый

характеръ Н. Д. Въ концѣ концовъ, ея литературныя наклонности, стремленіе къ уединенію, нѣкоторые взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ мнѣніями большинства, привели къ тому, что извѣстная часть рязанскаго общества считала ее чуть не сумашедшею. Что молодой поэтесѣ жилось не весело при самыхъ первыхъ ея шагахъ на литературномъ поприщѣ, что она была не удовлетворена обстановкою, въ которую ее бросила судьба, это видно изъ большинства ея раннихъ стихотвореній.

Отъ стиховъ Хвоцинская переходитъ къ прозѣ; первая повѣсть писалась тайно, по ночамъ, и на день пряталась подъ тюфякъ; она была напечатана въ 1850 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ подъ заглавіемъ „Анна Михайловна“, съ подписью: В. Крестовскій. Напечатаніе повѣсти несказанно обрадовало Н. Д.: полученіе перваго гонорара за литературный трудъ давало ей самостоятельность и возможность помогать семьѣ. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а также въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Пантеонѣ“ стали печататься и другія ея произведенія въ прозѣ подъ тѣмъ-же псевдонимомъ.

Въ концѣ 1852 года Хвоцинская пріѣзжала съ отцемъ въ Петербургъ, гдѣ, какъ и въ Москвѣ, у нея были родные, принадлежавшіе къ высшему кругу; она пріобрѣла не мало знакомствъ и среди литераторовъ. Такимъ образомъ сфера ея наблюденій значительно расширилась.

Произведенія Хвоцинской, относящіяся къ первому періоду ея литературной дѣятельности, посвящены исключительно изображенію жизни провинціального общества со всѣми ея мрачными сторонами. Авторъ внимательно останавливается на положеніи старой дѣвы въ провинціальной семьѣ, на семейномъ деспотизмѣ, гнетущемъ дѣтей, на униженіи и забитости, вызываемой бѣдностью и нищетою, на значеніи сплетни въ провинціальномъ обществѣ. Мѣстами являются скромные намеки и на главную основу всего провинціального строя—крѣпостное право. Особнякомъ стоитъ „Баритонъ“, въ которомъ изображенъ семинарскій міръ. Произведенія Хвоцинской имѣли значительный успѣхъ въ особенности среди провинціальной публики.

Нашей беллетристикѣ, какъ по условіямъ ея жизни, такъ и по инымъ причинамъ, приходилось въ повѣстяхъ и романахъ этого времени оставаться почти исключительно въ сферѣ провинціальной семейной жизни. Когда она пыталась выступать за ея предѣлы, ей, какъ и другимъ писателямъ, мѣшали цензурныя препятствія. Такъ, надъ ея второю повѣстью „Сельскій учитель“ (1850 г.) порядочно потрудились цензоръ. Изъ произведеній, написанныхъ нѣсколько

позднѣе, особенно въ цензурномъ отношеніи пострадалъ „Баритонъ“. Онъ подвергся огромнымъ урѣзкамъ (которыя впоследствии были вполне восстановлены въ отдѣльномъ изданіи романа). Намъ случилось видѣть часть корректурныхъ листовъ этого произведенія, въ которыхъ приблизительно пятая часть перечеркнута красными цензурскими чернилами. Былъ исключенъ, на примѣръ, рассказъ семинариста о томъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ смотрѣлъ на танцы, и какъ затѣмъ нѣкоторые его товарищи танцевали другъ съ другомъ, толки о мрачныхъ сторонахъ семинарской жизни, о печальномъ, зависимомъ положеніи сельскаго священника и т. п. Кромѣ исключеній цѣлыми столбцами, цензоръ посягнулъ и на массу отдѣльныхъ фразъ и выраженій. Такъ, вмѣсто словъ: „старая княгиня“, цензоръ написалъ: „какая-нибудь старуха“, вмѣсто: „сельская поповна“ было написано: „въ селѣ выросла“. Нецензурными оказывались такіа выраженія: „другу и недругу заказываю идти жить въ эти важные дома“, „я до баричей тоже не большой охотникъ“ и т. п. И все это продѣлывалось въ 1857 г. Мы видимъ, такимъ образомъ, что, нападая на мертвенность журналистики въ извѣстныя эпохи, на узкость кругозора нѣкоторыхъ писателей, мы должны, однако, считаться и съ тѣми условіями, въ которыхъ находилась тогда литература.

Нѣкоторыя данныя для характеристики литературныхъ взглядовъ Хвощинской въ первой половинѣ 1860-хъ годовъ мы находимъ въ ея критическихъ статьяхъ, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1861—1864 гг. или подъ псевдонимомъ: Порѣчниковъ, или совсѣмъ безъ подписи.

Авторъ рѣшительно высказывается противъ теоріи „искусство для искусства“, сравнивая проповѣди ея съ „полусоннымъ посвященіемъ барича, который, пріятно пообѣдавъ, сидя у камина, слушаетъ далекій скрипъ промерзшаго обоза“. Въ статьѣ по поводу одной повѣсти Кохановской, Хвощинская говоритъ: „Въ наше время такъ же нужны дѣятели, какъ и таланты. Въ наше время тяжело даже, когда талантъ остается просто художникомъ, не принимающимъ участія въ общественной работѣ; но когда этотъ талантъ берется за работу и тянетъ ее назадъ, этому чувству нѣтъ довольно сильнаго опредѣленія... Идеи, проводимыя писателемъ, составляютъ его направленіе, и онъ его не скроетъ, какъ-бы ни отговаривался“. Протестуя такимъ образомъ противъ теоріи „искусство для искусства“, требуя отъ писателей-беллетристовъ опредѣленнаго направленія, Хвощинская считаетъ образцомъ литературной критики

Бѣлинскаго, котораго называетъ „вѣчнымъ и единственнымъ нашимъ примѣромъ, учителемъ цѣлой школы“.

Одно изъ „Провинціальныхъ писемъ о нашей литературѣ“ (такое названіе носятъ восемь статей Хвощинской) почти цѣликомъ посвящено вопросу о положеніи женщины въ семьѣ. Критикъ (по поводу разсказа г. Волгонскаго) протестуетъ противъ идеализированія буржуазныхъ семей съ ихъ слащавыми отношеніями, этихъ „оазисовъ“ (выраженіе Волгонскаго) семейнаго счастья.

„Всѣ эти семейные оазисы“, говоритъ Хвощинская, „держатся на достаткѣ, спасающемъ отъ хлопотъ, а слѣдовательно, отъ споровъ и столкновеній, на эгоизмъ фамиліномъ, отдѣляющемъ семьи отъ общества, на сладенькой, примирительной религіи, на невѣдѣніи, сберегаемомъ тщательно ради его удобства, потому что вѣдѣніе обижаетъ и, слѣдовательно, тревожитъ. Это—пошлое счастье запертыхъ домовъ, чистыхъ, прибранныхъ, какъ будто привѣтныхъ снаружи, какъ будто улыбающихся, общающихся и ничего не дающихъ постороннему, кромѣ своей сытодовольной и глупой улыбки... Эгоизмъ въ одиночку, сплотившійся въ эгоизмъ фамиліальный—вотъ эти оазисы. Аккуратно, умѣренно, сыто, и ни до кого нѣтъ дѣла въ горячемъ смыслѣ этого дѣла“...

Сочувствіе молодому поколѣнію сказывалось и въ беллетристическихъ произведеніяхъ Хвощинской, и въ нѣкоторыхъ ея критическихъ статьяхъ, хотя ее и не удовлетворяли нѣкоторыя произведенія тогдашней беллетристики, посвященныя изображенію жизни молодежи. Вотъ что мы читаемъ въ одной изъ ея критическихъ статей: „Въ молодомъ поколѣніи уже успѣли рѣзко опредѣлиться между прочимъ двѣ важныя черты: стремленіе къ труду общественному и стремленіе сблизиться съ народомъ... Молодежь принимаетъ къ сердцу нужды народа, благородно желаетъ ему образованія, готова посвятить ему всѣ свои силы—это черты существенныя. Понятно, что ихъ должна взять во вниманіе беллетристика“... Нужно замѣтить однако, что нѣкоторыя несимпатичныя стороны въ жизни тогдашней молодежи вызвали рѣзкое осужденіе Надежды Дмитріевны (въ частныхъ письмахъ); ее, какъ человѣка крайне впечатлительнаго, поражали отдѣльные факты, но со временемъ, когда она спокойнѣе разобралась въ тогдашнихъ впечатлѣніяхъ, она сдѣлалась горячею защитницею идей шестидесятыхъ годовъ.

Литературная извѣстность Хвощинской измѣнила отношеніе къ ней рязанскаго общества или, точнѣе сказать, не всего общества а его лучшихъ представителей. Наиболѣе передовые дѣятели въ губернскомъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу были въ самыхъ дру-

жескихъ отношеніяхъ съ Н. Д. и часто посѣщали ее. Въ 1858—1860 гг. рязанскимъ вице-губернаторомъ былъ нашъ знаменитый сатирикъ М. Е. Салтыковъ; Хвощинская бывала въ его домѣ, но тогда мало сблизилась съ нимъ.

Въ зимнее время Хвощинская нерѣдко пріѣзжала въ Петербургъ; въ литературномъ мірѣ она была всего ближе знакома съ В. Р. Зотовымъ, А. Краевскимъ и С. Дудышкинымъ, который высоко ставилъ ея литературный талантъ. Жила она обыкновенно въ Петербургѣ съ своею сестрою, Софьею Дмитриевною, тоже писательницею, которая въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, печатавшихся подъ псевдонимомъ: Весеневъ, обнаружила большія литературныя способности. Занимаясь одинаковымъ трудомъ и печатаясь въ однихъ и тѣхъ же изданіяхъ, онѣ жили душа въ душу, помогая другъ другу въ своихъ литературныхъ работахъ и перечитывая одна другой все вновь написанное.

Н. Д. и ея сестра рисовали акварелью. Н. Д. страстно любила искусство, благоговѣла предъ красотой и была постоянною посѣтительницею Эрмитажа. Очень любила она также серьезную музыку.

Н. Д. была самою нѣжною сестрою. Когда однажды какіе-то родственники предложили взять ее съ собою за границу, она отказалась, чтобы уступить свое мѣсто сестрѣ. Сама Н. Д. во всю жизнь никуда не путешествовала, если не считать пріѣздовъ въ Петербургъ и Москву, и только разъ съѣздила въ Воронежъ, гдѣ жила ея пріятельница.

При горячѣй дружбѣ сестеръ, понятно, какою страшною потерю для Хвощинской была смерть ея сестры-писательницы Софьи Дмитриевны, скончавшейся въ Рязани въ 1865 году. Она потеряла не только друга, дорогаго товарища по литературной дѣятельности, но и опору въ разныхъ житейскихъ передрагахъ. Смерть сестры произвела на Хвощинскую потрясающее впечатлѣніе; она почти сходила съ ума, хотѣла отравиться, была совершенно больна. Главнымъ образомъ подъ вліяніемъ охватившаго ее чувства одиночества, вскорѣ послѣ смерти сестры, она согласилась выйти замужъ за доктора Заіончковскаго, лечившаго Софью Дмитриевну.

Ив. Ив. Заіончковскій, красивый, стройный, молодой человекъ, въ 1863 году окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ концѣ того-же или началъ слѣдующаго года онъ былъ арестованъ, по обвиненію въ распространеніи прокламацій, и посаженъ въ крѣпость. Однажды ночью, въ камерѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, вырвало вѣтромъ окно, выходящее на Неву, и, проведя такимъ образомъ всю ночь, онъ жестоко простудился. Послѣ

одиннадцати-мѣсячнаго тюремнаго заключенія, онъ былъ освобожденъ на поруки; въ послѣдствіи сенатъ вмѣнилъ ему въ наказаніе заключеніе въ крѣпости, но здоровье его было совершенно подорвано. Живя въ Рязани, Заюнчковскій постоянно бывалъ у Хвоцинскихъ и послѣ смерти Софьи Дмитриевны предложилъ руку ея старшей сестрѣ, которой тогда было уже 40 лѣтъ (женихъ былъ 13-ю годами моложе ея).

Послѣ брака, Заюнчковскіе жили въ Петербургѣ, а затѣмъ И. И., сѣздивъ на кумысъ въ Самару, получилъ мѣсто уѣзднаго врача въ Рязани, гдѣ и поселился вмѣстѣ съ женою. Но здоровье его было совершенно разстроено и, страдая страшнымъ ревматизмомъ, онъ полгода лежалъ почти безъ движенія и былъ крайне раздражителенъ. Наконецъ, врачи потребовали, чтобы больной отправился за-границу. Онъ жилъ сначала въ Германіи, гдѣ слушалъ университетскія лекціи, затѣмъ въ Швейцаріи и Франціи; въ это время онъ перевелъ стихами „Эгмонта“—Гете. Послѣ временнаго улучшенія здоровья, у него быстро развилась чахотка и онъ умеръ въ 1872 году. Н. Д. всегда вспоминала о мужѣ, какъ о честномъ, хорошемъ человѣкѣ, хотя этотъ бракъ нисколько не скрасилъ ея печальной жизни.

Въ 1869 году въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появилось одно изъ самыхъ талантливыхъ произведеній Крестовскаго-псевдонима: „Первая борьба“. Здѣсь авторъ съ рѣдкимъ мастерствомъ изображаетъ молодого, бездушнаго эгоиста, прослѣживая съ дѣтства развитіе его характера. Исполненіе этой задачи было тѣмъ труднѣе, что рассказъ ведется отъ лица героя, и тѣмъ не менѣе авторъ превосходно разрѣшаетъ ее, не вдаваясь въ шаржъ и преувеличенія. Это произведеніе Крестовскаго-псевдонима имѣетъ даже общечеловѣческое значеніе, и авторъ является въ немъ предшественникомъ Додэ, съ его „La lutte pour la vie“; Додэ, а не Бурже, съ его „Le disciple“, такъ какъ авторъ не ставитъ въ связь развитіе эгоизма своего героя ни съ какимъ современнымъ ученіемъ, не пользуется этимъ типомъ какъ поводомъ къ нападкамъ на современную науку. Въ 1870—1871 гг., въ „Вѣстникѣ Европы“ былъ напечатанъ большой романъ Крестовскаго-псевдонима: „Большая Медвѣдица“. Очень утомленная непосильнымъ трудомъ надъ этимъ обширнымъ произведеніемъ, Н. Д. ничего не печатала въ 1872 и 1873 гг. Годы отдыха дали ей возможность провѣрить свои прежніе взгляды на эпоху нашего возрожденія и правильнѣе оцѣнить значеніе шестидесятихъ годовъ. Въ послѣдующихъ затѣмъ произведеніяхъ уже звучатъ новыя струны.

Въ одномъ изъ очерковъ „Альбома“, печатавшагося въ „Вѣстникѣ Европы“, въ 1874, 1875 и 1877 гг., авторъ такъ вспоминаетъ о шестидесятихъ годахъ: „То было время воскресныхъ школъ, всякихъ школъ, читаленъ, публичныхъ лекцій, публичныхъ чтеній, искренняго желанія труда, жаркихъ стремленій, наивныхъ попытокъ, сближеній самыхъ разнообразныхъ, безкорыстной помощи всякому и во всемъ, самоотверженной отваги. Въ воздухѣ стояла радость и молодость. То была безоблачная заря шестидесятихъ годовъ“¹⁾. Это произведеніе Крестовскаго-псевдонима было встрѣчено съ особеннымъ сочувствіемъ и публикою, и критикою.

Изъ другихъ произведеній Заюнчковской за это десятилѣтіе необходимо сказать нѣсколько словъ о ея романѣ: „Былое“, дѣйствіе котораго происходитъ въ половинѣ шестидесятихъ годовъ. Въ первыхъ пяти главахъ, появившихся въ печати въ 1878 году, авторъ изображаетъ съ одной стороны молодую, искреннюю дѣвушку, повѣрившую словамъ дряннаго фразера, бросившую для него семью и поставленную любимымъ человѣкомъ въ самое рабское положеніе, съ другой—ея сожителя, нѣкогда знавшагося съ лучшею молодежью, но теперь уже льнущаго къ аристократическимъ кругамъ, и подобную-же ему барыню, изъ тѣхъ, которыя въ шестидесятихъ годахъ, не дѣлая никакого дѣйствительнаго дѣла, играли только въ общественную дѣятельность, лишь тѣшили свое тще славіе, снимали пѣнки съ радикализма, сваливая, однако, рискъ на другихъ, а иной разъ даже и эксплуатировали молодежь, подъ видомъ доставленія ей труда. Въ противовѣсъ этимъ отрицательнымъ типамъ, въ слѣдующихъ трехъ главахъ, оставшихся ненапечатанными, изображается честная, искренняя молодежь. Тутъ, между прочимъ, появляется на сцену студентъ Крылицынъ, только что исключенный изъ университета за невзносъ, по бѣдности, платы и рѣшающийся ѣхать въ деревню для того, чтобы тамъ жить и работать, не смотря на то, что пріятель въ послѣднюю минуту предлагаетъ ему деньги для возвращенія въ университетъ. Глава, на которой прерывается романъ, оканчивается сценою прощанія между Крылицынымъ и дѣвушкою, которую онъ зналъ уже давно и которую платонически любилъ. По мысли автора, дѣятельность Крылицына въ деревнѣ должна была привести его къ ссылкѣ въ Сибирь, куда затѣмъ пріѣхала-бы и любимая имъ дѣвушка, чтобы раздѣлить его судьбу.

¹⁾ „Альбомъ“, изд. 2-е, 1889 г., стр. 236.

Трудясь надъ романомъ „Былое“ и огорченная нѣкоторыми цензурными вырѣзками въ напечатанныхъ уже главахъ, Н. Д. писала одной пріятельницѣ 11 марта 1878 г.: „подвиги меня одолѣли, тѣмъ болѣе, что я вижу ихъ совершенную безплодность: сколько ни верчусь—ни съ мѣста. Ты разумѣешь—дѣло о романѣ, котораго начало ты, можетъ быть, уже прочла и котораго продолженіе еще во тѣмъ время. Дѣло въ томъ, что.... цензура.... тянула мой горемычный романъ, что ты можешь замѣтить по вклееннымъ страницамъ; но это не бѣда — исключеніе чего-нибудь: бѣда въ маленькихъ, чуть замѣтныхъ вычеркахъ, отъ которыхъ тѣмъ не менѣе смыслъ выходитъ какъ разъ навыворотъ того, что желалъ-бы авторъ. И это есть, и во многихъ мѣстечкахъ. Это застало меня какъ разъ за такой сценой, гдѣ — ужъ и не знаю, чтò можетъ случиться: могутъ исказить такъ, что я у честныхъ людей попаду въ подлещы. Я бы этого не желала.—И дернуло меня писать общественное! Пробавлялась-бы страстью нѣжной, луной, адвокатами, — благо первое опять вошло въ моду, второе — всякій день разнообразно, а послѣднее — вышло изъ моды. И отверзь-бы мнѣ объятія свои „Русскій Вѣстникъ“!—Въ сентябрѣ 1878 г. Н. Д. пришлось сообщить тому-же лицу весьма печальное извѣстіе относительно „Былаго“: окончаніе первой части, уже набранное для печати, было признано нецензурнымъ. Въ январѣ слѣдующаго года Н. Д. писала другой пріятельницѣ: „вы знаете, что мой романъ, начатый въ прошломъ году, скончался до рожденія, а въ настоящее время писать его—все равно, что воду толочь. Я его и оставила. Про меня сказали печатно, будто я не знаю, какъ его кончить и потому не продолжаю. Говори, кто чтò хочешь. Мы... съ вами знаемъ, почему нельзя писать подобныхъ вещей. Но и для кого писать ихъ? Наши, тѣ, про кого писано,—больше испытали и испытываютъ, чѣмъ можно написать о нихъ. Чужіе, торжествующіе — но неужели, въ самомъ дѣлѣ, писать для ихъ потѣхи?—Я теперь сокращаю себя и возвращаюсь къ семейно-сердечнымъ вопросамъ, которые тоже вѣдь не бесполезны для общества, которое отложило въ сторону всякій анализъ чувства и всякое размышленіе. А этихъ вопросовъ „непечатный уголъ“, какъ сказалъ разъ покойный Дудышкинъ. Экіе счастливыцы эти покойники! Ушли себѣ преспокойно отъ времени, въ которое всѣ живутъ безъ совѣсти, въ одинъ свой животъ... Вслѣдствіе того, каково теперь на душѣ всѣмъ честнымъ людямъ, я перестала жалѣть о своихъ мертвыхъ“.

До осени 1881 г. Хвоцинская жила постоянно въ Рязани, только изрѣдка пріѣзжая въ Петербургъ. Въ Рязани она жила те-

перь гораздо болѣе уединенно, чѣмъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ семьѣ, кромѣ слѣдой старухи матери, самымъ близкимъ къ ней лицомъ была воспитанница Соня, дочь кухарки, которую она очень любила и баловала¹⁾. Когда она подросла, Н. Д. читала ей, какъ въ старыя годы сестрѣ, свои новыя произведенія; ея смерть въ 1879 г. была великимъ горемъ для Н. Д. „Я никуда не кажу глазъ“, писала въ это время Заіончковская Н. К. Михайловскому, „потому что знакомыхъ у меня нѣтъ буквально никого... Если-бы не письма, то не знала-бы, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ.... Вы о такихъ положеніяхъ не можете имѣть понятія; увидите—не повѣрите“.

Такимъ образомъ переписка съ нѣкоторыми литераторами могла-бы служить для Н. Д. развлеченіемъ, если-бы сообщаемыя ей новости не были въ это время обыкновенно малоутѣшительны. Такъ въ маѣ 1880 г. М. Е. Салтыковъ писалъ Н. Д.: „Повѣсть ваша напечатана“ („Семья и Школа“ въ апрѣльской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“), „но, къ сожалѣнію, я вынужденъ былъ сдѣлать нѣкоторые выпуски (очень, впрочемъ, немного). Боюсь, что вы сердитесь на меня за это, но увѣряю васъ, что цензура все еще сильнѣе меня. Хоть и обѣщаютъ намъ времена льготныя, но это еще въ будущемъ. Да при томъ надо посмотрѣть, что за льготы такія. Уже былъ вопросъ о предостереженіи „Отечественнымъ Запискамъ“ за апрѣльскую книжку, и, какъ удостовѣряетъ меня Н, только онъ спасъ отъ этой кары, приводящей журналъ къ вождѣльному концу. Я думаю, что льготы дѣйствительно будутъ, но сомнѣваюсь, чтобъ онѣ распространялись на ту общечеловѣческую почву, которая составляетъ *ria desideria* „Отечественныхъ Записокъ“. Для нашего журнала, повидимому, нѣтъ ни правой, ни лѣвой—всѣ карты биты. На дняхъ Н говорилъ мнѣ: ...я могу вамъ посовѣтовать только одно: осторожнѣе! На что я ему возразилъ, что у насъ есть только одно понятіе, прочно установившееся—это: осторожнѣе! И затѣмъ, взявъ одрѣ свой, возвратился въ домъ свой для дальнѣйшихъ по сему предмету размышленій.... На дняхъ былъ я у гр. Лорисъ-Меликова (самъ пожелалъ познакомиться), принялъ отлично-благосклонно, спрашивалъ о прежней моей ссылкѣ въ Вятку, и вдругъ, среди благосклонности, вопросъ: а что, если-бы васъ теперь сослали („я, конечно, шучу“, прибавилъ графъ)? На что я отвѣтилъ, что въ 1848 г. мое тѣло было доставлено въ Вятку въ цѣлости, ну, а теперь, пожалуй, привезутъ только разрозненные члены онаго. А впрочемъ, дескать, готовъ, только вотъ какъ-бы члены въ дорогѣ не растерять. Тѣмъ не менѣе долженъ сказать: это человѣкъ хорошій и умный. Знаетъ солдата до тонкости, а стало быть не чуждъ и знанія народа. И представьте себѣ, въ теченіе часа ни разу меня не обругалъ. Такъ что я опять, взявъ одрѣ, пошелъ въ домъ свой“.... Несмотря на крайне неблагоприятныя условія своей домашней жизни, не смотря на то, что далеко не все, что ей хотѣлось сказать въ печати, оказывалось возможнымъ сказать, Заіончковская усиленно работала. Но съ теченіемъ

¹⁾ Иной разъ, проработавъ половину ночи, Н. Д., не смотря на усталость садилась шить какое-нибудь платьице для Совиной куклы, чтобы порадовать дѣвочку приятнымъ сюрпризомъ.

времени жизнь въ Рязани дѣлалась для нея все болѣе и болѣе невыносимою, и осенью 1881 г. Н. Д. переселилась въ Петербургъ.

Первое время по приѣздѣ въ Петербургъ Заіончковская находилась въ самомъ ужасномъ настроеніи. Она совершенно не могла работать, ни у кого не бывала и жаждала смерти, какъ избавительницы отъ невыносимой хандры. Такое настроеніе продолжалось и лѣтомъ слѣдующаго года, которое она провела среди родныхъ. Въ іюнѣ 1882 года она писала Н. К. Михайловскому: „Тоска такая, что дѣло на умъ не идетъ, въ головѣ засуха, хуже рязанской погоды.... Все больше и больше привыкаю ничему не вѣрить и ничего не ждать“. — Осенью слѣдующаго года ей долго пришлось остаться въ Рязани. Въ ноябрѣ 1883 г. она писала тому же лицу, что, спѣша дописывать повѣсть, работаетъ день и ночь, а къ тому-же „весь домъ полонъ больныхъ и слѣпыхъ... Никуда не хожу, потому что не зачѣмъ“. Весною 1884 г., въ присутствіи Н. Д., умерла ея мать. Проведя лѣто въ Рязани, Н. Д. вновь уѣхала въ Петербургъ. Приходилось поневолѣ забываться надъ работой, но ужасное душевное состояніе продолжалось. Въ мартѣ 1885 г. она писала: „Все то же или хуже.... я не нужна никому и ничего нѣтъ у меня—ни родныхъ, ни друзей, ни знакомыхъ, ни таланта, ни значенія. Природы для меня нѣтъ, мѣста нѣтъ“.... Въ 1880-хъ гг. Надежда Дмитриевна Заіончковская сотрудничала въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Дѣлѣ“, „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Живописномъ Обзорѣніи“ и „Русскихъ Вѣдомостяхъ“; переводы она помѣщала и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. При скромныхъ потребностяхъ Н. Д., ея литературнаго заработка было-бы для нея совершенно достаточно, если-бы ей не приходилось помогать людямъ близкимъ въ слишкомъ непосильномъ для нея размѣрѣ. Въ это десятилѣтіе литературное значеніе Крестовскаго-псевдонима было уже окончательно признано критикою. Публика еще ранѣе одѣлила талантѣ Заіончковской, и въ восьмидесятыхъ годахъ общество проявило свое горячее сочувствіе любимой писательницѣ. 3-го апрѣля 1883 года ей былъ поднесенъ сочувственный адресъ отъ ея поклонниковъ — читателей и товарищей по литературной дѣятельности, составленный извѣстною писательницею М. К. Цебриковою. 1884 годъ былъ крайне тяжелымъ для Н. Д. не только въ нравственномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи. Но какъ-бы ни были затруднительны матеріальныя обстоятельства, Хвоцинская никогда не соглашалась участвовать въ журналахъ, направленіе которыхъ не соотвѣтствовало ея взглядамъ. Она принадлежала къ числу тѣхъ строго принципиальныхъ людей, которыхъ ничѣмъ нельзя подкупить, которые никогда не сворачиваютъ съ избраннаго ими пути, не дѣлаютъ ничего противнаго ихъ убѣжденіямъ.¹⁾

¹⁾ При извѣстномъ отношеніи къ литературной дѣятельности Каткова, Н. Д. не могла не сочувствовать всякому противъ него протесту. 6-го апрѣля 1880 г. С. А. Юрьевъ, начавшій въ этомъ году издавать „Русскую Мысль“, писалъ Заіончковской: „Отъ всего сердца и отъ всей души благодарю васъ за ваше

Какъ уже было сказано, съ осени 1881 года, Заюнчковская, кромѣ поѣздокъ на лѣто въ Рязань, постоянно жила въ Петербургѣ въ самой скромной обстановкѣ: Н. Д. была крайне неизбалована. До самой смерти она неустанно продолжала литературную дѣятельность. Произведенія свои она обрабатывала съ величайшею тщательностью. Ее сердила небрежность въ работѣ многихъ беллетристовъ, и въ одномъ изъ своихъ критическихъ фельетоновъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ она рекомендовала товарищамъ по профессіи составленіе хронологическихъ таблицъ, во избѣжаніе анахронизмовъ въ ихъ произведеніяхъ. Въ разговорахъ съ гостями Н. Д. любила подтрунивать надъ ошибками разныхъ романистовъ въ хронологіи и топографіи.

Не смотря на неблагопріятныя условія жизни Н. Д., въ ея характерѣ было чрезвычайно много веселости, добродушнаго юмора и дѣтской шаловливости. Потребность подурачиться выливалась у нея между прочимъ въ шуточныхъ стихахъ, въ которыхъ она иной разъ подтрунивала надъ собою. Живость характера сказывалась въ желаніи повозиться совсѣмъ по дѣтски, между прочимъ и съ прислугою. Н. Д. была чрезвычайно добра, благодарна за малѣйшее вниманіе къ себѣ и чрезвычайно привязчива. Объ отношеніяхъ къ роднымъ мы уже упоминали, но и для своихъ пріятельницъ она всегда была готова сдѣлать все, что могла, и не отказывалась въ помощи ни деньгами, ни трудомъ. Она очень увлекалась людьми и, если кто нравился ей, тому она предавалась всей душой. Довольно было чловѣку быть несчастнымъ, чтобы она не повѣрила ничему дурному, что о немъ говорятъ. Вслѣдствіе своей доброты она отличалась крайнею уступчивостью, переходящею даже въ трусливость: недавно она однажды назвала себя „безвольною вещью“.—Н. Д. была необыкновенно правдива и неспособна къ лицемерію. Если кто-нибудь ей не нравился, это сейчасъ сказывалось въ ея обращеніи.

Нельзя не признать, однако, что въ послѣдніе годы жизни Хвощинская стала слишкомъ раздражительно отзываться о литературной

прочувствованное слово нѣсколькимъ словамъ моимъ, обращеннымъ къ Каткову, которыя не что иное, какъ болѣзненный крикъ наболѣвшей души... Я получилъ нѣсколько писемъ сочувствующихъ моему воплю на Каткова; но ваше дороже для меня всѣхъ; такую силою благороднаго чувства оно дышетъ. Я сохранию его. Да что значить нѣсколько моихъ строкъ?! Нужно полное разоблаченіе дѣятельности этого господина, всѣхъ тайныхъ пружинъ этой дѣятельности, всѣхъ гнусныхъ его средствъ къ тому, чтобы одному говорить свои — рѣчи, заглушая, или лучше, задушая слова противниковъ! Нуженъ общественный протестъ противъ подобныхъ голосовъ!..“

дѣятельности товарищей по профессіи, и нѣкоторыхъ это отталкивало отъ нея, тѣмъ болѣе, что въ своихъ нападкахъ на наиболѣе выдающихся нашихъ писателей, она часто была не права.

Изъ литературнаго міра въ восьмидесятыхъ годахъ у Заіончковской бывали слѣдующія лица: Н. К. Михайловскій, А. К. Шеллеръ, Д. Л. Михаловскій, А. Н. Плещеевъ, Вс. М. Гаршинъ, А. М. Скабичевскій, А. Н. Пыпинъ, М. К. Цебрикова, О. Шапиръ, А. А. Виницкая и нѣкоторые другіе, особенно же расположена она была къ Н. К. Михайловскому.

Литературная дѣятельность Заіончковской сдѣлала ее весьма популярною среди молодого поколѣнія, и въ 1880 году рязанская молодежь устроила ей, въ день 19-го февраля 1880 г., самую сочувственную овацію. Въ свою очередь, Заіончковская съ величайшею симпатіею относилась къ честной молодежи, какъ въ жизни, такъ и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Она не принадлежала къ числу тѣхъ непонимающихъ стремленій молодого поколѣнія людей, о которыхъ она говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

„Подъ шумъ заботы ежедневной
Спокойно задремавъ душой,
Они выслушиваютъ гнѣвно
Сужденья живни молодой.
Ихъ будить какъ-то неприятно
Могучій говоръ свѣжихъ силъ,
Имъ наши чувства непонятны —
Тотъ ихъ не зналъ, тотъ пережилъ.
Имъ странно наше увлеченье,
Имъ дерако кажется оно,
Досадио наше убѣжденье,
Безумно, гордо и грѣшно...“⁴.

8-го октября 1885 г. Н. Д. захворала воспаленіемъ легкихъ. Профессоръ Манассеинъ, товарищъ ея мужа по московскому университету, съ величайшимъ участіемъ относившійся къ Заіончковской, сказалъ, что не ручается за ея жизнь. Опасность длилась три недѣли, но въ постели Н. Д. лежала всего одинъ день, пока усиліями ея врача жизнь нашей писательницы не была на этотъ разъ спасена. Заіончковской запрещено было работать, но она не слушалась.

Весною 1886 г. Хвоцинская опять почувствовала себя не хорошо, а между тѣмъ переѣхать на дачу оказывалось невозможнымъ по недостатку средствъ. Въ теченіе всего 1886 г., не смотря

на крайнюю слабость здоровья, Н. Д. работала надъ романомъ: „Обязанности“, и частями сдавала его въ печать. Лѣто 1887 года пришлось опять провести въ городѣ. Въ послѣдній разъ Н. Д. вышла изъ квартиры въ концѣ августа 1887 г., чтобы проѣхаться съ своею неизмѣнною сожительницею и подругою въ Ботаническій садъ; съ этого дня до самой смерти она не спускалась съ лѣстницы, не сдѣлала шагу по улицѣ. 1887 годъ былъ особенно тяжелъ для Н. Д. въ матерьяльномъ отношеніи.

Въ октябрѣ 1888 г. у Заіончковской повторилось воспаленіе легкихъ. Профессоръ Манассеинъ ежедневно навѣщалъ больную, не скрывая, что опасность очень велика. Съ этого времени Н. Д. становилась все слабѣе и слабѣе, но все-таки бодрилась, не позволяла поддерживать себя и двигалась по комнатѣ, держась за спинку стула, который толкала передъ собою. Въ декабрѣ 1888 г., собравъ послѣднія силы, Заіончковская, въ теченіе двухъ недѣль, написала рассказъ „Вьюга“, въ высшей степени симпатичный по своему сюжету. Болѣзненное состояніе Н. Д. все усиливалось; къ физическимъ страданіямъ присоединились и матерьяльныя затрудненія. Тогда литературный фондъ, оказавшій и въ предыдущемъ году существенную поддержку этой неустанной труженицѣ, счелъ особенно пріятнымъ для себя долгомъ взять ее теперь окончательно на свое попеченіе. Благодаря этому, явилась возможность перевезти больную на дачу въ Петергофъ, гдѣ она и скончалась, въ ночь съ 7-го на 8-е іюня 1889 г., на 64 году жизни.

Такъ закончилась честная трудовая жизнь, всецѣло посвященная служенію обществу и самоотверженной помощи людямъ близкимъ. Хвоцинская была цѣльный человекъ: она не знала компромиссовъ въ жизни, не допускала сдѣлокъ съ совѣстію; она такъ-же безупречна въ своей личной жизни, какъ и въ общественной дѣятельности. Критика иной разъ упрекала Хвоцинскую въ томъ, что ея добродѣтельные герои ужъ черезчуръ добродѣтельны, указывали напр. на то, что герой ея послѣдняго большаго романа—„воплощенное олицетвореніе строжайшаго исполненія всякаго рода обязанностей: сына, мужа, отца, друга, общественнаго дѣятеля... онъ знаетъ только одно занятіе: жертвовать собою до самоотреченія“. Возведеніе такихъ личностей въ типъ не удавалось Заіончковской, но что они встрѣчаются въ нашемъ обществѣ,—этому доказательство она сама.

КНЯЗЬ ФЕДОРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ КУРАКИНЪ.

почетный членъ археологическаго института.

Читателямъ „Русской Старины“ извѣстно, по приведеннымъ на ея страницахъ выдержкамъ и по нашимъ замѣткамъ, драгоценное собраніе историческихъ бумагъ обширнаго фамильнаго архива князя Федора Алексѣевича Куракина, каковой архивъ, заключающій въ себѣ болѣе 900 томовъ рукописей за время съ 1700-хъ годовъ, находится въ громадномъ домѣ, въ родовомъ имѣніи князя, селѣ Надеждинѣ-Куракино, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

Первая книга этого „Архива“—бумаги князя Бориса Ивановича Куракина (1676—1727 гг.)—въ 1890-мъ году издана заботами и иждивеніемъ владѣльца села Надеждина. Книга вышла въ 8 д., стр. 414, съ отличнымъ портретомъ кн. Бориса Ивановича, снимками съ его рукописей, указателемъ, родословіемъ фамиліи князей Куракиныхъ, и проч. ¹⁾.

Нынѣ занесемъ на страницы „Русской Старины“ пріятный фактъ о томъ, что Археологическій институтъ—это научное учрежденіе, стоящее во главѣ всѣхъ въ Россіи губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, — внимательное къ заботамъ, трудамъ и пожертвованіямъ русскихъ людей—на пользу исторической науки, избрало кн. Ф. А. Куракина въ число почетныхъ своихъ членовъ. Приводимъ выписку изъ состоявшагося по сему предмету, 17-го декабря 1890 года, постановленія Совѣта Археологическаго института:

„Членъ Саратовской ученой архивной комиссіи, князи Федоръ Алексѣевичъ Куракинъ, приведя въ отличный порядокъ свой обширный архивъ, имѣющій весьма важное значеніе для отечественной исторіи, предпринялъ съ значительными для себя издержками изданіе этого архива, первый томъ кото-

¹⁾ Книга продается въ книжномъ магазинѣ „Русской Старины“, Спб., Большая Подъяческая, д. № 7: цѣна экземпляра на веленовой бумагѣ—3 руб.; на простой 2 руб. съ пересылкой.

Вторая книга „Архива кн. Ф. А. Куракина“ выйдетъ въ апрѣлѣ 1891 г.

раго, касающійся времени и дѣятельности извѣстнаго дипломата и свояка Петра Великаго, князя Бориса Ивановича Куракина, вышелъ уже въ свѣтъ.

„Совѣтъ Археологическаго института постановилъ: во вниманіе къ заботамъ кн. ѳ. а. Куракина о сохраненіи историческихъ документовъ и изданіи ихъ, въ интересахъ науки, въ свѣтъ, а также въ надеждѣ имѣть въ князѣ ѳеодорѣ Алексѣевичѣ сочувствующее нуждамъ института лицо,—избрать его въ почетные члены института“.

Журналъ подписали. председатель совѣта профессоръ и. е. Андреевскій, члены совѣта: академикъ а. ѳ. Бычковъ, профессоръ в. и. Сергѣевичъ, тайный совѣтникъ а. н. Труворовъ, дѣйств. ст. сов. баронъ т. Гинцбургъ, профессоръ н. в. Покровский, профессоръ а. марковъ, д. и. Прозоровскій и с. Гольдштейнъ. Правитель дѣлъ Археол. института а. п. Яценскій.

Такое избраніе кн. ѳ. а. Куракина — получило утвержденіе его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія 12-го января 1891 года.

МИХАИЛЬ ДМИТРИЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ

могила героя.

Скоро исполнится девять лѣтъ съ того тяжелаго дня, когда весь русскій народъ съ единодушною скорбью оплакивалъ безвременную утрату своего легендарнаго витязя и народнаго героя Скобелева... Припоминаются съ тяжелою грустью тѣ горячія рѣчи о незабвенной памяти Скобелева, которыя въ такомъ обиліи лились какъ при проводахъ его тѣла, въ сердцѣ Россіи—въ Москвѣ, а также и въ томъ кружкѣ близкихъ и преданныхъ его памяти людей, которые опустили гробъ его въ могилу въ селѣ Спасскомъ.

Годъ тому назадъ мнѣ привелось посѣтить могилу незабвеннаго м. д. Скобелева, и съ тяжелымъ, обиднымъ для русскаго сердца, чувствомъ я увидѣлъ то состояніе, въ которомъ хранится эта дорогая могила... Прежде всего неприятно бросается въ глаза, что могила эта не охраняется и не показывается кѣмъ-либо изъ заслуженныхъ сподвижниковъ-ветерановъ Скобелева, а вмѣсто того васъ встрѣчаетъ и провожаетъ къ этой могилѣ грязно и бѣдно одѣтый пономарь или звонарь, въ которомъ, видимо, и рѣдкіе посѣтители праха героя

вызываютъ лишь одно докучливое чувство напраснаго безпокойства. Все вокругъ носить,—не смотря на довольно богатую и мало изящную мраморную гробницу, воздвигнутую надъ прахомъ народнаго героя, характеръ заброшенности и заустѣнія... Намогильные серебряные вѣнки свалены безпорядочною кучей, покрыты пылью и почернѣли на лентахъ множества другихъ вѣнковъ и приношеній на эту дорогую могилу, (тоже въ безпорядкѣ повѣшенныхъ на ближайшихъ стѣнахъ), вы съ трудомъ прочтете надписи, ихъ покрывающія и несомнѣнно имѣющія свое историческое значеніе. Мнѣ съ трудомъ удалось разобрать, на половину исчезнувшую, надпись, бывшую на вѣнкѣ, присланномъ отъ болгаръ, да и на многихъ другихъ. Неугасаемая лампада, висящая надъ изголовьемъ гробницы, была зажжена только при мнѣ... Повторяю, грустныя, обидныя для каждаго истинно русскаго сердца, тяжело печальныя мысли должна вызыватьъ эта могила, такъ скоро и такъ легкомысленно преданная нами забвенію... А между тѣмъ эта могила, несомнѣнно, должна бы служить родникомъ народненія новыхъ Скобелевыхъ, новыхъ молодыхъ не-изсякаемыхъ русскихъ силъ...

12-го января 1891 года исполнилась десятилѣтняя годовщина вѣчно славнаго геройскаго штурма Геокъ-Тепе, которая должна пробудить въ душѣ каждаго изъ насъ воспоминаніе о послѣдней неопѣнимой заслугѣ предъ лицомъ Россіи ея народнаго витязя Скобелева. Въ этомъ году особенно своевременно достойно почтить память М. Д. Скобелева и охранить отъ забвенія его могилу. Думаю, что исполненіемъ предсмертнаго желанія Скобелева—устроить въ селѣ Спасскомъ инвалидный домъ для ветерановъ послѣдней русско-турецкой войны и участниковъ штурма твердынь Геокъ-Тепе—было бы приличнѣе и умѣстнѣе всего ознаменовать день годовщины. Нѣтъ сомнѣнья, что весьма многіе изъ русскихъ людей охотно принесутъ, свою лепту на это святое дѣло. Какъ и всегда, необходимо только добрый починъ. Хотѣлось бы думать, что явится же возможность воздвигнуть, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ (смотря отъ поступленія денегъ), „Инвалидный домъ имени Скобелева“ дабы эта дорагая могила достойно оберегалась славными ветеранами Ловчи, Плевны, Шейнова и Геокъ-Тепе...

Кончаю нашъ призывъ словами о Скобелевѣ—генерала Леера, высокочтимаго военнаго авторитета, стоящаго нынѣ во главѣ Академіи генеральнаго штаба, которыя имъ были высказаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ горькой утраты: „Мало онъ жилъ — но много сдѣлалъ!..“

Михаилъ Вогаевскій.

г. Одесса.

ИЗЪ ЭПОХИ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

Рассказъ ген.-лейт. М. Л. Дубельта.

1861 г.

Русская Старина“ 1891 года, продолжая печатать въ своей январской книгѣ въ высокой степени интересный дневникъ Александра Васильевича Никитенко, довела его до благословенной и незабвенной эпохи освобожденія крестьянъ. Слѣдуетъ отдать полнѣйшую справедливость русскому народу, что онъ принялъ и усвоилъ себѣ это великое дарованіе ему свободы, а главное—освобожденіе его отъ крѣпостнаго ига, съ большимъ разумомъ и спокойствіемъ, и что если кой-гдѣ въ Россіи, и проявлялись въ то время недоразумѣнія, а въ рѣдкихъ случаяхъ и беспорядки, то они, большею частію возбужденные неблагонамѣренными людьми, смущавшими мало образованный народъ,—могли бы быть легко устраняемы терпѣніемъ, благоразуміемъ и тактомъ лицъ, вводившихъ Положенія 1861 года. Но, къ сожалѣнію, надо сознаться, что нѣкоторыя изъ этихъ личностей, увлекаясь дарованною имъ весьма обширною властію, употребляли ее во зло, такъ сказать съ разу, не прибѣгая предварительно къ мѣрамъ убѣжденія и къ терпѣливому истолкованію невѣжественному люду его новыхъ обязанностей и правъ, но требуя непрекословнаго повиновенія, безъ предварительнаго ихъ, по возможности, истолкованія. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ дѣйствія этихъ лицъ можно даже назвать крайне жестокими.

Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи возникшіе беспорядки имѣли свою отдѣльную характеристику, но мы, въ этой краткой замѣткѣ, займемся только происходившимъ въ Ярославской губерніи, куда для введенія Положеній, я былъ, по высочайшей волѣ, командированъ.

Съ невольною гордостью вспоминаю я, что, усмиривъ лично, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, 14 имѣній, я положительно не наказалъ тѣлесно ни единого человѣка, и тѣмъ болѣе, прибѣгая къ содѣйствию войскъ, въ случаяхъ крайняго упорства, не убивалъ и не ранилъ людей, какъ то дѣлали другіе. Я вездѣ добивался и былъ такъ счастливъ, что добился успѣха, терпѣливо воздѣйствуя на разумъ и пониманіе крестьянъ, хотя это достигалось иногда съ большимъ трудомъ и даже опасностію, какъ явствуетъ изъ ниже изложенныхъ подробностей.

Вступивъ въ исполненіе своихъ обязанностей по Ярославской губерніи, въ началѣ марта 1861 года, я предписалъ исправникамъ, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній или безпорядковъ въ средѣ освобожденныхъ крестьянъ во ввѣренныхъ имъ уѣздахъ, прежде всего стараться усмирить ихъ убѣжденіемъ и толковымъ истолкованіемъ имъ новыхъ законоположеній, но отнюдь не прибѣгать къ мѣрамъ строгости, или къ какимъ-либо взысканіямъ; обо всемъ происшедшемъ немедленно и подробно доносить мнѣ, причемъ я сохранялъ за собою право личнаго вмѣшательства въ дѣло, когда мѣры исправниковъ не приводили къ успѣху. Какъ уже было сказано, мнѣ пришлось возстановить лично порядокъ и повиновеніе въ 14-ти помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Въ Ярославской губерніи положительно всѣ безпорядки происходили въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя состояли на такъ называемой смѣшанной повинности, въ коихъ часть крестьянъ находилась на оброкѣ, почти повсемѣстно въ размѣрѣ 30-ти рублей въ годъ съ тягла, а другая ихъ часть выплачивала 18 рублей деньгами, а 12 рублей отбывала барщиной. Оброчные сидѣли смирно, но прочіе, не желая отбывать болѣе барщину, требовали оставленія ихъ на 18-ти рубляхъ оброку и не соглашались на возвышеніе его до 30-ти рублей, наравнѣ съ крестьянами другихъ имѣній.

Изъ 14-ти имѣній въ одиннадцати весьма успѣшно, хотя и съ большимъ трудомъ доказалъ крестьянамъ всю несообразность и несправедливость ихъ претензій, но въ трехъ долженъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствию военной силы, и въ особенности перенесъ много хлопотъ въ имѣніи Арнаутова, предводителя Углицкаго уѣзда, гдѣ крестьяне даже меня чуть не убили.

Безъ содѣйствія войскъ, болѣе всего встрѣтилъ затрудненій въ имѣніи графа Мусина-Пушкина, каковое имѣніе расположено на рѣкѣ Мологѣ. Имѣніе большое, богатое, живописное, и собралось на сходъ крестьянъ до 800 человѣкъ. Долго, нѣсколько часовъ сряду, говорилъ я съ ними, доказывая имъ всю несообразность ихъ

претензіи. Я говорилъ, что хога по точному смыслу Положеній, помѣщики имѣютъ право оставить нынѣ существующіе порядки въ теченіи двухъ лѣтъ, но что беру я на себя теперь-же измѣнить ихъ отношенія къ помѣщику, посадивъ на 30-ти рублевый оброкъ тѣхъ крестьянъ, которые доселѣ отбывали смѣшанную повинность; но что гдѣ-же будетъ справедливость, и хотя-бы здравый смыслъ, если тѣ крестьяне, которые теперь сидятъ смиренно и изъ повиновенія не выходили, станутъ продолжать платить по 30-ти рублей въ годъ оброку, а другіе, потому что они буйны, самодуры и дураки, ограничатся 18-ю рублями. Видя ихъ упорство, я, наконецъ, объявилъ имъ, что законъ и державная воля государя императора будутъ непремѣнно приведены мною въ исполненіе, и что имъ-же хуже, если они доведутъ меня до необходимости прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ... „Если вы сегодня-же не замиритесь, сказалъ я,—то я уѣду отъ васъ и возвращусь сюда черезъ недѣлю, но не одинъ, а съ стрѣлковымъ батальономъ, расположеннымъ въ Ярославлѣ. Не думайте однако, что изъ-за того, что вы не слушаетесь и своевольничаете, добрые солдатики придутъ къ вамъ пѣшкомъ, въ жаркое время и по песчаной дорогѣ, — нѣтъ, они придутъ къ вамъ на пароходахъ, съ музыкой и пѣснями, и за пароходы эти вы заплатите. Батальонъ будетъ здѣсь довольствоваться на вашъ счетъ, и каждый день изъ крестьянскаго стада будутъ брать на удачу по четыре коровы и отдавать ихъ въ ротные котлы. Сѣчь я васъ не буду, но стрѣлковый батальонъ простоятъ здѣсь такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока вы не покоритесь окончательно священной волѣ нашего государя, который затѣмъ и прислалъ меня сюда. Сообразите и сосчитайте: пароходы и содержаніе пѣлаго батальона обойдутся, конечно, вамъ не въ одну тысячу рублей,—и все-таки кончится тѣмъ, что вы дурить перестанете,—то не лучше-ли замириться добровольно, но деньги все-таки собрать и, вмѣсто того, чтобы заплатить ихъ за вашу глупость и упрямство, основать на нихъ школу и назвать ее Александровскою, въ память нашего благодѣтеля царя,—для того чтобы ваши дѣти были-бы умнѣе васъ“.

Подумали, подумали мужички, почесали въ затылкахъ—и вошли въ полное повиновеніе.

Въ имѣніи Арнаутова дѣло обошлось труднѣе. Прежде чѣмъ выйти къ сходу, состоящему изъ 1.200 челов., мнѣ было доложено исправникомъ, что такіе-то пять чловѣкъ крестьянъ суть зачинщики беспорядковъ и положительно они весь этотъ народъ бунтуютъ.

Въ продолженіе битыхъ шести часовъ времени, я увѣщевалъ кре-

стьянъ, но безъ малѣйшаго успѣха. Наконецъ, объявивъ сходу, что въ назначенный мною день я опять приѣду къ нимъ, предварительно притянувъ въ имѣніе Арнаутова два эскадрона драгунъ изъ пограничной Тверской губерніи и двѣ роты, расположенныя въ Угличѣ, я простился со сходомъ, но, отойдя шаговъ 30, остановился и вызвалъ къ себѣ поименно пятерыхъ зачинщиковъ, съ намѣреніемъ увести ихъ въ домъ и тамъ арестовать ихъ. Я находилъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что во время моихъ переговоровъ съ крестьянами, если я спрашивалъ имя того изъ нихъ, который болѣе другихъ горячился, выдвигался впередъ и выходилъ изъ границъ приличія, то онъ непремѣнно оказывался однимъ изъ указанныхъ заблаговременно исправникомъ. Но лишь только это свое требованіе я заявилъ громкимъ голосомъ, какъ вся толпа собраннаго народа, какъ бы по мановенію электрической искры, бросилась впередъ, окружила меня и осыпала бранью и подняла на меня кулаки. Очевидно, что если бы хотя одинъ изъ этихъ безумцевъ вцѣпился въ меня, то я, конечно, былъ бы разорванъ въ куски. Но Богъ помиловалъ. Крича и браня въ свою очередь толпу, я высвободился изъ нея и, приѣхавъ въ Ярославль, сдѣлалъ распоряженіе о посылкѣ войскъ въ Арнаутовское имѣніе къ назначенному дню и о всемъ происшедшемъ донесъ подробно въ собственныя руки его величества, какъ-то и слѣдовало, по данной мнѣ высочайше утвержденной инструкціи, которая предписывала доносить государю каждую недѣлю о ходѣ крестьянскаго дѣла и отдѣльно, въ случаѣ изъ ряла вонъ выходящихъ происшествій.

Государь тогда имѣлъ свое пребываніе въ Москвѣ, и на другой день я получилъ отъ шефа жандармовъ, князя Долгорукова, депешу слѣдующаго содержанія: „его величество повелѣваетъ вамъ, зачинщиковъ въ Арнаутовскомъ имѣніи взять, нарядить военный судъ, коимъ судить ихъ по законамъ военнаго времени. Приговоръ суда подтвердить и привести въ исполненіе“.

Въ назначенный день и часъ, я прибылъ въ арнаутовское имѣніе и засталъ на площади тотъ-же многочисленный сходъ, на этотъ разъ окруженный со всѣхъ сторонъ драгунами и пѣхотой, съ заряженными ружьями. Поздоровавшись со сходомъ, я именемъ государя потребовалъ выдачи пятерыхъ зачинщиковъ, что и было безпрекословно исполнено. Ихъ заковали, и съ мѣста отправили въ Ярославскій острогъ. Затѣмъ началось увѣщеваніе крестьянъ, столь-же продолжительное, какъ и предыдущее, но, къ сожалѣнію, и столь-же бесплодное. На отданное приказаніе исправнику расквартировать солдатъ по усадьбамъ непокорныхъ крестьянъ, кормить ихъ овсомъ

драгунскихъ лошадей—исправникъ доложилъ, что въ промежутокъ времени между моими приѣздами крестьяне, вѣроятно предвидя это мое приказаніе, вывели весь свой овесъ, до послѣдняго зерна, въ сосѣднія помѣстья. Тогда я приказалъ довольствоваться драгунскихъ лошадей изъ запаснаго продовольственнаго магазина, а осенью, послѣ урожая, сдѣлать между крестьянами разверстку и израсходованный овесъ пополнить. Затѣмъ, объявивъ сходу, что войско будетъ расквартировано у нихъ и довольствоваться на ихъ счетъ до совершеннаго ихъ замиренія, я приказалъ исправнику брать на удачу изъ крестьянскаго стада по четыре коровы каждый день и сдавать ихъ въ солдатскіе котлы. Когда же крестьяне образумятся, то немедленно о томъ мнѣ донести, и тогда назначенная реквизиція прекратится и войска разойдутся по своимъ квартирамъ.

На другой день послѣ возвращенія моего въ Ярославль, ко мнѣ прискакалъ угличскій исправникъ съ донесеніемъ, что арнаутскіе крестьяне вошли въ полное и окончательное повиновеніе. По его словамъ, это главнѣйше устроилось такъ скоро и благополучно изъ-за бабъ, которыя накинулись на своихъ мужей послѣ перваго же отобранія четырехъ коровъ изъ крестьянскаго стада, для солдатскихъ котловъ. Расхаживая съ плачемъ по деревнѣ, бабы выли, что мужья ихъ бунтуютъ, а ихъ буренушекъ зарѣзали.

Я немедленно телеграфировалъ государю, что всѣ зачинщики взяты, имѣніе смирилось и что я прошу его величество милостиваго прощенія зачинщиковъ. Шефъ жандармовъ отвѣтилъ мнѣ депешей, что его величество предоставляетъ это моему усмотрѣнію. Я, конечно, именемъ государя, простилъ зачинщиковъ.

Во время введенія мною „Положеній“ въ Ярославской губерніи, были эпизоды оригинальные и даже комическіе. Въ обширномъ имѣніи статсъ-секретаря князя Александра Ѳедоровича Голицына, Ростовскаго уѣзда, произошли безпорядки. Весьма распорядительный исправникъ Всеволожскій отправился на мѣсто происшествія и, вѣхавъ на длинную гать на голицынской землѣ, былъ удивленъ значительнымъ сборищемъ народа, съ лошадьми и повозками, чинящихъ дорогу. Зная изъ опыта, что отъ крестьянъ вообще трудно добиться исправнаго исполненія дорожной повинности даже по наряду, онъ натурально былъ пораженъ, что они сами отъ себя исполняютъ ее безъ оного. Исправникъ остановился, и крестьяне, почти снявъ шапки, окружили его тарантасъ.—„Что вы, братцы, тутъ дѣлаете?“ спросилъ онъ ихъ.—„Да вотъ видите, батюшка, мы взбунтовались, то къ намъ приѣдетъ государевъ адъютантъ, такъ надо же для него дорожку починить“. Имѣніе это замирилось распоряженіемъ самого исправника Всеволожскаго.

Въ своемъ еженедѣльномъ донесеніи его величеству, я выразился, что у насъ въ Россіи народъ, слава Богу, не умѣетъ бунтовать, и изложилъ выше упомянутый эпизодъ. Впослѣдствіи, когда я представлялся государю по окончаніи своей командировки, его величество съ удовольствіемъ вспомнилъ о поступкѣ голицынскихъ крестьянъ, много смѣялся и сказалъ, что во Франціи возмутившійся народъ, вѣроятно, разрушилъ бы мосты, чтобы посланная власть къ нимъ не попала, а у насъ они сами чинятъ для нея дорогу.

Какъ характеристику добродушія русскаго народа, нельзя не вспомнить изреченія императора Наполеона III, въ 1861 году царствовавшего во Франціи и сказавшаго по случаю эмансипаціи: „L'Empereur Alexandre fait tout son possible pour revolutionner son peuple, mais sans y parvenir“ (Императоръ Александръ дѣлаетъ все возможное, чтобы взбунтовать свой народъ, но это ему не удается).

Единственная розга, которая была дана въ Ярославской губерніи, по моему приказанію, была дана при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Я увѣщевалъ крестьянъ, въ небольшомъ помѣщичьемъ имѣніи, и крестьяне упорствовали. Парень лѣтъ 17-ти, весьма благовидной наружности и прилично одѣтый, вышелъ впередъ толпы и довольно нахально обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „ваше превосходительство, у меня къ вамъ есть покорнѣйшая просьба“.— „Въ чемъ дѣло?“— „Прикажите меня высѣчь“.— „Это что за фантазія?“— „Вотъ видите, мы не замирился, и дѣло все равно дойдетъ до порки. То зачѣмъ терять время, прикажите меня высѣчь“.— „Голубчики мои—обратился я къ сходу—я далъ себѣ слово ни одного изъ васъ не тронуть пальцемъ, въ полной увѣренности, что мы и безъ того окончимъ съ вами дѣло благополучно; но если ему такъ хочется попробовать розогъ, то мнѣ кажется слѣдуетъ его потѣшить“. Парня разложили, но при первой розгѣ онъ вскочилъ на колѣни и началъ просить прощенія, съ обѣщаніемъ быть послушнымъ. Весь сходъ расхохотался, экзекуція окончилась, и полное замиреніе послѣдовало.

Кончаю чѣмъ началъ: что русскій народъ добръ, толковъ, но упрямъ и, какъ мало образованный, легко поддается вліянію дурныхъ и злонамѣренныхъ людей. Если же съ терпѣніемъ, иногда громаднымъ, дѣйствовать на его здравый смыслъ, то неминуемо достигнешь желаемыхъ результатовъ, не прибѣгая къ мѣрамъ строгости, или тѣмъ болѣе жестокости.

М. Л. Дубельтъ.

Л

СЕНАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ ШУМАХЕРЪ

Полувѣковой юбилей государственной службы

1841 ЯНВАРЯ 4-го 1891.

„РУССКАЯ СТАРИНА“,
т. LXIX, кн. II, 1891 г.

Четвертаго января 1891 года въ квартиру сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Александра Даниловича Шумахера собрались разные сановники, прежніе и нынѣшніе сослуживцы этого выдающагося государственнаго человѣка для поздравленія его съ полувѣковою служебною дѣятельностью. Въ числѣ прибывшихъ были: министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь И. Н. Дурново (какъ начальникъ того вѣдомства, съ которымъ всегда была неразлучна трудовая жизнь г. Шумахера, и до сего времени состоящаго членомъ совѣта главнаго тюремнаго управленія), товарищъ министра юстиціи, тайный совѣтникъ А. Т. Аракинъ, (министръ юстиціи Н. А. Манасеинъ прислалъ поздравительную телеграмму изъ Риги), нѣсколько членовъ государственнаго совѣта: Н. И. Стояновскій, Н. П. Мансуровъ, П. Н. Николаевъ, А. Ѳ. Бычковъ и друг.,—предсѣдатель комитета министровъ Н. Х. Бунге и всѣ сенаторы-товарищи Шумахера по 1-му департаменту правительствующаго сената, въ полномъ составѣ, какъ и тѣ, которые нынѣ состоятъ въ государственномъ совѣтѣ.

При выходѣ въ залъ юбиляра, украшеннаго всемилостивѣйше пожалованными ему ко дню юбилея орденскими знаками св. Равноапостольнаго князя Владиміра 1-й степени, первымъ подошелъ къ нему съ привѣтствіемъ статсъ-секретарь И. Н. Дурново, послѣ котораго первоприсутствующій въ I-мъ департаментѣ сената В. А. Арцимовичъ, отъ имени своего и своихъ товарищей, сказалъ Александру Даниловичу нѣсколько прочувствованныхъ словъ. За нимъ выступилъ столичный городской голова В. И. Лихачевъ и, въ рѣчи своей очертивъ заслуги юбиляра по устройству новаго городского управленія, поднесъ ему, въ богатомъ бархатномъ бюварѣ, постановленіе столичной Думы о его чествованіи. Далѣе слѣдовали депутаціи отъ учрежденій великой княгини Елены Павловны, по которымъ ближайшимъ сотрудникомъ покойной великой княгини съ 1862 года состоялъ Александръ Даниловичъ и дальнѣйшему процвѣтанію которыхъ онъ и нынѣ продолжаетъ содѣйствовать въ качествѣ предсѣдателя совѣта этихъ учрежденій. Послѣ поздравленія, принесеннаго начальникомъ

главнаго тюремнаго управленія М. Н. Галкинымъ-Враскимъ отъ всѣхъ чиновъ управленія,—растроганнаго Александра Даниловича обступили со всѣхъ сторонъ съ сердечными пожеланіями разныя высокопоставленныя лица, а также прежніе его подчиненные по хозяйственному департаменту, которые, благодаря именно своей подготовкѣ къ государственнымъ дѣламъ, приобрѣтенной подъ его образцовымъ руководствомъ, успѣшно подвизаются въ настоящее время на служебномъ поприщѣ въ разныхъ вѣдомствахъ.

Около двухъ часовъ дня августѣйшая покровительница учрежденій великой княгини Елены Павловны, ея императорское высочество великая княгиня Екатерина Михайловна, въ сопровожденіи дочери своей принцессы Елены Георгіевны и младшаго сына своего принца Михаила Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкихъ, осчастливила Александра Даниловича прибытіемъ къ нему на домъ для личнаго поздравленія.

Въ теченіе цѣлаго дня юбиляръ получалъ сочувственныя письма и телеграммы, какъ официальныя, такъ и частныя. Въ числѣ официальныхъ особенно многочисленны были телеграммы отъ провинціальныхъ городскихъ общественныхъ управленій и обществъ взаимнаго страхованія, которыя г. Шумахеромъ, можно сказать, были вызваны къ жизни.

Вечеромъ, по окончаніи официального торжества, Александръ Даниловичъ собралъ къ себѣ, на семейный обѣдъ, петербургскихъ родственниковъ, глубоко почитающихъ его не только за его государственныя заслуги, но и за его постоянное, самое теплое участіе и необычайную доброту къ ближнимъ. Между нѣсколькими тостами на этомъ обѣдѣ: въ память покойной великой княгини Елены Павловны, въ честь самого юбиляра, въ честь достойной супруги его, облегчавшей ему всегда многотрудныя государственныя занятія освобожденіемъ его отъ всѣхъ мелочныхъ житейскихъ заботъ, затѣмъ въ честь его сыновей, идущихъ на службѣ отечеству по стопамъ отца, и проч., — одинъ изъ присутствовавшихъ, извѣстный и даровитый писатель В. П. Авенаріусъ, прослужившій подъ начальствомъ Александра Даниловича 18 лѣтъ, прочиталъ написанное имъ къ юбилею стихотвореніе. Хотя самъ авторъ не придаетъ своимъ мимолетнымъ стихамъ литературнаго значенія, но такъ какъ въ нихъ искренно и живо обрисована личность г. Шумахера, какъ дѣятеля и какъ человѣка, то мы съ удовольствіемъ даемъ мѣсто выдержкѣ изъ этого стихотворенія на страницахъ нашего историческаго изданія для всесторонней характеристики государственнаго труженика, нравственная личность котораго пользуется всеобщимъ и давнимъ уваженіемъ.

Ред.

.

И сбыдсь: безъ вліятельныхъ связей,
 Силой нравственныхъ только началъ,
 Александръ Давилычъ Шумахеръ
 Во главѣ департамента сталъ.
 И какого-же! Нѣтъ ему равныхъ,
 Хоть всю Русь обойди, опроси:
 Городскимъ онъ и земскимъ хозяйствомъ
 Руководить по всей-то Руси!

Гимназистомъ, студентомъ, признаться,
 Я не думалъ чиновникомъ стать:
 Передъ сильными міра донинѣ
 Не умѣю я спину сгибать.
 Но подросъ я, ученіе кончилъ—
 И живой тотъ примѣръ на глазахъ,
 Какъ и чинъ можетъ быть человѣкомъ,—
 Понемногу разсѣялъ мой страхъ.

На примѣръ увидѣлъ я, понялъ,
 Что и службѣ гражданской дано
 Облегчать положеніе ближнихъ,
 Съ общимъ благомъ идти за одно.
 И, раздумавъ, чиновную мудрость
 Я туда же пошелъ изучать,
 Гдѣ сотрудниковъ дѣльныхъ Шумахеръ
 Собиралъ въ образцовую рать.

Новый міръ предо мною раскрылся,
 И въ него я—въ глубокій тайникъ

Нуждъ народныхъ, потребностей высшихъ
 Государственной жизни проникъ.
 Мѣры противъ огня, голодовки,
 Противъ всякихъ стихійныхъ невзгодъ,
 Для бездомныхъ и сирыхъ—призрѣнье,
 Для больныхъ—христіанскій уходъ;

Для купцовъ—облегченья торговли,
 Для хозяевъ—дешевый кредитъ,
 Для всѣхъ гражданъ—спокойный и стройный
 Городской и общественный бытъ:
 Вотъ тотъ міръ, гдѣ я вдругъ очутился,
 Тотъ огромный, отвѣтственный міръ,
 Коимъ правилъ ужъ годы Шумахеръ,
 Подчиненныхъ вожакъ и кумиръ.

Да и какъ было съ полнымъ довѣремъ
 Не идти за такимъ вожакомъ:
 Вѣдь не грознымъ начальникомъ былъ онъ,
 А товарищемъ, добрымъ отцомъ!
 Ни укора, ни гнѣвнаго взгляда
 Отъ него не видать никогда;
 Самъ же онъ намъ служилъ воплощеньемъ
 Человѣка живаго труда.

Его строгая преданность долгу,
 Вдохновенная страстность къ труду,
 Чтобы здѣсь улучшить что возможно,
 Тамъ скорѣй отвратить-бы бѣду,—
 Увлекали и насъ, подчиненныхъ:
 Всякій, знай, выбивался изъ силъ,
 И девизъ: „трудъ для общаго блага“—
 Всякій съ гордостью въ сердцѣ носилъ.

Такъ хозяйственный нашъ департаментъ
 Въ настоящую славу вошелъ:
 Губернаторы, земства, управы
 Панацеей отъ всяческихъ золъ
 Ждутъ, бывало, отъ насъ указаній,
 Какъ Евангеліе слушаютъ насъ;

Сами въ оба глядятъ: дескать, свыше
Зорко смотритъ директорскій глазъ.

Постороннія вѣдомства также
Стали отзывы наши цѣнить;
Гдѣ комиссія, тамъ и Шумахеръ,
Безъ него ничего не рѣшить.
Въ Комитетѣ Министровъ дивились
Его доводамъ тонкимъ, уму,
И Совѣтъ Государственный даже
Выражалъ благодарность ему ¹⁾.

Назначались министры, смѣнялись,
А Шумахеръ стоялъ все одинъ
На посту, неустанно, безсмѣнно,
Среди моря утесъ-исполнить.
Шла реформа во слѣдъ за реформой,
И веадѣ-то, у всѣхъ на виду,
День и ночь нашъ директоръ трудился
Всѣхъ упориѣе въ первомъ ряду.

Двадцать лѣтъ департаментомъ править—
Небывалый доселѣ примѣръ!
И былъ призванъ онъ волею царской
Быть судьей государственныхъ мѣръ.
Ужъ двѣнадцатый годъ онъ въ сенатѣ
Судить-рядить гражданскую часть,
И въ сановномъ синклитѣ имѣеть
Его голосъ немалую власть.

¹⁾ См., между прочимъ, отзывы бывшаго Второго отдѣленія Собств. Е. И. В. канцеляріи, департаментовъ госуд. совѣта: законовъ, госуд. экономіи и гражд. и духовн. дѣлъ и, наконецъ, общаго собранія госуд. совѣта о трудахъ министерства внутреннихъ дѣлъ (хозяйственнаго департамента, директоромъ котораго состоялъ въ то время А. Д. Шумахеръ), по проекту Городоваго Положенія „Матеріалы по общественному устройству въ городахъ Имперіи“. Сиб. 1877 г., т. I, стр. 467 и 468, и т. III, стр. 468, 469, 492, 493 и 497.

Мужъ достойный, работникъ примѣрный!
Дай минуту себѣ хоть вздохнуть.
Вѣдь ты трудишься ровно полвѣка:
Оглянись на свой пройденный путь!
Посмотри: сколько блага отчизнѣ
Ты своими трудами принеся,
Сколько славнаго вызвалъ ты къ жизни,
Осушилъ сколько горестныхъ слезъ!

.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ ¹⁾

въ 1817—1860 гг.

Въ послѣднемъ, посмертномъ, изданіи сочиненій Н. И. Костомарова, вышедшемъ въ концѣ 1890-го года подъ общимъ заглавіемъ „Литературное наслѣдіе“, помѣщенъ (стр. 493—521) между прочимъ, „Библиографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова“, въ числѣ которыхъ мы не нашли бывшаго у насъ въ рукахъ автобіографическаго очерка покойнаго профессора. Впрочемъ, этотъ очеркъ могъ быть и неизвѣстенъ составителю библиографическаго указателя. Дѣло вотъ въ чемъ: по случаю состоявшагося между Н. И. Костомаровымъ и М. П. Погодинымъ, 19-го марта 1860 года, въ актовомъ залѣ с.-петербургскаго университета, публичнаго диспута о началѣ Руси, въ № 20 „Русскаго Художественнаго Листка“ за тотъ годъ были помѣщены портреты ученыхъ диспутантовъ. Завѣдуя въ то время редакцію текста этого художественнаго изданія академика В. Ѳ. Тимме, мы нашли умѣстнымъ сообщить біографическія свѣдѣнія о почтенныхъ профессорахъ. Съ этою цѣлью, пользуясь пребываніемъ Н. И. Костомарова въ С.-Петербургѣ (онъ жилъ тогда въ гостинницѣ Балабина, на Большой Садовой, рядомъ съ Публичною бібліотекою), мы обратились къ нему съ просьбою доставить намъ біографическія о себѣ данныя, какія только онъ признаетъ возможнымъ.

Н. И. Костомаровъ любезно согласился исполнить нашу просьбу и черезъ нѣсколько дней передалъ намъ написанный имъ собственноручно очеркъ своей жизни. Въ этомъ очеркѣ мы, конечно, не позволили себѣ измѣнить ни одной іоты и напечатали его цѣликомъ на стр. 71 и 72 текста къ тому-же № 20 „Русскаго Художественнаго Листка“, въ которомъ былъ помѣщенъ и портретъ Н. И. Костомарова. Затѣмъ, слѣдуя постоянно правилу—не держать измѣющихъ общественное значеніе автографовъ и документовъ въ частной квартирѣ—мы передали собственноручный автобіографическій очеркъ Н. И. Костомарова въ императорскую публичную бібліотеку, гдѣ онъ и хранится въ отдѣленіи рукописей, въ собраніи автографовъ, въ картонѣ подъ буквою К.

При этомъ, кстати, замѣтимъ слѣдующее: такъ какъ въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ конца 1850-хъ и начала 1860-хъ годовъ помѣщались портреты многихъ русскихъ дѣятелей, сопровождавшіеся обыкновенно біогра-

¹⁾ „Русскій Художественный Листокъ“ 1860 г., № 20, 10-го іюля.

фическими о нихъ свѣдѣніями, за которыми мы обращались преимущественно къ первоисточнику, то въ портфель редакціи собралось порядочное число автографовъ, которые мы и передавали, по мнваніи въ нихъ надобности для журнала, на храненіе въ императорскую публичную бібліотеку. Такимъ образомъ, нами переданы въ это отечественное книгохранилище собственноручныя автобіографическія данныя многихъ лицъ, таковы: В. Г. Бенедиктовъ, И. А. Гончаровъ, Е. П. Глинка, Ф. Н. Глинка, А. В. Дружининъ, Ю. В. Жадовская, В. А. Золотовъ, Н. И. Костомаровъ, А. А. Краевскій, А. Ф. Лагорио, И. И. Лажечниковъ, Н. М. Львовъ (авторъ комедіи „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“), А. Н. Майковъ, Н. Я. Марченко (писавшій подъ инициалами Т. Ч.), П. И. Мельниковъ, А. Ф. Писемскій, Я. П. Полонскій, гр. Е. П. Ростопчина, М. Е. Салтыковъ, К. А. Трутовскій, А. О. Шарлемань и Н. Ф. Щербина. Кромѣ того нами переданы въ Публичную бібліотеку: оттискъ очерка жизни М. П. Погодина изъ „Біографическаго словаря профессоровъ и преподавателей императорскаго московскаго университета“, Москва, 1855 г., дополненный собственноручными замѣтками М. П. Погодина; а также автографъ Я. П. Полонскаго: очеркъ жизни академика И. И. Соколова.

И. С. Ремезовъ.

Николай Ивановичъ Костомаровъ родился въ Острогжскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи, въ 1817 году. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ сперва въ одномъ изъ частныхъ московскихъ пансіоновъ, потомъ въ частномъ пансіонѣ въ Воронежѣ и, наконецъ, въ воронежской гимназіи. Эти два послѣднія заведенія далеко не представляли благопріятныхъ условій для полученія хорошаго воспитанія.

Воронежская гимназія была, въ то время, въ крайнемъ упадкѣ. Директоръ былъ взяточникъ и покровительствовалъ лѣнтяямъ, которые привозили ему дань, въ видѣ сахарныхъ головъ, отрѣзковъ сукна, шелковыхъ матерій и даже нѣсколькихъ штукъ гусей и индѣекъ, смотря по состоянію; тѣ-же, которые осмѣливались нарушить старинный, переходившій отъ поколѣнія къ поколѣнію воспитанниковъ, обычай, подвергались гоненію начальства. Учитель латинскаго языка, у котораго жилъ Н. И. Костомаровъ, во время двухлѣтняго пребыванія своего въ гимназіи, способенъ былъ во всякомъ укоренить омерзѣніе къ языку римлянъ, добродѣтели которыхъ почтенный педагогъ выставлялъ, очень не кстати и смѣшно, образцемъ для подражанія. Учитель математики билъ учениковъ по щекамъ за то, что кашлемъ или движеніемъ они нарушали всеобщее молчаніе, которое царство-

вало во все продолженіе пребыванія учителя въ классѣ; онъ почти ничего не преподавалъ, но, придя въ классъ, разваливался въ креслахъ и читалъ романъ; только въ часы особеннаго вдохновенія, онъ удѣлялъ четверть часа на черченіе геометрическихъ задачъ, и то, вѣроятно, для собственнаго удовольствія, а не для учениковъ, которые естественно ничего не могли себѣ усвоить изъ такого курса, гдѣ теоремы выхватывались по вкусу, какъ будто сказки или пѣсни изъ сборника. Къ довершенію всего, этотъ учитель имѣлъ чрезвычайно дурное нравственное вліяніе на учениковъ: онъ попрекалъ ихъ въ классѣ то бѣдностью, то низкимъ происхожденіемъ родителей. Надобно при этомъ замѣтить, что гимназія имѣла тогда плебейскій характеръ; зажиточные отцы отвозили дѣтей своихъ въ столицы, или отдавали въ пансіонъ, содержимый въ Воронежѣ этимъ самымъ учителемъ математики; въ гимназіи-же обучалось много дѣтей ремесленниковъ, мѣщанъ и отпущенниковъ. Подражая примѣру учителя, который позволялъ себѣ давать такимъ ученикамъ пощечины, плевать имъ въ лицо и острить надъ ихъ родителями, и товарищи этихъ воспитанниковъ, дѣти чиновныхъ людей и потомственныхъ дворянъ, пріучались тоже смотрѣть на нихъ, какъ на существа низшія. Учитель исторіи ограничивался задаваніемъ уроковъ по руководству Шрека отсюда и досюда, и когда, для проформы, спрашивалъ такіе уроки, то обыкновенно читалъ, въ это самое время, какую-нибудь постороннюю книгу, или-же просто спалъ. Греческій языкъ преподавалъ законоучитель и, вмѣсто объясненій авторовъ, доказывалъ вредное вліяніе западнаго просвѣщенія, совѣтуя не учиться новымъ языкамъ. Учитель словесности поучалъ своихъ питомцевъ какъ слѣдуетъ отчитываться отъ искушеній лукаваго бѣса и задавалъ ученикамъ писать каноны и акафисты, при совершенномъ собственномъ невѣдѣніи церковно-славянскаго языка, и совѣтывалъ не только не читать Пушкина, но не произносить даже и его имени; вообще его одолевалъ страхъ, чтобы не вселился въ него бѣсъ, и тотъ-же страхъ старался онъ водворить и въ каждомъ изъ воспитанниковъ. При такомъ оригинальномъ складѣ педагогическаго сословія, понятно, что можно было вынести изъ гимназіи.

„Въ 1836 году, Н. И. Костомаровъ окончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ, во все время пребыванія его

въ званіи студента, господствовали на кафедрахъ словесности (теперь историко-филологическаго) факультета полная бездарность, отсталость или лѣнь, начиная отъ высокопарнаго Артемовскаго-Гулака, который жаловался предъ студентами, что никакъ не можетъ разогнать цвѣтами краснорѣчія скуку удѣльнаго періода, до преподавателя французской словесности профессора Паки-де-Совиньи, который весь круглый годъ рассказывалъ студентамъ съ кафедры анекдоты, а предъ экзаменами задавалъ каждому урокъ и бралъ за то по 10 руб. ассигнаціями; при окончаніи-же курса вдвое съ тѣхъ, которые надѣялись получить степень кандидата. Впрочемъ, память этого профессора не должна страдать особенно предъ воспоминаніями о другихъ его товарищахъ; напротивъ, почтенный Паки-де-Совиньи показывалъ тогда примѣръ умѣренности и безкорыстія, потому что другіе брали не по 10, а по 25 рублей за урокъ, давая ихъ предъ экзаменами не по одному, а по десяти и болѣе; сверхъ того, они держали у себя на квартирѣ студентовъ и брали съ нихъ по 1,500 и по 2,000 рублей въ годъ, помѣщая ихъ по два и по три въ тѣсной комнатѣ. Студентъ, заплативъ такую дань, могъ быть совершенно покоенъ и ничего не дѣлать, надѣясь получить кандидатуру. Среди всеобщаго корыстолюбія, невѣжества и холодности въ наукѣ, только кафедра всеобщей исторіи, занимаемая профессоромъ Лунинымъ, безспорно однимъ изъ лучшихъ преподавателей въ лѣтописяхъ нашихъ университетовъ, составляла блестящее исключеніе. Н. И. Костомаровъ до сихъ поръ (1860 г.) съ любовью и благодарностью вспоминаетъ объ этомъ достойномъ и почтенномъ профессорѣ, къ сожалѣнію, давно уже умершемъ и сознается, что если-бы не было въ университетѣ Лунина, то время проведенія въ званіи студента надобно было-бы считать потеряннымъ. При самомъ окончаніи курса съ Н. И. Костомаровымъ случилось происшествіе, характеризующее тогдашній педагогическій порядокъ въ нашихъ университетахъ. Тогда отмѣчали на экзаменахъ успѣхи студентовъ не цифрами, какъ теперь дѣлается, а латинскими словами: bene, optime, eminenter. Кто получалъ изъ большей части предметовъ eminenter, а изъ одного или двухъ optime, тотъ выпускался кандидатомъ. Изъ богословія не было окончательнаго экзамена, но принималась та отмѣтка, которую профессоръ ставилъ въ предыдущіе годы. Изъ

всѣхъ предметовъ при окончательномъ экзаменѣ, Н. И. Костомаровъ получилъ отличныя отмѣтки, но не былъ удостоенъ званія кандидата, потому что прежде изъ богословія у него оказалось bene. Онъ долженъ былъ снова держать экзамень на степень кандидата, но вовсе не изъ богословія, какъ-бы слѣдовало ожидать по здравому смыслу, а изъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые и прежде давали ему право на кандидатскую степень, изъ богословія же не подвергали его вовсе экзамену. Причина, почему изъ этого предмета ему записали bene, была та, что онъ отвѣчалъ своими словами, а профессоръ требовалъ, чтобы студенты умѣли буквально пересказать такъ, какъ у него было написано въ тетрадкѣ и какъ онъ неизмѣнно читалъ болѣе двадцати лѣтъ.

„По окончаніи университетскаго курса, Н. И. Костомаровъ провелъ нѣсколько лѣтъ безъ службы, живя то въ Харьковѣ, то въ маленькомъ имѣніи своей матери, и съ жаромъ предался изученію малороссійской народности. Сжившись съ простымъ народомъ, онъ началъ писать по малороссійски, подъ псевдонимомъ Іереміи Галки; въ 1838 году издалъ въ свѣтъ драматическія сцены Савва Чалый; въ 1839 году — стихотворенія подъ именемъ Украинскія баллады; въ 1840 году напечаталъ сборникъ стихотвореній подъ названіемъ Вѣтка; кромѣ того, въ сборникѣ, издаваемомъ Корсуномъ, Сніпъ помѣстилъ трагедію Переяславська нічъ и переводы европейскихъ мелодій Байрона, а въ сборникѣ, издаваемомъ Бецкимъ, подъ названіемъ Молодикъ, напечаталъ въ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ Краледворской рукописи, которую перевелъ тогда всю, и другія стихотворенія; тамъ-же помѣстилъ онъ историческія монографіи о Наливайкѣ и о Князьяхъ Острожскихъ и взгляды на тогдашнюю малороссійскую литературу. Занимаясь этнографіею и малороссійскою литературою, Н. И. Костомаровъ, въ то-же время, занимался и исторіею вообще, и въ 1840 году выдержалъ экзамень на степень магистра историческихъ наукъ. На слѣдующій годъ онъ представилъ диссертацию: О характерѣ уни въ западной Россіи; но предъ самымъ защищеніемъ эта диссертация навлекла неудовольствіе преосвященнаго Інокентія, извѣстнаго нашего витія, и была уничтожена, а Н. И. Костомаровъ получилъ дозволеніе написать другую диссертацию,

и представилъ сочиненіе: Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи, гдѣ доказывалъ важность для исторіи изученія народныхъ памятниковъ, съ цѣлью уразумѣть взглядъ народа на себя и на все его окружающее. По собственному сознанію Н. И. Костомарова, тѣсное знакомство съ И. И. Срезневскимъ дѣйствовало на него, въ то время, благотѣльно въ томъ отношеніи, что побуждало его къ изученію малороссійской народности нераздѣльно съ изученіемъ народностей и исторіи другихъ славянскихъ народовъ и предохраняло его любовь къ этнографіи отъ узкой исключительности, въ которую онъ легко могъ впасть, по своему увлекающемуся характеру. Получивъ степень магистра, Н. И. Костомаровъ, въ 1844 году, навсегда оставилъ Харьковъ. Судьба перенесла его на Волинь, гдѣ онъ прилежно изучалъ тамошнюю народность и собралъ значительное число пѣсенъ, изъ которыхъ многія были напечатаны уже въ 1852 году Мордовцовымъ, въ его малороссійскомъ сборникѣ. Кромѣ того, Н. И. Костомаровъ, занимался обзорѣніемъ мѣстностей, ознаменованныхъ событіями изъ эпохи Хмельницкаго, исторію которой онъ началъ писать съ 1844 года. Въ 1845 году онъ поселился въ Кіевѣ и вскорѣ избранъ былъ единогласно тамошнимъ университетомъ на кафедру русской исторіи. Весною 1847 года, онъ долженъ былъ оставить эту кафедру и цѣлый годъ прожилъ въ Петербургѣ, чрезвычайно уединенно, на Петербургской сторонѣ, а съ 1848 по 1856 годъ жилъ безвыѣздно въ Саратовѣ, гдѣ занимался, сколько было возможно, русскою исторіею, а также мѣстною этнографіею. Съ 1856 по 1859 годъ Н. И. Костомаровъ проживалъ то въ Петербургѣ, то за границею, то опять являлся въ Саратовъ. Въ 1859 году С.-Петербургскій университетъ пригласилъ его занять, оставшуюся послѣ Н. Г. Устрялова вакантною, кафедру русской исторіи.

„Кромѣ указанныхъ выше сочиненій, Н. И. Костомаровымъ напечатаны еще слѣдующія: въ 1846 году—Мысли объ исторіи Малороссіи—въ „Библиотекѣ для Чтенія“ и въ 1847 году—Славянская Мифологія, отрывокъ изъ лекцій, читанныхъ имъ въ кіевскомъ университетѣ, отдѣльною книжкою, въ Кіевѣ; въ 1855 году онъ помѣстилъ въ „Мосевитянинѣ“—Гетманъ Свирговскій, а въ 1856 году, въ „Современникѣ“—Горе-Злосчастіе,

древнее русское стихотвореніе, и О мнѣическомъ значеніи Горя-Злосчастія, и въ „Отечественныхъ Запискахъ“—статью подъ заглавіемъ: Борьба украинскихъ казаковъ съ Польшою до Богдана Хмельницкаго; въ 1857 г. появились, въ „Отечественныхъ Запискахъ“—Богданъ Хмельницкій и рецензія записокъ о Южной Руси Кулиша, и въ „Современникѣ“—Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ и Могильныя преданія; въ 1858 году напечатана въ „Современникѣ“ рецензія Черной Рады Кулиша и въ „Отечественныхъ Запискахъ“—Бунтъ Стеньки Разина. Въ 1859 году, Богданъ Хмельницкій и Бунтъ Стеньки Разина изданы вторично отдѣльными книжками книгопродавцемъ Кожанчиковымъ; въ томъ же году помѣщены, въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „рецензія „Архива Югозападной Россіи“ и замѣчанія по поводу брошюры Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ о сельскомъ духовенствѣ; въ „Современникѣ“—замѣчанія по поводу статьи г. Соловьева, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, о казакахъ; въ „Русскомъ Словѣ“—Вступительная лекція, читанная въ с.-петербургскомъ университетѣ, и въ Архивѣ Калачева—Должно ли Бориса Годунова считать основателемъ крѣпостнаго права; рецензія книги Ламанскаго о славянахъ въ Малой Азій, Африкѣ, Испаніи, и Сынъ, рассказъ изъ временъ XVII вѣва. Въ 1860 году Н. И. Костомаровъ напечаталъ въ „Современникѣ“: Начало Руси, очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ и Легенду о кровосмѣсителѣ. Статья его Начало Руси, гдѣ, въ противность общему мнѣнію о норманскомъ происхожденіи варягоруССовъ, доказывается, что они пришли изъ Жмуди, возбудила оппозицію со стороны М. П. Погодина, который вызвалъ Н. И. Костомарова на публичный ученый поединокъ, состоявшійся 19 марта 1860 года, въ залѣ с.-петербургскаго университета. Возраженія Н. И. Костомарова, читанныя имъ на диспутѣ противъ М. П. Погодина, напечатаны вмѣстѣ съ рѣчью послѣдняго въ „Современникѣ“. Наконецъ, въ майской книжкѣ „Русскаго Слова“ помѣщены имъ Русскіе инородцы (I. Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи), отрывокъ изъ лекцій, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ 1860 году.

Въ настоящее время (1860 г.), по приглашенію графа Г. А. Купшелева-Безбородко, Н. И. Костомаровъ готовитъ къ изданію памятники старинной русской литературы до петровскаго времени, большею частію еще не напечатанные, неизвѣстные публикѣ и хранящіеся въ петербургскихъ книгохранилищахъ“.

1860 г.

[Ник. Ив. Костомаровъ].

Аѳанасій Савеловъ и гр. Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ.

ЗАМѢТКА.

На стран. 209-й январской книги „Русской Старины“ изд. 1891 года, въ замѣткѣ: „Къ исторіи Остромирова Евангелія“, упоминается статскій совѣтникъ Аѳанасій Тимоѳеевичъ Савеловъ,—это вѣроятно опечатка, такъ какъ насколько мнѣ извѣстно, фамиліи Савеловыхъ не было, а существуетъ фамилія Савеловыхъ, и въ Москвѣ, дѣйствительно, въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, жилъ статскій совѣтникъ Аѳанасій Тимоѳеевичъ Савеловъ, бывшій начальникомъ Розыскаго раскольническаго канцеляріи; о немъ, вѣроятно, и идетъ рѣчь.

Въ той-же статьѣ на 212 стр. говорится о графѣ Алексѣѣ Ивановичѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, оберъ-прокурорѣ святѣйшаго синода, какъ о сынѣ графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина—президента штатсъ-конторъ коллегіи, но графъ Иванъ Алексѣевичъ умеръ въ 1729 г., а гр. Алексѣй Ивановичъ род. въ 1744 г., т. е. спустя 15 лѣтъ послѣ смерти Ив. Алекс., и происходилъ изъ другой линіи.

У Ивана Алексѣевича былъ сынъ Платонъ и его линія пресѣклась. Алексѣй Ивановичъ получилъ самъ графское достоинство въ 1797 г. и отъ него происходятъ всѣ теперешніе графы Мусины-Пушкины.

Леонидъ Мих. Савеловъ.

КЪ ИСТОРИИ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

1857—1861 гг.

Сенаторъ тайный совѣтникъ Николай Петровичъ Семеновъ, бывший однимъ изъ членовъ редакціонныхъ комиссій по составленію проекта Положеній объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, приступилъ въ 1889 году къ изданію своего обширнаго дневника всего того, что обсуждалось въ этихъ комиссіяхъ.

Веденіе этого дневника было возложено на Н. П. Семенова самимъ предсѣдателемъ комиссій, Я. И. Ростовцовымъ, между прочимъ, въ видахъ того, „дабы, какъ выразился покойный Яковъ Ивановичъ, остались слѣды для исторіи“.

Обширный трудъ по составленію „Дневника“ веденъ былъ Н. П. Семеновымъ до самаго конца засѣданій комиссій, т. е. до закрытія ихъ за исполненіемъ возложенныхъ на нихъ работъ.

Приведенный нынѣ въ порядокъ „Дневникъ“, со множествомъ къ нему приложеній, изданъ иждивеніемъ М. Е. Комарова.

Это изданіе (вышло въ свѣтъ два тома, стр. 848 и 1020) несомнѣнно представляетъ весьма важный матеріалъ къ исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Въ виду продолженія этого обширнаго труда, озаглавленнаго: „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу“, третій томъ котораго печатается, представляемъ на страницахъ „Русской Старины“, какъ документъ историческаго интереса, записку, нами составленную въ 1883 году и представляющую краткое обозрѣніе труда по приведенію въ порядокъ архива бывшихъ Редакціонныхъ комиссій и комитетовъ по крестьянскому дѣлу, бывшихъ до учрежденія 19-го февраля 1861 года Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.

Ред.

Записка члена Археографической комиссіи, тайнаго совѣтника М. И. Семевскаго. о приведеніи въ порядокъ и составленіи описей архивовъ Секретнаго и Главнаго комитетовъ по крестьянскому дѣлу и Редакціонныхъ комиссій

1857—1861 гг. ¹⁾.

Высочайшимъ указомъ 25-го мая 1882 года—упраздненъ Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Вслѣдъ затѣмъ приступлено было къ передачѣ дѣлъ сего Комитета въ архивъ государственнаго совѣта, каковая передача и произведена къ 1-му января 1883 года.

Но независимо отъ архива бывшаго Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія (1861—1882 гг.), — при этомъ-же учрежденіи былъ складъ обширнаго собранія бумагъ предшествовавшихъ ему учреждений, а именно: Секретнаго (1857—1858 гг.) и Главнаго комитетовъ (1858—1861 гг.), по крестьянскому дѣлу, а также бумаги состоявшихъ при семъ послѣднемъ комитетѣ Редакціонныхъ комиссій (1859 — 1860 гг.), наконецъ, бумаги, разновременно присланныя въ Главный комитетъ, послѣ смерти нѣкоторыхъ его членовъ.

Все это обширное собраніе бумагъ хранилось частью въ самомъ помѣщеніи канцеляріи Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія (весьма для сего тѣсномъ и семь разъ, въ теченіи 20-ти лѣтъ, перемѣщавшейся), частью въ подвальномъ этажѣ, въ кладовой, вполне сухой и удобной, подъ Государственной канцеляріей (до февраля 1880 г.), въ зданіи Эрмитажа близъ Зимняго дворца, съ набережной.

Нѣсколько болѣе четвертой части всего этого собранія бумагъ было въ 1879—1881 гг., а частью и значительно ранѣе, именно до 1877 года, соединено въ дѣла, связки, пронумеровано и скрѣплено; но наибольшая часть бумагъ оставалась въ томъ видѣ, какъ разновременно передана была при учрежденіи вышеназванныхъ временныхъ учреждений, или прислано послѣ смерти нѣкоторыхъ членовъ Главнаго комитета, т. е. не только не переплетенными,

¹⁾ Записка эта составлена въ февралѣ 1883 года.

но не спитыми, не подобранными въ какой-либо порядокъ, не пронумерованными, не скрѣпленными, либо вовсе безъ описей, либо при описяхъ неточныхъ и неполныхъ.

Въ виду необходимости привести это обширное собраніе бумагъ въ порядокъ и составить ему общую опись, бывший управляющій дѣлами Главнаго комитета, нынѣ (1883 г.) сенаторъ Чернавскій, въ іюлѣ 1882 г., а затѣмъ бывший государственный секретарь, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь Е. А. Перетцъ, 30-го сентября того-же года, обратились къ члену археографической комиссіи, тайному совѣтнику М. И. Семевскому, какъ служившему до закрытія Главнаго комитета въ семь учрежденіи помощникомъ статсъ-секретаря,—съ предложеніемъ принять на себя трудъ приведенія помянутыхъ архивовъ въ порядокъ и составленія необходимыхъ описей. При этомъ бывший государственный секретарь, въ виду особой важности помянутыхъ бумагъ, какъ матеріаловъ для исторіи великой крестьянской реформы, призналъ настоятельно необходимымъ, дабы всѣ эти документы, по приведеніи ихъ въ порядокъ, были-бы переплетены.

Вмѣстѣ съ симъ статсъ-секретарь Перетцъ командировалъ, 1-го октября 1882 года, въ распоряженіе тайнаго совѣтника Семевскаго, для перебѣлки описей и пронумераціи бумагъ, одного изъ чиновниковъ государственной канцеляріи, а 1-го ноября того-же года назначенъ для того-же дѣла и другой чиновникъ ¹⁾).

7-го декабря 1882 г. работа, возложенная на тайнаго совѣтника Семевскаго, была настолько уже подвинута, что онъ представилъ о положеніи ея довольно обширную записку статсъ-секретарю Е. А. Перетцу, который 14-го декабря обозрѣлъ, въ наибольшей части уже приведенный тогда въ порядокъ, означенный архивъ бывшихъ Редакціонныхъ комиссій и Комитетовъ по крестьянскимъ дѣламъ (1857—1861 гг.).

Къ 1-му февраля 1883 г. означенный трудъ былъ оконченъ и о всемъ ходѣ его и результатѣ составлена слѣдующая записка:

¹⁾ Н. Т. Ильинъ и Егоровъ—оба нынѣ (1891 г.) уже покойные.

А. ОТНОСИТЕЛЬНО ВНѢШНЯГО ПОРЯДКА АРХИВОВЪ.

1) Всѣ бумаги прежде всего были распредѣлены мною по группамъ и соединены въ дѣла—либо по предметамъ ихъ содержанія, либо въ порядкѣ хронологическомъ, либо по лицамъ, кому они принадлежали и отъ кого исходили.

При этомъ, тѣ бумаги, которыя оказались уже сшитыми въ дѣла, были сохранены въ томъ-же видѣ, но только тщательно перевѣрены и, гдѣ оказалось нужнымъ, составлены описи.

Всѣхъ вообще связокъ (дѣлъ), какъ прежде бывшихъ, такъ и вновь составленныхъ, образовалось пятьсотъ тринадцать (513).

2) Всѣ образованныя такимъ образомъ связки (дѣла)—тщательно перенумерованы по листамъ; тѣ-же связки, въ коихъ была уже пронумерація, таковыя перевѣрены и ошибки исправлены.

Всего довелось перенумеровать 57,523 листа.

3) Всѣ связки (дѣла) скрѣплены.

4) Составлены въ каждой связкѣ частныя описи, причемъ тамъ, гдѣ это было необходимо, описи составлены весьма подробно, каждая отъ 4 до 14 страницъ, какъ напр. въ книгахъ №№ 85—88, 94—103, 104—106 и другія.

5) Всѣ связки переплетены; при этомъ: а) для корешковъ составлены возможно обстоятельныя заголовки, облегчающіе справки, каковыя на нихъ и выбиты, и б) для удобства пользованія дѣлами, а частью въ видахъ уменьшенія расходовъ по переплету, соединено въ книги по нѣсколько, иногда до десяти, связокъ или дѣлъ.

Такимъ образомъ составилось изъ 513 связокъ двѣсти пятьдесятъ четыре—254—объемистыхъ томовъ; изъ нихъ 20 форматомъ въ 8-ю долю, прочіе-же всѣ форматомъ въ листъ.

Объемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ восходитъ до 940 листовъ, въ среднемъ-же каждый томъ имѣетъ около 450 листовъ.

6) Всѣ эти тома или книги имѣютъ одну общую нумерацію, отъ 1 до 254-го включительно, причемъ на корешкѣ каждой книги № порядка вытисненъ крупно, и

7) Во всѣхъ бумагахъ, гдѣ находятся высочайшія резолюціи, отмѣтки и замѣтки, таковыя покрыты, для вящаго ихъ сохраненія, лакомъ; то-же сдѣлано съ наиболѣе важными замѣтками главнѣйшихъ дѣятелей въ крестьянской реформѣ, таковы: е. и. в. великій князь Константинъ Николаевичъ, Я. И. Ростовцевъ и нѣкоторые другіе.

в. Внутренній порядокъ: расположеніе и подборъ бумагъ.

Всѣ составленные двѣсти пятьдесятъ четыре тома дѣлятся на двѣ главныя обширныя группы: бумаги: I. Комитетовъ по крестьянскому дѣлу и II. Бумаги Редакціонныхъ комиссій.

Каждый изъ сихъ отдѣловъ, въ свою очередь, распадается въ послѣдовательномъ порядкѣ на отдѣльныя группы или подраздѣленія, но при непрерывности общей пронумераціи переплетенныхъ книгъ, т. е. отъ № 1 до № 254. Вотъ эти группы:

I. Журналы Секретнаго и Главнаго комитетовъ по крестьянскому дѣлу, 1857—1861 гг., и общаго собранія государственнаго совѣта за 1861 г. меморіи общаго собранія государственнаго совѣта по крестьянскому вопросу (январь—мартъ 1861 г.). №№ 1—7.

Примѣчаніе. Расположены въ хронологическомъ порядкѣ.

II. Дѣла Секретнаго и Главнаго комитетовъ по крестьянскому дѣлу, 1857—1861 гг.

Въ каждомъ дѣлѣ этой группы документы расположены по тому вопросу, къ которому они относятся, притомъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Придавая значеніе даже черновымъ бумагамъ,—какія, между прочими, нашлись въ семь собраніи, сохранены и таковыя; при этомъ составлены изъ нихъ особыя тома (въ этой группѣ № 21, въ слѣдующихъ №№ 75 и 76), тѣмъ болѣе, что между ними оказались такия, исполненіе по которымъ было, въ свое время, по разнымъ причинамъ, остановлено.

Всѣхъ дѣлъ второй группы сто одно. Переплетены они въ тридцать одну книгу №№ 8—41

III. Труды „Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу“—по разработкѣ проектовъ положеній о крестьянахъ 1860—1861 гг.

Эти весьма важные труды собраны въ систематическомъ порядкѣ, въ двадцать одну часть, изъ которыхъ каждая переплетена въ одну книгу №№ 42—62

IV, V и VI-я группы заключаютъ бумаги „Главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ“ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ, какъ напр. относительно печатанія, разсылки и продажи Положеній 19-го февраля 1861 г.; о командированіи въ губерніи генераль-маіоровъ и флигель-адъютантовъ свиты Государя императора для наблюденія за сохраненіемъ спокойствія при приведеніи Положеній о крестьянахъ въ дѣйствіе; справки и вѣдомости по крестьянскому дѣлу и проч.

Бумаги соединены по предметамъ. Тридцать одна связка или дѣлъ этихъ трехъ группъ переплетены въ четырнадцать книгъ. №№ 63—76

VII. Записки и проекты разныхъ лицъ по крестьянскому вопросу.

Съ самаго возникновенія въ 1856 году мысли объ улучшеніи быта крестьянъ,—мысли, выраженной къ Москвѣ императоромъ Александромъ II, со всѣхъ концовъ Россіи и даже изъ-за границы,—стали появляться отеліки на эту мысль. Многочисленные проекты, письма (очень часто отъ неизвѣстныхъ)—посылались либо въ собственныя руки императора, либо къ его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу; множество направляемо было къ генераль-адъютанту Ростовцову, затѣмъ къ его преемнику по предсѣдательству въ редакціонныхъ комиссіяхъ—графу В. Н. Панину, либо прямо въ Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу.

Какъ императоръ, такъ и прочія лица, получавшія эти письма, записки и проекты, дѣлали на нихъ свои замѣтки, драгоценныя для исторіи освобожденія крестьянъ.

Всѣ эти бумаги, числомъ до 650-ти, сохранялись до нашихъ дней (1882 г.) не спитыя, не пронумерованныя, не приведенныя въ порядокъ.

Только послѣ продолжительнаго и усидчиваго труда удалось ихъ разсортировать по лицамъ, въ коимъ онѣ поступали: подобрать въ строго-хронологическій порядокъ, что очень важно для опредѣленія постепеннаго развитія тѣхъ или другихъ мыслей въ вопросѣ объ улучшеніи быта и освобожденіи крестьянъ; составить подробныя описи, съ указаніями на званія лицъ, писавшихъ тѣ или другіе проекты или отзывавшихся письменно на крестьянское дѣло, и съ указаніями на мѣста, откуда тѣ бумаги присылались; соединить и переплести всѣ эти бумаги въ томы.

Таковыхъ томовъ составилось всего 21, изъ нихъ тринадцать находятся въ настоящей, VII-й, группѣ; каждая изъ книгъ весьма объемиста, заключаая въ себѣ отъ 700 до 940 листовъ.

. . . №№ 77—89

VIII. Дѣла Комитета о крестьянахъ казенныхъ, 1857—1861 гг.

Особая серія въ тринадцати связкахъ. Переплетено въ четыре книги №№ 90—93

IX, X и XI-я группы заключаютъ въ себѣ бумаги по крестьянскому вопросу, поступившія послѣ смерти членовъ Главнаго комитета, каковыя бумаги, по приведеніи ихъ въ порядокъ, соединены въ десять обширныхъ томовъ, отъ 401 до 769 листовъ въ каждомъ, а именно: въ книгахъ №№ 94 и 95—труды и переписка по крестьянскому дѣлу гр. Д. Н. Блудова; въ книгахъ №№ 96—101—труды и переписка по крестьянскому-же дѣлу М. Н. Муравьева, въ 1857 — 1861 гг.; наконецъ, въ книгахъ №№ 102 и 103 расположены, въ двухъ отдѣльныхъ сборникахъ, бумаги К. В. Чевкина—по вопросамъ о крѣпостныхъ крестьянахъ и о горнозаводскихъ и фабричныхъ.

Въ этихъ группахъ помѣщены также тѣ проекты и записки разныхъ лицъ по крестьянскому вопросу, которые были представлены составителями М. Н. Муравьеву или К. В. Чевкину.

. . . №№ 94—10

XII-я группа представляетъ, въ трехъ книгахъ, собраніе всеподданнѣйшихъ донесеній генераль-адъютантовъ, свиты генераловъ и флигель-адъютантовъ о безпорядкахъ, сопровождавшихъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ различныхъ губерній обнародованіе Положеній 19-го февраля 1861 г., о приведеніи ихъ въ дѣйствіе, и

вообще о событіяхъ, сопровождавшихъ введеніе на мѣстахъ сихъ Положеній.

Донесенія эти расположены въ алфавитномъ порядкѣ губерній.
 . . . №№ 104—106

Двѣнадцатую группою заканчиваются бумаги собственно Секретнаго и Главнаго комитетовъ по крестьянскому дѣлу.

Группы XIII по XXV-ю влѣчительно заключаютъ въ себѣ дѣла и бумаги Редакціонныхъ комиссій.

Расположены они въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ XIII-й группѣ соединены труды по крестьянскому дѣлу Я. И. Ростовцова. Здѣсь его записки, мнѣнія, письма, замѣтки по сему предмету и множество поступавшихъ къ нему со всѣхъ концовъ Россіи проектовъ и писемъ разныхъ лицъ по крестьянскому вопросу. Послѣдніе расположены въ строго-хронологическомъ порядкѣ и почти всѣ безъ исключенія имѣютъ на себѣ замѣтки и отмѣтки Я. И. Ростовцова, 1857—1860 гг. Всѣхъ книгъ этой группы десять №№ 107—116

Въ слѣдующихъ XIV и XV-й группахъ точно также весьма наглядно представлена дѣятельность графа В. Н. Панина по крестьянскому дѣлу въ 1860 г., а именно здѣсь соединены читанные имъ, съ отмѣтками, проекты разныхъ лицъ; въ особый сборникъ переплетены всеподданнѣйшія его записки о ходѣ занятій въ Редакціонныхъ комиссіяхъ съ 13-го февраля по 10-е октября 1860 г.; въ рядъ послѣдовательныхъ томовъ собрано все дѣлопроизводство въ Редакціонныхъ комиссіяхъ собственно по части предсѣдателя общаго ихъ собранія, т. е. гр. В. Н. Панина въ 1860 г. №№ 117—122

XVI. Дѣлопроизводство по канцеляріи Редакціонныхъ комиссій, 1859—1860 гг.

Здѣсь соединена переписка канцеляріи о доставленіи въ комиссіи разныхъ свѣдѣній, о вызовѣ членовъ губернскихъ комитетовъ, о расходованіи суммъ, о печатаніи проектовъ губернскихъ комитетовъ и трудовъ редакціонныхъ комиссій и т. п.
 №№ 123—143

XVII. Дѣла секретныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу, о дворовыхъ людяхъ и о казенныхъ имѣніяхъ въ Западной

Россіи, комитетовъ, учреждавшихся въ царствованіе императора Николая Павловича, именно въ 1839—1848 гг.

Эта серія дѣлъ, переданная въ Редакціонныя комиссіи въ 1859 г., заключается въ шести книгахъ . . . №№ 144—149

XVIII. Отчеты о занятіяхъ губернскихъ комитетовъ.

Эти многочисленныя, хотя и краткіе, отчеты, одновременно поступавшіе изъ губерній въ министерство внутреннихъ дѣлъ, съ приложеніемъ вѣдомостей и таблицъ—соединены по губерніямъ, въ азбучномъ порядкѣ наименованій губерній, и переплетены въ восемь объемистыхъ томовъ отъ 309 до 770 листовъ въ каждомъ . . . №№ 150—157

XIX. Проекты положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, составленные губернскими комитетами въ 1858—1859 гг.

Розысканы въ различныхъ отдѣльныхъ связкахъ крайне толѣ спутанныя тетради проектовъ положеній о крестьянахъ губернскихъ комитетовъ, съ ихъ многочисленными приложеніями, проектами министерства, отдѣльными мнѣніями членовъ, письмами, записками, статистическими таблицами и вѣдомостями, — каковыя всѣ сведены въ систематическій порядокъ по губерніямъ и переплетены въ пятьдесятъ пять книгъ въ азбучномъ порядкѣ наименованій губерній . . . №№ 158—212.

XX. Своды изъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ; здѣсь-же въ особыхъ книгахъ соединены замѣчанія земскаго отдѣла на эти проекты и представленія о нихъ министра внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланского, въ главный комитетъ, 1858—1860 гг. . . . №№ 213—218

XXI, XXII и XXIII-я группы заключаютъ въ себѣ отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ о размѣрѣхъ надѣловъ, а также на труды редакціонныхъ комиссій, каковыя отзывы представляли члены перваго и втораго приглашенія, 1859—1860 гг.

Отзывы перваго призыва членовъ расположены въ алфавитномъ порядкѣ наименованій губерній, а отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ втораго приглашенія въ хронологическомъ порядкѣ . . . №№ 219—233

Наконецъ, въ XXIV и XXV группахъ соединены журналы Редакціонныхъ комиссій, съ 4-го марта 1859 г. по 10-е октября 1860 г., и за то-же время доклады отдѣленій комиссій, а именно хозяйственнаго, административнаго и юридическаго.

№№: 234—254

Такимъ образомъ въ двухъ стахъ пятидесяти четырехъ переплетенныхъ книгахъ соединены всѣ наиглавнѣйшія и, можно сказать, надрагоцѣннѣйшіе матеріалы къ исторіи освобожденія милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи.

Собраніе этихъ матеріаловъ пребудеть для исторіи славнаго царствованія Александра II Освободителя и великаго дѣла—Его державною волею свершеннаго въ 1857—1861 годахъ—краеугольнымъ камнемъ, на которомъ созиждется вѣковѣчное слово признательности грядущихъ поколѣній Царю-Освободителю.

И будетъ то слово живо, доколѣ будетъ живъ великій русскій народъ.

1-го февраля
1883 г.

ПОРТРЕТЪ АЛЕКСАНДРЫ ОСИПОВНЫ СМИРНОВОЙ,

рожденной Россетъ,

род. 6-го марта 1809 г., † 7-го іюня 1882 г.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1888—1890-хъ гг. помѣщено обширное собраніе писемъ А. О. Смирновой къ Николаю Васильевичу Гоголю, за время съ 1842 по 1851 г. включительно.

Этому любопытному, какъ по отношенію къ Гоголю, такъ и для характеристики русскаго общества Николаевского времени, собранію матеріаловъ, В. И. Шенрокъ, сообщившій намъ эти письма, предпослалъ біографически-характеристическій очеркъ интересной во всѣхъ отношеніяхъ личности А. О. Смирновой („Русская Старина“ 1888 г., т. LVIII, стр. 31—42), а самыя письма г. Шенрокъ весьма обязательно обставилъ примѣчаніями.

Тому-же Владиміру Ивановичу Шенроку редакція „Русской Старины“ обязана доставленіемъ фотографіи покойной Александры Осиповны Смирновой. Это снимокъ съ прекраснаго живописнаго портрета, исполненнаго, по однимъ показаніямъ, въ 1837-мъ году, а по другимъ въ 1845-мъ году Винтергальтеромъ, съ натуры.

Прилагаемая къ этой книгѣ „Русской Старины“ съ помѣнутой фотографіи гравюра особенно тщательно и хорошо исполнена талантливымъ художникомъ Георгіемъ Ивановичемъ Грачевымъ, однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ-учениковъ славнаго ксилографа-академика Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Представляя при настоящей книгѣ изображеніе наружности Александры Осиповны Смирновой,—этого друга великихъ отече-

ственных писателей, каковы Пушкинъ, Гоголь, Жуковский, Лермонтовъ,—мы находимъ совершенно умѣстнымъ напомнить другое изображеніе, именно нравственного облика, этой замѣчательной русской женщины, начертанное перомъ геніальнаго поэта:

Въ альбомъ А. О. Россетти.

„Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и добра
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра.
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набѣло“.

А. С. Пушкинъ.

16 марта 1832 г.

В. К. Кюхельбекеръ.

Необходимо оговорить, что напечатанное выше (см. стр. 280) стихотвореніе дѣйствительно записано В. К. Кюхельбекеромъ (годъ разобрать трудно), но изъ Баргузина пріѣзжалъ не онъ, а братъ его, также декабристъ, изъ моряковъ, Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ, который жилъ тамъ на поселеніи.

П. Труневъ.

Декабря 10-го 1890 г.
Верхнеудинскъ.

Къ Запискамъ Н. А. Огаревой-Тучковой.

Въ Запискахъ моихъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., томъ LXVIII, октябрь, писанныхъ мною въ деревнѣ при отсутствіи справочныхъ книгъ, ввралось нѣсколько фактическихъ погрѣшностей, которыя здѣсь и исправляются мною по весьма обязательнымъ мнѣ указаніямъ троюроднаго брата моего А. И. Д.-З.

Стр. 2, строка 8-я: „Въ 1792 или 1793 году, находясь въ Вильнѣ, дѣдъ мой предъстѣлся необыкновенной красотой и умомъ Каролины Ивановны Ивановой и женился на ней“. Читай не Иванова, а Ивановская; бабушка Каролины Ивановны Тучковой была Лещинская, а мать послѣдней графиня Поцѣй. Родъ Лещинскихъ и графовъ Поцѣй, по своему богатству и политическому вліянію, принадлежалъ къ именитымъ польскимъ фамиліямъ, но вслѣдствіе государственныхъ переворотовъ и конфискаціи ихъ богатѣйшихъ имѣній эти имена въ концѣ XVIII вѣка исчезаютъ.

На 3-ей стр., строка, 23-я сказано: „Четвертаго Тучкова звали Павломъ Алексѣвичемъ—онъ былъ, кажется, членомъ Государственнаго Совѣта“ Павелъ Алексѣвичъ Тучковъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Андреевскій кавалеръ, былъ, дѣйствительно, членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ Комисіи прошеній.

Стр. 8, строка 15: „Одинъ изъ его домовъ былъ проданъ Головкину и перепроданъ кому-то изъ царской фамиліи“; не кому-то, а великому князю Михаилу Павловичу; домъ этотъ перестроенъ въ Михайловскій дворецъ.

Стр. 7, строка 13: „Кажется, эти картины и теперь существуютъ у моего троюроднаго брата, сенатора А. И. Деспота-Зеновича“, слѣдуетъ сказать: не сенатора, а члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ Александра Ивановича Деспота-Зеновича“... и проч.

Стр. 57, строки 20 до 35: „На капикулы Н. Н. поѣхалъ навѣстить родныхъ. Изъ достовѣрнаго источника я узнала, что причины ареста и ссылки моего троюроднаго брата были совсѣмъ иныя, чѣмъ тѣ, которыя мнѣ передавала моя теть, Марія Алексѣевна Тучкова; почему и къмъ она была введена въ заблужденіе на этотъ счетъ—мнѣ неизвѣстно, но моя племянница, Елена Николаевна Сатина, находясь у нея въ гостяхъ, не разъ слышала отъ нея тотъ же рассказъ.

Н. А. Огарева-Тучкова.

Н. П. Огаревъ.

Стихотворенія Н. П. Огарева, сообщенныя А. А. Филипповымъ изъ Рязани и напечатанныя въ ноябрьской книгѣ „Русскій Старинѣ“ изд. 1890 г. стр. 485—486, находятся въ третьемъ изданіи стихотвореній Огарева, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1863 году.

Г. А. Соколовъ.

Екатеринославъ.

Уставъ кассы взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Помѣщаемъ на стр. „Русской Старины“ этотъ „Уставъ“, какъ документъ весьма знаменательный въ жизни литературныхъ труженниковъ нашего отечества; онъ свидѣтельствуетъ о вызывающей полное сочувствіе попытки нашихъ собратьевъ по литературной и ученой дѣятельности стать въ независимое положеніе относительно обезпеченія себя и семьи въ години тяжелой нужды и всякаго рода лишеній.

Составленный Григоріемъ Константиновичемъ Градовскимъ, проектъ этого „Устава“ былъ разработанъ въ особой комиссіи (избранной общимъ собр. литер. фонда 22 окт. 1889 г.) въ составѣ слѣдующихъ лицъ: профес. В. И. Сергѣевичъ (предсѣдат.), В. Л. Беренштамъ, Ф. Ф. Воропановъ, П. А. Гайдебуровъ, Г. К. Градовскій, А. А. Исаевъ и В. Г. Кательниковъ. Проектъ устава принятъ затѣмъ общимъ собраніемъ „Литер. фонда“ 22 апрѣля 1890 г. Разсматривался затѣмъ проектъ въ министерствѣ финансовъ, внутр. дѣлъ и народн. просвѣщенія (при которомъ состоитъ Общество) и въ комитетѣ гг. министровъ. Высочайше утвержденнымъ 9 ноября 1890 года положеніемъ комитета министровъ ¹⁾ предоставлено министру народн. просв. утвердить уставъ, что и состоялось 22-го ноября 1890 г.

Ред.

I. Составъ кассы. 1. Участниками кассы могутъ быть лица обоого пола не моложе 25 лѣтъ, принадлежащія къ ученой и литературной профессіи ²⁾.

II. Права и обязанности членовъ кассы. 2. Участники кассы раздѣляются на разряды, сообразно ихъ платежамъ, которые на первое время опредѣляются: въ 1, 3, 5, 10, 15, 20, 25 и 50 рублей.

3. Каждый участникъ обязанъ, при самомъ вступленіи своемъ въ кассу, избрать одинъ изъ означенныхъ (§ 2) разрядовъ и внести соотвѣтственный своему разряду платежъ въ тройномъ размѣрѣ, въ видѣ вступнаго взноса, для обезпеченія своихъ обязательствъ предъ прочими участниками кассы.

Примѣчаніе. Вступной взносъ допускается производить частями, въ теченіи перваго года пребыванія въ кассѣ, но съ тѣмъ, чтобы не менѣе од-

¹⁾ Распубликовано въ № 124 „Собр. узакон.“ за 1890 г.

²⁾ До открытія дѣйствій кассы заявленія слѣдуетъ адресовать на имя предсѣдателя „Литератур. фонда“ К. К. Арсеньева (Спб., Васильев. остр., 14 лин., д. 23) со свѣдѣніями, означенными въ § 20 устава.

ной трети его было внесено при самомъ вступленіи въ члены ея. Въ теченіи перваго-же года участники кассы могутъ, согласно предварительному о томъ заявленію, освободиться отъ выполненія лежащихъ на нихъ по этому уставу денежныхъ обязательствъ; но въ такомъ случаѣ, въ этотъ-же періодъ времени, они не пользуются никакими правами и выгодами членовъ кассы и срокъ ихъ пребыванія въ ея составѣ долженъ исчисляться съ слѣдующаго года.

4. Сверхъ вступнаго взноса, каждый участникъ обязуется вносить соотвѣтствующіе его разряду платежи въ пользу остальныхъ участниковъ кассы, въ случаяхъ, указанныхъ въ § 9.

5. Къ каждому обязательному платежу, производимому на основаніи § 4, участникъ кассы добавляетъ 10% для составленія пенсіоннаго капитала.

6. Члену кассы предоставляется нормировать свои ежегодные платежи слѣдующимъ образомъ: онъ можетъ вносить ежегодно въ кассу платежи избраннаго имъ разряда по расчету трехъ платежей на 100 участниковъ кассы и, сверхъ того, добавочный взносъ въ 10% въ пенсіонный капиталъ (§ 5). Такіе члены освобождаются отъ всякихъ другихъ взносовъ, хотя-бы дѣйствительные платежи остальныхъ членовъ и превысили указанную норму.

7. Нормированные платежи могутъ быть вносимы или по третямъ года за каждую треть впередъ, или ежемѣсячно равными долями.

8. Для взноса указанныхъ въ §§ 4, 5 и 6 платежей назначается двухмѣсячный срокъ.

Для членовъ, не нормировавшихъ своихъ платежей, срокъ этотъ наступаетъ со времени разсылки требованій правленія кассы и соотвѣтственныхъ публикацій въ газетахъ. Невыполненіе сего условія или заявленнаго при нормировкѣ срока платежей влечетъ за собою послѣдствія по § 23.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда будетъ обнаружено, что участникъ кассы не можетъ внести причитающагося съ него платежа по независящимъ отъ него причинамъ, вслѣдствіе какого-нибудь бѣдствія или непредвидѣннаго недостатка въ средствахъ,—правленіе можетъ отсрочить, не далѣе какъ на полугодіе, примѣненіе къ данному лицу § 23 сего устава, съ начисленіемъ пени въ 1% въ мѣсяцъ съ отсроченнаго платежа.

9. Члены кассы, выполняющіе всѣ свои обязательства, а равно лица, указанные въ § 10, имѣютъ право, съ самаго вступленія своего въ кассу, на полученіе причитающейся имъ суммы въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) въ случаѣ смерти и

б) въ случаѣ старческой немощи (маразма), паралича, увѣчья, чахотки въ послѣдней степени и тому подобныхъ болѣзненныхъ состояній, лишающихъ возможности зарабатывать средства къ жизни собственнымъ трудомъ и удостоивреннаго порядкомъ, указаннымъ въ § 32.

10. Каждый участникъ заявляетъ правленію кассы о томъ, кому, именно, въ случаѣ его смерти, причитающаяся ему сумма должна быть выдана. Эти заявленія могутъ быть измѣняемы. Въ полученіи такого заявленія правленіе выдаетъ росписку, съ обозначеніемъ въ ней лица, которому будетъ слѣдовать выдача. Если участникъ кассы не сдѣлаетъ требуемаго симъ § заявленія, то въ случаѣ его смерти причитающіеся въ его пользу отъ другихъ членовъ взносы отъ нихъ не требуются.

11. Члены кассы, по истеченіи 25 лѣтъ пребыванія въ ней (а если, по

средствамъ ея, окажется возможнымъ, то и ранѣе), приобретаютъ право, на основаніяхъ, какія будутъ опредѣлены впоследствии:

- а) на пенсію и
- б) на освобожденіе, частичное или полное, отъ дальнѣйшихъ обязательныхъ платежей (§§ 4, 5 и 6).

12. Предъ наступленіемъ каждаго года участники кассы могутъ измѣнять размѣръ своихъ платежей на предстоящій годъ, посредствомъ перехода изъ одного разряда въ другой. Если участникъ хочетъ перейти въ высшій разрядъ, то онъ долженъ соответственно увеличить свой вступной взносъ; для перехода-же въ низшій разрядъ достаточно одного заявленія правленію кассы, причеиъ сдѣланный имъ вступной взносъ остается безъ измѣненія.

13. Причитающаяся къ выдачѣ, на основаніи § 9, сумма составляетъ изъ обязательныхъ платежей всѣхъ наличныхъ членовъ кассы. Съ участниковъ одинаковыхъ или высшихъ разрядовъ взимаются платежи, соответствующіе разряду получателя, а съ участниковъ низшихъ разрядовъ—платежи ихъ разрядовъ. Если получатель переходилъ изъ разряда въ разрядъ, то причитающаяся къ выдачѣ ему сумма исчисляется по среднему выводу, опредѣляемому такимъ образомъ:

а) сумма заявленныхъ платежей каждаго изъ тѣхъ разрядовъ, въ которыхъ пребывало данное лицо, дѣлится на число лѣтъ пребыванія сего лица въ кассѣ;

б) сумма всѣхъ дѣйствительно произведенныхъ имъ платежей (за все время пребыванія въ кассѣ) дѣлится на число этихъ платежей;

в) изъ полученныхъ, такимъ образомъ, двухъ среднихъ чиселъ (причемъ дроби менѣе половины отбрасываются, а половина и болѣе ея принимаются за единицу),—избирается высшее. Обязательные платежи участниковъ соразмѣряются съ этимъ среднимъ числомъ, хотя-бы оно и не совпадало съ разрядами, опредѣленными въ § 2.

14. Каждый участникъ кассы имѣетъ право на полученіе причитающейся ему суммы только одинъ разъ, въ одномъ изъ указанныхъ въ § 9 случаевъ: поэтому, лицо, воспользовавшееся этимъ правомъ при жизни (§ 9, п. б),—тѣмъ самымъ выбываетъ изъ состава кассы и заканчиваетъ съ нею всѣ счеты.

15. Причитающіяся участникамъ суммы выдаются изъ наличныхъ средствъ кассы, причеиъ удерживается 5% въ пользу кассы.

16. Въ случаѣ прижизненной выдачи (§ 9, п. б), причитающаяся сумма выдается или лично подлежащему участнику кассы, или тѣмъ лицамъ, на попеченіи которыхъ онъ находится.

17. Не потребованныя по какимъ-либо случаямъ суммы, по истеченіи двухъ лѣтъ со дня смерти участника кассы, обращаются въ пользу послѣдней; затребованныя-же въ теченіи этого срока суммы выдаются безъ начисленія на нихъ процентовъ.

18. Пенсіи и, вообще, всякія выдачи изъ кассы назначаются исключительно участникамъ ея или преемникамъ ихъ правъ, но отнюдь не ихъ кредиторамъ,—такъ какъ всѣ означенныя выдачи имѣютъ характеръ братской помощи, взаимно оказываемой другъ другу участниками кассы.

19. Участникъ кассы, вышедшій изъ ея состава вслѣдствіе невыполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ, можетъ восстановить свои права по внесеніи: а) новаго вступнаго взноса и б) всѣхъ платежей, какіе причита-

лись-бы съ него, если-бы онъ оставался въ кассѣ. Безъ исполненія сихъ условій лицо, выбывшее изъ кассы, можетъ быть принято въ нее не иначе, какъ въ качествѣ новаго члена.

III. Приемъ членовъ. 20. Заявленія о желаніи участвовать въ кассѣ подаются въ правленіе. Въ заявленіи должны быть указаны: данныя о литературной или ученой дѣятельности заявителя, возрастъ его, разрядъ избираемыхъ имъ платежей, порядокъ ихъ взноса и адресъ.

Заявленія эти принимаются во всякое время; но лица, сдѣлавшія ихъ послѣ 1-го октября, могутъ быть приняты въ число участниковъ кассы слѣдующаго года не иначе, какъ взамѣнъ выбывшихъ членовъ того-же разряда.

21. Лица, признанныя правленіемъ имѣющими право участвовать въ кассѣ, подвергаются закрытой баллотировкѣ въ общемъ собраніи членовъ ея, безъ преній.

IV. Выбытіе изъ состава кассы. 22. Участіе въ кассѣ прекращается смертью участника или выходомъ изъ нея.

23. Считаются также выбывшими изъ кассы лица, получившія еще при жизни слѣдующую имъ сумму (§ 9, п. б), а равно и не внесшія въ установленные сроки платежей, причитающихся съ членовъ кассы на основаніи сего устава.

24. Выбывшія изъ состава кассы лица утрачиваютъ всѣ права на помощь кассы, а внесенные ими платежи ни въ какомъ случаѣ не возвращаются.

V. Средства кассы. 25. Средства кассы образуются:

- а) изъ вступныхъ взносовъ (§ 3);
- б) изъ обязательныхъ платежей членовъ (§§ 4 и 6);
- в) изъ 10% прибавки къ означеннымъ (п. с) платежамъ (§ 5);
- г) изъ 5% отчислений отъ выдаваемыхъ кассою суммъ (§ 15);
- д) изъ пожертвованій;
- е) изъ суммъ, полученныхъ отъ устройства въ пользу пенсіоннаго капитала кассы литературныхъ чтеній, концертовъ, спектаклей и т. п. предпріятій.

26. Въ кассѣ образуются три капитала: а) расходный, б) запасный и в) пенсіонный.

27. Расходный капиталъ составляется изъ вступныхъ взносовъ и предназначается для выдачи участникамъ кассы (§§ 9 и 15). Расходный капиталъ пополняется при каждой выдачѣ путемъ поступленія обязательныхъ для членовъ платежей.

28. Запасный капиталъ составляется:

- а) изъ % съ расходнаго капитала;
- б) изъ вступныхъ взносовъ, перечисляемыхъ въ запасный капиталъ за выбытіемъ или за смертью участниковъ кассы;
- в) изъ поступленій въ кассу, не имѣющихъ опредѣленнаго назначенія.

Запасный капиталъ предназначается на удовлетвореніе расходовъ по управленію и на пополненіе, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, расходнаго капитала. Суммы запаснаго капитала, остающіяся свободными за покрытіемъ вышеозначенныхъ расходовъ, могутъ быть перечисляемы въ пенсіонный капиталъ (§ 46, п. з).

29. Пенсіонный капиталъ составляется:

- а) изъ 10% добавочныхъ платежей членовъ (§ 5);
- б) изъ пожертвованій, назначенныхъ въ этотъ капиталъ;
- в) изъ суммъ, указанныхъ въ § 25, п. з;

- г) изъ отчисленийъ отъ запаснаго капитала;
- д) изъ процентовъ съ пенсіоннаго капитала.

Примѣчаніе. Пенсіонный капиталъ считается неприкосновеннымъ.

VI. Управление. 30. Для завѣдыванія дѣлами кассы образуется правленіе и созываются общія собранія участниковъ ея.

31. Правленіе составляется изъ девяти членовъ, избираемыхъ на три года участниками кассы изъ своей среды. Каждый годъ изъ правленія выбываютъ, по старшинству вступленія, три члена и на мѣсто ихъ избираются новые изъ двойнаго числа кандидатовъ, предлагаемыхъ правленіемъ. Выбывшій членъ правленія можетъ быть предложенъ къ избранію въ эту должность не прежде, какъ черезъ годъ по выбитіи изъ правленія.

Примѣчаніе. Первые девять членовъ правленія избираются общимъ собраніемъ учредителей кассы и выходятъ изъ его состава по жребію. Для временнаго замѣщенія членовъ правленія назначаются кандидаты, которыми считаются два участника кассы, получившіе при баллотировкѣ наибольшее число голосовъ вслѣдъ за избранными.

32. Сверхъ указаннаго въ § 31 состава правленія, комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ можетъ назначить въ оное одно или двухъ членовъ изъ своей среды, которые участвуютъ въ засѣданіяхъ правленія съ правомъ голоса наравнѣ съ прочими его членами.

33. Правленіе ежегодно избираетъ изъ своего состава предсѣдателя правленія, секретаря и казначея. Въ случаѣ выбитія или временнаго отсутствія этихъ должностныхъ лицъ, обязанности ихъ возлагаются правленіемъ на другихъ его членовъ, а для замѣщенія сихъ послѣднихъ приглашаются кандидаты.

34. На предсѣдателя правленія, секретаря и казначея возлагается вся исполнительная дѣятельность по кассѣ; счетоводство и отчетность. Порядокъ дѣйствій и обязанности каждаго изъ нихъ опредѣляются инструкціями, составленными правленіемъ и утвержденными общимъ собраніемъ участниковъ кассы.

35. Къ обязанностямъ правленія принадлежатъ: надзоръ за дѣятельностью избранныхъ имъ должностныхъ лицъ и повѣрка суммъ, счетоводства и дѣлопроизводства. Слѣдующіе вопросы разрѣшаются не иначе, какъ по письменнымъ постановленіямъ правленія: а) о пересмотрѣ устава и всѣ, вообще, организаціонные вопросы; б) о созывѣ чрезвычайныхъ общихъ собраній; в) о приѣмѣ новыхъ участниковъ кассы; г) о выдачѣ суммъ, храненіи ихъ и помѣщеніи въ процентныя бумаги, и д) о расходахъ на дѣлопроизводство кассы и вознагражденіе должностныхъ лицъ ея.

36. Всѣ поступления въ кассу, за исключеніемъ суммъ, необходимыхъ для текущихъ расходовъ, обращаются въ % бумаги: государственныя, гарантированныя правительствомъ или обезпеченныя недвижимою собственностью.

37. Правленіе собирается по мѣрѣ надобности. Для дѣйствительности постановленій его требуется участіе предсѣдателя и не менѣе трехъ членовъ. Рѣшенія правленія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, а при равенствѣ ихъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Члены правленія, остающіеся въ меньшинствѣ, могутъ вносить въ протоколъ засѣданій свои особыя мнѣнія.

38. Въ случаѣ требованій о выдачѣ суммъ при жизни участника (§ 9, п. 6) составляется предварительно врачебная коммиссія изъ трехъ врачей - одного

со стороны сего участника, одного со стороны правленія и одного по приглашенію комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Единогласное заключеніе врачебной комиссіи о томъ, что данное требованіе подходитъ подъ дѣйствіе § 9, п. 6, считается обязательнымъ для кассы. Если-же врачебная комиссія не придетъ къ единогласному заключенію, то такое принимается во вниманіе, какъ мнѣніе экспертовъ, и вопросъ разрѣшается правленіемъ, въ составѣ не менѣе какъ 6-ти членовъ, причемъ для выдачи денегъ требуется большинство двухъ третей голосовъ.

39. Жалобы на неправильность дѣйствій или расчетовъ правленія и всѣ, вообще, недоразумѣнія, какія могутъ возникнуть между должностными лицами правленія и участниками кассы или преемниками ихъ правъ, рассматриваются и разрѣшаются правленіемъ. Недовольные рѣшеніемъ правленія могутъ перенести спорный вопросъ на обсужденіе общаго собранія, постановленія котораго обязательны для участника кассы или преемниковъ его правъ.

40. Правленіе обязано составлять списки членовъ, въ томъ числѣ и вновь принятыхъ, не позже какъ къ 1-му декабря каждаго года.

41. Общія собранія бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя, и происходятъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ или его товарища, а въ случаѣ болѣзни или отсутствія ихъ,—подъ предсѣдательствомъ лица, избраннаго общимъ собраніемъ изъ числа двухъ участниковъ кассы, предложенныхъ для сего правленіемъ.

42. Обыкновенныя собранія созываются два раза въ годъ въ январѣ и октябрѣ. Январское собраніе считается годовымъ. Въ семь собраній рассматриваются отчетъ правленія о положеніи дѣлъ кассы и докладъ ревизіонной комиссіи. Въ годовомъ-же собраніи производятся выборы членовъ правленія и утверждаются инструкціи правленію и сметы расходовъ по дѣлопроизводству. Октябрьское общее собраніе предназначается для выбора новыхъ членовъ кассы и для избранія ревизіонной комиссіи, въ составѣ пяти членовъ, изъ числа участниковъ кассы, не занимающихъ должностей по управленію кассы.

43. Чрезвычайныя общія собранія созываются, по мѣрѣ надобности, для разрѣшенія организационныхъ вопросовъ, а равно и текущихъ дѣлъ, которыя не терпятъ отлагательства.

Правленіе обязано созвать чрезвычайное общее собраніе въ случаѣ письменнаго заявленія о томъ не менѣе какъ 25 участниковъ кассы, съ точнымъ обозначеніемъ въ семь заявленій предметовъ, требующихъ экстраординарнаго обсужденія.

44. Для дѣйствительности общихъ собраній требуется участіе въ нихъ не менѣе пятой части пребывающихъ въ Петербургѣ членовъ кассы. За несостоявшимся общимъ собраніемъ, чрезъ двѣ недѣли, созывается новое, которое признается дѣйствительнымъ при какомъ-бы то ни было числѣ явившихся въ него членовъ.

45. Въ публикаціяхъ и повѣсткахъ о созывѣ общихъ собраній должны быть обозначаемы предметы, подлежащіе ихъ рассмотрѣнію.

При созывѣ собраній чрезвычайныхъ или взаимны не состоявшихся, кромѣ публикацій, обязательна разсылка повѣстоовъ жителямъ въ Петербургѣ членамъ кассы.

46. Рѣшенія общихъ собраній постановляются простымъ большинствомъ

голосовъ; но нижеслѣдующіе вопросы разрѣшаются не менѣе какъ большинствомъ двухъ третей голосовъ присутствующихъ въ собраніи членовъ:

- а) пересмотръ, дополненіе или измѣненіе устава кассы;
- б) установленіе предѣловъ ежегоднаго прироста членовъ;
- в) установленіе старшаго предѣльнаго возраста, которому должны удовлетворять лица, вступающія въ члены кассы;
- г) измѣненіе разрядовъ платежей;
- д) измѣненіе условій нормировки платежей;
- е) установленіе правилъ производства пенсій (§ 11, п. а).
- ж) установленіе правилъ освобожденія участниковъ кассы отъ обязательныхъ платежей, съ отнесеніемъ таковыхъ на счетъ кассы (§ 11, п. б);
- з) пополненіе, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, расходнаго капитала и перечисленіе запасныхъ суммъ въ пенсіонный капиталъ;
- и) закрытіе и ликвидація кассы.

47. Если кто-либо изъ членовъ кассы, въ видахъ пользы оной, пожелаетъ сдѣлать предложеніе общему собранію, то обязанъ заявить о томъ письменно правленію, которое представляетъ это предложеніе, съ своимъ заключеніемъ на обсужденіе и разрѣшеніе ближайшаго общаго собранія.

48. Рѣшенія общихъ собраній обязательны для всѣхъ членовъ кассы, хотя-бы и не принимавшихъ участія въ сихъ рѣшеніяхъ.

VII. Филиалныя отдѣленія. 49. Если въ Москвѣ или другомъ городѣ будетъ не менѣе 25-ти участниковъ кассы, то они могутъ образовать филиальное отдѣленіе для обсужденія въ мѣстныхъ собраніяхъ членовъ вопросовъ, указанныхъ въ § 46, и для содѣйствія правленію въ выполненіи лежащихъ на немъ обязанностей.

50. Порядокъ открытія и дѣятельности филиальныхъ отдѣленій опредѣляется общимъ собраніемъ, по представленіямъ и предположеніямъ правленія.

VIII. Открытіе дѣйствій и ликвидація кассы. 51. Дѣйствія кассы открываются не менѣе какъ при ста учредителяхъ.

52. Если по чрезмѣрной убыли членовъ или по какимъ-либо инымъ причинамъ дѣятельность кассы должна будетъ прекратиться, то расходный и запасный капиталъ ея распредѣляется между наличными участниками кассы пропорціонально сдѣланнымъ каждымъ изъ нихъ платежамъ, но не свыше суммы всѣхъ дѣйствительныхъ ихъ взносовъ.

Остающіяся, за таковымъ распредѣленіемъ, суммы расходнаго и запаснаго капитала, а равно и пенсіонный капиталъ, поступаютъ въ пользу „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1891 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ выходитъ въ 1891-мъ году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными лучшими художниками на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ по прежнему помѣщать за своихъ страницахъ, многія, вполнѣ интересныя, записки (мемуары), статьи и матеріалы, относящіяся къ двумъ послѣднимъ столѣтіямъ.

12 книгъ съ портретами, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Обширное собраніе Записокъ (мемуаровъ), Воспоминаній, историко-біографическихъ очерковъ и самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, относящихся къ отечественной исторіи, исторіи русской литературы, художествъ и искусствъ, — постоянно возрастающее въ редакціи «Русской Старины», — многіе уже годы освобождаетъ насъ отъ необходимости заявлять предъ нашими читателями о томъ, что книги «Русской Старины» предстоящаго года будутъ, по прежнему, по возможности полны живаго интереса и значенія. Тѣмъ не менѣе, мы доводимъ до свѣдѣнія читателей, что въ книгахъ «Русской Старины» 1891 года будутъ, между прочимъ, напечатаны: «Записки *А. М. Тургенева*», — «Дневникъ академика *А. В. Никитенко* (1863—1872 гг.)», — «Воспоминанія профессора доктора медицины Николая Ѳед. *Здекауера*, — «Записки профессора *Н. В. Берга*» († 1884 г.), — «Записки *Н. А. Огаревой-Тучковой* (1856—1878 гг.)»; — Очерки и воспоминанія: ген.-отъ-инф. *А. А. Однцова*, *Н. В. Вершина* и *Штрандмана* (1769—1790 гг.); кн. *И. Горчакова*; кн. *Яшвиля*; *М. А. Бестужева*; *В. К. Кюхельбекера*; маркиза *де-Кюстина*; *Печерина*; *Третьякова* (о московскомъ университетѣ); *П. Д. Шестакова* (о гр. Д. А. Толстомъ и казанскомъ университетѣ); *Хржановскаго* и *Мохначкаго* (1831 г.); архимандрита *Терлецкаго*; проф. *Ростиславова*, и многихъ другихъ; — Изслѣдованіе о царствованіи Александра I», *Н. К. Шильдера*, — и пр.

[См. на оборотѣ].

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ФЕВРАЛЬ 1891 г.

II

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1891 г. принимается для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (Невскій пр., д. № 20 у Полицейскаго моста). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха) и Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., а иногородные, переходя въ городскіе—50 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки присылаются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1891 года получаютъ за **ОДИНЪ** руб., при чемъ на пересылку прилагаютъ 21 коп. (почтов. марками): —

Пятое собраніе портретовъ, превосходно выполненные, весьма точные снимки *гелиогравюръ* съ лучшихъ старинныхъ гравюръ на металлѣ, портреты: императрица — Екатерина I, — Анна Иоанновна, — Елисавета Петровна, — Екатерина II, — Марія Ѳеодоровна (два портрета), — Елисавета Алексѣевна, — Александра Ѳеодоровна (фототипія) и Марія Александровна, — великая княгиня Елена Павловна, († 1873 г.), — эти снимки вполнѣ художественно исполнены—девять портр. въ Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ художникомъ Г. Н. Скамони въ Спб. и одинъ—фирмою *Набольцовъ* и *Шереръ* въ Москвѣ. Портреты съ біографическими очерками. Спб. 1891 г.

Цѣна V-го вып. „Альбома“ для подписчиковъ „Русской Старины“ на 1891 г. одинъ руб., за пересылку 3 почт. марки (21 коп.), для прочихъ лицъ три руб. [Альбомъ будетъ разосланъ, по заявленіямъ, желающимъ съ *наложеніемъ платежа* въ февралѣ 1891 года. Напечатано всего лишь 1,600 экз.]. Альбомы выпуски III и IV, цѣна по рублю, пересылка 3 почтовыхъ марки (21 коп.).

Изд.-Ред. «Русской Старины» **Мих. Ив. Семѣвскій.**

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимает на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ наталогахъ.

НВ. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Медумическія матеріализаціи. Переведено съ англійскихъ и американскихъ изданій Н. Петровымъ. (Съ 5-ю фото-типіями). 1891. 8°. 2 нен. + 338 стр. Ц. 3 р. 75 коп.

Переписка Бенедикта-де-Спинозы, съ приложеніемъ жизнеописанія Спинозы І. Колеруса. Переводъ съ латинскаго Л. Я. Гуревичъ, подъ ред. и съ примѣчаніями А. Л. Волинскаго. Съ портретомъ и факсимиле Спинозы. Спб. 1891. 8°. VIII+XIII+432 стр. Ц. 6 р.

Рѣдинъ, П. Г.—Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Томъ 6-й. Спб. 1891. 8°. 498 стр. Ц. 3 р.

Антоночъ, А. Я., проф.—Курсъ государственнаго благоустройства (полицейскаго права). Часть 2-я. Кіевъ. 1890. 8°. VIII+312 стр.

Гуевъ, А. Н.—Уставъ о гербовомъ сборѣ и алфавитный перечень документовъ и актовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ, опубликованный въ Собр. узак. 1890 г., въ № 101, ст. 1.017 (прил.). Изд. неофициальное, 6-е. Харьковъ. 1890. 8°. 234+2 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Труды курляндскаго губернскаго статистическаго комитета. Т. XVIII. Подъ ред. Я. И. Лудмера. Изд. курл. губ. стат.

комитета. Митава. 1890. 8°. IV+388 стр. 250 экз. Ц. 1 р.

Южановъ, С.Н.—Соціологическіе этюды. Изданіе пересмотрѣнное и дополненное. Сиб. 1891. VIII+278 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Архивъ князя Воронцова. Книга 37-я (Автобіографія кн. М. С. Воронцова. — Его письма къ разнымъ лицамъ.—Письма къ нему бар. Николаи, гр. Закревскаго, гр. Каподистрии). Москва. 1891. 8°. X+472 стр. Ц. 3 р.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящею при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторѣ. Часть 5-я, томъ II. Вып. 1-й. Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 гг. Кіевъ. 1890. 8°. 239+382 стр.—Вып. 2-й. Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 гг. Кіевъ. 1890. 8 д. Стр. съ 383 по 1.045+IV. Ц. за оба выпуска 4 р.

Благовѣщенскій, Н. М.—Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Съ рисунками. Спб. 1891. 149 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Брайсъ, Джемсъ.—Священная римская исторія. Перевелъ съ послѣд. изд. Д. М. Петрушевскій. Москва. 1891. 8°. XXVII+382 стр. Ц. 2 р.

Елпатьевскій, К. — Учебникъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Спб. 1891. 8°. VI+431 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга 7-я. Москва. 1890. 8°. XII+214+426 стр. Ц. 3 р.

Павловскій, И. Ф. — Историческій очеркъ Петровскаго полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890). По официальнымъ даннымъ. Полтава. 1890. 8°. 183+113+VIII стр. 720 экз.

Плещеевъ, А. Н. — Жизнь Диккенса. Спб. 1891. 8°. 294+II стр. и 1 портретъ. Ц. 1 р.

Рингъ, Мавсъ. — Джонъ Мильтонъ и его время (революціяхъ въ Англіи). Романъ. Спб. 1891. 8°. 482 стр. Ц. 2 р.

Сборникъ снимковъ съ предметомъ древности, находящихся въ гор. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Вып. 1-й. Кіевъ. 1890. 4°. 12 стр. Ц. 1 р. 85 к.

Соколовъ, М. И. — Переписныя книги костромскаго ипатіевскаго монастыря 1595 года. Москва. 1890. 8°. XI+60 стр. Ц. 50 к.

Соловьевъ, Сергій. — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ 3-й. Изд. 6-е. Москва. 1890. 8°. 411 стр. и III таблицы. Ц. 2 р.

Титовъ, А. — Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири. Москва. 1890. 8°. XI+26+XXII стр.

Шульгинъ, Я. Очеркъ — колонизціи по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ. Кіевъ. 1890. 8°. 209 стр. Ц. 1 р.

Ренлю, Э. — Земля и люди. Всеобщая географія. XI. Сѣверная Африка, Тунисъ, Алжирія, Марокко, Сахара. Съ 82 рисунками и картою. Изд. картограф.

заведенія А. Ильина. Спб. 1891. 8°. 3 неп.+742 стр.

Газенкампфъ, М. — Военное хозяйство. Курсъ старшаго класса николаевской академіи генеральнаго штаба. Изд. 2-е. Вып. 1-й. Издано при содѣйствіи никол. академіи генер. штаба. Спб. 1890. 8°. VII+VI+275+II стр. Ц. 2 р. 50 к.

Орловъ, Н., полк. — Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1790 году (Съ портретами, рисунками и планами). Спб. 1890. 8°. 197 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гордонъ, Л., д-ръ. — Голосъ и рѣчь. Общедоступное описаніе органовъ голоса и рѣчи и ихъ дѣятельности въ здоровомъ и больномъ состояніи. Съ 87 рисунками въ текстѣ. Вильна. 1891. 8°. XX+288 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Труды геологическаго комитета. Томъ X, № 1. Вѣренское землетрясеніе 28 мая (9 іюня) 1887 г. И. В. Мушкетова. (Съ 4-мя картами и 43-мя политипажами въ текстѣ). Спб. 1890. 4°. 154 стр. 600 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Repertorium по частной патологіи и терапіи внутреннею болѣзней. Составлено примѣнительно къ программѣ испытанія на званіе лѣкаря въ медицинскій комиссіи. Изд. книгопр. Ф. Югансона. Кіевъ. 1890. 16°. 743 стр. Ц. 2 р.

Васильевъ-Яковлевъ, П. — Сборникъ задачъ по коммерческой ариметикѣ. Для коммерческихъ и реальныхъ училищъ. Сост. по программѣ М-ва Нар. Просвѣщ. Изд. 3-е, исправ. и дополненное. Кіевъ. 1890. 8°. VI+160 стр. Ц. 85 коп.

Фельзенгардтъ-Снальскій, А. — Для гг. оптиковъ. Научныя наставленія для выбора очковъ. Сост. по д-ру Бурову. Изд. автора. Варшава. 1890. 8°. 48 стр. Ц. 1 р.

Химическая технология. Сочиненіе Р. Вагнера, обработанное Ф. Фишеромъ. Съ 13-го изданія „Handbuch der chemischen Technologie von R. Wagner, neu bear-

beitet von F. Fischer“ перевелъ В. Тинзенгольтъ. Вып. 2. Съ 93 рисунками. Спб. 1890. 8°. Съ 129 по 256 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 10 к.

Епанчинъ, К. — Ландшафтныи садъ. (Устройство ландшафтныи садовъ съ планами и чертежами. Выборъ растений для украшенія террасъ, балконовъ, рѣшетокъ и бесѣдокъ и проч.). Изд. 2-е, вновь пересмотрѣнное и дополненное. Москва. 1891. 8°. 2 неп.+106 стр. Ц. 1 р.

Ельсинъ, А. И. — Правила ударенія въ русскомъ языкѣ. (Теорія русскаго ударенія, образованіе и характеристика суффиксовъ и проч.). Варшава. 1890. 8°. IV+X+198 стр. Ц. 75 к.

Плавть-Титъ-Манцій. Горшковъ (Aulularia) Переводъ А. Фета. Москва. 1891. 8°. V+76 стр. Ц. 1 р.

Андреевскій, С. А. — Литературныи чтенія. (Баратынскій. — Достоевскій. — Гаршинъ. — Некрасовъ. — Лермонтовъ. — Левъ Толстой). Спб. 1891. 12°. 285 стр. Ц. 1 р.

Майковъ, Вал. — Критическіи опыты (1845—1847). Съ приложеніемъ портрета В. Н. Майкова и матеріаловъ для его біографіи и литературной характеристики. Спб. 1891. 8°. XLVII+750 стр. Ц. 3 руб.

Барышнинъ, П. — Русская хрестоматія. Съ приложеніемъ матеріаловъ для церковнославянскаго чтенія, задачъ для письменныи упражненій и словаря малопонятныи словъ. Часть 3 и 4-я. Курсъ 5-го и 6-го отдѣленій городского училища. Москва. 1891. 8°. 334+II стр. Ц. 75 к.

— Русская хрестоматія. Съ приложеніемъ 12 ти біографій русскіи образцовыи писателей, задачъ для письменныи упражненій и словаря малопонятныи словъ. Часть 5 и 6-я. Курсъ 5-го и 6-го отдѣленій городского училища. Москва. 1891. 8°. IV+470 стр. Ц. 1 р.

Амчись-де, Э. — Книга для дѣтей. Дневникъ школьника. (Suore). Редакція перевода и предисловіе В. Крестовскаго (псевдонимъ). Рисунки русскіи художниковъ. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1891. XVI+411 стр. Ц. 2 р.

Жизнь и приключенія Робинзона Крузо. По Даніелю де-Фоэ. Изданіе для дѣтей. Съ 8 картинами. Спб. 1891. 8°. 264 стр. Ц. 1 р.

Ансановъ, К. С. — Сочиненія. Томъ I. Изд. 2-е. Москва. 1889. 8°. VII+599+II стр. Ц. 2 р. 25 к.

Атава, Сергѣй (Терпигоревъ). Историческіи рассказы и воспоминанія. Спб. 1891. 12°. 314 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Афанасьевъ, А. С. (Чужбинскій). — Собраніе сочиненій. Томъ II. (Очерки прошлаго). Подъ ред. П. В. Быкова. Спб. 1891. 8°. 518 стр. Ц. 2 р.

Гаршинъ, Вс. — Третья книжка рассказовъ. (Очень коротенькій романъ. — Лягушка путешественница. — Сказаніе о гордомъ Аггеѣ и друг.). Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и біографіи, написанной А. М. Скабичевскимъ. Спб. 1891. 8°. CVII+169 стр. Ц. 1 р.

Динненъ, Ч. — Замогильныи записки Пикквикскаго клуба, или подробный и достовѣрный рапортъ о странствованіяхъ, путешествіяхъ, приключеніяхъ и забавныи дѣйствіяхъ ученыхъ членовъ-корреспондентовъ покойнаго клуба. Романъ въ переводѣ И. Введенскаго. Въ 2-хъ томахъ. Томъ I и II. Съ 57-ю рисунками Фица. Изд. 4-е. Москва. 1891. 8°. 714+II стр. Ц. 3 р. 60 к.

Динненъ, Ч. — Рождественская пѣсня въ прозѣ. Святочный рассказъ. Новый переводъ съ англійскаго С. Долгова. Москва. 1891. 8°. 144 стр. Ц. 75 к.

Додэ, Альф. — Портъ Тарасковъ. Последнія приключенія славнаго Тартарена. Переводъ съ французскаго. Изд. редакціи „Русскіи Вѣдомостей“. Москва. 1891. 8°. VIII+314 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Додэ, Альф. — Портъ-Тарасковъ. Последнія приключенія знаменитаго Тар-

тарена. Переводъ М. Н. Ремезова. Изд. редакціи журнала „Русская Мысль“. Москва. 1891. 8°. III+207 стр. Ц. 1 р.

Ночь-Мурлыка.—Повѣсти, сказки и рассказы. Томъ 5-й. (Звѣзды. Въ шахтѣ. Дубовая кора. Лазарь убогой. Любка. Ячико и друг.). Спб. 1891. 335 стр. Ц. 1 р. 75 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас.—Сказки дѣйствительности. (Егорка.—Сорокъ пять дней—Застрѣлился.—Въ театрѣ попала.—Бессонная ночь.—Приключеніе „Коровьяго сѣдла“). Спб. 1891. 12°. 465 стр. Ц. 2 р.

Потапенко, И. Н.—Повѣсти и рассказы. Томъ 1-й. (Святое искусство.—Потѣшная исторія.—Здравыя понятія.—Никогда!). Спб. 1891. 8°. 317 стр. Ц. 1 р.

— То-же. Томъ 2-й. (На дѣйствительной службѣ.—Секретарь его превосходительства.—Рѣдкій правдикъ.—Проклятая слава). Спб. 1891. 8°. 320 стр. Ц. 1 р.

Успенскій, Глѣбъ.—Сочиненія. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго. (При 1-мъ томѣ). Томъ 3-й. Спб. 1891. 8°. 740 стр. столб. Ц. 1 р. 50 коп.

Пособіе по рисованію. Часть 1-я. Упражненіе въ рисованіи простѣйшихъ и знакомыхъ учащимся предметовъ для I и II классовъ народныхъ школъ, также и для частнаго преподаванія. 14 таблицъ. Часть 2-я. Методически составленный учебный матеріалъ для рисованія въ народныхъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 28 таблицъ. Сочиненіе проф. Елинекъ. Русское изданіе сост. І. Адамекъ. 16°. 8 стр. текста и таблицы рисунковъ. Ц. 1 руб. 30 коп.

Султановъ, Н.—Памятники зодчества у народовъ древняго и новаго міра. Часть I. Атласъ съ 494-мя рисунками на 32-хъ

таблицахъ. (Институтъ гражданскихъ инженеровъ). Спб. 1890. 4°. 32 табл., 600 экз. Ц. съ текстомъ 6 руб.

Губинъ, П. М.— Полное руководство къ псовой охотѣ. Въ 3-хъ частяхъ. Москва. 1891. 8°. XIII+151+XI+182+153+XI стр. Ц. 12 р. 50 к.

Цумерторгъ, У. и Дюфрень.—Руководство къ шахматной игрѣ. Съ 120 различными діаграммами и 42 пояснительными партіями шахматистовъ и шахматныхъ клубовъ. Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1891. 8°. 229+II стр. Ц. 1 р. 50 к.

Адресъ-календарь города Москвы на 1891 годъ, съ планомъ гор. Москвы. Изд. московской городской управы. Москва. 1890. 8°. 60+LVI+720+XXXV+240+10 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Балашевъ, В. С.—Судебный календарь на 1891 годъ. Ч. I. Спб. 1890. 12°. III+16+132+168 стр.

— То-же. Ч. II. Спб. 1890. 12°. 159 стр. Ц. за двѣ части 1 руб.

Нуртъ, Э.—Тарифъ и тарифныя правила для грузовъ, отправляемыхъ по николаевской желѣзной дорогѣ, съ приложеніемъ таблицъ готовыхъ по-пудинныхъ и повагонныхъ расчетовъ (изд. неофициальное). Спб. 1891. 8°. 245 стр. и 25 таблицъ. Ц. 1 р.

Острогорскій, М.—Юридическій календарь на 1891 г. (Годъ 15-й). Спб. 8°. VII+335 стр., 5.250 экз.

— Часть 2-я. Спб. 1891. 16°. XII+156 стр. Ц. за обѣ части 1 р.

Каталогъ журнала „Вѣстникъ Европы“ за двадцать-пять лѣтъ 1866—1890 гг., съ алфавитнымъ указателемъ именъ авторовъ. Редакторъ М. М. Стасюлевичъ. Спб. 1891. 8°. 166 стр. Ц. 1 р.

* **Авенариусъ, В. П.** Три вѣнца. Романъ изъ временъ перваго самозванца. Въ 3-хъ частяхъ. Спб., 1891 г., 8 д., стран. 537. Цѣна 1 р. 50 коп.

* **Балашовъ, В. С.** Судебный календарь на 1891 годъ. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1890 г., 12 д. Ц. 1 р.

* **Вобринскій, графъ Александръ Алексѣевичъ.** Дворянскіе роды, внесенные въ общій Гербовникъ Всероссійской Имперіи. Часть I: до конца XVI ст.; часть II: отъ начала XVII ст. до 1885 года. Спб., 1890 г., б. 8 д. Ц. за двѣ части 8 руб.

* **Валеріанъ Майковъ.** Критическіе опыты (1845—1847). Съ приложеніемъ портрета В. Н. Майкова и матеріаловъ для его біографіи и литературной характеристики. Изд. журнала «Пантеонъ Литературы». Спб., 1891 г., б. 8 д., стран. XCVII+750. Цѣна 3 руб.

* **Витевскій, В. Н.—И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.** Историческая монографія. Вып. 3-й. Съ приложеніемъ литографированнаго вида съ иконостаса походной церкви Воскресенія Христова, сдѣланнаго по рисунку Петра Великаго и подареннаго имъ своему крестнику калмыцкому тайдшѣ Бакасадай-Дорджи, а по крещеніи П. П. Тайшику. Казань, 1891 г., б. 8 д. Ц. 2 р. 50 к.

* **Воронихинъ, Н.** Двадцатипятилѣтіе дѣятельности врачей, окончившихъ курсъ въ императорской медико-хирургической академіи въ 1865 году. Спб., 1890 г., 8 д., стр. 272.

* **Гаршинъ, Евгеній.** Критическіе опыты. (Историческая жизнь.— Наши духовные отцы.—Поэзія Я. П. Полонскаго.— Драммы Островскаго, какъ основа народнаго репертуара.—Русская драма на новомъ пути.—Русская литература за 1886 годъ). Спб., 1888 г., м. 8 д., стран. 260. Цѣна 1 руб.

* **Голицынъ, князь Н. С.** Благородный пансіонъ Императорскаго Царскосельскаго лицея 1814—1829 гг. Спб. 1869 г., 8 д., стр. 402. Цѣна 1 р. 50 коп.

* **Голицынъ, князь Н. С.** Неправильности въ современномъ разговорномъ, письменномъ и книжномъ русскомъ языкѣ. Спб. 1890 г., 8 д., стран. 23. Ц. 25 коп., съ пересылкой 35 коп.

* **Джонъ Локкъ.** Мысли о воспитаніи. Переводъ съ англійскаго Петра Вейнберга. Приложеніе къ журналу «Русская Школа» за 1890 г. Спб. 1890 г., м. 8 д., стран. VIII+246.

* Этими знаками отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ Мих. Ив. Семева («Русской Старинѣ»), въ теченіе послѣдняго мѣсяца.

* **Елпатьяевскій, К.** Учебникъ Русской Исторіи, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 2-е изданіе исправленное и дополненное. Спб., 1891 г., 8 д., стр. 431. Цѣна 1 р. 30 коп.

* **Живая Старина.** Периодическое изданіе отдѣленія этнографіи Императорскаго русскаго географическаго общества, подъ редакцію предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи В. И. Ламанскаго. Выпускъ II. Спб., 1890 г., б. 8 д., стран. 236. Ц. 1 р. 75 к.

* **Зелинскій, В.** Корнесловъ русскаго языка. Составленъ по изслѣдованіямъ авторитетныхъ филологовъ. Москва. 1891 г., б. 8 д., стран. IV+67. Ц. 50 коп.

* **Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ.** Биографическій очеркъ и рѣчи при погребеніи. Казань, 1891 г., 8 д., стран. 121.

* *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxiae, graecae et latinae.*—Iussa et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici, edidit Basilius Latyschev. Volumen Secundum, inscriptiones regni bosporani continens.—Petropoli. 4 д. Стран. LVI+351.

* *Inscriptiones Palaeo-Persicae.* Achaemenidarum quot hucusque repertae sunt ad apographa viatorum criticasque Chr. Lassenii, Th. Benfeyi, J. Oppertii nec non Fr. Spiegelli editions Archetyporum typis. Primus edidit et explicavit commentarios criticos adjecit glossariumque comparativum Palaeo-Persicum subjunxit Dr. Cajetanus Kassowicz.—Petropoli. 8 д.

* **Историческое Обзорѣніе.** Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ за 1890 г. Томъ первый. Спб., 1890 г., 8 д., стр. II+324+64. Ц. 2 р. 50 к.

* **Изъ Мицкевича.** Переводы Н. П. Семенова. Спб., 1885 г., 8 д., стр. XVI+169.

* **Кузнецовъ, Е. В.** Начальная шитика объ Ермакѣ. Тобольскъ, 1890 г., 8 д., стр. 13.

* **Кузнецовъ, Е. В.** Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Тобольскъ, 1890 г., 8 д., стр. 31.

* **Милорадовичъ, графъ Алкснд. Григ.** Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Черниговской губерніи, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу, раздѣленную на шесть частей. Черниговъ, 1890 г., 8 д., стран. 29.

* **Оглоблинъ, Н.** Семень Дежневъ (1638—1671 гг.). Новыя данныя и пересмотръ старыхъ. Спб., 1890 г., 8 д., стр. 60.

* **Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.** Книга седьмая. Москва, 1890 г., б. 8 д., стр. XII+214+426. Ц. 3 р.

* **Памятная книжка и адресъ-календарь** Пермской губернии на 1891 годъ. Съ картою градобитій Оханскаго уѣзда. Изданіе Пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Пермь, 1890 г., 8 д. Цѣна 1 рубль.

* **Петроковъ, Николай.** «Городъ Бердичевъ». Клевъ, 1832 г., 8 д., стран. 57 (въ продажѣ не имѣется).

* **Ремезовъ, И. С.** Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи.—Самоучки. Съ приложеніемъ 4-хъ портретовъ. Спб. 1886 г., 8 д., стран. 162. Ц. 1 р. 50 коп.

* **Ремезовъ, И. С.** Сказаніе о подвигахъ Святаго Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Изд. 4-е. Спб. 1884 г., 16 д., стран. 51+X. Цѣна 10 коп.

* **Ремезовъ, И. С.** Сказаніе о подвигахъ Святаго Благовѣрнаго великаго князя Владиміра Равноапостольнаго. Изд. 3-е. Спб. 1887 г., 16 д., стран. 92. Цѣна 10 коп.

* **Ремезовъ, И. С.** Сказаніе о подвигахъ первой русской великой княгини-христіанки Святой Ольги. Изд. 2-е. Спб., 1891 г., 16 д., стран. 62. Цѣна 10 коп.

* **Ремезовъ, И. С.** Нижегородскій механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ. Изд. 5-е. Спб., 1890 г., 16 д., стр. 46. Ц. 10.

* **Ремезовъ, И. С.** Московскій крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ. Спб., 1883 г., 16 д., стр. 110. Ц. 10 коп.

* **Ремезовъ, И. С.** Курскій астрономъ-самоучка Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ. Изд. 2-е. Спб., 1889 г., 16 д., стр. 46. Ц. 10 к.

* **Ремезовъ, И. С.** Ярославскій крестьянинъ-стихотворецъ Ѳедоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ. Изд. 3-е. Спб., 1884 г., 16 д., стр. 46. Цѣна 10 коп.

* **Ремезовъ, И. С.** Арзамасскій мѣщанинъ-иконописецъ Александръ Васильевичъ Ступинъ. Спб., 1880 г., 16 д., стр. 42. Ц. 10 к.

* **Ремезовъ, И. С.** Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ. Изд. 4-е. Спб., 1889 г., 16 д., стр. 61. Цѣна 10 коп.

* **Сибирская желѣзная дорога.** Сообщение генеральнаго штаба полковника Волошинова въ Императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ, 5 дек. 1890 г. Спб., 1890 г., 8 д., стр. 28.

По желанію и заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетъ. Цѣны переплетовъ: шагреновый съ каленкоромъ—80 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

Alfred Rambaud. „Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française, publié sous les auspices de la commission des archives diplomatiques au ministère des affaires étrangères. Russie. Avec une introduction et des notes“. (Два тома, въ 8 д., на голландской бумагѣ, ц. 45 фр. Издатель Феликсъ Алканъ).

Нынѣ вышелъ въ Парижѣ второй и послѣдній томъ этого изданія.

Первый томъ названнаго сочиненія заключалъ въ себѣ документы отъ начала дипломатическихъ сношеній Франціи съ Россіей до 1748 г.; во второмъ томѣ, только что вышедшемъ въ свѣтъ, помѣщены документы съ 1748 г. до французской революціи.

С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды. Изданіе пересмотрѣнное и дополненное. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

«Соціологическіе этюды» С. Н. Южакова, впервые появившіеся въ журналѣ «Знаніе» въ 1872—1873 гг., давно обратили на себя вниманіе читателей и вызвали самые сочувственные отзывы специалистовъ по соціологіи и философіи исторіи. Въ виду этого ихъ отдѣльное изданіе, дополненное двумя новыми главами, безъ сомнѣнія, встрѣтитъ любезный приемъ со стороны всѣхъ интересующихся вопросами соціологіи. Задачи соціологіи, строеніе общества и его отправленія, общественное развитіе и прогрессъ, опредѣленіе общества, половой подборъ въ органическомъ прогрессѣ, половой подборъ въ бракѣ и внѣ брака, историческій подборъ и первобытныя общества, органическая наследственность орудій борьбы, борьба за существованіе и нравственность, борьба за существованіе и Мальтусовы прогрессіи, наследственность и измѣнчивость въ историческомъ прогрессѣ, роль физической среды въ исторіи — таковы вопросы, которымъ посвящена книга С. Н. Южакова. Къ ней приложена еще статья о «субъективномъ методѣ въ соціологіи». Не сомнѣваясь въ успѣхѣхъ этого изданія, мы выразимъ желаніе, чтобы талантливый авторъ, много поработавшій также надъ изученіемъ экономическаго быта русскаго народа и напечатавшій (въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и «Русской Мысли») не мало интересныхъ монографій по вопросамъ соціологіи, политической экономіи и политики, собралъ въ особые сборники и эти труды, всегда проникнутые честною идеею и оригинальною мыслію.

В.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ И МАГАЗИНѢ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

МИХ. ИВ. СЕМЕВСКАГО.

можно получить какъ вышеназванныя, такъ и нижеслѣдующія книги:

- I. Архивъ князя Федора Алексѣевича Куракина, томъ I-й, издаваемый кн. Ф. А. Куракинымъ, подъ редакцію М. И. Семевскаго, изд.-ред. «Русской Старины». Спб. 1890 г. 8 д. стр. XXVI+387, съ приложеніями: портретъ кн. Б. И. Куракина и два снимка съ его рукописи. Цѣна экз. на веленовой бумагѣ 3 руб., на простой—2 руб. съ пересылкою.
- II. Систематическая Роспись содержанія «Русской Старины» за первыя пятнадцать лѣтъ, 1870—1884 гг. Книга въ 8 д., 300 стр. украшенная многими гравюрами. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.
- III. Первое прибавленіе къ этой Росписи, 1885—1887 гг., съ 12 гравюрами. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- IV. Второе прибавленіе къ этой Росписи, 1888—1890 гг., съ 12 гравюрами. Спб. 8 д., 1891 г. Цѣна 2 руб., пересылка 21 коп. марками.
- V. Слово и дѣло! Историческіе очерки М. И. Семевскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8 д., 350 стр. съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- VI. Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ. Историческій очеркъ М. И. Семевскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8 д., 350 стр. Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ. Цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- VII. Описаніе Венгерской войны 1849 г., сочиненіе генерала И. И. Ореуса, съ приложеніемъ 14 картъ и плановъ, составленное по архивнымъ неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ б. 8 д. Стр. 546+118. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- VIII. Записки Сельскаго Священника, о протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб. 1882 г., въ 8 д., изд. второе, дополненное (всего 132 экз.). Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- IX. Путевыя Записки по Сибири архіепископа Нила. Ярославль. 2 части. 497 стр.+XIV стр. алфавитнаго указателя и фотолитографическій портретъ автора. Цѣна безъ перес. 65 к., съ перес. 1 руб.

- X. «Знакомые»—альбомъ М. И. Семеваго, издателя-редактора историческаго журнала «Русская Старина»—автобиографическія замѣтки 850 извѣстныхъ дѣятелей, людей государственныхъ, ученыхъ, писателей, артистовъ и друг. Спб.; 450 стр. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- XI. Третье собраніе портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей. Гравюры лучшихъ русскихъ художниковъ (на деревѣ). Содержаніе третьяго сборника гравюръ «Русской Старины»: Владиміръ св.—П. Еропкинь.—Графъ Тотлебенъ.—Кня. М. Щербатовъ.—А. Фигнеръ.—А. Сеславинъ.—М. Муравьевъ-Апостоль.—Гр. В. Панинъ.—Гр. С. Строгоновъ.—Я. Соловьевъ.—С. Зарудный.—Гр. Н. Евдокимовъ.—П. Зотовъ.—К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Кукольникъ.—М. Глинка.—М. Каченовскій.—Д. Бантышъ-Каменскій.—В. Нарѣжный.—А. Бестужевъ.—М. Лермонтовъ.—И. Аксаковъ.—Гр. Л. Толстой.—М. Розенгеймъ.—С. Макарова.—Г. Ломакинъ.—Э. Стоговъ.—Отшельникъ Ѳедоръ.—Памятникъ и барельефъ на общей могилѣ Воынского, Еропкина и Хрущева.—Памятникъ Славы.—Цѣна 1 руб., на пересылку прилаг. 21 к. почт. марками.
- XII. Четвертое собраніе портретовъ русскихъ дѣятелей. Гравюры исполнены на мѣди проф. И. П. Пожалостиннымъ и художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ. Въ этомъ альбомѣ помѣщены особенно хорошо исполненные портреты: Александръ II.—Великій Князь Константинъ Николаевичъ.—Митрополитъ московскій Филаретъ (Дроздовъ).—Гр. Д. А. Милютинъ.—Статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ.—Гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ.—Графъ М. Х. Рейтернъ.—Н. И. Костомаровъ.—Графъ Л. Н. Толстой.—А. Г. Рубинштейнъ.—Цѣна 1 руб., на пересылку прилагается 21 коп. почтовыми марками.
- XIII. Пятое собраніе портретовъ русскихъ дѣятелей. Сборникъ превосходныхъ геліографюръ. Спб. 1891 г. См. выше стр. II.
- XIV. Портретъ Императора Александра II. Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись: «Александръ II, Императоръ Всероссійскій. Рисоваль и гравироваль на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ, граверъ Его Императорскаго Величества» (Величина гравюры— $\frac{3}{4}$ аршина высоты). Цѣна 50 коп. (почтовыми марками) съ пересылкою въ хорошо укупоренномъ картонѣ.

- XV. **Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса.** Историческій очеркъ П. А. Матвѣева, съ приложеніемъ также Тырновской конституціи. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- XVI. **Записки Никиты Ивановича Толубѣева (1780—1809 гг.).** Спб. 1888 г., изданіе «Русской Старины», въ 8 д. стр. 168. Рукопись изъ собранія А. А. Титова. Цѣна 1 р., пересылка 21 к.
- XVII. **Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г.** Состав. Л. М. Чичаговъ. Второе изданіе, дополненное многими весьма интересными подробностями. Спб. 1887 г. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- XVIII. **Воспоминанія А. Г. Рубинштейна;** второе изданіе ред. «Русской Старины» — автобиографическія записки. Спб., 1889 г., въ 8 д. Съ портретомъ А. Г. Рубинштейна. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- XIX. **Крестыянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.** Соч. доктора рус. ист. В. И. Семевского. Два тома, ц. по 3 р. т.
- XX. **Василій Ивановичъ Водовозовъ.** Биографическій очеркъ В. И. Семевского. Спб. 1888 г. 169+VIII стр. Цѣна 50 коп.
- XXI. **Жизнь Европейскихъ народовъ,** соч. Е. Н. Водовозовой, ч. I, II и III. Изданіе дополненное и вновь переработанное. Съ рисунками. Цѣна каждой части 3 руб. 75 коп., въ изящномъ переплетѣ 4 руб. 55 коп.
- XXII. **Александръ I на молебствіи въ Парижѣ, въ 1814-мъ году.** Весьма рѣдкая, въ 8 д., современная гравюра художника Ческаго. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- XXIII. **Барсовъ, Николай Ив.,** бывшій профессоръ Спб. духовной академіи. — Какъ училъ о крестномъ знаменіи святѣйшій Іовъ, патріархъ московскій и всея Руси? — По поводу книги пресвященнаго Никанора: «Бесѣда о перстосложеніи». Спб., 1890 г., 8 д., стран. 23. Ц. 50 к.
- XXIV. **Барсовъ, Николай Ив.** Исторія первобытной христіанской кровѣди (до IV вѣка). Спб., 1885 г., 8 д., стран. 371+28. Ц. 1 р. 50 к.
- XXV. **Дьяконовъ, М.** Власть московскихъ государей. Очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси до конца XVI вѣка. Спб., 1889 г., 8 д., стран. VI+224. Ц. 1 р. 50 к.

- XXVI. **Журовъ, О. Г.** Бухгалтерія или наука книговедения по двойной системѣ. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1874 г., 8 д. Цѣна за двѣ части 3 руб.
- XXVII. **Журовъ, О. Г.** Краткая бухгалтерія по двойной системѣ для начинающихъ. Москва, 1876 г., 16 д., стр. 72. Ц. 25 к.
- XXVIII. **Модестовъ, проф., В. И.** О Франціи. Спб., 1889 г., 8 д., стран. 315. Цѣна 1 р. 75 к.
- XXIX. **Описи русскихъ библиотекъ и библиографическія изданія, находящіяся въ исторической и археологической библиотекѣ Н. Вокачева.** Спб., 1890 г., 8 д., стран. 316+53+23. Ц. 5 р.
- XXX. **Письма и бумаги императора Петра Великаго.** Томъ первый: 1688—1701 гг. Томъ второй: 1702—1703 гг. Печатано по Высочайшему повелѣнію подъ редакцію академика А. О. Бычкова. Спб., б. 8 д. Цѣна каждаго тома 4 рубля безъ пересылки.
- XXXI. **Шенрокъ, В. И.** Ученическіе годы Гоголя. Біографическія замѣтки. Москва, 1887 г., 8 д., стр. 130. Ц. 75 коп.

 Въмагазинѣ „Русской Старины“ Мих. Ив. Семейскаго можно получить всѣ книги и изданія, о которыхъ гдѣ либо было объявлено.

Всѣ выписываемыя книги и изданія высылаются, по заявленіямъ, съ наложеннымъ платежомъ немедленно по полученіи требованія.

Mise en vente en Décembre 1890

Ancien Armorial équestre de la Toison d'or et de l'Europe au 15-e siècle.

FAC-SIMILÉ contenant neuf cent quarante-deux écus et soixante-quatre figures équestres, en cent quatorze planches chromotypographiées, reproduits pour la première fois d'après le manuscrit № 4790 de la bibliothèque de l'Arsenal, par Lorédan Larchey, l'un de ses conservateurs honoraires.

Imprimé et édité par Berger-Levrault & Cie, à Nancy. Et se vend à Paris, rue des Beaux-Arts, 5, en leur librairie.

Tirage à 500 exemplaires numérotés à la presse:

№№ 1 à 5 sur papier de Japon	Prix: 450 fr.
№№ 6 à 10 sur papier Whatman	„ 400 fr.
№№ 11 à 500 sur papier teinté de fabrication spéciale. „	200 fr.

15-го января вышла первая (январская) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Содержаніе: I. Неизданныя письма В. Г. Бѣлинскаго къ А. И. Герцену.— II. Чайльдъ-Гарольдъ. Барона. Пѣснь 3-я. Переводъ П. А. Козлова.— III. Савелли. Романъ Ж. О. Тьерри. Перев. В. М. Р.— IV. Учитель жизни. Повѣсть Каронина.— V. Стихотвореніе Д. С. Мережковскаго.— VI. Аскетка. Повѣсть Э. Ожешковой. Перев. В. М. Л.— VII. Смѣна. Романъ А. И. Эртеля, главы I—II.— VIII Стихотворенія. Э. Е. Корша.— IX. Письма переселенцевъ. Г. И. Успенскаго.— X. Мотивы Лермонтовской поэзіи В. П. Острогорскаго.— XI. Новая біографія Мирабо. Н. И. Карѣва.— XII. Россія и Англія въ продолженіи XVI и XVII вѣковъ. Ф. Ф. Мартенса.— XIII. Россія въ цифрахъ. В. В. Бирюковича.— XIV. Эскурсы въ область русскаго эпоса. В. Э. Миллера.— XV. Женское творчество. М. А. Протопопова.— XVI. Нѣсколько замѣчаній по поводу отчета Крестьянскаго Поземельнаго Банка за 1889 годъ. М. Я. Герценштейна.— XVII. Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси. В. О. Ключевскаго.— XVIII. Какъ возникъ нашъ судъ присяжныхъ. Г. А. Джаншѣва.— XIX. 1890 годъ въ политическомъ отношеніи. В. А. Гольцева.— XX. Внутреннее обозрѣніе.— XXI. Научный обзоръ. Метеорологія и сельское хозяйство. А. И. Воейкова.— XXII. Современное искусство. Ан.— XXIII. Очерки русской жизни. Н. В. Шелгунова.— XXIV. Библиографическій отдѣлъ. Объявленія.

Открыта подписка на 1891 годъ

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Годъ. 9 мѣс. 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс.

Цѣна: съ доставкою и пересылкою

во всѣ мѣста Россіи 12 р. 9 р. — к. 6 р. 3 р. — к. 1 р. — к.
Заграницу 14 „ 10 „ 50 „ 7 „ 3 „ 50 „ 1 „ 25 „

Допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1-му апрѣля, 1-му іюля и 1-му октября по ТРИ рубля. Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годоваго экземпляра; кредита и разсрочекъ не допускается.

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, Леонтьевскій, 21.
въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій.

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1890 г.

съ гравированными портретами: кн. М. М. Шербатовъ, — Емельянь Пугачевъ, — А. Н. Оленинъ, — В. К. Кюхельбекеръ, — П. Ф. Соколовъ, — А. Пальменбахъ, — Е. А. Аракчеева, — В. И. Денъ, — гр. Н. П. Игнатьевъ (грав. на мѣди), — С. В. Ковалевская (фототипія), — А. Ф. Бычковъ (грав. на мѣди). — Планъ и рисунки древнихъ стѣнъ Смоленска.

Содержаніе: Записки А. И. Золотухной: 1812 г.; — Москва въ 1812 г., восп. кн. Козловскаго, сообщ. ген.-отъ-инф. П. А. Степановъ; — Восп. дарскою лиценста, А. М. Бѣлухи-Кохановскаго, 1820—1826 г.; — Зап. А. И. Михайловскаго-Давилевскаго о вступл. на престолъ Николая I; — Зап. Мохнацкаго и А. Ф. Лишина о 1830—1831 гг., ген.-лейт. М. А. Маркова: служба въ л.-гв. Павл. п. 1828—1835 гг., Г. М. Толстаго: Поѣздка въ Туринскъ въ декабристу В. П. Ивашеву, 1838 г.; — Русский дворъ въ 1839 г., въ зап. Гагерна; — Восп. Теобальда (А. В. ф.-Роткирха) объ имп. Николаѣ I; — Зап. И. С. Жиркевича, 1789—1848 гг.; — На Дунаѣ и подъ Силистрією въ 1854 г., изъ зап. ген. А. О. Стрэнга; — Восп.: кн. Н. С. Голицына, тайн. сов. О. А. Пржецлавскаго, акад. Н. И. Кокшарова, Н. А. Дмитриева-Мамонова; — Зап. Н. А. Огаревой-Тучковой, 1828—1856 гг.; — Записки М. Н. Кирѣева, 1808—1830 гг.; — Памяти замѣтки Е. Н. Молгеръ, 1820—1872 гг.; — Проф. С. В. Ковалевская въ восп. І. И. Малевича; — Гр. Л. Н. Толстой въ восп. Евг. Скайлера; — Дневникъ акад. А. В. Никитенко, 1844—1860 гг.; — Посм. зап.: Н. В. Берга, ген.-отъ-инф. А. А. Одицова; — Зап. ген.-л. В. И. Дена; — Очеркъ моего дѣтства и юношества, сообщ. е. и в. вн. Николай Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.

Исслѣдованія, историч. и биограф. очерки: Историко-критич. замѣтки проф. Д. И. Иловайскаго; — Тайна противонелѣпнаго общества; — Пугачевъ у киргизъ-кайсаковъ; — Кн. П. Д. Цициановъ; — Валдайская старина, 1777—1797 гг.; — Марія Θεодоровна въ заботахъ о Смольномъ мон. 1797—1802 гг.; — Изъ Аустера. боя, 1805 г.; — Гр. А. А. Аракчеевъ, 1799—1808 гг.; — Очерки кн. Н. С. Голицына: Тѣлесныя наказанія въ Россіи и ихъ отмена, 1240—1863 гг.; Наводненія въ Слб. — Подъ арестомъ въ III-мъ отд. въ 1848 г., разск. Желенова; — Осажденный Севастополь; — Кн. И. Ф. Паскевичъ, послѣдніе дни его жизни; — Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1848—1861 гг.; — Еп. Кирилль Мелитопольскій, 1857—1865 гг.; — Гр. Н. И. Евдокимовъ, оч. И. И. Ореуса. — Л.-гв. Павловскій полкъ, 1790—1890 гг.; — Псковъ и его достопримѣч., очеркъ А. С. Князева; — Путевые очерки М. И. Семевскаго: поѣздка по Россіи въ 1890 г.; — Архивъ кн. Ф. А. Куракина; — Губернская ученая архивная комиссія въ 1889 г., сообщ. проф. П. Е. Андреевскій.

Писатели въ нихъ произвед.. письмахъ и биогр.: Н. И. Новиковъ, — М. М. и Е. В. Херасковы, — А. Е. Измайловъ, — П. И. Дмитриевъ, — И. А. Дмитревскій, — П. М. Строевъ, — Н. М. Карамзинъ, — В. Т. Нарѣжный, — Д. В. Давыдовъ, — И. А. Крыловъ, — Е. А. Ганъ и О. И. Сенковскія, — А. С. Пушкинъ, — М. Ю. Лермонтовъ, — Н. П. Огаревъ, — М. Т. Каченовскій, — В. Ф. Раевскій, — Н. В. Гоголь, — А. И. Михайловскій-Данилевскій, — И. В. Турчаниновъ, — П. А. Фодотовъ, — Т. Н. Грановскій, — С. П. Шевыревъ, — В. И. Туманскій, — А. П. Шаповъ, — В. А. Стѣцковъ, — К. Д. Ушинскій, — Н. И. Костомаровъ, — М. Е. Салтыковъ, — О. Ф. Миллеръ, — А. А. Андро, — Ю. В. Жаловская, — Н. Г. Чернышевскій, — А. Н. Яхонтовъ, — академикъ А. Ф. Бычковъ, — К. К. Р.—въ. — Художники: Рейсигъ, — П. Ф. Соколовъ, — А. Г. Рубинштейвъ, — А. И. Вилланъ (очеркъ А. А. Неустроева) и др.

Цѣна за 12 книгъ **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою.

Д. И. Эварницкій. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. Спб. 1890 г., стран. 74. Цѣна 80 коп.

Очень полезная брошюра, при тѣхъ успѣхахъ, которыя дѣлаетъ отечественная археологія, вызывая все больше и больше къ себѣ интересъ въ русскомъ обществѣ.

Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770 — 1837). Изданіе А. Брикнера. Томъ III. Спб., 1890 г., б. 8 д., стран. XIII+660. Цѣна 5 рублей.

Въ этотъ томъ вошла дипломатическая дѣятельность графа Никиты Петровича Панина въ Берлинѣ, за время съ марта по декабрь 1798 года. Переписка большого интереса, какъ для исторіи русской дипломатіи, въ своеобразное время царствованія Павла Петровича, такъ и для характеристики весьма многихъ выдающихся лицъ русскихъ и иностранныхъ. Сюда вошла, между прочимъ, и корреспонденція графа Никиты Петровича съ княземъ А. Б. Куракинымъ, изъ которой лишь немногіе документы мы помѣстили на страницахъ «Русской Старины», предоставляя князю А. Б. Лобанову-Ростовскому сдѣлать обширныя выдержки изъ этой переписки.

Ред.

Архивъ юго-западной Россіи, изд. комиссіею для разбора древнихъ актовъ, сост. при кievск., подольск. и волынск. ген.-губернаторѣ. Ч. V, т. II, вып. I и II. Кіевъ, 1890 г., стр. 239+1045. Ц. 4 р. за оба тома.

Оба тома настоящаго изданія дѣлкомъ заняты, въ соответствіе съ другими частями архива, посвященными отдѣльнымъ сериямъ документовъ, — переписями еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 гг., заключающимися въ «градскихъ книгахъ» кievскаго цѣнтральнаго архива. Помимо своего историческаго интереса, матеріалы эти, какъ относящіяся къ не столь отдаленной эпохѣ, могутъ служить весьма важными данными при выясненіи историческимъ путемъ вопроса, продолжающаго все еще представлять интересъ для края, о которомъ идетъ рѣчь въ названномъ изданіи. Существованіе цѣлаго ряда статистическихъ данныхъ за довольно значительный періодъ времени даетъ возможность представить наглядную картину бытовыхъ и экономическихъ отношеній и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить извѣстныя особенности, вплоть

зависѣвшія отъ политическихъ условій, господствовавшихъ въ данный моментъ. Такъ, перепись 1765 г., произведенная въ мирный періодъ политической жизни Рѣчи Посполитой, указываетъ, что наибольшее количество евреевъ было на Волыни и Подоліи и меньшее въ Брацлавщинѣ и Кіевщинѣ, что городское населеніе вездѣ преобладаетъ надъ сельскимъ и преобладаніе его опять сильнѣе чувствуется на Волыни и Подоліи. Такое разселеніе евреевъ вполне соответствовало большей или меньшей политической безопасности повѣта и было прямо пропорціонально состоянію промышленности и торговли въ краѣ и тяжести крестьянскихъ повинностей. Переписи 1775—1778 гг., произведенныя послѣ опустошительныхъ войнъ, народныхъ движеній и эпидеміи, послѣ перваго раздѣла и пріобрѣтеній Россіи на югъ, даютъ повсюду сильное уменьшеніе количества еврейскаго населенія; а съ увеличеніемъ безопасности южныхъ степей замѣчается движеніе еврейскаго населенія на югъ и востокъ. Перепись 1787 г. свидѣтельствуетъ о болѣе благоприятныхъ условіяхъ, наступившихъ внутри и внѣ государства, выразившихся въ обратномъ движеніи евреевъ на Волынь и Подолію, и о постепенномъ возрастаніи городского населенія. Главная профессія евреевъ въ городѣ—это торговля и шинкарство, главная профессія крестьянъ — земледѣіе и вообще разнаго рода тяжелый трудъ. Исключительной профессіей евреевъ въ селахъ было шинкарство и арендаторство. Масса цифровыхъ данныхъ, собранныхъ въ разсматриваемомъ изданіи, даетъ возможность опредѣлить и другія отношенія, существовавшія между христіанскимъ населеніемъ и евреями въ городахъ, какъ-то: степень населенности, семейный составъ, количество родившихся и т. п. Въ концѣ XVIII столѣтія проявилось уже сознаніе необходимости реформы быта евреевъ, причемъ извѣстно нѣсколько проектовъ этого рода; все эти проекты, путемъ временныхъ ограниченій, стремятся къ сліянію евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ. Изданіе актовъ сопровождается весьма обстоятельною статьею помощника завѣдывающаго архивомъ П. М. Каманна (1—239 стр.), которому принадлежитъ и самое собраніе означенныхъ документовъ, а также указателемъ именъ и географическихъ названій. Профес. В. С. Иконниковъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1891 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полипейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К^о).

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Въ отдѣленіяхъ конторы при книги, магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (23 экз.), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (71 экз.), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (39 экз.), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (37 экз.), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (19 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (77 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (68 экз.), съ портр., 9 руб.
„Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (76 экз.), съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (102 экз.) съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать второй.

МАРТЪ.

1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Фельдмаршалъ графъ И. И. Дибичъ-Забалканскій въ его разсказахъ. Записалъ въ лив. 1830 г. баронъ Тизенгаузенъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ	511	VIII. Дѣло 22-го мая 1854 г. подъ Силистріей. Изъ воспоминаній ген.-лейт. Всевол. Порф. Коховскаго	698
II. Записки ген.-м. Николая Васильевича Вохина, 1790—1853 гг. 547		IX. Дневникъ академина-профессора Александра Васильевича Никитенко, 1863 годъ	701
III. Записки профессора-рентора императорской академіи художествъ Федора Ивановича Гордана, 1800—1883 гг. Гл. I—IV. 601		X. Посмертныя записки Николая Васильевича Берга. Гл. V—VI. 579	
IV. Записки Мохнацаго: польское возстаніе въ 1830—1831 гг. Глава VII.	537	XI. Изъ жизни Никанора Бровковича, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, † 27 декабря 1890 г.	771
V. Воспоминанія ген.-лейт. Дмитрія Григорьевича Колокольцова, бывшаго офицера л.-гв. Преображенскаго полка	635	XII. Е. и. в. нн. Николай Максимилановичъ Ромаковскій, герцогъ Лейхтенбергскій, † 25 декабря 1890 г. 762	
VI. Николай Васильевичъ Гоголь: его письма къ графу Александру Петровичу Толстому, 1844—1850 гг. Сообщ. Е. С. Некрасова	567	XIII. Отдѣлъ Ѳ. М. Достоевскаго въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. 777	
VII. Дворянскій полкъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его воспитанниковъ, Н. П., 2 сентября 1848 г. 677		XIV. Тридцатая годовщина дня освобожденія крестьянъ, 1861—19-го февраля—1891	781
		XV. Николай Федоровичъ Щербина: эпиграмы, экспромты 675, 762 и 776	
		XVI. Библиографическій листокъ. (На оберткѣ и въ листкѣ магазина, на спяней бумагѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Цесаревича Константина Павловича, съ рисунка, исполненнаго съ натуры въ день отступленія русскихъ войскъ изъ Варшавы, 19 ноября 1830 г. Рисунокъ сообщ. ген.-лейт. Ан. Фед. Лисинъ. Гравировалъ И. П. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1891 г.

Двадцать второй годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Альбомъ гравюръ на мѣди, портреты русскихъ дѣятелей, выпускъ четвертый. Напечатанъ и раздается ПЯТЫЙ ВЫПУСКЪ портретовъ, художественно выполненныхъ гелиографурой. Цѣна каждаго выпуска ОДИНЪ руб. и три почтов. марки за порес. (21 к.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1891.

Валеріанъ Майковъ. Критическіе опыты (1845 — 1847). Съ приложеніемъ портрета В. Н. Майкова и матеріаловъ для его біографіи и литературной характеристики. — Изданіе журнала „Пантеонъ литературы“. Спб., 1891 г., б. 8 д., стр. XLVII+750. Цѣна 3 рубля.

Вал. Ник. Майковъ (род. 1823, † 1847), столь рановременно похищенный смертію, въ два—три года своей литературной дѣятельности, а именно въ 1845, 1846 и 1847 года, по іюль мѣсяць, успѣлъ заявить себя цѣлымъ рядомъ критическихъ статей, обратившихъ, въ свое время, всеобщее вниманіе и вызвавшихъ самые лестные отзывы какъ объ авторѣ, такъ и объ его литературной дѣятельности, со стороны напр. такихъ даровитыхъ писателей, каковы П. А. Гончаровъ, А. Н. Плещеевъ и другіе.

Въ вышеназванный сборникъ «критическихъ опытовъ В. Н. Майкова» — вошло до 60 его статей изъ 119-ти, которыя и составили книгу въ 750 страницъ убористой печати, въ большую восьмую долю. А. Н. Чудинову, редактору-изд. журнала «Пантеонъ литературы», принадлежатъ изданіе книги — «Критическіе опыты», въ редакціи каковаго сборника приняли живѣйшее участіе оба брата покойнаго писателя, Аполлонъ Ник. и академикъ Леонидъ Ник. Майковы. Эти имена достаточно назвать, дабы дать понятіе, что сборникъ составленъ превосходно. Достоиню вниманія, что большая часть статей В. Н. Майкова, перепечатанная въ эту книгу изъ журналовъ «Финскій Вѣстникъ», «Отечественныя Записки» и «Современникъ», нынѣ проверены со счастливо сохранившимися оригиналами статей, что и дало возможность редакціи сборника возстановить цензурные пропуски 1845 — 1847 гг. и напечатать двѣ статьи, оказавшіяся въ рукописяхъ и доселѣ не бывшія въ печати.

Къ книгѣ приложены: фототипическій снимокъ съ портрета Валеріана Майкова, бібліографическій списокъ его статей и указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ «Критическихъ опытахъ». Перечисляя нѣкоторыя критическія статьи и бібліографическія замѣтки В. Н. Майкова — П. А. Гончаровъ такъ говоритъ, между прочимъ, объ авторѣ: «Строгая послѣдовательность въ развитіи идей, логичность и доказательность положеній и выводовъ,

потомъ глубина и вѣрность взгляда, остроуміе и начитанность — вотъ отличительныя достоинства статей покойнаго В. Н. Майкова». Валеріанъ Николаевичъ скончался 15-го іюля 1847 года, по несчастному случаю, въ 50-ти верстахъ отъ Петербурга. («Современникъ», августъ 1847 г.).

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга четвертая. Спб., 1891 г., 8 д., стр. VIII+450. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Эта часть обширнаго труда Н. П. Барсукова объемлетъ пять лѣтъ изъ трудовой жизни М. П. Погодина, а именно съ 1832 по январь 1837 г., т. е. по кончину великаго поэта Пушкина. Какъ жизнь человека непрерывнаго труда, какъ профессора, слависта и народника, бывшаго въ постоянномъ общеніи съ вожаками семьи русскихъ писателей и ученыхъ его времени, жизнь Погодина представляетъ громадный интересъ, а изслѣдованія Н. П. Барсукова, заботливо, съ любовью и знаніемъ дѣла выполняемое, вызываетъ полное сочувствіе и признательность. Довольно выписать нѣсколько указаній на содержаніе, дабы видѣть, какъ интересна эта книга: «Европеецъ» И. В. Кирѣевскаго, Запрещеніе этого журнала, участіе Погодина въ горѣ, постигшемъ Кирѣевскаго. «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ», за пропускъ которыхъ отставляется С. Т. Аксаковъ отъ должности цензора. Замѣчанія Погодина по этому поводу. Дѣятельность Погодина въ университетѣ... Пребываніе Пушкина въ Москвѣ. Неосуществившаяся мечта его объ основаніи политической газеты... Мнѣніе Пушкина о тогдашней (1832 г.) журналистикѣ... Знакомство и сближеніе Погодина съ Гоголемъ. Основаніе университета въ Кіевѣ. М. А. Максимовичъ. Стремленіе Гоголя занять кафедру въ Кіевѣ... Сатира К. Н. Лебедева на профессоровъ московскаго университета... Основаніе журнала «Бібліотека для Чтенія». Запрещеніе «Московскаго Телеграфа». Основаніе въ Москвѣ журнала «Московскій Наблюдатель», «Арабески» и «Миргородъ» Гоголя. Нападки на нихъ Бялинскаго и Сенковскаго. Гоголь прибѣгаетъ къ защитѣ Погодина... Аксаковы... Въ домѣ Погодина Гоголь пишетъ свою комедію «Женити»... Погодинъ ведетъ войну со спептикамъ. Возникновеніе археографической комиссіи

[The page contains extremely faint and illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the document. The text is too light to transcribe accurately.]

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

21-го НОЯБРЯ 1830 г.

РИСОВ. СЪ НАТУРЫ ПОЛКОВНИКЪ ФИЛЬ, АДЪЮТАНТЪ ЦЕСАРЕВИЧА.

СООБЩИЛЪ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧЪ ЛИШИНЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ГРАФЪ ДИБИЧЪ - ЗАБАЛКАНСКІЙ

въ его воспоминаніяхъ,

записанныхъ въ 1830 г. барономъ Тизенгаузеномъ.

Вспоминая о благодѣтелѣ и другѣ, незабвенномъ мнѣ по связямъ близкаго родства, посвящаю ему строки эти, какъ слабую дань признательности и живаго сочувствія къ заслугамъ и подвигамъ усопшаго.

Послѣдній годъ жизни этого русскаго полководца, жизни, ознаменованной дѣятельностію и пламеннымъ усердіемъ его, обуревала гроза, которая, казалось, хотѣла сорвать съ главы его лавры прежнихъ побѣдъ, затмить яркіе лучи славы, которыми исторія озарила имя его на память будущихъ вѣковъ; но Провидѣніе, непостижимое въ милосердіи и въ карахъ своихъ, пріосѣнило доблестнаго мужа пальмою вѣчнаго мира: въ цвѣтѣ лѣтъ его и силы ангелъ смерти коснулся вѣждъ его въ то самое мгновеніе, когда пораженіе мятежниковъ подъ Остроленкою вновь освѣтило небосклонъ военнаго его поприща багряною зарею славы и когда побѣда служила ему вѣрнымъ залогомъ новыхъ и вѣрныхъ успѣховъ: по преодолѣніи какъ суровости зимы, такъ и отчаяннаго противоборства мятежниковъ, перейти Вислу и на валахъ главнаго города Сарматъ водрузить русскія знамена. Но когда, послѣ остроленской побѣды, послѣ уничтоженія непріятельской арміи и по обезпеченіи на нѣсколько мѣсяцевъ продовольствіемъ нашихъ

войскъ, окончательно устроены были всѣ вспомогательныя средства къ продолженію наступательныхъ дѣйствій и можно было предвидѣть, что кровавый бой вскорѣ прекратится однимъ рѣшительнымъ ударомъ, въ то самое время побѣдитель Кулевчинской битвы, проложившій чрезъ вершины Балканскихъ горъ храбрымъ русскимъ воинамъ путь ко вратамъ Царяграда, пораженъ былъ смертоносною стрѣлою холеры и жизнь его пресѣклась подъ мрачнымъ покрываломъ предосудительнаго о немъ мнѣнія.—Да произнесетъ потомство надъ нимъ судъ справедливый; нынѣ-же орошаютъ только слезы благодарности и умиленія облагодѣтельствованныхъ имъ скромную гробницу его, подъ хладнымъ мраморомъ которой покоится сердце праведника, вѣрнаго подданнаго и рѣдкаго друга.—Миръ праху твоему!

Смерть графини Дибичъ-Забалканской была поводомъ къ отправленію моему въ Бургасъ къ фельдмаршалу.—Изустныя повелѣнія и порученія его величества въ отношеніи къ фельдмаршалу.

По случаю смерти супруги его, скончавшейся въ С.-Петербургѣ 13-го марта 1830 года, его императорское величество Ниволай Павловичъ благоволилъ отправить меня, какъ ближайшаго родственника фельдмаршала, къ нему въ Бургасъ для сообщенія ему всѣхъ подробныхъ обстоятельствъ болѣзни и смерти ея, въ утѣшеніе и успокоеніе фельдмаршала.

Государь былъ столь милостивъ, что, повелѣвъ потребовать меня къ себѣ, освѣдомился подробно на счетъ этихъ обстоятельствъ и съ челоуѣколюбивымъ участіемъ въ печали своего полководца изволилъ дать мнѣ слѣдующія изустныя приказанія:

„Генералъ! посылаю васъ къ фельдмаршалу. Скажите ему, что при горестномъ для него событіи, неожиданной, великой и чувствительной сердцу его потерѣ, я преисполненъ живѣйшимъ состраданіемъ, но при всемъ томъ, въ кругу моихъ убѣжденій, не нахожу достаточныхъ для него утѣшеній, которыя были-бы въ состояніи смягчить справедливую скорбь его, кромѣ той совершенной увѣренности, что Провидѣніе, премудрыя намѣренія котораго намъ смертнымъ сокрыты, и въ испытаніяхъ несчастія обращаетъ на насъ свое милосердіе. Скажите графу Ивану Ивановичу, что я предполагаю и даже увѣренъ, что и

онъ, какъ христіанинъ, убѣжденъ въ этой истинѣ и, слѣдовательно, полагаясь на Бога, не предастся безмѣрной печали, но разсудитъ, что его здоровье и жизнь драгоцѣнны мнѣ и отечеству, къ пользѣ котораго онъ содѣйствовалъ такъ часто и съ такимъ искреннимъ усердіемъ.

„Скажите также графу, что изложенныя мнѣ его желанія, которыя впослѣдствіи времени могутъ исполниться, я не намѣренъ ограничить моею волею, но предоставляю ему въ полной мѣрѣ предпринять то, что онъ для поддержанія своего здоровья и спокойствія сочтетъ необходимымъ. Мнѣ пріятно доказать ему вновь такимъ разрѣшеніемъ мое благорасположеніе, но въ то-же время я въ этомъ вижу вѣрный залогъ привязать его къ особѣ моей и къ пользѣ отечества и найти въ немъ то пламенное усердіе и самоотверженіе и ту рѣдкую преданность, которыми онъ всегда такъ похвально отличался предо многими,—и потому онъ можетъ отъѣзжать за границу или оставаться въ Россіи, какъ онъ самъ сего пожелаетъ; скажите ему однако-же и то, что хотя онъ при горестномъ событіи частной его жизни свободно можетъ предпринять все то, что въ состояніи смягчить его скорбь и успокоить раздраженныя чувства, но что я при всемъ томъ не могу скрыть преимущественное мое желаніе видѣть его сколь возможно поспѣшнѣе въ Петербургѣ и искреннимъ участіемъ въ его печали доставить ему утѣшеніе, а себѣ средства переговорить съ нимъ о предметахъ государственныхъ и о томъ, что находится въ тѣсной связи съ изложеннымъ имъ письменно желаніемъ его. Вамъ я дозволяю оставаться при графѣ, какъ долго онъ того пожелаетъ“.

При полученіи этихъ высочайшихъ приказаній я въ первый разъ въ жизни удостоился счастія видѣть всемилостивѣйшаго государя моего въ такомъ близкомъ разстояніи, что мнѣ возможно было познать въ чертахъ величественнаго лица его отраженіе чувствъ душевныхъ, согласовавшихся вполне съ содержаніемъ сказанныхъ имъ словъ. Взглядъ умиленія и соотраданія, въ которомъ блистала слеза чувствительности царя, располагающаго судьбою и счастіемъ милліоновъ подданныхъ, тронулъ меня до глубины души, преисполнивъ меня такимъ восхищеніемъ, что я готовъ былъ преклонить колѣна мои предъ нимъ и сказать: государь! и я принадлежу къ числу тѣхъ, которые во всякое

время съ совершеннымъ самоотверженіемъ въ залогъ вѣрности и приверженности готовы принести въ жертву жизнь свою и все то, что имъ драгоцѣнно. — „Генераль! отправляйтесь съ Богомъ!“ Эти слова монарха исторгли меня изъ усладительнаго восторга моего; я съ какимъ-то отраднымъ чувствомъ оставилъ царскіе чертоги и, прибывши домой, написалъ отъ слова до слова данныя мнѣ государемъ приказанія, чтобы ихъ безъ малѣйшаго измѣненія передать фельдмаршалу въ Бургасѣ, куда я прибылъ 29 марта вечеромъ 1830 г.

Пріѣздъ мой въ Бургасъ, встрѣча со стороны графа.

Фельдмаршалъ, получивъ черезъ фельдъегеря письмо отъ графа Чернышева, двумя сутками ранѣе моего пріѣзда зналъ уже какъ о смерти супруги своей, такъ и о томъ, что его императорскому величеству благоугодно было отправить меня къ нему. Будучи глубоко пораженъ полученнымъ извѣстіемъ и предавшись безмѣрной печали, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня и никого не принималъ къ себѣ. Онъ встрѣтилъ меня на порогѣ дома, бросился ко мнѣ на шею и безмолвно проливалъ слезы. Глубокая горестъ, выражавшаяся на блѣдномъ лицѣ его, покраснѣвшіе отъ бессонницы глаза, самое его безмолвіе, служили мнѣ признаками совершеннаго упадка его духа. Вошедши въ кабинетъ свой, онъ упалъ на колѣни и, взявъ меня за руку, сказалъ: „Молись со мною! да подкрѣпитъ Богъ меня милосердіемъ Своимъ и не допуститъ сдѣлаться жертвою печали и отчаянія, потому что я чуждъ преступленій, которыя предъ Его правосудіемъ могли-бы навлечь на меня такое жестокое наказаніе. Во всѣхъ поступкахъ жизни моей, сколько ихъ припомнить могу, я всегда руководствовался непомятенною упреками совѣстію, непоколебимою вѣрою, смиреніемъ и благоговѣніемъ ко Всевышнему, но при всемъ томъ я теперь лишился драгоцѣннѣйшаго сокровища моего—подруги, въ которой пріобрѣлъ все то, что могло составить счастье дней моихъ“. Голосъ его прерывался сильнымъ всхлипываніемъ, онъ закрылъ обѣими руками лицо и на нѣсколько минутъ погрузился въ тихую молитву. Ставивъ всегда графа въ нравственной силѣ характера выше себя, я былъ увѣренъ, что слова утѣшенія останутся тщетными,

что при сильномъ волненіи чувствъ его, раздраженныхъ горестію, я безмолвіемъ дамъ ему время истощить оную. Онъ всталъ, обнялъ меня и, пожавъ мою руку, сказалъ: „благодарю тебя отъ всей души за этотъ новый знакъ твоей дружбы, твоей любви ко мнѣ, отъ которыхъ ожидаю утѣшенія и участія. Расскажи мнѣ всѣ обстоятельства болѣзни и смерти незабвенной моей Женни“. Въ продолженіе моего разказа слезы его текли изобильно, онъ не прерывалъ меня и долго еще сидѣлъ безмолвно, погружившись въ задумчивость. Вдругъ, какъ-будто пробудившись изъ тяжкаго сна, онъ сказалъ: „меня съ большою осторожностію приготовляли къ поразившему меня несчастію добрый докторъ [Шлегель и мой вѣрный Обручевъ (бывшій тогда дежурнымъ генераломъ)]; они оказывали мнѣ всевозможныя попеченія, но мрачное предчувствіе предстоявшей мнѣ потери и послѣднее твое письмо изъ Петербурга преисполнили меня непреодолимымъ смятеніемъ, а потому печальное извѣстіе не постигло меня неожиданно, но, не смотря на то, тронуло меня такъ сильно, такъ глубоко оно преклонило бодрость духа моего и разстроило во мнѣ всѣ нравственныя убѣжденія до такой степени, что самая жизнь потеряла для меня всѣ свои прелести. Мнѣ кажется, что я остался одинокимъ въ обширной степи; у меня нѣтъ дѣтей, нѣжность и любовь которыхъ могли-бы восполнить пустоту въ осиротѣвшемъ сердцѣ, и, будучи лишень всѣхъ отрадъ, мнѣ кажется, что вскорѣ я послѣдую за тою, которая замѣняла мнѣ все, что съ нею погребено“. Послѣ долгаго молчанія графъ, взявъ мою руку, сказалъ: „Прости меня, любезный другъ, за эти выраженія; я не хотѣлъ ими огорчить ни тебя, ни моихъ родныхъ: вы всѣ остались для меня залогомъ не совѣмъ еще осиротѣвшей моей жизни; но судьба, ввергнувъ меня въ пучину мірскихъ суетъ, удалила васъ за черту домашнихъ моихъ отношеній къ вамъ; я привыкъ и безъ васъ быть счастливымъ, пользуясь единственно нераздѣльною любовію моей Женни“. Я старался успокоить его, доказывая ему неосновательность этихъ, дѣлаемыхъ самому себѣ, упрековъ. „Нѣтъ, нѣтъ, прервалъ онъ меня, я не правъ передъ вами, но еще болѣе виноватъ передъ Богомъ, за то, что все свое благополучіе заключалъ въ одномъ существѣ нераздѣльно: я долженъ преклонить предъ нимъ главу свою въ смиреніи, и призвать Его милосердіе въ постигшемъ меня несчастіи“. Онъ

опять горько заплакалъ, но вскорѣ потомъ продолжалъ: „первое утѣшеніе обратилось ко мнѣ изъ сострадательнаго сердца всемилоствѣйшей нашей императрицы, изъявленное въ собственноручномъ письмѣ ея величества, доставленномъ ко мнѣ послѣднимъ фельдъегеремъ“. Съ сими словами передалъ онъ мнѣ для прочтенія письмо, на столѣ лежавшее; оно начертано было собственною рукою ея величества ¹⁾. „Вторымъ я обязанъ графу Александру Ивановичу Чернышеву, письмо котораго удостовѣряетъ меня вновь въ истинѣ его дружества и участія“.

Первые дни моего пребыванія въ Бургасѣ; совершенное бездѣйствіе фельдмаршала по дѣламъ службы.—Сообщеніе ему приказаній, данныхъ его величествомъ мнѣ, при отправленіи моемъ. — Воспоминаніе обстоятельства, неприязненно будто-бы противъ него направленнаго.

Фельдмаршалъ еще до пріѣзда моего находился въ болѣзненномъ состояніи; пріѣздъ мой и разговоръ со мною разстроили его еще болѣе: онъ занемогъ совершенно; не смотря однако же на то, онъ на другой день поутру казался спокойнѣе духомъ. Съ большою осторожностію коснулся я предмета его занятій по обязанностямъ главнокомандующаго, узнавъ наканунѣ, отъ генерала Обручева, что онъ со дня полученія печальнаго извѣстія прекратилъ оныя совершенно и, казалось, совершенно позабылъ, что онъ главнокомандующій. Онъ какъ-будто пробудившись изъ задумчивости, сказалъ: „Завтра я опять займусь дѣлами“, и тотчасъ отдалъ нужныя приказанія. Вечеромъ, когда я примѣтилъ, что онъ довольно уже успокоился и разговоръ касался до отвлеченныхъ предметовъ, я сообщилъ ему приказанія его имп. величества и вручилъ ему бумагу, на которой я въ Петербургѣ написалъ оныя. Тогда черты блѣднаго его лица покрылись снова румянцемъ, взглядъ опять освѣтился огнемъ свойственной ему пылости, онъ медленно и съ большимъ вниманіемъ прочитывалъ строки эти и, повидимому, былъ тронутъ содержаніемъ оныхъ

¹⁾ Сей драгоценный документъ, находясь послѣ смерти фельдмаршала въ секретномъ ящикѣ его бюро, мнѣ одному извѣстномъ, доставленъ вмѣстѣ съ другими документами его имп. вел.

до глубины души; утирая нѣсколько слезъ, онъ сказалъ мнѣ дрожащимъ голосомъ:

— „Пока у меня была жена, обязанности жизни моей были раздѣлены между нею и долгомъ службы, теперь-же я одному государю посвящаю остатокъ дней моихъ,—ему, царю великодушному, который на престолѣ величія сохранилъ всѣ достоинства и добродѣтели частнаго человѣка. Я никогда не могъ сомнѣваться въ оныхъ, и всегда оставался вѣрнымъ своему убѣжденію, даже тогда, какъ я подписывалъ трактатъ Адрианопольскаго мира и недоброжелатели мои старались поколебать мою вѣру. Но испытавъ въ жизни моей уже нѣсколько разъ хитросплетенія интриги царедворцевъ и будучи отъ природы, можетъ быть, слишкомъ недоувѣрчивъ къ онымъ, я проникъ вѣроятную цѣль сдѣланнаго мнѣ сообщенія, въ которомъ старались выставить въ самомъ зломомъ вездѣ незаслуженную несправедливость, оказанную мнѣ, предполагая, что она глубоко огорчитъ меня и уменьшитъ во мнѣ ту благодарность, которую я всегда питалъ къ наилучшему изъ государей, коего милости, довѣріе и снисхожденіе возлагаютъ и теперь на меня священный долгъ принадлежать ему навсегда безусловно и съ совершеннымъ самоотверженіемъ“. Въ продолженіе разговора фельдмаршалъ упомянулъ, что хотя и блаженной памяти въ Бозѣ почивающимъ государемъ Александромъ Павловичемъ осчастливленъ былъ довѣріемъ и милостями, но никогда не удостоивался получить отъ его величества собственноручныхъ писемъ, но отъ императора Николая Павловича имѣеть таковыя въ значительномъ числѣ.

Вновь воспріятая дѣятельность графа по дѣламъ службы.—Поѣздка на вершину горы Странжен, близъ Бургаса.—Примѣръ нѣжнаго его расположенія къ родственникамъ. — Назначеніе мнѣ времени, когда я могъ бесѣдовать съ графомъ.

На другой день фельдмаршалъ, по прежде заведенному порядку, снова началъ заниматься дѣлами по управленію арміею. Окончивъ свои занятія, онъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ верхомъ въ Странжейскія горы, составляющія въ окрестностяхъ Бургаса отрасль Балканскихъ; мы отправились туда въ сопровожденіи адъютанта его, полковника Будберга, казачьяго офицера и двухъ ординарцевъ. Взобравшись по крутымъ дефилеямъ

и косогорамъ на вершину высочайшей изъ этихъ горъ, мы спѣшили; фельдмаршалъ указывалъ мнѣ вдаль едва примѣтные пункты, отражавшіеся на изумрудномъ зеркалѣ черноморскаго Бургасскаго залива, зоркіе глаза его открывали тамъ Сизополь, Айдось, Мезинбрію и Ахіоло. Въ пышной зелени начавшейся весны разцвѣтали у ногъ нашихъ разные цвѣты тамошняго края. Графъ, набравъ полный букетъ, отдалъ мнѣ его съ тѣмъ, чтобы по приѣздѣ моемъ въ Петербургъ раздѣлить его между тремя моими дочерьми для храненія ихъ въ знакъ памяти и воспоминанія моего пребыванія за Балканами. На обратномъ пути графъ сказалъ мнѣ: „я тебя сегодня утромъ долго ожидалъ; ты можешь входить ко мнѣ во всякое время, за исключеніемъ того, когда я занимаюсь съ чиновниками дипломатическаго корпуса. Во избѣжаніе скуки моя походная бібліотека къ твоимъ услугамъ, и мнѣ желательно видѣть тебя по утрамъ до 8 часовъ, а послѣ обѣда отъ семи часовъ“.

Во все время пребыванія моего въ Бургасѣ я пользовался этимъ правомъ и вечернія бесѣды съ нимъ были для меня пріятнѣйшимъ занятіемъ, въ продолженіе коихъ фельдмаршалъ съ откровенностію сообщалъ мнѣ важнѣйшія происшествія жизни своей, не скрывая предо мною сужденій своихъ объ особахъ и предметахъ, въ кругу которыхъ проводилъ оную; нерѣдко онъ излагалъ всѣ подробности сраженій, въ которыхъ онъ имѣлъ случай отличиться или командовать; часто упоминалъ о событіяхъ и важнѣйшихъ эпохахъ службы своей, о характерѣ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ. Мнѣ казалось, что онъ находилъ нѣкоторую отраду передавать мнѣ подробно все то, что нѣкогда могло послужить къ составленію этихъ строкъ (но нѣкоторые особенные случаи онъ просилъ меня сохранять въ тайнѣ, что я и исполнилъ). Я ежедневно разговоры наши заносилъ въ журналъ и нынѣ, не имѣя постояннаго занятія по службѣ, пользуюсь свободнымъ временемъ къ написанію этихъ воспоминаній.

Подробное описаніе Кулевчинскаго сраженія.

Однажды вечеромъ разговоръ нашъ коснулся до Кулевчинскаго сраженія. Графъ взялъ карандашъ, начертилъ слегка позиціи нашихъ корпусовъ, расположенныхъ къ атакѣ, и боевой порядокъ непріятеля. Слова его при этомъ были слѣдующія: „Окруживъ Силистрію и простоявъ довольно долго подъ стѣнами этой крѣпости, я получилъ донесеніе отъ генерала Рота, что турки въ большихъ массахъ, оставивъ Шумлу, двинулись чрезъ Балканы противъ него; я рассчиталъ разстояніе между Шумлою и непріятелемъ и убѣдился, что быстрымъ движеніемъ главныхъ силъ нашей арміи, расположенной около Силистріи, я по кратчайшей линіи направленія къ Балканамъ успѣю занять позицію, которая заставитъ визиря вступить въ сраженіе по сію сторону Балканъ, въ томъ съ его стороны предположеніи, что противъ себя не будетъ имѣть почти всю нашу армію; притомъ я полагалъ возможнымъ зайти ему въ тылъ и стать на дорогу, ведущую въ Шумлу. Въ обоихъ случаяхъ я думалъ одержать надъ непріятелемъ значительный перевѣсъ и совершенный успѣхъ, ежели стратегическій расчетъ мой о времени и разстояніи окажется вѣрнымъ. Убѣдившись дѣйствительно въ вѣрности этого расчета, я безъ малѣйшей потери времени приказалъ арміи нашей со всевозможною тишиною выступить немедленно въ походъ, но въ то-же время оставилъ подъ Силистріею столько войска, чтобы удаленіе прочихъ не могло сдѣлаться извѣстнымъ осажденнымъ. Генералу Роту я приказалъ употребить всѣ возможные военныя средства, чтобы навлечь визиря болѣе и болѣе на себя, и въ случаѣ необходимости для достиженія этой цѣли вступить съ нимъ даже въ невыгодный для насъ бой съ тѣмъ, чтобы въ это время приблизиться или стать на Шумлинскую дорогу. Усиленнымъ маршемъ, съ возможною тишиною, одушевленные бодростью и надеждою на успѣхъ, наши храбрыя войска достигли почти безъ препятствій до предназначенной цѣли; генераль Бутурлинъ при этомъ случаѣ сдѣлалъ непростительную ошибку; но успѣхъ Кулевчинскаго сраженія послужилъ мнѣ пріятнымъ поводомъ оставить сію его ошибку безъ строгаго взысканія.

„Армія наша, находившаяся подъ Силистріею, обошла нака-

нунѣ сраженія на правомъ флангѣ нашемъ форпосты неприятельскіе на такомъ близкомъ разстояніи, что я опасался, что насъ откроютъ на походѣ.

„Слѣдованіе нашихъ колоннъ къ атакѣ распредѣлено было мною предварительно; важнѣйшее назначеніе поручено было корпусу графа Петра Палена: стать на правомъ флангѣ нашемъ и обхватить лѣвое крыло неприятельской арміи, для воспрепятствованія отступленію его по дорогѣ къ Шумлѣ. Такое порученіе доказывало неограниченную мою довѣренность къ нему и къ военнымъ его способностямъ.

„Прочимъ колоннамъ, находившимся одна отъ другой въ опредѣленныхъ дистанціяхъ, оставаясь однако-же въ непосредственной коммуникаціи, назначено было слѣдовать по разнымъ направленіямъ, такъ что, достигая позицію, они всѣ вмѣстѣ составляли полукружіе около позиціи неприятеля, занимая діаметръ или хорду этого полукружія.

„Первая позиція этихъ колоннъ находилась въ такомъ разстояніи, что неприятель не могъ открыть приближенія ихъ ранѣе, пока графъ Паленъ съ корпусомъ своимъ не станетъ въ свою позицію. Для достиженія этой цѣли я долженъ былъ занять визирию авангарднымъ сраженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рекогносцировать силы и мѣстоположеніе его арміи, съ тѣмъ чтобы, при полученіи извѣстія о прибытіи всѣхъ нашихъ колоннъ на свои мѣста, начать рѣшительный бой.

„Расположеніе неприятельской арміи на позиціи было въ тактическомъ отношеніи почти неприступно, хотя въ тылу ея и находились Балканскія горы, но въ нихъ не было удобныхъ къ отступленію проходовъ. Боевой ея порядокъ находился на пространной равнинѣ, на уступѣ или предгоріи Балканъ, имѣя передъ правымъ флангомъ крутыя скалы и глубокія неприступныя пропасти. Центръ и часть лѣваго крыла имѣли передъ собою довольно отлогую покатость къ намъ въ долину, упирающуюся опять въ пространную площадь въ видѣ амфитеатра, или терассы съ уступомъ. Съ этой терассы вела такая же покатость, какъ первая, въ самую долину, въ которой расположенъ былъ мой авангардъ и откуда въ рѣшительную минуту должна была послѣдовать вся атака нашихъ колоннъ. Лѣвый-же флангъ неприятельской арміи упирался въ весьма отлогій спускъ, или

косогоръ, до самой долины, по направленію къ Шумлинской дорогѣ. На площади этого перваго уступа, лежащаго противъ насъ, должно было завязаться авангардное сраженіе и продолжаться до тѣхъ поръ, пока извѣстіе о приходѣ Паленскаго корпуса на свое мѣсто въ виду непріятеля не подастъ сигнала къ общему на турокъ нападенію. Одновременное появленіе нашихъ колоннъ съ появленіемъ графа Палена на Шумлинскую дорогу, по расчету моему, должно было распространить ужасъ и отчаяніе въ рядахъ непріятеля, нанося имъ пораженіе ранѣе, чѣмъ смертоносныя ядра нашей отличной артиллеріи.

„Слабый лучъ надежды на успѣхъ ожидаемаго пораженія исчезалъ съ лицъ окружавшихъ меня генераловъ свиты моей когда въ начатомъ авангардномъ сраженіи новыя массы турокъ безпрестанно, какъ водопадъ, спускались съ верхней огромной площади на поле битвы, поражая и почти уничтожая пѣхотныя карре, причемъ у насъ отбили нѣсколько пушекъ. Сердце мое обливалось кровью при видѣ нашихъ жертвъ. Съ судорожнымъ движеніемъ я старался скрывать чувства мои и съ неописаннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣщенія отъ графа Палена, ободряя малый отрядъ отступавшаго авангарда надеждою на скорый успѣхъ. Бой на первой площади прекратился, непріятель придвинулъ теперь къ себѣ на верхнюю площадь отрядъ свой, бывшій въ сраженіи.

„По окончаніи главнаго сраженія я узналъ отъ нѣкоторыхъ турокъ, что визирь въ то время собиралъ военный совѣтъ, чтобы рѣшить вступить-ли ему въ сраженіе съ нами или нѣтъ, потому что дошедшіе до него слухи о появленіи всей нашей арміи, находившейся подъ Силистрією, казались ему невѣроятными, вслѣдствіе чего онъ и не рѣшался на отступление, хотя имѣлъ еще къ тому возможность; между тѣмъ прибывали къ нему новыя гонцы, увѣрявшіе его въ истинѣ прежнихъ слуховъ, а наконецъ онъ самъ увидѣлъ на разныхъ пунктахъ движеніе нашихъ колоннъ, слѣдовавшихъ по разнымъ направленіямъ къ одному средоточію. Удивленіе и предчувствіе постигающаго его несчастія, по разсказу плѣнныхъ офицеровъ, овладѣли имъ совершенно. Онъ мѣвъ на нѣсколько минутъ, онъ потомъ далъ повелѣніе защищаться. Смущеніе и безпорядокъ сообщились всему турецкому войску, которое въ густыхъ массахъ,

сосредоточенныхъ къ центру, ожидало нашего нападенія. Въ то самое время я получилъ отъ графа Палена давно съ нетерпѣніемъ ожидаемое извѣстіе и, увидѣвъ приближеніе моихъ прочихъ колоннъ, я тотчасъ приказалъ занять опять площадь авангарднаго сраженія. Генераль Арнольди предложилъ принять на себя диспозицію и дѣйствіе нашей артиллеріи.

„Черезъ зрительныя трубы оказалось, что между турками распространились нерѣшимость и смятеніе; первыя гранаты, брошенныя генераломъ Арнольди, взорвали на воздухъ нѣсколько зарядныхъ ящиковъ среди густой толпы мусульманъ. Эти удачныя выстрѣлы и извѣстіе, что одинъ корпусъ нашихъ войскъ занялъ Шумлинскую дорогу, на лѣвомъ флангѣ непріятеля, произвели между турками совершенное смятеніе и разстройство; повтореніе таковыхъ-же удачныхъ выстрѣловъ ядрами и гранатами изъ нашихъ пушекъ и громкое ура нашихъ храбрыхъ войскъ, огласившее воздухъ съ разныхъ мѣстъ долины, окончательно прекратили всякое сопротивленіе турокъ; ужасъ объялъ всѣхъ; нѣсколько тщетныхъ выстрѣловъ по насъ были послѣднимъ знакомъ ихъ противуборства: вся армія обратилась безъ всякаго порядка въ бѣгство; шумъ нашего оружія въ кустарникахъ, облежавшихъ позицію непріятеля, побѣдоносныя крики нашихъ солдатъ, вздымавшихся по крутымъ обрывамъ лѣваго нашего фланга, массы нашихъ колоннъ, приближавшихся съ музыкою и распущенными знаменами къ общему занятію верхней площади, удвоили поспѣшность бѣгства турокъ съ мѣста ихъ позиціи. Они оставили тамъ все бывшее съ ними: пушки, зарядные ящики, палатки, оружіе всякаго рода и весь обозъ. Турки устремились въ бѣгствѣ своемъ въ лѣса Балканъ, находившіеся въ тылу ихъ; въ полчаса верхняя площадь была занята нашими войсками, которыя въ сумракѣ вечера избили оставшихся тамъ турокъ, пока наступившая ночь не прекратила ужаснаго кровопролитія. Такимъ образомъ самая блестящая побѣда, каковой подобной я не былъ свидѣтелемъ, одержана вслѣдствіе моихъ стратегическихъ расчетовъ. Побѣда эта, не стоившая намъ почти ни одной жертвы, кромѣ тѣхъ, которые пали въ авангардномъ сраженіи, возвратила мнѣ довѣріе и моихъ генераловъ, и моихъ солдатъ; меня опять одушевила надежда съ помощію Всевышняго оправдать вновь то довѣріе моего всемилостивѣй-

шаго государя, съ которымъ онъ меня назначилъ главнокомандующимъ арміею противъ турокъ; порукою этого довѣрія служить пожалованіе мнѣ этой полусабли, которую государь самъ носилъ на бедрѣ своемъ. Въ рукахъ моихъ она обратилась въ жезлъ фельдмаршальскій, котораго я въ одиночествѣ моемъ не сложу до гроба, ежели на это согласится его величество“.

Посѣщеніе госпиталей, расположенныхъ въ палаткахъ предъ Бургасомъ.
Приключеніе при семь случаѣ.

Послѣ этого разсказа графъ на другой день поѣхалъ со мною верхомъ въ военный госпиталь, устроенный недалеко отъ Бургаса въ палаткахъ, и при посѣщеніи этомъ остался очень довольнымъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ палатокъ расположена была особливая группа такихъ-же палатокъ, въ которыхъ, какъ мнѣ говорили, находились зачумленные больные. На обратномъ пути фельдмаршалъ выбралъ другую дорогу по берегу Чернаго моря, на которой въ одномъ мѣстѣ навислая скала, въ видѣ полуарки, на 20 сажень протяженія, оставила узкую полосу между собою и моремъ. Въ этотъ день однако-же вслѣдствіе довольно сильнаго вѣтра съ моря эта полоса находилась подъ водою. На мое замѣчаніе, что проѣздъ по этому мѣсту будетъ затруднителенъ, графъ отвѣчалъ: „нѣтъ, вода здѣсь не глубока,“ и съ этими словами поѣхалъ далѣе; но вода была довольно глубока и доходила до стремянъ нашихъ сѣделъ; я уговаривалъ графа возвратиться, ибо зналъ, что хотя онъ смѣлый, но весьма посредственный ѣздокъ, и видѣлъ, что навислая скала съ правой стороны, въ случаѣ опасности проѣзда, не давала возможности къ спасенію. Онъ на мое предложеніе не обратилъ никакого вниманія и пришпорилъ свою лошадь, которая, будучи вообще смирна, въ этомъ случаѣ никакъ не хотѣла глубже погружаться въ волны, пѣнившіяся здѣсь у подошвы скалъ, но графъ принудилъ ее вплавь вынести его на другой берегъ этого полутунеля. Конвойные казаки окружили насъ быстро съ обѣихъ сторонъ и тамъ намъ удалось, промокши до пояса, пробраться. Графъ, улыбаясь, сказалъ: „Я не полагалъ, чтобъ лужа эта была такъ глубока“. — Пустившись затѣмъ во весь галопъ, мы благополучно доѣхали до Бургаса, гдѣ вечеромъ

обыкновенная наша бесѣда опять началась разсказами фельд-маршала.

Сообщенія о графѣ Толѣ и разсужденія фельдмаршала о магнетизмѣ.—Сообщенія о генералѣ Нейдгартѣ, по случаю назначенія его начальникомъ штаба арміи, взаимнѣ графа Толя.

— „Не слыхалъ ты чего-нибудь въ Петербургѣ про графа Толя?“ спросилъ меня графъ.

— „Послѣ приѣзда своего изъ арміи“—отвѣчалъ я—„онъ находится въ кругу своего семейства и съ отеческою заботливостію присутствуетъ при леченіи своего сына посредствомъ магнетизма у нѣкоей г-жи Турчаниновой“.—Я разсказалъ графу, что я самъ чрезъ генерала Дризена, котораго сынъ также ищетъ у этой особы исцѣленія, нѣсколько разъ получалъ дозволеніе быть у ней во время лечебныхъ часовъ, что я самъ былъ свидѣтелемъ психологическихъ и физическихъ явленій, произведенныхъ вперившимся постояннымъ взглядомъ этой дамы въ исцѣляемыхъ ею дѣтей, но что до моего отѣзда изъ Петербурга никто изъ этихъ несчастныхъ не вылечился совершенно. Графъ возразилъ на это:

— „Вліяніе магнетическаго сообщенія изъ здороваго тѣла въ раздраженное тѣло слабаго больнаго теперь, кажется, уже совершенно признано истиною, но я полагаю, что связь между тѣлеснымъ и духовнымъ мірами посредствомъ магнетизма такъ нѣжна, что почти невидимыя нити ея легко рвутся и дѣйствительное существованіе этого вліянія облечено такимъ священнымъ и таинственнымъ покровомъ, что донынѣ еще человѣчество не проникало въ глубину ея загадочныхъ явленій. Впрочемъ, я увѣренъ, что эту таинственность, которою прикрыто непонятное сплетеніе между душою и тѣломъ различныхъ особъ, часто употребляютъ во зло для корыстолюбивыхъ цѣлей. Но обратимся опять къ графу Толю,—болѣзненное состояніе котораго побудило меня уволить отъ дальнѣйшей службы при мнѣ. Я удивлялся, какъ упадокъ жизненныхъ силъ могъ разстроить и понизить въ немъ всѣ нравственныя способности до таковой степени, что упавшій духъ его возбудилъ во мнѣ сожалѣніе. Каждый разговоръ съ нимъ разстраивалъ его

до слезъ, онъ отчаявался когда-либо увидѣть свое семейство,— и человѣкъ съ такимъ твердымъ характеромъ и разсудительнымъ умомъ—обратился въ дитя, такъ что я долгомъ счелъ удалить его отсюда, гдѣ онъ навѣрное сдѣлался-бы жертвою меланхо-ліи¹⁾. Я узналъ, что многіе въ графѣ Толѣ видѣли моего врага и соперника; до сихъ поръ я еще не вѣрю этимъ слухамъ. Можетъ быть, дѣйствительно, было нѣкогда время, гдѣ мы съ нимъ въ однихъ чинахъ, равными шагами старались достигъ одной и той-же цѣли, а потому и были другъ другу соперниками; можетъ быть, онъ, увлекаясь этимъ духомъ соперничества въ 1822 году, горько порицалъ мои дѣйствія по званію начальника моего штаба. Я въ немъ находилъ вѣрнаго и усерднаго помощника, преданнаго мнѣ друга и честнаго человѣка, который ни въ усердіи, ни въ готовности пожертвовать собою въ пользу своего государя мнѣ не уступаетъ. Я почитаю его отъ всей души, жалѣю о немъ и его отсутствіи, какъ другъ; но радуюсь, что непосредственно содѣйствовалъ сохраненію этого государственнаго мужа на будущее время для выгодъ отечества. Я хотѣлъ его замѣнить генераломъ Нейдгартомъ и просилъ государя императора о назначеніи его ко мнѣ на мѣсто графа

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій въ своихъ запискахъ вполне подтверждаетъ приведенный здѣсь отзывъ графа Дибича о болѣзненномъ состояніи графа Толя послѣ занятія Адрианополя. — Данилевскій пишетъ: „къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что большая часть нашихъ генераловъ, въ томъ числѣ и первенствующихъ, всѣ желали мира и скорого возвращенія въ Россію; во всѣхъ были признаки какой-то усталости, конечно вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, въ которомъ почти всѣ находились. Преимущественно сопротивлялся нашему дальнѣйшему походу начальникъ штаба и слѣдственно второе лице въ арміи, графъ Толъ, котораго мнѣніе во всемъ уважаемо было главнокомандующимъ. Онъ лежалъ въ то время на одрѣ болѣзни и съ постели своей не переставалъ твердить о гибели, ожидающей насъ въ Константинополѣ, и что султану надобно было подать какое-нибудь средство къ спасенію, не доведя его до отчаянія. (Qu' il fallait laisser au sultan une issue pour s'échapper). Я не находилъ въ немъ болѣе того пламеннаго человѣка, котораго я видѣлъ при заревѣ Москвы, не отчаивающагося въ спасеніи Россіи и подающаго совѣтъ идти на калужскую дорогу и два года послѣ того въ замкѣ Сомпью рѣшающаго двинуться на Парижъ“.

Данилевскій приписываетъ странныя мнѣнія графа Толя болѣзненному его состоянію и неограниченной—хотя въ сихъ обстоятельствахъ весьма неумѣстной—привязанности его къ семейству, съ которымъ онъ хотѣлъ сколь можно скорѣе увидѣться во что бы то ни стало.

Толя". — Фельдмаршалъ замолчалъ. — Я нарушилъ молчаніе его чрезъ нѣсколько минутъ. — „Нейдгартъ“ — сказалъ я — „мнѣ родственникъ, а потому я былъ у него въ день моего отъѣзда, онъ показывалъ мнѣ копію съ письма, которое онъ тебѣ писалъ по этому случаю, и объяснилъ мнѣ всѣ причины, которыя заставили его отклонить отъ себя званіе начальника штаба ввѣренной тебѣ арміи“. Графъ прервалъ меня, сказавъ: „Ежели отношеніе его ко мнѣ оставалось въ томъ видѣ, какъ я имѣлъ право ожидать это, и ежели признательная преданность его ко мнѣ, какъ онъ меня часто увѣрялъ, дѣйствительно была непритворна, то всѣ затрудненія перевода его ко мнѣ могли быть устранены. Но руководствуясь всегда правиломъ: принимать людей такими, какъ они суть, но не тѣми, которыми они должны быть, я поставилъ меня самого на его мѣсто и старался вникнуть въ его служебныя и семейныя отношенія и въ уваженіе ихъ оправдывалъ его въ душѣ моей, но желалъ въ то-же время, чтобы онъ съ дружескою откровенностію сообщилъ мнѣ все то, о чемъ я теперь могу только догадываться. Онъ всегда останется хитрымъ дипломатическимъ политикомъ; грѣшно ему такимъ быть и противъ меня“.

О генералѣ Вахтенѣ.

„Знаешь ты генерала Вахтена, нынѣшняго моего начальника штаба“? — спросилъ меня графъ. — „Только по имени“. — „Познакомься съ нимъ“ — продолжалъ графъ — „я его искренно уважаю, какъ честнаго, усерднаго и дѣятельнаго слугу государева, жалѣю только о томъ, что множество полученныхъ имъ ранъ и болѣзненное состояніе его здоровья вскорѣ сдѣлаютъ его навсегда неспособнымъ къ продолженію службы“.

О генералахъ Бергѣ и Обручевѣ, полковникахъ Сотниковѣ и Зуровѣ, сенаторѣ Абакумовѣ.

„Ты здѣсь познакомился съ генераломъ Бергомъ, моимъ нынѣшнимъ генераломъ-квартирмейстеромъ. Это отличный офицеръ, созданный для своей должности, одушевленный пламеннымъ усердіемъ, какъ я подобнаго не встрѣчалъ. Онъ невоз-“

можного не признаеть, ежели оно можетъ быть преодоленно храбростью и скорою рѣшимостью; безъ усталости по своей олжности, съ неограниченною готовностью исполнять приказанія своихъ начальниковъ; одно, что я въ немъ порицаю, состоитъ въ томъ, что онъ, презирая всѣ затрудненія обстоятельствъ въ предпріятіяхъ, самое достиженіе успѣха считаетъ слишкомъ мелкимъ. Но онъ созрѣеть въ школѣ опыта до степени полководца. Моего Обручева ты знаешь съ давнихъ временъ, равно и мои понятія о немъ; вы привыкли его принимать какъ родственника, на что онъ, по преданности и любви ко мнѣ, такъ часто мною испытанныхъ, имѣеть полное право. Полковники Зуровъ и Сотниковъ весьма хорошіе и трудолюбивые чиновники, каждый по своей части; они составляютъ также кругъ моихъ приближенныхъ. Абакумову я въ продолженіе кампаніи много обязанъ содѣйствіемъ и распоряженіями его на счетъ продовольствія арміи, затрудненіе котораго въ здѣшнемъ краѣ я постигнулъ; у него болѣе практической опытности, чѣмъ теоретическихъ познаній по порученной ему части; я полагаю, что онъ лично мнѣ преданъ по признательности, потому что мнѣ однажды представился случай законными средствами защитить его отъ послѣдствій интриги, которая была направлена противъ него и могла его лишить милости государя императора. — Ежели мнѣ когда-нибудь еще случится быть главнокомандующимъ, то я Абакумова опять возьму къ себѣ генераль-провіантмейстеромъ“.

О генералѣ Левенштернѣ.

— „Моимъ добрымъ Левенштерномъ я имѣлъ всегда причины быть чрезвычайно довольнымъ. Боязливая его заботливость о сохраненіи артиллеріи и парковъ въ должной исправности, о доставленіи арміи всегда достаточныхъ зарядовъ, обратила на него мое особенное вниманіе и благодарность. Исправностію нашихъ парковъ я обязанъ тому, что могъ ихъ иногда употребить въ такихъ случаяхъ и по такимъ предметамъ, для которыхъ они не назначены. Многимъ я ему обязанъ, особливо-же всегдашнею исправностію главнаго нашего оружія—артиллеріи. Ежели ты здѣсь соскучишься, то познакомься со всѣми тѣми

сотрудниками моими, которыхъ я тебѣ назвалъ“. Я и исполнилъ это въ продолженіе моего пребыванія въ Бургасѣ.

Аудиенція двухъ турецкихъ аяновъ у фельдмаршала.

Въ этотъ день графъ ожидалъ къ себѣ депутацію двухъ турецкихъ аяновъ, которымъ поручено было сообщить фельдмаршалу просьбы высшаго турецкаго правительства, чтобы армія наша, на основаніи заключенныхъ мирныхъ трактатовъ, оставила сколь возможно скорѣе Забалканскія провинціи. Графъ дозволилъ мнѣ быть свидѣтелемъ этого церемоніала.

Турецкіе аяны (начальники провинцій) явились въ длинныхъ красныхъ кафтанахъ съ золотыми обшивками, безъ чалмъ, вмѣсто которыхъ на головахъ ихъ были, султаномъ Махмудомъ вновь введенныя, фески. На лицахъ ихъ выражалось спокойствіе, во всѣхъ движеніяхъ и пріемахъ—достоинство; одинъ изъ нихъ былъ старикъ, съ сѣдою бородою, лѣтъ за шестьдесятъ; другому было, кажется, около 48 лѣтъ. Со сложенными на груди крестообразно руками, они при входѣ въ аудиенцъ-комнату поклонились фельдмаршалу очень низко, который указалъ рукою, чтобъ они усѣлись на диванъ. Они спустили туфли и сѣли съ поджатыми ногами на приготовленныя для нихъ на диванѣ сафьянныя подушки. Графъ былъ въ парадномъ мундирѣ, въ Андреевской лентѣ и со звѣздою этого ордена въ брилліантахъ; онъ также усѣлся на диванъ. При аудиенціи находились д. с. сов. Фонтонъ, чиновникъ Гильфердингъ ¹⁾, служившіе по министерству иностранныхъ дѣлъ. При аянахъ находился переводчикъ.

Прежде чѣмъ начались переговоры, подавали имъ всѣмъ конфеты, варенья, кофе и, наконецъ, двумъ аянамъ и фельдмаршалу—трубки; послѣдній, впрочемъ, не терпѣлъ табаку, въ какомъ-бы онъ видѣ ни употреблялся; но графъ, сдѣлавшись здѣсь жертвою этикета, взялъ трубку и началъ пускать весьма

¹⁾ Федоръ Ивановичъ Гильфердингъ, внослѣдствіи сенаторъ и начальникъ архива мин-ства иностр. дѣлъ въ Сиб. † 1864 г.

неловко густыя облака дыму. Между тѣмъ, чрезъ переводчика открылись переговоры и кончились черезъ 20 минутъ тѣмъ, что фельдмаршалъ велѣлъ передать турецкому правительству обѣщаніе, что на основаніи трактатовъ русскія войска въ послѣднихъ числахъ апрѣля (1830 г.) оставятъ турецкія владѣнія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ расположенія находится еще и останется значительное количество овса, заготовленнаго для кавалеріи. Овесъ этотъ фельдмаршалъ уступаетъ турецкому правительству въ подарокъ, чтобы подать средство засѣять въ долинахъ Румеліи тѣ поля, которыя, по военнымъ дѣйствіямъ, оставались осенью безъ посѣва. Аудіенція кончилась обоюдными увѣреніями въ продолженіи дружескихъ сношеній. Аяны откланивались такъ-же низко, какъ при появленіи на конференцію.

Разговоръ о будущемъ назначеніи графа по службѣ.—Сообщеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, по случаю поѣздки фельдмаршала въ Грузію, и сужденія его о генералахъ Ермоловѣ и Паскевичѣ.—Объ интригѣ, существовавшей тогда къ отправленію графа Дибича въ Грузію.—Сужденія о нашихъ полководцахъ.

Вслѣдствіе всего видѣннаго мною, спросилъ я графа, куда онъ на первый случай полагаетъ перенести главную квартиру свою. „Это рѣшить воля государя императора, которому на будущее время служить въ какомъ-бы то назначеніи ни было я считаю святымъ долгомъ; эти слова ты, любезный другъ, можешь по своемъ пріѣздѣ въ Варшаву доложить изустно его императорскому величеству; я полагаю черезъ 10 дней отправить тебя къ государю съ депешами, и кромѣ всеподданнѣйшаго письма я дамъ тебѣ еще нѣкоторыя словесныя порученія для изложенія ихъ предъ его величествомъ. Въ нихъ заключены будутъ всѣ обстоятельства и предметы будущаго моего служенія государю императору. Чиновники, составляющіе главную мою квартиру, поѣдутъ въ Тульчинъ для окончанія всѣхъ денежныхъ расчетовъ и тѣмъ кончится существованіе моего штаба. Войска бывшей моей арміи, вѣроятно, будутъ присоединены къ арміи, состоящей подъ начальствомъ графа Сакена ¹⁾. Что станетъ

¹⁾ Фельдмаршалъ графъ Ф. В. Сакенъ былъ главнокомандующимъ первой арміи, главная квартира которой расположена была въ Могилевѣ на Днѣпрѣ.

со мною, то это зависитъ отъ воли Божіей и отъ воли моего государя, которыя для меня равно священны. На первое время моего возвращенія въ Россію я бы желалъ, чтобы его величество дозволилъ мнѣ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ спокойствіи, въ продолженіе которыхъ я бы поѣхалъ въ Силезію для свиданія съ моими двумя сестрами и моими тамошними родными; я чувствую, что червь уничтоженія и смерти точитъ жизнь мою и что мнѣ не надолго еще опредѣлено бороться съ непріятностями, ее окружающими“. Послѣ этихъ словъ водворилось между нами довольно долгое молчаніе; мнѣ казалось, что въ чертахъ его лица отражались всѣ воспоминанія о событіяхъ прошедшей его достопримѣчательной жизни; онъ подперъ голову свою обѣими руками—какъ будто хотѣлъ поддержать тяжесть всѣхъ этихъ воспоминаній. Онъ погрузился въ печальную задумчивость, между тѣмъ какъ слезы катились по щекамъ его, и нѣсколько глубокихъ вздоховъ вырвалось изъ груди его. Я считалъ дружескою обязанностию вывести его изъ такого расположенія духа, и зная по опыту, что предметы военныхъ событій и разговоры о нихъ ему всегда пріятны, я спросилъ его: имѣлъ-ли онъ во время пребыванія своего въ Грузіи случай быть въ сраженіи съ персіанами? Вѣроятно, графъ отгадалъ мое намѣреніе; взоры его прояснились, онъ пожалъ мнѣ руку, какъ будто хотѣлъ благодарить за участіе мое въ его печали, и сказалъ: „въ стройномъ сраженіи я тамъ не бывалъ, но въ нѣкоторыхъ незначительныхъ стычкахъ, кончавшихся всегда въ нашу пользу, я былъ болѣе зрителемъ, чѣмъ генераломъ. Эта экспедиція въ Грузію была поводомъ первой моей разлуки съ любимымъ мною государемъ и хотя данное мнѣ его величествомъ порученіе было лестно и новымъ знакомъ монаршаго довѣрія ко мнѣ, но по возвращеніи моемъ изъ Грузіи я узналъ, что это порученіе дано было мнѣ вслѣдствіе тонкосплетенной интриги, которая столь-же тонко и хитро съ успѣхомъ доведена была до конца. Это была интрига царедворца, который изъ всѣхъ особъ, окружающихъ государя, соединяетъ въ себѣ прозорливый умъ съ обильнымъ запасомъ отличнаго образованія по части наукъ и дипломатическихъ способностей. Опытность въ тонкостяхъ придворной жизни даетъ ему средства употреблять таланты свои по мѣрѣ необходимости собственнаго своего положенія; однимъ словомъ, я, любя моего

монарха душевно и искренно, не желаю, чтобы этотъ государственный мужъ находился вблизи государя, не по личнымъ моимъ отношеніямъ, но изъ неограниченной преданности къ престолу, ибо, если меня не обманываетъ мое предчувствіе, то этотъ вельможа скрываетъ, подъ личиною равнодушія, весьма искусно истинныя намѣренія расчетливой своей системы дѣйствія, источникъ котораго, какъ я опасаюсь, не совсѣмъ чистъ ¹⁾. Великодушіе государя не проникало тогда въ намѣренія противной мнѣ партіи, которая умѣла представить на благоусмотрѣніе его величества пользу и успѣхъ моего отправленія въ Грузію, въ слѣдующихъ предположеніяхъ:

„Во 1-хъ, убѣдить Государя въ той истинѣ, что удаленіе мое не произведетъ никакой перемѣны въ дѣлахъ военныхъ и государственныхъ, въ чемъ и я самъ не сомнѣвался; во 2-хъ, противники мои полагали, что я изъ пристрастія къ графу Паскевичу и по ненависти моей къ Ермолову (которой я, впрочемъ, никогда не питалъ къ нему) стану несправедливо поступать противъ послѣдняго или нанесу ему чувствительныя огорченія, которыхъ онъ, по строптивости характера и нерасположенію къ чужестранцамъ, не перенесетъ равнодушно. Этимъ самымъ онъ подастъ мнѣ поводъ, при вспыльчивости моей, забыться и такимъ обращеніемъ съ нимъ навлечь на себя справедливыя упреки. Въ 3-хъ, наконецъ, они полагали, что ежели я найду, что бывшіе поступки и дѣйствія генерала Ермолова вовсе не заслуживаютъ такого взысканія, какъ это можно было предполагать по доносу, сдѣланному на него, и, оставаясь вѣрнымъ привычнымъ мнѣ правиламъ чести и справедливости, даже рѣшусь защищать его, то неминуемо навлеку на себя негодованіе Государя.

„Въ такомъ предположеніи они дѣйствительно не ошиблись, но негодованіе милостиваго моего Государя ограничилось только однимъ мгновеніемъ. Его Величество и въ этомъ случаѣ удостоилъ меня того благосклоннаго сужденія, которымъ онъ всегда награждалъ мою истинную преданность и любовь къ его особѣ. Я никогда не раскаюсь, что я въ отношеніи къ генералу Ермолову дѣйствовалъ по законамъ моего убѣжденія, по долгу

¹⁾ На какого царедворца намекаетъ здѣсь графъ Дибичъ? Баронъ Тиенгаузенъ, къ сожалѣнію, объ этомъ умолчалъ.

чести и по требованіямъ непомраченной совѣсти. Я неохотно теряю надежду, что этимъ поступкомъ сохранилъ для Государя и отечества мужа способнаго и твердаго, дѣятельнаго, отличнаго умомъ и преданностью къ престолу предо многими. Вольнодумныя идеи нынѣшняго бурнаго времени, которыя воспламеняли его въ молодости, исчезли въ понятіяхъ война, удрученнаго старостью лѣтъ, ибо рѣдко случается, чтобы взволнованныя страсти, попирающія святыню прошлыхъ вѣковъ, еще бушевали въ сердцѣ, которое подъ гнетомъ опытности и старости стало биться медленнѣе, и рѣдко созрѣвшій разумъ гонится за призраками пылкаго юношескаго воображенія, когда голова уже покрывается сѣдиною и опъ въ зеркалѣ прошедшихъ временъ и событій усматриваетъ событія будущности. Тверда и непоколебима истина, что одинаковыя причины производятъ одинаковыя послѣдствія. Впрочемъ, смѣна Ермолова тогда была необходима и графъ Паскевичъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ, доказалъ, что онъ совершенно замѣнилъ Ермолова. Это мое мнѣніе о графѣ Паскевичѣ я имѣлъ случай изложить и подтвердить предъ самимъ Государемъ. И генералъ Ермоловъ могъ быть употребленъ главнокомандующимъ, только не на Кавказѣ (?). Число генераловъ, которые въ первомъ десятилѣтїи отличаются военными способностями, дающими право предполагать, что они будутъ хорошими полководцами, весьма умѣренное. Графы: Сакенъ и Витгенштейнъ слишкомъ уже стары, чтобы твердо рукою нести фельдмаршальскій жезлъ предъ арміею. Кромѣ графа Паскевича и генерала Ермолова, я считаю еще способными къ такому важному назначенію графа Чернышева и графа Толя. На второе десятилѣтїе найдется, можетъ быть, нѣсколько другихъ изъ нашихъ пока еще юныхъ генераловъ, которые будутъ въ состояніи поддержать славу русскаго оружія. Къ этому числу принадлежитъ князь Горчаковъ, бывший мой адъютантъ, и генералъ Бергъ, мой нынѣшній генералъ-квартирмейстеръ арміи“.

Сообщенія и сужденія о графѣ Чернышевѣ и данное мнѣ фельдмаршаломъ порученіе къ нему.

„Въ отношеніи къ графу Чернышеву“—продолжалъ фельд-маршалъ—„я могу тебѣ сказать, что многіе изъ моихъ знакомыхъ, подъ видомъ преданности ко мнѣ, старались разрушить существующую между нимъ и мною дружескую связь; меня предостерегали не оказывать ему того неограниченнаго довѣрія, которое я питалъ къ нему со дня смерти въ Бозѣ почивающаго государя Александра. Еще недавно меня хотѣли письменно убѣдить, что онъ непріязненно ко мнѣ расположенъ, имѣя въ виду занять мое мѣсто, на которомъ онъ нынѣ временно находится, исправляя мою должность; что онъ пользуется всякимъ случаемъ выставять предъ государемъ сдѣланныя мною ошибки и не соотвѣтственныя предметамъ распоряженія, подкрѣпляя ихъ извлеченіями изъ получаемыхъ отъ меня бумагъ. Но я не вѣрю этимъ клеветникамъ, потому что, во-первыхъ,—меня оправдываетъ совѣсть, въ томъ убѣжденіи, что я графу Чернышеву никогда не подавалъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ истинѣ дружескаго моего къ нему расположенія; во-вторыхъ,—я останусь всегда совершенно равнодушнымъ при всѣхъ интригахъ, предпринятыхъ противъ меня, и, будучи самъ чуждъ таковымъ, утѣшаюсь увѣренностію, что вся жизнь и всѣ поступки мои клонились единственно къ соблюденію моихъ обязанностей въ большемъ или меньшемъ объемѣ моей дѣятельности, къ исполненію долга и вѣрности присяги, данной моему государю. Сверхъ того, я считаю графа Чернышева благодарнымъ другомъ, исполненнымъ рыцарскихъ правилъ честности и справедливости, человекомъ, благоразуміе и разсудокъ котораго не дозволяютъ принимать на себя тщетный трудъ вредить мнѣ во мнѣннн государя, коего милостивое и прочное расположеніе ко мнѣ ему извѣстно; преимущественно-же я не въ состояніи малѣйшею недовѣрчивостію къ нему унижить достоинства чело-вѣческаго характера гнуснымъ подозрѣніемъ, которое, ежели бы оно имѣло основаніе, должно поставить графа Чернышева на послѣднюю степень неблагодарности противъ меня, ибо мысль:

на развалинахъ моихъ должностныхъ обязанностей къ государю и отечеству воздвигнуть себя самому твердою честолюбивыхъ намѣреній, не можетъ ввести его въ искушеніе принять непріязненные мѣры противъ меня, послѣдствія коихъ не подлежатъ вѣрному расчету человѣческаго ума. Нѣтъ, нѣтъ, никто не можетъ лишить меня вѣры въ непоколебимость его дружбы ко мнѣ. Это ты можешь повторить ему по приѣздѣ твоемъ въ Петербургъ. Я дамъ тебѣ къ нему письмо и прошу тебя представиться ему“. При этомъ случаѣ фельдмаршалъ далъ мнѣ прочесть нѣсколько писемъ, которыя графъ Чернышевъ собственноручно писалъ къ нему на французскомъ языкѣ.

О графѣ Виттѣ, о генералѣ Клейнмихелѣ, о графѣ Толстомъ.

Въ продолженіе разговора фельдмаршалъ упомянулъ также о генералахъ Клейнмихелѣ, графѣ Витта и графѣ Петрѣ Александровичѣ Толстомъ.

На счетъ графа Витта фельдмаршалъ изъяснился въ слѣдующихъ словахъ: „онъ человѣкъ чрезвычайно полезный въ особенныхъ обстоятельствахъ и способный къ особеннымъ должностямъ. Недоброжеланіе распустило о немъ слухъ, будто-бы онъ подъ непріятельскими ядрами и пулями не оказываетъ хладнокровія и необходимой храбрости. Я обязанъ опровергнуть эти слухи, потому что самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ подъ Силистріею при мнѣ подъ градомъ крѣпостныхъ ядеръ хладнокровно разговаривалъ со мною, будучи угрожаемъ общею опасностью сдѣлаться жертвою неумѣстной нашей храбрости. Его всегда дѣятельная голова старается вникать безпрестанно въ политику европейскихъ державъ, въ управленіе государствъ и въ причины волненія народовъ. Сужденія его по этимъ предметамъ иногда весьма многосложны и отвлеченны, но весьма предусмотрительны и справедливы; хорошая память служитъ ему средствомъ узнавать семейныя обстоятельства, связи и разрывы первѣйшихъ русскихъ фамилій и государственныхъ особъ. Такъ какъ онъ знакомъ съ литературою трехъ первыхъ языковъ въ Европѣ и пользуется большою начитанностію, то бесѣда съ нимъ

бываетъ всегда чрезвычайно занимательна. Въ отношеніи его дѣятельности по военнымъ поселеніямъ, мнѣ кажется, что все имъ устроенное заключаетъ въ себѣ наилучшія части этого паразитнаго растенія, которое при самомъ появленіи скрывало въ себѣ уже зародышъ уничтоженія. Я полагаю, что графъ Виттъ съ большою пользою могъ-бы быть употребленъ въ званіи военнаго генераль-губернатора въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Изъ разговоровъ его я могъ заключить, что онъ не доволенъ нынѣшнимъ своимъ положеніемъ по службѣ. Отношенія Клейнмихеля къ нему ему не нравятся“.

Сообщенія фельдмаршала на счетъ генерала Клейнмихеля я оставляю въ тайнѣ, потому что, находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ этого бывшего моего младшаго товарища по службѣ, я не желаю навлечь на себя упрекъ въ пристрастіи, ни въ пользу, ни во вредъ его. Что касается до графа П. А. Толстаго, то фельдмаршалъ отзывался о немъ съ уваженіемъ его достоинствъ, какъ сановника государственнаго, такъ и частнаго человѣка. Должность, которую ему государь указалъ занять вблизи престола, отправляетъ онъ съ необычайною отчетливостію, часто противъ собственной своей совѣсти. Онъ какъ будто сотворенъ на то, чтобы быть посредникомъ между интересами высшаго дворянства и милостями своего государя, гордясь и дорожа предоставленнымъ ему таковымъ преимуществомъ; онъ остается безъ строптивости въ назначенныхъ ему предѣлахъ,—озабоченъ единственно тѣмъ, чтобы сохранить довѣріе своего царя, и, будучи представителемъ высшаго русскаго дворянства, не имѣетъ въ виду другой цѣли, кромѣ той, чтобы это дворянство сохранило навсегда ту преданность къ престолу, которую оно изъявляетъ не только на словахъ, но на самомъ дѣлѣ. Состязаясь съ каждымъ, чтобы сохранить пріобрѣтенное благоволеніе къ себѣ монарха, онъ безъ всякой причины опасается его лишиться и съ удвоеннымъ усердіемъ старается упрочить его за собою. Я полагаю, что прежнее доброе его расположеніе ко мнѣ и дружеская связь, которая между нами существовала, когда мы служили въ равныхъ чинахъ, понынѣ еще продолжается, хотя производство мое въ фельдмаршалы его нѣсколько встревожило. Я почитаю его заслуги, которыми онъ

толичается какъ вѣрно преданный своему царю вельможа, но быть главнокомандующимъ арміею, каковое назначеніе (какъ мнѣ въ видѣ важной тайны передали) ему будто было сдѣлано,—я его не считаю способнымъ“.

Гр. Дивичъ-Забалканскій.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ въ 1830—1831 гг.

Записки Мохнацкаго.

VII ¹⁾.

Причины, погубившія дѣло возстанія.—Уловки Любецкаго.—Александръ I.—Стремленіе обратить Польшу въ губернію Россіи.—Дѣйствія правленія.—Клубъ.—Рѣчь Любецкаго.—Лелевель.—Хлопицкій.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Въ тотъ же вечеръ кончилась великая недѣля поляковъ ²⁾. Бросимъ теперь взглядъ на сіи первые семь дней народнаго возстанія; весь дальнѣйшій ходъ дѣла до самаго упадка его будетъ только развитіемъ ихъ. Загадка была самая простая: воспользоваться первымъ порывомъ, чтобы вмѣстѣ съ Царствомъ поднять и отторгнутыя земли (!!). Кто-жъ совратилъ дѣло съ того пути?..... борьба между поднявшими оружіе и тѣми, кои не осмѣлились пристать тотчасъ къ возстанію,— между стремившимися развить начатое дѣло и тѣми, кои, для достиженія опредѣленной мѣстной цѣли, ста-

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1884 г., т. XLIII, стр. 157—202; 341—362; 546—566; изд. 1890 г., т. LXV, стр. 681—711; изд. 1891 г., т. LXIX, стр. 281—302

²⁾ Въ Парижѣ, послѣ іюльскихъ происшествій, издано было описаніе ихъ, подъ названіемъ: „La grande semaine des français“. И въ Варшавѣ первымъ семи днямъ сумасброднаго возстанія не преминули дать названіе „Великой недѣли поляковъ“. Обезьянами всего французскаго издана была тотчасъ и брошюра подъ названіемъ: „Wielki Tydzien Polakow, czyli opis pamietnych wypadkow w Warszawie od dnia 29 Listopada do 5 Grudnia 1830 gosi. (Великая недѣля поляковъ, или описаніе достопамятныхъ происшествій въ Варшавѣ съ 29 ноября по 5 декабря 1830 года). Въ ней столько лжи и самохвальства, сколько и страха. См. также примѣчаніе далѣе (стр. 546).

Прим. перев.

рались удержатъ его въ извѣстныхъ предѣлахъ: вотъ два первые раздѣла, два первые отѣнка мнѣнія,—и двѣ первыя партіи. Вотъ начало всѣмъ дальнѣйшимъ домашнимъ раздорамъ. Но первоначальныя ошибки возстанія, какъ ни важны они были, нисколько не оправдываютъ стороны противной. Въ общественной жизни, въ политикѣ есть только одна прямая дорога: всѣ прочія, и вправо и влѣво, только сбивчивые объѣзды... Тѣ поляки, которые въ ночь 29-го поспѣшили въ администраціонный совѣтъ, подали собою дурной примѣръ. Имъ предстояли, если хотѣлось имъ поступить въ этомъ дѣлѣ хорошо и честно, два иныя средства: или безъ всякаго размышленія, тотчасъ по взломаніи арсенала, присоединиться къ возстанію (мятежу) или же не выходить изъ дому и ожидать конца, если для блага отечества, которое они считали въ опасности, не хотѣлось имъ брать на себя отвѣтственности, проистекающей изъ положенія ихъ въ обществѣ, изъ вѣса въ народѣ. Послѣдній путь указывали имъ въ особенности прошедшая ихъ жизнь, ихъ патриотизмъ, снискавшій имъ всеобщее справедливое уваженіе. Но они ни къ инсургентамъ не пристали, ни нейтральными не остались: предпочли тотчасъ отправится въ непріятельскій лагерь,—и сдѣлали контръ-революцію. Первая депутація администраціоннаго совѣта, отправленная въ ночь 29-го ноября къ цесаревичу, весьма замѣчательна. Любецкій, въ присутствіи князя Чарторыскаго, вызываетъ Константина Павловича въ бой съ инсurreкціею, стоявшею уже тогда въ оборонительномъ положеніи, у арсенала. Онъ просто требуетъ атаки на инсургентовъ. Константинъ Павловичъ не раздѣлялъ энергіи министра финансовъ. Чего не удалось 29-го смять силою, то на другой день словами, столь-же безуспѣшно, старались сокрушить. Первая прокламація администраціоннаго совѣта, составленная въ квартирѣ графа Соболевскаго, въ домѣ Браницкихъ, подъ защитою гвардейскихъ конныхъ егерей, была вторымъ, не менѣ явнымъ актомъ контръ-революціи. Владиславъ Замойскій, племянникъ князя Чарторыскаго, голова молодая, сильная, къ дѣлу государственному натурою созданная, предвидя, что волненіе возьметъ верхъ, и желая, чтобы среди сего волненія удержался администраціонный совѣтъ, который поставитъ на ноги онъ первый помогъ,—Замойскій подаетъ совѣту дѣльную мысль, какъ устоять противъ происшествій, ежеминутно возрастающихъ — подаетъ мысль поставить новый администраціонный совѣтъ на пунктѣ, соотвѣтствующемъ репутаціи и значенію новыхъ его членовъ. Любецкій отвергаетъ ту мысль, вводитъ свою—вводитъ въ тогдашнемъ увеличенномъ составѣ совѣта мысль посредничества между

Россіей и возстаніемъ, начинаетъ даже вооружать въ этой цѣли все Царство (прокламація 2-го декабря) и даетъ контръ-революціи иной видъ. Не могу довольно высказать, сколь важно вникнуть въ систему и положеніе сего министра. Любецкій, этотъ солдатъ Суворова, Любецкій, которому Екатерина еще въ его молодости дала медаль за Пражскую рѣзню, не видя возможности остановить революцію, постановилъ дать ей цѣль конституціонную. Пошедши по его слѣдамъ, князь Чарторыскій, Паць, Нѣмцевичъ, князь Михайло Радзивиль, Кохановскій, всѣ люди извѣстнѣйшіе въ краѣ, вмѣсто того, чтобы хотѣть большей силы на сѣверѣ, вмѣсто того, чтобы хотѣть земли, т. е. хотѣть возможнаго(!?), — захотѣли только добиться больше конституціонныхъ вольностей для надвислянской части Польши, для правительства сего края, для себя, т. е. захотѣли невозможнаго.

Послѣдніе годы царствованія Александра и первые царствованія Николая Павловича представляютъ вѣрные доводы, что Россія начала, наконецъ, открывать глаза. Видно было часъ отъ часу яснѣе, что политика русская, политика сходная съ видами Петра и Екатерины, обратилась къ тому, чтобы приставную конституціонную часть, ненужную, обратить въ губернію, въ округленіе имперіи. Итакъ, коль скоро основныя, вѣчныя начала петербургскаго кабинета настоятельно требовали, чтобы польское конституціонное царство лишилось даже и тѣхъ вольностей, какія ему дали, — коль скоро петербургскимъ кабинетомъ замѣчена уже была необходимость, чтобы кусокъ земли, покажѣсть полуотдѣльный въ отношеніи правительственномъ, превращался исподволь въ неразрывную часть огромной Россіи и потонулъ въ ней, какъ въ океанѣ, коль скоро постановлено было принять такое направленіе за правило государственное, то спрашиваю и на судъ каждаго публициста отдаю — на какомъ основаніи, по какой государственной логикѣ можно было допустить хоть на минуту, что „были способы, что представляла политика какіе-либо извороты, посредствомъ которыхъ, подъ вліяніемъ происшествій 29-го ноября, можно-бы было подвинуть русское правительство къ усиленію конституціонныхъ вольностей конгрессной Польши, къ освобожденію ея даже въ правительственномъ отношеніи изъ - подъ власти Петербурга? Допустить возможность такихъ уступокъ, надѣяться успѣха, было не что иное, какъ мечта. Основаться на мечтѣ въ дѣлѣ государственномъ, основаться на ней, обратить мечту въ систему правительственной власти — возстанія, было контръ-революціею—было, слѣдовательно, громадною ошибкою,

ибо столь великія, огромныя государственныя ошибки были всегда и вездѣ преступленіями противъ государства.... Администраціонный совѣтъ, не постигая сего и основываясь только на своей—надеждѣ на уступки, постановилъ способствовать отступленію цесаревича съ войскомъ, чтобы имѣть въ немъ посредника въ Петербургѣ для испрошенія всеобщей амнистіи....

Артиллерія изъ Гуры и изъ Скерневиць прибыла въ лагерь цесаревича; Герштенцвейгъ хотѣлъ атаковать Варшаву; силы инсургентовъ уменьшились; городъ заперся отъ нихъ, отказывалъ солдатамъ въ пищѣ; дѣйствія правленія носили на себѣ печать злоумышленія; Любецкіе, запутанные въ банковыя операціи, интриговали; городскія власти, частію новыя, частію воскресшія въ минуты замѣшательства, говорили языкомъ двусмысленнымъ, брали подъ свою опеку частную собственность, внушали этимъ самымъ отвращеніе къ возстанію, приписывали ему виды грабежа.... Контрреволюція плыла на распущенныхъ парусахъ; опасность доходила до высочайшей степени. Въ такомъ положеніи дѣлъ выходитъ на сцену клубъ, объявляетъ положительно чего хочетъ революція, выводитъ умы изъ неизвѣстности, одобряетъ и просвѣщаетъ (!) жителей, возбуждаетъ сильное волненіе въ массѣ народа, ведетъ его сперва въ правленіе, потомъ за заставу, въ лагерь цесаревича и уничтожаетъ администраціонный совѣтъ. Но какъ клубъ былъ только несвязное, нестройное собраніе, какъ Лелевель, въ руки котораго отдавали огромную силу клуба, не умѣлъ схватить ея, и, подобно другимъ, далъ провести себя Любецкому, какъ Лелевель, говорю я, будучи отъ природы только профессоромъ и антикваріемъ, а не государственнымъ человѣкомъ, не умѣлъ вдругъ проникнуть связи, кака въ этомъ дѣлѣ существовала и кака въ послѣдствіи должна была возникнуть между частію возстанія муниципальнаго и военнаго, между Старымъ Мястомъ и вооруженною силою ¹⁾, то клубъ, достигнувъ только части своихъ намѣреній, поднявъ большую тревогу въ партіи Любецкаго и въ лагерь цесаревича, разсѣялся, коль скоро минула первая опасность, и утратилъ силу еще прежде, нежели контрреволюція, такимъ явленіемъ пораженная, *de facto* разогнала ее штыками, обороняя самое себя. Съ этой поры было очевидно, что начавшіе возстаніе, не будутъ имѣть никакого участія въ управленіи имъ. Все дѣло

¹⁾ Подъ Старымъ Мястомъ сочинитель разумѣетъ (какъ и выше) простой народъ, населяющій въ особенности сію часть города, — разумѣетъ неистовства, совершенныя народомъ во время возмущенія, бывшаго въ Варшавѣ въ 1794 г.

Прим. переводчика.

взяло иной ходъ. Съ той минуты, идея клуба, — идея въ первоначальныхъ начертаніяхъ своихъ вовсе не якобинская, больше инсурреціонная, чѣмъ общественная и только къ тому стремившаяся, чтобы столицѣ, какъ колыбели, горнилу йнсуррекции, дать рѣшительное и дѣятельное участіе въ управленіи возстаніемъ (какъ было въ 1794 г.),—эта идея часъ отъ часу ослабѣваетъ, малѣетъ, кончается, такъ что послѣ, въ продолженіе войны, люди, дѣйствовавшіе въ ночь 29-го ноября, должны были (признать) не разъ, что они идею клуба, импровизированную ими среди важныхъ обстоятельствъ, идею, изъ которой впоследствии простекло столько смѣшнаго, вздорнаго и гнуснаго, огласили своею и усиливались дать ей ходъ. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, почти все, что совершается, совершается, повидимому, безъ плана. Но въ томъ, что уже совершилось, можно почти всегда подмѣтить общій планъ, систему, связь. Есть въ первыхъ дняхъ возстанія какая-то система, которая все влечетъ за собою.

Бросимъ взглядъ на тѣ дни.

Изъ неудачъ инсуррекции 29 ноября, изъ безуспѣшнаго нападенія на Бельведеръ, возникаетъ тотчасъ контръ-революція. Изъ дѣйствій контръ-революціи возникаетъ клубъ. Изъ дѣйствій клуба, или изъ страха, наведеннаго имъ на контръ-революцію, возникаетъ диктатура,—послѣдній резервъ Любецкаго. Временное правленіе, по отступленіи великаго князя изъ-подъ Варшавы, присвоило себѣ политику низверженнаго администраціоннаго совѣта: оно вводитъ все въ посреднической духъ министра финансовъ. Хотя онъ и не былъ членомъ временнаго правленія, но вліяніе его осталось то же: оно, если это возможно, становилось еще сильнѣе. Превозносили всѣ, какъ прежде предъ революціей, его польскій духъ, его несравненную голову. На счетъ перваго я всегда сомнѣвался; послѣдней отдаю полную справедливость. Что можетъ быть замысловатѣе тѣхъ умствованій, которыми онъ увлекалъ головы? „Война съ Россією, — говорилъ онъ въ банкѣ, окруженный толпою любопытныхъ, — война съ Россією вовсе не нужна. Зачѣмъ добиваться оружіемъ того, что отдадутъ, добровольно, для собственной даже пользы? Императоръ Александръ помышлялъ искренне о соединеніи всѣхъ частей Польши. Эта мысль великая (?), для самой Россіи (!) полезная, не чужда (!) и императору Николаю Павловичу (!). Развѣ отъ этого уменьшатся ея силы, развѣ умалится Россія, когда императоръ провозгласитъ себя королемъ цѣлой Польши,—понимаете меня, цѣлой Польши? Расположенія Австріи сомнительны. Но Пруссія не откажется принять вознагражденіе на западѣ. Могущественная Польша

и Россія подъ скипетромъ Николая Павловича будутъ импонировать цѣлой вселенной“¹⁾). Когда же спрашивали его: „гдѣ порука, что такъ, а не иначе поступитъ императоръ Николай Павловичъ съ Польшею, получивъ извѣстіе о нападеніи на Бельведеръ?“, то онъ отвѣчалъ: „порукою въ томъ здравая (!?) политика, ясное понятіе собственной пользы. Не совѣтую однакожъ тратить попустому время—надобно ополчаться и надобно какъ можно скорѣе. Есть у насъ деньги и оружіе, есть войско, трактовать о мирѣ (!?) наилучше съ оружіемъ въ рукахъ. Но я не хочу и думать, чтобы дошло до непріятельскихъ дѣйствій. Его императорское высочество цесаревичъ, которому поляки дали отступить почетно съ его гвардіею, будетъ, какъ обѣщаль, посредникомъ между царемъ и народомъ. У него сердце доброе, онъ любитъ насъ. Я самъ поѣду въ Петербургъ. Знаю императора. Представлю ему все дѣло въ настоящемъ видѣ. Расскажу, какъ невинно, безъ всякаго плана, случилось это несчастіе въ Варшавѣ, только отъ распущеннаго слуха, будто русскіе хотятъ вырѣзать поляковъ. Такому слуху повѣрила школа подпрапорщиковъ и университетская молодежь. За подпрапорщиками и студентами пошелъ народъ, за народомъ войско, вотъ и все!... Никто больше меня не (достигнетъ) у императора (!!). Не станетъ у меня доказательства, такъ я вытащу ихъ изъ-подъ подошвы (любимое выраженіе Любецкаго), и къ новому году привезу вамъ губерніи“.

Но больше всѣхъ виноватъ, le grand coupable этихъ первыхъ дней, былъ, по мнѣнію моему Лелевель. Онъ полагалъ, что „дѣйствія заговорщиковъ должны ограничиваться, съ одной стороны, постепеннымъ подущеніемъ войска, а съ другой вовлеченіемъ въ дѣло, исподволь, людей извѣстнѣйшихъ и народа“. Но сколько времени нужно было для этого? Дозволяли-ль обстоятельства располагать временемъ произвольно?... Идея самая ложная, идея вовлечь въ революцію установленное царемъ правленіе—овладѣла Лелевелемъ вполнѣ по внушенію Любецкаго. Предполагать, что правленіе это воскреситъ Польшу и сокрушитъ Россію, не вздорная-ли была мечта? Сужденія Лелевеля были странны; онъ думалъ, на примѣръ, что администраціонный совѣтъ пристаеъ къ революціи, переходя въ банкъ. Цѣлая его система основывалась только на томъ: чтобы все, что по натурѣ своей, было противно

¹⁾ Въ приводимыхъ здѣсь фразахъ министра финансовъ Любецкаго я не перемѣнилъ ни одного слова и передаю ихъ точно такъ, какъ они выходили изъ его устъ: онъ повторялъ ихъ нѣсколько разъ въ моемъ присутствіи.

Прим. авт.

возстанію, ввести въ него, вклеить въ его рамку. Онъ мѣтилъ, потому, въ три пункта: хотѣлъ, вопервыхъ, произвести революцію въ самой Россіи—отсюда надпись его изобрѣтенія на розданныхъ войску особыхъ знаменахъ: „за вашу и нашу вольность“; хотѣлъ, во вторыхъ, вовлечь въ революцію правленіе Царства, и, въ третьихъ, сеймъ;—а то, что дѣйствительно было революціонное, нашъ патріотическій (!) клубъ, онъ, какъ глава этого учрежденія, сбивалъ съ пути и обманывалъ. Казалось Лелевелю, что правительственная власть была заодно съ революціею. — а власть въ тѣ дни только подслушивала и ослабляла революцію! Лелевель, въ той мысли, чтобы дать революціи законный видъ, чтобы легализировать ее, подкрѣплялъ Любецкаго. А Любецкій, въ той мысли, чтобы значеніемъ людей такихъ, какъ Лелевель, держать революцію въ уздѣ, подкрѣплялъ Лелевеля и доказывалъ, что онъ необходимъ въ правленіи ¹⁾. Изъ всѣхъ политическихъ слабостей играетъ страхъ

¹⁾ Но послушаемъ самого Лелевеля въ любопытныхъ его запискахъ, которыхъ одну часть, подъ заглавіемъ „Депутація въ Вержбнѣ“, онъ издалъ въ свѣтъ, а другую, еще не изданную, я случайно имѣлъ въ рукахъ и списалъ для памяти. „Не революціонные крики“,—говоритъ онъ,—„ввели меня въ правленіе, — отнюдь не они. Я обязанъ этимъ славі авторской, а больше всего званію посла на сеймѣ“.—Эти слова, произнесенныя въ свое время и передъ диктаторомъ, бросаютъ свѣтъ на образъ мыслей Лелевеля въ первыхъ дняхъ возстанія. Они объясняютъ, для чего Лелевель старался давать чувствовать, что вступаетъ онъ на сцену только какъ членъ дореволюціоннаго сейма, какъ имѣвшій за собою въ комиссіяхъ того сейма больше голову, чѣмъ другіе, что дѣйствуетъ только въ законномъ кругѣ члена сейма, а не въ званіи сообщника заговорщиковъ, введеннаго возстаніемъ въ совѣтъ правленія. Забылъ глубокомысленный историкъ, что революціи идутъ новыми путями.... По сей-то причинѣ былъ Желеховскій посолъ (т. е. Лелевель) якобинцемъ для аристократовъ, а модерантомъ для клубистовъ, и, слѣдовательно, былъ совершенно ничѣмъ. — „Тѣмъ, коихъ мысли еще не приготовлены къ революціи“,—продолжаетъ Лелевель,—„надобно всегда давать время и способъ приставать къ ней“. — Ошибка самая грубая въ революціонной политикѣ! Если революція народная, а наша была народною (?), то врагами ся должно считать неприятелихъ къ ней тотчасъ. Внутреннихъ враговъ своихъ не допускаетъ революція къ управленію дѣлами. Если она кротка, какъ была наша (!?), то даетъ имъ время подумать, но за предѣлами власти. Если-же кровожадна, то посылаетъ ихъ немедленно на эшафотъ. У Лелевеля было такъ мало моральной силы для занятія мѣста, которое давала ему революція, что идеи клуба онъ называлъ фантастическими. По его мнѣнію можно было достигнуть всего безъ разрыва съ Россіею и конституціею. Въ этомъ мнѣніи онъ поѣхалъ депутатомъ въ Вержбно; оно-же побудило его пристать къ мысли, что правленіе, какого требовало возстаніе, можетъ быть установлено сеймомъ, пронстекающимъ не изъ возстанія, но изъ порядка вещей, возстанію предшествовавшаго. Лелевеля не доставало высшаго

величайшую роль на свѣтѣ. Диктатура была дѣломъ страха. Временное правленіе нанесло сильный ударъ возстанію, отдавая его на разсмотрѣніе сейма, котораго оно само боялось. Сеймъ сзывали на 18-е декабря, а до 18-го декабря клубъ могъ подвинуть происшествіе такъ далеко, что и сеймъ не нашелся-бы, наконецъ, въ возможности дать имъ конституціонное направленіе. И вотъ посему, для удержанія порядка вещей, какой былъ до сейма, а еще болѣе, для положенія крѣпкой преграды усиліямъ, которыхъ цѣлю могло быть учрежденіе власти настоящей революціонной, бросились въ объятія военнаго единовластія, иное возвѣщавшаго народу, иное имѣвшаго на умѣ. На этотъ счетъ я сдѣлаю только одно замѣчаніе, для обозначенія точнѣе характера контръ-революціи. Не вѣрять въ дѣло народа (?), быть даже противъ него изъ убѣжденія, изъ ограниченности ума, изъ упрямства или изъ какой-нибудь фантазіи, вольно каждому: нѣтъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ, никакого преступленія, ибо никто не можетъ передѣлать самого себя. Хло-

политическаго вдохновенія: отъ того умствованія его были малы, а этимъ самымъ ошибочны.

Систему свою въ началѣ возстанія толкуетъ еще Лелевель слѣдующимъ образомъ: „козь скоро“ — говоритъ онъ — совершенно развернулася наша революція, начали вдругъ требовать независимости, (а развѣ требованія эти не были началомъ и причиною революціи?) — „начали требовать разрыва съ Россією, ниспроверженія всякой легальности, расширенія правъ народа и даже вторженія въ герцогство Познанское и въ Галицію. Съ своей стороны правленіе боялось отступить слишкомъ и вдругъ, въ самомъ началѣ, отъ установленныхъ европейскою дипломатією правилъ, и отъ Россіи, — и сія боязнь брала въ правленіи перевѣсъ. Требования ультра-революціонныя возникли въ клубѣ; они угрожали дѣйствіямъ правленія, державшагося въ умѣренности, сколько дозволяли обстоятельства. Въ правленіи нельзя было искоренить боязливыхъ чувствованій. Отъ того, что правленіе сіе было не революціонное, а вовлеклось только въ революцію, возсталъ борьба между легальностью и революціонностію. Правленіе — какъ оно ни называлось, администраціоннымъ-ли совѣтомъ, исполнительнымъ-ли отдѣленіемъ, правленіемъ-ли временнымъ, — сохраняло нѣкоторый видъ легальности, и по такому характеру своему останавливало революцію, въ чемъ она выступала изъ границъ законныхъ; — будучи-же сама побуждаемо ею къ дѣйствію или угрожаемо, измѣняло, для поддержанія своего быта, то видъ свой, то названіе, — легализировало революціонное по мѣрѣ возможности и обращало его на законный путь. Такимъ образомъ не было правленіе совершенно противно революціи, а только умѣряло ее. На этотъ путь — присовокупляетъ Лелевель, направилъ его Любецкій“. А я скажу чистосердечно, что нельзя быть больше профессоромъ и меньше человекомъ государственнымъ. Характеръ Лелевеля безъ укора. Наука велика, но сухія, стародавнія книги и тяжелыя розысканія стерли закалъ съ его души, обезсилили ее.

Прим. автора.

пицкій былъ противъ революціи. Это еще не бѣда: онъ могъ измѣниться отъ долгаго бездѣйствія послѣ Наполеоновыхъ кампаній—могъ потерять охоту къ великимъ (?) дѣламъ — могъ предвидѣть бѣдствія, конечную гибель Польши, могъ держаться правила, что лучше имѣть вѣрный кусокъ края, чѣмъ гоняться за невѣрнымъ цѣлымъ,—а можетъ быть, и это всего вѣрнѣе, не хотѣлъ пускать подъ старость снисканную военную славу на тяжелое испытаніе въ борьбѣ, по мнѣнію его, неравной. Все это понять легко. Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ, когда обратимся къ людямъ, которые знали его такимъ, а не инымъ, которые знали его хорошо, какимъ представлялъ его себѣ народъ, а между тѣмъ, изъ одной неосновательной боязни, чтобы возстаніе не взяло якобинскаго характера, не только не старались вразумить народъ, но еще крѣпче держали его въ заблужденіи, и такого человѣка, съ такимъ правомъ, съ такимъ упорнымъ отвращеніемъ къ тому, что называлъ онъ однимъ бунтомъ съ самаго начала до конца, подкрѣпляли всѣми силами, твердя безпрестанно: „положимся на Хлопицкаго“¹⁾. Генераль тотъ, взявъ на себя диктатуру, сдѣлался только генераль-полицеймейстеромъ временнаго правленія. Онъ не имѣлъ души великой, способной вмѣстить въ себѣ вдохновеніе (?) народа. Но въ этомъ, какъ я уже сказалъ, не его вина: такъ угодно было судьбѣ..... Виною въ бѣдствіяхъ, имъ на несенныхъ, виною въ пагубной для насъ проволочкѣ, виною въ обманѣ народа—только панегиристы его, только тѣ, которые съ величайшимъ хладнокровіемъ приложили ледъ къ сердцу Польши, сильно бьющемуся, кои этимъ льдомъ охлаждали всеобщій ея энтузіазмъ, кои изъ льда сковали власть неограниченную (Хлопицкаго), совершенно противную цѣли возстанія.

Такъ понималъ и такъ понимаю я доннынѣ событія нашей великой (?) недѣли! Если-бы мой судъ о вещахъ показался кому при-

¹⁾ Должно, однакожь, сказать, что когда Хлопицкій, до провозглашенія себя диктаторомъ, отказывался нѣсколько разъ отъ главнаго начальства надъ войскомъ, то нѣкоторые изъ знавшихъ его короче, и между ними князь Чарторыйскій, не считали, кажется, большою бѣдою, что этотъ человѣкъ уклонился отъ общественныхъ дѣлъ. Тогда-то пришла на минуту мысль ввѣрить начальство надъ войскомъ генералу Князевичу, а до прибытія его изъ Дрездена, гдѣ онъ жилъ, Шембеку, съ званіемъ начальника главнаго штаба арміи. Но когда трактовали объ этомъ, вбѣжалъ въ правленіе статсъ-совѣтникъ Крушевскій съ требованіемъ отъ имени всего войска, чтобы непременно упростили Хлопицкаго, что только ему будетъ послушно войско.

Прим. автора.

страстнымъ, то пусть вспомнить, что въ событіяхъ, здѣсь описанныхъ, я самъ принималъ дѣйтельное участіе, и потому, какъ одинъ изъ дѣйствующихъ, какъ сторона тяжущаяся и побѣжденная, не могъ, разбирая тѣ событія, изгладить въ себѣ первыхъ впечатлѣній, сколько ни усиливался преодолѣть ихъ.

На счетъ великаго князя я стою твердо въ тогдашнемъ моемъ мнѣніи, что въ возстаніи нашемъ онъ могъ быть употребленъ для многихъ и разнообразныхъ видовъ. И теперь еще, когда совокупаю въ памяти все, что случай давалъ намъ въ послѣдней революціи, когда размышляю о великихъ послѣдствіяхъ, какія онъ могъ имѣть, является мнѣ тотчасъ передъ глазами живая, прелестная (!?) картина: огромная Русская Имперія, вознесенная успѣхами цѣлаго вѣка изъ малаго родового достоянія до высоты необыкновенной, внезапно (становится въ затруднительное положеніе). Константинъ Павловичъ во дворцѣ въ Варшавѣ, подъ стражею инсургентовъ, могъ играть такую роль, какой требовали обстоятельства. Одно его повелѣніе, добровольное или вынужденное, отдавало въ наши руки литовскій корпусъ, съ корпусомъ—Литву, а съ Литвою—остальную часть забранной Польши,—цѣлую Русь. Не самолюбіе, что я на этотъ путь наводилъ дѣло въ клубѣ, не страсть защищать упорно изъявленное однажды мнѣніе — нѣтъ! Одно безпристрастное (!) зрѣлое уваженіе всѣхъ обстоятельствъ заставляеть меня такъ судить. Право первородства, уступленное Константиномъ Павловичемъ младшему брату, засимъ привязанность къ Константину Павловичу темнаго народа, самымъ отреченіемъ его отъ престола еще больше усиленная, наконецъ, и то, что раздѣлялъ онъ (?) ненависть націи къ чужестранцамъ, т. е. къ нѣмцамъ: все это вмѣстѣ—не ужъ-ли не представляло никакой мысли нашей революціонной политикѣ?... Но къ несчастію (!), времена Марины и Шуйскихъ ушли изъ памяти поляковъ. Преданіе стародавней политики нашей въ сношеніяхъ съ Москвою погасли! Старинныя, великія (!?) формы политики исчезли: осталось только униженное почтеніе къ Россіи!...

Мохнацкій.

Примѣчаніе. Вся нелѣпность фантазій демагога польской, въ высокой степени для всего польскаго народа злополучной, революціи такъ велика, что нѣтъ ни малѣйшей надобности ее опровергать; мы, однако, оставляемъ здѣсь его разсужденія, такъ какъ они даютъ окраску той партіи революціонеровъ-мятежниковъ 29-го ноября 1830 г., къ которой принадлежалъ Мохнацкій.

Переводчикъ.

ЗАПИСКИ ГЕН.-М. НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВОХИНА

род. 1790 г., † 1853 г.

I.

Н оября 15-го 1807 г. мы, кадеты 2-го кадетскаго корпуса, отъэкзаменованные и представленныя къ производству въ офицеры, сидѣли тихонько или, вѣрнѣе, дремали послѣ обѣда въ пустомъ верхнемъ классѣ, куда водили насъ въ классныя часы, чтобы не шалили въ ротахъ. Уже вечерѣло, какъ кто-то закричалъ въ полурастворенную дверь изъ корридора въ классъ—вышли! Слово это подобно электрической искрѣ потрясло насъ. Мы въ изступленіи вскочили съ своихъ мѣстъ и съ крикомъ вышли, выбѣжали въ корридоръ, гдѣ уже раздавались возгласы: вышли! вышли! На этотъ крикъ выбѣжали дежурныя офицеры и учителя. Узнавъ причину суматохи, они старались унимать насъ, а мы еще громче кричали: вышли! вышли! Крикъ этотъ повторился въ классахъ и кадеты начали выбѣгать въ корридоръ,—что и вынудило офицеровъ и учителей оставя насъ, броситься въ классы, чтобы удержать въ порядкѣ не выпускныхъ кадетъ. Въ числѣ ихъ находился и младшій братъ мой Иванъ.

Опомнясь вѣсколько, почти каждый изъ насъ спрашивалъ: кто первый закричалъ вышли? Гдѣ приказъ? Одинъ изъ товарищей, не упомяну кто, закричавъ: „приказъ у меня!“, бросился внизъ по лѣстницѣ. Мы за нимъ, толкая и опережая другъ друга, какъ-бы боясь, что на послѣдняго не будетъ распространена высочайшая милость. Выбѣжавъ

на кадетскій дворъ, мы окружили читавшаго приказъ. Цѣловали священный намъ листокъ и передавали его изъ рукъ въ руки. Затѣмъ плакали отъ радости, обнимали одинъ другаго и поздравляли съ офицерствомъ. Минуть чрезъ пять уже никого не было на дворѣ, всѣ разбѣжались: кто въ роты, кто къ роднымъ, кто въ квартиры, нанятые по случаю выпуска изъ корпуса. И я въ числѣ прочихъ побѣжалъ въ роту, за шапку, гдѣ уже нашелъ меня братъ мой. Мы бросились другъ къ другу на шею и долго не могли проговорить двухъ словъ. Наконецъ, братъ сказалъ: „теперь я остаюсь здѣсь круглымъ сиротою, но дай Боже тебѣ счастья!“ Я прижалъ его къ моему сердцу, взаимно пожелалъ ему того-же счастья и мы разстались. Онъ побѣжалъ въ классъ, а я въ домъ корпуснаго учителя геометріи И. А. Ефимова, у котораго нанимала комнатку бывшая кормилица моя и няня Наталья Анисимовна. Ей сообщилъ я радость мою, и добрая старушка, прижавъ сухими руками своими щеки мои, цѣловала меня въ глаза, плакала и приговаривала: „ну! сегодня ты офицеръ, а завтра будешь генераль!“ Почтенная домовая хозяйка А. С. Ефимова, узнавъ о моемъ производствѣ въ офицеры, прибѣжала въ комнату къ Натальѣ и увела меня къ себѣ вверхъ. Серіозный и почтенный И. А. положилъ на столъ трубку и, снявъ колпакъ съ лысой головы своей, обнялъ меня, поцѣловалъ и, перекрестивъ, сказалъ: „служи какъ учился,—будешь человѣкъ!“ Напившись у нихъ чаю, я побѣжалъ въ роту, къ брату, съ которымъ и провели всю ночь въ мечтахъ о будущемъ нашемъ благополучіи.

Лишь только разсвѣло, мы написали поздравительное письмо къ матушкѣ, и отправили его на почту съ нашимъ курьеромъ Натальею, которая оставлена матушкою въ Петербургѣ, съ цѣлію доставлять на почту наши письма и получать отъ знакомаго почтоваго чиновника матушкины письма, для врученія намъ. Отправивъ почту, я пошелъ къ дальнему родственнику П. А. Кожевникову, получившему отъ матушки 150 р. асс. на мою обмундировку. Деньги большія по тогдашнимъ цѣнамъ, что доказывается возможностью сдѣлать два мундира съ принадлежностями, холодную шинель, двѣ пары сапогъ, шляпу, шпагу и прочее, что было нужно и не нужно молодому офицеру. Я очень помню, что за всѣми расходами, въ томъ числѣ на подарки брату, Натальѣ и солдату бывшей нашей каморы, осталось у меня около 15 рублей,—деньги также не малые по тогдашнему требованію моему. Бѣлья я не покупалъ, потому что оно съ избыткомъ прислано было отъ матушки. Я жилъ по выпускѣ изъ корпуса у доброй моей няни, которая, уступивъ мнѣ свою кровать съ занавѣсками, перебралась въ той-же комнатѣ на печь. Старушка потчи-

вала меня на-славу, приготовляя ежедневно щи со снятками и гречневую кашу съ коноплянымъ масломъ. Въ воскресные же и праздничные дни являлся на моемъ столѣ пирогъ съ пшениною кашею. Эти не очень-то гастрономическія блюда были объяденіемъ послѣ корпуснаго стола, которымъ потчивали насъ экономы.

До сихъ поръ (1852 г.) я не забылъ, съ какою завистью смотрѣли мы, кадеты, на счастливецѣвъ, пользовавшихся покровительствомъ старшаго повара Проньки. Бывало, онъ присылалъ имъ хорошія кусокъ мяса или лишнюю ложку горячаго масла къ гречневой кашѣ, составлявшей одно изъ любимѣйшихъ кадетскихъ блюдъ. Ни за что болѣе не ратовали кадеты, какъ за эту вождедѣнную кашу! Случилось однажды, что вмѣсто нея подали намъ пироги съ гусаками, т. е. съ легкимъ и печенкою. Весь корпусъ пришелъ въ волненіе и нетронутыя части пироговъ полетѣли, какъ-бы по условію, со всѣхъ сторонъ въ генераль-маіора В. Ѳ. М., наблюдателя корпусной экономіи. Къ счастью, пироги были мягки и не такъ-то допеченные, отчего пирожная мишень осталась неповрежденною. Долго искали зачинщиковъ дѣтской шалости, но не могли найти, и директоръ А. А. Клейнмихель сдѣлалъ за нее всему корпусу строгій выговоръ. Подобныя-же пирожныя баталіи бывали въ корпусѣ прежде и послѣ насъ, и гречневая крутая каша оставалась каждый разъ побѣдительницею пироговъ съ гусаками.

Въ то время мы не понимали причины кадетскаго покровительства кашѣ, но впослѣдствіи причина эта объяснилась мнѣ въ голодномъ столѣ, при которомъ гречневая каша, какъ блюдо питательное, должна была взять первенство надъ топкими пирогами съ ароматною внутренностию давно убитаго скота.

Съ сердечною признательностию вспоминаю имена корпусныхъ начальниковъ моихъ, капитановъ А. А. Бухмейера, Ѳ. Г. Гольдгоера, И. К. Баркгаузена и всѣхъ офицеровъ, людей отличнѣйшей нравственности, прямодушныхъ и безкорыстныхъ. Они обращались съ нами, кадетами, какъ добрые отцы. Жестокихъ наказаній не употребляли, но виновнымъ проступки ихъ не дарили. Разборъ производился по субботамъ, въ умывальной комнатѣ, куда приводились для наказанія и записанные въ классахъ. Милосердый Спаситель хранилъ меня отъ бѣдъ во все время пребыванія моего въ корпусѣ, продолжавшееся шесть лѣтъ. Товарищи любили меня и начальники были ко мнѣ милостивы, въ доказательство чего вскорѣ представляю я разительный примѣръ.

Гг. учителя въ среднихъ и верхнихъ классахъ были люди почтенные, знающіе свой предметъ и съ любовью передающіе его своимъ

ученикамъ. Таковы были учителя геометріи и тригонометріи И. А. Ефимовъ, алгебры—В. И. Висковатовъ, полевой и долговременной фортификаціи—А. И. Кенигъ, артиллеріи—В. А. Ефимовъ и физики—профессоръ В. В. Петровъ. Объ учителяхъ прочихъ предметовъ не упоминаю, потому что они, особенно-же иностранные языки, не были въ ходу въ наше время. По математическимъ наукамъ я былъ однимъ изъ прилежнѣйшихъ учениковъ, а по физикѣ первый и самый довѣренный профессора Петрова. Онъ посылалъ меня въ физическій кабинетъ за инструментами и прочимъ, въ чемъ встрѣчалась ему нужда для опытовъ. Нерѣдко, объясняя предметъ, онъ приказывалъ мнѣ производить опыты. Если-же случилось что кто-либо изъ кадетъ, спрошенный имъ, не могъ отвѣчать профессору, то, обращаясь ко мнѣ, онъ говорилъ:

— „Ну, г. Вохинъ, отвѣчайте за г. X.“¹⁾

Я исполнялъ приказаніе и профессоръ, бывъ мною доволенъ, поставлялъ въ примѣръ всему классу, и даже по выпускѣ моемъ часто вспоминалъ меня добрымъ словомъ. Я описалъ это не въ похвалу себѣ, но чтобы показать, какъ благорасположеніе это ввело меня въ бѣду и какъ я избавился отъ нея по милости ближайшихъ моихъ начальниковъ.

Однажды профессоръ Петровъ, приготовляясь къ опыту, чтобы доказать дѣйствія соединенныхъ газовъ, смѣшалъ при насъ суриковый порошокъ (краску) съ угольнымъ порошкомъ, и сказалъ:

— „Вотъ, господа! Вы увидите, какъ изъ этой смѣси я сдѣлаю дробь“.

Затѣмъ подождалъ лишь яркаго солнечнаго луча, чтобы навести фокусъ зажигательнаго стекла на сдѣланную имъ смѣсь. Но солнце, какъ-бы нарочно, выходило изъ облаковъ и пряталось за нихъ, отчего не удалось многократныя попытки профессора произвести опытъ. Вскорѣ прозвонилъ колокольчикъ и классное время кончилось.

В. В. Петровъ, пожалѣвъ о неудачѣ своей, приказалъ мнѣ высыпать въ бумажку сдѣланный имъ составъ и, по исполненіи, сказалъ:

— „Жаль, что у меня одно стекло, я оставилъ-бы вамъ, г. Вохинъ, порошокъ, чтобы вы произвели опытъ товарищамъ“.

Одинъ изъ кадетъ отвѣчалъ: — „У меня есть зажигательное стекло“. Профессоръ, отдавая мнѣ порошокъ, сказалъ: „Воспользуйтесь имъ при полномъ сіяніи солнца“. Къ общему сожалѣнію нашему,

¹⁾ Почтенный профессоръ былъ занка. Чтобы отъучить себя отъ занканья, онъ говорилъ протяжно, почти нараспѣвъ.

погода стояла пасмурною нѣсколько дней, но въ воскресенье, какъ-бы для праздника, день былъ ясный и я произвелъ удачный опытъ, въ присутствіи дежурнаго офицера и многихъ кадетъ. Всѣ были изумлены, видя, какъ изъ порошка образовались маленькіе шарики, соединялись между собою и съ трескомъ падали въ холодную воду, находившуюся въ тарелкѣ. Мнѣ прокричали „ура!“ и я, ободренный имъ, присанился, какъ-бы найдя квадратуру круга! Кадеты другихъ ротъ сбѣгались ко мнѣ, съ просьбою научить ихъ дѣлать дробь, но, по неимѣнію матеріаловъ, желаніе ихъ осталось неисполненнымъ.

Въ первый за симъ физическій классъ профессоръ Петровъ поздравилъ меня съ счастливо произведеннымъ опытомъ и, продолжая лекцію о газахъ, объяснилъ, что не одинъ порохъ имѣеть великую разрушающую силу, но есть и другіе составы, производящіе почти то-же дѣйствіе, напр. если смѣшать въ равныхъ пропорціяхъ селитры, поташу и еще что-то, насыпать на желѣзный листъ и съ низу подогрѣть, то послѣдуетъ выстрѣлъ, подобный ружейному. Всѣ мы просили профессора произвести опытъ. Онъ согласился, но, не найдя какого-то припаса въ своемъ кабинетѣ, отложилъ производство опыта до послѣ-праздниковъ. Это было предъ Рождествомъ Христовымъ. Нѣкоторые изъ насъ записали составъ порошка и, подстрекаемые любопытствомъ, придумывали средства къ производенію опыта. Нашлись между нами богачи, которые, пожертвовавъ для пользы науки нѣсколько копеекъ, купили составъ и вечеромъ того-же дня передали мнѣ, какъ главному лаборанту. Сдѣлавъ порошокъ, мы собрались къ истопившейся печкѣ и, насыпавъ на заслонку щепотку порошка, положили ее на раскаленные уголья. Не прошла минута, какъ послѣдовалъ выстрѣлъ. Мы, въ радостномъ испугѣ, разбѣжались куда пошало. Къ счастью нашему, не бывшіе при опытѣ приняли звукъ его за ударъ двери о стѣну, и мы не старались разувѣрять ихъ въ противномъ. Но истина не могла сокрыться: весь корпусъ зналъ, исключая начальниковъ, что у меня есть бѣлый порохъ, такъ называли составъ по цвѣту. Многіе просили его, но, изъ осторожности, я не далъ никому, даже и опытовъ болѣе не производилъ, боясь отвѣтственности.

Вскорѣ наступилъ роспускъ кадетъ на праздники къ роднымъ. Меня и брата моего взяли къ себѣ знакомые нашей матушки (отца у насъ уже не было), И. М. и П. А. Лавровы. люди чужіе намъ, но столь добрые, что мы были у нихъ какъ у своихъ родителей. Уѣзжая изъ корпуса, я сказалъ товарищамъ, что порошокъ возьму съ собою, чего, однако-же, не сдѣлалъ, но спряталъ его

въ старые сапоги, хранившіеся въ моемъ сундукѣ, подъ замкомъ. Кадеты только что не дрались со мною за порошокъ, доказывая, что онъ купленъ на ихъ деньги. Я отвѣтилъ, что скорѣе выброшу, нежели отдамъ имъ, потому что они, не зная какъ употреблять его, попадутся въ бѣду. Какъ я говорилъ, такъ и случилось. По отъѣздѣ моемъ, они купили составъ, сдѣлали порошокъ и, пользуясь отсутствіемъ дежурнаго офицера, ухидившаго къ директору съ рапортомъ, насыпали на заслонку не щепотку, но цѣлую горсть, и дали ей воспламениться. Послѣдовалъ взрывъ, отъ котораго развалилась печь. Къ счастью, никто изъ кадетъ не находился въ комнатѣ, и потому никто не получилъ поврежденія. Директоръ, жившій саженьяхъ во сто отъ мѣста, гдѣ повторенъ прежній опытъ, принялъ его за выстрѣлъ изъ ружья и послалъ въ корпусъ отыскать виновнаго. Можете судить объ испугѣ кадетъ. Сдѣлавъ наскоро совѣщаніе, что показывать на допросѣ, они придумали: 1) что порошокъ получили отъ меня, 2) что изъ него я дѣлалъ уже опытъ, по наставленію проф. Петрова, давшаго мнѣ этотъ порошокъ, и 3) что, не зная силы его, бросили, шаливъ, въ печь, отъ чего она и развалилась. Сказкѣ этой повѣрили и оставили дальнѣйшій разборъ до возвращенія моего изъ отпуска.

Не успѣлъ я переступить за корпусную калитку, какъ нѣсколько товарищей, поджидавшихъ меня у воротъ, объяснили весь ужасъ положенія моего! Я не зналъ что дѣлать. Однако-же, рѣшился не выдавать товарищей и, успокоивъ ихъ, пошелъ являться къ дежурному по корпусу, Н. А. Дружинину. Онъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами:

— „Возможно-ли было ожидать отъ васъ, что вы дадите кадетамъ бѣлый порохъ!? Ну, если-бы ихъ перебило имъ, что тогда было-бы съ вами?“

Я не оправдывался—молча пошелъ въ роту.

Утромъ слѣдующаго дня, послѣ класса, собрали нашу 2-ю роту въ сборную залу, куда не замедлилъ прибыть и директоръ корпуса, генераль-маіоръ А. А. Клейнмихель. Не поздоровавшись съ кадетами, онъ пошелъ по фронту и, остановясь противъ меня, сказалъ: „А, батенька ¹⁾), г-нъ физикъ! выдь-ка впередъ!“ Я повиновался. Генераль, пройдя шаговъ двадцать, остановился предъ срединою роты и, грозно посмотрѣвъ на меня, продолжалъ: „Ну, батенька, расскажи-ка мнѣ, какъ ты дѣлалъ бѣлый порохъ?“ Видъ и голосъ разгнѣваннаго начальника и скамья, стоявшая у дверей

¹⁾ Слово „батенька“ была приговорка генерала, въ хорошемъ и худомъ расположеніи духа.

залы, съ горою розогъ, отняли у меня языкъ. Я хотѣлъ просить прощенья и не могъ. Генералъ, принявъ замѣшательство мое и молчаніе за доказательство вины, закричалъ: „Скамейку!“ , а мнѣ: „Изволь-ка, батенька, раздѣваться; я тебѣ задамъ физику!“ Въ это самое время ротный мой командиръ, Д. К. Баркгаузенъ, давъ знакъ офицерамъ, подошелъ съ ними къ генералу, и всѣ убѣдительно просили его, чтобы простилъ меня, добавя, что я не виноватъ. Генералъ, съ неудовольствіемъ возразилъ: „Ну, такъ по вашему, батенька виновата печь,—зачѣмъ лопнула отъ бѣлаго пороха!“ Д. К. и офицеры почтительно доложили генералу, какъ случилось несчастіе, и къ этому добавили все, что только добродушіе могло внушить имъ въ мою пользу. Я началъ приходить въ себя и зарыдалъ отъ избытка благодарности къ избавителямъ моимъ, когда генералъ сказалъ мнѣ: „Прощаю тебя, г-нъ физикъ, но съ тѣмъ, чтобы не дѣлалъ болѣе бѣлаго пороха!“ Послѣ меня, вызвали впередъ несчастныхъ товарищей моихъ, производившихъ опытъ, и высѣкли ихъ для примѣра прочимъ.

Со всею подробностію рассказалъ я почтеннѣйшему профессору В. В. Петрову бывшій случай. Онъ отвѣчалъ: „Если-бы васъ, г. Вохинъ, высѣкли, то вамъ было-бы только больно, а мнѣ, старику, при этомъ вдвое больнѣе, нежели вамъ! Слава Богу за васъ! Слава Богу и за товарищей вашихъ! Учиться не хотятъ, а на шалости первые! Ништо имъ! Будутъ помнить бѣлый порошокъ, добавилъ онъ, улыбаясь, —это не свѣже-просольный газъ“. Я просилъ профессора простить имъ невольную ложь и подтвердить ее, если будетъ въ томъ нужда. Онъ обѣщалъ и слово свое исполнилъ. Нужнымъ считаю добавить, что одинъ изъ наказанныхъ незадолго передъ тѣмъ, на вопросъ профессора, какой газъ добывается изъ селитры, смѣло отвѣчалъ ему—свѣже-просольный!—„Сами вы свѣжепросольный“, возразилъ съ неудовольствіемъ профессоръ, —„огурцы бываютъ свѣжепросольные, а не газы! Газъ, добываемый изъ селитры—кислотворный“.

Мнѣ остается сказать объ учителяхъ нижнихъ классовъ. Они были люди добрые и знающіе свой предметъ, но нѣкоторые изъ нихъ столь бѣдные и угнетенные семейнымъ положеніемъ своимъ, что дозволяли намъ, кадетамъ, наполнять пустые карманы ихъ кусками хлѣба, выносимаго нами изъ столовой, мяса, каши и масла въ бумажкахъ; послѣднее, подаваемое къ столу въ горячемъ видѣ, мы обливали квасомъ и сбивали ложкою, до тѣхъ поръ, пока оно застывало. Изъ уваженія къ памяти ихъ, какъ людей достойныхъ лучшей участи, я не называю по фамиліямъ. При такихъ преподавателяхъ не могли быть хорошіе успѣхи въ наукахъ, да и вообще кадеты нижнихъ

классовъ, особенно-же прапорщики (названіе самопроизвольно присвоенное себѣ лѣнивцами, выходящими изъ артиллерійскаго корпуса въ армію), учились очень плохо и прилежныхъ было мало, да и тѣ, увлекаемые примѣрами стариковъ, т. е. прапорщиковъ, дремали въ классахъ, читали романы, временемъ-же расгѣввали пѣсенки, переходя изъ pianissimo въ forte и даже crescendo, если въ корридорѣ не было дежурнаго офицера. Напримѣръ:

За столомъ сидитъ метелка Ми.....овъ.
 На всѣ стороны поглядываетъ.
 Ай жги! Ай жги! Говори!
 На всѣ стороны поглядываетъ!

Этотъ вѣжнѣйшій романсъ сочиненъ былъ кадетами на ихъ учителя, прозваннаго „метелкою“, по косѣ, которая имѣла видъ метелки. Романсъ этотъ пѣли на голосъ: „Ахъ, на что было городъ городить“.

Много было у кадетъ и другихъ шалостей, но всѣхъ ихъ не вспомнить и не описать.

Начавъ очеркъ жизни моей съ выпуска изъ кадетскаго корпуса, я долженъ упомянуть и о поступленіи въ оный. По кончинѣ родителя моего, Василя Ѳедотовича Вохина, послѣдовавшей въ 1799 г., осталось насъ братьевъ четверо. Старшій я, 9-ти лѣтъ, Иванъ 8-ми, Петръ 5-ти и Арсеній 3-хъ лѣтъ. Покойный батюшка имѣлъ около трехсотъ душъ въ Псковскомъ уѣздѣ и долговъ болѣе 18,000 руб. асс. Съ кончиною его, кредиторы, боясь потерять свои деньги, вошли съ требованіями объ уплатѣ ихъ. Положеніе матушки было отчаянное. Никто не внималъ ей просьбамъ, слезамъ и нашему сиротству. Нашлись изъ друзей покойнаго отца люди сердобольные, которые взяли у матушки всѣ вещи сколько-нибудь цѣнныя, по собственной оцѣнкѣ, въ уплату долга или за отсрочку его. Чтобы положить конецъ дальнѣйшему раззоренію нашему, матушка продала за 3,000 руб. асс. большое мѣсто подъ садомъ на Запсковѣ, противъ мельницы купца Трубинскаго, съ двумя домами, одинъ каменный двухъэтажный, другой деревянный, съ каменными погребками,—мѣсто единственное по красотѣ своей, обнесенное съ сѣверной стороны каменною стѣною и башнею, съ западной и южной рѣкою Псковою. Сверхъ сего, матушка, истинная благодѣтельница наша, приняла на свое имя долги покойнаго батюшки и заложила въ заемный банкъ приданую деревню свою въ сто душъ, для удовлетворенія неотвязчивыхъ кредиторовъ. По исполненіи сего оказалось невозможнымъ продолжать домашнее ученіе мое и брата Ивана, вслѣдствіе чего матушка рѣшилась отдать насъ въ кадетскій корпусъ.

Въ іюні 1801 года, матушка, въ сопровожденіи роднаго дяди нашего, Ивана Васильевича Ладыженскаго, предсѣдателя псковской палаты гражданскаго суда, отправилась съ нами въ С.-Петербургъ. Въ то время было лишь три кадетскихъ корпуса: 1-й, что былъ сухопутный, 2-й артиллерійскій и инженерный и морской. Ни въ которомъ изъ нихъ не было знакомыхъ. Куда ни бросались матушка и дядюшка для опредѣленія насъ, вездѣ встрѣчали препятствія и думали уже возвратиться въ Псковъ, какъ однажды посѣтилъ дядюшку старый пріятель его, купецъ Зубчаниновъ. Узнавъ о стѣснительномъ положеніи нашемъ, онъ сказалъ: „Да почему вы, батюшка, И. В., не обратитесь съ просьбою прямо къ государю?“ Дядюшка и матушка возразили: „Помилуйте ¹⁾, да если къ вельможамъ нѣтъ доступа, то какъ-же думать объ утружденіи просьбою государя“. — „А вотъ какъ, отвѣчалъ умный Зубчаниновъ, —возьмите дѣтей и явитесь съ ними къ разводу; государь увидитъ ихъ и приметъ“. Долго спорили и, наконецъ, рѣшились испытать счастье. Послали за портнымъ и насъ, малютокъ, одѣли въ губернскіе мундиры, съ высокими голубыми воротниками и въ треугольныя высокія шляпы, изъ подъ которыхъ видны были лишь носы наши. Мы, какъ дѣти, не могли нарадоваться такой парадной обновкѣ.

Когда все было готово, 25 іюля 1801 г., матушка отвезла насъ въ Казанскій соборъ, низенькій, деревянный, стоявшій на мѣстѣ теперешняго великолѣпнаго храма. Отслуживъ молебенъ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, матушка поручила насъ, сиротъ, Ея покровительству, и матушка и мы горько плакали, пока усаживали насъ въ карету. Дядюшка приказалъ утереть намъ слезы, сказавъ, что плакъ въ корпусѣ не принимаютъ. Лишь только мы вышли изъ кареты, подѣхавшей къ дворцовому экзерциргаузу, какъ увидѣли ѣдущихъ гуда изъ Зимняго дворца нѣсколькихъ генераловъ. Впереди другихъ находился кн. Ливенъ. Дядюшка смѣло подошелъ къ нему и доложилъ, что онъ привезъ двухъ сиротъ, псковскихъ дворянъ, и желаетъ утрудить государя императора просьбою объ опредѣленіи въ корпусъ. Кн. Ливенъ, окинувъ насъ глазами, сказалъ: „Хорошо! Дайте мнѣ дѣтей“, а намъ: „Ступайте, дѣти, за мною“. Мы не шли, а бѣжали за нимъ. Обратясь къ одному изъ адъютантовъ, онъ приказалъ поставить насъ на лѣвый флангъ имѣвшихъ счастье представляться государю. Когда-же императоръ подошелъ къ намъ, то кн. Ливенъ доложилъ: „Два псковскіе дворянина желаютъ имѣть счастье служить вашему величеству“.

¹⁾ Къ сожалѣнію, не упомянулъ и отчество этого почтеннаго человѣка.

Государь Александръ Павловичъ, съ улыбкою посмотрѣвъ на насъ, изволилъ сказать: „Очень радъ! Но куда-же намъ опредѣлить ихъ“, шутя спросилъ государь кн. Ливена. Онъ отвѣчалъ: „По росту—въ кавалергарды, ваше величество“. — „А по силамъ, возразилъ государь, — въ артиллерію“, добавя: „Этотъ молодецъ“, указывая на брата Ивана, — „одинъ повернетъ пушку“. Потомъ, обратясь къ намъ, изволилъ спросить: „Умѣете-ли вы ѣздить верхомъ?“—Мы отвѣчали: „Не умѣемъ“. Государь добавилъ: „Если не умѣете, такъ надобно учиться и для этого я опредѣляю васъ въ корпусъ“. Потомъ, милостиво потрепавъ насъ по щекамъ, изволилъ сказать кн. Ливену: „Отошли ихъ къ Валеріану Александровичу“. Едва изволилъ отойти государь, какъ подошелъ къ намъ адъютантъ и сказалъ: „Пойдемте, дѣти, со мною. Государю угодно, чтобы я свезъ васъ въ корпусъ“.

У выхода изъ эзерциргауза ожидалъ насъ дядюшка И. В. Ладыженскій. Этотъ добрый, несравненный дядюшка изъ всѣхъ, которыхъ я зналъ впослѣдствіи. Онъ обрадовался опредѣленію нашему, какъ-бы собственному счастью, и въ избыткѣ чувствъ сталъ благодарить сопровождавшаго насъ адъютанта, но онъ на вѣжливости дядюшки холодно отвѣчалъ ему, что имѣетъ приказаніе отвести насъ въ корпусъ и болѣе ничего не знаетъ. Молча приѣхали мы къ графу Зубову.

Графъ обласкалъ насъ, поворачивалъ кругомъ и хвалилъ наши мундиры, добавя: „Жаль, что въ корпусѣ вы не можете носить ихъ“. Мы приняли слова эти за наличныя деньги и гордо пошли въ 3-ю роту, куда графъ приказалъ записать насъ. Едва-ли не весь корпусъ сбѣжался смотрѣть на насъ, какъ на чудо, присланное государемъ. Маленькіе кадеты начали подергивать за фалды мундировъ нашихъ, другіе за шляпы, иные спрашивали: „Какъ ваша фамилія? Котораго полку мундиры на васъ!“ и пр., и пр. Однимъ словомъ, будущіе товарищи заторможили насъ. Дядюшка не могъ замѣтить этого, онъ шелъ впереди съ офицеромъ, посланнымъ графомъ къ ротному командиру нашему А. А. Бухмейеру, который съ большимъ уваженіемъ встрѣтилъ дядюшку и общалъ ему беречь насъ съ нами-же сдѣлавъ личное знакомство одолженіемъ, отпустивъ насъ къ матушкѣ на все время пребыванія ея въ Петербургѣ.

Бумаги и прочіе документы о законности рожденія и крещенія нашего взялъ у дядюшки офицеръ, посланный съ нами въ корпусъ. Это былъ адъютантъ Н. А. Огаревъ.

Радость матушки была неизъяснима, она то плакала, то смѣялась, цѣловала насъ, обнимала дядюшку, благодарила его, молилась Богу—и словомъ, была внѣ себя отъ восхищенія.

— „Заставь ихъ, матушка, рассказать тебѣ видѣли-ли они государя“, сказала дядюшка. Матушка повторила вопросъ и мы оба, не останавливаясь, отвѣчали, что государя не видали. Матушка, какъ-бы въ испугѣ, возразила: „Какъ не видали?“ Мы повторили свой отвѣтъ, добавя, что видѣли лишь генераловъ, изъ которыхъ одинъ молодой, а другой старый говорили съ нами. Матушка, понявъ ошибку нашу, приказала рассказать, что говорилъ съ нами молодой генералъ. Мы перебивали одинъ другаго разказами, такъ что матушка приказала прежде говорить мнѣ. Я началъ: „Молодой генералъ сказалъ, что я молодецъ и поверну пушку“. А братъ Иванъ, нахмурясь, возразилъ мнѣ: „Что ты лжешь! Онъ меня назвалъ молодцомъ и сказалъ, что я поверну пушку“. Правда осталась на сторонѣ брата и я спорилъ противъ нее не съ тѣмъ, чтобы лгать, но въ убѣжденіи, что при мнѣ нельзя назвать молодцомъ брата, который былъ худощавѣ меня и ниже ростомъ. Споръ нашъ не обошелся-бы безъ ссоры, еслибы присутствіе матушки и дядюшки не удерживали насъ въ границахъ должнаго къ нимъ почтенія. Насъ развели и объяснили, что мы имѣли счастье видѣть и говорить съ государемъ императоромъ, милостиво шутившимъ надъ молодечествомъ нашимъ, что его величество изволить одѣваться въ обыкновенные дни въ такую-же одежду, какъ его генералы, что имѣющійся у насъ портретъ покойнаго императора Павла Петровича, въ коронѣ и красномъ долматикѣ, представляетъ государя, какъ гротесктера, т. е. высокаго покровителя кавалеровъ Мальтійскаго ордена, которымъ украшена грудь императора, но что въ этомъ одѣяніи мы не можемъ видѣть государя, и т. п., что, впрочемъ, не очень-то понимали мы тогда. Дальнѣйшіе рассказы на счетъ красоты мундировъ нашихъ, какъ на нихъ всѣ смотрѣли, а графъ Зубовъ сожалѣлъ, что мы не можемъ ихъ носить въ корпусѣ, смѣшили матушку и дядюшку до слезъ. Она попеременно прижимала насъ къ своему сердцу и говорила:

— „Ахъ, дѣти, дѣти, какъ еще вы глупы!“

На другой день, утромъ, матушка повезла насъ съ собою въ Казанскую церковь, гдѣ слушали благодарственный молебенъ, а дядюшка И. В. Ладыженскій поѣхалъ къ кн. Ливену, благодарить его сіятельство за наше опредѣленіе. Князь очень милостиво принялъ дядюшку и рассказалъ всемилостивѣйшую шутку государя императора, предвареннаго имъ о просьбѣ псковскихъ аршинныхъ дворянъ въ мундирахъ.

Не болѣе какъ съ недѣлку послѣ того мы блаженствовали подъ кровомъ нѣжнѣйшей матери и рѣдчайшаго дяди. По истеченіи ея,

дядюшка отвезъ насъ въ корпусъ, обѣщая на другой день провѣдать насъ обще съ матушкой, если мы не будемъ плакать. Но сердце наше разрывалось на части и мы были неутѣшны. Матушка, благословляя насъ при отпускѣ въ корпусъ, дважды падала въ обморокъ, что и вынудило дядюшку убѣдить ее не ѣздить въ корпусъ. Съ нами отпустили цѣлую корзину сладостей, но мы и не попробовали ихъ отъ горя и отъ того, что ими уже распорядились по своему благоусмотрѣнію наши товарищи.

Корпусное образованіе наше началось съ практики, а не съ теории, т. е. мы узнали отъ кадетъ, что такое кукунышка, пырьемасло, волосъ-крикунъ и т. п. Для непроходившихъ курсъ этихъ наукъ объясняю. Учитель подходилъ къ новичку и спрашивалъ: „Знаете-ли вы что такое кукунышка?“ Новичекъ отвѣчалъ: „Не знаю“. „Хотите-ли вы, чтобы я показалъ ее вамъ?“ — „Хочу!“ — Съ этимъ словомъ учитель, приставилъ первый суставъ указательнаго пальца къ головѣ ученика, сильно ударялъ его вторымъ суставомъ того-же пальца въ голову, приговаривая: „Вотъ вамъ кукунышка, хороша-ли?“ Если ученикъ благодарилъ учителя за науку кулакомъ, его называли молодецъ! Если-же ученикъ плакалъ, на него кричали со всѣхъ сторонъ: „Баба! баба!“ Буде-же кто изъ новичковъ жаловался начальникамъ, то ему не было житья отъ товарищей, всѣ обижали его чѣмъ кто могъ. Пырьемасло означало сильный натискъ среднимъ пальцемъ отъ верхней части лба къ затылку. Волосъ-же крикунъ, отъ котораго, по увѣренію кадетъ, слабѣетъ память, находился не у всѣхъ. Его надлежало отыскивать надъ вискомъ и если находили (въ чемъ не было и сомнѣнія, потому что за дѣло принимались мастера), то кричали: „Нашли! Нашли!“ и съ этимъ вмѣстѣ спрашивали новичка: „Хочешь-ли видѣть волосъ крикунъ?“ бѣдвякъ отвѣчалъ „хочу“, тогда защемляли одинъ волосъ въ ногтяхъ большаго и указательнаго пальцевъ и съ силою вырывали его. Еще не было такого молодца, который-бы не закричалъ, увидя волосъ-крикунъ! Много подобныхъ продѣлокъ предстояло каждому новичку. При этомъ, однако-жь, наблюдалась справедливость, состоящая въ томъ, чтобы маленькіе кадеты обучали маленькихъ новичковъ, средніе — среднихъ и большіе — большихъ. Нарушителей этого порядка наказывали всею камерою и иногда имъ жутко доставалось.

Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ корпусъ, одинъ кадетъ, нелюбимый, къ счастью нашему, товарищами, подошелъ къ брату моему и спросилъ у него: „Есть-ли у васъ пырьемасло?“ Братъ, не зная о какомъ онъ спрашиваетъ маслѣ, отвѣтилъ: „У меня нѣтъ масла“. — „Хотите-ли, я дамъ его, оно прекрасное, душистое“. Братъ отвѣ-

чалъ: „Дайте“. Въ эту минуту кадетъ со всею силою произвелъ надъ нимъ описанную операцію. Братъ, не ожидая ея, громко закричалъ. На этотъ крикъ я прибѣжалъ изъ смежной камеры и, видя, что братъ дерется съ кадетомъ неравныхъ силъ, бросился ему на помощь и оба мы, новички, отличились, приколотивъ раздавателя пырьего масла. Свидѣтели драки нашей, кадеты, поощряли насъ криками: „Бейте его, валяйте! Вотъ такъ-то! Ай, молодцы!“ и т. п. Мы вполне заслужили это одобреніе тѣмъ, что дѣйствовали энергически, что понравилось кадетамъ. Съ этой поры мы, однако-жъ, сдѣлались осторожнѣе и уже не соглашались принимать даровую прислугу товарищей, но за всѣмъ тѣмъ не избѣгли общей участи новичковъ, т. е. кадетской выучки уму-разуму. Хотя и горька была наука эта, мы не жаловались и насъ перестали обижать. Мы нашли между кадетами даже покровителей, которые вступались за насъ, ссорились съ другими и дрались, если они обижали насъ.

Матушкѣ угодно было, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, оставить челоуѣка для прислуги намъ, но, по неимѣнію въ виду надежнаго, она рѣшилась поручить эту должность вышеупомянутой Натальѣ Анисимовнѣ, женщинѣ строгой жизни, умной и намъ преданной. Она была курьеромъ нашимъ, слугою и кормильцемъ, потому что приготавливала и носила намъ завтракъ.

Въ тогдашнее время все это дозволялось; на корпусный дворъ собирались ежедневно, кромѣ разнородной кадетской прислуги, конфетчики, мороженники, разношники и торговки, со всякою всячиною сѣдомога, чѣмъ торговали они невозбранно отъ утра до вечера, въ праздничные и будніе дни, въ часы свободные отъ учебныхъ занятій. Нельзя было не удивляться довѣрчивости торговцевъ этихъ кадетамъ, нерѣдко уплачивавшимъ долги свои по производствѣ въ офицеры.

Важнѣйшія событія по 2-му кадетскому корпусу въ мое время, съ 1801 по 1807 годъ включительно, были:

1) Парадъ въ столѣтіе Петербурга. Мы, кадеты, стояли подъ ружьемъ у монумента Петра Великаго.

2) Кончина директора корпуса, графа В. А. Зубова, и назначеніе директоромъ генераль-маіора А. А. Клейнмихеля, и

3) Назначеніе е. и. в. цесаревича и в. к. Константина Павловича главнымъ начальникомъ нашего корпуса. Съ этимъ вмѣстѣ онъ принялъ болѣе воинственный видъ: у насъ введены были разводы, караулы, парады и общія ученія съ кадетами 1-го корпуса, которыми издавна начальствовалъ его высочество. На эти сводныя ученія мы, кадеты 2-го корпуса, ходили на плацъ перваго кадет-

скаго корпуса. Штабъ-и оберъ-офицеры нашего корпуса назначались дежурными по 1-му кадетскому корпусу, а ихъ штабъ-и оберъ-офицеры дежурили по нашему корпусу. Въ это-же время, по приказанію е. и. в., отмѣнили у насъ танцевальный классъ, производимый въ послѣобѣденное время среды, и что очень утѣшило насъ, кадетъ—это улучшение пищи, за что мы были очень благодарны его высочеству, всегда ласковому и вполнѣ милостивому къ намъ, каде амъ.

Я заключаю рассказъ мой о пребываніи въ корпусѣ добавленіемъ, что въ числѣ кадетъ былъ у меня другъ П. М. З., котораго любилъ я не менѣе брата моего Ивана. Одному З. открыта была душа моя, даже болѣе, нежели брату, потому что онъ казался ребенкомъ между нами, находился въ другой ротѣ и отсталъ отъ насъ по классамъ.

II.

З. и я произведены вмѣстѣ въ офицеры. Онъ какъ человѣкъ богатый и со связями—въ новоформированный тогда л.-гв. Егерскій баталіонъ прапорщикомъ, я—подпоручикомъ 14-й артиллерійской бригады въ легкую роту маіора Я. И. Судакова, квартировавшей въ С.-Петербургѣ, подъ Смольнымъ монастыремъ, въ Аракчеевскихъ казармахъ. Одѣвшись во всю форму, что было въ началѣ декабря, я представился моему начальнику маіору Судакову, жившему въ офицерскомъ флигелѣ тѣхъ-же казармъ. Онъ милостиво принялъ меня и объяснилъ, что въ настоящее время вся служба моя будетъ состоять въ дежурствѣ по ротѣ, т. е. въ присмотрѣ за чисткою и кормкою артиллерійскихъ лошадей. Съ этимъ вмѣстѣ онъ повелъ меня въ конюшню, называлъ каждую лошадь по прозвищу, ей данному, напр. Лихой, Морданъ, Силачъ и. т. п., что очень удивляло меня. Кончивъ обзоръ всѣхъ лошадей, начальникъ мой приказалъ идти за нимъ въ квартиру, потомъ снять шарфъ и остаться у него обѣдать. Къ столу вышла ротная начальница Бугумилла Николаевна, супруга маіора Судакова, дама не молодая, но очень привѣтливая, какъ всѣ польки. Эти добрые люди обласкали меня и при отпускѣ домой требовали, чтобы я чаще посѣщалъ ихъ.

Въ слѣдующій день знакомился я съ ротными офицерами, шт.-кап. Н. Е. Краснопольскимъ и поручиками П. Л. Токмачевымъ, М. П. Брижинскимъ и А. А. Ратищевымъ, жившими вмѣстѣ въ тѣхъ-же Аракчеевскихъ казармахъ. Они обошлись со мною ласково, но безъ фамильярства, оставили у себя весь день и просили бывать

у нихъ запросто. Съ перваго моего знакомства съ ними я замѣтилъ, что они живутъ между собою дружно, товарищески, не теряя однако-же взаимнаго другъ къ другу уваженія. Это доказывалось тѣмъ, что если одинъ говорилъ, другіе слушали, не перебивали разсказа, не vzdорили и не кричали, вообще бесѣда офицеровъ была какъ-бы въ присутствіи дамъ или начальниковъ. Въ наше время не странно было молодымъ офицерамъ болѣе слушать, чѣмъ говорить, быть уступчивыми въ разговорахъ съ старшими чиномъ и лѣтами, не садиться доколѣ не скажутъ: садитесь, и т. п., словомъ, мы, молодежь, не смѣли считать товарищами старшихъ себя офицеровъ одной роты, пока они дружескимъ обращеніемъ своимъ не давали намъ на это право, т. е. старые офицеры приближали къ себѣ молодыхъ офицеровъ не прежде, какъ удостовѣряться, что они того достойны. Эта выдержка имѣла свою цѣль и ту пользу, что офицеры артиллерійскихъ ротъ составляли какъ-бы односемьянитянь.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ приказъ явиться въ 10 часовъ слѣдующаго утра на Моховую, въ домъ г. Кандалинцева, для представленія бригадному командиру полковнику П. А. Папкову. Насъ, выпускныхъ офицеровъ, было нѣсколько человекъ. Онъ поговорилъ съ каждымъ изъ насъ и рекомендовалъ (терминъ тогдашняго времени) быть исправными по службѣ.

Артиллерійская бригада состояла тогда изъ 6-ти ротъ, 2-хъ батарейныхъ, 2-хъ легкихъ, 1-й конной и 1-й понтонной.

Служебныя обязанности мои заключались въ дежурствѣ по ротѣ, или, вѣрнѣе сказать, по конюшнѣ, чрезъ два дня въ третій, что значило: явиться къ ротному командиру, обѣдать у него, присутствовать при вечерней чисткѣ лошадей, кормѣ ихъ овсомъ и водопоѣ, утромъ слѣдующаго дня присмотрѣть за тѣмъ-же, чѣмъ и оканчивалось дежурство офицера. Я скоро привыкъ къ нему, но никакъ не могъ приучить себя помнить лошадей по названіямъ, особенно узнавать по нимъ одношерстныхъ.

Въ числѣ офицеровъ нашей роты находился поручикъ П. Л. Токмачевъ, онъ былъ бригадный адъютантъ. Однажды, встрѣтясь со мною, онъ спросилъ у меня серьезно: „читали-ль вы вчерашній приказъ?“ Я отвѣчалъ—не читалъ. „Ну прочтите и донесите скорѣе: не желаете-ли совершить второе съ Крузенштерномъ кругосвѣтное путешествіе и на казенный счетъ“. Удивленный этимъ вопросомъ, вовсе не относящимся къ роду службы нашей, я отвѣчалъ—не желаю. П. Л. продолжалъ: „можетъ быть, кто изъ товарищей вашихъ желаетъ, то скажите, чтобы скорѣе донесли, потому-что охотниковъ

будеть много, и само собою разумѣется, преимущественно назначуть тѣхъ, кто прежде другихъ объявить свое желаніе“. Затѣмъ мы простились. Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что одинъ изъ товарищей моихъ по корпусу М. попался на удочку. Не разузнавъ хорошенько о приказѣ и желая быть въ числѣ первыхъ объявившихъ желаніе путешествовать кругомъ свѣта на казенный счетъ,—онъ написалъ объ этомъ рапортъ ротному командиру своему и просилъ назначить его въ эту командировку. Рапортъ М. не пошелъ далѣе офицеровъ, но надѣлалъ между ними много смѣха, насъ же молодыхъ офицеровъ научилъ быть осмотрительными въ дѣлахъ столь важныхъ, какъ напр. рапортъ по службѣ.

Другая подобная мистификація была съ подпоручикомъ Н. Онъ часто рапортовался больнымъ и однажды, подъ предлогомъ болѣзни, не служилъ всей трети. Офицеры, шутя, сказали ему, что бригадный командиръ приказалъ вычесть у него все жалованье и раздать имъ, исполнявшимъ за него служебныя обязанности. Н., принявъ шутку за истину, явился къ бригадному командиру съ просьбою, чтобы на этотъ разъ онъ приказалъ вычесть лишь половину его жалованья, а другую при будущей трети, добавя, что впередъ будетъ служить усерднѣе. Полковникъ, понявъ въ чемъ дѣло, сдѣлалъ ему должное внушеніе и успокоилъ, сказавъ, что онъ получитъ все жалованье. Тѣмъ-же изъ офицеровъ, которые вмѣшали его имя въ свою шутку, намыль порядкомъ голову.

Нѣсколько прежде сего была подобная-же шутка, имѣвшая не-пріятныя послѣдствія. Одинъ артиллерійскій офицеръ, служившій въ Кіевѣ, прислалъ гр. Аракчееву проектъ объ улучшеніи артиллеріи. Графъ потребовалъ его въ Петербургъ, принялъ милостиво и приказалъ, чтобы онъ съѣздилъ для производства опытовъ на Волково поле и сдѣлалъ тамъ нужныя къ тому распоряженія. Офицеръ, не бывалый въ Петербургѣ и не знавшій, что Волковымъ полемъ называется пустое мѣсто за Ямскою слободою, спросилъ у одного знакомаго ему офицера: „далеко-ли Волково поле?“ Офицеръ отвѣчалъ—далеко. „Болѣе или менѣе ста верстъ?“—Болѣе.—„Какъ же графъ, посылая меня туда, ничего не сказалъ о прогонахъ?“—Вѣроятно, отъ того, что считъ тебя богачемъ, продолжалъ офицеръ шутя.—„Я пойду къ графу и буду просить у него прогоновъ“.—Не совѣтую, сказалъ офицеръ, онъ отправитъ тебя на гауптвахту.—„За что?“—За то, что ты пустяками тревожишь его.—„Это не пустяки“, отвѣчалъ пріѣзжій, „если онъ не дастъ мнѣ прогоновъ, я откажусь отъ поѣздки“. Послѣдствіемъ этой шутки былъ семидневный арестъ обоихъ, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, по приказанію гр. Аракчеева.

Къ Рождественскимъ праздникамъ пріѣхала въ Петербургъ добрая матушка, и мы оба брата пресчастливо провели съ нею какъ праздники, такъ и все время до великаго поста. Матушка собиралась уже домой, какъ неожиданно я получилъ приказъ о назначеніи меня въ караулъ въ городскую тюрьму. И матушка, и я очень встревожились этимъ нарядомъ, не зная въ чемъ должна состоять обязанность моя какъ караульнаго офицера. Утромъ слѣдующаго дня я былъ уже на сборномъ пунктѣ въ казармахъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона, что на Литейной. Погода стояла теплая и разводъ назначенъ съ церемоніей, но она была отмѣнена, и караулы разведены просто, что очень обрадовало меня. Къ разводу собралось множество штабъ-и оберъ-офицеровъ нашей бригады, еще незнакомыхъ мнѣ, и въ числѣ ихъ мой ротный командиръ и ротные офицеры. Они предварили меня, чтобы былъ осторожнѣе въ караулѣ, т. е. не впускалъ въ тюремный дворъ многихъ посѣтителей, и особенно, чтобы не выпускалъ кого-либо изъ арестантовъ. Съ этимъ словеснымъ наказомъ прибылъ я въ городскую тюрьму, находившуюся въ Мѣщанской улицѣ. Плацъ-адъютантъ встрѣтилъ караулъ и присутствовалъ при сдачѣ постовъ и пріемѣ арестантовъ. Они находились въ отдѣльныхъ комнаткахъ, расположенныхъ по обѣ стороны длиннаго коридора. Надъ каждою былъ № выше дверей, въ дверяхъ же круглое стекло, чрезъ которое можно было видѣть занятіе арестанта. Повѣрка арестантовъ происходила по списку, съ отмѣткою кто и за что содержится. Кончивъ пріемъ ихъ и повѣривъ всѣ посты, я пришелъ въ офицерскую караульню, чтобы отдохнуть и прочитать инструкцію караульному офицеру, но почти вслѣдъ за мною вошли ко мнѣ трое неизвѣстныхъ, хорошо одѣтыхъ, мужчинъ. Каждый изъ нихъ старался другъ передъ другомъ рекомендовать себя въ мое знакомство и увѣрялъ, что оно будетъ имъ очень пріятно. Въ изумленіи и предполагая, что эти господа пришли провѣдать кого-либо изъ заключенныхъ, я спросилъ ихъ объ этомъ. Тутъ дѣло объяснилось. Новые знакомцы мои просили у меня дозволенія погулять по двору. Какъ это имъ не возбранялось, то я и сказалъ, что могутъ гулять. Только что они вышли, какъ вошли ко мнѣ два пожилыхъ почтенной наружности и просто одѣтыхъ человека. Я спросилъ, что имъ угодно? Они отвѣчали: „мы пришли предварить васъ на счетъ бывшихъ предъ нами арестантовъ, чтобы не отпускали ихъ со двора. Они будутъ проситься у васъ, мы это знаемъ изъ того, что они повторяютъ свою попытку со всѣми изъ господъ офицеровъ, которые въ первый разъ приходятъ къ намъ въ караулъ“. Я поблагодарилъ добрыхъ людей, и они молча удалились отъ меня.

Въ ожиданіи посѣщенія первыхъ знакомцевъ и чтобы избѣжать подобныхъ встрѣчъ, я поставилъ часового у дверей моей комнаты, съ приказаніемъ не впускать ко мнѣ арестантовъ безъ доклада. Принятая мною предосторожность оказалась недостаточною, потому что почти каждую минуту часовой останавливалъ арестантовъ и кричалъ ко мнѣ въ комнату, — что г. № проситъ дозволенія войти по-крайне нужному дѣлу. Всѣ эти нужныя дѣла оказались не заслуживающими уваженія. Не долго сгода, явились ко мнѣ и новые знакомцы съ просьбою дозволить имъ дохнуть чистымъ воздухомъ на каналѣ. Я отвѣчалъ, что не имѣю права дать имъ это дозволеніе, но они приводили примѣры, доказывающіе, что много разъ на часокъ времени ихъ отпускали погулять и что они въ назначенный часъ возвращались. Чтобы еще болѣе убѣдить меня къ ихъ отпуску, они добавили: „что гвардейскіе офицеры дозволяютъ имъ и другимъ несчастнымъ, заслуживающимъ довѣріе, отлучаться, и что они за правило поставили себѣ приходить домой ранѣе назначеннаго часа“. Я похвалилъ это правило и спросилъ у нихъ—часто-ли случается имъ пользоваться подобнымъ дозволеніемъ? „Почти всякій день,“ отвѣчали они.—Если такъ, сказалъ я, то дозвольте мнѣ на этотъ разъ отказать вамъ въ просьбѣ, какъ людямъ вовсе мнѣ незнакомымъ, и такимъ, которые, пользуясь ежедневносвободою, могутъ легко обойтись безъ нея нѣскольکو часовъ.

Въ это время доложили мнѣ, что пріѣхала дама и желаетъ видѣть меня. Я вышелъ къ воротамъ и какъ-же обрадовался, увидѣвъ матушку. Она привезла мнѣ обѣдъ и желала откусать со мною въ караульной комнатѣ, но по нечистотѣ ея и надписямъ, вездѣ находившимся, я убѣдилъ матушку остаться въ каретѣ. Отобѣдававъ наскоро, я раздѣловалъ благодѣтельныя ручки матушки и разстался съ нею. Только что я успѣлъ войти въ караульную, какъ тотъ же солдатъ вторично доложилъ мнѣ, что пріѣхала дама и проситъ дозволенія видѣть меня. Предполагая, что возвратилась матушка сказать что-либо забытое ею, я побѣжалъ къ воротамъ, но тотчасъ усмотрѣлъ мою ошибку. Пожилая дама, съ заплаканными глазами, ожидала меня у тюремныхъ воротъ. Я подошелъ къ ней и съ участіемъ спросилъ: что ей угодно? Она пожелала войти въ комнату. Проводивъ ее и посадивъ на диванъ, я повторилъ мой вопросъ. Залившись слезами, она отвѣчала: „умирающая мать моя проситъ васъ именемъ Бога дозволить ей благословить несчастнаго сына, содержащагося въ тюрьмѣ“. Жалость проникла душу мою, но я отвѣчалъ, что, къ несчастію, не могу исполнить ея просьбу. Она возразила: „я знаю это, и умоляю васъ всѣмъ, что свято вамъ, именемъ вашей матушки,

если къ счастью вашему имѣете ее, отпустить брата на одинъ часъ, съ солдатомъ, который возвратитъ его вамъ. Дайте, г. офицеръ, дайте бѣдной моей матери умереть покойно“.

Послѣднія слова ея, произнесенныя съ отчаяніемъ,—поколебали рѣшимость мою. Я спросилъ у несчастной—кто ея братъ? Она назвала. Я послалъ за нимъ и объявилъ, что увольняю его къ матери на одинъ часъ. Свиданіе брата съ сестрою я не въ силахъ описать. Они молча бросились на шею другъ къ другу и за рыданіями долго не могли проговорить ни одного слова. Наконецъ, сестра сказала: „матушка при послѣднемъ издыханіи. Не теряй минуты, г. офицеръ даетъ тебѣ въ проводники солдата, съ которымъ ты и возвратишься. Я поѣду и предварю матушку, что Богъ услышалъ ея молитву. Онъ одинъ воздастъ вамъ, г. офицеръ, за доброе сердце ваше,“ сказала дама, обратясь ко мнѣ, и съ этимъ вышла изъ караулни. Совершенно разстроенный бывшею сценою, я машинально проводилъ незнакомку до воротъ и смотрѣлъ влѣдъ удалявшейся ея кареты. Призвавъ младшаго расторопнаго фейерверкера, т. е. унтеръ-офицера, я приказалъ ему не отпускать отъ себя арестанта и возвратиться съ нимъ часа чрезъ полтора и много если чрезъ два часа. Когда они вышли за ворота и скрипъ тяжелаго засова у калитки отдался въ ушахъ моихъ, тогда только я опомнился и почувствовалъ необдуманность поступка моего. Но онъ уже сдѣланъ, и я утѣшалъ себя мыслью добраго дѣла, которое однако-же сильно тревожило меня. Въ эту минуту стукъ въ калитку и крикъ „вонъ“ далъ мнѣ знать о призвѣдѣ въ тюрьму начальника. Это былъ плацъ-маіоръ Солоницынъ. Подойдя къ караулу, онъ спросилъ у меня—все-ли благополучно? „Все“, отвѣчалъ я. Приказавъ распустить караулъ, плацъ-маіоръ пошелъ въ тюрьму для осмотра арестантовъ. По заведенному порядку они должны были возвратиться въ свои номера, если-бы не находились въ нихъ. Проходя роковой номеръ, плацъ-маіоръ спросилъ у меня: „гдѣ арестантъ?“ Я промолчалъ. Онъ приказалъ старшему фейерверкеру сходить на тюремный дворъ и послать всѣхъ арестантовъ въ номера. Возвращаясь тѣмъ-же путемъ назадъ, онъ остановился противъ пустаго номера и повторилъ: „гдѣ же арестантъ?“

Примѣчаніе. На этомъ мѣстѣ прерываются записки покойнаго Николая Васильевича Вохина, сообщенныя намъ въ 1871 году изъ Пскова его сыномъ—д. ст. сов. Николаемъ Николаевичемъ Вохинымъ ¹⁾. Ред.

¹⁾ Разсказъ генерала Вохина объ отпускѣ изъ тюрьмы арестанта окончился для автора записокъ очень счастливо—возвращеніемъ арестанта при бытности въ тюрьмѣ плацъ-маіора и славною головою отъ послѣднaго 17-ти лѣтнему подпоручику.

III.

Выписка изъ указа объ отставкѣ.

Генералъ-маіоръ Николай Васильевичъ Вохинъ, кавалеръ ордена Св. Анны 2-й и 4-й ст., св. Георгія 4-й ст., имѣлъ золотую шпагу, съ надписью за храбрость, и медаль въ память 1812 г. Родился въ г. Псковѣ, 12-го апрѣля 1790 г.

Родители его были — псковскій помѣщикъ, отставной поручикъ Василій Ѳедотовичъ, и Александра Петровна, рожденная Окунева.

По окончаніи курса наукъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, 12-го ноября 1807 г., поступилъ на службу подпоручикомъ въ 14-ю артил. бригаду.

Участвовалъ въ сраженіяхъ: 1808 г. 12, 13, 18 и 19-го іюня при г. Куопіо, 15-го октября—при переправѣ подъ вѣркою Нюдесальма, 30-го—при той-же киркѣ, при нападеніи въ ночи и прогнаніи непріятеля. 1812 г. 12-го іюня—въ авангардѣ при Друѣ. 18-го и 19-го іюля при мызѣ Якубовѣ, 20-го—подъ м. Клястицами и Головщицѣ, за что награжденъ золотою шпагою, съ надписью: „за храбрость“; отъ онаго въ преслѣдованіи непріятеля къ г. Полоцку до рѣки Дриазы. 1-го августа при м. Свольнѣ, 5-го и 6-го при г. Полоцкѣ. 6-го, 7-го и 8-го октября при штурмованіи Полоцка и за отличіе награжденъ орденомъ св. Анны 4-й ст. Съ 10-го октября въ преслѣдованіи непріятеля до м. Чашниковъ и въ сраженіяхъ при ономъ 20-го и 30-го. 15-го ноября при м. Борисовѣ, гдѣ арріергардъ главной непріятельской арміи изъ 8,000 человекъ отрѣзанъ и положилъ оружіе. 16-го—въ преслѣдованіи за онымъ до м. Студенцовъ, за что произведенъ въ поручики. 1813 г. сентября 8-го въ походѣ за предѣлы герцогства Варшавскаго.

14-го февраля 1816 г. за отличіе переведенъ тѣмъ-же чиномъ въ гвард. артиллерію.

30-го января 1819 г. прикомандированъ для присмотра и обученія къ юнкерамъ учебныхъ ротъ гвард. артиллеріи. По образованіи изъ означенныхъ ротъ Артиллерійскаго училища, 31-го іюля 1820 года, назначенъ командиромъ училища. 25-го декабря 1821 г., по собственному желанію, переведенъ въ л.-гв. 2 артил. бригаду. 7-го іюня 1823 г. за отличіе произведенъ въ полковники. 10-го февраля 1825 г. по домашнимъ обстоятельствамъ вышелъ въ отставку. 22-го декабря 1827 г. вновь поступилъ на службу, съ назначеніемъ бригаднымъ командиромъ 2-й учебной бригады военныхъ кантонистовъ. 6-го декабря 1834 г., за отличіе произведенъ въ ген.-маіоры 7-го октября 1841 г., по болѣзни, вышелъ въ отставку, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ.

Находясь въ отставкѣ, проживалъ въ родовомъ имѣніи своемъ с. Булаевъ, въ десяти верстахъ отъ г. Пскова, гдѣ и скончался 19-го декабря 1853 г.

Женатъ былъ на дочери вице-адмирала фонъ-Моллеръ, Луизѣ Ѳедоровнѣ, имѣлъ 3-хъ сыновей—Николая, Ѳедора и Александра. Жена и сыновья находятся въ живыхъ.

Выше напечатанныя воспоминанія писаны Ник. Вес. Вохинымъ въ 1852 году и не окончены по случаю тяжелой болѣзни, окончившейся смертію.

Николай Васильевичъ Вохинъ былъ страстный любитель садоводства, сады его и оранжерея были образцовые; въ 1850 году, за выставленные имъ на выставкѣ императорскаго вольно-экономическаго общества Булаевскіе фрукты, онъ удостоился получить большую серебряную медаль.

Садоводство въ с. Булаевѣ и до настоящаго времени (1871 г.) поддерживается въ прежнемъ видѣ старшимъ сыномъ покойнаго генерала, дѣйств. статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Николаевичемъ Вохинымъ, который, за представленныя на выставкѣ фрукты свои, получилъ въ 1860 г. отъ вольно-экономическаго общества большую серебряную и въ 1862 г. отъ Россійскаго общества садоводства въ Петербургѣ малую золотую медаль.

Ред.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

Его письма къ графу Александру Петровичу и къ графинѣ Аннѣ
Егоровнѣ Толстымъ,

1844—1850.

Н. В. Гоголь велъ въ своей жизни огромную переписку. До сихъ поръ его письма не перестаютъ являться въ печати, и съ каждымъ годомъ проливаютъ новый свѣтъ на отношенія писателя къ тѣмъ или другимъ изъ его близкихъ.

Извѣстно, какъ близко стоялъ Николай Васильевичъ къ семьѣ графа Александра Петровича и графини Анны Егоровны Толстыхъ въ послѣдніе годы своей жизни! Здѣсь—въ этой семьѣ—провелъ онъ послѣдніе дни жизни, здѣсь—въ ихъ домѣ,—въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ,—скончался.

Въ недавно вышедшемъ въ Москвѣ „Сборникѣ въ память С. А. Юрьева“ помѣщена большая часть писемъ Николая Васильевича къ этой семьѣ. Благодаря любезности душеприкащицы графини Толстой, княжны Александры Владиміровны Голицыной, остальная часть этой переписки любезно представлена въ наше распоряженіе. Помѣщаемъ ее здѣсь для болѣе полной обрисовки указанныхъ въ „Сборникѣ“ отношеній Николая Васильевича къ семьѣ Толстыхъ.

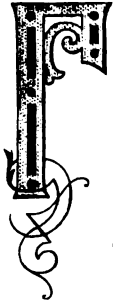
Е. С. Нежрасовъ.

I.

Къ графу Александру Петровичу Толстому

(въ Остенде, Rue St.-George, 19).

Брюссель, 16-го сентября (1844 г.).

Графъ Михаилъ Юрьевичъ ¹⁾ останавливался не въ трактирѣ, но въ частномъ домѣ, что выгоднѣй и дешевле въ половину ²⁾. Онъ имѣлъ гостинную, спальню очень большую, уборную и чуланчикъ, съ каедрой для , — за все это, съ прислугой вмѣстѣ, 3 гиней въ недѣлю, т. е. 75 или 68 рублей. Чай съ кофеями, бутербродами... ³⁾ и яйцами—2 шиллинга. Обѣдъ, который имѣется тутъ-же и приносится въ комнату вашу, когда хотите, 4 шиллинга. Какъ помещенеиъ, такъ и прислугой, онъ очень доволенъ. Въ этомъ-же домѣ вина, которыя онъ нашель удивительными. Адресъ слѣдующій: 24, Doverstreet Brauns private hotel. Три дома вмѣстѣ, т. е. № 22, 23, 24. Явиться вамъ нужно отъ имени графа Вьельгор(скаго), какъ имъ рекомендован(ному). Изъ клубовъ совѣтуеть выбрать реформ-клубъ, гдѣ рѣшительно все, такъ что въ квартирѣ даже не окажется надобности. Многіе начинаютъ тамъ день свой даже съ завтрака, т. е. съ десяти часовъ. Въ великолѣпныхъ комнатахъ, имѣющихъ видъ дворца, сидятъ, однако-жъ, все въ шляпахъ и въ чемъ попало. Разказы объ аглицкомъ китаиствѣ преувеличены: оно есть, но не на улицѣ, гдѣ даже и некогда никому замѣчать кто какъ одѣтъ,—всякій спѣшитъ и слишкомъ занятъ своимъ. Гр. ⁴⁾ обѣдалъ у Брунова, но въ сапогахъ, хотя обѣдъ большой. На всѣхъ обѣдахъ онъ тоже былъ въ сапогахъ. Бруновъ вообще имѣеть видъ челоуѣка, который еще не совѣмъ (что и весьма естественно) знаетъ, какъ ему быть на такомъ постѣ ⁵⁾—его вы знаете. Священ-

¹⁾ Графъ М. Ю. Вьельгорскій.

²⁾ Въ этомъ письмѣ Гоголь даетъ гр. Толстому, собирающемуся ѣхать въ Англію, свѣдѣнія о жизни въ Англіи, о тамошнихъ обычаяхъ. Свѣдѣнія эти онъ почерпаетъ отъ графа Вьельгорскаго, ѣдившаго въ Лондонъ.

³⁾ Не разобрано.

⁴⁾ Графъ Михаилъ Юрьевичъ Вьельгорскій.

⁵⁾ Не разобрано.

Е. Н.

ника графъ видѣлъ и хвалить. Пальмера не видѣлъ, но потому, что о немъ тогда не вспомнилъ и сказать о немъ ничего не можетъ. Отказаться отъ всякаго обѣда въ вашей власти, написавши натурально обыкновенное извиненіе передъ обѣдомъ. Бруновъ ожидалъ Нессельрода на обѣдъ и на весь день, но сей не былъ и проѣхалъ въ Брейтонъ. Вообще Нессельродъ между англичанами уважается и на обѣды приглашается. На таможенныхъ все смотрятъ, но приѣсненій нѣтъ. Острова Вайта графъ не видалъ, но говоритъ, что стоитъ видѣть. Вотъ все, что узналъ пока и о чемъ спѣшу увѣдомить васъ. О себѣ скажу, что я безъ моря не только какъ безъ шапки, но какъ безъ рубашки, безъ штановъ, безъ сюртука, словомъ, безъ всего. У гр. Вьельгорскихъ опять восплѣдовала перемѣна. Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ во Франкфуртъ, гдѣ находится и Лазарева ¹⁾. Завтра-же думаютъ всѣ двинуться, я также. Затѣмъ Богъ васъ да сохранить и да укрѣпитъ на славу остающимся хвостикомъ моря. Будьте здоровы и при первомъ расположеніи писать откликивайтесь. А между тѣмъ вотъ вамъ точнѣйшее заглавіе дому Жуковскаго: *Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor*. Вашъ Гоголь.

II.

Къ графинѣ Аннѣ Егоровнѣ Толстой.

Сентября 21. Грешенб(ерг)ъ (1845 г.).

Благодарю васъ очень много, графиня, за то, что не позабываете меня и прилагаете по поклоу въ письмѣ къ графу. Благодарю васъ также за ваши искреннія желанія скорѣйшаго мнѣ выздоровленія. Исполненіе послѣдняго зависитъ отъ Бога, и если мы сильно, усердно и съ вѣрой помолимся, то оно исполнится; а потому прошу васъ молиться обо мнѣ. Я же молюсь и буду молиться о васъ и жалѣю только о томъ, что вы въ Парижѣ, а не въ Римѣ, гдѣ вамъ въ нѣсколько разъ было-бы лучше и спокойнѣе, какъ въ отношеніи тѣлеснаго, такъ и душевнаго здоровья. И если-бы вы, помолвившись крѣпко, рѣшились съ Богомъ и во имя Божіе переѣхать на зиму въ Италію и склонить также и графа къ тому, которому необходимо нужно провести зиму въ климатѣ потеплѣе, то вашъ переѣздъ совершился-бы не только благополучно, но даже съ существенной пользой для самага вашего здоровья. Дорога по Италіи

¹⁾ Племянница Вьельгорскихъ и родственница графа Соллогуба.

также живительна, какъ и пребываніе въ ней. Можетъ быть, и мнѣ посчастливилось-бы тогда чѣмъ-нибудь, хотя малымъ быть вамъ полезнымъ, въ отблагодареніе за ваше гостепріимство, дружеское расположеніе и добрую память, которую вы постоянно сохраняете обо мнѣ. А до того времени остаюсь только благодарный въ душѣ и васъ искренно любящій—слуга вашъ Н. Гоголь.

III.

Къ графу Александру Петровичу Толстому

(въ Парижѣ, Rue de la Paix, 9, Hôtel Westminster).

(Римъ, апрѣль 1846).

Христосъ воскресъ! Прежде всего поздравляю васъ съ праздникомъ всѣхъ праздниковъ. Дай Богъ сказать намъ когда-нибудь на Руси и радостнѣй и торжественнѣй это святое привѣтствіе другъ другу, въ пору воскресенья Свѣтлаго Воскресенія, въ такомъ видѣ, въ какомъ должно праздноваться оно на Руси.

Наконецъ, получилъ отъ васъ письмо отъ 4-го апрѣля; за мѣсяць передъ тѣмъ получилъ другое съ Ивановымъ ¹⁾, потомъ Ершовъ привезъ мнѣ отъ васъ поклонъ. Три книги отъ Потоцкаго, вмѣстѣ съ пилюлями, получилъ еще въ началѣ минувшей зимы. Жаль, что не прислали мнѣ Теологической Энциклопедіи съ Литургіями; здѣсь нельзя достать, но, впрочемъ, все равно, перегляжу ее у васъ въ Парижѣ. Думаю, съ Божьей помощью, двинуться изъ Рима черезъ двѣ недѣли, располагая зацѣпить Франціи и Парижа единственно затѣмъ, чтобы взглянуть на васъ. Къ концу мая, если не европейскаго, то нашего стіля, надѣюсь васъ увидать, и дай Богъ, чтобы въ лучшемъ состояніи душевномъ, сколько возможно лучшемъ. Пожелайте и вы этого-же мнѣ и помолитесь, или лучше помолимся оба, чтобы намъ обоимъ было свиданье наше и въ душевную и въ духовную радость,—чѣмъ больше братски встрѣчается между собою человекъ, тѣмъ ближе таковой встрѣчей становится къ Богу. Итакъ, до свиданья, мой безцѣнный Александръ Петровичъ. Болѣе не успѣваю писать. Поговоримъ обо всемъ при встрѣчѣ личной, а поговорить будетъ много о чемъ.

¹⁾ Архитекторъ Сергій Андреевичъ Ивановъ пріѣхалъ изъ Парижа въ Римъ къ своему брату, извѣстному живописцу Иванову, въ 1846 г., въ мартѣ мѣсяцѣ.

Передайте мой душевный поклонъ графинѣ ¹⁾. Вашъ Г.
О прїѣздѣ моемъ не сказывайте другимъ.

IV.

Къ графинѣ Аннѣ Егоровнѣ Толстой.

Благодарю васъ, графиня, много и много за вашу память обо мнѣ и поклоны. Графъ мнѣ отдалъ также письмо ваше, которое вы писали ко мнѣ изъ Парижа и которымъ приглашали меня ѣхать въ Парижъ. Не знаю, помогъ-ли бы мой прїѣздъ къ развлеченію, знаю только, что мысль быть съ вами вмѣстѣ мнѣ прїятна и усладительна. Я васъ полюбилъ искренно, полюбилъ, какъ сестру, во-первыхъ, за доброту вашу, во-вторыхъ, за ваше искреннее желаніе творить угодное Богу, Ему служить, Его любить и Ему повиноваться. Кто ищетъ это искреннее желаніе и кто не позабываетъ при этомъ молиться, да поможетъ Богъ привести его въ исполненіе, и строго при этомъ смотритъ на самого себя и взвѣшиваетъ всѣ поступки свои, тотъ успеетъ, наконецъ, выучиться наукѣ угождать Богу во всемъ и дойдетъ до того, что Богъ повсюду будетъ ему въ помочь! Отъ всей души молю, да будетъ Онъ вамъ помочь! Я-бы слишкомъ хотѣлъ увидѣться съ вами, если не теперь, то хотя наступающею зимою. Можетъ быть, это случится. Если вы рѣшитесь прїѣхать на зиму въ Римъ, гдѣ вамъ будетъ гораздо лучше, чѣмъ гдѣ-либо, и если Богъ продлитъ жизнь мою и дастъ мнѣ здоровье, то мы проведемъ тамъ время душеспасительно и обоудно полезно. А теперь прошу васъ пока молиться обо мнѣ. Мнѣ слишкомъ нужны молитвы всѣхъ молящихся, въ томъ числѣ и ваши, я-же съ своей стороны васъ помню и не забываю, и въ эту минуту, какъ ни грѣшны мои моленья, но возношу ихъ о васъ. Прощайте-же и не забывайте меня. Васъ искренно любящій Н. Гог.

V.

Къ графу А. П. Толстому въ Парижъ.

(Rue de la Paix, 9, hôtel Westminster).

Фрейвандау, іюня—не помню числа (1846).

Наконецъ, пишу вамъ изъ Грешенберга, куда прибылъ благополучно, отдохнулъ два дня, и вотъ уже другой день началъ лѣченіе.

¹⁾ Женѣ графа А. Петровича Толстаго, графинѣ Аннѣ Егоровнѣ.

Отъ дороги-ли, а можетъ быть, отчасти, и отъ Грубіевскаго ¹⁾ прописанія, которое я выполнялъ доселѣ, по возможности, въ дорогѣ я почувствовалъ себя нѣсколько лучше, имѣлъ натуральное, одинъ или два раза, что для меня важно и что, однако-жъ, прекратилось съ начатиемъ водянаго курса. И Грефенбергъ, и Фрейвандау грустны, почти ни души; кромѣ бѣднаго — — ²⁾, который еле ходитъ съ закрытыми глазами и ничего не видитъ, только двое русскихъ. Одинъ армейскій полковникъ Быковъ, другой какой-то Лосевъ. Во Фрейвандау никого. Былъ я въ Линд— ³⁾, затѣмъ, чтобы повидать князя Барятинскаго, который лѣчится у Шрота и отъ него въ восторгѣ. Его курсъ почти на исходѣ, онъ говоритъ, что, не смотря на страшную слабость, чувствуетъ себя какъ-бы перерожденнымъ. Но я уже давно привыкъ не вѣрить тѣмъ больнымъ, которые еще вполнѣ не вылѣчились, что, впрочемъ, никакъ не мѣшаетъ быть Шроту въ своемъ родѣ гениальнымъ врачомъ, а князю Барятинскому умнымъ и замѣчательнымъ человѣкомъ, не смотря на обвиненіе брата вашего Алексѣя Петровича ⁴⁾ въ глупости. Въ Грефенбергѣ въ это лѣто несравненно меньше лѣчащихся, чѣмъ во всѣ прежніе годы. Приѣзды значительно прекращаются, это я уже слышалъ всюду на дорогѣ. Меня разбираетъ тоска — — ⁴⁾ противны и почти невыносимы, а главное то, что я не имѣю черезъ то времени заняться тѣмъ, чѣмъ мнѣ нужно спѣшить, въ дорогѣ я имѣлъ возможности больше заниматься. Я думаю и Грефенбергъ просто брошу, тѣмъ болѣе, что отъ него вся надежда только на небольшое освѣженіе, а переѣду на море, именно въ Остенде, тамъ больше бываетъ русскихъ, туда, можетъ быть, и вы заѣдете изъ Лондона. Мнѣ-же особенно нужно бѣжать отъ тоски, которая наиболѣе меня одолѣваетъ тогда, когда нѣтъ съ кѣмъ-бы провести вечеръ и сколько-нибудь позабыть въ бесѣдѣ тягость и трудность дня.

Я получилъ письмо отъ Софьи Петровны ⁵⁾, которая такъ убѣждаетъ и меня, и васъ пріѣхать въ Неаполь, что вамъ особенно ни въ какомъ случаѣ невозможно не выполнить такихъ убѣдительныхъ

¹⁾ Груби или Грубби былъ докторъ, къ которому Гоголь обращался за совѣтомъ черезъ гр. А. П. Толстого, и Груби ему прописалъ отъ желудка какіе-то порошки и далъ нѣкоторыя предписанія.

²⁾ Не разобрано.

³⁾ Алексѣй Петровичъ графъ Толстой.

⁴⁾ Не разобрано.

⁵⁾ Софья Петровна Апраксина, урожденная графиня Толстая, сестра графа Александра Петровича Толстого.

и — — ¹⁾ прошеній. На это письмо вы отвѣчайте не въ Грeфенбергъ, но во Франкфуртъ, на имя Жуковскаго. Спросите у Груббн, почему мнѣ въ Германіи стали давать изъ аптекъ порошокъ не темносѣрый, какъ въ Парижѣ, но совсѣмъ темный и притомъ сухой, а не влажный.

Затѣмъ мысленно обнимаю васъ и графиню, моля Бога, да ниспошлетъ все, что наиболѣе нужно душамъ вашимъ. Остаюсь вѣчно вашъ Г.

Передъ выѣздомъ, въ разсѣянности, я позабылъ вамъ сказать, что въ одной молитвѣ изъ тѣхъ, которыя вамъ далъ, пропущена одна строчка, такъ какъ одинъ экземпляръ переписывался съ другаго, то въ обѣихъ повторился тотъ-же пропускъ, именно въ молитвѣ № 1, послѣ словъ: „вѣмъ яко и самое -- — ²⁾ сіе не безъ воли Твоей“, слѣдуетъ: „достоинъ Его за грѣхи мои; но вѣдаю также, о, Господи, что по милосердію ниспошлешь мнѣ крѣпость Твою, ея-же облекалъ всѣхъ уповающихъ на Тя“.

Увѣдомьте меня обстоятельнѣй о вашемъ маршрутѣ. Мнѣ-бы никакъ не хотѣлось пропустить возможности съ вами встрѣтиться въ Остенде.

VI.

Къ нему же въ Парижъ.

(Остенде, августъ).

(Если графъ уѣхалъ изъ Парижа, прошу отвѣчать графиню).

Что съ вами? Гдѣ вы? и отчего отъ васъ до сихъ поръ ни одной строчки? Я писалъ къ вамъ изъ Грeфенберга, гдѣ пробылъ около мѣсяца и всею поджидалъ вашего брата Алекс. Петр. ³⁾ Въ Эмсѣ я встрѣтилъ Ивана Петровича ⁴⁾, съ его молодой супругой ⁵⁾, которой послѣ Эмскихъ водъ сдѣлалось значительно лучше. Таковы ея и его слова. Они, кажется, обоюдно счастливы, хотя оба не весьма знакомы съ опытной жизнью грѣшнаго міра сего. Теперь я поселился на время въ Остенде, гдѣ пробуду, можетъ быть, мѣсяць. До сихъ же поръ пребывалъ съ Жуковскимъ въ Швальбахѣ. Христа ради,

¹⁾ Не разобрано.

²⁾ Не разобрано.

³⁾ Алексѣя Петровича графа Толстого.

⁴⁾ Иванъ Петровичъ графъ Толстой.

⁵⁾ Софья Сергѣевна Толстая.

Е. Н.

хотя одну строчку о себѣ. Не совѣстно-ли вамъ позабыть обо мнѣ? Попросите графиню написать также словечка два о состояніи здоровья своего, какъ душевнаго, такъ и тѣлеснаго. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта! Всѣ объ васъ также беспокоятся, на-дняхъ получилъ извѣстіе отъ вашей сестрицы Софьи Петровны ¹⁾, которая также жалуется на ваше молчаніе.

Адресуйте въ *poste restante* и пришлите вашъ маршрутъ, чтобы я зналъ, гдѣ васъ настигнуть и повидать, если вы не заѣдете въ Остенде. Весь вашъ Г.

VII.

Къ нему же въ Парижъ.

Остенде, августа 2-го (1846).

Не отвѣчалъ вамъ тотчасъ по той причинѣ, что поджидалъ порошка, который, какъ вы пишете, мнѣ послали. Порошокъ не пришелъ, я получилъ только письмо, а на письмѣ не выставлено, чтобы слѣдовала при немъ посылка. Чиновники увѣрили меня, что не было посылки, а потому я вновь къ вамъ (съ) просьбой взять порошокъ въ парижской аптекѣ, потому что здѣсь аптекаря, какъ вамъ извѣстно, ничего не имѣютъ. Отвѣты на вопросы Груби ²⁾, котораго не знаю какъ благодарить, при семъ прилагаю. Мнѣ кажется, что мнѣ какъ будто стало нѣсколько лучше. Но все, однако-же, я не смѣю купаться иначе, какъ въ самый теплый день и когда нѣтъ совсѣмъ вѣтра. Вѣтеръ необыкновенно сильно дѣйствуетъ на кожу и чувствую слабость большую. Отъ небольшого вѣтра у меня то бросаетъ въ потъ, то знобитъ. Спросите Груби—не будутъ-ли для меня теперь черезъ-чуръ сильны волны. Ваши извѣстія о бѣдной нашей Россіи не утѣшительны. Я тоже имѣю много неутѣшительныхъ: къ кровопролитіямъ на Кавказѣ прибавилась еще и холера въ тѣхъ мѣстахъ. Но какъ подумаю, вѣдь, намъ прежде всего нужно жить въ Богѣ, а не въ Россіи. Вѣдь мы знаемъ, что безъ Божьей воли ничего не дѣлается. А воля Божья разумна, воля Божья знаетъ, что намъ нужно. Будемъ исполнять законъ Христа относительно тѣхъ людей, съ которыми намъ придется столкнуться (законъ этотъ можно исполнять всюду), а о Россіи Богъ позаботится и безъ насъ. Какъ Ему оставить ее, если есть столько

¹⁾ С. П. Апраксина, урожденная графиня Толстая.

²⁾ Груби—докторъ въ Парижѣ.

людей, которые о ней молятся. Помолимся и мы о ней вѣрнѣе, какъ только можемъ молиться, а потомъ палку въ руки и вновь въ путь-дорогу, по примѣру всякаго помышляющаго о душѣ своей человѣка.

Мнѣ кажется, на васъ неаполитанская зима можетъ подѣйствовать благотворно, тамъ было хорошо и мнѣ, и я согрѣлся. Очень было-бы пріятно встрѣтиться съ вами въ Италіи. Почему знать, можетъ быть, случилось-бы такъ, что и въ Россію пришлось-бы возвратиться въ одно время... Покуда въ Остенде немного русскихъ. Изъ знакомыхъ вамъ, кажется, одинъ только Глѣбовъ, да ваша родственница — —¹⁾ Дслгорукая, которую я видѣлъ всего одинъ разъ и не дальше, какъ вчера. Но прощайте. Передайте мой усердный поклонъ графинѣ, если она еще въ Парижѣ. Доброму Михаилу Сергѣевичу также поклонъ; книги онъ можетъ подарить первому встрѣчному, всего лучше которому-нибудь изъ нашихъ парижскихъ поповъ, они-же охотники собирать книги. На адресѣ прибавляйте: Rue des Capucines, № 16, и вставьте при семь: слѣдуетъ посылка. Затѣмъ всею душою моею васъ обнимаю. Вѣсь вашу Г.

Отвѣты на вопросы Груби:

1) Причина неблагопріятнаго состоянія здоровья, можетъ быть, отчасти волненіе послѣ дороги. Въ первый день я много ходилъ по городу, особенно сейчасъ послѣ обѣда, чего прежде не дѣлывалъ.

2) Сонъ порядоченъ.

3) Послѣ обѣда бывають небольшія отрыжки, часа черезъ три послѣ ѣды бываетъ иногда тягость въ желудкѣ.

4) Аппетиту большаго не бываетъ даже и послѣ купанья.

5) Бурчанье около сердца бываетъ больше передъ обѣдомъ, ввечеру и на другой день передъ завтракомъ.

6) Крошки во рту чувствуются также гораздо спустя послѣ ѣды.

7) Во рту горьковатый вкусъ.

Послѣ добраго приѣма Зейдлицкихъ порошковъ (двойнаго) и съ тѣхъ поръ ниѣю почти ежедневно.

Чувствуется (особенно по утрамъ и часто въ постели) боль вверху спины, между двумя лопатками, немного пониже перваго позвонка, какъ-бы внутри.

¹⁾ Не разобрано.

VIII.

Къ нему же въ Парижъ.

Увѣдомляю васъ, что порошокъ пріѣхалъ. Онъ меня нѣсколько изумилъ своею бѣлизною. Сначала я думалъ, что не по ошибкѣ-ли присланъ мнѣ чужой, прежній былъ темносѣрый, а рецептъ не измѣнился. (На вкусъ магнезія вмѣсто перчиковки, а на поверхности воды, въ которой принималъ порошокъ, показался голубой цвѣтъ и по немъ струи какъ бы мѣди ¹⁾ случайно оставшейся до другаго дня въ рюмкѣ). Хомяковъ пріѣхалъ также. О тульскомъ дворянствѣ говоритъ онъ, что тульскіе ²⁾ сами изъявили желаніе составить комитетъ. Мухановыхъ и Тютчева еще нѣтъ. Впрочемъ все покуда обстоитъ благополучно. Прощайте. Тороплюсь отправить письмо. Скажите Груби, что порошки во рту, какъ я замѣтилъ, чувствуются особенно послѣ выхода изъ морской ванны и грудь бываетъ въ состояніи стѣсненномъ. Вашъ Г.

IX.

Къ нему же въ Парижъ.

Франкфуртъ, іюня 22-го (1847 г.).

Ожидалъ, ожидалъ извѣщенія вашего о томъ, куда вы и какъ, и когда, и—по обыкновенію—вновь не дождался, а между тѣмъ истекъ уже почти мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались, мой найдобрѣйшій и наилюбезнѣйшій Александръ Петровичъ, которому хотѣлъ бы я отъ души вставить въ уста наипрекраснѣйшіе зубы ³⁾, а въ душу, которая слава Богу и безъ того хороша, наизяланнѣйшее спокойствіе и веселіе. Но какъ быть! ничего намъ не дается по тѣхъ поръ, пока, отказавшись отъ собствен(ныхъ) желаній не благословимъ, сложа руки крестомъ, именно то самое состояніе, какое послалъ намъ Богъ. Если-бы только мы отважились и рѣшили это сдѣлать, все-бы къ намъ пришло потомъ въ награду. Но мы не

¹⁾ Не разобрано.

²⁾ Не разобрано.

³⁾ Въ своихъ письмахъ къ Гоголю графъ А. П. Толстой жаловался на плохіе зубы и высказывалъ намѣреніе вставить искусственные, и этотъ въпросъ очень его занималъ и беспокоилъ.
Е. Н.

вѣримъ въ это, зато и дается намъ въ удѣлъ долгое томленье. Но авось Богъ вамъ помогъ уже. Во всякомъ случаѣ, все-таки хотя строчку, мнѣ-бы не хотѣлось не дожидаться здѣсь отъ васъ извѣщенья вѣрнаго о вашемъ маршрутѣ, чтобы не разминуться какъ-нибудь, а этого я-бы никакъ не хотѣлъ.

Посылаю вамъ между прочимъ счетъ, по которому я заплатилъ за васъ въ Hôtel d'Angleterre (будто-бы не заключенный прежде). Вы, пожалуйста, его берегите, не то васъ какъ разъ заставятъ заплатить еще разъ. Здѣсь—какъ я замѣтилъ (да и вообще вездѣ во всѣхъ какъ просвѣщенныхъ, такъ и непросвѣщенныхъ земляхъ)—это въ обычаѣ. До свиданія, прощайте. Графинѣ душевный поклонъ. Весь вашъ Г.

Скурыдину передайте также поклонъ.

Х.

Къ нему же въ Парижъ.

(Неаполь).

Что съ вами происходитъ, мой добрѣйшій Александръ Петровичъ? Почему отъ васъ до сихъ поръ ни строчки, ни словечка? Я все ожидалъ, что вы по обѣщанію вашему напишете мнѣ, какъ сказали вы сами въ письмѣ вашемъ, не далѣе какъ черезъ недѣлю обо всемъ, и вотъ уже прошло съ тѣхъ поръ два мѣсяца—и отъ васъ ни строчки! Такъ что я намѣреваюсь (скучая неизвѣстностью) заглянуть къ вамъ въ Парижъ, и Софья Петровна ¹⁾ о васъ также беспокоится, тѣмъ болѣе, что Наталья Владиміровна ²⁾ писала весьма длинное письмо къ графинѣ Аннѣ Егоровнѣ ³⁾, ожидала съ нетерпѣніемъ на него отвѣта и не дождалась. Богъ да хранить васъ отъ всего огорчающаго. Прощайте, обнимаю васъ. На дняхъ выѣзжаю изъ Неаполя, и если дастъ Богъ, обниму васъ лично въ Парижѣ. Весь вашъ Г.

¹⁾ Графиня Софья Петровна Апраксина, рожденная графиня Толстая родная сестра графа А. П. Толстого.

²⁾ Наталья Владиміровна гр. Апраксина, дочь С. Петровны Апраксиной и племянница графа Александра Петровича Толстаго.

³⁾ Графиня Анна Егоровна Толстая—жена графа А. П. Толстаго.

XI.

Къ графинѣ А. Е. Толстой.

30-го августа (1850 г.), д. Васильевка.

Передъ выѣздомъ моимъ въ Одессу спѣшу написать вамъ нѣсколько строчекъ, добрыйша графиня. Графъ пишетъ ко мнѣ, чтобы между прочимъ извѣстить его о времени моего прибытія въ Москву. На югѣ буду стараться пробыть сколько возможно менѣе времени, но все не думаю, чтобы раньше весны могъ доставить себѣ пріятность свиданія съ вами. Васъ хочется видѣть какъ можно скорѣе—вотъ все. Прочее устроить Богъ. Будьте такъ добры: препроводите одно письмо къ графу, а другое къ Скурыдину. Я самъ не знаю, какъ адресовать. Тотъ и другой, обрадовавши меня самыми пріятными письмами, а своихъ адресовъ оба не сказали. О графѣ ¹⁾ знаю только, что онъ былъ на пунктѣ выѣхать изъ Петербурга, но гдѣ теперь: съ вами, или опять отправился въ дорогу, этого не знаю. Очень обрадуете меня, если хотъ нѣсколькими строчками извѣстите и о себѣ, и о немъ, и о всемъ, что вамъ близко. Князю, если увидите его, передайте мой глубочайшій поклонъ. Затѣмъ Богъ да хранитъ васъ. Не забывайте меня и прощайте. Вашъ весь Н. Гоголь.

Адресуйте въ Одессу *poste restante* или, пожалуй, на имя его превосходительства Александра Скарлатовича Стурдзы, или еще лучше на имя княжны Варвары Николаевны Рѣпниной. (Стурдза, кажется, теперь въ отлучкѣ).

¹⁾ О графѣ Александрѣ Петровичѣ Толстомъ.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА.

Род. 24-го марта 1823 г., † 16-го іюня 1884 г.

V ¹⁾.

Опредѣленіе въ дѣйствующую армію.—Пріѣздъ въ армію.—Вечеринки у молдаванъ. — Кишиневъ. — Военныя дѣйствія въ Севастополѣ. — Возвращеніе въ Москву. — Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. — Отѣздъ въ Италію. — Бесѣда съ Гарибальди.

Въ армію пріѣхалъ я въ августѣ 1854 года, когда мы перешли изъ Молдавіи въ Бессарабію и главный штабъ расположился въ Кишиневѣ.

Явившись къ ближайшему моему начальнику, дежурному штабъ-офицеру полковнику Антошевскому, родомъ поляку, съ пріемами стародавнихъ временъ, потомъ къ дежурному генералу, генераль-маіору Ушакову, когда-то адъютанту Паскевича и автору (описанія) турецкаго похода 1828—1829 гг.,—я поспѣшилъ познакомиться съ моими товарищами по службѣ, офицерами 4-го отдѣленія дежурства, и между ними, а также и въ другихъ отдѣленіяхъ и въ аудиторіатѣ, нашелъ нѣсколько

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., т. LXIII, іюнь, стр. 1—26, 559—578; изд. 1890 г., т. LXV, февраль, стр. 293—319; 1891 г., т. LXIX, февраль, стр. 229—279.

премильхъ и симпатичныхъ личностей, которыя меня сразу искренно полюбили. Избравъ изъ нихъ наиболѣе надежныхъ и, какъ мнѣ казалось, скромныхъ, я рѣшился обратиться къ нимъ съ такимъ вопросомъ: „что мнѣ дѣлать съ рекомендательными письмами, которыхъ мнѣ надавали разные лица, когда я поѣхалъ въ армію? Бросить ихъ, или вручить по назначенію? Будеть-ли въ этомъ какой-нибудь толкъ?“

— А къ кому именно у васъ есть письма?—спросилъ кто-то изъ офицеровъ.

— „Къ командующему армією, князю Горчакову—три; одно отъ его близкаго родственника, Бахметьева, пренѣжное! Два письма къ начальнику штаба и столько-же къ дежурному генералу“.

— По моему, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, всѣ письма бросить, кромѣ писемъ къ Коцебу. Только ихъ и отдать. А если вы отдадите одновременно три письма къ командующему, да два къ дежурному генералу—Коцебу непременно обидится, онъ преобидчивый! Подумаетъ: вотъ еще куда полѣзъ! И ничего для васъ не сдѣлаетъ. А если отдать только ему—онъ все сдѣлаетъ, что будетъ можно. Онъ здѣсь сила, можно сказать единственная; всѣмъ заправляетъ, все значить, а Горчаковъ просто нуль! Впрочемъ, какъ хотите. Это мое мнѣніе. Другіе, можетъ, и не такъ судятъ!“

Однако-жъ никто не возражалъ. Я рѣшилъ послушать такого совѣта: отнесъ два письма къ Коцебу, а прочія спряталъ, считывая возвратить ихъ впослѣдствіи тѣмъ лицамъ, отъ кого я ихъ получилъ, но этого не вышло... они сгорѣли отъ бомбы.

Какъ водится въ арміяхъ, мнѣ отведена была сейчасъ-же казенная квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ—одна комната съ глинянымъ поломъ, въ домѣ молдаванскаго семейства, состоявшаго изъ вдовы, высокой, дюжей молдаванки среднихъ лѣтъ, двухъ взрослыхъ дочерей, изъ которыхъ одна уже перешла за предѣлы первой молодости, и сына-гимназиста. Сама вдова говорила по русски съ сильнымъ молдаванскимъ акцентомъ, а дѣти говорили хорошо. Люди они были простые, безцеремонные. Черезъ недѣлю мы уже такъ сблизились, какъ-будто я жилъ у нихъ цѣлый годъ. Обѣ дѣвицы были романическаго свойства, особенно старшая, она читала нашихъ поэтовъ, много говорила

о любви, о чувствахъ; начать какую-нибудь романическую исторію было съ ними очень не трудно... Большинство нашихъ офицеровъ стояли на квартирахъ у хозяевъ, подобныхъ моимъ. Иные дома, пообширнѣе, хотя тоже безъ пола (поль въ Бессарабіи, за нимѣніемъ лѣсовъ, большая рѣдкость), устраивали для своихъ постояльцевъ и ихъ товарищей и друзей вечеринки съ танцами, которыя начинались съ 6 часовъ вечера и продолжались, съ весьма-малыми перерывами, до шести утра другаго дня. Пары носились съ неслыханнымъ увлеченіемъ, какъ ни на какихъ на свѣтѣ балахъ, въ облакѣ пыли, которая садилась на голыя плечи, руки и лица красавицъ, сообщала имъ цвѣтъ креолокъ, никто это не замѣчалъ, не чувствовалъ никакого стѣсненія, никакой скуки... Подъ конецъ всѣ гости дома, гдѣ давался балъ, накинувъ на плечи немудрые платочки, что случится, расходились по своимъ жилищамъ непременно подъ руку съ офицерами, жались къ нимъ во мракѣ и полумракѣ иныхъ узкихъ безлюдныхъ переулковъ, не то садиковъ; можно было не только пожимать трепетныя ручки, но и цѣловать бойкихъ красавицъ сколько душѣ угодно.

Моя хозяйка тоже дала такую вечеринку или балишь, о которомъ совѣщалась довольно долго съ однимъ своимъ пріятелемъ, какимъ-то чиновникомъ, ходившимъ къ ней почти всякій день. Совѣщанія клонились главнѣйшимъ образомъ къ тому, чтобы какъ можно менѣе истратить денегъ. Оба они, и чиновникъ и моя хозяйка, были люди не богатые, и у ней и у него были загородомъ скромныя хутора, гдѣ росъ виноградъ, яблоки, груши, сливы, огородныя овощи, водились куры, утки, индѣйки. Все это, конечно, не мало способствовало уменьшенію расходовъ. Онъ поставилъ нѣсколько экземпляровъ домашней птицы; она снабдила фруктами, овощами, бѣлымъ и краснымъ виномъ. Нанять пришлось только одну музыку: цыганъ и жидовъ со скрипками, гитарами, флейтами, дудками, мѣдными тарелками (обычныя тамошніе оркестры). Если не особенно стройно, то громко и задорно: на это всегда можно было рассчитывать.

Кромѣ такихъ развлеченій, въ Кишиневѣ, при содѣйствіи властей, явился скоро порядочный театръ, т. е. труппа, а зданіе было и прежде. Игравшая главныя женскія роли въ разныхъ комедіяхъ, опереткахъ и водевиляхъ, молоденькая и недурная

собой актриса Боброва приводила молодежь временами въ неописанный восторгъ. Одинъ богатый гусаръ тратилъ на нее такія деньги, что начальство, наконецъ, сочло нужнымъ вступить въ свои права и остановить неумѣстные порывы.

Самый Кишиневъ былъ весьма незанятенъ и непоэтиченъ: довольно большой, широко раскинувшійся городъ съ неказистыми, приземистыми домами, съ немощеными улицами, гдѣ самая главная (на которой стоялъ губернаторскій домъ, занятый въ то время штабомъ) представляла родъ песчаной степи, гдѣ въ сухіе теплые дни вѣтеръ крутилъ и несъ изъ конца въ конецъ желтая облака пыли, а во время дождей образовывалась вязкая, съ трудомъ проходимая, грязь. Формально ни одного дома, на которомъ можно было-бы остановить вниманіе!

Русскій странникъ могъ пожалуй помечтать передъ развалинами большаго каменнаго дома генерала Инзова, гдѣ жилъ когда-то сосланный въ Бессарабію Пушкинъ. Оттуда лучшій видъ на Кишиневъ. Давно провалившіеся потолки и полы не даютъ возможности ходить по комнатамъ этого дома. Проводникъ подвелъ меня къ двумъ окошкамъ, разумѣется безъ рамъ, показалъ комнату съ синими стѣнами и увѣрялъ, будто-бы Пушкинъ жилъ именно здѣсь. Можетъ быть. Мѣстами видишь какъ-бы надписи, но прочесть ихъ трудно. Крыша на домѣ вездѣ сильно сквозить. Я сдѣлалъ очеркъ дома,—можетъ быть донинѣ единственный рисунокъ этого любопытнаго для насъ зданія. Надо-бы снять фотографію. Время съ каждымъ днемъ стираетъ краски минувшаго. Оно сдунетъ, конечно, и эти развалины, а можетъ быть ужъ и сдуло ¹⁾).

Городской кишиневскій садъ, противъ губернаторскаго дома, насаженный довольно давно по самому сухому, казенному рисунку, поддерживался плохо и въ общемъ не представляетъ ничего привлекательнаго. Но такъ какъ это былъ единственный пунктъ, въ центрѣ города, гдѣ можно было подышать чистымъ воздухомъ и видѣть много зелени, — то въ немъ всетаки прогуливались кому некуда было дѣваться.

¹⁾ Изъ газетной одной корреспонденціи видно, что нынѣ (февраль 1891 г.) отъ этого дома не осталось и слѣда: на мѣстѣ, гдѣ былъ домъ-жилище вѣ-когда Пушкина—выстроены конюшни.

Высадка въ сентябрѣ 1854 г. французскихъ и англійскихъ войскъ на берега Крыма, сраженіе подъ Альмой, занятіе высотъ на южной сторонѣ Севастополя и приготовленія непріятеля къ осадѣ—заняли всѣ умы и языки. Гдѣ бы ни сошлись артиллеристы, инженеры, офицеры генеральнаго штаба и высшіе чины арміи—вездѣ слышались шушуканья о судьбѣ нашей крымской арміи, Севастополя, вынимались бумажки, чертились планы укрѣпленій, потомъ все это рвалось на мелкіе кусочки. Такъ какъ многіе изъ старшихъ образованныхъ офицеровъ знали довольно хорошо положеніе нашихъ укрѣпленій подъ Севастополемъ, точнѣе—совершенное отсутствіе укрѣпленій, то всѣ, болѣе или менѣе смысленные, предполагали, что не сегодня—завтра непріятель вступитъ въ городъ съ распущенными знаменами, подъ грохотъ барабановъ и звуки трубъ... Однако проходили дни за днями—ничего такого не было. Наконецъ, талантливый инженерный подполковникъ Тотлебенъ, посланный Горчаковымъ изъ южной арміи въ распоряженіе главнокомандующаго крымской арміею, князя Меншикова, одновременно съ другимъ талантливымъ инженеромъ Фальконетомъ (?), донесъ, что „непріятель повелъ правильную осаду“. Всѣ вздохнули свободнѣе.

Страшная бомбардировка 5 октября 1854 г. и вскорѣ затѣмъ весьма неуспѣшныя и безтолковыя наши дѣйствія подъ Инверманомъ 24 октября, гдѣ мы должны были неизбѣжно разбить непріятеля, между тѣмъ были сами позорно опрокинуты и бѣжали — снова заставили головы патріотовъ опуститься и... подумать о недалекомъ будущемъ.

Государь Николай Павловичъ приписывалъ всю неудачу послѣдняго дѣла главному распорядителю, дѣйствительно неспособному командовать войсками въ такое мудреное время. Меншиковъ подалъ въ отставку—и былъ замѣненъ еще менѣе способнымъ главнокомандовать, княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ, много разъ разбитымъ турками еще въ 1828 г. Въ назначеніи его главнокомандующимъ Крымской арміи виновать Паскевичъ, который потомъ горько въ этомъ раскаявался. (Письмо его къ князю М. Д. Горчакову, диктованное на смертномъ одрѣ адъютанту, Панютину, напечатано въ „Русской Старинѣ“ изд. 1872 г., т. VI, стр. 432).

Что произошло въ Севастополѣ — это мною рассказано въ

отдѣльной книгѣ и вообще черезъ-чуръ всѣмъ извѣстно. Странно было-бы, если-бы я сталъ все это повторять теперь, хотя-бы въ самомъ краткомъ видѣ.

По заключеніи мира, штабъ южной и крымской арміи былъ расформированъ. Я остался за штатомъ—и уѣхалъ въ Москву, потомъ въ Петербургъ. Такъ какъ веденныя мною записки объ осадѣ сгорѣли на фрегатѣ „Коварный“—я старался возобновить все это въ моей памяти бесѣдами съ разными компетентными лицами, участниками и свидѣтелями фактовъ, какіе совершаются нечасто. Большинство такихъ лицъ я нашелъ въ Петербургѣ, и при помощи ихъ сдѣлалъ кое-что.

Ратное движеніе на югѣ Европы стало тянуть меня въ ряды чужой арміи. Московскіе друзья мои радовались такому порыву. М. П. Погодинъ сочинилъ по этому поводу обѣдъ у себя въ саду. Шевыревъ сказалъ мнѣ напутствіе въ стихахъ. Знаменитый Алексѣй Петровичъ Ермоловъ пожелалъ меня видѣть и принялъ въ высшей степени любезно, въ домѣ своемъ на Пречистенкѣ, неподалеку отъ пожарнаго депо. Это былъ въ то время (начало мая 1859 г.) колоссальный старикъ, разставшійся съ военными формами, въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ, такихъ-же шароварахъ и желтомъ, тоже нанковомъ, жилетѣ, съ голубымъ платкомъ на шеѣ, котораго длинные концы висѣли по рубашкѣ засыпанной табакомъ. Въ лицѣ стараго генерала, когда-то страшномъ и грозномъ (какимъ видимъ его на портретѣ Доу, въ буркѣ), осталось очень мало напоминающаго объ его прошлой воинственной красѣ: оно представляло соединеніе мясистыхъ холмовъ, гдѣ носъ, широкой и расплющенный, какъ носъ льва, былъ главнымъ возвышеніемъ. Большія губы складывались подъ нимъ какъ-то оригинально, сливаясь въ одну массу. Все это было обрамлено бѣлыми сѣдыми бакенбардами, при дурно обритой и тоже засыпанной табакомъ бородѣ. Брови сильно надвигались на маленькіе глаза, имѣвшіе въ себѣ еще что-то пронзительное. Наконецъ, сверху распространялся густой шалашъ небрежно разбросанныхъ по огромной головѣ бѣлыхъ волосъ. Все вмѣстѣ, въ иныя минуты, необычайно напоминало льва—было чѣмъ-то такимъ, чего не видишь въ массахъ нынѣшнихъ людей; иногда лицо казалось каменной глыбой, изъ которой художникъ началъ дѣлать голову Юпитера или Ахиллеса, отесалъ

кое-какъ, означилъ главные пункты—возвышенія и углубленія—и бросилъ.

Ермолову могло быть въ то время близъ подь девяносто лѣтъ. Отсутствіе движенія, постоянно сгорбленное положеніе тѣла на громадномъ креслѣ, передъ столомъ, подѣйствовали разрушительно на могучій организмъ этого человѣка, не знавшаго во всю жизнь никакихъ болѣзней: онъ уже съ трудомъ приподнимался; къ обѣду водили его подь руки два гайдука; говорилъ онъ внятно (только, вслѣдствіе отсутствія зубовъ, шамшиль) и слышалъ хорошо, но поминутно засыпалъ, закрывая глаза и сильно дыша. Всѣ слушавшіе передъ тѣмъ какой-нибудь рассказъ его притихали. Когда Ермоловъ открывалъ глаза—рассказъ продолжался отъ прерваннаго мѣста какъ будто бы и не прерывался. Что бы ни говорилъ старикъ, принято было не возражать, хотя бы говорила изрядная чепуха...

Зная, что я пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Севастополѣ во время осады и, разумѣется, могъ видѣть много разъ какъ кто дерется, Ермоловъ, послѣ первыхъ ничего незначащихъ фразъ, проговорилъ:

— „Скажи мнѣ, пожалуйста, милый любезный Бергъ, хорошо французы дерутся? молодцы? Англичане, тѣ не умѣютъ драться. Англичане, братъ, торгаши, а не солдаты!“

Вообще онъ любилъ, такъ или иначе, кольнуть англичанъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Все англійское, по его мнѣнію, было дурно, и странно было-бы, если-бъ кто изъ гостей стараго генерала сталъ противъ этого спорить.

— „Вотъ, ты скоро опять увидишь храбрыхъ молодцовъ французовъ, милый, любезный Бергъ!... Когда вернешься, не обойди мой порогъ. Если это будетъ не далѣе какъ черезъ годъ,—я еще буду живъ; чувствую силъ еще (хватить) на годъ, а дальше... Богъ вѣдаетъ!... (Онъ такимъ образомъ почти предсказалъ свою смерть: умеръ 11 апрѣля 1861 г.). Если-бы я былъ молодъ и крѣпокъ, я бы встрѣтилъ тебя на заставѣ, я такъ тебя люблю!... Но теперъ не могу! Прости великодушно! Скоро, можетъ быть, и по комнатамъ перестану двигаться!“

Я видѣлъ любопытнаго старика, до отъѣзда моего въ Италію, еще раза три. Однажды у него обѣдалъ. Всѣ, кто былъ приглашенъ тогда къ обѣду, явились въ полныхъ мундирахъ, при

орденахъ. Каждого или почти каждого хозяинъ встрѣчалъ такими словами: „ишь какъ разрядился, настоящей иконостасъ!“

А приди-ка иначе!... Идя въ обѣду черезъ нѣсколько большихъ залъ, я замѣтилъ на стѣнахъ множество масляныхъ картинъ средней величины въ золотыхъ и другихъ рамахъ, съ изображеніемъ разныхъ битвъ временъ Наполеона I. Вездѣ его фигурка то въ сѣромъ сюртукѣ, то въ мундирѣ прежней республиканской Франціи. Отдѣльных портретовъ Наполеона всякихъ величинъ тоже было вездѣ много. И только такія картины: либо Наполеоновскія битвы, либо онъ самъ.

Въ послѣдній день пребыванія моего у Ермолова, подойдя къ его широкому креслу, гдѣ погружалась его массивная фигура, я сказалъ: „Теперь, прощайте, благословите меня!“

— „Хорошо, братъ, изволь! Въ моемъ благословеніи есть что-то могущественное (слово въ слово). Многихъ оно охранило въ минуты чрезвычайной опасности. Стефани знаешь? Да одинъ-ли Стефани!“

Армейскій поручикъ Стефани, отправляясь въ венгерскую кампанію, въ 1849 году, получилъ благословеніе Ермолова. Въ одной битвѣ главнокомандующій послалъ его въ телѣгѣ черезъ горы въ отрядъ великаго князя Михаила Павловича, съ депешами. Стефани наткнулся на венгерцевъ, которые дали по немъ нѣсколько залповъ, когда онъ несся мимо ихъ во всю прыть лошадей. Какъ-то случилось, что всѣ пули прошли довольно счастливо. Поручикъ былъ раненъ, но не опасно, впрочемъ кровь лилась сильно и это его ослабило. Онъ прискакалъ въ отрядъ Михаила Павловича, едва живой, подаль великому князю пакетъ и упалъ. Впослѣдствіи, когда онъ оправился, ему было дозволено носить постоянно фуражку. Его можно было нерѣдко видѣть въ Москвѣ, въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ и на улицахъ. Онъ подпирался тростью. Имя его всѣ знали. Знали и о благословеніи Ермолова.

Ермоловъ сталъ раскачиваться и поднялся во весь гигантскій ростъ, превышая меня, по крайней мѣрѣ, головой. Я немного наклонился и чувствовалъ, что огромная ручища летаетъ надо мной въ воздухѣ. Потомъ онъ снова тяжело опустился въ кресло.

Не могу не замѣтить объ его рукахъ: это были совершенно

исключительныя по грубости кожи руки, казалось онѣ покрыты не простою человѣческою кожей, а какой-то чешуей. Разсматривая ихъ однажды, я вспомнилъ разсказъ Марлинскаго, въ „Аммалатъ Бекѣ“, гдѣ Ермоловъ отсѣкаетъ кинжаломъ голову быку—штука, очень рѣдко удающаяся и восточнымъ джигитамъ, требующая и силы, и споровки, и частаго упражненія. Откуда у главнокомандующаго кавказской арміи могло быть такое упражненіе? Я спросилъ объ этомъ фактѣ у Алексѣя Петровича, онъ отвѣчалъ, что съ нимъ никогда ничего подобнаго не бывало.

— „А былъ силенъ, нечего сказать! Издоровъ: я въ 50 лѣтъ чувствовалъ себя какъ иной въ 20. Если не нахожусь съ утра до ночи въ самомъ усиленномъ движеніи, въ разѣздахъ по горамъ, въ осматриваніи чего-нибудь, по мнѣ по всему пойдутъ бывало сейчасъ пупырья“.

И такого-то богатыря судьба усадила съ 1826 года за письменный столъ, въ четыре стѣны кабинета, когда ему были еще нужны и конь, и поля, и горы!....

Когда я пріѣхалъ въ Италію (черезъ Парижъ, гдѣ долженъ былъ протаскивать свой паспортъ черезъ сенскую префектуру и сардинское посольство, причемъ далъ какимъ-то чиновникамъ по пяти франковъ въ руку, безъ всякой церемоніи, какъ русскимъ квартальнымъ), вся моя забота была отыскать кого-либо изъ французскихъ севастопольскихъ знакомыхъ. Запимая въ послѣднее время службы въ южной арміи должность старшаго переводчика при главнокомандующемъ, я имѣлъ множество случаевъ видѣть у себя въ Бахчисараѣ офицеровъ французскаго генеральнаго штаба, а потомъ въ перемиріе въ апрѣлѣ 1856 г. самъ ѣздилъ въ главную квартиру французовъ подъ Камышемъ, обѣдалъ у начальника штаба, генерала Мартентре (?), перезнакомился съ разными высшими членами французской арміи: все это три года спустя еще возвысилось. Мартентре былъ помощникомъ начальника штаба, министра Вальяна.

Я уладилъ безъ труда разѣзды не только по французской арміи, но и по итальянской, а подъ конецъ кампаніи попалъ въ штабъ Гарибальди, видѣлъ этого знаменитаго человѣка очень близко—въ Тирано, главномъ городѣ Валкамоники, и въ Ядоло, на берегу озера Изео, въ альпійскихъ горахъ.

Разъ, когда генераль былъ боленъ и долженъ былъ лежать я сидѣлъ у него на постели и мы бесѣдовали долго о нашихъ крестьянахъ, которыхъ правительство тогда освобождало. Гарибальди удивлялся, какъ это такая важная перемѣна въ государствѣ совершается тихо, безъ пролитія капли крови.... Прощаясь со мною, онъ сказалъ:

— „Помните постоянно, что лучший вашъ другъ живетъ въ Итали!“

Я имѣлъ неосторожность это напечатать и послѣ испыталь не мало неприятностей со стороны тупыхъ наблюдателей за русскими нравами и поведеніемъ русскихъ за границей. Я попалъ и въ сторонники Гарибальди, и въ его волонтеры, и.... мало-ли что рассказывалось обо мнѣ разными негодями, а иногда и писалось въ Петербургъ для увеличенія моего досье.

VI.

Засѣданія общества любителей російской словесности.—Фанатическое движеніе на Востокъ.—Поѣздка на Востокъ.—Сбарбори.—Чубукчи Мехметъ.—Особенности Востока.—Жизнь въ Бейрутѣ.—Въ Иерусалимѣ.—Возвращеніе въ Россію.—Отъѣздъ въ Польшу корреспондентомъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“.

Воротаясь, по окончаніи французско-итальянской кампаніи, въ Москву, которую я продолжалъ считать своею главною квартирою, своимъ „домомъ“, я нашель въ ней кое-какія перемѣны: „Общество любителей російской словесности“, основанное еще при государѣ Александрѣ Павловичѣ и потомъ при Николаѣ Павловичѣ само себя закрывшее впредь до благопріятной минуты, открыло въ Москвѣ свои засѣданія, привлекавшія (когда эти засѣданія были публичными) въ залу сессій и диспутовъ стараго университетскаго зданія на Моховой, можно сказать, всю интеллигенцію Бѣлокаменной. Первымъ предсѣдателемъ общества былъ Погодинъ, потомъ Хомяковъ, потомъ Аксаковъ (нынѣшній¹⁾) издатель „Руси“ и, наконецъ, Кошелевъ. Дальнѣйшихъ не знаю. Секретарями: Лонгиновъ, Соболевскій.... по Россіи неся тогда „духъ буренъ“. Пробуждались польскія надежды.

¹⁾ Писано въ 1884 году.

Все лучшее (?) у насъ было на сторонѣ поляковъ, протягивало имъ руки, простирало объятія. Самоны Каткова (редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“) были для нихъ открыты по пятницамъ, когда собиралось тамъ всякаго литературнаго народа видимо-невидимо. Леонтьевъ говорилъ о нихъ восторженно. Мои чтенія въ обществѣ „Любителей“ (какъ новаго члена) переводовъ изъ Мицкевича, преимущественно отрывковъ изъ „Пана Тадеуша“, производили эффектъ чрезвычайный. Всякія (увы) насмѣшки надъ нами, карикатурныя изображенія нашихъ генераловъ сопровождались хохотомъ прежде всего генераловъ-же. Помню, какъ теперь: генераль баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ долго не могъ успокоиться отъ смѣха, послѣ прочтенія мною: „А вотъ у москалей, такъ что ни генераль—весь свѣтится въ звѣздахъ, все небо обобралъ“.

Что читалъ [Мих. Ник.] Лопгиновъ о Княжнинѣ, о Новиковѣ, о Радищевѣ,—Лонгиновъ, вскорѣ затѣмъ свирѣпѣйшій крѣпостникъ, дикій губернаторъ и еще страшнѣйшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати! [Ник. Фил.] Павловъ прочелъ однажды громовую статью о дѣйствіяхъ начальника легкой кавалерійской дивизіи гр. Ржевускаго. Предсѣдатель (Хомяковъ) говорилъ Павлову передъ чтеніемъ, что „нельзя этого читать“, дружески запрещалъ чтеніе. Павловъ сказалъ, что „прочтеть самый незначительный отрывокъ, гдѣ ничего такого нѣтъ“ и какъ-то нечаянно прочелъ все! Мы уже попривыкли къ подобнымъ выходкамъ нѣкоторыхъ членовъ общества, но... всетаки были сильно поражены. Многіе думали, что выйдетъ какая-нибудь исторія... можетъ быть закроютъ черезъ-чуръ расходившееся общество. Генераль-адъютантъ, близко извѣстный государю и человѣкъ вообще недурной, начальникъ дивизіи, нисколько не отличавшійся отъ всѣхъ прочихъ начальниковъ дивизій, даже лучший многихъ, выставленъ былъ на позорище и осмѣянъ за то, что осмѣлился удалить отъ себя одного довольно обыкновеннаго офицера, который, между прочимъ, увезъ у него дочь и на ней тайно обвѣнчался.

Гроза однако прошла благополучно. Добродушнѣйшій начальникъ московскаго округа жандармовъ, Церфильевъ, постоянно бывавшій на публичныхъ чтеніяхъ, любитель словесности, не счелъ нужнымъ доносить Петербургу о „такихъ пустякахъ“. Онъ былъ,

какъ кажется, на сторонѣ автора, по крайней мѣрѣ на сторонѣ многихъ эффектныхъ и игривыхъ выраженій, какими даровитая статья Павлова была усыпана точно камнями самоцвѣтными. Нечего говорить, что было тогда съ людьми новаго закала, какъ они потирали руки и смѣялись!

Общество вело себя въ то баснословное время до того непринужденно и развязно, что однажды, по закрытіи дверей (что дѣлалось всегда при началѣ чтеній), не пустило, пріѣхавшаго къ нему въ гости, страшнаго генераль-губернатора Закревскаго—впрочемъ страшнаго лѣтъ десять, восемь тому назадъ, когда онъ сослалъ Богъ-вѣсть за что Павлова въ Пермь, а теперь уже уходившагося, какъ-бы потерявшаго свои бланки.

Ермоловъ, котораго я посѣтилъ на другой или на третій день по пріѣздѣ, былъ мнѣ, видимо, очень радъ. Опять разспрашивалъ о французахъ... и сказалъ, что былъ очень боленъ, въ первый разъ въ жизни: „пріѣзжалъ Иноземцевъ, далъ мнѣ какіе-то порошки: не подѣйствовали нисколько! Онъ увеличилъ дозу—опять ничего! Только послѣ третьяго увеличенія дозы случилось что-то... васъ, говорить, надо лечить совѣмъ иначе, нежели мы лечимъ людей вообще: вы мастодонтъ! Каково, братъ, я—мастодонтъ!“ И весело засмѣялся.

Начавшееся фанатическое движеніе на дальнемъ Востокѣ, возстаніе въ Дамаскѣ и окрестностяхъ, обязанное своимъ происхожденіемъ происканью наслѣдника турецкаго престола, Абдуль-Азиза, которому смертельно хотѣлось подвязать въ мечети Ейюби саблю османовъ, послѣ смерти брата своего Абдуль-Меджида-Хана, который былъ едва живъ,—это движеніе обращало на себя сильное вниманіе всей европейской прессы. Ожидали чрезвычайныхъ событій войны. Уже эскадры всѣхъ первенствующихъ державъ собрались передъ Бейрутомъ, оставивъ рѣзню, подобную Дамасской. Первымъ прибылъ нашъ военный фрегатъ „Илья Муромецъ“ и своими громкими салютами городу заставилъ мусульманъ, точившихъ ножи, призадуматься. Они притихли, а христіане подняли головы.

Павловъ, въ то время уже редакторъ журнала „Наше Время“ (съ 1857 г.), предложилъ мнѣ ѣхать его корреспондентомъ на востокъ. Дѣлать мнѣ было нечего: я съ удовольствіемъ согласился. Море, которое я зналъ до тѣхъ поръ только по рейду

Севастополя, произвело на меня неслыханно пріятное впечатлѣніе, когда явилось предо мною во всей своей красѣ и величіи. Я почти не сходилъ съ палубы отъ Одессы до Константинополя и потомъ отъ Константинополя до Александріи. По счастью, я не страдаю отъ морской болѣзни, а потому никакое волненіе въ морѣ, никакіе шквалы не могли парализовать моихъ наблюденій.

Не малый интересъ возбуждало во мнѣ еще одно лицо, постоянно бродившее взадъ и впередъ по палубѣ: это былъ нашъ лоцманъ, родомъ грекъ, старикъ громаднхъ размѣровъ, по фамиліи Сбарбори, когда-то въ 1820-хъ годахъ морской разбойникъ, безъ жалости душившій турокъ и кого придется, въ Архипелагѣ и Черномъ морѣ. Онъ сдѣлалъ себѣ огромное состояніе—чисто однимъ грабежомъ, вѣремя забастовалъ—и сталъ

„Одессы житель мирный
И очень добрый человекъ“.

Такія лица встрѣчаются нерѣдко во всѣхъ южныхъ портахъ Европы. Кажется, всего болѣе ихъ въ Одессѣ. Упоминаемый Пушкинымъ „сынъ Египетской земли, корсаръ въ отставкѣ, Морали“—историческое лицо, чуть-ли не живущее дониндѣ (1884 г.) въ Одессѣ, гдѣ онъ пристроилъ очень выгодно своихъ дочерей, а сыновьямъ далъ серьезные капиталы. Я зналъ одного изъ его внуковъ, гусара, который получалъ 300.000 рублей ежегоднаго дохода.

Не знаю, какъ велъ и ведетъ себя этотъ „Пушкинскій корсаръ въ отставкѣ“, а Сбарбори ни отъ кого не скрывалъ своей старинной разбойничьей профессіи. Иногда, въ Архипелагѣ, онъ показывалъ намъ пещеры на островахъ, гдѣ его товарищи по ремеслу вмѣстѣ съ нимъ дѣлили между собою, фесками, награбленное золото. Что это былъ за человекъ, что за грудь, что за плечи, что за руки! Только съ такимъ истинно-богатырскимъ тѣлосложеніемъ можно было вынести все то, что онъ вынесъ, спать на мокрой землѣ, на камняхъ, гдѣ притенулся, и никогда не простужаться, не звать никакихъ нашихъ недуговъ. Ему было тогда уже 90 лѣтъ, но онъ смотрѣлъ бравѣе многихъ 20-лѣтнихъ юношей и лучше всѣхъ на пароходѣ видѣлъ вдаль. Еще никто ничего не видитъ, а ужъ онъ рассказываетъ очертанія

явившихся на горизонтѣ острововъ, которые съ каждой минутой становятся яснѣе и яснѣе и, наконецъ, убѣждаетъ всю команду парохода, что старикъ не вретъ.

Когда онъ дремалъ въ своей каютѣ, туда уже не входили: въ воздухѣ стояло густое облако такихъ испареній, какъ въ влѣткѣ спящаго носорога или бегемота.

Само собою разумѣется, что Сбарбори не имѣлъ никакой надобности служить лопманомъ: у него, какъ говорили, въ однихъ Аѳинахъ было семь каменныхъ домовъ, да сколько-то въ Одессѣ. Онъ былъ лопманомъ единственно отъ тоски по морю. На землѣ ему было невыносимо скучно.

Первыя впечатлѣнія востока, его особенная природа, пестрота, свободныя одежды жителей, болѣе всего—Константинополь съ его оригинальными зданіями, раскинутыми на нѣсколькихъ холмахъ, съ его красивыми мечетями и минаретами, рѣзко отдѣляющимися отъ синяго, безоблачнаго неба, роскошные платаны, акаціи, кипарисы, Босфоръ съ кораблями и тысячи кайковъ, съ красивыми атлетами, ребятами—заглядѣнье! первыя впечатлѣнія всего этого были для меня благопріятны, но потомъ, когда я началъ мало-помалу приподнимать разныя завѣсы — неизлѣчимая, несмываемая никакими морями въ продолженіе многихъ вѣковъ грязь востока ярво предо мною обнаруживалась. Я вспомнилъ слова Грановскаго, когда мы разъ заговорили о востокѣ: „что, батюшка, была всегда грязь въ самой глубокой древности, и теперь грязь—и едва-ли ее когда-нибудь отмоютъ!“

Плыветь съ вами богатый паша, немилосердно грабящій свой пашалыкъ, у кого денегъ, что называется куры не вкуютъ, паша, значить всетаки хоть и турецкій да генераль—и не стыдится имѣть билетъ 4-го класса, толочься между всякимъ простымъ людомъ, ѣсть грошовую соленую рыбу и всякую дрянъ, за которою посылаетъ на берегъ чубукчи, т. е. подавателя трубокъ, когда пароходъ бросаетъ у какого-нибудь порта яворь. Чубукчи покупаетъ два обѣда (т. е. рыбу, какой-нибудь зелени и сладкую лепешку) для барина и для себя и тутъ-же вмѣстѣ ѣдятъ, только по разнымъ угламъ. И кто этотъ баринъ, этотъ паша, этотъ генераль? — это точно такой-же чубукчи, только прошедшій разныя ступени турецкой службы.

Нашъ кайфскій консулъ рассказывалъ мнѣ такую исторію,

совершившуюся у него на глазахъ. У Джебзаръ-паши Сенъ-Жанъ-д'Акрскаго (извѣстная крѣпостца, которую бралъ Наполеонъ I и сръзался,—тогда-то и царствовалъ тамъ свирѣпый Джебзаръ-паша) былъ ловкій и расторопный чубукчи Мехметъ, который, подавая поминутно чубуки своему повелителю, зналъ всегда расположеніе его духа и направлялъ къ нему просителей въ такое время, когда они могли болѣе выиграть. Разумѣется, просители благодарили за это услужливаго чубукчи. Лѣтъ черезъ пять онъ сбиль себѣ такимъ образомъ изрядный капитадецъ—и купилъ на него у своего барина, Джебзаръ-паши, мѣсто мудира (нѣчто въ родѣ городничаго) въ мѣстечкѣ Кайфѣ, лежащемъ въ двухъ часахъ ѣзды отъ Акры. Грабилъ жителей не на животъ, а на смерть, сбиль еще капитадецъ, и купилъ у того-же Джебзаръ-паши мѣсто мутскелима, какъ-бы градоначальника, въ Сайдѣ, потомъ тѣми-же путями добрался до мѣста каймакама въ Триполи, т. е. губернатора. Далѣе Джебзаръ-паша вести своего любимца не могъ; мѣста пашей давалъ Константинополь.

Когда Джебзаръ-паша умеръ, бывший его чубукчи Мехметъ отправился въ Константинополь, далъ тамъ кому слѣдовало солидныя взятки не только наличными, но и векселями—и сѣлъ на тронъ своего благодѣтеля. Прибывъ въ Акру, уже какъ паша, онъ смотрѣлъ такимъ оборвышемъ, что ему было неловко вѣхаться въ городъ. Онъ не счелъ нисколько неприличнымъ попросить у своего лакея скюртукъ, который былъ немного лучше и пригляднѣе барскаго—и въ этомъ лакейскомъ скюртукѣ жители Акры увидѣли впервые своего новаго повелителя. А какихъ нибудь лѣтъ черезъ десятокъ акрскій паша Мехметъ сдѣлался великимъ визиремъ, нося названіе Мехметъ-Кубруски-паша.

И давно-ли все это было! Лѣтъ 20 назадъ. Что-же за мудрость, если Турція управляется неслыханно дурно, если она давно получила прозвище „больнаго человѣка“, если она теряетъ поминутно область за областью, если Европа не хочетъ знать объ ея существованіи.

Али-паши, Фуадъ-паши, Даудъ-паши... это неслыханно рѣдкія исключенія, турки, не то черкесы, воспитанные въ Парижѣ. Они имѣютъ кое-какой европейскій досвъ, они ѣздятъ въ первомъ классѣ, они опрятны. А если-бы вы посмотрѣли, какимъ поло-

тенцемъ обтираетъ свои руки любой паша на востокѣ: дамасскій, бейрутскій, іерусалимскій, умывши ихъ въ чудеснѣйшемъ фонтанѣ, который падаетъ въ еще болѣе чудесный мраморный резервуаръ! Если-бы вы заглянули подъ военный вицмундиръ паши, похожій на казакинъ, всегда сверху донизу застегнутый, но... лучше не заглядывайте!...

Знаменитый Абдель-Кадеръ, французскій плѣнникъ, имѣвшій въ Дамаскѣ большой комфортабельный дворецъ и получавшій отъ французскаго правительства сперва 70,000, а потомъ (съ 1860 до конца жизни, т. е. до 1882) 100,000 франковъ ежегоднаго содержанія, принималъ меня не разъ въ голубомъ истаскапномъ халатѣ и въ этомъ-же халатѣ отправился съ визитомъ къ нашему чрезвычайному комиссару Е. П. Новикову (впослѣдствіи вѣнскому и константинопольскому послу) — и не зналъ, что онъ одѣтъ грязно, какъ послѣдній дамасскій торговецъ. Я видѣлъ его въ отрепанныхъ туфляхъ на босую ногу. Иногда туфли его беспокоили и онъ ихъ сбрасывалъ и сидѣлъ, и ходилъ по комнатѣ босикомъ. Полотенце его, висѣвшее у вѣчно бьющаго фонтана, было ужасно... Я удостоился видѣть даже его женъ: это были простыя рыночныя бабы, нарумяненные, набѣленные, насурмленные. Ни въ одной изъ нихъ не было и напоминанія о красотѣ, а ручки и ножищи совершенно напоминали руки и ноги мѣщанокъ и крестьянокъ нашего захолустья. Вспомнимъ еще, что эти бабы спятъ въ чемъ ходятъ, нисколько не раздѣваясь, иногда въ сорокоградусной жарницѣ... Такъ спить весь востокъ отъ нашего Крыма до Мерва и Туркестана, отъ Константинополя до Судана — и дальше. Я имѣлъ случай въ этомъ не разъ убѣдиться собственными глазами. „Была грязь въ самой глубокой древности, и теперь грязь — и едва-ли ее когда-нибудь отмуютъ!“ говорилъ Грановскій.

Читателямъ, конечно, извѣстно поведеніе нашихъ персидскихъ гостей въ императорскихъ дворцахъ обѣихъ столицъ. Вѣдь шахъ это императоръ и его свита, а чѣмъ они разнятся отъ татарина и его окружавшихъ военачальниковъ?..

Странно! Во всѣхъ большихъ городахъ востока, гдѣ только я останавливался на нѣкоторое время для своихъ наблюдений, какъ корреспондентъ „Нашего Времени“, даже на иныхъ военныхъ и коммерческихъ судахъ, считали меня секретнымъ реви-

зоромъ. Наша русская ревизорская болѣзнь, породившая знаменитаго „Ревизора“ Гоголя—занеслась Богъ-вѣсть какимъ образомъ и на востокъ, разумѣется въ тамошніе русскіе кружки, и въ море. Мнѣ намекали, что я „должно быть ревизоръ“, многія высоко-поставленныя личности. Иные думали, что я корреспондентъ „Колокола“ (бывшаго тогда въ апогеѣ своей силы и славы). Письмо къ Герцену о невѣжливомъ поступкѣ главнаго командира нашей Бейрутской эскадры, такъ называемаго „Морскаго бога“, Ивана Ивановича Шестакова, съ однимъ коммерческимъ судномъ, — приписывалось мнѣ. Герценъ совѣтывалъ ему смирить гордыню и быть со всѣми вѣжливымъ, говоря, что у него имѣется шесть писемъ, о томъ-же лицѣ, которыхъ онъ печатать не станетъ, въ надеждѣ исправленія „Морскаго бога,“ но если онъ не исправится, то они будутъ непременно напечатаны. Изъ Петербурга получено замѣчаніе эскадрѣ. Шестаковъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, даже, какъ говорили офицеры, и какъ это вообще бываетъ, переосилилъ въ нѣжностяхъ, что главному командиру неприлично. .

Авторомъ и этихъ шести писемъ, яко бы лежащихъ въ редакціи „Колокола“, считали тоже меня!... „Морской богъ“ былъ со мною холоденъ.

Главнымъ пунктомъ моего пребыванія на востокѣ я избралъ Бейрутъ, какъ городъ болѣе изобилующій европейцами, гдѣ все можно достать, гдѣ получались всякіе журналы, книги и газеты, съ разными пароходами еженедѣльно. Русскіе пароходы приходили въ двѣ недѣли разъ. Само собою разумѣется, не существовало никакихъ цензурныхъ стѣсненій. Въ иныхъ городахъ не знали даже, что такое паспортъ; продолжались времена Іисуса Христа: можно было ходить толпами и порознь, гдѣ кому угодно, не имѣя при себѣ никакой бумаги. Такъ было въ Дамаскѣ, въ Іерусалимѣ и во многихъ мелкихъ городахъ Сиріи и Палестины. Эти обширныя страны представляли вообще страшную неурядицу и вопіющій произволь высшихъ властей, какого не дай Богъ видѣтъ европейцу даже и во снѣ,—съ другой стороны поражаютъ насъ чрезвычайной свободой жизни, отсутствіемъ многаго дряннаго, что у насъ видишь поминутно на всякомъ шагу, спрашиваешь: какъ это? отчего это? и не можешь разрѣшить этихъ вопросовъ. Паспортовъ нѣтъ,

цензуры нѣтъ, таможенъ нѣтъ (въ большинствѣ городовъ), нищихъ нѣтъ, полиціи нѣтъ, сыщиковъ подавно; впрочемъ, иногда усмотришь одного полицейскаго на всю громадную площадь, гдѣ двигается съ ранняго утра до вечера тысячъ сто человекъ народу. Ни ссоръ, ни дракъ,—толки, оглушительные крики: это обыкновенный разговоръ милыхъ восточныхъ людей. Придешь въ гостинницу—нигдѣ ключей въ двѣряхъ и про воровства не слышишь; бумажныхъ денегъ нѣтъ, серебра и золота гибель; дешевизна поразительная: сутки въ одной изъ лучшихъ гостинницъ Бейрута мнѣ обходились въ семь, восемь франковъ рѣшительно все: большая комната въ 1-мъ этажѣ, постель съ бѣльемъ, прислуга, обѣдъ, чай, кофе, бутылка мѣстнаго вина, бѣлаго или краснаго, по желанію. Въ Іерусалимѣ тоже самое обходилось 11 франковъ въ самой лучшей англійской гостинницѣ.

Меня въ особенности занималъ вопросъ о нищихъ во все время пребыванія моего на востокѣ: куда дѣваются тамъ нищихъ? Какъ на 200,000 населенія нѣтъ ни одного нищаго? *à la lettre!* Такъ я и не разрѣшилъ этого вопроса. Въ Іерусалимѣ и окрестностяхъ массы молящихся и воздыхающихъ къ небу европейцевъ (болѣе всего русскія барыни) расплодили не нищихъ, а попрошаекъ: здоровый, молодой, хорошо одѣтый балбесъ приважится иногда къ вамъ и напѣваетъ: бавшишь! (т. е. дай что-нибудь). Иногда цѣлая улица такихъ балбесовъ грянетъ хоромъ, когда вы ѣдете: „бавшишь!“

Но это шалости, къ которымъ никто не относится серьезно.

Что касается юридическихъ вопросовъ—тутъ тоже патриархальное состояніе временъ Іисуса Христа. Я посѣщалъ суды, (мировые), бывалъ на ихъ засѣданіяхъ и никогда не видалъ законовъ; никто изъ судей не справлялся ни съ одной книгой. Бывъ у старшаго кадія (судьи) въ Іерусалимѣ, я спросилъ у него: „сколько у васъ томовъ въ сводѣ законовъ?“ Это его сильно озадачило. „Много, очень много!“ отвѣчалъ онъ потомъ.— „Да какъ много? десять, двадцать? мнѣ не нужно опредѣленную цифру, скажите приблизительно.“—Онъ повторилъ ту-же самую фразу: „много, очень много!“—Покажите мнѣ хоть одинъ томъ,—но въ квартирѣ старшаго судьи Іерусалима не оказалось ни одного тома законовъ.

Наши правительственныя лица въ Бейрутѣ: милѣйшій и

чудеснѣйшій генеральный консулъ Сиріи и Палестины Бегеръ, его секретари Гладкій, потомъ Оберъ-Миллеръ, чрезвычайный комиссаръ Новиковъ, его секретарь Ону и докторъ Быковъ отнеслись ко мнѣ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Вскорѣ устроилось, что мы не могли прожить другъ безъ друга, всѣмъ кагаломъ (вромѣ Быкова, который почему-то не вязался къ нашей компаніи) ни одного дня. Сегодня обѣдали у Новикова и естественно просиживали вечеръ (такъ какъ самый обѣдъ начинался уже вечеромъ въ 8 часовъ). Иной разъ пили чай въ первомъ часу ночи — и всѣ мужчины провожали меня до гостиницы Андре, на берегу моря, зачастую безъ шапокъ, среди спящаго Бейрута, когда по улицамъ не двигалось формально ни души. Если была лунная ночь — мы сбивали камнями гирлянды кактусовъ, виснувшіе надъ моремъ. Камни собирали для насъ слѣдовавшіе сзади кавасы, — парадные слуги консуловъ и комиссаровъ, въ золотыхъ курткахъ, съ пистолетами и ятаагнами за поясомъ — остатокъ янычарскихъ временъ Турецкой имперіи. На завтра — та же исторія у генерального консула: обѣдъ, чай, прогулка; разумѣется, бывали дни, когда такія собранія, вслѣдствіе дурной погоды или другихъ какихъ-либо причинъ, не устраивались; слѣдовалъ промежутокъ. Въ особенности осень и зима (когда въ Сиріи идутъ проливные дожди) положительно разстроивали наши дружескія сходки.

Супруга Новикова, урожденная Титова, тогда еще очень молодая, 19-лѣтняя красавица, — была душею нашего кружка, почти всегда въ соединеніи съ женою одного турецкаго доктора, Песталоцци, родомъ итальянца. Эта милая особа, по происхожденію французенка, какъ-то давно пристроилась къ русскимъ. На публичныхъ балахъ и маскарадахъ, которые время отъ времени давались разными высокими лицами въ Бейрутѣ, Новикова и Песталоцци были постоянно первыми дамами: всѣхъ красивѣе, всѣхъ лучше и съ большимъ вкусомъ одѣты. Въ особенности я не могу забыть бала на одномъ изъ флагмановъ, какъ будто англійскомъ. (Флагманъ старшій и самый большой корабль или фрегатъ эскадры). Присутствіе моря, лежавшаго кругомъ темною необъятною равниной; волшебное отраженіе въ немъ тысячи огней, горѣвшихъ на флагманѣ и другихъ судахъ, а тутъ Ливанъ, съ тонущей въ небесахъ снѣжной вер-

хушкой, блестящей подъ лучами мѣсяца, и наконецъ музыка, звучащая какъ-то иначе надъ водою, нежели она звучитъ надъ землею — и носящіяся по широкой, ярко-освѣщенной палубѣ, вокругъ мачтъ, пары танцующихъ—производили чарующее впечатлѣніе...

Памятенъ мнѣ также пикникъ нашего кружка на Собачьей рѣчкѣ (Нахыр-эль-Келябъ), за уступами Ливана, гдѣ на одномъ еще вырѣзанъ барельефъ какого-то персидскаго царя.

Я не хочу повторять моихъ разсказовъ о поѣздѣ въ Дамаскъ, въ Сайданайю, въ Кайфу, въ Назаретъ, Неплугъ, Сайду, Суръ (Сидонъ и Тиръ), Джунъ (съ развалинами дома леди Стенгопъ, гдѣ былъ у нея Ламартинъ, въ 1833 году); на берега Иордана и Мертваго моря; въ Годулламскія пещеры, къ бедуинамъ, не стану говорить подробно объ Иерусалимѣ и его окрестностяхъ: все это давно напечатано отчасти въ „Нашемъ Времени“, отчасти въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ и отдѣльно, между 1860—1862 годами.

Въ послѣднемъ 1862 году, живя въ Иерусалимѣ, я прямо не зналъ, что мнѣ съ собой дѣлать. Дни проходили за днями незамѣтно. Не смотря на то, что Иерусалимъ самъ по себѣ скучнѣйшій въ мірѣ городокъ, въ немъ можно не скучать, устройвъ хорошій кружокъ знакомыхъ и дѣлать съ ними экскурсіи по окрестностямъ пѣшкомъ и верхомъ. Всегда найдется что-нибудь видѣть новаго, невиданнаго, хотя казалось передъ тѣмъ, что все пересмотрѣно. На иное можно смотрѣть 5, 10, 20 разъ... и не будетъ скучно. Памятники, оставленные тамъ древностію, изумительны: эти чудесные, гранитные водопроводы, не знающіе никакой починки тысячи три лѣтъ сряду; эти цистерны, питающіе городъ и окрестности, эти такъ называемые „пруды Соломона“—три водныя большія равнины, заключенныя въ каменные резервуары—живыя, свѣжія, точно сдѣланныя только вчера... стоишь и думаешь, отчего-же это мы не можемъ сдѣлать ничего такого, чтобы черезъ мѣсяць не перестраивать, не переправлять, мы—снабженные всею мудростію новѣйшихъ открытій и науки?...

Мнѣ пришло, наконецъ, въ голову написать письмо къ алжирскому охотнику за львами, Жюль-Жерару, который вызывалъ печатно желающихъ быть ему товарищами въ странствіяхъ по африканскимъ пустынямъ: я написалъ ему, что если онъ

хочетъ имѣть меня товарищемъ, то увѣдомилъ-бы, гдѣ и какъ я могу его найти и какимъ штуцеромъ я долженъ заpastись.

Вдругъ получается въ Іерусалимѣ извѣстіе, что поляки стрѣляли по Е. И. В. великому князю Константину Николаевичу.

Смута въ Польшѣ была мнѣ ближе африканскихъ львовъ и неопредѣленныхъ, отъ нечего дѣлать, скитаній по Сахарѣ. Я быстро собрался и уѣхалъ въ Россію слѣдить за важными событіями, важнѣйшей изъ нашихъ окраинъ, событіями, которыя съ каждымъ днемъ пріобрѣтали болѣе и болѣе серьезный и угрожающій характеръ. О томъ, что я буду когда-нибудь историкомъ этихъ событій, я въ то время не могъ и думать.

Петербургъ, гдѣ я скоро очутился, по крайней мѣрѣ тамошняя пресса и отчасти интеллигенція только и говорили о движеніи на западѣ. Пахло чѣмъ-то нездоровымъ. Двѣ газеты („Петербургскія Вѣдомости“ и „Голосъ“) стали меня упрашивать отправиться въ Варшаву и писать обо всемъ, что я увижу и услышу. Налеганія увеличились, когда послѣдовалъ взрывъ (2/1, января 1863 г.). Я склонился на сторону первой газеты, такъ какъ редакторъ ея былъ мой старый пріятель и товарищъ по воспитанію. Къ тому-же эта газета стояла на твердыхъ ногахъ, между тѣмъ какъ „Голосъ“ даже еще не родился, а только собирался родиться, хотя по ловкости въ издательскомъ дѣлѣ А. А. Краевского можно было ручаться чѣмъ угодно, что его газета въ самомъ дѣлѣ родится и будетъ газета большая и видная.

Корреспонденты были дѣломъ очень новымъ, въ Россіи незнакомымъ. Откуда ихъ было брать? Особенно ѣхать въ Польшу немного находилось охотниковъ. На первыхъ порахъ довольно долго я былъ совершенно одинъ, писалъ съ плеча, не оглядываясь, и едва не уѣхалъ изъ Варшавы съ жандармами. Прибывшій лѣтомъ корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“, Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ (тогда молодой артиллеристъ, впоследствии предсѣдатель комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Плоцкѣ и, наконецъ, послѣ 1868 года помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, по протекціи Каткова) скоро увидѣлъ себя въ такихъ невыгодныхъ для корреспондента условіяхъ, что бѣжалъ самъ, никѣмъ не преслѣдуемый, или очень мало.

Мнѣ удалось просидѣть довольно спокойно до дней намѣстничества графа Берга, говорю: довольно спокойно, потому что различныя ищейки, бѣгавшія за мною по слѣдамъ, не только въ Варшавѣ, но и въ Краковѣ (куда я временно переѣзжалъ для ближайшихъ наблюденій за ходомъ возстанія), были очень неловки и безтолковы, и я могъ ими нисколько не заниматься. Къ тому-же никакихъ серьезныхъ грѣховъ я за собою не зналъ. Видаюсь съ повстанцами, я велъ себя съ ними постоянно какъ русскій патриотъ и въ откровенныя минуты указывалъ имъ пропасть, къ которой они шли, очертя голову, слушая праздныя навѣты эмиграціи, сбитой съ толку Пале-Роялемъ, но говорить съ ними тогда была пустая потеря времени. Все угорѣло, все было полно рѣзкими, ни съ чѣмъ несообразными надеждами и фантазіями... Я боюсь однако впасть въ повторенія: обо всемъ этомъ столько уже было написано и теперь (1884 г.) пишется....

Я расскажу только малоизвѣстное для читателей или, точнѣе сказать, вовсе неизвѣстное: исторію о томъ, какъ писалась исторія. Пусть мои любезные соотечественники узнаютъ, какъ у насъ трудно иногда дѣлать инья очень простыя вещи, по приглашенію самаго высокаго лица въ краѣ, повидимому при полной его помощи. Пусть тѣ изъ писателей, кто очутится какъ-нибудь въ моихъ условіяхъ—составителя исторической записки для начальника области, прочитаютъ эти строки и примутъ въ соображеніе все, случившееся со мною между 1864 и 1868 годами и^тд. позже.

Н. В. Бергъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА РЕКТОРА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ

ТЕДОРА ИВАНОВИЧА ЮРДАНА

1800 13-го АВГУСТА РОД. 1883 ГГ.
УМ. 19-го СЕНТЯБРЯ

„Русская Старина“, представляя пантеонъ достопамятныхъ дѣятелей, потрудившихся на всевозможныхъ поприщахъ для славы и величія Россіи, — представила, между прочимъ, длинный рядъ художниковъ, прославившихъ наше Отечество въ различныхъ областяхъ искусства.

Читатели нашего изданія видѣли на его страницахъ высокаго интереса сказанія о жизни и трудахъ—такихъ великихъ художниковъ, каковы—И. Б. Айвазовскій, А. Г. Венеціановъ, А. Л. Витбергъ, Ө. Г. Солнцевъ, М. И. Глинка, А. С. Даргомыжскій, А. Г. Рубинштейнъ, А. Н. Сѣровъ, О. А. Петровъ, В. В. Самойловъ, Никулина-Косицкая, И. И. Сосницкій, М. С. Щецкинъ, Л. А. Сѣряковъ, П. Ө. Соколовъ (акварелистъ), графъ Ө. П. Толстой и многихъ другихъ, — сказанія тѣмъ болѣе драгоцѣнныя, что таковыя начертаны самими этими дѣятелями.

Съ величайшимъ удовольствіемъ мы помѣщаемъ нынѣ на страницахъ нашего изданія автобіографическія, собственноручно написанныя, записки славной, доброй памяти художника Өедора Ивановича Юрдана.

Превосходный граверъ на мѣди, профессоръ, ректоръ Императорской академіи художествъ, этотъ благородный труженикъ безпрѣлно любилъ искусство. Онъ трудился для него съ рѣдкимъ, нынѣ съ невѣдомымъ, самоотверженіемъ, обрекая себя въ годы молодости, ради любви къ искусству, многолѣтнимъ, едва вѣроятнымъ, лишеніямъ. Высоконравственный, душею чистый, незлобивый, вѣчно веселый, шутливый и добродушный, Өедоръ Ивановичъ до маститой старости былъ сердечно любимъ и уважаемъ всѣми, кто только имѣлъ удовольствіе его знать... А его знали многіе и очень многіе... Великій Гоголь всегда признавалъ въ Юрданѣ одного изъ ближайшихъ и особенно симпатичныхъ ему друзей...

И вотъ этотъ истинно славный старикъ взялся въ 1875-мъ году, — уже на восьмомъ десяткѣ своего возраста, — за перо, и въ двухъ объемистыхъ книгахъ (1-я въ 4-ю д., а 2-я въ 6. листъ) описалъ собственноручно свою жизнь; рассказалъ весело, добродушно, искренно — и вышелъ этотъ рассказъ не только интересенъ, не только необыкновенно живъ, но и въ высокой степени, въ особенности для нашихъ художниковъ, поучителенъ.

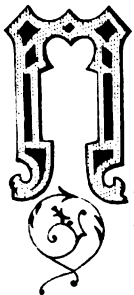
Написаніе этихъ записокъ вызвано у Өедора Ивановича, какъ онъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ, нѣжною любимою имъ супругою Варварою Александровною, которая въ теченіе болѣе нежели четверти вѣка (1856—1883 гг.) была истиннымъ его ангеломъ-хранителемъ.

Варварѣ Александровнѣ „Русская Старина“ обязана тѣмъ, что можетъ подѣлиться съ своими читателями любопытными записками Өедора Ивановича Юрдана—этого истинно славнаго отечественнаго художника.

Записки эти впервые появляются въ печати и ни одного отрывка изъ нихъ не было доселѣ издано ¹⁾.

Ред.

¹⁾ Некрологи и очерки жизни Ө. И. Юрдана напечатаны въ слѣдующихъ изданіяхъ: въ „Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ“ 1884 г. — обширная и очень хорошо составленная, по документамъ архива академіи художествъ, статья Н. П. Собко: „Жизнь и произведенія гравера Ө. И. Юрдана“, Спб. 1884 г., оттискъ, стр. 122. Некрологи Ө. И. Юрдана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1883 г., книга ноябрь, стр. 448—450; — „Художественныя Новости“ 1883 г., № 19, 1-го октября, стр. 573—576; — „Всемирная Иллюстрація“ 1883 г., № 15, октября 1-го, стр. 262—263; — „Новое Время“ 1883 г.; — „Русскій Архивъ“, 1883 г., стр. 391—393; — „Нива“ 1883 г., № 43, стр. 1034—1035.

о просьбѣ милой моей жены Вари эта книженка составляетъ эскизъ моей трудолюбивой жизни, въ которой, за старостію моихъ лѣтъ, многое забыто и пропущено.

1875 г.

Федоръ Іорданъ.

I.

(Писано февраля 1875 г.).

1800 годъ. По просьбѣ милой жены моей Варвары Александровны, урожденной дѣвицы Пущиной, которая не разъ слышала мои рассказы о моей молодости (и просила) записать ихъ, для чего она купила даже сію тетрадь,—снисходя на ея просьбу, на семидесятипятилѣтнемъ моемъ возрастѣ начну припоминать самый мой ранній возрастъ.

Родился я въ городѣ Павловскѣ, 13 августа 1800 года отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ мой Иванъ Федоровичъ родомъ былъ изъ Брауншвейга, по мастерству придворный обойный мастеръ; мать моя, урожденная Мертенсъ, дочь придворнаго столъра, вступила въ бракъ будучи вдовою учителя перваго кадетскаго корпуса Мало, и, имѣя двухъ сыновей, она вышла замужъ за И. О. Іордана, отъ котораго имѣла семь человекъ дѣтей, и я въ числѣ ихъ былъ третій. Матушка вторично овдовѣла, когда мнѣ былъ восьмой годъ.

1808 годъ. Оставшись въ крайней бѣдности при большомъ семействѣ, первое образованіе получилъ я въ г. Павловскѣ, въ тамошней народной школѣ у г. Бѣляева, гдѣ ученіе состояло

большую часть из учения чтению, правописанию на одном русском языке и затѣмъ (ученики занимались) игрою въ снѣжки.

Въ это время городъ Павловскъ находился въ патриархальномъ состояніи. Онъ былъ въ видѣ большой деревни или нѣмецкаго городка; всѣ зданія были казенныя, деревянныя, всѣ одной архитектуры, и все это заселено было нѣмецкими мастерами, которыхъ Павелъ I выписалъ изъ Германіи при постройкѣ города Павловска, кромѣ ихъ — чиновниками и придворными служителями.

Въ Павловскѣ въ отличномъ паркѣ красовался дворецъ архитектуры г. Камерона, затѣмъ православная церковь съ отличнымъ иконостасомъ живописца Кадеса, лютеранская церковь съ пасторомъ Зе́йдеромъ, которому въ царствованіе Павла I-го, имѣя у себя запрещенную книгу, присуждено было варварское наказаніе: три удара кнутомъ¹⁾, и наконецъ въ Павловскѣ имѣлась крѣпость. Всѣ эти зданія были каменныя и существуютъ по сей день. Чиновный народъ былъ въ высшемъ уваженіи, и между ними главную роль игралъ Р. И. Крузе — совѣтникъ правленія. При встрѣчѣ съ нимъ и передъ его домомъ народъ, особенно нижніе чины, проходя снимали шляпы. Нѣмцы же мастерские всѣ жили между собою и имѣли тотъ обычай: по утрамъ дѣлать визитъ своимъ знакомымъ, а хозяева подчивали ихъ водочкою, и если кто явится къ своему пріятелю послѣ сдѣланныхъ шести визитовъ, то онъ едва говорить и вашу седьмую всетаки выпьетъ. Это бывало весьма часто съ моимъ дядею Асмусомъ, который намъ дѣлалъ, какъ бѣднымъ, всегда послѣдній визитъ, и матушка всегда сердилась, что у него едва поворачивался языкъ и нельзя было понять его разговора. Вообще эти поселенцы нѣмцы любили русскую водку, въ числѣ ихъ и мой покойный отецъ.

Самые задорные между ними были: столяръ Блюмертъ и булочникъ Рей. Они отличались въ лютеранской церкви своими голосами: одинъ — сильнаго альты, а Рей сугубымъ басомъ.

¹⁾ О пасторѣ Зейдерѣ и его дѣлѣ см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г., т. XXI и т. XXII; изд. 1879 г., т. XXIV.; изд. 1882 г., т. XXXIII. Портретъ пастора Зейдера при XXI-мъ томѣ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г.

Между православнымъ духовенствомъ русскіе и нѣмцы любили протоіерея отца Димитрія. Онъ служилъ внятнымъ голосомъ басомъ, только трепещущимъ отъ сильнаго употребленія алкоголя. Бывало наступать торжественные праздники Рождества и Пасхи, всѣ жители съ удовольствіемъ принимаютъ его съ крестомъ и святою водою, и всѣ подносятъ ему заздравную и праздничную рюмочку, такъ что къ вечеру святой отецъ съ дьячкомъ лежатъ гдѣ-нибудь въ ямѣ на снѣгу или въ грязи; утромъ же идетъ всеобщая молва, что духовные люди вчерашній вечеръ валялись тамъ-то. Изъ любви къ нему никто его не осуждалъ, находили, что такъ слѣдовало и должно быть. И пасторъ въ свою очередь, имѣя подѣ своимъ вѣдѣніемъ двѣ церкви и въ Гатчинѣ, и въ Павловскѣ, живя въ Гатчинѣ, онъ черезъ четырнадцать дней пріѣзжалъ въ Павловское и здѣсь по пріѣздѣ онъ обходилъ своихъ лютеранъ, выжидая всюду стаканъ пунша; къ вечеру онъ также былъ готовъ.

Это было 25 декабря 1808 года, сколько могу припомнить, среди вечерняго разгара игры въ снѣжки, моя матушка выбѣгаетъ на дворъ и зоветъ меня къ умирающему отцу, который, кажется, страдалъ водяною.

1809 годъ. И какъ теперь припоминаю, мы, дѣти, стояли на колѣняхъ у кровати; отецъ насъ благословилъ, и затѣмъ припоминаю черный лакированный гробъ съ желѣзными головками ангельчиковъ на крышѣ.

При нашей бѣдности кормленіе дѣтей было: кислое молоко и гречневая крутая каша.

Затѣмъ начались хлопоты размѣщать насъ сиротъ. Старшую сестру отдали въ Маріинскій институтъ, старшаго же брата Александра обучать золотыхъ дѣлъ мастерству, а я на слѣдующій 1809 годъ, по повелѣнію императрицы Маріи Ѳеодоровны, отданъ былъ въ Академію художествъ.

II.

Не могу забыть того дня, когда я впервые расстался съ нѣжно любящею матерью и пріѣхалъ, 6-го января, утромъ рано, въ Петербургъ. По случаю праздника Богоявленія всюду стояли войска; припоминается тотъ трудъ и крикъ на моего вощика, который съ своею кибиткою долженъ былъ пробираться въ Малую Милліонную, гдѣ жилъ мой дядя—братъ моей маменьки И. И. Мертенсъ, гдѣ по пріѣздѣ его жена и отвезла меня въ Академію. Здѣсь живо припоминаю себѣ огромный рекреационный залъ, полонъ стоячей пыли отъ шума и гама вновь принятыхъ учениковъ. И чтобъ малютку новичка развлечь отъ грустной разлуки съ родителями, намъ давали листы бумаги и заставляли дѣлать пѣтушковъ и хлопушекъ. Среди насъ расхаживалъ и веселилъ дѣтей незабвенный въ будущемъ времени гувернеръ и учитель, ученикъ старшаго возраста Александръ Савельевичъ Кондратьевъ. Этотъ А. С. Кондратьевъ былъ самая интересная личность во все долговременное мое пребываніе въ Академіи. Безъ всякихъ данныхъ по наукамъ и художеству онъ былъ лучший учитель русскаго языка и ариметики. Какъ гувернеръ онъ былъ строгъ, и всѣ любили его. Онъ составлялъ главное звено между учителями и гувернерами, всѣ старались ему угождать и его рекомендательное слово имѣло всегда желанный успѣхъ. И этотъ-то гувернеръ былъ среди насъ, игралъ съ нами, бѣгалъ и заставилъ на время забыть насъ, мальчугановъ, о временной потерѣ родителей. И когда эта бѣготня кончилась, а съ ней и день, и насъ привели въ спальню, тутъ я почувствовалъ всю разлуку и, закрывшись одѣяломъ, долго и горько плакалъ. Мало по малу я началъ свыкаться съ своею участію и съ перваго же времени началъ шалить и лѣниться и быть въ числѣ слабыхъ учениковъ. Матушка пріѣзжала въ городъ и навѣщала меня разъ или два въ годъ, надѣлая изъ крайне скуднаго кошелька двугривеннымъ.

Въ числѣ моихъ товарищей были впоследствии знаменитые братья Брюлло, Карлъ и Александръ, старшій же братъ ихъ, Федоръ, былъ девятью годами ихъ старше и былъ уже въ четвертомъ возрастѣ, т. е. на выпускѣ изъ Академіи, и

онъ былъ крайне привязанъ къ своимъ братьямъ. Всѣ рекреационные часы онъ проводилъ съ ними. Впослѣдствіи эти младшіе братья превзошли его и талантомъ, и средствами, но мало было въ нихъ видно благодарности.

Между нашими гувернерами и учителями, кромѣ ихъ слабыхъ знаній, отличались странностями: Сер. И. Шипмаревъ съ розовымъ лицомъ и съ большимъ наростомъ на носу, ходилъ въ парикъ и имѣлъ шляпу, которая покрывала у него только маковку головы, съ малою камышевою палкою въ рукѣ, которою онъ былъ мальчугана какъ-то неожиданно, скрывая ее за спиною; училъ онъ первоначальной грамотѣ русскаго языка и вызывалъ къ себѣ во время классовъ для чтенія; мы не столько смотрѣли на строки, сколько на движеніе его камышевки и готовились прежде, чѣмъ слѣдовало, защищать себя локтемъ отъ ея удара.

За нимъ шелъ злой нѣмецъ Голандо — учитель нѣмецкаго языка и гувернеръ. Онъ кормилъ насъ сильными оплеухами и любилъ сѣчь учениковъ ради развлеченія и нѣкотораго удовольствія. Онъ былъ малаго роста и съ выпуклыми зрачками. Какъ нѣмецъ, я сидѣлъ у него въ классахъ вторымъ; прослушивая учениковъ чтеніе, онъ сидѣлъ ко мнѣ задомъ. Въ зимнее время однажды, имѣя передъ собой двойной шандаль съ сальными свѣчами, развлекая свою лѣнность, я любилъ дѣлать данное мною названіе „жаркое“, т. е. взявъ щипцы, которые были весьма часто полны выгорѣвшей свѣтильни отъ частаго спиманія со свѣчи, клалъ въ нее куски оплывшаго сала и, смѣшавъ все это со слюною, жарилъ это на свѣчкѣ. Начиналось кипѣніе и трескъ, затѣмъ сильный смрадъ, и въ это-то время мой Голандо оборачивается, изъ злости даетъ (мнѣ) оплеуху и плетъ за розгами и мнѣ за эту глупость согрѣваютъ з.....

Послѣ Голандо слѣдуетъ учитель французскаго языка М. И. Тверской, рѣдкій примѣръ лѣнности. Во время рекреации и ученья онъ все что-то пѣлъ про себя невнятно. Мы ничему не учились. Страсть его была собирать валяющееся желѣзо; каждое отдѣленіе учениковъ держало наготовѣ фунтикъ всякой желѣзной дряни: это онъ зналъ и когда ему передавали втихомолку, что собрано довольно, онъ тотчасъ пугалъ насъ, что въ слѣдующій разъ онъ будетъ насъ экзаменовать.

И такъ какъ Тверской ничему не училъ, значить, мы ничего и не знали и боялись его тяжелыхъ пощечинъ. Когда же являлся избранный одинъ изъ нашихъ товарищей и подносилъ ему фунтикъ съ гвоздями, пуговицами и всякою металлическою дрянью, учитель серьезно принималъ, и назначенный день экзамена проходилъ у него гуляніемъ по корридору, и всегда онъ что-то поддѣлывалъ про себя, держа руки на спинѣ.

Учитель русской словесности былъ оригиналь Ег. Мат. Предтеченскій, сухой, молчаливый, одѣтый оригинально: голова покрыта высокою стоячею фуражкой, сѣрый былъ на немъ капотъ въ видѣ пальто, а не шинель, съ стоячимъ зеленымъ воротникомъ, который онъ никогда не снималъ, такъ что онъ, казалось, приросъ къ нему. Въ пальцахъ держалъ онъ всегда щепотку табаку и удрученный какою-то завѣтною мыслию, по временамъ, онъ осторожно прикладывалъ щепотеу къ носу и, какъ говорится, на долгихъ втягивалъ въ носъ.

Все время моего ученья въ Академіи Предтеченскій ничего не дѣлалъ, все время не оставляя своего сѣраго капота и зеленой стоячей фуражки; у него была засѣвши какаят-то мысль, которая съ нимъ и осталась неразгаданною, насъ-же ничему не училъ и, Боже избави, кому приходилось провиниться и быть имъ наказану, засѣлалъ ученика до полусмерти; руку имѣлъ желѣзную и носилъ на себѣ отпечатокъ тупоумія и съ нимъ гордости.

Однимъ словомъ, въ наше время въ академіи художествъ совершенный былъ недостатокъ въ должныхъ учителяхъ и оно происходило отъ скудности содержанія и отъ примѣрнаго своеволія учениковъ. Казалось, что порядочные люди страшились поступать въ академію. Драки и пьянства были въ ней—дѣянія обыкновенныя.

Старшій классъ объявлялъ войну младшимъ и мы, низшіе классы, съ ужасомъ шли за нуждою, проходя по нескончаемымъ съ едва мерцающимъ отъ тусклаго огня корридорамъ, въ которыхъ старшіе ловили мальчиковъ и били безъ всякой причины. Равномѣрно гувернеры и учителя наказывали дѣтей безъ всякой вины, пользуясь только своимъ правомъ наказывать. Къ тому могу привести слѣдующій примѣръ: однажды, оставаясь на праздникахъ въ академіи, я сдѣлалъ, какъ маль-

чишка, изъ свернутого куска бумаги видъ сигары и куриль, или лѣнясь въ классахъ, имѣи товарищемъ добраго ученика Душинскаго, мы для развлечения, держа ноги въ ящикахъ стола и скинувъ башмаки, щекотали извѣстное число одинъ у другаго подошву ноги. Пришла моя очередь, и я замѣтилъ, что достигъ отъ щекотанья своей цѣли, и онъ отъ щекотанья едва удерживался, какъ вдругъ не удержавшись. Это произвело на весь классъ сильный эффектъ: сдѣлалась тишина, всѣ товарищи обратились къ намъ, я же съ Душинскимъ углубились совершенно въ книги, какъ самые прилежные. Какъ скоро эта минута общаго удивленія, а затѣмъ смѣха прошла, учитель спрашиваетъ: кто это сдѣлалъ? Узнаеть причину, и за эти оба совершенно невинные случаи приходилось ложиться на скамью и получать тѣлесное наказаніе.

Даже учителя по спеціальной части художества, рисованья, и тѣ были всѣ оригиналы, начиная съ самаго старшаго Дмитрія Мироныча Ушакова, въ высшей степени бѣдняка; нѣкогда одинъ изъ лучшихъ учениковъ академіи, перваго выпуска послѣ ея основанія, онъ являлся къ намъ въ классы изъ Гавани въ изорванной плисовой шубѣ, въ малиновомъ сюртукѣ самаго грубаго сукна, съ сайкою въ карманѣ, которую потомъ дѣлилъ ученикамъ для стирки краснаго карандаша. Въ зимнее время онъ (бывало) явится за часъ до классовъ и, сидя на послѣднихъ пустыхъ скамейкахъ, отъ скуки пріуснетъ и захрапитъ, мы-же шалуны начинаемъ повторять его храпѣнье, дѣлается шумъ и онъ, проснувшись, съ гнѣвомъ смотритъ на насъ, повторяя затверженное имъ слово. . . Онъ былъ очень старъ и объ его искусствѣ какъ лучшаго историческаго живописца не было и помину.

За нимъ слѣдовалъ Николай Никитичъ Фаняевъ, сердитый, съ сильнымъ басомъ отъ неумѣреннаго употребленія алкоголя. Дерзкій на руку, въ которой онъ держалъ ключъ, и часто, бывало, имъ ранилъ онъ ученика отъ неудовольствія; къ тому еще имѣлъ выбитый глазъ, отчего и былъ одноглазый.

Какъ художникъ и учитель Фаняевъ былъ совершенная ничтожность; ученики ничего не дѣлали, боялись только его ужаснаго голоса, ключа и его нетрезвости, въ каковомъ положеніи онъ буйствовалъ ходя по корридорамъ, устрашая každого

своимъ бычачьимъ голосомъ и изрыгая непечатныя ругательства. Онъ управлялъ также клиросомъ пѣвчихъ, и дискантамъ, и альтамъ малюткамъ дорого доставалось за ихъ ошибки въ пѣніи, однимъ словомъ, это былъ ужасъ академіи и, наконецъ, былъ выключенъ изъ службы.

Затѣмъ въ старшихъ классахъ были гг. Потаповъ, Ротчевъ и Войновъ, изъ коихъ первый Ив. Пот. Потаповъ былъ хорошій художникъ, учитель и какъ человекъ былъ примѣрная личность, къ тому еще былъ мягокъ и очень набоженъ. Высокаго роста, дѣятельный учитель былъ всѣми уважаемъ.

Ив. Ив. Ротчевъ былъ щеголь между бѣдняками нашими рисовальными учителями; малаго роста, съ краснымъ лицомъ, благородными манерами и (былъ извѣстенъ) какъ хорошій художникъ. Его картины имѣются въ академіи.

Что касается до Мих. Федор. Войнова, также малаго роста, то это былъ человекъ крайне опрятный, также съ краснымъ потѣлымъ лицомъ; онъ имѣлъ странную методу учить: въ карманѣ имѣлъ всегда булку и изъ ея мякиша дѣлалъ себѣ отличную стирку и ею у всѣхъ учениковъ на ихъ рисункахъ только и дѣлалъ, что протиралъ свѣтики, и для этого совѣтывалъ каждому держать подъ пылью свои рисунки и тогда онъ былъ счастливъ, протирая ему свѣтики до того, что рисунокъ будетъ казаться нарисованнымъ съ металлическаго оригинала. Впрочемъ, онъ былъ хорошій рисовальщикъ, въ Римѣ много рисовалъ съ антикъ и имѣлъ ихъ большую коллекцію; рисунки эти были имъ отлично сохранены и онъ давалъ ихъ иной разъ ученикамъ, какъ оригиналы для копирования съ нихъ. Все это достойное для сбереженія и для пользы учениковъ (собраніе рисунковъ) съ его смертію исчезло, что очень жаль. У него была поговорка: „смотри дамъ печушку“.

Всѣ трое послѣдніе учителя: Потаповъ, Ротчевъ и Войновъ, были достойные художники, но ученики по малолѣтству слѣдственно и глупости своей, ихъ не цѣнили.

Надъ всѣми учителями и гувернерами былъ нашъ достопочтенный инспекторъ Кирилъ Ивановичъ Головачевскій, бывшій товарищъ Лосенки, Левицкаго и другихъ, которые, будучи сначала придворными пѣвчими въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, еще до основанія академіи художествъ

были уже художниками, и онъ имѣлъ званіе академика по портретной живописи. Всѣ его манеры и одежда принадлежали къ первому времени основанія академіи. Въ одеждѣ и бѣльѣ онъ былъ очень опрятенъ: носилъ нижнее платье съ пряжками, какъ и башмаки, на плечахъ лѣтомъ и зимою имѣлъ красный плащъ, что и дѣлало его личность торжественною: намъ-же, шалунамъ ученикамъ, этотъ плащъ былъ сигналомъ, и мы его замѣчали издали и убѣгали на свои мѣста. Онъ былъ крайне учтивъ и ласковъ, и мы его любили, только надоѣдалъ намъ своею исправностью. Бывало, всѣ классы обходить утромъ и вечеромъ, кромѣ того утромъ, не смотря что нашъ часъ вставанья былъ въ пять часовъ утра довольно ранній, что и давали знать чрезъ большой звонокъ, съ которымъ дежурный служитель прозвонить по всѣмъ корридорамъ,—нашъ старичекъ инспекторъ (ему было 75 лѣтъ) взойдетъ въ спальню еще въ 4^{1/2} часа, и только что звонокъ прозвонилъ, онъ отправляется будить (воспитанниковъ), дергая за одѣяло въ ногахъ.

Вначалѣ хотя ученикъ и вскочетъ въ просонкахъ, но увидавъ, что Головачевскій удаляется, вновь свернется въ кружокъ и заснетъ, и когда ему придется вновь его будить, тогда онъ употреблялъ слово: „шалопай,“ говоря: „эй, шалопай, вставай!“ Искусствомъ, кажется, со дня выпуска изъ академіи онъ не занимался.

Его подъ-инспекторами были также весьма ограниченныя личности: И. Ѳ. Войновъ и М-г Невиль—французъ, эмигрантъ первой французской революціи; проживши въ академіи слишкомъ сорокъ лѣтъ, мало могъ говорить по русски. Не могу забыть тотъ случай, который изъ меня сдѣлалъ француза совершенно неожиданно: мнѣ однажды утромъ пришлось сказать Невиллю по французски: *Bonjour!* съ тѣхъ поръ онъ не называлъ меня иначе какъ: М-г *le français!* и дарилъ во время обѣда восточкою съ мозгомъ, что и служило у учениковъ отличительнымъ знакомъ благоволенія начальника къ ученику. Г-нъ же Войновъ было сухое созданіе, холодное, молчаливое и мы прозвали его: сучкомъ.

Такъ шли мои первыя девять лѣтъ въ лѣнности и шалости, что очень беспокоило мою добрую родительницу, пріѣзжавшую изъ Павловска навѣщать меня разъ въ годъ, и при спросѣ у губернера на счетъ моего ученя и поведенія она получала всегда

неодобрительные отзвы: „могъ-бы учиться, да лѣнится“. Тутъ старушка, вздохнувъ, благословляла меня, вручала мнѣ двугривенный, что и было моею родительскою наградою въ продолженіе цѣлаго года; однажды въ годъ она прощалась со мною. Не разъ приходилось мнѣ завидовать моимъ товарищамъ, которыхъ родители посѣщали, а по субботамъ брали домой, я же оставался не только въ обыкновенные праздники, но даже въ высокаторжественные дни Рождества Христова или въ дни св. Пасхи. Оставался въ числѣ круглыхъ сиротъ или сыновей отдаленныхъ родителей, и это число доходило до трехъ или четырехъ учениковъ вмѣсто семидесяти двухъ учениковъ полного комплекта нашего возраста. Среди этого одиночества приходилось, ради скуки, свертывать бумагу въ видѣ сигары и дурачась курить, что потомъ передавалось обыкновенно Александру С. Кондратьеву, а у него вся расправа состояла изъ розогъ, и, бывало, высѣкутъ, самъ не знаешь за что.

И такъ какъ это повторялось почти каждый день, то, будучи наказанъ, дѣлаешься какъ-будто застрахованнымъ на нѣсколько дней отъ этого наказанія. Бывало даже случалось и по два раза въ день, что и показывало, какъ будто нашимъ учителямъ и гувернерамъ нравились наши открытыя з.....ы. Наши служители, нѣкоторые изъ нихъ также были замѣчательны: первымъ стоитъ Матвѣй Пилязевъ, сильно плѣшивый, крайне оборотливый. Онъ рекомендовалъ себя родителямъ, получалъ отъ нихъ по временамъ награды, дарилъ избранныхъ имъ (учениковъ), изъ засаленнаго своего кармана, полный кусокъ говядины, „деревянныхъ“ пироговъ и ржаного хлѣба, рано разбуженнымъ ученикамъ, кого кускомъ варенаго мяса, пирогомъ или хлѣбомъ.

Мы толпились около него какъ голодные агнцы, съ нетерпѣніемъ ожидая его взгляда, и затѣмъ, кто какъ дарилъ его, такъ шла и награда. Какъ скоро останутся одни бѣдняки, онъ разомъ захлопываетъ свою дарохранительницу и съ гуляющими своими во все стороны длинными фалдами, потирая носъ, спѣшитъ исполнять свои обязанности служителя. Между служителями бывали и силачи и тяжелые на-руку, горе тому, чья настала участь быть наказану Анисимомъ. Бывало явится Анисимъ, высокій, сутуловатый, рябой, съ тяжелою походкою, говорящій малороссійскимъ выговоромъ и то про себя, того бѣдняка

онъ такъ согрѣеть, что до заживы мягкой его части потребуется много времени, и въ еженедѣльной нашей по субботамъ банѣ какъ часто красовались ихъ части тѣла, недавно наказанныя.

День нашъ начинался съ пяти часовъ утра, когда мы вставали; до шести часовъ утра мылись; въ шесть часовъ шли на молитву, гдѣ сначала пѣли: „Царю небесный“, затѣмъ читалась утренняя молитва, вновь пѣли какую-либо изъ молитвъ и затѣмъ читалась одна глава изъ Евангелія, которое лежало на налоѣ, имѣя въ изголовьѣ крестъ съ отлично написаннымъ К. Брюлловымъ распятіемъ; затѣмъ вызывали по списку ученика, который дѣлилъ по ихъ росту, начиная съ малаго роста, и имъ доставались всегда горбушки хлѣба, чему ученики большаго роста всегда завидовали. У первыхъ двухъ возрастовъ были гувернеры, у старшихъ-же двухъ возрастовъ были подъ-инспектора. Малые возрасты шли въ рекреационный залъ, старшіе имѣли также свое зало.

Въ семь часовъ утра шелъ звонокъ и всѣ четыре возраста отправлялись въ научные классы до девяти часовъ, послѣ чего старшіе два возраста отправлялись въ спеціально художественные классы, младшіе-же два возраста — въ классы рисованія, которые и продолжались до одиннадцати часовъ; затѣмъ въ 11¹/₂ час. былъ обѣдъ; послѣ обѣда прогулка продолжалась до перваго часа, послѣ чего въ младшихъ были вторично учебные классы, а у старшихъ двухъ возрастовъ—занятія въ спеціально художественныхъ классахъ; затѣмъ два часа отдыха, по раздачѣ младшимъ классамъ по куску полубѣлаго хлѣба, какъ то было утромъ; въ пять часовъ вечера рисовальные классы для всѣхъ четырехъ возрастовъ до семи часовъ, послѣ чего ужинъ, и въ девять часовъ шли по своимъ спальнямъ, гдѣ и спали до пяти часовъ утра.

Такъ шли мои дни, мѣсяцы въ продолженіе пятнадцати лѣтъ ученической моей жизни въ академіи. Одежда учениковъ первыхъ двухъ малолѣтнихъ возрастовъ состояла изъ куртки съ суконными пуговицами и штановъ синяго цвѣта, у старшихъ-же платье того-же цвѣта изъ фрака, короткихъ штановъ, бѣлыми чулками и съ пряжками на башмакахъ, съ свѣтлыми пуговицами съ изображеніемъ на нихъ лиры. И все это сукно самаго низкаго сорта. Пища-же наша, оставляя въ покоѣ всѣ супы зеле-

наго вида, мясо и пироги всѣхъ сортовъ, благословляли всѣ ученики размазну-кашу, которою кормили насъ въ продолженіе шести вечеровъ въ недѣлю, кромѣ воскресенья, когда вмѣсто каши получали холодные пироги, остатки отъ обѣда отвратительнаго вкуса.

При этой обстановкѣ я убилъ въ лѣности и въ шалостяхъ цѣлыхъ девять лѣтъ, вмѣсто шести, ибо за малостью роста меня оставили и продержали два трехлѣтія.

Но когда я вступилъ въ третій возрастъ и былъ восемнадцати лѣтъ, Богу угодно было сдѣлать во мнѣ перерожденіе, чему была слѣдующая причина: во время акта награды учениковъ за программы золотыми медалями, раздавались въ академіи самымъ торжественнымъ образомъ при звукѣ трубъ и литавровъ; (эта церемонія) имѣла на меня сильное вліяніе и я съ раскаяніемъ и въ слезахъ сказалъ, спрашивая себя: отчего получаютъ эти ученики себѣ награды, отчего-же не могу я получить? Кажется, я тотъ-же ученикъ, и меня такъ-же учатъ, и я одаренъ тѣми-же органами зрѣнія и ума, и если останусь все тѣми-же ученикомъ, то буду послѣднимъ ученикомъ.

Въ то-же время далъ я себѣ обѣтъ оставить общество праздныхъ друзей и обречь себя единственно труду и не терять ни минуты времени сдѣлаться прилежнымъ ученикомъ и всѣми силами стараться возвратить потерянные годы. Обѣщавшись какъ можно усерднѣе молиться Богу и умоляя Его дать мнѣ силы выдержать мое перерожденіе и исполнить свое обѣщаніе.

Товарищи мои, слѣдуя старымъ своимъ привычкамъ, зовутъ бывало меня представлять тѣни и другаго рода развлеченія, только видятъ меня мои товарищи, особенно шалуны, молчаливымъ и во всѣхъ классахъ крайне примѣрнымъ, вскорѣ поняли меня и начали оставлять меня въ покоѣ. Вмѣсто пяти часовъ утра вставалъ я въ четыре часа, доставалъ эстампы, съ нихъ рисовалъ, готовилъ уроки, молился очень долгое время и усердно, испрашивая себѣ помощь свыше. Немедленно началъ чувствовать въ себѣ спокойствіе совѣсти и душевно радовался и благодарилъ Бога, что прилежаніе не оставляло меня, и товарищи поняли мое серьезное направленіе къ труду и хорошему поведенію.

При переводѣ въ третій возрастъ, когда слѣдовало гото-

вить себя къ избранію какой-либо отрасли изъ художествъ, третьему возрасту (доводилось) прождать нѣсколько недѣль, пока назначенъ былъ день, что соберутся всѣ профессора принять изъ насъ новыхъ учениковъ. Этотъ желанный день насталъ. Въ три часа послѣ обѣда собрались всѣ профессора, насъ выставили въ порядкѣ и начали спрашивать каждаго, какому искусству желаетъ себя посвятить. Всѣ ученики съ успѣхомъ въ рисованіи шли въ живописцы, лѣнивые и слабые шли въ архитекторы; что касается до меня, я не зналъ на что рѣшиться, ибо былъ крайне слабъ и въ наукахъ, и въ рисованіи, но, завидѣвъ между профессорами вполнѣ благообразнаго, благороднаго профессора Николая Ивановича Уткина, рѣшился я поступить въ граверы и не ошибся. Этотъ рѣдкій художникъ и человѣкъ принялъ меня съ отеческою ласкою, далъ намъ родительскія наставленія быть прилежными и вести себя какъ слѣдуетъ. Эта родительская любовь его ко мнѣ длилась, можно сказать, съ 1818-го по 1863 годъ — годъ смерти этой вполнѣ святой души. Значить цѣлыхъ пятьдесятъ пять лѣтъ.

III.

Со вступленіемъ въ президенты нашей академіи А. Н. Оленина въ ней все измѣнилось, всѣмъ прежнимъ безпорядкамъ и вольности насталъ конецъ. Онъ далъ мѣсто инспектора злому и глупому человѣку, академику по ландшафтной части Т. В. Васильеву, оставивъ при немъ всѣми любимаго старичка, прежняго нашего инспектора К. И. Головачевскаго.

Съ поступленіемъ А. Н. Оленина вся академія какъ-будто въ испугѣ проснулась. Его дѣятельность, можно сказать, примѣрная, съ страхомъ увидала бѣдственное положеніе академіи: здабыло въ полномъ упадкѣ, ученики брошены въ нищету; худая одежда, пища, ученье, на все слѣдовало обратить вниманіе, что и было имъ сдѣлано. Зданіе академіи замостили со всѣхъ сторонъ мостовою и вмѣсто оштукатуренной съ одной только лицевой стороны съ Невы, она была оштукатурена со всѣхъ трехъ остальныхъ сторонъ; черепичная крыша была покрыта желѣзомъ. Все внутреннее хозяйство съ этимъ дѣятельнымъ президентомъ

пришло въ порядокъ; новый-же инспекторъ Т. В. Васильевъ безумною своею строгостію усмирить вольный духъ учениковъ двухъ старшихъ возрастовъ, изъ коихъ четвертый возрастъ, будучи на выпускѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ ставилъ на колѣна во время утренней молитвы въ виду малыхъ возрастовъ, что производило на насъ неописанный страхъ, такъ какъ мы считали ихъ неприкосновенными.

Чтобы поправить финансы академіи, вмѣсто приѣма новыхъ воспитанниковъ, онъ раздѣлилъ младшій возрастъ, сдѣлавъ изъ одного два возраста, тѣмъ уменьшилъ число учениковъ; каникулы продлилъ вмѣсто одного мѣсяца на четыре, чѣмъ и поправилъ нѣсколько наши финансы; надъ безобразными служителями нашими отъ пьянства онъ поставилъ надъ ними варвара полиціймейстера изъ отставныхъ аракчеевскаго полка Ив. Андр. Жукова, который наказывалъ ихъ немилосердно воловьею сухою жилюю, которая служила ему вмѣсто трости, и всѣ ею варварскія наказанія отзывались у нихъ въ груди, и всѣ наши несчастные служители вслѣдствіе этого тиранства имѣли чахлый видъ. Однимъ словомъ, академія страшилась двухъ людей: инспектора Васильева и полиціймейстера Жукова.

Строгости новаго президента и инспектора сдѣлали сильный переворотъ въ занятіяхъ и поведеніи учениковъ академіи. Академія, которою прежде всѣ гнушались, преобразовалась въ благоустроенное заведеніе, даже учителя и профессора хотя въѣволи должны были покориться новымъ правиламъ; прежде ученики могли у нихъ заниматься, теперь-же строго исполнялось приказаніе, чтобы ученики занимались въ классѣ только въ назначенные для того часы.

Всѣ эти приказанія отъ имени президента лились рѣдкою: вначалѣ не было дня, чтобы насъ не поставили въ порядокъ для выслушанія какой-нибудь бумаги съ новыми приказаніями. Президентъ давалъ собою примѣръ, пріѣзжалъ на церковныя службы, въ столовой при ученикахъ вкушалъ ихъ пищу и въ совѣтѣ всегда присутствовалъ.

Когда я поступилъ въ ученики къ Уткину, онъ занялъ насъ копированіемъ съ эстамповъ перомъ, затѣмъ начали тянуть штрихи на мѣдной доскѣ, затѣмъ гравировали части тѣла, цѣлую, полъ-фигуры, наконецъ дѣлали копію съ портрета лучшаго гравера Филиппъ Шампаньи.

При любви къ своему профессору и при крайнемъ стараніи я дѣлалъ успѣхи въ рисованіи и гравированіи. Когда я поступилъ въ третій возрастъ, я рисовалъ съ оригинальныхъ фигуръ, чрезъ годъ я былъ уже въ гипсо-фигурномъ классѣ. Моими товарищами по исторической гравюрѣ были: г. Олещинскій, полякъ, впоследствии извѣстный граверъ, поселившійся послѣ нашего выпуска изъ академіи въ 1824 году, при полученіи второй золотой медали, въ Парижѣ, гдѣ и живетъ до сего дня (1875 г.) въ своей маститой старости и, оставя гравюру, занимается живописью на тарелкахъ для какого-то польскаго господина. Кромѣ него моими товарищами были ученики Степановъ и Сбруевъ; по ландшафтной-же гравюрѣ находились у отличнаго профессора С. Ф. Галактионова, но несноснаго человѣка и завидовавшаго всегда славѣ Н. И. Уткина, что и показывало его грубость и недостаточное его образованіе. Галактионовъ имѣлъ учениками: Мельникова, Брейтгорна и Аберду—калмыцкой породы, который и въ лѣности подражалъ своей націи.

Давно не имѣлъ граверный классъ столько учениковъ, и изъ всѣхъ ихъ Богу угодно было дать мнѣ такъ счастливо кончить мой курсъ занятій, чему была причина усердная ежедневная молитва и примѣрное, можно сказать, убійственное стараніе. Ни будничные дни, ниже праздничные я не терялъ, можно сказать, ни одной минуты въ праздности. Товарищи-же мои: Олещинскій былъ вполне образованный, уже въ лѣтахъ художникъ, удивлялъ всѣхъ своею работою, перомъ, которою работою онъ украшалъ разныя государственныя бумаги Царства Польскаго, что и было причиною, что онъ былъ принятъ въ академію въ граверный классъ и тотчасъ показалъ удивительный талантъ чистотою въ гравированіи, но ему трудно было успѣвать въ рисунокѣ; не будучи первой молодости, имѣя пріятную наружность и учтивъ въ высшей степени, мы подозрѣвали его въ іезуитизмѣ. Сдѣланная имъ на мѣди копія съ извѣстной гравюры Эделинка портретъ Филиппа Шампаньи, онъ на третнемъ экзаменѣ получилъ первую серебр. медаль и отпечатанный съ нея экземпляръ оттиска хранится въ Эрмитажѣ въ собраніи гравюръ. На вторую золотую медаль онъ отлично выгравировалъ портретъ строителя академіи Кокоринова съ картины Левицкаго.

Другой мой товарищъ Степановъ было грубое созданіе изъ

театральной отрасли—сынъ придворнаго музыканта на флейтѣ. сестра-же его была въ замужествѣ за извѣстнымъ актеромъ Брянскимъ, мало имѣлъ склонности къ гравированію, но отличался на нашемъ академическомъ театрѣ; по выпускѣ изъ академіи сдѣлался отчаяннымъ игрокомъ и, испытавъ счастье и несчастье, кончилъ жизнь свою самоубійствомъ.

Изъ ландшафтныхъ граверовъ болѣе своихъ сотоварищей имѣлъ дарованіе ученикъ Мельниковъ, но поступилъ ранѣе выпуска своего изъ академіи въ единственное въ наши годы для граверовъ убѣжище—въ депо картъ, гдѣ и дослужился до пенсіона, дѣльнаго-же по гравированію ничего не произвелъ.

Ученикъ Брейтгорнъ былъ одинъ изъ лучшихъ моихъ товарищей и друзей труднаго нашего искусства; мы были съ нимъ неразлучны. Всѣ наши часы занятій шли ровно: сколько занимался одинъ, столько занимался и другой.

Гравируя наши программы на вторыя золотыя медали, какъ-то мнѣ пришлось гравировать съ картины Соколова „Меркурій усыпляетъ Аргуса“, а ему съ картины Дитриха „Тивольскій водопадъ“; мы страшились ихъ не окончить, а потому въ лѣтніе длинные дни мы вставали по утрамъ въ два часа и работали до семи часовъ вечера, что и было вредно для здоровья, и мы начали страдать грудью, лежа на ней до двѣнадцати часовъ, и начали думать какъ-бы ее укрѣпить. Брейтгорнъ началъ хвалить мнѣ дегтярную воду; не имѣя денегъ купить ее въ аптекѣ, онъ обѣщалъ достать намъ у себя дома.

Настало воскресенье, и его отпустили домой. Съ нетерпѣніемъ я ждалъ девяти часовъ вечера, когда и увидалъ я его возвратившимся изъ дома, слѣшю узнать о результатѣ нашихъ (поисковъ) дегтярной воды и слышу, что отъ него сильно несетъ дегтемъ, зову его въ пустой уголъ нашего рекреационнаго зала, узнаю причину, что онъ купилъ полфунта чистаго дегтю, который находился у него въ горшечкѣ, и какъ скоро онъ вынулъ его изъ-подъ фалды, то я ужаснулся сильному запаху; боясь, чтобы насъ не поймали въ подобной покупкѣ, мы тотчасъ спрятали горшечекъ въ холодную печку и, взявши другъ друга подъ ручку, начали ходить, слѣдуя за другими гуляющими и разговаривая, держали между собою совѣтъ, какъ деготь употреблять. Не думая долго, порѣшили: по случаю его пользы и сильной вони, которая

можетъ намъ измѣнить, намъ слѣдуетъ эту-же ночь приступить къ дѣлу. Какъ скоро всѣ товарищи заснули, мы отправились въ сторонѣ стоящую умывальную, раскрыли горшечекъ и столовою ложкою каждый изъ насъ принялъ во внутрь хорошую порцію этого дегтя и въ концѣ ради экономіи еще облизали ложку, не предполагая ожидающихъ насъ ужасныхъ послѣдствій, которыя и явились по истеченіи часа. То я, то онъ бѣжимъ въ умывальную, чувствуя сильную рвоту; деготь совершенно заклеилъ горло, и при всемъ мученіи мы не можемъ освободиться отъ него. Желая избавиться отъ его противнаго вкуса, полоскалъ ротъ золою, но мало помогало.

Къ утру я едва всталъ, мой-же соучастникъ Брейтгорнъ долженъ былъ отправиться въ лазаретъ, гдѣ посредствомъ лѣкарства онъ очистилъ желудокъ; затѣмъ выгинули деготь, и о немъ не было болѣе рѣчи, но работали безъ устали, какъ сказано, съ двухъ часовъ утра до семи вечера, и такъ какъ мой товарищъ былъ лѣнивѣе, то я заставлялъ его вставать, обливая или спрыскивая его голову холодною водою.

Въ зимнее время старшіе классы на праздникахъ Рождества имѣли особенное помѣщеніе, которое было предназначено для театральныхъ представленій, и когда очередь дошла до нашего четвертаго старшаго возраста, то товарищи пригласили и меня играть роли отцевъ, которыя, судя по аплодисментамъ, которыми зрители награждали меня, должно быть я порядочно игралъ.

Признаюсь, мнѣ было очень обидно, мои товарищи актеры возвращались вечеромъ въ академію съ запасомъ для себя должныхъ костюмовъ, я же, не имѣя никого въ Петербургѣ ни родныхъ, ниже знакомыхъ, мнѣ приходилось во время представленія имѣть костюмъ, взятый у кого-нибудь изъ служащихъ гораздо выше или ниже меня, такъ что приходилось мнѣ имѣть верхнее платье, которое покрывало пятки ногъ, или было такъ узко, что я едва могъ дышать. Кромѣ того лице мое служило для каждаго или давалась свобода каждому чертить на немъ или углемъ, или запустить руку въ трубу и, вымазавъ тамъ ладонь сажеею, растирая ею лице мое, говорить: „ты молодѣ, тебѣ слѣдуетъ имѣть морщины“, что и рисовали углемъ мои товарищи, а ладонь ихъ въ сажѣ служила затираниемъ подбородка, который долженъ былъ вазаться бритымъ. Любовниковъ игралъ у насъ товарищъ Іосифъ Скотти, и онъ былъ всегда подъ хмѣлькомъ.

Не смотря на аплодисменты мнѣ было всегда скучно на другой день, мнѣ было какъ-то совѣстно, разыгрывать наканунѣ отца съ вѣчными хлопотами выдавать дочерей замужъ, и эти роли отцовъ были моимъ удѣломъ во всѣхъ пьесахъ, игранныхъ въ академіи. Кромѣ того эти представленія невольно заставляли меня терять много времени разучиваніемъ ролей и на репетиціи. Свое здоровье, особенно глаза, я старался сберечь ради того, чтобы возратить потерянные мною девять лѣтъ первыхъ двухъ возрастовъ, и поѣтому я далъ себѣ обѣтъ не ѣсть говядины, предполагая, что мясо горячитъ зрѣніе, и свою порцію отдавалъ товарищу моему, сидящему возлѣ меня въ столовой, А. Лялину; за ужиномъ я грѣшилъ, какъ и другіе ученики, въ полученіи къ грешневой кашѣ - размазнѣ двойную порцію топленого масла, которое обносили въ судкѣ, и для успѣха въ ономъ мы дѣлали въ ложкѣ двойное дно изъ мятаго мякиша, прилѣпливали его съ задней стороны ложки съ отверстіемъ въ концѣ, куда входило масло, чрезъ что получали двойную порцію масла. Грешневая каша составляла особенную прелесть учениковъ и къ ней готовились для полученія съ особенною отвагою: руки завертывали въ салфетки, чтобы ихъ не обжечь, ибо только что служитель приносилъ ее въ огромномъ оловянномъ блюдѣ, и изъ боязни, чтобы ученики не обожгли ему руки, онъ не ставилъ, а бросалъ сверху блюдо, и тутъ разомъ начиналась война: каждый хлопоталъ побольше нахватать каши на свою тарелку.

Ее приносили всегда два раза; первый приемъ былъ самый ужасный, ибо на первомъ была пѣнка, ею-то и старались ученики запасться, повтореніе-же этого блюда шло скромнѣе, ибо тутъ была одна только каша безъ пѣнки. Какъ скоро каждый изъ насъ запасся своею порціею, начиналось очищеніе ея отъ мышачьей дерзости, которыя, наѣвшись крупы, тутъ же дѣлали свои ис—нія, и этотъ-то черный бисеръ мы старались очищать, составляя изъ нихъ порядочныя коллекціи.

Какъ скоро нашъ ужинъ кончался, по звонку мы вставали, каждый у своего мѣста, начиналась молитва и затѣмъ пѣніе также молитвы и всегда почти одной и той-же, именно: „Благоволите Господи вся дѣла Его на всякомъ мѣстѣ владычества Его“. Эту молитву мы очень любили по ея краткости, ибо всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали скорѣе быть въ спальнѣ, имѣя послѣ

каши животы полны и требующіе ихъ облеченія. И только что вступали въ покой почнаго отдыха, какъ всѣ пускались въ запуски бѣжать въ (кабинетъ)
 . . . Десятки стояли около счастливыхъ сидѣльцевъ, освобождая своихъ желудки отъ плохой пищи и каши, упрашивали счастливыхъ освободить поскорѣе свои мѣста, что и показываетъ, какъ легка была наша пища и какъ юношескій желудокъ былъ полонъ огня, что переваривалъ, можно сказать, самую скудную и весьма часто тяжелую пищу, какова была гречневая каша, которая и была единственная питательница нашихъ дней въ академіи.

Для лѣтнихъ прогулокъ и игръ мы имѣли большой дворъ; по правую его сторону стояла наша баня съ фасадомъ храма Весты, круглая съ острою крышею, покрытою черепицею, гдѣ изъ 40° жара мы выбѣгали съ шайками за водою въ предбанникъ, у котораго со всѣхъ сторонъ были открыты двери во дворъ и гдѣ зимою былъ сильный морозъ, а мы преспокойно изъ адскаго жара (внезапно выскакивали на) 20° морозъ, и Богъ хранилъ насъ, хотя многіе за подобный порядокъ заплатились жизнью.

Играми любимыми были: игра въ лапту, большой мячъ съ надутымъ пузыремъ служилъ большимъ любопытствомъ для окружающихъ, ибо его подбивали правою ногою, и кому выше придется подбить его, заслуживалъ одобреніе присутствующихъ мальчугановъ; затѣмъ шла запрещенная игра въ городки, при которой часто подбивали глаза. У старшаго-же возраста была также запрещенная игра въ свайку, которая (состояла изъ бросанія) огромнаго гвоздя съ огромною тяжелою головкою на землю въ кольцо размѣра острой части гвоздя; слѣдовало имѣть сноровку попасть въ это кольцо. Эта игра была самая грубая и неопрятная, послѣ нея руки дрожали и были всегда неопрятны, имѣя дѣло выкапываніемъ этого гвоздя или свайку, глубоко засѣвшую въ землѣ.

Между моими первыми товарищами выказывали съ малолѣтства необыкновенный талантъ въ рисунокѣ и въ композиціи два брата Карлъ и Александръ Брюлло.

Когда-же мнѣ пришлось остаться вторично въ 1-мъ возрастѣ, то во всемъ, какъ въ поведеніи, въ наукахъ и художествѣ, былъ

(особенно хорошъ)—красивый и самый скромный мальчикъ А. В. Нотбекъ. Въ полномъ смыслѣ слова онъ былъ первымъ во всемъ и рекреационные часы употреблялъ на игру на флейтѣ, на которой онъ отлично игралъ; въ своей юности перечиталъ онъ всѣхъ нѣмецкихъ авторовъ и многихъ зналъ наизусть.

Случилось у насъ плачевное происшествіе; во время начатія художественныхъ классовъ двое учениковъ бѣгутъ въ свои классы, одинъ скульпторъ Глинскій, другой по той-же части. Надобно сказать, что возлѣ скульпторнаго класса находился граверный классъ.

У скульпторовъ инструменты дѣлаются (обыкновенно) изъ пальмоваго дерева, у граверовъ-же инструменты стальные. Одинъ изъ нихъ Горскій беретъ скульпторный инструментъ, Глинскій же бѣжитъ въ граверной и по глупости своихъ лѣтъ начинаютъ фехтоваться, держа въ рукахъ своихъ взятые инструменты, и въ бою Глинскій ударяетъ въ бокъ Горскаго шарбаромъ (въ видѣ кинжала). Несчастный невиннымъ образомъ начинаетъ увѣрять своего товарища, что онъ прокололъ ему мундиръ; открывъ мундиръ, находитъ проколотымъ жилетъ, наконецъ рубаху, является кровь, оба бѣгутъ въ лазаретъ, раненый на первой ступени лѣстницы падаетъ, его переносятъ въ лазаретъ, гдѣ, изойдя кровью, умираетъ чрезъ нѣсколько дней.

Глинскаго исключаютъ изъ академіи съ обязательствомъ на нѣсколько недѣль ходить въ церковь въ видѣ покаянія.

Затѣмъ было крупное происшествіе: А. Н. Оленинъ, поступивъ въ 1818 году въ президенты академіи художествъ, помѣстивъ, какъ я уже сказалъ прежде, къ инспектору К. И. Главачевскому академика по пейзажной живописи Тимоф. Вас. Васильева. Онъ глупою и вмѣстѣ ужасною строгостью измѣнилъ весь ходъ воспитанія; ученики его боялись и вмѣстѣ презирали, зная, что онъ живетъ незаконно съ женщиною и за картами просиживаетъ цѣлыя ночи. Всѣ мѣры были приняты учениками, какъ говорится, поймать его въ чемъ-либо и этотъ случай представился имъ въ одно воскресенье, когда классовъ не имѣется и ученики бродятъ до обѣдни по корридорамъ. Нѣкоторые изъ нихъ вдругъ слышатъ шумъ и крикъ на лѣстницѣ женщины, которая неистово, стоя на верхней ступенькѣ, кого-то ругаетъ, затѣмъ слышенъ умоляющій голосъ нашего инспектора, просившаго ее воздержаться.

Какъ только пришла эта вѣсть ученикамъ, всѣ бросились къ мѣсту брани и начали ее хвалить, прибавляя отъ себя, что онъ мерзавецъ и что мы не считаемъ болѣе его своимъ инспекторомъ; вслѣдствіе этого нашъ инспекторъ не показывался долгое время.

Насталъ день Петра и Павла, день начала каникулъ; послѣ обѣдни намъ даютъ знать, что нашъ возрастъ, какъ старшій, оштрафованъ и каникулъ не будетъ. Одинъ ученикъ, именно Алексѣевъ, случайно подвыпилъ, о чемъ служитель тотчасъ далъ знать инспектору, инспекторъ-же, желая отомстить ученикамъ, не показывавшійся даже болѣе шести недѣль, вдругъ является и находитъ Алексѣева не въ порядкѣ, велитъ взять его въ карцеръ, гдѣ снимаютъ съ него мундиръ и надѣваютъ больничное платье. Я-же, ничего не зная, проработалъ до семи часовъ вечера; когда настало время ужина и всѣ ученики собрались въ рекреационный залъ, тутъ увидалъ я, къ удивленію, давно невиданнаго инспектора, спокойно гуляющаго среди зала и толкующаго съ дежурнымъ гувернеромъ Предтеченскимъ; ученики-же, сплотившись густою массою, ходятъ вокругъ ихъ; какъ вдругъ послышался изъ массы гуляющихъ учениковъ сильный голосъ: „пьяница, картежникъ, б.....тъ!“ все это повторялось кривомъ всѣхъ учениковъ. Признаюсь, не зная въ чемъ дѣло, я испугался. Инспекторъ, видя, что дѣло плохо, по-маленьку приблизился къ выходной двери и разомъ исчезъ; тогда эта масса учениковъ бросилась освобождать Алексѣева, схватила лазаретнаго смотрителя Шелковникова, требуя отъ него мундира Алексѣева, на что онъ, дрожа, тотчасъ согласился, отыскали нѣсколько зеренъ жженого кофея, дали ему ѣсть, чтобы избавить ротъ отъ запаха вина, и съ торжествомъ повели его къ ужину, гдѣ я удивился малому числу учениковъ за ужиномъ, что и разъяснилось тѣмъ, что они бросились искать инспектора, желая выбросить его изъ окна, но онъ спрятался въ гардеробной подъ старымъ платьемъ.

Разъ взбунтовавшись, молодежь начала по всей дорогѣ по корридорамъ выбивать стекла въ окнахъ. Къ девяти часамъ вечера насъ привели въ спальню, въ двѣнадцать-же часовъ ночи я услышалъ шаги нашего гувернера съ конференцъ-секретаремъ Ермолаевымъ, толкующихъ едва слышнымъ голосомъ объ ужасѣ подобнаго происшествія, и Боже избави, если государь это

узнаеть. Послѣ этого происшествія мы остались прозябать въ нашей академіи, не смотря на чудные дни іюля мѣсяца, я-же работаль, да работаль. Я усердно молился ежедневно по утрамъ и вечерамъ, читая каждый день по двѣ, по три главы изъ Библіи, такимъ образомъ я прочель весь Новый и Ветхій Заѡтъ два раза, можетъ быть и три раза, и моя трудная программа „Меркурій, усыпляющій Аргуса“, при усердной молитвѣ по-маленьку подвигалась впередь.

Ученики, наблудивъ, съ поникшими головами гуляли на нашемъ дворѣ, до игръ не являлось у нихъ охоты, всѣ чувствовали и старались предугадать, чтѣ ихъ ожидаетъ. Любимый нами учитель и граверъ Кондратьевъ, другъ инспектора, уговаривалъ учениковъ принестъ покаяніе и просить прощенія, когда настанетъ для этого день, и этотъ день не далъ себя долго ждать, именно: намъ объявляютъ, что „сегодня вечеромъ соберется весь совѣтъ и присутствовать будетъ самъ президентъ“. Вечерь былъ восхитительный. По наущенію г. Кондратьева мы должны были поступить слѣдующимъ образомъ: какъ скоро президентъ начнетъ говорить, всѣмъ слѣдуетъ встать на колѣни.

Насъ вводятъ послѣ ужина въ конференцъ-залю; весь совѣтъ сидитъ на своихъ мѣстахъ; президентъ всталъ и только-что началъ говорить, мы всѣ, какъ по сигналу, падаемъ на колѣна; президентъ (А. Н. Оленинъ) пораженъ этимъ поступкомъ сердечнаго покаянія; слово у него замираетъ на устахъ и онъ почти въ слезахъ благодаритъ и обѣщается быть нашимъ заступникомъ у государя.

— „Встаньте, мои дѣти, я васъ прощаю, одного прошу, явитесь ко мнѣ, кто чувствуетъ себя въ этомъ (дѣлѣ) виновнымъ“.

Всѣ посматриваютъ другъ на друга, всѣ чувствуютъ себя виновными и одинъ другому совѣтуютъ: „иди“.

Наконецъ послѣ долгой нерѣшительности вышли: Н. Тверской, Слезенцовъ, Каракалпакъ—совершенно невинные, болѣе какъ-бы выказаться, чѣмъ обвинить себя.

— „Этого довольно, сказалъ президентъ,—теперь послѣдуетъ малое наказаніе, а завтра васъ отпустятъ на каникулы“, что и было сдѣлано.

Всѣ виновные съ удовольствіемъ стояли у скамейки и, зная сколько кому было предписано ударовъ розгами, другъ у друга ихъ считали.

Тутъ въ первый разъ высѣкли нашего уважаемаго товарища Нотбека. Онъ былъ призванъ къ Оленину и президентъ просилъ его уговорить своихъ товарищей, чтобы они начали повиноваться инспектору; Нотбекъ наотрѣзъ отвѣчалъ, что ему слѣдуетъ отказать (т. е. уволить инспектора), что президенту очень не понравилось, и онъ безвиннаго Нотбека включилъ въ число виновныхъ, за что и пришлось обвиненному получить розги. Послѣ этихъ тревогъ и непріятностей я уѣхалъ къ матери на остальные дни каникулъ.

По возвращеніи узнаю, что за бывшее шуточное признаніе нашихъ товарищей себя виновными въ бунтѣ, они—Тверской, Слезенцовъ и Караколпакъ, дорого поплатились: ихъ исключили изъ академіи съ тѣмъ, чтобы нигуда не принимать; инспектора равномѣрно исключили, и въ академіи оказалось междуцарствіе; управлялъ всѣмъ А. А. Михайловъ, пока послѣ моего выпуска поступилъ въ академію, наконецъ, красивый и весьма образованный капитанъ гвардіи Андрей Ивановичъ Крутовъ. Онъ всѣхъ забралъ въ руки, вся экономія была въ его рукахъ, нажилъ хорошее состояніе и служилъ до 1851 г., когда уничтожилась совсѣмъ эта должность.

Тимоей-же Васильевичъ Васильевъ страдалъ въ крайней бѣдности до конца своихъ дней и всему этому былъ обязанъ своей незаконной женѣ: она неосторожно съ нимъ ссорою дала знать его достоинства ненавидѣвшимъ его ученикамъ, вслѣдствіе чего кончилось къ нему всякое уваженіе и повиновеніе.

IV.

Время шло своимъ порядкомъ и къ 16-му сентябрю 1824 г. я окончилъ по силѣ возможности свою программу, получилъ изъ рукъ министра народнаго просвѣщенія вторую золотую медаль со шпагою и двѣ серебряныя медали перваго и втораго достоинства при звукѣ трубъ и литавровъ. День былъ сѣрый, дождливый и на сердцѣ чрезвычайно скучный. Меня тяготила мысль о крайней бѣдности моей матушки; отъ академіи я оторванъ; гдѣ моя пища, одежда и кровь? Съ выпускомъ изъ академіи для меня все (было) кончено.

Когда это торжество кончилось и члены начали расходиться, я встрѣтилъ моего президента, онъ поздравилъ меня и обрадовалъ своимъ словомъ: „Юрданъ, ты остаешься съ нами!“ Тутъ я не зналъ какъ благодарить Бога, зная, что это есть будущая моя жизнь въ академіи какъ пенсіонера. Пенсіонерская жизнь въ наше время была самая блаженная: давался кабинетъ, бѣлье, столъ и 25 рублей на вицмундиръ. Пенсіонеръ былъ самъ себѣ хозяинъ, вставалъ когда хотѣлъ, работалъ по своему желанію и имѣлъ право заняться программю на первую золотую медаль, что я и сдѣлалъ, выбравъ себѣ картину Лосенко, которую при окончаніи гравюры наименовали „Умирающій Авель“.

Какъ скоро кончилось торжество и (послѣ того какъ я) былъ обрадованъ словами президента, отправился я къ старшему моему брату Александру, который занимался золотыхъ дѣлъ мастерствомъ; желалось мнѣ достать отъ него хотя малую помощь, ибо казенная одежда была съ стоячимъ воротникомъ, груба и цвѣта почти голубаго, вмѣсто синяго, галстухъ съ пряжкой на затылкѣ, сѣрая шинелишка не терпѣла тепла, половина-же сентября давала себя чувствовать. Послѣ долгихъ разговоровъ о моей бѣдности, говоря, не знаю, чѣмъ могу тебѣ помочь, онъ удѣлилъ мнѣ свой старый шейный платокъ, видя, что мой нашейникъ третъ мнѣ скулы и, кажется, давить меня. И сколько расточилъ я ему благодарностей! Вечеромъ возвратился я опять на свой ученическій ночлегъ, мнѣ стало грустно, думая: „всѣ мои товарищи разошлись, всѣ нашли у своихъ родителей пріютъ, всѣ черезъ часъ послѣ выпуска были щегольски одѣты, всѣ родственники и друзья пришли раздѣлить радость съ своими дѣтьми, окончившими свое воспитаніе, многіе изъ нихъ даже безъ всякихъ наградъ, я-же съ медалями, съ особенною похвалою отъ министра, когда онъ вручалъ мнѣ мою золотую медаль и шпагу, сказавъ: „о васъ я имѣю самый лестный отзывъ!“ И что-же, никого я не увидалъ, никто не порадовался со мною, никто не помогъ мнѣ въ моей бѣдности“, и со слезами предался я сну, будучи уже (лицомъ) 14-го класса; затѣмъ вскорѣ перевели меня въ пенсіонерскую и помѣстили въ моемъ кабинетѣ другаго пенсіонера Ѳ. Г. Солнцева ¹⁾, другіе-же

¹⁾ Знаменитый впоследствии и по нынѣ (февр. 1891 г.) почетный членъ Императорской академіи художествъ, профессоръ археологической живописи, дѣйств. ст. сов. Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ; онъ род. 14-го апрѣля 1801 г.

пенсіонеры изъ моего возраста остались: А. В. Нотбекъ, А. Т. Марковъ, І. П. Скотти — архитекторъ. Тутъ-же мы нашли другихъ жильцовъ, прежде насъ тамъ помѣщенныхъ: медальера Добрынина и пенсіонера персидскаго шаха Абасъ-Мирзы-Магометъ Джафорра, отличный мусульманинъ, который отъ крайней набожности и имѣвшейся (вскорѣ) въ то время войны русскихъ съ Персіею былъ крайне опечаленъ, особенно успѣхами русскихъ, а потому вскорѣ умеръ отъ чахотки.

Къ несчастію, мой товарищъ А. В. Нотбекъ, будучи прілежнымъ ученикомъ, въ пенсіонерской свелъ знакомство и дружбу съ самымъ ничтожнымъ мастеровымъ, человѣкомъ необразованнымъ и грубымъ, г. Добрынинымъ, который выучилъ и пристрастилъ его къ игрѣ въ горку, и она шла у нихъ ежедневно [съ утра до вечера; къ нимъ присоединялся весьма часто и А. Т. Марковъ, и я съ прискорбіемъ замѣчалъ и предчувствовалъ, что Нотбекъ, такъ много обѣщавшій, упадетъ въ своемъ искусствѣ, что затѣмъ и случилось. Я-же не переставалъ, сдѣлавшись свободнымъ художникомъ, продолжать со стараніемъ свои занятія.

Первую работу, которую я получилъ, былъ портретъ извѣстной въ то время танцовщицы Истоминой при „Альманахѣ русской Таліи“, изданномъ Ѳ. В. Булгаринымъ. Интересенъ былъ случай сего заказа:

Я былъ у моего профессора Уткина; является дородный господинъ, показываетъ ему портретъ, нарисованный очень хорошо свинцовымъ карандашемъ, и желаетъ, чтобы Уткинъ отрекомендовалъ ему гравера. Онъ показываетъ ему на меня; Булгаринъ радъ, устанавливаетъ цѣну 300, даетъ 50 рублей задатка

въ Мологскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи; не смотря на свои 90 лѣтъ, этотъ славный художникъ продолжаетъ съ необыкновеннымъ усердіемъ и энергіей трудиться на пользу отечественнаго искусства: въ академіи онъ состоитъ руководителемъ и наблюдателемъ молодыхъ художниковъ изъ крестьянъ, пенсіонеровъ казны; въ то же время онъ постоянно занятъ выполненіемъ художественныхъ заказовъ, между прочимъ и для нашего изданія „Русская Старина“. Весьма интересны записки Ѳ. Г. Солнцева, а также статьи о немъ—смотри въ „Русской Старинѣ“, изд. 1876 г., томы XV и XVI („Моя жизнь и художественно-археологическіе труды“—записки Ѳ. Г. Солнцева); изд. 1881 г., т. XXXI; изд. 1887 г., т. LIV; т. LVI, тамъ-же см. портретъ Ѳ. Г. Солнцева, гравированный на мѣди художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ.

Ред.

съ тѣмъ, чтобы къ 20-му декабрю портретъ былъ-бы непременно оконченъ.

Не работавши никогда къ сроку, это случилось въ половинѣ октября мѣсяца, (я былъ очень озабоченъ этимъ заказомъ, тѣмъ болѣе что), дни (были уже) темные и самые короткіе; Уткинъ ободряетъ меня, и я рѣшаюсь.

Боже мой, когда я увидалъ 50 р. асс. и что я хозяинъ ихъ, не зная я какъ высказать благодарность своему профессору; сестрица-же его Марина Ивановна тотчасъ начала утѣшать меня словами: „что теперь можно будетъ вамъ экипироваться, и что завтра-же пойдемъ въ Гостинный дворъ покупать сукно“.

Всякій можетъ себѣ представить мою радость, что и я одѣнусь какъ другіе и могу являться въ общество. Между тѣмъ непривычная мелкая работа портрета меня сильно мучила, безъ отдыха я работала, можно сказать, день и ночь, сильно утрудилъ свои глаза и кончилъ къ должному сроку.

Получивъ вдругъ 250 р. асс., первую мою обязанностію было исполнить свое обѣщаніе: купить моей матушкѣ на капотъ шелковой матеріи, которою всѣ ея знакомыя и родныя щеголяли въ скромномъ тогда Павловскѣ. И сколько было радостей старушкѣ и какъ она въ немъ щеголяла! Запасся я также шинелью, на которой въ тѣ времена была мода имѣть на одномъ воротникѣ нѣсколько фальшивыхъ, и эту-то шинель, желая украсить воротникъ мѣхомъ, разъ, случайно идя мимо Апраксина ряда, вижу, за мною слѣдитъ мужикъ съ подозрительнымъ лицомъ и тихимъ голосомъ твердитъ мнѣ: „не желаете-ли купить бобра“, показывая съ робостію изъ-подъ фалды какой-то черныи мѣхъ.

Зная славу Апраксина двора, куда собирается людъ подозрительнаго поведенія, не зная никакого толка въ мѣхахъ, но услыша слово: боберъ, я возымѣлъ тысячу желаній узнать цѣну и сдѣлаться его собственникомъ. Мужикъ, увидавъ во мнѣ свою добычу, преслѣдуетъ меня, такъ что я рѣшилъ спросить у него цѣну. Тихимъ и едва внятнымъ голосомъ шепчетъ онъ мнѣ въ ухо: двадцать пять рублей.

Вижу, цѣна невелика, предлагаю ему изъ боязни, не ворванный-ли онъ, десять рублей.

Послѣ моей цѣны онъ уже не шелъ, а бѣжалъ за мною съ словами: „какъ можно имѣть бобра за 10 рублей, онъ подходитъ

совершенно къ вашему воротнику!“ начинаетъ сбавлять цѣну, а это страшитъ меня, не имѣю-ли я дѣло съ мошенникомъ, осматриваюсь во всѣ стороны, не слѣдитъ-ли за нами полиція и, видя сильную грязь подъ ногами и мелкій дождь, хлопоталъ какъ-бы отстать отъ него. Вдругъ слышу: „извольте, баринъ!“ Я отыскиваю въ Гостинномъ дворѣ темный закоулокъ, гдѣ въ видѣ какой-то тайны вынимаетъ онъ осторожно изъ-подъ фалды своего бобра, я же, оглядываясь во всѣ стороны и не видя для себя чего-либо подозрительнаго, прячу мою покупку подъ шинель, а тамъ подъ мышку и, вручивъ ему красненькую, не переставая оглядываться, боясь покупки краденной вещи и перешедъ Исакиевскій тогда мостъ, чувствую, что мнѣ легче на душѣ, особенно при видѣ нашей академіи, и говорю себѣ: „вотъ и моя шинель украсится бобровымъ воротникомъ!“ Тутъ нашелъ я своихъ товарищей и никому не сказалъ слова о моемъ бобрѣ. Выкушавъ два стакана шалфея съ хлѣбомъ (въ то время горячій шалфей съ патокою былъ общій напитокъ для бѣдняка, начинающаго жить, какъ говорится, своимъ домою, ибо академическій завтракъ состоялъ во всѣ мои 15 лѣтъ: кусокъ хлѣба утромъ съ водою, послѣ-же обѣда съ квасомъ), посылаю нашего служителя Исаю, горькаго пьяницу, за портнымъ, которому при его появленіи, скрывая цѣну, просилъ пришить бобра къ моей шинели.

Получивъ мою шинель съ бобромъ, я воспользовался первымъ воскресеньемъ посѣтить моего товарища и друга, зная, что тамъ въ этотъ день бывають гости. Не смотря, что шелъ дождь, и зная что дорогому бобру нечего бояться воды, отправляюсь пѣшкомъ, на извожиковъ не рѣшался еще тратить деньги; одѣвшись, какъ можно, опрятнѣе съ чистымъ бѣльемъ и щегольскими воротничками. Довольно измокшимъ вхожу въ домъ, звоню въ колокольчикъ дверей, отворяютъ, съ радостію встрѣчаютъ меня (въ домѣ имѣлись двѣ взрослыя невѣсты), восхищаются новымъ бобромъ, я же съ какою-то самоувѣренностью и шикомъ сбрасываю ее съ плечъ, какъ вдругъ слышу хохотъ, „что съ вами стало, Ѡ. И.? Боже мой, взгляните въ зеркало“!...

Недалекъ стояло старое зеркало, и о ужасъ, что вижу: отъ половины носа вся осталная часть лица, воротнички и манишка на груди все выкрашено рыжимъ цвѣтомъ, и я испугался самого себя. Одни хохотали, другіе сожалѣли, другъ-же мой хозяинъ

взялъ меня за ширмы, снялъ съ меня весь верхній аппарат бѣлья, принесли воду, я омылъ лице, онъ-же перемѣнилъ мнѣ бѣлье; затѣмъ пошли разсматривать моего десятирублеваго бобра и нашли съ улыбкою на лицѣ, что мой боберъ ничто иное какъ крашеная кошка, въ чемъ я и увѣрился на другой день, увидавъ, что вмѣсто чернаго мой боберъ сталъ почти красный.

Это былъ первый опытъ собственной покупки, что впоследствии дѣлалъ я только въ сообществѣ сестрицы моего профессора— престарѣлой дѣвицы Марины Ивановны.

Выгравированный, хотя совершенно неоконченный, портретъ Истоминой мнѣ далъ другую работу для издателя Сленина, который издалъ тогда басни Крылова, именно: „Собачья дружба“.

Время награвированія обѣихъ этихъ гравюръ было ознаменовано для Петербурга замѣчательными несчастными происшествіями. Въ 1824 году, гравирова портретъ Истоминой и желая получить оттискъ, отправился я въ академію наукъ къ извѣстному въ то время печатнику Сыченеву. Вышедъ изъ академіи и дойдя до кадетскаго корпуса при сильномъ бурномъ вѣтрѣ, увидалъ я, что изъ водосточныхъ трубъ (изъ подъ земли) бьютъ фонтаны, и по первой линіи образовался длинный ручей, который я не рѣшился переступить, и воротился домой; послѣ чего разыгралась сильная буря. Нева измѣнила свое теченіе; къ 3 час. послѣ обѣда я отправился съ семействомъ Уткина на академическую крышу; ужасъ представлялся глазамъ: барки съ сѣномъ и другія суда не плыли, а летѣли противъ теченія, ни дорогъ, ни набережныхъ не было видно, и только дома торчали изъ сѣрой бушующей стихіи. Послѣ трехъ часовъ вода начала убывать, и этотъ ужасный день 7-е ноября 1824-го года остался памятенъ для многихъ пострадавшихъ семействъ.

Вставши рано утромъ 8-го ноября, я посѣтилъ Андреевскій бульваръ; по обѣ его стороны видны были слѣды этого несчастнаго наводненія: на бульварѣ лежали всякаго рода обломки среди вучи дровъ; всѣ окны подваловъ, частью нижнихъ этажей, выбиты; тутъ стояли дрожки, всякаго рода перебитая домашняя утварь; на Смоленскомъ или у Смоленскаго кладбища стояла на улицѣ лодка; въ лодкѣ въ видѣ уснувшей старушки въ чепчикѣ въ сидячемъ положеніи была булочница того мѣста, въ колѣняхъ ея спрятана была голова дочери. Она одною ногою

уперлась на колѣно матери своей, другая-же нога была вверхъ, что и показывало, что она бросилась изъ окна къ матери и тутъ-же захлебнулась и отъ сильнаго холода окоченѣла.

Много было рассказано въ то время бѣдственныхъ эпизодовъ этого страшнаго дня.

Второе происшествіе было въ 1825 году при гравированіи мною „Собачьей дружбы“, а именно: отправляясь съ оттискомъ къ книгопродавцу Сленину и идя по льду по Невѣ, почти на серединѣ ея встрѣчаю я старушку, которая съ ужасомъ повторяетъ: „Ахъ Боже мой, Боже мой!“ что и удивило меня, я спрашиваю: что случилось?

— „Ахъ, батюшка, идите на площадь, тамъ увидите всѣ ужасы“. Я спѣшу перейти Неву и вижу вся площадь полна народомъ, слышу шумъ и крики; иду къ монументу Петра I, нахожу его обставленнымъ солдатами, которые по временамъ, держа ружье у ноги, въ шинеляхъ кричатъ: „Да здравствуетъ конституція!“ Этому слову насъ никогда не учили и не толковали, я спросилъ у одного, что значить конституція? Онъ преспокойно отвѣчаетъ, что это „жена великаго князя Константина Павловича и вел. кн. Константинъ находится уже на Пулковской горѣ“.

День былъ холодный, и солдаты, чтобы согрѣться, прыгали и били себѣ ладоши. При огромной массѣ народа по всей площади носился какой-то гулъ; вся полицейская сила исчезла, ни каретъ, ни дрожекъ не было видно.

Тутъ я встрѣтилъ и моего профессора Н. И. Уткина съ сестрицею, и мы не могли придумать, что это значить и къ чему ведутъ эти ужасы. Всѣ стороны площади, можно сказать, были залиты народомъ вплоть до забора строящагося собора Исакія; весь заборъ былъ покрытъ сплошною массою рабочихъ, и все люди, большею частью, изъ черни и мастеровыхъ.

Вдругъ мы видимъ карету, которая прямо вѣзжаетъ въ середину къ монументу, гдѣ стояло нѣсколько офицеровъ въ шинеляхъ и руки въ рукавахъ. Это было священство. Не прошло нѣсколько минутъ, началась ружейная перестрѣлка, и видимъ, карета уѣзжаетъ, и дьяконъ стоитъ на запяткахъ.

Говоръ былъ въ народѣ, что это пріѣзжалъ митрополитъ; затѣмъ вновь показалось волненіе въ народѣ, слышался

выстрѣль, за нимъ всѣ солдаты сдѣлали по выстрѣлу; весь народъ наклонился, боясь получить пулю въ лобъ.

Оказалось, что выстрѣль былъ сдѣланъ въ военнаго губернатора Милорадовича, и тотчасъ разнесся слухъ, что онъ убитъ.

Тутъ увидалъ я нашего новаго царя Николая Павловича, идущимъ по адмиралтейскому бульвару, и трое мужиковъ преспокойно стояли въ шапкахъ. Онъ имъ пригрозилъ, показывая имъ на ихъ шапки, которыя-бы имъ слѣдовало снять.

Увидавъ издали, что начинаютъ являться войска со стороны собора, затѣмъ по линіи адмиралтейскаго бульвара, прежде конно-гвардейскій полкъ, а за ними встала артиллерія, и все это было чтобы атаковать взбунтовавшихъ солдатъ, я началъ подвигаться къ Сенату. Тутъ издали по англійской набережной я вижу, ѣдетъ артиллерія и, не будучи въ состояніи пробраться на площадь, она сдѣлала два, три залпа холостыми зарядами.

Боже мой, не будь вѣрнополь ледъ на Невѣ, могло случиться бездна несчастій, ибо при первомъ залпѣ изъ пушки народъ бросился массами на Неву, многіе съ набережной бросались на ледъ. Будь ледъ слабъ, вся эта масса народа нашла-бы себѣ преждевременную смерть въ холодныхъ водахъ Невы. Въ числѣ народа бросился и я на Неву, профессора потерялъ еще на площади. Прибѣжавъ въ академію, я и другіе товарищи достали себѣ ключъ отъ залъ по третьей линіи и помѣстились по разнымъ окнамъ. Черезъ темноту смотря на площадь, видимъ, она совершенно очистилась отъ народа. Видно было съ четырехъ сторонъ площади какъ мелькали кивера и оружіе, казалось скачущимъ что-то такое то съ одной, то съ другой стороны площади, какъ вдругъ освѣтило и за нимъ залпъ. Черезъ два окна ударило что-то въ стекло, оно задребезжало, и пуля ударила въ противоположную стѣну, дѣлая рикошетъ отъ одной стороны къ другой ¹⁾).

Мы всѣ отъ испуга вскрикнули и упали подъ окна, защищая себя стѣною, и ужъ не вставали. Затѣмъ второе освѣщеніе и сильный ударъ. Видя, что пальба окончилась, мы привстали и

¹⁾ Мы имѣемъ отъ Ф. Г. Солнцева одну изъ картечей, ударившихъ въ этотъ день въ окно зданія императорской академіи художествъ; Федоръ Григорьевичъ поднялъ ее въ залъ академіи. Ред.

увидали по Невѣ бѣгущихъ солдатъ, которыхъ поменьшку переловили, даже взято было нѣсколько солдатъ и въ нашей академіи. Тѣмъ и окончился незабвенный день 14-го декабря, именуемый „заговоръ декабристовъ“.

Послѣдствіемъ этого ужаснаго и вмѣстѣ необдуманнаго заговора было несчастье почти во всѣхъ аристократическихъ и ученыхъ семействахъ, которыя оплакивали кто своего сына, кто племянника, замѣшаннаго въ семь несчастномъ заговорѣ. Какой-то общій трауръ палъ на жителей Петербурга; всюду царствовала какая-то смертная тишина и общее горе. На всѣхъ площадяхъ образовались бивуаки казаковъ, грѣвшихя около костровъ. Часто попадались кареты, окруженные конницею, скачущія галопомъ, имѣя въ экипажѣ жертву заговора.

Все замолкло. Не успѣли навосхищаться изданіемъ „Полярной Звѣзды“, каковой альманахъ мало вѣмъ-либо не былъ прочитанъ, имя Бестужева дѣлалось извѣстнымъ каждому, такъ и „Думы“ Рылѣва заставляли восхищаться и думать cadaго, и вдругъ слышимъ, что и эти двѣ замѣчательныя умныя личности сидятъ въ крѣпости.

На другой день всѣ почти посѣтили площадь Исакиевскую; она была полна гуляющихъ, и всѣ съ грустными лицами смотрѣли на изстрѣленный фасадъ Сената; съ грустью смотрѣли на даль Галерной улицы, куда бросился взбунтовавшійся московскій полкъ, и по немъ дали залпъ картечью, изъ коихъ каждая пуля дѣлала жертву смерти по узкости улицы. Тутъ пало много несчастныхъ обманутыхъ солдатъ, ибо они думали, по наущенію главныхъ заговорщиковъ, что всѣ полки къ нимъ пристанутъ.

Мнѣ самому пришлось слышать отъ солдатъ на площади, которые были обмануты при видѣ появившейся конногвардіи, которая ѣхала для ихъ атаки, они-же предполагали, что идутъ къ нимъ присоединиться. Народъ, гуляя на площади, увидаль на крайнемъ фонарѣ къ Англійской набережной, какъ-будто виднѣлось на немъ оторванное ухо, многіе любопытствовали и я съ ними, но ничего не могъ видѣть.

Говорятъ, что всѣхъ убитыхъ побросали того-же вечера въ

прорубь Невы, вслѣдствіе чего на окраинахъ проруби на другое утро видны были цѣлыя стаи воронъ, съ крикомъ выжидающихъ для себя пищи отъ брошенныхъ туда тѣлъ. Многие, пожимая плечами, говорили: „Какое печальное восшествіе на престоль, чѣмъ-то оно кончится!“

Ф. И. Юрданъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Сообщ. В. А. Юрданъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ГЕН.-ЛЕЙТ. ДМИТРІЯ ГРИГОРЬЕВ. КОЛОКОЛЬЦОВА,

бывшаго офицера л.-гв. Преображенскаго полка.

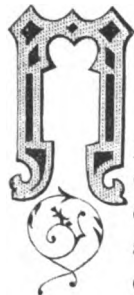
Помѣщаемый ниже рассказъ принадлежитъ генералъ-лейтенанту Дмитрію Григорьевичу Колокольцову. Представитель старинной столбовой дворянской фамиліи, Д. Г. родился въ мартѣ 1814 года и, получивъ домашнее образованіе, поступилъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ въ 1831 г., подпрапорщикомъ, именно въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Въ этой школѣ Колокольцевъ былъ товарищемъ кн. А. И. Барятинскаго, впоследствии фельдмаршала, М. Ю. Лермонтова, Монго-Столыпина и друг.

Нѣсколько главъ изъ своихъ воспоминаній о службѣ въ л.-гв. Преображенскомъ полку. Д. Г. помѣстилъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г. (томъ XXXVIII, май, стр. 273—310; июнь, 593—622). По выходѣ въ отставку, уже изъ арміи, Д. Г. Колокольцовъ въ 1860 году вновь поступилъ на службу въ войска, дѣйствовавшія затѣмъ противу польскихъ мятежниковъ; во главѣ баталіона Новоингерманландскаго полка, Д. Г. разбилъ въ 1863 году, въ Виленскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Куровскаго, шайку мятежниковъ; перейдя вскорѣ на службу въ Туркестанскій край, старый преобразенецъ принялъ живѣйшее участіе въ Хивинской экспедиціи, какъ командиръ перваго эшелона; за взытіе Хивы Колокольцовъ получилъ золотую саблю и чинъ генералъ-маіора. Ему принадлежитъ самое первое, по времени появленія въ печати, описаніе Хивинской экспедиціи („Военный Сборникъ“, 1873 г.).—Въ 1884 году Д. Г., получивъ чинъ ген.-лейтенанта, вышелъ въ отставку и поселился въ томъ самомъ родовомъ своемъ имѣніи, о пресыраніи въ которомъ Д. Г. въ 1850—1857 годахъ приводятся любопытныя подробности въ его слѣдующемъ асимъ рассказѣ ¹⁾.

Ред.

¹⁾ См. „Альбомъ М. И. Семевскаго“, „Знакомые“, изд. Спб. 1888 г., стр. 220, и рукопись „Альбома“, т. IV.

I.

рослуживши въ лейбъ-грдіи въ Преображенскомъ полку слишкомъ четырнадцать лѣтъ, я, по домашнимъ обстоятельствамъ, вынужденъ былъ просить перевода изъ гвардіи въ армію. Я желалъ быть переведеннымъ въ одинъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, которые квартировали въ Москвѣ, потому что старикъ отецъ мой проживалъ въ то время въ Москвѣ въ своемъ собственномъ домѣ.

Служа въ Преображенскомъ полку, я достигнулъ чина штабс-капитана; въ бытность еще поручикомъ я уже командовалъ ротой, жилъ въ казармахъ полка и какъ фронтальной офицеръ былъ на хорошемъ счету. Все это, въ послѣднее время моего служенія въ полку, происходило въ царствованіе государя Николая Павловича, въ 1845-мъ или 1846-мъ году. Великій князь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, въ это самое время, начальствовалъ всею гвардейскою пѣхотою и я былъ переведенъ въ армію штабъ-офицеромъ, маіоромъ.

Его императорское высочество въ тѣ времена былъ, такъ сказать, предметомъ боготворенія не только всѣми нами, гвардейскими офицерами, но и всѣми нижними чинами гвардейскаго корпуса и всего петербургскаго населенія, которое во время проѣзда наслѣдника по улицамъ съ обожаніемъ на него взирало и передъ нимъ преклонялось....

Когда я поступилъ на службу въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ 1831-мъ году, мнѣ только-что минуло 16 лѣтъ и я въ то время считалъ себя старше наслѣдника Александра Николаевича четырьмя годами.

При особѣ его высочества въ то время состоялъ полковникъ Преображенскаго полка Павелъ Николаевичъ Игнатъевъ. Мы, подпрапорщики и юнкера гвардейской школы, во время лагернаго сбора войскъ, постоянно ходили въ лагерь вмѣстѣ со всѣми военно-учебными заведеніями въ Петергофъ. Государь Николай Павловичъ большую часть времени жилъ въ Петергофѣ со всею царскою фамиліею и нашъ лагерь посѣщалъ очень часто.

Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, будучи тогда очень юныхъ лѣтъ, почти всякій день вмѣстѣ съ полковникомъ

Игнатьевымъ прїѣзжалъ въ лагерь и проводилъ время при Пажескомъ корпусѣ вмѣстѣ съ пажами. А такъ какъ палатки пажей были поставлены рядомъ съ палатками всѣхъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ и мы въ тѣ времена не имѣли шатровъ и частенько находились подъ палаточнымъ дождемъ, то при посѣщеніи наслѣдникомъ лагерь, естественно, мы всѣ подпрапорщики и юнкера очень часто имѣли счастье бывать вмѣстѣ съ его высочествомъ.

Съ того времени прошло болѣе полвѣка.. Впослѣдствіи, когда большая часть изъ насъ были уже офицерами гвардіи, а его высочество уже взрослымъ наслѣдникомъ престола, мы постоянно, по старой памяти, находились на глазахъ е. и. в. наслѣдника цесаревича и съ тѣхъ поръ какъ Александръ Николаевичъ начальствовалъ всею гвардейскою пѣхотою, мы, современники, служившіе тогда подъ его высокимъ начальствомъ, постоянно оставались въ памяти его императорскаго высочества, даже и впослѣдствіи, когда онъ былъ уже императоромъ, его величество при каждомъ случаѣ узнавалъ всякаго изъ насъ и постоянно говорилъ: „этотъ мнѣ старый знакомый“ и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ монаршимъ благоволеніемъ награждалъ каждаго изъ насъ.

Во время начальствованія наслѣдникомъ всею гвардейскою пѣхотою, я, будучи офицеромъ Преображенскаго полка, въ числѣ прочихъ офицеровъ, имѣлъ счастье пользоваться особеннымъ милостивымъ вниманіемъ е. и. в., знавшаго меня еще съ юнкерскаго чина, когда я находился въ Гвардейской школѣ и въ лагерьѣ подъ Петергофомъ.

Писавши эти строки, я не могу вспомнить безъ сердечнаго трепета о томъ прошедшемъ счастливомъ для насъ всѣхъ времени, о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя е. выс—во оказывалъ многимъ изъ офицеровъ и въ томъ числѣ въ особенности мнѣ лично, даже тогда, когда онъ былъ уже государемъ императоромъ...

Итакъ, въ тотъ самый годъ, когда наслѣдникъ Александръ Николаевичъ былъ назначенъ начальникомъ всей гвардейской пѣхоты, вышелъ мой переводъ изъ гвардіи въ армію. Какъ только объ этомъ было отдано въ приказѣ по гвардейскому корпусу, я получилъ предписаніе отъ командира Преображенскаго полка на слѣдующій день въ 10 часовъ утра ѣхать уже въ армейской формѣ откланиваться по начальству. Я долженъ былъ начать съ бригаднаго командира, потомъ ѣхать къ начальнику дивизіи, а къ 12 часамъ дня я долженъ былъ прибыть въ Зимній дворецъ на половину наслѣдника цесаревича представиться его высочеству, какъ начальнику всей гвардейской пѣхоты.

Я прїѣхалъ въ Зимній дворецъ въ половинѣ двѣнадцатаго и войдя въ прїемный залъ наслѣдника, засталъ уже нѣсколько офицеровъ, которые также должны были представляться начальнику пѣхоты. Мнѣ необходимо было предварительно записаться у дежурнаго адъютанта, который тутъ-же находился и записывалъ всѣхъ прежде меня прибывшихъ.

Дежурнымъ адъютантомъ е. выс—ва въ этотъ день былъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ, мой сослуживецъ по Преображенскому полку, котораго я еще зналъ, когда мы оба были мальчиками, онъ въ Пажескомъ корпусѣ, а я въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, когда мы соединялись ежегодно, какъ я уже сказала, въ лагерьъ подъ Петергофомъ, гдѣ между всѣми нами образовалась товарищеская дружеская связь, а впоследствии, когда Адлербергъ былъ произведенъ офицеромъ въ Преображенскій полкъ, мы служили вмѣстѣ и всегда были въ очень хорошихъ отношеніяхъ и говорили другъ другу не иначе какъ ты. Онъ пробылъ у насъ въ полку года два, а потомъ состоялъ при наслѣдникѣ цесаревичѣ и постоянно находился во дворцѣ, но не забывалъ полка и зачастую заходилъ къ намъ въ казармы; его въ полку очень любили; онъ оказался хорошимъ товарищемъ и до конца своей жизни оставался тѣмъ-же добросердечнымъ человѣкомъ, какимъ былъ въ юности.

Итакъ, въ прїемномъ залѣ дворца мы поздоровались съ Адлербергомъ по-товарищески; вписывая меня въ свою тетрадку, онъ перемолвилъ со мною нѣсколько словъ о дорогомъ тогда для насъ Преображенскомъ полку. Потомъ, улыбаясь, присовокупилъ: „теперь тебѣ слѣдуетъ уже пристроиться къ армейскимъ офицерамъ, которые, при выходѣ наслѣдника, будутъ стоять лѣвѣе всѣхъ“, и при этомъ какъ-бы поспѣшилъ добавить: „смотри, наслѣдникъ, вѣроятно, съ тобою заговорить и будетъ тебя спрашивать, почему ты оставляешь гвардію?“...

Представлявшихся наслѣднику, какъ начальнику всей гвардейской пѣхоты, въ этотъ день было довольно много. Были всѣ полковые командиры гвардейскихъ полковъ, гвардейскіе офицеры, отъѣзжавшіе въ отпускъ, и нѣкоторые изъ возвратившихся, были и нѣкоторые изъ прикомандировывавшихся къ гвардіи. Кромѣ того, я засталъ тутъ двухъ армейскихъ подполковниковъ, представляющихся не знаю по какому случаю, а такъ какъ я самъ былъ въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ, то Адлербергъ и указалъ мнѣ встать лѣвѣе ихъ, такъ какъ они были старше меня въ чинахъ.

Ровно въ 12 часовъ обѣ половины дверей изъ покоевъ наслѣд-

ника растворились и въ залѣ все смолкло. Его высочество вышелъ въ мундирѣ Преображенскаго полка, его окружала довольно большая свита. Выходя изъ своихъ покоевъ, онъ продолжалъ разговаривать съ однимъ изъ служащихъ при немъ, одѣтымъ въ очень красивомъ мундирѣ военнаго министерства; это былъ Толстой. Я зналъ его роднаго брата, онъ былъ адъютантомъ в. кн. Михаила Павловича.

Какъ только наслѣдникъ цесаревичъ показался въ дверяхъ съ его величественною осанкою и обычною прिवѣтливостью, то всѣ бывшіе въ залѣ какъ-бы въ одинъ моментъ ему поклонились... Видно было, съ какимъ благоговѣніемъ всѣ преклонились предъ наслѣдникомъ великаго престола.

Великій князь подошелъ къ тѣмъ представлявшимся, которые стояли ближе къ его входнымъ дверямъ; Адлербергъ, имѣя въ рукахъ тетрадку, докладывалъ его высочеству кто и по какому случаю представляется. Наслѣдникъ цесаревичъ разговаривалъ весьма милостиво съ каждымъ, такъ что это заняло довольно много времени, пока очередь дошла до насъ, армейскихъ офицеровъ. Наконецъ дошла очередь и до меня. Его высочество, переговоривъ очень милостиво со стоявшими выше меня армейскими штаб-офицерами, обратился ко мнѣ.

Его высочество, всматриваясь въ меня довольно пристально, послѣ нѣкоторой паузы сказалъ мнѣ: „я сожалею, что ты оставляешь гвардію“.

Потомъ распросилъ меня о моихъ домашнихъ обстоятельствахъ и по выслушаніи моего отвѣта присовокупилъ тономъ, выразившимъ полное добросердечіе и участіе:

— „Я тебѣ позволяю и даю тебѣ право, ежели-бы ты встрѣтилъ какія-либо затрудненія въ арміи и ежели-бы съ тобою случилось какое-либо несчастіе, то пиши мнѣ“... и затѣмъ еще разъ повторилъ мнѣ свое сожалѣніе о томъ, что я оставляю гвардейскую службу.

Какъ и чему уподобить подобное милостивое благоволеніе наслѣдника великаго престола, по отношенію ничтожнаго армейскаго офицера! Но еще болѣе трогаетъ душу и сердце то, что Александръ Николаевичъ, будучи уже на престолѣ, при его обширныхъ и многотрудныхъ въ то время государственныхъ занятіяхъ, по прошествіи болѣе десяти лѣтъ, не забылъ того армейскаго офицера, которому онъ, будучи еще наслѣдникомъ, далъ право къ нему писать и, какъ увидимъ ниже, по письму моему, поданному государю, е. в.—истинный мой благодѣтель—выручилъ меня и мое семейство изъ великой тогда бѣды. Затѣмъ, когда послѣ многихъ лѣтъ моего увольненія отъ

службы мнѣ пришлось по необходимости вновь поступить въ армию, е. в. государь императоръ Александръ Николаевичъ при встрѣчахъ со мною, на дѣлаемыхъ имъ смотрахъ армейскихъ полковъ, всегда относился ко мнѣ многомилостиво и великодушно.

Итакъ, послѣ того какъ я послѣдній разъ представлялся на слѣднику цесаревичу Александру Николаевичу, какъ начальствовавшему тогда всею гвардейскою пѣхотою, я въ продолженіе десяти слишкомъ лѣтъ не былъ въ Петербургѣ и не имѣлъ счастья видѣть его высочества. Перейдя тогда изъ гвардіи, я нѣсколько лѣтъ продолжалъ службу въ глубокой арміи баталіоннымъ командиромъ; наконецъ, раздѣлъ родового имѣнія между нами, братьями, заставилъ меня оставить военную службу и выйти въ чистую отставку. Между тѣмъ, его высочество вступилъ въ 1855 году на прародительскій престолъ.

II.

По выходѣ въ отставку я поселился съ женою и дѣтьми въ доставшейся мнѣ деревнѣ Пензенской губерніи, Городищенскаго уѣзда, село Сыромьясь. Мнѣ одинаково съ братьями досталось имѣніе, заложенное въ Опекунскомъ совѣтѣ, раззоренное и, можно сказать, даже опустошенное управляющими, въ то время крѣпостными людьми. А кто не знаетъ, какъ въ старинное время велись дѣла, особенно у людей богатыхъ! Прежде всего надобно сказать, что въ то время было вообще принято, чтобы дѣти дворянскія служили въ военной службѣ, и родители заставляли своихъ дѣтей служить всю жизнь и выслуживать почести и чины, но вмѣшиваться въ дѣла отца, въ его управленіе или въ управленіе людей крѣпостныхъ, служившихъ десятки лѣтъ, которые отцомъ были на то поставлены въ тѣ времена, Боже сохрани! А эти крѣпостные очень хорошо умѣли пользоваться слабостью своего господина, со всею ихъ видимою преданностью и покорностью, и тѣмъ пріобрѣтали довѣріе барина, въ особенности барина уже преклонныхъ лѣтъ; эти дворовые люди, которыми всѣ большіе господа бывали окружены, овладѣвъ полнымъ довѣріемъ своего стараго господина, въ управляемыхъ ими имѣніяхъ, значили гораздо болѣе, чѣмъ самъ господинъ; дворня имѣнія раззоряла и даже, могу сказать, грабила и какъ будто спѣшила все это творить, ибо знала хорошо, что должень-же, наконецъ, явится молодой баринъ. А относительно того, что они дѣлали большія упущенія въ управляемыхъ ими имѣніяхъ,

они нисколько не тревожились. потому что они заручились сильным словцомъ, на какое нельзя было дать никакого возраженія, а именно: „такъ было угодно вашему тятинькѣ“, а гдѣ искать тятиньку, когда его нѣтъ уже на свѣтѣ. А если онъ и былъ въ живыхъ, то старинное время было таково, что какихъ-бы преклонныхъ лѣтъ ни былъ родитель, онъ всегда имѣлъ власть заставить дѣтей замолчать, а это и было крѣпостнымъ людямъ, какъ говорится, на-руку.

Нашъ отецъ болѣе 25-ти лѣтъ не былъ въ принадлежавшихъ ему въ разныхъ губерніяхъ деревняхъ; онъ имѣлъ свой большой домъ въ Москвѣ, постоянно въ немъ проживалъ, окруженный, какъ это водилось въ старину, множествомъ лакеевъ, слѣдствіемъ всего этого было то, что народъ этотъ до того завладѣлъ старикомъ, что къ его крѣпостнымъ людямъ, служившимъ ему по 40 лѣтъ, онъ имѣлъ уже болѣе довѣрія, нежели къ своимъ дѣтямъ.

Вотъ какимъ образомъ и мнѣ досталось имѣніе совершенно разоренное и ограбленное; въ деревнѣ я не нашель ни дома, никакой усадьбы, ни имущества, какъ это всегда водится у господъ въ деревенскихъ домахъ, ни фамилныхъ портретовъ, ни картинъ, хотя живши въ этомъ имѣніи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень хорошо помню, что домъ нашъ былъ тогда, какъ говорится, полная чаша. Но увы, дома уже не существовало, а оставалась одна только бывшая контора, гдѣ жилъ старикъ слишкомъ семидесяти трехъ-лѣтній, бывший управляющій, по имени Никифоръ Кузьминъ. Въ конторѣ этой было пять комнатъ и кое-какая мебель, тоже господская, вѣроятно, перетащенная изъ бывшаго нашего стариннаго дома. А куда все остальное имущество дѣвалось, это только Богу извѣстно. На сдѣланный мною по этому предмету вопросъ Никифору Кузьмину онъ сослался на прежде бывшаго управляющаго этимъ имѣніемъ, нашего-же крѣпостнаго двороваго человѣка Сергѣя Максимова, тоже старика древняго. И такъ какъ его уже не существовало, то этимъ и ограничился мой запросъ. При этомъ я не могу удержаться, чтобы не рассказать довольно любопытнаго и по настоящему времени въ особенности интереснаго обстоятельства: когда я жилъ, какъ выше упомянуто, въ этомъ имѣніи ребенкомъ, семья наша была довольно большая и когда мы сядились за столъ, чтобы обѣдать, то въ этой залѣ стояло двадцать два пюпитра и при нихъ двадцать два человѣка своихъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей со смычками и скрипками въ рукахъ, которые составляли домашній нашъ оркестръ и играли во время нашего обѣда; въ числѣ этихъ музыкантовъ этотъ самый Никифоръ Кузьминъ, какъ онъ мнѣ самъ

говорилъ, игралъ вторую скрипку, а Сергѣй Максимовъ игралъ на волторнѣ. Все это я говорю, вспоминая о томъ, какъ жила въ старину наши дѣды и отцы.

Итакъ, поселившись въ этой конторѣ съ женою и малолѣтними дѣтьми, я началъ сильно призадумываться, какъ быть, какъ начать исправлять имѣніе, какими средствами себя и семью свою устроить. Необходимо было заводить въ имѣніи усадьбу, чтобы размѣститься съ женою и съ дѣтьми и необходимою прислугою. Положимъ, прислуги тогда было много, ибо время было крѣпостничества, но мои средства были крайне скудныя; потомъ, когда я началъ входить все болѣе въ разсмотрѣніе хозяйства, оказалось, что имѣніе это было фабричное, запашки было весьма мало. Въ деревнѣ этой находилась суконная фабрика, которая, какъ я узналъ впоследствии, существовала въ имѣніи болѣе шестидесяти лѣтъ, но какая-же это была фабрика, до-потопная, можно сказать, она работала на какого-то купца по условію, сдѣланному съ моимъ отцомъ, и что-же выдѣлывалось на ней: основы изъ присылаемой купцомъ шерсти, ткались ему сукна и потомъ валка сукна производилась на какой-то ступовой валяльнѣ. Я долго не могъ понять, почему эта фабрика, существовавшая столько лѣтъ, не заимствовала никакихъ улучшеній отъ постороннихъ фабрикъ, которыхъ было такъ много въ нашей губерніи, тѣмъ болѣе, что фабричное ремесло въ это время все болѣе и болѣе начинало усовершенствоваться. На запросы, мною дѣлаемые бывшему управляющему этимъ имѣніемъ старику музыканту, онъ мнѣ только и отвѣчалъ, что „такъ угодно было вашему тятинькѣ“. А между тѣмъ остальной народъ изъ деревни самъ-же управляющій отпускалъ на заработки на чужія фабрики и потому въ деревнѣ этой почти не было никакого землянаго труда. Купецъ съ нашей фабрики получалъ выработанное кое-какъ сукно, передѣлывалъ его у себя и поставялъ свои сукна въ казну, ибо въ то время правительствомъ требовалось очень много сукна на войска.

Доставшееся мнѣ имѣніе, ежели бы оно не было такъ разорено и опустошено бывшими управляющими, было бы очень недурное: мѣстоположеніе его было прекрасное; лѣсу всякаго было очень много, деревня была, такъ сказать, вся окружена лѣсистыми горами и сосновыми рощами. Два большихъ пруда находились въ самой деревнѣ, а третій поменьше за лѣсомъ, запруженные плотинами, и воды было очень много не только для такой фабрики, которая тогда была въ деревнѣ, но и впоследствии, когда моя фабрика была постановлена и преобразована въ настоящую фабрику, съ надлежащими аппаратами для чески шерсти и прядильными машинами для

выработки основъ; первоначально было до пятидесяти становъ; ткали въ ней сукна и вообще фабрика изъ крѣпостнической работы была поставлена на издѣльную такъ, что всѣ аппаратчики, пряжи, присучалки и цѣвочки получали издѣльную плату, что было несравненно выгоднѣе работы крѣпостной. Впослѣдствіи, когда фабрика была еще болѣе увеличена вслѣдствіе большаго требованія суконъ на войска, и тогда воды было очень достаточно для поднятія аппаратовъ и для валки суконъ уже не ступами, но чрезъ цилиндрическія машины. Но при водвореніи моемъ въ деревнѣ я чувствовалъ, что не имѣю ни средствъ, ни достаточно денегъ, чтобы все это завести и чтобы построить первоначально усадьбу для моего житья съ семействомъ, признаюсь, я очень и очень надъ этимъ призадумывался!

Между тѣмъ, при поселеніи моемъ въ деревнѣ, я первымъ долгомъ считалъ обязанностью познакомиться съ моими сосѣдями-помѣщиками, во-первыхъ, потому, чтобы ознакомиться съ дѣломъ для меня, какъ деревенскаго жителя, совершенно новымъ, а во-вторыхъ и потому, что наша фамилія была извѣстна всей губерніи, всѣ знавали не только отца нашего, но и дѣда, какъ однихъ изъ наиболѣе крупныхъ помѣщиковъ, проживавшихъ нѣкогда въ этой губерніи. По этой единственной причинѣ я началъ разѣзжаться съ визитами по помѣщикамъ, сосѣдямъ, а впослѣдствіи являлся знакомиться и въ нашъ губернскій городъ, предупреждая однако, что я, поселившись въ своемъ имѣніи, остановился съ семьей своей въ конторѣ за неимѣніемъ въ имѣніи усадьбы. Мнѣ было какъ-то совѣстно не сказать этого потому, что положительно во всей губерніи знали, какъ въ старину живалъ нашъ отецъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ онъ потомъ бросилъ всѣ свои имѣнія, купилъ большой домъ въ Москвѣ и въ немъ поселился, предоставивъ въ управленіе ему принадлежащія имѣнія своимъ крѣпостнымъ людямъ, и какъ онъ слишкомъ 25 лѣтъ и не заглядывалъ въ свои владѣнія, а поэтому, небезызвѣстно было тоже, какъ эти управляющіе и приказчики его обворовывали, и потому никого не удивило, что мнѣ досталось имѣніе безъ усадьбы.

Итакъ, знакомясь съ помѣщиками нашей губерніи, я болѣе всего началъ сходиться съ такъ называемыми мелкопомѣстными помѣщиками, изъ коихъ многіе не только жили по близости меня, но даже въ одномъ селѣ со мной, за рѣчкой и эта сторона ихъ такъ и называлась тогда дворянскою стороною потому, что они всѣ были дворяне, только бѣдные, мелкопомѣстные и многіе изъ ихъ дѣтей служили большею частію въ армейскихъ полкахъ офицерами, а иные

чиновниками въ уѣздныхъ и другихъ судахъ. Всѣ эти старыя и пожилыя наши сосѣди, всѣ знали насъ, когда мы были еще дѣтьми и съ отцомъ жили въ этомъ имѣніи. Они были очень довольны моимъ поселеніемъ въ этой деревнѣ и не проходило дня, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не навѣщалъ насъ. Я самъ съ женою бывалъ у нихъ и еще чаще приглашалъ ихъ къ себѣ въ контору. Вотъ тутъ-то мы съ женою до поздней ночи, бывало, заслушиваемся ихъ разсказовъ про старину. Разсказы ихъ, дѣйствительно, имѣли большой интересъ: они намъ передавали, какъ эти старыя, какъ они называли, столбовые дворяне-помѣщики жилали въ своихъ владѣніяхъ. Натурально, въ разсказахъ о житьѣ этихъ столбовыхъ дворянъ въ своихъ деревняхъ можетъ быть было много тогда и отталкивающаго, однако, все же тѣ, которыхъ мелкопомѣстные называли столбовыми дворянами, всѣ были тогда господа и бояре.

Среди всѣхъ этихъ интересныхъ разсказовъ зашелъ однажды разговоръ, касавшійся до меня собственно, до моего водворенія въ имѣніи, который далъ мнѣ, такъ сказать, толчекъ къ тому, чтобы приступить скорѣе къ исправленію моихъ владѣній, къ приведенію въ порядокъ моего села, ибо эти добродушные ближайшіе мои сосѣди утверждали, что имѣніе, въ которомъ я нахожусь, золотое дно, къ которому только приложить бы руки. Они съ такимъ участіемъ относились къ намъ, что я этого достаточно передать не могу; они вынудили меня, наконецъ, сознаться, что я не имѣю ни средствъ, ни возможности къ тому, чтобы привести свое имѣніе въ должный порядокъ, и что я не имѣю даже достаточнаго капитала для того, чтобы построить себѣ порядочную усадьбу.

Не успѣлъ я высказать всего этого, какъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, человекъ уже преклонныхъ лѣтъ, вскочилъ съ своего мѣста какъ будто ужаленный; подошелъ ко мнѣ ближе и какъ-то вприсительно произнесъ:

— „Вы не имѣете въ наличности капитала, а вашъ лѣсъ, развѣ это не капиталъ?“ и тотчасъ присовокупилъ: „конечно, вамъ его продавать на срубъ невозможно, потому что здѣсь нѣтъ сплавной рѣки; а до губернскаго города слишкомъ 80 верстъ, но съ этимъ самымъ лѣсомъ вы можете сдѣлать для себя очень хорошія дѣла; посмотрите сколько въ одномъ нашемъ уѣздѣ имѣется винокуренныхъ заводовъ и всѣ до единаго нуждаются въ дубовыхъ доскахъ для дѣланія бочекъ подъ спиртъ, а у васъ, этого добра, т. е. дубовъ въ лѣсу, не есть конца. Вы можете поставлять заводчикамъ дубовыя доски очень выгодно и на наличныя деньги и вотъ явится вамъ и капиталъ для постройки хорошей усадьбы и для фабрики, которую, какъ вы говорили, желали бы имѣть въ настоящемъ видѣ“.

Такая смекалка старика, указавшаго мнѣ, какъ извлечь выгоду изъ лѣса, не приносящаго помѣщику никакого дохода, меня крайне удивила и заставила меня вступить съ нимъ въ болѣе подробныя объясненія. Онъ мнѣ указалъ на очень многіе винокуренные заводы, а вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтывалъ обратиться первоначально къ одному изъ винокуренныхъ заводчиковъ, наиболѣе извѣстному по акуратному веденію дѣла и по богатству—то былъ Як. Вас. Сабуровъ,—былъ помѣщикъ также стараго дворянскаго рода; по совѣту моего мелкопомѣстнаго сосѣда, я сдѣлалъ Я. В. Сабурову визитъ, былъ у него въ деревнѣ, верстъ за тридцать съ чѣмъ-нибудь отъ меня, и ночевалъ у него; онъ меня истинно очаровалъ своимъ обращеніемъ; онъ очень любилъ, когда его навѣщали, и очень сочувствовалъ тѣмъ, кто служилъ въ военной службѣ, очень часто заводилъ рѣчь о военной службѣ вообще, но всегда, какъ мнѣ казалось, считалъ за собою какъ бы первенство стараго служиваго гусара кореннаго. Я былъ также очарованъ всею его обстановкою, правда, что онъ былъ очень богатъ, но мало-ли на свѣтѣ людей очень богатыхъ, между тѣмъ, не всякій умѣетъ, въ особенности въ настоящее время, такъ сохранить свое достоинство, свое барство и чувствовать себя тѣмъ дворяниномъ, какимъ онъ родился, не каждый это сохраняетъ.

Познакомившись ближе съ этимъ сосѣдомъ заводчикомъ, я сталъ часто къ нему ѣздить. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно гостепріимный, любилъ принимать у себя и всегда угощалъ прекрасно. У него былъ прекрасный поварь; обѣды всегда отличныя, хорошія вина, а послѣ обѣда и вечеркомъ наливочки и водицы разныхъ сортовъ. Сервировка и прислуга тогдашняя крѣпостная у него была отиѣнная. Эта крѣпостная прислуга содержалась тогда у нѣкоторыхъ дворянъ далеко не по крѣпостничеству и была одѣта всегда превосходно.

Посѣщая частенько уважаемаго мною сосѣда, старика Сабурова, я выбралъ удобное время и предложилъ ему поставлять на его винокуренный заводъ, изъ моего лѣса, дубовыя доски для бочекъ подъ спиртъ. Онъ былъ очень доволенъ этимъ предложеніемъ, потому что ему хорошо было извѣстно лѣсистое имѣніе, которое мнѣ досталось послѣ отца. Не помню уже, знавалъ-ли Сабуровъ моего отца лично, ибо онъ долгое время находился на военной службѣ, отецъ мой тоже служилъ въ военной службѣ, и хотя не былъ кореннымъ гусаромъ, но долженъ былъ ихъ помнить, потому что онъ былъ екатерининскимъ генераломъ.

По сдѣланному мною предложенію сосѣдъ мой велѣлъ тотчасъ позвать своего управляющаго; они опредѣлили сообща размѣры каждой дубовой доски и вычислили количество досокъ, которыя

должны были составить, какъ они называли, остовъ одной бочки. Такого количества и такого размѣра доски я и долженъ былъ доставлять изъ моего лѣса на ихъ заводъ, а бочки они уже сколачивали у себя на заводѣ.

Съ такими чертежами я уѣхалъ къ себѣ въ деревню. По прошествіи нѣкотораго времени моими плотниками было наколото дубовыхъ досокъ соотвѣтствующаго размѣра, кажется, на пять остововъ или на пять бочекъ, которыя, какъ образецъ, были отправлены на винокуренный заводъ моего сосѣда. Онъ этими досками остался очень доволенъ и съ моимъ посланнымъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ приглашалъ меня обѣдать и поторопиться пріѣхать, съ тѣмъ, чтобы уже по уговору ѣхать вмѣстѣ въ губернский городъ, для совершенія законнаго условія или контракта.

Какое количество остововъ для бочекъ я обязывался поставлять на заводъ моего сосѣда, я теперь хорошенько припомнить не могу, потому что вскорѣ послѣ того я сдѣлалъ и съ другими помѣщиками подобныя условія поставлять и на ихъ винокуренные заводы такіе-же остова, помню только, что я обязывался поставлять на его заводъ остова въ назначенные сроки, по шести рублей за остовъ, считая на ассигнаціи, ибо долгое время въ деревенскихъ конторахъ, въ особенности съ крестьянами, всѣ расчеты велись на ассигнаціи.

Порѣшивъ этотъ вопросъ окончательно, мой сосѣдъ призвалъ своего заводскаго писаря и велѣлъ ему написать черновое между нами условіе. Я. В. Сабуровъ былъ человекъ очень опытный и практичный и какъ я узналъ впослѣдствіи, онъ занимался нѣкогда откупамъ, дѣлюю губернію держалъ на откупѣ и будто-бы отъ этого такъ и разбогатѣлъ. Въ составленномъ условіи было сказано, что исправность моей доставки я гарантирую всѣмъ моимъ имѣніемъ; а онъ обязуется выдать мнѣ подъ работу въ задатокъ 30,000 рублей, тоже на ассигнаціи; съ этимъ черновымъ условіемъ мы вмѣстѣ отправились въ его коляскѣ въ губернский городъ, и такъ какъ въ то время не было еще въ губерніяхъ желѣзныхъ дорогъ, то въ его коляскѣ мы доѣхали только до первой станціи, потомъ взяли почтовыхъ лошадей, ибо до губернскаго города считалось слишкомъ 80 верстъ. Въ губернскомъ городѣ, въ продолженіе двухъ дней, мы совершили законный контрактъ и я съ 30,000 рублей въ карманѣ возвратился къ себѣ въ имѣніе.

Пріѣхавъ домой съ деньгами, я гораздо смѣлѣе и увѣреннѣе пустился въ мои хозяйственныя предпріятія. Стоитъ только начать, а тамъ нашлись тотчасъ и сподручныя, и умѣлыя люди на все, и дѣло мое пошло въ ходъ.

Одновременно у меня въ деревнѣ начались всѣ работы въ лѣсу: рубка дубовъ и выдѣлка изъ нихъ досокъ для поставки остововъ на заводъ, потомъ постройка усадьбы, но не на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ нашъ домъ, въ которомъ мы жили дѣтьми, а я и жена выбрали другое, болѣе возвышенное мѣсто, на горѣ. Затѣмъ, по мѣрѣ увеличивавшагося тогда требованія правительствомъ для войскъ суконъ, я рѣшился, изъ доставшейся мнѣ при имѣннн допотопной фабрики, преобразовать и сдѣлать настоящую суконную фабрику; это рѣшеніе было принято мною оттого, что въ этомъ имѣннн изстари не было никакой запашки, народъ все былъ фабричный, который управляющими былъ отпускаемъ на заработки на чужія фабрики, и имѣніе безъ фабричнаго производства не приносило никакого дохода. Я смѣло могу сказать, что въ имѣннн этомъ все, что есть теперь, создано мною, я нашель, такъ сказать, пустырь и застроилъ его, я основаль настоящую суконную фабрику; изъ принципа крѣпостнаго я перевель фабрику на коммерческій, за издѣльную плату каждому рабочему; свой народъ бросилъ всѣ чужія фабрики и пришелъ работать домой; работа у меня, какъ говорится, закицѣла. Народъ вздохнулъ отъ самоуправства надъ ними ихняго-же брата управляющаго и приказчика, которые за одно обворовывали и своего барина, и грабили крестьянъ, а тутъ каждый мальчуганъ-цѣвочникъ зарабатываль копейку и несъ ее въ домъ.

Скоро, какъ говорятъ, сказка сказывается, да не вдругъ дѣло дѣлается. Проходили годы за годами моей дѣятельности въ деревнѣ; при этомъ, ежели-бы я былъ опытенъ или попалъ-бы на готовое, какъ это бываетъ у многихъ послѣ ихъ родителей, а не на разоренное и опустошенное имѣніе, дѣло могло-бы идти успѣшнѣе; къ тому-же подобная работа, какъ хозяйство въ имѣннн, не вдругъ дается тому, кто съ раннихъ лѣтъ надѣль амуничку. Такимъ образомъ проходили годы и чуть-ли уже не десять слишкомъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ деревнѣ; я невольню усердствовалъ и трудился, ибо дѣти подростали, оказывалась необходимость ихъ воспитывать и воспитывать соотвѣтственно ихъ рожденію. Надобно было выписывать иностранныхъ гувернеровъ, гувернантокъ и учителей, независимо отъ тѣхъ русскихъ наставниковъ, которые уже находились при нихъ въ деревнѣ. Все это требовало большихъ денежныхъ тратъ, большихъ расходовъ, а потому и усиленнаго труда и старанія пріобрѣтать побольше дохода съ имѣннн. Я не могъ, впрочемъ, жаловаться на то, чтобы моя работа не шла въ то время какъ должно, напротивъ, не смотря на весьма скудныя свои средства, я, безъ посторонней помощи, прибавилъ пахатной

земли къ тому, что я нашелъ въ имѣніи, и завелъ нѣкоторое скотоводство. Затѣмъ, преобразованная мною суконная фабрика работала недурно, была доведена до ста ткацкихъ станковъ, которые вырабатывали сукна, и сукна эти комиссаріатскою комиссіею принимались хорошо и надобно было вести дѣло помаленьку да потихоньку. Но человѣкъ ничѣмъ не бываетъ доволенъ, въ особенности, когда усиливаются потребности жизни, а тѣмъ болѣе въ молодые годы! Я и жена моя, мы оба были тогда молоды, познакомившись со всѣми въ губерніи и бывая въ нашемъ губернскомъ городѣ, мы сошлись съ кругомъ высшаго общества еще болѣе потому, что очень многіе изъ старинныхъ помѣщиковъ этой губерніи очень хорошо и коротко знавали не только моихъ родителей, но весь нашъ родъ. Слѣдовательно, могъ-ли я отставать въ чемъ-либо отъ другихъ, могъ-ли я не отплачивать тѣмъ-же гостепріимствомъ, какимъ мы сами ото всѣхъ пользовались! Поэтому я вынужденнымъ былъ иные годы, со всѣмъ семействомъ, проживать зиму въ губернскомъ городѣ, для чего купилъ даже въ городѣ для насъ порядочный домъ и, кромѣ того, былъ обязанъ принимать гостей у себя. А то время было совсѣмъ иное, тогдашнее дворянство жило по-барски, а мнѣ самому развѣ возможно было себя переименовать? Все это заставляло меня дѣлать страшные расходы, которые могли покрываться только большимъ доходомъ съ имѣнія, а чтобы имѣть болѣе дохода, необходимо было усилить работу фабричную, ибо единственный хорошій доходъ съ этого имѣнія могъ быть только отъ большей выработки сукна на фабрикѣ, ибо запашки, отъ которой имѣніе могло-бы давать доходъ, какъ я выше сказалъ, совсѣмъ не было, въ фабричномъ-же дѣлѣ, какъ извѣстно всякому фабриканту, чѣмъ болѣе у него фабричной работы, тѣмъ ему выгоднѣе и болѣе дохода.

Зная, что въ это время правительство чуть не навязывало фабрикантамъ поставку суконъ, вслѣдствіе большаго требованія сукна на войска, и зная, что моя фабрика можетъ выработать гораздо большее количество сукна, чѣмъ то, которое я поставляю въ казну, я началъ съ своей стороны хлопотать въ департаментѣ мануфактуръ и внутренней торговли о томъ, чтобы и на мою фабрику назначалась поставка сукна въ болѣемъ размѣрѣ. Все это могло очень легко осуществиться, только съ меня требовалось представить въ казну болѣе залога въ обезпеченіе исправной поставки заподраженнаго вновь количества сукна; а у меня не было никакихъ другихъ залоговъ, какъ только тѣ, которые мною уже были представлены, поэтому воспользовавшись моими хорошими отношеніями къ

помѣщикамъ и нѣкоторымъ изъ фабрикантовъ, я началъ набирать у нихъ залого. Эта операція имъ самимъ была не безъ выгоды, потому что они получали извѣстные проценты, но между тѣмъ своими залогоми они гарантировали мою фабричную работу. Эти залого заключались въ цѣнныхъ государственныхъ бумагахъ или въ имѣніяхъ, которыя они представляли временно въ казну, въ обезпеченіе выработки на моей фабрикѣ вновь заподраженного сукна, которое должно было быть сдано въ годичный срокъ въ казну. Мнѣ самому и моимъ залогодателямъ никогда не могло придти на мысль, чтобы они могли поплатиться своими залогоми за неисправность моего фабричнаго производства. Къ тому-же они знали, что въ это время казна относилась очень снисходительно къ фабрикантамъ и, въ случаѣ какихъ-либо неисправностей на фабрикѣ, всегда давала отсрочки. Правда и то, что меня и многихъ другихъ тревожила мысль, что въ деревняхъ постройки и особенно деревянные зданія въ то время не принимались на застрахованіе. Но всѣ представившіе за меня свои залого и бѣльшая часть бывавшихъ у меня помѣщиковъ видѣли, какіе были тогда распорядки въ моемъ имѣніи. Въ то время порядокъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ и селахъ у помѣщиковъ заботливыхъ былъ несказанный; острастка невыразимая, не только всѣ крестьяне сообщая, но каждый другъ друга оберегалъ и караулилъ. Всѣ видѣли тогда мою фабрику въ полномъ ходу и тотъ порядокъ, который существовалъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Такимъ образомъ моя фабрика нѣсколько лѣтъ работала усиленно, при помощи постороннихъ залоговъ, представленныхъ въ казну, и по окончаніи года эти залого возвращались по принадлежности.

Вдругъ произошелъ пожаръ на фабрикѣ. И гдѣ-же загорѣлось? Въ одномъ изъ самыхъ важныхъ мѣстъ на фабрикѣ, именно въ самомъ большомъ аппаратномъ корпусѣ, гдѣ находилось большое число чесальныхъ и прядильныхъ машинъ, суконная валка, цѣлый запасъ шерсти на суточную работу и не сданные еще въ ткацкіе корпуса основы и утокъ! Пожаръ приключился отъ желѣзныхъ трубъ, которыя издавна были протянуты отъ печей, вдоль по срединѣ машиннаго корпуса, а такъ какъ фабрика всегда пропитана масломъ и саломъ, смазывающимъ машины, то въ одинъ моментъ все это вспыхнуло, все занялось и пламенемъ охватило весь корпусъ, такъ что этого описать невозможно. Пожарище сдѣлалось страшное, ужасъ невыразимый. Народъ выскакивалъ изъ фабрики, съ воплями отчаянія—кто изъ дверей, кто изъ оконъ; ударили въ колокола набать, народъ толпами бѣжалъ по улицъ и ужасъ охватилъ всѣхъ несказанный, неслышанный! По первому набату всѣ сто

ткацких становъ вмигъ были брошены; всѣ ткачи выскочили изъ корпусовъ и бросились къ пожарищу, даже изъ сосѣднихъ деревень, по продолжительному набату, сбѣгался народъ. Переполохъ и ужасъ деревенскаго пожара передать трудно.

Не взирая на имѣющіяся при фабрикахъ двѣ пожарныя трубы, не было возможности заливать водою то мѣсто, которое было охвачено страшнымъ пламенемъ, ни одинъ человѣкъ не могъ приблизиться къ горѣвшему корпусу. Трескотня пылавшаго зданія, валившій сгустившимися черными клубами дымъ, ужасъ, охватившій все населеніе, шумъ, крикъ народа, все это произвело такой, всеобщій переполохъ, который не подлежитъ никакому описанію. Машинный корпусъ сгорѣлъ до тла, а съ нимъ и все въ немъ находившееся; убытокъ оказался страшный и до того мною неуредимый, что я однимъ днемъ очутился раззореннымъ въ конецъ.

Въ этомъ страшномъ бѣдствіи нашъ православный народъ выказалъ сверхъестественное усердіе и усиліе для спасенія всего погибающаго. Какъ они пренебрегали собою, какъ рисковали своею жизнью, чтобы отнять хотя что-либо у безпощаднаго, всепожирающаго пламени! А непритворное сожалѣніе, которое тогдашній крѣпостной людъ выказалъ мнѣ и всему моему семейству, не только въ этотъ бѣдственный день, но и позднѣе, глубоко-искренно соболюзуя о постигшемъ насъ несчастіи!

На другой день пріѣхали изъ города чиновники уѣзднаго суда и, по засвидѣтельствованіи бѣдствія мѣстною полиціею, было донесено о томъ губернатору, а затѣмъ въ ту комиссію, куда я поставлялъ сукна, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, съ которыми фабриканты заключали контракты на поставку суконъ. По засвидѣтельствованію начальникомъ губерніи, департаментъ выдалъ на фабрику мою отсрочку на восемь мѣсяцевъ, для окончательной поставки заподряженнаго мною сукна.

Ни на другой, ни на третій день нельзя было еще приступать къ чему-либо, такъ какъ на мѣстѣ пожара оставалось много горячаго угля, покрытаго пепломъ. Когда онъ былъ залитъ водою, то мой бурмистръ и староста, почти безъ моего вѣдома, начали всѣмъ міромъ расчищать то мѣсто, гдѣ былъ пожаръ, и исправлять разобранную крышу и часть стѣнъ втораго, но гораздо меньшаго аппаратнаго корпуса, который народъ могъ легче отстоять, потому что онъ находился ближе къ водянымъ колесамъ. Изъ него были вытасяены почти въ цѣлости аппараты, равно и другія машины и соотвѣтствующія принадлежности, основы и утокъ, но прядильныя машины были частью переломаны.

Я самъ едва могъ опомниться отъ постигшаго меня бѣдствія. Конечно, моею первою мыслию было скорѣйшее исправленіе всего, такъ какъ я зналъ, что департаментъ дастъ отсрочку; во-вторыхъ самое главное было воздвигнуть новое строеніе для фабрики и пустить ее въ ходъ, ибо единственно чрезъ выработку сукна я могъ поправиться въ этомъ имѣніи. Необходимо было достать съ другихъ фабрикъ хотя-бы подержанныя прядильныя машины, чтобы въ маломъ видѣ фабрика продолжала работать и чтобы народъ не оставался безъ дѣла... Между тѣмъ, чрезъ контору мою завелась переписка съ нѣкоторыми изъ московскихъ фабрикантовъ, относительно покупки машинъ и вообще всего того, что погубило на пожарѣ, и это происходило въ то время, когда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ; замедленіе во всемъ оказывалось страшное, а ко всему этому, просимыя цѣны за покупку и доставку изъ Москвы ко мнѣ въ деревню машинъ и всего нужнаго были такъ велики, что я не былъ въ состояніи ихъ уплатить. Я находился въ сокрушеніи невыразимомъ, я чувствовалъ всю свою немощь, въ которую я вдругъ впалъ, вслѣдствіе постигшаго меня несчастія...

Но что всего было ужаснѣе и чего не испытавшій на себѣ не можетъ достаточно представить—это отношеніе людей, которые вдругъ такъ скоро измѣняются, что изъ пріятелей дѣлаются врагами. Тѣ самые люди, которые, бывало, такъ любезно, такъ охотно дѣлали для меня всякаго рода одолженія, внезапно прервали со мною всякое даже доброе отношеніе и все это вслѣдствіе случившагося со мною бѣдствія.

Мои залогодатели, не чаявшіе уже моего поправленія послѣ такого погрома, не разбирая ничего, не сообразивъ, обратились въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли и просили возвращенія имъ залоговъ, которые они представили за мою фабрику. Очень натурально, что департаментъ въ этомъ имъ отказалъ и въ добавокъ присовокупилъ, что ежели по данной мнѣ восьми-мѣсячной отсрочкѣ моя фабрика не выставитъ заподряженнаго казною сукна, тогда они поплатятся своими залогами. Получивъ такое извѣщеніе изъ департамента, они грозно обратились ко мнѣ, требуя немедленнаго обезпеченія ихъ залоговъ моимъ имѣніемъ. Но я не могъ этого сдѣлать собственно потому, что какъ имѣніе мое, такъ и фабрика, все уже находилось въ залогъ въ казнѣ по заподряженному мной съ департаментомъ контракту на поставку суконъ.

Послѣ всего этого я очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Меня страшно тревожило еще то, что за неимѣніемъ средствъ пріобрѣсти изъ Москвы аппараты и прочія машины я не въ состояніи

буду пустить мою фабрику полнымъ ходомъ, а потому и фабрика не можетъ выработать въ восьми-мѣсячный срокъ заподряженнаго сукна. Это приводило меня въ полное отчаяніе, мое положеніе оказывалось безвыходнымъ. Я сталъ бросаться во всѣ стороны, отыскивая кого-либо кто оказалъ-бы мнѣ содѣйствіе. Нѣкоторые изъ фабрикантовъ могли-бы, между прочимъ, выставить за меня съ своихъ фабрикъ сукна въ комиссію,—это было-бы для нихъ выгодно, а мнѣ, конечно, ущербъ, но по крайней-мѣрѣ это успокоило-бы моихъ залогодателей. Нѣтъ, видно въ этихъ случаяхъ, когда бѣда идетъ за бѣдой, ничто не удается; всѣ отказались подѣ предлогомъ, что своихъ поставокъ сукна много и нѣтъ времени всего выработать по сдѣланному заказу.

III.

Вотъ уже, когда не куда было дѣваться, когда я не зналъ, что дѣлать, къ кому прибѣгнуть, я и вспомнилъ, что десять лѣтъ тому назадъ, когда я служилъ еще въ гвардіи и переходилъ изъ гвардіи въ армію, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ при представленіи моемъ, по случаю перевода въ армію, былъ ко мнѣ особенно милостивъ. Великій князь въ тотъ знаменательный для меня день, разспросивъ меня о причинѣ моего перехода въ армію, о моихъ домашнихъ обстоятельствахъ, осчастливилъ меня, давъ мнѣ право писать ему ежели со мною приключится какое-либо несчастіе. Мнѣ казалось, что несчастливѣе теперешняго моего положенія быть не можетъ. Но его высочество, наслѣдникъ, былъ уже всероссійскимъ императоромъ.

Боже мой, когда подумаешь, какія въ мірѣ бываютъ съ людьми обстоятельства! Ну, какъ рѣшиться, какъ осмѣлиться, мнѣ, простому смертному утруждать государя, обратиться прямо къ нему, изложивъ всѣ свои дѣла и обстоятельства.

Въ этой душевной тревогѣ, въ этомъ сокрушеніи сердечномъ я присѣлъ къ своему письменному столу и началъ додумываться!—Голова моя была до того воспалена, что я, не давая себѣ никакого отчета, взялъ листъ бумаги и написалъ:

„Ваше императорское величество всемилостивѣйшій государь, повергая себя и семейство мое къ стопамъ вашего величества, я умоляю васъ, государь, осчастливить меня вашимъ вниманіемъ.

„Въ 1846 году, когда в. в. были великимъ княземъ и наслѣдникомъ цесаревичемъ и въ тотъ годъ начальствовали всею гвардейскою пѣхотою, я имѣлъ счастье представляться вашему тогда императорскому высочеству, по случаю

моего перевода изъ гвардіи въ армію. Въ тотъ знаменательный для меня день в. в. изволили меня осчастливить дозволеніемъ и дали мнѣ право писать прямо къ вамъ, въ случаѣ могущаго быть со мною несчастія“.

Вотъ какое было начало моего письма къ государю Александру Николаевичу. Потомъ, въ этомъ письмѣ, я изложилъ государю и подробно описалъ бѣдствіе, которое меня постигло, а такъ какъ я былъ законтрактованъ съ казною на поставку суконъ въ войска и фабрика моя сгорѣла и я понесъ страшныя убытки, то, будучи обязанъ выставить заподряженное количество сукна на войска, я собралъ послѣднія крохи и началъ уже постройку новой суконной фабрики, пользуясь выданною мнѣ восьми-мѣсячною отсрочкою. Но пустить фабрику въ ходъ безъ необходимыхъ машинъ и матеріала я безъ денежной помощи не въ состояніи, почему умоляю государя сдѣлать мнѣ благодѣяніе, разрѣшить министру финансовъ ссудить подъ мою фабрику изъ министерства финансовъ сорокъ тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы изъ каждой моей поставки сукна въ комиссію, изъ слѣдующихъ мнѣ за сукно изъ казны денегъ, комиссія удерживала-бы назначенную часть въ уплату выданной мнѣ ссуды, присовокупивъ, что одна только эта монаршая милость можетъ спасти меня.

Написавъ такое письмо къ царю, въ волненіи невыразимомъ, я его показалъ женѣ моей. Она бѣдная находилась въ страшно разстроенномъ состояніи отъ постигшаго насъ бѣдствія. Послѣ того я своеручно переписалъ это письмо и мы перекрестившись отправили его въ Петербургъ на имя государя; этимъ мы себя отчасти какъ-бы успокоили. Въ это время въ губерніяхъ никакихъ желѣзныхъ дорогъ еще не существовало, поэтому медленность въ полученіи писемъ казалась ужасною, въ особенности когда необходимость заставляетъ нетерпѣливо ожидать какого-либо результата, а отъ моего имѣнія до Петербурга считалось 1,500 верстъ, ежели не болѣе. Ко всему этому, какъ я узналъ впоследствии, мое письмо государю прежде всего должно было идти въ комиссію прошеній, гдѣ оно распечатывалось, изъ него дѣлался экстрактъ, который министромъ докладывался государю, и рѣшеніе сообщалось просителю.

Между тѣмъ недавнее еще воцареніе государя императора, тогдашнее положеніе дѣлъ государства послѣ севастопольской войны, многотрудныя занятія государя по принятіи имъ государственнаго правленія, конечно, все это еще менѣе могло способствовать тому, чтобы государь императоръ обратилъ особенное вниманіе на одного изъ его подданныхъ, вопіющаго по своему собственному дѣлу. И при томъ надо было знать какъ докладъ этотъ будетъ сдѣланъ. Все это тогда-же не могло не придти мнѣ на мысль и потому одно

лишь замедленіе въ полученіи отвѣта на поданное мною прошеніе государю приводило меня въ трепетъ.

Наконецъ, послѣ долгаго промедленія, я получаю вдругъ казенный пакетъ съ печатью министерства финансовъ. Какъ могу я теперь передать то, что я тогда чувствовалъ и ощущалъ, имѣя въ рукахъ конвертъ, въ которомъ заключалось рѣшеніе участи моей и всей моей семьи. Не сразу рѣшился я вскрыть этотъ конвертъ; наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, я сорвалъ министерскую печать и прочиталъ: „сего числа я имѣлъ счастье входить съ докладомъ государю императору о просимой вами ссудѣ подъ суконную вашу фабрику сорока тысячъ рублей, но высочайшаго соизволенія по письму вашему не послѣдовало“. И затѣмъ ничего болѣе, никакихъ объясненій.

Съ первыхъ строкъ письма министра финансовъ о результатѣ, послѣдовавшемъ по моему письму государю, я едва не выронилъ изъ рукъ бумаги. Видя конецъ всему, я обомлѣлъ до того, что на меня нашель столбнякъ; одно только дружеское участіе нынѣ уже покойной жены моей привело меня въ разумъ. Ея увѣщанія, подаваемые ею надежды меня образумили и привели мои чувства въ нѣкоторое успокоеніе; опять явилась надежда; это чувство, мнѣ кажется, никогда не покидаетъ человѣка, я полагаю, что за минуту до смерти человѣкъ все еще надѣется на что-то.

Мы съ женою тутъ только и вспомнили, что у нея была родная тетка, Варвара Егоровна Панина, а мужъ этой тетки, Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, въ то время занималъ очень высокой постъ; они оба проживали въ Петербургѣ и оба насъ очень любили; слѣдовательно, не было-ли болѣе смысла, прежде чѣмъ писать мнѣ государю, или, по крайней мѣрѣ, въ одно и то-же время, обратиться къ дядѣ Абраму Сергѣевичу Норову, который своими связями съ высокопоставленными лицами и министрами могъ-бы мнѣ быть очень полезнымъ. Но что дѣлать, русскій человѣкъ, какъ говоритъ половица, заднимъ умомъ крѣпокъ!

Между тѣмъ, оставаться долѣе въ томъ положеніи, въ какомъ я очутился, мнѣ было невозможно; поэтому, не взирая на отказъ министра финансовъ, мнѣ сообщенный, я рѣшился вторично умолять государя письмомъ умилосердиться надъ моимъ безвыходнымъ положеніемъ. Въ эту минуту я находился въ такомъ отчаяніи, что я твердо рѣшилъ, что ежели по этому второму письму къ государю я получу отъ министра финансовъ такое-же сообщеніе, то, собравъ послѣднія крохи, я поѣду въ Петербургъ самъ, паду къ стопамъ государя и лично буду его умолять о помощи, и дѣйствительно, мнѣ тогда ничего не оставалось болѣе дѣлать.

Итакъ, условившись съ женою обо всемъ, мы положили предварительно написать оба къ дядѣ и къ теткѣ, т. е. къ Норовымъ, изложить имъ наше совершенно отчаянное положеніе, которое меня вынуждаетъ вторично писать государю и умолять его о помощи, ибо у меня нѣтъ болѣе надежды ни на кого, кромѣ какъ на царя, и просить дядю посодѣйствовать, похлопотать, походатайствовать предъ министромъ финансовъ при докладѣ государю моего вторичнаго прошенія. Жена написала къ тетускѣ очень сердечное письмо, а я въ то-же время написалъ почтительное письмо къ дядѣ и умолялъ его не отказать въ своемъ содѣйствіи предъ министромъ финансовъ.

На письмо жены моей тетушка, Варвара Егоровна, вскорѣ ей отвѣтила очень нѣжнымъ и чувствительнымъ письмомъ, говоря, что она до крайности соболѣзнуеть о случившемся съ нами несчастіи и въ совершенномъ отчаяніи о томъ, что они не въ состояніи оказать матеріальную намъ помощь. Но что она употребить все свое вліяніе на мужа съ тѣмъ, чтобы онъ своимъ положеніемъ содѣйствовалъ намъ. На мое-же письмо дядя отвѣчалъ нѣсколькими днями позже и писалъ сдержанно и сухо; прежде всего онъ выразилъ, конечно, свое сожалѣніе по случаю постигшаго насъ бѣдствія; затѣмъ писалъ, что онъ не можетъ не упрекнуть меня въ томъ, какъ я рѣшаюсь утруждать особу государя и въ такое время; что я во всемъ самъ виноватъ, ибо ежели я рѣшился вести какія-либо дѣла съ казною, тѣмъ болѣе подряды, то мнѣ вдвое должно было быть осмотрительнымъ и не довѣрять ни управляющимъ, ни приказчикамъ. Затѣмъ, видно было, что писавши ко мнѣ онъ все болѣе и болѣе возбуждался, ибо присовокупилъ: „возможно-ли было въ письмѣ къ государю просить ссуду въ сорокъ тысячъ рублей серебромъ! Мыслима-ли такая вещь, какія такія были твои заслуги государству? Когда Кутузову за бородинскую битву было дано лишь сто тысячъ рублей ассигнаціями, а ты просишь ссуды на фабрику въ сорокъ тысячъ рублей серебромъ“! Наконецъ, что онъ не прочь походатайствовать предъ министромъ финансовъ, но что это ходатайство вдвойнѣ стѣсняетъ его, во-первыхъ, потому что ему хорошо извѣстно, что въ настоящее время министерство не можетъ выдавать каждому фабриканту подобныя ссуды, а, во-вторыхъ, еще и потому, что я съ нимъ, Норовымъ, нахожусь въ родственныхъ связяхъ. Подъ конецъ своего письма дядя, однако, смягчился и прибавилъ, что онъ посмотритъ въ какой мѣрѣ можетъ онъ мнѣ быть полезнымъ. Надобно сказать, что дядя Абрамъ Сергѣевичъ былъ старый воинъ, тяжело раненый подъ Бородинымъ, и притомъ стараго, какъ говорится, закала, но въ сущности онъ былъ человѣкъ весьма добрый.

По прошествіи двухъ слишкомъ недѣль съ полученія мною отъ дяди письма, я получаю опять казенный пакетъ изъ министерства финансовъ и опять съ министерскою печатью. Это было второе извѣщеніе меня министромъ финансовъ о томъ, что по письму моему государю—высочайшаго соизволенія не послѣдовало. Но это извѣщеніе я принялъ равнодушіемъ, потому что я твердо уже рѣшился идти прямо къ государю и умолять его лично. Сознаюсь откровенно, эта рѣшимость и, могу сказать, смѣлость происходила отъ того, во-первыхъ, что я зналъ государя съ юношескихъ лѣтъ, съ 1831 года, когда я самъ только-что поступилъ въ военную службу, въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, а во-вторыхъ, еще болѣе и потому, что не только я одинъ, но мы всѣ тогда неоднократно испытывали на себѣ невыразимыя милости великаго князя наследника цесаревича, когда его высочество былъ начальникомъ всей гвардейской пѣхоты, а мы, уже офицерами гвардіи, и нѣкоторые изъ насъ командирами ротъ въ своихъ полкахъ: все это меня обнадеживало.

Такимъ образомъ, собравъ послѣднія свои крохи, я оставилъ жену и дѣтей въ деревнѣ, а самъ отправился въ Петербургъ съ сильно настроеннымъ воображеніемъ и въ полной надеждѣ видѣть государя и лично его просить спасти меня съ семействомъ отъ предстоящей намъ гибели. Какъ я увижу въ Петербургѣ государя? вотъ что мнѣ вдругъ пришло въ голову. Какъ я могу быть допущенъ къ нему? Ежели-бы я съ такою просьбою обратился къ кому-нибудь, то прежде всего меня всякій сочтетъ рехнувшимся. Всѣ эти мысли не приходили мнѣ въ голову въ деревнѣ; когда я теперь объ этомъ вспомню, я самъ ужасаюсь, стало быть я ѣхалъ въ Петербургъ такъ, наобумъ. Что-же руководило мною? Развѣ одно отчаянное мое положеніе... Но можетъ-ли отчаяніе руководить на доброе? нѣтъ, это, видно, было внушеніе свыше. Однимъ словомъ, такъ или иначе, но только всѣ эти мысли явились въ головѣ моей уже тогда, когда я пустился въ дорогу. Сколько времени я ѣхалъ изъ деревни до Москвы на лошадахъ, я этого теперь не могу вѣрно сказать: желѣзныхъ дорогъ еще не было, время было осеннее, приближался ноябрь мѣсяцъ, а сухопутныя наши дороги и до сего времени въ губерніяхъ не блистательныя. Изъ Москвы я покатилъ уже по желѣзной дорогѣ до Петербурга. До отъѣзда изъ деревни я рѣшилъ съ женою остановиться въ Петербургѣ непременно у дяди и у тетки,—Норовыхъ—не взирая на то, что я ихъ не предупредилъ о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ.

IV.

Я прїѣхалъ въ Петербургъ около двухъ часовъ дня и съ вокзала направился прямо къ Норovýmъ; они жили въ домѣ министерства народнаго просвѣщенія, у Чернышева моста. Дядю моего, Абрама Сергѣевича Норова, я не засталъ дома; онъ былъ въ этотъ день въ государственномъ совѣтѣ и, признаться, я этому былъ очень радъ. Но тетушка находилась дома и отъ неожиданности и отъ радости видѣть меня она всполошилась. Надо правду сказать, она насъ очень любила, въ особенности жену мою.

Мнѣ тотчасъ, по прибаванію тетушки, отвели въ нижнемъ этажѣ этого большаго дома не то что комнату, но апартаменты, нѣсколько комнатъ, и дали прислугу. Эта добрѣйшая тетушка была прекрасная женщина; она встрѣтила меня чуть не со слезами, крайне соболѣзновала о случившемся съ нами несчастіи, много спрашивала о состояніи жены моей вслѣдствіе постигшаго насъ горя, о дѣтяхъ моихъ, объ ихъ воспитаніи; понимая наше скверное въ настоящее время положеніе, видно было, что о насъ она очень сокрушается. Меня это очень тронуло и я рѣшился быть съ ней совершенно откровеннымъ. Послѣ многихъ разспросовъ и разговоровъ о нашихъ дѣлахъ я объявилъ ей прямо, что мое настоящее положеніе до того безвыходно, что я твердо рѣшился пасть предъ государемъ и лично его умолять о спасеніи меня и всего моего семейства, ибо мнѣ и семьѣ моей предстоить положительная гибель, а тамъ будь что будетъ. Тетушка пришла въ ужасъ, но какъ женщина умная тотчасъ поняла, что положиться болѣе мнѣ теперь не на кого, что не найти мнѣ человѣка, который-бы въ такой скорби могъ принять искреннее участіе—помочь мнѣ въ эту минуту; она залилась слезами!

Когда мы оба поуспокоились, она начала много говорить мнѣ про своего мужа, что онъ искреннее принимаетъ въ насъ участіе и очень, очень сожалѣетъ, что они сами не въ состояніи намъ матеріально помочь, а что касается до его содѣйствія, какъ человѣка, имѣющаго большое значеніе въ служебной сферѣ, онъ во всѣхъ случаяхъ готовъ помочь мнѣ, но на этотъ разъ, такъ какъ я лично, не предупреждая никого, обратился съ письмомъ прямо къ государю, то ему, Абраму Сергѣевичу, крайне стѣснительно ходатайствовать по моему дѣлу по двумъ причинамъ: во-первыхъ, не безызвѣстно, что онъ со мной въ родствѣ, а во-вторыхъ, будучи съ министромъ финансовъ, по служебному положенію, равнымъ и зная хорошо нынѣшнее положеніе дѣлъ, ему вѣдомо, что министерство

финансовъ, имѣя свои соображенія и свои смѣты, не можетъ въ настоящее время располагать суммами для выдачи ссудъ заводчикамъ, при чемъ прибавила: „ты самъ услышишь, что дядя тебѣ скажетъ по возвращеніи изъ государственнаго совѣта; онъ, кажется, говорилъ объ этомъ съ министромъ, только, Бога ради, не намекай ему о томъ, что ты намѣреваешься лично просить государя“, — поспѣшно добавила тетушка.

Между тѣмъ, дядя возвратился изъ государственнаго совѣта и мы сѣли обѣдать. Дядя былъ человѣкъ очень добрый, чувствительный и благородный воинъ старыхъ временъ, тяжело раненный въ знаменитой битвѣ Бородинской; онъ былъ въ Парижѣ, когда эта столица Франціи сдалась нашимъ войскамъ; затѣмъ много путешествовалъ и когда достигнулъ высокаго поста министра, онъ сдѣлался, какъ мнѣ казалось, важень, тщеславень, боялся уронить себя и компрометтировать, находясь на такомъ посту, оказывая протекцію своимъ роднымъ. Онъ показался мнѣ смущеннымъ и какъ будто встревоженнымъ моимъ неожиданнымъ прїѣздомъ, а главное, онъ, должно полагать, догадывался, что я непременно буду лично просить государя. Все это заставляло меня робѣть, ибо я намѣревался просить у Абр. Серг. совѣта, но я заручился защитой моей добрѣйшей тетушки, которая имѣла на него большое вліяніе.

Дядя, между прочимъ, съ большимъ участіемъ разспрашивалъ меня о женѣ моей и о моихъ дѣтяхъ, и очень любезно и искренно предложилъ мнѣ свое гостепрїимство, спросилъ меня, хорошо-ли мнѣ будетъ у него въ нижнемъ этажѣ и чтобы я свободно и безцеремонно требовалъ все, что мнѣ будетъ нужно. Потомъ мы вступили въ пространное обсужденіе всего со мною случившагося. Дядя сообщилъ мнѣ, что онъ имѣлъ случай переговорить о пожарѣ моей фабрики съ министромъ финансовъ и говорилъ ему, что, будучи въ Заподрядѣ съ казною по поставкѣ на войско суконъ, я чрезъ такое несчастіе могу раззориться въ конецъ. Министръ финансовъ Брокъ возразилъ на это съ неудовольствіемъ:

— „Напрасно вашъ племянникъ беретъ на себя смѣлость утруждать государя своими письмами. Вы сами знаете, какое теперь время. Государству не до того, чтобы помогать каждому фабриканту денежными ссудами, тѣмъ болѣе, что большая часть изъ нихъ оказываются неисправными и даже несостоятельными. А притомъ просить такой денежной ссуды подъ свою фабрику, какую просить вашъ племянникъ въ письмѣ къ государю, дѣло немислимое. Не то время теперь, и подобными просьбами непозволительно утруждать государя“.

Слыша такія рѣчи отъ дяди, произнесенныя самимъ министромъ финансовъ, тѣмъ человѣкомъ, отъ котораго все зависѣло въ моемъ дѣлѣ, я убѣдился, что оно положительно- должно пропасть. Это былъ для меня какъ-бы смертный приговоръ. Я страшно взволновался и началъ напоминать дядѣ, что государь императоръ Александръ Николаевичъ, когда былъ еще наслѣдникомъ престола, лично самъ далъ мнѣ право, въ случаѣ какого-либо со мной несчастія, писать прямо къ нему. Разгорячившись, я не воздержался и проговорился, что теперь мнѣ не остается ничего другаго, какъ только лично пасть къ стопамъ его величества и умолять его спасти меня. Дядя, слыша отъ меня такую непонятную для него съ моей стороны выходку, побагровѣлъ и воскликнулъ:

— „Я знаю твою голову, ты на все готовъ! Только, пожалуйста, чтобы этого не было изъ моего дома“.

Потомъ, какъ-бы опамятававшись отъ словъ мнѣ сказанныхъ и какъ-бы смягчившись, продолжалъ:

— „Опомнись, голубчикъ, подумай о томъ, что ты говоришь! Тебя не допустятъ до государя, тебя съ курьеромъ, какъ безпкойнаго человѣка, отправятъ на мѣсто твоего жительства. Какія, въ самомъ дѣлѣ, ты оказалъ государству услуги, чтобы лично смѣть утруждать государя! Кутузову, слышишь! князю Кутузову-Смоленскому, дали лишь сто тысячъ рублей ассигнаціями за битву подъ Бородинымъ, а ты, ты просишь сорозъ тысячъ серебромъ! Выкинь все это изъ головы и подумай о чемънибудь дѣльномъ“.

На этомъ мы кончили обѣдъ, встали изъ-за стола и дядя пошелъ отдыхать. Боже, когда я теперь, 77-ми лѣтнимъ старикомъ, все это вспоминаю, у меня сжимается сердце: такъ много переверься я тогда тревоженій.

По уходѣ дяди я оставался еще нѣкоторое время вдвоемъ съ тетушкою; разстроенный и растерзанный всѣмъ слышаннымъ, я сказалъ тетушкѣ, что дорога меня очень утомила, что я усталъ и пойду внизъ къ себѣ отдохнуть. Тетушка, видя мое душевное разстройство, очень меня сожалѣла, но все-таки упрекнула меня за то, что я, объясняясь съ дядей, проговорился и сказалъ ему, что пойду лично просить государя. Она меня предупреждала, что это его обезпочитъ. Зная мнѣніе самого министра финансовъ о моемъ дѣлѣ, дядя боится, чтобы все это не раздражило государя, а я еще рѣшаюсь утруждать е. в. лично... Но видя, наконецъ, мое сильное изнеможеніе отъ волновавшихъ меня думъ, тетушка посоветовала мнѣ идти внизъ, отдохнуть и часу въ десятомъ вечера придти къ нимъ, чтобы вмѣстѣ пить чай, но я просилъ ее, чтобы

меня оставили въ покоѣ до утра, такъ какъ я дѣйствительно разстроенъ до невозможности и уединеніе приведетъ мои мысли въ порядокъ, а сонъ и отдыхъ послѣ дороги, которую я сдѣлалъ со всѣмъ почти не спавши, возстановятъ мои силы.

Придя внизъ, я раздѣлся, растянулся на своей кровати и предался размышленіямъ о моихъ дѣлахъ и о положеніи оставленнаго въ деревнѣ моего семейства; мозги мои до того работали, что я не надивлюсь, какъ голова моя не разсыпалась и какъ я не сошелъ тогда съ ума; утомленіе, какъ физическое, такъ и нравственное, взяло свое; я постепенно началъ приходить въ какое-то забвеніе, все во мнѣ утихало, я началъ забываться и мертвымъ сномъ проспалъ до утра. Сверху присылали за мной раза два, но видя, что я былъ погруженъ въ глубокой сонъ, оставили меня въ покоѣ.

Проснувшись утромъ довольно рано, я почувствовалъ себя физически невыразимо оправившимся, сонъ меня очень подкрѣпилъ, всѣ мои тревоженія, думы и заботы во время сна замерли, я ничего не помнилъ. Но какъ только я вполне очнулся, тотчасъ голова моя начала переполняться думами и заботами о дѣлахъ моихъ. Оставленное мною въ деревнѣ семейство, какъ-бы брошенное мною, пришло мнѣ на мысль, и сильно сжалось мое сердце: нужно было такъ или иначе непременно все обдѣлать, все поправить, мысль эта утвердилась во мнѣ еще сильнѣе. Я началъ придумывать средства и, перебирая ихъ одно за другимъ, стоялъ все на одномъ и томъ-же, какъ-бы видѣть государя и умолить его придти мнѣ на помощь. Приѣхавъ изъ Москвы, я не зналъ, гдѣ могъ находиться государь, въ Петербургъ или въ загородномъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ. Надобно было полагать, что августѣйшая фамилія находится въ Царскомъ Селѣ, ибо были еще только послѣднія числа октября. Но ежели государь и находился въ Царскомъ Селѣ, то какъ попасть туда? Къ кому обратиться въ Царскомъ Селѣ, когда послѣ болѣе десятилѣтняго отсутствія моего изъ Петербурга у меня не оставалось ни души знакомыхъ въ Царскомъ Селѣ. Съ кѣмъ совѣтоваться, кого просить о содѣйствіи? Вотъ когда оправдывалась русская пословица: что умъ за разумъ можетъ зайти.

Но великъ Господь! Во время размышленій о томъ, какъ увидѣть государя, чтобы имѣть возможность лично его просить о себѣ, мнѣ вдругъ явилась благая мысль: я вспомнилъ совершенно неожиданно, что тотчасъ по окончаніи Севастопольской кампаніи въ нашу губернію была поставлена одна армейская пѣхотная дивизія изъ дѣйствовавшихъ тогда подъ Севастополемъ и одна рота изъ полка этой

дивизиі, подъ начальствомъ капитана Зубова ¹⁾, была поставлена ко мнѣ въ деревню постоемъ. Капитанъ Зубовъ былъ очень нами обласканъ, и его пригласилъ временно къ себѣ въ домъ, далъ ему комнату до тѣхъ поръ, пока не отыскалось въ селѣ для него порядочной квартиры; онъ всегда обѣдалъ у насъ, даже и тогда, когда перешелъ на свою квартиру въ село, очень насъ полюбилъ и привязался къ моей семьѣ, ласкалъ дѣтей, даже просиживалъ по полчаса въ ихъ классахъ. Жена и я — мы его очень уважали, и не только мы одни, но и всѣ помѣщики, съ которыми онъ познакомился въ нашемъ губернскомъ городѣ, и съ тѣми, которые насъ нерѣдко навѣщали въ деревнѣ. Онъ былъ очень интересный господинъ, дворянинъ, хорошей русской фамиліи, человекъ очень умный и заслуженный, два раза раненый и обвѣщенный орденами. Онъ дрался на Кавказѣ противъ извѣстнаго Шамиля и когда во время Севастопольской кампаніи полки съ Кавказа были вытребованы къ Севастополю, онъ явился туда съ своимъ полкомъ, былъ въ сраженіяхъ подъ Альмой, подъ Инкерманомъ, въ бою на Черной рѣчкѣ и выдержалъ всю осаду Севастополя.

Капитанъ Зубовъ пробылъ у меня въ деревнѣ, командуя ротой, около двухъ лѣтъ и я, для ученія его солдатъ, построилъ даже манежъ. Онъ нерѣдко обходилъ со мною всѣ мои фабричные корпуса, очень интересовался суконнымъ производствомъ и видѣлъ всѣ мои порядки. Такъ какъ онъ былъ полный капитанъ и одинъ изъ старшихъ, то совершенно неожиданно для него и для насъ онъ получилъ бумагу о томъ, что для его производства въ майоры и вообще для знанія службы ему надлежитъ теперь-же отправиться въ Образцовый пѣхотный полкъ. Этотъ Образцовый полкъ находился въ Царскомъ селѣ и капитанъ Зубовъ, какъ я слышалъ еще въ бытность мою въ деревнѣ, былъ произведенъ въ майоры и оставленъ въ Образцовомъ полку. Вотъ счастливый случай для меня, подумалъ я, когда эта мысль пришла мнѣ въ голову. Я теперь свободно могу попасть въ Царское село и прямо на квартиру къ моему майору, который, я увѣренъ, приметъ меня радушно, вспомянувъ мою хлѣбъ-соль, когда онъ квартировалъ съ ротой у меня въ деревнѣ. Но при этомъ меня волновала мысль, какъ уѣхать изъ дома тети и дяди въ Царское село, не подавъ имъ подозрѣнія на счетъ себя, въ особенности дяди, который могъ тотчасъ догадаться,

¹⁾ Умеръ полковникомъ въ отставкѣ, въ 1887 году, отъ угара, въ Пензѣ.
Д. Б.

съ какою цѣлю я ѣду въ Царское село, и потому я рѣшился переговорить съ тетушкой искренно и откровенно, ибо она вполне мнѣ сочувствовала.

Послѣ переговоровъ съ тетушкой, послѣ моего спора, настоянія и убѣжденія съ ея стороны, все устроилось хорошо, и я, денъка черезъ два или три, покотилъ вечеркомъ по желѣзной дорогѣ въ Царское село, и весь этотъ вечеръ, до поздней ночи, провелъ въ дружеской бесѣдѣ съ маіоромъ Василюмъ Кирилловичемъ Зубовымъ и, ночевалъ у него двѣ ночи. Вотъ какъ все это было.

Царское село, этотъ прелестный своею чистотою и опрятностью городокъ, бывшій предметомъ постоянныхъ заботъ и попеченій государя Николая Павловича, который всякое лѣто, въ извѣстное время, проживалъ въ немъ, со всей своей царской семьей, нисколько не удивилъ и не поразилъ меня. Служа въ гвардіи, я съ ранней молодости его очень хорошо зналъ и нерѣдко бывалъ тамъ. Намъ случалось, послѣ большихъ маневровъ, временно, цѣлимъ баталіономъ оставаться въ Царскомъ селѣ и занимать караулы, поэтому я хорошо зналъ всѣ посты, занимаемые караулами и часовыми. Этотъ великолѣпный дворецъ и царскосельскій садъ, окружающій прелестное огромное озеро, были мнѣ старинными знакомыми, ибо мы, гвардейскіе офицеры, пріѣзжали, бывало, изъ Петербурга въ Царское село, нарочно съ цѣлюю погулять въ саду, гдѣ въ воскресные и праздничные дни постоянно играла музыка и публики собиралось много.

Вышедъ изъ вагона, я взялъ извозчика и отправился прямо въ Образцовый пѣхотный полкъ, узналъ адресъ маіора Василя Кирилловича Зубова и совершенно для него неожиданно явился къ нему на квартиру. Его удивленіе я описать не могу. Онъ никакъ не могъ предполагать, чтобы тотъ помѣщикъ, въ деревнѣ у котораго онъ квартировалъ съ ротою почти два года, оставивъ деревню и свои заведенія, могъ-бы явиться въ Петербургъ изъ такой дали и въ особенности къ нему въ Царское село; радость его видѣть меня у себя на квартирѣ была невыразимая — онъ не зналъ какъ меня усадить и чѣмъ меня угостить.

Послѣ того, какъ мы оба успокоились, онъ забросалъ меня вопросами о женѣ, о дѣтяхъ моихъ, ибо ко всѣмъ намъ онъ былъ весьма привязанъ. Когда-же онъ коснулся дѣлъ моихъ и сталъ разспрашивать, какъ идетъ все мною заведенное, какъ идетъ моя суконная фабрика, какъ она процвѣтаетъ и когда я ему подробно рассказалъ о случившемся со мною бѣдствіи, когда я ему объяснилъ всѣ послѣдствія, которыя меня ожидаютъ и вслѣдствіе кото-

рыхъ я два раза писалъ государю, и о вторичномъ мнѣ отказѣ чрезъ министра финансовъ, а также о причинѣ моего приѣзда въ Петербургъ и сюда въ Царское село, съ твердымъ намѣреніемъ проникнуть къ государю, пасть къ его стопамъ и лично умолять его спасти меня, то мой маіоръ Василій Кирилловичъ, выслушавъ все это, пришелъ въ неописанный ужасъ, страшно измѣнился въ лицѣ и поникъ головой. Моя настойчивость проникнуть до царя, лично утруждать государя—всею болѣе его страшило.

Очнувшись, такъ сказать, отъ своего оцѣпенѣнія, Василій Кирилловичъ, съ видомъ изумленія, меня спросилъ:

— „Вы, стало быть, рѣшаетесь идти къ государю и лично его просить послѣ того, какъ вамъ два раза было отказано министромъ финансовъ, по повелѣнію-же государя?“

Потомъ, послѣ минутнаго раздумья, онъ вдругъ произнесъ:

— „Васъ не допустятъ до государя, васъ схватитъ полиція, васъ посадятъ въ кутузку и вполсѣдствіи, по разсмотрѣніи дѣла, васъ примутъ, можетъ быть, за человѣка рехнувагося и съ какимъ-нибудь чиновникомъ отправятъ въ вашу губернію“.

Услыхавъ такія рѣчи отъ человѣка, котораго здравый смыслъ и твердость духа я всегда цѣнилъ и въ которомъ я думалъ еще найти кое-какую опору, а между тѣмъ, чувствуя всю правдоподобность имъ высказаннаго, я ощутилъ, что я положительно теряю послѣднюю надежду, и пришелъ въ совершенное отчаяніе. Я чувствовалъ, что я весь трясусь и невольно, какимъ-то особеннымъ голосомъ, вскричалъ:

— „Что-же мнѣ дѣлать, Василій Кирилловичъ, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ здѣсь-же, у васъ, застрѣлиться“.

Это восклицаніе мое сильно озадачило маіора. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ со мною былъ знакомъ, онъ никогда не зналъ меня такимъ и не ожидалъ отъ меня ничего подобнаго. Между тѣмъ, со свойственною ему твердостью духа и какъ будто-бы съ нѣкоторымъ негодованіемъ, онъ возразилъ:

— „Постойте, батюшка, кого вы удивите самоубійствомъ? А жена и дѣти, вами покинутыя въ деревнѣ, останутся невинными жертвами! Такъ-ли долженъ поступать мужчина,—это позоръ, такъ-ли мужъ обязанъ охранять себѣ близкихъ отъ какаго-бы то ни было бѣдствія или несчастія! Опомнитесь и подумайте. Ежели вы уже рѣшились на такой шагъ, чтобы послѣ двухъ отказовъ, заявленныхъ вамъ министромъ по вашему дѣлу, по повелѣнію государя-же, все-таки его видѣть и лично его просить, то нечего вамъ лѣзть во дворецъ, куда васъ и не впустятъ. Вы можете всякій

день видѣть государя въ девятомъ часу утра: его величество предъ докладомъ постоянно гуляетъ въ Царскосельскомъ саду одинъ, со своимъ адъютантомъ. Вотъ тутъ уже отъ вашей предусмотрительности и ловкости будетъ зависѣть выбрать минуту, какъ приступить къ государю. Это дѣло отважное, весьма смѣлое и рискованное. Одна только крайность можетъ заставить на это рѣшиться“.

Этотъ совѣтъ Василю Кирилловича заставилъ меня, такъ сказать, воспрянуть душою. Мысль видѣть государя и лично умолять его меня спасти—давно созрѣла и утвердилась во мнѣ, я не чувствовалъ при этомъ ни страха, ни опасности, и въ эту минуту, въ совершенной радости, я воскликнулъ, что завтра-же я готовъ идти въ Царскосельскій садъ на встрѣчу государя. Но мой сожитель вновь сдержалъ порывъ моего восторга. Онъ мнѣ сказалъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ:

— „Не спѣшите, это такое обстоятельство, о которомъ надо подумать, надо раскинуть разумомъ, надо обсудить посерьезнѣе. Теперь уже поздно, наша бесѣда зашла далеко за полночь, надобно поужинать и ложиться спать. Вамъ въ особенности отдыхъ необходимъ, онъ васъ успокоитъ и приведетъ ваши мысли въ порядокъ“.

Потомъ произнесъ съ улыбкою: „Утро вечера мудренѣе, а завтра намъ предстоитъ цѣлый день для нашихъ размышленій“.

Проснувшись поутру на квартирѣ маіора, въ семь часовъ, я дѣйствительно чувствовалъ себя гораздо спокойнѣе, при томъ мысль увидѣть государя меня оживляла, мнѣ какъ-то сдавалось, чувствовалось, что милостивый нашъ царь, какимъ мы его помнили въ тѣ времена, когда е. в. былъ еще наслѣдникомъ, сжалятся надо мною и не оставятъ меня своимъ монаршимъ милосердіемъ. Василій Кирилловичъ допивалъ въ это время свой второй стаканъ чаю, собираясь идти на ученіе въ Образцовый полкъ. Я распрощался съ нимъ, съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія его съ ученія, ибо мы условились окончательно переговорить въ тотъ день на счетъ моего рѣшенія. Трудныя минуты бываютъ въ жизни человѣческой,—каково ихъ переживать, ихъ пройти!

Въ отсутствіе моего сожителя, освѣжившись и сдѣлавъ свой туалетъ, я началъ пить чай и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ обдумывалъ свой планъ, какъ мнѣ при встрѣчѣ съ государемъ поступить къ нему и просить его. Я долженъ правду сказать, что я былъ теперь гораздо спокойнѣе духомъ, чѣмъ прежде, я ощущалъ какое-то предчувствіе, которое заставляло меня уповать на милость царскую, но тѣмъ не менѣе я былъ чрезвычайно взволнованъ. Предо мною лежали на столѣ разные журналы и книги; я не раз-

вернул ни одного листа, ни одной страницы, мнѣ совершенно было не до того.

Наконецъ, возвратился съ своего ученія Василій Кирилловичъ, усталый и задумчивый. Мы тотчасъ сѣли обѣдать и при этомъ невольно вспомнили то время, когда онъ съ ротою квартировалъ у меня въ деревнѣ; тогда мы тоже садились обѣдать за круглый столъ съ моею семьею, бывали иногда и прїѣзжіе гости и нѣкоторые изъ должностныхъ лицъ, служащихъ на фабрикѣ; иной тогда, иной бывалъ обѣдъ... Когда я теперь объ этомъ вспомню, меня невольно охватываетъ грусть! Все прошло и все невозвратно!.. За обѣдомъ онъ мнѣ сообщилъ, что завтрашній день праздникъ лейбъ-гусарскаго полка, что полкъ готовится къ высочайшему смотру, будетъ парадъ лейбъ-гусаръ, назначенный на Софійской площади; я невольно при этомъ воскликнулъ:

— „А какъ-же я завтра какъ разъ намѣревался идти въ Царскосельскій садъ, чтобы встрѣтить государя?“

Но Василій Кирилловичъ тотчасъ меня успокоилъ, сказавъ:

— „Кто-же вамъ мѣшаетъ, ежели вы на это рѣшились. Парадъ лейбъ-гусаръ назначенъ въ часъ пополудни и вамъ надобно идти въ садъ не иначе, какъ въ девятомъ часу утра, ежели вы хотите видѣть государя, ибо онъ дѣлаетъ свою прогулку въ этомъ часу“.

Въ продолженіе всего этого дня я находился въ очень взволнованномъ состояніи, а мой сожитель отдыхалъ. Наконецъ, за вечернимъ чаемъ самъ Василій Кирилловичъ заговорилъ со мною такъ:

— „Смотрите, ежели вы уже рѣшились идти завтра въ Царскосельскій садъ, съ тѣмъ, чтобы просить государя о вашемъ дѣлѣ, то не забудьте, что ежели все это обойдется счастливо, то государь, возвратившись къ себѣ во дворецъ, очень легко можетъ забыть о чемъ вы его просили; вамъ необходимо имѣть съ собою памятную записочку, которую вы можете отдать адъютанту государя, въ случаѣ милостиваго и счастливаго къ вамъ вниманія государя“.

Я этого никакъ не ожидалъ и эти слова меня крайне удивили и вмѣстѣ съ тѣмъ заставили спросить Василю Кирилловича какую-же такую памятную записку я долженъ имѣть при себѣ. Мой сожитель, какъ человекъ опытный и практичный, объяснилъ мнѣ, что я долженъ составить на всякій случай краткую докладную записку о томъ, что я просилъ въ моихъ письмахъ къ государю; иначе выйти ничего не можетъ. Эта смѣтливость маіора принесла мнѣ величайшую пользу. Я понялъ справедливость его совѣта и составилъ краткую докладную записку обо всемъ, о чемъ я просилъ въ моихъ письмахъ государю; я передалъ ее на разсмотрѣніе Василю Кирилловичу. Про-

читавъ мою записку, майоръ довольно долго оставался въ задумчивости, наконецъ всталъ и произнесъ: это ужасно! Вы просите ссуды подъ вашу фабрику сорокъ тысячъ рублей, смотрите, это, въ самомъ дѣлѣ, сумма страшная и въ особенности для настоящаго времени, послѣ Севастопольской кампаніи; для министерства это будетъ крайне затруднительно, а министръ финансовъ обязанъ отстаивать государственные расходы, не входящія въ смѣту. Я опасаюсь, поэтому и совѣтую вамъ: сбавьте двадцать тысячъ и просите только половину.

Послѣ непродолжительныхъ преній по этому поводу я сдался, переписалъ докладную записку и поставилъ двадцать тысячъ вмѣсто сорока, которыя я прежде просилъ,—что было дѣлать!..

Подобная услуга, которую съ такимъ искреннимъ участіемъ оказалъ мнѣ незабвенный майоръ Василій Кирилловичъ Зубовъ, не можетъ испариться изъ моей памяти, до тѣхъ поръ, пока сердце мое будетъ биться. Много въ жизни приходилось мнѣ встрѣтить участія со стороны людей, но оно почти всегда проистекало изъ какихъ-либо расчетовъ, даже между близкими, а этотъ посторонній человекъ, ни съ того, ни съ сего, давалъ мнѣ такіе искренніе, такіе сердечные совѣты, которыхъ вѣкъ не забудешь.

Наши разговоры не могли не утомить насъ обоихъ, подали ужинъ и затѣмъ мы легли спать. Ночь для меня была очень тяжелая, мысли мои блуждали, меня тяготилъ какой-то бредъ, такъ что я не знаю въ дѣйствительности спалъ-ли я эту ночь...

На другой день утромъ я проснулся также рано, именно въ семь часовъ, но чувствовалъ себя разстроеннымъ и очень взволнованнымъ въ ожиданіи той минуты, когда я долженъ выйти изъ дома и отправиться въ царскосельскій садъ. Сердце мое, я уже не знаю, отъ страха или отъ чего другаго, такъ колотилось, что я ощущалъ каждое его біеніе; я весь дрожалъ и не могъ допить полстакана поданнаго мнѣ чая. Мой сожитель собирался уходить въ Образцовый полкъ на свое ученіе, онъ не могъ не замѣтить моего крайне разстроеннаго состоянія, и какъ человекъ, испытавшій на своемъ вѣку многое, бывавшій въ столькихъ битвахъ, какъ Альма, Черная рѣчка и Севастополь, онъ былъ твердъ духомъ и опять поддержалъ меня нравственно, сказавъ мнѣ очень серьезнымъ тономъ: „когда мужчина рѣшается на какое-либо важное предпріятіе, то робость уже тутъ не можетъ имѣть мѣста“,—протянулъ мнѣ руку, пожалъ ее и вышелъ изъ квартиры.

Это послѣднее, серьезнымъ тономъ сдѣланное мнѣ, замѣчаніе какъ будто-бы пристыдило и вмѣстѣ съ тѣмъ заставило придти въ себя и ободриться.

Я вышелъ изъ дома, когда не пробило еще восьми часовъ; на мнѣ былъ простой статскій скюртукъ, а такъ какъ было уже холодно, то я надѣлъ въ накидку свою старую военную шинель съ бобр-вымъ воротникомъ и такими же лацканами, а на головѣ имѣлъ свою статскую круглую шляпу. Время стояло совершенно осеннее, мрачное, которое еще болѣе наводило на задумчивость и тоску; кажется, это было 6-го ноября.

Когда я въ настоящую минуту вспомню обо всемъ прошломъ, Боже мой, какія меня волновали ощущенія, кто можетъ себѣ достаточно представить все, что мною тогда чувствовалось!... Какая смѣлость была съ моей стороны идти отыскивать гуляющаго государя въ саду и дерзнуть его остановить, чтобы просить о своемъ частномъ дѣлѣ,—я, право, теперь самъ содрагаюсь отъ одной этой мысли, но видно уже такъ, какъ надъ всѣмъ, что въ семъ мѣрѣ творится, это была воля Божія, а такъ какъ все это было и уже прошло, то теперь я совершенно спокойно и подробно расскажу, какъ все со мною происходило въ этотъ достопамятный день.

Войдя въ садъ, я пошелъ прямо по той дорожкѣ, которая огибаетъ большое озеро и проходитъ мимо царскаго дворца.

На пути я никого не встрѣчалъ, кромѣ какихъ-то бабъ съ граблями: осень давала себя чувствовать, было свѣжо и желтый листъ поминутно падалъ съ деревьевъ и засѣвалъ дорожки. Это было именно, какъ я выше сказалъ, кажется, 6-е ноября. Я долго шелъ погруженный въ мои думы и такъ дошелъ до самаго дворца. Какъ только я увидѣлъ дворецъ, это великолѣпное зданіе, я тутъ какъ будто опомнился отъ думъ, которыя меня такъ тяготили. Я остановился на дорожкѣ, по которой я шелъ; она какъ разъ была противъ самаго дворца, конечно, на нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Меня вдругъ взяло сильное раздумье: вышелъ-ли государь изъ дворца и пошелъ-ли онъ въ садъ, какъ это узнать? Потомъ, ежели государь вышелъ, то въ какую сторону онъ направился, ибо мнѣ надо идти ему на встрѣчу; кого-же спросить? но на дорогѣ никого не было и при томъ, ежели бы даже кто нибудь и находился на дорожкѣ, мнѣ казалось неумѣстнымъ спрашивать о томъ, вышелъ-ли государь изъ дворца и въ какую сторону онъ направился; мнѣ издали виднѣлись часовые, которые стояли на постахъ у дворца; но для меня еще менѣе было удобно сойти съ дорожки сада, подойти къ самому дворцу и спрашивать часовыхъ о государѣ. Это значило-бы прямо подать на себя какое-либо подозрѣніе, а иной часовой, вслѣдствіе моего вопроса, могъ-бы дать окликъ старшему унтеръ-офицеру караула и меня могли-бы потребовать въ караульный домъ

спросить, что мнѣ нужно, почему я разспрашиваю о государѣ, и вышелъ-бы страшный скандалъ.

Мое отчаяніе доходило до послѣдней крайности, мнѣ казалось, что счастье мое могло-бы быть возможно при встрѣчѣ съ государемъ и оно уходило отъ случайности, что я не нахожу возможнымъ повстрѣчать государя... Я былъ въ сокрушеніи неизъяснимомъ, я не зналъ что дѣлать, и тутъ совершенно какъ-бы безсознательно я повернулъ назадъ и пошелъ по той же самой дорожкѣ, по которой я шелъ при входѣ моемъ въ садъ. Мои мысли блуждали, я удалился отъ дворца, принималъ направленіе, ведущее къ выходу изъ сада: о чемъ я тогда думалъ и помышлялъ—я рѣшительно не могу сказать. Я невольно всматривался вдаль потому, что при всей моей задумчивости я все ожидалъ, что вотъ покажется рѣшетка сада и выходъ и затѣмъ конецъ моему предпріятію. Въ эту минуту я усматриваю, что кто-то идетъ мнѣ на встрѣчу, но на довольно дальнемъ еще разстояніи, и что-то красное у него на головѣ; походка мнѣ показалась довольно быстрая; я вынулъ изъ кармана свою лорнетку и взглянулъ. Оказалось, что это самъ государь Александръ Николаевичъ, въ пальто и въ лейбъ-гусарской красной фуражкѣ. Отъ неожиданности я пришелъ въ трепеть, я такъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, что мнѣ показалось, что во всѣхъ моихъ суставахъ что-то хрустнуло.

Такъ какъ государь шелъ быстро, вѣроятно отъ стужи, то я уже безъ помощи лорнетки могъ видѣть, что съ нимъ идетъ его адъютантъ, кн. Владиміръ Барятинскій. Этого Барятинскаго я зналъ такъ сказать, съ ребяческихъ лѣтъ, когда онъ находился еще въ Пажескомъ корпусѣ, а я въ это самое время въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и мы каждое лѣто въ лагерѣ подъ Петергофомъ бывали вмѣстѣ съ пажами и тутъ сдружились и говорили другъ другу не иначе, какъ ты. Потомъ, когда мы были уже офицерами гвардіи, наши отношенія всегда были очень хорошія, такъ какъ и впоследствии, когда Барятинскій былъ адъютантомъ военнаго министра Чернышева, наши отношенія нисколько не измѣнились.

По мѣрѣ того какъ государь подходилъ ближе ко мнѣ, мой трепеть до того усилился, что я почувствовалъ какую-то внутреннюю дрожь, но по старой памяти военнаго офицера и фронтоваго прежнихъ временъ, когда мы бывали приучены сосредоточиваться сами въ себѣ, я за нѣсколько шаговъ предъ проходящимъ государемъ остановился, какъ-бы дѣлая ему фронтъ, снялъ съ себя шляпу и съ полнымъ благоговѣніемъ поклонился его величеству.

Государь приложилъ руку къ козырьку своей фуражки и чуть

было не прошелъ мимо меня, но я какимъ-то взволнованнымъ голосомъ отъ всѣхъ чувствъ, волновавшихъ меня невольно, вскрикнулъ: „виновать, государь, ежели я осмѣливаюсь васъ обезпокоивать“, и затѣмъ я какъ будто-бы замеръ.

Государь въ эту минуту, имѣя руки въ карманахъ своего пальто, наклонивъ немного голову, подошелъ ко мнѣ вплотную, а кн. Бяратинскій осадилъ шага два или три назадъ и оставался за государемъ.

Его величесво, всматриваясь въ меня очень пристально, назвалъ меня по фамиліи и отрывисто спросилъ:

— „Это ты, что тебѣ надо?“

Я до такой степени оторопѣлъ, что не могъ произнести ни одного звука, языкъ мой какъ будто-бы присохъ къ горлу, я молчалъ. Государь въ это время повернулся къ князю Бяратинскому и спросилъ его, узнаетъ-ли онъ меня,—назвавъ опять мою фамилію.

Государь вспомнилъ, вѣроятно, въ эту минуту то время, когда бывало, въ лагерѣ подъ Петергофомъ, по приѣздѣ юнаго наслѣдника къ палаткамъ Пажескаго корпуса, мы, подпрапорщики и юнкера, окружали его палатку и не отходили отъ нея до самаго отъѣзда наслѣдника цесаревича изъ лагеря.

Когда кн. Бяратинскій отвѣчалъ государю, что онъ меня узналъ еще издали, то государь обратился опять ко мнѣ и повторилъ:

„Говори-же, какую ты имѣешь до меня надобность?“

Въ это время я отчасти оправился отъ моего оцѣпенѣнія и дрожащимъ голосомъ произнесъ: „Я имѣлъ счастье писать къ в. и. величеству и по случаю сгорѣвшей у меня фабрики просилъ ссуды“.

Но я не успѣлъ еще договорить, какъ государь перебилъ меня и сказалъ, что теперь это трудно сдѣлать; онъ, вѣроятно, вспомнилъ теперь о письмахъ, которыя я имѣлъ счастье послать на высочайшее имя.

Когда государь произнесъ эти слова, я обомлѣлъ и видимо измѣнился въ лицѣ: мнѣ пришло въ голову, что теперь уже послѣ словъ, мнѣ сказанныхъ государемъ, конецъ всему, гибель моя неизбежна. Я страшно поблѣднѣлъ и у меня невольно наворачнулись слезы на глазахъ, тутъ я уже не помню хорошо, какъ я началъ умолять государя, скороговоркой, безсвязно; я молилъ его умолившись надъ моимъ бѣдственнымъ положеніемъ, выразивъ его величеству, что единственною моею надеждою на спасеніе была одна только монаршая его милость.

Государь, вѣроятно, замѣтилъ мое страшно взволнованное состояніе, ибо тутъ-же милостивымъ голосомъ спросилъ меня, есть-ли при

мнѣ записка о моемъ дѣлѣ? Я поспѣшилъ вынуть изъ кармана моего сюртука ту докладную записку, которую я написалъ наванунѣ на квартирѣ маіора, и подалъ ее государю. Его величество передалъ мою записку князю Барятинскому, кивнулъ мнѣ головою и потомъ съ Барятинскимъ вмѣстѣ пошелъ по дорожкѣ по направленію ко дворцу.

Я долго стоялъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, я былъ какъ-бы въ какомъ-то онѣженіи, я все смотрѣлъ и смотрѣлъ на удаляющагося отъ меня государя.

Долго, очень долго я стоялъ на одномъ мѣстѣ какъ прикованный. Въ эту минуту я себя точно не помнилъ; я какъ будто-бы не помнилъ всего того, что было со мною, я былъ въ какомъ-то забвеніи; кругомъ меня не было ни души, а мой взоръ между тѣмъ продолжалъ жадно слѣдить за шагами удаляющагося государя; мнѣ вдругъ сдѣлалось жалко, когда государь скрылся съ глазъ моихъ, но такъ жалко, какъ я этого теперь выразить не въ состояніи, потому что я не имѣлъ довольно времени тогда, чтобы излить государю все, что у меня было на душѣ, но всѣ эти чувства по сіе время сохраняются въ моемъ сердцѣ и будутъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока оно не перестанетъ биться.

Выйдя, наконецъ, изъ моего оцѣпенѣнія и совершенно опаматовавшись, я бросился ускореннымъ шагомъ къ выходу изъ сада и хотя квартира моего сожителя находилась довольно близко отъ сада, но я не выдержалъ, взялъ извощика и доѣхалъ до дома. Приѣхавъ домой, я не засталъ Василя Кирилловича, меня разобрала страшная досада, мнѣ такъ хотѣлось ему передать поскорѣе всѣ чувства, которыя меня теперь такъ радовали. Я отправилъ ему записку съ вѣстовымъ, о томъ, что мнѣ необходимо его немедленно видѣть. Онъ, конечно, зналъ хорошо въ чемъ состоитъ мое дѣло, но, не будучи увѣренъ въ успѣхѣ моего предпріятія, опасался не случилось-ли со мною чего-нибудь неприятнаго, почему и поторопился придти домой.

Какъ только онъ вошелъ въ комнату, я бросился къ нему на шею какъ къ моему благодѣтелю, ибо во все продолженіе моей жизни я не помню, чтобы кто-нибудь изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ и даже родныхъ могъ-бы мнѣ оказать такое искреннее, такое сердечное участіе какъ онъ.

Когда я ему рассказалъ всѣ подробности моей встрѣчи съ государемъ, когда я ему сообщилъ о невыразимо милостивомъ ко мнѣ благоволеніи государя, радость насъ обоихъ была безмѣрная.

Во время моего разсказа о томъ, какъ я явился въ царскосель-

скій садъ, какъ я искалъ случая встрѣтить государя, мой сожитель слушая меня, не переставалъ смотрѣть на часы и, наконецъ, прервавъ меня, сказалъ: „Теперь только-что еще десять часовъ, вы успѣете еще съѣздить въ дежурную комнату къ князю Барятинскому, для того, чтобы узнать, что угодно было Государю сдѣлать съ поданною вами ему въ саду докладною запискою“.

До парада лейбъ-гусарскаго полка оставалось еще слишкомъ два часа. Между тѣмъ, Василій Кирилловичъ мнѣ разъяснилъ, что дежурная комната флигель-адъютанта государя находится не во дворцѣ, но переведена рядомъ съ дворцомъ, въ бывшемъ лицей. Я поспѣшилъ взять извозчика и тотчасъ поѣхалъ въ лицей, въ дежурную комнату флигель-адъютантовъ, къ кн. Барятинскому.

Кн. Владиміръ Ивановичъ Барятинскій былъ очень радъ меня видѣть; мы давно съ нимъ не видѣлись, и при томъ между нами и всѣми его братьями всегда существовали хорошія отношенія. Съ его роднымъ братомъ княземъ Александромъ Ивановичемъ, бывшимъ впоследствии фельдмаршаломъ, я въ одно время былъ въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, и былъ всегда на ты. Съ Владиміромъ Барятинскимъ тоже, а съ Анатолиемъ, который впоследствии командовалъ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ, хотя я и не былъ коротко знакомъ, но мы были всегда въ хорошихъ отношеніяхъ и мой сынъ въ то время былъ у него въ полку офицеромъ.

Владиміръ Барятинскій усадилъ меня около себя, налилъ мнѣ чашку кофе и сказалъ: „Какой ты, братецъ, чудакъ, останавливаешь на дорогѣ государя, а самъ молчишь! Я, находясь за государемъ, дѣлалъ тебѣ знаки, чтобы ты скорѣе отвѣчалъ. Ты, вѣрно, очень испугался? А какъ милостивъ нашъ государь! Какъ милостивъ государь!“ повторилъ князь; видно было, что, произнося эти слова, Барятинскій съ обожаніемъ говорилъ о государѣ, ибо онъ присовокупилъ: „Его величество не забываетъ, а напротивъ того, помнитъ всѣхъ насъ, ему современныхъ сослуживцевъ. Всѣхъ, кого государь зналъ въ дѣтскихъ своихъ годахъ, онъ не забылъ и всѣмъ благодарствуетъ. Смотри, какъ только я съ государемъ возвратился во дворецъ, е. в. тотчасъ потребовалъ отъ меня поданную ему тобою записку и приказалъ мнѣ съ курьеромъ тотчасъ отправить ее къ министру финансовъ“.

Услыхавъ это, я былъ сконфуженъ, зная, что министръ финансовъ Брокъ на меня негодуетъ и все то, что онъ говорилъ обо мнѣ Абр. Серг. Норову, доказывало, что онъ далеко не расположенъ мнѣ помочь. Барятинскій, замѣтя, вѣроятно, мое минутное смятеніе, сказалъ мнѣ:

— „Послѣ надписи, которую государь своеручно сдѣлалъ на твоей докладной запискѣ, тебѣ нечего сомнѣваться, министр и не помыслить не исполнить его желанія. Его величество написалъ слѣдующее:—„Я долженъ помочь отставному подполковнику Колокольцову, какъ старому моему товарищу“.

Эту дорогую для меня надпись, сдѣланную Государемъ Александромъ Николаевичемъ своеручно на моей запискѣ, я просилъ послѣдствіи министерство отдать мнѣ вмѣстѣ съ моею запискою на память, но министерство мнѣ дважды отказало въ этой просьбѣ. Въ министерствѣ финансовъ записка эта должна храниться донинѣ, какъ документъ о пожалованіи мнѣ государемъ двадцати тысячъ рублей: все это было приблизительно въ 1857 году.

Распростившись съ кн. Барятинскимъ, я пріѣхалъ домой и съ неизъяснимымъ восторгомъ рассказалъ моему сожителю о моей бесѣдѣ съ старымъ моимъ товарищемъ.

Мой сожитель, Василій Кирилловичъ Зубовъ, совѣтывалъ мнѣ не терять болѣе времени, сейчасъ отправляться въ Петербургъ и съ часа на часъ ожидать призыва къ министру финансовъ. Все такъ и случилось. Пообѣдавъ у него въ послѣдній разъ, я распростился съ нимъ и далъ ему обѣщаніе не уѣзжать въ деревню не побывавъ опять у него.

По прошествіи трехъ дней я получилъ изъ министерства финансовъ казенный конвертъ опять съ министерскою печатью. Министерство извѣщало меня, что на слѣдующій день въ 12 час. дня я приглашаюсь пожаловать къ министру для нѣкоторыхъ объясненій. Хотя мнѣ было хорошо извѣстно, почему я приглашаюсь къ министру, но какое-то предчувствіе мнѣ вѣщало не совсѣмъ доброе. Я, конечно, заглушилъ въ себѣ это предчувствіе, одѣлся во фракъ, это было какъ-разъ въ пятницу, и отправился къ министру.

Домъ министра финансовъ тогда находился въ Большой Миліонной, противъ казармъ л.-гв. Павловскаго полка, именно тамъ, гдѣ нѣкогда жилъ бывшій министръ финансовъ гр. Канкринъ, а теперь (въ 1857 г.) жилъ статсъ-секретарь Брокъ. Когда я вошелъ въ пріемную комнату, въ ней никого не было; но рядомъ была другая комната, въ которой сидѣли чиновники; одинъ изъ нихъ, вѣроятно дежурный, подошелъ ко мнѣ, спросилъ мою фамилію и сказалъ, что когда сойдетъ сверху одинъ изъ генераловъ, который у министра, тогда онъ доложитъ обо мнѣ. Такъ и случилось. Министръ потребовалъ меня къ себѣ наверхъ. Я поднялся по лѣстницѣ и опять какой-то чиновникъ отворилъ мнѣ дверь кабинета и вошелъ.

Кабинетъ министра финансовъ Брока была комната очень большая. Въ углубленіи этой комнаты стоялъ большой столъ, обтянутый зеленымъ сукномъ. На столѣ этомъ лежало много бумагъ. Министръ Брокъ сидѣлъ у стола во фракѣ съ бронзовыми пуговицами, въ рукахъ у него находился длинный-предлинный карандашъ; вѣроятно, онъ дѣлалъ какіе-либо расчеты.

Войдя въ дверь, я ему поклонился. Отдавая мнѣ поклонъ, онъ пригласилъ меня подойти ближе къ его столу.

— „Вы два раза писали государю и оба раза просили ссуды подъ вашу суконную фабрику, которая сгорѣла, сорокъ тысячъ рублей, началъ министръ. — Послѣ того вы теперь лично рѣшились еще утруждать государя и въ докладной запискѣ, поданной вами вы просите ссуду уже не въ сорокъ, а въ двадцать тысячъ рублей. Вы сами не знаете, что вамъ нужно и чего вамъ просить, все это доказываетъ, что вы какъ фабрикантъ, имѣющій дѣло съ казною, не надежный, не состоятельный, но государю императору угодно вамъ помочь какъ старому его товарищу.... Гдѣ-же вы служили?“ отрывисто вдругъ спросилъ меня министръ.

Я отвѣчалъ, что, находясь еще въ школѣ гвардейскихъ подпорщиковъ и юнкеровъ, я имѣлъ счастье быть известнымъ государю императору и впоследствии я долго служилъ въ гвардіи. На это министръ мнѣ сказалъ:

— „Вы не соображаетесь съ обстоятельствами, у министерства кромѣ васъ имѣются огромные расходы и оно не въ состояніи выдавать такія суммы каждому изъ заводчиковъ; я предлагаю вамъ вмѣсто двадцати тысячъ рублей, которыя вы просили у государя, принять десять тысячъ рублей“.

Я молчалъ. Министръ повторилъ мнѣ еще разъ то-же самое. Мое положеніе въ эту минуту было невыразимо трудное, я зналъ, что отъ министра все зависитъ; его, какъ единственнаго докладчика по этому предмету, я боялся раздражать, ибо однимъ словомъ, имъ доложенномъ обо мнѣ государю, я могъ потерять все милостивое ко мнѣ расположеніе его величества, а вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе мое принять десять тысячъ вмѣсто двадцати не усграивало мои дѣла, а разстраивало ихъ. Послѣ нѣкотораго колебанія я рѣшился сказать министру, что, принявъ десять тысячъ рублей, я потеряю всякую возможность устроить фабрику и что на меньшее мнѣ невозможно согласиться. Министръ не далъ мнѣ договорить; видно было, что онъ отчасти вознегодовалъ на меня и произнесъ: „въ такомъ случаѣ я сдѣлаю распоряженіе, чтобы засеквестровать все ваше имѣніе до тѣхъ поръ, пока поставляемое съ вашей фабрики

тукно своею цѣнностію не покроеть выданнаго вамъ изъ казны капитала въ двадцать тысячъ рублей, и ежели только фабрика ваша не будетъ своевременно выставлять въ комиссію заподраженныя казною сукна, посредствомъ коихъ комиссіею будетъ удерживаться извѣстная часть изъ слѣдующихъ вамъ денегъ на покрытіе вашего долга, то засеквестрованное имѣніе ваше и фабрика все будетъ продано съ молотка. Все это я прикажу поставить въ условіе, которое вы должны будете заключить съ казною и которое вы обязаны подписать, ибо иначе вы не получите просимой вами суммы денегъ. Прошу васъ сойти внизъ въ мою канцелярію, распоряженіе теперь-же будетъ сдѣлано“.

Такимъ образомъ, я пробылъ въ канцеляріи министра Брока еще болѣе двухъ часовъ, пока условіе, которое я долженъ былъ заключить съ казною, было составлено, рассмотрѣно министромъ, мною подписано и имъ скрѣплено. Затѣмъ, мнѣ былъ выданъ талонъ въ главное казначейство и я на другой день по этому талону получилъ изъ казначейства эти двадцать тысячъ рублей.

Такимъ образомъ одно только благодѣяніе, оказанное мнѣ милосердымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ, спасло меня и семью мою отъ гибели!....

При одномъ воспоминаніи о покойномъ государѣ Александрѣ Николаевичѣ мое сердце переполняется жгучими слезами.... Всѣ народы Россіи вѣчно будутъ помнить дѣянія Царя-Освободителя.

Дм. Григ. Колокольцовъ.

1890 г.

Примѣчаніе. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ помѣстили на страницахъ „Русской Старины“ вышеприведенный разсказъ маститаго старца, храбраго воина, съ такимъ глубоко искреннимъ чувствомъ вспомявшаго милосердаго монарха Александра II.—Въ виду разсказа Д. Г. Колокольцова и не упоминая о тысячахъ лицъ, облагодѣтельствованныхъ покойнымъ государемъ, вспомнимъ одного изъ самыхъ близкихъ къ нему, какъ напр. графа Александра Владиміровича Адлерберга, и выразимъ увѣренность, что графъ, человекъ прекрасно владѣвшій перомъ, конечно, также оставилъ записки о своемъ благодѣтелѣ и августѣйшемъ другѣ? Если это такъ, то желательно было-бы видѣть хотя отрывки изъ нихъ въ печати.

Ред.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ ЩЕРВИНА.

Николай Васильевичъ Бергъ въ живыхъ и талантливыхъ строкахъ набросалъ картину литературнаго салона въ Москвѣ Авдотьи Павловны Глинки и ея мужа Федора Николаевича Глинки — писательницы и писателя въ свое время довольно извѣстныхъ и людей во всѣхъ отношеніяхъ благодушныхъ. Николай Федоровичъ Щербина посвятилъ этой-же Авдотѣ Павл. Глинкѣ хвалебную пѣснь, которая вмѣстѣ съ другими его хвалебными пѣснями вошла въ собраніе его сочиненій, изданныхъ въ 1873 году (стр. 294 и друг.). Здѣсь кстати напомнить эту пѣсню:

Хвалебная пѣснь

блаженной и нищелюбивой Авдотѣ, литературы и благотворительности ради юродивой, иже съ нею седмицати старицамъ въ благотворительномъ ея пріютѣ голодавшимъ и отъ глада въ богослассаемомъ градѣ Москвѣ околѣвшимъ:

Радуйся, (псалтыри) чтаніе,
 Радуйся, смертныхъ званіе,
 Радуйся, бѣсовъ изгнаніе,
 Радуйся, нищимъ надобданіе,
 Радуйся, истертыхъ пятаковъ раздаваніе,
 Радуйся, богодѣленныхъ старицъ голоданіе,
 Радуйся, Гегеля проклинаніе,
 Радуйся, Федора обожаніе,
 Радуйся, псалмовъ писаніе,
 Радуйся, на арфѣ играніе,
 Радуйся, сѣдыхъ локоновъ вѣбваніе,
 Радуйся, костлявой шеи обнаженіе,
 Радуйся, омиама кажденіе,
 Радуйся, на чужой счетъ благотвореніе,
 Радуйся, къ „Натуральной Школѣ“ омерзеніе,
 Радуйся, въ рай поползновеніе,
 Радуйся, вавилонской блудницы боготвореніе,
 Радуйся, къ мистицизму прилѣпленіе,
 Радуйся, ханжества распространеніе,
 Радуйся, бездарныхъ книжицъ сочиненіе,
 Радуйся, здраваго смысла поношеніе,
 Радуйся, злобы затаеніе—

Нищелюбивая Авдотья, радуйся!

Ефремъ Сиринъ.

Русская эпиграмма.

Правой мысли цвѣтъ и сила!
 Вамъ Россія сущій гробъ:—
 Въ ней есть Д—тъ, сей Аттила
 Всероссийскихъ

1854 г.

Вопросъ.

Кто ходъ людей сдержалъ отъ вѣка,
 Кѣмъ скованъ генія полетъ,
 Кто дикимъ дѣтствомъ челоуѣка
 Коварно пользуясь живетъ?—

Викентій Курильскій.

1859 г.

Оеодорова Бориса во снѣ видѣтъ — для взрослыхъ предвѣщаетъ доносъ, а для дѣтей наказаніе (Изъ „Сонника“ Н. О. Щербинны).

Мы видѣли изъ Записокъ Н. В. Берга, какъ онъ добродушно и въ то-же время тонко очертилъ въ своихъ Запискахъ Н. О. Щербину („Русская Старица“, томъ LXIX, февраль, стран. 258—261), и это послѣ того, какъ Бергу были хорошо извѣстны желчныя выходки Щербинны противъ него. Вотъ однѣ изъ этихъ выходокъ въ извѣстномъ „Сонникѣ“, нами изданномъ въ собраніи сочиненій Щербинны (Сиб., изд. 1873 г., стр. 329).

„Берга—нѣмчина „брегомъ“ или „брехомъ“ себя нарицающаго мня быти ему Славянномъ—видѣтъ во снѣ предвѣщаетъ быть себѣ на умѣ; сдѣлаться перебѣжникомъ и Омеръ-Пашею „Москвитянина“, получить нѣкоторыя выгоды... и будучи нѣмцемъ выгодно патріотствовать на славянскихъ хлѣбахъ“.

Насмѣшнику.

У насъ кресты—не за таланты,
 За трудолюбіе кресты:
 Тарифа-ли представилъ планъ ты,—
 И будешь кавалеромъ ты...
 Зачѣмъ, съ насмѣшкой горделивой,
 На ордена вносить хулы: —
 Вѣдь и осель трудолюбивый
 Достоннъ тоже похвалы.

16-го января 1869 г.

Н. О. Щербина.

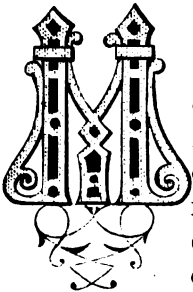
ДВОРЯНСКІЙ ПОЛКЪ

въ воспоминаніяхъ одного изъ его воспитанниковъ.

2-ое сентября 1848 г.

Все не вѣчно, все пройдетъ,
Что пройдетъ, то будетъ мило.

А. Пушкинъ.

ой отецъ слишкомъ понадѣялся на мою хорошую подготовку къ экзамену въ Инженерное училище, гдѣ онъ самъ воспитывался и куда думалъ опредѣлить меня. Его бывший товарищъ по училищу, баронъ К. ф. Юр., къ которому онъ обратился съ письмомъ обо мнѣ, нашель мою подготовку вполне достаточною; но такъ какъ я прѣѣхалъ изъ Сибири въ Петербургъ къ самому началу пріемныхъ экзаменовъ въ училищѣ, то уже не имѣлъ возможности поступить въ его подготовительный пансіонъ, и началъ свои экзамены прямо.

При началѣ экзамена изъ cadaго предмета меня спрашивали предварительно—гдѣ я готовился? Я отвѣчалъ, что дома, въ Омскѣ, у преподавателей сибирскаго кадетскаго корпуса, и, къ моему удивленію, не смотря на свои, сравнительно съ другими экзаменуящими, хорошіе и бойкіе отвѣты, болѣе 9-ти балловъ не получалъ. Сбившись въ перечисленіи деталей орденовъ гражданской архитектуры и отстаивая, при рѣшеніи алгебраической задачи, способъ, переданный мнѣ въ Омскѣ, а не тотъ, какимъ экзаменаторъ предложилъ мнѣ сдѣлать ее, я получилъ изъ этихъ предметовъ неудовлетворительные баллы, и мнѣ объявили, что я не могу быть принятъ

въ училище. Какіе именно неудовлетворительные баллы я получилъ на экзаменѣ, мнѣ не сказали.

Въ страшномъ горѣ и отчаяніи я отправился прямо изъ Инженернаго замка въ штабъ гвардейскаго корпуса, гдѣ жила моя крестная мать, вдова сенатора, Луиза Тимофеевна де Сентъ Лоранъ, и повѣдалъ ей мое несчастье. Что дѣлать, какъ быть? Для поступленія куда либо юнкеромъ, я былъ еще молодъ, мнѣ минуло только 15-лѣтъ; въ корпуса—запоздалъ. Она вспомнила о своемъ знакомствѣ съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, послала за каретой и забрала меня съ моими документами.

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, жившій на Васильевскомъ островѣ, рядомъ съ 1-мъ кадетскимъ корпусомъ, на наше счастье былъ дома, и принялъ добрѣйшую Луизу Тимофеевну въ ту-же минуту. Она представила меня ему, рассказала мою неудачу въ Инженерномъ училищѣ и приступила съ просьбою посовѣтовать ей,—что со мною дѣлать, чтобы опредѣлить въ какое-либо учебное заведеніе?

Разсмотрѣвъ мои документы, Яковъ Ивановичъ сказалъ, что для поступленія моего въ Инженерное училище онъ не можетъ ничего сдѣлать. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ по русски, такъ какъ до того Луиза Тимофеевна вела съ нимъ разговоръ по французски.

— „Гдѣ вы готовились для экзамена въ Инженерное училище?“

— Я, в. п., готовился дома, сначала, когда мой папа служилъ въ Оренбургѣ, я пользовался уроками преподавателей тамошняго кадетскаго корпуса, а когда онъ переѣхалъ въ Омскъ, то мнѣ давали уроки преподаватели сибирскаго корпуса, куда я даже ходилъ въ классы.

— „Съ чьего разрѣшенія?“

— Съ разрѣшенія князя Горчакова ¹⁾, котораго я лично о томъ просилъ.

— „Вотъ какъ! Самого лично?“

— Его сіятельство, на дѣтскомъ вечерѣ, у директора корпуса генерала Шрамма, замѣтивъ меня, подозвалъ къ себѣ, и узнавъ, что я, живя при отцѣ, готовлюсь въ Инженерное училище, спросилъ меня—не удобнѣе-ли мнѣ будетъ посѣщать соотвѣтствующіе классы корпуса, котораго онъ состоитъ попечителемъ? Я сказалъ, что это зависитъ отъ самого князя, и былъ-бы очень благодаренъ,

¹⁾ Петра Дмитриевича, генераль-губернатора западной Сибири и попечителя сибирскаго кадетскаго корпуса.

если-бы получилъ отъ него на то позволеніе. Онъ спросилъ генерала Шрамма, — можно-ли это сдѣлать, на что получилъ утвердительный отвѣтъ, и дозволилъ мнѣ посѣщать классы ежедневно.

— „Въ какомъ вы классѣ слушали лекціи?“

— Слушалъ лекціи, отвѣчалъ уроки и держалъ переходный экзаменъ въ старшій классъ вмѣстѣ съ кадетами средняго класса.

— „Вы держали экзаменъ по всѣмъ предметамъ преподаванія?“

— По всѣмъ предметамъ, в. п., и наравнѣ съ лучшими учениками класса.

— „Это значительно облегчаетъ дѣло. Ce jeune homme peut-être inscrit à Régiment des nobles“.

— A Régiment des nobles! C'est la garde ou l'armée? спросила крестная.

— „C'est une école militaire, où les cadets de corps provinciales finissent leurs études. Je ne sais pas, s'il a raison en parlant de ses études en Sibérie; je connais très peu ces oursons“.

— Mon général! Je vous assure, que mes études allaient toujours bon et que j'ai fait mon exament.

— „Fort bien! Vous parlez français. Où l'avez vous appris?“

— A Orenbourg, mon général, dans le pension de monsieur Dandeville.

— „Peut-être même vous dansez?“

— J'avais appris des danses et l'escrime chez monsieur d'André, le meilleur maitre de tout Orenbourg.

— „Alors vous n'êtes pas du tout un ourson. Pardon. Nous avons besoin de pareil, et Régiment des nobles sera bien content de vous recevoir. J'écrirai à l'instant à général Gresser, que le jeune homme se présente avec ses documents et ma lettre, et je peux vous féliciter auparavant, qu'il sera admis. J'espère, que vous serez digne de ma recommandation“.

(Переводъ) Юношу можно опредѣлить въ Дворянскій полкъ.

Въ Дворянскій полкъ! Это гвардія или армія?

Это военно-учебное заведеніе, гдѣ кончаютъ курсъ кадеты губернскихъ корпусовъ. Я не знаю, насколько онъ правъ, говоря о своихъ занятіяхъ въ Сибири; я мало знаю этихъ медвѣжатъ.

Ваше превосходительство! Увѣряю васъ, что я всегда хорошо учился и выдержалъ экзаменъ.

Прекрасно! Вы говорите по французски. Гдѣ вы обучались этому языку?

Въ Оренбургѣ въ пансіонѣ г-на Дандевилля.

Вы, пожалуй, и танцуете?

Я обучался танцамъ и фехтованію у господина d'Андрэ, бывшаго лучшимъ учителемъ въ Оренбургѣ.

Значитъ, вы совсѣмъ не медвѣженокъ. Извините. Намъ такихъ надо и Дворянскій полкъ будетъ вамъ очень радъ. Я сейчасъ-же напишу генералу Грессеру; пусть молодой человекъ явится къ нему со своими документами и моимъ письмомъ, и могу васъ поздравить напередъ, что онъ будетъ приятель. Надѣюсь, что вы оправдаете мою рекомендацію.

Мнѣ не долго пришлось слушать разговоръ крестной съ М-ше Ростовцовой или какой другой дамой, бывшей при томъ. Черезъ пять минутъ Яковъ Ивановичъ показался съ готовымъ письмомъ въ рукахъ и крестная повезла меня далѣе.

Подѣхавъ къ какому-то высокому красному зданію, такъ хорошо мнѣ знакомому впоследствии, она послала меня одного съ письмомъ генерала Ростовцева и моими документами, отговариваясь тѣмъ, что лично съ генераломъ Грессеромъ не знакома.

Швейцаръ мнѣ сказалъ, что генерала нѣтъ дома; но узнавъ, что я съ письмомъ отъ Якова Ивановича Ростовцева, сейчасъ-же поднялся со мною на лѣстницу, гдѣ на площадкѣ разговаривали два полковника. Одному изъ нихъ, пониже ростомъ, онъ сказалъ, что у меня есть экстренное письмо генералу отъ самаго начальника штаба, которое я долженъ лично передать, и потому — ждать-ли мнѣ, или явиться завтра?

— „Вы знаете содержаніе письма?“ спросилъ меня полковникъ.

— Вѣроятно о моемъ опредѣленіи въ полкъ. Вотъ и мои документы. Меня дожидаетъ въ каретѣ генеральша де-Сентъ-Лоранъ, моя крестная, у которой я теперь нахожусь.

— „Очень хорошо. Когда вернется генераль — неизвѣстно, а вашей генеральшѣ въ каретѣ врядъ-ли захочется долго ждать. Я представлю генералу ваше рекомендательное письмо отъ начальника штаба и документы. Я инспекторъ классовъ, полковникъ Павловскій. Стажите адресъ вашей генеральши, — завтра получите отвѣтъ“.

— Она живетъ въ штабѣ гвардейскаго корпуса, квартира полковника фонъ-Штемпеля. Позвольте узнать, не братъ-ли вамъ Левъ Михайловичъ Павловскій, ротный командиръ сибирскаго кадетскаго корпуса?

— „Родной братъ. Откуда вы его знаете?“

— Я ходилъ въ классы сибирскаго корпуса, а Левъ Михайловичъ преподавалъ намъ уставъ; онъ хороший знакомый моего отца, и когда ѣздилъ верхомъ въ ближайшую отъ Омска деревню, то почти всегда бралъ съ собою и меня.

— „Прекрасно. Будемъ знать. Запишите у швейцара вашъ адресъ“.

Вернувшись къ крестной, я ей рассказалъ свою встрѣчу и мы

поѣхали обратно. Остальную часть дня я провелъ въ большомъ волненіи, да и крестная волновалась не менѣе меня.

Часовъ около 9-ти вечера, когда мы сидѣли за чаемъ, крестной подали пакетъ. Она его вскрыла—оказывается любезное письмо Грессера, гдѣ онъ проситъ прислать меня на другой день къ 9-ти часамъ утра въ Дворянскій полкъ для экзамена.

Въ 8 час. утра слѣдующаго дня я поѣхалъ на Петербургскую сторону, къ извѣстному мнѣ уже красному 4-хъ-этажному зданію и, достигнувъ его, по разнымъ лѣстницамъ, корридорамъ, переходамъ, послѣ многихъ разспросовъ, добрелъ до длинной, узкой комнаты, полковой библіотеки. Кромѣ множества шкафовъ съ книгами по стѣнамъ, въ ней стояли 5 или 6 столовъ, а за ними сидѣли военные и статскіе экзаменаторы. Почти при входѣ меня встрѣтилъ высокій артиллерійскій полковникъ (Шуббе, Александръ Карловичъ), который спросилъ у меня фамилію и, найдя ее въ своемъ спискѣ, подвелъ къ ближайшему экзаменатору изъ нѣмецкаго языка, Шепферу, очень снисходительному нѣмцу. Затѣмъ отъ него я постепенно перекочевывалъ къ французу Кууу, поговорившему со мною по французски и мирно направившему меня къ русскому экзаменатору [Кириллъ Вас.] Смирнову, очень нелюбезно меня встрѣтившему и вообще ко мнѣ строже отнесшемуся, чѣмъ всѣ тѣ экзаменаторы, у которыхъ пришлось мнѣ перебивать въ то утро. Я началъ было увядать, но къ намъ подошелъ полковникъ Шуббе и, улыбаясь, принялся помогать болѣе мнѣ, чѣмъ Смирнову. Отъ него я постепенно переходилъ къ историку Кони, къ географу Вержбиловичу, къ математику Сарычеву, къ священнику Рождественскому, оставшемуся особенно довольнымъ моими отвѣтами, такъ какъ я зналъ весь прощенный катехизисъ, и частью исторію церкви. У трехъ послѣднихъ мнѣ пришлось экзаменоваться съ другимъ поступающимъ, довольно плохо подготовленнымъ, а потому приходилось отвѣчать и за себя и за него, что мнѣ очень помогло.

Едва я успѣлъ отэкзаменоваться у отца Іоанна, какъ вошелъ мой вчерашній знакомецъ Дмитрій Михайловичъ Павловскій, вскорѣ, подозвавъ меня къ себѣ.

„Какъ экзамены?“ спросилъ онъ меня сурово, хмурия брови и не смотря на меня.

— Кажется, хорошо, господинъ полковникъ.

„Даже очень хорошо, прибавилъ отецъ Іоаннъ,—онъ знаетъ и то, что проходится только въ 1-мъ спеціальному классѣ. Вообще изъ испытуемыхъ мною сегодня,—это лучший. Да вотъ и остальные господа экзаменаторы“.

Всѣ, у кого я экзаменовался уже, кромѣ Смирнова, подошли къ Павловскому и, вмѣстѣ съ Шуббе, давали обо мнѣ лестные отзывы. что очень меня утѣшило послѣ горькой неудачи Инженернаго училища. Вопросовъ въ полку мнѣ предлагали болѣе, я отвѣчалъ и письменно, и устно; почти непрерывно, въ теченіи цѣлаго утра. былъ занятъ отвѣтами, и всѣ ими оставались, видимо, довольны: меня хвалили и одобряли, хотя за 3—4 дня промежутка я ничего почти не читалъ, и не могъ подготовиться лучше!..

Голодный, усталый, но окрыленный успѣхомъ экзамена, летѣлъ я на извозчикѣ къ крестной, подѣлиться съ ней моею радостью и поблагодарить ее за хлопоты обо мнѣ у Якова Ивановича. Она отправилась къ нему въ тотъ-же часъ и вернулась отъ него со словами: „что одно его письмо не помогло-бы мнѣ, если-бы я зналъ хуже, чѣмъ требуется“. У Грессера она все-таки не была.

30-го августа она получила извѣщеніе изъ полка о представленіи меня туда для осмотра, зачѣмъ я и отправился на другой день къ 9-ти часамъ утра. Въ кабинетѣ инспектора я засталъ другаго помощника, по лковника Григорьева, который отправилъ меня съ писаремъ въ лазаретъ. Опять переходы по длиннѣйшимъ коридорамъ, спусканіе и подниманіе по лѣстницамъ, открываніе и запираніе дверей. Въ лазаретѣ меня принялъ офицеръ, записалъ фамилію и предложилъ присоединиться къ другимъ ожидавшимъ.

Такъ какъ большая часть поступающихъ новичковъ оказалась подготовлявшимися въ какомъ-либо петербургскомъ пансіонѣ, то всѣ они были одѣты въ черныя суконныя курточки и сѣросиніе панталоны. Остальные были въ разнообразныхъ домашнихъ костюмахъ, и только одинъ я въ визиткѣ и шляпѣ, что послужило къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Такъ, при входѣ старшаго врача Тукмачева, онъ сейчасъ-же обратился къ офицеру, съ замѣчаніемъ о неоднократной своей просьбѣ, чтобы къ осмотру поступающихъ не допускали ихъ родителей и родственниковъ. Офицеръ ему отвѣтилъ, что такихъ и нѣтъ ни одного.

— Какъ ни одного? А этотъ?

„Это также поступающій“.

Тукмачевъ довольно плохо видѣлъ и потому подошелъ ко мнѣ въ упоръ. Осмотрѣвъ внимательно мое лицо и глаза, при чемъ далеко не нѣжно отворачивалъ большимъ пальцемъ своей руки мои нижніе вѣки, онъ удостовѣрился, по юности моего облика, что я не родительскъ но все-таки спросилъ сколько мнѣ лѣтъ?

— Пятнадцать.

„Прошу васъ, господа, раздѣться совсѣмъ и входить ко мнѣ въ слѣдующую комнату по переключкѣ“.

Пошла большая кутерьма. Въ комнатѣ, кромѣ столика и стула, на которомъ сидѣлъ офицеръ, не было никакой мебели и пришлось снимаемыя вещи класть на подоконникахъ трехъ оконъ или на полу. Я былъ въ числѣ болѣе бойкихъ и занялъ часть одного подоконника, уступивъ мѣсто и Бергеру, вмѣстѣ со мною экзаменовавшемуся, радостно подошедшему ко мнѣ еще при моемъ входѣ. Оказалось, что мы уже были размѣщены по классамъ, и меня, его, да еще красавца Поля вызвали въ числѣ первыхъ. Поля держался вообще особнякомъ и ни съ кѣмъ не заговаривалъ, а спрашивавшимъ его отвѣчалъ сквозь зубы и не поворачивая головы. Но этотъ-же Поля стоялъ передъ Тукмачевымъ въ изысканно-почтительной позѣ.

Осмотръ состоялъ изъ освидѣтельствванія мѣстъ прививки оспы, рукъ и ногъ, зубовъ, ушей, глазъ, походки, а также нѣтъ-ли у кого грыжи. Скопфуженные вообще, мы съ Бергеромъ тряслись, какъ въ лихорадкѣ; но Поля смѣло выставлялъ свое мощное, упитанное тѣло и заслужилъ снисходительнаго щипка отъ Тукмачева.

Послѣ осмотра намъ почти всѣмъ объявили, что мы приняты; но Полю и Бергеру оставались еще кое-какіе экзамены, почему имъ было сказано отправиться въ ту-же залу, гдѣ экзаменовали насъ всѣхъ вообще сначала. Мнѣ-же Григорьевъ объявилъ, чтобы я на другой день, въ 8 часовъ утра, явился совсѣмъ въ полкъ.

Крестная была католичка, но не смотря на то, она въ тотъ-же день свозила меня на Петербургскую сторону въ домикъ Петра Великаго и отслужила тамъ молебенъ Нерукотворенному Спасу. Занятый обстановкою покоя, молящимися, множествомъ образовъ, зажженныхъ свѣчей, безпрестанно пережѣняемыхъ новыми свѣчами. я не такъ усердно молился, какъ-бы слѣдовало, за что получилъ отъ нея послѣ молебна выговоръ, чѣмъ былъ очень смущенъ.

Въ среду, 1-го сентября, простясь наканунѣ съ добрѣйшею крестною, я всталъ рано, напился молока, поѣлъ булки и отправился въ полкъ. Въ 8¹/₄ ч. я уже былъ въ извѣстномъ мнѣ инспекторскомъ кабинетѣ, гдѣ Григорьевъ объявилъ мнѣ, что я по классу назначенъ во 2-е отдѣленіе 4-го общаго, а по ротѣ — въ 1-ю дворянскую.

„Въ классъ васъ отвѣдутъ сейчасъ-же, а въ роту вы пойдете вмѣстѣ съ вашими товарищами той-же роты послѣ утреннихъ классовъ, и явитесь къ ротному командиру, которому уже извѣстно о вашемъ зачисленіи. Лаборантъ! Проводи ихъ во 2-е отдѣленіе 4-го класса“.

Поднявшись еще выше, мы вступили съ лаборантомъ въ длинный корридоръ. Лаборантъ, вѣроятно, полѣнясь со мною ходить,

отговорился недосугомъ, и показавъ мнѣ на конецъ коридора и сказалъ, что, не доходя до конца, предпоследняя дверь направо, это и есть мой классъ, быстро отъ меня удалился.

По обѣимъ сторонамъ коридора вели двери въ разные классы.

Иные были заперты и черезъ ихъ стекла было видно, что въ тѣхъ классахъ уже шли занятія: нѣкоторые были отворены, но воспитанники сидѣли довольно спокойно, читая или разговаривая другъ съ другомъ. Не доходя конца коридора, я встрѣтилъ послѣдшне идущаго воспитанника и спросилъ его:

— Гдѣ 2-е отдѣленіе 4-го класса?

„Вотъ! Отворенная дверь“.

Это было уже въ 4—5-ти шагахъ, дверь была отворена и я влетѣлъ въ классъ, радостно улыбаясь.

Вдругъ раздается команда: „встать“. Всѣ встаютъ, а одинъ изъ воспитанниковъ быстро подходитъ ко мнѣ:

„A deuxième division de quatrième classe général inscrit au tableau vingt trois élèves, point de malades.“

— Vous vous trompez, отвѣчаю я ему, беря за руку, — je suis le même élève, comme vous et tous les autres en classe. J'ai l'honneur de me présenter: ma famille Petrokaoff, et je vous pris faire connaitre à mes camarades.

[Переводъ]. Во второмъ отдѣленіи 4-го общаго класса, по списку, 23 воспитанника; больныхъ нѣтъ.

Вы ошибаетесь; я такой-же воспитанникъ, какъ и всѣ. Я вамъ представляюсь: моя фамилія П—овъ, и васъ прошу познакомить меня съ товарищами.

Онъ краснѣлъ, молчалъ и жалъ мнѣ руку нерѣшительно. Тогда я обращаюсь къ классу, все еще по французски:

— Messieurs! Je suis votre camarade; je vous prie de me prendre à votre société.

[Переводъ]. Господа! я вашъ товарищъ; я прошу васъ принять меня въ свое общество.

Отвѣта отъ переднихъ не послѣдовало, только изъ заднихъ рядовъ послышалось: „Oui, monsieur!“ Я иду по скамейкамъ, пожимаю всѣмъ руки, мнѣ тоже жмутъ и на мои французскія рѣчи отвѣчаютъ смущеннымъ поклономъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, часто потомъ вспоминавшій нашу первую встрѣчу, полтавецъ Акара, рѣшился сказать мнѣ:

„Мы, Monsieur, по французски плохо понимаемъ; говорите съ нами по нашему, по русски, какъ умѣете: мы васъ поймемъ“.

— Господа! Я назначенъ въ этотъ классъ, къ вамъ, и прошу на меня смотрѣть, какъ на своего товарища. Повѣрьте, что я заслужу ваше расположеніе.

„А дурныхъ балловъ ставить не будете?“

— Это дѣло учителей, а не мое; я такой-же ученикъ, какъ и вы.

„Значить, вы не Жакене, нашъ новый учитель французскаго языка?“

— Я Пе—овъ, и только что принять въ полкъ, назначенъ въ 1-ю дворянскую роту, а по классу—къ вамъ.

Поднялись разные возгласы, смѣхъ, опусканье на скамейки, а встрѣтившій меня воспитанникъ Чистосердовъ, оказавшійся старшимъ въ классѣ, посадилъ съ собою рядомъ и началъ разспрашивать: откуда я, гдѣ учился? Онъ-же объяснилъ мнѣ, что меня по костюму и французской рѣчи приняли за вновь назначеннаго учителя французскаго языка Жакене, котораго еще никто не знаетъ, а урокъ какъ разъ французскій; вотъ, не разглядѣвъ, онъ и принялъ меня за Жакене, а за нимъ и весь классъ впалъ въ ту-же ошибку.

Всморъ барабанъ ударилъ перемѣну, поднялся по корридолу шумъ голосовъ, бѣготня и безпрестанное шиканье дежурнаго офицера, иногда смѣняемое его крикомъ. Меня продолжали выдавать за Жакене, и изъ другихъ классовъ прибѣгали смотрѣть на меня; я-же, по просьбѣ Чистосердова, и другихъ товарищей, обращался ко всѣмъ любопытнымъ по-французски, и они быстро исчезали, къ громкому удовольствію класса, что повлекло къ появленію у насъ въ дверяхъ дежурнаго офицера.

„Господа, какъ вамъ не стыдно шумѣть при преподавателѣ?“

— Это не учитель, не Жакене, а воспитанникъ.

„Какъ-же вы пришли въ классъ не переодѣвшись, такимъ франтомъ?“

— Потому что я посланъ инспекторомъ прямо въ классъ, и нигдѣ еще не былъ.

„Какой роты?“

— Первой дворянской.

„Чистосердовъ! Послѣ классовъ укажите ему роту и прикажите явиться къ капитану Гринцевичу“.

Вслѣдъ за симъ кончилась перемѣна, всѣ гулявшіе вошли въ классы; мы усѣлись по скамейкамъ, въ растворенныхъ дверяхъ остался только одинъ Чистосердовъ.

„Господа, Анцыферовъ идетъ!“

Слѣдующіе часы была геометрія, которую у насъ въ классѣ преподавалъ конно-артиллеристъ капитанъ Анцыферовъ. Войдя въ классъ и выслушавъ рапортъ Чистосердова, который ему сказалъ обо мнѣ, новичкѣ, какъ тогда назывались всѣ вновь поступавшіе въ полкъ изъ дому, а не изъ губернскихъ корпусовъ, Анцыферовъ обратился ко мнѣ:

— „Гдѣ вы учились?“

— Дома.

— „У кого готовились передъ поступленіемъ въ полкъ?“

— Въ Петербургѣ ни у кого, а въ Омскѣ ходилъ въ классы сибирскаго кадетскаго корпуса.

— „Кто у васъ преподавалъ тамъ математику?“

— Инженеръ-поручикъ Осиповъ.

— „Много-ли вы прошли?“

— Ариметику и геометрію всю, а изъ алгебры уравненіе 2-й степени.

— „Что вы называете всю геометрію?“

— Планиметрію и стереометрію.

— „Какъ и стереометрію всю?“

— Всю.

— „Пожалуйте къ доскѣ. Господа! У васъ явился товарищъ хвлящійся, что онъ знаетъ больше насъ. Послушаемъ!“

Любя математику вообще и получая у Осипова изъ геометріи всегда двузначные баллы, подзадоренный тѣмъ, что будто-бы я хвалюсь, я всѣ задаваемые Анцыферовымъ теоремы рѣшалъ быстро и достаточно подробно. Онъ поправлялъ меня, безпрестанно поощряя словомъ: „Прекрасно!“ и послѣ 4-й теоремы обратился къ классу:

— „Господа! Онъ въ самомъ дѣлѣ знаетъ то, что намъ еще слѣдуетъ проходить; я беру его себѣ въ помощники и онъ за меня будетъ читать вамъ то, что слѣдуетъ по программѣ. Господинъ Пе...овъ, сотрите съ доски и пишите, а вы, господа, слушайте его какъ меня и замѣчайте“.

Послѣ каждой теоремы, какъ рѣшенной мною безъ его помощи, такъ и съ его поправками, давалось время остальнымъ списать то, что было на доскѣ, и такимъ образомъ я рѣшилъ 6 или 7 теоремъ. Анцыферовъ меня поблагодарилъ, поставилъ мнѣ въ журналѣ 11 балловъ, приписавъ въ концѣ страницы мою фамилію, сказалъ мнѣ, что и на слѣдующихъ урокахъ я буду также читать за него. Но мое испытаніе тѣмъ не кончилось. Начавъ послѣ того вызывать къ доскѣ другихъ, онъ заставлялъ меня, со скамьи, поправлять тѣхъ,

кто ошибался въ отвѣтахъ, и такъ продержалъ меня на чеку до конца класса.

Раздался сигналъ на трубѣ; Анцыферовъ вышелъ изъ класса, Чистосердовъ построилъ насъ по ротамъ, и спросивъ меня, могу-ли я ходить въ ногу, поставилъ въ ряды. Проходя по корридору, я думалъ лишь о томъ, какъ-бы не осрамиться сразу и не наступить на ноги впереди идущему, что мнѣ удалось до конца. Поднявшись еще однимъ этажемъ выше, мы очутились на площадкѣ между 1-й гренадерской и 1-й дворянской ротой, и меня повели къ фельдфебелю.

Тогда фельдфебелемъ въ 1-й дворянской ротѣ былъ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ; выслушавъ отъ меня, что я такой-то, 4-го класса, назначенъ въ эту роту, онъ мнѣ предложилъ явиться къ ротному командиру, капитану Гринцевичу.

— Гдѣ-же онъ?

„Онъ сейчасъ придетъ въ роту, такой высокій, и когда начнетъ обходить, а вы увидите, что ваши товарищи ему кланяются, то подойдите къ нему и явитесь.

Дѣйствительно, вскорѣ послышалось расшаркиванье, и въ залѣ передъ дортуарами показался быстро и молодцовато идущій, кланяясь на обѣ стороны, высокій капитанъ.

— „Кого вамъ угодно?“

— Васъ, капитанъ.

— „Чѣмъ могу служить?“

— Я назначенъ къ вамъ въ роту, такой-то.

— „Такъ вы не къ родственнику? Барковъ, отведи господина Пешова въ цейхгаузъ, скажи, чтобы пригнали что слѣдуетъ, сняли фракъ и остригли. Костенецкій, я назначаю его къ вамъ въ отдѣленіе. Примите и обучите чему слѣдуетъ. Въ какой вы приняты классъ?“

— Въ 4-й общій.

— „Сколько вамъ лѣтъ?“

— Пятнадцать.

— „Танцовать умѣете?“

— Умѣю, а также фехтую и ѣзжу верхомъ.

— „Этого намъ пока не надо. Вотъ сдержите-ли вы ружье и какъ будете вытягивать носокъ—посмотримъ!“

Старый гвардейскій кандидатъ, въ черномъ длинномъ сюртукѣ, съ нашивками въ нѣсколько рядовъ на рукавѣ, Барковъ (настоящая его фамилія была иначе), показалъ мнѣ ротный цейхгаузъ, гдѣ меня быстро преобразили, пригнавъ казенные сапоги,

синіе брюки и черную курточку, съ краснымъ воротникомъ, но безъ погонъ. Бѣлье разрѣшили не мѣнять до вечера, такъ какъ еще не знали моего номера, и, поставивъ въ одномъ бѣльѣ подъ станокъ, посадили на табуретъ, живо остригли, и такъ коротко, что я нигдѣ на головѣ не могъ ущипнуть себѣ волосъ. Обдувъ меня отъ остатковъ волосъ, показавъ, какъ надѣть галстухъ и куртку, каптенармусъ выпустилъ меня изъ цейхгауза, и я пошелъ искать зеркала, чтобы посмотрѣть на себя въ преображенномъ видѣ.

Роты не было, она была на ученьи въ манежѣ, и въ залѣ оставались одни дневальные воспитанники, уткнувшіеся въ книги и записки. Я безъ всякихъ помѣхъ могъ оглядѣть себя и залиться горькими слезами, при видѣ моей печальной метаморфозы.

Вмѣсто узенькихъ сапогъ и брюкъ, сапоги были свободные, какъ валенки, панталоны тоже, лишь стянутые въ поясѣ; плотно обхватывавшій жилетъ и визитка замѣнены широкою, безобразною курточкою на 9-ти пуговицахъ по борту, съ высокимъ краснымъ воротникомъ на крючкахъ, съ непривычки давящими горло. Галстухъ теръ шею, а что сдѣлалось съ лицомъ—Богъ мой, вмѣсто расчесанной модной прически à la moujikъ были не волоса, а черепъ, посыпанный пепломъ; уши какъ-то особенно отходили отъ головы, чего я прежде никогда не замѣчалъ, и мой общій видъ мнѣ показался настолько печальнымъ, униженнымъ, обиднымъ, что слезы лились безостановочно, и только стыдъ, чтобы кто-нибудь не услышалъ моихъ рыданій, удерживалъ меня отъ нихъ, надрывая горло и и грудь.

Но вотъ проходитъ дежурный унтеръ-офицеръ, замѣчаетъ меня и старается возможно урезонить. Чтобы еще болѣе успокоить, онъ ведетъ меня въ 1-е отдѣленіе, гдѣ поступившій еще на прошлой недѣлѣ новичекъ 3-го класса, К—ій, большого роста, въ такой-же формѣ и съ такимъ-же печальнымъ видомъ, обучался поворотамъ по пріемамъ, видимо не дававшимся ему.

Рота вернулась съ ученья. Узнавъ кто Костенецкій, я, наученный дежурнымъ, спросилъ гдѣ моя кровать, столикъ...

— „Вашъ ростъ?“

— Три и пять восьмыхъ, какъ мнѣ сказала каптенармусъ.

— „Барковъ! Прикажете поставить кровать во второмъ ряду между Бенетомъ и Алхазовымъ. Вы помѣститесь между ними, а столикъ и шкафикъ возьмете вмѣстѣ съ Бенетомъ; онъ-же васъ научить дѣлать постель утромъ и вечеромъ. Впрочемъ, вы большой, 4-го класса, выучитесь всему и сами, если внимательнѣе приглядитесь къ тому, что другіе дѣлаютъ кругомъ васъ“.

Бенетъ былъ толстый, красный мальчикъ 3-го класса, усердно уплетавшій ломоть ржаного хлѣба; Алхазовъ былъ мрачный армянинъ одного со мною класса, но другаго отдѣленія. Съ первымъ мы скоро сошлись и потомъ онъ мнѣ дѣлалъ много услугъ, за что я ему готовилъ французскіе переводы и алгебраическія задачи. Но со вторымъ мы разошлись съ 1-го шага.

Вотъ нашъ первый діалогъ:

— „Куришь?“ (басомъ).

— Нѣтъ.

— „Дрянъ! Въ отпускъ будешь ходить?“

— Надѣюсь.

— „Табаку принесешь?“

— Если позволятъ.

— „Скотина! Если не принесешь—изобью!“

Но битъ меня началъ онъ далеко ранѣе, въ тотъ-же день, когда мы пошли къ обѣду, для чего надобно было спускаться по лѣстницамъ 3-хъ этажей и переходить улицу, такъ какъ столовая была рядомъ съ манежомъ.

Костенецкій передъ обѣдомъ спросилъ меня, могу-ли я ходить въ ногу? Уже сдѣлавъ удачный опытъ выхода изъ класса, я далъ удовлетворительный отвѣтъ, и когда былъ поставленъ въ строй, то шель не сбиваясь и не наступая на ноги предъидущему. Но на лѣстницахъ началось мое мученье. Алхазовъ шель за мною и, по моей-ли винѣ или нарочно, наступалъ мнѣ на ноги и пиналъ носками подъ колѣна что у него было силъ. Костенецкій, племянникъ знаменитаго силача артиллериста, замѣтилъ это и такъ метнулъ Алхазова въ сторону, что тотъ едва удержался на ногахъ, а мнѣ приказалъ идти сзади, наблюдая за моими шагами. Я шель не сбиваясь, что онъ замѣтилъ Алхазову, а за обѣдомъ посадилъ меня на краю скамьи, ближе къ себѣ.

Не ѣвшему ничего съ утра, мнѣ показался очень вкуснымъ супъ съ клецками, и я даже съѣлъ ломоть ржаного хлѣба, котораго дома почти никогда не ѣдалъ. Зато тонкіе пласты поджареннаго мяса съ хрѣновымъ соусомъ я ѣлъ уже почти безъ удовольствія, а затѣмъ съѣлъ до конца всю свою порцію макаронъ и выпилъ много квасу, показавшагося мнѣ очень вкуснымъ. Костенецкій замѣтилъ, что я почти не ѣлъ ржаного хлѣба, тогда какъ другіе истребляли его ломтями, и спросилъ причину.

— У насъ въ домѣ ржаной хлѣбъ подаютъ, но также полубѣлый или бѣлый, и я привыкъ болѣе къ послѣднему.

— „Безъ ржаного хлѣба нельзя; если не будете его ѣсть, не будетъ

силы, а сила нужна военному человѣку. Вы не институтка. У насъ бѣлый хлѣбъ даютъ только по утрамъ, къ сбитню, и то по небольшой булочкѣ; а весь день живемъ на ржаномъ. Привыкайте“.

Послѣ обѣда шли до лѣстницъ благополучно; но поднимаясь по нимъ, Костенецкій зашагалъ впередъ, а Алхазовъ нарочно отсталъ и началъ выигрывать на моей спинѣ барабанную дробь. Я всячески старался увертываться отъ него, усовѣщевали его и другіе, но онъ, съ усердіемъ, запыхиваясь, страшно вытаращивъ глаза, обливаясь потомъ, преслѣдовалъ меня до роты, гдѣ его фигура и эволюціи бросились въ глаза Костенецкому и онъ его унялъ, но мы тотчасъ-же разошлись. Тутъ около кровати началось швыряніе моей подушки, одѣяла, чехла, табуретки, пока не вмѣшался фельдфебель Драгомировъ, обозвавшій Алхазова „злымъ армяшкой“ и переставившій меня выше Бенета. Но какъ ни старался я въ этотъ день и послѣдующіе избѣгать Алхазова, его почти каждый разъ замѣчали и наказывали, онъ никогда не упускалъ ни одного случая щипнуть, толкнуть или выбранить меня. Алхазова, впрочемъ, не очень долюбивали вообще, и въ ротѣ ко мнѣ болѣе никто не приставалъ, особенно первое время.

Моимъ сосѣдомъ съ другой стороны оказался теперь Розеновъ, сынъ декабриста, родившійся въ Сибири и потому до самаго производства въ офицеры не носившаго фамиліи барона Розена. Онъ принялъ мою рекомендацію сдержанно, даже холодно, хотя ему Костенецкій и отрекомендовалъ меня „тоже сибирякомъ“; но впоследствии это оказался прекраснѣйшій товарищъ, всегда бравшій мою сторону, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда я стѣснялся что-либо высказать Костенецкому или Драгомирову, онъ всегда самъ рассказывалъ какъ было дѣло и ему за это никто не дѣлалъ попрека.

Но что ожидало меня въ классѣ? Принятый утромъ такъ любезно и дружелюбно, я самъ себѣ не могъ объяснить поведеніе моихъ товарищей въ томъ-же классѣ послѣ обѣда, тѣмъ болѣе, что воспоминаніе о томъ было потомъ непріятно и имъ самимъ. Все это были, большею частью, оставшіеся въ томъ-же классѣ губернцы, пріѣхавшіе въ спеціальныя классы Дворянскаго полка, но не выдержавшіе экзамена для поступленія въ 1-й спеціальный. Всѣ они впоследствии оказались очень добродушнымъ народомъ, кромѣ 2—3 коренныхъ дворянъ, или, какъ они сами себя называли, тюковъ.

Первые часы послѣ обѣда, отъ 3-хъ до 4^{1/2} часовъ, читалъ русскую исторію учитель Ламбинъ, вошедшій въ классъ вслѣдъ за нами и, надо отдать ему справедливость, читавшій лекцію крайне монотонно. Кажется, не спали только сидѣвшіе впереди, другъ

друга толкавшіе при одолѣвавшей ихъ дремотѣ, писавшіе что-то, даже читавшіе. Ламбинъ не обращалъ на то ни малѣйшаго вниманія, и тянулъ свой рассказъ въ одну ноту. Наконецъ, ударъ палокъ барабана заставилъ проснуться дремавшихъ и быстро удалиться самого Ламбина, пробормотавшаго, что на слѣдующій разъ онъ будетъ спрашивать.

Ламбинъ вышелъ въ корридоръ; началась позѣвота и потягота, вскрикиванья; стали обступать мою сконфуженную стрижкой и костюмомъ фигуру. Долгое-ли сидѣнье на монотонно-скучномъ урокъ и желаніе размять застывшіе члены или неловкое сознаніе, что утромъ, передъ этимъ-же самымъ общипанномъ теперь субъектомъ, они вытягивались въ струнку, но только сначала раздались возгласы:

— „А! вотъ онъ каковъ безъ фрака? Ну-ка, французъ, покажись! Настоящій арестантъ! Вотъ и не финти: разомъ обратили въ христіанскую вѣру. А мы давеча ему поклонялись. Вздутъ его! Господа! На каеэдру его, живо!“

Десятки рукъ подхватили меня. Я не успѣлъ сообразить—что это? зачѣмъ? какъ уже былъ плотно растянута на каеэдрѣ и тѣ-же десятки рукъ начали усердно выбивать казенную пыль изъ моихъ панталонъ, облежавшихъ мое сидѣнье!...

Это случилось быстро, коротко, отняло у меня разомъ сознаніе, и когда я очнулся, стоя у каеэдры, то увидѣлъ дежурнаго по корридору офицера, который что-то громко кричалъ на сконфуженно-притихшихъ моихъ товарищей.

Но оскорбленіе было такъ внезапно и велико, что я разразился громкими рыданіями, и меня долго, они-же, отпаивали холодною водою. Они не извинялись, но ихъ тихое участіе ко мнѣ выдавало ихъ собственное сознаніе только-что сдѣланнаго ими незавиднаго поступка.

Еще я не успѣлъ вполнѣ успокоиться, какъ въ классъ пришелъ нѣмецъ Больдтъ. Онъ никого не разспрашивалъ, но, вѣроятно, смущенныя лица моихъ товарищей навели его на догадку, что меня, какъ новичка, чѣмъ-нибудь оскорбили. На дурномъ, ломаномъ языкѣ, безпрестанно повторяя: „эти, эти, фуй!“ онъ сталъ говорить о высококомъ чувствѣ товарищества у нихъ въ Германіи, о тяжести оскорбленій, наносимыхъ часто безъ намѣреній, но по черствости или необдуманности, о тѣхъ тонкихъ чувствахъ, которыми одарены нѣкоторыя души, почему надо питать къ нимъ уваженіе, такъ какъ большею частью души поэтическія, и затѣмъ спросилъ меня, передѣлавъ мою фамилію по своему:

— „Herr Pe-kau, вы поэтъ?“

— Не знаю, Herr Boldt, но стихи сочинять случалось.

— „Скажите мнѣ какое-нибудь ваше поэтическое произведеніе“.

Я припомнилъ подражаніе Уландовскому „Дружба“, и когда Болдтъ узналъ источникъ, то пришелъ въ положительный восторгъ. Онъ читалъ его по нѣмецки со старинной декламациею, просилъ меня написать ему тутъ-же по русски, читалъ его по русски и классъ прошелъ въ его указанія, поправкахъ, нашихъ взаимныхъ разговорахъ, чему были очень рады всѣ остальные.

Опять труба, опять построение по ротамъ, путешествіе наверхъ; но наверху, расходясь, многіе уже простились, пожимая мнѣ руку, чего не было утромъ.

Безъ книгъ, не зная что и къ какому дню готовить на урокъ, я, съ грустью, розыскалъ Костенецкаго, о чемъ-то горячо разговаривавшаго съ Драгомировымъ. Но они меня въ ту-же минуту замѣтили и отослали въ залу, гдѣ стояли большіе круглые столы, съ висячею надъ каждымъ изъ нихъ лампою. Я сѣлъ у послѣдняго и ко мнѣ сейчасъ же подсѣлъ Женеть.

— „По французски хорошо знаешь?“

— Говорю.

— „Приготовь мнѣ переводъ“.

— Съ удовольствіемъ. Дай книгу, покажи что слѣдуетъ и дай тетрадь.

— „Сейчасъ, только принесу словарь“.

— Не надо, можетъ быть справлюсь и безъ него.

— „Какъ, безъ словаря? Вотъ счастливчикъ“.

Статья оказалось легкою и я могъ вполне съ нею справиться; но къ концу перевода я услышалъ надъ собой голосъ Драгомирова.

— „Что вы дѣлаете?“

— Перевожу на французскій.

— „Безъ словаря?“

— Я говорю.

— „Урокъ на завтра?“

— Я еще не знаю своихъ уроковъ, мнѣ не сказали. Дѣлать нечего, я перевожу Женету.

— „Вотъ видно, что еще совсѣмъ новичекъ. Помогать товарищу— похвально и слѣдуетъ, но учитель сейчасъ увидитъ, что это не рука Женета, и ему достанется, да и вамъ. Или пишите отдѣльно, а не въ его тетради, или диктуйте ему и поправляйте попутно, тогда будетъ и ему польза: все кое-что замѣтитъ и будетъ легче учить. Да и отъ бѣды будете оба подалше. А у васъ самихъ отчего нѣтъ уроковъ?“

— Мнѣ никто ничего не сказалъ, нѣтъ ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей.

— „Зачѣмъ-же вы не спросили старшаго; кто у васъ?“

— Чистосердовъ, первой гренадерской. Да мнѣ и не до того было; я такъ много сегодня испыталъ новаго, что все еще не могу придти въ себя, и радъ былъ развлечься переводомъ Женету.

— „Что-же съ вами было такое?“

— Меня приняли въ классѣ за учителя Жакене, я читалъ лекцію за капитана Анцыферова, по его приказанію; но потомъ... потомъ я такъ много вынесъ огорченій и стыда, похвалъ и незаслуженныхъ неприяностей, что я не знаю... повѣрьте: мнѣ такъ горько, горько... я ничего этого не ожидалъ...

Мои глаза заволокло слезами, а въ горлѣ что-то мѣшало говорить.

— „Мужайтесь! Мнѣ Костенецкій кое-что рассказалъ: ѣшьте ржаной хлѣбъ и укрѣпляйтесь. Вы мальчикъ съ чувствомъ, какъ видно, съ самолюбіемъ, будете учиться хорошо. Какъ поведете себя—зависитъ отъ васъ. Обижать васъ въ ротѣ не будутъ, потому-что я самъ слѣжу за новичками. А въ классѣ постарайтесь поладить. Сойдитесь съ Розеновымъ; жаль, онъ другаго отдѣленія класса. Онъ васъ много предостережетъ. Женеть тоже не дурной товарищъ, но онъ моложе классомъ, къ тому-же немного лѣнивъ и объѣдало. Ваши ротные и классные товарищи изъ губернцевъ—все народъ сосредоточенный и я ихъ пока мало знаю. Скажите завтра Чистосердову, что я прошу его потребовать для васъ книги и классныя принадлежности, а вечеромъ скажете мнѣ, что имъ сдѣлано. Если вздумаете что сказать особо мнѣ или Костенецкому, посоветуйтесь сначала съ Розеновымъ“.

Онъ ушелъ; къ столу стали подсаживаться другіе съ портфелями, папками, книгами, тетрадами, досками и бумагою. Но вскорѣ раздался голосъ дежурнаго офицера: „господа губернцы и новички, пожалуйста въ приемную комнату!“

Я пошелъ вслѣдъ за другими, направлявшимися по зову, и тамъ засталъ офицера (поручика Лѣткова), склонившаго лѣвое ухо къ скрипкѣ и выдѣлывавшаго на ней смычкомъ разныя модуляціи.

Пошла проба голосовъ, такъ какъ Лѣтковъ былъ помощникъ регента. Губернцы, особенно оставшіеся въ 4-мъ классѣ, были все больше басы, но были и тенора. Стоя съ разставленными ногами и покачиваясь склоненнымъ надъ скрипкою корпусомъ, Лѣтковъ игралъ восходящія и нисходящія гаммы, и это былъ въ пѣвчихъ по корпусамъ или оказывался съ голосомъ,—онъ записывалъ въ свою книжечку.

Губернцы кончены. Новички подталкивали впередъ меня, и Лѣтковъ, спросивъ мою фамилію, началъ тянуть на скрипкѣ и голосомъ: „а-а-а...“ Я подражалъ. Онъ бралъ гаммы на октаву вверхъ и внизъ,—я бралъ всѣ ноты. Онъ въ недоумѣніи останавливался, откидывалъ голову, смотрѣлъ на меня въ упоръ, держа скрипку и смычекъ откинутыми въ стороны, и постоявъ такъ нѣсколько минутъ, начиналъ гамму ниже, уже отъ ге, а не отъ ла, и продѣлавъ ее со мною нѣсколько разъ, опять застывалъ въ той-же позѣ.

— „Вы учились пѣнію?“

— Нѣтъ.

— „Поете?“

— Пою.

— „По нотахъ?“

— Болѣе по слуху; я играю на скрипкѣ.

— „А?“

Снова гаммы то отъ ге, то отъ ла, глубокомысленныя остановки и затѣмъ окончательное рѣшеніе:

— „Теноръ be! У васъ или очень большой голосъ, или никакого. Рѣшать Ломакинъ съ Рожновымъ“.

Нисколько не сконфуженный титуломъ тенора be, не понимая значенія этого названія по терминологіи Лѣткова, я радъ былъ уйти поскорѣе въ залу, но въ дежурной комнатѣ подстерегалъ меня каптенармусъ, съ которымъ я и пошелъ въ цейхгаузъ для полученія бѣлья.

Оказалось, что я теперь № 118, какимъ и клеймились всѣ казенныя вещи, на меня пригнанныя и пригоняемыя. Надѣвъ бѣлье довольно грубое и съ сильнымъ запахомъ простаго мыла, получивъ простыни, наволочки, шерстяное одѣяло, тиковый чехоль на кровать, полотенце и носовой платокъ, пошелъ въ дортуаръ, гдѣ Женеть помогъ мнѣ накрыть кровать какъ слѣдуетъ, и посоветовалъ нанять сторожа для чистки сапогъ, пуговицъ, платья.

Занятія уже кончились, и на тѣхъ-же круглыхъ столахъ стояли бѣлыя кружки съ положеннымъ около каждой хлѣбомъ,—готовился ужинъ. Вскорѣ насъ построили, разсчитали по 15 человекъ на столъ, повели и усадили за столы, а дядька Барковъ и сторожа начали разливать по кружкамъ изъ большихъ мѣдныхъ чайниковъ темную горячую жидкость—сбитень. Я никогда его прежде не пилъ, и онъ мнѣ сильно не понравился по пряности запаха, такому-же вкусу и высокой теплотѣ, что все вмѣстѣ обожгло мнѣ нѣбо. Посмотрѣвъ хлѣбную порцію, состоявшую изъ двухъ ломтей ржаного хлѣба, намазанныхъ съ внутреннихъ сторонъ масломъ, посыпаннымъ тертымъ

сыромъ, я рѣшилъ ограничиться небольшою пеклевашкою, которую и принялся ѣсть. Женеть любезно предложилъ мнѣ складной ножъ, чтобы я могъ, по примѣру другихъ, снять масло съ хлѣба и намазать его на пеклевашку, предварительно ее разрѣзавъ вдоль; себѣ, за любезность, Женеть выговорилъ оставшіеся ломти ржаного хлѣба, очищенные отъ масла, что называлось—бритняки.

Но Костенецкій замѣтилъ это и въ ту-же минуту сказалъ мнѣ:

— „Пе—овъ, опять не ѣдите ржаного хлѣба?“

Тогда я взялъ отъ одного ломтя корочку, и для утѣшенія его началъ ее жевать.

— „А отчего не пьете сбитень?“

„Я его никогда не пилъ“.

— „Видите, всѣ пьютъ, и съ удовольствіемъ. Заставьте себя сначала, а потомъ привыкнете, будете просить прибавки“.

Дѣйствительно, это иные дѣлали; но я, какъ ни старался, все таки болѣе четверти кружки выпить никакъ не могъ, за что онъ мнѣ много выговаривалъ, когда вышли изъ за-стола. Я ему далъ слово привыкнуть, но просилъ его пока не очень меня принуждать, тѣмъ болѣе, что я совершенно сытъ, да и на самомъ дѣлѣ мнѣ тогда не хотѣлось ѣсть.

Раздалась повѣстка. Мы построились въ дортуарахъ по отдѣленіямъ въ одну шеренгу; Костенецкій прочелъ наши фамиліи по списку, каждый отвѣчалъ: „здѣсь“, и онъ сказалъ кто завтра двенадцатый по отдѣленію. Затѣмъ Драгомировъ приказалъ сводить отдѣленія, насъ повернули направо и повели въ залу, гдѣ мы занимались и ужинали, расположившись тамъ по обѣимъ длиннымъ ея сторонамъ.

Дежурный офицеръ scomандовалъ: „на-молитву! Поль-оборота направо и налѣво. Читайте молитву!“

Одинъ изъ воспитанниковъ 1-го отдѣленія прочелъ: „Всемогущій Боже, сподобившій Святымъ Твоимъ Промысломъ....“ Намъ сказали: „во-фронтъ!“ При чемъ мы поклонились дежурному офицеру, а по командѣ: „разойдитесь“ пошли по своимъ кроватямъ, гдѣ сняли чехлы, завернули одѣяла съ верхней простыней до половины, поставили въ ногахъ табуретки, и уложили на нихъ снятыя съ себя курточки. Затѣмъ насъ, уже безъ курточекъ, построили снова по отдѣленіямъ, и повели въ ту же залу, гдѣ построили уже не плотно другъ къ другу, а свободнѣе, на гимнастику.

Гимнастика прежде въ курсъ домашняго воспитанія не входила; я видалъ, какъ ее дѣлали кадеты сибирскаго кадетскаго корпуса въ Омскѣ, кантонисты въ Оренбургѣ, но такъ какъ все дѣлалось

по предварительнымъ командамъ: „дѣлай товсь, дѣлай разь, два....“ то, глядя на другихъ, и я не отставалъ отъ сосѣдей. Вышло только маленькое замѣшательство съ присяданьемъ послѣ опусканья на носгахъ; но такъ какъ то-же самое произошло и у многихъ, то кромѣ общаго, хотя и сдержаннаго, смѣха, ничѣмъ не окончилось.

Вотъ мы снова разошлись. Иные стали раздѣваться и укладываться, другіе надѣли курточки, взяли книги и пошли заниматься, а иные отправились въ боковую отъ дортуаровъ залу, едва освѣщенную лампадкою у образа. Привыкшій дома всегда молиться на ночь какъ и утромъ, а не одною общею молитвою, подѣ впечатлѣніями дня и поздняго раскаянія въ своей разсѣянной молитвѣ у Спаса въ домикѣ Петра Великаго, я долго и горячо молился въ этой залѣ.

Только что я хотѣлъ войти черезъ арку въ дортуаръ, какъ встрѣчаю Женета, мимоходомъ мнѣ говорящаго:

— „Не ложись на кровать, а осмотри“.

Я подошелъ къ своей кровати, и, по наружности, не замѣтилъ въ ней никакихъ перемѣнъ. Женета еще не было, а Розеновъ лежалъ ко мнѣ спиной.

Поправивъ подушку, я началъ ощупывать тюфякъ подѣ одеяломъ, и хотя простыня была сухая, но на ней были мокрыя пятна, увеличивавшіяся отъ прикосновенія къ нимъ рукою. Отдернувъ одеяло и простыню, я увидалъ, что на тюфякѣ что-то налито.

Костенецкій вмѣстѣ съ нѣсколькими унтеръ-офицерами сидѣлъ у Драгомирова. Что дѣлать? Безпокоить его неловко. Я рѣшилъ звать погромче дядьку.

— Барковъ! Дядюшка Барковъ!

— „Что вамъ надо?“

— Нельзя-ли дать сухаго тюфяка?

— „Да я вамъ его положилъ сухой“.

— Посмотрите сами.

— „Въ самомъ дѣлѣ мокрый. Откуда-же это?“

— Не знаю.

— „Это онъ самъ его обмочилъ“, послышался голосъ Алхазова.

— Я еще, дядюшка, не только не ложился, но и не раздѣвался.

— „Вижу, что еще въ брюкахъ. Ахъ, грѣхъ какой!“

— Барковъ! Что тамъ такое? Раздался голосъ Драгомирова.

— „Да вотъ, Михаилъ Иванычъ, у новаго новичка мокрый тюфякъ, а онъ еще въ брюкахъ, и не ложился“.

Раздался смѣхъ лежавшихъ, но еще не заснувшихъ воспитанниковъ, а Драгомировъ съ Костенецкимъ и дежурнымъ унтеръ-офицеромъ приближались къ намъ.

— „Кто вамъ омочилъ тюфякъ?“

— Не знаю. Когда я его застала, онъ былъ сухой; но потомъ я ходилъ немного помолиться въ сосѣдную залу и, вернувшись, нашелъ уже тюфякъ мокрымъ.

— „Божья ро-са-а!“ Раздался чей-то протяжный голосъ въ отдаленіи.

— „Господа! Кто это подшутить?“ — спросилъ строго Драгомировъ. Молчаніе.

— „Я спрашиваю!“

Поднимается голова Розенова и раздается его голосъ:

— „Алхазовъ! Что-же не признаешься?“

„Розеновъ! Скотина! Завтра отколочу!“

— „Что у васъ будетъ завтра съ Розеновымъ,—увидимъ; а я васъ, Алхазовъ, завтра поставлю подъ ружье. Сказано вамъ, чтобъ вы унялись! Не заставляйте меня вести съ вами особаго разговора. Барковъ! Возьми тюфякъ отъ находящихся въ лазаретѣ, и перемѣни, а также и бѣлье. Срамъ, господа! Пе—овъ ложитесь смѣло, и спите спокойно!“

Алхазовъ усиленно храпѣлъ, чтобы показать, что онъ давно спить; Женеть робко явился изъ коридора; Барковъ со сторожемъ перемѣнялъ тюфяки, а Розеновъ протянулъ мнѣ изъ подъ одѣяла руку.

— „Дай руку, Пе—овъ! Это хорошо, что ты молишься, Богъ всегда спасетъ отъ бѣды. Спи съ Богомъ!“

Женеть показалъ мнѣ, какъ складывать платье, бѣлье, что мнѣ сразу не удавалось, не смотря на всѣ мои старанія, а надо было сложить гладко, безъ складокъ, поставить сапоги носками наравнѣ съ переднимъ краемъ табурета.....

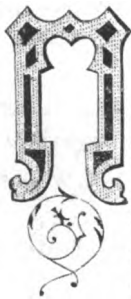
Все кончено. Я лежу плотно завернутый въ одѣяло, но все пережитое и перечувствованное днемъ — долго и долго не позволяетъ мнѣ заснуть, мысленно все перебирая.....

Парадный приѣмъ за француза, и экзекуція на каедрѣ; чтеніе лекціи за преподавателя, и укладка бѣлья, возня съ нимъ и сапогами; поэтический восторгъ Больдта и ржаной хлѣбъ Костенецкаго; утромъ — густое молоко со сдобной булкой, вечеромъ — сбитень и пеклевашка; любезный приѣмъ и стрижка; грубое пристаиванье Алхазова, и сердечный совѣтъ Драгомирова. Все—за одинъ только день, а сколько ихъ еще будетъ впереди?... Боже! Дай мнѣ силъ все это перенести бодро!

Н. П.

ДѢЛО 22-го МАЯ 1854-го ГОДА ПОДЪ СИЛИСТРІЕЙ.

Изъ воспоминаній ген.-лейт. Всевол. Порф. Коховскаго.

Омѣщенная въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г. (т. LXVIII, кн. декабрь) статья генераль-лейтенанта Стренга: „На Дунаѣ и подъ Силистріей въ 1854 году. Изъ записокъ бывшаго офицера генеральнаго штаба“—оживила въ моей памяти одно изъ первыхъ дѣлъ, въ которомъ я участвовалъ, именно отбитіе вылазки турокъ на нашу вторую параллель. Въ упомянутой статьѣ я нашелъ нѣкоторыя неточности (описаніе боя сдѣлано не очевидцемъ) и желалъ-бы ихъ исправить.

Бой начался не въ 6¹/₂ ч., а около 5 ч. вечера. Онъ начался совершенно неожиданно для насъ—сильнѣйшей канонадой съ арабскаго укрѣпленія и ружейнымъ огнемъ изъ-за гребня оврага, находившагося у насъ на лѣвомъ флангѣ. Фортъ Абдуль-Меджидъ не принималъ въ канонадѣ ни малѣйшаго участія.

Тревога застала насъ въ часъ обычнаго отдыха, обычнаго *fat niente*. Подъ Силистріей, точно по обоюдному согласію между воевавшими, установилось какъ-бы правило: въ жаркіе часы дня не тревожить другъ друга. Если время отъ времени и раздавались въ эти часы орудійные выстрѣлы, то на нихъ никто не обращалъ вниманія, видя въ нихъ нѣчто не существенное, а обрядовое. Ружейный огонь былъ также рѣдокъ. Скучавшіе въ траншеяхъ стрѣлки пускали иногда пули по случайно подвернувшейся живой человѣческой цѣли. То былъ элементъ охоты, а не войны.

Насъ было полъ-роты 5-го стрѣлковаго батальона, батарея изъ 8 орудій и нѣсколько ротъ Сѣвскаго пѣхотнаго полка. Стрѣлки размѣстились по насыпи въ недоконченномъ редутѣ и прилегавшей къ нему части второй параллели; орудія, изъ которыхъ одно было заряжено ядромъ, а прочіе ждали снарядовъ изъ депо ¹⁾, стояли въ амбразурахъ редута, сѣвцы же сидѣли и лежали на днѣ параллели. Оставаясь безъ всякаго дѣла, они либо спали, либо вели товарищескую бесѣду, а нѣкоторые играли въ карты.

Непріятельскій огонь, раздавшійся точно взрывъ, всѣхъ насъ поставилъ на ноги. Пули понеслись на насъ точно скатертью, срѣзывая фашинникъ, набросанный поверхъ туровъ параллели. Многимъ показалось, что онѣ несутся со всѣхъ сторонъ. Этимъ я объясняю себѣ раздавшійся въ параллели крикъ: „обходятъ!“ Сѣвцы, скучившись, стали стрѣлать вверхъ, пока офицеры ихъ не привели въ порядокъ; раздались и другіе крики, посерьознѣе первыхъ: „Картечи, картечи!“—неслось изъ редута и передавалось по параллели... Но увы, ее негдѣ было взять!

Турки, по нашимъ расчетамъ въ числѣ 6 батальоновъ, бросились на редутъ. Впереди ихъ были некрасовцы. Завязался бой штыками и банниками въ амбразурахъ редута. Стрѣлки, находившіеся въ прилегавшей къ редуту части параллели, частью стрѣляли во-флангъ наступавшему непріятелю, частью, выскочивъ въ поле, били его выстрѣлами прямо въ бокъ. Артиллерійскій огонь съ арабскаго укрѣпленія умолкъ.

Атака была отбита. Турки бросились назадъ; тогда возобновился огонь изъ арабскаго укрѣпленія, грозившій, впрочемъ, не столько намъ, сколько отступившимъ туркамъ. Послѣдніе, подѣ внушеніемъ этого огня, были приведены въ порядокъ и вновь ринулись въ атаку. Дѣло принимало для насъ скверный оборотъ, но удалось отбить и эту атаку.

Въ критическую для насъ минуту готовившейся третьей атаки—изъ оврага, бывшаго у насъ въ тылу, показались свѣжія силы. То были батальоны Елецкаго пѣхотнаго полка и впереди ихъ генераль Бельгардъ. Легко представить себѣ то восторженное „ура“, какое мы послали на встрѣчу почитаемому генералу и стройно, молодецки выдвигавшимся за нимъ ельцамъ. Турки были окончательно отброшены.

¹⁾ Снаряды приносились на батарею солдатами, въ полахъ ихъ шинелей. Такъ было 22 мая. Какъ было позже—того не знаю. Не случилось обратитъ вниманіе, ибо осадныя работы скоро продвинулись впередъ и стрѣлки съ ними.

Въ какой части пути ельцовъ къ параллели сталъ во главѣ ихъ генералъ Бельгардъ, я не знаю, но онъ первымъ показался изъ оврага, а уже за нимъ выдвинулись елецкіе батальоны.

По отбитіи турокъ начальство обходило защитниковъ редута и параллели и благодарило ихъ. Солдаты поздравляли другъ друга, радуясь, что „Богъ привелъ подраться въ штычки“. Въ параллели собрались генералы Бельгардъ и Веселицкій и прибывшіе на огонь штабные офицеры. Всѣмъ казалось удивительнымъ, какъ при данныхъ условіяхъ турки не овладѣли редутомъ и, прибавлю, ни разу не были въ него пущены. Указаніе бывшего офицера генеральнаго штаба г. Стренга, будто-бы мы уступили превосходству силъ—невѣрно и вполнѣ объясняется его заявленіемъ, что при движеніи ельцовъ къ редуту онъ отсталъ отъ нихъ и, слѣдовательно, кое-чего не могъ видѣть.

Дѣло было жаркое и въ немъ обнаружилось все несовершенство лититскихъ штуцеровъ, коими были вооружены стрѣлки. Отъ частой пальбы въ нихъ образовывался такой нагарь, что дослатъ пулю въ дуло оказывалось нерѣдко не подъ силу единичному стрѣлку. Налегали на шомполь по двое, по трое. Нерѣдко штуцеръ получали разрывъ близъ казенной части. Прикрѣпленіе штыковъ-ножей къ штуцерамъ оказалось также не надежное. Были случаи, что ножи соскакивали съ ружья и задерживались въ тѣлѣ приколотаго врага.

Во время боя не обошлось и безъ курьеза.

Когда прошло первое тягостное впечатлѣніе неожиданной тревоги, когда опасность для каждаго изъ насъ достигла до той степени, при которой перестаешь сознавать ее и начинаешь дѣйствовать какъ-бы внѣ всякой опасности, молодой, недавно выпущенный, офицеръ видимо вспомнилъ требованія устава и не безъ усилія извлекъ изъ ноженъ полусаблю, то есть то единственное въ 1850-хъ годахъ офицерское оружіе, которое носило презрительную кличку „селедки“. Это невинное оружіе оказалось, въ тому-же, краснымъ отъ ржавчины, его обильно покрывшей.

„Селедка“, извлеченная изъ ноженъ, вызвала добродушный смѣхъ окружающихъ офицера стариковъ-стрѣлковъ. „Не надо, ваше благородіе, не надо; и безъ нея прогонимъ“, говорили они. Офицеръ вложилъ свое оружіе въ ножны и взялся за штуцеръ.

Вс. Коховскій.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1863 г. ¹⁾.

Внварь 1. Вторникъ. Новый годъ. Всѣ какъ будто вдругъ обезумѣли: такая бѣготня и суматоха! Что-же это такое? Въ природѣ-ли произошла какая-нибудь радикальная перемѣна или въ людяхъ? Вѣдь въ сущности ни малѣйшаго намека на то, что случилось что-нибудь новое, что образовывало-бы рубежъ между 1862-мъ и 1863-мъ годами. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ сыпятся поздравленія, всѣ поддаются какимъ-то надеждамъ, вѣроятно и въ этомъ году такимъ-же несбыточнымъ, какъ и въ прошломъ. А впрочемъ не худо, что таковой обычай существуетъ. За недостаткомъ истинныхъ благъ, человѣку нуженъ хоть призракъ хорошаго лучшаго. И вся эта бѣготня—своего рода занятіе, которое разнообразитъ обыкновенную прозу жизни.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160, августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186, ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. 1891 г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386.

3. Четвергъ. На балѣ во Дворцѣ. Съѣздъ начался около девяти часовъ. Я пріѣхалъ къ Иорданскому подъѣзду. Входъ въ зало великолѣпный, освѣщеніе блистательное. Помпеевская галерея уставлена растеніями и превращена въ роскошную садовую аллею, которая примыкаетъ дѣйствительно къ саду, освѣщенному сверху огнями, сверкающими какъ брильянты. Приглашенные сперва толпились въ двухъ большихъ залахъ въ ожиданіи выхода государя и царскаго семейства. Тутъ было таки порядочно душно. Около десяти часовъ отворились двери внутреннихъ покоевъ, загремѣла музыка и потянулся польскій съ государемъ во главѣ, съ государыней, членами императорскаго дома и разными дамами и кавалерами. Потомъ всѣ смѣшались и разбрелись по разнымъ комнатамъ. Число гостей, говорятъ, простиралось до тысячи двухсотъ, но тѣсно было только около танцующихъ. Въ одной залѣ играли въ карты и тамъ-же представлялись государынѣ многія дамы и новопожалованные камеръ-юнкеры и камеръ-геры. Съ каждою и съ каждымъ она говорила по нѣскольку словъ. Государь ходилъ по всѣмъ заламъ и кое съ кѣмъ разговаривалъ. Все было чинно. Но когда пошли къ ужину, то при входѣ въ залы, гдѣ были накрыты столы, вдругъ поднялась страшная суматоха, толкотня и давка. Можно было подумать, что всѣ эти звѣздо-и лентоносцы выдержали жестокій постъ — съ такою неудержимою алчностью слѣпили они, толкая другъ друга, занять мѣста за роскошно сервированными столами..... Государь ходилъ вокругъ столовъ, просилъ не вставать при его приближеніи, а когда его не послушались, то, возвысивъ голосъ, съ неудовольствіемъ почти крикнулъ: „да сидите-же!“ Я пріѣхалъ домой около двухъ часовъ ночи.

7. Понедѣльникъ. Неожиданно предсталъ передо мною изъ Москвы Н. Р. Р., съ которымъ мы не видѣлись уже около двухъ лѣтъ. Странная перемѣна въ немъ произошла: онъ сдѣлался мистикомъ, вѣрить въ пророчества какого-то московскаго ясновидящаго.

8. Вторникъ. Въ эту зиму у меня дома не переводятся больные: вотъ теперь захворалъ коклюшемъ мой мальчикъ.....

Жалко мнѣ было вчера слушать какъ Р. рассказывалъ о своемъ свиданіи и бесѣдѣ съ московскимъ ясновидящимъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Оказывается, что Провидѣніе съ особен-

ною заботливостью слѣдило и слѣдить за обстоятельствами Н. Р.; что оно знаетъ какой онъ отличный человѣкъ, какъ много страдалъ и страдаетъ (его обсчиталъ плуть-управляющій) и какъ эти страданія безпримѣрны; что теперь оно положило непремѣнно устроить дѣла его лучше и не будетъ болѣе искушать его неслыханное мужество и добродѣтель и пр. Вотъ какого тумана напустилъ себѣ въ голову мой бѣдный Р. А все отъ того, что каждый изъ насъ считаетъ себя чѣмъ-то весьма важнымъ во вселенной и что мы и наши житейскія дразги должны обращать на себя особенное вниманіе Бога и людей. А вѣдь кажется Н. Р. умный человѣкъ. Но мнимый пророкъ очень ловко льстилъ ему, поддѣлывалъ его на общемъ человѣческомъ самолюбіи. Извѣстно, какъ легко человѣкъ ловится на эту лакомую приманку.

9. Среда. Поѣхалъ вечеромъ разсѣять тяжесть въ головѣ и на сердцѣ въ оперу. Давали „Пророка“ Мейербергера, переименованнаго у насъ въ „Осаду Гента“. Музыка серьезная и строгая.

10. Четвергъ. Одна только крайняя непослѣдовательность дѣлаетъ умнаго человѣка способнымъ принимать участіе въ судьбѣ людей, наперекоръ его знанію человѣческой жизни и сердца.

Сдержанность, мужество, самообладаніе. Не вызывай на бой судьбы, не рисуйся передъ ней своею храбростью — это глупо; а покоряйся и терпи съ достоинствомъ мужа и человѣка и съ увѣренностью философа, что жизнь вовсе не заслуживаетъ той важности, какую мы ей даемъ.

По закону ограниченія каждаго явленія, каждой силы въ природѣ и исторіи, ни одно изъ этихъ явленій и ни одна изъ этихъ силъ не могутъ развиваться въ безконечности. Одно ограничивается другимъ, и въ этомъ ограниченіи добро находитъ свой предѣлъ во злѣ, зло въ добрѣ. Все нейтрализуется одно въ другомъ. Волна вздымается, растетъ, доходитъ до громадной высоты и исчезаетъ, чтобы уступить мѣсто другой. Есть-ли тутъ какойнибудь предначертанный планъ, какаля-нибудь цѣль? И тотъ, и другая заключаются въ самой природѣ явленій и силъ, въ ихъ ограниченіи другъ другомъ, въ невозможности простираются въ безконечность.

13. Воскресенье. Философскія ученія о добродѣтели были всегда не иное что, какъ ученія о владычествѣ разума надъ пожеланіями и влеченіями чувственной природы; а ученія о счастіи не иное что, какъ ученія о довольствѣ человѣка самимъ собою, проистекающемъ изъ полнаго владычества разума надъ внутреннимъ міромъ. Одно есть необходимое слѣдствіе другого.

Такъ называемымъ передовымъ умамъ нашимъ недостаетъ двухъ качествъ: глубины сужденія и осмотрительности въ видахъ. Они, отъ поверхностно понятаго, столь-же поверхностно спѣшатъ къ крайнимъ выводамъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на посредствующія звенья мысли, которыя должны-бы были останавливать ихъ на ближайшихъ послѣдствіяхъ и такимъ образомъ придавать ихъ идеямъ характеръ существенный и строго послѣдовательный.

Вотъ характеристика разныхъ министерствованій министерства народнаго просвѣщенія послѣ Уварова: министерствованіе Шихматова — помрачающее; Норова — расслабляющее; Ковалевскаго — засыпающее; Путятина — оупляющее; Головина —

Эти ужасные припадки коклюша! Бѣдное дитя мучится ими каждую ночь.

14. Понедѣльникъ. Какъ-бы я желалъ всегда пользоваться такимъ прекраснымъ настроеніемъ духа, какъ теперь: равнодушіе къ жизни и смерти полное безъ утраты энергіи къ тому, что изъ презрѣнной жизни дѣлаетъ ее менѣ презрѣнною.

15. Вторникъ. Въ воскресенье получена депеша о возстаніи въ Польшѣ. Какая гнусность: убивать солдатъ, ночью, безоружныхъ — спящихъ!....

Совершенная распутица. Снѣгъ почти весь стаялъ, а ночью свирѣпствовала буря. Были сигналы изъ пушекъ.

Сегодня напечатана рѣчь государя, произнесенная имъ на разводѣ и обращенная къ Измайловскому полку. Рѣчь благородная и умѣренная. Говорятъ, однако, что онъ произнесъ ее съ особенной энергіей и употребилъ нѣсколько выраженій относительно людей неблагонамѣренныхъ.....

16. Среда. Вчера весь день шелъ сильнѣйшій дождь, ночью бушевала буря и съ крѣпости раздавались выстрѣлы, служащіе сигналомъ для галерныхъ жителей, что вода прибываетъ.

18. Пятница. Опять морозъ до 9-ти градусовъ.

Гадко вокругъ, гадко въ себѣ. Однако, еще гаже находятъ все это слишкомъ гадкимъ.

Вечеромъ были Данилевскій, пріѣхавшій недавно изъ Малороссіи, и Тимоѣевъ—оба пока вѣрные мнѣ.

20. Воскресенье. Не думалъ я, что Валуевъ будетъ мнѣ мстить за то, что я, человѣкъ мысли и науки, осмѣлился не быть мелкимъ чиновникомъ въ его прихожей. Право-же, это вовсе недостойно не только государственнаго человѣка, но даже умнаго человѣка. Странно, что при всей моей опытности и при всемъ моемъ знаніи человѣческихъ гадостей меня часто обманывало и обманываетъ довѣріе то къ ихъ уму, то къ ихъ сердцу.

21. Понедѣльникъ. Русскій человѣкъ не выноситъ трехъ вещей: труда, порядка и своего величія.

Ночь. Вокругъ тишина, періодически нарушаемая припадками коклюшнаго кашля бѣднаго мальчика. Сонъ бѣжитъ. Въ голову лѣзетъ всякая дичь.

22. Вторникъ. Изъ телеграфическихъ депешъ видно, что одни изъ самыхъ дѣятельныхъ двигателей польскаго возстанія—католическіе попы. Мы, мнѣ кажется, вовсе не умно ведемъ себя въ этомъ возстаніи. Мы разбросали войска на огромномъ пространствѣ и расположились тамъ небольшими отрядами какъ дома, забывъ, что мы хуже, чѣмъ въ землѣ непріятелей—въ землѣ домашнихъ враговъ. Оттого солдатъ нашихъ рѣзали даже сонныхъ въ постели.

Каждая эпоха обязана быть честною, справедливою и не покидать здраваго разсудка.

Большія тяжести не поднимаются безъ участія многихъ и различныхъ силъ. Такъ и разныя реформы и улучшенія въ государствѣ, о которыхъ хлопочутъ наши передовые люди, не могутъ совершиться безъ содѣйствія образованія, а образованіе предполагаетъ науку, нравственность, искусство. Недостатокъ одного изъ этихъ факторовъ производитъ уже дѣло не полное, уродливое.

Французскіе реформаторы первой революціи положили пріостановить правосудіе, науку, промышленность, религію, пока не устроится новый порядокъ вещей и не преобразуется общество. Что изъ этого вышло—мы знаемъ.

Человѣкъ долженъ дѣйствовать всѣми своими органами, а не одною только рукою или ногою.

23. Среда. Вышло то, что могло бы не быть и чего не желали, а не произошло много такого, что могло бы произойти и чего желали.

„Энциклопедическій лексиконъ“ Гершельмана падаетъ. Его вышло пять томовъ, продолжать далѣе не на что: подписка идетъ очень плохо. На дняхъ былъ у меня Гершельманъ. Головинъ общалъ ему взять значительное число экземпляровъ для учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. Я общалъ Гершельману по просьбѣ его походатайствовать за него у Ворѣнова, котораго я уже и просилъ. Надежды однако не много, а жалъ! Лексиконъ началъ издаваться добросовѣстно и хорошо. Во всякомъ случаѣ это лучше многихъ изъ нашихъ журналовъ.

Обѣдъ у Дюссо, который давалъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ и членамъ редакціи „Сѣверной Почты“ Клевановъ. Всѣ участники газеты сѣтуютъ на то, что она теперь пошла по стезѣ полицейской газеты и упрекаютъ Валуюва за то, что, намѣреваясь сначала создать въ ней органъ правительства съ вліяніемъ на общественное мнѣніе, онъ потомъ спустилъ ее такъ низко.

25. Пятница. Какая и кому польза отъ „Сѣверной Почты“ въ томъ видѣ, въ какомъ она нынѣ издается? Ни правительству, ни обществу. Служить-ли она органомъ перваго? Нѣтъ! Она не содержитъ въ себѣ ни разъясненій видовъ правительства, ни даже фактовъ—хотя и то, и другое предполагалось при ея основаніи. По моему плану она должна была быть соединеніемъ лучшихъ правительственныхъ идей съ идеями разумнаго прогресса, которыя правительству предстоитъ не только признать, но и выполнять. Ея направленіе и содержаніе должны бы быть таковы, чтобы лучшая часть публики ее поддерживала, а она въ свою очередь на нее вліяла бы. Сознывая за собой независимый образъ мыслей, не принадлежа ни къ какой литературной партіи, не раздѣляя крайнихъ увлеченій общества, но всей душой преданный дѣлу разумнаго прогресса и предстоящихъ необходимыхъ преобразованій, я съ радостью взялся за дѣло, которое казалось мнѣ такимъ многообѣщающимъ. Всѣ предварительныя совѣщанія мои съ Валуювымъ о первоначальномъ планѣ

газеты подерѣпляли во мнѣ и поддерживали мои надежды. Валуевъ, казалось, сочувствовалъ моимъ намѣреніямъ и изъявлялъ на все свое полное одобреніе. Но потомъ, когда я началъ дѣло въ духѣ нашего обоюднаго рѣшенія, онъ вдругъ чего-то забоялся, ему стало мерещиться, что я учу его, что я намѣренъ отложиться отъ него, что газета будетъ дорого стоить, хотя онъ самъ устанавливалъ и бюджетъ ея и безпрестанно твердилъ сначала, что при основаніи такого обширнаго предпріятія нечего стѣсняться вопеечными расчетами. Словомъ, онъ въ заключеніе далъ ходъ назадъ и выказалъ полную неспособность стать надъ бюрократическою рутинною. Мнѣ тутъ уже ничего не оставалось какъ выйти изъ редакціи.

Вчера напечатанъ указъ о передачи цензуры министерству внутреннихъ дѣлъ (указъ 14 января 1863 г. № 20 „Сѣверной Почты“).

26. Суббота. Вечеромъ у Чивелева. Онъ рассказывалъ мнѣ кое-какія черты изъ семейнаго быта Государя Александра Николаевича. Все это семейство предоброе, прекрасное. Наслѣдникъ в. кн. Николай Александровичъ уменъ, способенъ къ труду мысли и сочувствуетъ всѣмъ высшимъ ея интересамъ, но слишкомъ мягокъ сердцемъ. Можетъ быть, съ лѣтами и опытомъ онъ немного окрѣпнетъ, что ему необходимо: ибо его ожидаетъ бурная будущность.

27. Воскресенье. Въ самыхъ силахъ, составляющихъ основаніе и верховный законъ жизни, заключается безконечное разнообразіе, по которому каждая сила стремится быть безпрепятственно всѣмъ тѣмъ, чѣмъ, по натурѣ своей, она способна быть. И какъ натуры эти не одинаковы, то естественно, что одна хочетъ или стремится быть тѣмъ, чѣмъ другая не можетъ и не стремится быть. Отсюда возникаетъ вѣчный антагонизмъ силъ, неравенство ихъ, столкновеніе, расхожденіе, новое столкновеніе, группировка, словомъ тѣ безчисленныя модуляціи, та игра жизни, которая въ природѣ и въ исторіи производитъ все, что въ нихъ есть и бываетъ. Строители социальныхъ утопій хотятъ все уравнять, замкнуть силы въ опредѣленныя границы, тамъ урѣзать, здѣсь удлинить—словомъ сдѣлать людей, эти живыя, безконечно разнообразныя по своей натурѣ силы тѣмъ, чѣмъ онѣ не могутъ и не должны быть. Утопистъ насилуетъ исторію и природу

человѣческую, вынуждая у нихъ результаты, лежащія внѣ ихъ способствъ. Общество человѣческое старается уравновѣситъ силы, оставляя для дѣятельности ихъ наибольшій просторъ, и урѣзываетъ ихъ только тогда, когда онѣ стремятся въ безконечность. Оно дѣйствуетъ здѣсь принудительно, но съ благою цѣлью спасти всѣхъ отъ одного и каждаго отъ всѣхъ, тогда какъ утописты просто хотятъ парализировать силы, уничтожая въ нихъ самую возможность расширенія и свободной дѣятельности.

28. Понедѣльникъ. Главная трудность для цензурной администраціи будетъ состоять въ томъ, какъ формулировать тѣ уклоненія печати, которыя подлежатъ будутъ разсмотрѣнію судовъ. Уклоненія эти часто ускользаютъ отъ яснаго опредѣленія ихъ смысла.

Трудиться и бороться—вотъ задача жизни. Это я безпрестанно повторяю моему сыну.

Достигать закона беззаконіемъ—едва-ли это здравая и разумная мѣра.

У Валюева. Меня ожидаютъ новыя занятія по цензурной комиссіи, да еще какое-то дѣло, о которомъ онъ скажетъ послѣ. Я нашель его въ кабинетѣ среди кучи бумагъ, небритаго, усталаго, но, по обыкновенію, любезнаго и привлекательнаго.

29. Вторникъ. Получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ предписаніе о назначеніи меня членомъ въ Высочайше учрежденную комиссію для разсмотрѣнія законовъ о печати, подъ предсѣдательствомъ князя [Дмитрія Александр.] Оболенскаго.

30. Среда. Есть что-то очень юное въ нашей литературѣ: крайняя заносчивость, всезнавіе и духъ нетерпимости.

У князя Оболенскаго. Предварительныя объясненія касательно законовъ о печати. Взгляды его, кажется, обѣщаютъ быть основательными и справедливыми. Во всякомъ случаѣ, видно, что онъ предметъ этотъ изучилъ широко, какъ въ теоріи, такъ и въ положительныхъ законодательствахъ. Онъ показывалъ мнѣ массу книгъ, которыми запасаю для справокъ, а отчасти и прочелъ въ продолженіе своего предсѣдательства въ прежней комиссіи. Тутъ собрано почти все, что было писано по поводу цензуры въ Германіи, Франціи, Англіи, Бельгіи, равно какъ и всѣ законодательства по этой части. У него также находится множество бумагъ, сообщенныхъ изъ министерства народнаго

просвѣщенія по дѣламъ цензуры: тутъ много и моихъ прежнихъ работъ.

Мнѣ кажется, съ княземъ Оболенскимъ можно будетъ ладить; онъ, повидимому, человѣкъ разсудительный, умный, образованный и чуждый всякихъ крайнихъ увлеченій. Со мною вмѣстѣ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ назначены Ржевскій и Тютчевъ.

Вечеромъ въ оперѣ. Давали „Фиделіо“. Барбо пѣла прехвосходно.

31. Четвергъ. Замѣчательные скачки въ нынѣшней зимѣ. Вчера, когда мы ѣхали въ театръ, шелъ дождь, а когда возвращались домой—уже довольно сильно морозило.

Февраль 5. Вторникъ... Принципъ правительства дорогъ и нуженъ. У насъ господствуетъ полная анархія понятій.

6. Среда. Послѣдніе дни никакъ не могу наладить себя на серьезную работу. Голова какъ-то особенно тяжела. У меня лежитъ неоконченная статья объ университетахъ. Вчера и сегодня нѣсколько разъ присаживался за нее, но сильный приливъ къ головѣ даже туманилъ глаза.

7. Четвергъ. Молодые умы не значить лучшіе умы, а только болѣе энергическіе. Но энергія столько-же можетъ быть направлена къ худому, какъ и къ хорошему. Молодые умы способнѣе къ дѣлу. Но дѣлаютъ-ли они его какъ должно? По крайней мѣрѣ, у насъ можно сильно усумниться въ этомъ. Способность къ дѣлу узнается не только изъ желанія, изъ стремленія дѣлать, но и изъ стремленія дѣлать хорошо; хорошо-же дѣлать значить, во первыхъ, составить хорошій планъ дѣла, основанный на знаніи, слѣдовательно, на изученіи вещей; во вторыхъ, значить имѣть сколь возможно больше основательныхъ удостовѣреній въ осуществимости плана и, наконецъ, въ третьихъ, значить имѣть цѣль плана столько-же справедливую, какъ и разумную. Если хорошенько всмотрѣться въ молодые умы нашего времени, то окажется, что всѣхъ этихъ условій имъ рѣшительно недостаетъ. Имъ недостаетъ главнаго—знанія и изученія; недостаетъ также удостовѣреній въ осуществимости плана. Положимъ, что у нихъ цѣли хорошія, но, при недостаткѣ этихъ качествъ, хорошими цѣлями, какъ говоритъ пословица, мостятъ адъ.

8. Пятница. Каждому человѣку отпущена отъ природы извѣстная мѣра силъ и извѣстный ихъ образъ. Кто не пришелъ къ сознанию ихъ, тотъ направляется этими силами слѣпо и самъ не иное что, какъ природа. Но человѣкъ, стоящій на высшей степени духа или которому достался бѣльшій запасъ силъ, добирается, рано или поздно, до ихъ сознанія и полагаетъ здѣсь основаніе своей нравственной конституціи. Сознать свои силы и образъ ихъ—вотъ высшая задача мыслящаго духа; управлять этими силами и пускать ихъ въ ходъ для дальнѣйшаго развитія—вотъ настоящая практическая задача дѣятельности. Никто не въ состояніи сдѣлать изъ себя ничего болѣе, какъ то, къ чему даютъ ему способности его силы; но каждый обязанъ сдѣлать изъ нихъ все возможное. Довольство самимъ собой есть сознаніе, что мы сдѣлали и дѣлаемъ всевозможное изъ силъ, дарованныхъ намъ природою; что мы издерживаемъ и употребляемъ отпущенный намъ природою капиталъ разумно, то есть бережно и достаточно, безъ расточительности и скупости. Въ силу этого нравственнаго закона никто не долженъ порываться стать ни выше себя, ни ниже себя. Мы не иное что, какъ арендаторы, которые должны честно и выгодно воздѣлать поле, взятое нами на время у общаго господина, а плата за него — продукты, которые мы должны внести въ общую сокровищницу блага и успѣха человѣчества.

Съ горы легче спускаться, чѣмъ всходить на нее.

10. Воскресенье. Положеніе вещей у насъ въ обществѣ крайне неудовлетворительно. Правительство съ каждымъ днемъ теряетъ свой авторитетъ. Конечно, глава находитъ сочувствіе и пользуется расположеніемъ массъ; но въ мыслящей части общества—одни по принципу ультра-либеральныхъ идей питаютъ къ нему ненависть; другіе, готовые всячески примкнуть къ нему, раздражаются многими мѣрами, изобличающими или неспособность, или слабость правительства; самые лучшіе питаютъ скорбь въ глубинѣ своей души.

11. Понедѣльникъ. Дѣло честнаго человѣка въ томъ, чтобы дѣлать честное дѣло, не смотря на то, какія послѣдствія могутъ изъ того выйти для него самого.

У князя Оболенскаго. Я представилъ ему нѣсколько возра-

женій на нѣкоторыя статьи проекта законовъ о печати, особенно на главу объ организаціи управленія по этой части. Лицо начальника цензурнаго управленія мнѣ кажется лишнимъ, да и самое названіе начальника неумѣстнымъ, такъ какъ отнынѣ начальникъ цензуры есть министръ внутреннихъ дѣлъ. Совѣтъ очень ослабленъ и за нимъ не остается почти ничего, кромѣ роли сыщика. Князь Оболенскій возразилъ мнѣ, что это не такъ, потому что только административная часть ввѣряется начальнику, а цензурная, заключающая въ себѣ важныя части, отнесена къ Совѣту. „Но въ такомъ случаѣ“, замѣтилъ я, „почему же эти цензурные предметы не поименованы въ статьѣ, гдѣ исчисляются обязанности Совѣта, а въ исчисленіи административныхъ предметовъ, заключающихся въ кругу дѣятельности начальника, поименованы составленіе инструкцій и пр. — часть чисто законодательная“. Князь согласился, что это надо будетъ исправить. Вообще я думаю, что слово начальникъ надо устранить и самыя права его ограничить, предоставивъ ихъ Совѣту. За первымъ останется еще довольно много, какъ за предсѣдателемъ послѣдняго. Такимъ образомъ не будетъ дано простора произволу одного. Оболенскій съ этимъ согласился.

Князь разсказалъ мнѣ всю процедуру дѣла цензурнаго законодательства, какъ оно было поведено Головиннымъ, и показалъ мнѣ всю переписку его съ нимъ. Оказывается, неслышанная неспособность (?) этого господина—гораздо въ высшей степени, чѣмъ думаютъ въ публикѣ. Всему этому трудно было-бы повѣрить безъ свидѣтельства собственныхъ его писемъ. Боже мой!...

14. Четвергъ. Говорятъ, Викторъ Гюго написалъ прокламацію въ полякамъ. Что-же дѣлать другого, какъ не возмущать общество этому высокопарному пустомелѣ, который, проповѣдуя равенство, такъ хорошо умѣетъ обдѣлывать свои собственныя дѣла. Вотъ онъ и сейчасъ преподнесъ Европѣ, продавъ ей за 400 т. франковъ новый геніальный продуктъ своего уродливаго воображенія.

Вообще, странна ненависть европейской печати къ Россіи и радость ея при видѣ замѣшательствъ въ ней. Неужели она боится тѣни? Но справедливо-ли, разумно-ли смѣшивать (прежнее) время съ нынѣшнимъ и мстить цѣлому народу

за ошибки или вину одного человѣка? Это-то прославленная гуманность Европы!

15. Пятница. У попечителя былъ собранъ историко-филологическій факультетъ для совѣщаній о назначеніи профессоровъ въ университетъ, который предполагено открыть въ будущемъ августѣ, такъ какъ уставъ уже рассмотрѣнъ и исправленъ Строгановскою комиссіею. Тутъ коснулось дѣло меня. Я объявилъ, что мое пятилѣтіе уже кончилось, и я прошу меня уволить. Факультетъ, не знаю искренно или притворно, просилъ меня остаться. Особенно настаивали Срезневскій и Куторга. Они просили, чтобы я остался, по крайней мѣрѣ, для начала возрожденія университета, чтобы не вдругъ его покинуть. На это я слегка согласился, не давъ рѣшительнаго отвѣта даже самому себѣ. Я не имѣю чести правиться Головнину, да и въ товарищахъ не совсѣмъ увѣренъ.

Хочу поговорить съ Д. о томъ, какъ онъ думаетъ, но въ концѣ концовъ я всетаки полагаю просить объ отставкѣ.

Мы богаты великими публицистами, великими мыслителями въ газетахъ и фельетонахъ; но вотъ, когда дѣло дошло до приискванія профессоровъ, то пришлось почти надъ каждою кафедрою задумываться: кого?

16. Суббота. Объяснялся съ Д. по поводу вчерашняго засѣданія и назначенія профессоровъ въ университетъ. Меня факультетъ просилъ остаться. Я уступилъ только на короткое время—пока университетъ не переправится черезъ Черное море и не станетъ снова на твердую почву. И то потому, что всѣ согласились въ необходимости не устранять при этой переправѣ людей надежныхъ, то есть искренно и издавна преданныхъ университету. Впрочемъ, Головнинъ, можетъ быть, захочетъ поступить иначе.

17. Воскресенье..... Что-бы ни было, я пойду открытою, прямою дорогою. Для меня столько-же ненавистны притязанія крайнихъ, какъ и законѣлость консерваторовъ, и хотя говорятъ, что умѣренный образъ мыслей не есть самый блестящій, но онъ есть самый справедливый, единственный, которымъ можетъ и должепъ руководствоваться человѣкъ съ сердцемъ и здравымъ умомъ. И онъ требуетъ также мужества, когда дѣло идетъ о томъ,

чтобы противостоять страстямъ и увлеченіямъ партій. Наши газеты и журналы жестоко ошибаются, думая, что они располагаютъ общественнымъ мнѣніемъ и направляютъ его. Правда, они дѣйствуютъ на него—но чѣмъ? Изображеніемъ скандаловъ или мелкихъ житейскихъ дразгъ, чиновничьихъ продѣлокъ и пр. Но созидать партіи, какъ они думаютъ, устанавливать принципы, приводить въ движеніе политическія пружины и пр.—это чистѣйшая мечта и обольщеніе самолюбія. Но есть другое неоспоримое вліяніе нашихъ газетъ и журналовъ—это вліяніе на молодое поколѣніе...

19. Вторникъ. Былъ Гиляровъ, вызванный сюда для присутствія въ цензурной комиссіи. Съ кѣмъ изъ умныхъ и честныхъ людей ни говори, все слышишь одно и то-же: ужасное время переживаетъ Россія. По дѣламъ польскимъ намъ угрожаетъ вмѣшательство Европы, которая съ чудовищною непонятною ненавистью, кажется, готова растерзать въ клочки Россію. А что имъ сдѣлала Россія? Они забыли 1812-й годъ. Но человѣкъ видно вездѣ готовъ болѣе на зло, чѣмъ на добро. Что-же это за цивилизація, которая не дѣлаетъ людей ни великодушнѣе, ни справедливѣе?...

...Боже мой! при такихъ государственныхъ людяхъ, какими теперь мы богаты, немудрено и пасть Россіи. Ни сильной мысли, ни твердой воли, ни живаго патріотическаго чувства, которыя-бы сообщались другимъ!

21. Четвергъ. Есть люди, которые, въ силу укоренившагося обычая, исполняютъ нѣкоторыя добрыя дѣла точно такъ, какъ въ извѣстное время они обѣдаютъ, пьютъ чай и т. д.

Не постигнетъ-ли варварство еще разъ человѣческія общества, когда нравственная сила и сила этой силы — вѣрованіе—совершенно угаснутъ въ сердцахъ людей?

Бокль думаетъ всѣ принципы общества подчинить одному знанію. Для него нѣтъ нравственныхъ убѣжденій, нѣтъ вѣрваній или всѣ убѣжденія и вѣрованія онъ старается установить на знаніи.

Польское возстаніе, безъ сомнѣнія, есть не иное что, какъ симптомъ общаго революціоннаго соціалистическаго движенія. Европа должна перестроиться и обновиться, по мнѣнію вождей

этого движенія; но обновленію долженъ предшествовать духъ бури и всеобщаго разрушенія. Изъ праха и развалинъ самъ собою долженъ возникнуть новый міръ, въ которомъ водворится золотой вѣкъ. Что это: сумасшедшіе или апостолы новой религіи безъ вѣры, поваго откровенія безъ чудесъ, новой нравственности безъ добродѣтелей, общества безъ законовъ и власти, полного владычества разума безъ страстей, безъ науки, искусства и поэзіи, новаго особеннаго христіанства безъ Бога, Христа и церкви; наконецъ, жизни безъ страданій и смерти?

..... Сколько здѣсь лжи и безумія! Предпринимать дѣло челоувѣчества съ такимъ рискомъ для него, безъ особеннаго яснаго на то полномочія, котораго и быть ни отъ кого не можетъ, есть уже безуміе или злодѣйство. Можно-ли позволить себѣ во имя какой-бы то ни было системы играть такъ жребіями челоувѣческими, и, хотя-бы то съ наилучшими намѣреніями, увлекать людей въ пропасть, если нѣтъ никакой достовѣрности въ томъ, что пропасть эта превратится въ жилище блаженства?

Засѣданія въ академіи наукъ и въ факультетскомъ собраніи, гдѣ производился экзаменъ В. А. Бильбасову на званіе магистра.

Въ академію была прислана бумага за подписью министра двора съ изъявленіемъ отъ государя императора неудовольствія за громогласные разговоры и шумъ въ церкви (придворной) среди посѣтителей, приглашенныхъ присутствовать при обрядѣ вѣнчанія великой княжны съ Баденскимъ принцемъ. Всѣ четырехклассныя особы, имѣющія пріѣздъ ко двору, должны росписаться на этой бумагѣ, что читали ее. Возможно-ли, что наше общество, высшее, образованное, до того забыло самыя обыкновенныя приличія и вынудило государя сдѣлать себѣ наставленіе и замѣчаніе какъ самому пошлomu шеольнику? Однако-же, это случилось. Обстоятельство это въ настоящее время имѣетъ важный смыслъ.

Иностранныя газеты продолжаютъ выражать намъ свою неприязнь за Польшу особенно по поводу заключенія съ Пруссіей конвенціи.

26. Вторникъ. Эти ночные толчки, которые я такъ часто терплю ночью — Дамокловъ мечъ, подъ которымъ я нахожусь постоянно съ 1858 года.

28. Четвергъ. Соціалисты хотятъ, чтобы народы жили безъ

правительствѣ... Надобно совершенно не знать людей или питать слѣпую вѣру въ самыя фантастическія утопіи, чтобы повѣрить, что человѣкъ способенъ обойтись безъ внѣшней силы, которая-бы его обуздывала и направляла. Если не случится силы, которая-бы хитростью или насиліемъ взяла его въ свои руки, такъ онъ создастъ ее самъ. Она падетъ или онъ ниспровергнетъ ее за злоупотребленія, но она будетъ создана вновь. Переимѣнятся могутъ формы отношеній э той силы и ея проявленія, но отмѣнить ее нельзя, пока на землѣ будутъ страсти, неравенство способностей, пока одинъ будетъ способенъ властвовать и другой будетъ имѣть больше выгоды повиноваться и быть спокойнымъ, чѣмъ вѣчно стоять на-сторожѣ.

Мартъ 1. Пятница. Бокль излагаетъ исторію по-своему, Макколей по своему, Шлоссеръ и Гервинусъ по-своему. Историкъ не долженъ-бы быть политикомъ, а прежде всего умнымъ человѣкомъ и критикомъ. Страшно надоѣли всѣ эти перетолковыванія дѣяній и событій, которыя каждый старается изъяснить въ духѣ своихъ идей, привязанностей своей партіи.

Между всѣми этими великодушными партіями, препирающимися за права и благо человѣчества, въ сущности дѣло идетъ о томъ, кому изъ нихъ властвовать въ мірѣ. Человѣчество есть добыча, которая должна быть наградою побѣдителя.

2. Суббота. Въ Казанскомъ университетѣ произошелъ скандалъ — профессоры перессорились до такой степени, что для умиротворенія ихъ посланъ Д. Избирали кого-то въ профессора по медицинскому факультету и избрали большинствомъ голосовъ въ совѣтъ. Казалось-бы, и дѣлу конецъ. По всѣмъ законодательствамъ въ мірѣ большинство рѣшаетъ дѣло. Но нашимъ ультра-либераламъ какое дѣло до закона? Меньшинство не только вздумало не уважить рѣшенія совѣта, но формально воспротивилось ему и объявило письменно, что оно не хочетъ принять въ свои сочлены такого-то.

14. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи. Новый членъ Пекарскій. Онъ показался мнѣ весьма благовиднымъ и личнымъ.

18. Понедѣльникъ. У Державина было три орудія письма: перо золотое, перо гусиное, прескверно очиненное, и нѣчто въ родѣ помела.

Ужасное кровопролитіе (въ Польшѣ) продолжается. Сколько погибаетъ несчастныхъ, которые думаютъ, что они рѣжутся за отчизну и добросовѣстно подставляютъ грудь свою подъ русскія пули, а между тѣмъ служатъ только орудіемъ или несбыточныхъ или честолюбивыхъ стремленій нѣсколькихъ коноводовъ. Кровь этихъ несчастныхъ должна пасть на послѣднихъ. Но что толку въ этомъ. По ночамъ худо спится: атакуютъ безпокойныя и тревожныя мысли о Россіи. Вѣдь это наступилъ роковой кризисъ для нея—почти быть или не быть—едва-ли не важнѣе 1812 г.

19. Вторникъ. Холода продолжаютъ. Ужасный, ножами рѣжущій, сѣверо-восточный вѣтеръ при ослѣпительномъ сіяніи солнца. Сегодня, по крайней мѣрѣ, погода не подличаетъ—пасмурно, прямо скверный день, безъ фальшивыхъ обѣщаній.

Враги готовы кинуться на насъ со всѣхъ сторонъ, какъ звѣри, то есть какъ собаки, а не какъ львы, потому что львы, говорятъ, великодушны и благородны. А что дѣлаетъ наше правительство—покрыто глубокою тайною. Знаешь только, что тамъ въ разныхъ мѣстахъ дерутся, что наши рѣжутъ напропалую поляковъ, вотъ и все. А вотъ тутъ возлѣ враги—хуже—наши ультра-либералы, которые готовы замѣнить на картѣ Россію Польшею...

Горько, что такъ мало чувствуешь въ себѣ силу, чтобы работать для бѣднаго отечества!

21. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи и дѣвичій экзаменъ въ университетѣ.

23. Суббота. На похоронахъ старушки Михайловой, которая умерла 79 лѣтъ. Это была женщина замѣчательнаго ума и силы характера. Я очень уважалъ ее. Умерла она съ полнымъ спокойствіемъ духа и сохранила до конца свой пѣтистически христіанскій образъ мыслей. Она была лютеранка.

26. Вторникъ. Болѣе всего надо опасаться вѣрить тому, что намъ пріятно.

30. Суббота. Заутреня и обѣдня въ университетской церкви. Видѣлся съ Костомаровымъ, Устряловымъ и проч. Горячо похристосовался съ нашимъ добрымъ и умнымъ швейцаромъ Савельичемъ, видѣвшимъ день рожденія университета.

31. Воскресенье. Праздникъ Пасхи. День неслыханно прекрасный—9 град. тепла съ девяти часовъ утра. Солнце сіяетъ какъ на итальянскомъ небѣ.

Апрѣль 1. Понедѣльникъ. Читалъ манифестъ объ амнистїи полякамъ. Манифестъ могъ-бы быть лучше написанъ.

Слухи ходять, что Европа принимаетъ въ отношенїи къ намъ видъ все грознѣе и грознѣе. Власть въ дѣлахъ міра принадлежить хитрѣйшему и безстыднѣйшему. Теперь она за Людовикомъ-Наполеономъ, и онъ, кажется, намѣренъ воспользоваться ею, увѣривъ всѣхъ, что Россїю надобно уничтожить для безопасности Европы, которой угрожаетъ-то собственно онъ.

Какой мы слѣдуемъ политикѣ — покрыто мракомъ неизвѣстности. Но, кажется, едва-ли мы не избрали несчастную систему уступокъ и мира во что-бы то ни стало. Ничто не можетъ быть плачевнѣе этой системы, если мы ее приняли. Ею не только нельзя избѣжать войны, но она прямо ведетъ къ ней. Единственный способъ избѣжать ее—это показать Европѣ, что мы не боимся войны. Но непременно показать, дать ей почувствовать это.

7. Воскресенье. Говорять, ноты или, такъ называемыя, депеши трехъ державъ получены. Что-то рѣшить наше правительство? Горе, если оно окажетъ слабость. Это будетъ первый шагъ къ низведенію Россїи съ ея политической степени. Правительство лишится послѣдняго престижа и тогда трудно рѣшить, къ какому хаосу внутреннему можемъ мы придти. Разумѣется, врагамъ нашимъ этого и хочется.

8. Понедѣльникъ. Въ университетѣ засѣданіе въ факультетѣ по поводу диссертациі Бильбасова.

Насъ собралось человекъ восемь. Толки на тему: будетъ-ли у насъ война? Я развилъ ту мысль, что это совершенно зависитъ отъ нашего поведенїа: если мы съ твердостью покажемъ Европѣ, что не желаемъ, но и не боимся войны, и выразимъ полную къ ней готовность, то Европа не начнетъ ее.

Боже сохрани правительство отъ уступокъ, противныхъ чести и безопасности Россїи. Національное чувство начинаетъ повсюду, здѣсь и въ губерніяхъ, сильно возбуждаться. Если Наполеонъ высказался такъ, что подъ гнетомъ общественнаго мнѣнія онъ можетъ нарушить союзъ дружбы съ Россїею, то Александръ можетъ ему отвѣтить, что подъ гнетомъ всеобщей ненависти и негодованїа своего народа къ чужому вмѣшательству онъ не ручается за то, что этотъ народъ въ

состояніи надѣлать. Европа не можетъ желать такой войны, какая грозитъ возникнуть изъ Наполеонова вмѣшательства, и потому легко можетъ случиться, что то общественное мнѣніе, на которое Наполеонъ опирается, не будетъ за него, а противъ него. „Имперія—это война“, беспощадная вѣчная война—это всякій увидитъ. Наполеонова династія можетъ какъ червь жить и питаться только трупами. Вотъ десять лѣтъ—съ тѣхъ поръ, какъ этотъ узурпаторъ распоряжается въ Европѣ—она не слагаетъ съ себя оружія. Это не можетъ-же продолжаться всегда. Можетъ быть, въ случаѣ войны, племяннику, какъ и дядѣ, придется разбиться въ дребезги объ этотъ колоссъ, который они называютъ варварскимъ народомъ.

9. Вторникъ. Похороны корнета Ремера, убитаго въ сраженіи съ мятежниками недалеко отъ Варшавы 2-го апрѣля. Выносъ былъ изъ церкви Симеона. Стеченіе народа огромное. Изъ императорской фамиліи присутствовали тутъ наслѣдникъ и великій князь Николай Николаевичъ. Вообще оказаны достойныя почести этому молодому храброму офицеру, положившему животъ свой за родину.

Въ воскресенье на площади у Зимняго дворца была огромная манифестація. Несмѣтныя толпы народа собрались передъ балкономъ, выходящимъ къ Адмиралтейству, и подняли страшное „ура“, такъ что государь показался, наконецъ, на балконѣ. Толпы встрѣтили его съ неописаннымъ восторгомъ. Народъ просилъ показаться также царицу. Она явилась на балконѣ—тотъ-же восторгъ и радостные клики.

Во время концерта въ пользу инвалидовъ Государь былъ принятъ также съ необыкновеннымъ восторгомъ. Музыканты, между прочимъ, принуждены были четыре раза повторить гимнъ „Боже, Царя храни“.

10. Среда. Если ужъ пошло на то, такъ Россія нужнѣе для человѣчества, чѣмъ Польша. Одни тѣ народы могутъ служить человѣчеству, которые еще не прожили всего капитала своихъ нравственныхъ силъ, а Польша, кажется, уже это сдѣлала. У Россіи-же есть будущность. Мы воспитаны въ суровой школѣ; но за то мы и способны что-нибудь сдѣлать. Насъ упрекаютъ могуществомъ нашимъ какъ преступленіемъ. Но развѣ мы украли наше могущество? Мы добыли его терпѣніемъ и кровію нашею.

12. Пятница. Неумѣренное чтеніе пустыхъ книгъ, какъ, напримѣръ, романовъ, имѣетъ разслабляющее свойство. Дѣйствіе его то-же, какъ дѣйствіе питья, лѣниваго лежанья на диванѣ или празднаго шатанія по улицамъ.

13. Суббота. Грозныя и зловѣщія предзнаменованія становятся все сильнѣе и сильнѣе. Всѣ почти увѣрены въ неизбѣжности войны. Между тѣмъ въ правительственныхъ сферахъ, по видимому, все спокойно, незамѣтно никакого особеннаго движенія. Что это—инерція или увѣренность въ своихъ силахъ? Послѣднее то едва-ли умѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что мы въ большой опасности. Мы недостаточно вооружены. У насъ нѣтъ ни способныхъ генераловъ, ни способныхъ государственныхъ людей.

14. Воскресенье. Мрачнѣе и мрачнѣе. Многіе находятъ, что наше положеніе очень опасно. Въ народѣ, правда, пробуждается сильный патріотизмъ; но средства наши слабы въ сравненіи со средствами непріятеля или непріятелей. Войско наше храбро, но такъ-ли хорошо оно вооружено и обучено, какъ войско, напримѣръ, французское? Кронштадтъ худо укрѣпленъ. У насъ нѣтъ панцырныхъ судовъ. Есть-ли у насъ парѣзныя пушки и много-ли ихъ? Финансы наши въ крайнемъ упадкѣ.

15. Понедѣльникъ. Толки, безконечные толки о томъ: будетъ-ли или не будетъ война? Я постоянно повторяю одну мысль, что возможность войны много зависитъ отъ нашего поведенія, то есть отъ той энергіи, съ какою мы будемъ показывать, что мы войны не желаемъ, но и не боимся ея. Впрочемъ, не слишкомъ-ли далеко зашелъ Наполеонъ, чтобы возвратиться назадъ? И не слишкомъ-ли велики интересы Англіи и другихъ державъ, чтобы втянуть его въ войну, которая можетъ кончиться однимъ изъ двухъ: ослабленіемъ его или Россіи. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, война неизбѣжна.

Настроеніе умовъ у насъ, мнѣ кажется, хорошо: нѣтъ самохвальства, которымъ мы часто отличались, но нѣтъ и унынія, хотя всѣ сознають, что война предстоить трудная и намъ угрожаютъ большія опасности. Какъ-то всѣ понимаютъ, что здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы быть или не быть.

16. Вторникъ. Второй разъ получилъ отъ инспектора римско-католической академіи извѣщеніе, что лекцій по моему предмету въ ней не будетъ...

17. Среда. Восемь часовъ вечера. Сейчасъ принесли указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Это составитъ эпоху въ исторіи русскаго народа.

Вечеромъ иллюминація. Невскій проспектъ почти буквально былъ залитъ народомъ и экипажами. Я дошелъ кое-какъ или, лучше сказать, донесенъ былъ толпою до Думы; далѣе идти было невозможно: сплошная стѣна народа, еле-еле подвигавшаяся впередъ, и страшная тѣснота вокругъ заставили меня рѣшительно возвратиться вспять. Я все думалъ, не побѣдетъ-ли государь—мнѣ хотѣлось дождаться его. Но было уже 10 часовъ, а его не было.

Иллюминація была блистательная. Особенно хорошо были иллюминированы дома Бернардаки, Кокорева, Гостинный дворъ, Дума и проч. Въ трехъ мѣстахъ гремѣла музыка. Въ народѣ соблюдался удивительный порядокъ и благопристойность. Вмѣшательства полиціи ни малѣйшаго. Пьяныхъ я не видалъ ни одного.

18. Четвергъ. Множество адресовъ отъ разныхъ сословій съ изъявленіемъ патріотическихъ чувствъ. Замѣчательнъ адресъ старообрядцевъ. Слава Богу! Рѣчь государя къ депутаціямъ превосходна: спокойствіе, умѣренность и твердость. Въ Европѣ увидятъ, что новая война съ Россіей не будетъ похожа на Крымскую.

Говорили объ адресѣ финляндцевъ, но въ печати его нѣтъ. Жаль, если это только слухъ. Швеція вооружается не на шутку, грозя отнять у насъ Финляндію и чуть-ли не Петербургъ.

19. Пятница. Изъ адресовъ едва-ли не самый лучший — ст старообрядцевъ и самый неудачный—московскаго университета.

Въ Москвѣ 17-го апрѣля былъ невыразимый народный энтузіазмъ. Народъ потребовалъ, чтобы молебень былъ отслуженъ на площади противъ оконъ тѣхъ комнатъ дворца, гдѣ родился государь. Народъ палъ на колѣни и молился за Россію и государя съ глубокимъ чувствомъ. Очевидцы говорятъ, что это было зрѣлище великолѣпное и трогательное.

Вечеромъ 17-го здѣсь въ театрѣ происходила также манифестація. Играли: „Жизнь за Царя“. Тутъ не было конца восторженнымъ кликамъ, рукоплесканіямъ. Въ театрѣ, между прочимъ, былъ англійскій курьеръ, наканунѣ пріѣхавшій съ депешами въ своему послу. Онъ былъ изумленъ выраженіемъ всеобщаго

восторга, который не долженъ-бы удивить англичанина, и сказалъ, что онъ будетъ бояться рассказывать объ этомъ въ Лондонѣ, потому что тамъ этому не повѣрятъ.

20. Суббота. Засѣданіе въ академіи... Въ академіи то-же и то-же: ловля мухъ и комаровъ.

Адресъ здѣшнихъ старообрядцевъ очень хорошъ. За то московскій университетъ отличился какимъ-то школярнымъ витѣствомъ.

22. Понедѣльникъ. Поутру ѣздилъ въ Смольный монастырь поздравить Леонтьеву съ ея 25-тилѣтіемъ службы. Она была тронута этою вѣжливостью и просила меня на вечеръ. Вечеръ былъ очень оживленъ. Тутъ встрѣтилъ я многихъ изъ моихъ Смольныхъ слушательницъ, отъ которыхъ наслушался множество любезностей и воспоминаній. Вѣдь то была, въ самомъ дѣлѣ, моя лирическая эпоха и промелькнуло много пріятныхъ дней въ кругу этихъ развитыхъ, милыхъ, неспорченныхъ женскихъ существъ. Я воротился домой во второмъ часу.

23. Вторникъ. Отъ 7-ми градусовъ тепла погода перешла къ жару. Въ Лѣтнемъ саду земля опушается травкою, на кустарникахъ начинаютъ пробиваться листья, но большія деревья, какъ опытнѣйшія, стоятъ угрюмо, обнаженные, какъ-бы боясь довѣриться ненадежной здѣшной веснѣ.

Возрождаются нѣкоторыя надежды на миръ. Замѣчательна, между прочимъ, сегодняшняя телеграмма, извѣщающая, что шведскій сеймъ рѣшительно отвергнулъ всякую мысль о помощи Польшѣ.

25. Четвергъ. Всеобщее недовольство на слабость нашего управленія въ Варшавѣ. Въ самомъ дѣлѣ, городъ на военномъ положеніи, а тамъ, какъ и во всей Польшѣ, главная правительственная власть въ рукахъ революціоннаго комитета. Что за нелѣпость! Полиція состоитъ изъ поляковъ. Русскій элементъ совершенно подавленъ. Русскіе терпятъ оскорбленія... А главное, по причинѣ совершеннаго безсилія нашего правительства, возстаніе затягивается болѣе и болѣе и даетъ Европѣ поводъ вмѣшиваться.

Крестьяне въ Динабургскомъ уѣздѣ сами рѣшились расправиться съ бунтующими помѣщиками. Въ имѣніи Платера они

надѣлали пропасть безпорядковъ. Тѣ-же стремленія обнаруживаются и въ другихъ западныхъ губерніяхъ. Да что-же и дѣлать крестьянамъ? Ихъ душить революціонный комитетъ, а имъ не оказываютъ защиты.

Самарское дворянство постановило приговоръ: вызвать изъ заграницы, и особенно изъ Парижа, нашихъ путешественниковъ, которые терпятъ тамъ всяческія оскорбленія русскаго имени и всетаки продолжаютъ тамъ жить.

Встрѣтилъ у католической церкви похороны митрополита Жилинскаго, который надняхъ умеръ.

Вечеромъ былъ С., который ѣдетъ въ Малороссію по порученію министра собирать какія-то свѣдѣнія.

26. Пятница. Польскіе студенты и гимназисты сожгли Горыгорѣцкое училище, перерѣзавъ прежде инвалидную команду.

Въ Варшавѣ царствуетъ совершенная анархія. Полиція тамъ состоитъ изъ поляковъ.

Теперь знакомые не спрашиваютъ при встрѣчѣ другъ друга: здоровы-ли вы? а—война или миръ?

Назимова, говорятъ, замѣняютъ Муравьевымъ-Карскимъ.

27. Суббота. Претензіи человѣка—претензіи полубога, если не бога, а судьба ихъ такая-же, какъ послѣдняго червя: не странно-ли это?

Засѣданія въ академіи и факультетскомъ собраніи.

Говорятъ о странномъ адресѣ Войска Донскаго. Они собрались въ числѣ сорока полковъ, снарядились совершенно на бой и выступили къ предѣламъ своей земли, пославъ всеподданнѣйше представить государю, что они готовы: куда онъ повелитъ имъ идти?

28. Воскресенье. Зашелъ къ Княжевичу. Тамъ услышалъ весьма непріятную новость, что нашихъ на голову разбили (!?) поляки. Нашими начальствовалъ Витгенштейнъ.

О сожженіи Горыгорѣцка и тамошняго училища получены подтвердительныя извѣстія.

Въ Витебской губерніи разграблена казенная почта.

30. Вторникъ. Разрѣшилъ давно и непріятно занимавшее меня недоумѣніе. Пребываніе мое въ р.-к. академіи, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, съ каждымъ днемъ становилось для меня

тяжелѣе, фальшивѣе. Не то, чтобы въ слушателяхъ или начальствѣ я встрѣтилъ что-нибудь непріязненное себѣ или русскому элементу; напротивъ, я лично продолжалъ пользоваться, какъ и во все время моей службы, отличнымъ расположеніемъ тѣхъ и другаго. Что касается до русскаго элемента, то, по крайней мѣрѣ, наружно ни однимъ словомъ, ни мановеніемъ, такъ сказать, никто изъ нихъ тоже не выразилъ ничего враждебнаго. Что-же тамъ происходитъ у нихъ въ сердцахъ—я не имѣю ни права, ни возможности знать этого и допытываться. Но всетаки отношенія наши не могли не быть странными, тѣмъ болѣе, что по конкордату ни одинъ православный преподаватель не долженъ быть въ академіи. Я оставался тамъ одинъ и былъ удерживаемъ, такъ сказать, насильно самими академистами, которые не разъ на мои просьбы уволить меня отвѣчали мнѣ самыми жаркими просьбами не оставлять ихъ. Между тѣмъ надняхъ я два раза получилъ отъ инспектора извѣщеніе, что лекцій моихъ въ такой-то день не будетъ. Потомъ я раза три самъ не пошелъ на лекцію. Я хотѣлъ спросить совѣта у директора департамента иностранныхъ исповѣданій графа Сиверса; но этотъ не захотѣлъ меня принять, когда я два раза къ нему приходилъ. Что мнѣ оставалось дѣлать?... Подать прямо въ отставку я считалъ неловкимъ. Я придумалъ написать инспектору слѣдующее письмо: „по независящимъ отъ меня причинамъ, я, къ сожалѣнію моему, не могъ читать уже нѣсколько разъ лекцій въ р.-к. академіи. Наступившіе за симъ экзамены въ университетѣ для студентовъ, допущенныхъ къ нимъ по закрытіи послѣдняго, и усиленіе испытаній для домашнихъ учителей и учительницъ дѣлаютъ для меня совершенно невозможнымъ въ настоящее время посвящать труды мои академіи. Дабы такая остановка не причинила для послѣдней какого-либо неудобства, я честь имѣю увѣдомить васъ, м. г., о вышесказанномъ съ тѣмъ, что не признаетъ-ли начальство академіи полезнымъ возложить преподаваніе русской словесности вмѣсто меня на кого либо другаго“. Это письмо я сегодня и отправилъ къ инспектору Вожинскому.

Май 1. Среда. Весь почти апрѣль былъ очень хорошъ: тепло и солнце. Вотъ и май—и начало его также хорошо. Деревья видимо начинаютъ опушаться молодою зеленью, даже большія начинаютъ понемножку выходить изъ скептическаго

положенія и больше довѣрятъ ласковой улыбкѣ солнца. Что будетъ дальше, и не заплатится-ли намъ за это въ концѣ мая или въ юнѣ чѣмъ-нибудь въ родѣ 8-ми, 7-ми град. тепла или страшнаго сѣверо-восточнаго дуновения: это мы послѣ узнаемъ, а теперь что хорошо, то хорошо. А у насъ еще нѣтъ и помина о дачѣ.

2. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи, экзамены гувернантокъ. Вечеромъ засѣданіе факультета у попечителя для извѣщенія о предстоящемъ открытіи университета. Я, кажется, пока остаюсь.

Вѣсы, повидимому, склоняются на миръ. Англія и Франція, особенно послѣдняя, сильно смягчили тонъ своихъ настояній. Россель объявилъ въ парламентѣ, что войны не будетъ. Швеція, получивъ отъ Финляндіи объявленіе, что та вовсе не желаетъ отложенія отъ Россіи, дала знать, что она не имѣетъ повода къ войнѣ.

3. Пятница. Засѣданіе въ академіи наукъ. Тутъ-же засѣданіе въ комиссіи для присужденія уваровскихъ премій. Я читалъ мой отчетъ о двухъ комедіяхъ, изъ которыхъ присуживалъ премию комедіи Островскаго „Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ“. Другіе члены комиссіи, не знаю почему, кажется, не хотѣли дать ему преміи.

[Ап. Ник.] Майковъ вечеромъ читалъ у меня свою пьесу: „Смерть Люція“. Вещь истинно прекрасная.

4. Суббота. Что-же такое жизнь, когда лучшая изъ добродѣтелей есть презрѣніе жизни, а ученіе, проповѣдующее презрѣніе это, есть высшая степень мудрости.

Я не знаю, въ жизни и судьбѣ человѣческой есть что-то столь непрочное, что кажется невозможнымъ считать ихъ за что-нибудь серьезное. Право, все похоже на обманъ, иллюзію, на фантазмагорію. Существенная сторона жизни даетъ себя чувствовать только страданіями, и потому-то первый законъ для всего живущаго и самое рѣшительное изъ его стремленій есть—избѣгать страданій.

Человѣкъ постоянно опасается человѣка. Между умными людьми эти опасенія особенно обыкновенны. Каждый изъ нихъ очень хорошо знаетъ и лживость другаго, и способность его вредить или гадить ближнему. Обмануть вовсе не считается

стыднымъ: стыдно быть обманутымъ. Первое всегда считается признакомъ ума, ловкости; второе означаетъ воронью простоту, тупость, слабоуміе. Скольکو разъ я былъ наказанъ за пренебреженіе предосторожностей въ обращеніи съ людьми!...

Человѣкъ одаренъ особенною способностью запутывать и усложнять самыя простыя вещи. Иному хочется показаться, во что-бы то ни было, умнѣе другихъ и онъ, какъ говорится, изъ кожи лѣзетъ въ изобрѣтеніи разныхъ утонченностей, соображеній, возрѣній и проч.

5. Воскресенье. Главное, многому, что считается важнымъ, не должно придавать важности.

У ректора римско-католической академіи епископа Береневича (Евгенія Александровича), который на-дняхъ пріѣзжалъ ко мнѣ и не засталъ меня дома. Онъ самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ меня не покидать академіи.

Все еще колеблются политическія дѣла между миромъ и войною. Возстаніе не только не прекращается, но фанатизмъ поляковъ, кажется, возрастаетъ. Многого публика ожидаетъ отъ Муравьева, назначеннаго на мѣсто Назимова.

6. Понедѣльникъ. Опять тревоги, сомнѣнія, безпокойства. Меньше и меньше обращать вниманія на весь этотъ вздоръ, которому значеніе дается единственно нашимъ малодушіемъ въ подрывъ нравственной свободѣ.

10. Пятница. Николай Николаевичъ Кологривовъ — неожиданно изъ Парижа. Онъ говоритъ, что тамъ вовсе нѣтъ никакихъ оскорбленій русскимъ, что журналы ругаютъ насъ, но живущіе въ Парижѣ не терпятъ ничего похожего на оскорбленіе. Въ обществѣ тамъ сочувствуютъ полякамъ, о которыхъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, равно какъ и о Россіи и только.

13. Понедѣльникъ. Къ какому-то отставному дѣйствительному статскому совѣтнику Гордіенко ночью на дачѣ за Лѣснымъ Корпусомъ въ окошко влѣзъ кто-то съ кинжаломъ и съ пистолетомъ въ рукахъ и, когда хозяинъ проснулся и бросился на разбойника, то послѣдній нанесъ ему 11 ранъ кинжаломъ; пистолетъ бѣдный успѣлъ выбить у него изъ рукъ. Умы въ настоящую минуту такъ настроены противъ поляковъ, что и въ этомъ ночномъ разбоѣ многіе видятъ дѣло рукъ польскихъ повстанцевъ.

Ъздиль смотрѣть дачу на Аптекарскомъ островѣ, въ Аптекарской улицѣ, домъ Миллера. Дача недурна и окрестности чисты и зелены, хотя довольно пустынно. Все-бы ничего, да дорого—300 рублей. Но придется нанять. У меня, собственно, какъ-то очень охладѣло влеченіе къ здѣшней, такъ называемой, природѣ, такъ называемому лѣту и къ такъ называемымъ дачамъ; но пусть семья не лишается нѣкотораго удобства и удовольствія, пока я въ силахъ имъ доставить это.

14. Вторникъ. Нестроеніе, путаница, всеобщая тревожность усиливаются день ото дня. Въ Москвѣ, говорятъ, сильное волненіе по случаю какихъ-то манифестацій со стороны революціоннаго варшавскаго комитета. По всей Россіи возмутительныя прокламаціи летаютъ тучами, и иногда производятъ даже желаемое дѣйствіе, какъ, напримѣръ, въ Пензенской губерніи, откуда на-дняхъ князю Оболенскому писали, что крестьяне, прочитавъ прокламацію о какой-то новой неслыханной, обѣщаемой имъ волѣ, объ отдачѣ имъ всей земли и проч., отказались платить оброкъ, работать на помѣщика и даже на себя. Въ Казани какой-то бѣжавшій произвелъ настоящій бунтъ между студентами и другими отчаянными, и проч., и проч. Въ Петербургѣ тоже никто не надѣется на безопасность въ теченіи лѣта.

15. Среда. Сильное раздумье насчетъ дачи. Хорошо-ли, благоразумно-ли при этой сумятицѣ и отсутствіи безопасности разбиваться на два жилища. Здѣсь могутъ обокрасть, а тамъ могутъ на безлюдьи, особенно въ августѣ, забраться въ комнаты.

16. Четвергъ. Въ 103-мъ № „Московскихъ Вѣдомостей“ помѣщена весьма сильная статья объ униженіи, которое терпитъ Россія со стороны европейскихъ державъ, и о томъ, какъ ей необходимы дѣйствительныя и неотлагаемыя мѣры усиленія и организованія своихъ защитительныхъ силъ. Приводится мысль, возбужденная въ Москвѣ, объ образованіи городского ополченія для охраненія внутренней безопасности. Надобно всячески будить правительство и пользоваться одушевленіемъ народа.

17. Пятница. Конецъ концовъ, однако, въ этомъ хаосѣ мнѣній и понятій—надобно мужественно и твердо держаться начала, которое корнями вросло въ твое сердце и съ которымъ согласны всѣ выводы твоего ума. А тамъ пусть будетъ что бу-

дѣть. Говорятъ, мы живемъ въ переходное время. Каждый вѣкъ есть переходное время. Дѣло въ томъ, чтобы жить и дѣйствовать — результаты складываются всегда не такъ, какъ думаютъ живущіе и дѣйствующіе.

Идти слѣпо за потокомъ времени также глупо, какъ и противодѣйствовать ему во всемъ.

Всему существующему грозитъ разрушеніе; но существующее не должно уступать своихъ правъ безъ боя. Его права состоятъ въ томъ, что оно существуетъ. Это я и хотѣлъ, между прочимъ выразить въ статьѣ моей: „Молодое поколѣніе“.

18. Суббота. У графа Сиверса. О римско-католической академіи. Графъ просилъ меня не оставлять академіи, что, впрочемъ, и было уже мною рѣшено послѣ объясненія съ епископомъ ректоромъ. Я долгомъ счелъ засвидѣтельствовать, что, въ продолженіе моей 22-хъ лѣтней службы въ этой академіи, я не замѣтилъ ни въ воспитанникахъ, ни въ служащихъ ничего враждебнаго противъ Россіи. Мои личныя отношенія съ ними были всегда самыя лучшія.

19. Воскресенье. Диспутъ Василія Алексѣевича Бильбасова на магистерскую степень. Магистрантъ защищался очень хорошо. Посѣтители все почти были студенты. Стороннихъ очень мало.

21. Вторникъ. Засѣданіе въ факультетѣ. Принято пока мнѣніе Куторги о нераздѣленіи факультета и другомъ способѣ специализированія учебныхъ занятій — говорю пока, потому что окончательное обсужденіе этого вопроса еще будетъ.

Встрѣтился съ Ѳ. И. Тютчевымъ. — „Война или миръ?“ — „Война, безъ всякаго сомнѣнія“, отвѣчалъ онъ. А онъ имѣетъ случаи кое-что знать о подобныхъ вещахъ и при дворѣ, и въ министерствѣ.

Встрѣтилъ также Малеина, нынѣ управляющаго департаментомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. — „Война или миръ?“ спросилъ я. — „Война, безъ малѣйшаго сомнѣнія“, отвѣчалъ онъ.

22. Среда. Мы имѣемъ весьма важное преимущество передъ нападающими на насъ — преимущество обороны. Намъ не нужно одерживать побѣдъ; намъ надобно только стойко и успѣшно обороняться. Отбить врага, оттолкнуть его отъ себя и удержаться въ своей позиціи — будетъ великою для насъ побѣдою.

Пока ты не приобрѣтешь достаточно силы, чтобы довольствоваться самимъ собою, во всемъ опираться только на самого себя, до тѣхъ поръ ты совершенно ничего не сдѣлалъ для своей нравственной безопасности, свободы и чести.

Все имѣющее на насъ извнѣ вліяніе получаетъ значеніе и силу только отъ нашей нравственной слабости.

Привычка предполагать изъ возможнаго всегда худшее до того срослась со мною, что она даже не беспокоитъ меня. Иногда мнѣ случалось счастливо въ этомъ и обманываться; но тогда эту случайность я принималъ какъ сюрпризъ, какъ подарокъ, и оттого мнѣ не было хуже. Если-же мои опасенія сбывались, то я имѣлъ ту выгоду, что не былъ застигнутъ врасплохъ и хотя зло отъ того не переставало быть зломъ, но какъ-то утѣшительно для самолюбія видѣть, что насъ не поймали на легковѣріи, что насъ, какъ говорится, не успѣли надуть.

23. Четвергъ. Чему научаетъ званіе жизни? Не слишкомъ довѣрять жизни. Чему научаетъ знаніе людей? Не слишкомъ довѣрять людямъ. Чему научаетъ вообще знаніе? Не слишкомъ довѣрять знанію.

Экзамень изъ философіи въ университетѣ. Жалчайшая философія, то есть логика и психологія. Жалчайшій экзамень. Студенты ничего не смыслятъ; профессоръ П. притворяется, будто онъ что-нибудь знаетъ, и ставитъ имъ четыре, чѣмъ они очень недовольны и просятъ о пяти. Послѣ я экзаменовалъ дѣвицъ.

Вечеромъ былъ французъ изъ Саверна. Онъ третьяго дня пріѣхалъ сюда; увѣряетъ, что войны не будетъ. Не знаю, на чемъ онъ это основываетъ. Онъ, впрочемъ, не любитель Польши и революціи, любитъ Россію — по словамъ его — и говоритъ хорошо по русски. Зовутъ его Сеговицъ.

26. Воскресенье. Поляки совершаютъ неслыханныя варварства надъ русскими плѣнными. Надняхъ привезли сюда солдата, попавшаго къ нимъ въ руки и потомъ какъ-то спасающагося: у него отрѣзаны носъ, уши, языкъ, губы. Что-же это такое? Люди-ли это? Но что говорить о людяхъ? Какой звѣрь можетъ сравниться съ человѣкомъ въ изобрѣтеніи зла и мерзостей! Случаи, подобные тому, о которомъ я сейчасъ сказалъ, не одинъ, не два, ихъ сотни. Съ однихъ они сдирали съ живыхъ кожу и

выворачивали ее на груди на подобіе мундирныхъ отворотовъ, другихъ зарывали живыхъ въ землю и пр. Своихъ они тоже мучаютъ и вѣшаютъ, если не находятъ въ нихъ готовности пристать къ бунту. Всего лучше, что въ Европѣ всѣ эти ужасы приписываются русскимъ, поляки-же называются тамъ героями и пр., и пр.

Слабость характера вызываетъ и поощряетъ насиліе.

Самообладаніе, укрощеніе себя.

27. Понедѣльникъ. Разладъ между мыслию и жизнью — вотъ откуда происходитъ бѣдствій и всяческихъ нестроеній. Мысль всегда стремится къ идеалу—не къ тому, что есть, а къ тому, что можетъ и что должно быть; дѣйствительность никакъ этому не покоряется. Мысль, насилующая дѣйствительность, возбуждаетъ борьбу. Чѣмъ мысль отважнѣе, идеальнѣе, непокорнѣе, тѣмъ неизбѣжнѣе побѣда надъ ней дѣйствительности. Зло, которое отъ того происходитъ, падаетъ всей своею тяжестью на насъ, не умѣвшихъ примирить мысли съ дѣйствительностью.

28. Вторникъ. Языкъ до Кіева доводитъ, а усиліе или твердая воля—до цѣли.

Переѣхали на дачу на Аптекарскаій островъ, въ Аптекарскаій переулокъ, домъ Миллеръ. Вечеромъ, въ восемь часовъ, я приѣхалъ на дачу. Былъ сильный, но лѣтній прекрасный теплый дождь. Я очень доволенъ моею дачей. Помѣщеніе удобно. Кругомъ сады, къ ней принадлежащіе, гдѣ свободно и уединенно можно гулять, сколько душѣ угодно. Рядомъ, въ другомъ домѣ той-же хозяйки, живетъ нашъ добрый старинный другъ Рудницкій.

29. Среда. Утромъ обошелъ садъ; всмотрѣлся еще больше въ свою дачу и еще больше нашелъ причинъ быть ею довольнымъ.

Обѣдалъ у Д., гдѣ, между прочимъ, были Погодинъ, Павловъ, Кояловичъ. Разумѣется, разговоръ все обращался къ одному предмету—къ польскимъ дѣламъ. Кояловичъ былъ недавно въ Вильно и рассказываетъ удивительныя вещи про управленіе Назлмова..... Вообще видно, что мы отлично содѣйствовали развитію возстанія въ Польшѣ своею крайнею слабостью и неприятиемъ никакихъ мѣръ. Немудрено, что народъ потерялъ,

наконецъ, надежду на защиту, началъ полагаться больше самъ на себя и даже справляться съ бунтовщиками по-своему.

30. Четвергъ. Муравьевъ распоряжается рѣшительно. Три ксендза уже разстрѣляны въ Вильно. Въ Динабургѣ также разстрѣлянь графъ Платеръ, въ Ковно—Моль.

Толки о войнѣ какъ-то затихли, между тѣмъ всѣ увѣрены въ ея неизбѣжности.

Юнь 1. Суббота. Засѣданіе въ академіи наукъ. Споръ Погодина съ Срезневскимъ. Первый доказывалъ, по общепринятому мнѣнію, что Кириллъ и Меѳодій—настоящіе изобрѣтатели славянскаго письма и переводчики св. писанія. Второй, основываясь на сказаніи черноризца Храбра, утверждалъ, что славяне до Кирилла и Меѳодія, по принятіи христіанства, писали уже греческими буквами и имѣли Евангеліе и Псалтырь въ переводѣ на славянскомъ языкѣ. Оба, какъ обыкновенно, остались при своихъ мнѣніяхъ.

6. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи. Диспутъ Майкова на степень магистра. Я былъ оппонентомъ вмѣстѣ съ Срезневскимъ.

Вечеромъ заѣхалъ Г. Онъ слагаетъ съ себя редакторство „Сѣверной Почты“ и дѣлается членомъ совѣта по дѣламъ печати. Редакторомъ на мѣсто его назначаютъ Каменскаго. Итакъ, въ теченіе года перемѣнилось уже три редактора.

7. Пятница. Долго бесѣдовалъ съ Погодинымъ, заѣхавъ къ нему поутру. По порученію государя, онъ написалъ статью въ отвѣтъ на наглую какую-то и грубую клевету на Россію, напечатанную во французскомъ журналѣ. Завтра онъ покажетъ ее князю [А. М.] Горчакову. Онъ написалъ также письмо въ Гарибальди, которое мнѣ прочиталъ. Письмо очень умно и благородно написано. Въ немъ Погодинъ увѣщаетъ Гарибальди не смѣшивать своего чистаго и прекраснаго имени съ такимъ дѣломъ, какъ польское возстаніе, причеиъ объясняетъ ему кратко всю лживость распущенныхъ по Европѣ слуховъ о полякахъ и о Россіи.

Засѣданіе въ академіи наукъ.

Въ польскомъ банкѣ въ Варшавѣ украдено 3.000,700 рублей, въ числѣ которыхъ золотомъ триста тысячъ.

Въ Казанскомъ университетѣ открыто настоящее скопище революціонеровъ. Тамъ производилась, говорятъ, фабрикація

всѣхъ прокламацій и проч. Туда для изслѣдованія посланы Т. и Ждановъ.

..... Фелинскій, варшавскій архіепископъ, привезенъ сюда и находится въ Гатчинѣ. Въ р.-к. академіи мнѣ говорили, что онъ за то вызванъ сюда, что не послушался великаго князя, который требовалъ отъ него не дѣлать уличныхъ процессій въ праздникъ Христова тѣла, такъ какъ городъ находится на военномъ положеніи и отъ скопленія народа могло произойти столкновение и многіе могли пострадать.

Мѣры Муравьева начинаютъ приносить плоды: возстаніе въ губерніяхъ, ему ввѣренныхъ, почти прекращено.....

Все показываетъ, что государь твердо рѣшился на войну. Пора, пора дѣйствовать въ духѣ одной системы, не сворачивая въ сторону ни на одну линію.

9. Воскресенье. Муравьевъ писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что хотя дѣла въ западныхъ губерніяхъ пошли очень хорошо, но полного прекращенія (смуты) нельзя ожидать, пока въ Царствѣ Польскомъ (возстаніе).

Фелинскій привезенъ сюда не за процессіи, а за то, что онъ обнародовалъ извѣстное письмо свое къ государю. Въ Le Nord-ѣ пишутъ, что за то, что онъ требовалъ тѣло Канарскаго для совершенія надъ нимъ почестей погребенія.

11. Вторникъ. Заѣзжалъ къ Погодину. Тамъ нашель Д. и Кокорева, съ которымъ и познакомился. Ничего! мужикъ ражій съ очень широкою и обладистою бородою. Извѣстно, что Кокоревъ очень умный человекъ, который приобрѣлъ огромное состояніе..... Погодинъ большой пріятель Кокорева.....

Погодинъ возилъ къ Горчакову свою статью, написанную въ отвѣтъ на французскія клеветы. Князь одобрилъ ее и рѣшилъ напечатать сначала по-русски въ „Русскомъ Инвалидѣ“ или въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а потомъ перевести на французскій языкъ и тиснуть въ „Journal de St. Pétersbourg“. О письмѣ къ Гарибальди онъ сказалъ, что надобно немного смягчить въ немъ похвалы ему.

Кн. Горчаковъ говорилъ Тютчеву, что великій князь дѣйствуетъ въ Варшавѣ по инструкціямъ, отсюда посылаемымъ, которыя велятъ ничего не предпринимать крутаго, ибо это можетъ произвести какой-нибудь рѣшительный взрывъ въ Варшавѣ

и тѣмъ побудитъ европейскія державы двинуться тотчасъ въ Польшу, а мы должны всячески выиграть передъ войной время, необходимое намъ для окончательныхъ приготовленій.

13. Четвергъ. Есть разныя боязни у человѣка, потому что ему угрожаютъ многія невзгоды. Но самая главная боязнь есть боязнь смерти. Кто побѣдитъ эту—тому не страшны уже никакія боязни.

Засѣданіе въ академіи. Погодинъ читалъ свой отвѣтъ на французскую статью, помѣщенную въ „Revue des Deux Mondes“. Отсюда мы пошли съ нимъ ко мнѣ, гдѣ онъ посидѣлъ немного и взялъ у меня свои бумаги.

16. Воскресенье. Современная цивилизація есть искусство, посредствомъ котораго люди могутъ жить вмѣстѣ, не впуская когтей другъ въ друга, а только держа ихъ наготовѣ въ мягкой шерсти.

Человѣкъ по своей натурѣ есть врагъ другаго человѣка. Но онъ, какъ разумное существо, понимаетъ, что непрерывно нападать на другаго, значило-бы въ то-же время непрерывно терпѣть нападеніе, что, конечно, очень непріятно, и потому онъ старается или скрыть свою вражду, или ослабить ее такъ, чтобы не было непрерывнаго нападенія.

По современнымъ ученіямъ знаніе должно замѣнять вѣрованіе; но можно-ли вполне довѣрять знанію? Можно, говорятъ матерьялисты, если вы ограничите знаніе предѣлами видимости, предѣлами опыта. Но въ состояніи-ли человѣкъ удовольствоваться этимъ ограниченнымъ знаніемъ?

Поутру заходилъ къ Рѣдкину, который живетъ отъ меня черезъ домъ. Проговорили часа съ полтора. Вспоминали о Печеринѣ, Герценѣ и пр.

Къ обѣду пріѣхали: мой вѣрный, добрый Тимоѣевъ и художникъ Крамской.

19. Среда. Вечеромъ былъ Р., а послѣ подошелъ В., редакторъ „Учителя“. Онъ дня три какъ пріѣхалъ изъ Астрахани по Волгѣ и заѣзжалъ по пути въ нѣкоторые города. Онъ рассказывалъ, что народъ въ деревняхъ страшнымъ образомъ расправляется съ лицами, которыхъ подозрѣваетъ въ полонизмѣ. Недавно около Симбирска гдѣ-то крестьяне избили и изуродовали пятерыхъ чиновниковъ, посланныхъ зачѣмъ-то изъ Петербурга, о которыхъ они почему-то вообразили, что они поляки.

Семейство великаго князя Константина Николаевича выѣхало изъ Варшавы за границу и самъ великій князь собирается тоже.

28. Пятница. Зашелъ къ Тройницкому. Тѣ-же толки о войнѣ, которая кажется неизбежной, и тѣ-же всеобщія жалобы...

Июль 2. Вторникъ. Слухи о войнѣ болѣе и болѣе усиливаются. Мы дали уже отвѣтъ на предложеніе трехъ державъ и, какъ говорятъ, въ отрицательномъ смыслѣ, чего и ожидать надобно было.

Революціонеры варшавскіе доходятъ до неслыханнаго неистовства. Они запретили своимъ дамамъ носить кринолины, но когда дамы не послушались, тогда явилось на улицахъ человѣкъ тридцать, носящихъ званіе революціонныхъ полиціановъ, и начали срывать съ женщинъ кринолины.

Умъ человѣческій любитъ рыться въ самомъ себѣ; онъ все вытаскиваетъ оттуда на свѣтъ Божій: и чистое золото, и грязь, съ которою оно смѣшано. Надобно еще приложить много ума, чтобы переработать эту смѣсь и отдѣлить годное къ чему-нибудь отъ негоднаго.

7. Воскресенье. Послѣ обѣда, не заставъ дома Гебгарта на Крестовскомъ островѣ, заглянулъ въ публичный садъ, за входъ куда платится по 30 копѣекъ „съ рыла“, какъ говорится въ нашей сѣрой публикѣ. Два оркестра музыки, канаты для плясунновъ, циркъ, какія-то декораціи страннаго вида—все это аляповато и грубо. Гулявшій народъ весь состоялъ изъ разныхъ мастеровыхъ, всероссійскаго мелкаго купечества, нѣмцевъ-ремесленниковъ, дѣвицъ несомнѣннаго поведенія и проч. Все это, впрочемъ, вело себя прилично, что, какъ говорятъ, продолжается до 12 часовъ. Отсюда начинается второй періодъ увеселеній и продолжается до утра. Героями этого періода выступаютъ уже лица, сильно вкусившія даровъ Бахуса или, какъ говаривалъ Петръ Великій, Ивашки Хмельницкаго. Тутъ уже начинается всякое коловратство, и человѣчество начинаетъ превращаться въ свинство.

8. Понедѣльникъ. Начало музыкальныхъ вечеровъ по подпискѣ въ Аптекарскомъ саду. Публики собралось довольно, преимущественно дамъ; но вскорѣ пошелъ дождь и многіе предались бѣгству, въ томъ числѣ и я. Наше аптекарское гулянье готовится быть похожимъ на павловское, только въ самомъ уменьшенномъ видѣ: это Павловскъ въ личной скорлупѣ.

9. Вторникъ. Вѣдь французамъ и англичанамъ теперь въ случаѣ войны придется брать штурмомъ не городъ, а цѣлое государство. Притомъ имъ, особенно первымъ, нужны побѣды, а намъ нѣтъ въ нихъ никакой надобности: для насъ довольно только отразить враговъ. Наполеону, на примѣръ, нужно во что-бы то ни стало напоить французовъ до-пьяна и для этого поднести имъ чашу съ побѣдами — иначе онъ пропасть, затѣявъ войну, которая не удовлетворила-бы ихъ страсти упиваться національнымъ самолюбіемъ.

11. Четвергъ. Какимъ-бы широкимъ полетомъ ума ни парили вы, а вы должны приблизиться къ одной мысли: что все, что вы знали, любили, чего желали, на что надѣялись, что считали важнымъ, великимъ и вы сами—все это тѣнь, сонъ, ничто. Старая Соломонова мудрость, въ той или другой формѣ, съ такими или другими оттѣнками, такъ или иначе ожидаетъ васъ въ концѣ вашего поприща.

Жизнь только сама по себѣ, потому, что она жизнь, что-нибудь значить, а не по результатамъ, какіе изъ нея добываются.

Сегодня я, между прочимъ, былъ свидѣтелемъ зрѣлища, которое вызвало во мнѣ самыя живыя ощущенія. Отправляясь на засѣданіе въ совѣтъ, я увидѣлъ на Царицыномъ лугу большое сборище народа, столы, нагруженные хлѣбомъ и водкою, полковые повозки и ящики прямо противъ Павловскихъ казармъ. — „Что это такое?“ спросилъ я у извозчика. — „Это встрѣча павловскимъ солдатамъ, возвратившимся изъ похода“. Мнѣ ужасно хотѣлось остаться здѣсь и посмотреть на нашихъ храбрыхъ солдатъ. Но служба и дѣла влекли меня дальше. Однако, подвѣзая къ Большой Морской, я прямо наткнулся на батальоны павловцевъ. Впереди гремѣла музыка, а передъ вторымъ батальономъ звучали удалыя пѣсни; впереди солдатикъ отхватывалъ удалую пляску. Видъ солдатъ мнѣ понравился: простые, добродушные, бодрыя лица. — „Что, ребята, изъ похода?“ спросилъ я одного усача съ простодушнѣйшею физиономіею. — „Изъ похода, ваше благородіе“, ласково взглянувъ на меня, подтвердилъ онъ. Музыка, пѣсни, развѣвующіяся знамена, загорѣлыя и окуренные порохомъ лица нашихъ солдатъ, все это произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я рѣшился до засѣданія отложить

свои дѣла и, сколько позволить время, побыть на площади. Я сѣлъ на перваго попавшагося извозчика и велѣлъ вести себя къ Царицыну лугу, куда и прибылъ въ ту самую минуту, когда батальоны вступали на площадь. Тутъ возвышался алтарь. Войско сдѣлало полу-карре. Знамена осѣнили аналой съ Евангелиемъ и полукружіемъ встали, сдѣлавъ ограду изъ штыковъ, вновь пожалованные георгіевскіе кавалеры. Пришелъ священникъ, сѣдовласый старикъ, и началось молебствіе подъ открытымъ небомъ, при стеченіи многочисленнаго народа. День былъ хотя сѣренькій, но тихій и теплый. Я дождался до конца молебна. Мнѣ крайне хотѣлось еще присутствовать при обѣдѣ или закускѣ солдатъ, прислушаться къ ихъ рѣчамъ и самому поговорить съ ними—но служба. До засѣданія оставалось менѣе получаса. Нечего дѣлать, надо было ѣхать.

12. Пятница. Вчера напечатаны отвѣтныя ноты наши Англии, Франціи и Австріи. Онѣ сдѣлали очень хорошее впечатлѣніе на публику. Въ самомъ дѣлѣ, все въ нихъ скромно, правдиво и твердо. Всѣ продолжаютъ быть увѣрены въ войнѣ, но ожидаютъ ее спокойно, хотя знаютъ, что если война будетъ, то она будетъ тяжелая.

13. Суббота. Такъ называемые друзья содержатъ въ себѣ прекрасный матерьялъ для составленія отличнаго врага.

Вечеромъ пріѣзжали Пинто (лекторъ итальянскаго языка при университетѣ), Влад. Михайловъ и Маркъ (Любощинскій) и просидѣли далеко за полночь. Потомъ пошелъ проливной дождь, который вмѣстѣ съ сильнымъ вѣтромъ свирѣпствовалъ всю ночь. Я слышалъ сигнальные выстрѣлы о прибытіи воды.

16. Вторникъ. Новый романъ Писемскаго: „Взбаломученное море“, двѣ части котораго напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Онъ содержитъ въ себѣ обрывки тряпья, въ которые завернута русская народность и изъ котораго уже нашито множество товара на нашемъ литературномъ рынкѣ.

Вчера былъ у Д. Я внесенъ въ списокъ профессоровъ, принятыхъ въ университетъ при открытіи его. Въ списокѣ юридическаго факультета не оказалось С., который все время считался профессоромъ и дѣйствовалъ въ разныхъ комиссіяхъ. Между тѣмъ, онъ человѣкъ очень способный. Не оказалось также К., С. и У..., но они прежде подали въ отставку.

17. Среда. Въ Европѣ всѣ опять пустились ругать насъ, какъ говорится, напрагалую. Ноты наши очень не понравились. Право, въ Европѣ умныхъ людей меньше, чѣмъ кажется. Тамъ какъ будто не шутя думали, что Россія согласится на всѣ шесть пунктовъ, что только стоитъ пригрозить ей и пр. Но какъ могли зародиться подобныя надежды? Европа хочетъ отнять у Россіи право развитія, самостоятельности, право великой державы, добытое ею цѣною огромныхъ жертвованій и крови—и Россія должна уступить, отдать себя на поруганіе всему міру и исторіи и пр., и пр. Это доказываетъ развѣ только одно, что Европа привыкла уступать грубому и наглому насилію. Но мы не хотимъ къ этому привыкать.....

Россія и Польша: это понятно и естественно. Но Россія или Польша, а также: не Россія, а Польша—это и несправедливо, и противоестественно.

18. Четвергъ. Если бы ложь не облакалась въ одежду истины, то на свѣтѣ не было бы обманутыхъ.

Человѣкъ любитъ рыться въ своемъ мозгу и если ему на сто пудовъ грязи великихъ пустыхъ умозрѣній, догадокъ, ни на чемъ не основанныхъ заключеній и пр. удастся вытащить оттуда золотникъ чистаго золота истины, то трудъ его не потерянь, онъ въ барышахъ.

19. Пятница. Послѣ обѣда за Лѣснымъ корпусомъ у Срезневскаго. Въ этихъ мѣстахъ пѣкогда прожилъ я лѣтъ шестнадцать. Съ тѣхъ поръ какъ много здѣсь перемѣнъ! Прежнія деревца превратились въ большія вѣтвистыя деревья, въ тѣни которыхъ тонуть дачные домики. Домики также измѣнились: большая часть изъ нихъ осунулись, обветшали. Надъ воротами читаешь надписи именъ новыхъ владѣльцевъ, вмѣсто прежнихъ, которые или умерли, или какъ-нибудь иначе исчезли изъ этихъ мѣстъ. И самого Лѣснаго корпуса теперь тутъ нѣтъ. Но паркъ его также хорошъ или сталъ лучше: больше зелени, зелень гуще.

20. Суббота. Провелъ прескверную ночь. Подъ утро однако крѣпко заснулъ и очень отчетливо видѣлъ слѣдующій сонъ. Я шелъ по косогору огромной горы: налѣво неизмѣримой глубины пропасти, справа круча зеленая, но такая гладкая и прямая, что ноги на ней скользили какъ по стеклу. „Надо туда, направо, наверхъ“, говорилъ я кому-то шедшему со мной,—„туда орли-

нымъ полетомъ“ — и устремлялся по скату. Но поги скользили: не за что уцѣпитъ ся, не на что опереться. Тѣмъ не менѣе, я упорствовалъ и подвигался впередъ по дорогѣ въ надеждѣ гдѣ-нибудь отыскать мѣсто, удобное для восхода. Вдругъ точно ослѣпительная молнія сверкнула на вершинѣ горы. Я невольно зажмурился, а когда снова открылъ глаза, даль точно подернулась какимъ-то туманомъ. На этомъ я проснулся.

22. Понедѣльникъ. На Елагиномъ острову выставка цвѣтовъ. День прелестнѣйшій и небо такое голубое, какъ будто-бы оно осѣняло и не петербургскія болота. Я еще никогда не бывалъ на Елагинѣ въ дворцовомъ саду. Сады, нечего и говорить, чудесный. Столѣтніе дубы величественно раскидываются на просторѣ, не стѣсняемые никакою искусственною садовою архитектурикою. Видъ съ мыса передъ дворцомъ на Каменный островъ, на Неву, на Крестовскій и Новую деревню восхитителенъ. Цвѣты на выставкѣ, разумѣется, хороши, но на этотъ разъ ихъ отпустили публикѣ скупю. Но дѣло не въ этомъ, а въ гуляньи въ саду, который обыкновенно не открытъ для публики и только теперь по случаю выставки сдѣлался доступенъ. Два очень хорошіе оркестра военной музыки не мало содѣйствовали прелести прогулки. Посѣтителей однако было очень мало.

23. Вторникъ. Знаніе движется. Слѣдовательно перемѣняется? Нѣтъ! Оно развивается, какъ все живое. Вчерашнее не дѣлается ложнымъ отъ того, что сегодня наступило новое. Но оно уже не удовлетворяетъ духа, перешедшаго отъ низшей ступени къ высшей. Въ развитіи нѣтъ ничего не нужнаго, но за то никакая часть развивающагося организма не исчерпываетъ его цѣлости. Организмъ знанія безконеченъ, а потому нѣтъ абсолютной полноты знанія, а только относительное, то есть, настоящее полнѣе прошедшаго, новая вѣтвь знанія только пополняетъ цѣлую систему его, не дѣлая ея совершенно полною.

Истина не есть что-либо познанное, а познаваемое.

25. Четвергъ..... Глупо и гнусно въ исполненіи своего долга руководствоваться мнѣніями другихъ или тѣмъ, что о насъ скажутъ.

Краевскому сдѣланъ выговоръ за статью противъ Каткова, напечатанную въ „Голосѣ“. Его призывали къ министру.....

26. Пятница. Вечеромъ опять на цвѣточной выставкѣ. При-

ятная прогулка. Встрѣтилъ много знакомыхъ, между прочимъ Павлова, который дня на три пріѣхалъ сюда изъ Москвы. Онъ выразилъ желаніе переговорить со мной насчетъ моего участія въ его газетѣ, которую онъ будетъ издавать съ будущаго сентября. Мы условились сойтись съ нимъ завтра.

27. Суббота. Переговоры съ Павловымъ о моемъ участіи въ его газетѣ: „Русскія Вѣдомости“. Я обѣщаль ему статью: „Чего хочетъ отъ насъ Европа и чего должны хотѣть мы“. Статья почти уже окончена. Была рѣчь о Катковѣ.....

29. Понедѣльникъ. Ѣздилъ въ городъ. Заѣзжалъ къ Г. Встрѣтилъ похороны лейбъ-медика Енохина, на отпѣваніи котораго въ церкви былъ государь.

30. Вторникъ. Прогулка на цвѣточной выставкѣ въ Елагинскомъ саду, который мнѣ очень приглянулся.

Августъ 1. Четвергъ. „Московскія Вѣдомости“ иногда со своими совѣтами народу и правительству заходятъ слишкомъ далеко, и какъ онѣ имѣютъ привычку говорить обо всемъ диктаторскимъ тономъ, то это становится нестерпимымъ. Имъ, по извѣстнымъ причинамъ, даютъ больше воли, чѣмъ другимъ газетамъ.

2. Пятница. Человѣкъ одинаковую кару несетъ за свою оплошность или глупость, какъ и за злоумышленность.

Три засѣданія одно за другимъ въ Академіи наукъ: одно общее, гдѣ избрали въ экстра-ординарные академики Овсянникова по физиологіи и Шренка по зоологіи; второе въ нашемъ словесномъ отдѣленіи и третье въ комиссіи объ Уваровскихъ преміяхъ. Въ послѣднемъ у меня произошло преніе съ С. Я присудилъ премію Островскому за его комедію: „Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ“. С. энергически возсталъ противъ этого. Драма ему не понравилась и онъ считалъ ее недостойною преміи. Конечно, произведеніе Островскаго не геніальное; но если намъ дожидаться Шекспировскихъ и Мольеровскихъ драмъ и комедій, то преміи наши могутъ десятками лѣтъ оставаться безъ употребленія, да такія пьесы и не нуждаются въ преміи. Островскій у насъ одинъ поддерживаетъ драматическую литературу и драма его „Грѣхъ да бѣда“ не только лучшая у насъ въ настоящее время, но и безотносительно отличается замѣчательными драматическими достоинствами. Меня сильно поддерживалъ Г. Получилось шесть голосовъ въ пользу моего предложенія и два противъ, считая въ томъ числѣ и голосъ С.

Адресъ виленскаго дворянства государю о помилованіи напечатанъ. Но предводителю дворянства Домейкѣ онъ дорого обошелся: Домейко получилъ два удара кинжаломъ отъ имени варшавскаго революціоннаго комитета. Однако, онъ остался живъ и даже внѣ опасности.

Весьма неприятная телеграмма: революціонеры захватили у насъ транспортъ съ деньгами вмѣстѣ съ двумя прикрывавшими его ротами и двумя пушками. Подробностей нѣтъ, но тутъ должна быть или измѣна, или непростительная оплошность командира. Начальникъ отряда поручикъ Лявданскій: что-то польское.

3. Суббота. Утро холодное и пасмурное съ кратковременными проблесками солнца. Августъ рѣшительно вступаетъ въ свои права.

Ни къ чорту не годится тотъ, кто, одолживъ васъ въ нуждѣ, крадетъ у своего сосѣда платокъ.

6. Вторникъ. Справедливые упреки самому себѣ за слова, которыя не сумѣлъ удержать на языкѣ.

Увѣренность въ своемъ совершенствѣ нисколько не содѣйствуетъ нашему усовершенствованію.

10. Суббота. Поѣхалъ въ Павловскъ погулять и навѣстить нѣкоторыхъ знакомыхъ. Съ удовольствіемъ побродилъ я по городу и по парку, гдѣ не былъ уже года два. Павловскъ пріятельскій, чистенькій городокъ, весь въ садахъ и въ паркахъ. Вокзалъ расширился и украсился. Нѣкоторые знакомые звали меня къ себѣ обѣдать, особенно Дудышкинъ. Но мнѣ хотѣлось полнаго отдыха и потому я наскоро пообѣдалъ въ вокзалѣ и—опять въ паркъ. Вечеромъ былъ концертъ съ участіемъ артистовъ русской оперы. Пѣли вообще плохо, за исключеніемъ тенора Никольскаго, у котораго чудесный голосъ.

12. Понедѣльникъ. Нынѣшній августъ хотя и прохладный, но даритъ насъ особенно прекрасными утрами. Острова наши сіяютъ красотой. Я долго гулялъ сегодня на Каменномъ и Елагиномъ. Зеленъ вездѣ еще удивительно свѣжа. Кое-гдѣ только на липахъ пробивается желтизна—первыя сѣдины отцвѣтающей природы.

Что невозможно, то едва-ли можетъ быть справедливо.

17. Суббота. Великій князь Константинъ Николаевичъ третьяго дня пріѣхалъ изъ Варшавы.

20. Вторникъ. Удивительные дни: не только свѣтлые, но и жаркіе. Ъздилъ въ городъ за жалованьемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и получилъ его, хотя могъ и не получить. по крайней мѣрѣ, теперь-же. Казначей департамента исполнительной полиціи Соколовъ заворовался и пропало, говорятъ, довольно много казенныхъ денегъ.

Въ Варшавѣ ужасы усиливаются. Каждый день, среди бѣла дня, совершаются тамъ по нѣскольку убійствъ...

22. Четвергъ. Вчера вечеромъ встрѣтился съ Павловымъ, который только что пріѣхалъ изъ Москвы. Онъ черезъ секретаря Каткова старался добиться у послѣдняго возвращенія моей рукописи, но покуда не добился. Трудно имѣть дѣло съ людьми, находящимися въ ненормальномъ состояніи, а Катковъ до того упился самолюбіемъ отъ газетнаго своего успѣха, что съ нимъ уже нельзя вести себя какъ съ человѣкомъ въ здоровомъ умѣ.

Засѣданіе совѣта университета — первое съ его открытія. Впрочемъ, настоящаго открытія еще не послѣдовало. Происходили приготовительныя совѣщанія о новомъ устройствѣ университета и введеніи новаго устава. Выборъ ректора, инспектора и пр. назначенъ на второе сентября. Заявлено также о баллотировкѣ тѣхъ профессоровъ, которые выслужили 25 лѣтъ, или 5 лѣтъ сверхъ этого срока. Къ послѣднимъ принадлежу я. Я объявилъ, что баллотироваться не буду и подамъ письменный мой отзывъ. Противъ меня сильная партія, которая была-бы очень довольна подвергнуть меня неприятности неизбранія... Жаль мнѣ разставаться такъ съ университетомъ, который всю жизнь я такъ горячо любилъ, которому принесъ много жертвъ и для котораго трудился такъ добросовѣстно. Но по совѣсти говоря, почему такое ко мнѣ недоброжелательство? Многимъ я былъ полезенъ: нѣтъ почти ни одного изъ нихъ, который-бы чѣмъ-нибудь не былъ мною одолженъ во время оно, когда я въ министерствѣ былъ силенъ. А съ другой стороны, я могу сказать торжественно, съ глубокимъ убѣжденіемъ совѣсти, что никогда никому изъ нихъ не былъ вреденъ... Я не довольно либераленъ для такого университета, какимъ сдѣлался въ послѣднее время петербургскій. Но это еще вопросъ, на чью душу падеть грѣхъ за нынѣшнія, да еще и за многія будущія огра-

ниченія свободы и независимости моего возлюбленнаго университета.

24. Суббота. Мнѣ чрезвычайно нравится изреченіе Веспасіана: „Императоръ долженъ умирать стоя“. Почему-же не примѣнить этого ко всякому сколько-нибудь мужественному и честному человѣку.

31. Суббота. Засѣданіе въ факультетѣ. Я объявилъ, что баллотироваться не намѣренъ. Но, по наведеніи справки, оказалось, что баллотировка не нужна. Мнѣ остается еще нѣсколько мѣсяцевъ дослужить до втораго пятилѣтія.

Сентябрь 1. Воскресенье. Каковы-бы ни были проекты общественныхъ преобразованій и усовершенствованій, ни одинъ изъ нихъ не устоитъ передъ голосомъ разума, если не признаетъ главными руководящими началами—начало нравственности и справедливости.

2. Понедѣльникъ. Въ собраніи факультета было положено чтобы каждый профессоръ опредѣлилъ сколько онъ будетъ читать лекцій. Такъ какъ теперь будутъ открыты только первые курсы, то каждый профессоръ долженъ ограничиться двумя, не больше. Я намѣренъ прочитать моимъ слушателямъ въ первый семестръ (который для меня собственно одинъ и есть, потому-что въ январѣ 1864 года я выслуживаю уже второе пятилѣтіе) „введеніе въ литературу и въ исторію ея“, что будетъ заключать въ себѣ основныя идеи литературы и исторіи ея вообще и русской въ особенности. Въ этомъ смыслѣ надо будетъ приготовить и планъ этого чтенія. Это послѣдній мой трудъ для университета.

Былъ назначенъ совѣтъ для выбора ректора, но не знаю почему-то отмѣненъ и я даромъ проѣздила въ университетъ. Поговариваютъ о выборѣ въ ректоры Ленца.

5. Четвергъ. Въ совѣтѣ (университета) наконецъ состоялся сегодня выборъ ректора. Выбрали Ленца 22-мя голосами противъ 3-хъ.

8. Воскресенье. Получена изъ Варшавы телеграмма, сообщающая, что во время проѣзда, по какой-то улицѣ, Берга подъ карету его брошена начиненная порохомъ граната, при разрывѣ которой убито и ранено восемь казаковъ.

12. Четвергъ. Новыя свѣдѣнія изъ Варшавы сообщаютъ,

что Бергъ не раненъ и что казаки не убиты, но двое или трое ранены и лошади также. Тамъ, впрочемъ, начинаютъ принимать эбергическія мѣры для прекращенія убійствъ и подавленія революціи.

Напечатаны ноты трехъ державъ и наши отвѣты, къ которымъ приложенъ особый меморандумъ. Какъ первые пошлы, бездѣльны и фальшивы, такъ наши отвѣты благородны, умны и дышатъ правдою. Меморандумъ особенно написанъ превосходно. Право, старая европейская дипломатія блѣднѣетъ передъ нашею молодого. Да и то сказать, за насъ право и правда, за нихъ—покушеніе къ насилію и ложь.

16. Понедѣльникъ. Переѣздъ съ дачи. Вечеромъ засѣданіе въ совѣтѣ университета. Очень много дѣла. Между прочимъ выбирали декана филологическаго факультета. Выбрали опять Срезневскаго. Я охотно положилъ бѣлый шаръ. И тутъ выразилось недоброжелательство ко мнѣ. Изъ четырехъ голосовъ я получилъ одинъ, и то этотъ данъ былъ мнѣ Срезневскимъ. Прочіе получили по два утвердительныхъ и по два отрицательныхъ.

Въ это засѣданіе я долженъ былъ также поднять сильную борьбу съ совѣтомъ. Въ восточномъ факультетѣ есть нѣсколько профессоровъ, исполняющихъ должность ординарныхъ: настоящими-же ординарными они не могутъ быть, потому что не доктора. Еще при открытіи университета получено Высочайшее повелѣніе, чтобы не имѣющіе докторской степени профессора непременно озаботились приобрѣтеніемъ ея. Восточный факультетъ на это представилъ, что такъ какъ въ Россіи вся восточная наука сосредоточивается въ спб. университетѣ и именно въ тѣхъ профессорахъ, которые не имѣютъ степени доктора, то этимъ послѣднимъ приходится совѣмъ не быть ординарными профессорами, такъ какъ имъ и экзаменоваться было-бы не у кого. А потому факультетъ просить, въ уваженіе такого исключительнаго положенія профессоровъ не докторовъ, исходатайствовать имъ на этотъ разъ утвержденіе въ ординарное профессорство и помимо докторства. Тутъ есть смыслъ и я охотно подалъ мой голосъ въ пользу этого ходатайства. Но далѣе вдругъ читаютъ новое представленіе того-же факультета, чтобы четыремъ или, кажется, пяти его профессорамъ дать доктorskія степени по причинѣ ихъ знаменитости въ ученomъ свѣтѣ. Надобно

знать, что новый уставъ даетъ университетамъ право возводить знаменитыхъ ученыхъ, пріобрѣтшихъ всеобщую извѣстность своими учеными трудами прямо въ степень доктора безъ испытанія. Вотъ университетъ вдругъ открылъ въ своемъ сословіи пять знаменитостей разомъ, о которыхъ никто, кромѣ него, не знаетъ. Вѣдь этимъ, очевидно, подрывается сила закона. Я сильно возсталъ противъ такого злоупотребленія, замѣтивъ, что это и на публику должно произвести самое невыгодное впечатлѣніе. Завязались горячія пренія. Совѣтъ по слабости, по кумовству и пр. видимо склонялся въ пользу предложенія факультета. Нѣкоторые, хотя и слабо, однако, поддерживали мою мысль. Рѣшили отложить это дѣло до слѣдующаго засѣданія. Я твердо рѣшился не уступать и даже подать письменное мнѣніе. Тутъ надо дѣйствовать энергически: тутъ можетъ пострадать честь университета.

Я выбранъ въ члены совѣта при попечителѣ.

23. Понедѣльникъ. У нѣмцевъ наука часто превращается въ ремесло. Они изъ себя выходятъ, приправляя извѣстныя истины новыми комбинаціями, стараясь представить ихъ въ новой формѣ, разжижить или сгустить ихъ въ своемъ умѣ, хотя отъ этого ни наука, ни образованіе не подвигаются впередъ ни на шагъ. И все это дѣлается для того, чтобы въ огромной конкуренціи ученыхъ удержать за собой такое-то мѣсто или добыться новаго. Истины науки у нихъ подчасъ фабрикуются точно также, какъ сукно, сапоги и пр.

24. Вторникъ. Бурное засѣданіе въ совѣтѣ университета. По выслушаніи нѣкоторыхъ дѣлъ и предложеній опять выступилъ на сцену вопросъ, поднятый восточнымъ факультетомъ въ прошедшее засѣданіе о производствѣ за знаменитость вдругъ четырехъ докторовъ изъ его членовъ. Закипѣла страшная битва. Главными дѣйствующими лицами тутъ были: Срезневскій, я, Казембекъ и сами проектируемые доктора, которые сами защищали свою знаменитость и предъявляли свои права на докторство — Б., впрочемъ меньше всѣхъ, профессоръ еврейскаго языка Х. и другіе. Видя, что партія докторантовъ усиливается, я рѣшился прочитать заготовленную мною по этому случаю записку, къ чему послужили какъ-бы введеніемъ слова **, который, какъ маленькій куличекъ, обыкновенно

бѣгаетъ отъ одного убѣжденія къ другому и суетъ свой носикъ во всѣ мнѣнія, добывая оттуда то, что ему нужно. Слова его относились къ поддержанію чести университета и слѣдовательно клонились въ пользу моего предложенія. Записка моя была выслушана съ большимъ вниманіемъ и вызвала страшнѣйшую бурю со стороны Срезневскаго. Впрочемъ, не смотря на энергію защиты своей факультетскаго предложенія, Срезневскій не вышелъ изъ предѣловъ приличія. Онъ началъ съ сожалѣнія, что долженъ поддерживать мнѣніе, противное моему, и настаивалъ на знаменитости предлагаемыхъ докторантовъ. Я съ своей стороны продолжалъ настаивать, что не намъ самимъ слѣдуетъ признавать знаменитость своихъ сочленовъ, а надо, чтобъ это сдѣлалъ ученый свѣтъ.

Но вотъ поднялся Казембекъ и прочиталъ свою записку умную и остроумную и въ конецъ добилъ восточный факультетъ. Слова его, какъ оріенталиста, имѣли особенный вѣсъ. Рѣшено было спросить начальство. Можно-ли разумѣть законъ такимъ образомъ, что университетъ властенъ признавать знаменитости и на одномъ этомъ основаніи давать докторство своимъ собственнымъ сочленамъ. Вопросъ, въ сущности, смѣшной, но такъ какъ факультетъ всетаки не достигалъ своей цѣли, то ни Казембекъ, ни я не противорѣчили этому рѣшенію. Срезневскій, видимо, утихъ и смирился. Вообще споръ хотя былъ жаркій, много кричали и шумѣли, однако, ни дерзостей не было, ни скандала, кромѣ одного того, что лица, служившія поводомъ къ пренію, принимали въ немъ сами участіе, разумѣется, въ свою пользу. Я возвратился домой около одиннадцати часовъ.

25. Среда. Прелестнѣйшій день, какой и въ іюль рѣдко встрѣчается: 15° тепла. Да почти и весь сентябрь таковъ.

Хотѣлъ я оставить разумъ съ его безопадной логикой, съ его суровыми истинами и прилѣшиться къ чувству, чтобы жизнь не казалась такою страшною машинаціей съ столь-же страшнымъ выполненіемъ законовъ необходимости. Но чувство, обещающее такъ много, само утомляется, колеблется и требуетъ опоры въ той-же самой мысли, которая ничего слышать не хочетъ о чьихъ-бы то ни было правахъ, кромѣ своихъ собственныхъ. Прибѣгалъ я къ фантазіи, но фантазія, обольщая на минуту своими блестящими миражами, сама прекло-

няется передъ всеильною дѣйствительностью, которая не знаетъ компромиса: она или отправляетъ васъ съ грезами вашей фантазіи въ домъ сумасшедшихъ или заставляетъ покоряться своимъ превратностямъ. Какъ примирить разумъ, чувство и фантазію?

Засѣданіе въ академіи по случаю Уваровской преміи. Я читалъ отчетъ о присужденіи награды Островскому за его драму: „Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ“. Отчетъ мой могъ бы быть покороче и меньше ударять на теорію драмы.

26. Четвергъ. Дай Богъ, чтобъ я ошибся, но мнѣ все еще кажется, что намъ не миновать войны. Война за Польшу задумана Наполеономъ уже во время (разгрома Севастополя?) а можетъ быть и раньше. Успѣхъ въ Италіи могъ только поощрить его въ этихъ планахъ, которые, какъ-бы ихъ ни старались возвеличить приверженцы имперіи, въ сущности не иное что, какъ кровавый эгоизмъ Наполеоновской династіи. Освободитель Италіи и Польши, организаторъ Мексики долженъ, безъ сомнѣнія, властвовать надъ Европою. Это та-же завоевательная теорія Наполеона I, только въ другой формѣ. Отъ Наполеоновъ не будетъ покоя Европѣ, пока она не сокрушитъ ихъ въ конецъ. Нынѣшній Наполеонъ считаетъ себя прямымъ наслѣдникомъ и исполнителемъ замысловъ перваго. Онъ льститъ массамъ демократическими тенденціями; льститъ народностямъ покровительствомъ ихъ независимости, а между тѣмъ становится страшнымъ деспотомъ всякаго образованнаго либерализма. Онъ считаетъ себя избраннымъ орудіемъ для совершенія революцій социальными реформами, которыя какимъ-то чудеснымъ образомъ должны произойти отъ него и черезъ него.

27. Пятница. На выставкѣ въ академіи художествъ. Очень хвалили картину Ге „Тайная Вечера“. Картина эта сдѣлала на меня непріятное впечатлѣніе. Христосъ похожъ на какого-то молодого парня, который о чемъ-то кручинится. Это называется простотою въ духѣ новѣйшаго искусства. Вѣдь идеаловъ положено нынче не имѣть ни въ поэзіи, ни въ живописи, хотя неизвѣстно, какъ человекъ можетъ безъ нихъ обойтись, потому что синтезисъ, идеализація въ его природѣ. Если простота есть сстественность, отсутствіе преувеличеній и лжи, то кто будетъ спорить противъ нея? Но если видѣть въ ней только одностороннее отношеніе къ натурѣ, обнаженность отъ всѣхъ возвы-

шенныхъ стремленій и проявленій духа, то что-же она какъ не пошлость, жалкое отраженіе нашихъ ежедневныхъ жалчайшихъ сплетней, интересовъ и пр. Мало того, такая простота—ложь и фальшь какъ все, что односторонне — она клевета на человѣка и природу.

Хороши двѣ картины Айвазовскаго, особенно „Вечеръ въ Малороссіи“. Объ ученическихъ работахъ можно сказать только то, что онѣ ученическія.

28. Суббота. Разговоръ съ Ѡ. И. Тютчевымъ. Онъ въ близкихъ отношеніяхъ къ (кн. А. М.) Горчакову и ко двору. Прежде онъ вполне раздѣлялъ мои опасенія о войнѣ. Теперь онъ ихъ больше не раздѣляетъ, полагая, что Наполеонъ не начнетъ войны безъ Англіи, а Англія къ ней не расположена. Потомъ я спросилъ его: какое положеніе Австрія принимаетъ въ отношеніи къ намъ? Она, разумѣется, не выражаетъ никакихъ опредѣленныхъ видовъ. Она боится Россіи, но не хочетъ отстать и отъ запада; боится также Франціи. А Пруссія? Пруссія тяготѣетъ къ намъ, это натурально. Но настоящее правленіе въ ней тоже пока не даетъ никакого ключа къ будущему. Германское единство, можетъ быть, великая идея, а можетъ быть и пустая фантазія.

Но я всетаки еще не спокоенъ насчетъ войны. Наполеонъ можетъ ринуться на насъ съ Италіей и еще съ кѣмъ-нибудь. Можетъ быть, этого и добивается Англія „по дружбѣ“ своей къ Наполеону. Какъ-бы то ни было, а намъ не слѣдуетъ, считая войну невозможною, вслѣдствіе этого опять, какъ говорится, спустить рукава.

29. Воскресенье. Въ сердцѣ человѣческомъ иногда возникаютъ хорошія и благія стремленія. Ты въ радости слѣзнишь, такъ сказать, протянуть къ нимъ руки и — хватаешь воздухъ. Стремленія эти, едва родясь, уже улетѣли или тутъ-же были поглощены другими, болѣе сильными эгоистическими стремленіями—какъ маленькія пѣвчія птички поглощаются какимъ-нибудь коршуномъ.

Вечеромъ посѣтилъ меня старинный мой университетскій товарищъ, бывшій профессоръ политической экономіи Викторъ Степановичъ Порошинъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, получивъ по наслѣдству богатое имѣніе въ Каменецъ-Подольской губерніи, онъ продалъ его и съ тѣхъ поръ уже постоянно жилъ

въ Парижѣ. Онъ женатъ на гувернанткѣ французенкѣ. Сюда онъ прѣхалъ поискать какихъ-нибудь занятій, если не въ университетѣ, то въ археографической комиссії или въ статистическомъ нашемъ бюро при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ теперь преимущественно занимается исторіей Россіи, особенно въ сопряженіи ея съ Польшею. Онъ являлся къ разнымъ здѣшнимъ высокостямъ и знаменитостямъ и получилъ вездѣ тощія и неопредѣленные отвѣты. Валуевъ принялъ его, по своему обыкновенію, живописно, поговорилъ съ нимъ на четырехъ языкахъ и обѣщалъ подумать. Мы просидѣли и протолковали съ Порошинымъ до часу ночи.

Октябрь 1. Вторникъ. Былъ у Вальца. Кромѣ объясненій о здоровьѣ, разговоръ о заграничныхъ толкахъ о насъ, такъ какъ Вальцъ надняхъ только вернулся изъ-за границы. На основаніи этихъ толковъ вотъ какія соображенія высказалъ онъ. Первое, что мы непременно должны дѣйствовать на общественное мнѣніе Европы посредствомъ прессы: до сихъ поръ мы не умѣли обратить ее въ свою пользу. Тутъ нужны и деньги. Второе, что было-бы чрезвычайно полезно открыть Петербургъ для нѣкоторыхъ ученыхъ съѣздовъ. Это дало-бы возможность прѣзжающимъ на нихъ иностранцамъ собственными глазами видѣть, что у насъ дѣлается, и, конечно, это содѣйствовало-бы къ уменьшенію распространяемыхъ о насъ въ Европѣ лжей.

2. Среда. Опера „Любовный напитокъ“—очень милое, граціозное произведеніе Доницетти, сыгранное и спѣтое итальянскими артистами, съ обыкновеннымъ искусствомъ и прелестными голосами. Съ удовольствіемъ просидѣлъ часа три въ театрѣ.

6. Воскресенье. Сегодня молебень въ университетѣ, по случаю открытія въ немъ лекцій. Я опоздалъ, хотя явился къ назначенному въ повѣсткѣ часу. Затѣмъ былъ назначенъ диспутъ Бауера на степень доктора. Дѣло происходило въ большой залѣ, которая не была еще ни разу нынѣшнею осенью топлена и въ ней стоялъ страшный холодъ. Я помню, какъ однажды жестоко простудился въ нетопленной аудиторіи университета и потому, боясь того-же теперь, постыдно предался бѣгству. Вышелъ пренелѣпный день.

7. Понедѣльникъ. Совѣтъ университета. Возвращался оттуда около десяти часовъ вечера. Ужасная буря, дождь, мракъ и ни

одного извозчика до Полицейскаго моста. Тутъ попался намъ одинъ и мы вмѣстѣ со Срезневскимъ уже доѣхали до Анничкова моста. Ночью пальба съ крѣпости; видно, жителямъ взморья приходилось плохо.

8. Вторникъ. Начало лекцій въ римско-католической академіи. Тамъ давно меня ожидали.

9. Среда. Первая моя лекція въ университетѣ. Большая аудиторія была буквально биткомъ набита. Лекція была выслушана съ большимъ вниманіемъ.

Одно только дурно: въ университетскихъ залахъ до сихъ поръ не топятъ.

11. Пятница. Вѣкъ хочетъ радикально измѣнить бытъ чело-вѣчества. Онъ стремится разрушить старый нравственный и общественный порядокъ. Въ первомъ онъ уничтожаетъ вѣрованія и духовность, противопоставляя имъ знаніе и матерію. Во второмъ онъ видитъ повсемѣстное рабство и противопоставляетъ ему безусловную свободу и общество безъ власти, существующее и поддерживающееся единственно устройствомъ отношеній.

О людяхъ надобно жалѣть: они очень немощны—немощны, чтобы восторжествовать надъ своею слабостью, немощны, чтобы воспротивиться своей силѣ, которая влечетъ ихъ далѣе возможности и разума.

Вечеромъ засѣданіе въ совѣтѣ попечителя, гдѣ, между прочимъ, было разсуждаемо о дозволеніи такъ называемыхъ „учительскихъ съѣздовъ“, на подобіе германскихъ. Вѣдь у насъ безъ подражанія нельзя: хорошо еще, когда подражаемъ хорошему или безвредному, какъ въ настоящемъ случаѣ. Я выразилъ мнѣніе, что этому препятствовать никоимъ образомъ не слѣдуетъ. Бѣда, однако, въ томъ, что тутъ потребуются деньги отъ казны.

Безъ меня были у меня Щебальскій, Вороновъ и Майковъ. Послѣдняго я еще засталъ. Былъ также Крамской, съ которымъ я имѣлъ преніе о картинѣ Ге. Крамской находитъ, что картина эта удивительная вещь, и я нахожу, что она удивительная по изображенію Христа, который представленъ въ видѣ здороваго парня, кручинящагося о какой-то неудачѣ. Майковъ согласенъ со мною, хотя находитъ, что картина во многомъ очень хороша. Да я о прочемъ не говорю—но Христосъ,

Христось! Главное, она меня возмущаетъ не сама собою, а тѣмъ, что служитъ выраженіемъ того грубаго матеріализма, который хочетъ завладѣть и искусствомъ также, какъ нравственнымъ порядкомъ вещей.

16. Среда. Что вводитъ въ заблужденіе матеріалистовъ? Новѣйшія открытія въ области фізіологіи и психологіи дѣйствительно показали, что всѣ наши способности дѣйствуютъ по законамъ. И если на этомъ остановиться, то можно придти къ результатамъ не очень утѣшительнымъ для человѣка. Но въ томъ-то и дѣло, что на этомъ остановиться нельзя. Всѣ отправления нашихъ способностей съ ихъ закономъ не иное что, какъ подготовка для чего-то другаго. И надъ этой бездной ноша-пешя духъ: этого-то духа ни матеріалисты, никто, никогда разгадать не могутъ.

17. Четвергъ. Я все еще думаю, что война неизбѣжна. Мысль объ ослабленіи Россіи и объ отстраненіи ея отъ участія въ дѣлахъ востока, повидимому, слишкомъ крѣпко засѣла въ головѣ Наполеона и другихъ, чтобы они могли отъ нея отказаться. Да и Польшу они слишкомъ начинили горючими веществами, изъ которыхъ не извлечешь ни примиренія, ни тишины.

Надняхъ напечатано распоряженіе военнаго министерства объ усиленномъ комплектованіи арміи офицерами.

18. Пятница. Въ понедѣльникъ въ совѣтъ университета было читано любопытное отношеніе Потапова къ министру. Въ этомъ отношеніи передается показаніе одного польскаго юноши въ Вильнѣ, какимъ образомъ онъ находился въ нашемъ университетѣ и что происходило тамъ у студентовъ. Студенты раздѣлялись на три партіи: на красныхъ, отчаянныхъ революціонеровъ, на либераловъ, которые въ крайнемъ случаѣ не прочь отъ революціи, и на умѣренныхъ, которые науку считали единственною цѣлью своего пребыванія въ университетѣ. Остальные называли послѣднихъ въ насмѣшку матрикулистами. Всѣ три партіи собирались въ студенческой бібліотекѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ и толковали тамъ о матеріяхъ важныхъ, политическихъ, соціальныхъ. Отсюда-то и возникли извѣстные университетскіе беспорядки.

Вечеромъ неожиданно явился Ребиндеръ изъ Москвы. Мы очень обрадовались другъ другу. Онъ вообще въ хорошемъ

состояніи и нравственно, и физически. Мистическое расположеніе исчезло. Пробыль у меня часа два; послѣ завтра обратно въ Москву.

Когда съ Валуевымъ кто-то завелъ рѣчь о губернаторахъ, онъ сказалъ: „У меня нѣтъ губернаторовъ, а есть агенты“.....

20. Воскресенье. Поутру у Воронова. Головинъ не хочетъ, чтобы Каткову отвѣчали съ нѣкоторою силою на его нападки на министерство народнаго просвѣщенія, противъ котораго онъ ругаетъ свирѣпо и ругательно.....

21. Понедѣльникъ. Правда-ли, что уже прожито все, чѣмъ обыкновенно живутъ? Нѣтъ! Кажется, еще есть кое-какіе остатки капитала: надо только благоразумно ихъ употреблять.

Рѣдко сыновья наследуютъ таланты своихъ отцовъ, но пороки очень часто.

26. Суббота. Всякій фанатизмъ подозрителенъ: въ немъ непремѣнно есть нѣчто искусственное, насильственное, экзальтированное.

28. Понедѣльникъ..... Оно-бы ничего, да только они забыли про способность юношества считать себя готовымъ во всякое время. Да притомъ настоящая подготовка состоитъ въ строгомъ и основательномъ изученіи науки. Оттого и вышло, что юноши начали было дѣйствовать, когда совсѣмъ не были готовы, да и надѣлали чепухи.

Тронная рѣчь Наполеона, по обыкновенію его ничего опредѣленнаго не выражающая. Тутъ, впрочемъ, есть все: и миръ, и война, и комплименты Александру II, и угроза, и мнимая скромность, и наглое хвастовство, что Европа не можетъ не принять его высочайшей воли за законъ. Это должно и отуманить французовъ и понравиться имъ. Судя по нашимъ теперешнимъ приготовленіямъ война у насъ, кажется, дѣйствительно на носу.

29. Вторникъ. Надобно стараться дѣлать хорошо вещи изъ такого матеріала, какой намъ достался: ежели простой камень—изъ простаго камня; ежели—мраморъ, такъ изъ мрамора и проч. Можно одинаково прочно сидѣть на стулѣ и изъ березоваго и изъ краснаго дерева, хотя нѣтъ сомнѣнія, что красное дерево наряднѣе.

30. Среда. Какая нелѣпая басня ходитъ по городу! Будто сосланный въ Ярославль варшавскій епископъ Фелинскій всту-

пилъ въ заговоръ съ живущими тамъ поляками; будто они заказали въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ огромное количество полшубковъ для повстанцевъ; будто-бы полшубки эти были охотно сшиты нашими мастерами и т. д. Государь будто-бы за это велѣлъ Ярославскую губернію переименовать въ Новопсковскую и съ ярославцевъ взять рекрутъ вмѣсто 10-ти съ тысячи по 20-ти.

Ноябрь 1. Пятница. Пушкинъ, восхищаясь Баратынскимъ, изощрялъ на немъ свое безпристрастіе: онъ зналъ, что онъ тутъ ничего не потерпитъ. Такъ Петръ Великій украшалъ князя Ромодановскаго атрибутами своей царской власти и никто, конечно, отъ этого не могъ вмѣсто настоящаго царя въ самомъ дѣлѣ считать царемъ Ромодановскаго.

Вчера во II-мъ отдѣленіи академіи разсуждали объ отчетѣ къ 29-му декабря и снова возложили составленіе его на меня. Четвертый годъ подъ-рядъ исполняю я эту работу.

3. Воскресенье. Утромъ у Б.—Побесѣдовалъ съ нимъ около часа. Потомъ отправился къ графу Блудову, котораго не засталъ дома: онъ поѣхалъ въ Царское село.

4. Понедѣльникъ. Совѣтъ въ университетѣ. Произвели въ доктора ориенталиста Григорьева и выбрали въ профессора физиологіи Овсянникова; онъ получилъ 19 избирательныхъ и 2 отрицательныхъ.

7. Четвергъ. Безъ полной нравственной независимости отъ людскаго мнѣнія не бываетъ ни истинно хорошаго характера, ни истинно хорошаго дѣла.

..... Въ совѣтѣ попечителя разсматривали вопросъ: дозволить-ли раскольникамъ заводить школы, такъ какъ они о томъ просятъ? Положено дозволить, не препятствуя имъ въ то-же время отдавать дѣтей своихъ и въ общія училища, и не обязывая послѣднихъ учиться Закону Божію у православныхъ священниковъ. Въ своихъ-же школахъ дѣти—могутъ ему учиться у своихъ поповъ или учителей.

14. Четвергъ. Въ университетѣ пока тихо. Юноши повидимому хотять заниматься, по крайней мѣрѣ они усердно посѣщаютъ лекціи и ничего буйнаго не предпринимаютъ. Они только поворчали на запрещеніе курить папирсы, но какъ имъ извѣстно, что никакой законъ у насъ не крѣпокъ, то они просто безъ шума и агитаціи начали курить сначала на улицѣ

около университета, а потомъ и въ разныхъ уголкахъ самаго университета. Разумѣется, начальство смотритъ на это сквозь пальцы. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ-же было запрещать? Впрочемъ, совѣтъ и хотѣлъ позволить, да министръ не согласился, а теперь вотъ и выходитъ опять нарушеніе закона....

15. Пятница. Извѣстная доля легкомыслія необходима, чтобы не дать намъ слишкомъ погрузиться въ тревожныя и мрачныя думы.

16. Суббота. Напечатаны имена лицъ, участвовавшихъ въ поднесеніи образа М. Н. Муравьеву въ его именины. Тутъ все аристократическія имена, начиная графомъ Блудовымъ и оканчивая Помпеемъ Батюшковымъ. Генераль-губернатору Суворову было предложено тоже участвовать въ этомъ поднесеніи. Онъ отказался, сказавъ, что не можетъ оказать этой чести такому людоѣду, какъ Муравьевъ.

Тютчевъ, говорятъ, написалъ стихи по поводу этого отказа. Мнѣ обѣщали ихъ прислать¹⁾.

17. Воскресенье. Стоитъ-ли польская независимость того, чтобы сама Польша такъ дорого за нее платила?

Какъ ужиться польскому элементу съ русскимъ — вотъ вопросъ. А они обречены судьбами исторіи и территорій своихъ жить вмѣстѣ, слѣдовательно уживаться. По закону вещей сильнѣйшій элементъ долженъ быть преобладающимъ — а сильнѣйшій здѣсь является русскій. Вотъ чего поляки ни понять, ни снести не могутъ. Слиться совсѣмъ поляки съ русскими врядъ-ли могутъ уже по однимъ религіознымъ причинамъ; но они могутъ соединиться. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что этому соединенію могутъ много или, лучше сказать, должны исключительно содѣйствовать русскіе. Однѣми административными мѣрами достигнуть этого нельзя. Надо, чтобы нашъ общественный духъ стремился къ этому соединенію превосходствомъ нравственнымъ, превосходствомъ своего образованія и уравненіемъ правъ. Мысль о мщеніи должна быть выкинута изъ умовъ нашихъ, какъ преступная. Но въ состояніи-ли нашъ общественный духъ исполнить эту задачу?....

18. Понедѣльникъ. Во времена софистовъ гуманитарный

¹⁾ Напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, стр. 207.

элементъ началъ выгѣснять у грековъ ихъ національный элементъ. Греки въ понятіяхъ много выигрывали, за то столько-же или еще больше теряли въ нравахъ, которые опирались на ихъ національность. Эта послѣдняя, разлагаясь, терялась въ общечеловѣческомъ, какъ всякая индивидуальность, умирая, теряется въ безбрежномъ океанѣ и движеніи всеобщей жизни. Все исходитъ отъ общаго и исчезаетъ въ общемъ.

Новое и старое. Новое или развивается органически изъ стараго или прививается къ нему. Во всякомъ случаѣ, несправедлива мысль слишкомъ жаркихъ поборниковъ новаго, что все старое сгнило и что надобно радикально его отбросить, чтобы насадить на мѣсто его это новое. Если-бы дѣйствительно все старое сгнило, то на чемъ-же утвердили-бы новое? Послѣдняго не къ чему было-бы даже привить. Если народъ не имѣетъ ни преданій, ни стремленій къ лучшему, то какимъ образомъ вы приложите къ нему ваши идеи этого лучшаго?

На обѣдѣ у вице-президента медицинской академіи И. Т. Глѣбова. Лукулловскій обѣдъ. Онъ такъ плѣнилъ физиолога Я., что тотъ, выйдя изъ-за стола послѣ обѣда, обратился къ толстяку повару и обнялъ его. Поваръ этотъ изъ англійскаго клуба, который особенно славится своимъ столомъ.

На обѣдѣ у Ивана Тимоѣевича Глѣбова были всѣ медицинскія знаменитости, между прочими, Дубовицкій, Цыцуринъ, Кабать, Якубовичъ и пр. — всѣ изукрашенные генеральскими эполетами и звѣздами. Я одинъ былъ безъ украшеній, потому что никакъ не предполагалъ у скромнаго Ивана Тимоѣевича такого помпезнаго собранія и обѣда. Однако, всѣ эти почтенные люди настолько были учтивы, что притворились, будто знаютъ меня по имени и были ко мнѣ любезны, какъ нельзя болѣе. Я особенно познакомился съ Дубовицкимъ и Якубовичемъ. Члены этого медицинскаго общества, повидимому, очень дружны между собой. Праздникъ этотъ былъ данъ по случаю именинъ маленькаго двухлѣтняго сына — теперь единственнаго ребенка Ив. Тим., въ которомъ онъ и жена его души не чаютъ.

20. Среда. Поутру у ректора (Ленца). Очень добрый, честный, благородный человѣкъ, но не смѣлый и нераспорядительный; такъ что онъ непременно долженъ будетъ зависѣть отъ другихъ.

Если и имѣлъ какіе-нибудь успѣхи въ жизни, то обязанъ за нихъ ни уму своему, ни способностямъ, ни характеру, ни какимъ-либо соображеніямъ и планамъ, а чистой случайности.

21. Четвергъ. Маленькія обиды чувствуются иногда сильнѣе большихъ.

Умеръ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ въ Москвѣ, 15-го ноября.

22. Пятница. Вотъ уже болѣе двухъ недѣль, какъ продолжаются прискорбные толки о прекращеніи въ государственномъ банкѣ платежей звонкою монетою. Это взволновало весь городъ или, лучше сказать, всю Россію. Винятъ министерство финансовъ: Рейтерна, Ламанскаго, Штиглица, который теперь уѣхалъ за границу для какихъ-то финансовыхъ операцій, а о немъ говорятъ, что онъ бѣжалъ. Носятся даже слухи, будто Рейтернъ увольняется. Одна газета даже совѣтуетъ ему застрѣлиться. Словомъ, въ денежномъ и промышленномъ мірѣ страшная суматоха.

23. Суббота. Обѣдалъ у графа Блудова. Я давно не видалъ старика, кажется, съ того времени, какъ видѣлся съ нимъ въ нашей церкви въ Парижѣ. Онъ дряхлѣетъ. Прежде послѣ обѣда онъ обыкновенно разливался рѣчами, а теперь поговорилъ немножко со мною, съ Кояловичемъ, да и заснулъ въ креслахъ. Антонину Дмитріевну въ креслахъ принесли въ гостиную: она почти совсѣмъ не владѣетъ ногами, хотя во всемъ прочемъ здорова.

24. Воскресенье. Поутру у Д. и Тютчева. У послѣдняго встрѣтилъ Ж—ра, недавно пріѣхавшаго изъ Кіева. Онъ говоритъ, что Анненковъ сначала хотѣлъ тамъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, но теперь перешелъ къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій. По мнѣнію Ж—ра, который говоритъ, что хорошо знаетъ край, потому что много лѣтъ служить тамъ, единственный способъ умиротворить страну—это до тла истребить польскій элементъ. Поляки непримиримы во враждѣ къ намъ и тверды въ увѣренности, что Польша должна и можетъ существовать въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ существовала до раздѣла. Массу русскаго и малороссійскаго населенія въ тѣхъ губерніяхъ поляки считаютъ за ничто и что Польша вся въ шляхетствѣ. Между тѣмъ, народъ ихъ страшно ненавидитъ и еслибы ему дать волю, то при первомъ-же взрывѣ возстанія онъ растерзалъ-бы каждаго поляка. Ж—ръ еще много говорилъ въ этомъ духѣ.

27. Среда. Вечеромъ въ оперѣ. Давали прелестную граціозную „Ченерентолу“ и пѣли прекрасно, какъ всегда: Кальцолари, Нантъе-Дидье и пр.

Декабрь 1. Воскресенье. Занятъ академическимъ отчетомъ.

Вотъ И. И. Давыдовъ, скончавшись, какую нехорошую память по себѣ оставилъ: вчера члены академіи нашего отдѣленія просили меня вовсе не говорить о немъ въ отчетѣ, такъ какъ дурно, т. е. правдиво, о немъ что-нибудь сказать, особенно съ каѳедры, не приходится, а хорошее все было-бы сочтено за ложь и никто-бы этому не повѣрилъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ-ли виноватъ Иванъ Ивановичъ? Разумѣется, онъ былъ не лучше, да и не хуже другихъ. Хуже другихъ онъ былъ только тѣмъ, что былъ невосдержанъ въ господствующихъ или главныхъ своихъ порокахъ: корыстолюбіи и мелкомъ честолюбіи. А невосдержанность эта не то, чтобы заставляла его дѣлать зло другимъ—онъ вовсе не былъ золъ по природѣ своей—а побуждала унижать себя пресмыкательствомъ и исканіями передъ сильными. Я всегда называлъ его ловцомъ передъ Господомъ житейскихъ благъ. Но онъ готовъ былъ при случаѣ даже услуживать другимъ и дѣлать нѣчто въ родѣ добра имъ, конечно, если это не было противно его выгодамъ. Да вѣдь почти никто и не поступаетъ иначе. Повторяю, онъ превосходилъ другихъ невосдержанностью своихъ пороковъ, а не самыми пороками. Умѣй онъ немножко себя обуздывать, онъ оставался-бы тѣмъ, чѣмъ былъ, не казавшись таковымъ, и оставилъ-бы по себѣ память человѣка даровитаго и почтеннаго, потому что онъ былъ очень даровитъ. Многіе были лучше его единственно потому, что были скрытнѣе его.

Человѣкъ бываетъ хорошъ, и то не надолго, разъ въ жизни—въ юношествѣ. Потомъ онъ становится все хуже и хуже, портится—и если его не просолить всего насквозь, до костей, вышними вѣрованіями, идеями, то онъ еще задолго до смерти начнетъ разлагаться.

2. Понедѣльникъ. Я не знаю, почему хуже оказывать какія-нибудь услуги, съ намѣреніемъ получить за нихъ извѣстную сумму денегъ, нежели тѣмъ-же путемъ снискать протекцію, получить мѣсто, орденъ и т. п.

Въ умѣ у насъ нѣтъ недостатка, но величайшій недостатокъ въ характерѣ и честности.

Статья Прудона о трактатахъ 1815 года, разразившаяся грозой надъ поляками, производитъ большое впечатлѣніе.

Вчера поутру былъ у меня Ѳ. И. Тютчевъ и подтвердилъ извѣстіе, что недалеко отъ Варшавы, на желѣзной дорогѣ, Треповъ накрылъ четырнадцать человѣкъ главнаго революціоннаго правленія.

Былъ Ѳ. В. Чижевъ, на нѣсколько дней пріѣхавшій изъ Москвы. Онъ сдѣлался совершенно промышленнымъ человѣкомъ. У него небольшая сѣденькая борода клиномъ.

Вечеръ у А. Тутъ были два брата ***: одинъ съ огромною бородою и огромнѣйшимъ чувствомъ самодовольства на добродушномъ лицѣ, другой поскромнѣе и съ меньшею бородою. Встрѣтился я тутъ еще съ К., съ которымъ на этотъ разъ можно было вести бесѣду: ибо онъ какъ-то менѣе обыкновеннаго былъ уменъ и важенъ.

5. Четвергъ. Надо очень любить Россію, чтобы не чувствовать отвращенія ко всей безалаберности нашей, къ умственному и нравственному разврату нашего, такъ называемаго, образованнаго общества, къ глубокому невѣжеству и дикости массъ и къ отсутствію вообще законности и честности. Но глубокому сознанію могу сказать, что я горячо люблю отечество и сколько могъ служилъ ему честно. Но сколько разъ эта любовь была оскорблена тысячею безчестныхъ или безтолковыхъ явленій нашей общественной жизни! Сколько разъ приходилось скорбѣть о недостойныхъ поступкахъ моихъ соотчичей, особенно отъ ихъ грубаго нарушенія правилъ самой обыкновенной общественной честности. Когда и какъ мы изъ этого выйдемъ?

Въ политической атмосферѣ такъ сперся воздухъ, такъ много накопилось всякихъ испареній, что непремѣнно должно разразиться грозѣ. Съ самаго начала возстанія Польши мнѣ все мерещится война.

Что такое наука? Опытъ, наблюденіе, система и выводъ.

Не смотря на прославленную гуманность вѣка, вражда и разъединеніе между людьми, кажется, никогда не доходили до такой степени, какъ нынѣ. Чѣмъ это объяснить?

Можно-ли исключительно на принципѣ взаимной выгоды основать союзъ общественный, миръ и порядокъ между людьми—на что такъ сильно уповаютъ социалисты? Во-первыхъ, понятіе о выгодѣ очень неопредѣленно и широко, такъ что, идя отъ него,

можно легко перешагнуть рубежъ. Во-вторыхъ, выгоды такъ измѣнчивы и разнообразны, что чрезвычайно трудно установить для нихъ какое-нибудь общес мѣрило, которое заставило-бы одного уважать въ другомъ то, что ему принадлежитъ и прилично. То, что я считаю для другаго неважнымъ, въ сущности можетъ быть очень важно для него, и наоборотъ.

Гдѣ неодинаковы силы, тамъ неодинаковы и права.

9. Понедѣльникъ. Въ совѣтѣ университета. Выбрали въ ординарные профессора исторіи востока Григорьева, а въ профессора ботаники Бекетова. Я, разумѣется, положилъ обоимъ бѣлые шары. Но въ факультетѣ я возразилъ противъ проефта сдѣлать вдругъ нѣсколько докторовъ. „Зачѣмъ, сказалъ я, такъ опрометчиво и такъ нескромно пользоваться правомъ, которое ввѣрено намъ для серьезнаго и справедливаго пользованія? Будемъ немножко умѣреннѣе, чтобы не уронить самаго принципа. Соблюдаемъ, по крайней мѣрѣ, постепенность“. Б. сильно настаивалъ на произведеніи въ доктора Костомарова. Этому я не противорѣчилъ.

Еще выбрали архитектора Харламова. Было шесть кандидатовъ и одинъ, за котораго стоялъ ректоръ.

10. Вторникъ. Говорятъ о Кербицѣ и его сильномъ участіи въ возстаніи польскомъ и арестованіи.

12. Четвергъ. Президентъ академіи наукъ навязываетъ намъ въ члены-корреспонденты отдѣленія Каткова и Аксакова. Сверхъ того, графу Блудову хочется, чтобы мы избрали въ почетные члены Рейтерна и Буткова. Отдѣленіе, какъ и вся академія, сильно на это негодуютъ. Въ сегодняшнемъ засѣданіи отдѣленія были объ этомъ толки. В. и Г. поѣхали къ графу Блудову попытаться нельзя-ли отклонить его отъ несчастной мысли выбрать Каткова. Противъ Аксакова не возстаютъ. Разумѣется, я тоже не могу быть въ пользу Каткова. Вообще странное положеніе академіи, что она должна расточать знаки своего уваженія по приказанію начальства. Но эти-ли однѣ странности у насъ?

Говорятъ, что Россія страна чиновниковъ безъ правосудія и хорошаго управленія ¹⁾. Теперь надо будетъ сказать, что она и страна докторовъ и членовъ ученыхъ обществъ безъ науки.

¹⁾ Писано до судебной реформы.

Жаль, что корреспонденты отдѣлений не баллотируются въ общемъ собраніи академіи. Въ этомъ случаѣ можно было-бы навѣрное предположить, что нѣкоторые изъ такихъ членовъ, предлагаемыхъ начальствомъ, прогулялись-бы на вороняхъ. У міра шея толста: ее не такъ легко перерубить, какъ одного или двухъ человѣкъ.

Достиженіе счастья, поставляемаго главною цѣлью послѣдователями школы утилитаристовъ, необходимо требуетъ извѣстныхъ ограниченій, которыя невозможны безъ свободнаго рѣшенія воли. Нерѣдко нужно отказаться отъ удовольствія не ради высшаго или другаго удовольствія, а ради исполненія долга или содѣйствія благу другихъ и т. д. Слѣдовательно, счастье здѣсь отодвигается на второй планъ и мѣсто его заступаетъ другое начало.

Есть поступки, которыхъ нельзя назвать ни воровствомъ, ни подлостью, ни какимъ другимъ унижительнымъ именемъ—поступки, которыхъ нельзя предать ни общественному позору, ни правосудію, но которые, тѣмъ не менѣе, заставляютъ сомнѣваться въ благоустроенности души того, кто ихъ себѣ позволяетъ, такъ, что вы невольно теряете довѣріе или къ уму, или къ характеру его, или къ тому и другому вмѣстѣ.

14. Суббота. Читаю, между прочимъ, „Записки Ермолова“. Онѣ ничего не прибавляютъ къ его славі. Языкъ чрезвычайно напыщенный и рѣзкіе приговоры о всѣхъ дѣятеляхъ 1812 года не возбуждаютъ особеннаго довѣрія.

Вчера въ засѣданіи академіи, по предложенію графа Блудова, выбрали въ почетные члены Буткова и Рейтерна; а сама академія—Дала. Стыдно президенту, что онъ навязалъ намъ такого господина, какъ Бутковъ. Это для академіи. Ужъ если предлагать, то предложилъ-бы князя А. М. Горчакова: это было-бы теперь кстати.

Отъ Каткова мы кое-какъ отдѣлались, представивъ причину, что комплектъ членовъ-корреспондентовъ уже полнъ и нѣтъ вакансій, хотя собственно говоря это не причина. Выбрали А. Н. Островскаго, Н. С. Тихонравова и Данишича въ Бѣлградѣ.

Знаніе, право, законность: отсюда нравственное уваженіе самихъ себя и всѣхъ принциповъ человѣчества. Вотъ что прежде

и болѣе всего намъ нужно, а не демократическія, аристократическія или соціальныя тенденціи.

Вечеромъ литературное чтеніе у Ф. Читаль романъ свой Ж. Этотъ Ж., лѣтъ тому семь или восемь назадъ, уже читаль мнѣ отрывки его. Онъ сочинялъ его лѣтъ восемнадцать, и бѣдный пришелъ къ убѣжденію, что произведеніе его составитъ эпоху въ русской литературѣ. Три часа онъ морилъ насъ плохими стихами и избитымъ сюжетомъ о томъ, какъ княжна Алина сначала любила нѣкоего Сергѣя, какъ потомъ влюбилась въ другаго нѣкоего графа, какъ этотъ графъ оказался бездѣльникомъ и какъ эта глупая женщина была наказана за свою вѣтренность тѣмъ, что принуждена была умереть отъ чахотки; какъ Сергѣй, тоже больной, очутился у ея смертнаго одра и т. д. Сначала мнѣ было жаль чтеца-автора, какъ жаль всякаго человѣка, который напрашивается на публичное осрамленіе. Потомъ меня одолѣли скука и досада и мнѣ стало жаль самого себя.

Тутъ я познакомился съ Скарятинымъ. Одно могу сказать, что онъ красивъ.

Диспутъ въ университетѣ на докторскую степень Б. и В. Оба меня упрекнули, что это я заставилъ ихъ держать диспутъ.

— „Ничего, господа“, отвѣчалъ я:— „вы возьмете свое въ честномъ бою и намъ доставите удовольствіе васъ послушать“. Дѣйствительно, диспутъ былъ очень занимательный, хотя касался слишкомъ спеціальныхъ предметовъ. Б. защищалъ свои тезы съ достоинствомъ, выказывая въ себѣ человѣка съ глубокимъ знаніемъ своего предмета и даже съ внѣшнимъ образованіемъ. В. защищался немножко дубовато, но видно, что онъ тоже обладаетъ всестороннимъ знаніемъ своего предмета, т. е. китайскаго языка. Кромѣ того, онъ горячо любитъ свой предметъ, что менѣе замѣтно въ Б. Разумѣется, они оба были удостоены степени доктора восточныхъ языковъ, и я искренно поздравилъ ихъ.

18. Среда. Въ оперѣ. Давали „Риголетто“ Верди. Если шумъ, трескъ, крики составляютъ хорошую оперу, то „Риголетто“, безъ сомнѣнія, опера очень хорошая.

19. Четвергъ. Неумолкаемые слухи о Кербицѣ: иные говорятъ, что онъ уже въ здѣшней крѣпости; другіе, что онъ арестованъ и находится въ Варшавѣ; третьи, что онъ тамъ только подъ строгимъ наблюденіемъ полиціи; а есть и такіе,

которые увѣряютъ, что онъ уже казненъ. Попробуйте повѣрить чему-нибудь изъ этихъ разсказовъ, гдѣ каждый разсказчикъ увѣряетъ, что онъ все это слышалъ отъ достовѣрнѣйшихъ людей, чуть не отъ самого Кербица, который ему одному переказалъ даже, какъ его повѣсили — попробуйте хоть чему-нибудь тутъ повѣрить и вы останетесь въ дуракахъ.

20. Пятница. Гречъ написалъ ко мнѣ письмо, прося моего содѣйствія для избранія его въ члены академіи. Какъ тутъ содѣйствовать, когда большая часть членовъ противъ него и помпить его дѣйствительные и вымысленные грѣхи. Да и во мнѣ самомъ немного симпатіи къ нему. Я прочелъ его письмо въ отдѣленіи и, разумѣется, встрѣтилъ сильное противодѣйствіе, такъ что о предложеніи его въ члены и думать нечего. Все это старику надо передать какъ-нибудь помягче.

Лекція въ университетѣ и, кажется, послѣдняя. Праздниками я долженъ буду подать просьбу объ увольненіи меня, такъ какъ баллотироваться я не намѣренъ.

23. Понедѣльникъ. Къ чему приведетъ насъ эта страшная деморализація сверху до самаго низу? Внизу, конечно, ея меньше, но тамъ глубина невѣжества, совершенно варварское состояніе, полное отсутствіе всякихъ понятій о долгѣ, справедливости и законѣ — особенно о законѣ.

26. Четвергъ. Всѣ эти дни возился съ несноснѣйшей простудой. Вальцъ посадилъ меня на гомеопатическія капли: мало вѣрю я и имъ, и ему. Къ тому-же, онъ теперь больше занятъ торговыми спекуляціями, чѣмъ своими больными.

29. Воскресенье. Жизнь! Какая страшная бездна! Какъ не закружиться головѣ, заглядывая въ нее!

Актъ въ академіи наукъ. Я пріѣхалъ въ половинѣ перваго, вмѣстѣ съ Тимоѣевымъ, который зашелъ ко мнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ объявили, что пріѣхалъ и президентъ нашъ, графъ Блудовъ. Я вышелъ въ сѣни и нашелъ его бѣднаго сидящимъ на стулѣ, съ своей голубой лентой и въ полномъ изнеможеніи. Онъ имѣлъ видъ умирающаго, такъ тяжело дышалъ онъ и стоналъ. Его утомилъ всходъ на лѣстницу. Когда онъ немножко оправился, я сказалъ ему, что „какъ ни пріятно намъ видѣть его въ средѣ нашей, но онъ лучше сдѣлалъ-бы, еслибы поберегся и остался дома“.

— „Что-жь, вѣдь и вы то-же приносите жертву: вы тоже больны, а пріѣхали“.

Отдохнувъ, онъ отправился въ залу. Вскорѣ онъ почти совсѣмъ оправился, слушалъ наши рѣчи и храбро высидѣлъ все время. Иногда онъ даже обращался ко мнѣ, съ шутливыми замѣчаніями: я сидѣлъ возлѣ него на эстрадѣ по лѣвую руку, а вице-президентъ Буняковскій по правую.

Со мной тоже было не совсѣмъ благополучно. Сначала я чувствовалъ себя сносно, но потомъ въ головѣ поднялось броженіе и я боялся, чтобы со мной не сдѣлалось совсѣмъ дурно. Я сталъ бояться, что не смогу выполнить своего дѣла. Но вотъ дошла очередь до меня. Рѣчь мою, надо сказать правду, я прочелъ прескверно. Кромѣ того, что у меня не хватило голоса отъ моего проклятаго грипа, я безпрестанно спотыкался и путался отъ головокруженія. Чтобы не мучить себя и другихъ, я пропускалъ многія мѣста. Возвратился домой около трехъ часовъ усталый и совсѣмъ больной.

31. Вторникъ. Плохо заключаю старый и встрѣчаю новый годъ.—Конецъ 1863 года.

А. В. Никитенко.

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ЩЕРВИНА.

I.

Въ Запискахъ Н. В. Берга приведенъ экспромтъ Н. Ѳ. Щербинны на дядю
гр. Евдокіи Петровны Ростовичной, Николая Васильевича Сушкова.
Возстановимъ его по подлиннику ¹⁾:

Двойное горе.

22-го февраля 1852 года.

(У гроба Гоголя).

Слышимъ вопли, стонъ и клики
Лучшихъ родины сыновъ:—
„Умеръ Гоголь нашъ великій,
Живъ и здравствуетъ Сушковъ!“

1852 г.

II.

Юношамъ—членамъ Славянскаго комитета.

Не въ буйномъ стапѣ шайки грубой
Всеотрицающихъ невѣждъ
Намъ племя молодое любо —
Кольно славы и надеждъ:
 Оно намъ любо тамъ, гдѣ дѣло
 Прямое юноша позналъ,
 Въ смиреньи началъ стронть смѣло,
 Любовь безъ злости показалъ.
Исполненъ юныхъ силъ богатства,
Онъ вдаль, какъ зрѣлый мужъ, прозрѣлъ,
И отдалъ сердце чувству братства,
А умъ—творенью здравыхъ дѣлъ...
 И свято назначенье это:—
 Въ немъ русскій юноша избранъ
 Вносить плоды любви и свѣта
 На общій жертвенникъ Славянъ.

Н. Ѳ. Щербина.

5-го марта 1869 г.

¹⁾ Собрание сочиненій Н. Ѳ. Щербинны, Спб., изд. 1873 г., стр. 420.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МАКСИМИЛИАНОВИЧЪ РОМАНОВСКІЙ,

ГЕРЦОГЪ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКІЙ

† 25-го декабря 1890 г.

I.

Еще такъ не давно, 7-го мая 1890 г., все русское образованное общество и печать съ искреннѣйшимъ сочувствіемъ отнеслись къ чествованію двадцатипятилѣтняго юбилея президентства въ одномъ изъ старѣйшихъ и заслуженныхъ ученыхъ русскихъ обществъ, именно Минералогическомъ, — его императорскаго высочества князя Николая Максимилиановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго.

Мы имѣли удовольствіе присутствовать на этомъ торжествѣ; въ нашей памяти еще какъ бы слышится голосъ юбиляра, съ глубокимъ чувствомъ говорящаго рѣчь признательности къ лицамъ и учреждениямъ, почтившимъ его привѣтами въ этотъ день, и съ полною скромностью отзывающагося о своихъ трудахъ.

И вотъ семь мѣсяцевъ спустя, въ томъ-же году, не стало Августѣйшаго подвижника науки, всю жизнь ее любившаго и непосредственно для нея не мало потрудившагося.

Смерть унесла еще одну драгоценную жизнь, — жизнь человѣка, для котораго, по собственному его выраженію, никогда „не прекращалось ученіе“. Князь Николай Максимилиановичъ съ дѣтства горячо любилъ науку и всегда помнилъ, что знаніе и трудъ — есть сила, есть цѣль и услада жизни ¹⁾.

Къ выраженіямъ общей скорби присоединяя нынѣ и нашу глубоко искреннюю печаль о тяжелой утратѣ, постигшей, въ лицѣ князя Николая Максимилиановича русскую науку, „Русская Старина“ перепечатываетъ полученную нами въ оттискѣ рѣчь высокоуважаемаго Н. И. Кокшарова, директора Императорскаго с.-петербургскаго

¹⁾ См. напечатанное въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., т. LXVI, книга май, стр. 476—481, собственноручное воспоминаніе Его Императорскаго Высочества князя Николая Максимилиановича: „Очеркъ моего дѣтства и юношества“. Тамъ-же въ „Русской Старинѣ“ (стр. 467 — 475) см. обзоръ дѣятельности въ области наукъ — августѣйшаго, нынѣ покойнаго, президента Императорскаго С.-Петербургскаго минералогическаго общества.

минералогическаго общества, сказанную имъ въ чрезвычайномъ собраніи сего Общества 5-го февраля 1891 года. Засѣданіе это было посвящено памяти въ Бозѣ почившаго Августѣйшаго президента общества, его императорскаго высочества князя Николая Максимиліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго.

Ред.

II.

„Милостивые государи! Въ нынѣшнемъ 1891 году мы начинаемъ обычныя занятія наши подъ впечатлѣніемъ удручающаго насъ чувства горести Великое несчастье постигло насъ: 25-го декабря прошедшаго 1890 года (6-го января 1891 г.) скончался въ Парижѣ навсегда для насъ незабвенный Августѣйшій президентъ нашъ, его императорское высочество князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.

Въ Бозѣ почившій стоялъ во главѣ Императорскаго спб. минералогическаго общества въ теченіи двадцати пяти лѣтъ и управлялъ имъ въ этотъ длинный періодъ времени, съ особенною любовью и заботливостью, принимая притомъ дѣятельное участіе въ ученыхъ трудахъ его членовъ.

По тому благотворному вліянію, которое оказалъ на наше общество покойный герцогъ, имя его приобрѣло между нами высокое значеніе и будетъ произноситься всегда съ душевною признательностью и глубочайшимъ уваженіемъ,—а эпоха, въ которую минералогическое общество имѣло счастье находиться подъ главенствомъ благороднѣйшаго и добрѣйшаго принца, составитъ, конечно, одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ его исторіи.

Еще такъ недавно мы видѣли герцога Николая Максимиліановича посреди насъ веселымъ, довольнымъ, осыпаннымъ милостями нашего великодушнаго Монарха и почтеннымъ полнымъ вниманіемъ всего ученаго міра не только Россіи, но и всѣхъ прочихъ странъ свѣта,—словомъ, мы видѣли обожаемаго нами президента нашего едва-ли не въ самую лучшую, не самую счастливую для него пору жизни..... Ничто, казалось, не предвѣщало столь близкой катастрофы....

Тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ болѣзненнѣе прозвучала въ сердцахъ нашихъ роковая вѣсть о его кончинѣ!...

Хотя въ радостные дни празднованія XXV-ти лѣтняго юбилея предсѣдательства Герцога въ минералогическомъ обществѣ никто не предполагалъ, что онъ такъ близко стоялъ къ смерти, но уже и въ то время Августѣйшій юбиляръ, не подозрѣвая и самъ того, носилъ въ себѣ зародышъ болѣзни, сведшей его въ преждевременную могилу.

По приѣздѣ своемъ въ Петербургъ, за нѣсколько дней до 7-го мая 1890 года (дня юбилея), Герцогъ жаловался на болѣзненность въ горлѣ, не проходящую отъ медицинскихъ средствъ, обыкновенно употребляемыхъ въ подобныхъ случаяхъ. Я совѣтовалъ ему не запускать болѣзни и обратиться за совѣтомъ къ опытнымъ врачамъ, на что онъ отвѣчалъ мнѣ, что говорилъ съ нѣкоторыми изъ докторовъ, но что ни одинъ изъ нихъ не могъ хорошо опредѣлить природу болѣзни. Вообще мнѣ показалось, что его высочество не приписывалъ особенной важности болѣзни и былъ увѣренъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ совершенно здоровъ. Только въ августѣ мѣсяцѣ выяснилось то опасное положеніе, въ которомъ находился дорогой для насъ президентъ.

О безнадежномъ его состояніи я узналъ изъ телеграммы, полученной почетнымъ членомъ общества, ея императорскимъ высочествомъ принцессою Евгеніею Максимилиановною Ольденбургскою, отъ августѣйшей сестры ея, принцессы Маріи Максимилиановны Баденской изъ Фіуме (Австрія), куда она приѣхала къ своему больному брату. Принцесса Баденская увѣдомляла, что консилиумъ, составленный изъ лучшихъ врачей, констатировалъ ракъ, что операція невозможна и что не слѣдуетъ торопиться приѣздомъ, чтобы не испугать больнаго, не подозрѣвавшаго своего опаснаго положенія.

Съ этихъ поръ сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ, что уже не остается ни малѣйшей надежды на спасеніе и что жизнь его императорскаго высочества должна прерваться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а даже можетъ быть и ранѣе. Я находился въ это время въ постоянной перепискѣ съ нашимъ знаменитымъ сочленомъ, французскимъ академикомъ А. Добрэ, котораго покойный герцогъ Николай Максимилиановичъ глубоко уважалъ и любилъ и съ которымъ поэтому видѣлся до послѣднихъ дней своей жизни. А. Добрэ удивлялся тому мужеству и терпѣнію, съ которыми больной переносилъ всѣ страданія, сопряженныя съ его страшною болѣзнію. Герцогъ, попрежнему, оставался изященъ въ своихъ манерахъ, простъ въ обращеніи и отзывчивъ ко всему доброму, хорошему.

Было-бы излишне перечислять всѣ преимущества, пріобрѣтенныя нашимъ Обществомъ, благодаря покойному, такъ какъ обо всемъ этомъ было подробно сообщено, во время празднованія юбилея герцога, въ рѣчахъ и въ изданіяхъ общества. Достаточно сказать, что со вступленіемъ его въ управленіе нашимъ Обществомъ онъ придалъ ему особое оживленіе и далъ возможность не только продолжать непрерывное печатаніе „Записокъ“ (Verhandlungen), но и начать изданіе „Матеріаловъ для геологіи Россіи“ и т. д. Также

благодаря ему, дарована была ежегодная сумма для производства геологическихъ наблюдений и учреждена премія за лучшія сочиненія по минералогіи, геологіи и палеонтологіи. Наконецъ, мы не можемъ забыть, что до вступленія герцога въ президенты общества въ кассѣ не имѣлось ни одного рубля запаснаго капитала, тогда какъ теперь этотъ послѣдній достигъ до 20,200 рублей.

Герцогъ угасъ во цвѣтѣ лѣтъ (47-ми лѣтъ), въ тотъ самый моментъ, когда судьба, послѣ многихъ перенесенныхъ имъ невзгодъ и тревоженій жизни, улыбнулась ему вполне и общала для прекрасной, отзывчивой души его многое въ будущемъ. Но смерть, не разбирающая ни знатныхъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ,—не пощадила и того, кто былъ обожаемъ всѣми знавшими его близко, кто обладалъ счастливымъ даромъ привлекать къ себѣ сердца и вселять къ себѣ безграничную довѣренность, преданность и уваженіе.

Такъ было угодно Провидѣнію,—да будетъ Святая воля Его!..

Намъ, членамъ Минералогическаго общества, остается одно утѣшеніе: знать, что послѣдніе дни обожаемаго нами герцога Николая Максимиліановича, благодаря милости Его Величества Государя Императора, родственной пріязни его августѣйшей сестры, принцессы Евгеніи Максимиліановны, и другихъ членовъ высокой семьи, были услаждены многими неожиданными для него радостями, въ которыхъ наше скромное Общество осталось не вполне безучастнымъ.

Мы собрались сегодня, милостивые государи, здѣсь, чтобы принести послѣднюю дань чувствъ нашихъ тому, кто былъ намъ дорогъ, кого любили мы отъ всего нашего сердца и память о которомъ будетъ вѣчно жить въ нашемъ обществѣ!...

Н. И. Кокшаровъ.

III.

Приведенная выше рѣчь Н. И. Кокшарова была, между прочимъ, напечатана въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 8-го февраля 1891 года, № 32, причемъ изъ извѣстія, помѣщеннаго въ этой газетѣ, о торжественномъ засѣданіи императорскаго с.-петербургскаго минералогическаго общества, посвященнаго памяти Е. И. В. Князя Николая Максимиліановича, видно, что это засѣданіе почтили присутствіемъ Е. И. В. Великій Князь Константинъ Константиновичъ и Е. И. В. Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская съ супругомъ, Его Высочествомъ Принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ.

Рѣчь Николая Ивановича Кокшарова переведена на французскій языкъ, отпечатана отдѣльнымъ оттискомъ (Сиб., 8 д., стр. 7) и появилась, 8-го февраля 1891 г., въ „Journal de St. Pétersbourg“.

Въ прочихъ газетахъ появились о покойномъ герцогѣ Николаѣ Максимилиановичѣ самыя задушевныя статьи; таковыя мы прочли въ газетахъ: „Новое Время“ 28-го декабря 1890 г. (9-е января 1891 г.), № 5327; „Новости“ 28-го декабря 1890 г. (9-е января 1891 г.), № 356; „Гражданинъ“ 28-го декабря 1890 г., № 359, и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 31-го декабря 1890 г. (12 января 1891 г.), № 358.

Въ Кіевѣ, въ императорскомъ св. Владиміра университетѣ, почетнымъ членомъ котораго состоялъ покойный герцогъ, памяти его была посвящена въ собраніи совѣта университета рѣчь профессора Теофилактова; въ этой рѣчи, выразивъ глубокую скорбь о тяжелой утратѣ Императорскимъ св. Владиміра университетомъ, въ лицѣ Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимилиановича, почетнаго члена университета, профессоръ Теофилактъ сказалъ:

„Сынъ герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго и Великой Княгини Маріи Николаевны, герцогъ Николай Максимилиановичъ родился въ 1843 г. и былъ первымъ внукомъ императора Николая.

„Отъ своего родителя онъ унаслѣдовалъ любовь къ естественнымъ наукамъ, особенно-же къ минералогіи.

„По собственнымъ словамъ Его Высочества любовь его къ минералогіи превратилась въ страсть, подъ вліяніемъ столь извѣстнаго минералога—Н. И. Кокшарова, котораго герцогъ какъ въ частныхъ, такъ и торжественныхъ обращеніяхъ называлъ своимъ лучшимъ, искреннимъ другомъ. Съ теплою признательностью и глубокимъ уваженіемъ относится герцогъ, въ своей автобіографіи, напечатанной Его Императорскимъ Высочествомъ въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1890 г., кн. май), — и къ памяти другаго своего наставника-академика Н. Н. Зинина.

Такіе сѣятели науки и притомъ на почвѣ, одаренной природою и воспитаніемъ высокими качествами, не могли не имѣть глубокаго благотворнаго вліянія на умственное развитіе августѣйшаго ученика.

„Въ 1865 году, съ соизволенія въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича, Герцогъ занялъ кресло президента императорскаго минералогическаго общества.

„Въ засѣданіи минералогическаго общества, 8-го октября того-же года, первымъ подъ предсѣдательствомъ Его Высочества, августѣйшій

президентъ сдѣлалъ сообщеніе о результатахъ произведеннаго имъ анализа минерала Лейхтенбергита. Въ „Запискахъ Минералогическаго общества“ послѣдующихъ годовъ мы находимъ вполне обстоятельныя и точныя химико-кристаллографическія изслѣдованія минераловъ: кочубейта, кеммерерита, брукита, произведенныя Его Высочествомъ въ собственной его лабораторіи.

„Вступленіе герцога, въ качествѣ президента, въ Минералогическое общество, составляло событіе въ жизни послѣдняго, имѣвшее благотворнѣйшее вліяніе на его послѣдующую ученую дѣятельность.

„Въ первые два года президентства, въ сообществѣ академикомъ Н. И. Кокшарова и Н. Н. Зинина, Его Высочество предпринялъ двѣ обширныя минерало-геологическія экскурсіи въ центральныя губерніи Россіи и на Уралъ.

„Всеподданнѣйшій отчетъ по экскурсіи на Уралъ послужилъ началомъ для многихъ преобразованій по горной части.

„По предложенію Его Высочества изданіе трудовъ общества получаетъ русское названіе „Записокъ минералогическаго общества“, въ которыхъ преобладающимъ текстомъ является русскій. Съ первыхъ-же годовъ президентства герцога, общество предпринимаетъ рядъ геологическихъ экскурсій съ цѣлью составленія подробной геологической карты Россіи, результаты которыхъ печатаются въ особомъ изданіи, подъ именемъ „Матеріалы для геологіи Россіи“. По мысли и при участіи герцога при Обществѣ учреждена ежегодная премія за лучшія сочиненія по геологіи, палеонтологіи и минералогіи.

„7-го мая 1890 года исполнилось 25-ти-лѣтіе со дня принятія Его Высочествомъ званія президента минералогическаго общества.

„На бывшемъ по сему случаю въ С.-Петербургѣ юбилейномъ торжествѣ Его Высочество, въ отвѣтъ на привѣтствіе, сказалъ, между прочимъ, что всѣ пожеланія его клонятся къ процвѣтанію и развитію Минералогическаго общества, къ каковой цѣли и впредь будутъ клониться всѣ его усилія.

„Смерть неожиданно пресѣкла высокоплодотворную дѣятельность Его Высочества, пресѣкла порывы рыцарски-благороднѣйшей его души, пресѣкла жизнь человѣка, обладавшаго рѣдкимъ качествомъ вселять къ себѣ любовь и уваженіе.

„Университетъ св. Владиміра почтительно преклоняется предъ памятью своего почетнаго члена—Его Императорскаго Высочества князя Романовскаго, герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго“.

ИЗЪ ЖИЗНИ НИКАНОРА БРОВКОВИЧА,

архієпископа Херсонскаго и Одесскаго.

Род. 1827 г., † 27-го декабря 1890 г. ¹⁾.

Какъ знакомый и почитатель почившаго архипастыря нашего Никанора, расположеніемъ котораго имѣлъ счастье пользоваться до послѣдней минуты его жизни, приведу на страницахъ уважаемой „Русской Старины“ слѣдующею—весьма характеризующею опочившаго сномъ смерти духовнаго дѣятеля, несравненно добраго сердцемъ и великаго умомъ.

Въ бытность мою въ Карлсбадѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я познакомился съ женою помѣщика Орловской губ., г-жею Барановой, урожденной Лосевой, которую я не зналъ до того, не смотря на то, что материнское имѣніе ея, Златоустово-Поле, находится въ 20-ти верстахъ отъ моего имѣнья Одесскаго уѣзда, и тамъ-же, при прощаніи, получилъ приглашеніе пріѣхать въ октябрѣ на освященіе уже выстроенной церкви. Въ сентябрѣ г. Барановъ пріѣзжалъ ходатайствовать объ освященіи церкви и назначеніи священника; прожилъ онъ около мѣсяца и, не успѣвъ, изъ Одессы уѣхалъ обратно домой. Нахожу необходимымъ остановиться и сказать, что имѣнье г-жи Барановой находится въ центрѣ мѣстности, гдѣ штунда свила себѣ теплое гнѣздо, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ м. Раскополя и Пасековой, гдѣ почти все населеніе штундисты.

¹⁾ Александръ Ивановичъ Бровковичъ род. въ Могилевской губ. въ 1827 г., сынъ сельскаго священника въ Сенненскомъ уѣздѣ; воспитаніе получилъ въ спб. духовной семинаріи (1847 г.), принялъ монашество въ 1850 г., постриженъ во имя Никанора; онъ былъ первый по выпуску магистръ изъ спб. духовной академіи 1851 г.

Ред.

Живя въ отставкѣ съ 1856 года постоянно въ имѣніи моемъ, я пользуюсь нѣкоторымъ авторитетомъ у крестьянъ, такъ какъ веду довольно большое хозяйство, работаю лично надъ всѣмъ, что касается его, и потому поневолѣ нахожусь въ постоянномъ общеніи съ сосѣдними селами; какъ почетный мировой судья, часто приходится мнѣ помогать имъ совѣтами и мирить крестьянъ между собою. Возвратившись какъ-то съ поля, это было, кажется, въ мартѣ слѣдующаго года, я засталъ ожидавшихъ меня трехъ крестьянъ.

— Что вамъ надо? Откуда вы?

Старшій изъ нихъ, поклонившись, сказалъ:

— „Мы изъ Златоустова-Поля, совѣтуйте, что намъ дѣлать? Этыхъ двухъ парней общество выпоролло,—имъ дали по 40 розогъ!“

— За что?

— „Посудите сами, началъ одинъ изъ парней,—у насъ нѣтъ ни церкви, ни попа, мы, какъ нехристи, не слышимъ службы Божьей, дѣтей крестить некому, умершихъ никто не поминаетъ, живемъ какъ идолы (соб. твенное выраженіе жалобщика), а вотъ этотъ господинъ (указалъ на старшаго) читаетъ намъ Св. Евангеліе, поетъ чудесно псалмы; вмѣсто того, чтобы идти въ шинокъ, какъ дѣлаютъ всѣ, мы пошли слушать изъ устъ его слово Божье! Сельскій староста собралъ громаду (сходъ), окружили его хату, насъ выволокли, сдѣлали приговоръ и тутъ-же дали по 40 розогъ“.

Я призадумался и сказалъ:

— Что-жъ, братцы, противъ приговора общества ничего не подѣлаешь! Вѣроятно, этотъ господинъ начетчикъ—учитель, а вы штундисты,—общество вѣрно разобрало дѣло и я въ пользу вашу ничего не подѣлаю; что-же касается освященія церкви и назначенія батюшки, я у архіерея похлопочу. Отправляйтесь съ Богомъ!

Они ушли.

Меня сильно волновало это происшествіе. За неимѣніемъ возможности молиться въ церкви и слушать слово Божье изъ устъ священника, переходятъ въ штунду жители того самаго Златоустова-Поля, гдѣ уже давно, давно отстроены всѣ службы для причта и прелестная церковь, стоявшая г-жѣ Барановой до 45,000 руб., та самая церковь, о которой хлопоталъ ея мужъ и не разрѣшено только потому, что секретарь консисторіи онъ уже покойникъ. De mortuis aut bene aut nihil!—находилъ, что, такъ какъ имѣніе заложено въ банкъ, то отрѣзка земли для причта не можетъ быть совершена до выкупа имѣнія, а до отрѣзки земли освящать церковь нельзя, и священника безъ земли для него нельзя-де назначить (имѣніе Златоустово-Поле стоитъ 25,000 р., залоговаго долгу было

до 10,000 р.). Я близко принялъ къ сердцу это дѣло,—дѣло борьбы штунды съ православіемъ, слишкомъ серьезное по могущимъ быть послѣдствіямъ,—и написалъ письмо Никанору, начавъ его словами: „Caveant Consules!“ и описавъ вышеприведенное происшествіе, кончилъ письмо такъ (черновое у меня хранится): „Въ центрѣ штунды выстроена церковь, два года уже хлопочетъ строитель объ освященіи ея и о назначеніи священника; посылаются миссіонеры въ отдаленныя языческія страны, а здѣсь, на вашихъ глазахъ, секретарь вашей консисторіи e tutti quanti ставятъ незаконныя преграды дѣлу православія, волки уносятъ овецъ изъ стада вашего, а вы, преосвященный, дремлете, опираясь на посохъ вашъ! Воспряньте, какъ пастырь добрый! Прикажите освятить церковь въ Златоустановомъ-Полѣ, назначьте служителей и будьте достойнымъ не словомъ единымъ, но и дѣломъ! — По дѣламъ бо воздастся вамъ! Прося пастырскаго благословенія вашего, остаюсь исполненный уваженія къ сану вашему“.

Получивъ такъ уснащенное письмо, что сдѣлалъ-бы другой? Человѣкъ особенный, ума высокаго, который умѣлъ не давать волю слабостямъ своимъ, незабвенный Никаноръ — смирился. Какъ онъ говорилъ послѣ, „надо было подтянуться“.

Скоро послѣ этого я получилъ отъ благочиннаго приглашеніе пожаловать на освященіе церкви въ Златоустановомъ-Полѣ. Тысячи собрались на этотъ праздникъ, и на обѣдѣ, который давалъ гостямъ управляющій г-жи Барановой, благочинный обратился ко мнѣ съ словами:

— „Преосвященный Никаноръ приказалъ пригласить васъ на настоящее торжество и сказать вамъ, что просьбу вашу старался, по возможности, скоро исполнить, за письмо благодарить, но совѣтуетъ быть сдержаннѣй и не судить черезчуръ строго человѣка, по обстоятельствамъ неповиннаго“

Я отвѣтилъ тостомъ о здравіи Никанора.

Прошелъ цѣлый почти годъ. Неожиданно пришлось мнѣ удивиться, что у этого, рѣдкаго по своимъ достоинствамъ, человѣка умъ управлялъ и заставлялъ молчать другія чувства. Какъ попечитель народной школы въ деревнѣ Каиры, гдѣ живу, всегда скорбѣлъ я, что Законъ Божій не могъ преподаваться учителемъ ея. Бывшій священникъ сосѣдняго м. Курисо-Покровскаго, за требамъ и занятіями по своей школѣ, отказался давать уроки въ Каирской школѣ, учителю-же нашему, окончившему курсъ въ учительской семинаріи, не смотря на ходатайство, по моей просьбѣ, губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя губернской управы,

Никаноръ не разрѣшалъ, какъ лицу вѣдомства не духовнаго, хотя и имѣлъ на то законное право. Дѣло было безвыходное. Ученики, оканчивающіе школу, лишались права льготы при отбываніи воинской повинности, родители ихъ упревали меня, какъ попечителя, въ неумѣннн уладить дѣла. Учитель хорошій, жалко было удалять его,—надо было дѣйствовать. Я рѣшился попробовать счастья и лично отправился къ Никанору. Было 3 часа дня. Звоню.

— „Преосвященный обѣдаетъ“, сказалъ мнѣ швейцаръ.

— Я подожду.

— „Послѣ обѣда будутъ отдыхать, они не совсѣмъ здоровы“.

— Возьмите мою карточку, сказалъ я, — отнесите преосвященному и скажите, что я изъ деревни; времени ждать не имѣю,—по особенно важному дѣлу.

Черезъ двѣ минуты я уже былъ въ гостиной.

— „Какое у васъ важное дѣло?“ спросилъ меня Никаноръ, благословивъ и смѣривъ меня глазами.

— Дѣло Каирской школы, которой я попечитель, в. пр., ученики не учатся закону Божью, не умѣютъ даже молиться.

— „Я-то при чемъ здѣсь?“

— Не разрѣшаете, ваше преосвященство!

— „Что вы говорите?“

— Правду, ваше преосвященство.

— „Какъ ваша фамилія?“

— Албрандъ, ваше преосвященство.

— „Нѣмецъ!“

— Нѣтъ, русскій, в. пр., хотя и происхожденіемъ французъ.

— „Да, помню, помню, вы волява, т. е. вы человекъ воинственный“.

— Такъ точно, в. пр., имѣлъ счастье просить, и просьбу мою исполнили; надѣюсь, что и теперь, в. пр., постояю за дѣло правое; какъ старый солдатъ, мнѣ отступать не приходится, особенно на войнѣ,—кротость и смиреніе отличительная черта лицъ духовныхъ.

— „Говорите дѣло!“

— Прошу, в. пр., разрѣшить учителю Каирской школы, Пегру Адамовичу Комарницкому, преподавать законъ Божій“.

— „Да онъ полякъ, Адамовичъ!“

— Нѣтъ, в. пр., православный и очень очень набожный хохоль.

— „Кто мнѣ поручится за его благонамѣренность“.

— Я!

— „Вашъ адресъ!“

Я подалъ карточку и откланялся.

На другой день на мою квартиру въ Одессѣ принесли изъ кон-

систеріи бумагу, въ которой было сказано: „Преосвященный Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій, благословилъ учителю Каирской школы Петру Адамовичу Комарницкому преподаваніе закона Божія“.

Не стану распространяться о томъ, какъ это случилось, что знакомство, начатое войною, кончилось полнымъ миромъ и самыми дружескими отношеніями, и теперь хранятся у меня дорогія письма покойнаго и сочиненія его, подаренныя мнѣ, съ надписями на нихъ, столь для меня (безгранично его уважавшаго) лестными, что я не привожу ихъ, боясь быть нескромнымъ. Много-ли есть дѣятелей, занимающихъ высокій постъ, которые выдержали-бы, признаюсь, самому мнѣ казавшееся черезчуръ воинственное (по необходимости) наступленіе человѣка, убѣжденнаго въ правотѣ своего требованія; много-ли нашлось такихъ, которые не сказали-бы: „прошу обратиться въ консисторію, а меня оставить въ покоѣ“. Никаноръ сознавалъ, что я былъ правъ, и перенесъ съ твердостью все, хотя лицо его, измѣняясь, показывало тѣ усилія, которыя онъ долженъ былъ дѣлать надъ собою. Да! Никаноръ былъ сердечный, иногда увлекающійся, но всегда готовый исполнить свой долгъ, какъ человѣкъ высоко преданный престолу и отечеству. Вѣчная память незамѣнному, честному русскому дѣятелю!

Николай Албрандъ.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ ЩЕРБИНА.

Автору „книги печалей“¹⁾.

Да! Призванья есть благія,—
И не даромъ, о, поэтъ,
Времена познавъ крутыя,
Свой несетъ тебѣ, Россія,
Благодарственный привѣтъ:—

Нась враги одолѣвали,
Нась скорбѣтъ не стало силъ,
Мы веселью чужды стали,
Издавъ ты свои „Печали“,—
И нась всѣхъ развеселилъ.

Членъ клуба Здраваго смысла.

10-го января 1856 г.
Спб.

Примѣчаніе. Этотъ экспромтъ, а также помѣщенный выше на стр. 762, — „Двойное горе“, — напечатаны въ изданномъ редакціею „Русской Старины“ Собраніи сочиненій Н. Ф. Щербины, Спб., 1873 г., 293 и 306.

О п е ч а т к и.

Перечитывая посмертныя записки П. Д. Шестакова о графѣ Д. А. Толстомъ, мы встрѣтили опечатку, а именно: „По воспоминаніямъ М. К. Чаито“ и т. д. (см. „Русск. Ст.“ 1891 г., т. LXIX, кн. II, стр. 390). Не М. К. Чаито, а Михаила Корніевича Чалаго.

Одинъ изъ почитателей М. К. Чалаго.

г. Кіевъ.

Въ моей замѣткѣ объ автобіографіи Костомарова („Русская Старина“ 1891 г., февраль) вкралась двѣ опечатки, которыя просимъ исправить: о Настасьѣ Яковлевнѣ Марченко (писавшей подъ инициалами Т. Ч.) напечатано „писавшій“.

Академикъ Тиммъ напечатанъ Тимме.

И. С. Ремезовъ.

¹⁾ Н. В. Сушковъ, собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ: „Книга печалей“, выпустилъ въ свѣтъ вскорѣ по взятіи Севастополя, когда распространились по Россіи всеобщее уныніе и печаль.

Н. Ф. Щербина.

Отдѣлъ Ѳ. М. Достоевскаго въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1890-го года, въ бытность нашу въ Москвѣ, при посѣщеніи „Императорскаго Россійскаго историческаго музея“, мы встрѣтили въ немъ Анну Григорьевну Достоевскую. Эта энергическая и просвѣщенная особа, сдѣлавшая столь много для упроченія и распространенія славы своего незабвеннаго супруга, великаго русскаго писателя Ѳ. Г. Достоевскаго, и не перестающая трудиться въ этомъ направленіи прекрасными изданіями его трудовъ, собираніемъ матеріаловъ къ его біографіи и пр., посвятила въ 1890 г. много дней на устройство въ помянутомъ музеѣ особаго собранія или отдѣла всего, что относится до творчества автора „Преступленіе и наказаніе“, „Записки изъ Мертваго дома“ и проч. и проч.

Начальство Музея въ Москвѣ оказало полнѣйшее вниманіе, сочувствіе и содѣйствіе Аннѣ Григорьевнѣ въ ея патріотическомъ дѣлѣ.

И вотъ 28-го января 1891 г. освященъ и открытъ для публики, въ десятую годовщину кончины Ѳ. М. Достоевскаго, особый отдѣлъ его имени—обширная комната въ одной изъ башенъ музея.

Коллекція памяти Ѳ. М. Достоевскаго, собранная съ рѣдкимъ тщаніемъ его вдовою Анною Григорьевною, расположена въ Музеѣ въ одной изъ боковыхъ комнатъ, прилежающихъ къ главному библиотечному залу. Въ этомъ залѣ помѣщены столы для приходящихъ заниматься въ библиотекѣ, кафедра бібліотекаря и громаднѣйшій комодъ для роскошныхъ изданій въ большой листъ и напокъ съ рисунками, гравюрами, портретами, картами и т. д. Комната, занимаемая коллекціей памяти Ѳ. М., представляетъ собою высокую 8-ми-гранную башню и выходитъ однимъ окномъ на Красную площадь, другимъ — къ Казанскому собору (на Никольской улицѣ).

Въ комнатѣ стоятъ: 4 витрины на шкафикахъ, книжный шкафъ, тумба съ стекляннымъ колпакомъ, письменный столъ и кресло къ нему. Книжный шкафъ и кресло представляютъ точную копию съ принадлежавшихъ Ф. М., письменный-же столъ подлинный: онъ стоялъ у Ф. М. въ кабинетѣ и за этимъ столомъ онъ писалъ „Дневникъ писателя“ и „Братья Карамазовы“. На двухъ стѣнахъ, направо и налѣво, тотчасъ при входѣ, висятъ двѣ громадныя глубокія рамы: въ нихъ висятъ подъ стекломъ: въ одной—портретъ Ф. М. живымъ, въ другой—усопшимъ. Оба портрета окружены вѣнками и декорированы лентами, снятыми съ тѣхъ многочисленныхъ вѣнковъ (до 80-ти), которые были принесены на гробъ и на могилу писателя. Почти всё онъ съ надписями; мы приведемъ здѣсь нѣкоторые:

- 1) „Любвеобильному поэту Ф. М. Достоевскому“.
- 2) „Блажени алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣи насытятся“.
- 3) „Истолкователю Пушкина“.
- 4) „Великому учителю—изъ сердца Россіи“.
- 5) „Страдалецъ, ты недавно жилъ,
Теперь—въ объятіяхъ могилы,
Ты все земное совершилъ,
Но не любимъ ты былъ судьбою!
Слезами путь свой оросилъ,
Страдалъ—и предался покою!“
- 6) „Заступнику меньшей братіи“.

На прочихъ стѣнахъ развѣшаны въ симметрическомъ порядкѣ портреты Ф. М., снятые въ разные годы его жизни, а также изображающіе его въ гробу, виды его могилы, памятника и т. п. На тумбѣ возвышается прекрасный бюстъ писателя, въ натуральную величину, работы художника Беренштама. Другой, такой-же величины, бюстъ, исполненный извѣстнымъ нашимъ скульпторомъ Лаврецкимъ, помѣщенъ въ нишѣ надъ входною дверью. Еще нѣсколько бюстовъ—желтыхъ, бѣлыхъ и бронзированныхъ—разставлены на верхнихъ полкахъ витринъ. Подъ стекляннымъ колпакомъ, на тумбѣ, лежитъ на черной бархатной подушкѣ, окруженная плющевымъ вѣнкомъ, гипсовая маска Ф. М., сдѣланная художникомъ Беренштамомъ. Изъ портретовъ особенно бросается въ глаза большой портретъ, висящій надъ книжнымъ шкафомъ. Онъ рисованъ черной манерой художникомъ Гусевымъ и поражаетъ своею живостью. Замѣчательны портреты Федора Михайловича,—гравюры, работы художниковъ Боброва и Дмитриева-Кавказскаго. Имѣются фотографіи, литографіи, фотогравюры, акварели, геліотипы, портреты на стеклѣ и фарфорѣ. Въ коллекціи насчитывается около 100 портретовъ съ

Ө. М. живаго и болѣе 38—съ усопшаго. Въ одной изъ витринъ выложены подъ стекломъ нѣсколько предметовъ, принадлежавшихъ покойному Өдору Михайловичу, а именно: перо, которымъ были написаны „Дневникъ“ и романъ „Братья Карамазовы“, портсигаръ Ө. М., его колокольчикъ и пр., а также нѣкоторыя вещи, принадлежавшія его матери и которыми Өедоръ Михайловичъ очень дорожилъ. Въ слѣдующей витринѣ хранится подъ стекломъ, въ отдѣльныхъ папкахъ, полный экземпляръ рукописи романа „Братья Карамазовы“ (двѣ части) и рукопись „Дневникъ писателя“, 1881 г., январь—последнее, что было написано покойнымъ.

Въ дальнѣйшихъ витринахъ, въ черныхъ съ золотомъ папкахъ, лежатъ:

1) Документы о прохожденіи службы и официальные бумаги Ө. М. Достоевскаго (приказы о принятіи на службу, о переводѣ, отставкѣ, патентъ на чинъ прапорщика, дипломъ императорской академіи наукъ, при избраніи Ө. М. въ члены-корреспонденты) и пр., и пр.

2) Проекты памятника на могилѣ Ө. М. Достоевскаго.

3) Рисунки къ сочиненіямъ Ө. М. Достоевскаго.

4) Портреты Ө. М., его родныхъ, друзей и современниковъ, имѣвшихъ значеніе въ его жизни.

Здѣсь встрѣчается много интересныхъ портретовъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ, дарившихъ Өдору Михайловичу свои портреты въ разное время его жизни. Есть рѣдкіе портреты Тотлебена, Некрасова, Герцена, Майкова, Колонскаго, Плещеева и пр.

Въ одной изъ папокъ хранятся виды мѣстностей, имѣвшихъ какое-либо значеніе въ жизни покойнаго (фотографіи инженернаго училища, церкви Св. Троицы, принадлежавшаго Ө. М. дома въ Старой Руссѣ и пр.), а также снимки съ картинъ и произведеній искусствъ, особенно цѣнныхъ Өедоромъ Михайловичемъ. Тамъ-же хранятся ноты, посвященныя памяти покойнаго.

Въ особомъ несгораемомъ ящикѣ находятся черновыя тетради, въ которыхъ Ө. М. записывалъ планы своихъ романовъ, небольшіе отрывки и сцены, свои впечатлѣнія. Тетрадей всего 15, по двѣ и по три на каждый романъ. Содержаніе тетрадей чрезвычайно интересно, такъ какъ изъ нихъ ясно виденъ постепенный ходъ творчества, а также какія идеи Ө. М. хотѣлъ выразить въ каждомъ изъ своихъ произведеній. До времени, эти тетради не будутъ доступны разсмотрѣнію публики.

Впослѣдствіи предполагается передать въ музей большое собраніе писемъ Өедора Михайловича къ разнымъ лицамъ, а равно

переписку съ нимъ выдающихся лицъ его времени. Въ этомъ отдѣлѣ интересны и характерны письма отъ лицъ Федору Михайловичу неизвѣстныхъ, писавшихъ ему во время изданія имъ „Дневника писателя“, 1876 и 1877 гг. Ихъ нѣсколько сотъ. Письма эти живо рисуютъ настроеніе нашего общества въ періодъ послѣдней Восточной войны.

Надъ витринами устроено помѣщеніе для книгъ, и здѣсь расположены сочиненія Ф. М., въ переводѣ на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, датскій, финскій, шведскій, норвежскій, итальянскій, польскій, сербскій, болгарскій, венгерскій, чешскій, хорватскій и греческій. Въ книжномъ шкафу собраны всѣ произведенія Ф. М. въ отдѣльныхъ изданіяхъ, всѣ №№ журналовъ, гдѣ помѣщены его труды, всѣ „Полныя собранія“ его сочиненій, всѣ альманахи и сборники, въ которыхъ были помѣщены тѣ или другія изъ его сочиненій. Между этими литературными сборниками—многіе стали уже библиографическою рѣдкостью, какъ напр. альманахъ, затѣянный Некрасовымъ и официально никогда не выходившій въ свѣтъ.

Здѣсь-же собраны всѣ критическіе отзывы о трудахъ Ф. М., какіе только появлялись на всевозможныхъ языкахъ, всѣ біографическіе очерки, воспоминанія и рассказы о немъ. Словомъ, здѣсь собрано все необходимое для того, чтобы воскресить въ памяти личность нашего знаменитаго писателя и произвести полную оцѣнку его заслугъ.

Въ настоящее время имѣется каталогъ всего, что собрано въ „Отдѣлъ Ф. М. Достоевскаго“,—каталогъ, составленный по карточной системѣ. Когда вся коллекція будетъ устроена, предполагается издать печатный каталогъ съ портретами и рисунками, по образцу каталога Лермонтовскаго музея въ Петербургѣ.

Ред.

ТРИДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

• 1861 $\frac{19\text{-е}}{\text{февраля}}$ 1891¹⁾.

Въ день тридцатой годовщины великаго акта освобожденія крестьянъ, небольшая группа остающихся на лицо членовъ Редакціонныхъ комиссій, вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами, принимавшими или и понынѣ принимающими непосредственное участіе въ трудахъ по устройству крестьянъ, собралась на обычный, въ этотъ день, ежегодный обѣдъ и дружескую бесѣду.

Въ обѣдѣ приняли участіе: Д. Г. Анучинъ, В. А. Арцимовичъ, Ѳ. Л. Барыковъ, Н. Н. Биппенъ, Н. Х. Бунге, Я. Г. Есиповичъ, Н. Н. Колошинъ, Ѳ. П. Корниловъ, А. Н. Куломзинъ, Е. И. Ламанскій, П. Ѳ. Лиліенфельдъ, В. М. Маркусъ, С. А. Мордвиновъ, А. А. Рихтеръ, Н. П. Семеновъ, П. П. Семеновъ, М. И. Семевскій, Н. И. Стояновскій, А. Д. Шумахеръ, П. А. Шульцъ, Н. П. Щепкинъ, и приглашенные — въ качествѣ гостей — Ю. Н. Милютинъ и А. И. Скребидцкій²⁾.

Бесѣда была самая оживленная; особенно интересны были воспоминанія—П. А. Шульца и Н. Н. Колошина о разныхъ эпизодахъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., XLI, стр. 669—734; изд. 1885 г. т. XLV, стр. 757—758; изд. 1886 г., т. XLIX, стр. 760—765; изд. 1887 г. т. LIV, стр. 180; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 659 — 666; изд. 1890 г., т. LXV стр. 873—880.

²⁾ Въ обѣдѣ 19-го февраля 1891 г. не приняли участія — К. К. Грот за отсутствіемъ изъ Россіи, баронъ Менгденъ, А. Н. Нератовъ и Л. Ѳ. Тухолка—по случаю нездоровья. П. Е. Татаринъ — живущій на Кавказѣ, въ Сухумѣ.

сопровождавшихъ дѣятельность славной памяти Редакціонныхъ комиссій.

Н. Х. Бунге провозгласилъ рядъ нижеслѣдующихъ, традиціонныхъ въ сей день, тостовъ:

I. Здоровье Государя Императора — тостъ, покрытый восторженными кликами ура!

II. Въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы покойнаго Государя Императора Александра Николаевича—тостъ, принятый въ благоговѣнномъ молчаніи.

III. За великое дѣло 19-го февраля 1861 года.

IV и V. За всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы. Этотъ тостъ, какъ и въ прежніе годы, сопровождается былъ особымъ тостомъ за здоровье вел. кн. Константина Николаевича, ближайшаго помощника Царя-Освободителя въ величайшемъ подвигѣ славнаго царствованія.

Вслѣдъ за этимъ тостомъ, выражая всеобщее желаніе, Н. Х. Бунге отправилъ слѣдующую телеграмму въ городъ Павловскъ е. и. в великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ:

— „Считаемъ долгомъ почтительнѣйше доложить Вашему Императорскому Высочеству, что участники въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, празднуя этотъ день, пьютъ за здоровье августѣйшаго сотрудника Императора Александра II—Его Императорскаго Высочества великаго князя Константина Николаевича и молятъ Бога о возстановленіи его силъ. Отъ лица 23 участниковъ — Н. Бунге“.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму Н. Х. Бунге былъ осчастливленъ полученіемъ отъ Ея Императорскаго Высочества великой княгини Александры Іосифовны, въ тотъ-же день, нижеслѣдующей телеграммы:

— „Отъ имени моего Великаго Князя выражаю вамъ и всѣмъ его сотрудникамъ глубочайшую Его благодарность. Онъ съ самаго утра былъ взволнованъ воспоминаніями объ этомъ торжественномъ днѣ. Ваша телеграмма искренно Его тронула и видимо порадовала. Примите и мой сердечный привѣтъ. Александра“.

Обѣдъ 19-го февраля, соединяя давнихъ сотоварищей по великому труду—каждый годъ сопровождается поминкою о томъ или другомъ изъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій 1861-го года, бывшимъ изъ строя.

Въ истекшемъ году сошелъ въ могилу Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ—нѣкогда членъ Редакціонныхъ комиссій.

Память этого государственнаго дѣятеля была почтена слѣдующею рѣчью Н. Х. Бунге:

„Петръ Петровичъ Семеновъ можетъ лучше меня рассказать объ участіи Михаила Христофоровича въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Поэтому я ограничусь общою характеристикою усопшаго—какъ человѣка и государственнаго дѣятеля.

„Михаилъ Христофоровичъ принадлежалъ къ рѣдкимъ людямъ, у которыхъ то, что на умѣ—и на языкѣ, и на дѣлѣ. Только въ одномъ отношеніи онъ казался не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ: холодный и суровый съ виду, онъ былъ глубоко человѣченъ и чувствителенъ.—Человѣчность его хорошо помнятъ его подчиненные; его чувствительность, особенно въ послѣдніе годы его жизни, доходила до того, что ему было тяжело слышать о чужомъ страданіи. Равнодушный къ сужденію о немъ лица, для него посторонняго, онъ былъ чувствителенъ къ отзывамъ человѣка для него близкаго.

„Одинъ изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ дѣятелей двухъ царствованій—минувшаго и настоящаго—сказалъ мнѣ однажды о Михаилѣ Христофоровичѣ:

— „Это человѣкъ—здравомысліе котораго доходитъ до геніальности“. Вѣрнѣе нельзя было очертить природу ума и государственной дѣятельности покойнаго.

„Всѣ его преемники по министерству финансовъ высоко цѣнили его совѣты и мнѣнія. Въ направленіи финансовой политики онъ строго держался требованій жизни, избѣгалъ крайностей и настойчивымъ трудомъ достигъ крупныхъ результатовъ. Не его вина, если послѣ него наступили тяжелые финансовые годы.

„Въ заключеніе не могу не припомнить, что въ началѣ 1880-хъ годовъ Михаилъ Христофоровичъ принялъ участіе въ слѣдующихъ мѣрахъ, касавшихся крестьянъ:

„Онъ былъ предсѣдателемъ особаго совѣщанія, которому было поручено обсудить способъ упраздненія подушной подати; — онъ явился въ Государственномъ Совѣтѣ убѣжденнымъ защитникомъ проекта крестьянскаго банка и тѣмъ много способствовалъ его осуществленію.

„Миръ праху его!“

Петръ Петровичъ Семеновъ¹⁾ отозвался на приглашеніе Н. Х. Бунге—слѣдующимъ словомъ:

¹⁾ Петръ Петровичъ Семеновъ (род. 2-го января 1827 г.), магистръ сиб. университета (1850 г.), нынѣ сенаторъ и вице-предсѣдатель Император-

„Николай Христіановичъ предоставилъ мнѣ выяснить передъ нашимъ собраніемъ характеръ дѣятельности покойнаго Михаила Христофоровича Рейтерна въ Редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу и вообще отношенія его къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ.

„Нѣкоторымъ присутствующимъ памятно, что покойный Государь Императоръ, послѣ смерти Якова Ивановича Ростовцева возлагая предсѣдательство въ Редакціонныхъ комиссіяхъ на графа Панина, поставилъ ему непремѣннымъ условіемъ, чтобы не было никакихъ перемѣнъ въ личномъ составѣ комиссій. Единственное исключеніе изъ этого было сдѣлано самимъ государемъ, въ маѣ 1860 года, для Михаила Христофоровича Рейтерна. Онъ былъ принятъ въ Редакціонныя комиссіи, уже къ концу ихъ дѣятельности, можно сказать, по особымъ соображеніямъ.

„Въ это время противъ всѣхъ работъ комиссій въ кружкахъ, относившихся враждебно къ дѣлу освобожденія крестьянъ, оппозиція противъ этого дѣла выражалась не въ составленіи какого-бы то ни было контръ-проекта, который никогда и составленъ не былъ, но въ усиліяхъ доказать, что та или другая часть проекта Положенія 19-го февраля совершенно неосуществима на практикѣ. Такъ, на примѣръ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, министръ государственныхъ имуществъ и въ то время горячій противникъ Редакціонныхъ комиссій, между прочимъ утверждалъ, что проектъ выработанныхъ ими Положеній, требующій разграниченія крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, не можетъ быть осуществленъ за неимѣніемъ и недостаточностью межевыхъ средствъ. Но самымъ сильнымъ нападкамъ изъ всѣхъ предположеній Редакціонныхъ комиссій подвергался проектъ выкупной операціи, на осуществленіе которой, по мнѣнію оппонентовъ, не имѣлось никакихъ средствъ. Въ той части литературы, которая относилась сочувственно къ выкупу, указывались, однако, нѣкоторыя средства къ осуществленію громадной операціи выкупа. Многимъ изъ присутствующихъ памятна надѣлавшая въ свое время много шума и встрѣтившая большія возраженія статья покойнаго Кокорева: „Милліардъ въ туманѣ“,—статья, въ которой было много недодуманнаго и неяснаго для самого составителя. Среди Редакціонныхъ комиссій ощущалась необходимость поставить

скаго русскаго географическаго общества, какъ извѣстно, былъ членъ, заведывавшій дѣлами Редакціонныхъ комиссій (1859—1860 гг.). „Альбомъ Редакціонной Комиссіи по крестьянскому дѣлу“; „Знакомые“, томъ V“.

Ред.

вопросъ о выкупѣ на практическую почву. Необходимо было вывести потребовавшийся дѣйствительно миллиардъ изъ тумана, разрѣшить такую задачу, которая представлялась въ то время квадратурой круга. Вотъ на это-то дѣло и былъ вызванъ такой практической умъ, въ которомъ, какъ, совершенно справедливо выразился Николай Христіановичъ, „здравый смыслъ доходилъ почти до геніальности“. Рейтерну поставленъ былъ вопросъ, могъ-ли бы онъ взяться, и въ какомъ видѣ, за осуществленіе выкупнаго проекта, который уже былъ выработанъ до него въ Редакціонныхъ комиссіяхъ. Поставленъ былъ ему этотъ вопросъ потому, что его имѣли въ виду призвать на высокой отвѣтственный постъ министра финансовъ, на который онъ былъ рекомендованъ покойному государю съ двухъ сторонъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго: съ одной стороны—великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, которому на Рейтерна, какъ могущаго, въ качествѣ министра финансовъ, осуществить выкупное дѣло, указывали А. В. Головинъ и Н. А. Милютинъ, съ другой—и по причинамъ, мнѣ совершенно неизвѣстнымъ, — канцлеръ Нессельроде, который имѣлъ, и какъ оказалось вполне справедливо, весьма высокое понятіе о нравственныхъ качествахъ и способностяхъ Михаила Христофоровича.

„Рейтернъ очень скоро сошелся съ членами финансоваго отдѣленія Редакціонныхъ комиссій и нашелъ выработанный здѣсь проектъ вполне осуществимымъ съ нѣкоторыми лишь измѣненіями и дополненіями, указанными ему его практическимъ здравымъ смысломъ. Въ настоящую минуту мнѣ, конечно, трудно было бы сказать, въ чемъ именно состояли эти измѣненія, но я ясно помню, что Андрей Парѣновичъ Заблоцкій, которому принадлежала окончательная редакція проекта о выкупѣ, отсылая свои корректуры въ типографію, говорилъ одному изъ своихъ сотрудниковъ (Н. П. Щепкину), что корректуры эти вернутся еще съ значительными измѣненіями и придется сдѣлать въ нихъ немало поправокъ по замѣчаніямъ Михаила Христофоровича Рейтерна.

„Наконецъ, проектъ выкупа принялъ такой видъ, при которомъ Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ съ свойственною ему положительностью и рѣшительностью высказалъ въ средѣ нашей, что онъ можетъ взяться осуществить на дѣлѣ этотъ проектъ.

„Когда кончились занятія Редакціонныхъ комиссій, то назначеніе Рейтерна министромъ финансовъ задержалось различными обстоятельствами, но въ январѣ 1862 г. на Рейтерна возложено управленіе министерствомъ финансовъ и въ томъ же году, 6-го декабря, онъ назначенъ министромъ финансовъ, т. е. за нѣсколько

мѣсяцевъ до наступленія срока окончательнаго введенія уставныхъ грамотъ, съ котораго и началась выкупная операція. И вотъ съ 1862 года мы видимъ его уже на высокомъ посту министра финансовъ, заносящимъ дѣятельно миллиарды въ туманѣ въ ту государственную роспись, которая лишь по его энергическому почину сдѣлалась предметомъ гласнаго и всеобщаго обсужденія, такъ какъ онъ первый ее обнародовалъ.

„Вотъ великая заслуга Михаила Христофоровича Рейтерна по крестьянскому дѣлу; вотъ то, что даетъ ему право на безпредѣльную признательность всѣхъ тѣхъ, кому дорого великое дѣло освобожденія крестьянъ въ Россіи“...

Рѣчи Н. Х. Бунге и П. П. Семенова были выслушаны собраніемъ съ самымъ сочувственнымъ и глубокимъ вниманіемъ.

Затѣмъ предсѣдатель провозгласилъ еще слѣдующіе тосты:

VI. Въ память умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ, и

VII. За благоденствіе Россіи—тостъ, восторженно принятый съ кликами ура!

За симъ была прочтена привѣтственная телеграмма отъ К. К. Грота, на которую присутствовавшіе на обѣдѣ послали немедленно отвѣтъ.

В. А. Арцимовичъ провозгласилъ тостъ за здоровье Н. Х. Бунге.

Послѣ тостовъ, П. П. Семеновъ попросилъ слова; вотъ его рѣчь:

„Сегодня минуло тридцать лѣтъ съ того незабвеннаго дня, когда во всѣхъ церквахъ Россіи народъ русскій „осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ“, призвалъ благословеніе Божіе на свой свободный трудъ.

„Тридцать лѣтъ въ жизни каждаго человѣка достаточно длинный періодъ; въ тридцать лѣтъ человѣкъ изъ колыбели переходитъ къ возрасту вполне возмужалому, но въ жизни народа тридцать лѣтъ сравнительно короткій промежутокъ. Вліяніе такой великой реформы, каково было освобожденіе крестьянъ, можетъ измѣряться немногими десятками лѣтъ, но, однако-же, и за тридцать лѣтъ интересно подвести итоги о томъ, что далъ для Россіи свободный трудъ въ теченіе этого еще непродолжительнаго періода.

„Всѣмъ намъ памятно, какую мрачную картину рисовали защитники крѣпостнаго права о томъ, что предстоитъ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ. Говорилось въ то время, что земледѣльческая наша промышленность придетъ въ совершенный упадокъ, что

помѣщицье хозяйство останется безъ работниковъ, что обширныя пространства земли останутся не воздѣланными, вывозъ хлѣба за границу сократится, освобожденные крестьяне, не руководимые помѣщиками, не сдумѣютъ устроить своихъ собственныхъ хозяйствъ,—однимъ словомъ, что Россія пойдетъ быстрыми шагами къ своему ослабленію и раззоренію.

„Между тѣмъ, посмотримъ, что являетъ намъ Россія въ 1891 г. по сравненію съ 1861 годомъ, въ отношеніи къ различнымъ элементамъ своихъ производительныхъ силъ.

„Народонаселеніе Россіи почти удвоилось съ 1859 года. Это тѣмъ болѣе поразительно, что, какъ извѣстно по ревизіямъ текущаго столѣтія, до освобожденія крестьянъ, крѣпостное населеніе не увеличивалось, въ то время, какъ увеличивалось число государственныхъ крестьянъ; такъ, по 6-й, 7-й, 8-й, 9-й ревизіи крѣпостное населеніе пребывало приблизительно въ однѣхъ и тѣхъ-же цифрахъ, между тѣмъ, какъ со времени освобожденія, ростъ бывшаго крѣпостнаго населенія представляетъ замѣчательное явленіе. Одновременно съ этимъ, ростъ городского населенія принялъ небывалые размѣры; изъ провинціальныхъ городовъ Россіи, одна Одесса и Варшава имѣли до 19-го февраля 1861 года около 100,000 жителей въ каждомъ изъ этихъ городовъ, между тѣмъ, какъ теперь, не только эти города, но Казань, Саратовъ, Харьковъ, Кишиневъ, Кіевъ, Рига, Вильна, Тифлисъ, по количеству населенія перешли за 100,000, тогда какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ предъ тѣмъ большинство этихъ городовъ не имѣло и 50,000 душъ населенія.

„Очевидно, что для прокормленія двойнаго количества населенія необходимо и двойное количество хлѣба; отсюда понятно, что производительность хлѣба увеличилась вдвое и нашъ заграничный вывозъ хлѣба увеличился въ еще болѣе степеніи. Количество пахатныхъ земель, конечно далеко не могло увеличиться въ той пропорціи, какъ хлѣбное производство, потому что земли взять не откуда, но достовѣрно то, что во всѣхъ, въ особенности степныхъ губерніяхъ, мало населенныхъ, пахатныя пространства увеличились въ очень большой пропорціи, а уменьшилось пространство пахотныхъ земель лишь въ одной Московской и отчасти Владимирской губерніяхъ, т. е. именно тамъ, гдѣ необыкновенное развитіе промышленности дѣлаетъ земледѣльческія занятія невыгодными для населенія.

„Переходя къ фабричной и заводской промышленности, мы отмѣтимъ тотъ фактъ, что она удесятерилась между прочимъ и

вслѣдствіе того, что потребителемъ фабричныхъ произведеній до 1861 года былъ одинъ лишь образованный классъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время потребителемъ произведеній фабрикъ и заводовъ на Руси являются милліоны освобожденнаго народа.

„Переходя къ финансовому положенію государства, видимъ, что правительственные доходы не превышали въ средней сложности за тридцатилѣтіе, предшествовавшее освобожденію крестьянъ, 200 милліоновъ, между тѣмъ какъ нынѣ они составляютъ свыше 800.000.000, слѣдовательно доходы государства увеличились въ четыре раза.

„Всѣмъ извѣстно, что главнымъ плательщикомъ государственныхъ доходовъ является въ Россіи сельское населеніе. Если принять въ соображеніе громадныя капиталы, затраченный крестьянами въ послѣднія тридцать лѣтъ на улучшеніе своего быта, напр., на свои постройки, которыя всѣ отстроены крестьянами уже послѣ 1861-го года на свои собственные средства, такъ какъ прежнія постройки уже всѣ изжились или сгорѣли, — то одно возведеніе этихъ изжившихся и сгорѣвшихъ построекъ, по приблизительному разсчету, обошлось сельскому населенію Россіи не менѣе двухъ милліардовъ рублей.

„Переходя къ росту Россіи въ духовномъ отношеніи за послѣднее тридцатилѣтіе, мы видимъ, что грамотность увеличилась не менѣе, чѣмъ въ четыре раза. До освобожденія крестьянъ едва ли можно было насчитать болѣе 5 милліоновъ грамотныхъ въ Россіи. Теперь на Руси читаютъ и пишутъ значительно болѣе 20 милліоновъ.

„Освобожденіе крестьянъ вызвало за собой цѣлый рядъ реформъ, совершенно обновившихъ духовную жизнь Россіи, — реформъ, о которыхъ я здѣсь не буду распространяться: онѣ вамъ хорошо вѣдомы. Всѣмъ извѣстно, что армія есть непосредственное произведеніе народныхъ массъ. Намъ предсказывали въ 1861-мъ году, что съ упраздненіемъ крѣпостнаго права боевая сила Россіи придетъ въ упадокъ и, между тѣмъ, чѣмъ является передъ нами армія свободнаго русскаго народа? Вспомнимъ 1876 — 1878 года, когда она явилась на борьбу не съ одною Турціей, но съ мощной Англіей, турецкими руками боровшейся съ Россіей, между тѣмъ какъ у насъ въ тылу стояла Австрія, готовая при полной нашей неудачѣ обратиться противъ насъ. И что-же? русская армія не только доблестно исполнила свое дѣло, но и нѣсколькими блестящими побѣдами завоевала подъ Царьградомъ С.-Стефанскій договоръ между тѣмъ какъ доблестная армія крѣпостной Россіи только легла костями подъ дымящимися развалинами Севастополя.

„Въ области наукъ и искусствъ въ разсматриваемый періодъ Россія сдѣлала необычайные шаги. Я помню то время, когда въ началѣ 1850-хъ годовъ, во время пребыванія моего въ берлинскомъ университетѣ, иностранцы, нерѣдко отдавая справедливость способностямъ и разностороннему образованію немногихъ русскихъ, учившихся за границей, съ удивленіемъ спрашивали, почему всѣ эти силы и дарованія, въ предѣлахъ собственнаго отечества, не производятъ въ сферѣ наукъ ничего выдающагося? И, дѣйствительно, нельзя было не сознаться, что силы эти въ предѣлахъ Россіи, по отношенію къ наукѣ, дѣлались въ то время почти нулевыми. Между тѣмъ, за истекшій тридцатилѣтній періодъ наука въ Россіи сдѣлала такіе успѣхи, что получила полное и всеми признанное право гражданства во всемъ образованномъ мірѣ.

„Тоже самое мы видимъ и въ области искусства. Въ то время, когда не далѣе еще какъ въ 1840-хъ годахъ лучшіе наши художники, подобно Брюлову и другимъ, не только представляли единичныя явленія, но являлись только яркимъ отблескомъ школъ иностранныхъ, а самобытной русской школы не существовало, — мы видимъ теперь съ каждымъ годомъ, что въ теченіи послѣдняго тридцатилѣтія русскіе художники пошли вполне самостоятельнымъ путемъ и создали дѣйствительно самобытную русскую школу.

„Въ области литературы произведенія также русскихъ художниковъ являются настолько оригинальными, что весь міръ является потребителемъ произведеній такихъ писателей, какъ Достоевскій, графъ Левъ Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій и многихъ другихъ — не только такихъ первоклассныхъ русскихъ писателей, каковы названные нами, но потребителемъ произведеній и второстепенныхъ, безспорно однако талантливыхъ, нашихъ-же писателей.

„Обращаясь къ прошлому и сравнивая Россію двухъ разныхъ эпохъ, нельзя не замѣтить, что между Россіей, какою оставилъ своему преемнику императоръ Александръ I, и Россіей, принятой отъ императора Николая императоромъ Александромъ II, не смотря на то, что въ періодъ времени отъ 1825-го по 1855-й годъ во главѣ нашего Отечества стоялъ столь могучій и съ твердой волей государь, какимъ былъ императоръ Николай I, стремившійся, какъ и Александръ II, ко благу и величію своего государства, нѣтъ такой разницы, которая бы свидѣтельствовала о сколько-нибудь значительномъ ея успѣхѣ въ теченіи тридцатилѣтія предшествующаго нами разсматриваемому періоду; напротивъ, Россія послѣ севастопольской войны, т. е. 1855-го года, не представляетъ поразительнаго

различія съ Россіей 1825-го года, т. е. въ эпоху воцаренія императора Николая, между тѣмъ какъ различіе между Россіей 1861-го и 1891-го годовъ поистинѣ поразительно!

„Въ чемъ же кроется причина этого различія?

„Не въ томъ-ли, что всѣ усилія обладавшаго желѣзной волей государя Николая I разбивались объ одну непреодолимую преграду, которая была не что другое, какъ крѣпостное право; между тѣмъ какъ послѣднее тридцатилѣтіе начинается великимъ актомъ 19-го февраля 1861 г.

Не потому-ли дорогой для насъ день, тридцатую годовщину котораго мы нынѣ празднуемъ, изъ вѣка въ вѣкъ будетъ помнить и чтить, вмѣстѣ съ памятью о великомъ Государѣ-Освободителѣ, весь народъ русскій“.

Послѣ рѣчи П. П. Семенова, выслушанной съ полнымъ сочувствіемъ, М. И. Семеvскій — напомнивъ присутствующимъ, что въ сегодняшнему дню — изъ 29 лицъ, принимавшихъ участіе въ трудахъ славной памяти Редакціонныхъ Комиссій въ качествѣ членовъ оныхъ—остається въ живыхъ лишь восемь человекъ ¹⁾, что настало уже время для исторіи великаго дѣла освобожденія крестьянъ и въ виду выхода въ свѣтъ на дняхъ первой части третьяго тома труда Н. П. Семенова, каковой трудъ составляетъ важный источникъ для помянутой исторіи ²⁾, — привелъ свѣдѣнія о томъ—въ какомъ, вполне хорошемъ, состояніи находится архивъ Редакціонныхъ Комиссій, Секретнаго и Главнаго Комитетовъ по крестьянскому дѣлу (1857—1861 гг.), — свѣдѣнія, напечатанныя въ февральской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1891 г. (томъ LXIX, стр. 491—500) ³⁾.

Собраніе разошлось въ половинѣ десятаго вечера.

Ред.

¹⁾ В. В. Апраксинъ, Н. X. Бунге, А. А. Грабянка, Е. И. Ламанскій, князь Ѳ. И. Паскевичъ, Н. П. Семеновъ, П. П. Семеновъ и гр. П. П. Шуваловъ.

²⁾ „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“, Спб., въ б. 8 д., изданіе, первый томъ котораго вышелъ въ 1889 г., второй—въ 1890 г., а первая часть послѣдняго, третьяго, тома вышла теперь. Все изданіе напечатано ижживеніемъ М. Е. Комарова.

³⁾ Архивъ этотъ, въ 1880—1882 годахъ приведенный въ полный порядокъ и весь переплетенный въ 254 весьма объемистыхъ тома, находится нынѣ въ зданіи Архива Государственнаго Совѣта, на Большой Милліонной улицѣ, въ Спб.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1891 г

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

Я Н В А Р Ъ, Ф Е В Р А Л Ъ, М А Р Т Ъ.

Записки и Воспоминанія.

	СТРАН.
I. Записки ген.-маіора Николая Васильевича Вохина, род. 1790 г., † 1853 г.	547—566
II. Записки профессора-ректора императорской академіи художествъ Оедора Ивановича Гор- дана 1800—1883 гг. Главы I—IV	601 — 634
III. Польское возстаніе 1830—1831 гг. Записки Мохнадваго. Гл. VI—VII	281—302, 537—546
IV. Фельдмаршалъ графъ И. И. Дибичъ-Забал- канскій въ его предсмертныхъ воспомина- ніяхъ, 1830 г. Записаны барономъ Тизен- гаузенемъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	511—536
V. Россія и русскій дворъ въ 1839 г. Записки французскаго путешественника Кюстина. Перевелъ К. Плавинскій. Сообщ. Н. К. Шильдеръ	145—184, 407—420
VI. Россія и русскій дворъ въ 1839 г. Записки нѣмецкаго путешественника Гагерна. Перев. и сообщ. въ 1886 г. Н. К. Шильдеръ	1—38

- VII. Дворянскій полкъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его воспитанниковъ, 2-го сентября 1848 г. Сообщ. Н. Г. П—въ. 677—698
- VIII. Воспоминанія М. И. Венюкова, 1852—1854 гг., въ Петербургѣ 127—144
- IX. Посмертныя записки Николая Васильевича Берга, род. 24-го марта 1823 г., † 16-го июня 1884 г. Главы III—VI . 229—279, 579—600
- X. Воспоминанія мирового посредника перваго призыва, Н. К. Пономарева, 1861—1863 гг. 303—328
- XI. Записки ген.-лейт. Дмитрія Григорьевича Колокольцова, бывшаго офицера л.-гв. Преображенскаго полка 635—674
- XII. Дневникъ Александра Васильевича Никитенко, 1861—1863 гг. 39—104, 329—386, 701—761
- XIII. Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, какъ министръ народнаго просвѣщенія. Посмертныя записки бывшаго попечителя казанскаго учебнаго округа, Петра Дмитриевича Шестакова, 1866—1880 гг. Гл. I—II. 387—405 и 776

Исслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. —
Разказы, матеріалы и замѣтки.

	СТРАП.
I. Князь Ромодановскій и князь Меншиковъ, 1709 г. Сообщ. Д. П. Струковъ.	126
II. Къ исторіи Остромирова Евангелія. Замѣтка. Сообщ. гр. Ник. Степ. Ланской	209—213
III. Аѳанасій Савеловъ и гр. Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ. Замѣтка. Сообщ. Л. М. Савеловъ.	490
IV. Дмитрій Васильевичъ Ломоносовъ, братъ Мих. Вас. Ломоносова. Сообщ. В. А. Альфонскій	219—220
V. Усть-Сысольская старипа. Разбойники. Сообщ. Ф. А. Арсеньевъ	214—218
VI. Леонтій Яковлевичъ Неклюдовъ, сподвижникъ Суворова. Сообщ. К. Ганъ	223—225

VII.	Бородино и Москва въ 1839 г., записка витебскаго, могилевскаго и смоленскаго генераль-губернатора князя Голицына. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	105—110
VIII.	Дворянскій полкъ въ 1840-хъ гг. Посвящается товарищамъ въ день 84-й годовщины учрежденія полка, 14 марта 1891 г. Сообщ. А. М. Миклашевскій	111—125
IX.	Дѣло 22-го мая 1854 г. подъ Силистріей. Изъ воспоминаній ген.-лейт. Всеволода Порфиревича Коховскаго	698—700
X.	Изъ эпохи освобожденія крестьянъ. Разсказъ ген.-лейт. М. Л. Дубельта, 1861 г.	469—474
XI.	Къ исторіи освобожденія крестьянъ. Архивъ Редакціонныхъ Комиссій и Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, 1857—1861 гг. Записка, составленная въ 1883 году Мих. Ив. Семевскимъ	491—500
XII.	Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Могила героя. Сообщ. Михаилъ Богаевскій	467—468
XIII.	Дмитрій Дмитріевичъ Нееловъ. Біографическій очеркъ, 1819—1890. Сообщ. В. И. Вешняковъ.	421—430
XIV.	Изъ жизни Никанора Бровковича, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. Сообщ. Ник. Албрандъ	771—775
XV.	Андрей Михайловичъ Фадѣевъ и его архивъ. Сообщ. Надежда Фадѣева	227
XVI.	Князь Ѳедоръ Алексѣевичъ Куракинъ, почетный членъ археологическаго института. Ред.	466—467
XVII.	Сенаторъ Александръ Даниловичъ Шумахеръ. Полувѣковой юбилей государственной службы, 1841 г.—января 4-го—1891 г.	228 и 475—482
XVIII.	Его Императорское Высочество князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій, † 25-го декабря 1890 г.	762—770
XIX.	Тридцатая годовщина дня освобожденія крестьянъ, 1861 ¹⁹ февраля 1891 гг. Ред.	781—790

- XX. Къ запискамъ Н. А. Огаревой-Тучковой. (См. „Русская Старина“ изд. 1890 г., кн. октябрь).
Замѣтки и поправки. Сообщ. Н. А. Огарева-Тучкова. 503
- XXI. Погостъ Слауй. Поправка. Сообщ. А. С. Князевъ 226
- XXII. Арсеньевъ. Поправка. Сообщ. Ред. 226
- XXIII. Къ указателю личныхъ именъ „Русской Старины“ изд. 1890 г. Сообщ. Л. Савеловъ 227
- XXIV. Уставъ кассы взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. 504—510

Исторія русской литературы.

- I. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, стихотвореніе его, 1841 г. Сообщ. П. Труневъ. 280 и 502
- II. Николай Платоновичъ Огаревъ. Замѣтка. Сообщ. Г. А. Соколовъ. 503
- III. Николай Васильевичъ Гоголь: 1. Его письма къ гр. Александру Петровичу и къ графинѣ Аннѣ Егоровнѣ Толстымъ, 1844 — 1850 гг. Сообщ. Е. С. Некрасова 567—578
2. Портретъ Н. В. Гоголя, кисти профессора Ѳ. А. Моллера, 1841 г. Сообщ. П. М. Третьяковъ 225—226
- IV. Александра Осиповна Смирнова, рожденная Россетъ, род. 6-го марта 1809 г., † 7-го іюня 1882 г. Замѣтка къ ея портрету. 501—502
- V. Николай Ѳедоровичъ Щербина: эпиграммы, шутки, экспромты. 675—676 и 762 и 776
- VI. Петръ Александровичъ Плетневъ и Александръ Васильевичъ Никитенко, переписка, 1856—1857 гг. Сообщ. А. В. Плетнева, рожденная княжна Щетинина, и С. А. Никитенко 431—448
- VII. Николай Ивановичъ Костомаровъ въ 1817 — 1860 гг. Автобиографическій очеркъ 1860 г. Сообщ. И. С. Ремезовъ 483—490 и 776
- VIII. И. С. Тургеневъ и Т. Г. Шевченко: письмо И. С. Тургенева (1859—1860) къ А. А. Оболенскому. Сообщ. Н. А. Оболенскій 406

- IX. Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Отдѣлъ его въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Ред. . . 777—780
- X. Юлія Валеріановна Жадовская, стихотворенія ея. Сообщ. А. Кулешовъ 198
- XI. Надежда Дмитріевна Хвоцинская-Заіончковская, В. Крестовскій—псевдонимъ. Очеркъ В. И. Семеваго . . 449—465 и 227
- XII. Александръ Дмитріевичъ Градовскій, † 1889 г. Воспоминаніе-рѣчь А. Ѳ. Кони. . 199—208
- XIII. Василій Ивановичъ Семеваскій. Присужденіе ему императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ золотой медали за трудъ его: „Крестыанскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“. . . . 185—197
- XIV. Историческія пѣсни. Сообщ. Д. К. Морозъ . 221—222

Портреты.

- I. Портретъ цесаревича Константина Павловича съ рисунка, исполненнаго съ натуры въ день отступленія русскихъ войскъ изъ Варшавы, 19-го ноября 1830 г., гравироваль И. И. Матюшинъ. Рисунокъ сообщ. ген.-лейт. А. Ѳ. Лишинъ.
(При стр. 511).
- II. Портретъ Александры Осиповны Смирновой, рожденной Россетъ, 1845 г., гравироваль художникъ Г. И. Грачевъ.
(При стр. 229).
- III. Портретъ писательницы Надежды Дмитріевны Хвоцинской, по мужу Заіончковская, въ литературѣ псевдонимъ Крестовскій. Гравюра на мѣди, исполниль художникъ. Ѳед. Ив. Веревкинъ.
(При стр. 1).
- IV. Портретъ сенатора Дмитрія Дмитріевича Неелова, род. 1819 г., † 12-го марта 1890 г. Гравироваль художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 429).
-

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Исторія Россіи, соч. Д. И. Иловайскаго. Томъ III. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI вѣкъ. М., 1890 г., 717 стр. Сообщ. профес. В. С. Иконниковъ. (На оберткѣ I кн. „Русской Старины“ изд. 1891 г.).
2. Русско-историческая библиотека, изд. археографическою комиссіею. Т. XII. Сиб., 1890 г., 1480+126 столбд. Сообщ. профес. В. С. Иконниковъ. (Тамъ-же).
3. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссийской имперіи. Сост. гр. Александръ Бобринскій. Часть I (до конца XVI столѣтія). Часть II (отъ начала XVII столѣтія до 1885 г.). Сиб., 1890 г., 6. 8 д., стр. XXXVIII+756; XLII+797. (На оберткѣ II кн. „Русской Старины“ изд. 1891 г.).
4. Д. И. Эварницкій-Яворницкій. Вольности Запорожскихъ казаковъ. Историко-топографическій очеркъ. Съ прилож. трехъ картъ. Сиб., 1890 г., стран. 384. (Тамъ-же).
5. Д. И. Эварницкій. Публичныя лекціи по археологін Россіи. Сиб., 1890 г., стран. 74. (Тамъ-же).
6. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Изданіе А. Брикнера. Томъ III. Сиб., 1890 г., 6. 8 д., стран. XIII+660. (Тамъ-же).
7. Архивъ юго-западной Россіи, изд. комиссіею для разбора древнихъ актовъ, сост. при кievск., подольск. и волынск. ген.-губернаторѣ. Ч. V, т. II. вып. I и II. Кіевъ, 1890 г., стр. 239+1045. Сообщ. проф. В. С. Иконниковъ. (Тамъ-же).
8. Валеріанъ Майковъ. Критическіе опыты (1845—1847). Съ приложеніемъ портрета В. Н. Майкова и матеріаловъ для его біографіи и литературной характеристики.—Изданіе журнала „Пантеонъ литературы“. Сиб., 1891 г., 6. 8 д., стр. XLVII + 750. (На оберткѣ III кн. „Русской Старины“ изд. 1891 г.).
9. Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. И. Погодина. Книга четвертая. Сиб., 1891 г., 8 д., стр. VIII + 450. (Тамъ-же).
10. Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.—За 1890 годъ. Томъ первый. Сиб., 1890 г., стр. 324 + 64. (Тамъ-же).

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подъяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимает на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Гроссъ, Г.—Научная сторона экономической системы Карла Маркса. Переводъ и предисловіе Н. С. Рашковского. Одесса. 1890. Тип. „Одесскаго Листка“. 8°. 52 стр. 1,000 экз. Ц. 50 к.

Каменецкій, А. В.—Сборникъ рѣшеній гражданскаго и уголовнаго кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената за 1889 г., составленный въ алфавитномъ порядкѣ разрѣшенныхъ рѣшеніями Сената вопросовъ. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. Тип. Н. Лебедева. 8°. XIII + 60 + VII + 36 стр. Ц. 1 руб.

Кушинъ, А. О.—Систематическій сборникъ правительственныхъ постановленій и разъясненій о сборѣ при поступленіи на государственную службу и при увеличеніи содержанія состоящимъ на государственной службѣ лицамъ. Изданіе, разрѣшенное департаментомъ неокладныхъ сборовъ. Спб. 1891. Тип. В. Киришбаума. 8°. VIII+187 стр. Ц. 2 р.

Нолькенъ, А., бар.—Сводъ гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ, со включеніемъ измѣненій и дополненій по продолженію 1890 года. Изд. неофициальное книжнаго магазина Г. Шмигдорфа. Спб. 1891. Тип. Правит. Сената. 8°. 2 чен.+579+55 стр. Ц. 3 р. 50 коп.

Романовскій, А. П.—Систематическое руководство для полицейскихъ урядниковъ. Теоретическое и практическое пособіе, въ 3-хъ частяхъ. Изд. неофициальное. Херсонъ. 1890. Тип. О. Ходушиной. 8 д., 10+II+477+8 стр. Ц. 2 р.

Случевскій, В.—Учебникъ русскаго уголовного права. Спб. 1891. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., IX + 320 стр. 1.200 экз. Ц. 2 руб.

Толцыгинъ, М. А., инж.-техн.—Ежегодникъ по сахарной промышленности Россійской Имперіи за 1888—1889 гг. Вып. 2-й. Изд. кievскаго отдѣленія Императ. русскаго технического общества, при содѣйствіи департамента неокладныхъ сборовъ. Кіевъ. 1890. Тип. товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., стр. съ 127 по 430. Ц. за оба вып. 3 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Трищанъ, Б. В.—Настольная книга для податныхъ инспекторовъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Налоги, сборы и пошлины. Сост. по официальнымъ даннымъ до 1-го января 1891 г. Изд. неофициальное. Спб. 1891. Тип. С. Николаева и К°. 8°. XVI + 438 + XLVI стр. 2,400 экз. Ц. 2 руб.

Фесенко, И. О.—Къ вопросу о реформѣ городскихъ общественныхъ управленій. Въ 2-хъ частяхъ. Часть I. Харьковъ. 1890. Тип. „Южнаго края“. 8 д., 166 стр. Ц. 75 коп.

Алтай.—Историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія алтайскаго горнаго округа (съ портретомъ алтайскаго наследователя, покойнаго С. И. Гуляева). Изд. В. А. Г—ва. Подъ ред. П. Голубева. Томскъ. 1890. Тип. Михайлова и Макушина. 8 д., IV+II+436 стр. и 1 таблица. Ц. 2 руб. 50 к.

Земскій ежегодникъ за 1885 и 1886 гг. (Сводъ постановленій и другихъ данныхъ изъ журналовъ земскихъ собраній сессій 1885 и 1886 гг., отчетовъ управъ и проч.). Изд. Императ. вольнаго экономическаго общества подъ ред. Л. В. Ходскаго и при сотрудничествѣ К. Я. Загорскаго, Г. П. Сазонова и М. Д. Шидловскаго. Спб. 1890. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., X+531 стр. Ц. 4 р.

Справочная книга для полицейскихъ урядниковъ. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 3-е книжнаго магазина юридической литературы Д. Чичинадзе. Спб. Тип. Н. Лебедева. 8°. XXII + 247 + 3 ненум. стр., 1,200 экз. Ц. 1 р. 35 к.

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. (Комитетъ създовъ представителей учреждений русскаго земельного кредита). Изд. неофициальное, 3-е, дополнительное во 2-му изданію. Спб. 1890. Тип. В. Киршбаума. 8°. V+131 стр., 525 экз. Ц. 2 руб.

Веберъ, Георгъ.—Всеобщая исторія. Переводъ со 2-го изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ 2-й. Исторія эллинскаго народа. Перевелъ Андреевъ. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1891. Тип. В. Рихтера. 8 д., XVI + 954 + XLIX стр. Ц. 5 руб.

Витесскій, В. Н.—И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. Вып. 3-й. Казань. 1891. Тип. В. Ключикова. 8 д., XXIV+сб. 369 по 616 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Пуцыновичъ, Ѳ. Ѳ.—Русская исторія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Съ 39-ю портретами и 55-ю другими рисунками. Изд. 15-е, переработанное примѣнительно къ программамъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. книжнаго магазина П. Луковникова. Спб. 1891. Тип. „Товар. Обществ. польза“. 8°. 84 стр. 10,000 экз. Ц. 30 к.

Историческая портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г., съ краткими ихъ біографіями. Фототипія съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXXVII. Спб. 1891. Изд. и тип. А. Суворина. 4°. 7 листовъ фототипій и 7 стр. текста. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Воронежскій, А.—Иллюстрированная учебная географическая хрестоматія. Въ 3-хъ частяхъ. Часть 2-я: вѣд. - европейскія страны. Изд. 3-е дополненное. Д. Погобоаринова. Спб. 1890. Тип. Е. Евдокимова. 8°. 239 стр. 2,100 экз. Ц. 2 руб.

Покорни.—Общее землѣвѣдѣніе. Часть 3-я (последняя). Біологическая географія. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 143 политипажами въ текстѣ и 1-ю картою въ приложеніи. Изд. книжнаго магазина Н. Мамонтова. Москва. 1891. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 3 нен. + съ 321 по 629 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Путешествіе Стэнли для освобожденія Эмина-пашн. Съ 52 политипажами и портретами. Изд. А. Гарбель и К°. Москва. 1890. Тип. Мартынова. 8°. 270 стр. Ц. 75 к.

Бутковский, Ник.—О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата. (Практическія замѣтки командира роты). Томъ II. Изд. 2-е. Спб. 1891. Тип. Зинке и Фюсно. 8°. 140 стр. Ц. 85 коп., съ перес. 1 р.

Лурье, О. Д.—Гипнотизмъ. (Съ медицинскаго). Изд. центрального новороссійскаго книжнаго магазина. Одесса. 1891. Тип. „Одесскихъ Новостей“. 8°. 48 стр. Ц. 35 коп.

Труды геологическаго комитета. Т. IV, № 2. Общая геологическая карта Россiи. Листъ 138-й геологическiя изслѣдованiя сѣверо-западной части области 138 листа въ бассейнахъ рр. Чусовой, Бисерти и Уфы. *А. Штукенберга.* Спб. 1890. Тип. М. Стасюлевича. 4°. IV+115 стр. 550 экз. Ц. 1 р. 25 к.

— Томъ VIII, № 2. Аммониты нижняго волжскаго яруса. *А. Михайловскаго.* (Съ 13-ю таблицами рисунковъ). Вып. 1-й. Спб. 1890. Тип. М. Стасюлевича. 4°. X + 330 стр. 600 экз. Ц. за оба вып. 10 руб.

Bizzozzo, G. и **Firket, Ch.**—Руководство въ клинической микроскопiи. (Съ 246-ю рисунками въ текстѣ). Перевелъ съ 3-го просмотрѣннаго и исправленнаго франц. изданiя д-ръ М. В. Блюменау. Съ примѣчанiями проф. М. И. Аванасьева. Изд. журнала „Практическая Медицина“. Спб. 1890. Тип. Эттингера. 8 д., IV+546 стр. 500 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Борнгауптъ, Ф. К., проф.—Руководство къ хирургической патологiи и терапiи. Въ 2-хъ частяхъ. Съ 126-ю рисунками въ текстѣ. Часть II. Кiевъ. 1891. Тип. К. Милевскаго. 8 д., IV + 309 + XIV стр. Ц. за двѣ части 4 р. 50 к.

Боткинъ, С. П., проф.—Клиническiя лекцiи, читанныя въ Императ. военно-медицинской академiи въ 1885—1888 гг. Собраны и составлены врачами клиники В. М. Бородулиннымъ, В. Н. Сиротининымъ и М. В. Яновскимъ. Подъ редакц. проф. Боткина. Вып. III. Изд. К. Риккера. Спб. 1891. Тип. М. Стасюлевича. 8°. 178 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Fehling, H., d-r.—Физиологiя и патологiя родильнаго періода. Руководство для студентовъ и врачей. Съ 50-ю рисунками въ текстѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ С. З. Серебренниковъ. Изд. журн. „Практическая медицина“. Спб. 1890. 8°. 338 стр. 500 экз. Ц. 2 р.

Ненигъ, Ф., д-ръ.—Руководство къ общей хирургiи для врачей и учащихся. Третiй (заключительный) отдѣлъ. Переводъ съ

нѣмецкаго д-ра Д. Г. Фридберга. Изд. К. Риккера. Спб. 1891. Тип. Э. Гоппе. 8 д. XXIV+съ 543 по 1006 стр. Ц. 1 р. 80 к.

Соколовскiй, Н. А., врачъ.—Бѣлая-Церковь, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ медико-топографическомъ, статистическомъ и санитарномъ отношенiяхъ. (Материалъ для медицинско-топографіи и статистики Бѣлой-Церкви). Бѣлая-Церковь. 1890. Тип. М. Межибовскаго. 8°. III+74 стр. и 30 таблицъ. 300 экз. Ц. 1 р.

Профессоръ Кохъ, побѣдитель чахотки. (Извлеченіе изъ рѣчей проф. Коха). Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ А. Шульманъ. Одесса. 1891. Тип. „Экономическая“. 8°. 32 стр. 1,000 экз. Ц. 50 к.

Малеинъ, Н., мех.—Руководство къ опредѣленію числа зубьевъ въ колесахъ различныхъ токарныхъ станковъ для нарѣзки винтовъ и гаекъ, съ 6-ю таблицами. Одесса. 1890. Тип. П. Францова. 8°. 28 стр. Ц. 60 к.

Симоновъ, Л. Н., д-ръ.—Мебельный альбомъ, съ прибавленіемъ 5-ти рис. мозаики. Изд. 2-е. Спб. 1891. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 11 стр. и 35 таблицъ рисунковъ. 2,220 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Жуновскiй, Н.—Воздушное заводство. Практическiе совѣты о разведенiи фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ бустарниковъ. Съ 83 рисунками въ текстѣ и приложеніемъ очерка А. Волотовскаго: „Школьный питомникъ плодовыхъ деревьевъ“. Изд. 2-е, значительно дополненное. Ф. Павленкова. Спб. 1891. Тип. А. Траншеля. 8°. 136 стр. Ц. 60 к.

Гретманъ, Р.—Нѣмецкая хрестоматiя. Часть I. Для младшихъ и среднихъ классовъ. Изд. 3-е, исправленное, книжнаго магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лиссера и Ю. Романа. 8°. XII+231 стр. Ц. 75 к.

Мозеръ, П.—Руководство къ практическому изученію французскаго языка по связнымъ статьямъ, набраннымъ изъ

лучшихъ русскихъ авторовъ, для среднихъ и старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Москва. 1891. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 8°. VIII+102+96 стр. Ц. 80 к.

Радловъ, В. В.— Опытъ словаря турецкихъ нарѣчій. Вып. 4-й. Спб. 1890. Тип. академіи наукъ. 8 д. Стр. съ 961 по 1,280. Ц. 1 р.

Смуйе, К.— Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго на нѣмецкій, составленный по новой программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 8°. VII+144 стр. Ц. 50 к.

Фурманъ, Е.— Новѣйшій и полнѣйшій самоучитель живаго французскаго слова, или руководство въ самое непродолжительное время научиться, безъ посторонней помощи, хорошо читать, писать и говорить по французски. Сост. по новѣйшимъ и лучшимъ источникамъ. Изд. 8-е. Спб. 1891. 8°. 192 стр. Ц. 75 к.

Латинскій синтаксисъ въ изложеніи Дюгрэ, по методу, употребляемому въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи. Съ измѣненіями, примѣнительно къ русскому языку, перевелъ съ французскаго И. Сербовъ. Херсонъ. 1891. 8 д., VIII+368+XXI+63 стр., 400 экз. Ц. 1 руб. 20 коп.

Благовѣщенскій, С.— Сборникъ литературныхъ образцовъ въ стихахъ и прозѣ, для заучиванія наизусть въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, примѣнительно къ учебнымъ планамъ, утвержденнымъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 20-го іюля 1890 г. Калуга. 1890. 8°. IV+152 стр. Ц. 40 коп.

Брайловскій, С.— Василій Ивановичъ Туманскій. Биографическій и историко-литературный очеркъ, съ приложеніемъ ненаданныхъ произведеній поэта. Изд. журнала „Пантеонъ Литературы“. Спб. 1890. 8°. 48 стр. Ц. 50 к.

Манферсонъ, Дж.— Поэмы Оссіана. Из-

слѣдованіе, переводъ и примѣчанія Е. Балбановой. Изд. журнала „Пантеонъ Литературы“. Спб. 1891. 8 д., 371 стр. Ц. 3 руб.

Маврицій, В. А.— Сборникъ правилъ и подробныхъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія мужскія и женскія на 1891—1892 гг., составленный на основаніи данныхъ, непосредственно сообщенныхъ и опубликованныхъ начальствами учебныхъ заведеній. Изд. 4-е. Москва. 1891. 8°. VIII+486 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Ушинскій, К.— Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 2-й. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія, съ картинками въ текстѣ. Изд. 66-е. Спб. 1891. 8°. 164+IV стр. Ц. 35 к.

Бамина, С. Блуждающіе огошкы. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. Съ 44 картинками. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1861. Тип. А. Траншеля. 8 д., 215 стр. Ц. 1 р.

Гарнье, Э. Карлики и великаны. Съ 39 гравюрами въ текстѣ и картой путешествій Станлея. Изд. журнала „Наука и жизнь“. Москва. 1881, 8 д., стр. 309, Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Островскій, Н. Рассказы для дѣтей. Съ 10-ю рисунками. Спб. 1851. 8 д., стр. 338. Ц. 2 р.

Перси, Дж. Коралловый рифъ. Рассказъ съ англійскаго С. Снесоревой. Изд. 2-е. О. Траншеля, съ хромолитогр. рисунками. Спб. 1890. 8 д., 222+II стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Въ неведомыхъ мірахъ. Путешествіе на луну. Необыкновенныя приключенія русскаго ученаго. Спб. 1891. Изд. П. Софкина. 8 д. 420+VI. Ц. 2 р.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія. Съ портретомъ его и биографическимъ очеркомъ. Въ одномъ томѣ. Рублевое изданіе. Спб. 1891. Изд. Глазунова. 8 д. XVI+460 стр.

Нешировичъ-Данченко, Влад. Н. На литературныхъ хлѣбахъ. Москва. 1891. 16 д. 444 стр. Ц. 1 р. 25 к.

* **Барсуковъ**, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга четвертая. Спб., 1891 г., 8 д., стр. VIII+450. Ц. 2 р. 50 к.

* **Бертенсонъ**, I. В. Къ вопросу о горно-лѣсной климатической станціи на южномъ берегу Крыма. Спб., 1891 г., 8 д., стр. 36.

* **Врикнеръ**, А. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837 гг.). Т. IV. Спб., 1890 г., б. 8 д., стр. 408. Ц. 3 руб.

* **Вриліантъ**, С. М.—И. А. Крыловъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Съ портретомъ Крылова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. Спб., 1891 г., 16 д., стр. 85. Цѣна 25 коп.

* **Вейнбергъ**, Л. В. Очеркъ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губерніи. (Съ предисловіемъ и рисунками Е. Л. Маркова). Воронежъ, 1891 г. Ц. 1 р. 25 коп.

* **Всемирный языкъ «Эсперанто»**. Полный учебникъ съ двумя словарями. Варшава, 1890 г., 16 д., стр. 49. Ц. 10 коп.

* **Гарбель**, А. и К°. Настольный энциклопедическій словарь. Объясненіе словъ ко всеѣмъ отраслямъ знанія. Вып. 10-й (Бармень-Беза). 12 портретовъ и 17 рисунковъ въ текстѣ. Москва, 1891 г., стр. 48. Цѣна выпуска на простой бумагѣ 30 к., на лучшей—40 к.

* **Головщиковъ**, К. Д. Городъ Молога (Ярославской губ.) и его историческое прошлое. Изд. П. М. Подосенова. Ярославль, 1889 г. 16 д. стр. 72, цѣна 20 коп.

* **Головщиковъ**, К. Д. Городъ Пошехонье (Ярослав. губ.) и его уѣздъ. Изд. М. Е. Комарова. Ярославль, 1890 г., 8 д., стр. 46. Цѣна 30 коп.

* **Двадцатипятилѣтіе Пермскаго Убѣжище Дѣтей Больныхъ**. (1865—3 Ноября—1890). Пермь, 1891 г., ст. 8 д. стр. 14.

* **Santicum Santicorum** ex hebraeo convertit et explicavit Dr. Cajetanus Kossovicz. Petropoli, 1879 г., 8 д., стр. VIII+58.

* **Лисовскій**, Н. М. Къ вопросу объ организаціи библиографическаго труда. Спб., 1890 г., 8 д., стр. 14.

* **Звѣревъ**, С. Е. Древніе акты Воронежскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря. Рязань, 1890 г., 4 д., стр. 45. Изданіе Рязанской ученой архивной комиссіи.

* **Медиумическія матеріализаціи**. Переведено съ англійскихъ и американскихъ изданій Н. Петровымъ. Съ пятью фототипіями по негативу и фотографіямъ, полученнымъ въ Лондонѣ. Спб., 1891 г., 8 д., стр. 338. Ц. 3 р. 75 к.

* Этими знаками отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ Мих. Ив. Семейскаго („Русской Старины“), въ теченіе послѣдняго мѣсяца.

* **Наша періодическая печать въ 1891 году.** Алфавитно-предметный перечень повременныхъ изданій, выходящихъ въ Россіи. Изданіе Русскаго общества книгопродавцевъ и издателей. Спб., 1891 г., 8 д., стр. 94.

* **Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1889 годъ.** Спб., 1890 г., 4 д., стр. 245+69.

* **Приложеніе къ отчету департамента неокладныхъ сборовъ за 1889 годъ.** Спб., 1890 г., 4 д., стр. 274+267.

* **Отчетъ дирекціи Херсонской Общественной Библиотеки за 1890 годъ.** Херсонъ, 1891 г.

* **Отчетъ Общества вспоможенія студентамъ императорскаго с.-петербургскаго университета за 1890 г.** (основано 4-го ноября 1873 г.). Спб., 1891 г., м. 8 д., стр. 64.

* **Отчетъ (XVIII-й) Петровскаго (въ С.-Петербургѣ) обществѣ вспоможенія бѣднымъ.** Съ 1-го октября 1889 г. по 1-е октября 1890 г. Спб., 1890 г., м. 8 д., стр. 56.

* **Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго православнаго епархіальнаго братства во имя Пресвятыя Богородицы за 1889—1890 годъ.** (Шестой годъ существованія братства). Спб., 1890 г., м. 8 д., стр. 158.

* **Отчетъ о состояніи Великолуцкаго реальнаго училища за 1889—1890 учебный годъ.** (XIII годъ его существованія). Г. Великолуки, 1890 г., м. 8 д., стр. 42.

* **Отчетъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей, находящихся въ Бѣлой Палатѣ г. Ростова, Ярославской губерніи, за 1888—1889 гг.** Составленъ секретаремъ музея И. А. Шляковымъ. Москва, 1890 г., 8 д., стр. 29.

* **Повѣсти, сказки и рассказы Кота-Мурлыки.** Томъ II (второе изданіе), III, IV, V. Спб., 8 д. Цѣна каждаго тома 1 р. 75 коп. Второй томъ печатается вторымъ изданіемъ и выйдетъ въ концѣ марта 1891 года.

* **Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдѣнію православнаго исповѣданія Россійской Имперіи.** Т. VII. 19-го января 1730 по 23-е декабря 1732 г. Спб., 1890 г., 6. 8 д., стр. 24+654+5+56. Ц. 2 руб., на веленовой бумагѣ 2 руб. 40 коп.

* **«Помощь самообразованію».** Популярно-научный и литературный иллюстрированный журналъ, издаваемый и редактируемый А. С. Тельнихинымъ. 1-й № журнала и 3-й отъ начала изданія. Спб., 1891 г., 8 д., стр. 346.

* **Пудавовъ, М. В. «Исторія Войска Донскаго и старобытноначаль Казачества».** Сочиненіе Василія Михайловича Пудавова.

Съ приложеніемъ портрета автора. Выпускъ первый. Новочеркасскъ, 1890 г., 8 д., стр. 326. Ц. 3 р. 50 коп.

* *Revue d'histoire diplomatique*, publié par les soins de la Société d'Histoire Diplomatique. Cinquième année. № 1: Paris, 1891, pages 160.

* **Свѣтъ Азіи** (The light of Asia). Поэма Эдвина Арнольда. Переводъ А. Анненской, подъ редакціей В. Лесевича, съ его предисловіемъ и введеніемъ, редактированнымъ имъ же. Спб., 1890 г., 8 д., стр. СIII+238. Ц. 2 р.

* **С.-Петербургскій городской сиротскій домъ**, въ память совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Цесаревича, 6-го мая 1884 г. Съ рисунками и планами. Спб., 1891 г., стр. 28.

* **Столыпинъ, Д. А.** Нѣсколько словъ о классификаціи наукъ О. Конта. Москва, 1890 г., 8 д., стр. 13.

* **Титовъ, А. А.** Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири. Издавъ Г. Юдинъ. Москва, 1890 г., 8 д., стр. XI+216+XXII.

* **Чичаговъ, Л. М.** Медицинскія бесѣды. Первая и вторая части. Москва, 1891 г., стр. 680. Цѣна 3 рубля.

* **Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ.** 1890 годъ, книга 3-я. (154-я). Издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. Москва, 1890 г., 6. 8 д. Цѣна 2 р.

* **Энциклопедическій словарь**, подъ редакціей профессора И. Е. Андреевскаго. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (Спб.). Томъ II-й: Ауто-Банки. Спб., 1891 г., 8. д., стр. 475. Цѣна 3 рубля въ переплетѣ.

* **Өирсовъ, Н. А.** Памяти Петра Дмитриевича Шестакова. Мысли его объ общественномъ воспитаніи въ Россіи вообще и о просвѣщеніи инородческаго населенія сѣверо-восточной Россіи въ частности. Казань, 1891 г., 8 д., стр. 20. Цѣна 25 коп.

По желанію и заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетѣ Цѣна переплетовъ: шажреневый съ каленкоромъ—80 коп., сафьяннокоршковый—50 коп.

 Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются Магазиномъ «Русской Старины» (Мух. Ин. Семеvскаго) безъ малѣйшаго замедленія.

Дворяне Савеловы.

[Приглашеніе о присылкѣ матеріаловъ].

Собирая матеріалы для составленія исторіи дворянской фамиліи Савеловыхъ, я покорнѣйше прошу лицъ, имѣющихъ какія бы то ни было бумаги и вообще свѣдѣнія, касающіяся этой фамиліи, не отказать въ сообщеніи ихъ мнѣ; также надѣюсь, что члены фамиліи не откажутъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи.

Всѣ, присланныя мнѣ, бумаги будутъ возвращены въ полной сохранности.

Леонидъ Михайловичъ Савеловъ.

Москва. Новинскій бульваръ, д. № 109.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ ПЕРВЫЙ ТОМЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ“,

сборника Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Цѣна 2 р. 50 к. (складъ при типографіи М. М. Стасюлевича. С.-Петербургъ, Вас. островъ, 5 линія, д. 28.)

Содержаніе: Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки, Н. И. Карѣева. Новѣйшія работы по исторіи французской революціи, его же. Къ вопросу о внѣшней политикѣ Швеціи въ 30-лѣтнюю войну, Г. В. Форстена. Маколей какъ историкъ, П. Д. Погодина. Философія, исторія и теорія прогресса, Н. И. Карѣева. Новые явленія въ области разработки древнегреческой исторіи, А. И. Покровскаго. Обзоръ современнаго состоянія польской исторіографіи, А. И. Павинскаго. Новые труды по вопросу о земельной собственности во франкскомъ государствѣ, С. Л. Степанова. Иностранные историческіе журналы, Н. К. и Г. Ф. Историческая хроника: Историческое преподаваніе въ русскихъ университетахъ. Конкурсныя темы по исторіи и „оставленные при университетахъ“. Ученыя общества. Историческое преподаваніе на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Петербургѣ. Публичныя лекціи по исторіи въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Историческіе диспуты въ 1890 г. Исторія въ гимназіяхъ по новому учебному плану. Новые историческіе труды. Изъ историко-философской литературы за послѣднее время. Историческое Общество при Петербургскомъ Университетѣ въ 1890 г.

Историческій очеркъ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890 г.). По официальнымъ даннымъ составилъ И. О. Павловскій. Полтава, 1890 г., 8 д., стран. 113. Ц. 1 р. 50 к.

Празднованіе полулѣтнихъ юбилеевъ тѣхъ или другихъ учреждений уже тѣмъ весьма полезно, что оно даетъ поводъ къ составленію очерковъ исторіи и вообще обзоровъ бытія и дѣятельности таковыхъ учреждений, а при небрежности въ храненіи архивовъ, обобщеніе свѣдѣній по увѣзвшимъ документамъ и появленіе таковыхъ обзоровъ въ печати является дѣломъ не только полезнымъ, но и существенно необходимымъ. Названная выше книга, при всей скудости архивныхъ свѣдѣній, такъ какъ архивъ корпуса до 1860-хъ годовъ оказался въ крайнемъ безпорядкѣ до того, что связями бумагъ въ то столь неотдавленное отъ насъ время, какъ гласить преданіе, топили въ Полтавѣ печи, заботливо наполнена авторомъ ссылками и указаціями на оофициальныя бумаги и хотя немногими, но цѣнными воспоминаніями питомцевъ корпуса различныхъ періодовъ; въ этомъ отношеніи послужила автору и «Русская Старина», помѣстивъ «Воспоминанія стараго учителя Зайцева» 1887 года, кн. 6-я, а въ майской книжкѣ изд. 1890 года вполне интересный очеркъ: «Воспоминанія Картавцова (вып. 1859 г.) о пребываніи въ Полтавскомъ корпусѣ» и, кромѣ того, г. Павловскій имѣлъ въ виду различный матеріалъ, появившійся преимущественно въ историческихъ изданіяхъ.

Пересмотрѣвъ трудъ И. О. Павловскаго, мы находимъ, что онъ вполне удовлетворяетъ той скромной задачѣ, каковую имѣлъ составитель, а именно: «дать справочную книгу для заведенія, если-бы кто пожелалъ оглянуться на прошлое и почерпнуть изъ него что-либо полезное», а вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій трудъ является хорошимъ матеріаломъ для исторіи военно-учебнаго дѣла. Всѣхъ окончившихъ курсъ въ полулѣтнее существованіе Полтавскаго кор-

пуса было 1,975 человекъ; изъ нихъ довершили высшее образованіе въ академіяхъ 123 человекъ; генеральскихъ чиновъ достигло 30 человекъ и командующихъ отдѣльными частями 45 человекъ; вышло изъ заведенія до окончанія курса — 1,520 человекъ.

Энциклопедическій Словарь, подъ редакціей профессора И. Е. Андреевскаго. Томъ II. Араго-Аутка. Спб., стр. 478. 8 д. Томъ II, а. Ауто-Банки. Спб., 1891 г., стр. 479—954, 8 д. (Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (Спб.)). Цѣна каждого полутома 3 руб. въ переплетѣ.

Повременная печать уже отиѣтила тѣ улучшенія, которыя весьма замѣтны какъ по отношенію къ составу названныхъ выпусковъ Энциклопедическаго словаря; такъ и вообще по редакціи этого справочнаго изданія. Подобныя статьи, какъ «Архивовѣдѣніе», «архивы», «архитектура», «астрономія», «археологія», «археографическія комиссіи», «археологическія общества и съѣзды», превосходная и обширная статья «банки», стр. 885—946, въ высшей степени интересная статья съ рисунками «бактеріи» и множество другихъ являются статьями вполне самостоятельными, составленными специалистами съ отличнымъ знаніемъ дѣла. Очень хороши всѣ статьи и замѣтки, относящіяся до военной исторіи и русскихъ военныхъ дѣятелей—ихъ составляетъ также отличный знатокъ этихъ предметовъ. Изданіе сопровождается, прямо сказать, роскошными рисунками, чертежами и картами. Напрямь, въ вышеназванныхъ выпускахъ читатель найдетъ, между прочимъ, карту Архангельской губерніи, достопримѣчательности города Архангельска, чертежи и виды зданій въ статьѣ «архитектура» (Берлинъ, Вѣна, Лондонъ, Парижъ); изображенія ассирійскихъ древностей; видъ Астрахани; нѣсколько превосходныхъ картъ Африки, изображенія африканскихъ племенъ, карты Балканскаго полуострова, Бакинской губерніи, виды Аеона; отличные рисунки къ превосходной статьѣ русскаго ученаго г. Брандта «бабочки» (601—612)

и прочее. Статьи, имѣющія отношенія къ Россіи, разработаны особенно обстоятельно. Въ спискѣ сотрудниковъ мы встрѣчаемъ 26 профессоровъ, прочія лица также специалисты по тѣмъ предметамъ, по которымъ они составили и составляютъ статьи для этого словаря. Итакъ «Русская Старина» была правъ, вполне радушно встрѣтивъ появленіе этого изданія. Мы твердо увѣрены, что не пройдетъ 2-хъ лѣтъ, какъ все количество экземпляровъ этого словаря (если не ошибаюсь 10,000 экз.) сполна разоидется.

Исторія Войска Донскаго и старобытность началъ казачества. Сочиненіе Василія Михайловича Пудавова. Съ приложеніемъ портрета автора. Издалъ М. В. Пудавовъ. Выпускъ первый. Новочеркасскъ, 1890 г., стран. 326. Цѣна 3 р. 50 к.

Составитель книги полковникъ Пудавовъ (род. 1804 года, † въ 1863 году) посвящалъ своему историческому труду болѣе 20-ти лѣтъ; родину свою, Донской край, онъ зналъ превосходно, служилъ въ немъ постоянно, былъ образованъ даже научнымъ образомъ и немало писалъ и печаталъ въ разныхъ журналахъ о Донскомъ край. Къ сожалѣнію, этотъ трудъ лишь только въ нѣкоторой его части подготовленъ былъ къ печати, значительнѣйшая его доля сохранилась лишь въ черновомъ видѣ. За всѣмъ тѣмъ для исторической литературы Донскаго края эта книга является вполне солиднымъ приобретеніемъ, въ особенности потому, что она почти цѣликомъ посвящена древнѣйшему періоду въ исторіи земель и народовъ Донскаго края, нерѣдко приводить свидѣнія изъ первоисточниковъ, т. е. изъ архивныхъ матеріаловъ и лѣтописей. Первый выпускъ оканчивается событіями начала XVII вѣка. Книга не блещетъ изложеніемъ, это кропотливый и весьма интересный сводъ историческихъ свидѣній, причемъ послѣднія главы основаны, главнымъ образомъ, на «Исторіи государства російскаго» Карамзина. Желательно видѣть въ печати второй и послѣдующіе выпуски этого посмертнаго труда.

Коховскій, Всев. Порф. Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ 1889—1890 учебномъ году. Спб., 1890 г., 8 д., стран. 355. Ц. 1 р.

Дѣятельность этого учрежденія, въ особенности въ послѣдніе годы, приняла до того значительные размѣры и столь плодотворна, что для обозрѣнія оной за одинъ лишь 1889—1890 учебный годъ понадобилась объемистая книга. Составлена эта книга нѣсколькими специалистами подъ непосредственной редакціей директора этого музея Вс. П. Коховскаго. Чтобы имѣть хотя слабое понятіе о томъ значеніи, какое вполне справедливо приобрѣлъ Педагогическій музей въ ряду въ высокой степени образовательныхъ учреждений С.-Петербурга, приведемъ изъ отчета слѣдующую выдержку: «Съ 1870 года, т. е. со времени учрежденія при музеѣ учебно-воспитательнаго комитета, развивающагося нынѣ на 11 специальныхъ отдѣловъ, въ музеѣ состоялось: засѣданій — 1,958; публичныхъ лекцій и научныхъ бесѣдъ—1,115; чтеній для народа, для солдатъ и для воспитанниковъ учебныхъ заведеній—1,065; уроковъ на пособіяхъ музея — 137,756; музыкальныхъ собраній—166; народныхъ церковныхъ свѣковъ (за послѣдніе 2½ года) — 301; рассмотрѣно текстовъ народныхъ и солдатскихъ чтеній—1,068; изъ нихъ принято для аудиторіи—228; а изъ послѣднихъ напечатано—160, въ количествѣ 1.295,000 брошюръ и 2,000 экземпляровъ книгъ. Составлены и напечатаны учебники граммоты для молодыхъ солдатъ въ количествѣ 115,000 экземпляровъ и наставленіе къ сему учебнику въ 25,000 экземплярахъ. Аудиторіи и классы музея посѣтило въ сложности 1.334,513 человекъ».

Очеркъ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губерніи. Л. Б. Вейнберга. (Съ предисловіемъ и рисунками Е. Л. Маркова). Воронежъ 1891 г., стр. 98. Въ листъ. Ц. 1 р. 25 к. Изданіе въ пользу Воронежскаго дѣтскаго пріюта.

Провинціальная Россія все болѣе и болѣе обогащается изданіями, знакомящими

любопытныхъ людей съ исторіей, статистикой, археологіей и этнографіей различныхъ областей нашего необъятнаго отечества; послѣднее же время выдвигаются и иллюстрированныя изображенія достопримѣчательныхъ мѣстностей въ нашихъ провинціяхъ. Вышеназванный очеркъ представляетъ весьма хорошей альбомъ памятниковъ Воронежской старины. Тутъ и предисловіе о значеніи историческихъ древностей Евгенія Львовича Маркова, известнаго русскаго романиста и автора талантливыхъ путевыхъ очерковъ, и шестнадцать божко набросанныхъ имъ же рисунковъ, которые очень хорошо, по отношенію къ средствамъ провинціальной литографіи, отпечатаны съ камней и еще лучше объяснены Леонидомъ Борисовичемъ Вейнбергомъ, известнымъ трудолюбивымъ изслѣдователемъ Воронежскаго края.

Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770 — 1837). Изданіе Д. Брикнера. Томъ IV. Часть 2-я. Дипломатическая дѣятельность въ Берлинѣ, 1797 — 1799 гг. Главы V, VI (январь — сентябрь). 1799. Спб. 1890 г., въ 8 д., стр. XII+408. Ц. 3 р.

Если обработка матеріаловъ къ исторіи второй половины XVIII вѣка встрѣчаетъ у насъ еще нѣкоторыя затрудненія, то изданія матеріаловъ сырыхъ не только уже за время Екатерины II, но и по отношенію къ весьма характерной эпохѣ Павла Петровича дѣлаютъ значительные успѣхи. Еще недавно мы возвѣстили о выходѣ въ свѣтъ III-го тома „Бумагъ гр. Н. П. Панина“, а предъ нами уже четвертый томъ этого изданія, выполняемаго подъ редакціей замѣчательно трудолюбиваго историческаго писателя—профессора Дерптскаго университета А. Г. Брикнера.

Первенствующее мѣсто въ этой перепискѣ занимаетъ самъ Панинъ, Никита Петровичъ, а затѣмъ императоръ Павелъ, князь Кочубей, Семенъ Воронцовъ, графъ Гаугвицъ, а затѣмъ слѣдуютъ разные иностранные дипломаты и прочія лица. Вся корреспонденція ведена на французскомъ

языкѣ, на каковомъ она и издана безъ перевода, да въ немъ едва-ли есть и необходимость, такъ какъ этого рода сборники суть первоисточники для будущихъ историковъ и вообще изслѣдователей того времени, къ которому относятся входящіе сюда матеріалы. Матеріаль очень любопытный и появленіе его въ свѣтъ само собою приближаетъ время, когда царствованіе Павла Петровича сдѣлается достояніемъ историческихъ изслѣдованій.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Выпускъ 3-й. (Гл. XIII—XX). Съ прилож. литографиров. вида съ иконостаса походной церкви Воскресенія Христова, сдѣланнаго по рисунку Петра Великаго и подареннаго имъ своему крестнику калмыцкому тайшѣ Баксадай-Дорджи, а по крещеніи Петру Петровичу Тайшину. Казань. 1891 г., 6. 8 д., стр. XXIIV+369—616. Ц. 2 р. 50 к.

Отличный трудъ В. Н. Витевскаго продолжается; въ третьемъ выпускѣ этой монографіи авторъ обозрѣваетъ, между прочимъ, Уфимскую провинцію до включенія ея въ составъ Оренбургской губерніи, присоединеніе башкирцевъ къ Московскому государству и различныя мѣропріятія правительства по отношенію къ нимъ; ярко обрисовываются отношенія Неплюева къ инородцамъ Уфимской провинціи и его заботы объ улучшеніи ихъ быта. Очень интересенъ рассказъ о волненіяхъ мещеряковъ, тептярей и бобылей въ Уфимской провинціи. Исетская провинція со времени ея учрежденія обозрѣна не менѣе обстоятельно по отношенію къ ея природѣ, населенію первыхъ русскихъ колонизаторовъ, указано при этомъ значеніе въ дѣлѣ колонизаціи монастырей; очерчена колонизаціонная дѣятельность Неплюева вообще въ Оренбургскомъ край. Въ сжатомъ, но не менѣе любопытномъ очеркѣ (гл. XVII) читатель монографіи знакомится съ калмыками съ самаго начала сближенія ихъ съ русскими, съ устройствомъ быта калмыковъ, распространеніемъ между ними

христіанства, съ заботами о ставропольскихъ калмыкахъ Татищева и другихъ лицъ до Неплюева включительно и до бѣгства калмыковъ уже послѣ Неплюева въ Китай и проч. и проч.

Настоящая монографія, подобно первымъ двумъ, отличается внимательнымъ изученіемъ источниковъ какъ печатныхъ, такъ въ особенности архивныхъ. Являясь, такимъ образомъ, первоисточникомъ, историческая монографія г. Витевскаго несомнѣнно сослужить добрую службу не только для удовлетворенія любознательности образованнаго общества, но дастъ немало руководящаго матеріала для правительства и его представителей въ порубежныхъ областяхъ европейской и азіатской Россіи, въ мѣропріятіяхъ этихъ лицъ и въ выработкѣ законоположеній по отношенію въ особенности къ инородческому населенію. Тѣ многочисленныя ошибки, каковыя дѣлали въ текущемъ столѣтіи нѣкоторые изъ генералъ и просто губернаторовъ Оренбургскихъ въ ихъ якобы заботахъ о вѣренномъ краѣ, во многомъ проистекали отъ малаго знакомства съ его исторіею.

Трудъ г. Витевскаго—отличный вкладъ въ область государственныхъ знаній по отношенію къ одной изъ значительной части Восточной Россіи. Не надо, однако, забывать, что подобный весьма серьезный трудъ можетъ разойтись лишь въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, а потому весьма желательно, дабы безкорыстный и неутомимый труженникъ-составитель этой обширной монографіи нашелъ, для изданія своего послѣдняго 4-го выпуска, поддержку или со стороны правительства, или со стороны отдѣльных ревнителей упроченія и развитія знаній въ нашемъ отечествѣ, подобно тому, какъ г. Витевскій имѣлъ счастье вызвать поддержку къ изданію первыхъ двухъ выпусковъ.

Въ послѣднемъ, четвертомъ, выпускѣ автору, какъ онъ заявляетъ, предстоитъ рассмотретьъ, между прочимъ, отношенія

Неплюева къ Киргизъ-Кайсацкимъ ордамъ, заботы его о промышленности и торговлѣ въ Оренбургскомъ краѣ и, наконецъ, изложить служебную дѣятельность Неплюева въ предѣлахъ Оренбургскаго края и частную его жизнь до кончины († 11-го ноября 1773 года).

Нижегородскій Сборникъ, издаваемый Нижегородскимъ Губерн-Статистич. Комитетомъ подъ редакціею дѣйствительнаго члена и секретаря комитета А. С. Гацискаго. Томъ X. Нижній-Новгородъ. 1890 г., б. 8 д., стр. VI+672+XIX. Ц. 1 р. 50 к.

Въ этой книгѣ, редактированной неутомимымъ изслѣдователемъ Поволжья, соединены, между прочимъ, весьма интересныя свѣдѣнія о кустарныхъ промыслахъ Нижегородской губерніи въ Макарьевскомъ и Сергачскомъ уѣздахъ. Тутъ же читатель найдетъ любопытныя статьи о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, народныя пѣсни въ Нижегородскомъ уѣздѣ, и очень дѣльную и весьма интересную статью В. И. Снѣжневскаго: „Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и XIX столѣтій“ (стр. 517—595), составленную по подлиннымъ дѣламъ мѣстныхъ архивовъ, каковыя дѣла собраны въ историческомъ архивѣ Ниж., ученой архивной комиссіи.

Редакторъ „Сборника“ доводя до свѣдѣнія читателей, что настоящій десятый томъ является послѣднимъ, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ для продолженія „Сборника“, издававшася съ 1867 года, счелъ полезнымъ перепечатать все свои предисловія къ первымъ девяти томамъ, что знало безъ малаго сотню страницъ. Если это объясняется тѣмъ, что первые 9 книгъ сполна разошлись, то остается радоваться успѣху этого провинціального изданія. Къ книгѣ приложены карты и вообще, на всемъ этомъ изданіи лежатъ печать опытности, знанія и любви къ своей родинѣ почтеннаго А. С. Гацискаго, много ей послужившаго и доселѣ для нея же неутомимо трудящагося. Ред.

изъ археографической экспедиціи. Невѣріе скептиковъ въ древность Остромира евангелія... Зарожденіе дѣателей сороковыхъ годовъ. Герценъ и Станкевичъ—главы студенческихъ кружковъ. К. С. Аксаковъ и Вѣличскій... Сближеніе Погодина со славянскимъ міромъ. Пушкинъ издаетъ «Современникъ»... Чаадаевская исторія» и проч., и проч.

Мы выхватили лишь нѣкоторыя указанія изъ перечня содержанія просмотрѣнныхъ нами 69 главъ, вошедшихъ въ эту книгу. Интересъ ея, повторяемъ, большой. Едва-ли не лучшіе годы изъ жизни неутомимаго профессора, журналиста, писателя-историка и публициста оживаютъ предъ нами. Вереница лицъ, такъ или иначе отъѣвшихъ себя въ исторіи русскаго образованнаго общества, предъ нами, — матеріалъ богатый. Книга Н. П. Барсукова, несомнѣнно, займетъ мѣсто въ числѣ первоисточниковъ не только по отношенію къ будущей біографіи такой крупной личности, какъ М. П. Погодинъ, но именно къ исторіи русскаго общества въ области лучшаго проявленія его жизни, въ сферѣ умственныхъ интересовъ. Намъ остается повторить наши пожеланія, какія мы высказывали въ виду первыхъ трехъ томовъ труда Н. П. Барсукова, дабы онъ шелъ безъ помѣхи и доведенъ былъ до конца.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.—За 1890 годъ. Томъ первый. Спб., 1890 г., стр. 324+64. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Группа профессоровъ спб. университета съ профессоромъ Н. И. Карѣвымъ во главѣ основала, въ 1889 году, подъ сѣнью университета историческое общество. Общество это быстро привлекло сочувствіе многихъ и радушно соединило въ своей средѣ уже теперь безъ малаго до 200 членовъ. Засѣданія ⁴⁾ его въ университетѣ усердно посѣщаются и стариками, и юношами; на этихъ засѣданіяхъ нерѣдко читаются весьма интересные рефераты, которые вызываютъ оживленный обмѣнъ мыслей. Съ энергіею молодое общество приступило къ изданію своего органа, и предъ нами первый томъ его сборника. Выписываемъ содержаніе перваго отдѣла этой книги: Н. И. Ка-

рѣевъ, Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки. Н. И. Карѣевъ, Новѣйшія работы по исторіи французской революціи. Г. В. Форстенъ, Къ вопросу о внѣшней политикѣ Швеціи въ 30-лѣтнюю войну (отношенія къ Франціи). П. Д. Погодинъ, Маколей какъ историкъ. Н. И. Карѣевъ, Философія, исторія и теорія прогресса. А. И. Покровский, Новыя явленія въ области разработки древне-греческой исторіи. А. И. Павинскій, Обзоръ современнаго состоянія польской исторіографіи. С. Л. Степановъ, Новые труды по вопросу о земельной собственности во франкскомъ государствѣ. Н. Ф. и Г. Ф., Иностраные историческіе журналы. — Историческая хроника... Въ эту последнюю вошли, между прочимъ, извѣстія объ историческомъ преподаваніи; о публичныхъ лекціяхъ по исторіи; объ историческихъ диспутахъ въ 1890 году; о новыхъ историческихъ трудахъ и проч.

Все это живо, все это вполне интересно, все это вполне полезно для упроченія и развитія историческихъ знаній не только въ Петербургѣ, но и во всемъ нашемъ отечествѣ; не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать полный успѣхъ этому обществу, въ члѣхъ котораго стоятъ группа даровитыхъ и всесторонне научно образованныхъ поборниковъ науки, бѣлая часть которыхъ занимаетъ кафедры въ здѣшнемъ университетѣ. Богатое умственными силами, это общество пока еще имѣетъ почти пустую кассу, но это не должно и не можетъ его смущать. Мы твердо увѣрены, что русская читающая публика, въ которой уже такъ сильно развита любовь къ исторіи, поддержать подпискою изданіе сборника помянутаго историческаго общества; а независимо отъ сего мы усматриваемъ вполне также естественный источникъ къ усиленію матеріальныхъ его средствъ въ нижеслѣдующемъ: въ средѣ молодыхъ людей—студентовъ, являющихся теперь лишь какъ слушатели на интересныя засѣданія этого общества (учащіеся не могутъ быть дѣйствительными членами общества), явится современемъ, по окончаніи ими университетскаго курса, сильный контингентъ дѣйствительныхъ членовъ этого учрежденія, причемъ тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ матеріальными средствами, поддержать своими пожертвованіями плодотворную для науки дѣятельность общества.

⁴⁾ Первое засѣданіе было 26-го ноября 1889 года.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1891 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К^о).

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

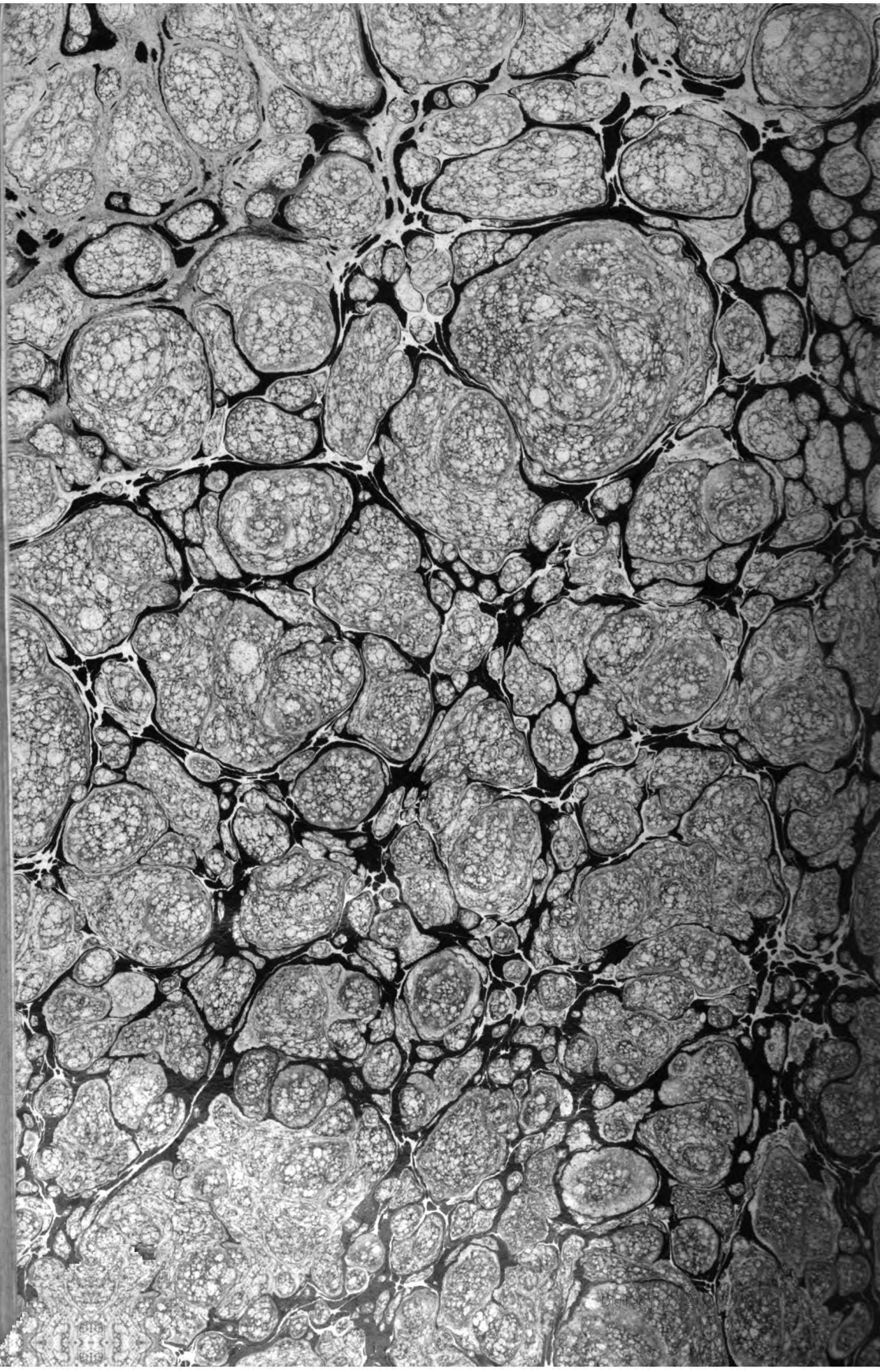
Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (21 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (70 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (37 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (35 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (17 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (75 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (66 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (74 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (99 экз.) съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

3 0000 108 520 317

